СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

№ 3
2025

DOI 10.34823/SGZ.2025.3.52065

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ван Лина. Влияние видеофиксации на распространение обрядовой традиции маньчжурских шаманских жертвоприношений 7

Гененко О.Н., Семченкова И.В., Кущенко Е.С., Верченко А.Р. Социокультурное пространство малого города как ресурс досуговой активности молодежи 10

Гон Чжэн. Социальные вызовы и перспективы развития умных городов в контексте общественных услуг 15

И Вэйян. Анализ характеристики Паши Антипова в фильме «Доктор Живаго» 20

Ирдуганова Е.Б., Щека Н.Ю. Актуальные проблемы членов семей военнослужащих участников СВО 23

Лисицына И.А. Социально-культурная значимость научных библиотек России 27

Лысенко П.Н., Виноградова Н.С. Четвертый год спецоперации на Украине. Социологическое исследование восприятия СВО молодежью Московской области (2025 год) 31

Матвеева Е.Ю., Карпенко П.К. Национальная технологическая инициатива: понятийный аппарат 37

Наджафов Э. Социально-философские аспекты экологического образования: на примере охраны окружающей среды 42

Палагина В.Б. Цифровая культура и ее влияние на социальную структуру общества: роль блогеров 46

Пономарева О.В. К вопросу об оптимизации преподавания русского языка в техническом вузе 51

Сюэ Сяохань. Анализ пути к возрождению китайской традиционной культуры на основе «уверенности в культуре» 56

Тихонов К.А. Определение социального неравенства с помощью кривой Лоренца и индекса Джини 60

Чжан Ифань. Исследование готических элементов в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда» 63

Чжан Синьсинь, Ван Ган. Анализ явления лексической лакунарности, вызванного различиями в представлениях о культуре питания России и Китая 70

Чжао Ваньюй. Медиаглобализация и изменение роли журналиста в современном информационном обществе 74

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.03.2025 *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Шукшина Л.В., Майорова М.А. Взаимосвязь потребности в одобрении и приверженности к нормам женского поведения у женщин 78

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Балобанова Н.П., Быстрова И.В. Восприятия сотрудниками типа темперамента руководителя 83
Гостенина В.И., Гузеев А.Н., Мельников С.Л. Социологические инструменты оценки конкурентоспособности управляющей компании в муниципалитетах..... 86
Исмаил Виссам Васим. Социальное управление и механизмы социального регулирования в контексте социальной ответственности и устойчивого развития в нефтегазовой отрасли 92
Кальмуцкий В.О., Ильиных С.А. Выявление структуры социальных отношений футбольных арбитров в системе спорта: на примере теории поля П. Бурдьё 97
Камнева Е.В., Симонова М.М. Социальное и психологическое благополучие работников с нестабильной занятостью..... 103
Сережко Т.А., Кохан Ж.С., Кохан Д.А. Жизненные стратегии молодежи как ресурс инновационного развития приграничного региона 107
Кочетков В.В., Ли А.В. Демографические изменения и влияние миграции на численность и состав населения Дальнего Востока 111
Крупенков В.В. Становление понятия «риск-культура» в зарубежной и отечественной научной практике: социологические и корпоративных подходы 116
Крутько Е.А., Безматерных Н.А. Психоэмоциональная устойчивость преподавателей иностранного языка как фактор эффективности профессиональной деятельности..... 121
Москвин Л.Б. Социально-политическая реальность в период проведения Россией СВО на Украине 127
Поляков К.Г. Аналитика больших данных в управлении: социологический анализ влияния на процессы принятия решений 133
Романовский Г.А. Современные механизмы трансляции культуры: аспект государственного и муниципального управления..... 139
Ушаков Е.В. Трансдисциплинарные проекты городского развития: сущность и основные проблемы 143
Фокин С.А. Проектная деятельность в образовании: результаты внедрения, влияние. Количественный анализ восприятия проектной деятельности на примере студентов университетов Дальнего Востока..... 147
Хомяков Д.В., Печерица Е.В. Влияние взаимодействия сотрудников в системе социальных сетей на структуру самоуправления организации 150
Ци Сюэ, Миняжев Т.Р. Роль государственного регулирования в социальном управлении высшими учебными заведениями: сравнительный анализ России и Китая..... 154
Бельский В.Ю., Золкин А.Л. Лингвистический поворот в русской философии: имя, символ, культура.. 158
Васюков Р.В. Контуры бюрократического будущего: социально-философский анализ 164
Денисов А.А. Сущностные характеристики института старчества: социально-философский анализ 170
Зверков Н.В. Неоязычество: латентные угрозы религиозного экстремизма 175
Зимовец Л.Г., Худайберганова М.Д. Интеллектуальные традиции Запада и России: сравнительный анализ 180
Зубов В.В., Филиппов А.Р. Перспективы развития социокультурных матриц в контексте философии банковской деятельности..... 183
Зверков Н.В. Экзогенные факторы религиозного экстремизма: социально-философский дискурс..... 187
Коготыжева А.К., Атабиева З.А., Азаматова Г.К. Интеграция искусственного интеллекта в образование и его влияние на потенциал будущего молодежи региона через социально-философскую призму 191
Мазаева М.М. Атмосфера и амбьянс: концептуальное различение понятий 196
Ветошко А.Н., Емельяненко В.Д., Малашенко И.В., Матаков К.А. Влияние цифровой среды на систему аксиологических оснований личности в условиях обучения в вузе: на примере преподавания курса «Основы российской государственности» 199
Матвеева Я.В. Государство: становление, развитие, угасание..... 205
Пичугин В.Г. «Конец Истории» и коммуникативные революции: влияние на историческое сознание общества..... 211
Мочалов Е.В., Зверков Н.В., Селезнев А.М. Концепт «священная война»: философский дискурс 215
Серегина Т.Н. Общественное сознание: история и перспективы 219
Тазов П.Ю. Антропологические риски применения искусственного интеллекта в высшей школе 224
Цао Юнь. Класс, гендер и освобождение: социально-философская перспектива марксистского феминизма 228

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Раджабов О.Р., Гусейханов М.К., Паштаев Б.Д. Сущность познания вакуума в научных картинах мира 232

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Каратуева Е.Н. Эволюция экологических политических движений в ЕС: аспекты радикализации идеологии энвайронментализма 236
Лонг М.Л., Дорина Е.А. Обзор проектного управления в системе государственной (публичной) власти России: управление проектами, программами и портфелями проектов 242
Медушевский Н.А., Бакович В.Д. Внешняя политика Турции на современном этапе 248

Пашковский Е.А. Европеизация польских парламентских партий по итогам электорального цикла 2019 и 2023–2024 гг. ... 252
Пикунова К.А. Влияние социальных медиа на современные политические кампании: стратегии, эффективность и этические аспекты ... 256
Русанов И.А. Формирование институциональных механизмов политического представительства бизнеса в государственных структурах региональной власти ... 260

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Казарян С.И. Особенности применения мягкой силы Турции в регионе Южного Кавказа ... 262
Лю Идин. Геополитическая конкуренция России и Запада в евразийском регионе ... 269
Серегина А.А. Концепция энергетической валюты как перспективное решение международных расчетов в условиях геополитической напряженности ... 273
Урсул В.И., Урсул К.В. Информационно-коммуникативная модель разрешения политических конфликтов в современном мире ... 279
Серегина А.А. Трансформация архитектуры финансовых инструментов: от наличных денег к энерговалюте ... 283

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Белевич П.М. Динамика политизации ислама в контексте кризиса глобального управления ... 289
Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду. Роль стран – членов совета безопасности ООН в политике урегулирования конголезско-руандийского конфликта ... 295
Маслова К.В. Возможности и ограничения культурной дипломатии России на примере ее взаимодействия с ФРГ ... 300
Цао Юаньюань. Интеграция культурной дипломатии Китая и России в стратегии развития внешнеполитических процессов: институциональные аспекты ... 304
Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Анализ начального этапа становления Альянса государств Сахеля ... 310
Мокрова Е.М. Использование искусственного интеллекта в международных отношениях – будущее или реальность? ... 316
Цао Юаньюань. Культурная дипломатия Китая в России: символическое конструирование через традиционные праздники и нематериальное наследие ... 323
Юдин Н.О., Анн-Кристин Иверсен. Второе пришествие Дональда Трампа и его влияние на американо-германские отношения ... 328
Ян Тянь, Ван Шучунь. Проблемы и перспективы китайско-российского сотрудничества в сфере СПГ в Арктике ... 333

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Благинин В.А., Соколова Е.В. Фундаментальные основы формирования научного наследия: эволюция научного знания и возможности применения наукометрических инструментов ... 339
Козлов А.В. Рекламно-агитационные практики по тематике специальной военной операции на Украине: технологии, риски, медиагигиена ... 344
Кравченко А.И. Здравый смысл и социология ... 349
Марченко Е.В. Развитие творческого потенциала учащихся старшей школы в процессе формирования речевых навыков ... 356
Микрюков В.О., Гук М.О., Чемулова Е.А., Богомолова В.Р., Яхонтова С.А. Исследование эффективности контент-маркетинга в B2B-сегменте ... 360
Тихонова П.С., Скороходов С.Н. Моделирование маркетинговых коммуникаций в школьной и студенческой среде ... 363
Агаев Х.Ф. Насилие в Илиаде Гомера как форма выражения истины архаического мира: философско-антропологическая перспектива ... 366
Прокопов В.А. Политическая повестка дня и экономическая политика Российской Федерации: как обсуждение санкций в СМИ коррелирует с принятием решений ... 369
Чэнь Танлун. Сравнительное изучение культурной теории Хоггарта, Уильямса и Томпсона ... 374
Шестакова Т.А., Уварова С.В. Специфика построения учебно-тренировочного процесса по оздоровительному бегу с людьми зрелого возраста на основе коррекции скоростно-силовой нагрузки ... 378
Глазкова Л.А., Кудашкин А.И. Технология постановки социальных проблем: управленческий контекст ... 383
Карелин В.О. Технология политического позиционирования: зарубежный опыт и возможности для России ... 387
Лю Цзясюань. Сравнение русских переводов «Мыслей тихой ночью» с точки зрения эстетики перевода ... 391
Никитин К.А. Противодействие терроризму: опыт России и Китая ... 395
Потапов В.О. Организационно-технологические принципы управления Министерством социального обеспечения и здравоохранения Финляндии ... 401
Цяо Цинли. Достижения сотрудничества в области информационной безопасности в рамках ШОС ... 406
Никитин К.А. Противодействие терроризму как приоритетная задача государственной политики ... 409

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Wang Lina. The impact of video recording on the spread of the ritual tradition of Manchu shamanic sacrifice 7

Genenko O.N., Semchenkova I.V., Kushchenko E.S., Verchenko A.R. The socio-cultural space of a small town as a resource for youth leisure activities 10

Gong Zheng. Social Challenges and Prospects for the Development of Smart Cities in the Context of Public Services 15

Yi Weiyang. Analysis of Pasha Antipov's characterization in the film "Doctor Zhivago" 20

Irduganova E.B., Shcheka N.Y. Current problems of family members of military personnel participating in the Special Military Operation 23

Lisitsyna I.A. Social and cultural significance of scientific libraries in Russia 27

Lysenko P.N., Vinogradova N.S. The fourth year of the special military operation in Ukraine. The sociological study of the perception of the SMO by the youth of the Moscow region. 2025 31

Matveyeva E.Yu., Karpenko P.K. National Technology Initiative: Conceptual Framework 37

Najafov E. Social and Philosophical Aspects of Environmental Education: An Example of Environmental Protection 42

Palagina V.B. Digital culture and its impact on the social structure of society: the role of bloggers 46

Ponomareva O.V. On optimizing the teaching of the russian language in technical universities 51

Xue Xiaohan. Analysis of the Path to Revitalize Chinese Traditional Culture Based on "Cultural Confidence" 56

Tikhonov K.A. Using the Lorenz curve and the Gini index to estimate the social inequality 60

Zhang Yifan. Study of gothic elements in F.K. Sologub's novel "The created legend" 63

Zhang Xinxin, Wang Gan. Analysis of the Phenomenon of Lexical Lacunarity Caused by Differences in the Concepts of Food Culture in Russia and China 70

Zhao Wanyu. Media globalization and the changing role of the journalist in modern information society 74

Shukshina L.V., Mayorova M.A. The relationship between the need for approval and adherence to the norms of female behavior in women 78

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Balobanova N.P., Bystrova I.V. Employees' perception of the type of manager's temperament 83

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:
Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)
Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPA, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akmulla .

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18 Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.03.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Gostenina V.I., Guzeev A.N., Melnnikov S.L. Sociological tools for assessing the competitiveness of a management company in municipalities 86

Ismail Wissam Wasim. Social management and social regulation mechanisms in the context of social responsibility and sustainable development in the oil and gas industry 92

Kalmutskiy V.O., Ilynykh S.A. Identifying the structure of social relations of football referees in the sports system: using the example of P. Bourdieu's field theory 97

Kamneva E.V., Simonova M.M. Social and psychological well-being of workers in precarious employment 103

Serezhko T.A., Kokhan Z.S., Kohan D.A. Youth life strategies as a resource for innovative development of the border region 107

Kochetkov V.V., Li A.V. Demographic changes and the impact of migration on the size and composition of the population of the Far East 111

Krupenkov V.V. The formation of the concept of «risk culture» in foreign and domestic scientific practice: sociological and corporate approaches 116

Krutko E.A., Bezmaternykh N.A. Psychoemotional stability of foreign language teachers as a factor of professional activity effectiveness 121

Moskvin L.B. Socio-political reality during the period of Russia's military conflict in Ukraine 127

Polyakov K.G. Big Data Analytics in Management: A Sociological Analysis of Its Impact on Decision-Making Processes 133

Romanovsky G.A. Modern mechanisms of cultural transmission: the aspect of state and municipal management 139

Ushakov E.V. Transdisciplinary urban development projects: the essence and main problems 143

Fokin S.A. Project-Based Learning in Education: Implementation Outcomes and Impact. A Quantitative Analysis of Student Perceptions in Far Eastern Universities 147

Khomiakov D.V., Pecheritsa E.V. The Impact of Employee Interaction in the Social Networking System on the Organization's Self-Government Structure 150

Qi Xue, Minyazhev T.R. The Role of State Regulation in Social Governance of Higher Education Institutions: A Comparative Analysis of Russia and China 154

Belsky V.Yu., Zolkin A.L. A linguistic turn in Russian philosophy: name, symbol, culture 158

Vasyukov R.V. Contours of the bureaucratic future: a socio-philosophical analysis 164

Denisov A.A. Sential characteristics of eldership: socio-philosophical analysis 170

Zverkov N.V. Religiousness: latent threats of religious extremism 175

Zimovets L.G., Khudayberganova M.D. Intellectual traditions of the West and Russia: comparative analysis 180

Zubov V.V., Filippov A.R. Prospects for the Development of Sociocultural Matrices in the Context of the Philosophy of Banking 183

Zverkov N.V. Exogenous factors religious extremism: a socio-philosophical discourse 187

Kogotyzheva A.K., Atabieva Z.A., Azamatova G.K. Integration of artificial intelligence into education and its impact on the future potential of the region's youth through a socio-philosophical prism 191

Mazayeva M.M. Atmosphere and ambiance: a conceptual distinction 196

Vetoshko A.N., Emelyanenko V.D., Malashenko I.V., Matakov K.A. The influence of the digital environment on the system of axiological foundations of personality in the context of studying at a university: using the example of teaching the course "Fundamentals of Russian Statehood" 199

Matveeva Ya.V. The State: formation, development, extinction 205

Pichugin V.G. "The End of History" and communicative revolutions: the impact on the historical consciousness of society 211

Mochalov E.V., Zverkov N.V., Seleznev A.M. The concept of «holy war»: philosophical discourse 215

Seregina T.N. Public consciousness: history and prospects 219

Tazov P.Yu. Anthroposocial risks of using artificial intelligence in higher education 224

Cao Yun. Class, Gender and Liberation: The Social and Philosophical Perspective of Marxist Feminism 228

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Radjabov O.R., Huseykhanov M.K., Pashtaev B.D. The Essence of Cognition of Vacuum in Scientific Pictures of the World 232

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Karatueva E.N. Evolution of environmental political movements in the EU: aspects of radicalization of the ideology of environmentalis 236

Long M.L., Dorina E.A. Review of Project Management in the System of State Governance (Public Administration) of Russia: Managing Projects, Programs, and Project Portfolios 242

Medushevsky N.A., Bakovich V.D. Turkey's foreign policy at the present stage 248

Pashkovskiy E.A. Europeanization of Polish parliamentary parties following the 2019 and 2023–2024 electoral cycles 252

Pikunova K.A. The impact of social media on modern political campaigns: strategies, effectiveness and ethical aspects 256

Rusanov I.A. Formation of institutional mechanisms for the political representation of business in state structures of regional government 260

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Kazaryan S.I. Characteristics of turkey's use of soft power in the South Caucasus 262

Liu Yiding. Geopolitical competition between Russia and the West in the Eurasian region 269

Seregina A.A. The concept of energy currency as a promising solution for international settlements in conditions of geopolitical tension 273

Ursul V.I., Ursul K.V. An informational-communicative model for resolving political conflicts on the world stage.... 279

Seregina A.A. Transforming the architecture of financial instruments: from cash to energy currencies 283

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Belevich P.M. Dynamics of the Politicization of Islam in the Context of Global Governance Crisis 289

De Ceita Lima D'Almeida Aragao Osvaldo The role of the member states of the un security council in the policy of settlement of the congolese-rwandan conflict..... 295

Maslova K.V. Opportunities and Limitations of Russia's Cultural Diplomacy: A Case Study of Its Interaction with Germany 300

Cao Yuanyuan. Integration of Cultural Diplomacy of China and Russia into the Development Strategies of Foreign Policy Processes: Institutional Aspects..... 304

Medushevsky N.A., Abramova A.A. Analysis of the initial stage of the formation of the Alliance of Sahel States 310

Mokrova E.M. Artificial Intelligence in International Relations – Future or Reality? 316

Cao Yuanyuan. China's Cultural Diplomacy in Russia: Symbolic Construction through Traditional Festivals and Intangible Heritage 323

Yudin N.O., Ann-Kristin Iwersen The second coming of Donald Trump and its impact on US-German relations..... 328

Yan Tian, Wang Shuchun. Challenges and prospects of China-Russia LNG cooperation in the arctic 333

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Blaginin V.A., Sokolova E.V., Fundamental Foundations of Scientific Heritage Formation: Evolution of Scientific Knowledge and the Use of Scientometric Tools..... 339

Kozlov A.V. Advertising and promotional practices on the subject of the special military operation in Ukraine: technologies, risks, media hygiene 344

Kravchenko A.I. Common sense and sociology 349

Marchenko E.V. The development of high school students' creative potential in the process of forming speaking skills 356

Mikryukov V.O., Guk M.O., Chemulova E.A., Bogomolova V.R., Yakhontova S.A. Research on the effectiveness of content marketing in the B2B segment 360

Tikhonova P.S., Skorokhodov S.N. Modeling of marketing communications in the school and student environment..... 363

Agayev Kh.F. Violence in Homer's Iliad as a Form of Expression of the Truth of the Archaic World: a Philosophical and Anthropological Perspective 366

Prokopov V.A. The political agenda and economic policy of the Russian Federation: how the discussion of sanctions in the media correlates with decision-making 369

Chen Tanglong. A comparative study of the cultural theory of Hoggart, Williams, and Thompson 374

Shestakova T.A., Uvarova S.V. Specificity of constructing the training process for healthy running with mature people based on correction of speed-strength load..... 378

Glazkova L.A., Kudashkin A.I. Technology of stating social problems: managerial context 383

Karelin V.O. Technology of political positioning: foreign experience and opportunities for Russia..... 387

Liu Jiaxuan. Comparison of Russian translations of "Thoughts of a Quiet Night" from the viewpoint of translation aesthetics 391

Nikitin K.A. Countering terrorism: the experience of Russia and China 395

Potapov V.O. Organizational and technological principles of management in the Ministry of social affairs and health of Finland..... 401

Qiao Qingli. Achievements of cooperation in the field of information security within the SCO 406

Nikitin K.A. Countering terrorism as a priority task of state policy..... 409

Влияние видеофиксации на распространение обрядовой традиции маньчжурских шаманских жертвоприношений

Ван Лина,
докторант, Историко-культурный институт Шаньдунского университета; преподаватель, Историко-культурный институт Муданьцзянского педагогического университета
E-mail: 340388899@qq.com

По сравнению с традиционными письменными записями, видео документация позволяет более полно отразить живую культуру маньчжурских шаманских ритуалов, восстанавливая детали и демонстрируя реальность, что усиливает эмоциональное воздействие и способствует распространению. Как новый метод фиксации истории, внедрение современных технологий в ритуалы шаманских семейных жертвоприношений оказывает влияние на древние традиции. Члены семьи Гуань из клана Гувалгия постепенно принимают технологии видеозаписи, разрешая операторам участвовать в ритуалах и устанавливая постоянное взаимодействие. С проникновением новых технологий шаманские верования и ритуалы семьи Гуань также адаптируются под влиянием внешних коммуникаций.

Ключевые слова: маньчжуры; шаманские ритуалы; видеозапись; клан Гувалгия; культура жертвоприношений.

Статья подготовлена в рамках проекта Хэйлунцзянского фонда философии и социальных наук (№ 17KSB039) и Муданьцзянского педагогического университета (№ 1353PT008). Финансируется проектом Министерства образования Китая для преподавателей курсов по идеологии в высших учебных заведениях «Исследование повышения эмпатии в курсе идеологического образования для студентов колледжей в контексте культурной идентичности» (номер проекта 24JDSZK037).

Визуальный подход в исследовании шаманских ритуалов

Шаманские ритуалы клана Гувалгия в Иланьгане, возрожденные в 1990-х годах и следующие традиции «крупных жертвоприношений раз в пять лет, малых – раз в три года», привлекают постоянное внимание учёных. Исследования охватывают музыку, танцы, интерпретацию священных текстов, мифологию, влияние ритуалов на психокультуру клана, их эволюцию сравнительный анализ региональных различий. С распространением концепции нематериального культурного наследия активизировались соответствующие исследования. Внедрение цифровых технологий в гуманитарные науки позволило использовать видеозаписи как инструмент познания шаманской культуры и форму презентации результатов[1]. Видеофиксация оживляет культурные феномены, реконструирует исторический контекст и трансформирует способы передачи маньчжурских традиций. В отличие от текстов, визуальные материалы нагляднее передают духовные аспекты и сакральную атмосферу ритуалов, облегчая понимание маньчжурского мировоззрения.

Настоящая статья фокусируется на «крупном жертвоприношении» клана Гувалгия в Нинъане (17–19 ноября 2017 г.), опираясь на полевые исследования, интервью, семейные хроники «Записи деятельности клана Гувалгия» и исторические источники. Анализ влияния видеозаписи на участников ритуалов позволяет ответить на вопросы: Как различия в социальном статусе операторов влияют на методы и акценты фиксации ритуалов? Какова уникальная ценность видео в документировании шаманской культуры? Какие изменения видеозапись вносит в традицию?

Объекты и субъекты видеозаписи

Клан Гувалгия в Нинъане[2] сохранил довольно полную традицию шаманских обрядов. Обряды, проводимые на месте, обладают первобытными чертами шаманизма, что привлекает внимание тех, кто занимается их визуальной фиксацией. В отличие от устных преданий и письменных записей, изображения могут более подробно зафиксировать детали обрядов, а также быть использованы в любой момент для демонстрации и консультаций, что помогает стандартизировать и укрепить процедуры шаманских ритуалов, избегая нарушения преемственности, связанного с потерей текста или прерыванием языка.

Согласно родословной, семья Гуань из Ниньаня в период династий Цзинь и Юань принадлежала племени Гулидиан (Гули). В эпоху династии Мин она входила в состав части Гули Цзя, а затем переселилась в деревню Гуарцзя Тунь у подножья горы Чанбайшань (место Гоэрчэн). В 1652 году, в девятый год правления императора Шуньчжи, семья получила указание командовать войсками для охраны деревни Иланьган в Нингута, после чего от семьи выделилась ветвь, которая последовала за Шархута в Нингута, став подчиненной Чжэнхуанчи. Весной 1676 года, в пятнадцатый год правления императора Канси, вторая ветвь семьи Гуальцзя вместе с генералом Бахай была переведена на судостроительный

завод (современный Цзилинь) и подчинялась второму заместителю в составе Сяньланьчи. Эта ветвь семьи по сей день проживает в селе Аляцзе, посёлок Коуцяо, в уезде Юнцзи. Семья Гуань разделилась на две ветви, которые подчиняются Сяньланьчи и Чжэнхуанчи, и те, кто остался в Иланьгане, сохранили полную традицию шаманских обрядов, включая Чамы, ритуальные артефакты и духовные книги. Во время культурной революции обряды были прерваны, но семья, рискуя, сохранила копии родословной на китайском языке, копии духовных книг и полный набор ритуальных артефактов (включая барабан для поднятия, захватной барабан и поясные колокольчики). Это обеспечило восстановление шаманских традиций в семье Гуальцзя.

В 1991 году семья Гуан возобновила составление родословной, а в 1992 году восстановила шаманские обряды, которые продолжаются до сих пор. Исторически навыки шаманизма и пение священных песен маньчжурскими шаманами (чама) передавались устно через практику «обучения Уюнь», проводимую великими шаманами. Обучение Уюнь использовало маньчжурский язык и был секретным процессом. Семья Гуан благодаря устным рассказам старых шаманов и взаимному подтверждению содержания священных текстов смогла восстановить церемонию и сохранить её целостность, став живым примером для изучения шаманской культуры.

Личное историческое повествование семьи Гуан «Записки о деятельности рода Гуан» включает все семейные события с момента «копирования родословной» в 1991 году и первой публичной жертвенной церемонии в 1992 году. Записи показывают, что с момента восстановления шаманских обрядов семьи Гуан в церемонии принимали участие журналисты и исследователи из страны и зарубежья, а также преподаватели соответствующих областей, которые документировали и исследовали живую традицию маньчжурского шаманизма с разных точек зрения, создавая статьи и видеоматериалы. Многие профессиональные медиаорганизации использовали видео для репортажей, а статьи служили дополнением для распространения маньчжурских обрядовых традиций. Исследователи из научных институтов и университетов сосредоточились на изучении священных текстов шаманизма, родословных семьи Гуан и других первичных документов, а также активно использовали видео как метод сбора информации.

С 17 по 19 ноября 2017 года семья Гуан провела крупную церемонию, которая проводится раз в пять лет. Учёные, прибывшие для наблюдения, могут быть разделены на три категории: учёные из университетов и научных институтов, специалисты в области фольклористики и антропологии, профессиональные фотографы и журналисты, представляющие СМИ и отражающие общественное внимание, а также участники ритуала – члены семьи и другие представители маньчжурских фамилий, для которых видео является памятным документом или ориентиром. Как выяснилось из интервью, две женщины-чама из рода Ехэле[3] в уезде Вэлун (Ло Чэн Го) также пришли, чтобы изучать ритуал с помощью видеозаписей и накопить материал для восстановления шаманских обрядов рода Е.

В эпоху новых медиа барьеры для записи видео и оборудования значительно снизились, и использование видео стало доступным широкой аудитории. Помимо вышеупомянутых профессиональных видеооператоров, обычные жители деревни также стали играть роль создателей и распространителей видеоматериалов. Эти народные записи, хотя и хаотичные, становятся частью истории и могут дополнить её, добавив живые детали и обеспечив более полное представление о прошлом. «Макроисторическое» исследование может только набросать общую картину, но, благодаря участию народа, реальность становится более яркой и живой.

Видео усиливает влияние шаманской культуры

Технологии записи видео позволяют артистично представить шаманские обряды, создавая более впечатляющий визуальный опыт. Священность, создаваемая в процессе шаманских обрядов, является эмоциональным переживанием, которое трудно передать традиционным текстом. Однако документальная сила видео позволяет ярко и непосредственно передавать детали церемонии и эмоции участников. После художественной обработки видеоконтента, священность ритуала усиливается, и те, кто не был на месте, могут получить мистическое ощущение общения с духами через художественное видеопредставление. Специально обработанные изображения и акценты на переднем плане не являются прямым восприятием участниками обряда, а художественным выражением видеозаписи, которое пересоздаёт священность ритуала, усиливая эмоциональную связь зрителей с шаманскими обрядами и улучшая понимание шаманской культуры.

Видео также позволяет зафиксировать больше деталей ритуала, что способствует правильной передаче обрядовой традиции. Будь то динамичные или статичные кадры, хотя они также подвергаются субъективному выбору фотографа, их главная цель – показать детали ритуала и зафиксировать эмоции участников. С распространением фотографии письменная история всё больше заменяется видео-историей. В 2017 году во время ритуала семьи Гуан, начиная с момента, когда шаманы надевают обрядовую одежду, каждый этап подготовки был зафиксирован на видео, и сами шаманы оказались вовлечены в атмосферу, созданную видеозаписями. Шаманы осознанно адаптировали своё поведение в соответствии с правилами видеозаписи, а ритуал был скорректирован для удовлетворения требований видеозаписи.

Видео также имеет возможность использовать силу медиа платформ для расширения распространения шаманской культуры. У каждого видеоисточника есть свой социальный контекст и медиа платформа, и их влияние значительно превышает влияние членов семьи Гуан. Семья Гуан хотела, чтобы шаманские обряды привлекли больше внимания общества, что принесло бы политическую и экономическую поддержку. И это действительно так. Шаманский ритуал в Иланганe, который имеет уникальную маньчжурскую культурную ценность, стал объектом академических исследований и привлек внимание общества. Местные органы власти активно пытались представить его как образец в сфере работы с меньшинствами, местного управления и культуры. В марте 2007 года Управление культуры правительства провинции Хэйлунцзян официально признало «Маньчжурский шаманский ритуал в Иланганe» как «объект нематериального культурного наследия» [4]. Два шамана, Гуан Юнтай и Синь Юся, получили звание «Представителей наследия нематериальной культуры». Традиции шаманских обрядов семьи Гуан были поддержаны политически через систему нематериального культурного наследия.

Видео изменяет форму передачи шаманских обрядов

Огромное общественное влияние записи на изображение заставило шаманские обряды добровольно изменить свои табу. Согласно маньчжурским обычаям, «запад считается великим». На западной стене в западной комнате нахо-

дятся алтарные доски (доски предков), на которых помещены коробки с изображениями богов или предметами, символизирующими божеств, такие как соломенные палочки, родословные книги, ароматические чаши и предметы для жертвоприношений. Земля перед западной постелью священна, и на нее нельзя наступать или сидеть. Однако одновременно это место является идеальным для записи обрядов, так как оно позволяет полноценно фиксировать происходящее и близко наблюдать за выражениями лиц участников. Во время ритуала 2017 года, чтобы добиться наибольшего эффекта от записи, шаман позволил камерам быть размещенными на священной постели. Таким образом, родственники клана, почитающие предков и божеств, терпели вмешательство внешних технологий, несмотря на их нахождение в святом месте [5]. Это также означает, что табу в передаче шаманских обрядов изменились, и участие в записи обряда стало столь же важным, как и сам ритуал, что оправдывает пересмотр табу.

Запись на изображениях привела к передаче права на толкование ритуальной культуры. Передача шаманских обрядов изменилась от мистического обмена знаниями между шаманами к зависимости от экспертов и ученых, от внутреннего наследия к внешнему обучению. Распространение технологий записи ускорило этот процесс.

Исторически передача шаманских обрядов опиралась на устную традицию среди шаманов. Шаманы передавали ритуальные процедуры, культуру обрядов и родословную семьи через память и опыт. Толкования правил ритуала, табу и молитв шаманов пользовались авторитетом, и шаманы имели влияние, равное главам кланов. Однако с уходом маньчжурского языка и письменности из повседневной жизни маньчжуров, шаманские обряды стали трудны для понимания среди народа. Молодые шаманы уже не владели маньчжурским языком и вынуждены были обращаться к исследователям маньчжурской письменности для понимания содержания священных песен. Утрата маньчжурского языка и письменности привела к тому, что некоторые элементы ритуала могли утратить свой первоначальный вид. Эксперты и ученые, обладая знаниями маньчжурского языка, могут через многократное изучение записей, сравнивая их с текстами священных песен и родословными книгами, восстановить первоначальный смысл ритуалов. Лица, обладающие ключами к шаманским ритуалам, переходят от шаманов к социальным ученым. Технологии записи ускоряют этот процесс передачи прав на толкование шаманской культуры.

Заключение

Запись изображений позволяет точно восстановить сцены, что в итоге приводит к «формализации» [6] передачи шаманских обрядов. Исторически шаманская культура была живой традицией, неотъемлемо связанной с повседневной жизнью маньчжуров. Шаманы гибко изменяли ритуалы и содержание священных песен в зависимости от ситуации, чтобы обеспечить выполнение основных целей обряда. Шаманская культура несла в себе молитвы и пожелания, адаптированные к местным условиям. Однако с уходом маньчжурского языка из повседневной жизни маньчжуров, гибкость в проведении обрядов стала значительно ограничена. Простой устный пересказ уже не был достаточен, и важные элементы ритуала могли быть упущены, что влекло за собой риск искажения шаманской культуры. Появление технологий записи помогло решить эту проблему. С того момента, как клан Гуан восстановил свои обряды, они начали активно использовать запись, что позволило накопить достаточный архив видео материалов. Обряды клана Гуан, сравнивая и заимствуя элементы из записей, начали стабилизировать священные песни, последовательность танцев и другие фиксированные элементы обрядов. Шаманские обряды клана Гуан приобрели более формализованный характер, что позволило избежать риска их искажения.

Литература

1. Юй Ян: «Исследование верований в богов предков в маньчжурском шаманизме», Мировая религиозная культура, 2016, № 3.
2. Сунь Вэнь: «Анализ особенностей шаманских ритуалов в Дворце Куннин», Журнал музея Запретного города, 2017, № 4.
3. Ли Вэньхай: Хроники Цинской династии, том 1 (период Шуньчжи), Пекин: Издательство Пекинского университета народов Китая, 2011, стр. 336.
4. Ван Чжэньфу: Исследование истории изображений [D]. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии, Шаньдунский университет, 2011: стр. 102–103.
5. Чэнь Чжипин: Загадки исторической науки, Чжунхуа, 2004, стр. 104–105.
6. Чао Лу: «О формализованных характеристиках художественных форм шаманизма» [J]. Великое искусство, 2012 (03): стр.77.

THE IMPACT OF VIDEO RECORDING ON THE SPREAD OF THE RITUAL TRADITION OF MANCHU SHAMANIC SACRIFICE

Wang Lina
Shandong University, Mudanjiang Normal University

Compared with the traditional written records, video records can better show the living sacrifice culture of Manchu Shaman, restore details and show realities, and therefore has stronger appeal and spreading capacity. Due to the decentralization of Shaman's folk sacrificial activities, there were few text records and summary research documents on their activities and most of them were lost, which restricts the research on the present Manchu Shaman's folk sacrifice activities. The cultural tradition of shaman sacrifice, which is the inner support for Guwalgiya clan to choose a lifestyle and stick to spiritual belief. The investigation of these sacrifice activities is of great significance to understand their spiritual world and lifestyle. With the popularity of video recording means and the maturity of technology, the study of Shaman's sacrificial culture has gained a new perspective, and the Manchu people has also made corresponding adjustments in the sacrificial ceremony.

Keywords: Manchu; Shaman Sacrifice; video record; Guwalgiya; Sacrifice culture.

References

1. Yu Yang: "A Study of the Ancestor God Beliefs in Manchu Shamanism," World Religious Culture, 2016, Issue 3.
2. Song Wen: "An Analysis of the Characteristics of Shamanic Rituals in the Kun Ning Palace," Palace Museum Journal, 2017, Issue 4.
3. Li Wenhai: Chronicles of the Qing Dynasty, Volume 1 (Shunzhi Period), Beijing: Renmin University of China Press, 2011, p. 336.
4. Wang Zhenfu: Research on the History of Images [D]. Ph.D. dissertation, Shandong University, 2011: pp. 102–103.
5. Chen Zhiping: Confusion in History Studies, Zhonghua Book Company, 2004, pp. 104–105.
6. Chao Lu: "On the Formalized Characteristics of Shamanistic Artistic Forms" [J]. Art Grand View, 2012(03): pp. 77.

Социокультурное пространство малого города как ресурс досуговой активности молодежи

Гененко Оксана Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-mail: oks_genenko@mail.ru

Семченкова Инна Валентиновна,
доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-mail: inna.ryabina@mail.ru

Кущенко Елена Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-mail: es87rus@yandex.ru

Верченко Андрей Романович,
студент кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-mail: andrey.verchenko@list.ru

Статья посвящена анализу социокультурной среды малого города, как фактора формирования досуговых потребностей молодежи в современных условиях. В последние годы в сфере досуга нашей страны происходят весьма серьезные, а в чем-то даже кардинальные изменения. Все это актуализирует необходимость выполнения углубленного анализа даже не столько самой досуговой деятельности, сколько различных аспектов и методов ее организации, особенно в части, касающейся свободного времени молодежи. Выявлены основные характеристики социокультурной среды малого города. На примере г. Алексеевка Белгородской области проанализировано социокультурное пространство, выявлены основные проблемы досуговой деятельности молодежи города. Определен ряд проблем с проведением досуга, которые могут негативно сказываться на качестве жизни жителей малого города.

Ключевые слова: малый город, социокультурное пространство, культурно-досуговая деятельность, досуг, молодежь.

Введение

Малые города занимают значимую роль в развитии территорий. Принято считать, что количество жителей малого города составляет до 50000. Несмотря на то, что малый город имеет незначительные размеры по сравнению с крупными городами и областными центрами, а так же некоторую удаленность от них, они имеют огромное значение в обеспечении рабочих мест в регионах, поддержании местных традиций и в целом являются важной составляющей социально-экономической структуры страны. В настоящее время малые города сталкиваются с множеством проблем. Одной из самых актуальных проблем, которая препятствует развитию малых городов – это отток молодого поколения в более крупные центры, что создает ежегодный демографический спад.

Марков Е.М. считает, что малые города являются важной частью многонациональной культуры России, нашего материального богатства [1].

По мнению А.Г. Назарова: «Малый город – это районный центр областного, краевого или республиканского подчинения; в подавляющем большинстве случаев это город или поселок городского типа» [2]. В данном случае автор акцентирует внимание на четком территориальном положении, малый город занимает третий уровень в структуре территориальных образований, но является первым в пространстве сельских населенных пунктов.

В последние годы в сфере досуга страны происходят весьма серьезные, а в чем-то даже кардинальные изменения.

Функционируя в различных социально-культурных средах, учреждения культуры ориентируются на реальную ситуацию, задачи, связанные с развитием и совершенствованием социально-культурной среды. Изучение среды как сложного специфического образования требует обращения к исследованиям учёных в данном аспекте. В работах, посвященных характеристике развивающего потенциала среды, можно выделить такие подходы (Табл. 1).

Таблица 1. Подходы учёных к определению развивающего потенциала среды

Автор	Подход
В.С.Библер	среда, наполненная нравственно-эстетическими ценностями, дает способ жить и развиваться, создает мир как бы заново, в ней есть сила и действие
Н.В.Гусева Л.П. Буева	среда формирует отношение к базовым ценностям, способствует усвоению социального опыта и приобретению качеств, необходимых для жизни
А.В. Мудрик	выступает способом трансформации внешних отношений во внутреннюю структуру личности
В.А. Нечаев	окружает, принизывает, завлекает в орбиту деятельности субъекта, удовлетворяет его потребности

Окончание

Автор	Подход
Ю.Г.Волков, В.С. Поликарпов	представляет целостную социокультурную систему, способствует распространению новых культурных ценностей, стимулирует групповые интересы, усиливает взаимоотношения

Деятельность учреждений культурно-досугового типа в малом городе имеет свои особенности, связанные с рядом экономических, социальных, культурных, демографических условий социокультурной среды [3].

Основная часть

Социокультурное пространство малого города – это комплексная система, включающая в себя все аспекты социальной и культурной жизни его жителей. Это понятие охватывает различные элементы, которые формируют общественные отношения, культурные практики и идентичность местного населения. Ключевые компоненты социокультурного пространства малого города включают в себя: (Рис. 1).

Социальные связи	•В малых городах часто наблюдаются более тесные и устойчивые связи между жителями, что способствует формированию сообществ, сетей поддержки и взаимопомощи
Культурные традиции и обычаи	•Малые города сохраняют уникальные культурные традиции, обычаи и праздники, которые отражают их историю и идентичность. Это может включать народные праздники, ремесленные ярмарки и другие местные события
Инфраструктура	•Социокультурное пространство включает в себя культурные и образовательные учреждения, такие как библиотеки, театры, музеи, спортивные площадки и культурные центры, которые обеспечивают доступ к культурным и образовательным ресурсам
Доступ к информации	•Наличие информации о культурных мероприятиях, образовательных возможностях и досуговых инициативах играет важную роль в вовлеченности жителей в культурную жизнь
Экономическая активность	•Местные предприятия и бизнесы часто участвуют в культурной жизни города, поддерживая мероприятия и инициативы, что способствует развитию социокультурного пространства
Идентичность и патриотизм	•Жители малых городов часто испытывают сильное чувство принадлежности к своему месту, что формирует местную идентичность и патриотизм
Волонтерство и активизм	•Активные жители, готовые участвовать в организации мероприятий и инициатив, играют ключевую роль в развитии социокультурного пространства
Проблемы и вызовы	•Социокультурное пространство малых городов может сталкиваться с проблемами, такими как миграция молодежи, недостаток финансирования для культурных инициатив и ограниченный доступ к информации

Рис. 1. Ключевые компоненты социокультурного пространства малого города

В целом, социокультурное пространство малого города – это динамичная и многогранная система, которая формируется под воздействием исторических, социальных, экономических и культурных факторов и играет важную роль в жизни его жителей.

Рассмотрим специфику социокультурного пространства малого города и ее влияние на досуговую активность молодежи на примере города Алексеевка Белгородской области.

В границах Алексеевского городского округа находятся 90 населенных пунктов, в том числе 1 городской и 89 сельских населенных пунктов.

Алексеевка – небольшой город. Он занимает 423 место по численности населения в своей стране (Россия), 5 место в регионе (Белгородская область).

По данным службы государственной статистики общая численность населения (постоянных жителей) г. Алексеевка на 1 октября 2024 года составляет 35919 человек [4]. С каждым годом наблюдается стабильное снижение численности молодого населения.

Анализ статистически данных показывает, что молодежь составляет менее 20% от всего населения города, что характерно для многих малых городов России. Отток молодежи является самой насущной проблемой малых городов.

Сеть общеобразовательных организаций Алексеевского городского округа в 2024 году представлена 30 школами: 6 – городских, 24 – сельских.

Система дополнительного образования Алексеевского городского округа представлена тремя образовательными организациями МБУ ДО «Дом детского творчества», МБУ ДО «Станция юных натуралистов», МБУ ДО «Станция юных техников», подведомственных управлению образования, а также МБОДО «Алексеевская школа искусств» [4].

На территории Алексеевского городского округа отсутствуют высшие учебные заведения и филиалы, что значительно способствует оттоку молодежи в мегаполисы и ближайшие крупные города. В настоящее время в алексеевского городском округе функционирует два учебных заведения среднего профессионального образования: ОГАПОУ «Алексеевский агротехнический техникум», ОГАПОУ «Алексеевский колледж». Однако статистка показывает сокращение выпускников данных заведений с каждым годом. ОГАПОУ «Алексеевский колледж» является региональной площадкой Всероссийского чемпионатного движения «Профессионалы» и Чемпионата высоких технологий – 2024 в Белгородской области (компетенции: Бухгалтерский учет, программные решения для бизнеса, графический дизайн, автоматизация бизнес-процессов организаций); и чемпионата по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс» (компетенции: экономика и бухгалтерский учет, художественный дизайн.

В Алексеевском городском округе в настоящий момент действует 33 библиотеки, в том числе центральная, центральная детская, 5 городских и 26 сельских библиотек [4].

Роль библиотек в развитии культурной среды для жителей малого города достаточно велика. Библиотека сегодня является катализатором социокультурного развития малого города. Помимо своих прямых функций, библиотека сегодня – это полноценное информационно-коммуникативное пространство. Наблюдается ряд причин, тормозящих развитие библиотечного дела в городе:

– недостаточное бюджетное финансирование библиотечной сферы, вследствие чего возникает устаревание библиотечных фондов и недостаток современных изданий;
– несоответствие темпов внедрения информационно-коммуникационных технологий в библиотеках и требований населения;
– наличие уже общемировой тенденции снижения интереса к чтению.

МБУК «Алексеевский краеведческий музей» является центром музейной сети Алексеевского городского округа. Ежегодно музеи Алексеевского городского округа посещают около 100 тыс. человек.

На территории округа свою деятельность осуществляют 77 учреждений сферы культуры: 40 культурно-досуговых учреждений (в том числе 7 центров культурного развития, 4 модельных Дома культуры, 15 сельских Домов культуры, 12 сельских клубов, Дом ремесел, Парк культуры и отдыха). Функционирует 591 клубное формирование с общим количеством участников более 8,6 тыс. человек [4].

Сфера физической культуры и спорта была и остается в г. Алексеевка одним из приоритетных направлений социальной политики. Занятия спортом – это возможность для самореализации, для нового качества жизни каждого человека.

С каждым годом возрастает интерес жителей к спорту. Более 31 тысячи алексеевцев вовлечены в занятия физической культурой. На территории развивается свыше 20 видов спорта.

В рамках реализации областного проекта «Дворовый тренер» на 10 спортивных площадках осуществляют активную деятельность инструкторы по работе с детьми и молодёжью.

В числе приоритетных задач – постоянная работа по привлечению к систематическим занятиям физической культурой и спортом детей и молодежи Алексеевского городского округа.

На территории Алексеевского городского округа имеется широкая сеть спортивных учреждений и объектов: 3 объекта МАУ «Спортивный парк «Алексеевский», 4 объекта МБУ «Алексеевская спортивная школа», а также имеются 6 физкультурно-спортивных клубов и 279 плоскостных сооружений в городе и сельских территориях [4].

Активно развивается сфера молодежной политики. Молодежная политика Алексеевского городского округа проводится в отношении граждан в возрасте от 14 до 35 лет.

Сегодня на территории Алексеевского городского округа проживает 10832 человека в возрасте 14–35 лет, что составляет 18% от общего числа населения [4].

Среди целевых групп, которые входят в сферу деятельности молодежной политики, можно выделить (Рис. 2).

Рис. 2. Целевые группы молодежи г. Алексеевка

В рамках нашего исследования мы провели градацию молодежи г. Алексеевка по степени личностных возможностей и потребностей (Рис. 3).

Рис. 3. Градация молодежи г. Алексеевка по степени личностных возможностей и потребностей

Немаловажное значение проведении досуга молодежи в настоящее время имеет развитие туристской индустрии в регионах. Алексеевский район славится многими историческими памятниками, промышленными объектами, активно развивается событийный туризм.

На официальном сайте органов местного самоуправления Алексеевского городского округа создан раздел «Отдых и туризм», в котором размещена туристическая карта округа, опубликована информация об объектах туризма и проводимых экскурсиях.

Округ становится все более привлекательным для туристов. Действует фестивальный календарь. Разработано и активно действует 8 экскурсионных маршрутов, которые охватывают наиболее интересные объекты культурно-исторического наследия Алексеевского края. Количество туристов и экскурсантов, посетивших туристские объекты в 2024 году, составило более 125 тысяч человек. В Алексеевском городском округе состоит на учете 66 объектов культурного наследия.

С 2018 года по настоящее время преображаются в Алексеевском городском округе общественные пространства и скверы благодаря программе «Формирование комфортной городской среды».

Несмотря на падение численности молодежи в г. Алексеевка, количество молодежных общественных организаций выросло.

Это подтверждает тот факт, что молодежь активно участвует в общественной жизни города, страны. Особенно интерес представляют организации добровольческой направленности.

Тренд проявляется во включении молодых людей в практики заботы и помощи, различные неформальные инициативы – эко- и зоозащита, городские соседские группы взаимопомощи, поддержка беженцев и мигрантов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В этой среде молодые россияне получают возможность реализовывать свою субъектность, чувствовать себя активными участниками событий и в определенной мере выступать агентами позитивных изменений.

Сегодня волонтерство можно рассматривать не только как общественную деятельность, но и как значимую форму досуговой активности молодёжи, особенно, в малом городе, оде могут отсутствовать или быть не развиты другие формы активности. Добровольческая деятельность среди молодежи в г. Алексеевка активно развивается. В 2022 году открыто волонтерское объединение «Добро. Центр» в г. Алексеевка. Центр ставит своей задачей дать новые возможности алексеевской молодежи в реализации социально-значимых проектов. На сегодняшний день в волонтёрской деятельности задействовано более 30000 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет.

Заключение

Досуг, как составная часть социокультурного развития малого города имеет важное значение в жизни человека. В связи с этим досуг может выступать неким индикато-

ром социального самочувствия различных социальных групп малого города.

В ходе исследования был выявлен ряд проблем с проведением досуга, которые могут негативно сказываться на качестве жизни их жителей. Вот некоторые из них:

1. Ограниченность культурных и развлекательных мероприятий. В малых городах часто не хватает разнообразия культурных мероприятий, таких как концерты, выставки, театральные постановки и кинофестивали [5]. В силу таких причин как удаленность от крупных городов, качество транспортного обслуживания, культурная жизнь в малых городах носит несколько изолированный характер, что может приводить к недостатку возможностей для культурного обогащения и досуга.

2. Нехватка инфраструктуры. В малых городах может отсутствовать необходимая инфраструктура для проведения досуговых мероприятий, такие как спортивные площадки, центры досуга, библиотеки и культурные центры. В малых городах наблюдается территориальная локализованность, которая и определяет досуговые предрасположенности и склонности индивида.

Большинство учреждений социокультурной инфраструктуры малого города организуют свою деятельность на коммерческой основе [6]. Молодые люди, в своем большинстве, не относятся к категории платежеспособной аудитории, тем самым у них возникают определенные трудности при организации качественного досуга.

3. Миграция молодежи. Отток молодежи в малых городах является, на наш взгляд, ключевой проблемой всех малых городов Российской Федерации. Основными факторами миграции молодежи выступают ограниченность сферы образования – это отсутствие вузов, как самостоятельных организаций высшего образования. В последствии это и ограниченность рынка труда. Оставаясь в малом городе, у молодежи возникает ограниченный выбор профессии в отличие от больших городов. Молодежь часто уходит в большие города в поисках лучших возможностей для учебы и работы, что приводит к уменьшению числа активных участников культурной жизни в малых городах.

5. Нехватка финансирования. Местные бюджеты часто ограничены, что затрудняет финансирование культурных и спортивных инициатив, а также поддержку местных талантов и проектов.

6. Консервативность и отсутствие инноваций. В некоторых малых городах может наблюдаться консервативный подход к досугу, где новые идеи и форматы мероприятий не принимаются с энтузиазмом, что ограничивает разнообразие досуговых возможностей.

Существует стереотипное мнение, что в малых городах существует некий застой и деградация культуры. Однако исследования показывают большую вовлеченность учреждений культуры в организацию культурно-досугового пространства, о чем свидетельствует тот факт, что доля жителей мегаполисов и малых городов, вовлечённых в активный культурный досуг, практически равна.

Отличие малых городов в данном аспекте состоит в ограниченности или отсутствии выбора разнообразных видов досуга.

Авторами исследования выделены основные факторы, влияющие на формирование досугового пространства (Рис. 4).

7. Социальная изоляция. В условиях ограниченного досуга некоторые жители могут ощущать социальную изоляцию, что может негативно сказаться на их психоэмоциональном состоянии.

Рис. 4. Основные факторы, влияющие на формирование досугового пространства малого города

Перечисленные проблемы требуют внимания со стороны местных властей, общественных организаций и самих жителей для создания более насыщенной и разнообразной культурной жизни в малых городах.

Отсюда можно сделать вывод, что, население малого города имеет возможность выбора, однако, он, в сравнении с инфраструктурой больших городов является недостаточно широким. Это и должно быть учтено учреждениями культуры. Активизируя коммерческую деятельность, повышая качество культурных услуг и продуктов, культурно-досуговые учреждения могут значительно увеличить реальную аудиторию, тем самым расширить свои финансовые возможности.

Несмотря на перечисленные проблемы, социокультурное пространство малого города обладает рядом уникальных особенностей, которые отличают его от больших городов (Рис. 5).

Сообщество и взаимосвязи	•В малых городах, как правило, более тесные социальные связи. Люди чаще знают друг друга, что способствует формированию сильных местных сообществ и сетей поддержки
Культурные традиции	•Малые города часто сохраняют и развивают уникальные культурные традиции, обычаи и праздники, которые могут быть связаны с историей региона
Доступность культурных мероприятий	•В малых городах может быть меньше культурных мероприятий и учреждений (театров, музеев, галерей), но те, что есть, могут быть более доступными и ориентированными на местное население
Традиционные и современные ценности	•В малых городах может наблюдаться сочетание традиционных и современных ценностей, что создает уникальную культурную атмосферу
Идентичность и патриотизм	•Жители малых городов часто испытывают сильное чувство принадлежности к своему месту, что способствует формированию местной идентичности и патриотизма
Экономическая деятельность	•Экономика малых городов часто основана на малом бизнесе, что влияет на социокультурное пространство. Местные предприниматели могут активно участвовать в жизни города и поддерживать культурные инициативы

Рис. 5. Уникальные особенности социокультурной среды малого города

Накопленный жителями города культурно-исторический, творческий потенциал в данном случае выступает огромным преимуществом культурно-досугового пространства малых городов. Поэтому особенном важным в формировании культурно-досугового пространства малого города видится развитие, прежде

всего, развлекательного досуга, а также наличие мест отдыха и развлечений как зоны, где могли бы соединяться и реализовываться рекреативные и одновременно духовные потребности молодежи.

Эти особенности делают социокультурное пространство малых городов уникальным и разнообразным, а также влияют на жизнь их жителей.

Деятельность учреждений культуры должна полностью отвечать потребностям молодежи, для того, чтобы проявлять свои творческие, интеллектуальные, спортивные, коммуникационные способности и обмениваться опытом и полученными знаниями со сверстниками других территорий. В связи с этим необходимо обеспечить условия, способствующие максимальному раскрытию потенциальных возможностей молодых людей, создать социальные педагогические условия культурно-творческого развития молодежи в сельской местности в соответствии с потребностями и возможностями общества.

Подводя итог, можно заметить, что главная задача государства – обеспечить условия для более эффективной деятельности учреждений социально-культурной сферы в работе с молодежью, в том числе в социально-культурной среде малого города, где эти субъекты остаются наиболее посещаемыми и востребованными населением всех возрастов.

Литература

1. Марков Е.М. Малые города в социально-пространственном развитии России: проблемы сохранения и развития // Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: [монография] / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин [и др.]. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2020. С. 16–41.
2. Байбаков Э.И., Рубцов В.А. Малые города России: становление, развитие, историческая судьба // Экологический консалтинг. 2015. № 3(59). С. 2–6.
3. Безногих В.С. Особенности влияния социокультурного пространства малого города на досуговые предпочтения молодежи // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сборник докладов XII Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. Белгород. Белгородский государственный институт искусств и культуры. 2024.С. 35–41.
4. Стратегия социально-экономического развития Алексеевского городского округа до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://adm-alekseevka.gosuslugi.ru/netcat_files/41/297/Strategiya_sotsial_no_ekonomicheskogo_razvitiya_Alexeevskogo_gorodskogo_okruga_do_2025_goda.pdf (Дата обращения: 12.03.2025).
5. Гененко О.Н., Мирошниченко Е.В. Продвижение территории средствами фестиваля (на примере Алексеевского района Белгородской области) // Современная праздничная культура России: традиции и инновации: Сборник материалов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры. 2024. С. 274–281.
6. Гененко О.Н., Ряднова С.А., Ефремова Н.В. Формирование имиджа учреждений культуры малых городов как инструмент их эффективной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5(91). С. 131–141.

THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF A SMALL TOWN AS A RESOURCE FOR YOUTH LEISURE ACTIVITIES

Genenko O.N., Semchenkova I.V., Kushchenko E.S., Verchenko A.R.
Belgorod State University of Arts and Culture

The article is devoted to the analysis of the socio-cultural environment of a small town as a factor in the formation of leisure needs of young people in modern conditions. In recent years, very serious, and in some ways even drastic changes have been taking place in the leisure sector of our country. All this makes it necessary to carry out an in-depth analysis not only of leisure activities themselves, but also of various aspects and methods of their organization, especially in terms of youth's free time. The main characteristics of the socio-cultural environment of a small town are revealed. On the example of G. Alekseevka, Belgorod region, the socio-cultural space is analyzed, the main problems of leisure activities of the city's youth are identified. A number of leisure-related issues have been identified that can negatively affect the quality of life of small-town residents.

Keywords: small town, socio-cultural space, cultural and leisure activities, leisure, youth.

References

1. Markov E.M. Small towns in the socio-spatial development of Russia: problems of preservation and development // Spatial development of small towns: social strategies and practices: [monograph] / M.F. Chernysh, V.V. Markin [et al.]. FNISC RAS. Moscow: FNISC RAS. 2020. Pp. 16–41.
2. Baibakov E.I., Rubtsov V.A. Small towns of Russia: formation, development, historical fate // Environmental consulting. 2015. No. 3 (59). Pp. 2–6.
3. Beznogikh V.S. Features of the influence of the socio-cultural space of a small town on the leisure preferences of young people // Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: collection of reports of the XII All-Russian scientific and practical conference of students, master's students, graduate students and young scientists. Belgorod. Belgorod State Institute of Arts and Culture. 2024.P. 35–41.
4. Strategy for the socio-economic development of the Alekseevsky urban district until 2025 [Electronic resource]. URL: https://adm-alekseevka.gosuslugi.ru/netcat_files/41/297/Strategiya_sotsial_no_ekonomicheskogo_razvitiya_Alexeevskogo_gorodskogo_okruga_do_2025_goda.pdf (Accessed: 12.03.2025).
5. Genenko O.N., Miroshnichenko E.V. Promotion of the territory by means of the festival (on the example of the Alekseevsky district of the Belgorod region) // Modern festive culture of Russia: traditions and innovations: Collection of materials of the III All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture. 2024. P. 274–281.
6. Genenko O.N., Ryadnova S.A., Efremova N.V. Formation of the image of cultural institutions of small towns as a tool for their effective activity // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. No. 5 (91). P. 131–141.

Социальные вызовы и перспективы развития умных городов в контексте общественных услуг

Гон Чжэн,
магистр, МГУ
E-mail: gz@lggeo.com

Исследование раскрывает диалектику технологического прогресса и общественных ценностей в развитии умных городов, акцентируя противоречия между инструментальной рациональностью технологий и воспроизводством публичной сферы. Анализ социальной сущности умных городов демонстрирует их роль как системы перераспределения ресурсов и власти, где цифровизация услуг усиливает риски технологической колонизации, цифрового неравенства и эрозии гражданских прав. На примере российских кейсов (Московская транспортная система, региональная инфраструктура) выявлены структурные вызовы: воспроизводство социальной стратификации через цифровые разрывы, алгоритмическую дискриминацию и монополизацию данных. Предложена концепция устойчивого развития, основанная на инклюзивных технологиях, регенеративном управлении и переопределении цифрового гражданства. Доказана необходимость баланса между эффективностью и справедливостью через правовые механизмы защиты данных, участие граждан в алгоритмическом дизайне и федеральные программы цифровой грамотности. Результаты формируют теоретическую основу для адаптации умных городов к социокультурным особенностям России.

Ключевые слова: умные города, публичная сфера, социотехнические системы, цифровое неравенство, алгоритмическая этика.

Введение

Умный город, являясь продуктом глубокой интеграции технологической революции и городского управления, по сути, представляет собой реконструкцию публичности в цифровую эпоху. Этот процесс не только отражается в скачке эффективности режима предоставления общественных услуг, но и отражает структурное напряжение между технической инструментальной рациональностью и рациональностью общественной ценности. Современные исследования, как правило, фокусируются на пути технической реализации «умного города», но игнорируют присущие ему противоречия как носителю социальных отношений – расширение технологических возможностей может привести к отчуждению существенных атрибутов общественных услуг при оптимизации распределения ресурсов, что ведет к риску технологической колонизации общественного пространства.[1] С диалектической точки зрения, развитие «умных городов» – это не только возможность разорвать оковы традиционного управления, но и новое поле для воспроизводства социального неравенства: полнота сбора данных обостряет игру между правом на частную жизнь и общественными интересами, популярность алгоритмического принятия решений ставит под вопрос суть гражданского участия, а явное технологическое разделение ставит под угрозу цель уравнивания общественных услуг. Подобные противоречия требуют от исследователей выйти за рамки технологического детерминизма и поместить умные города в рамки «социотехнической» коэволюции, чтобы раскрыть внутренние механизмы общественного воспроизводства.[2] Опираясь на нормативное измерение этики общественного обслуживания, данная работа исследует путь устойчивого развития «умных» городов с точки зрения социальной инклюзивности, деконструируя эрозию общественных ценностей через логику приоритета эффективности в технологическом управлении. В исследовании предпринята попытка доказать, что единственным способом достижения диалектического единства инструментальной рациональности и ценностной рациональности в цифровой трансформации городов является создание динамического механизма балансирования между технологическими приложениями и социальными ценностями, что одновременно является критическим пересмотром теоретической парадигмы умного города и обеспечивает необходимую доктринальную поддержку для построения суверенной цифровой экологии в России.

Социальная природа умных городов и их общественная миссия

Социальная природа умного города заключается в том, что он представляет собой сложную систему, в которой технологии и социальные отношения взаимно структурированы, что определяет, что его общественная миссия должна выходить за рамки чистого стремления к технологической эффективности и обеспечивать институциональные гарантии воспроизводства общественных ценностей. В своем исследовании по социологии технологий он подчеркивал, что «сущность технологических устройств заключается не в физической твердости, а в их способно-

сти структурно перестраивать социальные отношения», и это утверждение является ключевой теоретической точкой опоры для анализа общественной роли «умных городов».[3] С точки зрения теории социотехнических систем, умный город – это не набор ценностно-нейтральных инструментов, а вложенная структура из слоя восприятия IoT, слоя принятия алгоритмических решений и слоя применения общественных услуг, которая перестраивает логику распределения общественных ресурсов и властных отношений (рис. 1).

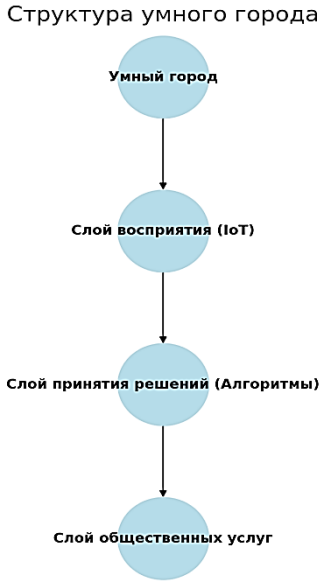

Рис 1. Структура умного города
Источник: составлено автором

В сфере общественных услуг технологическая система не только выступает в роли распределителя ресурсов, оптимизируя эффективность их распределения с помощью моделирования данных, но и служит инструментом управления, укрепляя способность правительства контролировать работу города, и перестраивает путь выражения гражданских прав с помощью цифровых интерфейсов. Такое многомерное ролевое позиционирование приводит к фундаментальному конфликту между инструментальной рациональностью технологии и гуманистическими атрибутами общественных услуг: управляемый алгоритмами принцип максимизации эффективности может растворить универсальность и эмоциональную связь, которой должны обладать общественные услуги, а монополия на данные может отдалить граждан от субъекта их прав к объекту данных технологической системы.

Здесь важную объяснительную силу имеет «парадокс технологической встроенности» – чем глубже технология встроена в систему публичных услуг, тем более значимыми оказываются ее ценностные характеристики, и так называемая гипотеза «технологического нейтралитета» становится очевидной в контексте умных городов. Так называемая гипотеза «технологической нейтральности» демонстрирует очевидные ограничения в контексте умного города. Если взять в качестве примера систему умной диагностики в области медицины, то смещение репрезентативности обучающих данных алгоритма может привести к систематическому игнорированию определенных групп, и этот технический дефект по сути отражает неявное кодирование структуры социальной власти в процессе сбора данных.[4] Гуманистическая природа общественных услуг требует внимания к дифференцированным потребностям уязвимых групп и сохранения субъективной позиции граждан в процессе цифровизации, что создает структурное напряжение по отношению к стандартизированным и вычисляемым характеристикам технологических систем. Это противоречие особенно ярко проявляется в российской практике, где московская интеллектуальная транспортная система повышает эффективность поездок на работу за счет оптимизации движения в режиме реального времени, а различия в технологической адаптации мобильных платежей для пожилых людей приводят к разрыву между поколениями в доступности государственных услуг [5]

Таким образом, общественная миссия «умных городов» должна быть переосмыслена как «воспроизводство общественности через демократизацию технологий». Это требует создания динамичного механизма корректировки между технологическими системами и социальными ценностями: на уровне институционального дизайна необходимо создать правовую основу для суверенитета данных, чтобы технологическая мощь не подрывала основные права граждан; на уровне технологического развития следует внедрить принцип партисипативного проектирования, чтобы потребности маргинальных групп были заложены в логику алгоритмов; а на уровне этических норм необходимо установить принцип приоритета гуманистических ценностей цифровой трансформации общественных услуг.

Структурные социальные вызовы развития умных городов

Структурные социальные вызовы развития «умных городов» коренятся в глубоком взаимодействии технологических систем и социальных структур и, по сути, являются перекодировкой властных отношений и механизмов распределения общественных ценностей в процессе цифровизации. Механизм воспроизводства цифрового разрыва показывает, что различия в технологическом доступе – это не просто вопрос технологической диффузии, а структурная проекция социального расслоения в цифровом пространстве: по мере того как государственные услуги становятся все более зависимыми от интеллектуальных терминалов и цифровых платформ, различия в образовании, возрасте и экономическом статусе напрямую трансформируются в градиент возможностей доступа к государственным услугам (табл. 1).

Таблица 1. Структурные вызовы умных городов

Проблема	Воздействие	Возможные решения
Цифровой разрыв	Усиливает социальное неравенство, ограничивает доступ к государственным услугам для уязвимых групп	Развитие цифровой инфраструктуры в регионах, программы цифровой грамотности, государственные субсидии
Монополия на данные	Концентрация данных в руках крупных корпораций или государства, снижение прозрачности и конкурентоспособности	Создание правовой базы регулирования данных, поддержка открытых данных, демократизация доступа к информации
Алгоритмическое управление	Решения принимаются алгоритмами без учёта социального контекста, риск дискриминации и потери гражданского контроля	Прозрачность алгоритмов, участие граждан в разработке решений, независимые аудиты AI-систем

Источник: составлено автором

Эта дифференциация особенно ярко проявляется в региональных различиях субъектов Российской Федерации, где отставание цифровой инфраструктуры на Дальнем Востоке не только подрывает доступ жителей к «умному» здравоохранению и онлайн-образованию, но и усиливает социальное неравенство за счет передачи доступности услуг от поколения к поколению. [6] Монополия на данные еще больше усугубляет дилемму расширения прав и возможностей граждан, а государственно-частная игра за контроль над данными создает новую асимметрию власти – коммерческие платформы формируют «цифрового левиафана» за счет капитализированного накопления поведенческих данных пользователей, в то время как открытость публичных данных для государственных ведомств часто сдерживается соображениями безопасности. Это двойное давление привело к растворению субъективности граждан в алгоритмическом обществе, а демократическое участие было сведено к символическому процессу, в котором доминирует технологическая элита.

Этические границы алгоритмического управления обнажают внутренний конфликт между автоматизированным принятием решений и общественными ценностями. Хотя применение алгоритмов в государственных службах повышает эффективность принятия решений, их природа «черного ящика» и потенциальная предвзятость обучающих данных могут привести к систематической дискриминации. Например, в случае с интеллектуальной системой охраны общественного порядка в Москве алгоритмы прогнозирования преступности, основанные на пространственной аннотации исторических данных, часто ошибочно относят районы с низким уровнем дохода к зонам повышенного риска. Этот феномен технологического отчуждения подтверждает теоретическое предупреждение об «узурпации инструментальной рациональности» в российской технологической философии – когда алгоритмическая логика берет верх над общественной этикой, технологическое управление превращается из инструмента обслуживания в механизм социального контроля. Взаимосвязь структурных вызовов позволяет предположить, что социальные проблемы развития «умных городов» неразделимы: цифровой разрыв подрывает способность граждан производить данные, монополии на данные ограничивают возможности демократического надзора, а алгоритмические «черные ящики» в конечном итоге разрушают легитимность государственных услуг.

Решение этих проблем требует выхода за пределы зависимости от технологического прогресса и перехода к системному ответу в виде институциональных инноваций. Цифровая трансформация государственных услуг должна создать механизм контроля и баланса технологической власти, а также перестроить отношения общественного договора в процессе развития «умных городов» посредством юридического определения суверенитета данных, обязательного раскрытия прозрачности алгоритмов, всеобщего продвижения цифровой грамотности и других институциональных конструкций. [7] Этот институциональный сдвиг является как неизбежным ответом на конфликт между технологиями и социальными ценностями, описанный в предыдущем разделе, так и логической точкой опоры для последующего обсуждения парадигмы инклюзивных технологий и устойчивой системы управления, суть которой заключается в реализации диалектического единства расширения технологических возможностей и гарантии публичности.

Перспективы умных городов в перспективе социальной устойчивости

Устойчивость «умных» городов зависит от их способности установить динамический баланс между технологической рациональностью и общественными ценностями – процесс, который по сути является критическим преодолением инструменталистской парадигмы цифровой трансформации городов. Традиционное строительство «умных городов» часто впадает в технологический миф «эффективность превыше всего», сводя оптимизацию общественных услуг к линейному увеличению мощности алгоритмов, игнорируя при этом реформирующее влияние технологических приложений на социальные отношения. Современная мировая практика «умных городов» показывает, что опора исключительно на технологические итерации не может решить такие структурные конфликты, как углубление цифрового разрыва и монополия на данные, но может усугубить фрагментацию и отчуждение общественных услуг».[8] Перспектива социальной устойчивости требует перестройки системы ценностных координат развития «умного города», внедрения принципов честности и справедливости, разделения рисков и расширения прав и возможностей граждан в логику проектирования и структуру управления технологической системой, а также реализации смены парадигмы с технологической на ценностно-ориентированную.

Построение инклюзивной технологической парадигмы представляет собой первый прорывной момент, суть которого заключается в отказе от однонаправленного пути развития «сначала эффективность» и создании синергетической структуры «справедливость-эффективность». Для этого необходимо, чтобы принцип технологического проектирования перешел от стремления к экономии на масштабе к ориентации на доступность для маргинализированных групп населения посредством разработки адаптивных интерфейсов для снижения порога цифровой грамотности или использования технологии граничных вычислений для повышения оперативности предоставления услуг в районах со слабой инфраструктурой. Инновации в системе управления устойчивостью являются ключевым ответом на институциональном уровне, который должен перестроить механизм распределения рисков между правительством, предприятиями, сообществами и гражданами. Создав распределенную архитектуру управления данными и устойчивую сеть экстренного реагирования, «умные» города смогут повысить свою устойчивость к новым видам рисков, таким как технологические сбои и кибератаки, и избежать системного коллапса систем общественного обслуживания из-за чрезмерной централизации. Переопределение цифрового гражданства представляет собой фундаментальный проект по защите прав, суть которого заключается в изменении властных отношений между гражданами и технологическими системами путем возвращения суверенитета над данными. Установление законной собственности на активы персональных данных и права на осознанное участие в принятии алгоритмических решений может не только сдержать эрозию прав граждан технологической властью, но и активизировать творческий потенциал социальных субъектов в строительстве умных городов.

Эти трехмерные трансформации в совокупности указывают на существенное изменение развития умных городов – от практики инструментальной рациональности, основанной на технологиях, к реконструкции ценностной рациональности, ориентированной на человека. Эта

трансформация требует не только фундаментальной корректировки парадигмы технологических инноваций, но и синергетической эволюции концепций управления и институционального дизайна. Цифровая трансформация системы государственных услуг должна выходить за рамки поверхностной оптимизации технологических приложений и затрагивать более глубокие социальные отношения, связанные со структурой власти, распределением ресурсов и гражданскими правами.[9] Только увязывая технологическое развитие с ценностью социальной устойчивости, умные города могут совершить настоящий скачок от эффективности к цивилизации, что не только является диалектическим отказом от существующих моделей развития, но и открывает новые возможности для построения городской цивилизации в цифровую эпоху.

Заключение

Опыт строительства «умных городов» показывает, что эволюция социальных противоречий происходит по диалектическому закону расширения технологических возможностей и реконфигурации общественности: повышение технологической эффективности часто сопровождается реконфигурацией властных отношений, а реализация общественной ценности требует институционального оформления непрерывной коррекции технологических приложений. Этот вывод разрушает традиционные когнитивные рамки технологического детерминизма и выявляет центральную роль механизма динамического балансирования социотехнических систем – технологические инновации должны быть структурно сопряжены с механизмами защиты гражданских прав и распределения рисков. Исследование подтверждает, что воспроизводство цифрового неравенства по сути является технологическим проявлением социального исключения, а алгоритмическая предвзятость – зеркальной проекцией структуры власти в пространстве данных, и что путь к разрешению этих противоречий лежит через реконфигурацию ценностных якорей технологического развития и встраивание принципа честности и справедливости во весь жизненный цикл управления умным городом.

Для России при разработке политики «умного города» необходимо заложить принцип институциональной адаптивности, сфокусировав внимание на балансе между рыночной динамикой технологических инноваций и ответственностью государства за предоставление общественных услуг. Рекомендуется создать правовую базу суверенитета данных на федеральном уровне, чтобы уточнить границы прав и обязанностей в отношении данных между государственным и частным секторами; внедрить механизм оценки технологий на основе широкого участия, чтобы обеспечить участие маргинальных групп в разработке алгоритмов; и реализовать национальный план действий по цифровой грамотности, чтобы устранить барьеры, препятствующие применению технологий. Суть этих политических инструментов заключается в восстановлении баланса между технологической мощью и социальными правами посредством институциональных инноваций, а их эффективность зависит от уважения традиций управления и культурных особенностей России, таких как установление динамического баланса между открытыми данными и национальной безопасностью, соответствующего национальному контексту. Такие политические выводы не только служат практическим руководством для строительства «умных городов» в России, но и привносят новые эмпирические измерения в локализованное развитие теории социологии технологий.

Литература

1. Санчес-Коркуэра Р., Нуньес-Маркос А., Сесма-Соланс Дж. и др. Исследование «умных городов»: технологии, области применения и проблемы городов будущего // Международный журнал распределенных сенсорных сетей. 2019. Т. 15, № 6.
2. Зингони де Баро М.Э. Интегрированная основа для проектирования регенеративной устойчивой городской среды // В: Возрождающиеся города: возрождающиеся места и планета. Чам: Springer International Publishing, 2022. С. 97–116.
3. Синуков В.Н. Цифровое право и проблемы поэтапной трансформации российской системы // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 9–18.
4. Кузяшев А. Н., Смолин А.Е. Интернет вещей, умный дом и умные города // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 174–176.
5. Вершинина И. А., Полякова Н.Л. Москва: столица-глобальный город-агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122–137.
6. Владимириров Д. Г., Воротников А.М. Умный город: особенности формирования концепции регионов Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3 (33). С. 17–22.
7. Хуан К., Луо В., Чжан В. и др. Характеристики и проблемы развития умного города в Китае // Умные города. 2021. Т. 4, № 4. С. 1403–1419.
8. Ерзнкян Б. А., Фонтана К.А. Современная городская политика и перспективы реализации концепции «умного города» // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 1. С. 58–81.
9. Семячков К.А. Моделирование рассмотрения развития территории на основе концепции умного города // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 3. С. 1015–1034.

SOCIAL CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SMART CITIES IN THE CONTEXT OF PUBLIC SERVICES

Gong Zheng
Moscow state university

The study reveals the dialectic of technological progress and social values in the development of smart cities, emphasizing the contradictions between the instrumental rationality of technologies and the reproduction of the public sphere. An analysis of the social essence of smart cities demonstrates their role as a system for the redistribution of resources and power, where the digitalization of services increases the risks of technological colonization, digital inequality and the erosion of civil rights. Using Russian cases (Moscow transport system, regional infrastructure), structural challenges are identified: the reproduction of social stratification through digital divides, algorithmic discrimination and data monopolization. A concept of sustainable development based on inclusive technologies, regenerative management and the redefinition of digital citizenship is proposed. The need for a balance between efficiency and fairness through legal mechanisms for data protection, citizen participation in algorithmic design and federal digital literacy programs is proven. The results form a theoretical basis for the adaptation of smart cities to the socio-cultural characteristics of Russia.

Keywords: Smart Cities, Public Sphere, Sociotechnical Systems, Digital Inequality, Algorithmic Ethics.

References

1. Sanchez-Corcuera R., Nunez-Marcos A., Sesma-Solans J., et al. Exploring Smart Cities: Technologies, Applications, and Challenges for Future Cities // International Journal of Distributed Sensor Networks. 2019. Vol. 15, No. 6.

2. Zingoni de Baro M.E. An Integrated Framework for Designing Regenerative Sustainable Urban Environments // In: Resurgent Cities: Resurgent Places and Planet. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 97–116.
3. Sinukov V.N. Digital Law and the Challenges of Step-by-Step Transformation of the Russian System // Lex Russica. 2019. No. 9 (154). Pp. 9–18.
4. Kuzyashev A. N., Smolin A.E. The Internet of Things, Smart Home, and Smart Cities // The Age of Science. 2021. No. 25. P. 174–176.
5. Vershinina I. A., Polyakova N.L. Moscow: the capital-global city-agglomeration // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2014. No. 4. P. 122–137.
6. Vladimirirov D. G., Vorotnikov A.M. Smart city: features of the formation of the concept of regions of the Russian Federation // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2018. No. 3 (33). P. 17–22.
7. Huang K., Luo W., Zhang W. et al. Characteristics and problems of smart city development in China // Smart cities. 2021. Vol. 4, No. 4. P. 1403–1419.
8. Erznkyan B. A., Fontana K.A. Modern urban policy and prospects for implementing the concept of “smart city” // Problems of market economy. 2022. No. 1. P. 58–81.
9. Semyachkov K.A. Modeling the consideration of territorial development based on the concept of a smart city // Issues of innovative economics. 2021. Vol. 11, No. 3. P. 1015–1034.

Анализ характеристики Паши Антипова в фильме «Доктор Живаго»

И Вэйян,
бакалавриат, Чжуннаньский университет экономики и права

В статье исследуется трагическая эволюция Павла Антипова (Стрельникова) – ключевого персонажа романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», чья судьба отражает противоречия революционной эпохи. Анализируются три этапа его жизни: идеалистическая юность, трансформация в революционного лидера и финальное разочарование. Особое внимание уделено влиянию перфекционизма, травматического опыта, связанного с прошлым жены Лары, и конфликту между личными ценностями и революционной идеологией. Параллели с судьбой Живаго подчеркивают два противоположных пути существования в эпоху социальных катаклизмов. Трагедия Антипова символизирует кризис революционного идеализма, где стремление к абсолютному совершенству приводит к саморазрушению.

Ключевые слова: Павел Антипов, Революционный Идеализм, Перфекционизм, Трагедия Личности, Борис Пастернак.

Введение

Павел Антипов (Стрельников) – одна из ключевых фигур в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», чья судьба отражает трагические противоречия эпохи революции и Гражданской войны. Его образ, сочетающий в себе черты романтического идеалиста и беспощадного революционера, раскрывает глубину внутреннего конфликта личности, разрываемой между любовью к семье и фанатичной преданностью делу революции. В данной статье рассматривается эволюция персонажа от юноши, преисполненного надежд и веры в совершенство, до разочарованного изгнанника, завершившего жизнь самоубийством.

Особое внимание уделяется трем ключевым этапам жизни Антипова: его идеалистической юности, трансформации в революционного лидера и финальному периоду одиночества и отчаяния. Анализируется влияние таких факторов, как перфекционизм, травматический опыт, связанный с прошлым его жены Лары, и противоречия между личными ценностями и революционной идеологией. Статья также исследует параллели между судьбами Антипова и Живаго, подчеркивая, как разные мировоззрения приводят к противоположным исходам.

Смутная и беспокойная юность

Детство Павла Антипова было одновременно и серым, и ярким. Он происходил из семьи простых железнодорожников, живших в очень тяжелых условиях. Его отец был арестован за участие в забастовке рабочих, мать была слишком слаба, чтобы содержать его, и юному Паше приходилось полагаться на заботу глухой тети. В таких обстоятельствах его должны были поглотить нищета, одиночество и социальное безразличие. Однако судьба тихонько пролила на него свет во тьме – он был усыновлен добросердечной семьей Йирвециных. Тильверсинна не только дала ему кров, но и заботилась об этом молчаливом, упрямом и одаренном мальчике с любящим взглядом. Именно в такой семейной атмосфере Паша постепенно вырастает в прямого, доброго, умного, но искреннего юношу. В нем отчетливо виден некий интровертный свет. Он не относится к тем юношам, которые выставляют себя напоказ, а скорее похож на березу, тихо набирающую силу под ветром и снегом. Он обладает природным благоговением и тягой к знаниям, не только владеет древнегреческим и латынью, но и широко вовлечен в другие гуманитарные и естественные науки. Это стремление к порядку и истине также свидетельствует о наличии в его костях перфекционистской жилки. Учеба была для него не только средством достижения успеха, но и способом совершенствования личности и приближения к своему идеальному «я». Однако не учеба заставила сердце Паши по-настоящему засиять, а почти божественная любовь. Когда он впервые встретил Ларису Федоровну, ход его жизни изменился. В тот миг он словно увидел некую запредельную чистоту и нежность, подобную лунному свету, разливающемуся по бурной реке, мягкую, но неуловимую. Он полюбил ее, не поверхностно, потакая красоте, а глубоко, тронутый ее добротой, стойкостью и болью. Он любил ее с почти религиозной преданностью и безоговорочным доверием. Эта любовь длилась всю его короткую, но насыщенную

жизнь, и до самого конца его жизни имя, которое вывело его из темной ночи юности, оставалось в его сердце.

Как пишет Пастернак в своей книге, «Антипов был похож на мифически одержимого человека».[1] Он действительно был одержим – одержим любовью, одержим идеалом, одержим видением чистоты и красоты. Он считал любовь лестницей, ведущей к высшему состоянию человечества, а Лару – иконой своей души. Он никогда не сомневался в своих чувствах и не уклонялся от будущего. Когда он подтверждает свои чувства к Ларе, он не предается романтическим фантазиям и не зацикливается на юношеских страстях. Со спокойствием и ясностью, не свойственными его годам, он строит реалистичные планы на их будущее. Зная, что Лара хочет уехать на Урал, он без колебаний согласился поехать туда, чтобы работать учителем в этом пустынном и огромном краю. Он хотел построить для Лары идеальный и теплый дом, воплотить идеал в реальности.

Он был не только прекрасным любовником, но и исключительным учителем. Его ученики всегда вспоминали этого молодого учителя с уважением и любовью. Он был строг и в то же время страстен, мягок и принципиален, словно передавал знания и одновременно пробуждал дух целого поколения своим сердцем. Каждый взгляд и каждый тон его голоса в классе были продолжением его личности, внешним воплощением его внутреннего мира. Прошлое Лары, особенно ее сложная связь с Комаровским, навсегда осталось в ее сердце незаживающим шрамом. Ей и стыдно, и больно, и она даже не может выразить свое раскаяние словами. На фоне всего этого выбор Паши поражает. Он не задавал вопросов, не преследовал и не принуждал ее к признанию. Он предоставил Ларе полное уважение и свободу самой решать, хочет ли она вступить в брак. Именно эта глубокая любовь в молчании свидетельствует о благородстве его характера. Однако судьба никогда не милует идеалистов. Когда он наконец узнал об унизительном прошлом Лары и Комаровского, прекрасная иллюзия, которую он лепил всем сердцем, рухнула. Любовь, которую он считал священной, превратилась в ужасное недоразумение. Брак, в который он верил, стал железным доказательством самообмана, а преданность, о которой он думал, что у него нет никаких сомнений, в конце концов стала опорой для «героизма» другой стороны. Он пишет, что для своей жены он всего лишь «воплощение героизма».[2]

Для Паши это стало сокрушительным ударом. Ведь в его понимании Лара была не только его первой любовью, но и символом чистоты его души, самым искренним существом в его жизни. Она была и его женой, и матерью его детей; все, что было связано с ней, однажды убедило его в том, что мир заслуживает доверия».[3] Когда этот «священный образ» был запятнан реальностью, его вера рухнула. Он не мог ни простить Лару, ни обидеться на нее. Он мог лишь молча проглотить глубокую боль, запечатать все эмоции в сердце, не произносить ни слова, не обвинять, а молча страдать. Боль Паши была связана не с потерей Лары, а с потерей его веры в «чистую любовь». Когда вера разрушена, у перфекционистов часто не остается выхода. Поэтому он решил превратить свою личную любовь в преданность своей стране и своим идеалам. Он отправился в бой и посвятил свою страсть и преданность, которые изначально принадлежали Ларе, своей родине. Он надеялся с помощью войны очистить свое сердце от боли и прикрыть душевное унижение славой пролитой крови за свою страну. Война для Паши – это и выход, и искупление. Он перестраивает себя среди дыма, подавляя внутренний плач звуками выстрелов и заменяя былую нежность приказами. Он словно пытается сказать себе: пока я еще нужен этой стране, у меня еще есть ценность существования; пока революция еще не завершена, у моей любви еще есть возможность искупления.

Период одинокого и решительного революционера

После расставания с женой автор мало что говорит о Паше, но мы можем предположить, что в какой-то момент Паша мог поколебаться в своей преданности революции. И хотя бывший друг сетует на то, что некогда мягкий Андипов превратился в чрезвычайно злую и хладнокровную военную машину, в его глазах все равно видно, что он скучает по жене и дочери. Любовь Паши к Ларе неоспорима, и именно эта глубокая любовь приводит его к ненависти к таким людям, как Комаровский, и можно даже предположить, что он решил стать ярым защитником марксизма во время гражданской войны именно из-за своего отвращения к старому обществу.

Ситуация на поле боя быстро менялась, и в какой-то момент стало казаться, что Паша погиб за свою страну, но доктор Живаго снова встречает его в поезде. К этому моменту Паша – это страшный Стрельников, но в отличие от тиранического и неразборчивого убийцы, о котором ходят слухи, он мягко обращается с Живаго, которого принял за секретного агента. Автор использует противоречивые описания, чтобы показать читателю, что на самом деле Паша не изменился внутри; как муж и отец, Паша мягок, но как человек, принимающий ответственные решения, Стрельников хладнокровен».[4] Каждый абзац точно передает его образ, за исключением того, что разные личности заставляют Пашу меняться самому. Во время гражданской войны Паша занимался марксизмом в надежде построить идеальное совершенное общество, соответствующее его собственным чертам характера, и он с рвением преследовал эту великую цель, только в процессе совершал поступки, противоречащие его намерениям.

Из-за своего особого статуса он не смог связаться с женой и дочерью. С момента отправки на фронт его привязанность к семье не ослабевала, и только выбор, который он сделал впоследствии, казался ему навязанным судьбой. Но именно его эгоизм и недовольство Комаровским заставляют его решительно присоединиться к революции, а после начала Октябрьской революции превратить этот эгоизм в оправдание революции. Для Паши и жена, и общество, в котором он живет, должны соответствовать тому, что он представляет себе в своей голове. Цена, которую заплатил Паша за свое превращение из интеллигента в воина, была огромной, но в это время в его сердце жила надежда на будущее, надежда на то, что грядущее общество принесет лучшую жизнь ему, его жене и дочери, а также всей России.

Одиночество и отчаяние в изгнании

Когда он узнал Пашу в Живаго, он был один. Армии, преследовавшей его, нигде не было видно, и он был уже не высокопоставленным генералом, а одиночкой. Целью его поездки была встреча с женой и дочерью, но это желание не исполнилось. Во время беседы с Живаго он пытается скрыть свое внутреннее смятение, не только вину за семью, но и неуверенность в том, что он сделал в прошлом. Он признается Живаго в своей ревности к его роману с Ларой, но все же любезно напоминает ему о большой опасности, которую может принести его приезд.

Паша всю жизнь был предан марксизму и революции, но из-за ложных обвинений и утечек информа-

ции ему пришлось скрываться. В отличие от Живаго, эти двое мужчин, выходцы из разных слоев общества и обладатели очень разных характеров, еще более диаметрально противоположны в своем отношении к прошлому Лары. В отличие от покладистого Живаго, Паша больше борется с собственной судьбой. Возможно, из-за участия в рабочих маршах в детстве, которое оставило в нем глубокий след, для Паши все, что он делает, – это просто поиск нового рецепта для этого «больного» общества. Только в присутствии Живаго, о котором ходят слухи, Паша может снять с себя маскировку и сказать человеку, который тоже любит свою жену, как он по ней скучает.

Предрассветный разговор с Живаго словно бы превратил произвольного и холодного Стрельникова в молодого человека, когда-то с первого взгляда влюбившегося в Лару, и он говорит о себе и своих войсках так, словно бы никогда не было ложного обвинения, а Паша гордится своей былой славой и верит, что зарождается новый народ.[5] Шесть лет разлуки не заставили Пашу забыть Лару, а наоборот, он всегда хранил в памяти напутствие и образ жены; точно так же и жена Лара в душе никогда не обижалась на уход мужа и даже говорила Живаго, что второго лучшего человека в мире ей не найти. Слова Живаго еще более укрепили Пашу в мысли, что его жена до сих пор хранит в памяти юношеский и прекрасный облик, между этими двумя людьми словно никогда не существовало разрыва.

В это время Паша стремился к тому, чтобы мечта сбылась, безупречная жена, новая страна, новый режим …… все шло в русле хорошего развития. Но он забывал только о себе и своем собственном существовании. Все блага, к которым он стремился, были в интересах других. Узнав, что жена и дочь в безопасности, он решил, что достиг совершенства в своей жизненной миссии, и Живаго осталось только подвести черту под ним и не тащиться за ним. Во сне Живаго верит, что звук, разбивший оконное стекло, – это выстрел, которым Паша покончил с собой. Паша самым решительным образом прощается с миром, увидев, что его жизнь прошла полный круг.

Заключение

Трагическая судьба Павла Антипова (Стрельникова) в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» представляет собой глубокий психологический и философский анализ личности, раздавленной между идеалистическими устремлениями и жестокой реальностью революционной эпохи. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что эволюция этого персонажа от романтически настроенного юноши до фанатичного революционера и, наконец, до разочарованного изгнанника отражает не только индивидуальную драму, но и кризис целого поколения русской интеллигенции в переломный исторический момент.

Ключевым аспектом трагедии Антипова становится его перфекционизм, проявляющийся как в личной жизни (непримиримое отношение к прошлому Лары), так и в революционной деятельности (стремление построить идеальное общество). Этот перфекционизм, изначально являвшийся источником его силы, в конечном итоге превращается в фатальную слабость, делая невозможным примирение с несовершенством мира. Показательно, что даже в момент самоубийства Антипов сохраняет верность своей парадигме мышления – он уходит из жизни не как побежденный, а как человек, «совершенно» завершивший свою миссию.

Сравнительный анализ образов Антипова и Живаго выявляет два принципиально разных способа существования в эпоху социальных катаклизмов: активное преобразование действительности (часто ценой моральных компромиссов) и стоическое сохранение гуманистических ценностей. Если Живаго принимает жизнь во всей ее противоречивости, то для Антипова подобный компромисс оказывается невозможен, что и предопределяет его трагический финал. Антипова-Стрельникова в романе Пастернака приобретает символическое значение, становясь воплощением трагедии революционного идеализма, который, стремясь к абсолютному совершенству, неизбежно приходит к саморазрушению. Этот вывод имеет важное значение для понимания не только художественного мира романа, но и более широких философских вопросов о пределах человеческого совершенства и цене исторического прогресса.

Литература

1. Кон Цуйхун. Исследование образов в романе «Доктор Живаго» / Цуйхун Кон. – Харбин: Харбинский университет, 2010. – 210 с.
2. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман / Б.Л. Пастернак; пер. с рус. Лань Иннянь, Чжан Бинхэн. – Пекин: Народное литературное издательство, 2006. – 560 с.
3. Лю Линь, Чжан Мэй Анализ образа Лары как Богоматери в «Докторе Живаго» / Линь Лю, Мэй Чжан // Классика и вкус. – 2024. – № 3. – С. 45–58.
4. Хэ Цзефан. Трагичность художественного образа Антипова / Цзефан Хэ // Журнал Яньцзы университета (Серия общественных наук). – 2011. – № 2. – С. 112–125.
5. Матвеева И.И. Стрельников (Антипов) / И.И. Матвеева. – 1997. – URL: https://a4format.ru/pdf_files_bio2/4721ea6f.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

ANALYSIS OF PASHA ANTIPOV'S CHARACTERIZATION IN THE FILM "DOCTOR ZHIVAGO"

Yi Weiyang
Zhongnan University of Economics and Law

The article explores the tragic evolution of Pavel Antipov (Strelnikov), a key character in B.L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago", whose fate reflects the contradictions of the revolutionary era. Three stages of his life are analyzed: idealistic youth, transformation into a revolutionary leader and final disillusionment. Particular attention is paid to the influence of perfectionism, the traumatic experience of his wife Lara's past, and the conflict between personal values and revolutionary ideology. The parallels with Zhivago's fate emphasize the two opposing ways of existence in an era of social cataclysms. Antipov's tragedy symbolizes the crisis of revolutionary idealism, where the pursuit of absolute perfection leads to self-destruction.

Keywords: Pavel Antipov, Revolutionary Idealism, Perfectionism, Tragedy of Personality, Boris Pasternak.

References

1. Kong Cuihong Study of Images in the Novel "Doctor Zhivago" / Cuihong Kong. – Harbin: Harbin University, 2010. – 210 p.
2. Pasternak B.L. Doctor Zhivago: a novel / B.L. Pasternak; trans. from Russian by Lan Yinnian, Zhang Bingheng. – Beijing: People's Literary Publishing House, 2006. – 560 p.
3. Liu Lin, Zhang Mei Analysis of the Image of Lara as the Mother of God in "Doctor Zhivago" / Lin Liu, Mei Zhang // Classics and Taste. – 2024. – No. 3. – P. 45–58.
4. He Jiefang Tragicness of the Artistic Image of Antipov / Jiefang He // Journal of Yanzi University (Social Sciences Series). – 2011. – No. 2. – P. 112–125.
5. Matveeva I.I. Strelnikov (Antipov) / I.I. Matveeva. – 1997. – URL: https://a4format.ru/pdf_files_bio2/4721ea6f.pdf (date of access: 10.10.2024).

Актуальные проблемы членов семей военнослужащих участников СВО

Ирдуганова Елизавета Борисовна,
студент магистратуры, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

Щека Наталья Юрьевна,
кандидат социологических наук, доцент, научный руководитель, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

В статье рассматриваются актуальные социальные проблемы, с которыми сталкиваются члены семей военнослужащих участников Специальной военной операции на Украине. Описываются особенности социально-психологических трудностей во взаимодействии, сложности с оформлением документов и получением положенных выплат. Приводятся результаты исследования, проведенного на базе филиала Фонда «Защитники Отечества» Амурской области. По результатам анкетирования подопечных Фонда членов семей военнослужащих участников СВО выявляются наиболее актуальные проблемы в сфере социального обслуживания. Выводы акцентируют важность организации социального сопровождения данной категории населения для решения их проблем.

Ключевые слова: Специальная военная операция, участник СВО, члены семьи участника СВО, социальное сопровождение, социальные проблемы

Сейчас наиболее актуальными становятся вопросы социальной поддержки членов семей участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции.

Члены семей участников специальной военной операции – специфическая категория, нуждающаяся в особенной помощи и социальном сопровождении. Военнослужащие, участвующие в СВО, зачастую сталкиваются с состоянием, которое характеризуется затруднением человека в адаптации к факторам среды жизнедеятельности, к внутренним факторам, непринятием нового социального статуса и новым способам взаимодействия, к снижению социальной активности. Это напрямую затрагивает их близких.

Актуальность вопроса обусловлена тем, что, несмотря на большое внимание государства к социальным вопросам членов семей военнослужащих-участников СВО за последнее время, остаются не до конца решенными многие проблемы организации социальной поддержи и сопровождения данной категории населения и требуется их отдельное исследование.

Согласно законодательству, к участникам СВО относятся военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, принимающие участие в боевых действиях в рамках специальных операций, проводимых Российской Федерацией. Семьи участников СВО включают супругов, детей, родителей и иных близких родственников, которые также имеют право на получение определенных льгот и мер социальной поддержки.

Несмотря на широкий круг предоставляемых государством мер поддержки, члены семей участников СВО испытывают различные социальные и психологические проблемы.

1. Одной из основных проблем, с которой сталкиваются семьи военнослужащих, является неопределённость, неизвестность вследствие отсутствия коммуникации и невозможности планировать свое даже ближайшее будущее. Семьи военнослужащих, на данный момент находящихся на службе в зоне Специальной военной операции находятся в состоянии стресса, психологического кризиса и переживают страх за здоровье и жизнь участников СВО. Семьи не знают, когда их близкие вернуться домой, и не могут планировать свою жизнь на долгосрочную перспективу. Это, в свою очередь, может способствовать возникновению у них чувств беспокойства и неуверенности в будущем. [9, с. 72]

2. Еще одной сложностью для семей участников СВО является возвращение военнослужащих домой и изменение их морально-психологического состояния и поведения.

Участник боевых действий в ходе военной операции приспосабливается к новым реалиям, ему приходится отказаться от своей привычной среды, сформировавшихся норм поведения, изменить свои ценности и приоритеты, принять для себя новые правила и рамки. То есть можно сказать, что военнослужащим часто приходится находиться в ролевом напряжении, между своей новой ролью и ролевой моделью его повседневной жизни.

Возвращаясь из условий длительного нахождения под влиянием факторов, порождающих непосредственную угрозу для жизни (неизбежная необходимость непрерывно участвовать в жестоком насилии, отсутствие

в личном опыте запаса возможных ответных реакций, получение тяжёлых ранений и увечий, свидетельство гибели боевых товарищей, гражданских лиц, нахождение в ситуации, подрывающей внутренние убеждения военнослужащего, многократная повторяемость и длительность действия, сочетание с тяжелым физическим и психическим утомлением, отсутствие возможностей для снятия напряжения и нивелирования нарастающей астении), ветеран СВО сталкивается с серьёзными проблемами его ненужности в обществе, непонимания другими людьми, поиском своего нового места в жизни. В этих условиях отношения с самыми близкими людьми – женами, родителями, детьми, имеют огромное значение для успешной реадаптации.

Статистика показывает, что каждый пятый участник боевых действий при отсутствии каких-либо физических повреждений страдает нервно – психическими расстройствами, в первую очередь, посттравматическим стрессовым расстройством – ПТСР. С этим непосредственно сталкиваются члены семьи и близкие участников СВО.

После возвращения с зоны боевых действий у военнослужащих отмечается чувство внутренней измененности, повышенная раздражительность, вспышки гнева, бесконтрольная злоба, приводящие к конфликтам в быту, на работе, проблемам с представителями закона. Все это влияет на межличностные отношения внутри семей и круга общения ветерана СВО. [5, с. 68]

Таким образом, после возвращения ветеранов СВО домой к семье их морально-психологическое состояние зачастую меняется, многие страдают от посттравматического синдрома, чувства вины, отмечается повышенная агрессивность в поведении. Это непосредственно влияет на их близких и родственников и зачастую требует вмешательства специалистов с квалифицированной психологической помощью.

3. Еще одной социально-психологической проблемой для участников боевых действий и членов их семей является симптоматический или истинный алкоголизм и употребление иных ПАВ. Учитывая, что зачастую даже легкая степень опьянения приводит у участников боевых действий к расстройствам сознания, протекая практически всегда по эпилептиформному типу, они становятся в таком состоянии крайне опасными для окружающих и оказывают мощное психотравмирующее действие на родных. Возникающая при этом агрессивность резко увеличивает риск травматизации и смертности.

Близкое окружение может проявлять нетерпимость к новым привычкам участника СВО. К примеру, чрезмерная быстрота реакций, торопливость, появление громкого командного голоса, беспрекословного подчинения. [9]

4. Близкие участников боевых действий испытывают проблемы с ухудшением их здоровья и сокращением продолжительности жизни. Особенности состояния здоровья участников СВО связаны с характером боевых травм и ранений, характером и тяжестью перенесенных заболеваний, возникновением тяжелых отдаленных последствий, наличием посттравматических стрессовых расстройств, распространенностью девиантных форм поведения, алкоголизма, наркомании, суицида.

5. Другой проблемой для участников СВО, которые вернулись в мирную жизнь, является сложность поиска работы, которая может привести к финансовым трудностям семьи. Участники СВО получают хорошую зарплату и уровень благосостояния, который может быть недостижим для них в мирной жизни. Кроме того, если военнослужащий получает ранение, то семья сталкивается с длительным и тяжёлым процессом лечения, и, реабилитацией. А в случае гибели – с потерей кормильца, которая несет в себе материальные и финансовые проблемы. Это может приводить к стрессу и депрессии, что делает процесс адаптации еще более сложным. И непосредственно влияет на членов их семей.

6. Отношения между супругами могут усложниться со сменой семейных ролей. В связи с длительным отсутствием супруга жене приходится взять часть его семейных обязанностей и ответственность за семью на себя. Это может послужить почвой для семейных конфликтов и вызвать проблему доминирования и распределения ролей.

7. Также сейчас существует серьезная проблема при оформлении положенных льгот (сложности в оформлении документов, бюрократическая волокита и, в ряде случаев, безразличие со стороны сотрудников госорганов).

8. Также стоит отдельно отметить проблемы травматизации у детей, которые являются членами семей военнослужащих. Нередко дети испытывают сложности в эмоциональной сфере, страдают от воздействия стрессовых ситуаций и имеют проблемы в поведении. Психологическая поддержка помогает им осознать и выразить свои эмоции, а также научиться справляться со своими чувствами, управлять своим поведением. [4, с. 63]

Таким образом, актуальным и требующими внимания являются такие социальные проблемы членов семей военнослужащих участников СВО:

– трудности с получением необходимых документов (удостоверений участников боевых действий, прав на разные льготы и выплаты);
– психологические сложности в коммуникации с ветеранами боевых действий, вернувшихся с зоны СВО;
– необходимость психологической помощи в период нахождения военнослужащего в зоне боевых действий, а также в случае ранения или гибели члена семьи.

Для изучения актуальных социальных проблем членов семей участникв СВО было проведено эмпирическое исследование.

Базой исследования выступил Фонд «Защитники Отечества» Амурской области. Было проведено анкетирование среди 50 подопечных Фонда – членов семей военнослужащих участников СВО.

Способами получения информации в процессе проведения данного исследования явились такие методы как: анализ документов, экспертный опрос, анкетирование. Исследовательский инструментарий – анкета эксперта.

В ходе исследования подопечных Фонда была выяснена следующая информация.

Первый блок анкеты был посвящен общей характеристике семей обследуемых.

Выяснилось, что у большинства опрошенных подопечных уровень образования высший (72%). 52% опрошенных попадают в возрастную категорию 36–45 лет, 20% подопечных – 46–55 лет. Среднее количество детей в семьях опрошенных – двое, возраст 7–10 лет.

Далее был исследован средний уровень дохода семьи подопечных фонда, в большинстве случаев (60%) он составляет 70000–100 000 рублей / месяц.

В следующем вопросе анкеты мы поинтересовались какой член семьи является участником (или ветераном) СВО. Выяснилось, что в большинстве случаев (70%) участник СВО приходится подопечному Фонда супругом (супругой). Следовательно, в основном сотрудники Фонда работают с женами (мужьями) активных участников СВО или военнослужащих вернувшихся из зоны боевых действий.

Выясняя какой статус у военнослужащего, который является членом семьи подопечного Фонда, мы получи-

ли следующие результаты: 52% – контрактник, 30% – мобилизованный, 18% – доброволец.

Далее мы спросила какой срок нахождения члена семьи подопечных в зоне СВО. Выяснили, что у большинства опрошенных (78%) близкий родственник является участником СВО от полугода до года. 12% ждут возвращения члена семьи уже более года, 10% – менее полугода.

Во втором блоке анкеты мы исследовали проблемы, с которыми сталкиваются подопечные Фонда, члены семей участников СВО.

В первом вопросе блока мы просили оценить наличие в семье проблем, оценив их от 1 до 3 баллов (где 3 – актуальная проблема для семьи, 1 – отсутствие проблемы).

Анализируя полученные результаты, приходим к выводу, что наиболее актуальными проблемами для опрошенных членов семьи участников СВО являются:

1. Трудно справляться со стрессом и неопределенностью (2,7 баллов);
2. Недостаточность источников дохода семьи, нехватка денег (2,46 балла);
3. Повышенная тревожность и раздражительность (2,4 баллов);
4. Сложности с оформлением документов (2,38 баллов);
5. Плохие жилищные и бытовые условия (2,3 баллов).

Далее мы попросили участников опроса оценить от 1 до 3 баллов частоту обращения за решением данных проблем, где 3 – часто обращаемся, 2 – редко, 3 – никогда.

Так, было выяснено, что наиболее часто члены семей участников СВО обращаются за разрешением следующих проблем:

1. Сложности с оформлением документов (2,72 баллов);
2. Сложности с оплатой расходов, связанных с участием члена семьи в СВО (необходимость медицинской или другой платной помощи) (2,6 баллов);
3. Незнание правовых оснований положенных льгот (2,52 баллов);
4. Юридические проблемы (2,5 баллов);
5. Недостаток информации о ситуации и возможностях социальной поддержки (2,3 баллов).

Далее мы поинтересовались к кому за помощью чаще всего обращаются опрошенные при возникновении проблем. Выяснилось, что большинство подопечных Фонда обращаются за помощью к частным специалистам (40%), в государственные структуры и НКО обращаются 32% опрошенных, 18% стараются решить возникающие проблемы с помощью близких и друзей, 10% справляются самостоятельно.

Третий блок анкеты для подопечных Фонда членов семей участников СВО был посвящен вопросам взаимодействия с Фондом.

Сначала мы поинтересовались как часто опрошенные обращаются в Фонд. Выяснилось, что большинство из них обращаются не реже одного раза в месяц (40%), раз в несколько месяцев прибегают к услугам Фонда 28% опрошенных, часто обращаются в Фонд (раз в неделю и чаще) 22% подопечных членов семей участников СВО, никогда не обращаются – 10%.

Далее мы спросили с кем из сотрудников Фонда взаимодействовали подопечные, большинство (90%) в основном работают с социальными координаторами, 10% опрошенных имели опыт работы с другими сотрудниками Фонда.

В следующем вопросе анкеты мы перечислили услуги, которые оказывает Фонд для членов семей участников СВО и попросили выбрать те услуги, которые опрошенные получали в Фонде.

Таким образом, наиболее часто в Фонд обращаются члены семей военнослужащих участников СВО за следующими услугами:

1. Содействие в получение удостоверения ветерана боевых действий участником СВО (86%);
2. Содействие в получении денежных выплат, связанных с участием в СВО (74%);
3. Юридические консультации по правовым вопросам участия в СВО (66%);
4. Разрешение вопросов с трудоустройством и работодателями участников СВО (54%);
5. Помощь в перевозке из госпиталя военнослужащих или помощь в проезде к госпиталю членов семей (44%);
6. Содействие в получении медицинской помощи и лекарственном обеспечении (42%).

Далее мы просили оценить качество оказания услуг Фондом (от 1 до 3 баллов, где 1 – низкий уровень оказания услуг, 3 – высокий уровень оказания услуг).

Так, исходя из оценки членов семей участников СВО, наиболее качественно Фонд оказывает услуги по социально-информационной помощи (2,6 баллов), организации культурно-досуговых мероприятий (2,2 балла) и предоставляет помощь в юридических вопросах (2,1 балл).

В завершении опроса мы попросили подопечных членов семей участников СВО оценить общий уровень удовлетворённости работой Фонда. Выяснилось, что большинство опрошенных (56%) частично удовлетворены работой Фонда, 28% считают, что Фонд работает отлично, 16% оказались полностью не удовлетворены качеством оказания помощи Фондом.

Таким образом, мы провели теоретическое исследование социальных проблем членов семей участников СВО, а также с помощью анкетирования среди членов семей участников СВО, которые являются подопечными Фонда «Защитники отечества» в Амурской области, выяснили наиболее актуальные для них проблемы и степень их решения с помощь деятельности Фонда.

Литература

1. Бобков, В.Н. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей / В.Н. Бобков // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 1 (54). – С. 60–66
2. Винокуров, А.А. Социальная защита участников специальной военной операции и членов их семей / А.А. Винокуров, М.А. Назарова. // Молодой ученый. – 2023. – № 47 (494). – С. 272–275.
3. Иван Новиков обозначил ключевые проблемы социальной защиты членов семей участников СВО [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn—80aec1d.xn—p1ai/2023/10/23/6536427433ee6f8ee90517fe.html. – 26.12.2024
4. Москвитина, М.А. Организационно-методические аспекты психологического сопровождения комбатантов и членов их семей / М.А. Москвитина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 7. – С. 60–69
5. Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения. – Красноярск КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2023. – 112 с.

6. Официальный сайт фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gosfondvetera№ ov.gov.ru. – 11.01.2025
7. Перепелица, Т.О. Модель социальной защиты военнослужащих и членов их семей / Т.О. Перепелица // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 84. – С. 90–95
8. Пригода А.В. Кризисная психологическая помощь родственникам военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции / А.В. Пригода // Шаг в науку. – 2023. – № 2. – С. 70–77
9. Соболева, А.С. Актуальные социально-психологические проблемы ветеранов СВО и членов их семей / А.С. Соболева //Аллея науки. – 2024. – № 4. – С. 70–76
10. Якущенко, Д.С. Что тревожит членов семей участников и ветеранов СВО? / Д.С. Якущенко // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 50–59

CURRENT PROBLEMS OF FAMILY MEMBERS OF MILITARY PERSONNEL PARTICIPATING IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Irduganova E.B., Shcheka N.Y.
Amur State University

The article examines current social problems faced by family members of military personnel participating in the Special Military Operation in Ukraine. It describes the specifics of socio-psychological difficulties in interaction, difficulties with paperwork and receiving due payments. The article presents the results of a study conducted at the branch of the “Defenders of the Fatherland” Foundation in the Amur Region. Based on the results of the survey of the Foundation’s wards, family members of military personnel participating in the Special Military Operation, the most pressing problems in the field of social services are identified. The findings highlight the importance of organizing social support for this category of the population to solve their problems.

Keywords: Special military operation, SVO participant, SVO participant’s family members, social support, social problems.

References

1. Bobkov, V.N. On social guarantees for participants in a special military operation and their family members / V.N. Bobkov // Social and labor research. – 2024. – No. 1 (54). – P. 60–66
2. Vinokurov, A.A. Social protection of participants in a special military operation and their family members / A.A. Vinokurov, M.A. Nazarova. // Young scientist. – 2023. – No. 47 (494). – P. 272–275.
3. Ivan Novikov identified the key problems of social protection of family members of SVO participants [Electronic resource]. Access mode: https://x№ —80aec1d.x№ —p1ai/2023/10/23/6536427433ee6f8ee90517fe.html. – 26.12.2024
4. Moskvitina, M.A. Organizational and methodological aspects of psychological support for combatants and their family members / M.A. Moskvitina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 7. – P. 60–69
5. Organization of work with participants in a special military operation and their family members on the basis of social service institutions: a methodological manual for specialists of social service institutions. – Krasnoyarsk KGKU “Resource and Methodological Center of the Social Protection System of the Population”, 2023. – 112 p.
6. Official website of the fund to support participants of the SVO “Defenders of the Fatherland” [Electronic resource]. – Access mode: https://gosfondvetera№ ov.gov.ru. – 11.01.2025
7. Perepelitsa, T.O. Model of social protection of military personnel and their families / T.O. Perepelitsa // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. – 2019. – No. 84. – P. 90–95
8. Prigoda A.V. Crisis psychological assistance to relatives of military personnel taking part in a special military operation / A.V. Prigoda // Step into science. – 2023. – No. 2. – P. 70–77
9. Soboleva, A.S. Actual socio-psychological problems of veterans of the SVO and their families / A.S. Soboleva // Alley of Science. – 2024. – No. 4. – P. 70–76
10. Yakushchenko, D.S. What worries family members of participants and veterans of the SVO? / D.S. Yakushchenko // Sociological research. – 2024. – No. 4. – P. 50–59

Социально-культурная значимость научных библиотек России

Лисицына Ирина Анатольевна,
канд. культурологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Библиотека по естественным наукам Российской академии наук», начальник отдела анализа и исследования фонда БЕН РАН

Статья посвящена рассмотрению проблем становления и развития научных библиотек страны как социально-культурного института, показана связь формирования научных библиотек как хранилищ научных знаний, результатов труда ученых с историей науки, проанализирован современный статус и социально-культурная значимость научных библиотек России.

Ключевые слова: научная библиотека, общество, история, социально-культурный, наука.

Оставаясь важнейшим феноменом культуры, интеллектуальной и преобразовательной силой, наука имеет практическое значение, связанное с ее применением буквально во всех отраслях человеческой деятельности. На протяжении нескольких тысячелетий человечество стремилось к образованию, хранению и получению научных знаний с помощью библиотек. В древнем мире отдельные первоначальные научные знания – тексты – аккумулировались на разного рода материальных носителях: глиняных табличках (в библиотеке Древних Шумеров) и рукописных текстах (Александрийская библиотека) [1]. В V–VI вв. в Западной Европе стали появляться первые монастырские библиотеки: весьма скромные по величине собрания книг нередко умещались в одном сундуке. В бенедиктинских монастырях, согласно уставу, монахи обязаны были заниматься как физическим трудом, так и чтением, и переписыванием книг.

В обществе индустриального типа государство создало условия для профессиональной подготовки новых поколений, для современных форм образования, изучения наук. Подобные механизмы государственно-правового регулирования распространяются на процессы социокультурного обслуживания населения, создание и трансляцию общественно-значимой информации, сохранение результатов научного анализа и труда ученых. Появление научных библиотек, обязательно сопутствующих науке, можно отсчитывать как с глубокой древности, античных времен, так и с Нового времени [2, с. 703–704]. Согласимся с мнением исследователей, предложивших историю возникновения современных научных библиотек вести со времени институционализации науки [3].

Научные библиотеки России хранят книги, имеющие научную значимость, впитавшие многовековой опыт, знания, результаты деятельности ученых, усиливая тем самым государство, российскую культуру. Традиционно, под «научной» понимается библиотека, обеспечивающая развитие науки, поэтому основное качество научной библиотеки – ее полезность для науки и исследователей.

В России активность ученых и наука, как социальный институт, генерировались по ходу преобразований Петра I и в постпетровский период. Одна из первых научных библиотек, основанная по указу Петра I в Санкт-Петербурге – Библиотека Академии наук. Историю русской науки, Академию наук и Библиотеку Академии наук в XVIII веке невозможно представить без трудов В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Уже в отчетах о своих научных занятиях за период с 1751 по 1756 г. М.В. Ломоносов неоднократно упоминает о выписках по русской истории, сделанных им из летописей, хранящихся в Академической библиотеке [4]. С конца 40-х годов XVIII века ученый много внимания уделяет изучению рукописных и печатных исторических материалов, как русских, так и зарубежных и на первое место выдвигает изучение Петровской копии Радзивиловской летописи. Понятно, что специально летописи не создавались как научное произведение, но они стали документами, приобретшими научный характер в ходе проделанного анализа.

Татищев В.Н. будучи руководителем казённой горнозаводской промышленности Урала и Сибири обращается в Академию наук с просьбой о помощи уральским металлургам дать научную разработку процесса получе-

ния железа и высококачественной стали из различных по своему составу руд. Он просил учёных подготовить и напечатать труд по металлургии и прислать несколько сот экземпляров на Урал [5]. Приведенный пример показывает, что первоначальные труды уже в полной мере отражают интерес к науке в целом, и к изучению истории горного управления, жизни и деятельности руководителя уральской промышленности В.Н. Татищева в частности. Что в свою очередь стимулировало появление специальных монографий и отдельных статей, в том числе, затрагивающих вопросы управления и делопроизводства, а также публикаций, впервые вводящих в научный оборот ряд архивных документов. Подобные результаты научных изысканий по различным отраслям знаний начинают собираться, откладываться в личных библиотеках. Многие ученые и исследователи того времени своими силами как могли способствовали формированию книжного фонда Библиотеки Академии наук, передавая свои личные библиотеки в качестве даров (как Татищев в 1734 году – заводам). Книги с научным анализом пополняли научные библиотеки как востребованное обществом научное знание для познания этим обществом самого себя. Это достояние аккумулировали Библиотека академии наук и российские научные библиотеки, которые продолжали формироваться и как академические учреждения, и как самостоятельные крупные универсальные библиотеки, и как университетские библиотеки [6, с. 22]. Их аудитория – ученые, инженеры, военные, государственные деятели, студенты – общество, которым востребованы знания научных библиотек.

Положение наук в русском обществе в то время было таково, что научный анализ западных ученых проникал и начинал осваиваться в технических, точных, естественных дисциплинах отечественными исследователями. Эти знания постепенно завоевывали авторитет в государственно-политической, военной сфере, в промышленности, в светском образовании и др. [7, с. 13]. Так, молодые А. Радищев и П. Чаадаев легко поверили в правоту ученых Европы об «отсталой России», надолго сохранив эту веру. Но выводы европейских ученых об отставании России опровергали М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, Д.И. Менделеев, А.С. Пушкин, опираясь на свои убеждения, аналитический опыт, жизненную практику, русско-российский гнозис.

Например, Татищев В.Н., как о нем вспоминал Безобразов В.П., был вполне европеец по своему образованию, считал Россию нераздельною частью общеевропейского мира, но противостоял немецкому влиянию, перевел немецкую терминологию, укоренившуюся в горной части на русский язык. Это было характерным поворотом, выражавшем несогласие образованной среды с учеными Запада, когда последние, настаивая на истине, искажали русскую историю и реалии жизни, видя в чужих традициях лишь отставание от Европы. Многие из философов и историков того времени были убеждены, что только знание и образование способны укрепить мощь государства. В своём труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев пишет: «…Благоразумный же политик всегда сущею истинною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество, произвести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как себе самому, так малому и великому обществу вредительно и бедно…» [8].

История возникновения и развития специальных научно-технических и отраслевых библиотек традиционно связана с формированием промышленных комплексов, с деятельностью заводов, производств, развитием всех отраслей экономики, науки. Например, работа Екатеринбургской библиотеки горного ведомства в первой половине XVIII века. В 1736 году при содействии В.Н. Татищева (занимавшего в 1734–1739 гг. должность начальника уральских заводов) в эту библиотеку наряду с сочинениями зарубежных (европейских) авторов по химии, физике, медицине, фармакологии, горному делу (в частности, маркшейдерскому искусству), устройству печей для плавки и очищения металлов, изготовлению и сохранению инструментов, архитектуре и рисованию, ведению делового письма, о содержании и лечении лошадей, разведении садов и уходе за растениями, ведении домашнего хозяйства (значительную часть этих книг составляла справочная литература), отправлены изданные в типографии Академии наук книжные новинки: руководство по изготовлению солнечных часов, законодательные акты, комплекты газеты «Санкт-Петербургские ведомости», первого российского журнала «Примечания» к ведомостям, первый комплект российских карт, документы, касавшиеся Русско-турецкой войны, начавшейся в 1735 году, две оды.

XIX век – стал для развития науки в России в целом довольно благоприятным периодом. Первая треть – отмечена ростом интереса к философии и наукам среди российской молодежи. А отношение к книгам и научной литературе – почти благоговейно, поскольку большинство ученых полагало, что обретение письменности и появление книг открыло человечеству путь к научному познанию мира. Свою важную роль в процессе создания российских научных библиотек сыграло усиление лидерства русского языка, особенно заметное на рубеже XVIII–XIX веков, когда он стал инструментом международных связей и государственного управления; на его основе развивались правовая и военная сферы, промышленность, наука, печать, система образования; на нем фиксировались технические изобретения, открытия, издавались словари, учебники, обновляя лексику разных сфер.

Формирование учреждений особой категории – научных библиотек высших учебных заведений – на всей территории страны шло на протяжении длительного исторического периода. В конце XIX века начали свою деятельность старейшие из них. Например, в Сибирском Императорском университете (1878), Томском технологическом институте практических инженеров императора Николая II (1896), Восточном институте (1899) во Владивостоке и др. Мощный импульс развития вузовские библиотеки (да и не только они) приобрели после Октябрьской революции 1917 года. В начале XX века наблюдается тенденция к увеличению числа библиотек (особенно в азиатской части и Закавказье). В целом по стране к середине XX века сформировались крупные научно-методические объединения вузовских библиотек – по зональному признаку. Начиная с 1970-х гг. библиотеки образовательных организаций высшего звена активизировали свою работу, в том числе по сопровождению деятельности специалистов научно-образовательных учреждений [9, с. 9–19]. В настоящее время, например, только в одном Сибирском федеральном округе действует 66 государственных головных профильных вузов и при них – научные библиотеки.

Трансформация понимания России в контексте распада империи (конец XIX – начало XX вв.), отражавшая цепь общественно-политических событий, сопровождалась ростом значения русской периодики, где печатались статьи с анализом ситуации. Например, издававшийся с 1880 года научный, общественный, политический журнал «Русская мысль», номера которого бережно хранят в том числе научные библиотеки России (номера журнала с 1881 по 1917 г. хранятся в отделе основного книгохранения Тамбовской областной универсальной

научной библиотеки им. А.С. Пушкина), сегодня многие из них прошли через реставрационно-переплетную мастерскую, затем оцифрованы и доступны бесплатно в режиме онлайн [10]. Содержащие научный анализ ситуации, мнения, позиции и высказывания ученых, их тексты, накапливающиеся в научных библиотеках, создавали мощный ресурсный потенциал развития гуманитарной науки, самопознания общества. Они становились генераторами отечественных преобразований в экономике и промышленности, источником обновления общества, давшими мощный стимул развитию научного знания, как фундаментального, так и прикладного. В 1930-е годы XX века открываются научно-технические библиотеки и особенно много в промышленных регионах, таких как, например, Кузбасс, где интенсивное развитие получила горнодобывающая промышленность.

Изучение фондов и документации позволило собрать новый материал о развитии специализированных академических библиотек на рубеже XIX–XX веков. Так, еще с 1867 года ведет свою историю Библиотека Химической лаборатории Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. Значительную роль в её формировании сыграли академики А.М. Бутлеров, Ф.Ф. Бейльштейн, Н.Н. Бекетов, П.И. Вальден, возглавлявшие лабораторию в разные годы. Комплектование литературы осуществлялось за счет покупки изданий на средства из бюджета лаборатории и поступлений из Библиотеки академии наук. Например, по данным рукописных каталогов в 1927 года в фондах хранились 62 наименования журналов (более 3 тыс. томов), 875 экз. монографий, 133 отечественных диссертаций, более 900 иностранных диссертаций. Несмотря на сложную общественно-политическую обстановку, многочисленные реорганизации лаборатории, переезд в Москву в 1934 г., фонды библиотеки были сохранены. Они получили свое развитие, в результате чего была сформирована крупнейшая академическая библиотека по химии – Библиотека Отделения химических наук АН СССР (отдел БЕН РАН в Институте общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова РАН). В настоящее время сохранились рукописные каталоги библиотеки Химической лаборатории (1892 г., 1902 г.), исторический фонд включает 240 монографий и 2100 томов журналов. Сегодня поставлена задача сохранения исторического фонда библиотеки Химической лаборатории, основанной М.В. Ломоносовым в 1748 году.

В настоящее время в 17 отделах БЕН РАН хранится около 13750 диссертационных работ с 1934 г., некоторые из них (периода 1934–1944 гг.) являются уникальными. В фондах выявлены магистерские и докторские диссертации, защищенные до 1918 г., когда ученые степени были отменены. БЕН РАН хранит национальное научное достояние – диссертации корифеев отечественной науки времен Российской империи, СССР, Российской Федерации. На портале БЕН РАН уже создана электронная коллекция книжных памятников (381 экз.) и теперь представляется важным создать коллекции отечественных научных журналов и диссертаций, что будет способствовать сохранению, повышению доступности и популяризации национального научного наследия.

Научные библиотеки России как социально-культурный институт выполняют миссию государственной важности – удовлетворяют информационные потребности ученых, связанные с их научной деятельностью, помогают в поиске и систематизации необходимых им знаний. Имея статус научной организации, самостоятельно проводят исследовательскую работу и участвуют в фундаментальных исследованиях. Например, в ГПНТБ России приоритетными задачами на данный момент являются совершенствование системы Открытого архива интегрированных информационно-библиотечных ресурсов научной библиотеки и разработка нового научного направления – электронного библиотековедения.

Научные библиотеки России консолидируют профессиональное научное сообщество, научные коллективы и сотрудников научных организаций, признанных учёных и тех, кто только начинает свой путь в науке. Современные научные библиотеки взяли на себя значительную часть задач по информационной поддержке науки, образования, промышленных структур. Они оказались более адаптивными к изменениям среды и новым технологиям, стали формировать электронные каталоги, электронные библиотеки, которые заменяют библиографические базы данных и позволяют свободно ориентироваться в межбиблиотечном информационном пространстве.

Литература

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб.: Профессия., 2002., Емельянов В.В. Древний Шумер: Очерки культуры. СПб., 2001.
2. Володин, Б.Ф. Научные библиотеки / Б.Ф. Володин // Библиотечная энциклопедия. – М.: Пашков дом, 2007. – С. 703–704.
3. В соответствии со статьей 4 Федерального закона № 78-ФЗ от 29 декабря 1994 года «О библиотечном деле» к основным видам библиотек в том числе относятся «библиотеки Российской академии наук, других академий, научно-исследовательских институтов, образовательных организаций…»
4. Савельева Е.А. Михаил Ломоносов и Радзивиловская летопись., режим доступа [https://radzivilovskaya-letopis.ru/articles.php?id=lomonosov-i-radzivilovskaja-letopis], (дата обращения 04.02.2025).
5. Дубовская О.Ф. Рыцарь русской науки. О научном подвиге Василия Никитича Татищева (1686–1750), режим доступа [https://cyberleninka.ru/article/n/rytsar-russkoy-nauki-o-nauchnom-podvige-vasiliya-nikiticha-tatischeva-1686–1750-gg/viewer], (дата обращения 04.02.2025).
6. Полтавская Е.И. Когда возникли современные научные библиотеки // Вестник культуры и искусств. 2020. № 3 (63). С. 22.
7. Аванесова Г.А., Миронов А.В. Научно-философские постижения России: аналитические тупики и перспективы в контексте нестабильности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 13.
8. Дубовская О.Ф. Рыцарь русской науки. О научном подвиге Василия Никитича Татищева (1686–1750 гг.), режим доступа [https://cyberleninka.ru/article/n/rytsar-russkoy-nauki-o-nauchnom-podvige-vasiliya-nikiticha-tatischeva-1686–1750-gg/viewer], (дата обращения 04.02.2025).
9. Лизунова И.В., Артемьева Е.Б. Развитие библиотек учреждений науки и вузов, отраслевых и многоотраслевых библиотек в Сибири: опыт и стратегические инициативы. Труды ГПНТБ СО РАН. 2024;(3): с. 9–19.
10. Национальная Электронная Библиотека, режим доступа [https://viewer.rusneb.ru/ru/].

SOCIAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF SCIENTIFIC LIBRARIES IN RUSSIA

Lisitsyna I.A.
Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the consideration of the problems of the formation and development of scientific libraries of the country as

a socio-cultural institution, the connection between the formation of scientific libraries as repositories of scientific knowledge, the results of the work of scientists with the history of science is shown, the current status and socio-cultural significance of scientific libraries of Russia are analyzed.

Keywords: scientific library, society, history, socio-cultural, science.

References

1. Volodin B.F. World History of Libraries. SPb.: Profession., 2002., Emelianov V.V. Ancient Sumer: Essays on Culture. SPb., 2001.
2. Volodin, B.F. Scientific Libraries / B.F. Volodin // Library Encyclopedia. – M.: Pashkov Dom, 2007. – P. 703–704.
3. In accordance with Article 4 of Federal Law No. 78-FZ of December 29, 1994 “On Librarianship”, the main types of libraries include, among others, “libraries of the Russian Academy of Sciences, other academies, research institutes, educational organizations …”
4. Savelyeva E.A. Mikhail Lomonosov and the Radzivil Chronicle., access mode [https://radzivilovskaya-letopis.ru/articles.php?id=lomonosov-i-radzivilovskaja-letopis], (date of access 04.02.2025).
5. Dubovskaya O.F. Knight of Russian science. About the scientific feat of Vasily Nikitich Tatishchev (1686–1750), access mode [https://cyberleninka.ru/article/n/rytsar-russkoy-nauki-o-nauchnom-podvige-vasiliya-nikiticha-tatischeva-1686–1750-gg/viewer], (date of access 04.02.2025).
6. Poltavskaya E.I. When did modern scientific libraries emerge // Bulletin of Culture and Arts. 2020. No. 3 (63). P. 22.
7. Avanesova G.A., Mironov A.V. Scientific and philosophical insights of Russia: analytical dead ends and prospects in the context of instability // Social and humanitarian knowledge. 2021. No. 3. P. 13.
8. Dubovskaya O.F. Knight of Russian science. On the scientific feat of Vasily Nikitich Tatishchev (1686–1750), access mode [https://cyberleninka.ru/article/n/rytsar-russkoy-nauki-o-nauchnom-podvige-vasiliya-nikiticha-tatischeva-1686–1750-gg/viewer], (date of access 04.02.2025).
9. Lizunova I.V., Artemyeva E.B. Development of libraries of scientific institutions and universities, industry and multi-industry libraries in Siberia: experience and strategic initiatives. Proceedings of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2024; (3): pp. 9–19.
10. National Electronic Library, access mode [https://viewer.rusneb.ru/ru/].

Четвертый год спецоперации на Украине. Социологическое исследование восприятия СВО молодежью Московской области (2025 год)

Лысенко Петр Николаевич,
аспирант, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
E-mail: Petr.lysenko.88@mail.ru

Виноградова Надежда Сергеевна,
кандидат политических наук, доцент, МГУТУ
им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
E-mail: nadivinogradova@gmail.com

Статья посвящена социологическому исследованию восприятия специальной военной операции (СВО) среди молодежи Московской области в 2024 году. На основе опроса 1275 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет анализируются когнитивные, поведенческие и эмоциональные компоненты восприятия, отражающие уровень осведомленности, личное участие и эмоциональные реакции молодежи на военной спецоперации. Выделяются ключевые факторы, влияющие на восприятие: коммуникативный (роль медиа в формировании мнения), объектный (экономические и социальные условия), субъектный (возраст, образование, личный опыт), а также пространственные и темпоральные факторы. Рассматриваются когнитивный, эмоциональный и поведенческий срезы восприятия. Особое внимание уделяется оценке роли регионального лидера в условиях проведения военной Спецоперации. Сделаны рекомендации по улучшению коммуникации между правительством и молодежью через активное использование новых медиа и организацию прямого взаимодействия с региональными лидерами, что могло бы повысить уровень доверия и вовлеченности молодежи в общественно-политическую жизнь региона.

Ключевые слова: молодежь, СВО, коммуникация, волонтерство, новые медиа, политическая активность, восприятие, Московская область, социологическое исследование, политическое лидерство, факторная модель восприятия

Понимание исторических и политических предпосылок, приведших к началу специальной военной операции (СВО) России на Украине, требует углубленного анализа событий и процессов, происходивших в последние десятилетия. С конца 20-го века и до наших дней, постсоветское пространство стало ареной политических перемен. Развал Советского Союза в 1991 году дал старт новому периоду в истории стран бывшего СССР, многие из которых стали свидетелями так называемых «цветных революций» [10; 11; 12; 18]. Эти революции имели целью свержение существующих режимов и установление более демократических институтов власти, ориентированных на западные ценности. Примерами таких событий служат «Революция роз» в Грузии в 2003 году[1], «Бархатная революция» в Армении в 2018 году[2], а также события на Украине – «Оранжевая революция» 2004 года [9] и «Евромайдан» в 2013 году[3]. Целью данных революций была не только смена власти в отдельных странах СНГ, но и ослабление их связей с Россией, а через это – ослабление самой Российской Федерации на международной арене – «в России увидели в этих событиях еще одно свидетельство враждебности США и Запада» [2]. Президент России Владимир Путин в ноябре 2014 года отметил, что ««цветные революции» в ряде стран – это урок для России»[4]. Формировался круг воздействия, стремящийся изменить государственную власть вокруг нашей страны. Корни этих процессов глубоко в истории и легко просматриваются в контексте геополитических интересов Запада в регионе.

Исследователи отмечают, что глобальные и локальные трансформации в стране сформировали уникальное историческое сознание молодежи, отличное от других поколений, что привело к разрыву преемственности и разрушению многовековых ценностей на фоне социокультурного кризиса [16]. В данном ключе важна роль патриотического воспитания. Вектор России на национальные интересы, патриотическое воспитание и российскую государственность был озвучен Президентом России в 2007 году в Мюнхене и реализуется на протяжении последних 20 лет[5]. За это время успело вырасти новое поколение, ценности которого сформированы под влиянием данной государственной политики. Тем не менее, имеет место разрыв в коллективной памяти, кото-

[1] «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года. Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20231122/revolyutsiya_roz-1910931253.html (дата обращения 15.06.2024)

[2] Внутриполитический кризис в Армении в 2018 году. Досье. ИА ТАСС. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/info/5151767 (дата обращения 15.06.2024)

[3] Акции протеста сторонников евроинтеграции Украины. Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20141121/1034090111.html (дата обращения 15.06.2024)

[4] Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20141120/1034329699.html (дата обращения 15.06.2024)

[5] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. Мюнхен. Администрация Президента России. [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения 15.06.2024)

рый вносит коррективы в преемственность поколений [15]. А.П. Романова пишет, что «от способа межпоколенческой преемственности, в том числе и в сфере коллективной памяти во многом зависит сохранение идентичности» [21]. Часть молодежи может быть еще не готова воспринимать всю полноту мотивации и причинно-следственных связей, приведших к началу СВО.

Сложившаяся ситуация приводит к тому, что часть молодых людей не обладают достаточным количеством информации и уровнем политического образования для полного понимания процесса [10; 11]. После распада Советского Союза политическая социализация стала носить стихийный характер [15]. В условиях отсутствия государственной идеологии формировался особый тип политической социализации, где роль традиционных институтов снизилась и это привело к тому, что молодежь воспитывалась под влиянием медиа, ориентируясь на индивидуальные источники информации [4]. М.В. Прохорова отмечает, что «фокус политической социализации молодежи сместился от институтов образования и воспитания к средствам массовой информации, а затем к институту блогерства» [21]. В следствие этих процессов в настоящее время часть людей остаются далекими от событий СВО. Так глава ВЦИОМ заявил о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян[1]. Социолог называет это «адаптационным процессом»[2]. Все же большая часть хотя бы опосредованно участвуют в этих процессах – в активные действия включены добровольцы, работники оборонных предприятий, медслужб, военные и волонтеры[3].

Целью исследования являлось выявление представлений о специальной военной операции (СВО) в сознании молодежи, проживающей в Московской области, и роли регионального лидера в этом процессе.

Предметом исследования стала специфика восприятия СВО среди молодежи Московской области.

Исследование проводилось методом опроса, включающего 26 вопросов закрытого типа с возможностью одиночного и множественного выбора ответов. Вопросы охватывали разные аспекты восприятия молодежью текущего политического контекста, в том числе отношение к СВО и региональному лидерству.

Выборку составили 1275 молодых людей, проживающих в Московской области. Гендерный состав: две трети респондентов – мужчины (65%), одна треть – женщины (35%). Наибольшая доля респондентов была в возрастной группе 31–35 лет (68%), за ними следовали группы 26–30 лет (14%), 23–25 лет (5%) и 18–22 лет (13%). По занятости: 22% респондентов не трудоустроены, 13% работают неполный день, 13% являются предпринимателями, 29% работают по трудовому договору, а 23% – самозанятые. Образовательный уровень респондентов варьировался: 4% имеют среднее профессиональное образование, 67% – высшее, 9% окончили магистратуру, 3% – аспирантуру, а остальные продолжают обучение на различных уровнях высшего образования.

[1] Глава ВЦИОМа заявил о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян Сетевое издание РИА Новости. [Эл. ресурс] URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf-2d73e (дата обращения 15.06.2024)

[2] Глава ВЦИОМа заявил о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян Сетевое издание РИА Новости. [Эл. ресурс] URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf-2d73e (дата обращения 15.06.2024)

[3] Общероссийское общественное движение «ВЕТЕРАНЫ РОССИИ» [Эл. ресурс] URL: https://veteransrussian.ru/novosti/novosti-ood/kto-takoy-dobrovolets-i-kak-im-stat-otvety-na-klyuchevye-voprosy/ (дата обращения 15.09.2024); Федеральное агентство РИА Новости [Эл. ресурс] URL: https://ria.ru/20230220/volontery-1853160796.html (дата обращения 15.09.2024)

Теоретико-методологические основы исследования

Основанием исследования послужили теория коммуникации и теория восприятия, так как молодежь формирует свое отношение к событиям в процессе коммуникации. Реакция и оценка событий в сознании молодежи – результат этого процесса. Для формирования мнения или впечатления необходимо получение информации субъектом восприятия о воспринимаемом объекте. Информацию о целях, ходе СВО и связанных событиях молодежь информацию из официальных источников, от лидеров мнений, из СМИ и других источников.

Для понимания этого процесса мы обратиться к классической модели коммуникации Г. Лассуэла и П. Лазарсфельда [19]. Модель состоит из последовательных этапов: коммуникатор (государство) – сообщение (информация о целях, ходе СВО и связанных событиях) – канал (СМИ) получатель (молодежь) – обратная связь (восприятие событий). В данной модели также предлагается рассматривать «лидеров мнений», оказывающих влияние на сообщение на этапе его передачи получателю, к которым мы отнесли социальные сети, блоги, друзей, близких людей.

Рассматривая обратную связь в коммуникации, учитывали **эмоциональный, когнитивный** и **поведенческий** компоненты, а также факторы: **коммуникативный, объектный, субъектный, пространственный, темпоральный [25]**.

В исследования использованы работы по политической географии. В частности, в исследовании опирались на труды В.А. Колосова [7] о роли территориальной специфики в восприятии политических процессов и Н.В. Зубаревич [5], выделяющей на уровне восприятия «четыре России». Московская область, как важный политический и экономический регион, имеет прямое влияние на формирование общественных и политических настроений.

Для анализа роли регионального лидера, в частности губернатора Андрея Воробьева, в процессе формирования политических представлений молодежи рассмотрена ситуационная теория лидерства [8], которая предполагает адаптацию стиля руководства в зависимости от ситуации. Воробьев в данном контексте выступает как лидер, способный эффективно взаимодействовать с молодежью и формировать патриотические настроения в условиях СВО.

Специальная военная операция на Украине четвертый год оказывает значительное влияние на различные слои российского общества, включая молодежь. Влияние СВО на взгляды, поведение и активность молодых людей является важной темой для исследования, так как именно молодежь вносит весомый вклад в будущее страны.

Первый вопрос касается когнитивного компонента восприятия и связан с субъектным, объектным и темпоральным факторами (Рис. 1).

Рис. 1. Как Вы полагаете, какой будет жизнь молодежи в Московской области через 10 лет, через 20 лет?

Согласно теории самоэффективности, позитивное восприятие будущего связано с уверенностью человека

в своих силах и поддержке государства. Сферы влияния на жизнь человека делятся на личные (зависят от самого человека) и внешние (зависят от государства) [1]. Позитивное восприятие будущего у молодежи (рис. 1) вероятно связано с уверенностью в собственной устойчивости и поддержке со стороны государства. С этим коррелируют ответы на второй вопрос (рис. 2). Средние по 10-балльной шкале значения полученных ответов – 6,6 баллов в оценке прошлого, 6,97 в оценке настоящего и 7,81 в оценке будущего.

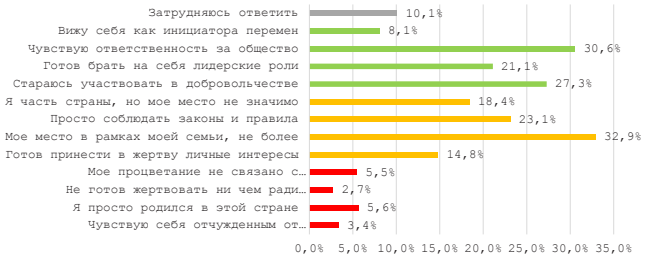

Рис. 2. Каким вы видите свое место в государстве?

В данном направлении интересны результаты исследования ВЦИОМ 2021 и 2022 годов, в которых уже тогда прослеживалась позитивная динамика в ожиданиях от будущего. На вопрос о том, станет ли Россия великой державой был выражен рост на 20 пунктов (31 в 2021 г. и 51 в 2022 г.) у варианта, утверждающего, что она уже достигла своего величия, а ответ «скорее всего станет» занимает второе место[1]. Зная, что молодежь видит страну сильной и испытывает патриотические чувства, следует задать вопрос о том, какое самоощущение при этом испытывают молодые люди.

Ощущение себя как субъекта государственной политики (рис. 2), как части государства у опрошенных молодых людей определяется в равной степени в позитивном (45%) и нейтральном (46%) ключе. Негативные взгляды на свою роль в государстве имеют лишь 9%.

Молодежь в основном (75,2%) следит за ходом СВО. Ответ «определенно нет» выбрал лишь 1%. «Скорее нет, чем да» выбрали 18%. Интерес молодёжи к событиям СВО подчеркивает значимость этой темы и может отражать желание молодых людей быть информированными и понимать текущие политические процессы (рис. 3).

Рис. 3. Следите ли вы за ходом специальной военной операции?

Большинство молодых людей активно следят за событиями СВО, что отражает их личную заинтересованность или понимание важности этих событий для общества и страны. Только 3,43% респондентов не интересуются темой вообще, еще 18% выразили умеренный интерес, что может быть связано с усталостью от информационного потока. Высокие показатели в категориях «Определенно да» и «Скорее да» указывают на общую информационную вовлеченность и активность молодежи в обсуждениях. В начале СВО молодежь проявляла меньший интерес: внимательно следили лишь 7–10%, а около половины не уделяли особого внимания, несмотря на беспокойство у 60% опрошенных [6]. За четыре года уровень информационной включенности молодежи заметно вырос (рис. 4).

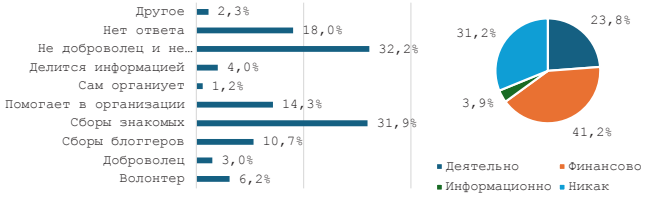

Рис. 4. Принимаете ли вы участие в волонтерской и добровольческой деятельности в рамках специальной военной операции?

Принимают участие, но больше финансово или никак. Деятельно также много – треть. Финансово при этом почти половина. Так или иначе участвуют – почти 70%. Это объясняет, почему больше интересуются информацией и более спокойны – личное участие снимает ощущение беспомощности. В феврале 2023 года помогали около 50%, а декларировали готовность помогать почти 80%[2] (рис. 5).

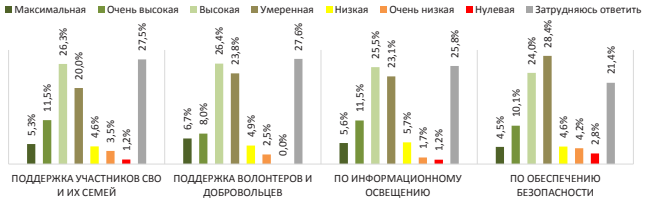

Рис. 5. Достаточна ли на ваш взгляд активность правительства Московской области в рамках специальной военной операции на Украине?

Анализ результатов опроса показывает, что 43,1% респондентов позитивно оценивают поддержку участников СВО и их семей правительством Московской области, 20% – умеренно, 9,3% – низко. Поддержку волонтеров высоко оценивают 41,1% респондентов, умеренно – 23,8%, низко – 7,4%. Информационное освещение СВО оценивается позитивно 42,6% участников опроса, умеренно – 23,1%, низко – 8,6%. Меры безопасности позитивно оценивают 38,6% респондентов, умеренно – 28,4%, низко – 11,6%. Значительная часть молодежи (до трети) затруднилась ответить, что свидетельствует о неопределенности и недостаточной вовлеченности.

Наиболее важными качествами регионального лидера в условиях СВО молодежь назвала честность (49,5%), знание и опыт (32,8%) и способность решать конфликты (27,7%). Публичная активность и личная привлекательность менее значимы. Молодежь ожидает от лидеров прозрачности действий, компетентности и эффективного управления в сложных ситуациях.

Для повышения вовлеченности молодежи возможно усилить прозрачность коммуникаций правительства через регулярные обращения, активное использование новых медиа и организацию прямых встреч с лидерами. Уместно также повышать осведомленность молодежи о возможностях волонтерства и мотивировать её через сотрудничество с популярными блогерами и лидерами мнений (рис. 6).

Наибольшее доверие у молодёжи вызывают телевидение (20%), форумы и блоги (13,3%), телеграм-каналы (11,6%), соцсети (9,4%) и подмосковное телевидение (8,8%). Меньше доверия к разговорам с друзьями (6,1%), обзорам блогеров (5,5%) и особенно к семейным беседам (3,8%).

Предпочтение онлайн-источникам объясняется их доступностью, оперативностью и разнообразием мнений, в отличие от традиционных СМИ, воспринимаемых

[1] ВЦИОМ. Специальная военная операция: год спустя. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja

[2] Специальная военная операция: год спустя. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-god-spustja

как медленные и формализованные. Семейные беседы считаются менее актуальными и навязчивыми. По сравнению с исследованием ФОМ 2017 года, отмечается заметное снижение доверия к телевидению (с более 50%) и личным разговорам (с 25%), а также уменьшение популярности новостных сайтов (прессы)[1].

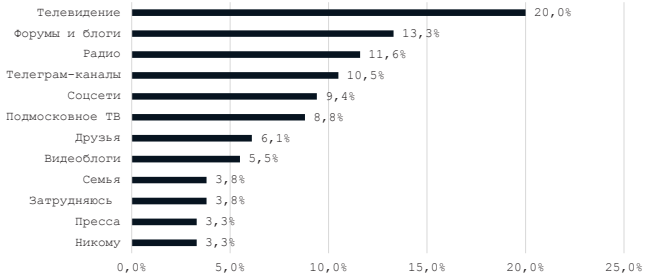

Рис. 6. Каким источникам информации вы доверяете больше всего:

На основе факторной модели политологической школы МГУ проведен анализ компонентов восприятия [25]. Так **когнитивный компонент** отражает осведомленность молодежи Московской области о СВО и способность прогнозировать будущее. 75% опрошенных активно следят за событиями и демонстрируют позитивные ожидания, что указывает на высокую информационную вовлеченность. **Поведенческий компонент** выражается в активной позиции молодежи, особенно в участии в волонтерстве и социальной деятельности, связанной с поддержкой СВО. Это позволяет им преодолеть ощущение беспомощности и осознать свою значимость в общественно-политических процессах. **Эмоциональный компонент** характеризуется преимущественно позитивным (45%) или нейтральным (46%) отношением молодежи к своей роли в государстве, негативные эмоции демонстрируют лишь 9%. Это подтверждает эмоциональную устойчивость большинства молодых людей.

Факторы комплексно формируют отношение молодежи к СВО и региональной политике: коммуникативный в преобладании новых медиа (соцсети, блоги, телевидение), объектный во влиянии социально-экономических последствий санкций и миграции, субъектный в значимости личного опыта, возраста и профессионального статуса, пространственный и темпоральный в восприятии изменений границ и долгосрочных ожиданиях относительно будущего страны и региона.

Участие молодежи в политической жизни страны в настоящее время растет. По данным ФОМ данный показатель снижался вплоть до 2010 года, после чего начал расти и по настоящее время имеет позитивную тенденцию[2]. Увеличивается и количество молодых людей, считающих, что молодежь следует вовлекать в политику. В рамках патриотических общественных проектов и индивидуально молодежь участвует в предоставлении психологической, юридической, бытовой и гуманитарной поддержки участникам Спецоперации и их семьям[3]. Почти 70% респондентов участвуют либо финансово, либо через личные действия, что выражает стремление молодежи быть частью общественных процессов. Такое участие может повышать эмоциональную вовлеченность. Можно увидеть корреляцию между личным участием и положительными эмоциональными реакциями, что подтверждает значимость волонтерства как фактора восприятия. С одной стороны, человек отстраненный, не способный влиять на события, иначе говоря – «скованный» обстоятельствами, с другой – принимающий участие, а значит, хоть и опосредованно контролирующий ситуацию.

Эмоциональная устойчивость молодежи связана с уверенностью в поддержке государства. Около 45% респондентов имеют позитивное восприятие своей роли в государстве, что говорит о том, что молодежь видит себя частью общенационального процесса. Восприятие усилено за счет программ патриотического воспитания и поддержки молодежи, реализуемых в Московской области. Однако 46% респондентов занимают нейтральную позицию, что может свидетельствовать о некоторой неопределенности или отстраненности. Несмотря на общий интерес к политическим событиям, молодежь часто остается неопределенной в своем восприятии из-за недостаточной информации или скептицизма по отношению к власти.

Исследование на А.В. Селезневой и И.С. Палитай подчеркивает, что восприятие молодежью политических событий тесно связано с культурными и ценностными аспектами [23]. Молодежь оценивает политические события и лидеров не только через призму их действий, но и через символическое значение, которое эти действия несут для общества. В исследовании на В.С. Собкина, М.А. Мнацаканян отмечается, что молодежь склонна воспринимать политических лидеров через призму личных характеристик и харизмы [24]. Проведенное нами исследование также определило, что молодежь оценивает роль регионального лидера не только по его действиям, но и по его публичной активности и способности коммуницировать через новые медиа.

Ответы на исследовательские вопросы:

1. Молодежь активно участвует в волонтерской деятельности, что подтверждается высокими оценками поддержки со стороны правительства (41,1% респондентов оценили её как высокую). Однако часть респондентов остаются нейтральными или не видят своей вовлеченности, что указывает на возможность расширения программ вовлечения.

2. Около 42,6% респондентов считают информационное освещение СВО высоким, однако значительная часть (более 25%) затруднилась ответить, что может указывать на информационный разрыв или недостаточное использование правительством новых медиа для коммуникации с молодежью.

3. Эмоции респондентов варьируются от позитивных (45%) до нейтральных (46%), что свидетельствует о поддержке текущей государственной политики среди значительной части молодежи, но также о существовании неопределенности и нейтральности в их восприятии.

4. Основные факторы, влияющие на восприятие, включают доступность информации через медиа (особенно новые медиа), степень личного участия молодежи в волонтерской деятельности и эмоциональную поддержку со стороны государства.

[1] Интерес молодежи к политике. ФОМ. 2017 г. [Электронный ресурс] URL:// https://fom.ru/Politika/13285

[2] Участие молодежи в политической жизни страны. ФОМ. 2023 г. [Электронный ресурс] URL:// https://fom.ru/Politika/14842

[3] Как крымская молодежь помогает в зоне СВО и не только. МК Крым. [Электронный ресурс] URL:// https://crimea.mk.ru/social/2024/05/22/kak-krymskaya-molodezh-pomogaet-v-zone-svo-i-ne-tolko.html; Российская молодежь помогает участникам СВО и их семьям [Электронный ресурс] URL:// https://expert-club.online/actual/rossiyskaya-molodezh-pomogaet-uchastnikam-svo-i-ikh-semyam; Молодежь МГЕР и ОНФ из Татарстана везет помощь бойцам СВО в ДНР [Электронный ресурс] URL:// https://ria.ru/20240820/pomosch-1967255800.html; Роль молодежи в поддержке мобилизованных и СВО: обзор экспертных мнений. [Электронный ресурс] URL:// https://actualcomment.ru/rol-molodezhi-v-podderzhke-mobilizovannykh-i-svo-obzor-ekspertnykh-mneniy-2211101750.html

Участие в волонтерской деятельности можно выделить как отдельный фактор восприятия, который влияет на ощущение молодежью своего места в государстве.

Молодежь Московской области демонстрирует рост вовлеченности в события, связанные со специальной военной операцией (СВО). За последние три года существенно увеличилась информированность молодых людей благодаря новым медиа-форматам и каналам коммуникации, что обусловило активное участие около 70% респондентов в волонтерской и общественной деятельности. Молодежь позитивно оценивает свое место в государстве, однако сохраняется значительная доля нейтральных позиций, указывающих на неопределенность восприятия.

В текущих условиях важна адаптация государственной коммуникации к медиа-предпочтениям молодежи, включая использование социальных сетей, блогов и других онлайн-форматов. Рекомендуется развивать информационные кампании, ориентированные на интересы молодых людей, просветительские программы по критическому анализу информации, а также платформы для открытого диалога, которые позволят молодежи выражать свое мнение и обсуждать актуальные события.

Ключевыми факторами, стимулирующими интерес и вовлеченность молодежи, стали личный опыт, рост доступной информации и осознание значимости происходящих событий. В связи с этим образовательным учреждениям, медиа и общественным организациям следует уделять особое внимание формированию информированного и ответственного гражданского общества.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Батюк В.И. Россия, США и «Цветные революции». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 15–26.
3. Гаврилова И.А., Макаров А.Д. Качество жизни населения: стратегия повышения, государственное регулирование // Фундаментальные исследования. 2017. № 4–1. С. 133–137.
4. Долгополов Д.В., Еремеева А.И. Трансформация цифровых медиапредпочтений современной российской молодежи в связи с новыми реалиями / / Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 3. С. 4–10.
5. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики. Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57
6. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 4. С. 460–467.
7. Колосов В. А., Зотова М.В. Роль крупных региональных центров в полицентрическом развитии России. – Пространственная организация общества. Под ред. А.А. Татаркина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический ун-т, 2007. С. 62–73.
8. Комлева В.В. Лидерство как фактор устойчивого развития общества: российские и зарубежные исследования // Молодой ученый. 2017. № 50. С. 83–86.
9. Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или революционный переворот? // Полис. 2010. № 2. С. 31–53
10. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. 2015. № 1. С. 1–19.
11. Манойло А.В. Противодействие распространению идеологии цветных революций в молодежной среде // Мировая политика. 2015. № 1. С. 180–191.
12. Манойло А.В. Убить котенка, или технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Мировая политика. 2015. № 3. С. 1–12.
13. Маслов А.С. Феномен снижения уровня доверия к СМИ: тенденции и минимизация угроз / А.С. Маслов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4С. 1–4.
14. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / С.А. Вартанов, Д.М. Вьюгина, А.Н. Гуреева [и др.]; под редакцией Д.В. Дунаса; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики. Москва: Факультет журналистики МГУ: Изд-во Московского ун-та, 2021. 404, [2] с.
15. Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации / [отв. ред. М.Ю. Мухин, Г.Д. Саймонс]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. 204 с.
16. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. Том 23. № 1. С. 136–140.
17. Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 107–121.
18. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. Ч. 1 // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 87–98.
19. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации М.: «Рефлбук», К.: «Ваклер» 2001. 656 с.
20. Прохорова М.В. Роль образования в политической социализации молодежи / М.В. Прохорова // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 399–403.
21. Романова А.П. Коллективная память и поколенческий разрыв/А. П. Романова // Вопросы философии, 2020. № 6. С. 33–37
22. Селезнева А. В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодёжи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 192–208.
23. Селезнева А.В., Палитай И.С. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 123–135.
24. Собкин В.С., Мнацаканян М.А. Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 3. С. 46–63.
25. Шестопал Е.Б., Вагина В.В., Пасс П.С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами // Политические науки. 2022. № 5. С. 34–45.

THE FOURTH YEAR OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE. THE SOCIOLOGICAL STUDY OF THE PERCEPTION OF THE SMO BY THE YOUTH OF THE MOSCOW REGION. 2025

Lysenko P.N., Vinogradova N.S.
Moscow State University of Technology and Management Named after K.G. Razumovsky (FCU)

The article is devoted to a sociological study of the perception of the Special Military Operation (SMO) among the youth of the Moscow Region in 2024. Based on a survey of 1275 respondents aged 18 to 35, the cognitive, behavioral and emotional components of perception are analyzed, reflecting the level of awareness, personal participation and emotional reactions of young people to the military Special Operation. Key factors influencing perception are identified: communicative (the role of media in shaping opinion), objective (economic and social conditions), subjective (age, education, personal experience), as well as spatial and temporal factors. Cognitive, emotional and behavioral sections of perception are considered. Particular attention is paid to assessing the role of the regional leader in the context of the military Special Operation. Recommendations are made to improve communication between the government and young people through the active use of new media and the organization of direct interaction with regional leaders, which could increase the level of trust and involvement of young people in the socio-political life of the region.

Keywords: youth, Special military operation, communication, volunteering, new media, political activity, perception, Moscow region, sociological research, political leadership, factor model of perception

References

1. Bandura A. Theory of Social Learning. SPb.: Eurasia, 2000. 320 p.
2. Batyuk V.I. Russia, the USA and the “Color Revolutions”. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2006. No. 8. Pp. 15–26.
3. Gavrilova I.A., Makarov A.D. Quality of Life of the Population: Improvement Strategy, Government Regulation // Fundamental Research. 2017. No. 4–1. Pp. 133–137.
4. Dolgopolov D.V., Eremeeva A.I. Transformation of Digital Media Preferences of Modern Russian Youth in Connection with New Realities / / Digital Sociology. 2023. Vol. 6. No. 3. Pp. 4–10.
5. Zubarevich N.V. Development of Russian space: barriers and opportunities for regional policy. The world of the new economy. 2017. No. 2. P. 46–57
6. Kazakov A.A. Attitude of Russian youth to the SVO: the role of media support of state policy // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2022. Vol. 22. No. 4. P. 460–467.
7. Kolosov V. A., Zotova M.V. The role of large regional centers in the polycentric development of Russia. – Spatial organization of society. Ed. by A.A. Tatarkin. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2007. P. 62–73.
8. Komleva V.V. Leadership as a factor in sustainable development of society: Russian and foreign studies // Young scientist. 2017. No. 50. Pp. 83–86.
9. Lane D. Orange Revolution: “People’s Revolution” or Revolutionary Coup? // Polis. 2010. No. 2. Pp. 31–53
10. Manoilo A.V. Color Revolutions and Technologies of Dismantling Political Regimes // World Politics. 2015. No. 1. Pp. 1–19.
11. Manoilo A.V. Counteracting the Spread of Color Revolution Ideology Among the Young People // World Politics. 2015. No. 1. Pp. 180–191.
12. Manoilo A.V. Kill the Kitten, or Technologies of Conflict Mobilization in Social Networks // World Politics. 2015. No. 3. Pp. 1–12.
13. Maslov A.S. The phenomenon of declining trust in the media: trends and threat minimization / A.S. Maslov // Scientific notes of Novgorod State University. 2020. No. 4 pp. 1–4.
14. Media consumption of “digital youth” in Russia: monograph / S.A. Vartanov, D.M. Vyugina, A.N. Gureeva [et al.]; edited by D.V. Dunas; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University: Moscow University Press, 2021. 404, [2] p.
15. Intergenerational transmission of communicative and cultural memory in the era of digitalization / [ed. M. Yu. Mukhin, G.D. Simons]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2021. 204 p.
16. Miklina L.I. Social Memory of Modern Russian Youth // Vlast. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 136–140.
17. Pishcheva T. N., Vinogradova N.S., Nedova A.D. The Image of Russia from the Point of View of Political Communications // Polis. Political Research. 2010. No. 4. Pp. 107–121.
18. Ponomareva E.G. Secrets of “Color Revolutions”. Modern Technologies for Changing Political Regimes. Part 1 // Free Thought. 2012. No. 1–2. Pp. 87–98.
19. Pocheptsov G.G. Theory of Communication M.: “Refl-book”, K.: “Vakler” 2001. 656 p.
20. Prokhorova M.V. The Role of Education in the Political Socialization of Youth / M.V. Prokhorova // Culture and Nature of Political Power: Theory and Practice: Collection of Scientific Papers. Ekaterinburg: UrGPU, 2023. Pp. 399–403.
21. Romanova A.P. Collective Memory and the Generation Gap / A.P. Romanova // Questions of Philosophy, 2020. No. 6. Pp. 33–37
22. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Political Activity of Russian Youth: Modern Development Trends // Bulletin of Moscow State Regional University (Electronic Journal). 2020. No. 2. Pp. 192–208.
23. Selezneva A.V., Palitai I.S. Perception of their country by Russian youth: value-symbolic and political-cultural aspects // Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanitarian and social sciences. 2019. Vol. 10, No. 2. Pp. 123–135.
24. Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Features of perception of modern political leaders of Russia by student youth (based on psychosemantic research) // Social Psychology and Society. 2015. Vol. 6. No. 3. Pp. 46–63.
25. Shestopal E.B., Vagina V.V., Pass P.S. New trends in the perception of power by Russian citizens // Political sciences. 2022. No. 5. Pp. 34–45.

Национальная технологическая инициатива: понятийный аппарат

Матвеева Елена Юрьевна,
к.ю.н; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Карпенко Полина Кирилловна,
ведущий специалист по сопровождению и мониторингу проектов Фонда НТИ
polina_abash@mail.ru

В статье рассмотрены понятия, используемые в сфере реализации национальной технологической инициативы. Сделан вывод о том, что легальное определение понятия «научно-технологическое развитие Российской Федерации» не является исчерпывающим и точным. Проанализированы понятия «технологический суверенитет», «технологический суверенитет Российской Федерации», «технологическое лидерство» и их соотношение. Высказан мнение о необходимости определения понятия «Национальная технологическая инициатива» не как совокупности организаций, физических лиц и государственных органов, а как комплекса соответствующих мер поддержки, осуществляемых субъектами НТИ. Предложена корректировка определения понятию «инновационная деятельность». Высказано мнение о спорности нормативного закрепления высокорискового характера как обязательного условия инновационного проекта.

Ключевые слова: Национальная технологическая инициатива, инновационная деятельность, инновационный проект, инновационная технология, технологическая компания, проект НТИ.

После принятия первого пакета санкций в 2014 году Российская Федерация находится под постоянным давлением западной части международного сообщества. По состоянию на 2025 год было принято в общей сложности 15 пакетов санкций. Характер данных санкций заключается в ограничении свобод в области собственности и экономической деятельности. Так, в силу данных инструментов давления, были наложены значительные ограничения на возможность осуществления внешнеэкономической деятельности представителей бизнес-структур.

В условиях значительных ограничений и для преодоления их последствий руководство Российской Федерации предприняло шаги по развитию отечественной научно-технологической отрасли для замещения товаров и технологий зарубежного производства. Такое развитие включает в себя достижение научного и технологического суверенитета, а также обеспечение высокого уровня конкурентоспособности и независимости национальной экономики.

Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [3] (далее – Стратегия, Стратегия научно-технологического развития), которая закрепляет цель, задачи и приоритеты такого развития, а также направления государственной политики в данной сфере.

Понятие научно-технологического развития является ключевым для данной Стратегии, Без однозначного определения центрального понятия Стратегии невозможно понимание отдельных её положений. Под научно-технологическим развитием Российской Федерации понимается трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы [3]. Данное определение не представляется исчерпывающим и точным изза абстрактности использованных категорий, не позволяющей однозначно истолковать определяющие условия. При использовании такого определения необходимо дополнительное закрепление значений каждой из его составных частей: определение не содержит информации о том, что есть ключевой фактор развития России, что представляют собой большие вызовы и какие ответы на них будут эффективными. Понятие «большие вызовы» закреплено в Стратегии в качестве обособленного термина: под большими вызовами понимается объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов [3]. Дополнительного уточнения требуют понятия технологического суверенитета и технологического лидерства Российской Федерации. Стратегией закреплено понятие технологического суверенитета Российской Федерации, под которым понимается способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. Концеп-

ция технологического развития [7] определяет технологический суверенитет как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Таким образом, следует различать два понятия – «технологический суверенитет» и «технологический суверенитет Российской федерации». Под первым понимается фактическое наличие необходимых технологий, под вторым – способность государства к созданию и применению необходимых технологий. Технологическое лидерство Концепцией как превосходство технологий и (или) продукции по основным параметрам (функциональным, техническим, стоимостным) над зарубежными аналогами. Основное отличие понятий «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство» заключается в том, что суверенитет предполагает наличие на приоритетных рынках отечественных технологий-аналогов и способность российской экономики самостоятельно обеспечивать технологическое предложение без обращения к иностранным поставщикам соответствующего товара, тогда как при технологическом лидерстве имеют место передовые отечественные технологии, не имеющие зарубежных аналогов и обеспечивающие России абсолютное первенство на соответствующем рынке.

В Стратегии научно-технологического развития отмечается, что с 2022 года российская научно-технологическая сфера находится на этапе мобилизационного развития, которое происходит в условиях санкционного давления. Одновременно с этим отмечается, что имеются четыре негативных тенденции. Первой из них является несогласованность приоритетов развития и поддержки сферы на разных уровнях государственной власти, а также между экономическими субъектами. Второй приводится негативная тенденция по ограниченности внедрения инновационных достижений в отраслях российской экономики. Третьей и четвертой тенденцией представлены дисбаланс распределения научного потенциала по субъектам Российской Федерации и тенденциозностью направлений технологического развития с низким учетом реальных потребностей отечественного рынка.

Целью научно-технологического развития Стратегия устанавливает обеспечение государственного суверенитета и конкурентоспособности национальной экономики, достижения поставленных целей в области национальных приоритетов через создание системы наращивания и эффективного использования отечественного интеллектуального потенциала.

Исходя из цели также установлены задачи, а именно:

1. сформировать системы научного, технологического и производственного взаимодействия;
2. создать для научной деятельности и разработок условия и инфраструктуру;
3. поддержать талантливую молодежь, сохранить интеллектуальный потенциал и обеспечить престиж профессий научного корпуса;
4. создать единое научно-технологическое пространство с системой управления и инвестирования с учетом потребностей национальной экономики;
5. способствовать развитию международного сотрудничества в данной области, в том числе для повышения эффективности отечественной науки, с соблюдением ее идентичности и государственных интересов.

Исходя из указанных задач, ожидается, что комплекс мер данной стратегии позволит достичь в России устойчивого социального и экономического развития за счет существования единой системы в научно-технологической сфере, а также обеспечит суверенность технологий.

Национальная технологическая инициатива является инструментом государства по реализации мероприятий в сфере научно-технологического развития. НТИ прямо упоминается в Концепции только в области развития конкурсного характера стимулирования преодоления технологических барьеров. Однако все цели и задачи, содержащиеся в нормативных актах, регулирующих научно-технологическое развитие, так или иначе относятся к целям и задачам Национальной технологической инициативы, при этом цели и задачи НТИ не сводятся исключительно к ним.

Можно выделить следующие 5 групп задач НТИ, определяющих ее идентичность:

1. развитие и популяризация технологической сферы;
2. рынок труда и образование – развитие образования и рынка труда, в том числе с применением новейших технологий;
3. развитие технологического климата – участие в разработке и реализации в области технологического развития государственных программ, проектов и инициатив, развитие венчурной экономики, модернизации экономических отношений на основе решений «цифровой экономики», развитие поддержки инноваций и талантов на федеральном и региональных уровнях;
4. координация субъектов технологической сферы – способствование эффективному взаимодействию субъектов в сфере технологического развития;
5. применение технологий – развитее эффективного использования научно-технологического потенциала, модернизация социальных и экономических отношений с учетом технологий, развитие конкурентоспособности и продвижение продуктов, услуг и технологий на отечественном и зарубежных рынках, а также защита результатов интеллектуальной собственности, связанной с технологическими достижениями организаций и граждан РФ.

Все вышеизложенное показывает важность Национальной технологической инициативы. Легальная дефиниция понятию «Национальная технологическая инициатива» дает Концепция технологического развития, согласно которому НТИ представляет собой, согласно рассматриваемому документу, объединение представителей бизнеса и экспертных сообществ в целях развития в Российской Федерации перспективных технологических рынков и отраслей [7]. Приведенное понятие оперирует юридически абстрактным термином «объединение представителей». Полагаем, что более правильным было бы определение Национальной технологической инициативы не как совокупности организаций, физических лиц и государственных органов, а как комплекса соответствующих мер поддержки, осуществляемых перечисленными субъектами.

Предлагается следующее определение Национальной технологической инициативы.

Национальная технологическая инициатива – это система мероприятий, направленных на поддержку развития инновационной деятельности, на формирование инновационной инфраструктуры, на достижение технологического суверенитета и технологического лидерства Российской Федерации, осуществляемых органами исполнительной власти и уполномоченными организациями посредством финансовой, правовой, материально-технической, информационной, консультационной, орга-

низационной и иной поддержки инновационных проектов и технологических компаний.

В предложенном определении, помимо уже рассмотренных понятий «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство» фигурируют такие термины, как «инновационная деятельность», «инновационная инфраструктура», «инновационные проекты» и «технологические компании».

Многие из основополагающих понятий, которые в настоящий момент используются в сфере реализации Национальной технологической инициативы (далее – НТИ), берут своё начало в терминологии Федерального закона о науке и государственной научно-технической политике [1].

В частности, указанным законом закреплены такие базовые для темы исследования термины, как инновации, инновационная деятельность, инновационный проект, инновационная инфраструктура. Также к сфере НТИ имеют отношение такие понятия как инновационная технология, технологическая компания, инновационный проект.

Понятие инноваций во многом является центральным для рассматриваемого закона. Под инновациями, согласно статье 2 Закона о науке, понимается введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Инновационная деятельность определяется Законом о науке через два критерия: должна иметь место направленность, во-первых, на реализацию инновационных проектов и, во-вторых, на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение деятельности последней. Представляется неоднозначным вопрос о достаточности соблюдения только одного из двух условий для отнесения деятельности к инновационной. Для исключения множественности толкований дефиниции представляется целесообразным заменить в абзаце 15 статьи 2 союз «а также» на «и (или)».

Очевидно, для определения термина «инновационная деятельность» необходимо определить прежде следующие две категории: инновационный проект и инновационная инфраструктура.

Инновационный проект определен Законом о науке как комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов[1]. Спорным представляется нормативное закрепление высокорискового характера как обязательного условия инновационного проекта. По мнению авторов, возможность недостижения ожидаемого экономического результата является сопутствующим, но не определяющим условием для инновационного проекта. Высокий уровень риска является обязательным условием другого понятия, также поименованного в рассматриваемой статье – «венчурное финансирование инновационного проекта».

Понятие инновационной инфраструктуры закреплено Законом о науке как совокупность организаций, наделенных функциями реализации соответствующих проектов. Под реализацией проектов законодатель понимает осуществление такими организациями ряда функций: во-первых, осуществления управления проектами; во-вторых, предоставление необходимой материально-технической базы; в-третьих, как возможная функция организаций, составляющих инновационную инфраструктуру, обозначено предоставление финансовых услуг; а также информационная, кадровая, консультационная и организационная поддержка проектов. Таким образом, на лицо обширный перечень функций инфраструктурных организаций, однако в формировании конкретного перечня самих организаций однозначности нет. Институты инновационного развития обособлены законодателем в отдельную понятийную категорию с иным перечнем функций. Формулировки нормативного определения институтов развития и инновационной инфраструктуры оставляют вопрос о соотношении этих понятий открытым.

Среди признаков Институтов инновационного развития можно выделить следующие: является юридическим лицом (возможна как коммерческая, так и некоммерческая организационно-правовая форма); функционирует на основе специального нормативно-правового акта федерального или регионального уровня; осуществление инновационной деятельности; получение средств из бюджетов бюджетной системы; оказание поддержки субъектов, осуществляющих инновационную деятельность.

Перечень федеральных институтов инновационного развития утвержден соответствующим Распоряжением Правительства Российской Федерации[8]. К инновационной инфраструктуре можно также отнести фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, поименованные в статье 15.1 Закона о науке.

Таким образом, инновационная инфраструктура представляется совокупностью следующих субъектов:

1. физические и юридические лица, осуществляющие инновационную деятельность;
2. институты инновационного развития как федерального, так и регионального уровня;
3. органы исполнительной власти, осуществляющие координацию деятельности институтов инновационного развития;
4. фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности.

В 2023 году с принятием Федерального закона о развитии технологических компаний[2] были законодательно закреплены понятия инновационной технологии и технологической компании.

Инновационная технология, согласно статье 2 указанного закона, представляет собой совокупность результатов интеллектуальной деятельности, используемых для разработки и (или) производства новой или значительно улучшенной продукции (оказания услуг, выполнения работ), а также обеспечивающих экономическую эффективность применения (внедрения) такой продукции (оказания услуг, выполнения работ), повышение производительности труда и (или) создание новых рынков товаров, работ, услуг[2].

Коммерческие компании, которые осуществляют разработку или производство продукции с использованием инновационных технологий, получили с принятием данного закона статус «технологических компаний».

Центральным понятием для настоящего исследования является понятие «проект НТИ». Для определения данного понятия необходимо рассмотреть ряд нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения в данной сфере.

18 апреля 2016 года было принято постановление Правительства № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» [5] (далее – Постановление № 317). В редакции от 29 октября 2024 года данного постановления неоднократно используется понятие проектов в целях реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы.

Прежде чем говорить о сущности проекта НТИ, необходимо обратиться к значению такой категории как план

мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы (далее – «дорожные карты» НТИ).

Понятия «дорожных карт» НТИ на нормативном уровне не закреплено, однако Постановлением № 317 утверждены правила их разработки (далее – Правила разработки «дорожных карт» НТИ) [5], правила отбора проектов (далее – Правила отбора проектов НТИ) [5] в целях их реализации и правила мониторинга таких проектов (далее – Правила мониторинга проектов НТИ) [5].

Исходя из положений Правил разработки «дорожных карт» НТИ можно определить «дорожные карты» как укрупненный план реализации целей НТИ в определенной области, содержащий в своей структуре паспорт «дорожной карты», её целевые ориентиры и показатели, описание сферы её реализации, сведения о имеющемся научно-технологическом заделе в данной сфере, оценку рисков, план реализации и финансовый план. В целях реализации «дорожных карт» НТИ проводятся отборы проектов с последующим мониторингом их реализации.

Кроме финансирования проектов посредством проведения отборов, существует также ряд механизмов поддержки, ориентированных на организации, хоть и не являющиеся победителями отборов в рамках Постановления № 317, но имеющие статус «проект НТИ». Процедура получения данного статуса, а также требования, предъявляемые к организациям при его получении, закрепляются в соответствующем нормативном акте, что составляет предмет исследования Главы 2 настоящей работы, в которой также дан анализ целесообразности такого разделения.

Согласно Постановлению № 317[5] под проектами НТИ понимаются проекты, в целях реализации «дорожных карт» и (или) решения задач обеспечения технологического лидерства и (или) технологического суверенитета Российской Федерации, которые соответствуют хотя бы одному из следующих условий:

1. проект относится к проектам НТИ, если он одобрен межведомственной рабочей группой по разработке и реализации Национальной технологической инициативы при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России (далее – МРГ);

2. проект отобран комиссией по проведению отбора проектов в целях реализации «дорожных карт», созданной Минобрнауки России;

3. проект отобран комиссией по отбору проектов в целях реализации «дорожных карт», созданной получателем субсидии;

4. проекту присвоен статус «проект НТИ», в случае если в отношении такого проекта не запрашивается прямого финансирования за счет средств субсидий.

Кроме указанных категорий существуют также организации и физические лица, признанные победителями и призерами в рамках технологических конкурсов, проводимых в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 03.04.2018 № 403[6]. Правоотношения, возникающие в процессе реализации данного постановления, не рассматриваются в качестве предмета настоящего исследования, так как прекращаются с выплатой призовой премии, а победители и призеры технологических конкурсов могут не иметь признаков самостоятельного проекта.

Отсутствие нормативного закрепления основополагающих понятий в нормативных актах, приводит к разночтениям и неоднозначным интерпретациям в локальных нормативных актах, регулирующих более узких круг правоотношений. Представляется целесообразным закрепление понятийного аппарата на уровне постановления Правительства № 317: в частности, определение таких понятий как план мероприятий («дорожная карта») НТИ.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 35. – Ст. 4137 с изм. и допол. в ред. от 08.08.2024 (далее – Федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике, Закон о науке)
2. Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» от 04.08.2023 N 478-ФЗ
3. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»
4. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»)
5. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 N 317 (ред. от 29.10.2024) «О реализации Национальной технологической инициативы»
6. Постановление Правительства РФ от 03.04.2018 N 403 (ред. от 13.07.2023) «Об утверждении Правил организации и проведения технологических конкурсов в целях реализации Национальной технологической инициативы и Правил предоставления субсидий из федерального бюджета Фонду поддержки проектов Национальной технологической инициативы на финансовое обеспечение затрат на организацию и проведение технологических конкурсов в целях реализации Национальной технологической инициативы и о внесении изменения в перечень международных, иностранных и российских премий за выдающиеся достижения в области науки и техники, образования, культуры, литературы, искусства, туризма и средств массовой информации, суммы которых, получаемые налогоплательщиками, не подлежат налогообложению»
7. Концепция технологического развития на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р)
8. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2021 N 241-р (ред. от 23.01.2023) <Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития>

NATIONAL TECHNOLOGY INITIATIVE: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Matveyeva E.Yu., Karpenko P.K.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the concepts used in the implementation of the national technology initiative. It is concluded that the legal definition of the concept of “scientific and technological development of the Russian Federation” is not exhaustive and accurate. The concepts of “technological sovereignty”, “technological sovereignty of the Russian Federation”, “technological leadership” and their relationship are analyzed. An opinion is expressed on the need to define the concept of “National Technology Initiative” not as a set of organizations, individuals and government agencies, but as a set of appropriate support measures implemented by NTI entities. An adjustment to the definition of the concept of “innovative activity” is proposed. An opinion is expressed on the controversial nature of the

normative consolidation of the high-risk nature as a mandatory condition of an innovative project.

Keywords: National Technology Initiative, innovative activity, innovative project, innovative technology, technology company, NTI project.

References

1. Federal Law of the Russian Federation “On Science and State Scientific and Technical Policy” dated 08.23.1996 No. 127-ФЗ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996 – No. 35. – Art. 4137 with amm. And an addition. In dated 08.08.2024 (hereinafter-the Federal Law on Science and State Scientific and Technical Policy, Law on Science)
2. Federal Law “On the Development of Technological Companies in the Russian Federation” dated 04.08.2023 N 478-ФЗ
3. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”
4. Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 04/18/2016 N 317 (as amended on 10.29.2024) “On the implementation of the National Technological Initiative”
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2018 N 403 (as amended on 13.07.2023) “On the approval of the Rules for Organization and Technological Competitions in order to implement the national technological initiative and the rules for the provision of subsidies from the federal budget to the Fund for Support for Projects of National Technological Initiative for Financial Support for the Organization and Conducting Technological Competitions in order to implement national technological initiative and on making changes The list of international, foreign and Russian awards for outstanding achievements in the field of science and technology, education, culture, literature, art, tourism and media, the amounts of which received by taxpayers are not subject to taxation “
7. The concept of technological development for the period until 2030 (approved by order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r)
8. Order of the Government of the Russian Federation of 05.02.2021 N 241-r (as amended on 23.01.2023) <approving the list of federal institutions of innovative development>

Социально-философские аспекты экологического образования: на примере охраны окружающей среды

Наджафов Эльсевар,
кандидат философских наук, Университет Одлар Юрду
E-mail: necefov.elsever@oyu.edu.az

Экологическое образование окрашено социально- и философскими свойствами, и играет важную роль в формировании экологически ответственного общества. Социально-философское изучение процесса позволяет выявить такие области, как экологическое сознание, ценностные параметры и практики защиты окружения.
Под влиянием антропогенного фактора современная экология столь же испытывает проблемы загрязнения и истощения ресурсов. Поэтому этот процесс способен пропагандировать не только передачу информации, но и сознательное мировоззрение. Как результат, социально-философские аспекты приобретают форму осознания природы в его качестве субъекта. Экологическая этика раскрывает в себе еще и концепцию устойчивого развития.
Экологическое образование в итоге приводит к улучшению научного и философского подходов, тем самым мотивировать ответственность личности и общественности, делая выбор в пользу экологических. Например, охрана окружающей среды, в качестве примера, основана на взаимодействии государства, общества и личности.
Значит, социально-философские аспекты направлены на формирование экологической культуры и осознания глобальных вызовов, чтобы разработать устойчивое решение проблемы.
Следовательно, для формирования общества, отвечающего за собственное экологическое поведение, социально-фэлософские аспекты экологического образования также являются важными. Результаты показывают, что успешные проекты включают философское представление человека о природе, изучение экологической этики и практические методы обучения.
Эффективное экологическое образование возможно только тогда, когда несколько вещей соответствуют друг другу. Такие факторы включают долгосрочную экологическую культуру, признание обществом и использование природных знаний в единой системе обучения и государственную поддержку. Это даст желаемый результат после многих лет обучения и станет долгосрочным изменением пацифической защиты окружающей среды.

Ключевые слова: экологическое образование, социальные аспекты, философские аспекты, охрана окружающей среды, экология.

Введение

В настоящее время охрана окружающей среды становится одним из главных приоритетов человечества. Экологические проблемы, вызванные антропогенным воздействием, включая загрязнение воздуха, воды и почвы, истощение природных ресурсов и изменившуюся ситуацию с проблемой климата, являются более системными и комплексными.

Процесс ускоренной экономической эволюции, урбанизации, индустриализации и мировализации создает более высокий уровень нагрузки на экосистемы. Это делает актуальнее, чем когда-либо, необходимость в устойчивых экологических практиках.

Становится очевидным, что за последние десятилетия социокультурные парадигмы ignorance-based уступают место обучающимся экопарадигмам. Социальные и философские точки зрения обладают определяющим влиянием на ответственное поведение граждан в этой сфере. Развитие эко-культуры поможет сфокусировать внимание на глубине и масштабе этого явления, а также определить стратегии для его преодоления [1].

Экологический подход по своей сути представляет собой концепцию устойчивого развития. Его экономическая, социальная и экологическая составляющие делают защиту окружающей среды не просто частью экономического процесса, а необходимой основой для следующих поколений.

Охрана окружающей среды является одной из актуальнейших проблем современного общества, которая требует комплексного подхода, объединяющего научные, философские, социальные, экономические и политические аспекты [2].

По результатам исследования можно заключить, что без устойчивой экологической культуры эффективное решение экологических проблем невозможно, а ее формирование, в свою очередь, определяется качеством экологического образования, участием граждан и поддержкой страны и бизнеса. Философская база отношения к природе показала, что существуют несколько концепций, определяющих природу отношений человека с природой.

Антропоцентризм представляет природу как ресурс для удовлетворения потребностей человека, а биоцентризм и экосистемный подход утверждают ценность природы как своего субъекта [3].

Экологическое образование должно стать неотъемлемой частью школ, высших учебных заведений и массовых информационных кампаний, способствующих развитию экологических образцов поведения. Государственное финансирование возобновляемых источников энергии и технологии, внесенная свежий вклад в природоохранные практика, играют важную роль в уменьшения углеродного следа и улучшения работы по переработке ресурсов.

Стимулирование дальнейшего развития циркулярной экономики и поощрение бизнеса, действующего одобрительно на природных ресурсы, также снизит нагрузку.

Расширение природоохранных зон и восстановление экосистем также способствует сохранению биоразнообразия и указывает на долгосрочную экологическую воз-

можность. Однако устойчивое будущее возможно лишь в рамках взаимного взаимодействия государства, бизнеса и всех граждан.

Методология исследования

В настоящее время экологическое образование является одним из ключевых, поскольку проблемы окружающей среды становятся все более актуальными. Антропогенное губительное воздействие на природу, рост потребления исчерпаемых ресурсов и изменение климата требуют уравновешивания прошлых образовательных концепций с целью формирования экологического сознания [4].

Социально-философский анализ позволит рассматривать образование как средство распространения знаний, но и, что еще более важно, как инструмент формирования ценностей и навыков облагораживающего поведения. С целью выявления ключевых моментов, влияющих на образование в области экологии, и исследования социального значения ставится наиболее важная цель этой работы [10].

Для проведения исследования использован комплексный методологический подход, который включает в себя:

Анализ литературы – изучение философских и социальных концепций экологического образования, а также современные образовательные методики;

Социологический метод – анализ существующих данных по восприятию экологического образования в различных социальных группах;

Качественный анализ – рассмотрение примеров успешного механизма экологического образования и их влияние на охрану окружающей среды.

Разработанная методология позволяет установить связь между образовательными стратегиями, философскими предпосылками и реальными изменениями в экологическом поведении общества.

Результаты и выводы

Таким образом, анализ дал возможность выявить несколько ключевых факторов, влияющих на эффективность экологического образования (рис. 1).

Рис. 1. Некоторые ключевые факторы, влияющие на эффективность экологического образования

Источник: [5].

Во-первых, философские основы – Экологическое сознание строится на фундаменте мировоззренческих концепций, таких как глубокая экология, устойчивое развитие и биоцентризм – они позволяют смотреть на природу не как на ресурс, а как на субъекта отношений.

Во-вторых, социальный аспект – В странах с развитой экологической культурой реализуется практическое участие заинтересованных лиц в результате образовательных проектов, а именно переработка мусора, энергосбережение, протекция природных территорий и ресурсов.

В-третьих, государственная политика – Государственные экологические образовательные программы и законодательство оправдывают себя, ибо выполняю миссию в популяризации знаний и формировании мировоззрения граждан.

В-четвертых, практические мероприятия – Самым эффективным подходом является комбинация образования и практики: экологический марш, проекты по восстановлению экосистем и обучение методам устойчивого потребления. Таким образом, экологическое образование воздействует на человека не только как единый пула знаний, но и формирует ценности, необходимые для участия в экологии [6].

Она состоит из различных мероприятий, направленных на снижение вредного воздействия человека на природу. Вот пример таблицы, которая наглядно проиллюстрирует основные аспекты охраны окружающей среды (Таблица 1).

Таблица 1. Основные методы охраны окружающей среды и их эффективность

Метод охраны	Описание	Примеры реализации	Эффективность
Снижение выбросов	Контроль за выбросами промышленных предприятий и транспорта	Фильтры для очистки воздуха, электромобили	Высокая
Переработка отходов	Повторное использование ресурсов и уменьшение свалок	Раздельный сбор мусора, компостирование	Средняя
Охрана природных территорий	Создание заповедников и национальных парков	Байкальский заповедник, Йеллоустонский парк	Высокая
Энергосбережение	Использование возобновляемых источников энергии	Солнечные батареи, ветряные электростанции	Высокая
Экологическое образование	Повышение осведомленности населения об экологии	Школьные программы, информационные кампании	Средняя
Водосбережение	Рациональное использование водных ресурсов	Системы капельного орошения, водосберегающие технологии	Средняя
Лесовосстановление	Посадка деревьев для восстановления экосистем	Программы по озеленению городов и лесов	Высокая

Источник: Подготовлено автором.

Наиболее эффективными методами охраны окружающей среды являются сокращение выбросов, энергосбережение и охрана природных территорий, так как они имеют положительный долгосрочный эффект. Переработка отходов и экологическое образование также важны, но требуют более активного участия общества и государственных программ. Лесовосстановление и водосбережение снижают ущерб экосистемам, но, как и в остальных случаях, их эффект зависит от масштаба реализации инициатив. В целом эффективная охрана окружающей среды должна быть комплексной и включать правовое регулирование, технические инновации и решимость населения [7].

В настоящее время понятие устойчивого развития до сих пор остается актуальным, что подразумевает рост, жизнеспособное общество и экосистему. Социальный аспект экологии демонстрирует, что коллективность необходима для участия в экологических инициативах.

Государство, научные учреждения, частный сектор и гражданское общество должны работать вместе для достижения общего макс. Политики и законодатели должны налагать ряд ограничений и налоговых льгот для компаний с низким воздействием, а также инициировать программы по восстановлению окружающей среды. Корпорации могут также уменьшать свою энергозависимость, это происходит за счет производства энергии, переработки отходов и использования альтернативной энергии. Обучение основной частью экологически сознательного и носителя культуры общества. Экологическая система образования должна не только обучать но и способствовать развитию навыков и образований в соответствии с императивами экологичности [8].

Хотя способы улучшения ситуации в области энергетики, потребления и образования имеют реальную перспективу и уже частично применяются в развитых странах, единственным более масштабным источником возможных решений проблемы сохранения окружающей среды остается международное сотрудничество.

Пока холдинги лишь отдельных государств или частные компании активно осваивают масштабные и перспективные проекты по внедрению технологий ближайшего будущего и проводят большие деньги на исследования и разработки, проверку и создание необходимой инфраструктуры, и долгосрочные проекты находятся под угрозой возможного прекращения быстрого и дешевого финансирования [9]. С учетом этого вывод делается однозначно – решение экологических задач возможно лишь с помощью общего государств, понимающих, что эти главные вопросы будущего человеческого общества никак не можно будет решать отдельно.

Заключение

Следовательно, для формирования общества, отвечающего за собственное экологическое поведение, социально-фэлософские аспекты экологического образования также являются важными. Результаты показывают, что успешные проекты включают философское представление человека о природе, изучение экологической этики и практические методы обучения.

Эффективное экологическое образование возможно только тогда, когда несколько вещей соответствуют друг другу. Такие факторы включают долгосрочную экологическую культуру, признание обществом и использование природных знаний в единой системе обучения и государственную поддержку. Это даст желаемый результат после многих лет обучения и станет долгосрочным изменением пацифической защиты окружающей среды.

Для обеспечения эффективной охраны внешней среды не существует универсальных рецептов. Во-первых, нельзя рассматривать эту проблему изолированно. Для минимизации углеродного следа следует ужесточать экологическое законодательство, развивать экологическое образование, увеличивать долю возобновляемых источников энергии, стимулировать ответственное потребление и увеличивать природоохранные зоны. Необходимо повышать контроль за выбросами вредных веществ, внедрять программы переработки отходов и уменьшения использования пластика, чтобы уменьшить размер удара по окружающей среде. Экологическое образование должно стать неотъемлемой частью школ, высших учебных заведений и массовых информационных кампаний, способствующих развитию экологических образцов поведения. Государственное финансирование возобновляемых источников энергии и технологии, внесенная свежий вклад в природоохранные практика, играют важную роль в уменьшения углеродного следа и улучшения работы по переработке ресурсов. Стимулирование дальнейшего развития циркулярной экономики и поощрение бизнеса, действующего одобрительно на природных ресурсы, также снизит нагрузку. Расширение природоохранных зон и восстановление экосистем также способствует сохранению биоразнообразия и указывает на долгосрочную экологическую возможность. Однако устойчивое будущее возможно лишь в рамках взаимного взаимодействия государства, бизнеса и всех граждан.

Литература

1. Stern, P.C. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior / Journal of Social Issues. – 2000. – Т. 56, № 3. – С. 407–424. – DOI: https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/0022-4537.00175
2. The objectives of environmental education. Sahyadri E-News. Режим доступа: https://wgbis.ces.iisc.ac.in/biodiversity/sahyadri_enews/newsletter/issue22/art5.htm, свободный. – Дата обращения: [03.03.2025].
3. Алиева О.А., Логинова М.Н., Муравьева Е.А., Ярославцева Н.А., Ярославцев А.С. Современное экологическое образование. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 1 – С. 63–65 https://applied-research.ru/ru/article/view?id=484
4. Ефремов К. Теория и практика экологизации образования // Народное образование. – 2005. – № 8. – С. 110–120.
5. Лещинская, В.В. Философские аспекты формирования экологической культуры в контексте постнеклассической рациональности: дис. … канд. филос. 5.7.6 – Философия науки и техники / Лещинская Вероника Владимировна; Ин-т философии РАН. – Москва, 2022. – Науч. рук.: д-р филос. наук, проф. Лисеев И.К.https://iphras.ru/uplfile/diss/leschinskaya/dissertatsiya_leschinskaya___%D0%98tog.pdf
6. Мамедов Н.М., Суравегина И.Т., Глазачев С.Н. Основы общей экологии: Федеральный учебник для старших классов общеобразовательной школы. – М.:, 1998.
7. Махубрахманова В.Р. Экологическое образование и нравственность. Набережночелнинский государственный педагогический университет. Набережные Челны, 2025, Россия. https://kpfu.ru/portal/docs/F1164630196/Mahubrahmanova.V.pdf
8. Социально-философские аспекты экологического образования: пример охраны окружающей среды.

Режим доступа: https://uust.ru/media/uploads/MainSite/Ob%20universitete/Izdateli/EI_izd/2021–146.pdf, свободный. Дата доступа: [2025].
9. Экологическое образование и воспитание // Трехсельское. – Режим доступа: https://trehselskoe.ru/news/media/2022/3/31/ekologicheskoe-obrazovanie-i-vospitanie/, свободный. – Дата обращения: [03.03.2025].
10. Экологическое образование и нравственность [Электронный ресурс] // Allrefs.net. – Режим доступа: http://allrefs.net/c13/1ldjh/p1/, свободный. – Дата обращения: [03.03.2025].

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ENVIRONMENTAL EDUCATION: AN EXAMPLE OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Najafov E.
Odlar Yurdu University

Environmental education is colored by social and philosophical properties, and plays an important role in the formation of an environmentally responsible society. Social and philosophical study of the process allows us to identify such areas as environmental awareness, value parameters and practices for protecting the environment.
Under the influence of the anthropogenic factor, modern ecology is also experiencing problems of pollution and resource depletion. Therefore, this process is able to promote not only the transfer of information, but also a conscious worldview. As a result, social and philosophical aspects take the form of awareness of nature as a subject. Environmental ethics also reveals the concept of sustainable development.
Environmental education ultimately leads to the improvement of scientific and philosophical approaches, thereby motivating the responsibility of the individual and the public, making a choice in favor of environmental ones. For example, environmental protection, as an example, is based on the interaction of the state, society and the individual. So, the socio-philosophical aspects are aimed at forming an ecological culture and awareness of global challenges in order to develop a sustainable solution to the problem.
Therefore, in order to form a society responsible for its own ecological behavior, the socio-philosophical aspects of environmental education are also important. The results show that successful projects include a person's philosophical understanding of nature, the study of environmental ethics and practical teaching methods.
Effective environmental education is only possible when several things correspond to each other. Such factors include a long-term environmental culture, the recognition by society and the use of natural knowledge in a unified teaching system and state support. This will give the desired result after many years of training and will become a long-term change in pacific environmental protection.

Keywords: Environmental education, Social aspects, Philosophical aspects, Environmental protection example, Ecology.

References

1. Stern, P.C. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior / Journal of Social Issues. – 2000. – Vol. 56, No. 3. – P. 407–424. – DOI: https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/0022-4537.00175
2. The objectives of environmental education. Sahyadri E-News. Access mode: https://wgbis.ces.iisc.ac.in/biodiversity/sahyadri_enews/newsletter/issue22/art5.htm, free. – Date of access: [03.03.2025].
3. Alieva O.A., Loginova M.N., Muravyova E.A., Yaroslavtseva N.A., Yaroslavtsev A.S. Modern environmental education. International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2010. – No. 1 – P. 63–65 https://applied-research.ru/ru/article/view?id=484
4. Efremov K. Theory and Practice of Greening Education // Public Education. – 2005. – No. 8. – P. 110–120.
5. Leshchinskaya, V.V. Philosophical Aspects of the Formation of Environmental Culture in the Context of Post-Non-Classical Rationality: dis. … Cand. Philosophy. 5.7.6 – Philosophy of Science and Technology / Leshchinskaya Veronika Vladimirovna; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2022. – Scientific. head: Dr. of Philosophical Sciences, Prof. Liseev I.K. https://iphras.ru/uplfile/diss/leschinskaya/dissertatsiya_leschinskaya___%D0%98tog.pdf
6. Mamedov N.M., Suravegina I.T., Glazachev S.N. Fundamentals of General Ecology: Federal Textbook for Senior Grades of Comprehensive School. – M.:, 1998.
7. Makhubrahmanova V.R. Environmental Education and Morality. Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. Naberezhnye Chelny, 2025, Russia. https://kpfu.ru/portal/docs/F1164630196/Mahubrahmanova.V.pdf
8. Social and Philosophical Aspects of Environmental Education: An Example of Environmental Protection. Access mode: https://uust.ru/media/uploads/MainSite/Ob%20universitete/Izdateli/EI_izd/2021–146.pdf, free. Access date: [2025].
9. Environmental education and upbringing // Trekhselskoe. – Access mode: https://trehselskoe.ru/news/media/2022/3/31/ekologicheskoe-obrazovanie-i-vospitanie/, free. – Access date: [03.03.2025].
10. Environmental education and morality [Electronic resource] // Allrefs.net. – Access mode: http://allrefs.net/c13/1ldjh/p1/, free. – Access date: [03.03.2025].

Цифровая культура и ее влияние на социальную структуру общества: роль блогеров

Палагина Валентина Борисовна,
блогер, автор контента, лидер мнений в туристическом направлении
E-mail: valentina@valentinapalagina.com

Статья посвящена влиянию цифрового пространства на социальное устройство и формирование новых форм коллективного восприятия, связанных с деятельностью блогеров. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровая среда постепенно перераспределяет взаимодействия между людьми и трансформирует привычные социальные механизмы, создавая базу для появления новых источников влияния. Новизна заключается в рассмотрении феномена блогинга как фактора, меняющего как способы коммуникации, так и способы потребления данных. В рамках работы описаны масштабы вовлеченности пользователей, выявлена динамика прироста активных авторов и изучена эволюция контента на отечественных и зарубежных платформах. Внимание уделено тенденциям переноса функций традиционных СМИ к блогерам, способным аккумулировать аудиторию разных возрастных категорий. Цель – проанализировать, как формируются цифровые практики и как происходит изменение структуры общественных связей под влиянием роста аудитории блогеров. Методологической основой выступает сопоставительный и проблемно-ориентированный подход, сочетающий анализ статистических данных, междисциплинарный обзор источников и изучение интернет-публикаций. Итоги могут заинтересовать исследователей цифровой социологии, специалистов в области массмедиа и всех, кто наблюдает за процессами интернет-коммуникации.

Ключевые слова: цифровая среда, блогеры, массовые коммуникации, соцмедиа, контент, вовлеченность, аудитория, структурные изменения, публикации, инновации.

Введение

Влияние цифровой культуры на организацию общественной жизни продолжает нарастать: инструменты сетевого взаимодействия стремительно развиваются, аудитория переключается на платформы, ориентированные на мгновенный обмен сообщениями и персонализированную подачу сведений. В последние годы на первый план вышли блогеры, которые перестали быть просто авторами отдельных личных страниц и стали своеобразными медиаканалами.

Цель настоящей работы – исследовать трансформацию социальных контактов в условиях доминирования цифровых коммуникаций и определить, как блогеры меняют содержание и правила взаимодействия в сетевом пространстве. Для этого предполагается:

1) Отследить динамику прироста активных участников социальных медиа и зафиксировать актуальную статистику.
2) Оценить механизм воздействия блогеров на массовое восприятие и сравнить их функцию с традиционными СМИ.
3) Проанализировать характерные черты цифрового поведения пользователей с учетом возрастных различий и предпочтений.

Новизна данной работы выражена в обзоре информационных площадок с упором на блогинг как отдельное направление, влияющее на коллективные установки и нормы общественной жизни.

Материалы и методы

При подготовке статьи использованы результаты, представленные в ряде научных публикаций. Например, в трудах Г.У. Солдатовой [6] рассматриваются вопросы онлайн-агрессии и регуляции поведения в цифре. И.В. Упоров [7] фиксирует значительную перестройку сознания под воздействием электронных сервисов. Ю.С. Булгатова, Э.Д. Мункуев, А.С. Игумнова [1] уделяют внимание феномену цифрового общества и его влиянию на поведенческие паттерны. А.Р. Ягудина [9] исследует социологический смысл блогеров как новых регуляторов массового мнения. М.В. Ячменева [10] подчеркивает воздействие социальных медиа на ценностные ориентации и гражданскую культуру молодежи. В.З. Гарифуллин и Л.Р. Закиров [2] разбирают расширение национального сегмента интернет-пространства. И.И. Горячева и А.Л. Зорин [3] описывают особенности цифровой культуры в информационном сообществе. В.Г. Каменская и Л.В. Томанов [4] исследуют психологические аспекты интернет-влияния на детей и подростков, а Н.Б. Сабыров [5] – вовлечение социальных сетей в упорядочение коммуникации. Труды В. Чёрного [8] дают статистику и тренды соцмедиа.

Методологические инструменты включают сравнительный анализ данных, синтез информации из различных публикаций, а также общенаучные методы систематизации. Исходя из сопоставления и обобщения изученных источников, выявлены несколько векторов, по которым можно судить о развитии блогосферы и цифровой культуры.

Результаты и обсуждение

Выявлена тенденция к преобладанию интернет-форм коммуникаций, влияющих на принципы социального взаимодействия и иерархию позиций, связанных с обменом цифровыми данными. При обработке информационных массивов обнаружена связь между распространением сетевых платформ и появлением в медиасреде блогеров, привлекающих аудиторию [5]. Наблюдения показывают, что блогеры выступают источниками новостей, объединяют сообщества разных возрастных групп и повышают актуальность тематик, мало освещаемых в привычных медиа [10]. Количество интернет-пользователей, выбирающих мнение лидеров блогосферы, растёт за счёт доверия к их персональному опыту и эмоциональной манере подачи информации, что подкрепляется скоростью обновления контента.

Рост количества интернет-пользователей, увеличение количества создаваемых ими сообщений и расширение спектра востребованных интернет-площадок подтверждают динамику развития цифровых коммуникаций в последние несколько лет. В качестве примера служит оценка общей численности активных участников сетевых платформ, публикаций и статистики по социальным сервисам.

Результаты анализа свидетельствуют, что (рис. 1) в октябре 2024 года количество авторов, публикующихся в различных средах (соцсети, мессенджеры, тематические форумы, блоги, маркетплейсы, приложения для геолокации, отзовики и другие ресурсы), достигло 74,9 млн человек, а общее число сообщений – 1,815 млрд. Если сопоставить эти данные с показателями за октябрь 2023 года, прослеживается заметное увеличение численности пишущей аудитории (+16%) и суммарного объема контента (+16,8%) [8].

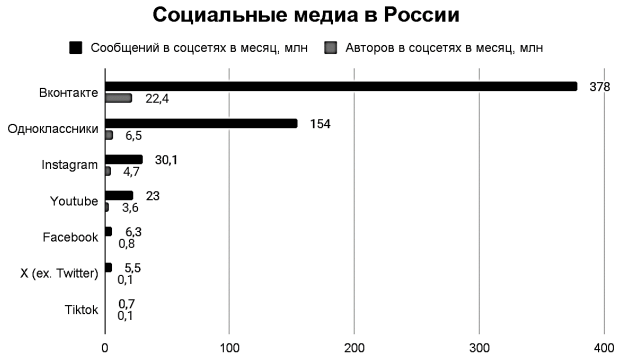

Рис. 1. Объём активной аудитории и публикуемого контента в соцмедиа России [8]

Параллельно сохраняется тенденция к вовлеченности тех же пользователей в разные площадки, что приводит к перекрытию авторской базы. По сравнению с периодом пандемии и последующих лет, динамика показывает, что удаленный формат работы и вынужденная цифровая активность (2020–2021 гг.) вызвали всплеск числа авторов, который закрепился в последующие годы. В 2022-м обнаружилось существенное приращение контента (+36%) как реакция общественности на политическую повестку, а в 2023-м сохранялась стабильная активность пишущих, вернувшихся в российские соцмедиа после блокировки западных ресурсов. Наиболее заметными явились прирост Telegram[1], расширение участия пользователей на отзовиках (особенно в зоне маркетплейсов), а также увеличение базы создателей контента в Дзене[2] и Rutube[3].

Анализ подробных данных о структуре публикаций и количестве авторов по годам (рис. 2) указывает на существенные изменения в расстановке сил среди крупнейших интернет-сервисов. Участие русскоязычной аудитории в Telegram возросло на 72%, в Дзене зафиксировано прибавление примерно 468 тыс. авторов, в Rutube – 332 тыс. В то же время, у заблокированного в 2022-м Instagram[4] аудитория уменьшилась на 62%, а у YouTube[5] – на 34%. Это демонстрирует, что часть пользователей перешли к отечественным площадкам или к сервисам, обладающим меньшими ограничениями. Отдельное внимание заслуживает оценка спам-активности: в Telegram среди всех авторов к ним отнесено 0,5% (113,6 тыс. человек), при этом они формируют около 42% всех русскоязычных сообщений. Для остальных ресурсов сопоставимые величины меньше [8].

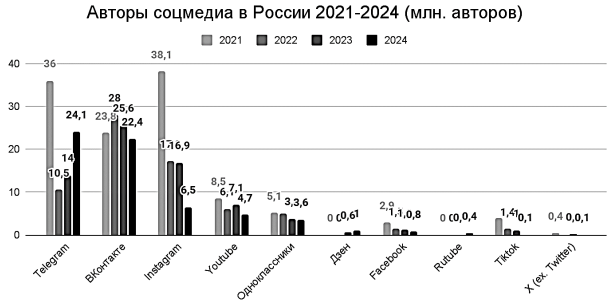

Рис. 2. Изменение числа активных авторов и объёма публикуемого контента в соцмедиа России в 2024 году в сравнении с 2023, 2022 и 2021 годом [8]

Дополнительное изучение структуры сегмента показывает (рис. 3), что в октябре 2024 года, если сравнивать с тем же месяцем 2023 года, увеличилась доля пользователей на отзовиках, включая системы маркетплейсов: с 8% до 17%. Рост интереса к онлайн-отзывам объясняется тем, что люди предпочитают знакомиться с чужим опытом перед приобретением определенных услуг или товаров. Одновременно становится видно, что часть аудитории распределяется между Telegram, Дзене и Rutube с опорой на русскоязычный контент, тогда как иностранные сервисы либо утрачивают сегмент, либо пытаются возвращать его локальными методами. Среди классических соцсетей положение ВКонтакте[6] остается самым сильным (наибольшее число активных авторов и самый высокий объём сообщений). Одноклассники[7]

[1] Облачное мобильное и настольное приложение для обмена мгновенными сообщениями с версиями для Android, iOS, Microsoft Windows, macOS, Linux и различных веб-браузеров, отличающееся кроссплатформенной совместимостью и ориентированное на конфиденциальность.

[2] Сервис персональных рекомендаций контента, который работает на основе искусственного интеллекта. Представляет собой бесконечную ленту публикаций, которая подстраивается под интересы пользователя. В Дзене также демонстрируются актуальные новости.

[3] Российская цифровая платформа для размещения и просмотра видеоконтента.

[4] Социальная сеть и приложение американского происхождения, принадлежащее компании Meta.

[5] Глобальный международный онлайн-сервис, который позволяет пользователям загружать, просматривать и обмениваться различным видео-контентом.

[6] Российская социальная сеть, объединяющая функции мессенджера, платформы для публикации контента и онлайн-сервиса для бизнеса, образования и развлечений.

[7] Российская социальная сеть, ориентированная на общение, обмен контентом и поддержание связей между пользователями, в том числе однокурсниками и коллегами.

занимают второе место по количеству создаваемых материалов и четвертое – по числу активных профилей. При этом, несмотря на потерю позиций, Instagram все еще стоит на втором месте по числу пользователей, публикующих контент, и на третьем – по количеству ежемесячных сообщений. YouTube после периода высокого спроса к середине 2024-го сократил долю пишущих, что отразилось в статистике [8].

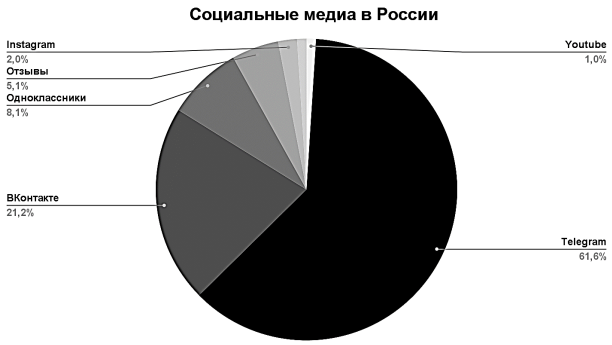

Рис. 3. Структура социальных медиа в России [8]

Из совокупности выявленных закономерностей можно заключить, что происходит одновременное укрепление отечественных платформ и рост сервисов с гибкими возможностями для публикаций. Масштабная активность участников сопровождается диверсификацией форматов (короткие видео, аудиоканалы, классические посты), а также расширением тематики. Одновременно наблюдается дисперсия внимания пользователей, ориентирующихся либо на локальные ресурсы, либо на привычные международные платформы. Параллельное внедрение мессенджеров и гибридных решений с функциями поиска, рекомендаций и отзывов говорит о консолидации информационных сред, в которых, согласно статистике, процент вовлеченности продолжает расти.

В ходе анализа текстовых массивов на блог-платформах установлено, что любая цифровая площадка, способная к мгновенной трансляции мнения, способна задействовать массовую реакцию, выводя индивидуальный контент в рейтинги сетевых обсуждений. Участники блог-сообществ активно обмениваются информацией: рассуждают о политике, культуре, технологиях, образовании, приобретении товаров и услугах. Циркуляция подобных данных приводит к тому, что «сегодня интернет – кладезь человеческих знаний, где широкие массы зачастую используют сеть для мгновенного обмена сообщениями» [7]. Вследствие этого наблюдается рост потребности у пользователей в селективном подходе к поиску материала: часть людей доверяет только фильтрованным ресурсам, другая ориентируется на эмоционально близкие высказывания. Подобная раздвоенность демонстрирует популярность блогов, авторы которых проявляют креатив, часто опираются на неформальные методы подачи сведений [3].

Среди основных результатов изучения поведения аудитории выделяется снижение интереса к традиционным форматам при существенном вовлечении в сетевую среду. Структура блогосферы способствует тому, что цифровая культура перестаёт зависеть от формальных институтов: всё больше людей ориентируются на самоидентификацию, основанную на контенте и рекомендациях блогеров [1]. Параллельно фиксируются новые практики потребления информации, где визуальные форматы (стримы, короткие ролики) преобладают над классическими текстами [4]. Подобное смещение затрагивает восприятие общественных норм: в блогах приветствуется оперативная реакция на события, повышенный интерес к уникальным мнениям, а стиль изложения подстраивается под установку на интимизированное общение. Это усиливает вовлечённость читателей и поощряет дальнейшее расширение влияния блогеров.

При детальном рассмотрении электорального поля и освещения проблем социальной политики прослеживается возрастание активности блогеров как независимых «сообщателей новостей», что нередко даёт им привилегированное положение, схожее с пресс-каналами [7]. Частная инициатива в распространении информации формирует запрос на гибкие механизмы регулирования сетевого контента, поскольку форматы самоцензуры и экспертной проверки оказываются слабо реализованными [2]. Одновременно появляются потребители, выбирающие собственную траекторию развития внутри цифрового пространства: одни предпочитают посты на бытовые и развлекательные темы, другие – данные по общественнополитическим вопросам [9].

Выявлены отличия в поведении разных возрастных групп: молодые люди склонны получать сведения через видеоблоги и короткие клипы, аудитория старше 45 лет чаще обращается к текстовым постам и новостям онлайн-изданий [5]. Установлено, что в среде молодых подписчиков самым привлекательным оказывается контент, создающий эффект личной причастности: блогер может демонстрировать субъективную историю, поднимать эмоциональные темы, освещать повседневность с позицией простого наблюдателя. Аналитические тексты со сложной аргументацией порой уступают в популярности более лёгким и провокационным материалам [1].

Наблюдается усиление разрыва в качественных характеристиках цифровой грамотности. Одни пользователи демонстрируют высокую способность критически оценивать сетевые сообщения, другие испытывают трудности с отбором достоверных источников [6]. Цифровая культура, включая механизмы блогинга, способствует возникновению новых форм социального контроля: резонансные публикации нередко провоцируют коллективную активность и инициируют обсуждение институциональных изменений. «Виртуальное пространство становится для молодёжи привычной средой, способной влиять на поведение и ценности, вовлекая в мир цифровой взаимосвязи» [4].

Подобная трансформация аудитории даёт рост самопрезентационных практик, когда блогеры пытаются формировать востребованный контент: часть из них внедряет собственный опыт, иные ориентируются на коммерческие цели. Привлечение рекламодателей, кооперация с брендами, внедрение нативной рекламы стимулируют конкуренцию в блогосфере, способствуют повышению технического уровня ведения каналов, активизируют появление новых форматов (совместные стримы, выездные репортажи, челленджи). Другая особенность – растущая персонализация: блогеры избегают избыточной нейтральности, предпочитая полярные суждения, тем самым увеличивая вовлечённость подписчиков.

При сопоставлении текстовых массивов из разных цифровых платформ усматривается преобладание политической, социокультурной и развлекательной проблематики, где блогерские мнения выступают факторами, генерирующими массовый отклик и стимулирующими комментирование. Одновременно часть блогеров развивает исследования и экспертизы, охватывающие экономику, здравоохранение, этнические темы. Это даёт основания говорить о том, что блогосфера, способная к быстрому масштабированию, превращается в источник индивидуального и коллективного мнения.

В сумме, всё описанное создаёт предпосылку к дальнейшему формированию системы, где блогер выполняет функцию альтернативного медиа с междисциплинарным набором инструментов для формирования общественного восприятия.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил рост числа авторов, задействованных в сетевой среде, и укрепление позиций блогеров, которые постепенно берут на себя часть функций традиционных СМИ. Формируется модель контента, в которой личностная подача и оперативность становятся решающими для вовлечения аудитории, тогда как сложные аналитические форматы нередко уступают эмоциональным постам и видеороликам. Решение заявленных в начале статьи задач позволило зафиксировать:

1) Динамика прироста аудитории соцмедиа продолжает демонстрировать существенные показатели: появляется новое поколение вовлеченных пользователей.
2) Блогеры, применяя креативные форматы, обеспечивают масштабное влияние на массовое восприятие, сопоставимое с традиционной журналистикой.
3) Цифровое поведение людей связано с самоидентификацией в виртуальном пространстве и зависит от возраста, уровня технической грамотности и предпочтительных площадок.

Обобщенные результаты могут быть полезны специалистам по медиа, интернет-коммуникациям и всем, кто заинтересован в понимании механизмов влияния цифровой среды на социум.

Литература

1. Булгатова Ю. С., Мункуев Э.Д., Игумнова А.С. Цифровая культура современного общества // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2021. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-sovremennogo-obschestva (дата обращения: 19.02.2025).
2. Гарифуллин В. З., Закиров Л.Р. Роль блогосферы в развитии национального интернет-пространства // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-blogosfery-v-razvitii-natsionalnogo-internet-prostranstva (дата обращения: 19.02.2025).
3. Горяева И. И., Зорин А.Л. Цифровая культура в информационном обществе // Культурное наследие России. – 2020. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-v-informatsionnom-obschestve (дата обращения: 19.02.2025).
4. Каменская В. Г., Томанов Л.В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 139–159. – DOI: 10.17759/exppsy.2022150109.
5. Сабыров Н.Б. Роль социальных сетей в цифровизации социальных отношений // Вестник экспертного совета. – 2022. – № 1 (28). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-tsifrovizatsii-sotsialnyh-otnosheniy (дата обращения: 19.02.2025).
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции, Коломна, 14–17 февраля 2018 года / Под общей ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2018. – С. 374–379. – EDN XWNBXV.
7. Упоров И.В. Цифровой мир как фактор изменения общественного сознания: станут ли негативные последствия фатальными? // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / Под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. – Ярославль: Цифровая типография, 2021. – С. 278–282. – EDN NDNJQB.
8. Чёрный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024. – 2024. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (дата обращения: 19.02.2025).
9. Ягудина А.Р. Блогеры как регуляторы общественного мнения // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. – 2023. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blogery-kak-regulyatory-obschestvennogo-mneniya (дата обращения: 19.02.2025).
10. Ячменева М.В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 3 (22). – С. 83–88. – EDN OJHIYP.

DIGITAL CULTURE AND ITS IMPACT ON THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY: THE ROLE OF BLOGGERS

Palagina V.B.

The article is devoted to the influence of digital space on the social structure and the formation of new forms of collective perception associated with the activities of bloggers. The relevance of the study is due to the fact that the digital environment gradually redistributes interactions between people and transforms familiar social mechanisms, creating a basis for the emergence of new sources of influence. The novelty lies in considering the phenomenon of blogging as a factor that changes both the methods of communication and the methods of data consumption. The work describes the scale of user involvement, reveals the dynamics of the increase in active authors and studies the evolution of content on domestic and foreign platforms. Attention is paid to the trends in the transfer of traditional media functions to bloggers who are able to accumulate an audience of different age categories. The goal is to analyze how digital practices are formed and how the structure of public relations changes under the influence of the growth of the audience of bloggers. The methodological basis is a comparative and problem-oriented approach, combining statistical data analysis, interdisciplinary review of sources and study of Internet publications. The results may be of interest to researchers of digital sociology, specialists in the field of mass media and all those who observe the processes of Internet communication.

Keywords: digital environment, bloggers, mass communications, social media, content, involvement, audience, structural changes, publications, innovations.

References

1. Bulgatova Yu. S., Munkuev E.D., Igumnova A.S. Digital culture of modern society // Bulletin of BSU. Economics and Management. – 2021. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-sovremennogo-obschestva (date of access: 19.02.2025).
2. Garifullin V. Z., Zakirov L.R. The role of the blogosphere in the development of the national Internet space // Scientific notes of Kazan University. Series Humanitarian sciences. – 2018. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-blogosfery-v-razvitii-natsionalnogo-internet-prostranstva (date of access: 19.02.2025).
3. Goryaova I. I., Zorin A.L. Digital culture in the information society // Cultural heritage of Russia. – 2020. – No. 2. – URL: https://

cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-v-informatsionnom-obschestve (date of access: 19.02.2025).
4. Kamenskaya V. G., Tomanov L.V. Digital technologies and their impact on the social and psychological characteristics of children and adolescents // Experimental psychology. – 2022. – Vol. 15, No. 1. – Pp. 139–159. – DOI: 10.17759/exppsy.2022150109.
5. Sabyrov N.B. The role of social networks in the digitalization of social relations // Bulletin of the expert council. – 2022. – No. 1 (28). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-tsifrovizatsii-sotsialnyh-otnosheniy (date of access: 19.02.2025).
6. Soldatova G. U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V., Lvova E.N. Digital culture: rules, responsibility and regulation // Digital society as a cultural and historical context of human development: Collection of scientific articles and materials of the international conference, Kolomna, February 14–17, 2018 / Under the general editorship of R.V. Ershova. – Kolomna: State. social-humanitarian. University, 2018. – P. 374–379. – EDN XWNBXV.
7. Uporov I.V. The digital world as a factor in changing public consciousness: will the negative consequences be fatal? // Opportunities and threats of digital society: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Yaroslavl, April 15, 2021 / Ed. A.V. Sokolov, A.A. Frolov. – Yaroslavl: Digital printing house, 2021. – Pp. 278–282. – EDN NDNJQB.
8. Cherny V. Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2024. – 2024. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (date of access: 19.02.2025).
9. Yagudina A.R. Bloggers as regulators of public opinion // The World of Science and Ideas. – 2023. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blogery-kak-regulyatory-obschestvennogo-mneniya (date of access: 19.02.2025).
10. Yachmeneva M.V. The influence of social media on the formation of family and civic values of young people in modern Russia: the experience of a sociological study // Sustainable Development Management. – 2019. – No. 3 (22). – P. 83–88. – EDN OJHIYP.

К вопросу об оптимизации преподавания русского языка в техническом вузе

Пономарева Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: olga.ff.olga@gmail.com

В статье анализируется проблема отмены дисциплины «Русский язык и культура речи» и переноса курса «Деловой русский язык» на последние семестры бакалавриата в технических вузах. Предложен пересмотр учебных планов в отношении преподавания дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Деловой русский язык»: внедрение актуальных базовых коммуникативных навыков в программу младших курсов, а также разделение содержания дисциплины на аудиторные занятия (отработка сложных аспектов деловой коммуникации, интерактивные форматы) и модули для самостоятельного освоения с использованием цифровых инструментов контроля.

Ключевые слова: деловой русский язык, русский язык и культура речи, технический вуз.

В условиях цифровизации и глобализации коммуникативная компетентность становится ключевым навыком для инженеров. Однако в российских технических вузах наблюдается тенденция к сокращению лингвистических дисциплин. Во многих вузах дисциплины становятся элективными, переносятся на последние семестры, что снижает их практическую эффективность. Курс «Русский язык и культура речи», ранее бывший обязательной дисциплиной и укреплявший фундаментальные навыки, необходимые для эффективной и грамотной коммуникации в профессиональной и повседневной жизни, заменяется элективной дисциплиной «Деловой русский язык», преподаваемой в 8–9 семестрах бакалавриата. Без навыков культуры речи студенты создают тексты и выражают свои мысли с ошибками, что может привести к трудностям в их дальнейшей профессиональной деятельности. Важно учитывать, что инженерам часто приходится общаться с юристами, менеджерами, заказчиками. В процессе деловой коммуникации необходимы точность и ясность выражения мысли. К тому же грамотная речь формирует образ профессионала и повышает уровень доверия коллег и клиентов.

Отсутствие дисциплины «Русский язык и культура речи» в учебных планах технических вузов может привести к пробелам в языковой подготовке студентов. Ситуация замены данного курса узкоспециализированным «Деловым русским языком» на старших курсах не решает проблему, так как возникает определенный дисбаланс: студенты осваивают языковую коммуникацию слишком поздно, когда уже вовлечены в процесс подготовки дипломных проектов и стажировки. В связи с этим возникает проблема позднего изучения «Делового русского языка», которая в дальнейшем имеет последствия для студентов:

- когнитивная перегрузка (совмещение языковых задач с финальными проектами снижает качество усвоения материала);
- упущенные возможности (студенты не получают навыков, необходимых для ранних этапов обучения: составление различных видов документов, подготовка, написание технических отчетов, составление презентаций и выступление на конференциях).
- недостаток практики: (позднее изучение лишает их времени для применения знаний в реальных проектах).

В современных условиях коммуникация приобрела принципиально новое значение, став ключевым элементом во всех сферах общественной жизни. Это особенно значимо для университетского сообщества, поскольку высшая школа сталкивается с постоянными вызовами, связанными с модернизацией образовательных подходов и формированием общекультурных компетенций учащихся [Бергер, с. 18]. Запрос работодателей на *soft skills*, включая коммуникативные умения, опережает способность вузов оперативно обновлять учебные программы.

Дисциплина «Русский язык и культура речи» ориентирована на формирование навыков грамотного, результативного и этически выверенного использования языка в разных коммуникативных ситуациях. Ее клю-

чевая задача – обеспечение соответствия речи нормам литературного языка через изучение грамматических и лексических стандартов, функциональных стилей, а также техник логичного изложения мыслей, учета аудитории и применения невербальных средств. Курс «Деловой русский язык» фокусируется на специфике языкового взаимодействия в профессиональных, административных и правовых контекстах, становясь важной составляющей коммуникативной деловой компетенции.

Для того чтобы выяснить, как относятся студенты к изучению в университете вышеназванных дисциплин, мы обратились к обучающимся в НИУ МГСУ. Согласно опросу, проведенному нами среди 237 студентов 1–4 курсов, 22,8% признает важным и 10,5% крайне важным изучение «Русского языка и культуры речи» на 1 курсе. Однако 33,3% участвующих в опросе ответили, что равнодушны к проблеме. Не считают нужным изучение культуры речи 33,3%: 15,6% выбрали вариант «не очень важно» и 17,7% – «совсем неважно» (рис. 1).

Рис. 1. Опрос студентов НИУ МГСУ

Аналогичная картина наблюдается в отношении «Делового русского языка»: только 33,8% респондентов считают его изучение на старших курсах необходимым: 22,8% проголосовали за вариант «необходимо», 16,9% – за вариант «крайне необходимо» (рис. 2).

Рис. 2. Опрос студентов НИУ МГСУ

Низкий интерес студентов к освоению дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Деловой русский язык» во многом обусловлен несоответствием учебных материалов реальным ситуациям деловой коммуникации в профессиональной деятельности. Проблема кроется в низкой корреляции содержания программ актуальным запросам: большая часть примеров заимствована из художественных текстов, а не из реальных коммуникативных кейсов, с которыми учащиеся сталкиваются в академической среде и профессиональной деятельности.

Как следствие, студенты не видят прямой связи между изучаемым материалом и практическими задачами – составлением официальных документов, ведением деловой переписки, участием в переговорах или подготовкой научных публикаций. Изучение языковых норм зачастую сводится к тренировке шаблонных упражнений из экзаменационных вариантов – исправлению ошибок, вставке пропущенных букв или выбору правильного ударения.

Подобные задания, хотя и формируют навык следования правилам, остаются абстрактными и оторванными от реальных коммуникативных ситуаций, с которыми студенты сталкиваются в учебе, научной работе или будущей профессии.

Разрыв между теорией и практикой приводит к восприятию дисциплин как формальных, «оторванных от жизни». Осознавая важность коммуникативных навыков, учащиеся не мотивированы углубленно изучать предметы, которые, по их мнению, не дают инструментов для решения конкретных задач в профессиональной деятельности. Для изменения ситуации требуется пересмотр учебных программ с акцентом на включение аутентичных материалов: образцов договоров, научных статей, протоколов совещаний, кейсов из профессиональных сфер – всего, что позволит транслировать язык не как абстрактную норму, а как рабочий инструмент успешной коммуникации.

По мнению большинства участников опроса (66,7%), в учебном плане важен баланс между “Русским языком и культурой речи” и “Деловым русским языком” (рис. 3).

Рис. 3. Опрос студентов НИУ МГСУ

Участвующие в проводимом исследовании студенты НИУ МГСУ, отвечая на вопрос «Какие навыки, на ваш взгляд, дает изучение культуры речи?», могли указать одновременно несколько вариантов ответа (рис. 4). Лидером стал вариант «Уверенность в устной речи», так ответили 158 человек из 248 опрошенных.

Рис. 4. Опрос студентов НИУ МГСУ

При ответе на вопрос «Какие аспекты делового русского языка наиболее полезны?» студенты чаще других выбирали два варианта: «Составление официальных документов» и «Проведение переговоров» (рис. 5).

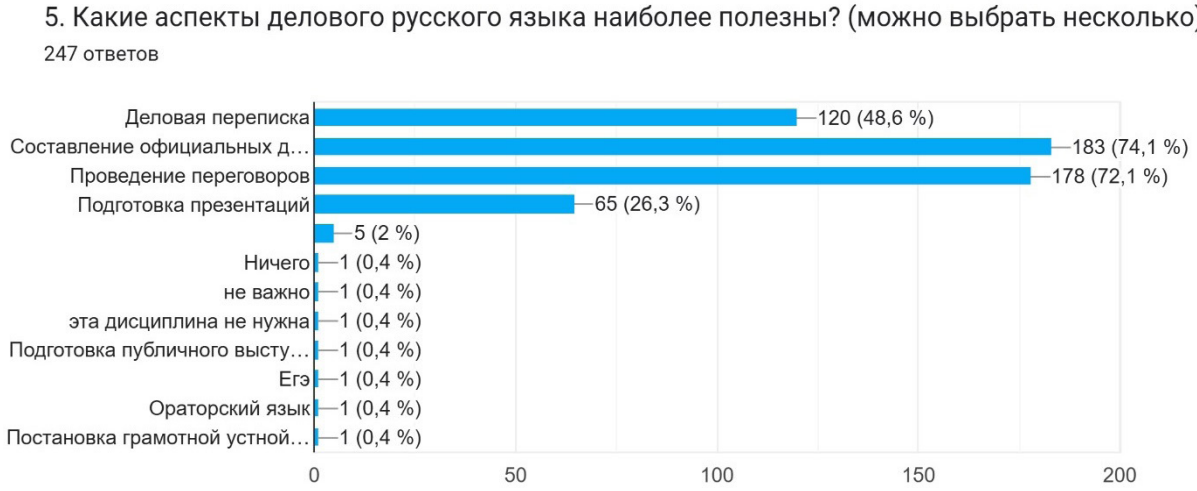

Рис. 5. Опрос студентов НИУ МГСУ

Все это указывает на необходимость комплексного реформирования методик преподавания языковых курсов в технических вузах, которая будет предполагать интеграцию курсов по культуре речи и деловому языку в единую вертикаль. Гармоничное сочетание культурно-речевой подготовки и деловой коммуникации должно стать основой образовательной стратегии. Такая перестройка обеспечит поэтапное развитие навыков – от грамотности до профессиональной коммуникации.

Содержание обеих дисциплин должно иметь акцент на углубленных навыках профессионального и делового общения. При изучении курса «Русский язык и культура речи» студенты должны иметь возможность не просто повторить правила, которые они уже изучали при подготовке к ЕГЭ, но и получить новую информацию и новый опыт, способствующие формированию у студентов умения соотносить цели и средства речевой коммуникации с общими целями их будущей профессиональной деятельности.

При обучении студентов по программе «Деловой русский язык» нужно учитывать потребности будущих специалистов. Как показали ответы участников опроса, проведенного в НИУ МГСУ, прежде всего нужно акцентировать внимание на составлении официальных документов, включая специализированную документацию (технические спецификации, патентные заявки, проектная документация по ГОСТ) и на развитии навыков как устной, так и письменной деловой коммуникации.

В ходе занятий студенты должны участвовать в реальных ситуациях профессионального общения, расширять свой словарный запас и создавать собственные проекты. Необходим анализ кейсов из реальных инженерных проектов, включающий в себя изучение различных успешных и неудачных примеров, чтобы выявить ключевые факторы, влияющие на результат (например, проект строительства моста через реку). Важен опыт публичных выступлений с защитой проектов перед коллегами и экспертами.

Таким образом, преподавание в техническом вузе дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Деловой русский язык» должно быть профессионально ориентированным и учитывать современные достижения в обществе в целом и в научно-технической среде, в частности. Важно, чтобы обе дисциплины представляли собой ступени единого коммуникативного практикума.

Целесообразно:

- вернуть «Русский язык и культуру речи» на 1–2 курс как основу для последующего изучения дисциплины «Деловой русский язык»;
- интегрировать модули в технические дисциплины (написание отчетов, защита лабораторных работ и др.);
- использовать при изучении дисциплин цифровые инструменты (например, тренажеры по орфографии) для самостоятельной работы.

Литература

1. Бергер О В. Проблемы качества преподавания культуры речи студентам высших учебных заведений // МНКО. 2021. № 2 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kachestva-prepodavaniya-kultury-rechi-studentam-vysshih-uchebnyh-zavedeniy (дата обращения: 03.03.2025).
2. Скорикова Т.П., Романова Н.Н. Рабочая тетрадь к практикуму по русскому языку и культуре речи: учеб. Пособие для самостоятельной работы. Н.Н. Романова, Т.П. Скорикова – М. Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014. – 89 с.
3. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]: учебное наглядное пособие для обучающихся бакалавриата и магистратуры по всем УГСН, реализуемым НИУ МГСУ / сост.: Н.А. Тюпенко, Е.Л. Черкашина; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра русского языка как иностранного. –Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2020.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – Минск, 2000. – 260 с.
5. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Катаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие дл я вузов. Изд. 6-е. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2001. – 544 с
6. Тартынских В.В. Формирование языковой компетенции личности в процессе преподавания речеведческих дисциплин в вузе // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2016. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-kompetentsii-lichnosti-v-protsesse-prepodavaniya-rechevedcheskih-distsiplin-v-vuze (дата обращения: 03.03.2025).
7. Малина Н.В., Рогачева Т.Д., Кондратьева И.А. Деловой русский в процессе преподавания русского языка как иностранного в вузе // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, № 2 http://mir-nauki.com/PDF/38PDMN217.pdf (доступ свободный).
8. Орлова Е.В. Актуальные речевые жанры в рамках профессионально ориентированного обучения русскому языку студентов-медиков // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 5 (246)
9. Фалина В.А. Основы делового общения: первые шаги к профессиональному успеху / учеб. пособие для студентов технических специальностей / ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». – Иваново, 2010. – 108 с
10. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум / Н.С. Водина, А.Ю. Иванова, В.С. Клюев [и др.]. – Москва: Флинта: Наука, 2008.

ON OPTIMIZING THE TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN TECHNICAL UNIVERSITIES

Ponomareva O.V.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article analyzes the issue of eliminating the discipline “Russian Language and Speech Culture” and relocating the “Business Russian Language” course to later semesters in technical universities. A revision of the curriculum is proposed for teaching the disciplines “Russian Language and Speech Culture” and “Business Russian Language”: integrating foundational communication skills into the program for junior years, as well as dividing the course content into classroom sessions (focusing on complex aspects and interactive formats) and self-study modules utilizing digital assessment tools.

Keywords: Business Russian, Russian language and speech culture, technical university.

References

1. Berger O.V. Problems of the quality of teaching speech culture to students of higher educational institutions // MNKO. 2021. No. 2 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kachestva-prepodavaniya-kultury-rechi-studentam-vysshih-uchebnyh-zavedeniy (date of access: 03.03.2025).
2. Skorikova T. P., Romanova N.N. Workbook for a practical course in the Russian language and speech culture: textbook. Manual for independent work. N.N. Romanova, T.P. Skorikova – M. Publishing house of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, 2014. – 89 p.
3. Russian Language and Culture of Speech [Electronic resource]: a visual teaching aid for undergraduate and graduate students in all UGSN implemented by NRU MGSU / compiled by: N.A. Tyupenko, E.L. Cherkashina; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Department of

Russian as a Foreign Language. – Moscow: Publishing House MISI–MGSU, 2020.
4. Mechkovskaya N.B. Social Linguistics. – Minsk, 2000. – 260 p.
5. Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G., Kataeva E. Yu. Russian Language and Culture of Speech: A Textbook for Universities. 6th ed. Rostov n / D: Phoenix Publishing House, 2001. – 544 p.
6. Tartynskikh V.V. Formation of the linguistic competence of the individual in the process of teaching speech disciplines at the university // Scientific result. Series "Pedagogy and psychology of education". 2016. No. 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-kompetentsii-lichnosti-v-protsesse-prepodavaniya-rechevedcheskih-distsiplin-v-vuze (date of access: 03.03.2025).
7. Malina N.V., Rogacheva T.D., Kondratieva I.A. Business Russian in the process of teaching Russian as a foreign language at the university // Internet magazine "World of Science" 2017, Vol. 5, No. 2 http://mir-nauki.com/PDF/38PDMN217.pdf (free access).
8. Orlova E.V. Current speech genres in the framework of professionally oriented teaching of Russian to medical students // Russian language abroad. – 2014. – No. 5 (246)
9. Falina V.A. Fundamentals of business communication: first steps to professional success / textbook for students of technical specialties / State Educational Institution of Higher Professional Education "Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin". – Ivanovo, 2010. – 108 p.
10. Culture of oral and written speech of a businessman: Handbook. Workshop / N.S. Vodina, A. Yu. Ivanova, V.S. Klyuev [and others]. – Moscow: Flinta: Nauka, 2008.

Анализ пути к возрождению китайской традиционной культуры на основе «уверенности в культуре»

Сюэ Сяохань,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 495644619@qq.com

В последние годы «интерес к традиционной культуре», возникший в Китае, привлёк большое внимание, а возрождение традиционной культуры стало объектом пристального внимания со стороны всех слоев общества. За этим явлением стоят глубокие изменения в культурном менталитете китайского народа, которые в полной мере отражают растущую культурную уверенность Китая на международной арене. В данной статье «культурная уверенность» принимается за отправную точку, глубоко анализируются причины возрождения традиционной китайской культуры, объединяются важные рассуждения председателя Си Цзиньпина о традиционной китайской культуре и культурной уверенности, раскрывается стратегическая позиция культурной уверенности в развитии страны и исследуется дальнейший путь возрождения традиционной китайской культуры.

Ключевые слова: культурная уверенность, возрождение китайской традиционной культуры, мягкая сила.

В XXI веке, когда глобализация и многообразие культур сталкиваются и соединяются друг с другом, возрождение традиционной китайской культуры становится актуальной тенденцией. От вида китайских и иностранных туристов, одевающихся в ханьфу, до выпуска по всему миру мультфильма «Нэ Чжа»; от стремительного роста числа изучающих китайский язык в мире до успешного включения китайского Нового года в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2024 году – это возрождение не только сформировало культурную идентичность внутри страны, но и стало важным окном, через которое международное сообщество может увидеть развитие Китая. Растущая культурная уверенность в себе – это не только внутренний стимул для продвижения национального возрождения и китайской культуры за рубежом, но и стратегический шаг Китая к укреплению собственной дискурсивной силы и культурной «мягкой силы».

Теоретическая и стратегическая значимость уверенности в культуре

Культурная уверенность в себе, по сути, является высокой степенью утверждения страной или нацией своей собственной культурной ценности. Председатель Си Цзиньпина отметил, что «Китай обладает твердой уверенностью в своем пути, теории и системе, суть которых основана на культурной уверенности, уходящей корнями в более чем 5000-летнюю цивилизацию»[1]. Это четко показывает, что культурная уверенность включает в себя уверенность в стране, нации и политической партии.

«Истоком и источником социалистической культуры с китайской спецификой является выдающаяся традиционная культура Китая, сформировавшаяся в течение более чем пятитысячелетней истории китайской цивилизации, Она вплавлена в революционную и передовую социалистическую культуру, созданную китайским народом под руководством партии в ходе революции, строительства и реформ, укоренилась в великой практике социализма с китайской спецификой.»[2] Основа культурной уверенности заключается в признании и наследовании выдающейся традиционной китайской культуры, революционной культуры и передовой социалистической культуры. (Корень культурной уверенности в себе лежит в утверждении и наследовании превосходной традиционной китайской культуры, революционной культуры и передовой социалистической культуры.) Эти выдающиеся культуры на разных этапах истории вместе сформировали уникальный духовный темперамент китайской нации и являются прочным фундаментом культурной уверенности китайского народа.

Для китайской нации постоянно повышающаяся культурная уверенность в себе имеет огромное значение. Оно не только развивает ценностную идентичность китайской культуры среди всего китайского народа и укре-

[1] Выступление Си Цзиньпина на собрании по случаю 95-летия Коммунистической партии Китая 1 июля 2016 года

[2] Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая18 октября 2017 года

пляет национальную сплоченность, но и заботится о будущем развитии страны и нации. «Культура – это душа любой страны, любой нации»[1], культура несет в себе общую культурную память и ценности народа, вызывая сильное чувство принадлежности и идентичности. Внутри страны культурная уверенность способна сформировать широкий консенсус и собрать силу всего народа в общем стремлении достичь великого возрождения китайской нации.

На международной арене культурная уверенность позволила Китаю внести свой вклад в преобразование глобального управления и преодолеть ограничения, присущие западному образу мыслей. Выдвинутая Китаем концепция «сообщества единой судьбы человечества» призывает все страны выйти за рамки идеологических различий и добиться взаимовыгодного сотрудничества. Китай отправляет медицинские бригады на помощь за рубеж уже 60 лет, начиная с 1963 года. В общей сложности 30 000 медицинских специалистов были направлены в 76 стран и регионов, оказали помощь 290 миллионам пациентов и получили всеобщее одобрение от жителей стран-получателей помощи. Такой самоотверженный акт справедливости, совершаемый на протяжении десятилетий, уникален в мировой истории и является ярким примером китайской дипломатии, для которой справедливость важнее выгоды, а также продвижения великого национального духа – готовности отдавать и не бояться жертв.

Что касается экологического управления, то под влиянием традиционной культуры «единства человека и природы» Китай выдвинул концепцию «зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища» и энергично продвигает «зеленое» и низкоуглеродное развитие. «Уровень покрытия лесами территории проекта „Три Севера“ вырос с 12,41% до 13,84%, а растительный покров бассейна Желтой реки продвинулся на 300 километров на запад»[2]. Китай добился значительных результатов в таких областях, как чистая энергетика, восстановление экологии и мониторинг поглощения углерода. В то же время Китай активно участвует в международном сотрудничестве, способствуя созданию глобальной системы экологического управления, предлагая практические китайские проекты для глобального «зеленого» развития.

Культурное уверенность также отражается в усилении культурной «мягкой силы». Культурная мягкая сила – это способность страны добиваться своих целей путем привлечения, а не принуждения, и усиливать свое влияние с помощью уникальной культуры, ценностей и политики. С момента своего основания в 2004 году Институты Конфуция, являясь важной платформой для распространения китайской культуры, “создали 496 Институтов Конфуция и 757 классов Конфуция в начальных и средних школах в 160 странах и регионах по всему миру, в которых ежегодно обучается более миллиона студентов. В мире, кроме Китая, китайский язык изучают более 30 миллионов человек”[3].

Будучи основным элементом национальной «мягкой силы», культурное уверенность играет незаменимую роль в процессе формирования государственного имиджа. Традиционные культурные символы, представленные ханьфу, являются важным носителем и выражением этой культурной уверенности. В условиях глобализации, ханьфу является не только отражением материальной культуры, но и проявлением культурной субъективности. Он воплощает историческую преемственность и культурную уникальность китайской цивилизации, а также демонстрирует творческое внедрение и инновационное развитие традиционной культуры в современном Китае. С точки зрения создания международного имиджа, распространение ханьфу как культурного символа может эффективно повысить национальное культурное признание и укрепить познание и идентификацию китайской культуры международным сообществом. В то же время международное распространение культуры ханьфу интуитивно и ярко демонстрирует эстетическую ценность и духовный подтекст китайской культуры, которая является мощным носителем культурной идентичности социализма с китайской спецификой, тем самым создавая более близкий национальный образ в межкультурном диалоге. Благодаря этой стратегии формирования имиджа, основанной на культурном уверенности, международное сообщество получило более глубокое понимание культурного наследия и современного имиджа Китая, что способствует культурным обменам и взаимному уважению, а также совместному построению гармоничной и разнообразной мировой культуры.

Предпосылки возрождения традиционной культуры

Оглядываясь на историю развития Китая, можно сказать, что после почти столетия неустанной борьбы китайская нация совершила большой скачок – от вставания на ноги, богатства до превращения в могучую силу. В этом процессе китайская культура завоевывала все большее признание в мире благодаря своей сильной сплоченности, лидерству и творчеству.

После начала Опиумной войны в 1840 году Китай оказался в затруднительном положении «цивилизации в пыли». Вторжение западных держав и упадок феодального правления привели к потере субъективности китайской культуры, и даже возникла тенденция к «тотальной вестернизации». Господин Цянь Му однажды с тяжелым сердцем отметил, что «Китай не мог противостоять сильному влиянию западной культуры в течение ста лет, сметая собственное национальное самоуважение и культурную уверенность в себе; не только в военных, экономических и политических делах, но и в литературе и искусстве, и даже в повседневной жизни китайцы учились у иностранных государств»[4]. На протяжении этого периода китайская культура переживала серьезный кризис идентичности под влиянием западной культуры.

Более десяти лет назад сильное распространение западной культуры и ценностей в Китае, пропаганда индивидуального героизма в американских фильмах и чрезмерное прославление Запада в молодежных журналах стали обычным явлением, что привело к кризису гомогенизации китайской культуры. Эта тенденция ослабила уникальность китайской культуры и привела к тому, что молодое поколение постепенно теряет чувство идентичности с собственной культурой. В этих условиях необходимо срочно восстановить субъективность и оригинальность китайской культуры.

[1] Си Цзиньпин о государственном управлении: Том 2 [М]. Пекин: Издательство иностранных языков, 2017: 504

[2] Для глобального управления Содействие укреплению могущества Китая – обзор эффективности китайских проектов по предотвращению и борьбе с опустыниванием, «Три Севера» и других ключевых экологических инженерных сооружений от 1 декабря 2024 г. Синьхуа

[3] Обычные 20 лет – Двадцать лет Институту Конфуция, жэньминь газета, 06 сентября 2024 года

[4] Цянь Му, «Двенадцать лекций о китайской культуре» Пекин: Издательство Цзючжоу, 2012.2

С ростом национальной мощи Китая значительно возросла потребность населения в богатой духовной и культурной жизни. Однако наряду с быстрым экономическим развитием в культурной сфере возникли такие проблемы, как отсутствие ценностей и моральное отставание. Возрождение традиционной культуры может помочь заполнить духовный пробел и укрепить социальную сплоченность. Постоянное удовлетворение разнообразных, многоуровневых и многогранных духовных и культурных потребностей народа стало важной целью культурного строительства в новую эпоху. В ходе все более частого взаимодействия с международным сообществом китайцы все больше осознают важность понимания истории нации и использования элементов национального духа и культурных символов для того, чтобы подчеркнуть уникальную ценность нации. «Традиционная китайская культура влияет на духовный мир современных китайцев и дает мощный духовный импульс для развития Китая»[1], возрождение традиционной культуры – это не только наследие истории и культуры, но и позитивный ответ на потребности современного общества.

Председатель Си Цзиньпин отметил, что превосходная традиционная китайская культура является духовной основой китайской нации. Китайская цивилизация – единственная из четырех древних цивилизаций, которая никогда не прерывалась, и на нынешнем поколении лежит ответственность за передачу и развитие этой цивилизации. Возрождение традиционной культуры – важный путь к великому возрождению китайской нации. Для обеспечения долгосрочного мира и стабильности в стране и стабилизации сердец народа необходимо придавать большое значение возрождению традиционной китайской культуры, поддерживать субъективность и оригинальность китайской культуры, укреплять культурное самосознание.

ЮНЕСКО выступает за культурное разнообразие, и возрождение традиционной китайской культуры внесло позитивный вклад в баланс глобальной культурной экологии. Цянь Му отметил: «Возрождение китайской культуры – это не только путь к возрождению нашей нации, но и способ открыть новые возможности для мировой культуры»[2]. В условиях глобализации культурное разнообразие является не только неотъемлемой потребностью культурного развития каждой страны, но и важной целью глобального культурного управления. Успех заявки на включение китайского Нового года в список нематериального культурного наследия в конце 2024 года свидетельствует о высоком признании ценности китайской культуры международным сообществом.

Перспективы содействия возрождению традиционной китайской культуры с помощью уверенности в себе

«Без твердой уверенности в собственной культуре, без расцвета и процветания культуры не может быть и речи о великом возрождении китайской нации.»[3]Культурная уверенность – это важная духовная опора для реализации китайской мечты и идеологическая основа национального возрождения, и ее стратегическое положение в будущем развитии Китая имеет первостепенное значение, обеспечивая мощную поддержку движению Китая от культурной страны к культурной державе и способствуя великому возрождению китайской нации.

В своей речи Си Цзиньпинь несколько раз упомянул о требовании «двух творений», которое заключается в творческом внедрении и инновационном развитии выдающейся традиционной китайской культуры. Творческое внедрение означает превращение тех элементов китайской культуры, которые не соответствуют требованиям времени., с тем чтобы они соответствовали потребностям современной цивилизации и стали более понятными и приемлемыми. С другой стороны, творческое развитие – это активизация и обновление традиционных культурных коннотаций на основе наследования ценностей, национального духа и моральных норм выдающейся традиционной культуры, применения новых концепций, технологий и форм выражения, учета духа времени и сочетания современных элементов.

Вышедшая в 2024 году игра «Black Myth: Wukong» вызвала широкий интерес во всем мире, продав за полгода более 20 миллионов и заняв второе место в списке игровых доходов Steam с $944 миллионами. Используя современные технологии, игра переосмысливает классическую китайскую литературу «Путешествие на Запад», прекрасно передавая такие элементы, как классические китайские картины, древнюю архитектуру и народные обычаи с помощью 3D-технологий, давая игрокам возможность погрузиться в культурную жизнь. Мировая популярность игры в полной мере демонстрирует уникальное очарование китайской культуры.

Также, вышедший в 2025 году фильм «НэЧжа» собрал в прокате более 14 миллиардов юаней на внутреннем рынке и стал самым кассовым анимационным фильмом не только в истории Китая, но и всего мира. Главной чертой фильма является инновационное выражение традиционной культуры, переосмысление рассказа о НэЧжа, бунтующем юноше из китайской мифологии. Основанный на восточной эстетике, фильм включает в себя универсальные ценности самобытности, социальной справедливости и «Если судьба не справедлива, боритесь с ней до конца», а также сочетает традиционные культурные элементы, такие как культура Саньсиндуй, фрески Дуньхуана, тайцзи и багуа, в дизайне сцены для инновационного представления, что вызывает эмоциональный резонанс у мировой аудитории и реализует многомерное распространение культуры. Этот анимационный фильм стал важным мостом для китайской культуры в мир.

Кроме того, генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал важность «двух сочетаний», второе из которых – сочетание марксизма и китайской традиционной культуры. Это сочетание не только способствует китаизации марксизма, но и модернизации китайской традиционной культуры. Благодаря глубоким разработкам уникальности и богатого содержания китайской цивилизации можно извлечь сущность для продвижения китайской культуры в мире и создания более уверенного и уважаемого образа Китая. Существует множество точек совпадения между китайской традиционной культурой и марксизмом, что делает их сочетание возможным и необходимым для продвижения процесса модернизации в китайском стиле и появления новых культурных форм.

Бурное развитие мировой культурной индустрии и высокий спрос населения на духовную и культурную продукцию открыли новые возможности для возрождения выдающейся китайской традиционной культуры и укрепления уверенности культуры. Культурная индустрия, являясь одним из основных способов распростра-

[1] Речь Си Цзиньпина на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, 20 марта 2018 года

[2] Цянь Му. Серия рассуждений о китайской культуре [М]. Тайбэй: Книжный магазин Санмин, 1975.

[3] Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 18 октября 2017 года

нения культуры, помогает объединить элементы традиционной китайской культуры в различные культурные продукты и с помощью современных научно-технических достижений и инновационных бизнес-моделей сделать традиционную культуру более привлекательной для общественности. Развитие культурной индустрии может не только удовлетворить духовные и культурные потребности людей, но и распространить китайскую культуру по всему миру, усилить международное влияние китайской культуры, еще больше повысить культурную уверенность в себе, образуя благотворный круг, в котором культурная уверенность, возрождение традиционной культуры и развитие культурной индустрии способствуют друг другу.

Заключение

Культурная уверенность и возрождение традиционной китайской культуры способствуют друг другу. Суть пробуждения и укрепления культурной уверенности заключается в признании субъективности выдающейся традиционной культуры, что способствует возрождению традиционной культуры и придает импульс наследованию и развитию выдающейся традиционной культуры. А возрождение традиционной культуры еще больше укрепляет культурную уверенность, с помощью культурной продукции, культурных обменов и других форм демонстрируя очарование китайской культуры, усиливая национальную культурную мягкую силу, подчеркивая уникальную ценность нации. Эти два направления дополняют друг друга, совместно продвигая китайскую культуру в мир и способствуя развитию глобального культурного разнообразия. Это имеет далеко идущее значение для укрепления культурного доверия и содействия возрождению традиционной культуры.

Литература

1. Выступление Си Цзиньпина на собрании по случаю 95-летия Коммунистической партии Китая 1 июля 2016 года
2. Для глобального управления Содействие укреплению могущества Китая – обзор эффективности китайских проектов по предотвращению и борьбе с опустыниванием, «Три Севера» и других ключевых экологических инженерных сооружений от 1 декабря 2024 г. Синьхуа
3. Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 18 октября 2017 года
4. Обычные 20 лет – Двадцать лет Институту Конфуция, жэньминь газета, 06 сентября 2024 года
5. Речь Си Цзиньпина на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, 20 марта 2018 года
6. Си Цзиньпин о государственном управлении: Том 2 [M]. Пекин: Издательство иностранных языков, 2017: 504
7. Цянь Му. Двенадцать лекций о китайской культуре. Пекин: Издательство Цзючжоу, 2012.2
8. Цянь Му. Серия рассуждений о китайской культуре [M]. Тайбэй: Книжный магазин Санмин, 1975.

ANALYSIS OF THE PATH TO REVITALIZE CHINESE TRADITIONAL CULTURE BASED ON “CULTURAL CONFIDENCE”

Xue Xiaohan
Saint Petersburg State University

In recent years, the “interest in traditional culture” that has emerged in China has attracted much attention, and the revival of traditional culture has become the object of close attention from all walks of life. Behind this phenomenon are profound changes in the cultural mentality of the Chinese people, which fully reflects China’s growing cultural confidence in the international arena. This article takes “cultural confidence” as the starting point, deeply analyzes the reasons for the revival of Chinese traditional culture, integrates Chairman Xi Jinping’s important thoughts on Chinese traditional culture and cultural confidence, reveals the strategic position of cultural confidence in the development of the country, and explores the future path of the revival of Chinese traditional culture.

Keywords: cultural confidence, revival of Chinese traditional culture, soft power

References

1. Speech by Xi Jinping at the Meeting to Commemorate the 95th Anniversary of the Communist Party of China, July 1, 2016
2. For Global Governance Promoting China’s Strength – A Review of the Effectiveness of China’s Desertification Prevention and Control, Three Norths, and Other Key Ecological Engineering Works, December 1, 2024, Xinhua
3. Report by Xi Jinping to the 19th National Congress of the Communist Party of China, October 18, 2017
4. An Ordinary 20 Years – Twenty Years of the Confucius Institute, People’s Daily, September 6, 2024
5. Speech by Xi Jinping at the First Session of the 13th National People’s Congress, March 20, 2018
6. Xi Jinping on Governance: Volume 2 [M]. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2017: 504
7. Qian Mu. Twelve Lectures on Chinese Culture. Beijing: Jiuzhou Publishing House, 2012.2
8. Qian Mu. Series of Discourses on Chinese Culture [M]. Taipei: Sanming Bookstore, 1975.

Определение социального неравенства с помощью кривой Лоренца и индекса Джини

Тихонов Кирилл Алексеевич,
студент магистратуры Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kir2001.322@gmail.com

Статья посвящена индексу Джини как инструменту количественного измерения социально-экономического неравенства. Особое внимание уделяется его теоретическим основам, методу расчета и практическому применению в анализе распределения доходов.
Цель исследования – рассмотреть индекс Джини в контексте количественных методов оценки социального неравенства, выявить его преимущества и ограничения. В качестве метода используется анализ кривой Лоренца, из которой выводится индекс Джини, а также сравнительный анализ статистических данных, характеризующих уровень неравенства в России.
Результаты исследования показывают, что индекс Джини, принимающий значения от 0 (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство), позволяет объективно оценивать степень экономического расслоения. На примере распределения доходов среди групп населения страны А демонстрируется алгоритм расчета индекса Джини, который дает значение 0,2. Анализ российских данных показывает тенденцию к снижению индекса Джини с 42,2 в 2007 году до 40,8 в 2024 году, что свидетельствует о некотором выравнивании доходов.
Выводы исследования подтверждают значимость индекса Джини как эффективного метода количественного анализа социального неравенства, но также указывают на его ограничения, связанные с учетом только денежных доходов и возможными методологическими проблемами при сборе данных.

Ключевые слова: социальное неравенство, государственная политика, социальная сфера

Определение социального неравенства с помощью кривой Лоренца и индекса Джини

Люди – социальные существа, и наши социальные взаимодействия часто сложны. Социальные взаимодействия во многих формах порождают спонтанные вариации, проявляющиеся в виде неравенства, в то время как иногда это неравенство является результатом продолжающихся сложных взаимодействий между составляющими его человеческими единицами. Прогресс развития статистики позволяет нам позволяет нам использовать большой набор эмпирических данных, чтобы получить оценку состояния социального неравенства наиболее близкую к реальности.

Социально-экономическое неравенство измеряется различными способами. За последние годы в России активно развивались социологические методы определения социального неравенства, которые акцентируют внимание на то, как сами люди воспринимают своё положение в обществе и какой размер дохода считают высоким/низким/нормальным [1].

Однако также существуют и практикуются количественные методы определения социального неравенства, которые, хоть и обходят стороной субъективные представления общества или группы людей, позволяют оценить объективное социальное неравенство с точки зрения фактического распределения доходов и богатства. Одними из наиболее популярных количественных методов являются функция распределения, выраженная в виде кривой Лоренца, и индекс (или коэффициент) Джини, выводимый из неё. Именно их я и хочу рассмотреть в данной статье.

Кривая Лоренца

Кривая Лоренца – это функция, которая представляет совокупную долю X упорядоченных индивидов (от самого низкого к самому высокому) в зависимости от совокупной доли их размера Y (см. рис. 1) [2]. В зависимости от того, что мы хотим рассмотреть через данную кривую, X и Y могут быть любыми переменными, для которых характерно кумулятивное распределение. В данном случае, при определении социального неравенства, переменная X обозначает людей, как правило разделённых на децили, а переменная Y может обозначать доход или совокупное богатство [3].

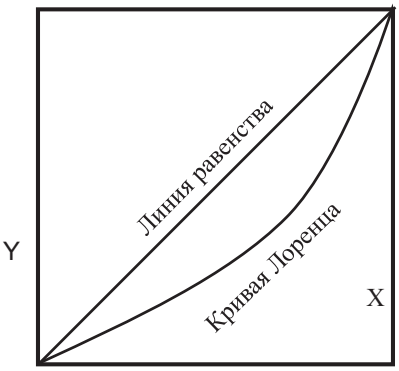

Рис. 1. Кривая Лоренца

Если бы доходы или богатство распределялись равномерно, т.е. 10% получателей имели бы десятую часть доходов, 50% – половину и т.д., то такое распределение имело бы вид диагонали, то есть, мы бы наблюдали квадрат и линию равенства. Кривая Лоренца отражает неравномерное распределение, где, например, на нижние 50% населения приходится только 30% дохода.

Сама по себе кривая Лоренца мало что говорит об экономическом распределении. Чтобы сделать её полезным инструментом применяются различные индексы (коэффициенты), которые выводятся из кривой. Чаще всего используется индекс Джини. Статистические органы Российской Федерации рассчитывают индекс Джини согласно методике, утверждённой Постановлением Госкомстата России от 16.07.1996 № 61 «Об утверждении методик расчета баланса денежных доходов и расходов населения и основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения». Для расчета используется следующая формула:

$$K = 1 - \sum_{i=1} \left(F_{(i)} - F_{(i-1)}\right)\left(S_{(i-1)} - S_{(i)}\right),$$

где:
K – коэффициент (индекс);
$(F_i - F_{i-1})$ – доля населения, относящаяся к i-му интервалу;
S_{i-1}, S_i – доля суммарного дохода, приходящаяся на начало и конец i-го интервала [4].

Значение индекса Джини принимает значение от 0, при котором наблюдается абсолютное равенство, до 1, состояния абсолютного неравенства.

На практике это может выглядеть следующим образом. Возьмём произвольные значения распределения денежных доходов населения. На 100% населения страны А приходится 100% доходов, получаемых в стране А. Пусть население страны А делится на 5 групп, по 20% населения. На самые бедные 20% приходится 10% доходов, на последующие 15%, 20%, 25% и 30% соответственно (см. таб.1).

Таблица 1. Распределение денежных доходов страны А

Группы по денежным доходам, %	Доля денежных доходов в группе, %
20	10
20	15
20	20
20	25
20	30

Для исчисления индекса Джини необходимо рассчитать величины $F_{(i)} - F_{(i-1)}$ и $S_{(i-1)} - S_{(i)}$, которые мы уже фактически выбрали заранее (см. таб. 2):

Таблица 2. Расчёт индекса Джини

Доля населения (F)	Доля доходов (S)	$F_{(i)} - F_{(i-1)}$	$S_{(i-1)} - S_{(i)}$
0.2	0.1	0.2	0.1
0.4	0.25	0,2	0,15
0.6	0.45	0,2	0,2
0.8	0.7	0,2	0,25
1	1	0,2	0,3

Подставив значения в формулу, мы получаем значение индекса равное 0,2.

Таким образом, при распределении доходов, где каждые последующие 20% увеличивают долю получаемых доходов на 5 процентных пунктов, индекс Джини составляет 0,2.

Количественные методы на практике

Благодаря количественным методам мы получаем возможность объективно оценивать социальное неравенство, что позволяет более эффективно оценивать результаты действия государственной политики или рыночных механизмов. Так, в Российской Федерации действуют несколько государственных программ, направленных на перераспределение доходов и помощь наименее защищённым слоям населения. Согласно данным Росстата в 2007 году индекс Джини составил 42.2, в 2018 году индекс Джини составил 41.4, в то время как по итогам 2024 года его оценили в 40.8. Следовательно, распределение доходов среди населения России стало объективно более равным, чем было в 2007 году [5].

Слабой стороной количественного измерения неравенство в целом и использования индекса Джини в частности является то, что он учитывает только те переменные, которые были использованы при формировании кривой. Например, если в качестве переменной Y мы используем «доходы населения», то полученный результат нам скажет только о доходах, выраженных в денежной форме. Во-первых, мы не будем знать об источнике доходов, являются ли они трудовыми или доходами от собственности, а также в каком соотношении. Во-вторых, мы упускаем из виду существование неденежных доходов, когда работодатели выдают сотрудникам заработную плату в виде продуктов предприятия или разнообразных льгот. Для того, чтобы получать более полную картину социального неравенства в пределах географической единицы требуется проводить несколько измерений по разным показателям, чтобы затем сопоставить полученные данные [6].

Более того, количественные меры измерения социального неравенства зависят от качества собираемых данных. На практике в большинстве стран мира существует проблема сбора полной статистической информации в виду существования теневого сектора экономики, а также в силу методологических проблем, с которыми сталкиваются лица и организации, которые отвечают за сбор и актуализацию статистических данных [7].

Литература

1. Аптекарь П., Шкалы Ликерта и лестница Макартура: как оценить уровень социального неравенства [Электронный ресурс] // 2022. URL: https://daily.hse.ru/post/shkaly-likerta-i-lestnitsa-makartura-kak-otsenit-uroven-sotsialnogo-neravenstva (дата обращения).
2. Макконнелл К. Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика // М.: Республика. – 1992. – 944 с.
3. Jun-ichi Inoue, Asim Ghosh2, Arnab Chatterjee, Bikas K. Chakrabart, Measuring social inequality with quantitative methodology: Analytical estimates and empirical data analysis by Gini and K indices.// Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. – 2015– Vol. 429, № 1. – P. 184–204.
4. Постановление Госкомстата России от 16.07.1996 N 61 (ред. от 02.07.2014) «Об утверждении методик расчета баланса денежных доходов и расходов населения и основных социально-экономических ин-

дикаторов уровня жизни населения». Пункт 2.2 2.2. Методика построения кривой Лоренца и расчета показателей дифференциации доходов населения. [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12210/ (дата обращения: 20.03.2025)
5. Гальчева А., Рожкова Е., Виноградова Е., Неравенство выходит из кризиса. [Электронный ресурс] // URL: https://e-vid.ru/anna-galcheva-elena-rozhkova-ekaterina-vinogradova (дата обращения: 20.03.2025)
6. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – Ад Маргинем Пресс, 2015. – С. 592–592.
7. Выжутович В.. Социолог: Ни в одной стране мира статистика не является копией реальности [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/08/25/sociolog-ni-v-odnoj-strane-mira-statistika-ne-iavliaetsia-kopiej-realnosti.html – 2020 г.

USING THE LORENZ CURVE AND THE GINI INDEX TO ESTIMATE THE SOCIAL INEQUALITY

Tikhonov K.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation,

The article is dedicated to the Jini index as an instrument of quantitative measurement of socio-economic inequality. Particular attention is paid to its theoretical foundations, the calculation method and practical application in the analysis of the distribution of income.
The purpose of the study is to consider the Jini index in the context of quantitative methods of assessing social inequality, to identify its advantages and restrictions. As a method, the analysis of the Lorenz curve is used, from which the gini index is displayed, as well as a comparative analysis of statistical data characterizing the level of inequality in Russia.
The results of the study show that the gini index, taking values from 0 (absolute equality) to 1 (absolute inequality), allows to objectively assess the degree of economic stratification. On the example of the distribution of income among the groups of the country's population A demonstrate an algorithm for calculating the Gini index, which gives a value of 0.2. The analysis of Russian data shows a tendency to reduce Gini's index from 42.2 in 2007 to 40.8 in 2024, which indicates some income leveling.
The conclusions of the study confirm the significance of the Jini index as an effective method of quantitative analysis of social inequality, but also indicate its restrictions related to only cash income and possible methodological problems in data collection.

Keywords: social inequality, state policy, social sphere

References

1. Pharmacy pharmacist, Lickest scale and ladder MacArthur: how to evaluate the level of social inequality [Electronic resource] // 2022. URL: https://daily.hse.ru/post/shkaly-likerta – lestnitsa-makartura-kak-otsenit-sotsialnogo-neravenstva (date of circulation).
2. MacConnell K. R., Bri S.L. Economics: Principles, Problems and Politics // M .: Republic. – 1992. – 944 p.
3. Jun-ICHI Inou, Asim Ghosh2, Arnab Chatterjee, Bikas K. Chakrabart, Measurning Social Inequality with Quantitation Methodology: Analytical estimate and Empirical Data Analysis by Gini and K Indices.// Physica a: Statistical Mechanics and Its Applications. – 2015-vol. 429, No. 1. -P. 184–204.
4. Decree of the State Statistics Committee of Russia dated 07.16.1996 N 61 (as amended on 02.07.2014) "On approval of the methods for calculating the balance of monetary income and expenses of the population and the main socio-economic indicators of the standard of living of the population". Clause 2.2 2.2. Methodology for building a Lorenz curve and calculating indicators of differentiation of population incomes. [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_12210/ (Application date: 20.03.2025)
5. Galcheva A., Rozhkova E., Vinogradova E., inequality goes out of the crisis. [Electronic resource] // URL: https://e-vid.ru/anna-galcheva-lena-rozhkova-ekaterina-vinogradova (date: 03/20/2025)
6. Picketti T. Capital in the XXI century. -AD Margin Press, 2015.-S. 592–592.
7. Otzhutovich in .. sociologist: In no country in the world, statistics are not a copy of reality [Electronic resource] // Russian newspaper. URL: https://rg.ru/2020/08/25/sociolog-ni-v-odnoj-strane-mira-statistika-navliaetsia-kopiej-realnosti.html-2020

Исследование готических элементов в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда»

Чжан Ифань,
магистр, Пекинский университет авиации и космонавтики
E-mail: zyf24@buaa.edu.cn

Статья посвящена исследованию готических элементов в романе-трилогии Ф.К. Сологуба «Творимая легенда». Автор выявляет и анализирует основные готические мотивы произведения, такие как противостояние божественной и демонической природы, темы смерти и спасения, параллельные миры и пространства, а также специфические приёмы создания атмосферы ужаса и тревоги. Исследование позволяет раскрыть философские и культурные подтексты творчества Сологуба, его связь с традицией готической литературы и вклад в развитие русского символизма эпохи Серебряного века.

Ключевые слова: Ф.К. Сологуб; «Творимая легенда»; готические элементы; Серебряный век; русский символизм.

Введение

Фёдор Кузьмич Сологуб (1863–1927) – один из наиболее ярких представителей декадентского направления русского символизма, поэт, прозаик, драматург и переводчик. Его творчество охватывает широкий спектр жанров: от романов и повестей до рассказов и пьес, объединённых особым индивидуалистическим пессимизмом и символистской эстетикой. Одним из ключевых произведений писателя является роман-трилогия «Творимая легенда», насыщенный готическими элементами, такими как тьма, смерть, призраки и сверхъестественные явления.

Особое внимание автор уделяет фигуре главного героя – Триродова, который представлен в образе волшебника и пророка, стремящегося преобразовать мир силой собственного творческого импульса. Сологуб вводит в повествование загадочные отношения между героинями – Елисаветой и Ортрудой, наделяя их глубоким символизмом и связывая их судьбы в контексте готических мотивов, что позволяет говорить о «Творимой легенде» как о произведении с выраженной готической традицией.

Исследование готических элементов романа способствует более глубокому пониманию его художественной структуры, выявляет эмоциональную и тематическую насыщенность произведения и проясняет его культурно-философские аспекты. Метод тщательного прочтения текста позволяет детально анализировать представленные в романе элементы ужаса, тревоги и мистических явлений, раскрывая авторские приёмы использования готических описаний и персонажей. Социально-исторический подход помогает восстановить литературный контекст Серебряного века, показывая влияние готической эстетики на формирование авторской индивидуальности Сологуба, а также отражение социальной и культурной атмосферы эпохи. В свою очередь, метод сравнительного литературоведения позволяет раскрыть связь произведения с мировой готической традицией, выявляя его сходства и отличия с произведениями зарубежной литературы, что существенно расширяет горизонты понимания особенностей русской готической прозы.

Таким образом, изучение готических элементов в «Творимой легенде» даёт возможность не только раскрыть уникальный литературный мир Сологуба, но и осмыслить философские и культурные подтексты его творчества, что является важным вкладом в исследование русского символизма и его связей с мировой литературой.

Сочетание реальности и сверхъестественности: религиозная утопическая тема

Противоборство между демонической и божественной природой

Противоборство между демонической и божественной природой проходит через всю трилогию Сологуба «Творимая легенда». Автор представляет главного героя, Триродова, как волшебника, чья божественная воля, в ко-

нечном счете, обретет победу над мрачным миром и даст спасение душе и телу.[1]

С одной стороны, Триродов – это загадочный ученый, колдун и изобретатель, обладающий магическими способностями и способный взаимодействовать с духами. Он умеет манипулировать сверхъестественными мистическими силами, воскрешая мертвых. Герой объединяет прошлое и будущее, реальный мир и высшие силы, стремясь направить мир к истинному совершенству с помощью своего «эго». Триродов оживляет детей, погибших в бедности, и помещает их в чистилище, где создает школу в своем мистическом поместье. Здесь он сочетает утопию с жестокой реальностью. Также он использует сверхъестественные силы для творчества, изобретая корабль для полета на Луну. Его демонические черты делают его олицетворением сверхъестественного зла.[2]

С другой стороны, Триродов – это энергичный социалист и политический мыслитель, который хорошо знает законы реального мира и стремится изменить его сущность, создав идеальный мир. Его миссия – изменить существование и исцелить людей, погруженных во тьму общества. Роман открывает путь к святилищу, которое ведет в неизведанный мир, основываясь на творческой воле Триродова, отклоняющейся от уродливой реальности. Произведение предлагает новую концепцию мира и людей: чтобы возродиться и избавиться от земной пошлости, необходимо уничтожить старый мир, полагаясь на силу творения. У него также есть черты божественности, он является олицетворением сверхреализма.[3]

Триродов, как персонаж, символизирует недовольство реальностью и стремление к творчеству. Он верит в силу личных усилий и стремится изменить общество, создавая новый мир. В его противоборстве между демонической и божественной природой, он пытается воплотить свои фантазии, желания и убеждения в жизнь, создавая мир красоты и свободы.[4]

Трансформация смерти и спасение

Среди других ключевых персонажей романа особенно следует отметить королеву Ортруду. Ей выпала уникальная судьба: сразу после рождения она унаследовала славу трона. Кажется, что Бог предопределил ее путь с самого детства, даровав бесконечную власть и почести. Однако королева Ортруда не просто символ власти, это женщина, обладающая мудростью и талантом. Появление королевы Ортруды в «Творимой легенде» представляет читателю идеальный образ женщины: просвещенный монарх, который любит своих подданных и греческую культуру, а также скульптор, охваченный художественной атмосферой. Она любит свой народ, выступает за свободу и личную волю, мечтая превратить свою страну в идеальное государство, где каждый смог бы найти счастье и удовлетворение.[5]

На первых порах путь Ортруды казался счастливым, но затем она оказалась на трагическом пути: ее семейная жизнь казалась счастливой, однако на самом деле она была раздавлена предательством и заговором принца Танкреда. Предательство ее мужа, принца Танкреда, сильно ранило ее сердце. Люди вокруг нее продолжали умирать, а обстановка в стране становилась все более нестабильной. Все это привело к трагическому концу королевы Ортруды.

В это время в королевстве накаляются противоречия между высшим классом капиталистов и рабочим классом. Высшие капиталисты стремятся обеспечить свои права и интересы, пытаясь превратить Ортруду в «просвещенную королеву» в условиях конституционной монархии. Ее жизненный путь отражает не только ее личную судьбу, но и судьбу высшего класса, представленного крупными землевладельцами и патриархатами. Ее смерть также означает крах целей и интересов капиталистов королевства. Вот идея, которую хотел передать Сологуб, и это глубокое размышление о социальной действительности той эпохи.[6]

В конечном итоге, когда на острове вулкан извергся, королева Ортруда решила спокойно подойти к его кратеру. Она была готова стать жертвой и отдать свою жизнь ради спасения других. Она не только носительница трагической судьбы, но и носительница света спасения. Её смерть – это не конец, а новое начало. Её самопожертвование и смерть также символизируют освобождение и спасение. «Творимая легенда» основана на смерти, а путь призраков означает путь к существованию идеального мира.

Контраст между грешным миром и Раем

«Творимая легенда» разделена на три части: «Капли крови», «Королева Ортруда» и «Дым и пепел». В романе две сюжетные линии переплетаются, создавая фантастический и символический мир. Главная история происходит в городе Скородож, где Триродов и Елизавета встречаются, влюбляются и меняют мир своим творчеством. Их жизненные пути насчитывают множество испытаний, но они остаются непоколебимыми, ценя свободу и личную волю. Вторая линия разворачивается в королевстве Соединенных Островов, где королева Ортруда и принц Танкред переживают историю, приведшую к гибели королевства. Их приключения связаны с небесами, куда они отправляются на воздушном корабле, стремясь спасти народ от войны и страданий.[7]

В «Творимой легенде» две сюжетные линии переплетаются, создавая удивительные связи между персонажами, живущими параллельными жизнями. В определенный момент, их судьбы становятся точкой врезания с вечностью. Например, между королевой Ортрудой и Елизаветой существует загадочная связь: когда Елизавета подвергается насилию, она видит жизнь Ортруды, полную унижений; а когда Ортруда умирает, шум шагов пробуждает Елизавету. Сологуб описывает феномен переплетения сознаний многократно, расширяя символическое королевство через резонанс между персонажами в разных пространственно-временных системах. Автор связывает реальность с фантазией, ассоциируя воображение и чувства героев, демонстрируя их внутренний мир и предвосхищая их судьбы, предоставляя образы мира и небес через сложную характеристику персонажей.

Сологуб в «Творимой легенде» предлагает концепцию о мире, согласно которой для создания идеального мира необходимо уничтожить существующий. Триродов, главный герой, считает, что только через творческую силу можно трансформировать текущий мир в более светлый. Сологуб, используя свое мастерство, противопоставляет реальность и виртуальность, город Скородож и Королевство Соединенных Островов, объединяя их в сложную систему, создавая контраст между миром и небесами. «Творимая легенда» через свой уникальный стиль и философские размышления показывает мир, где смешиваются земные и небесные понятия, реальность и виртуальность, любовь и ненависть, жизнь и смерть. Это не только глубокое осмысление реальности, но и стремление к идеальному миру.

Пересечение лабиринта и сна: параллельное время и пространство

Узкое и замкнутое реальное время и пространство

Готическая архитектура, связанная с католическими церквями, занимает значительное место в истории ар-

хитектуры благодаря своим техническим и художественным достижениям. Её архитектурное мастерство выражает таинственность, печаль и возвышенность. Эта архитектура оказала влияние на литературу и искусство, где готическая литература часто использует архитектурные элементы для передачи литературных подтекстов, например, старые замки и потайные ходы.[8] Готическое пространство отличается от древнегреческих и римских храмов: оно закрытое и торжественное, создавая чувство дистанции между Святым Духом и людьми. Узкость и закрытость внутреннего пространства придают ощущение спокойствия и благоговения, изолируя от внешнего мира.[9] В первой части «Капли крови» Сологуб активно использует готические архитектурные детали и стилистические особенности, чтобы создать ужасающую и мрачную обстановку и способствовать развитию сюжетной линии.[10]

С одной стороны, Сологуб, в своем описании поместья Триродова, подчеркивает явные готические элементы и характерные особенности архитектуры. Это поместье находится в ущелье, окруженном кустарниками и сорняками, и обрамленном высокими соснами. Каменные стены опоясывают поместье, а внутри него возвышаются две старинные, высокие башни. Поместье полно органов и тайных подземных ходов, а везде царит холодный, влажный и пугающий климат. Замок и потайные ходы объединены одной особенностью – своей закрытостью. Фразы «высокие каменные стены» и «темные проходы» подчеркивают изоляцию поместья, что создает идеальные условия для Триродова в строительстве космических кораблей и практике магии.[11] Эта замкнутая среда исключает общественные нормы и порядки, позволяя Триродову полностью погрузиться в созданный им новый мировой порядок. После того как он воскресил детей, погибших в нищете и страданиях, он продолжил жить и развиваться в своем загадочном поместье. Эта высокая стена, отделяющая его от мрачного и земного мира, стала его защитой и убежищем, где он мог зарождать новый мир.[5]

С другой стороны, в сравнении с Королевством Соединенных Островов, город Скородож также обладает готическим характером и узкими улицами. В «Каплях крови» Сологуб использует реальные обстоятельства России в качестве фона для изображения тревожной социально-политической обстановки и повседневной жизни в Скородоже, где находится главный герой, Триродов. Триродов и Елисавета стремятся выбрать «правильный» путь и упорно работать над созданием совершенно нового идеального мира. Сюжет «Капли крови» разворачивается вокруг определенного замкнутого пространства и центрируется на прозрениях Триродова и Елисаветы. В рамках ограниченного времени и пространства рассказывается о жизненных открытиях и творческих практиках главного героя, которые носят ярко выраженные готические черты. Эта особенность проявляется не только во внешнем окружении, но и в структуре повествования. В этом ограниченном и замкнутом контексте Триродов и Елисавета переживают множество испытаний и преодолевают трудности, чтобы в конечном итоге воплотить свои идеалы.

Возвышенное и великолепное историческое время и пространство

Экстерьер готической архитектуры прославлен своей возвышенной и величественной манерой. Конструкция стрельчатой арки значительно увеличивает высоту и ощущение пространства здания, делая здание более величественным. Здания часто строятся на возвышенностях или широких равнинах, гармонично вписываясь в окружающую природу. Такое естественное сочетание усиливает визуальное впечатление здания и заставляет человека почувствовать присутствие и загадочную силу Бога.[12] Кроме того, внешний облик готических сооружений часто основан на принципах симметрии и пропорций, используя архитектурный язык для выражения религиозных убеждений и священных идей, создавая строгую и упорядоченную красоту. Во второй части «Королева Ортруда» и третьей части «Дым и пепел» автор Сологуб изображает восходы и падения жизни королевы Ортруды с возвышенной и величественной точки зрения, описывает упадок династии королевы Ортруды и рассказывает историю восхода и падения Королевства Соединенных Островов.

События, описанные во второй части романа «Королева Ортруда», происходят в Королевстве Соединенных Островов Средиземного моря, являющемся вымышленным миром, созданным автором. Королева Ортруда, правительница этого королевства, обладает умом, добротой и талантом. Знакомство с принцем Танкредом длилось всего три дня, но она уже глубоко влюбилась в него и по собственному желанию вышла за него замуж. Однако принц Танкред, внешне блестящий, продолжает связи с женщинами из разных слоев общества даже после свадьбы. После брака он начал стремиться к королевской власти, вступил в сговор с буржуазией и аристократией, выступал за насилие и абсолютную власть, даже планировал государственный переворот, чтобы заставить Ортруду отречься от трона. Королева Ортруда оказалась в окружении полного заговоров и алчности общества, отказалась от помощи во время извержения вулкана и спокойно приняла свою судьбу. После ее смерти принц Танкред, поддержанный буржуазией и аристократией, попытался занять трон, но народ выступил против, и страна погрузилась в состояние анархии и хаоса.

Сологуб рассказывает историю Королевства Соединенных Островов в возвышенном и грандиозном готическом историческом времени и пространстве. В то же время, всезрительный взгляд рассказчика не только отражает текущее состояние дел у королевы Ортруды, но и, что еще более значимо, напоминает о ее трагической доле.[13] Ее несчастье было предзнаменовано еще в начале ее восшествия на престол, а затем, с развитием вулкана, это несчастье усиливалось день ото дня. На самом деле, во второй части романа этот образ очень символичен. Он олицетворяет судьбу королевства и королевы, а сюжет истории и судьбы персонажей постоянно развиваются во всеведущем повествовании повествователя и в благородном и грандиозном историческом времени и пространстве.

Пустое и идеальное утопическое время и пространство

Взмывающий в небо шпиль готического храма символизирует восхождение духовной жизни к небесам, становясь олицетворением человеческих идеалов и духовного развития.Погруженная в ощущение вертикальности и таинственную атмосферу шпиля, готическая архитектура является сокровищем европейской истории и культуры. Ее уникальный архитектурный стиль и возвышающийся шпиль оказывают на людей сильное визуальное воздействие и создают ощущение святости. Шпиль стал атрибутом готического стиля, что символизирует стремление людей к идеальному существованию. Такое восходящее символическое значение делает готическую архитектуру носителем веры, и люди чувствуют присутствие и тайную силу Божественного через эти сооружения.

В третьей части романа «Дым и пепел» Сологуб достигает единства первых двух частей произведения. Реальное российское общество и Королевство Соединенных Островов объединены двумя ключевыми персо-

нажами – Триродовым и Елисаветой. Узнав из газеты о событиях, произошедших в Королевстве Соединенных Островов, Триродов убеждается, что эпоха утверждения совершенно новой социальной системы находится в пределах досягаемости. Он может в полной мере использовать Королевство Соединенных Островов для проведения своих собственных экспериментов, и решил попытаться захватить трон Королевство Соединенных Островов. Объединив усилия, они прибывают в Королевство Соединенных Островов, чтобы принять участие в выборах, и в результате их выбирают на роли короля и королевы этого королевства.[14]

История заканчивается тем, что главные герои Триродов и Елисавета прибывают в королевство на космическом корабле, но в нем нет упоминания о последующем правлении главных героев и управлении королевством. Оставшееся в дальнейшем пустое место в сюжете дает читателям богатый простор для воображения и усиливает глубину и таинственность истории.[15] Этот открытый финал аналогичен возвышающемуся шпилю готической архитектуры, который направляет взгляд к идеалам и будущему. В романе путешествие Триродова и Елисаветы представляет собой не только стремление к их личным идеалам, но и исследование прогресса человечества в целом. Их поступки отражают желание людей нарушить существующий порядок вещей и стремиться к лучшему будущему. Успех главных героев символизирует триумф человеческого разума и смелости. Их истории также вдохновляют читателей задуматься над тем, как улучшить себя в собственной жизни, стремиться к личному освобождению и достигать своих идеальных целей.

Стимуляция зрения и слуха: готические символы

Жуткая и ужасная цветовая палитра

Цвет оказывает сильное стимулирующее воздействие на зрение и психологию человека. В литературном творчестве, для того чтобы писатели могли всесторонне, точно и ярко выразить определенное социальное явление, слова или высказывания, которые могут передать цвет в языке, стали лучшим средством коммуникации для создателей литературы. Со временем такие выражения приобретают символическое значение, нося в себе глубокие социально-психологические и эстетические коннотации. Как писатель-символист, пессимистическое отношение Сологуба к миру и жизни непосредственно привело к тому, что мрачные и мрачноватые краски в его литературном творчестве стали основным тоном творчества Сологуба. Темно-зеленый и серый – наиболее готический репрезентативный цветовой словарь для выражения мира негативных эмоций в «Творимой легенде» Сологуба.[16]

В романе Сологуб часто прибегает к зеленому цвету для подчеркивания спокойной и загадочной атмосферы. Поместье Триродова, описанное в первой части «Капли крови», расположено в густом горно-лесном каньоне, где автор акцентирует внимание на тихой природной среде. Зеленые кустарники и высокие деревья добавляют тайну и величие этому месту. Связь героини Елисаветы с гангстерами разворачивается в зеленом и молчаливом лесу, что подчеркивает психологические нюансы ужаса и загадки.[17] Такие описания в творчестве Сологуба углубляют культурно-психологические ассоциации с тихим лесом.

Сологуб также часто прибегает к серому цвету для передачи мрачного настроения и пустынной атмосферы. В «Королеве Ортруде» и «Дыме и пепле» серый цвет доминирует в описаниях природы Королевства Соединенных Островов.Из-за того, что вулкан вот-вот извергнется, под действием вулканического пепла небо в королевстве всегда серое, солнце редко видно, улицы всегда покрыты пылью, и дома по обе стороны улиц тоже землисто-серые. Согласно принципу тонирования, серый – это цвет, состоящий из смеси всех цветов, и чем великолепнее и насыщеннее смешанные цвета, тем ближе полученный цвет к серому. Серый – это нейтрализация великолепных цветов, символизирующая потерю индивидуальности. Королева Ортруда, пережившая предательство и политические беды, теряет надежду и стремление к идеалам, и в конце своей жизни находит освобождение в смерти, покоится в сером пепле.

Возвышающаяся и торжественная архитектурная конструкция

Готическая архитектура, популярная в средние и поздние средневековья, не только развивает архитектурные черты римского стиля, но и формирует свой неповторимый художественный стиль. В готических романах такая архитектура играет символическую роль, создавая атмосферу ужаса и тайны. Здания в этих романах часто представлены с высокими башнями и шпилями, что вызывает чувства угнетения и страха у читателей и символизирует непредсказуемую судьбу героев. Внутреннее убранство зданий в готических романах часто темное, что вызывает чувства депрессии и страха, а замкнутые пространства создают ощущение изоляции, подчиняя поведение и судьбу героев мистическим силам, которые углубляют ужас истории.

В романе «Творимая легенда» Сологуб не только прибегает к использованию тусклых цветов для описания окружающей обстановки, но и внедряет в своё произведение множество архитектурных деталей с готическими характеристиками, таких как величественные замки, мрачные дверные проёмы, протяжённые коридоры и тому подобное, создавая почти навевающую ужас атмосферу. В первой части «Капли крови» поместье Триродова является образцом готической архитектуры. Это поместье обнесено каменными стенами, образующими замкнутое пространство, а его высокие башни, устремлённые вверх к небу, расположены среди полей и лесов, добавляя торжественности и спокойствию местности. С северной стороны находится узкая тропинка, ведущая прямиком к кладбищу, о которой циркулируют множество пугающих легенд. Люди даже прозвали это поместье «Навий дворец», что подчёркивает его пугающий архитектурный облик.[11] Внутри поместья насчитывается множество лабиринтов и подземных ходов, а его мрачная внутренняя структура полностью соответствует характерным особенностям готической архитектуры.[18]

Во второй части «Королева Ортруда» и третьей части «Дым и пепел» Сологуб подробно воссоздаёт ландшафт и структуру королевского замка, уделяя особое внимание скрытым комнатам и потайным ходам. Высокие стены дворца и башни с шпилями придают интерьеру величественный и торжественный вид. Под этим возвышающимся замком прячутся неизведанные подземные ходы. Дворцовый чиновник рассказал королеве о тайнах этих потайных проходов и провёл её по секретным маршрутам. Тайные ходы, описанные Сологубом, извилисты, узкие, влажные и наполнились жутким ощущением; клаустрофобичная тайная комната соединена с внешним миром массивной железной дверью. Контраст между замкнутостью интерьера и обширностью экстерьера подчёркивает характерные особенности готического архитектурного стиля: жуткость, возвышенность и торжественность. Эти архитектурные элементы

не только создают атмосферу в романе, но и отражают судьбу и характеры героев, делая архитектуру не просто зданием, но и частью истории с богатым символическим содержанием и глубоким подтекстом.

Звуковые эффекты сочетания движения и неподвижности

В готических романах звуковой эффект, который возникает при сочетании движения и неподвижности, играет значительную роль как художественный приём, способный значительно усилить атмосферу и эмоциональную выразительность повествования. Обстановка в готических романах часто представляется как спокойная и успокаивающая, и эта безмолвная среда способна настроить таинственный и давящий на психику характер, усиливая ощущение ужаса. В этом спокойном контексте внезапные динамичные звуки, такие как неожиданный стук в дверь, шум ветра, падение дождя и тому подобные, могут нарушить иллюзию спокойствия и насаждать атмосферу тревоги и страха. Эти звуки часто становятся ключевыми моментами в развитии сюжета, вовлекая читателя в более насыщенное и захватывающее повествование.[19]

В романе «Творимая легенда» Сологуб проявляет навыки использования звуковых эффектов, которые влияют на развитие сюжета. Он подчеркивает пугающую атмосферу сцен, описывая звуки природы, такие как «молния» и «ветер».[20] В первой части «Капли крови» при каждом появлении «тихих детей» в поместье Триродов автор часто прибегает к описанию движений. Шелестящие шаги этих «тихих детей» создают яркий контраст с глубоким и молчаливым климатом поместья. Когда Елисавета сталкивается с бандитами в лесу, вовремя появившиеся маленькие мальчики помогают ей избежать опасности. Во второй части «Королева Ортруда» автор также использует описание движений при изображении встречи королевы Ортруды и принца Танкреда. В пышном и спокойном королевском дворце Ортруда и Танкред встречаются на открытой площадке. Внезапный шум ветра, дождя и грома нарушает спокойствие, что предвещает опасность их любви, и этот звуковой эффект также играет важную роль в продвижении и пророчестве сюжета.

Звуковой эффект, который сочетает движение с неподвижностью, обладает значительной художественной ценностью в готических романах. Он не только усиливает атмосферу и эмоциональную выразительность сюжета, но и раскрывает психологическое состояние и судьбу героев. Сологуб, используя визуальные описания в «Творимой легенде», делает повествование более насыщенным и захватывающим, что позволяет читателям лучше понять звуковые эффекты в готической литературе. Художественный прием сочетания шума и тишины является не только техникой, но и глубоким исследованием атмосферы, а также эмоциональным выражением сюжета. С его помощью автор способен более эффективно выразить тему и подтекст, что позволяет читателям полностью ощутить очарование готической литературы.

Слияние романтики и ужаса: стиль повествования

Теплота любви и коварство заговора

В произведении «Творимая легенда» королева Ортруда выделяется среди других героев. В то же время она умела быть благодарной и обладала способностями и талантами, которые были редкостью даже в высшем обществе. Вся страна придавала большое значение ее образованию, позволив ей получить естественное и образованное в греческом стиле. Сологуб не раз подчеркивал красоту и талант Ортруды. Она могла быстро понять и освоить все знания, преподанные ей учителем, и в то же время испытывала глубокое стремление к неизведанному. Воспитанная таким образом, Ортруда любит жизнь, стремится к свободе и идеальной любви. Однако принц Танкред разрушил мечту Ортруды о любви.

Принц Танкред, муж королевы Ортруды, представляет собой красивого и самонадеянного юношу. Этот принц из соседней страны, который ранее служил начальником стражи в своем родном городе, объездил много мест и был хорошо информирован. Вначале он был доволен текущим положением дел и пользовался любовью подданных королевства. После брака с королевой он постепенно стал жаден и начал чувствовать недовольство своим положением. Когда факты его предательства любви и брака были обнародованы, он выставил вид униженного и без стеснения произнес лживые слова любви королеве. С тех пор Танкред стал более беспринципным и активизировал применение стратегий заговора с целью захвата трона. Однако из-за своей безжалостности и лицемерия он не смог завоевать достаточного авторитета в массах, и его заговор закончился неудачей. Через Танкреда, такого амбициозного и ироничного персонажа, который играет с политической властью и заговорами, писатель выражает свое отрицание и иронию по отношению к российской военизированной группировке.

Любовный сон королевы Ортруды первоначально был теплым и прекрасным. Но после того как она вышла замуж за принца Танкреда, ее мечта о любви была разбита на куски, а предательство принца и его заговор полностью уничтожили ее идеалы любви. Изображая любовь и заговор, Сологуб показывает красоту и уродство человеческой натуры, а также борьбу между любовью и заговором. В этой истории любовь и заговор наслаиваются друг на друга, создавая сложное эмоциональное и психологическое полотно, что позволяет читателям глубже погрузиться в понимание и переживание сложности человеческой природы и хрупкости любви.

Благородство идеалов и жестокость практики

В символистском романе «Творимая легенда» Сологуб использует приемы символического именования персонажей, чтобы разделить образы персонажей в своих произведениях на две основные системы. Персонажи в этих двух системах объединяют реальность и неявное, дополняя друг друга, а затем конструируют два основных времени и пространства, реальное и виртуальное. В столкновении и коллизии реальности и виртуального, красоты и уродства, добра и зла, а также в системе образов двух главных фигур реализуется сочетание реального мира и мира виртуального, а затем выражается творческая мысль писателя, то есть отрицание уродливого реального мира, а также желание изменить реальность личными усилиями и создать совершенно новый мир.[21]

Писатель через столкновение образов героев и их судьбы выражает свои мысли о войне и пути буржуазии. Неудача заговора Танкреда и трагическая судьба королевы, а также отношение Триродова и Елисаветы к жизни, подчеркивают: с личной точки зрения, вам нужно исследовать новый потенциал и силу в себе, и только таким образом можем создать новую жизнь; с социальной точки зрения буржуазный путь Западной Европы не подходит для России, требуется собственный путь через эксперименты. Русский народ должен найти свой путь к социализму через исследования и практику. В романе «Творимая легенда» Сологуб показывает, как человек использует волю творения, чтобы постро-

ить совершенный мир для достижения высших идеалов. Восставая против лицемерного «мира явлений» и отрицая его, Сологуб предсказывает существование другого идеального мира потустороннего. Контраст коннотаций двух миров составляет типичную черту символистского творчества Сологуба.[22]

«Творимая легенда» основана на смерти, в то время как «путь призраков» означает путь к существованию за верхней границей. Таким образом, центральная идея романа раскрывается в переплетении реальных и фантастических событий и тесно связана с существованием единства всех вещей в мире, в конечном итоге образующего действительно единый и целостный мир. И это не только желание Триродова, но и стремление самого писателя Сологуба, и это также тема романа. Писатель стремится воплотить свои идеалы в жизнь, используя волю и упорный труд, чтобы превратить фантазию в реальность.

Заключение

«Творимая легенда» является вершинным произведением в библиографии Сологуба и одновременно шедевром, отражающим художественные устремления этого мастера символических романов. В своем романе Сологуб концентрируется на двойственности бытия, мастерски разделяя время и пространство на реальность и иллюзии, на что он строит свою неповторимую систему характеров. Этот метод позволяет в полной мере раскрыть готические мотивы, представляя читателям мир, населенный загадками, ужасами и мраком.

В данной работе анализируются готические элементы в романе «Творимая легенда» с учетом четырех аспектов: религиозной утопической темы, готического множественного времени и пространства, символизма и повествовательного стиля. Итоговые выводы показывают, что главный герой строит утопическую религиозную общину с помощью веры и сверхъестественных сил, исследуя идеальный мир в готическом стиле, где тема религиозной утопии раскрывает добро и зло человеческой натуры. Сологуб искусно вплетает готическую архитектуру в повествование, создавая многомерные временные и пространственные измерения, а также использует свет и слух для создания ужасающих и таинственных эффектов, приносящих читателям уникальный опыт чтения. В романе Сологуб объединяет романтику с ужасом, исследуя конфликт между величием и насилием в попытке реализовать идеалы, наполняя произведение напряжением и отражая авторские размышления о человеческой природе и стремлении к идеальному обществу.

Изучая готические элементы в «Творимой легенде», данная работа проясняет рациональность и уникальность ее существования. Эти готические элементы не только отражают литературный подтекст произведения, но и отражают спокойное и объективное мышление автора о реальном мире, пытках человеческой натуры, сомнении в философии человеческого выживания.Таким образом, исследовательское содержание данной работы является новым и имеет дополнительное значение для изучения готической традиции в творчестве Сологуба и изучения идеологической системы Сологуба. В то же время готические элементы в русской литературе отражают диалог с мировой литературой и имеют отличительные местные особенности. Интерпретация романа Сологуба «Творимая легенда» с точки зрения готических романов помогает расширить горизонты исследования русской литературы и постичь неповторимое очарование русской литературы в лесу мировой литературы.

Литература

1. Ли Чжицян. Религиозно-мифологические мотивы в прозе Ф.К. Сологуба: дисс. … докт. филол. наук. Харбинский университет, 2005. (На китайском языке)
2. Чжан Сяодун. Банальность зла: исследование образов «маленьких людей» в произведениях Ф. Сологуба // Русская литература и искусство. 2016. № 4. С. 48–56. (На китайском языке)
3. Дай Чжуомэн. Два мира в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда» // Русская литература и искусство. 2012. № 2. С. 73–78. (На китайском языке)
4. Савелова Л.В. Метафизика предметности в романе-трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» // Вопросы русской литературы. 2015. № 3. С. 18–25.
5. Тан Цзин. Мотив добра и зла в рассказах Фёдора Сологуба // БГЖ. 2018. № 4. С. 187–189.
6. Чжао Сяобо. Система персонажей в романе Ф.К. Сологуба «Творимая легенда»: диссертация магистра филологии. Цзилиньский университет, 2019. (На китайском языке)
7. Глинкина Н.А. К вопросу о структурной организации символистского романа (на примере романа-трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда») // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukturnoy-organizatsii-simvolistskogo-romana-na-primere-romana-trilogii-f-sologuba-tvorimaya-legenda (дата обращения: 28.02.2024).
8. Дымченко М.Е. Архитектура в контексте культуры: специфика готической архитектуры в концепции Э. Панофского [Электронный ресурс] // Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-v-kontekste-kultury-spetsifika-goticheskoy-arhitekturyv-kontseptsii-e-panofskogo (дата обращения: 28.02.2024).
9. Ся Фань. Готические элементы в романе «Убить пересмешника» // Mingzuo Xinshang. 2017. № 9. С. 57–59. (На китайском языке)
10. Титаренко С.Д. Архетипы страха и проблема трансформации готического хоррора в символистском романе // Культура и текст. 2022. № 4. С. 55–68.
11. Сологуб Ф.К. Творимая легенда / пер. Чжан Бин. Пекин: Изд-во «Новая звезда», 2006. (На китайском языке)
12. Осьмухина О.Ю., Старцев Д.И. Готическая мотивика прозы А.Р. Беляева (на материале романа «Остров погибших кораблей» и рассказа «Страх») // Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goticheskaya-motivika-prozy-a-r-belyaeva-na-materiale-romana-ostrov-pogibshih-korabley-i-rasskaza-strah (дата обращения: 28.02.2024).
13. Ли Ланьи. Испытания человеческой природы в разные литературные эпохи – сравнение романов «Мелкий бес» Сологуба и «Человек в футляре» Чехова // Преподавание русского языка в Китае. 2006. № 2. С. 51–54. (На китайском языке)
14. Дмитриевна Ф.А. Мифопоэтическая система романа Фёдора Сологуба «Творимая легенда» // Филология и литературоведение. 2015. № 8. С. 6–8.
15. Разумовская О.В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-o-goticheskom-i-neogoticheskom-stile-v-kontekste-istorii-literatury (дата обращения: 28.02.2024).

16. Чжан И. Анализ готических элементов в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Чанцзянское обозрение рассказов. 2023. № 3. С. 45–48. (На китайском языке)
17. Григорьева Е.В. Ужас – главное орудие автора («готический» роман в европейском художественном дискурсе) // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 89–94.
18. Нестер Н.В. Образ готического замка в романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goticheskogo-zamka-v-romane-t-l-pikoka-naytmerskoe-abbatstvo (дата обращения: 28.02.2024).
19. Гао Цзин. Анализ готических элементов в рассказах Элис Манро // Сборник исследований англо-американской литературы. 2019. № 2. С. 281–294. (На китайском языке)
20. Хоу Сюэ. Символизм и прототипы персонажей в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: диссертация магистра филологии. Харбинский университет, 2014. (На китайском языке)
21. Но Минь. Исследование ранних рассказов Ф. Сологуба: диссертация магистра филологии. Харбинский педагогический университет, 2023. (На китайском языке)
22. Чжан Тяньюй. Изменение и спасение: Анализ рассказа Ф. Сологуба «Белая собака» // Вестник Хубэйского института литературы и науки. 2023. № 7. С. 58–62. (На китайском языке)

STUDY OF GOTHIC ELEMENTS IN F.K. SOLOGUB'S NOVEL "THE CREATED LEGEND"

Zhang Yifan
Beijing University of Aeronautics and Astronautics

The article investigates Gothic elements in F.K. Sologub's trilogy novel "The Created Legend." It identifies and analyzes key Gothic motifs such as the opposition between divine and demonic natures, themes of death and salvation, parallel worlds and spaces, as well as narrative techniques for creating an atmosphere of horror and anxiety. This research elucidates the philosophical and cultural subtexts of Sologub's literary work, highlights its connection with the tradition of Gothic literature, and emphasizes its contribution to the development of Russian Symbolism during the Silver Age.

Keywords: F.K. Sologub; "The Created Legend"; Gothic elements; Silver Age; Russian symbolism.

References

1. Li Zhiqiang. Religious and mythological motifs in the prose of F.K. Sologub: diss. … Doctor of Philological Sciences. Harbin University, 2005. (In Chinese)
2. Zhang Xiaodong. The banality of evil: a study of the images of "little people" in the works of F. Sologub // Russian literature and art. 2016. No. 4. Pp. 48–56. (In Chinese)
3. Dai Zhuomeng. Two worlds in F. Sologub's novel "The Legend Being Created" // Russian literature and art. 2012. No. 2. Pp. 73–78. (In Chinese)
4. Savelova L.V. Metaphysics of Objectivity in the Novel-Trilogy by F. Sologub "The Legend Made" // Voprosy russkogo literatury. 2015. No. 3. Pp. 18–25.
5. Tang Jing. The Motif of Good and Evil in the Stories of Fyodor Sologub // BGZh. 2018. No. 4. Pp. 187–189.
6. Zhao Xiaobo. The System of Characters in the Novel by F.K. Sologub "The Legend Made": Master's Dissertation in Philology. Jilin University, 2019. (In Chinese)
7. Glinkina N.A. On the Issue of the Structural Organization of the Symbolist Novel (Based on the Novel-Trilogy by F. Sologub "The Legend Made") // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukturnoy-organizatsii-simvolistskogo-romana-na-primere-romana-trilogii-f-sologuba-tvorimaya-legenda (date of access: 28.02.2024).
8. Dymchenko M.E. Architecture in the context of culture: the specificity of Gothic architecture in the concept of E. Panofsky [Electronic resource] // Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-v-kontekste-kultury-spetsifika-goticheskoy-arhitektury-v-kontseptsii-e-panofskogo (date of access: 28.02.2024).
9. Xia Fan. Gothic Elements in the Novel "To Kill a Mockingbird" // Mingzuo Xinshang. 2017. No. 9. Pp. 57–59. (In Chinese)
10. Titarenko S.D. Archetypes of Fear and the Problem of Transformation of Gothic Horror in the Symbolist Novel // Culture and Text. 2022. No. 4. Pp. 55–68.
11. Sologub F.K. The Legend Being Made / trans. Zhang Bing. Beijing: Novaya Zvezda Publishing House, 2006. (In Chinese)
12. Osmukhina O.Yu., Startsev D.I. Gothic Motifs of A.R. Belyaev's Prose (Based on the Novel "The Island of Lost Ships" and the Story "Fear") // Cyberleninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goticheskaya-motivika-prozy-a-r-belyaeva-na-materiale-romana-ostrov-pogibshih-korabley-i-rasskaza-strah (date accessed: 02/28/2024).
13. Li Lanyi. Trials of human nature in different literary eras – a comparison of the novels "The Petty Demon" by Sologub and "The Man in a Case" by Chekhov // Teaching Russian in China. 2006. No. 2. Pp. 51–54. (In Chinese)
14. Dmitrievna F.A. Mythopoetic system of Fyodor Sologub's novel "The Legend Being Created" // Philology and literary criticism. 2015. No. 8. Pp. 6–8.
15. Razumovskaya O.V. The concept of the Gothic and neo-Gothic style in the context of the history of literature. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-o-goticheskom-i-neogoticheskom-stile-v-kontekste-istorii-literatury (date of access: 02/28/2024).
16. Zhang Y. Analysis of Gothic elements in F. Sologub's novel "The Petty Demon" // Changjiang Review of Short Stories. 2023. No. 3. Pp. 45–48. (In Chinese)
17. Grigoryeva E.V. Horror is the author's main tool (the "Gothic" novel in European artistic discourse) // Scientific Thought of the Caucasus. 2009. No. 4. Pp. 89–94.
18. Nester N.V. The Image of a Gothic Castle in T.L. Peacock's Novel "Knightmare Abbey". URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goticheskogo-zamka-v-romane-t-l-pikoka-naytmerskoe-abbatstvo (accessed: 02/28/2024).
19. Gao Jing. Analysis of Gothic Elements in Alice Munro's Stories // Collection of Studies in Anglo-American Literature. 2019. No. 2. Pp. 281–294. (In Chinese)
20. Hou Xue. Symbolism and Character Prototypes in F. Sologub's Novel "The Petty Demon": Master's Dissertation in Philology. Harbin University, 2014. (In Chinese)
21. No Min. A Study of F. Sologub's Early Short Stories: Master's Thesis in Philology. Harbin Normal University, 2023. (In Chinese)
22. Zhang Tianyu. Change and Salvation: Analysis of F. Sologub's Short Story "White Dog" // Bulletin of Hubei Institute of Literature and Science. 2023. No. 7. P. 58–62. (In Chinese)

Анализ явления лексической лакунарности, вызванного различиями в представлениях о культуре питания России и Китая

Чжан Синьсинь,
магистр института русского языка Даляньского университета иностранных языков

Ван Ган,
доктор, доцент института русского языка, научный сотрудник, научный руководитель магистрантов Даляньского университета иностранных языков

В статье анализируются различия в представлениях о китайской и русской культурах питания, изучаются различия в способах приготовления пищи, вкусовых предпочтениях, особенностях кухни и этикете. На примере китайских кулинарных терминов, которые не имеют точных эквивалентов в русском языке, или даже при наличии соответствующих терминов, но обозначения совершенно иного вкуса, далее исследуется явление лексической лакунарности, вызванное различиями в культурных представлениях.

Ключевые слова: культура питания; лакунарность; культурные представления.

Различия в представлениях о пищевой культуре Китая и России

Культурные представления являются базовой единицей нации (Лю Хун, 2018: 147). Поскольку причины формирования, история, географическое положение и другие аспекты каждой страны различны, культурные представления также различаются. Различия в культурных представлениях вызывают цепную реакцию, и каждая страна уделяет разное внимание религиозным верованиям, пище, политике, экономике, законам и другим аспектам общества. Пища проникает во все сферы жизни, и кухня каждой страны имеет свои особенности, что ярко отражает различия в культурных представлениях.

Различия в кухне Китая и России

Кухня каждой страны формирует свою уникальную культуру питания в зависимости от местных продуктов и способов их обработки. В России основными продуктами питания являются хлеб, молоко, картофель, сыр и колбаса, капуста, лук, морковь и свекла, а также черный хлеб, водка и икра. Это сильно отличается от Китая, где основным продуктом питания является рис, а хлеб обычно служит завтраком или десертом. В России блюда подаются не все сразу, как в Китае, а поочередно. Сначала подается закуска, которая служит «аперитивом», обычно это салат из картофеля, кукурузы и моркови; в Китае закусками обычно являются холодные блюда или соленья, иногда самые популярные блюда также называют закусками, и они обычно подаются вместе с основными блюдами.

После закуски в России подается первое блюдо – суп. Домашние супы включают свекольный суп (Борщ), рыбный суп (Уха), овощной суп (Щи), смешанный овощной суп (Солянка) и так далее. Русские супы более густые, чем китайские, и русские любят холодные супы, которые делятся на горячие и холодные. Два популярных русских холодных супа на основе кваса – это окрошка и ботвинья (Лю Тинтин, 2021: 12). В Китае не существует понятия «холодный суп», и вкусовые качества также отличаются: русские супы более густые, и овощи и мясо в них играют основную роль, в то время как в Китае количество овощей и супа обычно невелико, и они служат для создания основы супа.

После первого блюда в России подается основное блюдо, обычно мясное. Русские обычно подают рыбу или мясо с гарниром, которым может быть варёный или жареный картофель, картофельное пюре, соленья или макароны, и эти блюда обычно едят с хлебом. Видно, что в России очень любят картофель, который может быть основным продуктом питания, основное блюдо обычно состоит из мяса с гарниром. В Китае основное блюдо может быть овощным, а мясо используется для придания вкуса. Русский черный хлеб имеет грубую корочку, кисло-соленый вкус, похож на гаоляновые лепешки, и обладает сильным насыщающим эффектом. В Китае основными продуктами питания являются рис и лапша, а мучные изделия обычно включают пампушки, лапшу, паровые булочки, пельмени и другие.

Третье блюдо в России соответствует китайскому десерту, обычно это чай, кофе, сок, а также некоторые

торты и пирожные. Большинство китайцев и русских любят пить чай и алкоголь, и в обеих странах сложились соответствующие культуры употребления чая и алкоголя. Так, например, исследователь культуры сибирского чаепития Е.П. Ермачкова пишет, что «сибиряки привыкли пить чай с сахаром «прикуску». Иногда один кусочек смаковали на протяжении всей церемонии, откусывая совсем понемножку, показывая тем самым свою воспитанность и достаток». (Е.П. Ермачкова, 2014: 20–24.)

Различия в способах приготовления и вкусовых предпочтениях Китая и России

Люди обычно выбирают наиболее подходящие способы приготовления пищи в зависимости от характеристик ингредиентов и предпочтений в еде. В Китае способы приготовления пищи чрезвычайно разнообразны, и в некоторых регионах из-за влияния географической среды сформировались кухни с определенным местным колоритом. Среди них кантонская, сычуаньская, шаньдунская, сучжоуская, чжэцзянская, фуцзяньская, хунаньская и аньхойская кухни известны как «восемь основных кухонь». Основные способы приготовления пищи включают 14 видов: жарка с перемешиванием и так далее. В России способы приготовления пищи гораздо менее разнообразны, чем в Китае, и в русском языке есть только четыре глагола, связанных с приготовлением пищи: «варить, парить, жарить, печь», и в России нет жарки с перемешиванием.

Из-за различий в ингредиентах, способах приготовления и сочетаниях, вкусовые предпочтения Китая и России сильно различаются. Китай известен как «страна приправ», поскольку китайцы стремятся к вкусу, они разработали множество различных приправ. Китайские приправы и русские приправы по своей сути различны, китайские приправы включают соль, уксус, соевый соус, куриный бульон, устричный соус и другие, кроме того, китайцы используют чеснок, лавровый лист, фенхель и другие в качестве приправ для жарки. Кроме соли, в Росии в приготовлении пищи часто используются сметана, творог, лимон, перец, соленые огурцы, лук, сливочное масло, фенхель, лавровый лист в качестве приправ. Из-за совершенно разных приправ вкус также сильно отличается. Русские любят кислый, сладкий, острый и соленый вкусы, стремясь к одному из них, в то время как китайцы предпочитают сочетать вкусы, поэтому с помощью пропорций приправ создают различные вкусы: кисло-сладкий, сладко-острый, сладко-соленый и другие.

Различия в столовых приборах и этикете Китая и России

Из-за различий в пище и способах употребления пищи, выбор столовых приборов в Китае и России также различается. В Китае основным продуктом питания является рис, блюда обычно разложены на тарелках, и все едят вместе, поэтому китайские столовые приборы обычно включают палочки и ложки. В России каждый человек имеет свою тарелку, блюда обычно представляют собой крупные куски мяса, колбасы, поэтому русские, следуя западной традиции, выбирают ножи и вилки в качестве основных столовых приборов.

Кроме того, культура застолья в Китае и России также сильно различается. В первую очередь, это выбор стола: в России обычно каждый человек имеет свою тарелку, и нет ситуации, когда все едят из одного блюда, поэтому столы обычно прямоугольные. В Китае подчеркивается единение, все сидят за круглым столом. В России большое внимание уделяется дизайну тарелок. Русские очень внимательны к сервировке стола: накрывают скатерть, расставляют столовые приборы, после того как все сели, поза должна быть прямой, нельзя громко разговаривать, но и не стоит молча есть, следует время от времени вести беседу, но не мешать другим людям есть. В Китае, как в стране, где главенствует «почтение к старшим», обычно старшие садятся за стол первыми и начинают есть первыми, и поскольку многие едят из одной тарелки.

Явление лексической лакунарности

«Лексическая лакунарность» – это явление, при котором из-за культурных и языковых различий слова, существующие в одном языке, могут не иметь эквивалентов или соответствий в другом языке. Лексическая лакунарность между языками является естественным явлением (Ян Вэнь, 2015: 126). Различия в культурных представлениях о пище в Китае и России приводят к большим различиям в ингредиентах, способах приготовления, столовых приборах и этикете, поэтому в процессе культурного обмена возникают языковые различия, и некоторые слова не могут быть найдены в языке другой страны, или даже если удается найти аналог, понимание одного и того же слова может быть совершенно разным.

Референциальная лакунарность

Референциальная лакунарность относится к тем специальным словам, которые являются уникальными для культуры определенного народа, и из-за культурного фона, который содержит особую культуру этого народа, в других языках не может быть найдено точного соответствия этим словам (Му Чэнь, 2020: 66).

Способы приготовления пищи в Китае и России сильно различаются, в России способы приготовления пищи более ограничены по сравнению с Китаем. В русском языке есть только четыре глагола, связанных с приготовлением пищи: «варить, парить, жарить, печь», поэтому не все китайские способы приготовления могут быть точно переведены на русский язык. С углублением культурного обмена может возникнуть явление «множество к одному». «Варить» в русском языке означает нагревать жидкость до кипения или готовить пищу на огне, это слово происходит от старославянского «вьрети», что означает «кипятить», поэтому оно обычно соответствует китайским способам приготовления: варка, тушение, томление (boil, stew, simmer). В Китае очень популярна жарка с перемешиванием (stir-fry), когда пища быстро обжаривается на сковороде с добавлением приправ, но в России нет такого способа приготовления, поэтому в русском языке нет слова «жарить с перемешиванием». По мере углубления культурного обмена слово stir-fry может быть использовано для замены «жарить с перемешиванием», например, «яичница с помидорами», переводится как «яйцо жареное с помидорами», хотя при переводе используется «жарить» для замены «жарить с перемешиванием» или stir-fry, но без объяснения русские все равно не могут полностью понять значение «жарить с перемешиванием» (stir-fry). Кроме того, есть и другие способы приготовления, такие как «подсаливание», «варка», «приготовление на пару», «тушение с соусом», «приготовление с сахарной глазурью», которые также не имеют точных языковых аналогов.

В Китае существует множество приправ, которые также сильно отличаются от традиционных русских приправ, поэтому также возникает множество случаев референциальной лакунарности. Некоторые уникальные китайские приправы, такие как устричный соус, соевый соус, не имеют соответствий в русском языке. Устричный соус, китайская приправа к морепродуктам, в русском языке переводится как «китайский устричный соус», где «устричный» означает «из устриц», в русском

языке он назван по основному ингредиенту.Кроме того, в России также существует китайский соус, который русские готовят в соответствии со вкусом китайских домашних блюд, обычно с использованием лука, соевого соуса, томатного соуса и других приправ, что соответствует китайскому домашнему вкусу.

Из-за различий в приправах, ингредиентах и способах приготовления, в каждой стране есть свои уникальные блюда, что естественно приводит к явлению лексической лакунарности. Например, китайские мучные изделия – пампушки, в русском языке нет соответствующего слова, они транслитерируются как «маньтоу». Китайские пельмени, в русском языке также нет точного соответствия, они переводятся как «вонтоны». В Китае существует множество различных холодных блюд, в русском языке они обычно называются «салат». Таким образом, из-за больших различий в пищевой культуре Китая и России, многие уникальные блюда не могут быть точно отражены в языке другой страны, что приводит к явлению лексической лакунарности.

Прагматическая лакунарность

Прагматическая лакунарность относится к тому, что слова в языке одного народа могут иметь другие ассоциативные значения, их смысл формируется под влиянием культурного фона, обычаев и других факторов, и они имеют ярко выраженные культурные особенности (Му Чэнь, 2020: 66). В китайской и русской кухне есть много блюд, названия которых полностью совпадают, но вкус и внешний вид совершенно разные, можно сказать, что это совершенно разные блюда.

«Пельмени» – это основное блюдо северных регионов Китая, имеющее долгую историю. До эпохи династии Сун они назывались «хунтунь» или «вонтонами», в эпоху Сун их называли «бяньши», в эпохи Юань, Мин и Цин на севере их по-прежнему называли «бяньши/лепёшки», на юге их называли «цзяоэр», позже это слово превратилось в «цзяоцзы». (Чжан Хаймэй, 2023: 535). Русские «пельмени» долгое время были блюдом Сибири, они образованы от основ слов «ухо» и «хлеб», так как это мучное изделие, похожее на ухо. Видно, что китайские «пельмени» и русские «пельмени» имеют разное происхождение названий: одно происходит является ононимом «рогом», другое – от формы и основного ингредиента. Кроме того, китайские пельмени приправляются соевым соусом, уксусом и чесноком; русские пельмени обычно приправляются сметаной.

В России «хлеб» является основным традиционным продуктом питания, но китайский «хлеб» и русский «хлеб» сильно различаются. Греки использовали специальную посуду под названием «клибанос» для выпечки хлеба. Так появилось готское слово «хлайфс», которое позже было заимствовано древними германцами, славянами и другими народами. В древнегерманском языке сохранилось слово «хлайб», которое позже превратилось в «хлеб».Русский хлеб имеет множество разновидностей, по большим категориям его можно разделить на черный хлеб и белый хлеб, каждый из которых имеет десятки сортов. (Чжан Вэньлань, 2012: 168). В Китае лепешки были изобретены раньше, чем пампушки, лепешки были древним хлебом, позже были изобретены пампушки, которые по своим свойствам больше похожи на европейский хлеб. Таким образом, китайский хлеб и европейский хлеб, хотя и имеют схожие способы приготовления и используемые ингредиенты, сильно различаются по вкусу. Кроме того, в России хлебу придается особое значение, православная церковь учит, что хлеб – это Святая Евхаристия, и он, как и соль, обладающая консервирующими и очищающими душу свойствами, считается святым. Русские, исповедующие православие, считают хлеб символом урожая, богатства и мира (Чжан Вэньлань, 2012: 168). Поэтому «хлеб и соль» – это высший знак уважения в России. В Китае традиционным основным продуктом питания является рис, хлеб не имеет такого высокого статуса, как в России, и не имеет такого культурного фона. «Питание, как один из маркеров этнического самосознания, представляет собой не только биологический процесс потребления пищи, но, несомненно, выполняет функции средства передачи культурного опыта народа, поскольку пищевая традиция создает «гастрономический» код культуры» – пишет исследователь Скопина А. В о роли питания в формировании национальной идентичности. (А.В. Скопина, Вэй Хунбо, 2013: 309–312)

Приведенные выше примеры показывают, что способы питания, вкусовые предпочтения и культура Китая и России сильно различаются, что также приводит к различным культурным представлениям. Различия в культурных представлениях отражаются в языке, и лексическая лакунарность является самым основным и распространенным явлением.

Заключение

Культурные представления влияют на привычки, поведение и языковые формы народа. Различия в культурных представлениях приводят к тому, что языки разных народов не могут полностью соответствовать друг другу, или даже если они соответствуют, значения слов могут быть совершенно разными. Культурные представления вызывают языковую лакунарность, которая в первую очередь проявляется в лексике. В данной статье анализируется явление лексической лакунарности, вызванное различиями в представлениях о пищевой культуре Китая и России, что позволяет не только понять различия между китайской и русской культурами питания, но и понять взаимосвязь между культурными представлениями и языковой лакунарностью.

Литература

1. Гао Хунжу. Исследование терминов русских супов – фрагмент русской кулинарной культуры // Исследования по иностранным языкам. – 1995. – № 4. – С. 13–18.
2. Лю Хун. Русский язык и культура: межкультурная коммуникация. – Пекин: Издательство преподавания и исследований иностранных языков, 2018. – 250 с.
3. Му Чень. Феномен лексических лакун в межкультурной перспективе // Форум Цяо Го. – 2022. – № 5. – С. 66.
4. Ян Вэнь. Влияние феномена лексических лакун на межкультурную коммуникацию // Журнал Хубэйского научно-технического университета. – 2015. – Т. 35, № 7. – С. 126–128.
5. Чжан Хаймэй. Синхронное распределение и диахроническая эволюция названия «пельмени» // Лингвистические науки. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 535–547.
6. Чжан Вэньлань. Обычаи и культура русского хлеба // Теория обучения. – 2012. – № 10. – С. 168–169.
7. Ермачкова Е.П. Зарождение и распространение культуры сибирского чаепития // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 4 (60), Т. 3. – С. 20–24.
8. Скопина А.В., Вэй Хунбо. Роль питания в формировании идентичности эвенков на севере Китая // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 309–312.

ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF LEXICAL LACUNARITY CAUSED BY DIFFERENCES IN THE CONCEPTS OF FOOD CULTURE IN RUSSIA AND CHINA

Zhang Xinxin, Wang Gan
Dalian University of Foreign Studies

The article analyzes the differences in concepts of Chinese and Russian food cultures, studies the differences in cooking methods, taste preferences, cuisine features and etiquette. Using the example of Chinese culinary terms that do not have exact equivalents in the Russian language, or even if there are corresponding terms, but designation of a completely different taste, the phenomenon of lexical lacunarity caused by differences in cultural concepts is further investigated.

Keywords: food culture; lacunarity; cultural concepts.

References

1. Gao Hongru. A Study of Russian Soup Terms – a Fragment of Russian Culinary Culture // Foreign Language Studies. – 1995. – No. 4. – P. 13–18.
2. Liu Hong. Russian Language and Culture: Intercultural Communication. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2018. – 250 p.
3. Mu Chen. The Phenomenon of Lexical Gaps in Intercultural Perspective // Qiao Guo Forum. – 2022. – No. 5. – P. 66.
4. Yang Wen. The Influence of the Phenomenon of Lexical Gaps on Intercultural Communication // Journal of Hubei University of Science and Technology. – 2015. – Vol. 35, No. 7. – P. 126–128.
5. Zhang Haimei. Synchronic distribution and diachronic evolution of the name “pelmeni” // Linguistic sciences. – 2023. – Vol. 22, No. 5. – P. 535–547.
6. Zhang Wenlan. Customs and culture of Russian bread // Theory of learning. – 2012. – No. 10. – P. 168–169.
7. Ermachkova E.P. The origin and spread of the Siberian tea drinking culture // Bulletin of the Kemerovo State University. – 2014. – No. 4 (60), Vol. 3. – P. 20–24.
8. Skopina A.V., Wei Hongbo. The role of nutrition in the formation of the identity of the Evenks in northern China // The world of science, culture, education. – 2013. – No. 4 (41). – pp. 309–312.

Медиаглобализация и изменение роли журналиста в современном информационном обществе

Чжао Ваньюй,
магистр, МГУ
E-mail: zwy891429193@qq.com

В статье исследуется трансформация роли журналиста в условиях медиа-глобализации и цифровизации информационного пространства. Анализируются ключевые вызовы, с которыми сталкивается профессиональное журналистское сообщество: технологические изменения, включая влияние искусственного интеллекта и алгоритмизацию контента; экономические факторы, связанные с доминированием глобальных платформ; а также политико-правовые аспекты регулирования медиасферы. Особое внимание уделяется российскому контексту, где вопросы информационного суверенитета и национальной идентичности приобретают особую значимость. Автор рассматривает процесс «репрофессионализации» журналистики, предполагающий сочетание освоения цифровых технологий с сохранением традиционных ценностей профессии. Статья подчеркивает необходимость реформы журналистского образования и разработки новых теоретических подходов к пониманию роли медиа в современном обществе. Исследование основано на комплексном анализе структурных изменений в медиаиндустрии и предлагает направления для дальнейшего изучения трансформации журналистики в глобальном масштабе.

Ключевые слова: Медиа-Глобализация, Цифровизация Журналистики, Профессиональная Идентичность Журналиста, Информационный Суверенитет, Репрофессионализация

Введение

Современный этап развития информационного общества характеризуется стремительной трансформацией медиаландшафта под влиянием процессов глобализации и цифровизации. Медиа-глобализация, понимаемая не только как расширение трансграничных информационных потоков, но и как перераспределение власти в медиасфере в пользу транснациональных корпораций и платформ, кардинально меняет условия профессиональной деятельности журналистов.[1] В условиях доминирования алгоритмически управляемых цифровых экосистем традиционные модели новостного производства и распространения теряют прежнюю монополию, что ставит под вопрос устоявшиеся профессиональные нормы и социальные функции журналистики.

Ключевая проблема исследования заключается в необходимости переосмысления роли журналиста в контексте противоречивого взаимодействия глобальных медиатрендов и национальных информационных порядков. С одной стороны, цифровые технологии создают беспрецедентные возможности для оперативного доступа к информации и кросс-культурного взаимодействия. С другой – коммерциализация контента, фрагментация аудитории и эрозия институциональных границ журналистики как профессии приводят к девальвации экспертного статуса журналиста. В России, где медиасистема развивается в условиях активного государственного регулирования и геополитической конкуренции, эти процессы приобретают особую специфику, требующую теоретического осмысления.

Цель настоящей работы – выявить системное влияние глобализационных и технологических факторов на трансформацию профессиональной идентичности журналиста. Важно подчеркнуть, что речь идет не о простой адаптации к новым техническим условиям, а о фундаментальном пересмотре концепции журналистской миссии в обществе. В условиях, когда традиционные СМИ утрачивают роль единственных «стражей информации», а социальные сети стирают грань между производителями и потребителями контента, профессиональное сообщество вынуждено заново определять свои отличительные признаки и социальную легитимность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новой теоретической рамки для анализа журналистской деятельности в эпоху платформизации медиа. Существующие подходы, сформированные в эпоху доминирования печатных и вещательных СМИ, часто оказываются неадекватными для понимания современных реалий. Особую значимость работа приобретает в контексте российской медиасреды, где вопросы информационного суверенитета и профессиональной автономии журналистов становятся частью broader дискурса о национальной безопасности и культурной идентичности.

Теоретические аспекты медиа-глобализации

Медиа-глобализация представляет собой сложный многомерный процесс, в рамках которого технологические,

экономические и культурные факторы формируют принципиально новую архитектуру мирового информационного пространства. В отличие от классических моделей международной коммуникации, где основными акторами выступали национальные медиасистемы, современная глобализация медиа определяется доминированием транснациональных корпораций и цифровых платформ, переопределяющих логику производства и распространения контента.[2] Ключевой особенностью этого процесса является формирование асимметричной системы, в которой технологически и финансово мощные игроки (такие как Meta, Google или Netflix) устанавливают де-факто стандарты информационного обмена, маргинализируя традиционные СМИ.

Экономическая составляющая медиа-глобализации проявляется в концентрации медиакапитала в руках ограниченного числа корпораций, чья деятельность нередко противоречит интересам национальных медиарынков. Это приводит к возникновению структурных дисбалансов: с одной стороны, глобальные платформы обеспечивают беспрецедентный доступ к информации, с другой – подрывают экономическую устойчивость локальных медиа, вынуждая их адаптироваться к чуждым алгоритмическим и монетизационным моделям.[3] В России, где государственная политика направлена на защиту информационного суверенитета, данное противоречие приобретает особую остроту, выражаясь в законодательных ограничениях для иностранных цифровых гигантов и поддержке национальных медиапроектов.

Культурный аспект глобализации связан с трансформацией традиционных идентичностей под влиянием глобальных медиапотоков. Цифровые платформы, функционирующие по принципу персонализированного контента, способствуют фрагментации публичной сферы, где универсальные нарративы уступают место нишевым сообществам. Это создает вызов для журналистики как института, традиционно выполнявшего функцию артикуляции общественного consensus. В условиях, когда алгоритмы соцсетей усиливают поляризацию, профессиональные журналисты вынуждены искать новые способы сохранения роли медиаторов в публичном дискурсе.

Технологическая революция, лежащая в основе медиа-глобализации, радикально меняет логику новостного производства. Цифровая среда диктует приоритет скорости над глубиной анализа, что ведет к девальвации журналистского расследования в пользу кликбейтных форматов.[4] Одновременно стираются географические границы информационного потребления: локальные события мгновенно глобализируются, а международные новости адаптируются под запросы национальных аудиторий. В российском контексте это порождает напряженность между стремлением к глобальной медиавидимости и необходимостью защиты культурной автономии.

Проблема информационного суверенитета становится ключевой в условиях, когда глобальные платформы фактически контролируют инфраструктуру публичной коммуникации. Российский опыт демонстрирует попытки найти баланс между интеграцией в мировое информационное пространство и защитой национальной медиасреды через регулирование (например, закон о «суверенном интернете»). Однако подобные меры вызывают дискуссии о пределах государственного вмешательства в медиасферу и его влиянии на профессиональную автономию журналистов. Таким образом, медиа-глобализация предстает не как универсальный и необратимый процесс, а как поле напряженности, где сталкиваются экономические интересы, технологические возможности и политические стратегии.

Смена парадигм в профессии журналиста

Профессия журналиста переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную технологической революцией и изменением социальных ожиданий к медиаинститутам. Классическая модель журналистики, основанная на монополии профессиональных СМИ на производство и распространение информации, утрачивает свою актуальность в условиях цифровой эпохи. Традиционная роль журналиста как «привратника информации», ответственного за отбор и верификацию новостей, сталкивается с радикальным переосмыслением в контексте децентрализованных цифровых коммуникаций.

Распространение социальных медиа и платформенных алгоритмов привело к демократизации информационного пространства, где профессиональные журналисты более не являются единственными посредниками между событиями и аудиторией.[5] Это вызывает кризис профессиональной идентичности, поскольку авторитет журналиста перестает основываться исключительно на институциональной принадлежности, требуя новых форм легитимации через экспертизу и качество контента. Параллельно усиливается давление коммерциализации, вынуждающее журналистов балансировать между профессиональной этикой и требованиями медиабизнеса к вовлеченности аудитории.

Особую сложность представляет проблема дезинформации, приобретающая глобальный масштаб в условиях цифровой среды. Журналисты сталкиваются с необходимостью не просто сообщать факты, но и активно противостоять фейковым нарративам, что требует новых компетенций в области цифровой верификации и медиаграмотности. Алгоритмическая логика платформ, ориентированная на персонализацию контента, дополнительно осложняет задачу, так как профессионально созданные материалы вынуждены конкурировать с эмоционально заряженным пользовательским контентом.В ответ на эти вызовы происходит формирование новых профессиональных парадигм. Современный журналист все чаще выступает в роли «рассказчика данных», способного не просто сообщать информацию, но и интерпретировать сложные массивы данных через визуализацию и интерактивные форматы.[6] Это предполагает овладение цифровыми инструментами анализа и навыками кроссмедийного сторителлинга, выходящими за рамки традиционной текстоцентричной журналистики.

Не менее значима трансформация журналиста в «координатора публичного диалога». В условиях нарастающей социальной поляризации профессиональные медиа приобретают особую роль в поддержании конструктивной коммуникации между различными группами общества. Это требует от журналистов не просто беспристрастности, но активной работы по выявлению общих ценностей и поиску точек соприкосновения в публичной дискуссии. В российском контексте данная функция приобретает дополнительное измерение в связи с необходимостью балансировать между глобальным информационным пространством и национальной медиаполитикой.Эволюция профессиональных ролей ставит вопрос о пересмотре системы журналистского образования и корпоративных стандартов. Традиционные навыки сбора и обработки информации должны дополняться компетенциями в области цифровых технологий, основ психологии массовых коммуникаций и межкультурного взаимодействия. При этом сохраняет свою актуальность этическая составляющая профессии, поскольку именно приверженность профессиональным ценностям может

служить основой для восстановления доверия аудитории в условиях информационной перенасыщенности.

Структурные вызовы и институциональные ответы

Современная медиасреда формирует комплекс структурных вызовов, требующих системного осмысления и адекватных институциональных ответов на различных уровнях. Технологическая революция, проявляющаяся в стремительном развитии искусственного интеллекта и автоматизированных систем генерации контента, создает принципиально новые условия для профессиональной журналистики. Алгоритмы машинного обучения, способные производить текстовые, аудиовизуальные и даже аналитические материалы, ставят под вопрос уникальность журналистского труда.[7] Особую остроту эта проблема приобретает в контексте сохранения экспертной функции журналистики, когда автоматизированно создаваемый контент может внешне имитировать профессиональные стандарты, но лишен глубины анализа и социальной ответственности. Российские медиа, как и глобальное информационное пространство в целом, вынуждены вырабатывать критерии разграничения между автоматизированной информацией и профессионально созданными материалами, что требует пересмотра традиционных подходов к авторскому праву и профессиональной сертификации.

Экономические трансформации медиарынка характеризуются усилением глобальных платформенных монополий, которые перераспределяют финансовые потоки и аудиторное внимание в ущерб традиционным СМИ. Бизнес-модели цифровых гигантов, основанные на персонализированной рекламе и алгоритмическом ранжировании контента, создают асимметричные условия конкуренции, где национальные медиа вынуждены играть по чужим правилам. [8]В России этот процесс имеет специфическое измерение в связи с политикой цифрового суверенитета и поддержкой отечественных IT-решений. Однако даже в условиях регулируемого рынка сохраняется фундаментальное противоречие между глобальной логикой цифрового капитализма и необходимостью сохранения экономической устойчивости профессиональной журналистики. Ответом на этот вызов становятся эксперименты с альтернативными моделями финансирования – подписками, краудфандингом, государственно-частным партнерством, – каждая из которых имеет свои ограничения и требует тщательного анализа с точки зрения сохранения редакционной независимости. Политико-правовое регулирование медиасферы представляет собой особую область институциональных ответов на вызовы цифровой эпохи. Российский подход к регулированию информационного пространства, выражающийся в законодательных инициативах о «фейковых новостях», «цифровых активах» и «суверенном интернете», отражает попытку найти баланс между интеграцией в глобальное информационное пространство и защитой национальных интересов. Сравнительный анализ российского и международного опыта показывает разнообразие подходов к защите профессиональной журналистики – от жесткого регулирования платформ в ЕС до либеральной модели США. Особое значение приобретает вопрос профессиональной защиты журналистов, чей статус в условиях цифровизации становится все более неопределенным. Законодательные инициативы, направленные на разграничение профессиональных СМИ и пользовательского контента, создают правовые основания для сохранения особого статуса журналистики как социального института, но одновременно требуют тонкой настройки, чтобы не превратиться в инструмент цензуры.

Институциональные ответы на технологические и экономические вызовы не могут ограничиваться законодательным уровнем. Профессиональное сообщество вынуждено пересматривать стандарты саморегулирования, этические кодексы и системы профессиональной подготовки. В российском контексте это проявляется в дискуссиях о необходимости адаптации образовательных программ к новым реалиям, где традиционные журналистские навыки должны сочетаться с цифровой грамотностью, пониманием алгоритмических процессов и способностью работать с большими массивами данных. Медиаорганизации экспериментируют с гибридными форматами, пытаясь совместить требования цифровой среды с сохранением профессиональных стандартов.[9] Глубина структурных изменений в медиасфере требует комплексного подхода, учитывающего технологические, экономические и политические аспекты трансформации. Российский опыт регулирования цифрового пространства демонстрирует как возможности защиты национального медиаландшафта, так и риски чрезмерного огосударствления информационной сферы. Поиск оптимального баланса между инновациями и сохранением профессиональных стандартов остается ключевой задачей для медиаиндустрии, академического сообщества и регуляторов. Устойчивое развитие профессиональной журналистики в новых условиях зависит от способности всех заинтересованных сторон выработать согласованные подходы, которые позволят сохранить социальную миссию журналистики в цифровую эпоху.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать фундаментальную трансформацию роли журналиста в условиях медиа-глобализации, требующую переосмысления профессиональных парадигм. Ключевым трендом становится процесс «репрофессионализации», сочетающий освоение цифровых технологий с сохранением традиционных ценностей журналистики как социального института. Российский контекст демонстрирует специфику этого процесса, где необходимость адаптации к глобальным медиатрендам сочетается с задачами защиты информационного суверенитета и национальной идентичности. Выявленные изменения актуализируют вопрос о реформе журналистского образования, которое должно интегрировать междисциплинарный подход, соединяя медиакомпетенции с пониманием глобальных политико-экономических процессов. Особое значение приобретает развитие критического мышления и способности к межкультурной коммуникации, позволяющих журналистам сохранять профессиональную автономию в условиях алгоритмизации медиасреды.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении трансформации журналистики за пределами западного медиаконтекста, что позволит преодолеть ограничения существующих теоретических моделей. Требуют специального анализа вопросы баланса между технологической адаптацией и профессиональной этикой, а также влияние новых форм государственного регулирования на развитие медиасистем в условиях цифровизации. Проведенное исследование подтверждает необходимость разработки новых концептуальных подходов к пониманию роли журналиста в формирующейся архитектуре глобального информационного пространства.

Литература

1. Кудинова А.Н. Медиаглобализация: роль общенациональных СМИ во взаимодействии стран // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7–2. – С. 107–111.
2. Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория // 2015.
3. Фёдоров А.В. Основные теории медиаобразования в зарубежных странах // Школьные технологии. – 2010. – № 4. – С. 17–28.
4. Челышева И. В., Шариков А.В. Медиаобразование в зарубежных странах. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. – 238 с.
5. Бабенко В.А. Новые профессии в медийной сфере: смена парадигмы журналистского образования // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – С. 31.
6. Маслов А. С. К вопросу об определении параметров профессионального поведения журналиста // В современном мире. – 2014. – С. 58.
7. Коханова Л. А., Головко С.Б., Черешнева Ю.Е. Модификация концептуального аппарата журналистики // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. – 2018. – С. 232.
8. Решетников М.М. Современные представления о психике: смена парадигмы // Неврологический вестник. – 2020. – Т. 52, № 1. – С. 72–81.
9. Вартанова Е.Л. Представления аудитории о СМИ: к вопросу о теоретическом осмыслении // Меди@льманах. – 2019. – № 4 (93). – С. 8–19.

MEDIA GLOBALIZATION AND THE CHANGING ROLE OF THE JOURNALIST IN MODERN INFORMATION SOCIETY

Zhao Wanyu
Moscow State University

The article explores the transformation of the role of a journalist in the conditions of media globalization and digitalization of information space. It analyzes the key challenges facing the professional journalistic community: technological changes, including the influence of artificial intelligence and algorithmic content; economic factors associated with the dominance of global platforms; and political and legal aspects of media regulation. Special attention is paid to the Russian context, where the issues of information sovereignty and national identity take on special significance. The author examines the process of "re-professionalization" of journalism, which involves combining the mastery of digital technologies with the preservation of the profession's traditional values. The article emphasizes the need to reform journalism education and develop new theoretical approaches to understanding the role of media in modern society. The study is based on a comprehensive analysis of structural changes in the media industry and offers directions for further study of the transformation of journalism on a global scale.

Keywords: Media-Globalization, Digitalization of Journalism, Journalist's Professional Identity, Information Sovereignty, Reprofessionalization.

References

1. Kudinova A.N. Mediaglobalization: the role of nationwide media in the interaction of countries // Philological Sciences. Issues of theory and practice. –2014.-No. 7–2. – S. 107–111.
2. Fedorov A.V. Media education: history and theory // 2015.
3. Fedorov A.V. The main theories of media education in foreign countries // School technologies. – 2010. – No. 4. – S. 17–28.
4. Chelysheva I.V., Sharikov A.V. Media education in foreign countries. -Taganrog: Publishing House of Kuchma, 2003.-238 p.
5. Babenko V.A. New professions in the media sphere: Change of paradigm of journalistic education // Scientific works of the North-Western Institute for the Office of the RANEPA. – 2023. – S. 31.
6. Maslov A.S. On the question of determining the parameters of the professional behavior of a journalist // in the modern world. – 2014. – S. 58.
7. Kokhanova L.A., Golovko S.B., Chereshneva Yu.E. Modification of the conceptual apparatus of journalism // Massage means in the multipolar world: problems and prospects: Sat. scientific. tr. – 2018. – S. 232.
8. Reshetnikov M.M. Modern ideas about the psyche: Change of paradigm // Neurological Bulletin. – 2020. – T. 52, No. 1. – S. 72–81.
9. Vartanova E.L. The Audience's Presentation of the Media: On the issue of theoretical understanding // copper@Lambans. – 2019. – No. 4 (93). – S. 8–19.

Взаимосвязь потребности в одобрении и приверженности к нормам женского поведения у женщин

Шукшина Людмила Викторовна,
д.ф.н., профессор, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Майорова Милена Алексеевна,
студент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: milena_ladybird@mail.ru

Изучение взаимосвязи норм женского поведения и потребности в одобрении позволяет наиболее полно подойти к пониманию гендерного развития общества, и разработке стратегий преодоления межполового неравенства, избавления от стереотипов. Одобрение выступает в качестве инструмента оценки и контроля общественной жизни и инструментом мотивации. Гендерные нормы зависят от пола и приписываются человеку исключительно по этому признаку. Женщины стараются соответствовать приписанным им гендерным нормам для того, чтобы получить одобрение и избежать общественного порицания. Изменение своего поведения в угоду соответствию гендерным стереотипам под натиском общественных институтов может привести к снижению самооценки, стрессу, страху общественного неодобрения, искажению представлений о своем предназначении и в целом к изменению восприятия, к потере автономии и возникновению деструктивного социального поведения. В статье представлен анализ взаимосвязи потребности в одобрении и приверженности к нормам женского поведения у женщин.

Ключевые слова: потребность в одобрении, приверженность к нормам, женское поведения, гендер, пол, социальные нормы.

Проблема зависимости женщин от одобрения является актуальной в современном обществе. Изменение своего поведения в угоду соответствию гендерным стереотипам под натиском общественных институтов приводит женщин к снижению самооценки, стрессу, страху общественного неодобрения, искажению представлений о своем предназначении и в целом к изменению восприятия «Я». Для того, чтобы преодолевать подобные явления, необходимо разобраться в их истоках, механизмах и функциях. Избавив (хотя бы частично) общество от полоролевых предрассудков, возможно создание более надежной и приветливой среды для жизненного, личностного. В психологии социальное одобрение понимается как «положительная оценка личности или группы, в социальном контексте, в ответ на исполнение социальных норм» [2]. «Социальная норма – исторически сложившаяся в конкретном обществе мера, предел, интервал допустимого в поведении или деятельности людей, социальных групп или организаций» [5].

Групповое ожидание как правило предвосхищает результат деятельности человека либо группы людей. «Ожидающие», опираясь на общественный и личный опыт пытаются предсказать исход событий. В случае ожиданий к себе это может быть связанно с потребностью в безопасности, т.к., во-первых, человек избавляет себя от неизвестности, соответственно объекта тревоги, во-вторых, рассматривая весь перечень событий, он встречает и негативные исходы и испытывает такого же рода эмоции, что на какую-то степень снижает его стресс в случае неудачи. Если же мы анализируем ожидания группы к отдельной личности, работает совершенно другой механизм. Если человек оправдал ожидания, то его ждет общественное одобрение, если не оправдал общественное порицание в той или иной степени либо нейтральное отношение, что в свою очередь является уже групповой оценкой.

Социальное одобрение представляет собой положительную оценку членов общества, возникающую в ответ на соответствие нормам и ожиданиям любого из его членов. Оно выполняет функцию контроля, помогая регулировать общественное поведение, задавая рамки приемлемого и отклоняемого. Со стороны потребности, одобрение может быть частью мотивационной структуры личности человека, целью его деятельности. Стремление к одобрению побуждает человека следовать нормам и ожиданиям, добиваться успеха и самоактуализации и в целом играет важную роль в формировании социальной идентичности. При этом избыточная потребность может приводить человека к потере автономии и возникновению деструктивного социального поведения.

Социальные нормы – это правила поведения, которые задают рамки общественной жизни. Они делятся на традиционные, религиозные, моральные, эстетические, правовые и корпоративные [4]. Эти нормы гибкие, их содержание меняется в зависимости от времени, общественного культурного контекста и среды. Гендерные нормы определяют поведение, связанное с полом человека, устанавливая ролевые ожидания. В отличие от социальных норм, гендерные нормы более устойчивы и из-

меняются под влиянием внешних факторов медленнее, сложнее [1]. Сходство этих видов норм состоит в том, что они регулируют общественное поведение и задают границы дозволенного в этом поведении.

Гендерные нормы могут быть отделены от общечеловеческих норм поведения, их критерием деления будет являться именно связь с определенным полом: соответственно, из этого выходит утверждение, что гендерная норма «создана» именно для представителей определенного пола. «Гендерные нормы – это определенные правила поведения и предписания, формирующие представления о том, кто есть «настоящий мужчина» и какой должна быть «настоящая женщина… за нарушение гендерных норм общество наказывает людей: например, ярлыки «мужеподобная женщина» или «мужик, а ведет себя как баба» весьма болезненно переживаются людьми и могут вызывать не только стрессы, но и различные виды психических расстройств» [6].

Объектом исследования является: потребность в одобрении и приверженность к нормам женского поведения.

Предметом исследования является взаимосвязь между потребностью в одобрении и приверженностью к нормам женского поведения у женщин от 18 до 37 лет.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между потребностью в одобрении и приверженностью к женским нормам поведения.

Гипотеза исследования: предположение о том, чем выше потребность в одобрении, тем сильнее приверженность нормам женского поведения и наоборот.

В исследовании принимали участие: 32 женщины различных специальностей, в возрасте от 18 до 37 лет.

Психодиагностические методы следующие.

1. Методика диагностики потребности в одобрении Марлоу-Крауна (Д. Марлоу, Д. Краун / Адаптация: Ю.Л. Ханин).

2. Опросник «я – женщина» (Л.Н. Ожигова / на основе методики «Незаконченные предложения»).

3. Опросник «Нормы женского поведения» (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе).

Статистические методы следующие.

Корреляционный анализ Пирсона

Результаты исследуемых по методике диагностики потребности в одобрении Марлоу-Крауна (рис. 1). Методика, целью которой было изучение потребности в одобрении, показала, что большая часть респондентов (более 50%) имеет средний уровень выраженности потребности в одобрении. Вторая по величине часть респондентов имеет низкий уровень потребности в одобрении (31%). Высокий уровень потребности в одобрении встречается у меньшей части респондентов (12,5%).

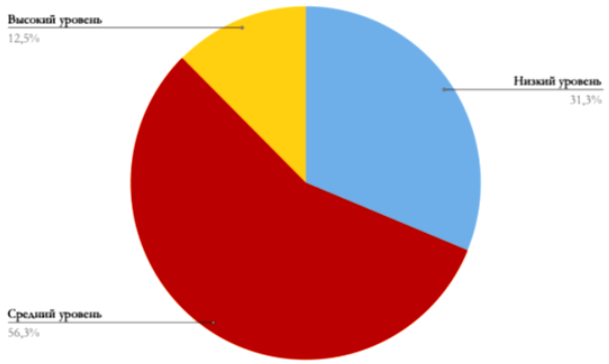

Рис. 1. Результаты исследуемых по методике диагностики потребности в одобрении Марлоу-Крауна, % чел.

Если мы будем оценивать частоту проявления потребности в одобрении определенного уровня среди выборки, то средний уровень будет встречаться у каждого второго респондента, низкий уровень – у каждого третьего, тогда как высокий уровень только у каждого восьмого. В целом тенденции выборки заключаются в стремлении к среднему и низкому уровню.

Результаты исследуемых по методике «Я-женщина» (рис. 2). Результат респондентов по методике «Я-женщина», целью которой была диагностика осознаваемых и неосознаваемых гендерных установок личности показала: большинство респондентов (87,5%) не соответствуют гендерным нормам (т.е. гендерные установки практически отсутствуют). Другая часть респондентов (12,5%) плохо сознает гендерные установки (скорее всего присутствуют неосознаваемые гендерные установки).

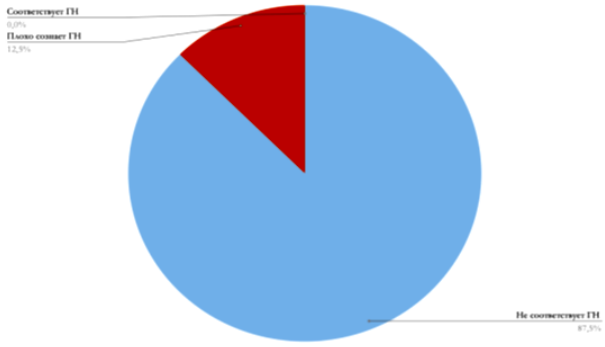

Рис. 2. Результаты по методике «Я-женщина», % чел.: ГН – гендерные нормы

Респондентов, которые полностью соответствуют гендерным нормам и установкам, в выборке нет. Тенденция выборки – стремление к несоответствию гендерным нормам и установкам.

Результаты исследуемых по методике «Нормы женского поведения» (рис. 3). Методика, целью которой выступает определение системы убеждений и установок относительно фемининности и женских ролей, дала результат: большая часть исследуемых (84,4%) привержены современному типу норм (гендерные установки и убеждения отсутствуют либо не транслируются). Промежуточному типу норм придерживаются 15,6% респондентов (имеется небольшое количество гендерных установок, которые могут транслироваться).

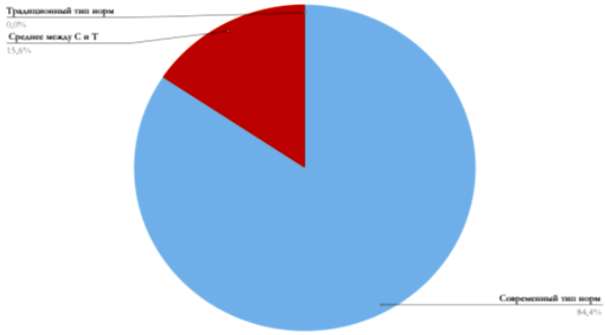

Рис. 3. Результаты по методике «Нормы женского поведения», % чел.: С – современный тип норм; Т – традиционный тип норм

Выраженность традиционного типа норм отсутствует. Тенденция выборки – стремление к современному типу норм.

Выводы. В процессе обработки результатов была проверена нормальность распределения результатов

(по критерию Шапиро-Уилка; Колмогорова-Смирнова). Для всех трех методик распределение данных является близким к нормальному (т.к. ни в одном из случаев p-value не является меньше 0.05). Это позволяет нам использовать корреляцию Пирсона. Корреляционный анализ Пирсона показал следующее (табл. 1).

Таблица 1. Корреляционный анализ

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6	Столбец 7	Столбец 8	Столбец 9
Столбец 1	1								
Столбец 2	0,63835849	1							
Столбец 3	0,28327528	0,38377258	1						
Столбец 4	0,47598423	0,44518136	0,3323175	1					
Столбец 5	0,23320423	0,38175274	0,42015538	0,53969382	1				
Столбец 6	0,59951489	0,48354861	0,61895205	0,7057896	0,50632086	1			
Столбец 7	0,30672243	0,27425271	0,42060472	0,22926506	0,29575073	0,34159669	1		
Столбец 8	0,34938268	0,22450966	0,62527348	0,4004972	0,32170401	0,60888331	0,22543147	1	
Столбец 9	0,57290168	0,53317111	0,70083684	0,82105573	0,67611492	0,86340968	0,4476937	0,65106343	1

В контексте данной работы мы не учитываем корреляцию между столбцом 2 (методика «Я-женщина») и столбцом 3–9 (методика «Нормы женского поведения») т.к. методики под этими столбцами направлены на исследование одного (в рамках нашего исследования) феномена.

Существует заметная корреляция (0,63) между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 2 (методика «Я-женщина»), следовательно, можно сказать, что потребность в одобрении значительно влияет на женские гендерные установки и степень соответствия женским гендерным стереотипам, а одобрение такого поведения еще сильнее закрепляет гендерные установки.

Между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 3 (Шкала «установка на замужество и материнство» методики «Нормы женского поведения»*)* существует слабая корреляция (0,28), что показывает низкую взаимосвязь между потребностью в одобрении и установкой на замужество и материнство.

Между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 4 (Шкала «стремление быть хорошей хозяйкой» методики «Нормы женского поведения») существует умеренная корреляция (0,47), соответственно мы можем предположить, что женщины-респонденты в той или иной степени стремятся быть «хозяйственными» для получения одобрения (уважения, признания, похвалы), одобрение такого качества способствует его закреплению.

Между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 5 (Шкала «значимость привлекательной внешности» методики «Нормы женского поведения») нет заметной корреляции (0,23; слабая). Это значит, что женщины не склонны добиваться одобрения своим внешним видом.

Существует заметная корреляция (0,59) между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 6 (Шкала «готовность заботиться о семье и близких людях» методики «Нормы женского поведения»). Это может означать, что жертвенное, сострадательное отношение к близким, к семье будет более одобряемым, чем обратное. Одобрение же таких действий (или такой позиции) будет еще больше закреплять подобное поведение/мнение.

Между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 7 (Шкала «мягкость, чувствительность» методики «Нормы женского поведения») прослеживается слабая корреляция (0,30), что говорит об незначительной связи потребности в одобрении и более скромного, мягкого, сентиментального проявления женщины в обществе.

Умеренная корреляция (0,34) прослеживается между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 8 (Шкала «Зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами» методики «Нормы женского поведения»). Это говорит о том, что время от времени женщины получают одобрение вследствие более уязвимого и зависимого поведения с мужчинами и наоборот.

Прослеживается заметная корреляция (0,57) между столбцом 1 («Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна») и столбцом 9 (Шкала «Приверженность традиционалистским нормам женского поведения»). Столбец 9 является итоговой шкалой методики «Нормы женского поведения», включающей в себя итоговую сумму баллов по всем шкалам. Это говорит о том, что потребность в одобрении значительно влияет на то, какому виду норм женского поведения человек будет придерживаться, здесь все зависит от показателей: если потребность в одобрении будет высокой, то тип поведения будет стремиться к традиционалистскому, если будет низкой – к современному. Наоборот, если женщина придерживается традиционных норм поведения, то ее потребность в одобрении, предположительно, будет выше, чем у женщины с современным типом поведения (табл. 2).

Таблица 2. Описательная статистика

Столбец 1		Столбец 2		Столбец 9	
Среднее	8,21875	Среднее	5,5625	Среднее	70,5625
Стандартная ошибка	0,637748015	Стандартная ошибка	0,542428641	Стандартная ошибка	2,212928244
Медиана	7,5	Медиана	5	Медиана	70
Мода	7	Мода	4	Мода	66

Окончание

Столбец 1		Столбец 2		Столбец 9	
Стандартное отклонение	3,607647567	Стандартное отклонение	3,068439763	Стандартное отклонение	12,51821254
Дисперсия выборки	13,01512097	Дисперсия выборки	9,415322581	Дисперсия выборки	156,7056452
Эксцесс	–0,782122897	Эксцесс	–0,983588381	Эксцесс	–0,470068547
Асимметричность	0,325288551	Асимметричность	0,292708519	Асимметричность	0,435995996
Интервал	13	Интервал	11	Интервал	45
Минимум	2	Минимум	1	Минимум	50
Максимум	15	Максимум	12	Максимум	95
Сумма	263	Сумма	178	Сумма	2258
Счет	32	Счет	32	Счет	32

По столбцу 1 (Выраженность потребности в одобрении).

Среднее (8,22); Медиана (7,5); Мода (7): Участники демонстрируют среднюю мотивацию к одобрению. «Особенности поведения свидетельствуют о желании выглядеть в глазах окружающих вполне адекватно» [4].

Стандартное отклонение (3,61): Рассеивание значений умеренное, что говорит о наличии разброса результатов среди респондентов.

Асимметричность (0,33): Легкая положительная асимметрия может указывать на наличии в выборке небольшой части респондентов с достаточно высокой потребностью в одобрении

Минимум (2) – самый меньший результат среди респондентов соответствует низкому уровню мотивации в одобрении.

Максимум (15) – самый высокий результат по выборке соответствует высокой мотивации в одобрении. Высокая потребность в одобрении, человек может быть либо неискренним, либо пытаться быть «кем-то другим».

По столбцу 2 («Я-женщина»; приверженность гендерным установкам).

Среднее значение (5,56); Мода (4); Медиана (5): большинство респондентов не соответствует гендерному стереотипу.

Стандартное отклонение (3,07): Умеренный разброс указывает на наличие групп как с высокой, так и с низкой приверженностью стереотипам и установкам.

Асимметричность (0,29): Небольшая положительная асимметрия указывает на то, что более высокая приверженность может встречаться реже.

Минимум (1) – низкий уровень; говорит о том, что личность не характеризует себя как соответственную гендерному стереотипу.

Максимум (12) – средний уровень; личность отвергает либо не осознает свои собственные гендерные характеристики.

По столбцу 9 (Шкала «Приверженность традиционным нормам женского поведения»; Итоговая шкала методики «Нормы женского поведения).

Среднее значение (70,56); Мода (66); Медиана (70): Низкий показатель указывает на приверженность большинства к современным (эгалитарным) нормам женского поведени.

Стандартное отклонение (12,52): демонстрирует большие различия и неоднородность ответов среди участников (может быть в силу возрастного диапазона).

Асимметричность (0,44): Умеренная положительная асимметрия указывает на наличие группы с относительно высокой приверженностью нормам (относительно группы; соответствует среднему уровню).

Минимум (50) – низкий уровень; приверженность эгалитарному/современному типу гендерных норм, независимость от норм, стереотипов женского поведения.

Максимум (95) – средний уровень; респондент может придерживаться как традиционалистских, так и современных, свободных от гендерных стереотипов.

В целом, среди выборки наблюдается тенденция к снижению влияния гендерных стереотипов при наличии значительной вариативности взглядов (которая может возникать из-за большого возрастного разброса среди женщин-респондентов). Результаты показывают, что участники демонстрируют умеренную потребность в одобрении, с небольшим числом участников, испытывающих высокую мотивацию в одобрении. По приверженности традиционным нормам женского поведения выявлено преобладание современных взглядов, т.е. большинство участниц не идентифицируют себя с традиционными гендерными стереотипами. Под влиянием различных социальных институтов женщина начинает использовать гендерные стереотипы в свою пользу. В силу того, что такое поведение социально одобряемо, женщины вольно или невольно начинают пытаться получить это одобрение, изменяя свое поведение, внешность, действия, а иногда и образ мышления. Результат исследования частично подтверждает нашу гипотезу о том, что приверженность к нормам женского поведения прямо пропорционально зависит от выраженности потребности в одобрении.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности использования полученных данных для разработки программ, направленных на повышение осведомленности о гендерных стереотипах и их влиянии на личность.

Литература

1. Везетиу В.В. Гендерная социализация личности: теоретический аспект / В.В. Везетиу, Л.В. Бура // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–2. С. 307–309.
2. Гостенина В.И. Управление профессиональной социализацией женщин в условиях гендерной мизогинии в массовой культуре повседневности / В.И. Гостенина, Е.Ю. Сычева, Г.В. Макарова // Российский экономический вестник. 2020. № 6. С. 281–287.
3. Кашина М.А. Ролевой конфликт работающей женщины и его преодоление как предмет научных исследований и задача гендерной политики / М.А. Кашина, И.С. Клецина // PolitBook. 2023. № 4. С. 22–34.
4. Кисляков П.А. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи / П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, М.О. Алек-

сандрович // Образование и наука. 2020. № 10. С. 116–138.
5. Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения / Ю.А. Клейберг. – Москва: ВИТА-Пресс, 1997. – 140 с.
6. Клецина И.С. Гендерные нормы как социально-психологический феномен / И.С. Клецина, Е.В. Иоффе. – Москва: Проспект, 2017. – 144 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NEED FOR APPROVAL AND ADHERENCE TO THE NORMS OF FEMALE BEHAVIOR IN WOMEN

Shukshina L.V., Mayorova M.A.
Plekhanov Russian University of Economics

Studying the relationship between the norms of female behavior and the need for approval allows us to fully understand the gender development of society, and develop strategies to overcome gender inequality and get rid of stereotypes. Approval acts as a tool for evaluating and monitoring public life and as a motivation tool. Gender norms depend on gender and are attributed to a person solely on this basis. Women try to conform to the gender norms attributed to them in order to gain approval and avoid public censure. Changing one's behavior in order to conform to gender stereotypes under the onslaught of public institutions can lead to a decrease in self-esteem, stress, fear of public disapproval, distortion of ideas about one's purpose and, in general, to a change in perception, loss of autonomy and the emergence of destructive social behavior. The article presents an analysis of the relationship between the need for approval and adherence to the norms of female behavior in women.

Keywords: need for approval, adherence to norms, female behavior, gender, gender, social norms.

References

1. Vesetiu, V.V. Gender socialization of personality: a theoretical aspect / V.V. Vesetiu, L.V. Bura // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 67–2. pp. 307–309.
2. Gostenina, V.I. Management of professional socialization of women in the context of gendeL.r misogyny in the mass culture of everyday life / V.I. Gostenina, E.Y. Sycheva, G.V. Makarova // Russian Economic Bulletin, 2020, No. 6, pp. 281–287.
3. Kashina, M.A. The role conflict of a working woman and its overcoming as a subject of scientific research and a task of gender policy / M.A. Kashina, I.S. Kletsina // PolitBook. – 2023. – No. 4. – pp. 22–34.
4. Kislyakov P.A. Moral grounds and social norms of safe prosocial behavior of youth / P.A. Kislyakov, E.A. Shmeleva, M.O. Alexandrovich // Education and Science. 2020. No. 10. pp. 116–138.
5. Kleiberg, Yu.A. Social norms and deviations / Yu.A. Kleiberg. – Moscow: VITA-Press, 1997. – 140 p.
6. Kletsina, I.S. Gender norms as a socio-psychological phenomenon / I.S. Kletsina, E.V. Ioffe. – Moscow: Prospekt Publ., 2017. – 144 p.

Восприятия сотрудниками типа темперамента руководителя

Балобанова Наталья Петровна,
кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей биологии и фармации, Университет «Синергия»

Быстрова Ирина Валерьевна,
старший преподаватель кафедры общей биологии и фармации, Университет «Синергия»; старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Российский государственный университет социальных технологий
E-mail: biv238@mail.ru

Часто при увеличении штата сотрудников возникают проблемы по восприятию личности руководителя, так как на предприятии работает большое количество неоднородных людей и процесс восприятия сильно влияет на эффективность деятельности как подчиненных, так и руководителя. В данной статье мы рассматриваем восприятия сотрудниками темперамента и стиля руководителя компании. Для изучения данного вопроса были отобраны методики и проведен контент – анализ (интервью) на базе двух компаний. Исследование проводилось в вечернее время после работы и длилось шесть месяцев, так как со стороны сотрудников и руководителей отмечалось сильное сопротивление в проведении исследования. В результате проведённого исследования выявлено, что сотрудники с разными типами темперамента воспринимают стиль руководителя и его темперамент неоднозначно.

Ключевые слова: восприятие, тип темперамента, руководитель, восприятие сотрудниками, социально-корпоративная дистанция.

Введение

При взаимодействии в совместной деятельности руководителя и сотрудников важно не только взаимопонимание, т.е. восприятие человека человеком и изучение особенностей межличностной перцепции, но и выстраивание дистанции между руководителем и подчиненными. Руководитель сам выстраивает дистанцию с подчиненными. При отсутствии дистанции нарушается субординация (положение сотрудника в иерархии организации). Сотрудники перестают воспринимать руководителя, как руководителя. В данной статье под дистанцией будем понимать социально-корпоративную дистанция, которая зависит от личностных особенностей и отношения руководителя и сотрудников и корпоративной культуры в компании.

Восприятие здесь играет одну из важных функций взаимодействия руководителя и сотрудников. На основе восприятия человека человеком формируется представление о намерениях, мыслях, способностях, установках. Этот процесс в межличностной перцепции осуществляется с двух сторон: каждый из партнеров по общению уподобляет себя другому [1] Человек воспринимает в первую очередь то, что соответствует его интересам и потребностям [2]. В отечественной литературе в качестве синонима «восприятие другого человека» употребляется выражение «Познание другого человека» [1]. Сотрудники познают личностные качества руководителя его темперамент. В свою очередь, для эффективного взаимодействия с сотрудниками руководителю необходимо разбираться в типах темперамента своих подчиненных и лично в своем типе темперамента. Типы темперамента основаны на учении знаменитого русского и советского физиолога, создателя науки о высшей нервной деятельности И.П. Павлова [3]. По И.П. Павлову темперамент есть проявление типа нервной системы в деятельности, поведения человека Выделяют следующие типы темперамента: сангвиник – сильный, уравновешенный, подвижный тип («живой», по И.П. Павлову – сангвинический темперамент, флегматик-сильный, уравновешенный, инертный тип («спокойный», по И.П. Павлову – флегматический темперамент, холерик-сильный, неуравновешенный, с преобладанием возбуждения («безудержный» тип, по И.П. Павлову – холерический темперамент), меланхолик-слабый тип («слабый», по И.П. Павлову – меланхолический темперамент) (https://syntone.ru/psy_lib/tipy-temperamenta-i-p-pavlova/) Знать свой ведущий тип темперамента и понимать тип темперамента своих подчиненных – одна из задач эффективного руководителя.

Методика проведения исследования

Для проведения данного исследования была использована методика: личностный опросник Айзенка. Используя данные обследования по шкалам экстра-интравертизм и нейротизма можно вывести показатели темперамента личности по классификации Павлова, который описал четыре классических типа:

- Сангвиник – по основным свойствам центральной нервной системы характеризуется как сильный, уравновешенный, подвижный.

- Холерик – сильный, неуравновешенный, подвижный
- Флегматик – сильный, уравновешенный, инертный
  Меланхолик – слабый, неуравновешенный, инертный [4].

Опросник Х.Шмишека на основе концепции «акцентуированных личностей» К.Леонгарда. Предназначен для диагностики акцентуированных типов личности Акцентуации личности – это чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, проявление которых во многом зависит от темперамента человека, они представляют собой крайние варианты норм, граничащие с психотипами (патологиями характера с необратимой выраженностью свойств, препятствующих адекватной адаптации к среде) [5].

С помощью тест-опросника «стиль руководства» Е.П. Ильина были выявлены стили у руководителей компаний. В данном исследовании был применен контент-анализ (интервью) Контент-анализ – это формализованный метод изучения текстовой и графической информации, заключающийся в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке [6]. А также выявлена социально-корпоративная дистанция между руководителем и сотрудниками.

Результаты исследования

В данном эмпирическом исследовании участвовали сотрудники двух компаний. Приняло участие 30 человек в возрасте от 25 до 52 лет, средний возраст испытуемых 32 года. Гендерный состав выборки: 69% мужчин и 31% женщин, Исследование проводилось в компаниях вечером в отдельном помещении или на рабочем месте сотрудников. Участвовали руководители подразделений, менеджеры и руководители компаний.

Обсуждение результатов

В процессе исследования было выявлено, что руководители компаний бессознательно назначают руководителей подразделений схожих по психотипу с руководителем компании.

Так в результате работы было отмечено, что руководитель – сангвиник имеет в руководящем составе сотрудников эмоционально стабильных и экстравертивных (т.е. сангвиников).

Так же было отмечено, что руководители – сангвиники предпочитают выбирать (назначать) в помощники сотрудников эмоционально устойчивых и интровертированных (флегматик). Руководитель – гипертимный демонстратор (по методике Леонгарда) назначал руководителями подразделений сотрудников, которые (по методике Леонгарда) являлись гипертимными демонстраторами, которые характеризовались высокой активностью, предприимчивостью, демонстративностью поведения. При помощи контент-анализа (интервью) у сотрудников было выявлено мнение о руководителе компании и стиль руководства. Было отмечено, что сангвиник-сотрудник, который находится на определенной дистанции от руководителя-сангвиника воспринимает его личностные качества и руководство как негативные, сангвиник – сотрудник который приближен к сангвинику-руководителю воспринимает его неоднозначно (50% позитивно, 50% негативно). Сангвиник-сотрудник, который отдален от сангвиника-руководителя воспринимает его действия и личностные качества позитивно. Холерик-сотрудник воспринимает сангвиника-руководителя позитивно. Меланхолик-сотрудник воспринимает сангвиника-руководителя позитивно.

По тесту-опроснику «стиль руководства» у руководителей компаний был отмечен демократично-авторитарный стиль. Оказалось, что восприятия стиля руководителя зависит от отношения и личностных особенностей подчиненных. Так, восприятие авторитарного стиля зависит от личностных параметров, а демократический стиль – от отношения, т. е отношения формируют оценку и представление о стиле у подчиненных.

Уровень и характер отношения определяют, как воспринимают люди своего руководителя. Оказывается, что стиль руководителя очень субъективная оценка, исходя из многих других психологических факторов.

При помощи контент-анализа у подчиненных было выявлено, как они воспринимают стиль руководства компании. Так, сангвиник-сотрудник, который находится на определенной дистанции к руководителю, воспринимает стиль руководства как авторитарный. Сангвиник-сотрудник, который приближен, авторитарно-демократичный. Сангвиник-сотрудник, который находится на дистанции от руководителя воспринимает стиль руководства как демократичный. Флегматик-сотрудник воспринимает стиль руководства неоднозначно, флегматик-сотрудник, который отдален от руководителя считает, что – это авторитарный стиль, флегматик-сотрудник, который средне приближен, воспринимает стиль руководства 50% авторитарный, 50% демократический. Холерик-сотрудник воспринимает стиль как авторитарно-демократичный. Меланхолик-сотрудник – как авторитарный стиль.

Основные результаты и выводы

Сотрудники, у которых проявляются такие личностные особенности, как решительность, эмоциональная устойчивость, которые менее воспринимающие и уверенные в себе благоприятно воспринимают демократический стиль руководства. Негативное восприятие отмечалось у сотрудников с эмоциональной неустойчивостью. Авторитарный стиль руководства воспринимается сотрудниками, у которых проявляется феномен «социальной желательности», т.е. сотрудники будут давать только «социально желательные» ответы при авторитарном стиле руководства.

В процессе исследования было выявлено, что руководители бессознательно назначают руководителей подразделений схожих по психотипу с руководителем компании.

Было отмечено, что сотрудники (сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик) воспринимают сангвиника-руководителя по-разному и неоднозначно. Таким образом, стиль и тип темперамента руководителя компании воспринимается сотрудниками неоднозначно.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев – М.:, 2023. – 198 с. ISBN 978-5-458-36624-3
2. Межличностное восприятие в группе. Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова, М.: МГУ, 1991. –205 с.
3. Голованова К.В. Темперамент как основа характера. Ваш тип. Неизбежность или возможность?. Изд-во: Бахрах-М, 2023. – 176 с. (Офсет). ISBN 978-5-94648-163-2
4. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности – монография А.Д. Ишкова, 4-е издание, стереотипное, издательство «Флинта», 2025 год. ISBN: 978–5–9765–1631–1.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д., «Феникс», 2000.-544 с.

6. Дмитриев И. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры. – М., 2005

EMPLOYEES' PERCEPTION OF THE TYPE OF MANAGER'S TEMPERAMENT

Balobanova N.P., Bystrova I.V.
Synergy University, Russian State University of Social Technologies

Often, when increasing the number of employees, problems arise in the perception of the personality of the manager, since a large number of heterogeneous people work at the enterprise and the perception process greatly affects the performance of both subordinates and the manager. In this article, we consider the perceptions of the temperament and style of the company's manager by employees. To study this issue, methods were selected and content analysis (interviews) were conducted at two companies. The study was conducted in the evening after work and lasted six months, since strong resistance to the study was noted on the part of employees and managers. The study revealed that employees with different types of temperament perceive the style of the leader and his temperament ambiguously.

Keywords: perception, type of temperament, leader, employee perception, social and corporate distance.

References

1. Bodalev A.A. Perception and understanding of man by man / A.A. Bodalev – M.:, 2023. – 198 p. ISBN 978-5-458-36624-3
2. Interpersonal perception in a group. Edited by G.M. Andreeva and A.I. Dontsov, Moscow: Moscow State University, 1991. –205 p.
3. Golovanova K.V. Temperament as the basis of character. Your type. An inevitability or an opportunity?. Publishing house: Bakhrach- M., 2023. – 176 p. (Offset). ISBN 978-5-94648-163-2
4. Student's educational activity: psychological factors of success – monograph by A.D. Ishkov, 4th edition, stereotypical, Flinta publishing house, 2025. ISBN: 978–5–9765–1631–1.
5. Leonhard K. Accentuated personalities. Rostov n/A, "Phoenix", 2000. – 544 p.
6. Dmitriev I. Content analysis: essence, tasks, procedures. Moscow, 2005.

Социологические инструменты оценки конкурентоспособности управляющей компании в муниципалитетах

Гостенина Валентина Ивановна,
доктор социологических наук, профессор, ВРИО завкафедрой социологии и социальной работы, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
E-mail: v.gostenina@yandex.ru

Гузеев Андрей Николаевич,
аспирант направления подготовки «Социологические науки», кафедра социологии и социальной работы, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»
E-mail: 370343@list.ru

Мельников Сергей Леонидович,
кандидат педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»
E-mail: 1prbgu@mail.ru

Статья посвящена оценке эффективности реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в России, проведённой в 1992–2005 гг., с акцентом на удовлетворённость населения качеством услуг управляющих компаний (УК). Во введении обоснована актуальность исследования, связанная с необходимостью формирования сбалансированной модели взаимодействия между собственниками жилья, УК и муниципальными органами. Цель работы – анализ результатов реформы через призму социологического исследования, проведённого методом фокусированного группового интервью. В качестве объекта исследования выступили жители Брянской области, обслуживаемые тремя управляющими компаниями. Выборка включила 24 респондента, разделённых на три фокус-группы. Методы исследования включали разработку гайда интервью для оценки уровня удовлетворённости качеством услуг ЖКХ, сбор данных в декабре 2024 г. и их последующий качественно-количественный анализ. Результаты показали умеренный уровень удовлетворённости (3,5–3,8 балла из 5). Выявлены системные проблемы: рост тарифов, низкая информированность жителей о своих правах, коррупция, задержки в устранении аварий (водоснабжение, электроснабжение, вывоз мусора). Отмечены трудности коммуникации с УК, включая недоступность сотрудников и невыполнение обязательств. В обсуждении подчёркивается необходимость совершенствования кадровой политики УК, внедрения клиентоориентированного подхода, повышения прозрачности тарифов и информированности населения. Ключевыми факторами конкурентоспособности УК названы качество окружающей среды, безопасность, доступность услуг и цена. Авторы делают вывод о недостаточной вовлечённости муниципалитетов в решение проблем ЖКХ и предлагают меры по интеграции цифровых инструментов обратной связи, обучению персонала и системному реформированию нормативной базы.

Ключевые слова: услуги ЖКХ, управление многоквартирными домами, управляющая компания, фокусированное групповое интервью, оценка качества услуг.

Введение

Современный муниципалитет представляет собой сложную социально-экономическую систему, в которой взаимоотношения между жителями, органами местного самоуправления и коммерческими структурами формируют общий уровень благополучия и социального развития. Управляющая компания, работая в сфере жилищно-коммунального хозяйства, выполняет не только технические, но и социально значимые функции, определяя качество жизни населения и формируя доверие к местным институтам. Для оценки конкурентоспособности такой организации необходимо учитывать не только экономические показатели, но и социологические характеристики, связанные с удовлетворенностью жителей, прозрачностью коммуникаций и уровнем ответственности перед местным сообществом. Конкурентоспособная управляющая компания способна не только предоставлять качественные услуги, но и выстраивать долгосрочные доверительные отношения с группами интересов. Поэтому социологические методы анализа становятся все более актуальными при оценке возможностей управляющих компаний укреплять свои позиции на муниципальном рынке.

В условиях постоянно меняющихся требовательностей населения и быстро эволюционирующих нормативно-правовых правил качественные и количественные характеристики конкурентоспособности требуют комплексного рассмотрения. Важно понимать, что социальная среда влияет на восприятие управляющей компании, а эффективность принимаемых решений напрямую связана с общественным мнением и уровнем вовлеченности граждан в разного рода активность. Методы анкетирования, интервьюирования и фокус-групп позволяют определить, насколько жители удовлетворены услугами конкретной управляющей компании. Кроме того, социологический анализ служит инструментом для выявления групповых интересов и ожиданий, которые формируются под воздействием местной культуры, демографической ситуации и экономических возможностей [1]. Однако стоить учесть, что социальные установки могут меняться динамически, поэтому оценивать конкурентоспособность управляющей компании нужно регулярно, с применением современных методологических подходов.

Материалы и методы исследования

Особого внимания заслуживает репутация управляющей компании, которая является важным элементом ее конкурентоспособности. Репутация формируется под влиянием опыта взаимодействия граждан с сотрудниками компании, прозрачности отчетности и результативности в решении проблем, возникающих в процессе управления жилищным фондом. Социологические опросы помогают понять степень удовлетворенности жильцов и выявить проблемные зоны, в которых руководство компании не оправдывает ожиданий или демонстрирует недостаточный уровень компетентности [4]. Репутация напрямую влияет на то, будет ли компания получать новые контракты и поддерживать лояльность уже имеющихся

клиентов. В случае негативных отзывов риск снижения конкурентных позиций возрастает, а это в конечном счете отражается на финансовых показателях и долгосрочных перспективах компании, особенно в условиях муниципального рынка.

Результаты и обсуждение

Существуют различные факторы, влияющие на конкурентоспособность управляющих компаний. Во-первых, это качество предоставляемых услуг. Под качеством понимается своевременное выполнение ремонтных и профилактических работ, корректная организация вывоза мусора, соблюдение санитарных норм и общее улучшение внешнего облика придомовых территорий. Во-вторых, ценовая политика играет заметную роль, так как население зачастую ориентируется на величину коммунальных платежей и возможность экономии. Но одним из ключевых факторов становится степень взаимодействия компании с жителями, то есть организационные и коммуникативные аспекты управления, которые позволяют администраторам не только решать возникающие проблемы, но и предупреждать их [9]. Лукой отлаженной обратной связи можно добиться повышения доверия и укрепления репутации на рынке жилищно-коммунальных услуг, где прямое взаимодействие с конечным потребителем имеет первостепенное значение.

Привлечение инноваций и современных технологий становится отличительной чертой действительно конкурентоспособных организаций. Это может быть внедрение онлайн-порталов для подачи заявок на ремонт, системы дистанционного контроля за коммунальными услугами или использование интеллектуальных счетчиков, которые позволяют проводить точный учет ресурсов. Каждый такой инструмент способствует повышению прозрачности деятельности управляющей компании и облегчает взаимодействие с жильцами [7]. Более того, инновации помогают оптимизировать затраты, что благотворно сказывается на стоимости услуг и позволяет привлекать к сотрудничеству более широкую группу потребителей. Кроме того, цифровизация помогает собирать аналитические данные и оперативно реагировать на изменения во мнениях и предпочтениях граждан, что важно с точки зрения социологической оценки конкурентоспособности.

В социологическом исследовании необходимо акцентировать внимание на уровне доверия к управляющей компании со стороны различных социальных групп: молодых семей, пенсионеров, жителей с разным уровнем образования и дохода. Доверие зависит не только от результатов работы, но и от того, насколько качество услуг соответствует ожиданиям людей и их представлениям о справедливом распределении затрат. При этом формирование позитивного восприятия управляющей компании происходит комплексно: важно, чтобы сотрудники проявляли уважение к нуждам жителей, предоставляли своевременную информацию и демонстрировали компетентность. Публичные отчеты, встречи с жильцами, публикации в местных СМИ и официальных каналах, таких как сайты администрации, способствуют укреплению доверия [2]. Но при этом необходима постоянная рефлексия и корректировка стратегии, так как потребности населения могут меняться быстрее, чем структуры управления успевают реагировать на них.

Ремонт и содержание жилого фонда – одна из наиболее заметных сфер деятельности управляющей компании в муниципалитете. Если компания осуществляет эти работы качественно и в установленные сроки, у жителей не возникает поводов для жалоб, а снижается вероятность возникновения конфликтных ситуаций. Однако проблемы, связанные с затягиванием ремонтных работ или некачественным исполнением обязательств, моментально становятся достоянием общественности и могут серьёзно ударить по репутации. Люди активно обсуждают такие случаи в социальных сетях, на собраниях и в личных беседах, что влияет на формирование устойчивого, а порой и негативного образа управляющей организации в публичном поле [5]. В условиях цифрового времени эти негативные мнения распространяются очень быстро, влияя на решение потенциальных клиентов о заключении договоров с компанией.

Финансовая стабильность управляющей компании оказывает непосредственное влияние на ее конкурентоспособность. Устойчивый финансовый поток позволяет своевременно выплачивать зарплату сотрудникам, закупать материалы для ремонтных работ и инвестировать в обучение персонала. Если в компании присутствуют проблемы с финансами, то это может приводить к системным сбоям и, соответственно, к замедлению выполнения обязательств, что опять же отражается на удовлетворенности граждан. Наличие долгов перед ресурсоснабжающими организациями или проблемы с задолженностями жильцов вынуждают компанию перенаправлять ресурсы, в результате чего снижается качество обслуживания. Поэтому управление финансами и прозрачность бюджетирования становятся критически важными элементами устойчивой конкурентоспособности. Чем выше уровень прозрачности в финансовых вопросах, тем выше доверие местного сообщества и органов контроля, что, в свою очередь, положительно отражается на рейтинге компании на рынке.

Неотъемлемой частью конкурентоспособности становится кадровое обеспечение. Компетентные и мотивированные сотрудники служат важной опорой для управляющей компании, поскольку именно они составляют «лицо» организации в глазах местных жителей. При этом квалификация специалистов ЖКХ напрямую влияет на оперативность и уровень предоставляемых услуг. Социологические исследования кадрового состава компании позволяют выявить потенциал для роста, определить слабые места в обучении и мотивации персонала, а также способствуют формированию благоприятной внутренней культуры. Если сотрудники чувствуют поддержку и видят перспективы карьерного развития, они с большой вероятностью будут придерживаться высоких стандартов работы, что положительно скажется на имидже компании в муниципалитете [6]. С другой стороны, текучесть кадров и низкий уровень квалификации ведут к сбоям в процессах управления, теряют доверие жителей и снижают конкурентные преимущества.

Важным аспектом социологической оценки конкурентоспособности является изучение общественного мнения в динамике. Результаты, полученные в ходе опросов или интервью на начальном этапе, могут существенно отличаться от данных, собранных спустя год или два. Это связано с тем, что жизнь муниципалитета непрерывно эволюционирует: меняются приоритеты жителей, возникают новые проблемы и потребности, а взаимодействие с внешними факторами вносит свои коррективы. Регулярный мониторинг общественного восприятия позволяет управляющей компании корректировать стратегию, улучшать взаимодействие с населением и избегать множества проблем благодаря своевременной обратной связи, что способствует укреплению ее конкурентоспособности. Таким образом, использование социологических методов не ограничивается единичным исследованием, а становится постоянным инструментом в работе компании.

Практика показывает, что наличие конфликтов между управляющей компанией и жильцами негативно сказывается на конкурентоспособности. Социология предлагает различные методы профилактики конфликтных ситуаций. Один из них – создание общественных или экспертных советов при управляющей компании, куда входят представители жильцов, общественных организаций, местной администрации. Такие советы способствуют открытию канала коммуникации и обеспечивают жителей возможностью участвовать в принятии управленческих решений. Это, в свою очередь, вызывает чувство сопричастности к процессам управления, что повышает доверие к компании [3]. Важно, чтобы на заседаниях советов вопросы, волнующие граждан, действительно рассматривались, а не откладывались в долгий ящик. Таким образом, профилактика конфликтов и укрепление взаимопонимания между управляющей компанией и обществом напрямую влияют на конкурентные преимущества.

Законодательная база в сфере жилищно-коммунального хозяйства оказывает серьезное воздействие на конкурентоспособность управляющих компаний. Органы местного самоуправления, руководствуясь федеральными и региональными нормами, формируют правила игры, которые должны строго соблюдаться всеми участниками рынка. Несоблюдение этих правил грозит компаниям штрафами и потерей лицензии, что автоматически ставит под угрозу их деятельность. Однако нередко законодательные изменения принимаются довольно быстро, а их исполнение требует от компаний значительных усилий по адаптации, включая переподготовку персонала, реорганизацию бизнес-процессов и внедрение новых стандартов отчетности. Именно в этот период социологические исследования помогают понять, как изменения воспринимаются жителями, и скорректировать подход к предоставлению услуг, чтобы сохранить лояльность граждан и укрепить позиции в конкурентной среде [8]. Правильный правовой мониторинг и своевременная реакция на законодательные корректировки становятся залогом сохранения стабильности и роста в условиях непрерывно реформирующегося ЖКХ.

Кроме формальных показателей, связанных с техническими и экономическими аспектами, большое значение имеет субъективное ощущение справедливости. Управляющая компания может предоставлять те же услуги, что и конкуренты, по тем же ценам, но если у граждан складывается впечатление, что они платят больше, чем получают взамен, уровень доверия снижается. Социологический анализ восприятия справедливости и ценовой доступности помогает выявить глубинные причины неудовлетворенности услугами или тарифной политикой [1]. Часто может оказаться, что сами люди не обладают полной информацией о том, как формируются тарифы и на что идут собранные средства. Поэтому обеспечение прозрачности, регулярные отчеты о расходовании и взаимодействие с локальными медиа становятся механизмами управления общественным мнением, который тоже влияет на конкурентоспособность управляющей компании.

Большую роль в формировании конкурентоспособности играют программные инициативы по совершенствованию городской среды. Муниципальные власти часто выступают инициаторами проектов по благоустройству, строительству новых объектов инфраструктуры или модернизации уже существующих. Управляющие компании, которые подключаются к реализации подобных программ, могут получить дополнительные выгоды в виде положительной репутации, материальной поддержки или приоритетного доступа к новым контрактам. Но важно, чтобы эти инициативы не превращались в формальность, а действительно соответствовали потребностям жителей и способствовали повышению качества городской среды. Социологический мониторинг мнений граждан по поводу эффективности таких программ позволяет оценить их результативность и своевременно скорректировать направление развития.

Присутствие здоровой конкуренции среди управляющих компаний побуждает каждую организацию стремиться к повышению качества своих услуг. Однако иногда муниципальный рынок характеризуется монополизацией или резким ограничением выбора для жителей. В таких условиях управленческий интерес к социологической оценке конкурентоспособности может ослабевать, так как жители не могут сменить компанию, а у последней отсутствует мотивация развиваться. Тем не менее даже в условиях ограниченной конкуренции компания должна поддерживать определенный уровень качества обслуживания, чтобы не вызывать массовых протестов, жалоб или надзорных мероприятий со стороны государства. Социологические данные, собранные посредством регулярных опросов, позволяют выявлять скрытые зоны напряжения и реагировать на них до того, как ситуация выйдет из-под контроля. Это способствует более гармоничному развитию муниципалитета и удерживает баланс интересов.

Значимый момент для понимания конкурентоспособности в муниципалитете – анализ взаимодействия управляющей компании с органами местного самоуправления. Взаимодействие может развиваться в нескольких плоскостях: от конструктивного сотрудничества до скрытого или явного противостояния. Если администрация видит в управляющей компании надежного партнера, заинтересованного в реализации общих целей, то и сами чиновники могут способствовать продвижению компании на рынке. В противном случае, при наличии конфликта интересов или недостатках в коммуникации, управляющая компания рискует столкнуться с бюрократическими барьерами, которые усложняют доступ к необходимым ресурсам или задерживают прохождение документов [8]. Социологические исследования фокусируются на том, как жители и представители местной власти оценивают данное сотрудничество, выявляя факторы успеха или причины напряженности.

Важна и демографическая картина муниципалитета. Если в городе или поселке преобладает пожилое население, может потребоваться особый подход к информированию жильцов, предоставлению льготных условий оплаты или организации программ благоустройства, учитывающих потребности людей с ограниченными возможностями передвижения. Для молодых семей, в свою очередь, на первый план могут выходить вопросы безопасности детских площадок, доступности дошкольных учреждений и удобства проживания. Управляющая компания, понимая специфику населения, может адаптировать структуру обслуживания и коммуникационные каналы для каждой социальной группы [1]. Такой гибкий подход позволит привлечь и удержать клиентов разных возрастов и социальных статусов, создавая конкурентные преимущества.

Социальная вовлеченность управляющей компании в жизнь муниципалитета играет не меньшую роль, чем просто выполнение рабочих обязанностей. Организация может участвовать в экологических акциях, фестивалях, проектах по поддержке малоимущих и пожилых людей, формировать благоприятный климат в местном сообществе. Подобные инициативы повышают узнаваемость и популярность компании, демонстрируя ее ответствен-

ное отношение к потребностям людей и окружающей среде [4]. В результате жители начинают воспринимать ее не просто как исполнителя обязательств, а как полноценного партнера, заинтересованного в общей выгоде. Это особенно важно в муниципалитетах, где социальные связи более тесны, а мнение соседей и знакомых имеет значительный вес в принятии решений о выборе управляющей компании.

Не стоит забывать о роли средств массовой информации и социальных сетей в формировании общественного мнения. Любое событие, связанное с работой управляющей компании, может быстро обрасти комментариями в местных группах, форумах или стать сюжетом для теле– и радиопередач. Позитивные новости об успешном решении проблем укрепляют доверие, а негативные – вызывают шквал критики и упреки в бездействии или непрофессионализме. Поэтому социологический мониторинг целесообразно дополнять регулярным анализом информационного поля, чтобы отследить основные тенденции в настроениях жителей [9]. Умелая коммуникация с журналистами и блогерами позволяет избегать искажений фактов, своевременно опровергать ложные слухи и формировать благоприятный образ компании в медийном пространстве.

Говоря о взаимодействии с локальными СМИ, важно подчеркнуть, что пресс-релизы и официальные заявления – не единственный канал связи с жителями. Управляющим компаниям следует использовать прямые каналы коммуникации: электронную почту, мобильные приложения, социальные сети, встречи и личные приемы граждан. Все это даёт возможность оперативно реагировать на жалобы и вопросы, а также рассказывать о позитивных инициативах, которые реализуются в конкретном доме или микрорайоне. Если обратившийся гражданин мгновенно получает обратную связь и видит реальное движение в решении проблемы, уровень доверия растёт [2]. И напротив, отсутствие вразумительной реакции на запросы приводит к тому, что негативные комментарии о работе управляющей компании начинают множиться, порождая сомнения в ее компетентности и добросовестности.

Удержание и привлечение новых клиентов напрямую зависит от того, насколько компания умеет учитывать индивидуальные потребности. Например, пенсионеры могут быть заинтересованы в особых тарифах на оплату коммунальных услуг, молодые родители – в безопасных детских площадках, а люди с ограниченными возможностями – в доступной среде на придомовых территориях. Чем более гибко управляющая компания реагирует на эти запросы, тем сильнее она укрепляет свою репутацию [10]. Социологические опросы позволяют выявить ключевые приоритеты различных групп, определить уровень удовлетворенности и, при необходимости, откорректировать политику обслуживания и тарифы, чтобы сохранять устойчивые конкурентные преимущества.

Еще одним направлением исследования конкурентоспособности служит анализ эффективности внутренних структур и бизнес-процессов. В условиях рыночной экономики важно не только завоевать доверие граждан, но и сохранять экономическую жизнеспособность. Управляющая компания, обладая чёткой оргструктурой, системой мотивации персонала и эффективной логистикой выполнения работ, способна справляться с сезонами повышенной нагрузки, такими как весенние паводки или зимние снегопады, а также оперативно реагировать на аварийные ситуации. Социологические методы могут дополнять организационный аудит, помогая понять, как сотрудники взаимодействуют друг с другом, насколько быстро распространяется информация и как принимаются решения [3]. Это не только отражается на качестве услуг, но и формирует общее восприятие компании со стороны жителей, ориентирующихся на слаженность и профессионализм.

Традиционные социологические методы, такие как анкетирование, опросы и фокус-группы, сегодня дополняются цифровыми инструментами сбора и анализа данных. Интернет-площадки, мобильные приложения, системы онлайн-обращений – всё это помогает получать обратную связь практически в режиме реального времени. Агрегируя эти данные и проводя их статистическую обработку, можно получать картину настроений и потребностей жителей, выявлять зоны риска и отслеживать эффективность принятых мер. Такая комплексная система взаимодействия способствует формированию более точной социологической оценки конкурентоспособности, учитывающей как объективные, так и субъективные показатели [5]. Однако необходимо помнить, что не все жители активно пользуются цифровыми каналами, и некоторых случаях важно дополнительно применять традиционные методы сбора данных.

Значительную роль играет и межмуниципальный обмен опытом. Часто эффективности можно добиться, изучив, как в соседних районах управляющие компании решают те или иные проблемы, сравнив технологические новинки или социальные практики. Участие в форумах, конференциях и семинарах, посвящённых вопросам ЖКХ, даёт возможность встретиться с коллегами, экспертами и представителями органов власти, обсудить кейсы и выработать новые подходы. В результате у управляющей компании появляются идеи, как улучшить сервис, снизить себестоимость работ или выстроить более эффективную схему взаимодействия с жителями [5]. Социологические исследования в таком контексте позволяют понять, насколько успех этих нововведений будет воспринят положительно именно в своем муниципалитете и как адаптировать полученный опыт к локальным реалиям.

Кроме стандартных показателей, вроде уровня собираемости платежей или сроков выполнения заявок, в социологической оценке важно учитывать качество эмоциональной связи между компанией и жителями. Если граждане чувствуют, что компания действительно старается улучшить их жизнь, а не просто извлекает прибыль, возникает чувство сопричастности и готовность идти на компромиссы. Напротив, формальный подход, когда люди воспринимаются лишь как должники по коммунальным счетам, ведёт к росту отчуждения и недовольства [4]. Поэтому конкурентоспособность усиливается, если управляющая компания умеет поддерживать доверительные отношения с местным сообществом, проявляет эмпатию и готова признавать свои ошибки, исправляя их.

Важно учитывать особенности инфраструктуры муниципалитета. Если территория большая и рассредоточенная, возникает проблема удаленных домов, до которых не всегда оперативно доходят аварийные службы или ремонтные бригады. Для таких условий требуется разработка чёткой логистики и дополнительного материально-технического обеспечения. Если же муниципалитет представляет собой компактную территорию, где основная инфраструктура сосредоточена в центральной части, конкурентоспособной станет компания, способная поддерживать баланс между интересами жителей центра и окраин. Социологические исследования помогают выявить, где именно сосредоточены основные проблемы и как эффективно распределить ресурсы [2]. Правильно организованная работа с учётом локальных условий становится решающим фактором для сохранения лидирующих позиций на рынке.

Управляющая компания должна уметь работать в условиях информационной открытости, когда граждане обладают широкими возможностями для сравнения тарификаций и качества услуг у разных организаций. Появление независимых рейтингов, обзорных порталов и общественных приёмных делает процесс выбора компании более прозрачным. В такой среде социологическая оценка конкурентоспособности сводится к сбору отзывов, анализу жалоб и предложений, изучению динамики перехода жильцов от одной компании к другой. Чем лучше компания адаптируется к этим условиям, тем выше становится ее конкурентный потенциал [1]. Однако нужно отметить, что открытость порождает и риски: любая ошибка или задержка быстро становятся предметом публичной критики, и важно иметь эффективную систему кризисных коммуникаций.

Существует также фактор социальной ответственности бизнеса. Когда управляющая компания берет на себя обязательства, выходящие за рамки формально предписанных законом услуг, это может существенно укрепить ее репутацию. Речь идет о благотворительных акциях, экологических проектах, поддержке местных культурно-спортивных мероприятий. Подобные инициативы отражают стремление компании внести вклад в развитие муниципальной среды, а не ограничиваться сбором платежей за коммунальные услуги [2]. Такая социальная ответственность, подтверждаемая конкретными проектами, усиливает лояльность жителей и органов власти, что в конечном итоге позитивно сказывается на конкурентоспособности.

Важнейшие позиции в структурировании конкурентоспособности занимают факторы организационного развития. Если управляющая компания способна оперативно перестраиваться, реагируя на меняющиеся запросы населения, внедрять новые технологии и совершенствовать управленческие процедуры, она получает шанс не только сохранить, но и расширить свою долю рынка. В процессе подобных изменений люди должны видеть, что их потребности учитываются, а возникающие проблемы решаются комплексно. Социологические исследования, проводимые на разных этапах реформы, необходимы, чтобы понять, насколько изменения происходят успешно и какие барьеры мешают их реализации [10]. В случае своевременной корректировки своих стратегий компания приобретает репутацию гибкой и ориентированной на интересы клиентов, что становится важным плюсом в конкурентной гонке.

Социологическая оценка конкурентоспособности управляющей компании должна учитывать степень готовности руководства к коммуникации с внешними экспертами. Порой компания ограничивается внутренним взглядом, опирается только на собственные данные о количестве жалоб или оценках технического состояния домов, упуская скрытые конфликты и недовольство жителей. Привлечение независимых социологов, экспертов по городскому развитию и представителей некоммерческих организаций помогает обнаружить проблемы, которые не были очевидны на первый взгляд. Анализ мнений различных стейкхолдеров – от потребителей до местных политиков – дает возможность корректнее выстроить стратегию конкурентного продвижения [5]. При этом именно открытость к внешнему аудиту и саморегуляции часто расценивается как признак зрелости и ответственности управляющей компании.

Выводы

Учитывая все перечисленные аспекты, становится ясно, что конкурентоспособность управляющей компании в муниципалитетах – это многокомпонентная категория, где технические, экономические и социальные факторы тесно переплетены. Грамотный социологический анализ учитывает разнообразие интересов местных жителей, особенности инфраструктуры, законодательный контекст, состояние финансов и кадров, а также культурные и исторические традиции общественной активности [7]. При таком подходе компания способна вовремя обнаружить угрозы, возникающие на уровне негативных общественных настроений, непонимания требований законодательства или внутренних организационных слабостей.

В итоге можно сказать, что социологические исследования становятся необходимым элементом системы управления, направленной на укрепление конкурентных позиций управляющей компании. Они не только отражают текущее состояние дел, но и помогают прогнозировать будущее развитие рынка и ожидания местных сообществ. Анализ результатов опросов, интервью и наблюдений в динамике позволяет превратить вопрос конкурентоспособности из статического набора показателей в живой процесс непрерывного совершенствования [4]. В конечном итоге, компания, ориентированная на людей, способна не только выдержать конкуренцию, но и стать драйвером позитивных перемен в муниципалитете, повышая качество жизни населения, формируя доверие к институтам управления и способствуя конструктивному взаимодействию всех групп интересов.

Литература

1. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. 2007. – 288 с.
2. Гостенина В.И. Критический дискурс: коммуникативный код управления качеством жизни россиян. /В.И. Гостенина// Коммуникология. – 2016. – Т. 4, № 1. – С. 96–105.
3. Гузеев А.Н. Инновационные технологий управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства: проблемы и пути их решения. Экономические и гуманитарные исследования регионов. Экономика. Социология. Право 2022. № 5. С. 80–85
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь/ Г. Зиммель // Издательство: Новое Издательство. – 2018. – 112 с.
5. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об интернете, бизнесе и обществе М.: У – фактория, 2004. – 328с.
6. Токарская, Е.И. Проблемы и направления повышения экономической эффективности деятельности предприятий ЖКХ / Е.И. Токарская, О.С. Комарова // Colloquium-journal. – 2019. – № 22 (46). – С. 139–141
7. Руднева М.Я. Мотивация создания и функционирование молодой семьи в России (на материалах Московской области). Диссерт…канд. социол.н. Институт экономики сервиса Московского государственного университета сервиса. Москва. 2006.
8. Юдина Е.Н., Корнейчук М.С. Социальные сети Интернета как инструмент формирования среды доверия в организации. // Труд и социальные отношения. 2016. Т. 7. № 3. С. 115–128.
9. Щукина Н.П. К вопросу о результативности совершенствования независимой оценки качества условий оказания социальных услуг // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология

меняет мир», 20–21 марта 2019 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2019. – С. 238–243.
10. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас// Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. Санкт-Петербург: Университетская книга. 2001. – Т. 2. – 382с.

SOCIOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF A MANAGEMENT COMPANY IN MUNICIPALITIES

Gostenina V.I., Guzeev A.N., Melnnikov S.L.
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

The article is devoted to the evaluation of the effectiveness of the housing and communal services (HCS) reform in Russia carried out in 1992–2005, with an emphasis on the population's satisfaction with the quality of services provided by management companies (MCs). The introduction justifies the relevance of the study, which is related to the necessity of forming a balanced interaction model among homeowners, MCs, and municipal authorities. The aim of the work is to analyze the results of the reform through the lens of a sociological study conducted using the focus group interview method. The study object consisted of residents of the Bryansk region, served by three management companies. The sample included 24 respondents divided into three focus groups. The research methods included developing an interview guide to assess the satisfaction level with the quality of HCS services, data collection in December 2024, and their subsequent qualitative and quantitative analysis. The results indicated a moderate level of satisfaction (3.5–3.8 points out of 5). Systematic problems were identified: tariff increases, low awareness among residents of their rights, corruption, and delays in addressing emergencies (water supply, electricity supply, waste removal). Difficulties in communication with the MC were noted, including the inaccessibility of employees and the failure to meet obligations. The discussion emphasizes the necessity of improving the personnel policy of MCs, implementing a customer-oriented approach, and increasing the transparency of tariffs and public awareness. Key factors contributing to the competitiveness of MCs are identified as environmental quality, safety, service accessibility, and price. The authors conclude that municipalities are insufficiently involved in solving HCS issues and propose measures involving the integration of digital feedback tools, staff training, and systematic reform of the regulatory framework.

Keywords: HCS services, management of apartment buildings, management company, focus group interview, quality assessment of services.

References

1. Bourdieu, P. Sociology of Social Space / Translated from French; responsible editor of the translation N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteya. 2007. – 288 pages.
2. Gostenina, V.I. Critical Discourse: The Communicative Code of Managing the Quality of Life of Russians. / V.I. Gostenina // Communicology. – 2016. – Vol. 4, No. 1. – pp. 96–105.
3. Guzeev, A.N. Innovative Management Technologies in the Field of Housing and Communal Services: Problems and Their Solutions. Economic and Humanitarian Studies of the Regions. Economics. Sociology. Law. 2022. No. 5. – pp. 80–85.
4. Zimmel, G. Big Cities and Spiritual Life / G. Zimmel // Publisher: New Publishing House. – 2018. – 112 pages.
5. Castells, M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Moscow: U – Faktoria, 2004. – 328 pages.
6. Tokarskaya, E.I. Problems and Directions for Improving the Economic Efficiency of the Activities of Housing and Communal Services Enterprises / E.I. Tokarskaya, O.S. Komarova // Colloquium-journal. – 2019. – No. 22 (46). – pp. 139–141.
7. Rudneva, M. Ya. The Motivation for the Creation and Functioning of a Young Family in Russia (Based on Materials from the Moscow Region). Dissertation for the Degree of Candidate of Sociology. Institute of Service Economics, Moscow State University of Service. Moscow, 2006.
8. Yudina, E.N., Korneichuk, M.S. Internet Social Networks as a Tool for Forming a Trust Environment in an Organization. // Labor and Social Relations. 2016. – Vol. 7, No. 3. – pp. 115–128.
9. Shchukina, N.P. On the Issue of the Effectiveness of Improving the Independent Assessment of the Quality of Social Service Provision // Materials of the IX International Grushinskaya Sociological Conference "Social Engineering: How Sociology Changes the World", March 20–21, 2019 / Responsible editor: A.V. Kuleshov. – Moscow: JSC "VTsIOM", 2019. – pp. 238–243.
10. Elias, N. On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Researches / N. Elias // Changes in Society. Civilization Theory Project. Saint Petersburg: University Book, 2001. – Vol. 2. – 382 pages.

Социальное управление и механизмы социального регулирования в контексте социальной ответственности и устойчивого развития в нефтегазовой отрасли

Исмаил Виссам Васим,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: ismail.activity@gmail.com

В нефтегазовой отрасли важен баланс между экономическими целями и социальной ответственностью. Концепция устойчивого развития требует от компаний не только роста прибыли, но и учета общественных и экологических факторов. В статье рассматриваются социальное управление и механизмы регулирования в контексте корпоративной социальной ответственности (КСО) и устойчивого развития. Исследование основано на анализе научных публикаций, корпоративных отчетов и нормативных документов. Показано, что успешная реализация принципов устойчивого развития зависит от эффективного социального управления, включающего взаимодействие бизнеса с государством, обществом и стейкхолдерами. Выделены ключевые механизмы регулирования: государственное вмешательство, корпоративные стратегии КСО, отраслевые стандарты и общественный контроль. Анализируется их применение в крупных нефтегазовых компаниях и особенности российских подходов к социальной ответственности. Сделан вывод о необходимости усиления социальной ориентированности управления для долгосрочного устойчивого развития и повышения благосостояния регионов присутствия компаний.

Ключевые слова: социальное управление; социальное регулирование; корпоративная социальная ответственность; устойчивое развитие; нефтегазовая отрасль; ESG; заинтересованные стороны

Введение

Нефтегазовая отрасль играет важную роль в мировой экономике, но сопровождается серьезными экологическими и социальными вызовами. Рост выбросов парниковых газов обусловил включение концепции устойчивого развития в отраслевые стратегии [1][2]. Согласно Комиссии Брундтланд, устойчивое развитие позволяет удовлетворять потребности нынешнего поколения без ущерба для будущих [2]. Для нефтегазового сектора это означает баланс между экономическим ростом, заботой об экологии и интересами общества.

Социальная составляющая устойчивого развития включает равномерное распределение выгод от природных ресурсов и учет интересов всех заинтересованных сторон. В корпоративной практике это реализуется через корпоративную социальную ответственность (КСО), которую Европейская комиссия определяет как добровольную интеграцию социальных и экологических аспектов в бизнес [3]. Это включает ответственность за условия труда, развитие персонала и поддержку местных сообществ.

В условиях глобализации и роста общественного контроля компании вынуждены учитывать ожидания государства, инвесторов и общественных организаций. Социальная ответственность бизнеса перестала быть благотворительной активностью и стала стратегическим элементом устойчивого развития [4].

Эффективное социальное управление направлено на учет социальных рисков, развитие инфраструктуры и получение «социальной лицензии» на деятельность. Под социальным регулированием понимаются механизмы, направленные на приведение деятельности компаний в соответствие с общественными нормами и целями [5].

Без социальной ответственности нефтегазовые проекты сталкиваются с высокими рисками. Примеры мировой практики показывают, что игнорирование социальных аспектов ведет к конфликтам и репутационным потерям, тогда как продуманное социальное управление повышает доверие общества и поддержку государства. Цель статьи – проанализировать концепцию социального управления и механизмы регулирования в нефтегазовой отрасли в контексте КСО и устойчивого развития. Рассматриваются теоретические основы, практики ведущих нефтегазовых компаний и отечественный и зарубежный опыт регулирования.

Материалы и методы

Исследование носит комплексный характер и опирается на междисциплинарный подход. В качестве материалов были использованы: нормативно-правовые акты и государственные программы, определяющие требования к экологической и социальной ответственности в нефтегазовом секторе; отчеты об устойчивом развитии и корпоративной социальной ответственности ведущих нефтегазовых компаний; статистические данные о социально-

экономическом развитии регионов добычи нефти и газа; научные публикации по проблемам КСО, устойчивого развития и социального управления.

Методологической основой послужил системный подход, позволяющий рассматривать нефтегазовую компанию как открытую систему, взаимодействующую с внешней социальной средой. Применены методы сравнительного анализа и обобщения: проведено сравнение российских и международных практик внедрения принципов устойчивого развития в корпоративное управление[1], выявлены особенности отечественного опыта. Также использовался контент-анализ корпоративных документов (политик КСО, социальных отчетов) для выделения основных направлений социальной деятельности компаний. Кроме того, мы опирались на результаты социологических опросов и экспертных оценок, представленных в литературе, чтобы понять восприятие социальной ответственности различными стейкхерами. Например, учитывались исследования, показывающие, что представители российского бизнеса нередко трактуют социальную ответственность через выполнение базовых обязательств – уплату налогов, создание рабочих мест и соблюдение законодательства [6].Для проверки данной информации проведен анализ упоминаний подобных установок в выступлениях руководителей компаний и корпоративных отчетах.

Результаты и обсуждения

Социальная ответственность как фактор устойчивого развития нефтегазовых компаний

Интеграция принципов устойчивого развития требует от нефтегазовых компаний трансформации традиционных моделей управления, выходя за рамки исключительно экономических показателей. Современный подход предполагает учет трех взаимосвязанных компонентов – экономического, экологического и социального (Triple Bottom Line: people, planet, profit). Социальное измерение включает вопросы безопасности труда, развития человеческого капитала, соблюдения трудовых прав, взаимодействия с местными сообществами и улучшения качества жизни населения.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) выступает ключевым инструментом реализации социальной компоненты устойчивого развития. Исследования подтверждают, что КСО нефтегазовых предприятий проявляется в различных формах [7], включая добровольные социальные инвестиции (строительство инфраструктуры), благотворительные программы, экологические инициативы (озеленение, рекультивация земель), поддержку местного бизнеса и образовательные проекты (табл. 1).

Таблица 1. Основные направления корпоративной социальной ответственности нефтегазовых компаний

Направление КСО	Описание и примеры
Социальные инвестиции в регионы	Вложения компании в развитие регионов присутствия: строительство и ремонт социально значимых объектов (школы, детские сады, больницы, дороги), финансирование местных социальных программ, поддержка коренных малочисленных народов. Пример: реализация соглашений о сотрудничестве с региональными властями, по которым компания строит объекты социальной инфраструктуры за свой счет.
Развитие персонала и условия труда	Обеспечение достойной оплаты и условий труда, социальные гарантии для сотрудников, программы обучения и повышения квалификации, охрана труда и промышленная безопасность. Пример: корпоративные программы обучения и карьерного роста, дополнительные социальные льготы для работников (медицинское страхование, пенсионные программы).
Защита окружающей среды	Мероприятия экологической ответственности, напрямую влияющие на социальное благополучие (чистая окружающая среда). Сокращение выбросов и утечек, безопасная утилизация отходов, восстановление экосистем. Пример: внедрение наилучших доступных технологий для снижения загрязнений, проекты по сохранению биоразнообразия в регионах добычи.
Взаимодействие с сообществами	Диалог и партнерство с местными сообществами и властью, учет мнения населения при реализации проектов («социальная лицензия на оперирование»). Благотворительные акции, волонтерские программы сотрудников, поддержка местных инициатив. Пример: создание общественных советов при предприятиях, регулярные общественные слушания по новым проектам, участие компании в решении острых социальных проблем на местах (например, помощь при чрезвычайных ситуациях).

Источник: составлено автором на основе [13–18]

Как показывает таблица 1, социальная ответственность охватывает как внутренние аспекты (условия труда, права работников), так и внешние (взаимодействие с обществом и природой). Эта многогранность соответствует целям устойчивого развития ООН, включая ликвидацию нищеты, доступ к образованию, чистую воду, достойную работу и борьбу с изменением климата. Крупнейшие нефтегазовые компании ежегодно публикуют отчеты об устойчивом развитии, раскрывая достижения в социальной и экологической сферах [1]. Эти отчеты служат инструментом коммуникации, позволяя инвесторам, органам власти и общественности оценить вклад компании в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) [1].

Понимание и приоритеты КСО варьируются в зависимости от стран и корпоративных культур. В России исторически значительную роль в социальной ответственности играло государство, что отражалось в поддержке социальной инфраструктуры предприятиями. В постсоветский период многие руководители рассматривали уплату налогов, создание рабочих мест и соблюдение законов как достаточную форму социальной ответственности [6]. В отличие от «западной» модели, ориентированной на добровольные инициативы сверх установленных норм, российские компании постепенно адаптируются к международным стандартам КСО [7]. Это особенно заметно в контексте интеграции в глобальные рынки капитала и взаимодействия с иностранными партнерами. Например, крупнейшие российские нефтегазовые компании, такие как ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «Газпром», участвуют в глобальных инициативах, таких как Глобальный договор ООН, и внедряют стандарты ESG (Environmental, Social, Governance).

Механизмы социального регулирования

Эффективное социальное управление в нефтегазовой отрасли осуществляется через несколько уровней регулирования – от государственного до общественного. Основные механизмы включают государственные нормативные акты, корпоративные стандарты, отраслевые инициативы и общественный контроль. Эти инструменты направлены на обеспечение социальной ответственности компаний и их соответствие принципам устойчивого развития. (см. табл. 2).

Таблица 2. Механизмы социального регулирования в нефтегазовой отрасли

Уровень	Механизмы социального регулирования	Примеры реализации в нефтегазовой отрасли
Государственный	Законодательство и государственная политика в сфере экологии, промышленной безопасности, труда и социального развития. Система нормативных требований и контроля.	Законы об охране окружающей среды, об охране труда; требования по минимизации негативного воздействия на природу при добыче и транспорте нефти и газа; лицензированные условия, обязывающие инвестировать в социальную инфраструктуру регионов.
Корпоративный	Внутренние стандарты и политики компаний, кодексы корпоративной этики, программы КСО. Корпоративное управление, ориентированное на заинтересованные стороны.	Политика устойчивого развития компании; корпоративные кодексы поведения, закрепляющие обязательства по правам работников и антикоррупции; создание специальных департаментов по устойчивому развитию и КСО; включение показателей ESG в систему оценки эффективности менеджеров.
Отраслевой (добровольный)	Отраслевые соглашения и стандарты, инициируемые профессиональными объединениями и самими компаниями. Добровольные принципы и рейтинги, стимулирующие лучшую практику.	Участие в международных инициативах типа IPIECA (Международная ассоциация нефтегазовой промышленности по защите окружающей среды и социальным вопросам); прохождение независимых рейтингов устойчивого развития и ESG-рейтингов; принятие отраслевых хартий о нулевом травматизме, снижении выбросов и т.п.
Общественный	Общественный контроль, давление со стороны гражданского общества, СМИ, местных сообществ. Механизмы «обратной связи» – публичные слушания, обсуждения, протестные акции.	Практика проведения общественных обсуждений перед запуском крупных проектов (например, обсуждение ОВОС – оценки воздействия на окружающую среду – с местным населением); деятельность экологических и правозащитных НКО, привлекающих внимание к нарушениям; требование наличия у компании «социальной лицензии», т.е. одобрения местного сообщества для ведения работ.

Источник: составлено автором на основе [13–18]

Государственное регулирование определяет обязательные рамки социальной и экологической ответственности. В России оно включает совершенствование правовой базы и контроль за соблюдением экологических и социальных стандартов [8]. Государство обязывает компании проводить экологические экспертизы, обеспечивать социальные гарантии работникам, уплачивать налоги и отчисления в региональные фонды. Также стимулируется устойчивое развитие через льготы и требования, включая поддержку малых предприятий, программы импортозамещения и развитие возобновляемой энергетики.

На корпоративном уровне компании внедряют КСО и устойчивое развитие, создавая подразделения для взаимодействия с регионами, реализуя социальные программы и контролируя социальные риски. Они также разрабатывают механизмы обратной связи, такие как линии доверия и общественные приемные.

Отраслевые инициативы дополняют государственное регулирование, особенно там, где законодательство не успевает за мировыми вызовами. Международные стандарты отчетности (GRI, ESG)[9] стали ориентиром для российских компаний. ESG-рэнкинги побуждают компании повышать прозрачность управления и внедрять ответственные практики. Например, ПАО «Лукойл» стало лидером ESG-рэнкинга российских нефтегазовых компаний (2020 г.), демонстрируя высокие стандарты корпоративного управления и экологической ответственности [10].

Общественный механизм социального регулирования проявляется через активное участие населения, НКО и СМИ. Общество играет роль «регулятора» [11], влияя на реализацию проектов, особенно в экологически и культурно чувствительных зонах. Под давлением общественности компании могут отказываться от разработок месторождений, пересматривать проекты, вводить дополнительные экологические меры и компенсировать ущерб местным жителям. В ответ компании налаживают диалог с населением, создавая общественные советы и реализуя программы социального партнерства.

Обсуждение

Результаты анализа показывают, что реализация социальной ответственности и устойчивого развития в нефтегазовом секторе требует комплексного подхода, включающего согласованные действия государства, бизнеса и общества. С одной стороны, компании публично заявляют о приверженности устойчивому развитию, но на практике иногда допускаются экологические инциденты и социальные конфликты. КСО-программы порой ограничиваются имиджевыми отчетами, что указывает на необходимость независимого аудита нефинансовой отчетности и привлечения НКО, экспертов и общественности к контролю за выполнением взятых обязательств.

С другой стороны, в России на нефтегазовые компании возложена повышенная социальная нагрузка: от них ожидают решения целого ряда задач – от развития инфраструктуры до поддержки спорта. Подобное распы-

ление ресурсов может приводить к восприятию социальных затрат как вынужденной меры, а не как инвестиций в долгосрочную устойчивость. Чтобы добиться эффекта «win-win», необходимо интегрировать КСО в бизнес-стратегию, использовать инструменты планирования, оценки эффективности и расчет социального ROI, тем самым подчеркивая взаимную выгоду для компании и общества.

Немаловажную роль играет общественный контроль, который в России пока недостаточно развит. Несмотря на формальные механизмы общественных слушаний, их влияние ограничено, а концепция «социальной лицензии» приобретает все большее значение: при несоблюдении интересов местных сообществ даже одобренный властями проект может быть сорван из-за протестов. Вместе с тем внедрение ESG-принципов в корпоративное управление сближает российские нефтегазовые компании с мировой повесткой и подтверждает, что долгосрочная устойчивость бизнеса напрямую связана со стабильностью общества вокруг. В периоды кризисов (например, при пандемии COVID-19) отрасль активно участвовала в социальных проектах, тем самым укрепляя понимание важности взаимосвязи «бизнес – общество».

Для дальнейшего развития в сфере КСО и устойчивого развития необходимо совершенствовать законодательство и ввести обязательную отчетность по ESG для крупных компаний, стимулировать государственно-частное партнерство в решении социальных задач, а также формировать новые управленческие кадры, компетентные в вопросах социальной ответственности. Научные исследования, оценивающие влияние социальных инициатив на экономические результаты, помогут компаниям видеть конкретные выгоды и мотивировать их к ответственному поведению. Опыт показывает, что социальная ответственность способна стать конкурентным преимуществом, укрепляя доверие инвесторов, потребителей и общества в целом и закладывая основы для истинно устойчивого развития нефтегазового сектора.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что социальное управление является ключевым фактором устойчивого развития нефтегазовой отрасли. Масштабное влияние компаний на природную и социальную среду делает корпоративную социальную ответственность (КСО) объективной необходимостью, а не просто добровольной инициативой. Механизмы социального регулирования действуют на разных уровнях: государство формирует нормативно-правовую базу, компании внедряют КСО-программы, а общество контролирует их исполнение и даёт обратную связь.

В российских условиях социальное управление особенно важно для регионов добычи, которые часто удалены и недостаточно развиты[12]. Участие нефтегазовых компаний в создании рабочих мест, развитии инфраструктуры и поддержке местного сообщества становится фактором устойчивости этих территорий. Социальная ответственность бизнеса в регионах присутствия[12] способна умножать положительный эффект: повышаются качество жизни населения и социально-экономическая стабильность, а стабильность, в свою очередь, формирует благоприятный климат для самого бизнеса.

Для полного раскрытия потенциала КСО необходимо преодоление ряда ограничений. Компаниям следует стратегически управлять социальными программами, оценивая их влияние и эффективность; государству – обеспечивать прозрачные и равные условия, стимулируя ответственный бизнес; обществу – развивать институты диалога и контроля, смещая акцент от конфронтации к сотрудничеству. Лишь совместными усилиями можно добиться того, чтобы нефтегазовая отрасль действительно работала в интересах нынешнего и будущих поколений.

Таким образом, социальное управление в нефтегазовой сфере – это многокомпонентный процесс, который охватывает управление персоналом, внешние социальные связи и репутацию. Его эффективность определяет не только стабильность отдельных компаний, но и прогресс в реализации национальных и глобальных целей устойчивого развития. Интегрируя принципы КСО в стратегию, нефтегазовые предприятия могут стать драйверами позитивных изменений, одновременно обеспечивая экономику энергоресурсами и повышая качество жизни людей при сохранении окружающей среды для будущих поколений.

Литература

1. Титова Н. Модели устойчивого развития нефтегазовых компаний в условиях декарбонизации: сравнение российского и зарубежного опыта // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2023. – № 2. – С. 54–62. URL: https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/65829/view (дата обращения: 10.03.2025).
2. Устойчивое развитие // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Устойчивое_развитие (дата обращения: 10.03.2025).
3. Apiday. What is Corporate Social Responsibility – Glossary // Apiday.com. – 2023. URL: https://www.apiday.com/glossaries-posts/csr-what-is-corporate-social-responsibility (дата обращения: 10.03.2025).
4. Бахова Я.С. Социальная ответственность нефтегазодобывающих компаний как фактор обеспечения устойчивого развития регионов их присутствия // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 4(33). – С. 42–48. URL: https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/vaz/zhurnal-vestnik-akademii-znanij-vaz-33–4-iyul-avgust-2019.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
5. Что такое социальное регулирование и зачем оно нужно // Яндекс.Нейрум. URL: https://ya.ru/neurum/c/drugoe/q/chto_takoe_socialnoe_regulirovanie_i_zachem (дата обращения: 10.03.2025).
6. Кузнецов А., Кузнецова О., Уоррен Р. Some considerations regarding corporate social responsibility in transition economies // Polar Research. – 2023. – Vol. 42(3). – P. 245–260. URL: https://polarresearch.net/index.php/polar/article/view/8723/17293 (дата обращения: 10.03.2025).
7. Социальная ответственность нефтегазодобывающих компаний как фактор обеспечения устойчивого развития регионов их присутствия // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-neftegazodobyvayuschih-kompaniy (дата обращения: 10.03.2025).
8. Государственное регулирование нефтегазового комплекса как основа обеспечения национальной и энергетической безопасности // Нефтегазовая Вертикаль. – 2021. – URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/767717-gosregulirovanie-neftegazovogo-kompleksa (дата обращения: 10.03.2025).
9. Global Reporting Initiative (GRI). Sustainability Reporting Standards // GRI. – 2023. – URL: https://www.globalreporting.org/media/4zsfky10/gri-o-g-standard-infographic.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

10. Первый ESG Рэнкинг нефтегазовых компаний России // Нефтегазовая Вертикаль. – 2021. – URL: https://ngv.ru/articles/pervyy-esg-renking-neftegazovykh-kompaniy-rossii (дата обращения: 10.03.2025).
11. Сайфуллина С.Ф. Составляющие устойчивого развития отрасли // Интернет-журнал «Науковедение». – 2017. – Т. 9, № 1. – URL: https://naukovedenie.ru/PDF/02EVN117.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
12. Иванова И. А., Бусалова С.Г., Горчакова Э.Р. Региональный инвестиционный рынок в сфере обращения с отходами: динамика, структура, методика оценки // Региональная экономика. – 2021. – № 21(2). – URL: https://regionsar.ru/ru/node/1985 (дата обращения: 10.03.2025).
13. Комиссия ООН по окружающей среде и развитию. Наше общее будущее / Доклад Международной комиссии под председательством Г.Х. Брундтланд. – ООН, 1987. – 400 с. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
14. Deloitte. 2024 Oil and Gas Industry Outlook // Deloitte Insights. – 2024. – URL: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/oil-and-gas/oil-and-gas-industry-outlook.html (дата обращения: 10.03.2025).
15. ПАО «Газпром нефть». Социальная ответственность компании // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». – URL: https://www.gazprom-neft.ru/social/ (дата обращения: 10.03.2025).
16. ExxonMobil. Sustainability and Reports // ExxonMobil Corporate Website. – URL: https://corporate.exxonmobil.com/sustainability-and-reports/sustainability# (дата обращения: 10.03.2025).
17. BP. Sustainability Reporting Centre and Archive // BP Corporate Website. – URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/sustainability/reporting-centre-and-archive.html (дата обращения: 10.03.2025).
18. ПАО «Роснефть». Отчеты об устойчивом развитии // Официальный сайт ПАО «Роснефть». – URL: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ (дата обращения: 10.03.2025)

SOCIAL MANAGEMENT AND SOCIAL REGULATION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF SOCIAL RESPONSIBILITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

Ismail Wissam Wasim
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

In the oil and gas industry, maintaining a balance between economic objectives and social responsibility is crucial. The concept of sustainable development requires companies to not only increase profits but also consider social and environmental factors. This article explores social management and regulatory mechanisms within the context of corporate social responsibility (CSR) and sustainable development. The study is based on an analysis of scientific publications, corporate reports, and regulatory documents. The study demonstrates that successful implementation of sustainable development principles hinges on effective social management, which encompasses fostering collaboration between businesses, the state, society, and stakeholders. The key regulatory mechanisms are highlighted: government intervention, corporate CSR strategies, industry standards, and public oversight. The analysis examines their application in large oil and gas companies, highlighting the distinctive features of Russian approaches to social responsibility. The conclusion drawn is that there is a need to strengthen the social orientation of management for long-term sustainable development and to improve the well-being of the regions where companies operate.

Keywords: social governance; social regulation; corporate social responsibility; sustainable development; oil and gas industry; ESG; stakeholders.

References

1. Titova N. Models of sustainable development of oil and gas companies in conditions of decarbonisation: comparison of Russian and foreign experience // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. – 2023. – № 2. – С. 54–62. URL: https://vestnik.astu.org/ru/nauka/article/65829/view (date of access: 10.03.2025).
2. Sustainable development // Wikipedia, the free encyclopaedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Устойчивое_развитие (date of access: 10.03.2025).
3. Apiday. What is Corporate Social Responsibility – Glossary // Apiday.com. – 2023. URL: https://www.apiday.com/glossaries-posts/csr-what-is-corporate-social-responsibility (accessed 10.03.2025).
4. Bakhova Ya.C. Social responsibility of oil and gas producing companies as a factor in ensuring sustainable development of the regions of their presence // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2019. – № 4(33). – С. 42–48. URL: https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/vaz/zhurnal-vestnik-akademii-znanij-vaz-33–4-iyul-avgust-2019.pdf (date of access: 10.03.2025).
5. What is social regulation and why it is necessary // Yandex.Neurum. URL: https://ya.ru/neurum/c/drugoe/q/chto_takoe_socialnoe_regulirovanie_i_zachem (date of address: 10.03.2025).
6. Kuznetsov A., Kuznetsova O., Warren R. Some considerations regarding corporate social responsibility in transition economies // Polar Research. – 2023. – Vol. 42(3). – P. 245–260. URL: https://polarresearch.net/index.php/polar/article/view/8723/17293 (accessed on 10.03.2025).
7. Social responsibility of oil and gas producing companies as a factor in ensuring sustainable development of the regions of their presence // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-neftegazodobyvayuschih-kompaniy (date of reference: 10.03.2025).
8. State regulation of oil and gas complex as a basis for ensuring national and energy security // Neftegazovaya Vertikal. – 2021. – URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/767717-gosregulirovanie-neftegazovogo-kompleksa (date of address: 10.03.2025).
9. Global Reporting Initiative (GRI). Sustainability Reporting Standards // GRI. – 2023. – URL: https://www.globalreporting.org/media/4zsfky10/gri-o-g-standard-infographic.pdf (accessed on 10.03.2025).
10. First ESG Ranking of Oil and Gas Companies in Russia // Neftegazovaya Vertikal. – 2021. – URL: https://ngv.ru/articles/pervyy-esg-renking-neftegazovykh-kompaniy-rossii (date of reference: 10.03.2025).
11. Sayfullina S.F. Components of sustainable development of the industry // Internet journal 'Naukovedenie'. – 2017. – T. 9, № 1. – URL: https://naukovedenie.ru/PDF/02EVN117.pdf (date of reference: 10.03.2025).
12. Ivanova I. A., Busalova S.G., Gorchakova E.R. Regional investment market in the field of waste management: dynamics, structure, evaluation methodology // Regional Economics. – 2021. – № 21(2). – URL: https://regionsar.ru/ru/node/1985 (date of address: 10.03.2025).
13. UN Commission on Environment and Development.Our Common Future / Report of the International Commission chaired by G.H. Brundtland. – UNITED NATIONS, 1987. – 400 c.URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (date of reference: 10.03.2025).
14. Deloitte. 2024 Oil and Gas Industry Outlook // Deloitte Insights.- 2024. – URL: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/oil-and-gas/oil-and-gas-industry-outlook.html (date of reference: 10.03.2025).
15. PJSC Gazprom Neft. Social Responsibility of the Company // Official website of PJSC Gazprom Neft.- URL: https://www.gazprom-neft.ru/social/ (access date: 10.03.2025).
16. ExxonMobil. Sustainability and Reports // ExxonMobil Corporate Website.- URL: https://corporate.exxonmobil.com/sustainability-and-reports/sustainability# (accessed on 10.03.2025).
17. BP. Sustainability Reporting Centre and Archive // BP Corporate Website. – URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/sustainability/reporting-centre-and-archive.html (accessed on 10.03.2025).
18. PJSC Rosneft. Sustainable Development Reports // Rosneft official website. – URL: https://www.rosneft.ru/Development/reports/ (date of access: 10.03.2025)

Выявление структуры социальных отношений футбольных арбитров в системе спорта: на примере теории поля П. Бурдьё

Кальмуцкий Владислав Олегович,
исследователь, Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

Ильиных Светлана Анатольевна,
д. социол.н., проф., зав. каф. социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: s.a.iljinyh@nsuem.ru

Статья посвящена социологическому анализу роли футбольных арбитров в спортивном поле и поле власти на примере Российской Федерации. Несмотря на ключевую роль судей в обеспечении соблюдения правил и легитимации спортивных практик, их статус, внутренняя структура судейства и взаимодействие с другими акторами остаются малоизученными в социологии спорта. Цель исследования – определить место футбольных арбитров в системе социальных отношений, используя теорию поля Пьера Бурдьё. Методология включает анализ нормативных документов, интерпретацию эмпирических данных и case-стади, что позволило рассмотреть четыре аспекта: внутреннюю конкуренцию среди судей, их роль на матче и за его пределами, а также отношения с спортивными ассоциациями. Результаты выявили, что судейство структурировано как соревновательное поле: карьера арбитров зависит от рейтингов, оценок инспекторов и борьбы за включение в престижные турниры. На матче судьи выполняют не только контролирующие, но и административные функции, балансируя между зрелищностью и соблюдением правил, что подчеркивает их символическую власть. За пределами стадиона решения арбитров влияют на экономические, юридические и организационные аспекты деятельности клубов и ассоциаций. Отношения с ассоциациями характеризуются прекарностью занятости, отсутствием трудовых договоров и дисциплинарным контролем, что усиливает зависимость судей от управленческих структур. Обсуждение подчеркивает двойственность позиции арбитров: с одной стороны, они обладают автономией в принятии решений, с другой – подвержены давлению со стороны клубов, болельщиков и медиа. Исследование вносит вклад в социологию спорта, расширяя понимание судейства как сложного социального явления, и предлагает основу для дальнейшего изучения властных динамик в спортивном поле.

Ключевые слова: социология спорта, футбольные арбитры, символическая власть, теория поля, спортивные ассоциации.

Введение

Социологи имеют определенный консенсус относительно важности правил спорта. Некоторые социологи прямо указывают на то, что одним из главных отличий спортивных соревнований от иных видов деятельности заключается в том, что они проводятся по определенным правилам[1, с. 69]. Такое выделение произошло в результате спортизации народных игр, а именно в результате разработке более строгих правил и их следованию. [2]. Согласно теории поля институализация правил игры структурирует и организует управление спортивными практиками. Это создает автономные организации, поддерживает социальную иерархию видов спорта и обеспечивает соответствие общей логике поля [3, с. 66]

Контроль за соблюдением правил игры и регламентов – это сложный процесс, который вовлекает множество участников: делегатов, комиссаров, представителей контрольно-дисциплинарной комиссии и др. Спортивный судья – это основной актор, который обеспечивает соблюдение правил игры и регламентов соревнований, является спортивный судья. Вместе с тем, агенты, ответственные за соблюдение спортивных правил, практически не изучены в социологии.

Если обратиться к учебникам или крупным монографиям в сфере социологии спорта мы увидим следующую картину. В учебнике Шилько В.Г. [4] спортивные судьи упоминаются, однако, отсутствует раздел, посвященный вопросам спортивного судейства. В справочнике по социологии спорта 2015 г. под редакцией Джулианотти приведены 16 актуальных проблем спортивной социологии: от физиологии тела до глобализации. Среди этих проблем спортивные судьи упоминаются только в контексте насилия в спорте [5]. В книге Социология спорта и Социальная теория от 2010 г. на 264 страницах слово «судья» упоминается вообще всего 4 раза[6]. Чуть больше внимания уделено спортивным судьям во втором издании Введения в социологию спорта от 2014 г., где, например, рассматривается роль судьи в вопросах насилия в спорте (с. 136), судейские ошибки (с. 181–182), а желтые и красные карточки футбольных судей приводятся как примеры спортивных символов (с. 73)[7]. Однако даже в указанной работе не предлагается комплексного взгляда на спортивное судейство. На текущий момент есть только одна крупная научная работа, который предлагает подобный комплексный взгляд на спортивное судейство, но она охватывает вообще все виды исследований в указанной сфере: социологии, физиологии, психологии и т.п. При этом сами авторы отмечают, что судьи находятся в тени спортсменов и тренеров [8, с. 18]. Систематические исследования в области спортивного судейства на текущий момент ведутся, пожалуй, только под эгидой Американской ассоциации официальных лиц.

При этом, проблемы в спортивном судействе являются актуальными. Например, ФИФА считают угрозу манипулирования матчами одной из главных проблем футбола, а умышленное неправильное применение правил игры официальными лицами рассматривается как одна из форм такого манипулирования. По результатам

исследования Национальной ассоциации официальных лиц, проведенной в 2023 г. в США, в качестве актуальных проблем спортивного судейства отмечаются: старение среднего возраста спортивного судьи, проблемы с набором и удержанием спортивных кадров, падение спортивного мастерства судей, проблемы с безопасностью судей во время матчей, проблемами выгорания, недостаточный размер вознаграждений судей, большая текучка кадров в первые 3 года работы [9]. Данные примеры показывают актуальность проблем, которые существуют в спортивном судействе.

Материалы и методы исследования

Спорт является полем взаимодействия для растущего разнообразия и количества заинтересованных сторон и связанных с ними «заинтересованных сторон», включая спортсменов, официальных лиц [в т.ч. судей], команды, администраторов, руководящие органы, медиа-компании, корпорации, связанные со спортом, агентов и союзы спортсменов, правительственные организации. организации, а также общественные и неправительственные организации[10, с. 20]. Цель данного исследования определить место спортивных судей в спортивном поле и поле власти с точки зрения теории поля на примере футбольных арбитров в Российской Федерации. Для этого мы рассмотрим:

1. Внутреннюю структуру спортивного судейства. В данном разделе мы покажем внутреннюю неоднородность спортивного судейства, конкуренцию между различными разновидностями футбола за квалифицированных спортивных судей, соревновательный характер спортивного судейства и отсутствие единого субъекта, который управляет судьями.

2. Роль спортивных судей на футбольном матче. В рамках данного раздела мы акцентируем внимание на то, что роль спортивных судей гораздо шире, чем просто контроль за соблюдением правил игры. Мы укажем на неустранимые противоречия между спортивными судьями и иными субъектами соревнований: игроками, тренерами, клубами, болельщиками.

3. Роль спортивных судей за пределами матча. В данном разделе мы рассмотрим, как решения судей, который они принимают во время матча, порождают последствия за пределами стадионов, и как их решения могут быть оспорены. Данный раздел призван показать, что власть судей не ограничивается футбольным полем и важные процессы находятся вне видимости болельщиков.

4. Отношения спортивных судей и спортивных ассоциаций. Здесь будут рассмотрены формы взаимодействия судей с непосредственным работодателем и формы контроля за спортивными судьями.

Формат статьи не позволяет описать проблему без упрощения. Тем не менее, она имеет важное значение, поскольку предлагает системный взгляд на отношение судей, как между собой, так и с другими субъектами футбола, и тем самым, может служить основой для будущих исследований спортивного судейства.

Результаты и обсуждение

Внутренняя структура спортивного судейства

Футбольные судьи являются частью более широкого термина – официальные лица матча, куда кроме судейской бригады входят также инспектор, делегат, комиссар [2]. Каждое из этих лиц следит за своими аспектами правил или регламентов. Судьи – за соблюдением правил игры, инспектор – за соблюдением судьями своих обязанностей, комиссар и делегат – за соблюдением регламентов соревнований. Таким образом футбольные судьи – это часть более широкой категории лиц.

Ошибочным будет считать, что футбольное судейство – это нечто монолитное и единое. Футбольных судей можно делить на различные группы, при этом судьи одновременно могут входить в различные группы.

ФИФА под своей эгидой объединяет футбол и его разновидности – пляжный футбол, мини-футбол, футзал. Каждая из этих разновидностей футбола может рассматриваться как отдельный вид спорта. Различные разновидности футбола отличаются разным уровнем популярности, коммерциализации, и престижа. Это видно, например, на размере вознаграждения судей за судейство высшего уровня национальных соревнований по футболу и футзалу в России – в Российской премьер лиге по футболе оно выше, чем в Суперлиге футзала [3]. Различным является и уровень профессионализации спортивного судейства и социальных гарантий, предоставляемых судьям.

Несмотря на то, что на уровне любительских соревнований судьи могут судить одновременно матчи различных видов футбола, на уровне профессиональных соревнований такая возможность запрещена неписанным правилом. В утверждаемых Исполкомом РФС списках судей профессиональных соревнований по футзалу и футболу будут различные судьи.

С практической точки зрения это означает определенную борьбу внутри ассоциации за кадры. Футбол, оттягивает к себе более талантливых ребят из футзала или пляжного футбола.

Кроме того, существует деления: по гендеру – судейство женских соревнований и мужских (мужские более престижные), по роли – главный арбитр и ассистент арбитра со своей карьерной лестницей. Здесь борьба за кадры может проявляться, например, в стремлении привлекать к судейству женских соревнований судей-мужчин, несмотря на общую стремление развивать женское судейства.

Наиболее значимое деление – это деление на т.н. элитных и низовых судей. Элитных и низовых судей можно раздробить на более мелкие группы – по уровню соревнований, в списки которых включены арбитры [4]. Стоит избегать однозначного отнесения элитных арбитров к судьям профессиональных соревнований, а низовых – к судьям любительских соревнований, поскольку спортивные судьи могут судить одновременно как профессиональные, так и любительские соревнования, а сама граница между профессиональными и любительскими соревнованиями более размытая, чем может казаться на первый взгляд.

Судейство различных соревнований курируют различные органы: судейство международных соревнований будет организовывать ФИФА или УЕФА, судейство РПЛ, ФНЛ, ФНЛ-2 дивизион А – департамент судейства РФС, судейство ФНЛ-2 дивизион Б – сама лига, судейство различных ЮФЛ и молодежной лиги – Академия РФС. Судейство межрегиональных и региональных соревнований, будет организовывать межрегиональная организация или региональная федерация. Их этих правил существуют исключения. Например, судейство международного товарищеского матча может организовывать РФС, а судейство товарищеского матча между профессиональными клубами – сами клубы. Кроме того, вне этой системы существуют коммерческие матчи, некоторые из которых могут не признаваться ФИФА.

Таким образом, в отношении спортивных судей отсутствует единый управленческий центр, в связи с чем уместно говорить о том, спортивные судьи строят свою

карьеру в рамках сетевой гибридной организации[]. Между судьями идет конкурентная борьба за включение в списки соревнований более высокого уровня. Можно говорить о том, что в отношении карьеры спортивных судей действует тот же соревновательный принцип, который и действует в отношении спортсменов. В рекомендация по ротации судей профессиональных соревнований закреплено, что судьи, занимающие по итогам сезона последние места в рейтинге судей автоматически рекомендуются к понижению в списках соревнований, а вместо них, спортивные судьи, занявшие первые места в рейтинге судей нижестоящего соревнований, рекомендуются ко включению в списки судей более высокого уровня соревнований [5]. На практике ротация и рекомендация судей происходит несколько сложнее, однако, соревновательный характер карьеры спортивных судей не подлежит сомнению.

Подобная ситуация должна обострять борьбу судей за различные виды капиталов. Особую важность должен иметь социальный капитал, поскольку продвижение и обучение судей во многом зависит от поддержки инспекторов, менеджеров спортивной ассоциации, наличия наставника в лице более опытного судьи.

Роль спортивных судей на футбольном матче

Спортивные судьи выполняют свои функции в составе судейской бригады. Конкретный состав бригады зависит от вида футбола и уровня соревнований: на любительском уровне состав может ограничиваться одним человеком, а на международном включать в себя главного арбитра, двух помощников, резервного судью, резервного помощника, видео помощника, помощника видео-помощника. Поддержку судьям могут оказывать видео-операторы повторов, инспекторы и наставники [6]. Перечень лиц, которые оказывают ту или иную поддержку судье может продолжаться, важно понимать, что за решениями главного арбитра скрывается целый штат специалистов, оказывающих ему поддержку – от управленческой, до технической. Поэтому, хотя в рамках данного раздела мы будем говорить в первую очередь о главном арбитре, как лице, которому принадлежит окончательное решение, многие озвученные проблемы будут актуальны и для других членов судейской бригады.

Действия судей порождают определенные последствия как на футбольном поле, так и за его пределами. Несмотря на то, что судьи, как и игроки, находятся в объективе камер и перед глазами зрителей на трибунах, функции судей во время матчей значительно шире и глубже, чем принято думать.

Основная функция футбольного судьи – это управление матчем. Свои функции арбитр начинает выполнять еще до матча и заканчивает уже после. Так, футбольный судья проверяет готовность стадиона к матчу, согласовывает спортивную форму игроков, допускает футболистов до матча, заполняет протокол матча по его итогам и выполняет иные административные функции. Несмотря на то, что спортивные судьи в первую очередь ассоциируются с контролем за соблюдением правил игры, большая часть решений арбитров касается выполнения именно административных функций и иных формальностей. Действительно, кто-то должен принять решение о начале матча и о его окончании; если мяч ушел за линию ворот – кто-то должен принять решение о назначении или не назначении углового; принять другие решения, не связанные с нарушением правил одной из сторон. Предоставление таких прав со стороны спортивной ассоциации спортивному судье, особенно права объявлять начало и конец матча, является актом наделения спортивного судьи символической властью, легитимируя его роль. Эти действия судьи признаются всеми участниками матча, а также зрителями и другими агентами в спортивном поле, что подтверждает его символическую власть, основанную на авторитете и признании, предоставленных ему футбольной ассоциацией.

Спортивное соревнование следует рассматривать как форму контролируемого насилия, которое претерпело процесс цивилизации за счет создания централизованных органов, принятия правил, четко определенных внутриигровых санкций [13]. Как отмечают в литературе, если напряжение (т.е. уровень насилия) слишком мало, соревнование становится скучным; если напряжение слишком велико – это может нанести вред зрителям и участникам соревнований[13]. Спортивный судья задает планку борьбу, маневрируя между зрелищностью матча и опасностью потерять контроль над происходящим на поле насилием. Правила игры схожи с законами, и, как любой закон, допускают различную интерпретацию на судейское усмотрение. Поэтому судья обладает определенными возможностями «свистеть» или «не свистеть», выбирая между динамикой и контролем за матчем.

При этом потеря контроля над насилием может обернуться насилием против самого судьи. Данная проблема является достаточно серьезной, не случайно из всех проблем судейства, проблема насилия является наиболее проработанной в социологических исследованиях. Исследователи видят проблему в том, что тренеры, игроки, болельщики образуют т.н. ин-группу с едиными целями, а спортивные судьи – аутгруппу, с иными целями [14]. Пожалуй, основной конфликт в спорте заключается в том, что ин-группа стремится к победе любой ценой, но должна сделать это в рамках правил. В результате игроки находятся под давлением двойной морали – между желанием победить и желанием выглядит красиво в глазах болельщиков[15]. Многие проблемы в спорте: насилие, допинг, коррупция и др. вытекают именно из-за этого конфликта.

Борьба между акторами вокруг судейства заключается в их желании, чтобы судья принимал в спорных ситуациях решения не в пользу общественных интересах, а в пользу их частных интересов. С точки зрения спортивной ассоциации спортивный судьи должен сохранить объективность и независимость. Иными словами, различные агенты борются за символическую власть судьи, а судья стремится сохранить свою автономию.

При этом борьба происходит на разных уровнях с большим числом разнообразных участников. Болельщики оказывают давление на стадионах, из-за чего возникает так называемая проблема «домашнего преимущества», когда судья может принимать решения в пользу хозяев поля. Игроки, тренеры и даже официальные лица клубов могут принимать вербальное или невербальное насилие. В особо острых ситуациях клубы, организаторы соревнований или букмекерские конторы могут оказывать коррупционное воздействие на судей.

Подкуп и давление на судей может осуществляться и в более изощрённой форме. Поскольку организация размещения и питания судей обычно ложится на хозяев матча, они могут пытаться получить лояльность судей путем размещения их в более престижных отелях или организацией более хорошего питания.

К давлению на судей может подключаться СМИ. Например, проигрыш команды должностные лица клубов могут обосновывать в медиа несправедливым судейством. Или еще до матча представители клубов могут объявить, что есть риски предвзятого судейства, наращивая общественное давление.

Наконец, есть риски того, что судья начнет действовать в личных интересах в противовес спортивным, например, делают ставки в тотализаторе на матчи, которые обслуживает.

Спортивная ассоциация стремится защитить судей как от неформального давления. Для этого они принимают защитные меры, например, в виде ответственности для должностных лиц клубов за унижение чести и достоинства судьи в СМИ [7] или путем установления единых стандартов для размещения судей в гостиницах [8].

Несмотря на поддержку института, на поле спортивный судья должен практически самостоятельно поддерживать собственный авторитет. Наличие лидерских качеств является крайне важным для спортивного судьи, который намеревается достичь успехов в своей карьере. При подготовке арбитров особое внимание уделяется тому, чтобы жесты карточек или звуковые сигналы свистка были уверенными и четкими, показывающими, что судья уверен в принимаемом решении. Личные качества и навыки судей являются отдельной областью исследования в науке, в частности, отмечается важность коммуникативных навыков, уважение к игрокам, последовательность в принятии решений и др. [16, с.110]. Показательным является мнение одного из судей о том, что судейство на высшем уровне – это больше про разрешение проблем, а не про принятие решений [18, с.106].

Главные выводы, которые мы хотим сделать из этого раздела – символическая власть судьи на поле является ресурсом сам по себе. Субъекты футбола, к которым относятся не только участники соревнований, ведут борьбу за этот ресурс. В этой борьбе арбитр должен отстаивать свою субъектность. Кроме того, спортивный судья управляет соревнованием, определяет рамки допустимого спортивного насилия, пытается обеспечить баланс между зрелищностью и необходимостью соблюсти правила игры.

Спортивные судьи и поле власти вне футбольного матча

Когда спортивный судья принимает решение на стадионе, оно оказывает влияние на субъектов футбола и после матча. Есть очевидные последствия: например, засчитанный или не засчитанный гол будет влиять на положение команды в турнирной таблице. Менее очевидно то, что от этих решений могут зависеть финансовые показатели клубов, возможность их участия в более престижных соревнованиях, KPI руководителей клубов и т.п.

Есть и более тонкие моменты. Например, совершение игроком дисциплинарного или этического нарушения, будет отмечено в протоколе судьи. На основании протокола Контрольно-дисквалификационная комиссия рассмотрит дело игрока и применит к нему соответствующие санкции, вплоть до отстранения от футбольной деятельности. С другой стороны, если судья не внесет сведения в протокол, то игрок может избежать наказание. Не случайно Дисциплинарный кодекс Арбитра и Инспектора РФС предусматривает ответственность арбитра за фальсификацию судейского протокола [10].

Возможность судейских решений оказывать влияние на ресурсы субъектов футбола после завершения матча предопределяет то, что борьба за символический капитал судьи и против судьи продолжается за пределами стадионов. Эта борьба переходит в юридическое и экономическое поля. В силу своего характера, она скрыта от глаз болельщиков, а если становится объектом внимания, то часто приобретает крайне негативный окрас.

Действительно, насколько уместным является пересмотр результатов спортивного соревнования через неспортивные бюрократические процедуры? Да, судейские ошибки вызывают негодование, но и исправление этих ошибок путем пересмотра результатов, негодование не сглаживают. Можно говорить о том, что споры о судействе после матча – это не просто борьба между субъектами футбола, это борьба спортивного против юридического.

Поэтому не следует удивляться тому, что даже при грубых и результативных судейских ошибках результаты матча, вероятно, останутся без изменений, как это было в матче на чемпионате мира в ЮАР в 2010 г. в 1/8 финала, где рефери не засчитал гол английской сборной в ворота Германии, и матч закончился со счетом 1:2 в пользу немцев [11[. И тем не менее, команды наделены правом подавать протесты или жалобы на судейство матчей. Этим правом они пользуются, хотя они редко приводят к пересмотру результатов матча или переигровкам. Возможно, сама по себе подача обоснованной жалобы позволяет приобрести символический капитал.

Отдельно стоит отметить роль Экспертно-судейской комиссии при Президенте РФС (далее – ЭСК РФС). Этот орган состоит из действующих или бывших судей, часто иностранных, который призван оценить действия судьи и дать трактовку правилам по просмотренному эпизоду. Можно говорить о том, что это один из органов, обеспечивающих единообразие судейской практики. Причина, по которой такое единообразие нужно обеспечивать, заключается в принципиальной неполноте существующих правил игры, которую необходимо восполнять через трактовки. Например, правила игры могут запрещать играть рукой. Но что считать игрой рукой? Если игрок выставил руку в сторону, перекрывая траекторию мячу – это уже игра рукой? А если игрок выставил руку, чтобы защитить себя от удара о землю во время падения и в нее попал матч? А если игрок выставил руку во время падения, но не стал убирать ее и мяч после этого попал в руку? Подобных вопросов встает очень много, и, с одной стороны, это приводит к увеличению объема и усложнению правил игры, а с другой – ответы на них приходят через трактовку правил. ЭСК РФС обеспечивает их единство.

Но это лишь одна сторона медали. Другая сторона заключается в том, что ЭСК РФС призван обеспечить (1) легитимность спортивной ассоциации в управлении судейством и одновременно (2) независимость судейства от этой самой спортивной ассоциации.

Клубы могут не доверять судьям и принимаемым им на поле решениям. Однако клубы могут одновременно не доверять друг другу и спортивной ассоциации. Говоря другими словами: ошибка судьи – это ошибка судьи или ошибка спортивной ассоциации? Несознательная или целенаправленная?

Судейская конвенция УЕФА предусматривает, что Судейский комитет, курирующий вопросы судейства, должен по большей части состоять из судей и быть независимым от исполнительного комитета спортивной ассоциации в принимаемых им решениях [12]. Однако Судейский комитет – это скорее законодательный и исполнительный орган, в силу чего, его нельзя считать полностью незаинтересованным лицом.

ЭСК РФС состоит из экспертов, как представляющих спортивную ассоциацию, так и не связанных с ней иными отношениями, кроме как членства в ЭСК РФС. Возможность апелляции к такому органу, созданному под эгидой спортивной ассоциации и обладающему высоким уровнем автономии, способствует легитимизации и независимости судейства, о которой мы говорили выше. Это внешний контролер, позволяющий оценить качество работы системы управления судейством в целом.

Однако борьба вокруг судейства ведется не только в спортивной и юридических плоскостях, но и в эконо-

мической. Судейство финансируется, по большей части, за счет взносов клубов. Бюджеты на судейство являются одним из предметов дискуссий между спортивной ассоциацией и клубами. На практике известны случаи, когда организации становились спонсорами именно судейства, но в текущий момент, это пока скорее исключения из правил [13]. Поэтому судьи финансово зависимы от клубов.

Чтобы эту зависимости нейтрализовать, спортивная ассоциация стремится выступать в качестве финансового посредника между клубами и спортивными судьями. Например, если на уровне любительских соревнований распространена практика, когда вознаграждение за матч выплачивается принимающим клубом напрямую судьям, то на уровне профессиональных соревнований подобные платежи будут проводится через спортивную ассоциацию, т.е. клуб оплачивает вознаграждение за судейство спортивной ассоциации, а та уже выплачивает в согласованном с клубами размере непосредственно судьям. Это позволяет укрепить символическую власть спортивной ассоциации над судьями.

Таким образом, за открытым внешнему наблюдателю фасадом стадиона, скрывается сложный пласт отношений вокруг судейства в юридических и экономических полях, которые необходимо учитывать при выстраивании системы управления спортивным судейством.

Отношения спортивных судей и спортивных ассоциацией

Отношения спортивной ассоциации и судей складывается из множества аспектов, связанных с вопросами мотивации, обучения, контроля, предоставления ресурсов для осуществления своей деятельности и т.п. Описывать эти отношения во всей полноте в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Мы остановимся на нескольких ярко выраженных моментах, которые резко отличают отношения между спортивными судьями и спортивными ассоциациями от типичных отношений работника и работодателя.

В первую очередь важно отметить, что по смыслу существующего российского законодательства спортивный судья не является профессией. Даже в тех случаях, когда спортивному судье выплачивается ежемесячное вознаграждение и предоставляются какие-либо социальные гарантии на случай спортивных травм, с арбитром не заключается стандартный трудовой договор. Работа спортивного судьи является типичным примером прекарной занятости: договор с арбитром может быть расторгнут в любой момент, у спортивной ассоциации отсутствует обязанности предоставлять судье работу или инвентарь для выполнения обязанностей и т.п. Суть отношений заключается в том, что спортивная ассоциация по своему желанию привлекает спортивного судью для судейства конкретного матча, и за судейство конкретного матча судье выплачивается вознаграждение. При этом встречное право судьи отказаться от назначения матч отсутствует – необоснованный отказ от назначения может привести к тому, что повторного предложения судить матч со стороны ассоциации может и не последовать.

Отсутствие трудового договора с арбитром связано не только с традицией, но и имеет определенную логику. В конечном счете, спортивный судья оказывает услуги спортивным организациям различного уровня, и в интересах одной организации может работать только 2–4 дня в месяц. В такой ситуации необходимость заключения трудового договора с судьей находится под большим вопросом.

Однако несмотря на то, что с точки зрения трудового законодательства спортивная ассоциация не имеет каких-либо обязательств перед спортивными судьями, мы можем наблюдать, что с ростом уровня спортивного арбитра, спортивная ассоциация принимает на себя перед ним все больше обязательств.

Выводы

Мы завершили рассмотрение места футбольных арбитров в спортивной поле и поле власти. Систематизируя выводы по каждому разделу, мы можем заключить, что карьера футбольных судей схожа с карьерой спортсменов в том плане, что спортивные судьи, равно, как и спортсмены, конкурируют между собой. По итогам каждого сезона судьи или получают награду в виде повышения в уровне соревнований, или подвергаются наказания в виде понижения в уровне списков. Это предопределяет борьбу судей за ресурсы и необходимость спортивных ассоциаций устанавливать определенные «правила игры» для судей. Можно сделать осторожный вывод, что соревнование судей еще не прошло в полной мере процесс институализации, поскольку соревнование между судьями, в отличие от соревнований между спортсменами, проходит в закрытом режиме.

Спортивное судейство не является чем-то единым. Несмотря на то, что существуют отдельные судейские органы, в настоящий момент в России нет органа или организации, который бы выражал воли и интересы спортивных судей всех уровней. Спортивные судьи взаимодействуют со множеством разных субъектов с разными интересами.

Спортивные судьи обладают значительной символической власти. Различным субъекты футбола, включая самих судей, находятся в постоянной борьбе за эту власть. В этой борьбе спортивные судьи должны отстаивать свою субъектность. Спортивные ассоциации стремятся получить контроль над символической властью спортивного арбитра через различные инструменты. В отношении с другими субъектами спортивные ассоциации стремятся предоставить спортивным судьям больше автономии от других субъектов футбола и одновременно создают независимые системы контроля над судьями. Можно предположить, что работа спортивной ассоциации по управлению футбольными арбитрами будет положительно оценена, если участники соревнования будут убеждены в независимости спортивных судей и высоком качестве их работы.

В связи с этим, в спортивной ассоциации уделяется большое внимание подготовке и контролю за судьями. Рассуждая вслед за Фуко, можно говорить, что на тюрьму похожи не только школы, больницы и заводы [19, с. 334], но и стадионы.

Важным выводом является то, что борьба за власть и ресурсы в спорте ведется не только в рамках спортивного поля на стадионах, но также в рамках юридического и экономического полей, скрытых от глаз внешних наблюдателей. Для понимания спорта, как явления, важно исследовать не только спортсменов и отношения между спортсменами и другими акторами, но и отношения этих акторов между собой, даже если спортсмены не являются объектами этих отношений.

Ограничения статьи связаны с тем, что она основана на документарном исследовании и изложенные в ней тезисы нуждаются подтверждению и уточнению через эмпирические исследования. Кроме того, сам по себе формат статьи, не позволяющий во всей своей полноте охватить различные аспекты спортивного судейства, влечет неизбежные упрощения и сокращения.

Несмотря на это, данная статья вносит важный вклад в понимание спорта, как социального явления, посколь-

ку в ней поднимаются аспекты спорта, находящиеся в периферии зрения социологов. Работа также позволяет составить представление о футбольном судействе, как социальном явлении и может являться базой для последующих исследований в данном направлении.

Литература

1. Шилько В.Г. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 416 с.
2. Elias, N. (1986c) 'An Essay on Sport and Violence', in N. Elias and E. Dunning, Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process, Blackwell: Oxford // Quest for excitement: sport and leisure in the civilising process, by Norbert Elias and Eric Dunning, Oxford, Basil Blackwell, 1986, 313 pp., ISBN-0-631-14654-7 из с. 52 Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge handbook of the sociology of sport. Routledge 492.
3. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge handbook of the sociology of sport. Routledge 492.
4. Шилько В.Г. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 416 с.
5. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge handbook of the sociology of sport. Routledge С. 492.
6. Smith, E. (Ed.). (2010). Sociology of sport and social theory. Human Kinetics.
7. Delaney, T., & Madigan, T. (2015). The sociology of sports: An introduction (2nd ed.). McFarland & Company.
8. MacMahon, C., Mascarenhas, D., Plessner, H., Pizzera, A., Oudejans, R. R. D., & Raab, M. (2015). Sports officials and officiating: Science and practice. Routledge.
9. Referee Magazine on November 08, 2023. https://www.nfhs.org/articles/naso-survey-indicates-concerns-with-sportsmanship-shortage-of-officials/ (дата обращения: 10.01.2025)
10. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge handbook of the sociology of sport. Routledge 492.

IDENTIFYING THE STRUCTURE OF SOCIAL RELATIONS OF FOOTBALL REFEREES IN THE SPORTS SYSTEM: USING THE EXAMPLE OF P. BOURDIEU'S FIELD THEORY

Kalmutskiy V.O., Ilynykh S.A.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to a sociological analysis of the role of football referees in the sporting field and the field of power, taking the Russian Federation as an example. Despite the key role that referees play in ensuring adherence to the rules and legitimizing sporting practices, their status, the internal structure of officiating, and their interactions with other actors remain underexplored in the sociology of sports. The aim of the study is to determine the place of football referees in the system of social relations using Pierre Bourdieu's theory of fields. The methodology includes an analysis of normative documents, interpretation of empirical data, and case studies, which allowed for the examination of four aspects: internal competition among referees, their role during a match and beyond, as well as their relationships with sports associations. The results revealed that officiating is structured as a competitive field: the careers of referees depend on ratings, inspectors' evaluations, and the struggle to be included in prestigious tournaments. During matches, referees perform not only control functions but also administrative ones, balancing between the spectacle and rule enforcement, which underlines their symbolic power. Beyond the stadium, the decisions of referees affect the economic, legal, and organizational aspects of the activities of clubs and associations. Their relationships with associations are characterized by precarious employment, the absence of labor contracts, and disciplinary control, which intensifies the referees' dependency on managerial structures. The discussion emphasizes the duality of the referees' position: on one hand, they possess autonomy in their decision-making; on the other, they are subject to pressure from clubs, fans, and the media. The study contributes to the sociology of sports by broadening the understanding of officiating as a complex social phenomenon and provides a foundation for further research into power dynamics in the sporting field.

Keywords: sociology of sports, football referees, symbolic power, field theory, sports associations.

References

1. Shilko, V.G. Sociology of Physical Culture and Sport: Textbook. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2018. – 416 pages.
2. Elias, N. (1986c) "An Essay on Sport and Violence", in N. Elias and E. Dunning, Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process, Blackwell: Oxford // Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilising Process, by Norbert Elias and Eric Dunning, Oxford, Basil Blackwell, 1986, 313 pages, ISBN-0-631-14654-7, from p. 52 Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge Handbook of the Sociology of Sport. Routledge, 492.
3. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge Handbook of the Sociology of Sport. Routledge, 492.
4. Shilko, V.G. Sociology of Physical Culture and Sport: Textbook. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2018. – 416 pages.
5. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge Handbook of the Sociology of Sport. Routledge, 492.
6. Smith, E. (Ed.). (2010). Sociology of Sport and Social Theory. Human Kinetics.
7. Delaney, T., & Madigan, T. (2015). The Sociology of Sports: An Introduction (2nd ed.). McFarland & Company.
8. MacMahon, C., Mascarenhas, D., Plessner, H., Pizzera, A., Oudejans, R.R.D., & Raab, M. (2015). Sports Officials and Officiating: Science and Practice. Routledge.
9. Referee Magazine on November 08, 2023. https://www.nfhs.org/articles/naso-survey-indicates-concerns-with-sportsmanship-shortage-of-officials/ (Accessed: 10.01.2025)
10. Giulianotti, R. (Ed.). (2015). Routledge Handbook of the Sociology of Sport. Routledge, 492.

Социальное и психологическое благополучие работников с нестабильной занятостью

Камнева Елена Владимировна,
к.п.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

Симонова Маргарита Михайловна,
к.с.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Статья посвящена влиянию неформальной занятости на благополучие работников. Безопасная и здоровая рабочая среда не только является основополагающим правом, но и с большей вероятностью минимизирует напряженность и конфликты на работе и улучшает сохранение персонала, производительность и продуктивность труда.

Ключевые слова: нестабильная занятость, благополучие работников, психическое здоровье, стресс.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Во всем мире насчитывается более двух миллиардов неформальных работников, что составляет более 60% населения [19]. Неформальная занятость вносит новую энергию в трансформацию форм занятости, особенно в контексте быстрого развития цифровой экономики, и число лиц, занятых неформальной работой, может даже превзойти число лиц, занятых формальной занятостью [12].

Неформальная занятость – это форма занятости, характеризующаяся отсутствием фиксированного работодателя и отсутствием четких трудовых отношений, что отличает ее от обычной формальной занятости [9].

Различные формы неформальной занятости служат основным средством увеличения доходов работников, играя решающую роль в развитии новых экономических факторов. Неформальная занятость способствует рациональному потоку и распределению трудовых ресурсов, а также способствует постоянному повышению гибкости рынка труда [18]. Следовательно, она служит важным средством содействия качественной и полной занятости. Хотя разнообразие и гибкость методов занятости решают многочисленные проблемы занятости, нельзя игнорировать их негативное воздействие. Группа неформальных работников, рабочих-мигрантов из сельской местности, фрилансеров и других, часто работает вне правовой защиты трудовых отношений из-за таких характеристик, как отсутствие регистрации и децентрализация [19]. В этой ситуации неформальные работники сталкиваются с такими проблемами, как чрезмерно длинный рабочий день, высокая интенсивность труда и отсутствие социальных льгот, что неизбежно приводит к серьезным последствиям для их психического здоровья.

Описанная как состояние «неуверенности в работе, временной или неполной занятости, отсутствия социальных льгот и низкой заработной платы» [13], нестабильная работа индивидуализирует риск и дестабилизирует жизнь и способность работников не только планировать будущее, но и процветать в настоящем.

Согласно недавнему исследованию, почти 50% сотрудников сообщают о своей обеспокоенности работой, причем эта тревога часто приводит к снижению производительности и морального духа. Речь идет не только о страхе потерять зарплату; Это может создать токсичную среду, которая влияет на общее психическое здоровье. Сотрудники начинают чувствовать себя оторванными от общества, страдает их эмоциональное благополучие, что может повлиять на всю организацию.

Исследования показывают, что почти 50% работников испытывают значительный стресс, связанный с безопасностью работы [9]. Стресс, вызванный нестабильной рабочей обстановкой, не только влияет на производительность труда, но и может серьезно сказаться на психическом здоровье. Чтобы бороться с этим, организации могут способствовать стабильности рабочих мест, поощряя открытое общение и предоставляя ресурсы для благополучия сотрудников. Это включает в себя все: от регулярных проверок до создания поддерживающего рабочего сообщества, где каждый чувствует, что его слышат и ценят.

В социологической и философской литературе нестабильная занятость рассматривается не только как

социально-экономическая проблема, но и как явление, которое влияет на субъективный опыт идентичности и социальных отношений.

К подмножеству самозанятой рабочей силы относят фрилансеров, которые работают в наиболее высококвалифицированных профессиональных категориях. «Фриланс (свободная занятость) – это вид занятости на рынке товаров и услуг, характеризующийся самостоятельностью выбора формы и места ее реализации и низкой степенью зависимости от работодателя» [1].

Можно выделить различия между фрилансерами и самозанятыми. Например, фрилансеры как правило обычно работают в одиночку, в то время как самозанятые могут нанимать других. Но у фрилансеров и самозанятых работников действительно много общего. Эти сходства означают, что обе группы работников обычно привлекаются возможностями и гибкостью, предоставляемыми их рабочим статусом, но в то же время и часто из-за одних и тех же условий (например, работа вне формальных, организационных инфраструктур и систем управления), они часто также уязвимы для тягот нестабильной занятости.

Следовательно, хотя многих людей может привлекать работа фрилансером из-за ее предполагаемой способности предлагать большую гибкость и автономию [7], как показали исследования, она не лишена множества проблем: работа сосредоточена в низкооплачиваемых секторах экономики; связана с ограниченными правами и защитой на рабочем месте, поскольку отдельные работники не имеют гарантированных минимальных часов или надежного источника дохода. Так в России, фриланс незначительно распространен среди молодых людей, что вызвано нестабильностью работы, отсутствием социальных гарантий, относительно невысоким уровнем дохода, из-за рисков неполучения оплаты [1].

Помимо того, что нестабильная работа оказывает крайне негативное влияние на материальные основы повседневной жизни, включая способность планировать будущее, в исследованиях отмечается, что она наносит значительный вред физическому и психическому здоровью тех, кто ею занимается [10]. Отмечено, что она оказывает пагубное влияние на семьи и социальную стабильность в целом [2]. А. Ирвин и Н. Роуз считают, что различные формы незащищенности при нестабильной занятости могут отрицательно влиять на психическое здоровье и чувство благополучия людей. Могут формироваться переутомление, озабоченность поиском работы и постоянная готовность к ее поиску, то есть – факторы, которые могут уменьшить позитивные и здоровые связи с другими.

Е. Фарина и др. [6]. выявили положительную связь между ухудшением психического здоровья и теми, кто работает по крайне нестабильным контрактам с нулевым рабочим временем, часто порожденным постоянным чувством неопределенности и незащищенности. А в своем исследовании австралийских работников Р. Бентли и др. отмечают, что нестабильность во многих случаях усугубляется дополнительным напряжением и беспокойством по поводу доступного жилья [4].

Еще одним и в значительной степени недостаточно изученным последствием нестабильной занятости и ее связи со здоровьем и благополучием является ее негативное влияние на индивидуальные режимы сна и все, что может из этого вытекать [8]. Хотя связь между сном и работой сама по себе ранее изучалась с нескольких точек зрения, исследователи наблюдали, как нестабильность работы и ее негативное влияние на режим сна часто заметно гендерно обусловлены, причем мужчины страдают от более серьезных нарушений сна, чем женщины. Возможно, потому что мужчины продолжают «считать работу основой своей социальной роли» [11], особенно примечательно в этом исследовании то, что оно признает значимость субъективного воздействия неуверенности, которую порождает такая прекарность, наряду с ее более объективными социально-экономическими эффектами, выдвигая на первый план идею прекарности субъекта.

Таким образом, нестабильная занятость может оказать негативное влияние из-за неопределенности или уязвимости к неопределенности на социально-экономический статус, на здоровье и психическое благополучие фрилансеров.

В частности, фрилансеры часто сталкиваются с повышенной нестабильностью в своих условиях труда, что неизбежно влияет на их психологическое благополучие, которое влияет на возможности трудоустройства людей. Этот неблагоприятный эффект в первую очередь опосредован ухудшением доступа к медицинским услугам, увеличением рабочих часов и снижением удовлетворенности рабочей средой, связанным с неформальной занятостью.

Теории сегментации рынка труда и конкуренции на рынке труда в классической экономике труда объясняют различия между нестабильной и стабильной формами занятости [5]. По сравнению с формальным рынком занятости, который подвержен многочисленным ограничениям, таким как профсоюзы, трудовые договоры и страхование сотрудников, неформальный рынок труда, движимый максимизацией прибыли, демонстрирует характеристики нестабильных трудовых отношений и низкого уровня благосостояния [19]. Поэтому некоторые ученые утверждают, что неформальная занятость оказывает определенное негативное влияние на здоровье. Например, в исследованиях указывается на связь между самозанятостью (одной из форм неформальной занятости) и повышенным риском психических расстройств. Самозанятые лица без трудовых договоров демонстрируют более высокую заболеваемость психическими заболеваниями. Неполная занятость, краткосрочные контракты и почасовая оплата труда, которые обычно наблюдаются в неформальной занятости, в значительной степени связаны с распространенностью симптомов депрессии среди работников [3]. В целом, неформальные работники демонстрируют более низкую удовлетворенность работой по сравнению с формальными группами занятости [19]. Кроме того, с появлением новых моделей занятости на основе платформ размывание границ между работой и жизнью привело к серьезному риску переутомления, что представляет собой значительную угрозу для физического и психологического благополучия работников [17; 18]. В то время как обязательная сила соглашений о взаимоотношениях между трудом и руководством в неформальной занятости уменьшается, а неформально занятое население пользуется большей автономией, нестабильность работы приводит к худшим условиям здоровья работников.

Существует и другая точка зрения, что неформальная занятость может оказывать положительное влияние на здоровье [8]. В частности, более гибкие формы занятости связаны с увеличением потребления фруктов и овощей, а также более высокой частотой физических нагрузок, которые положительно коррелируют с физическим благополучием [15].

Более того, во время мобильности населения самозанятость, благодаря расширению экономических возможностей и накоплению социального капитала, может оказывать положительное влияние на физическое благополучие работников [19]. Гибкие условия работы смяг-

чают влияние переходов безработицы на субъективное благополучие молодых людей, в то время как гибкость предложения рабочей силы поддерживает переходы занятости [14]. Хотя неформальная занятость обеспечивает ограниченный доступ/возможности для здравоохранения и социальной защиты, она не обязательно приводит к худшим результатам в отношении здоровья по сравнению с формальной занятостью [8]. Это связано с тем, что основная причина различий в состоянии здоровья может заключаться в условиях труда, а не в неформальности/формальности занятости в первую очередь [16; 19].

Чтобы поддерживать здоровье и повышать конкурентоспособность на рынке труда, лицам, занятым в неформальной занятости, необходимо уделять первостепенное внимание своему психологическому благополучию и быть мотивированными инвестировать в психологическое благополучие.

Подводя итог, можно сказать, что существующая научная литература, касающаяся влияния неформальной занятости на благополучие, еще не достигла окончательного консенсуса. Противоречивость социальных последствий нестандартной занятости нуждаются в научном осмыслении.

Литература

1. Дудина О.М., Голованова Д.В. Социальный портрет молодых российских фрилансеров. Креативная экономика. 2018. 12(9):1441.
2. Ba', S. (2020). Precarity and Family Life in Italy and Great Britain. Job Insecurity as Commodification of Labour. Journal of Contemporary European Studies, 28(4), 544–555.
3. Balogh R, Gadeyne S, Jonsson J, et al. Employment trajectories and mental health-related disability in Belgium. Int Arch Occup Environ Health. 2022;96(2):285–302.
4. Bentley, R., Baker, E., & Aitken, Z. (2019). The "Double Precarity" of Employment Insecurity and Unaffordable Housing and its Impact on Mental Health.Social Science and Medicine, 225, 9–16.
5. Doeringer P.B., Piore M.J. Internal labor markets and manpower analysis[M]. Armonk: Me Sharpe; 1985.
6. Farina, E., Green, C., & McVicar, D. (2020). Is Precarious Employment Bad for Worker Health? The Case of Zero Hours Contracts in the UK.
7. Gandini, A. (2019). Labour Process Theory and the Gig Economy. Human Relations., 72(6), 1039–1056.
8. Hahn MH, McVicar D, Wooden M. Is casual employment in Australia bad for workers' health?. J Occup Environ Med. 2021;78(1):15–21.
9. Hassan M, Schneider F. Size and development of the shadow economics of 157 countries worldwide: updated and new measures from 1999 to 2013. J Glob Econ. 2016;4(3):1–49.
10. Macmillan, R., & Shanahan, S. J. (2021). Why Precarious Work Is Bad for Health: Social Marginality as Key Mechanisms in a Multi-National Context. Social Forces, 100(2), 821–851.
11. Mai, Q. D., Jacobs, A. W., & Schieman, S. (2019). Precarious Sleep? NonstandardWork, Gender, and Sleep Disturbance in 31 European Countries.Social Science and Medicine, 237, 1–10.
12. Marcin K, Micha R, Gorzata WM. Do flexible working hours amplify or stabilize unemployment fluctuations?. Eur Econ Rev. 2021;26(1):47–65.
13. Millar, K. M. (2017). Toward a Critical Politics of Precarity. Sociology Compass, 11, e12483.
14. Russell H, Leschke J, Smith M. Balancing flexibility and security in Europe? The impact of unemployment on young people's subjective well-being. Eur J Ind Relat. 2020;26(3):243–61.
15. Sedina D, Cauley KD. Exploring the relationship between self-employment and women's cardiovascular health. BMC Womens Health. 2022;22(1):1–8.
16. Sutherland, W., Jarrahi, M. H., Dunn, M., & Nelson, S. B. (2020). Work Precarity and Gig Literacies in Online Freelancing. Work, Employment and Society, 34(3), 457–475.
17. Wang X, Yang J. The relationship between working time length and health: from the perspective of obesity. Popul Econ. 2020;238(01):29–48.
18. Yang WG, et al. Chinese flexible employment development report (2022). Beijing: Social Sciences Literature Press; 2022. p. 9–1.
19. Zhou et al. Impact of informal employment on individuals' psychological wellbeing: microevidence from China. International Journal of Mental Health Systems (2024) 18:29.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF WORKERS IN PRECARIOUS EMPLOYMENT[1]

Kamneva E.V., Simonova M.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article focuses on the impact of informal employment on worker well-being. A safe and healthy work environment is not only a fundamental right, but is also more likely to minimize tension and conflict at work and improve employee retention, productivity and performance.

Keywords: precarious employment, worker well-being, mental health, stress.

References

1. Dudina O. M., Golovanova D.V. Social portrait of young Russian freelancers. Creative Economy. 2018. 12(9):1441.
2. Ba', S. (2020). Precarity and Family Life in Italy and Great Britain. Job Insecurity as Commodification of Labour. Journal of Contemporary European Studies, 28(4), 544–555.
3. Balogh R, Gadeyne S, Jonsson J, et al. Employment trajectories and mental health-related disability in Belgium. Int Arch Occup Environ Health. 2022;96(2):285–302.
4. Bentley, R., Baker, E., & Aitken, Z. (2019). The "Double Precarity" of Employment Insecurity and Unaffordable Housing and its Impact on Mental Health. Social Science and Medicine, 225, 9–16.
5. Doeringer P.B., Piore M.J. Internal labor markets and manpower analysis[M]. Armonk: Me Sharpe; 1985.
6. Farina, E., Green, C., & McVicar, D. (2020). Is Precarious Employment Bad for Worker Health? The Case of Zero Hours Contracts in the UK.
7. Gandini, A. (2019). Labor Process Theory and the Gig Economy. Human Relations., 72(6), 1039–1056.
8. Hahn MH, McVicar D, Wooden M. Is casual employment in Australia bad for workers' health?. J Occup Environ Med. 2021;78(1):15–21.
9. Hassan M, Schneider F. Size and development of the shadow economies of 157 countries worldwide: updated and new measures from 1999 to 2013. J Glob Econ. 2016;4(3):1–49.
10. Macmillan, R., & Shanahan, S. J. (2021). Why Precarious Work Is Bad for Health: Social Marginality as Key Mechanisms in a Multi-National Context. Social Forces, 100(2), 821–851.
11. Mai, Q. D., Jacobs, A. W., & Schieman, S. (2019). Precarious Sleep? NonstandardWork, Gender, and Sleep Disturbance in 31 European Countries.Social Science and Medicine, 237, 1–10.

[1] The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

12. Marcin K, Micha R, Gorzata WM. Do flexible working hours amplify or stabilize unemployment fluctuations? Eur Econ Rev. 2021;26(1):47–65.
13. Millar, K. M. (2017). Toward a Critical Politics of Precarity. Sociology Compass, 11, e12483.
14. Russell H, Leschke J, Smith M. Balancing flexibility and security in Europe? The impact of unemployment on young people's subjective well-being. Eur J Ind Relat. 2020;26(3):243–61.
15. Sedina D, Cauley KD. Exploring the relationship between self-employment and women's cardiovascular health. BMC Women's Health. 2022;22(1):1–8.
16. Sutherland, W., Jarrahi, M. H., Dunn, M., & Nelson, S. B. (2020). Work Precarity and Gig Literacies in Online Freelancing. Work, Employment and Society, 34(3), 457–475.
17. Wang X, Yang J. The relationship between working time length and health: from the perspective of obesity. Popul Econ. 2020;238(01):29–48.
18. Yang WG, et al. Chinese flexible employment development report (2022). Beijing: Social Sciences Literature Press; 2022. p. 9–1.
19. Zhou et al. Impact of informal employment on individuals' psychological well being: microevidence from China. International Journal of Mental Health Systems (2024) 18:29.

Жизненные стратегии молодежи как ресурс инновационного развития приграничного региона

Сережко Татьяна Алексеевна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Кохан Жанна Сергеевна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zhanna_kokhan@mail.ru

Кохан Дмитрий Александрович,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zgolovko99@rambler.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, выявлена взаимосвязь между жизненными стратегиями, реализуемыми молодыми людьми, их социальными установками и уверенностью в будущем. «Стратегия профессионального совершенствования» и «стратегия творчества и реализации идей», которые предполагают реализацию инновационного потенциала, коррелируют с оптимистическими социальными установками и безопасностью. Напротив, «стратегия экономического выживания» коррелирует с пессимистическими настроениями и неуверенностью в себе.

Ключевые слова: молодежь, жизненный план, профессиональная стратегия, инновационное развитие.

В процессе продолжающейся глобализации качественный человеческий капитал становится ценным уникальным ресурсом для экономики. Характеристики человеческого капитала в его современном понимании включают в себя не только образование и опыт, но и множество других навыков, среди которых адаптивность, креативность, интеллектуальные, управленческие и деловые навыки. Как отмечают Н.В. Ревенко, Т.А. Сережко, качественные и количественные характеристики человеческого капитала находятся в тесной связи с инновационным потенциалом общества [3].

Являясь наиболее перспективным представителем человеческого капитала, молодежь может выступать движущей силой развития экономики, социальной сферы, образования и науки до тех пор, пока ее жизненные стратегии и планы направлены на реализацию инновационного потенциала.

Жизненные и профессиональные стратегии, жизненные цели и планы молодых людей могут быть проанализированы в различном проблемном контексте. Прежде всего, мы должны выделить исследование связи между жизненными целями с ценностными предпочтениями и культурой (Kasser, 2016 [6]; (Сережко, Толстиков, 2024 [4]). Выводы Кассера доказывают, что материальные ценности как жизненные цели, ориентированные на достижение богатства, обладания, имиджа, положения в обществе, снижают мотивацию к учебе и работе, противореча ценностям личностного и эмоционального роста. В результате, чтобы уменьшить влияние современной культуры на потребление, прибыль и экономический рост, необходимо принять соответствующую политику [6].

Еще одной областью, которую мы выделяем, является изучение жизненных и профессиональных стратегий, связанных с институциональными условиями и процессами, происходящими в обществе (Осипова и Энвери, 2016 [2]). Л.Б. Осипова после опроса студентов и интервью с экспертами пришла к выводу, что существует дисбаланс между карьерными намерениями и предпочтениями молодых людей и потребностями в трудовых ресурсах на рынке труда, что в конечном итоге снижает способность молодых людей реализовать свой потенциал [2].

Наиболее перспективным подходом в изучении жизненных стратегий является изучение жизненных целей населения в целом и его конкретных групп (в том числе молодежи) в контексте субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью (Боун, 2019; Мартос и Копп, 2012; Карачаровский, Шкаратан, 2019). Согласно исследованиям Мартос, стремление к достижению внутренних жизненных целей, таких как личностный рост, приводит к положительному субъективному благополучию и удовлетворенности. Напротив, внешние жизненные цели, такие как богатство, слабо или отрицательно коррелируют с субъективным благополучием. Эта корреляция наблюдается в равной степени как среди бедных, так и среди богатых групп населения одновременно [7]. В результате исследования В.В. Карачаровского и О.И. Шкаратана был выявлен особый социально-демографический перекос в жизненных целях – молодые люди реже, чем

старшие возрастные группы, преследуют «идеалистические» цели, связанные с повышением квалификации, профессиональным и личностным ростом, решением творческих задач; для молодых людей более характерно преобладание либо прагматичных внешних целей (доход и т.д.), либо целей, связанных с созданием семьи и рождением детей [1]. На наш взгляд, этот факт обостряет проблему качественных характеристик молодежи как инновационного ресурса общества, поскольку сомнительно, что подобные стратегии и планы могут привести к реализации творческих, когнитивных и других способностей молодых людей.

Мы считаем, что в субъективном благополучии молодежи как социальной группы значительную роль играет не столько удовлетворенность настоящим, сколько настроения и установки, направленные на будущее, его оптимистическое или пессимистическое восприятие. Это была бы интересная тема для исследования – как эти социальные установки молодых людей соотносятся с их жизненными целями. Среди немногих исследований на эту тему мы отметили исследование Боуна, которое показало связь между жизненными планами молодых людей и негативными социальными установками, выражающимися в чувстве незащищенности и неуверенности в результате нестабильной занятости. Негативное социальное отношение способствует откладыванию жизненных планов, связанных с организацией семьи и другими обязательствами взрослых, или отсутствию долгосрочных молодежных планов [5]. Анализ литературы показал, что существует пробел в знаниях о жизненных стратегиях и планах молодых людей в контексте их социального отношения к перспективам. Хотя, как отмечают В.В. Карачаровский и О.И. Шкаратан, жизненные планы и вытекающий из них набор индивидуальных целей могут существенно изменить общество [1]. Кроме того, практически не проводилось исследований влияния жизненных и профессиональных стратегий на инновационную активность молодежи и реализацию ее потенциала. В связи с этим основной задачей исследования было определить, какие стратегии молодых людей способствуют их инновационной активности и влияют ли социальные установки на выбор этих стратегий.

Выводы, представленные в данной работе, основаны на эмпирическом социологическом исследовании, проведенном среди работающих и неработающих студентов в Белгородском университете кооперации, экономики и права в период с 2024 по 2025 год. Методом анкетирования мы опросили студентов университета и колледжа, получающих профессиональную подготовку в области экономики, юриспруденции и информационных технологий (N = 600), а также магистрантов и аспирантов, совмещающих учебу и работу (N = 300).

В ходе исследования мы сосредоточились на трех темах: степень инновационной активности молодежи во время учебы или профессиональной деятельности; жизнь молодежи и профессиональные планы; социальные настроения молодежи относительно ближайшего будущего.

Инновационная активность молодежи рассматривалась как практика определенного вида образовательной или профессиональной деятельности, связанной с развитием и реализацией инновационного потенциала. Мы рассматривали жизненные стратегии как индивидуальные долгосрочные жизненные цели, основанные на ценностных приоритетах молодого человека, которые могут служить основой для достижений. Профессиональные стратегии являются неотъемлемой частью жизненных стратегий. Мы изучали социальное настроение молодежи как эмоциональное отношение к социальным изменениям в ближайшем будущем (ближайшие три года): ожидание перемен к лучшему интерпретируется как настроение оптимизма, а ожидание перемен к худшему – как пессимизм; ожидание сохранения статус-кво в обществе рассматривалось как нейтральное отношение к будущему.

Согласно результатам опроса, проведенного среди работ студентов и молодых сотрудников, более половины респондентов занимаются каким-либо видом творческой деятельности во время своей работы или учебы (51% студентов и 60% магистрантов и аспирантов). Если говорить о творческой деятельности, то и студенты, и молодые специалисты практикуют проектную деятельность практической направленности, направленную на решение технологической проблемы. Также довольно часто молодые люди предлагают какие-либо технические усовершенствования для личного потребления (14%). Предложение творческих идей и исследовательских проектов и их реализация менее популярны, особенно среди студентов (9%). Для меньшей части молодежи характерны изобретательская активность, создание программных продуктов, продвижение бизнес-идей и их популяризация в форме бизнес-планирования, хотя 26% студентов и 20% молодых специалистов указали создание собственного бизнеса, разработку бизнес-идеи в числе своих жизненных приоритетов.

Молодые специалисты более активны в освоении и внедрении инноваций, повышении уровня образования и профессиональных навыков, чем студенты. В этом вопросе мы не предлагали студентам оценить альтернативы, связанные с профессиональным развитием, инновациями и освоением новых технологий и оборудования в производственном процессе, поскольку для них это не актуально. Поэтому мы сравниваем их активность с активностью молодых сотрудников только по участию в различных конференциях и семинарах, а также по участию в профессиональных конкурсах, соисканиях грантов и стипендий. Активность молодых сотрудников и студентов в этих сферах примерно одинакова. Однако нам кажется, что выступления на научных конференциях, участие в конкурсах исследовательских проектов и грантах обычно в той или иной степени интегрированы в учебный процесс в университетах и колледжах. Поэтому, если уровень участия в конкурсах на получение стипендий и грантов на уровне 7–8%, скорее всего, является нормальным для молодых сотрудников, то для студентов такой же уровень недостаточен.

Оценивая инновационную активность молодежи, отметим несколько фактов. Во-первых, инновационная активность выше среди молодых сотрудников, чем среди студентов: каждый десятый молодой специалист не участвует ни в каких видах деятельности (11%), среди студентов – почти каждый пятый (19%). Во-вторых, среди активных студентов творческие и внедренческие виды деятельности представлены примерно поровну, причем среди молодых специалистов в большей степени представлена имплементационная деятельность – деятельность по внедрению инноваций в жизнь и по их профессиональному самосовершенствованию.

Структура жизненных и профессиональных целей, лежащих в основе стратегий, у студентов и молодых специалистов одинакова.

Молодежь ориентирована на создание семьи и достижение высокого экономического положения. Эти данные подтверждают результаты исследования жизненных целей, проведенного В.В. Карачаровским и О.И. Шкаратаном о приоритете утилитарных материалистических ценностей среди молодежи в виде ориентаций на создание семьи, рождение детей и достижение экономи-

ческого благополучия для себя и своих семей [1]. Мы также можем сослаться на подобную ориентацию как на приобретение дома, что является важной жизненной целью для 28% респондентов. Наряду с ориентацией на достижение экономического статуса, это указывает на то, что значительная часть молодых людей неустроена и не удовлетворена своим финансовым и материальным положением.

Ориентация на создание семьи и рождение детей в большей степени представлена среди молодых специалистов, которые являются частью старшей возрастной группы, по сравнению с молодыми студентами. Также для работающих более важны профессиональные достижения, а для студентов – творчество, реализация идей и создание собственного бизнеса.

Мы выделили несколько типов жизненных стратегий молодых людей и проанализировали их возможности, исходя из направленности целей на реализацию инновационного потенциала.

Мы обнаружили, что стратегия «профессионального совершенствования», направленная на профессиональные и карьерные достижения, довольно широко распространена среди работающей и учащейся молодежи. Ее потенциал заключается в способности к самосовершенствованию (в профессиональном и образовательном плане) для достижения успеха и высоких социально-профессиональных позиций.

Затем мы определили стратегию «креативность и реализация идей», которая предполагает сосредоточение внимания на креативности как жизненно важной ценности, реализацию своих творческих идей и проектов, в том числе и деловых. Она обладает наиболее значительным творческим потенциалом, потому что здесь мы можем говорить о реализации своих креативных идей как о ведущем руководстве по жизни и креативности мышления как о главном способе ее достижения. Эта категория молодежи нацелена на продуцирование новых идей, разработку и реализацию своих проектов. Нацеленность на успех в бизнесе, а также открытие собственного дела также обладают значительным потенциалом с точки зрения инновационной активности – создание бизнес-проектов, ведущих к внедрению инноваций, которые предполагают доведение разработок до массового потребителя, чрезвычайно важно для инновационного развития.

Следующая стратегия «экономического выживания» связана с обеспечением желаемого уровня дохода и экономического благополучия в целом. Сюда же мы отнесли и настройку по сути на семью и желаемые для нее условия жизни (собственный дом). Эти ориентации часто присутствуют в качестве приоритетных жизненных целей молодых людей. Однако трудно указать на их перспективы с точки зрения реализации инновационного потенциала. Вместо этого стратегия, которая их аккумулирует, будет обладать чертами адаптивности, ориентируясь на стабильность и экономическое «выживание» в неблагоприятных условиях окружающей среды.

Отметим еще один момент, связанный с реализацией жизненных целей – более 15% студентов не видят возможности самореализоваться в регионе и планируют уехать из него в другой регион в ближайшие три года. Среди молодых сотрудников таких планов практически нет (менее 1%). Здесь мы можем интерпретировать эту ориентацию двояко: либо это просто более высокая потребность в мобильности (образовательной, профессиональной и т.д.) самых молодых возрастных групп, либо это проявление негативных социальных установок – неуверенности в себе, пессимизма. Это означает, что необходимо интерпретировать типы стратегий молодых людей в контексте их социальных установок.

Выбор жизненных и профессиональных стратегий происходит в контексте особого социального самочувствия молодых людей. Принимая во внимание различные показатели благополучия, мы выбрали общественное отношение к изменениям в ближайшем будущем. Более половины молодых людей продемонстрировали нейтральное отношение к будущему – 55% считают, что в ближайшие три года ничего кардинально не изменится (ни в лучшую, ни в худшую сторону). В целом, среди респондентов почти поровну оптимистов и пессимистов.

Одним из важнейших результатов исследования стала взаимосвязь между типами жизненных стратегий и социальными установками молодых людей относительно перспектив – оптимизмом и пессимизмом. Социальный пессимизм несколько выше среди молодых людей, придерживающихся стратегии создания семьи и достижения экономического благополучия (28%), чем среди молодых людей, придерживающихся стратегии профессионального успеха и карьеры, творчества и реализации идей (18–22%).

С другой стороны, социальный оптимизм более характерен для стратегии профессионального успеха и карьеры, творчества и реализации идей (24–27%), чем для стратегии семейного и экономического благополучия (13%). Таким образом, полученный эмпирический материал позволяет предположить, что стратегии, обладающие определенным инновационным потенциалом, в большей степени соответствуют оптимистичному социальному отношению к будущему, а стратегии «экономического выживания» (адаптивные) связаны с пессимизмом, неблагоприятным сценарием возможного социального будущего.

Анализ инновационного потенциала в отношении каждого выявленного типа жизненной стратегии обоснован и подтверждается установленной взаимосвязью между стратегиями и инновационной активностью. Результаты корреляционного анализа показали, что уровень инновационной активности связан с типом жизненных стратегий молодежи. Высокий уровень инновационной активности чаще всего представлен креативностью и стратегией реализации идей (45%), умеренная активность или стремление к реализации чаще представлены среди стратегий профессионального успеха и карьеры (44%), низкая активность представлена среди адаптивных стратегий экономического благополучия (33%).

Основываясь на результатах исследования, мы делаем следующие выводы, касающиеся студентов и молодых специалистов в приграничном регионе России.

Во-первых, большинство молодых людей как студентов, так и сотрудников, практикуют в процессе учебы или работы какую-либо деятельность, связанную с реализацией своего инновационного потенциала. Это разработка и продвижение своих идей и проектов. Однако гораздо чаще эта деятельность связана с повышением их образовательного или профессионального уровня или разработкой и внедрением готовых инноваций, а не с продвижением и развитием их идей.

Во-вторых, жизненные и профессиональные стратегии, обладающие особым инновационным потенциалом, скорее всего, соответствуют оптимистичным социальным представлениям о будущем, а адаптивные стратегии «экономического выживания», скорее всего, связаны с пессимизмом и негативными социальными установками.

В-третьих, молодые люди в основном сосредоточены на достижении своих жизненных целей, создании семьи и обеспечении своего экономического благополучия,

при пессимистичном отношении общества к перспективам, что не очень способствует реализации их инновационного потенциала.

Поэтому нам необходимы меры социальной политики, направленные на студентов и работающую молодежь, которые помогли бы молодым людям выбрать жизненные и профессиональные стратегии, ведущие к высокому уровню инновационной активности. В ходе нашего исследования мы выделили два типа таких стратегий – «стратегия профессионального самосовершенствования» и «стратегия креативности и реализации идей».

Литература

1. Карачаровский, В.В. Разные цели одного общества / В.В. Карачаровский, О.И. Шкаратан // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17.
2. Осипова, Л.Б. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования / Л.Б. Осипова, Л.А. Энвери // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46).
3. Ревенко, Н.В. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития / Н.В. Ревенко, Т.А. Сережко, Ж.С. Кохан // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
4. Сережко, Т.А. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона / Т.А. Сережко, В.А. Толстиков, Д.А. Кохан // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 97–99.
5. Bone, K.D. (2019). ‘I don’t want to be a vagrant for the rest of my life’: young peoples’ experiences of precarious work as a ‘continuous present’. Journal of Youth Studies, 22(9), 1218–1237.
6. Kasser, T. (2016). Materialistic Values and Goals. Annual Review of Psychology, Vol 67, 67, 489–514.
7. Martos, T., & Kopp, M. S. (2012). Life Goals and Well-Being: Does Financial Status Matter? Evidence from a Representative Hungarian Sample. Social Indicators Research, 105(3), 561–568.

YOUTH LIFE STRATEGIES AS A RESOURCE FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION

Serezhko T.A., Kokhan Z.S., Kohan D.A.
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article presents the results of an empirical study, reveals the relationship between the life strategies implemented by young people, their social attitudes and confidence in the future. The “strategy of professional development” and the “strategy of creativity and realization of ideas”, which involve the realization of innovative potential, correlate with optimistic social attitudes and security. On the contrary, the “economic survival strategy” correlates with pessimistic moods and self-doubt.

Keywords: youth, life plan, professional strategy, innovative development.

References

1. Karacharovsky, V.V. Different goals of one society / V.V. Karacharovsky, O.I. Shkaratan // Sociological studies. 2019. No. 1. Pp. 5–17.
2. Osipova, L.B. Life strategies of young people: experience of sociological research / L.B. Osipova, L.A. Enveri // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. No. 4 (46).
3. Revenko, N.V. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of innovative development problems / N.V. Revenko, T.A. Serezhko, Zh.S. Kokhan // Bulletin of BUKEP. 2023, No. 2. Pp. 101–112.
4. Serezhko, T.A. Conceptual Foundations for the Study of Life Strategies of Youth in a Border Region / T.A. Serezhko, V.A. Tolstikov, D.A. Kokhan // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 1. P. 97–99.
5. Bone, K. D. (2019). ‘I don’t want to be a vagrant for the rest of my life’: young people’ experiences of precarious work as a ‘continuous present’. Journal of Youth Studies, 22(9), 1218–1237.
6. Kasser, T. (2016). Materialistic Values and Goals. Annual Review of Psychology, Vol 67, 67, 489–514.
7. Martos, T., & Kopp, M. S. (2012). Life Goals and Well-Being: Does Financial Status Matter? Evidence from a Representative Hungarian Sample. Social Indicators Research, 105(3), 561–568.

Демографические изменения и влияние миграции на численность и состав населения Дальнего Востока

Кочетков Владимир Викторович,
доктор социологических наук, профессор по кафедре, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vkochetkov58@mail.ru

Ли Ангелина Владимировна,
аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: angelinali1999@gmail.com

В исследовании проведен анализ демографической динамики и влияния миграционных процессов на численность и структуру населения Дальневосточного федерального округа (ДФО). Были выявлены ключевые факторы, определяющие развитие демографической ситуации в регионе. По результатам анализа, к началу 2024 года численность населения ДФО составила 7,8 млн чел. За последние тридцать лет наблюдается устойчивая тенденция к сокращению численности населения макрорегиона – на 24,4%. Естественная убыль населения за этот период достигла 178,5 тыс. человек. Структура населения ДФО практически соответствует средней по стране – доля сельского населения составляет 26,2% против 25,1% по России. В 2023 году наибольший вклад (69%) в миграционный оборот на Дальнем Востоке внесли Приморский край (21%), Республика Саха (Якутия) (18%), Хабаровский край (17%) и Республика Бурятия (13%). Установлено, что миграционный отток населения является одним из главных факторов снижения численности населения ДФО. Он усиливает негативные демографические тенденции, связанные с естественной убылью населения.

Ключевые слова: demographic changes, fertility, population, the Far East, migration, population composition, mortality.

Введение

В эпоху глобализации, характеризующуюся экономической подвижностью и демографическими вызовами, вопрос о миграции населения как ресурсе приобретает особую значимость. Современное мировое сообщество сталкивается с рядом сложных проблем, среди которых геополитическая нестабильность и демографические трудности, обусловленные старением населения и снижением уровня рождаемости [3]. В этой связи миграция рассматривается как важный инструмент адаптации к меняющимся условиям и преодоления демографических дисбалансов. Миграционные потоки, интегрируясь в постоянное население страны, сильно влияют на демографические процессы. Такая миграция может быть использована как инструмент для невилирования уменьшения доли населения (негативного естественного прироста) или для усиления положительного естественного прироста [1,11].

Вопрос демографической динамики и влияния миграции на Дальнем Востоке приобретает особую значимость в свете ряда факторов. Во-первых, регион характеризуется специфическими демографическими особенностями, в том числе пониженная плотность населения, высокий уровень миграционного оттока и неблагоприятную демографическую ситуацию с естественной убылью населения. Во-вторых, Дальний Восток занимает ключевое место в экономической и геополитической структуре Российской Федерации. Поэтому обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона неразрывно связано с состоянием его демографических показателей. В-третьих, точное знание демографических тенденций и миграционных процессов является непременным условием для разработки действенной региональной политики, направленной на увеличение численности населения и повышение его качественного уровня [2].

Целью исследования является анализ демографических изменений и влияния миграции на численность и состав населения Дальнего Востока.

Методика

В рамках настоящего исследования были применены:

– Статистический анализ: изучение числовых данных о населении ДФО, полученных из официальных источников;
– Анализ научной литературы: исследование публикаций в области демографии и миграции, с акцентом на особенности Дальнего Востока.
– Сравнительный анализ: сопоставление демографических показателей Дальневосточного федерального округа с аналогичными показателями по Российской Федерации в целом.
– Математико-статистический анализ: применение методов математической статистики для обработки данных и выявления тенденций в динамике демографических показателей.

Исследование было проведено на основе базы данных Федеральной службы государственной статистики за период с 2010 по 2024 год [9].

Результаты исследования

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) представляет собой один из наиболее уникальных макрорегионов Российской Федерации. Занимая самую большую территорию среди всех субъектов РФ (40,6% от общей площади страны), ДФО характеризуется наименьшей плотностью населения по сравнению с другими федеральными округами – 1,17 человек на квадратный километр (в среднем по стране этот показатель составляет 8,5 человек на квадратный километр) [4].

Численность населения на территории Дальнего Востока, подобно любой другой открытой социально-экономической системе, определяется двумя основными факторами: естественным приростом населения и миграционными процессами [6].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2024 года население Дальневосточного федерального округа (ДФО) составляло 7 866 344 человек. По состоянию на начало 2024 года на 1000 женщин в ДФО приходилось 895 мужчин, в то время как по всей стране этот показатель составлял 868 [12]. Данные численности населения по половой принадлежности приведены на рисунке 1.

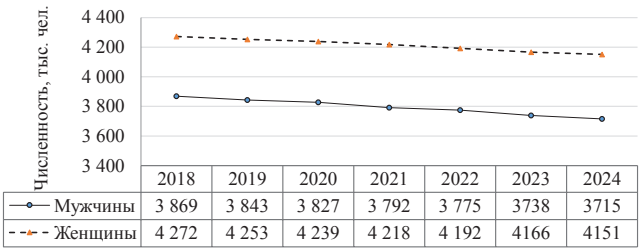

Рис. 1. Динамика численности населения по половой принадлежности [12]

В период с 2018 по 2024 год доля женщин в общей численности населения региона увеличилась и достигла 52,8%, что на 0,3 процентных пункта выше, чем в 2018 году. В течение 2023 года численность населения Дальневосточного федерального округа уменьшилась на 37,5 тысяч человек. С начала 2014 года данный показатель снизился более чем на 388,5 тысяч человек. Положительная динамика демографической ситуации наблюдалась в трёх субъектах ДФО: Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Чукотском автономном округе. По данным за истекший год, численность населения Республики Саха (Якутия) увеличилась на 6,4 тысячи человек и достигла 1 004 тысяч человек. Аналогичный показатель для Камчатского края составил 421 человек, в результате чего общее население региона достигло 289,1 тысячи человек. Население Чукотского автономного округа выросло на 176 человек, и на конец года составило 48,19 тысячи человек [5].

В ДФО с 2018 г. наблюдается продолжающаяся тенденция уменьшения доли населения, вызванная уменьшением рождаемости (в силу демографической волны, связанной с малым количеством родившихся в 1990-х годах) и усиленной смертностью в 2020–2021 годах на фоне пандемии COVID-19 (рисунок 2).

Исходя из анализа данных, представленных на рисунке 1, можно сделать вывод о том, что в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) с 2010 по 2016 год наблюдался кратковременный рост рождаемости. Однако, начиная с 2016 года, отмечается устойчивая тенденция к значительному снижению этого показателя вплоть до 2022 года [5]. Уровень рождаемости в ДФО традиционно превышает средний по Российской Федерации (рисунок 3).

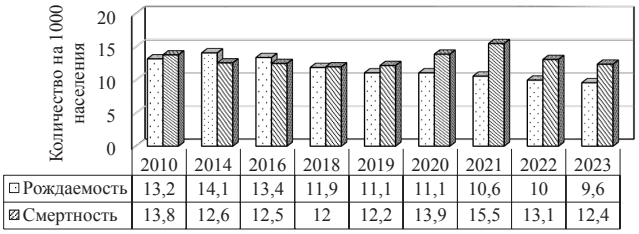

Рис. 2. Динамика показателей рождаемости и смертности населения РФ, Дальневосточногофедерального округа 2010–2023 гг. (на 1000 населения) [5]

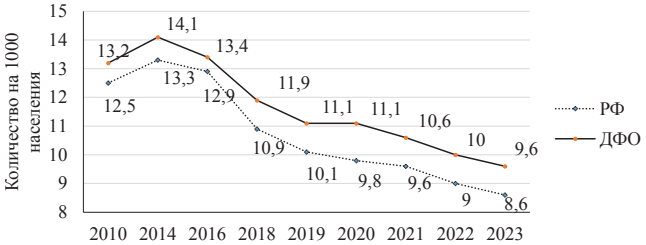

Рис. 3. Уровень рождаемости в динамике (по ДФО и РФ) [12]

В 2023 году показатели рождаемости во всех возрастных категориях женщин на Дальневосточном федеральном округе (ДФО) превышали средние показатели по стране. Что касается уровня смертности, в сельских населенных пунктах он стабильно выше городов по всем регионам ДФО, составив в 2023 году 16,4%. Такая тенденция обусловлена, в первую очередь, возрастной структурой населения в сельской местности, характеризующейся высоким процентом пожилых людей и низким – молодых. Это связано с миграционными процессами в города.

В 2023 году суммарный коэффициент рождаемости в макрорегионе составил 1,5, а по всей России – 1,4. Данный показатель, отражающий среднее количество детей, которое могла бы родить одна женщина в течение репродуктивного периода при сохранении текущих возрастных коэффициентов рождаемости, не достиг порога простого воспроизводства населения (2,1) и остается на низком уровне.

В настоящее время ни один регион Дальневосточного федерального округа не обеспечивает простое воспроизводство населения. В то же время, пять лет назад, в 2018 году, три региона Дальнего Востока (Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Республика Бурятия) демонстрировали суммарный коэффициент рождаемости, близкий к 2. Наименьший показатель в 2023 году зафиксирован в Магаданской области (1,3), что ниже как среднероссийского значения, так и показателя Приморского края (1,4). Положительную динамику продемонстрировал только Камчатский край, где суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,6 в 2022 году до 1,7 в 2023 году, превысив значения 2018 года на 0,2 единицы. Самое значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости за период с 2018 года наблюдается в Республике Бурятия – на 0,44 единицы [5].

Структура смертности тесно коррелирует с возрастным составом населения. Кроме того, наблюдается более высокий уровень смертности в селах может быть связан с недостаточной развитостью инфраструктуры здравоохранения и традиционно высокой смертностью от острых алкогольных отравлений. В Чукотском автономном округе, в отличие от других регионов Российской Федерации, доля умерших лиц старше 60 лет составляет лишь 38%. Это явление обусловлено миграцией пожилого населения в регионы с более благоприятным климатом [5]. Структура населения Дальневосточ-

ного федерального округа (ДФО) в целом соответствует общероссийским показателям. Доля сельского населения в ДФО составляет 26,2%, что незначительно превышает средний по стране уровень, равный 25,1%. В пяти регионах ДФО доля городского населения превосходит среднероссийский показатель, при этом максимальная разница наблюдается в Магаданской области, где этот показатель в 1,3 раза выше среднего по стране.

Возрастная структура населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) характеризуется более сбалансированным распределением, чем по Российской Федерации в целом. Доля граждан моложе трудоспособного возраста в ДФО превышает средний российский показатель на 1,8 процентных пункта, а доля лиц старше трудоспособного возраста ниже на 3,4 процентных пункта. В настоящее время доли населения младше и старше трудоспособного возраста близки по значению, что соответствует стационарному типу возрастной структуры, напоминающему «колокол». В долгосрочной перспективе ожидается трансформация возрастной структуры ДФО в сторону регрессивного типа, обусловленная сужением основания возрастной пирамиды [5].

Миграционные процессы играют важную роль в формировании и динамике численности населения, являясь одним из ключевых демографических компонентов. Как социальное явление, миграция обусловлена целенаправленными действиями людей, реализующих свои намерения в сфере территориального перемещения. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке всегда была тесно связана с миграционными потоками, которые исторически являлись основным источником формирования как численности, так и структуры населения региона. В настоящее время, несмотря на сохранение статуса территории с высокой миграционной активностью, Дальний Восток столкнулся с негативными последствиями миграционных процессов [6]. Трансформация миграционных потоков из источника количественного роста населения в фактор его сокращения обусловила устойчивое отрицательное сальдо миграции. Несмотря на то, что миграция продолжает играть значительную роль в формировании демографического потенциала субъектов Дальневосточного федерального округа, ее вклад остается негативным и недостаточным для обеспечения эффективного демографического развития региона. Таким образом, наблюдаемые в последнее время масштабы и направления миграции на Дальнем Востоке всё больше отклоняются от оптимальных, необходимых для обеспечения устойчивого демографического роста макрорегиона [7].

За последние несколько десятилетий численность населения Дальнего Востока характеризуется тенденцией к сокращению. Основной причиной этого явления является естественная убыль населения, обусловленная высоким показателем смертности и низким уровнем рождаемости. Миграционные процессы также играют существенную роль в формировании демографической ситуации в регионе [2]. Наблюдается отток населения, вызванный более привлекательными условиями проживания в других субъектах Российской Федерации, а также недостаточно высоким уровнем заработной платы и ограниченными возможностями для профессионального развития [11].

Миграция оказывает существенное влияние на демографические показатели в Дальневосточном регионе, затрагивая как численность, так и структуру населения (рисунок 4). Отток населения в результате миграции усугубляет естественную убыль населения региона. Кроме того, миграционные потоки формируют демографический облик территории, определяя её национальный, возрастной, профессиональный и образовательный состав [10,13].

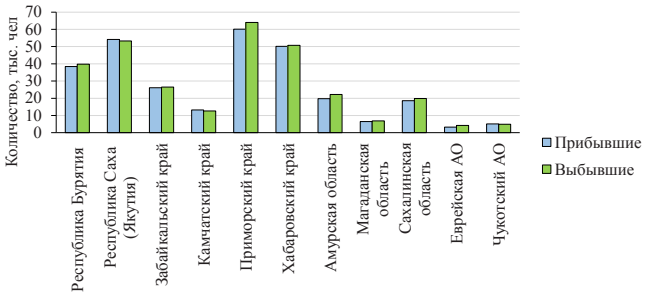

Рис. 4. Численность прибывших и выбывших по ДФО [5;12]

В 2023 году наблюдается смешанная картина миграционных процессов на Дальнем Востоке. Положительное миграционное сальдо было зафиксировано в трёх субъектах: Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и Чукотском автономном округе. При этом наибольшее увеличение численности населения за счёт миграции отмечено в Республике Саха. В то же время, Забайкальский и Приморский края, а также Амурская область столкнулись с самой значительной миграционной убылью. В 2023 году четыре региона внесли наиболее существенный вклад (69%) в миграционный поток на Дальнем Востоке: Приморский край (21%), Республика Саха (Якутия) (18%), Хабаровский край (17%) и Республика Бурятия (13%). В течение 2023 года в Дальневосточный федеральный округ прибыло 48,9 тысяч человек из-за рубежа, что на 33% превышает показатели 2018 года. Из них 38% составили граждане Киргизии, 17% – Таджикистана, 13% – Китая, 11% – Узбекистана, 9% – Армении. В том же году из Дальневосточного федерального округа за рубеж выбыло 49,4 тысячи человек, что в 1,5 раза больше, чем в 2018 году [5].

Пик миграционной активности наблюдается среди лиц в возрасте от 18 до 23 лет, что совпадает с периодом обучения в высших учебных заведениях. Это может указывать на повышенный интерес молодежи к дальневосточным университетам. Структуры миграционного притока и оттока в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) существенно различаются. Среди прибывающих лиц лидируют три категории причин с равным удельным весом: трудовая миграция, семейно-личные обстоятельства и возвращение после временного отсутствия (каждая по 26%). У выбывших же из ДФО на первое место выходит причина, связанная с возвращением после временного пребывания за его пределами (39%), что в основном обусловлено спецификой трудовой миграции. Сравнение пропорций прибывающих и выбывающих лиц по причине трудоустройства свидетельствует о том, что рынок труда ДФО привлекателен для мигрантов.

В контексте глобальных демографических тенденций, характерных для перехода к городскому типу воспроизводства населения, где наблюдается устойчивое снижение рождаемости и, как следствие, увеличение естественной убыли численности населения, Дальний Восток России столкнулся с наиболее острыми проявлениями этих процессов. Это обусловлено рядом факторов: поздним периодом заселения региона, его удаленностью от центральных районов страны и сложностью хозяйственного освоения [9].

Заключение

Миграционный отток населения является одной из ключевых причин сокращения численности населения на Дальнем Востоке. Данный фактор усиливает негативную ди-

намику естественного прироста-убыли населения, что приводит к неблагоприятным демографическим процессам в регионе. Исследование выявило следующие ключевые моменты:

1. Демографическая картина Дальнего Востока свидетельствует о уменьшении численности населения, вызванном как естественным снижением рождаемости, так и миграционным оттоком.

2. Миграция существенно воздействует на демографические показатели региона, влияя как на общий показатель численности населения, так и на его состав.

3. Специфика миграционных потоков на Дальнем Востоке определяется трудовыми мотивами мигрантов и направлена преимущественно в крупные городские центры и районы экономического развития.

Для преодоления демографических вызовов на Дальнем Востоке требуется реализация комплексного подхода, включающего в себя мероприятия по улучшению качества жизни населения, формированию новых рабочих мест, поддержке роста рождаемости и повышению инвестиционной привлекательности региона для мигрантов.

Литература

1. Абрамова О.С. Исследование демографических тенденций в региональном аспекте // Экономическая наука современной России. 2023. № 4. С. 39–51. https:// doi.org/10.33293/1609–1442–2023–4(103)-39–51.
2. Белоусова А.В., Грицко М.А. Демографическая динамика Дальнего Востока России в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 37–51. DOI: 10.14530/ reg.2022.6.37
3. Городнов А.В. Влияние миграционных процессов на развитие политики и экономики в России в условиях современного глобального кризиса // Экономическая безопасность. – 2022. – Том 5. – № 4. – С. 1565–1582.
4. Грицко М.А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 36–42 https://doi.org/10.22394/1818–4049–2024–107–2–36–42
5. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf?ysclid=m4gq5m3zne111968 (дата обращения: 07.12.2024).
6. Мотрич Е.Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 124–137. https://doi.org/10.22394/1818–4049–2023–105–4–124–137
7. Мотрич Е. Л., Изотов Д.А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе России: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3. С. 28–37.
8. Панькин П.В. Миграционное воздействие на рынок труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11–2. – С. 47–49.
9. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 480 с.
10. Рязанцев С.В. Миграционная компонента в демографической динамике России и ее роль в ближайшей перспективе // Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности. Научный доклад / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Издательство «ЭКОН-Информ», 2017. 76 с.
11. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5 (56). С. 32–43. DOI: 10.25702/ KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43.
12. Федеральная служба государственной статистики – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 08.12.2024).
13. Хубиев А.А. Динамика миграционных потоков и их воздействие на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № s2.

DEMOGRAPHIC CHANGES AND THE IMPACT OF MIGRATION ON THE SIZE AND COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE FAR EAST

Kochetkov V.V., Li A.V.
Lomonosov Moscow State University

The study analyzes demographic dynamics and the impact of migration processes on the number and structure of the population of the Far Eastern Federal District (Far Eastern Federal District). The key factors determining the development of the demographic situation in the region were identified. According to the results of the analysis, by the beginning of 2024, the population of the Far Eastern Federal District amounted to 7.8 million people. Over the past thirty years, there has been a steady trend towards a decrease in the population of the macroregion – by 24.4%. The natural population decline during this period reached 178.5 thousand people. The population structure of the Far Eastern Federal District practically corresponds to the national average – the share of the rural population is 26.2% versus 25.1% in Russia. In 2023, the Primorsky Territory (21%), the Republic of Sakha (Yakutia) (18%), the Khabarovsk Territory (17%) and the Republic of Buryatia (13%) made the largest contribution (69%) to migration turnover in the Far East. It has been established that the migration outflow of the population is one of the main factors in reducing the population of the Far Eastern Federal District. It reinforces the negative demographic trends associated with the natural decline of the population.

Keywords: demographic changes, the Far East, migration, population composition, population size, fertility, mortality.

References

1. Abramova O.S. Study of demographic trends in the regional aspect // Economic science of modern Russia. 2023. No. 4. P. 39–51. https:// doi.org/10.33293/1609–1442–2023–4(103)-39–51.
2. Belousova A.V., Gritsko M.A. Demographic dynamics of the Russian Far East in the context of the implementation of national priorities: sustainable trends and growth limitations // Regional studies. 2022. Vol. 9. No. 6. P. 37–51. DOI: 10.14530/ reg.2022.6.37
3. Gorodnov A.V. The influence of migration processes on the development of politics and economics in Russia in the context of the modern global crisis // Economic security. – 2022. – Vol. 5. – No. 4. – P. 1565–1582.
4. Gritsko M.A. Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023 // Power and management in the East of Russia. 2024. No. 2 (107). P. 36–42 https://doi.org/10.22394/1818–4049–2024–107–2–36–42
5. Demographic characteristics of the Far Eastern Federal District – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf?ysclid=m4gq5m3zne111968 (accessed: 07.12.2024).
6. Motrich E.L. Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). P. 124–137. https://doi.org/10.22394/1818–4049–2023–105–4–124–137
7. Motrich E. L., Izotov D.A. Modern trends and problems of migration in the border region of Russia: Far East // Problems of forecasting. 2018. No. 3. P. 28–37.

8. Pankin P.V. Migration impact on the Russian labor market // Economy and business: theory and practice. – 2020. – No. 11–2. – P. 47–49.
9. Rybakovsky L.L. Population migration: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 480 p.
10. Ryazantsev S.V. Migration component in the demographic dynamics of Russia and its role in the near future // Demographic development of Russia in the 21st century: achieved results and upcoming difficulties. Scientific report / Ed. by V.V. Lokosov and L.L. Rybakovsky. – M .: Publishing house “Econ-Inform”, 2017. 76 p.
11. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Migration factor of the dynamics of the number and ethnic structures of the population of the Russian North // North and market: formation of economic order. 2017. No. 5 (56). P. 32–43. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43.
12. Federal State Statistics Service – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (date of access: 08.12.2024).
13. Khubiev A.A. Dynamics of migration flows and their impact on the socio-economic development of the Russian Federation // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. No. s2.

Становление понятия «риск-культура» в зарубежной и отечественной научной практике: социологические и корпоративных подходы

Крупенков Виктор Владимирович,
старший преподаватель кафедры социологии и менеджмента общественных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: vkrupenkov@yandex.ru

Статья посвящена систематизации социологических и практических подходов к изучению понятия «риск-культура». Проблемы и вопросы управления рисками имеют длительную историю, которая начала формироваться в западных странах более 60 лет назад после Второй мировой войны, а в отечественной практике – лишь с 2014 года, благодаря рекомендациям ЦБ РФ. Однако, несмотря на это, по сей день отсутствует единое и общепринятое понимание термина «риск-культура», без которого невозможно формировать качественное управление персоналом компании. В связи с этим, целью данной статьи является на основе анализа существующих теоретических, нормативных и практических подходов разработать авторское определение понятия «риск-культура». К числу полученных новых результатов можно отнести выделение авторских критериев и подходов к определению риск-культуры в научной среде и в практической сфере, а также введение авторского определения термина «риск-культура».

Ключевые слова: риск-культура, корпоративная культура, управление рисками, корпоративное управление.

В настоящее время сложилась тенденция по увеличению роли социологических аспектов в корпоративном управлении. Это связано как с увеличением количества работ по социологии управления, что свидетельствует о необходимости и важности изучения вклада сотрудников в управление компанией. Также это связано с практической необходимостью более эффективного управления сотрудниками той или иной компании, как социальной системой. Одним из элементов этой тенденции стало повышение роли риск-культуры, как элемента риск-ориентированного корпоративного управления. Подтверждением этого является включение в стандарт COSO «Управление рисками организации Интеграция со стратегией и эффективностью деятельности» [1] принципа «Привлечение, развитие и удержание квалифицированных специалистов», устанавливающего необходимость эффективного управления сотрудниками компании и принципа «Определение желаемой культуры», предполагающего развитие риск-культуры компаний.

В развитие стандарта COSO в России Центральным банком были разработаны рекомендации по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах [2]. Данные рекомендации содержат прямое указание на необходимость развития риск-культуры. В свою очередь, риск-культура включает в себя желаемое поведение сотрудников по отношению к риску.

Проведенный автором анализ показал, что термин «риск-культура» достаточной новый и стал использоваться в корпоративном управлении относительно недавно. Первое определение риск-культуры дали Бозман Б. и Кингсли Г. в 1998 году и определили ее как «склонность организации к риску, как это воспринимается руководителями организации» [3]. В настоящее время употребление этого термина происходит с точки зрения корпоративного управления, а обширный накопленный опыт в области социологии управления не используется. По мнению автора, использование этого опыта позволило бы подойти к термину более системно, используя социологическую теоретическую базу, но при этом с учетом практического применения в корпоративном управлении.

С практической же точки зрения применяется концепция «риск-ориентированного управления», когда система управления компанией выстраивается путем формирования системы управления рисками и внутреннего контроля (СУРиВК). В рамках этого подхода ЦБ РФ определяет риск-культуру через отражение основных ценностей, поведения и модели принятия решений всеми органами управления и работниками компании [2], не акцентируя внимание на управлении рисками. Это свидетельствует, о том, что развитие риск-культуры выходит за рамки управления рисками компании и в большей степени соответствует социологическим аспектам управления.

Автором был проведен анализ подходов к определению понятия «риск-культура», который показал, что отсутствует общепринятое единое понимание этого терми-

на как в научной литературе [4], так и в существующих российских и международных нормативных документах. В связи с чем и требуется разработка общепризнанного определения термина «риск-культура», которое отвечало бы современному состоянию теории социологии управления, сложившийся практике корпоративного управления и нормативным требованиям в области управления рискам.

В первую очередь, был проведен сравнительный анализ определений риск-культуры в научных работах. Определения были сгруппированы по основным подходам (см. далее), с учетом выделения главных достоинств и недостатков, что обосновывает необходимость формулировки нового определения. Выборка работ для анализа основывалась на использовании научной базы «www.sciencedirect.com» для иностранной литературы (ScienceDirect: Elsevier's premier platform of peer-reviewed scholarly literature) и научной электронной библиотеки «elibrary.ru» для отечественных исследований, где работы выбирались по релевантности термину «риск-культура». В рассмотренных научных работах были выявлены следующие подходы, сгруппированные по определенным критериям, таким, как:

- поведение сотрудников;
- внутренние установки и знания сотрудников;
- ценности и убеждения сотрудников.

Первый подход, в рамках которого дается определение, исходит из **критерия поведения** сотрудников. Например, акцент на склонности менеджеров к риску делают Бозман Б. и Кингсли Г. и определяют риск-культуру как «склонность организации к риску, как это воспринимается руководителями организации» [3]. Считается, что это одно из первых определений риск-культуры. Преимущество данного подхода состоит в том, что он основан на отношении сотрудников к риску, что на современном этапе управления рисками компаний формализуется через риск-аппетит. Из недостатков можно отметить, что этот подход к определению понятия «риск-культура» недостаточно конкретен, поскольку, имеет чрезмерно широкий характер и не позволяет определиться с тем, каким образом компании должны действовать, а также не показывает конечный результат от внедрения риск-культуры.

Второй подход исходит из **критерия внутренних установок и знаний сотрудников**. Как феномен командного знания и поведения, то есть тот «цемент», который скрепляет строительные конструкции корпоративной системы управления рисками, определяет термин «риск-культура» Зинкевич В.А. [5]. Через степень осознания потребности управления рисками, основанную на ценностях, знаниях, убеждениях, осмыслении риска со стороны руководства, трудовых коллективов, топ-менеджмента и выстраивание на этой основе деятельности и системы принятия управленческих решений с учетом оптимального соотношения возможностей, рисков, ущерба определяют риск-культуру Рожкова Л.В. и Сальникова О.В. [6]. Преимуществами подхода является то, что он уже существенно более конкретен, чем предыдущий и, в первую очередь, основывается на знаниях сотрудников. Однако он не учитывает принятые в компании корпоративные ценности (как основные ценности, так и принципы выполнения бизнес-процессов), формальную сторону вопроса, а именно то, как в компании формализованы знания, ценности и правила поведения, связанные с управлением рисками.

Третий самый распространенный подход к определению термина «риск-культура» исходит из **критерия ценностей и убеждений сотрудников**. Буй Д.Г., Фан Я.и Лин С. делают акцент на ценностях и убеждениях и определяют риск-культуру как «некоторые общие ценности и убеждения, которых придерживаются сотрудники фирмы (лица, принимающие решения) в отношении принятия риска» [7]. Хилсон Д. определяет риск-культуру как ценности, убеждения, знания, которые разделяет группа людей, объединенная общей целью. При этом автором делается акцент на том, что культура может быть распространена внутри организации на разных уровнях, но не всегда это является очевидным [8]. Понимание риск-культуры как системы ценностей, убеждений, принципов и знаний в области управления рисками, разделяемой всеми сотрудниками организации на всех уровнях организационной структуры предприятия предлагает нам Омарова З.Н. [9]. Кудояров Л.В. дает аналогичную трактовку, определяя риск-культуру как «ценности, убеждения, понимания и знания в сфере управления рисками, разделяемые и применяемые сотрудниками организации на всех уровнях» [10]. Как термин, описывающий ценности, убеждения, знания, отношение и понимание риска, разделяемые группой людей с общей целью [11] риск-культуру определяют Никитин В.Н., Благодатский П.В., Крючкова А.С., Косова А.В. К преимуществам данного подхода можно отнести то, что он учитывает ценности, убеждения, принципы, знания сотрудников в области рисков, а из недостатков можно отметить, что подход не рассматривает формальные аспекты управления рисками сотрудниками, а именно то, как в компании формализованы знания, ценности и правила поведения, связанные с управлением рисками.

Как мы видим, данные подходы достаточно схожи и по ряду моментов пересекаются (табл. 1). Помимо этого, в 2004 году было выпущен документ «Концептуальные основы управления рисками организаций», актуализированный в 2017 году под названием «Управление рисками организации. Интеграция со стратегией и эффективностью деятельности» [1], который стал обязательным для внедрения компаниями, чьи акции обращались на американской бирже, и рекомендованы во многих странах, в том числе и в России. Поскольку описываемые в концепции подходы являются нормативным требованием для публичных компаний, то определение риск-культуры должно соответствовать этому подходу, чего нет в рассматриваемых выше подходах.

Таблица 1. Анализ теоретических подходов к определению термина «риск-культура»

Авторы	Основные подходы к понятию «Риск-культура»	Преимущества подхода	Недостатки подхода
Бозман Б. Кингсли Г.	Поведение сотрудников	Рассматривает отношение сотрудников к риску, что на современном этапе управления рисками компаний формализуются через риск-аппетит	Не конкретен, носит чрезмерно широкий характер и не помогает с определением того, каким образом компании должны действовать и не определяет конечный результат от внедрения риск-культуры

Окончание

Авторы	Основные подходы к понятию «Риск-культура»	Преимущества подхода	Недостатки подхода
Зинкевич В.А. Рожкова Л.В. Сальникова О.В.	Внутренние установки и знания сотрудников	Основывается на знаниях сотрудников	Не учитывает принятые в компании корпоративные ценности, то, как в компании формализованы знания, ценности и правила поведения, связанные с управлением рисками
Буй Д.Г. Лин С. Хилсон Д. Фан Я. Благодатский П.В. Омарова З.Н. Крючкова А.С. Косова А.В. Кудояров Л.В. Никитин В.Н.	Ценности и убеждения сотрудников	Учитывает ценности, убеждения, принципы, знания сотрудников в области рисков	Не рассматривает формальные аспекты управления рисками сотрудниками, а именно то, как в компании формализованы знания, ценности и правила поведения, связанные с управлением рисками

Источник: составлено автором.

Проведенный анализ касался научных работ, посвященных риск-культуре в нефинансовых компаниях, поскольку работы посвященные риск-культуре в финансовых компаниях опираются на нормативные требования в банковской сфере и поэтому не содержат авторских подходов к формированию определения «риск-культура». При этом риск-культуре в нефинансовой сфере посвящено достаточно небольшое количество научных работ, что объясняется отсутствием нормативных требований в этой области в противовес внедрению риск-культуры в банковской сфере, где нормативные требования существуют достаточно давно и, соответственно, научных работ много. В России работы, посвященные риск-культуре, массово стали выходить только последние несколько лет, что связано с появлением нормативных требований в данной области. Рассмотренные существующие теоретические подходы не лишены недостатков, и, самое главное, не соответствуют современным нормативным требованиям, предъявляемым к публичным акционерным обществам. Поэтому существует необходимость формирования нового определения «риск-культура» базирующегося, в том числе, на нормативных требованиях в области управления рисками.

Далее рассмотрим существующие нормативные и иные общепризнанные в практической среде подходы к определению понятия «риск-культура», которые помогут при формулировке авторского определения.

Международный стандарт ISO 31000 «Менеджмент риска» не приводит определение риск-культуры, но в нем упоминается необходимость интеграции риск-менеджмента во все виды деятельности организации, включая культуру организации [12]. Исходя из этого можно сделать вывод, что с точки зрения этого стандарта риск-культура является частью корпоративной культуры в отношении управления рисками.

В Европейских стандартах управления рисками FERMA определение риск-культуры также отсутствует, но упоминается, что риск-менеджмент должен быть интегрирован в общую культуру организации, принят и одобрен руководством, а затем донесен до каждого сотрудника организации как общая программа развития с постановкой конкретных задач на местах [13]. Исходя из этого можно сделать аналогичный вывод, что с точки зрения и этого стандарта риск-культура является частью корпоративной культуры в отношении рисков.

Американский и самый распространенный стандарт COSO «Управление рисками» определяет риск-культуру как взгляды, образ поведения и понимание риска, как положительные, так и отрицательные, которые влияют на решение руководства менеджмента и персонала, и отражают миссию, видение и основные ценности организации. То есть основной постулат заключается в понимании сотрудниками рисков компании.

Базельский комитет по банковскому надзору определяет риск-культуру как подходы и модели поведения для целей информирования о рисках, определения механизмов их принятия и управления. Подчеркивается, что культура управления рисками влияет на решения руководителей и работников организации, включая принимаемые ими риски в ежедневной операционной деятельности [14]. То есть ключевая составляющая риск-культуры в данном случае – это поведение сотрудников в области рисков.

ЦБ РФ определяет риск-культуру через отражение основных ценностей, поведение и модель принятия решений всеми органами управления и работниками компании, делая основной акцент на неформальных аспектах принятия решений с учетом рисков.

Аудиторские, консалтинговые и международные тренинговые организации в своих материалах приводят схожие подходы к определению риск-культуры, которые базируются на подходе Базельского комитета для финансовых компаний и COSO «Управление рисками» для нефинансовых компаний [24].

Общий вывод, который можно сделать из анализа нормативных и общепризнанных подходов, состоит в том, что риск-культура определяется как часть корпоративной культуры, выраженная в понимании, поведении и принятии решений сотрудниками в области рисков (табл. 2). Поскольку для публичных компаний в России наиболее важными документами являются COSO «Управление рисками» и рекомендации ЦБ РФ, то авторское определение не должно противоречить подходам, рассматриваемых в указанных документах.

Далее необходимо определить сложившуюся корпоративную практику по существующим подходам к определению риск-культуры среди российских компаний. Для этого были определены некоторые крупнейшие российских компаний. Для каждой из них анализировался сайт, годовой отчет и политика, регламентирующая управление рисками в компании. В результате анализа документов были выявлены подходы и определения к понятию «риск-культура», используемые в крупнейших российских компаниях (табл. 3).

Таблица 2. Понятие риск-культуры в нормативных и общепризнанных подходах

Источник	Понятие риск-культуры
ISO 31000	Часть корпоративной культуры в отношении управления рисками
FERMA	Часть корпоративной культуры в отношении рисков
COSO	Понимание сотрудниками рисков компании
Базельский комитет по банковскому надзору	Поведение сотрудников в области рисков
Центральный Банк РФ	Неформальные аспекты принятия решений с учетом рисков

Источник: составлено автором.

Таблица 3. Понятие риск-культуры в крупнейших российских компаниях

Название компании	Подход к определению риск-культура
ПАО «Сбербанк»	Часть системы управления рисками, опирающаяся на соответствующие принципы и правила касающиеся, в первую очередь, управления рисками
ПАО «Новатэк»	Элемент риск-менеджмента компании
ПАО «Россети»	Неотъемлемая часть системы управления рисками, а также общей системы управления обществом. Находится на пересечении корпоративной культуры и управления рисками
Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»	Часть системы управления рисками, включая понимание сотрудниками принимаемых рисков и чувство ответственности каждого сотрудника за принимаемые риски, а ее внедрение осуществляется через повышение знаний сотрудников и улучшения их компетенций
ПАО «Нижнекамскнефтехим»	Часть системы управления рисками, упоминается, что одной из задач отдела по управлению рисками является развитие корпоративной культуры управления с учетом рисков
Центральный банк Российской Федерации (Банк России)	Совокупность ценностей, убеждений, пониманий, знаний, норм поведения и практик в отношении рисков Банка России и управления ими, разделяемых и принимаемых всеми работниками Банка России

Проведенный анализ показал, что немногие из рассмотренных компаний заявляют о деятельности в области формирования риск-культуры, но при этом позволил выявить, что риск-культура определяется как часть корпоративной культуры и управления рисками, определяющая поведение сотрудников в области рисков. То есть подходы компаний схожи и, в целом, соответствуют нормативным и общепринятым подходам.

В рамках исследования были проанализированы научные, нормативные и практические подходы к определению понятия «риск-культура». Также была рассмотрены существующие подходы к управлению рисками в российских компаниях. Было выявлено, что рассмотренные подходы к определению риск-культуры, представленные в научной литературе, не всегда соответствуют существующим стандартам в области управления рисками и, следовательно, не могут быть применимы в практической области.

Из существующих стандартов управления рискам только COSO рассматривает риск-культуру. При этом данный стандарт является самым распространенным в мире, и он взят за основу ЦБ РФ в качестве основы для разработки своих рекомендаций по внедрению СУРиВК. Кроме этого, кодекс корпоративного управления ЦБ РФ так же рекомендует стандарт как одну из общепринятых концепций и практик работы в области управления рисками и внутреннего контроля.

Позиция ЦБ РФ в области риск-культуры строится на методологии COSO, при этом делается акцент на том, что риск-культура строится, в том числе, на корпоративной культуре.

Аудиторские, консалтинговые и международные тренинговые организации основываются на подходах Базельского комитета и COSO.

Рассмотренные российские компании, в которых упоминается риск-культура, рассматривают риск-культуру как часть системы СУРиВК, при этом в некоторых компаниях указывается, что она тесно связана с корпоративной культурой.

Базовым (нормативным) подходом риск-культуры для российских компаний является подход ЦБ РФ, при этом регулятор не дает определение в своих нормативных документах. Трактовка понятия не полностью раскрывает подходы COSO, а скорее рассматривает его, делая иные акценты.

Поскольку рассмотренные теоретические подходы к понятию «риск-культура» существенно отличаются, отсутствует четкое и емкое определение понятия, видится целесообразным формирование нового определения термина «риск-культура», которое будет опираться на методологию COSO и подход Бака России, при этом будет учитывать накопленный научный опыт, будет более емким и конкретным, позволит более эффективно формировать политику по развитию риск-культуры. В связи с этим, автором предлагается следующее определение:

Риск-культура – это совокупность формальных и неформальных ценностей, знаний, норм, правил поведения и принятия решений сотрудниками компании в области управления рисками.

Плюсы такого подхода состоят в том, что учитывается как нормативные требования (правила поведения и принятия решений, связанные с рисками), так и теоретические подходы из социологии управления (ценности, знания, нормы, связанные с рисками) связанные с рисками. Все это позволит более комплексно подойти к подходам управления риск-культурой компаний.

Проведенное исследование показало, что рассмотренные теоретические подходы к понятию «риск-культура» не всегда соответствуют актуальным нормативным требованиям, и поэтому не могут быть применимы в практической области. Анализ нормативных документов показал, что актуальным подходом к рассматриваемому термину для крупных компаний является стандарт COSO «Управление рисками» и основанные на нем рекомендации Банка России. Они исходят из того, что риск-культура определяется как элемент системы управления рисками и включает в себя понимание сотрудниками рисков компании, а также неформальные аспекты принятия решений с учетом рисков. Анализ локальных нормативных документов корпораций показал, что в большинстве случаев риск-культура определяется как часть системы СУРиВК (что связано с внедрением в копаниях стандарта COSO управление рисками). На основании проведенного анализа было сформировано авторское определение, внедрение которого в нормативную базу будет способствовать однозначному пониманию данного термина и унификации локальных нормативных документов компаний в этой об-

ласти, позволит разработать рекомендации по внедрению риск-культуры, исходя из этого определения.

Литература

1. COSO «Управление рисками организации. Интеграция со стратегией и эффективностью деятельности», 2017.
2. Рекомендации по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах. – URL: https://cbr.ru/statichtml/file/59420/20201001_in_06_28–143.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
3. Bozeman B, Kingsley G. Risk culture in public and private organizations. Public Adm Rev. 1998; 58(2):109.
4. Agarwal A., Gupta A., Kumar A., Srikanth G. Tamilselvam «Learning risk culture of banks using news analytics». – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0377221719301936 (дата обращения: 15.02.2024).
5. Зинкевич В.А. Культура управления рисками – основа эффективной системы риск-менеджмента / В.А. Зинкевич, Е.П. Лоссь // Риск-менеджмент в кредитной организации. – 2013. – № 4.
6. Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова Формирование и развитие культуры управления рисками компании / // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 200–211. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-4-21
7. Dien Giau Bui, Yiwei Fang, Chih-Yung Lin «The influence of risk culture on firm returns in times of crisis». – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056016303343 (дата обращения: 18.02.2024).
8. Hillson, D. The A-B-C of risk culture: how to be risk-mature / D. Hillson // Global Congress, Conference Paper Risk Management, October 2013. https://www.pmi.org/learning/library/understanding-risk-culture-management-5922. – (дата обращения: 18.02.2024).
9. Омарова З.Н. Концепция развития сильной риск-культуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 411–415.
10. Кудояров Л.В. Риск-культура как важная составляющая рационального функционирования банка Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 12. – Режим доступа: http://human.snauka.ru/2016/12/18109 (дата обращения: 18.02.2024).
11. Никитин В.Н., Благодатский П.В., Крючкова А.С., Косова А.В. Формирование и развитие культуры управления рисками // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Том 10. – № 1. – С. 93–110. – doi: 10.18334/lim.10.1.117065.
12. ГОСТ Р ИСО 31000–2019. Менеджмент риска. Принципыи руководство: введ. 2020–03–01. – Москва: Стандартинформ, 2020. – URL: http://docs.cntd.ru/document/1200170125 (дата обращения: 20.02.2024).
13. FERMA a risk management standard. Federation of European risk management association. 2002.
14. Базельский комитет по банковскому надзору Руководство Принципы корпоративного управления для банков Июль 2015 года Банк международных расчетов. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/36687/basel_cgpb.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

THE FORMATION OF THE CONCEPT OF «RISK CULTURE» IN FOREIGN AND DOMESTIC SCIENTIFIC PRACTICE: SOCIOLOGICAL AND CORPORATE APPROACHES

Krupenkov V.V.
Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the systematization of sociological and practical approaches to the concept of «risk culture». Problems and issues of risk management have a long history which began to take shape in the Western countries more than 60 years ago after the Second World War. In domestic practice that process was starting only since 2014 when the Central Bank of the Russian Federation elaborated such kind of recommendations. However, despite of that fact, there is no common and generally accepted approach to the term «risk culture». That circumstance will become decisive in the further development of the company. In this regard the purpose of that paper is develop an author's definition of the concept of «risk culture» based on the analysis of existing theoretical, regulatory and practical approaches. New results of the research include identification of the author's criteria and approaches to defining risk culture in the scientific community and in the practical sphere. Also the author defined the term «risk culture».

Keywords: risk culture, corporate culture, risk management, corporate governance.

References

1. COSO «Enterprise Risk Management. Integrating with Strategy and Performance» 2017.
2. Recommendations on the organization of risk management, internal control, internal audit, and the work of the audit committee of the Board of Directors (Supervisory Board) in public joint-stock companies. – URL: https://cbr.ru/statichtml/file/59420/20201001_in_06_28–143.pdf (date of application: 23.01.2024).
3. Bozeman B, Kingsley G. Risk culture in public and private organizations. Public Adm Rev. 1998; 58(2):109.
4. Arvind Agarwal, Aparna Gupta 1, Arun Kumar, Srikanth G. Tamilselvam Learning risk culture of banks using news analytics. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0377221719301936 (date of application: 02/15/2024).
5. Zinkevich V.A. Risk management culture – the basis of an effective risk management system. Risk management in a credit institution. – 2013. – № 4.
6. Rozhkova L.V., Salnikova O.V. Formation and development of the company's risk management culture. // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. – 2016. – № 4 (40). – Pp. 200–211. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-4-21
7. Dien Giau Bui, Yiwei Fang, Chih-Yung Lin The influence of risk culture on firm returns in times of crisis. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056016303343 (accessed: 02/18/2024).
8. Hillson, D. The A-B-C of risk culture: how to be risk-mature [Electronic resource] / D. Hillson // Global Congress, Conference Paper Risk Management, October 2013. – [Electronic resource] https://www.pmi.org/learning/library/understanding-risk-culture-management-5922. (date of request: 02/18/2024).
9. Omarova Z.N. The concept of developing a strong risk culture // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2017. – Vol. 31. – pp. 411–415.
10. Kudoyarov, L.V. Risk culture as an important component of the rational functioning of the bank [Electronic resource] Humanitarian scientific research. – 2016. – No. 12. – Access mode: http://human.snauka.ru/2016/12/18109 (date of application: 02/18/2024).
11. Nikitin V.N., Blagodatsky P.V., Kryuchkova A.S., Kosova A.V. Formation and development of risk management culture // Leadership and management. – 2023. – Volume 10. – No. 1. – pp. 93–110. – doi: 10.18334/lim.10.1.117065.
12. GOST R ISO 31000–2019. Risk management. Principles and guidelines: introduction. 2020–03–01. – Moscow: Standartinform, 2020. – URL: http://docs.cntd.ru/document/1200170125 (date of application: 20.02.2024).
13. FERMA a risk management standard. Federation of European risk management association. 2002.
14. The Basel Committee on Banking Supervision issued Guidelines: Corporate governance principles for banks dated July 2015 Bank for International Settlements. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/36687/basel_cgpb.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

Психоэмоциональная устойчивость преподавателей иностранного языка как фактор эффективности профессиональной деятельности

Крутько Елена Александровна,
кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eakrutko@fa.ru

Безматерных Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры английского языка, Московский государственный университет имени Ломоносова
E-mail: n.bezmaternyh@edu.mgubs.ru

В рамках данной статьи рассматривается проблематика психоэмоциональной устойчивости преподавателя иностранного языка, как фактор эффективности профессиональной деятельности. В изменяющихся условиях реальности, которая все больше характеризуется неоправданностью, неустойчивостью и обращается внимание на роль психоэмоциональной устойчивости в деятельности преподавателей иностранного языка, ее место в русле профессионально значимых качеств преподавателей иностранного языка. В ходе проведенного экспериментального исследования и статистического анализа данных делается вывод о том, что для эффективности педагогической деятельности развитие данного параметра является необходимым условием.

Ключевые слова: психоэмоциональная устойчивость, стресс, педагогическая деятельность, преподавание иностранного языка.

Среди многих факторов и компетенций, характеризующих профессиональную деятельность преподавателя иностранного языка, в последние время ученые и сами преподаватели, все чаще выделяют не только адаптивность к изменяющейся реальности и соблюдение принципов профессиональной культуры и этики, но и способность к взвешенному, спокойному и подчас философскому восприятию вызовов современности [5,7,8]. Формирование психоэмоциональной устойчивости преподавателя иностранного языка является основополагающей частью его профессионального становления [1,4], что, в первую очередь, является ответом на стрессовый характер педагогической деятельности как таковой. Поэтому адекватный уровень развития психоэмоциональной устойчивости выступает необходимым фундаментом для достижения эффективности педагогической деятельности, актуализируя проблематику ее диагностики и формирования.

В нашем случае, в силу специфики психоэмоциональной устойчивости (далее ПУ) огромную роль играет именно диагностика данного параметра, подбор методик для оценки как самой ПУ, так и связанных с ней параметров. Структура ПУ, базирующаяся на результатах теоретического анализа представлена на рис. 1.

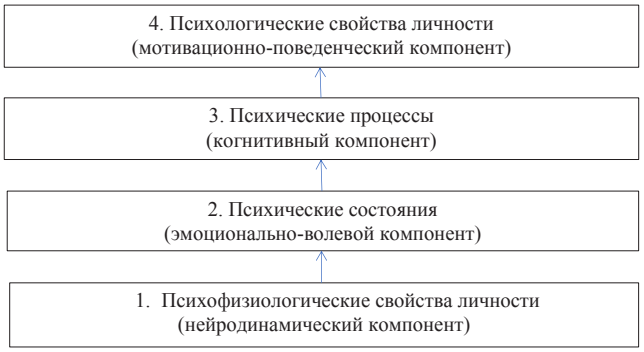

Рис. 1. Иерархическая структура психоэмоциональной устойчивости

Роль валидации структуры ПУ связана с тем, что существует лишь одна достаточно валидная методика диагностики ПУ как таковой (инструментальная диагностика с помощью Активациометра), которая однако диагностирует лишь психофизиологический аспект данного параметра и не дает возможности диагностировать устойчивые/неустойчивые элементы, что в свою очередь затрудняет достижение цели исследования, а именно идентификацию условий формирования ПУ у преподавателей иностранного языка.

Поэтому, в данном исследовании для расширения потенциала диагностики был проведен кластерный и дисперсионный анализ широкого пула параметров для выявления их взаимосвязи с ПУ для того, чтобы определить потенциально возможное пространство взаимосвязей и дисперсию достаточно обширно представленную, чтобы гарантировать валидность выводов последующего исследования. На базе такого анализа была проведена дифференциация и отсев параметров, а также выявление эталонных параметров, на базе которых можно

определить специфику реализации ПУ и ее компонентов в рамках деятельности испытуемых. Результаты будут представлены далее, в рамках описания и валидации методик диагностики.

Экспериментальная база исследования

ФУ. По итогам констатирующего эксперимента все испытуемые были разделены на две группы: контрольную (КГ, где n = 106) и экспериментальную (ЭГ, где n = 106).

Методы и методики в настоящем исследовании были определены целью и задачами исследования, исходными теоретическими и методологическими предпосылками, а также этапами исследования.

В статье для выявления показателей уровней психоэмоциональной устойчивости в образовательной среде вуза, согласно нашей модели по формированию психоэмоциональной устойчивости преподавателей иностранного языка определялись за счет выявления значимых параметров, связанных с ПУ путем проведения кластерного и дисперсионного анализа широкого пула методик, из которых отбирались только те, что диагностируют параметры, чья связь с ПУ является минимально значимой со статистической точки зрения ($p \leq 0.05$, сила корреляционной связи выше 0.55, кластерная связность выше 0.4 и т.п.)

Рассмотрим данные методики более детально. Эталонной методикой определения ПУ выступает инструментальная диагностика ПУ с помощью Активациометра, именно результаты данной методики выступали в качестве ядра для оценки пространства взаимосвязей.

В качестве значимых были выбраны следующие методики, представленные в таблице 1. Изначально пул методик был большим, однако методики и диагностируемые ими параметры, которые в перспективе не имеют потенциала увеличения связности (что определяется за счет имитационного моделирования по методу Монте-Карло, которые будет активно использоваться для схожих целей определения потенциала изменений в рамках данной работы) были отсеяны.

Таблица 1. Комплекс методик диагностики психоэмоциональной устойчивости

	Компонент	Методики
1	Психофизиологические свойства (нейродинамический компонент)	1) Диагностика силы-слабости нервной системы (Теппинг-тест Е.П. Ильина, модификация В.П. Озерова). 2) Диагностика баланса нервных процессов (методика Е.П. Ильина) – на приборе «Активациометр АЦ-9К». 3) Диагностика лабильности нервной системы (методика КЧСМ) – на приборе «Активациометр АЦ – 9К»
2	Психические состояния (эмоционально-волевой компонент)	1) Методика диагностики личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина. 2) Диагностика саморегуляции психических состояний (психоэмоциональных состояний) – на приборе «Активациометр АЦ – 9К». 3) Методика диагностики нервно-психического напряжения. «Прогноз» разработана в ЛВМА им. С.М. Кирова
3	Психические процессы (когнитивный компонент)	1) Диагностика устойчивости мышления – на приборе «Активациометр АЦ – 9К». 2) Диагностика саморегуляции мышления – на приборе «Активациометр АЦ – 9К». 3) Методика диагностики уровня рефлексии Д. Бойко
4	Психологические свойства личности (мотивационно-поведенческий компонент)	1) Диагностика мотивации к достижению успеха и мотивации к избеганию неудач Т. Элерса 2) Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А М. Эткинда). 3) Методика Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. (Копинг тест Лазаруса) 4) Методика «Перцептивная оценка типа стрессоустойчивости» (Фетискин Н.П. 5) Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С.Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер – адаптированный вариант Т.А. Крюковой)

Окончание

Выбранные методики позволяют диагностировать целый пул параметров, значимо связанных с ПУ и позволяющих комплексно оценить ее проявления. При этом индекс удовлетворенности трудом дает возможность оценки того, насколько ПУ, как качество позволяющее адаптироваться к стрессорам различного вида и типа реализуется в рамках конкретной деятельности педагогов [6]. Тем самым заявленный комплекс методик позволяет диагностировать все значимые для проблематики исследования параметры.

Прежде чем перейти к анализу результатов диагностики, необходимо сделать несколько критически важных замечаний, относительно специфики феномена ПУ и математико-статистических особенностей его структуры, которые влияют как на выбор методов анализа данных, так и задают особую оптику их интерпретации [3].

Несмотря на то, что ПУ имеет достаточно четкую структуру (ПУ прочно связана с четырьмя компонентами, внутренняя структура которых устойчива и подчиняется иерархической связности, где нейродинамический компонент более значим, чем остальные три, при этом все компоненты носят определяющий характер по влиянии на состояние и динамику изменений ПУ и их достаточно для описания пространства взаимосвязей в целом) и четко очерченные компоненты (внутренняя структура компонентов достаточна для описания пространства взаимосвязей и не подразумевает наличия значимых связей извне с какими либо иными параметрами), чья внутренняя связность выше внешней, на фоне сохранения мерджентности (совокупность компонентов дает новое качество, а не является суммой частей, если детализировать в случае ПУ сочетания параметров дают новое качество), само пространство взаимосвязей крайне вариативно (т.е. недостаточно устойчиво, особенно во временном выражении), что значительно затрудняет изучение данного феномена, поскольку вариативность выходит за рамки нормального распределения, даже при наличии изначально очень устойчивых взаимосвя-

зей и образований в структуре ПУ (в частности, нейродинамический компонент является определяющим для генезиса ПУ при любых вариациях).

Подобная вариативность крайне эффективна для целей адаптации ПУ к различным внутренним и внешним стресс факторам самого разного характера (в рамках данной работы для описания выбрана модель Ильина, где стресс фактор имеет два ключевых атрибута – интенсивность и длительность, каждой деятельности свойственно то или иное сочетание данных атрибутов), однако при этом делает почти динамику почти любых связей между параметрами крайне неустойчивыми и сложными для формирования. Это означает что ПУ не имеет эталонна сформированности (различные взаимосвязи между параметрами и степень их развития наделяют ПУ новым качеством, что является часть адаптационного механизма к стрессорам различного типа), крайне сильно зависит от длительного генезиса у каждого испытуемого.

Для того чтобы нивелировать данную особенность и иметь возможность оценить качественное влияние ПУ на деятельность и используется индекс удовлетворенности трудом, который позволяет зафиксировать то, насколько эффективно ПУ позволяет адаптироваться эмоционально-волевой сфере к конкретной деятельности студентов и проявлениям различных стресс факторов в ее рамках. Заявленный индекс является единственным внешним относительно структуры ПУ параметром, который имеет прямую и устойчивую корреляционную взаимосвязь с ПУ, на уровне $r=0,86$ при $p \leq 0,01$.

Так же, компоненты ПУ изначально не гармонизированы и даже дихатомичны друг другу (развитие одного компонента может вызвать деградацию или стагнацию развития другого, при условии, что все компоненты ПУ изначально обладают связностью между собой, которая не утрачивается ни при каких обстоятельствах). В рамках психологии почти не существует аналогов таких феноменов и что более важно, особый характер пространства взаимосвязей ПУ не позволяет проводить большую часть статистического анализа данных, поскольку статистические критерии и методы или не информативны (например классический дисперсионный анализ, который не информативен при такой вариативности и не позволяет оценить вклад компонента в дисперсию) либо требуют нормального распределения как условия проведения (это большинство видов параметрических критериев корреляционного анализа). И что наиболее важно – вариативность наиболее заметна во временном выражении, то есть взаимосвязи между параметрами или группами параметров чаще всего неустойчивы и возникают лишь на короткое время [4]. Одной из ключевых задач данного исследования, помимо комплексного анализа пространства взаимосвязей в массиве данных является выявление условий, способствующих появлению устойчивых взаимосвязей.

Поэтому для целей статистического анализа нами выбрано имитационное моделирование (метод Монте-Карло) и отдельные виды дисперсионного анализа (Оосаки-Кирито и неявная кластеризация) в совокупности с неклассическими видами критериев корреляционного анализа (неспецифический критерий Спирмена rt, критерий Вилкоксона и критерий Андерсона).

Учитывая вариативность ПУ и фундаментальную важность фактора устойчивости для исследуемого пространства взаимосвязей, нами были использован вариант дисперсионного анализа Оосаки-Кирито, который с одной стороны позволяет оценить устойчивость различных групп параметров, а с другой стороны определить, насколько велика вариативность данной группы параметров, для чего используется показатель возможного отклонения. Так же данный вид дисперсионного анализа позволяет оценить фундаментальность группы параметров или отдельных параметров, по их вкладу в дисперсию (табл. 2).

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа Оосаки-Кирито

Компоненты	1.Нейродинамический компонент	2.Эмоционально-волевой компонент	3.Когнитивный компонент	4.Мотивационно-поведенческий компонент
Возможность отклонения	0,326	0,671	0,759	0,683
Устойчивость	0,47	0,29	0,22	0,26
Вклад в дисперсию	43%	16%	14%	18%

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что существует четкая иерархия между компонентами, которая сохраняется при любой вариативности параметров – Нейродинамический компонент является фундаментальным параметром, определяющим состояние и динамику развития ПУ, в то время как остальные компоненты представляют собой зависимые от исходного состояния нейродинамического компонента группы параметров, которые компенсируют недостаточность или специфичность его развития. Это связано с самой природой ПУ, пределы, потенциал и сам генезис которой обусловлен параметрами нейродинамического характера, свойствами нервной системы, в первую очередь ее лабильности [2].

Именно этим объясняется относительная устойчивость непосредственно нейродинамического компонента и его связей с другими параметрами, на фоне невысокой возможности отклонения и его вклад в дисперсию, при том, что остальные компоненты имеют очень высокую возможность отклонения и низкую степень устойчивости.

Так же стоит отметить, что нейродинамический компонент в массиве данных следует нормальному распределению, а остальные компоненты нет, из за чего для их видоизменения может использоваться широкий спектр внешних параметров и акторов, которые могут создавать достаточно сильные, хоть и неустойчивые (несмотря на неустойчивость внешних связей, каждый компонент имеет устойчивые внутренние связи, что и обусловило отсев множества параметров которые такие связи не демонстрировали) взаимосвязи с ними. Тем самым можно констатировать первую значимую закономерность – учитывая все вышесказанное на нейродинамический компонент нельзя значимо повлиять, можно лишь учитывать степень и специфику его развития у каждого испытуемого, на фоне этого остальные три компонента подвержены влиянию как непосредственно, так и косвенно, через связи с внешними параметрами [1].

Подобная специфика указывает на необходимость выявления устойчивых совокупностей массива данных, связанных с распределением как параметров, так и испытуемых по ряду критериев и потенциалом динамики изменений, который определяется путем имитационного моделирования. Данный метод один из немногих, является нечувствительным к неустойчивости групп парамет-

ров и позволяет, хоть и без учета незаявленных изначально воздействий достаточно точно прогнозировать динамику параметров, причем поступательно.

Покажем использование метода Монте-Карло в контексте экспериментального исследования.

Рассмотрим распределение значений ПУ в зависимости от имитируемых случайных распределений таких факторов, как длительность стрессора и интенсивность стрессора. Для данных факторов зададим нормальное распределение, а в качестве параметров для среднего значения выберем их прогнозные величины, а стандартное отклонение 5–9% (значение выявлено за счет метода неявной кластеризации, который использовался как раз для численного определения отклонений параметров) от величин. После выполненного алгоритма получаем распределение ПУ для 100 итераций в период от 0.5 до 2 лет.

Целью метода Монте-Карло является определение значимости влияния факторов длительности и интенсивности стрессора на значение ПУ. Это поможет выявить есть ли виды деятельности, которые более требовательны к ПУ, либо данный показатель универсален для любой деятельности. В табл. 3. представлены полные расчеты для одного из циклов, диапазон значений 1–25, по методу абсолютных шкал. Использованы средние значения массива (табл. 3).

Таблица 3. Имитация динамики развития ПУ для 10-го цикла исходя из влияния двух переменных на ПУ

Номер итерации	Длительность	Интенсивность
	Среднее значение по выборке	Среднее значение по выборке
	Стандартное отклонение – 6,8	Стандартное отклонение – 5,3
1	14,34	10,69
2	15,52	13,93
3	15,94	15,29
4	12,99	12,26
5	11,48	15,99
6	12,98	15,53
7	12,71	12,92
8	13,69	10,69
9	17,58	12,88
10	14,61	13,71
…	…	…
93	17,05	11,15
94	17,58	13,94
95	17,58	15,94
96	19,89	17,36
97	21,47	12,25
98	21,68	16,20
99	20,87	13,49
100	21,37	12,76

При использовании метода Монте-Карло мы оцениваем одновременное влияние двух переменных на ПУ, следовательно, важно доказать наличие корреляционной связи между переменными. Для этого можно рассчитать коэффициент парной корреляции и построить статистику для проверки соответствующей гипотезы.

В данном случае воспользуемся функцией, чтобы рассчитать коэффициент парной корреляции, значение которого равно $r_{ph} = 0{,}0561$, что близко к нулю. Проверим гипотезу, построив статистику вида:

$$t_{выб} = \frac{|r_{ph}|\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r_{ph}^2}},$$

где n – объем выборки (n=100).

Сопоставим со статистикой $t_б(n-2)$, имеющей распределение Стьюдента с $n-2$ степенями свободы и доверительный интервал $б$.

$$t_{выб} = 0{,}561$$

Критическое значение коэффициента Стьюдента с 98 степенями свободы и доверительным интервалом, равным 0,95, соответствует 1,922. Так как 0,561<1,922, то можно принять нулевую гипотезу с вероятностью ошибки первого рода, равной 0,05.

Проведем расчет динамики ПУ и реакций на стрессоры в рамках одного имитационного цикла (на примере 30-го цикла). Как было сказано выше, значения параметров с фиксированными переменными остаются неизменными для всех итераций. Определим основные характеристики, которые отражают, как влияют заявленные параметры на ПУ, что позволяет провести сравнительный анализ. В табл. 4 указаны характеристики распределения ПУ для 30-го имитационного цикла.

Таблица 4. Основные характеристики распределения ПУ для 30-го цикла

Показатель	Значение
Ожидаемое значение ПУ	13,2 в среднем
Стандартное отклонение ПУ	7,6
Коэффициент вариации	8,42
Вероятность отрицательной динамики ПУ (0;1)	**0,57 (!!!)**
Наибольшее значение ПУ	**22,9**
Наименьшее значение ПУ	**9,3**

Чтобы оценить распределение ПУ построим частотную диаграмму для соответствующих значений. Определим количество необходимых интервалов с помощью формулы Стерджесса:

$$k \approx 1 + 1{,}44\ lnN \approx 1 + 1{,}44*100 \approx 7{,}63 \approx 8.$$

Длина интервала d определяется по формуле:

$$d = \frac{\max NPV - \min NPV}{k} = 25112{,}31.$$

На основании полученных величин построим частотную диаграмму значений ПУ для 30-го цикла имитационных расчетов. Гистограмма позволяет более наглядно оценить результаты.

Видно, что большая часть значений ПУ находится в положительной области, а конкретные значения попадания ПУ в каждую группу зависят от заданного распределения его структурных компонентов (что диктует необходимость их отдельной имитации и указывает на ключевой вклад устойчивости пространства взаимосвязей во все аспекты ПУ как параметра). Поэтому распределение ПУ имеет схожий тренд к нормальному распределению, если делать вывод по гистограмме на рис. 2.

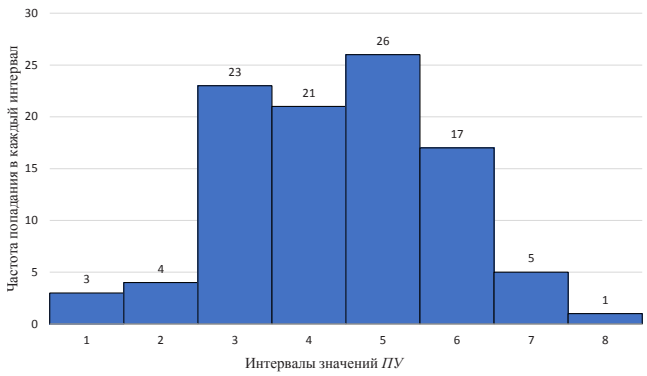

Рис. 2. Гистограмма ПУ при нормальном распределении параметров интенсивности и длительности стрессоров

Большинство значений ПУ находится в положительной области, что подтверждает и значение коэффициента вариации. При этом конкретные значения частот попадания в каждый интервал зависят от заданного распределения, которое является нормальным для параметра.

Тем самым можно констатировать, что длительность и интенсивность стрессора крайне значимо связаны с ПУ, но не оказывают прямое влияние на специфику его динамики, поэтому можно констатировать что это качественное влияние и у разных видов деятельности есть совершенно различные комбинации ожидаемых стрессоров, что требует разных форм адаптации ПУ к разной деятельности. Это констатирует то, что ПУ – не универсальный, парциальный параметр, для развития которого играет ключевое значение состояние пространства взаимосвязей между компонентами его структуры, его устойчивость и потенциал устойчивости в динамике, потому что – эффективность адаптации к конкретным стрессовым ситуациям и типам стрессоров выражается именно в устойчивости видоизменения структуры ПУ под конкретный тип деятельности [9,10].

Это позволяет сделать вывод о том, что при оценке сформированности ПУ играет роль не уровень развития ПУ или отдельных компонентов (данный уровень может колебаться, что видно в ходе имитации), а наличие устойчивого пространств взаимосвязей с высокой степенью разветвленности, что в свою очередь гарантирует возможность устойчивого роста ПУ.

Для того, чтобы выявить потенциал устойчивости пространства взаимосвязей в целом, рассмотрим имитацию развития компонентов ПУ в таблице 5.

Использовались средние значения по выборке, без дифференциации (подобная процедуры, исходя из фактических значений показателей и их распределению среди испытуемых будет проведена позже в упрощенном виде, из-за своей массивности).

Таблица 5. Имитация динамики развития компонентов ПУ для 30-го цикла

Номер итерации	Нейродинамический компонент	Эмоционально-волевой компонент	Когнитивный компонент	Мотивационно-поведенческий компонент
	Среднее значение по выборке	Среднее значение по выборке	Среднее значение по выборке	Среднее значение по выборке
	Стандартное отклонение – 0,7	Стандартное отклонение – 7,2	Стандартное отклонение – 6,9	Стандартное отклонение – 8,1
10	12,21	14,23	13,70	13,65
20	12,59	18,23	15,98	17,21
30	11,90	17,14	16,0	16,13
…	…			
50	12,08	16,81	18,22	15,39
60	12,59	17,27	17,94	19,07
…	…			
80	12,23	17,44	17,25	17,18
90	12,79	17,25	17,36	17,29
100	12,72	17,11	17,91	18,98

Анализ данных, представленных в таблице 5 позволяет сделать вывод о том, что в массиве явно выделяется один устойчивый и невариантный и три неустойчивых и вариативных параметра, что в целом вписывается в рассуждения и выводы о нейродинамическом и остальных компонентах ПУ, которые были обозначены ранее. Стоит отметить, что стандартное отклонение выше 6.5, характерное для трех компонентов указывает на любые потенциальные возможности их динамики изменений [2].

Анализ данных, полученных в ходе имитационного моделирования, позволяет сделать вывод о том, что ПУ, как параметр, представляет собой сложную структуру взаимозависимостей, где ПУ является ядром, а компоненты ПУ – кластерными группами, связанными как друг с другом, так и с ПУ. У данной связи нет четкой и устойчивой структуры, пространство взаимосвязей индивидуально для каждого испытуемого, даже при наличии определенных закономерностей. Это указывает на то, что для преподавателя иностранного языка развитие рассматриваемого параметра должно быть индивидуальным.

Литература

1. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Социально-психологическое взаимодействие личности и группы / учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 271 с.
2. Гончарова Н. А., Иванова А.М. Дифференциально-психологический анализ особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialno-psihologicheskiy-

analiz-osobennostey-psihologicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 24.06.2024).
3. Dubinina G.A., Stepanyan I.K. Transfer from Learning English to Teaching Academic Subjects in English // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2020. Т. 98. С. 386.
4. Жожикашвили Н.А., Малых А.С., Девятерикова А.А. Психическая
устойчивость // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskaya-ustoychivost (дата обращения: 24.06.2024).
5. Зубков А.Д. Formation of Language Culture of the World // Вопросы педагогики. 2020. № 10–1. С. 81–84.
6. Кобелева Е.П. Преподавание иностранных языков в вузе на основе междисциплинарной интеграции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–2 (38). С. 76–78.
7. Крутько Е.А., Комкова А.С. Профессиональная культура педагога иностранного языка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8–1 (59). С. 155–158.
8. Куликова К.М. Разработка факультативного курса «основы искусственного интеллекта» в рамках иноязычного обучения в профессиональных целях в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 327–332.
9. Савченков А.В, Уварина Н.В Профессиональная устойчивость как ключевая «soft skills» педагога // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-ustoychivost-kak-klyuchevaya-soft-skills-pedagoga (дата обращения: 24.06.2024).
10. Уварина Н.В, Савченков А.В Эмоциональная устойчивость как важнейший компонент профессиональной устойчивости педагога // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-ustoychivost-kak-vazhneyshiy-komponent-professionalnoy-ustoychivosti-pedagoga (дата обращения: 24.06.2024).

PSYCHOEMOTIONAL STABILITY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS AS A FACTOR OF PROFESSIONAL ACTIVITY EFFECTIVENESS

Krutko E.A., Bezmaternykh N.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lomonosov Moscow State University

Within the framework of this article, the problem of the psychoemotional stability of foreign language teachers is considered as a factor of the effectiveness of professional activity. In the changing conditions of reality, which is increasingly characterized by unjustifiability, instability, and attention is being drawn to the role of psychoemotional stability in the activities of foreign language teachers, its place in line with the professionally significant qualities of foreign language teachers. In the course of the conducted experimental research and statistical analysis of the data, it is concluded that the development of this parameter is a necessary condition for the effectiveness of pedagogical activity.

Keywords: psycho-emotional stability, stress, pedagogical activity, teaching a foreign language.

References

1. Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V. Socio-psychological Interaction of Personality and Group: textbook. Yekaterinburg: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Russian State Professional Padagogical University”, 2009. – 271 p.
2. Goncharova N. A., Ivanova A.M. Differential Psychological Analysis of the Features of Psychological Stability of Law Enforcement Officers // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialno-psihologicheskiy-analiz-osobennostey-psihologicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (access date: 06/24/2024).
3. Dubinina G.A., Stepanyan I.K. Transfer from Learning English to Teaching Academic Subjects in English // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2020. T. 98. C. 386.
4. Zhozhikashvili N.A., Malykh A.S., Devyaterikova A.A. Mental stability // Theoretical and Experimental Psychology. 2021. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskaya-ustoychivost (access date: 06/24/2024).
5. Zubkov A.D. Formation of Language Culture of the World // Questions of Pedagogy. 2020. № 10–1. С. 81–84.
6. Kobeleva E.P. Teaching Foreign Languages in HigherEeducation Institutions on the Basis of Interdisciplinary Integration // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 11–2 (38). pp. 76–78.
7. Krutko E.A., Komkova A.S. Professional Culture of a Foreign Language Teacher // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 8–1 (59). pp. 155–158.
8. Kulikova K.M. Development of the Optional Course “Fundamentals of Artificial Intelligence” in the Framework of Foreign Language Education for Professional Purposes in a Non-linguistic University // The world of Science, Culture, Education. 2024. No. 2 (105). pp. 327–332.
9. Savchenkov A.V., Uvarina N.V. Professional Stability as a “Soft Skills” Key “of a Teacher // Bulletin of the Mari State University. 2019. No. 3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-ustoychivost-kak-klyuchevaya-soft-skills-pedagoga (access date: 06/24/2024).
10. Uvarina N.V., Savchenkov A.V. Emotional Stability as the Most Important Component of a Teacher’s Professional Stability // Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical sciences. 2019. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-ustoychivost-kak-vazhneyshiy-komponent-professionalnoy-ustoychivosti-pedagoga (access date: 06/24/2024).

Социально-политическая реальность в период проведения Россией СВО на Украине

DOI 10.34823/SGZ.2025.3.52066

Москвин Лев Борисович,
ветеран ВОВ, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
E-mail: m_moskvina@mail.ru

Актуальность настоящего исследования обосновывается задачами российского общества по решению острых социальных проблем в условиях начавшегося процесса политического переустройства мира и в период проведения специальной военной операции на Украине. Рассматриваются примеры развития страны как локальной цивилизации, которая в последнее время все больше закрепляется как геополитический феномен. Подчеркивается, что современная стратегия внутренней и внешней политики нашей страны напрямую связана с геополитическим балансом и ходом событий вне контекста российского государства.

Ключевые слова: социально-политические проблемы, социально-экономическое развитие, политическое переустройство мира, специальная военная операция, государственная политика.

Речь идет об одном из наиболее сложных и напряженных периодов в развитии Российского государства. Одна из основных особенностей нашей страны состоит в том, что, оказавшись в режиме жесткой изоляции и давления со стороны стран Запада, ей удалось не только выстоять, но и добиться значительных позитивных результатов в социально-политической сфере и выйти на новый, более высокий уровень развития.

Как отметил доктор политических наук В.В. Люблинский в своем выступлении на «круглом столе» «Сетевой подход в исследовании политических отношений: онтологические и методологические аспекты» [1], приверженцы западной модели общества сосредоточивают усилия для сохранения своего господства. Именно такому политико-экономическому мироустройству бросила вызов Россия. И уже есть результаты.

Эпоха, когда страны Запада безраздельно господствовали, постепенно уходит в прошлое. В реальности возможности сопротивления ей возрастают, учитывая начавшийся процесс политического переустройства мира. Вот только некоторые показатели этого процесса: рост потенциала КНР и осознания своих интересов многими развивающимися странами, расширение БРИКС, экзистенциальный конфликт между Россией и Западом. И главное – ссылаясь на мысль, высказанную Михаилом Сергеевым, заведующим отделом экономики «Независимой газеты», мы становимся свидетелями неуклонного падения политико-экономического престижа западной цивилизации в мировых процессах.

В ходе проведения СВО на Украине Россия оказалась в условиях нового режима. Обстрелы приграничных районов России, вторжение украинских войск на российскую землю коренным образом изменили жизнь жителей Курской, Брянской, Белгородской и ряда других областей. Дестабилизацию этих регионов российское руководство стремится остановить с помощью введения режима контртеррористической операции (КТО), на территории этих трех приграничных областей для обеспечения безопасности граждан и пресечения терактов.

В связи с начавшимися военными действиями на территории нашей страны уже вынуждены покинуть свои дома жители Курской области; для них были подготовлены 400 пунктов временного размещения (ПВР). Беженцев также стали размещать в санаториях, гостиницах, домах отдыха и детских оздоровительных лагерях; была организована частичная эвакуация населения из опасных районов в другие населенные пункты области или в другие регионы страны.

На местах было организовано всестороннее обеспечение граждан всем необходимым. В Курскую область прибыли десятки гуманитарных колонн помощи. Практически все регионы страны не могли остаться в стороне от пострадавших соотечественников и предложили свою поддержку в обустройстве пунктов временного размещения беженцев. Москва тоже приняла активное участие и направила сотрудников комплекса городского хозяйства в Курск.

Правительство РФ создало специальный Государственный фонд, который заботится о военнослужащих и их семьях, о ветеранах боевых действий; координиру-

ет предоставление социальной, медицинской, психологической поддержки; оказывает помощь в образовании, трудоустройстве, предпринимательстве; занимается организацией помощи всем нуждающимся на дому.

С учетом новых условий жизни была разработана программа, состоящая из шести ключевых задач, среди которых повышение благосостояния граждан, укрепление технологического и финансового суверенитета страны, развитие транспортной инфраструктуры, поиск перспективных партнеров. Решение этих задач дало бы возможность перевести экономику страны на путь долгосрочного, поступательного устойчивого развития.

Такая перспективная стратегия социально-экономического развития России предопределяется внутренними и внешними возможностями ее формирования и реализации. Иначе говоря, наличием ресурсов и политической воли ее властных структур. Так, российские энергетики разработали новый план электрификации страны до 2042 года. Этот план предполагает строительство десятков новых электростанций. Глава Министерства природы Александр Козлов сообщил, что потребности мировой и российской экономики в дефицитном сырье до 2050 года вырастут в разы. На оперативном совещании была утверждена обновленная стратегия развития минерально-сырьевой базы до 2050 года. В правительстве считают необходимым и принимают меры по сокращению зависимости России от импортных стратегических видов твердых ископаемых. При этом речь идет и о том, чтобы существенно сократить зависимость от иностранных поставок, прежде всего марганца, хрома и титана, заявил премьер-министр РФ Михаил Мишустин.

В начале 2024 года было объявлено о создании отечественной технологии добычи редкоземельных материалов. Новая технология позволяет извлекать церий, пентаны, празеодим и концентрат среднетяжелой группы редкоземельных элементов, а именно: самарий, гадолиний, европий. Есть надежда, что спрос на редкоземельные материалы будет увеличиваться на фоне ускоренных темпов развития оборонно-промышленного комплекса, металлургии, химической промышленности, строительного сектора и других ключевых отраслей [2].

Учитывая проводимую странами – членами НАТО недружественную политику, Президент РФ В.В. Путин 11 сентября 2024 г. предложил продумать вопрос об ограничении экспорта из России такого сырья, как уран, титан и никель. Насколько важен экспорт этих видов сырья, свидетельствует такой факт: если Россия прекратит экспортировать титан, то, допустим, самолеты Aurus просто перестанут производиться.

Экономика России продолжает развиваться хорошими темпами. Это наглядно проявляется в росте ВВП, реальных зарплатах и доходах в бюджет. Так, за первое полугодие 2024 года рост ВВП составил 4,6% и на 4,4% увеличился объем промышленного производства. Особенно успешно развиваются обрабатывающие отрасли (8%). Сохраняется также рекордно низкая безработица (в июне 2024 года она составила 2,4% [3].

Основным драйвером роста экономики выступают отрасли реального сектора, прежде всего обрабатывающая промышленность. Главный положительный вклад вносят машиностроительный и металлургический комплексы. Вверх идет металлообработка и пищевая промышленность, т.е. те отрасли, где успешно протекают процессы импортозамещения. Одновременно адаптируются отрасли, ориентирующиеся на экспорт.

России удалось добиться серьезных успехов в проведении экологической модернизации в промышленной сфере. В частности, приняты серьезные меры по предотвращению национальной катастрофы. Так, например, наша страна вдвое сократила выбросы парниковых газов в атмосферу и в результате оказалась в этом отношении успешнее многих государств мира.

Передовая технология дает нам реальную возможность использовать в своих интересах то, что мы не имели возможности сделать еще до сих пор. Так, например, в рамках обновляемой промышленной политики повышенный интерес представляют проводимые в стране огромные работы по модернизации к 2030 году 75 аэропортов, на которые из федерального бюджета выделено не менее 250 млрд рублей.

В июне 2024 года президентом были утверждены приоритетные направления научно-технического развития (НТР) страны и перечень важнейших наукоемких технологий. В число первых вошли высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика, превентивная и персонализированная медицина, обеспечение здорового долголетия. Во втором перечне – критические (необходимые уже сейчас) и сквозные технологии (межотраслевые и ориентированные на долгосрочную перспективу).

Со своей стороны, Правительство РФ утвердило расширение полномочий комиссии по научно-техническому развитию – органа, реализующего идеи властей о технологическом суверенитете. В числе других вопросов комиссия сможет заниматься координацией деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти и научных организаций при подготовке перечней приоритетных направлений научно-технологического развития и важнейших научных технологий.

С недавнего времени научно-технический прогресс довольно прочно укоренился с прогрессом социальным. Новые достижения в научно-технической сфере ассоциировались с тем, в какой мере они содействуют росту благосостояния граждан. В настоящее время к этому вопросу стали подходить несколько иначе. Одной из первостепенных проблем в развитии современного общества стала проблема превращения новейших достижений науки и техники в процесс, который неизменно сопровождался бы реальными успехами в повышении уровня жизни большинства граждан [4].

Что касается сельского хозяйства, то ожидается, что урожай в России в 2025 году не будет рекордным. Минсельхоз пока сохраняет свой прогноз на уровне 132 млн тонн по сбору зерновых. По словам вице-премьера Дмитрия Патрушева, в середине июля 2024 года зерна и зернобобовых было собрано вдвое больше, чем на ту же дату предыдущего года. Это позволило России сохранить лидерство по поставкам пшеницы на мировой рынок и позволило закрыть потребность внутреннего рынка [5].

Министерство сельского хозяйства 13 сентября 2024 года представило новую концепцию национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», запускаемого с 2025 года. Как рассказала глава ведомства Оксана Лут, в состав нацпроекта войдут пять федеральных проектов: по селекции и генетике, по биотехнологиям, ветпрепаратам, по технике и оборудованию, по кадрам. Общая цель нового проекта осталась прежней – достичь 75% самообеспеченности семенами всех сельхозкультур. В новой версии нацпроекта АПК изменены его структура и содержание. Более ясные очертания приобрел федеральный проект по кадрам. Речь идет о большей поддержке студентов и сотрудников вузов и НИИ, а также о повсеместном открытии агротехнологических классов. Иначе говоря – о росте в отрасли доли молодежи, а также сотрудников, работающих в АПК более пяти лет [6].

Реализацией продуманной промышленной политики государства правительство М. Мишустина продемон-

стрировало за последние четыре года эффективное решение ситуационных проблем. Оно справилось, балансируя между интенсивными госвложениями и всемерной поддержкой частного бизнеса [7]. Вместе с тем, до конца 2024 года часть факторов, поддержавших сильную экономическую активность в начале года, в связи с дефицитом трудовых ресурсов и целого ряда других факторов стала ослабевать.

Годовые темпы роста ВВП замедлились до 4,6% в первом полугодии, однако произошел резкий скачок экономического роста в июле 2024 года после полугода нисходящей динамики. В списке причин начавшегося некоторого экономического замедления специалисты называют аномально высокий уровень в стране ключевой ставки Центробанка. Это было на руку банкирам и финансистам, поскольку высокая ключевая ставка обеспечивает сверхприбыли коммерческим банкам за счет прямых платежей государственного бюджета. Поэтому приоритетной задачей является обеспечение макроэкономической стабильности и обуздание инфляции. Когда инфляция 40–70%, то это катастрофа в экономике, обнищание людей, т.к. доходы граждан резко падают. По мнению председатели Федерального собрания РФ В.И. Матвиенко, важно, добиваясь снижения инфляции, не остановить экономику [8].

Во второй половине 2024 года несколько замедлились темпы роста строительной индустрии. Это было связано с тем, что произошло снижение инвестиционной активности и завершился ряд крупных проектов: например, создание автотрассы Москва – Казань или большой кольцевой линии в Москве. Это, естественно, не могло не отразиться на росте строительной индустрии в целом по России. Наиболее ощутимо рост замедлился в центральных районах страны, чья доля в общей структуре отрасли достигает 25%, а также на Дальнем Востоке [9].

По оценкам Министерства труда и социальной защиты, в течение следующих пяти лет в России наряду с инженерно-техническими работниками отрасли ИТ будут особенно востребованы такие специальности, как токари, фрезеровщики, слесари и сварщики, другие специалисты рабочих профессий, а также социальные и медицинские работники. Росстат приводит сведения о структуре рынка труда, заработных платах и прибылях корпораций за второй квартал 2024 года. В это же время наметился рост занятости, которая выросла почти на 0,9 млн рабочих мест. К примеру, на 110 тыс. – в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, на 900 тыс. – в госсекторе [10]. Сохраняется и рекордно низкая безработица (в июне 2024 года – 2,4%).

Продолжает снижаться уровень бедности. По итогам 2023–2024 годов он достиг исторического минимума 8,5%. По данным Росстата, к бедным в России относятся 10,5% населения (15,3 млн человек) [11]. С начала 2025 года в РФ возобновилась индексация работающим пенсионерам. Она была прекращена в 2016 году из-за возникших бюджетных трудностей, когда ВВП снизился на 3,7%. Сейчас же благодаря имеющейся в стране «подушке безопасности» появилась возможность возвратить на рынок труда часть многоопытных пенсионеров.

В это непростое для страны время, осознавая всю значимость вопросов сбережения народа нашей страны в целях обеспечения национальной безопасности России на данном сложнейшем историческом этапе ее развития, а также повышения качества человеческого капитала, власти уделяют особое внимание поддержке наиболее нуждающимся слоям населения: многодетным семьям, пожилым людям, матерям, в одиночку воспитывающим детей, а среди трудоспособных граждан – низкоквалифицированным работникам.

Понимание актуальности этой задачи нашло свое отражение в виде закрепления в стратегии национальной безопасности Российской Федерации наивысшего национального интереса «Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан».

Вместе с тем, говоря об основных факторах развития Российского государства, следует признать, что, несмотря на принимаемые меры по преодолению отдельных кризисных ситуаций, пока, к сожалению, не всегда удается добиться желаемых результатов. Так, например, российские власти всерьез озабочены тем, что до сих пор не удалось остановить в стране процесс сокращения рождаемости. Самая неблагополучная демографическая ситуация складывается в крупных российских городах, где быстрее всего растет доля бездетных домохозяйств. Рождаемость в России упала за последнее десятилетие почти на 20% и продолжает снижаться вопреки постоянному увеличению государственной поддержки семей с детьми.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые государством меры, ситуация, связанная с достижением вышеозначенного приоритета, остается сложной: сокращается численность населения, снижается рождаемость и растет смертность, не решены проблемы интеллектуальной и незаконной трудовой миграции, нуждаются в защите традиционные российские духовно-нравственные ценности. Во многом это связано с тем, что до сих пор отсутствуют механизмы комплексной реализации столь стратегически важного национального приоритета «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Например, не определен инструментарий реализации данного приоритета, который фактически рассредоточен по ряду национальных проектов и соответствующих демографических и социальных государственных программ; нет единого управляющего контура и целевого бюджетного финансирования; нет ясности в выборе ответственного за его достижение. В этой связи представляется необходимым совершенствовать целевую государственную политику в сфере реализации данного приоритета.

Тем не менее в столь сложное для России время, и в этом имеют возможность наглядно убедиться не только жители крупных городов, но и наиболее удаленных от них районов, правительству удалось в повседневной жизни сохранить широкий набор потребительских товаров в магазинах. Это стало возможным в результате того, что удалось избежать значительного падения промышленного и сельскохозяйственного производства, устоять перед внешним давлением, компенсировать фактическое отсутствие доступа к западным рынкам, расширив внешнеторговые контакты с дружественными России регионами мира.

Неоценимый вклад в развитие нашей страны в условиях новой реальности вносят работники медицинской и фармацевтической промышленности. Россия уже сама производит 75% жизненно важных лекарств. Если в 2022 году о критической потребности в замещении продукции сообщали примерно 30% предпринимателей, то в последующие годы было сделано немало, чтобы уменьшить эту зависимость. Уже через год всего около 3% продолжали испытывать проблемы с закупкой сырья и 15% – с оборудованием.

Российским медикам удалось добиться серьезных результатов в продлении жизни и излечении многих тяжело больных граждан, в том числе онкологических. Причины роста выживаемости больных в последние годы в России объясняются, по словам заместителя директора Национального медицинского исследовательского

центра онкологии им. Н.Н. Блохина А. Петровского, в основном двумя причинами – усовершенствованием диагностики и лучшим лечением. По данным Министерства здравоохранения РФ, в 2023 году были зарегистрированы более 180 препаратов российского производства для лечения онкологических заболеваний, еще более сотни препаратов сейчас проходят клинические исследования. За пять лет в стране построено 11 новых онкологических центров, поставили более 16 тыс. единиц медицинского оборудования, включая, в том числе, дорогостоящее высокотехнологичное [12].

В России зарегистрирован исторический минимум заболеваемости туберкулезом. По сравнению с 2000 годом было достигнуто снижение в три раза, что было признано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ).

Российская академия наук (РАН) разработала программу борьбы с распространением резистентности к антибиотикам. Ученые обещают разработать 67 новых препаратов, при том, что за последние годы в России появился всего один. Говоря о значении разработки этой программы, ВОЗ называет снижение эффективности антибиотиков одной из десяти основных глобальных угроз здоровью мирового населения. По прогнозам этой международной организации, к 2050 году уровень смертности из-за нее достигнет 10 млн случаев ежегодно [13].

Наглядным отражением новых реальностей в нашей жизни стала радикальная трансформация первого МГМУ им. И.М. Сеченова, который к 2030 году должен превратиться в крупнейший в России исследовательский медицинский университет мирового уровня. Уже в настоящее время штат сотрудников этого института насчитывает 8,2 тыс. человек, число студентов составляет 26,3 тыс., из них 5,5 тыс. – иностранных студентов из 90 стран мира. Миссия новой модели университета – развитие фундаментальной науки, создание исследовательских клиник и внедрение нового образовательного ядра для подготовки специалистов, уровень знаний которых будет опережать запросы экономики и общества. То есть создание медицины будущего [14].

Большие надежды в нашей стране возлагаются на молодежь и, естественно, на деятельность Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), которое старается задать новый вектор в работе с целью охвата той части молодежной аудитории, которая по тем или иным причинам раньше находилась «за контуром». Именно Росмолодежь является главным организатором более 40 всероссийских и региональных молодежных форумов. Ключевым проектом агентства стал Всемирный фестиваль молодежи, который прошел в начале марта 2024 года в «Сириусе». Его посетили 20 тыс. гостей из 19 стран мира. По словам президента В.В. Путина, фестиваль стал площадкой для свободы, творчества и дружбы [15].

В августе 2024 года на образовательном форуме Росмолодежи «Территория смыслов» в Подмосковье работа была разделена на несколько тематических смен, в которых участвовали молодые специалисты из разных отраслей. Состоялась также встреча молодых политиков с официальным представителем МИД РФ Марией Захаровой, которая подчеркнула, что тема морали остается одной из приоритетных для российской власти на пути к достижению многополярного мирового порядка и преодоления разобщенности.

В июле 2024 года Правительство РФ утвердило план реализации мероприятий по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (производство кинофильмов, издание литературы, проведение выставок, лекций, уроков и т.п. на ближайшие два года. Этот документ разработало Министерство культуры совместно с аппаратом правительства и аппаратом Совета безопасности. Без поддержки культура, подчеркивает известный пианист, народный артист России Денис Мацуев, не сможет существовать, а без культуры – самого искреннего, живого и исцеляющего явления, в свою очередь, невозможно существовать ни одному человеку ни в одной точке мира. Если кто-то станет утверждать, что наши дни не самое удачное время для мечтающих стать артистами, музыкантами, кинематографистами, то это не так. Юноши и девушки по-прежнему хотят выбрать ремесло и посвятить себя художественному творчеству как делу жизни. Артистами не рождаются – на артистов учатся. Желающих же учиться великое множество.

Как отметила в одном из своих интервью министр культуры РФ Ольга Любимова, «вопреки всем обстоятельствам, международной обстановке, недругам, которые, теряя здравый смысл, по-прежнему хотят «отменить» российскую культуру, к нам едет молодежь из самых разных стран мира. Уже в августе 2024 года около 400 иностранцев получили распределение на бюджетные места в рамках квоты Правительства РФ, что говорит о стабильном интересе к российскому творческому образованию. География абитуриентов охватывает более 30 стран. Средний конкурс в творческие вузы составил 20 человек на место» [16].

Одним из важнейших инструментов внешней политики в современном мире стали санкции. Их вводят одни государства против других с целью ограничения возможности их политической, экономической, торгово-финансовой и многих видов иной деятельности. В последние годы США и их союзники по НАТО предприняли в этом направлении самые активные действия, чтобы оставить Россию в полной изоляции. По замыслу авторов санкций и других ограничений, эти меры предпринимались, в том числе, для ослабления рубля и российской экономики. Этого, однако, не произошло. Более того, например, в банковской сфере, которая должна была рухнуть в условиях отключения от SWIFT крупных игроков, наблюдаются рекордные прибыли. Также Россия нашла новые рынки сбыта энергоносителей, нарастив поставки.

Если первый пакет санкций против России был объявлен после того, когда она сообщила 22 февраля 2022 г. о признании независимости ДНР и ЛНР, и носил в основном дипломатический характер, то все последующие бесконечные санкции были направленны против всей внутренней и внешней политики Российского государства. Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков назвал общероссийские санкции Запада «беспрецедентным грузом» для России. Однако это обоюдоострое ограничение, которое бумерангом бьет по тем странам, которые их вводят. К настоящему времени Россия уже наработала опыт по линиям защиты от последствий введения санкций со стороны стран коллективного Запада, и отечественные специалисты будут его развивать и дальше. Необходимость разработки Россией всеобъемлющей системной программы сдерживающих и противодействующих мер, способной обеспечить надежную защиту от вмешательства стран Запада, с каждым годом приобретает особое значение.

Санкции, контрсанкции и различного рода бойкоты со стороны западных стран привели к серьезной перестройке всей российской системы внешней политики и торговли. В этом контексте особую роль приобрела такая проблема, как импортозамещение. Суть этого термина кроется в замене импортных товаров на товары, производимые внутри нашей страны. Из самого названия этого понятия видно, что речь идет о замещении

ввозимых из-за границы товаров и налаживания их отечественного производства. Разговоры о проблемах импортозамещения идут давно, т.е. с тех пор, когда Запад применил против России первые санкции из-за присоединения к РФ Крыма в 2014 году.

Среди важнейших факторов, лежащих в основе решения задач, связанных с успешным импортозамещением в нашей стране, рост промышленного производства, развитие машиностроения, металлообработки, пищевой промышленности. В этих отраслях экономики успешно происходит процесс импортозамещения. Одновременно адаптируются отрасли, ориентированные на экспорт.

Российскому бизнесу также во многом удалось перейти на отечественное сырье, материалы, услуги и программное обеспечение. Что касается оборудования и комплектующих, в основном компании сменили зарубежных поставщиков, некоторым даже удалось выстроить поставки из недружественных стран. Поставщиков материалов на внутреннем рынке сумели найти 69% предприятий, сырья – 73%, услуг – 76%, а программного обеспечения – 79%. При этом более половины предпринимателей предпочитают покупать оборудование, комплектующие и узлы в дружественных юрисдикциях. 10% опрошенных приобретают их у недружественных стран при помощи посреднических структур и сложных схем поставок.

Согласно данным Евростата, торговля между Россией и Европой в июне 2024 года снизилась до 4,9 млрд евро – это минимальный показатель с сентября 1999 года, когда произошла переориентация российской экономики на рынки Ближнего и Дальнего Востока. Наращивает нынешний товарооборот Россия с Китаем, Индией, странами Ближнего Востока и Латинской Америки.

Вместе с тем происходит образование новых транспортных коридоров, например, Север – Юг, в направлении Южной Африки, в том числе с целью разгрузить наиболее популярные действующие маршруты [18]. К 2030 году ожидается строительство 13 объектов зарубежной инфраструктуры,

14 октября 2024 года в московском Центре международной торговли состоялся форум «Сделано в России», который зафиксировал промежуточные итоги трансформации экспорта Российской Федерации. На нем представители нашего правительства рассказали о росте доли дружественных стран в торговле, о стимулировании экспорта продукции среднего и высокого передела и о необходимости поставок на внешние рынки более дорогой, чем сейчас, сельхозпродукции. Наряду с другими были высказаны обещания чиновников о субсидировании до 80% затрат грузоперевозчиков на новых экспортных маршрутах для решения возникающих логистических проблем. Основные сектора, по которым наращиваются объемы поставок, – машиностроение (около трети выпуска идет на экспорт), металлургия (четверть), химическая и фармацевтическая промышленности, АПК [19].

28 декабря 2024 года распоряжением Правительства РФ за № 4146-р была принята Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Этот документ разработан с учетом новых рисков для экономики страны, включая геополитическую напряженность, необходимость переориентации на новые рынки и дефицит кадров. Обновляемый документ должен заменить действующую Стратегию до 2025 года. Обращает на себя внимание цель самой Стратегии: если ранее акцент делался на выравнивании различий в уровне и качестве жизни населения и ускорении темпов экономического роста, то теперь – на формировании системы расселения и территориальной организации РФ, что призвано способствовать достижению национальных целей ее развития.

Несмотря на то что США и их союзники по НАТО предприняли в последние годы самые активные действия, чтобы оставить Россию в полной изоляции, они не привели к желаемым для них результатам. И действительно, в мире вряд ли найдется такое государство, которое смогло бы выжить под коллективным давлением наиболее развитых в индустриальном и военном отношении государств и выйти в траекторию роста. По данным Всемирного банка, Россия стала четвертой страной мира по паритету покупательной способности, обогнав все страны Европы, в том числе Германию, Францию, а также Японию, и вышла на лидирующие позиции в списке стран с высоким уровнем доходов наряду с Китаем, США и Индией [17].

Иначе говоря, коллективный Запад с его бесчисленными санкциями, бойкотами и другими ограничениями не сумел добиться относительно России своих целей. Наша страна в сложных для нее условиях ведения СВО выходит, тем не менее, на новые рубежи.

Литература

1. Сетевой подход в исследовании политических отношений: онтологический и методологический аспекты (круглый стол) // Социально-гуманитарные знания. 2023. – № 12. – С. 159.
2. Независимая газета. – 2024. – 30 июня.
3. Александр Лосев, Игорь Иванко, Александр Коряков. Инновации решают, каким окажется будущее российской экономики // Деньги. – 2024. – № 24. – С. 14–16.
4. Александр Гасников. Искусственный интеллект помогает, но не берет на себя основные функции // Наука. – 2024. – Сентябрь.
5. Российская газета. – 2024. – 29 июля.
6. Кристина Боровикова. Минсельхоз переупаковал приоритеты // Коммерсант. – 2024. – 12 сентября.
7. Мир на пути Вашингтонского консенсуса к промышленной политике нового типа // Независимая газета. – 2024. – 28 января.
8. Рейтинговое агентство АКРА. – 2024. – 1 августа.
9. Коммерсант. – 2024. – 14 августа.
10. Исследование Б-1 «Общеиндустриальный обзор заработных плат и компенсаций 2024» // Карьера и кадры. Тематические страницы газеты. Коммерсант. – 2024. – 30 сентября.
11. Пантелемонов Д.Г. Сбережение народа России: [монография]. – М.: Русайнс, 2024. – 110 с.
12. Наталия Новикова. Мы реализуем на практике стратегию государственной безопасности, исключая любые компромиссы с качеством продукции // Наука. – 2024. – Сентябрь.
13. Наталия Косторнова. Антибиотики или смерть // Коммерсант. – 2024. – 4 октября.
14. Петр Глыбочко, ректор Сеченовского университета. «Миссия нашего университета – создавать медицину будущего» // Review. – 2024. – 30 сентября.
15. Григорий Лейба. Молодым везде у нас агентство // Коммерсант. – 2024. – 16 сентября.
16. Ольга Бугулова. Об итогах прошедшей приемной комиссии // Российская газета. – 2024. – 21 марта.
17. Из выступления министра финансов РФ Антона Силуанова на открытии X заседания российского финансового диалога Москвы // Российская газета. – 2024. – 19 августа.
18. Кувалин Дмитрий. Большая игра // Деньги. – 2024. – № 24.

19. Евгения Крючкова. Планы на экспорт // Коммерсант. – 2024. – 15 октября.

SOCIO-POLITICAL REALITY DURING THE PERIOD OF RUSSIA'S MILITARY CONFLICT IN UKRAINE

Moskvin L.B.
FCTAS RAS

The relevance of this study is justified by the objectives of Russian society to solve acute social problems in the context of the ongoing process of political restructuring of the world and during the special military operation in Ukraine. The article considers examples of the country's development as a local civilization, which has recently become increasingly entrenched as a geopolitical phenomenon. It is emphasized that the modern strategy of our country's domestic and foreign policy is directly related to the geopolitical balance and the course of events outside the context of the Russian state.

Keywords: socio-political problems, socio-economic development, political reconstruction of the world, special military operation, state policy.

References

1. A network approach in the study of political relations: ontological and methodological aspects (round table) // Socio-humanitarian knowledge. – 2023. – № 12. – P. 159.
2. Nezavisimaya gazeta. – 2024. – June 30.
3. Alexander Losev, Igor Ivanko, Alexander Koryakov. Innovations decide what the future of the Russian economy will be like // Money. – 2024. – № 24. – P. 14–16.
4. Alexander Gasnikov. Artificial intelligence helps, but does not take over the main functions // Science. – 2024. – September.
5. Rossiyskaya gazeta. – 2024. – July 29.
6. Kristina Borovikova. The Ministry of Agriculture repackaged priorities // Kommersant. – 2024. – September 12.
7. The world is on the path of the Washington Consensus towards a new type of industrial Policy // Nezavisimaya Gazeta. – 2024. – January 28.
8. ACRA Rating Agency. – 2024. – August 1.
9. Kommersant. 2024. – August 14.
10. Study B-1 «General industrial review of wages and compensation 2024» // Career and personnel. The newspaper's thematic pages. Kommersant. – 2024. – September 30.
11. Pantelemonov D.G. Saving the people of Russia: [monograph]. Moscow: Rusains, 2024. – 110 p.
12. Natalia Novikova. We are implementing a national security strategy in practice, eliminating any compromises with product quality. – 2024. – September.
13. Natalia Kostornova. Antibiotics or death // Kommersant. – 2024. – October 4.
14. Pyotr Glybochko, Rector of Sechenov University. "The mission of our university is to create the medicine of the future" // Review. – 2024. – September 30.
15. Gregory Leiba. We have an agency for young people everywhere // Kommersant. – 2024. – September 16.
16. Olga Bugulova. About the results of the last admissions committee // Rossiyskaya gazeta. – 2024. – March 21.
17. From the speech of the Minister of Finance of the Russian Federation Anton Siluanov at the opening of the X meeting of the Russian Financial Dialogue of Moscow // Rossiyskaya Gazeta. – 2024. – August 19.
18. Dmitry Kuvalin. The big game // Money. – 2024. – № 24.
19. Evgenia Kryuchkova. Export plans // Kommersant. – 2024. – October 15.

Аналитика больших данных в управлении: социологический анализ влияния на процессы принятия решений

Поляков Кирилл Геннадьевич,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: polyakov-kirill@mail.ru

В условиях цифровой трансформации аналитика больших данных (Big Data) становится ключевым инструментом поддержки управленческих решений. Однако её внедрение сопряжено с рядом вызовов, включая кадровый дефицит, когнитивные искажения менеджеров и сложность интеграции аналитических систем. Цель исследования – определить влияние аналитики больших данных на управленческие процессы, выявить ключевые барьеры её внедрения и предложить решения для их преодоления. Методологическая основа включает теоретический анализ концепций управленческой аналитики, рационального выбора и цифровой трансформации, а также эмпирическое исследование на основе экспертных интервью. Результаты исследования подтвердили, что Big Data повышает точность прогнозирования и стратегическую гибкость, но её использование ограничено организационными и человеческими факторами. Научная новизна заключается в выявлении влияния когнитивных искажений управленцев на эффективность аналитики данных, а также в уточнении барьеров цифровой трансформации с учетом российской специфики. Полученные выводы могут быть использованы для разработки стратегий успешного внедрения Big Data в корпоративное управление.

Ключевые слова: аналитика больших данных, управленческие решения, цифровая трансформация, корпоративное управление, стратегическое прогнозирование, барьеры внедрения.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения объемов данных управление организациями становится все более зависимым от аналитики больших данных (Big Data). Применение передовых методов обработки информации позволяет компаниям оптимизировать бизнес-процессы, прогнозировать изменения рыночной среды и повышать точность стратегических решений. Однако внедрение Big Data в управленческую практику сопровождается рядом вызовов, включая сопротивление сотрудников, нехватку квалифицированных специалистов и сложность интеграции аналитических систем в существующие бизнес-модели.

Актуальность исследования обусловлена тем, что аналитика больших данных перестала быть лишь вспомогательным инструментом – она становится ключевым фактором повышения эффективности управления. Компании, внедряющие аналитику данных, демонстрируют более высокие показатели производительности и конкурентоспособности, что подтверждают многочисленные международные исследования. Однако, несмотря на очевидные преимущества, многие организации сталкиваются с трудностями адаптации к новым цифровым инструментам, что делает необходимым более детальное изучение факторов, влияющих на успешность внедрения Big Data в управленческую практику.

Цель исследования – определить влияние аналитики больших данных на процессы принятия управленческих решений, выявить ключевые эффекты её использования, а также барьеры, препятствующие её интеграции в корпоративные структуры. Для достижения этой цели в работе проведён теоретический анализ концепции управленческой аналитики, теории рационального выбора и моделей цифровой трансформации, а также эмпирическое исследование на основе экспертных интервью.

Результаты данного исследования позволят не только обобщить существующие теоретические подходы к аналитике данных в управлении, но и выявить практические аспекты её внедрения, что имеет важное значение для организаций, стремящихся повысить свою цифровую зрелость и конкурентоспособность в условиях динамично изменяющейся рыночной среды.

Методы исследования

Исследование влияния аналитики больших данных на процессы принятия управленческих решений основано на комплексном подходе, включающем теоретический анализ и эмпирическое исследование. Такой подход позволяет выявить ключевые концепции и методологические основания, а также проверить их применимость в реальной практике управления.

Теоретико-методологический анализ

На первом этапе был проведён анализ теоретических подходов к изучению больших данных и их влияния на управленческие стратегии. В основу исследования легли концепции цифровой трансформации, управленческой ана-

литики и социологических моделей принятия решений. Рассмотрены труды, посвящённые роли big data в организации бизнес-процессов, повышении эффективности управления и трансформации корпоративных стратегий.

Основные направления теоретического анализа включали:

1. Концепция управленческой аналитики, рассматривающая большие данные как инструмент поддержки принятия решений.
2. Теория рационального выбора и аналитического управления, объясняющая, как обработка данных влияет на стратегические решения.
3. Модели цифровой трансформации управления, описывающие, как внедрение технологий big data изменяет корпоративные структуры и модели руководства.

Анализ научных источников позволил сформулировать ключевые гипотезы исследования и определить направления для эмпирической проверки.

Эмпирическое исследование: экспертные интервью

На втором этапе было проведено качественное исследование на основе полуструктурированных экспертных интервью. Этот метод был выбран для получения глубинного понимания того, как аналитика больших данных используется в управленческой практике и какие барьеры существуют при её внедрении.

Выборка респондентов

В исследовании приняли участие 15 экспертов, среди которых:

1. Руководители аналитических подразделений крупных компаний;
2. Chief Data Officers (CDO) и IT-директора, отвечающие за внедрение аналитики в управлении;
3. Социологи и исследователи, специализирующиеся на анализе больших данных.

Формат интервью

Интервью проводились в формате глубинных бесед (40–60 минут) с использованием онлайн-платформ (Zoom, Microsoft Teams). Вопросы структурировались вокруг нескольких ключевых тем:

1. Какие виды аналитики больших данных используются в управлении?
2. Как big data влияет на процессы принятия решений?
3. Какие основные барьеры и риски связаны с внедрением аналитики?
4. Как сотрудники воспринимают использование big data в управлении?

Полученные данные были подвергнуты качественному контент-анализу для выявления общих тенденций и точек расхождения между теорией и практикой.

Комбинация теоретического анализа и экспертных интервью позволила создать целостную картину влияния аналитики больших данных на управление, выявить ключевые факторы её успешного внедрения и определить возможные направления дальнейших исследований.

Результаты исследования

Теоретико-методологические основы влияния аналитики больших данных на управленческие решения

Аналитика больших данных играет ключевую роль в современной управленческой практике, выступая не только инструментом поддержки решений, но и фактором, преобразующим саму логику управленческих процессов. Для анализа этих процессов в исследовании используются три ключевых теоретических подхода: концепция управленческой аналитики, объясняющая роль данных в принятии решений; теория рационального выбора, рассматривающая влияние аналитики на управленческое поведение; и модели цифровой трансформации, демонстрирующие, как внедрение технологий Рассмотрение данных подходов позволит выявить механизмы влияния аналитики больших данных на управление и определить ключевые теоретические основы дальнейшего исследования.

Концепция управленческой аналитики. Современные организации функционируют в условиях стремительного роста объемов данных, что обуславливает необходимость их эффективного использования для оптимизации управленческих решений. Концепция управленческой аналитики (business analytics) представляет собой совокупность методов и технологий обработки больших данных (Big Data), направленных на выявление закономерностей, прогнозирование и поддержку стратегического управления. Данная концепция получила развитие благодаря трудам McAfee & Brynjolfsson (2012) и Davenport (2014), которые рассмотрели влияние аналитики на процессы принятия решений и эффективность бизнеса [1, с. 62], [2, с. 240].

Управленческая аналитика – это совокупность методов сбора, обработки и интерпретации данных для обоснованного принятия решений в организациях. Основное отличие аналитики больших данных от традиционных методов управления заключается в способности анализировать неструктурированные и полу-структурированные данные в реальном времени, что повышает адаптивность организаций к изменяющимся условиям рынка [2, с. 240].

Согласно исследованиям Provost (2013), управленческая аналитика включает три основных направления:

1. Описательная аналитика (descriptive analytics) – анализ исторических данных для выявления ключевых тенденций;
2. Предсказательная аналитика (predictive analytics) – применение статистических и машинных методов для прогнозирования будущих событий;
3. Предписывающая аналитика (prescriptive analytics) – разработка управленческих решений на основе симуляционных моделей и алгоритмов машинного обучения [3, с. 414].

Эти подходы позволяют компаниям не только анализировать прошлые события, но и строить прогнозы и формировать рекомендации для будущих действий, что особенно важно в условиях цифровой экономики.

В последние годы наблюдается значительное влияние больших данных на управленческие процессы. Исследование McAfee & Brynjolfsson (2012) показало, что организации, активно использующие аналитику больших данных, демонстрируют в среднем на 5–6% более высокую продуктивность по сравнению с конкурентами [1, с. 68]. В 2023 году аналогичное исследование McKinsey & Company подтвердило, что компании, применяющие передовые аналитические методы, увеличивают операционную эффективность на 25% и сокращают издержки на 15% [4, с. 47].

Большие данные оказывают влияние на управление за счет нескольких ключевых механизмов:

- Повышение точности управленческих решений. Аналитические системы позволяют учитывать множество факторов и находить корреляции, которые трудно выявить традиционными методами. Это снижает

субъективность и повышает обоснованность решений [5, с. 133].

- Оптимизация бизнес-процессов. Автоматизация обработки данных позволяет ускорить процесс принятия решений и снизить транзакционные издержки [6, с. 92]. Например, использование предсказательной аналитики в ритейле позволяет оптимизировать цепочки поставок и минимизировать затраты на хранение товаров.
- Развитие персонализированного подхода. В маркетинге и управлении персоналом аналитика больших данных помогает разрабатывать индивидуальные стратегии взаимодействия с клиентами и сотрудниками [7, с. 211].

Несмотря на очевидные преимущества, применение управленческой аналитики сопряжено с рядом вызовов. В исследовании Gartner (2023) отмечается, что около 60% компаний сталкиваются с трудностями при внедрении аналитических систем из-за нехватки квалифицированных специалистов и проблем с обработкой неструктурированных данных [8, с. 97].

Основные барьеры включают:

- Отсутствие необходимой цифровой компетенции. Исследования показывают, что лишь 35% менеджеров обладают достаточными знаниями в области аналитики данных [9, с. 74].
- Проблемы с интеграцией аналитических систем. Многие организации используют разрозненные IT-решения, что затрудняет комплексный анализ данных [10, с. 88].
- Этические и правовые вопросы. Использование больших данных связано с проблемами конфиденциальности и защиты персональной информации, что требует соблюдения регуляторных требований (например, GDPR) [11, с. 102].

Аналитика больших данных оказывает значительное влияние на управление организациями, повышая точность и эффективность принимаемых решений. Современные компании, использующие аналитические методы, демонстрируют более высокие показатели производительности и конкурентоспособности. Однако внедрение аналитики требует значительных ресурсов, наличия квалифицированных кадров и учета правовых аспектов обработки данных.

Теория рационального выбора и аналитического управления. Теория рационального выбора (Rational Choice Theory, RCT) и концепция аналитического управления (Analytical Management) являются фундаментальными основами для понимания того, как обработка данных влияет на стратегические управленческие решения. Данные теории рассматривают процесс принятия решений в организациях с точки зрения оптимизации, основанной на доступной информации и прогнозных моделях. Исследования H. Simon (1972) и D. Kahneman & A. Tversky (1979) заложили основы современных подходов к управленческой аналитике, показав, что обработка больших объемов данных может как улучшать качество решений, так и создавать когнитивные и организационные барьеры для их реализации [12, с. 45], [16, с. 267].

Гипотеза ограниченной рациональности (Bounded Rationality), предложенная H. Simon, утверждает, что управленческие решения принимаются не на основе полной информации, а в условиях неопределенности и ограниченных когнитивных ресурсов [13, с. 67]. В отличие от классической экономической теории, предполагающей, что субъекты обладают полной информацией и принимают оптимальные решения, Simon показал, что реальные управленцы сталкиваются с когнитивными ограничениями, ограниченным временем на обработку данных и несовершенством аналитических инструментов [14, с. 92].

Современные исследования подтверждают, что аналитика больших данных частично компенсирует ограничения рациональности, предоставляя более точные и детализированные сведения о состоянии рынка, поведении клиентов и внутренних процессах организаций [4, с. 78]. Например, исследование McKinsey (2023) показало, что 72% компаний, использующих предсказательную аналитику, смогли улучшить процесс принятия решений за счет повышения точности прогнозов [4, с. 78].

Работы D. Kahneman & A. Tversky (1979) в области поведенческой экономики дополнили теорию рационального выбора, выявив влияние когнитивных искажений на процесс принятия решений [14, с. 269]. Авторы показали, что даже при наличии объективных данных управленцы часто опираются на эвристики – упрощенные когнитивные стратегии, которые могут приводить к систематическим ошибкам.

Наиболее значимые эвристики и искажения, влияющие на использование аналитики в управлении:

- Эффект привязки (anchoring bias) – склонность чрезмерно опираться на первую полученную информацию, что может искажать интерпретацию данных [15, с. 312].
- Предвзятость подтверждения (confirmation bias) – тенденция искать и интерпретировать данные в пользу уже имеющихся убеждений, что снижает объективность аналитики [16, с. 1126].
- Искажение доступности (availability bias) – принятие решений на основе легко доступных данных, а не полной аналитической картины [17, с. 336].

Современные исследования подчеркивают, что для эффективного использования данных в управлении необходимо разрабатывать системы нейтрализации когнитивных искажений, включая автоматизированные модели анализа, независимый аудит данных и обучение управленцев основам поведенческой аналитики [18, с. 499].

Теория рационального выбора и поведенческая экономика демонстрируют, что аналитика больших данных оказывает значительное влияние на процессы управления, но не устраняет полностью когнитивные ограничения и поведенческие искажения. Современные организации, использующие аналитическое управление, добиваются лучших результатов, но успешность аналитики зависит от качественной интерпретации данных и способности менеджеров адаптироваться к новым информационным средам. В этом контексте развитие цифровой грамотности управленцев и совершенствование методов обработки данных остаются ключевыми факторами эффективности стратегических решений.

Модели цифровой трансформации управления. Современные организации активно адаптируют аналитические технологии больших данных для оптимизации управления и корпоративных структур. Исследования Westerman et al. (2014) предлагают концептуальную модель цифровой трансформации, согласно которой внедрение Big Data приводит к изменению управленческих моделей и трансформации бизнес-процессов [19, с. 256].

Westerman et al. выделяют три ключевых аспекта цифровой трансформации, влияющих на корпоративное управление [19, с. 256]:

- Операционная эффективность – применение аналитики данных снижает издержки, оптимизирует цепочки поставок и автоматизирует рутинные управленческие процессы. По данным исследования Deloitte (2023), компании, внедрившие Big Data в управле-

ние, увеличили производительность на 20% за счет цифровых решений [20, с. 256].

- Цифровая адаптация корпоративных структур – управленческие модели эволюционируют от жестких иерархий к более гибким и децентрализованным структурам. Это выражается в распространении методологий agile-управления, что позволяет компаниям быстрее реагировать на изменения рынка [19, с. 256].
- Принятие решений на основе данных – руководители организаций используют предиктивную аналитику и машинное обучение для стратегического планирования, что снижает зависимость от интуитивных методов управления [19, с. 256].

Внедрение Big Data не только повышает эффективность операций, но и требует перестройки корпоративной культуры. Исследования Gartner (2023) показывают, что 68% компаний, внедривших аналитику данных, столкнулись с необходимостью повышения цифровой грамотности менеджеров [8, с. 97]. Это подтверждает вывод о том, что цифровая трансформация требует не только технологических, но и организационных изменений.

Цифровая трансформация управления, основанная на использовании больших данных, ведет к фундаментальным изменениям в корпоративных структурах. Компании переходят к более гибким моделям управления, автоматизируют процессы и принимают решения на основе аналитики. Однако для успешного внедрения цифровых технологий необходимо учитывать как технологические, так и организационные барьеры, включая сопротивление сотрудников и необходимость развития цифровых компетенций.

Эмпирическое исследование: экспертные интервью

Второй этап исследования включал проведение качественного анализа на основе полуструктурированных экспертных интервью. Данный метод был выбран для получения глубинного понимания того, как аналитика больших данных применяется в управлении, какие барьеры существуют при её внедрении, а также какие стратегии используют компании для преодоления возникающих сложностей.

Исследование проводилось в период с сентября по декабрь 2024 года. В нем приняли участие 15 экспертов, представляющих две группы:

- Руководители аналитических подразделений крупных компаний (8 человек), работающие в таких отраслях, как финансы, ритейл и промышленность. Они отвечают за внедрение аналитики в управленческие процессы и оценивают её влияние на принятие решений.
- Chief Data Officers (CDO) и IT-директора (7 человек), курирующие цифровую трансформацию компаний и внедрение аналитических решений.

Респонденты были отобраны методом целенаправленного (экспертного) отбора с учетом их опыта работы в сфере аналитики данных и управления. Все интервью проводились в формате глубинных бесед продолжительностью 40–60 минут с использованием онлайн-платформ (Zoom, Microsoft Teams). Данные фиксировались в виде стенограмм и подвергались контент-анализу для выявления ключевых тем и расхождений между теоретическими моделями и практическим применением аналитики больших данных.

Структура интервью включала четыре тематических блока:

1. Использование аналитики больших данных в управлении:
- Какие инструменты и технологии аналитики применяются?
- Какие бизнес-процессы наиболее подвержены влиянию аналитики?
- Как изменились управленческие подходы с внедрением аналитики?
2. Влияние Big Data на принятие решений:
- Улучшает ли аналитика скорость и точность решений?
- Какую роль играет предиктивная аналитика в стратегическом управлении?
- Влияет ли аналитика на гибкость и адаптивность организаций?
3. Барьеры и риски внедрения аналитики:
- С какими основными сложностями сталкиваются компании?
- Какие факторы замедляют процесс цифровой трансформации?
- Насколько выражено сопротивление сотрудников новым технологиям?
4. Восприятие аналитики среди управленцев и сотрудников:
- Как меняются компетенции менеджеров с внедрением аналитики?
- Есть ли опасения относительно автоматизации и сокращения рабочих мест?
- Какие стратегии обучения и адаптации персонала используются?

Большинство респондентов (12 из 15) отметили, что аналитика данных стала ключевым инструментом поддержки управленческих решений, особенно в таких сферах, как финансы и маркетинг. Однако степень её интеграции в управление зависит от уровня цифровой зрелости компании.

Основные выявленные эффекты:

- Повышение точности прогнозирования – предиктивные модели позволяют анализировать поведенческие тренды клиентов и оптимизировать бизнес-процессы. Согласно данным McKinsey (2023), компании, активно использующие аналитику, увеличивают точность прогнозов на 25% [4, с. 78].
- Автоматизация принятия решений – 9 из 15 респондентов указали, что аналитические платформы снижают необходимость интуитивного управления и сокращают влияние человеческого фактора. Это подтверждается исследованиями Davenport (2014), которые показывают, что компании с высокой степенью цифровизации принимают решения на 30% быстрее [2, с. 240].
- Изменение корпоративных структур – 7 респондентов подчеркнули, что цифровая трансформация приводит к децентрализации управления, ускоряя процессы согласования решений и повышая гибкость компаний. Эти выводы согласуются с теорией Westerman et al. (2014) о влиянии Big Data на корпоративные структуры [20, с. 256].

Хотя аналитика больших данных демонстрирует высокую эффективность, её внедрение сопровождается значительными сложностями. В ходе интервью были выявлены три ключевых барьера:

- Кадровый дефицит и нехватка компетенций. 10 из 15 респондентов отметили, что компании испытывают трудности с наймом специалистов по аналитике данных. Это подтверждается отчетом Gartner (2023), согласно которому 68% организаций называют нехватку квалифицированных кадров главной проблемой цифровизации [8, с. 97].
- Сопротивление сотрудников и корпоративная культура. 8 респондентов указали, что часть сотрудников

негативно воспринимает цифровизацию, опасаясь автоматизации и сокращения рабочих мест. Исследования Kahneman & Tversky (1979) показывают, что люди склонны переоценивать риски перемен и предпочитают привычные модели работы, что замедляет внедрение инноваций [14, с. 268].

- Проблемы интеграции аналитических систем. 6 респондентов отметили, что традиционные корпоративные IT-системы плохо совместимы с новыми аналитическими платформами. Это согласуется с выводами исследования Deloitte (2023), которое показало, что только 40% компаний успешно интегрировали Big Data в существующие бизнес-процессы [21, с. 98].

Большинство респондентов (11 из 15) подчеркнули, что аналитика данных меняет требования к компетенциям управленцев. Менеджеры должны обладать базовыми знаниями в области аналитики и интерпретации данных. Однако 6 респондентов отметили, что существующие программы обучения цифровым навыкам в компаниях остаются недостаточными.

Результаты интервью в значительной степени подтверждают существующие теоретические подходы. Аналитика больших данных действительно способствует повышению точности прогнозов и скорости принятия решений, что согласуется с концепцией управленческой аналитики Davenport [2, с. 240].

Таким образом, эмпирическое исследование демонстрирует, что успешное внедрение Big Data в управление требует не только технической модернизации, но и глубокой адаптации корпоративной культуры и развития цифровых компетенций среди управленцев.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования подтверждают ключевые теоретические положения о влиянии аналитики больших данных на процессы управления, но выявляют ряд особенностей, характерных для практики российских компаний. В данной секции представлены сравнительный анализ полученных данных с результатами международных исследований, научный вклад исследования и перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

Результаты интервью показали, что аналитика больших данных способствует повышению точности прогнозирования, автоматизации принятия решений и оптимизации бизнес-процессов. Это соответствует выводам McAfee & Brynjolfsson (2012), согласно которым организации, использующие передовые методы анализа данных, демонстрируют в среднем на 5–6% более высокую продуктивность [1, с. 68]. В аналогичном исследовании McKinsey (2023) указывается, что аналитика данных повышает точность прогнозов на 25% и снижает затраты на 15% [4, с. 78]. Наши результаты подтверждают этот тренд: эксперты отметили значительное улучшение качества решений за счет внедрения аналитики, особенно в финансовом и ритейл-секторе.

Однако выявлено, что использование аналитики данных не всегда приводит к автоматическому улучшению управленческих процессов. Вопреки традиционным представлениям о рациональности принятия решений (Simon, 1972), значительная часть управленцев продолжает полагаться на интуицию, несмотря на доступность аналитических данных [12, с. 216]. Это подтверждает исследования Kahneman & Tversky (1979) о влиянии когнитивных искажений, таких как эффект привязки и предвзятость подтверждения, на интерпретацию данных [14, с. 1130]. Наши результаты показывают, что даже при наличии объективных данных управленцы могут игнорировать аналитические выводы в пользу личного опыта, что согласуется с выводами Tversky & Kahneman (1974) о влиянии эвристик на принятие решений [14, с. 1130].

Кроме того, наши результаты подтвердили, что сложность интеграции аналитических систем в существующие IT-инфраструктуры замедляет внедрение аналитики. В исследовании Deloitte (2023) указано, что только 40% компаний успешно интегрировали Big Data в корпоративные процессы [21, с. 98]. Наши респонденты подтвердили этот факт, отметив, что в большинстве компаний используются разрозненные системы, что затрудняет их синхронизацию.

Результаты исследования показали, что аналитика данных способствует децентрализации управленческих структур, что подтверждает выводы Westerman et al. (2014) о влиянии цифровых технологий на корпоративное управление [20, с. 256]. Семь респондентов отметили, что использование аналитики ускоряет процесс согласования решений и делает управление более гибким.

Результаты данного исследования позволяют уточнить существующие теоретические подходы к роли аналитики данных в управлении и внести новые эмпирические данные в дискуссию о барьерах цифровой трансформации.

1. Подтверждение влияния Big Data на точность и скорость принятия решений.
2. Дополнение теории ограниченной рациональности.
3. Идентификация ключевых барьеров цифровой трансформации.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило значительное влияние аналитики больших данных на процессы управления и стратегическое принятие решений. Теоретический анализ показал, что использование Big Data способствует повышению точности прогнозирования, оптимизации бизнес-процессов и снижению транзакционных издержек. Однако, как выявило эмпирическое исследование, успешное внедрение аналитики в управление зависит не только от технологических факторов, но и от организационной культуры, готовности менеджеров к принятию решений на основе данных и уровня цифровой зрелости компании.

Теория рационального выбора и концепция ограниченной рациональности (Simon, 1972) частично подтверждаются результатами исследования: хотя аналитика предоставляет объективные данные, управленцы продолжают опираться на интуицию и эвристики, что может снижать эффективность решений [12, с. 216]. Это подтверждает необходимость не только внедрения аналитических инструментов, но и изменения подходов к обучению и развитию цифровых компетенций среди управленцев.

Выявленные барьеры – кадровый дефицит, сопротивление сотрудников и сложность интеграции аналитических систем – согласуются с мировыми исследованиями в области цифровой трансформации (Gartner, 2023; Deloitte, 2023). Однако российская специфика заключается в том, что человеческие факторы (нехватка компетенций, недоверие к аналитике) оказываются более значимыми препятствиями, чем технологические ограничения, тогда как в западных компаниях основной акцент делается на кибербезопасности и интеграции сложных IT-инфраструктур.

Таким образом, аналитика больших данных оказывает комплексное влияние на управление, требуя от организаций не только технологических инвестиций, но и адаптации корпоративных структур и методов

управления. Развитие аналитической культуры, снижение влияния поведенческих искажений и совершенствование стратегий интеграции аналитики в управленческие процессы являются ключевыми направлениями дальнейших исследований и практических разработок.

Литература

1. McAfee, A., Brynjolfsson, E. Big Data: The Management Revolution // Harvard Business Review. 2012. Vol. 90, No. 10. P. 60–68.
2. Davenport, T. Big Data at Work: Dispelling the Myths, Uncovering the Opportunities. Harvard Business Review Press, 2014. 240 p.
3. Provost, F., Fawcett, T. Data Science for Business: What You Need to Know About Data Mining and Data-Analytic Thinking. O'Reilly Media, 2013. 414 p.
4. McKinsey & Company. The State of AI and Big Data Analytics in Business. McKinsey Report, 2023. 78 p.
5. Chen, H., Chiang, R. H., Storey, V.C. Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact // MIS Quarterly. 2012. Vol. 36, No. 4. P. 1165–1188.
6. Davenport, T., Harris, J. Competing on Analytics: The New Science of Winning. Harvard Business Review Press, 2017. 352 p.
7. Wamba, S. F., Gunasekaran, A., Akter, S. et al. Big Data Analytics in Operations and Supply Chain Management // Production Planning & Control. 2017. Vol. 28, No. 11–12. P. 873–888.
8. Gartner. 2023 Analytics & AI Trends Report. Gartner Research, 2023. 97 p.
9. Bughin, J., Seong, J., Manyika, J. et al. Notes from the AI Frontier: Insights from Hundreds of Use Cases. McKinsey Global Institute, 2018. 54 p.
10. Kitchin, R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. SAGE Publications, 2014. 240 p.
11. Zicari, R.V. Big Data Ethics: The Role of Data Scientists. Springer, 2021. 250 p.
12. Simon, H.A. The Sciences of the Artificial. MIT Press, 1972. 216 p.
13. Simon, H.A. Models of Man: Social and Rational. Wiley, 1957. 287 p.
14. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47, No. 2. P. 263–291.
15. Thaler, R. H., Sunstein, C.R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press, 2008. 312 p.
16. Tversky, A., Kahneman, D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185, No. 4157. P. 1124–1131.
17. Ariely, D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. HarperCollins, 2008. 336 p.
18. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
19. Westerman, G., Bonnet, D., McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Harvard Business Review Press, 2014. 256 p.
20. Deloitte. Digital Transformation 2023: Corporate Strategies and Business Impact. Deloitte Insights, 2023. 98 p.

BIG DATA ANALYTICS IN MANAGEMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF ITS IMPACT ON DECISION-MAKING PROCESSES

Polyakov K.G.
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

In the context of digital transformation, Big Data analytics has become a key tool for supporting managerial decision-making. However, its implementation is accompanied by several challenges, including a shortage of qualified personnel, cognitive biases among managers, and the complexity of integrating analytical systems. The aim of this study is to determine the impact of Big Data analytics on management processes, identify key barriers to its adoption, and propose solutions to overcome them. The methodological framework includes a theoretical analysis of managerial analytics, rational choice, and digital transformation concepts, as well as an empirical study based on expert interviews. The study's findings confirm that Big Data enhances forecasting accuracy and strategic flexibility but is limited by organizational and human factors. The scientific novelty lies in identifying the impact of managerial cognitive biases on the effectiveness of data analytics and refining digital transformation barriers considering the Russian context. The conclusions can be used to develop strategies for the successful implementation of Big Data in corporate management.

Keywords: Big Data analytics, managerial decision-making, digital transformation, corporate management, strategic forecasting, implementation barriers.

References

1. McAfee, A., Brynjolfsson, E. Big Data: The Management Revolution // Harvard Business Review. 2012. Vol. 90, No. 10. P. 60–68.
2. Davenport, T. Big Data at Work: Dispelling the Myths, Uncovering the Opportunities. Harvard Business Review Press, 2014. 240 p.
3. Provost, F., Fawcett, T. Data Science for Business: What You Need to Know About Data Mining and Data-Analytic Thinking. O'Reilly Media, 2013. 414 p.
4. McKinsey & Company. The State of AI and Big Data Analytics in Business. McKinsey Report, 2023. 78 p.
5. Chen, H., Chiang, R. H., Storey, V.C. Business Intelligence and Analytics: From Big Data to Big Impact // MIS Quarterly. 2012. Vol. 36, No. 4. P. 1165–1188.
6. Davenport, T., Harris, J. Competing on Analytics: The New Science of Winning. Harvard Business Review Press, 2017. 352 p.
7. Wamba, S. F., Gunasekaran, A., Akter, S. et al. Big Data Analytics in Operations and Supply Chain Management // Production Planning & Control. 2017. Vol. 28, No. 11–12. P. 873–888.
8. Gartner. 2023 Analytics & AI Trends Report. Gartner Research, 2023. 97 p.
9. Bughin, J., Seong, J., Manyika, J. et al. Notes from the AI Frontier: Insights from Hundreds of Use Cases. McKinsey Global Institute, 2018. 54 p.
10. Kitchin, R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. SAGE Publications, 2014. 240 p.
11. Zicari, R.V. Big Data Ethics: The Role of Data Scientists. Springer, 2021. 250 p.
12. Simon, H.A. The Sciences of the Artificial. MIT Press, 1972. 216 p.
13. Simon, H.A. Models of Man: Social and Rational. Wiley, 1957. 287 p.
14. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47, No. 2. P. 263–291.
15. Thaler, R. H., Sunstein, C.R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press, 2008. 312 p.
16. Tversky, A., Kahneman, D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185, No. 4157. P. 1124–1131.
17. Ariely, D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. HarperCollins, 2008. 336 p.
18. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
19. Westerman, G., Bonnet, D., McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Harvard Business Review Press, 2014. 256 p.
20. Deloitte. Digital Transformation 2023: Corporate Strategies and Business Impact. Deloitte Insights, 2023. 98 p.

Современные механизмы трансляции культуры: аспект государственного и муниципального управления

Романовский Гела Алексеевич,
аспирант кафедры ЮНЕСКО ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Руководитель по развитию бизнеса компании МТС Live
E-mail: rgela@yandex.ru

В статье вопрос современных механизмов трансляции культуры рассмотрен с позиций государственного и муниципального управления. Отмечается важность сохранения и передачи следующим поколения культурных основ общества с позиции государственного управления. Анализируется проблема взаимодействия сферы культуры и государства, предполагающая ряд противоречий. В частности, государство, финансируя учреждения культуры, может начать предъявлять неправомерные требования к их деятельности, может вторгаться в культурную сферу там, где это нецелесообразно и даже вредно. Данная проблема не имеет решения и во многом зависит от морального выбора работников сферы государственного и муниципального управления. Отмечается большое значение инновационных инструментов культуры: науки, техники, технологий, информационного пространства, электронных коммуникационных ресурсов, искусственного интеллекта. Подчёркивается необходимость для государственного и муниципального управления учитывать возможности данных инструментов для организации деятельности учреждений культуры, для трансляции культурного наследия следующим поколениям.

Ключевые слова: культура, трансляция культуры, государственное и муниципальное управление, новационные инструменты, технологии, искусственный интеллект.

Введение

Создание эффективных условий для сохранения и трансляции культуры, организация этого процесса, обеспечение его непрерывности являются ключевыми задачами органов государственного управления в течение всей их истории. Культура представляет собой основу государственности любого типа, базу, на которой стоит государство, которая делает его жизнеспособным, обеспечивает его стабильность. Значительные изменения культуры могут показаться пагубными для устоев государства, способными изменить их; государство же ориентировано на сохранение стабильности. В настоящий момент, когда культура стала меняться чрезвычайно быстро, значение её стабильности, наличия устойчивых механизмов её трансляции для государства стало особенно очевидным. В то же время необходимо понимать, что искусственное торможение развития культуры недопустимо и способно привести к стагнации [4, с. 23]. Затормаживание развития, вместо сохранения культуры, может способствовать её постепенному уничтожению, что погубит и государство. Вопросы сохранения государством различных составляющих культуры активно рассматриваются разными исследователями. При этом выделяются различные факторы и инструменты сохранения, развития и трансляции культуры: образование [10], культурно-массовая работа [5], цифровое телевещание [7] и др. Несмотря на большой опыт, появившийся в течение столетий у процесса государственного и муниципального управления культурной сферой, в этой области есть ещё много проблем, нуждающихся в анализе.

Цель статьи – рассмотреть современные механизмы трансляции культуры с точки зрения их важности для государства, их роли в системе государственного и муниципального управления. Исследование проводилось на основе системного и ценностного подходов с помощью общенаучных методов описания, наблюдения, анализа и синтеза, а также методов формализации, прогнозирования, экстраполяции и интерпретационного метода.

Основная часть

Основы государственности включают множество составляющих, в системе которых культура занимает далеко не последнее место. Государство имеет определённые обязанности перед сферой культуры, в частности, это прямые обязанности по финансированию культурной деятельности [6, с. 175], что стало уже константой государственного и муниципального управления. Такое положение существовало не всегда, долгое время развитие культуры было стихийным и зависело исключительно от воли отдельных личностей и социальных групп. Положение о необходимости государственных вливаний в культуру стало закрепляться в управлении в конце XIX в. Государство не считало себя обязанным развивать культуру, поскольку духовная деятельность относится к непроизводительной сфере, не приносит государству осязаемой пользы. На самом деле польза, конечно есть, но она не видна так сразу, как это происходит в экономической,

социальной, военной и других сферах. Для того чтобы осознать эту пользу, государство должно было достичь определённых ступеней своего развития.

Вопрос о финансировании культуры государством, вообще говоря, является весьма острым в управленческой теории и практике. Прежде всего государство должно это делать, чтобы развитие общества стало более стабильным. При этом идеальное положение таково: «Государство здесь – лишь хранитель, сторож того имущества, которое по праву принадлежит всем» [6, с. 177]. Но такое идеальное положение вряд ли может поддерживаться, поскольку наблюдается несомненный конфликт интересов: государство получает право на предъявление требований к учреждениям и деятелям культурной сферы, с тем чтобы они осуществляли свою работу в определённом, отражающем идеологию этого государства направлении. Обязанность государства – обеспечить свободный доступ к культуре всем своим гражданам, как сказано в ст. 44 Конституции Российской Федерации [2], но сама культура при этом видоизменяется, приобретая черты, выгодные государству. Данное противоречие на современном этапе развития государственного и муниципального управления невозможно разрешить полностью, поскольку оно имеет этическую природу и его осмысление зависит от моральных устоев и нравственной чистоплотности тех людей, которые со стороны государства вовлечены в этот процесс.

У государства формируется культурная политика, которая является одной из областей политической деятельности и определяется в энциклопедии как «совокупность теоретических принципов и практических мер, разрабатываемых и реализуемых государством в сфере духовной культуры и направленных на широкое, массовое распространение и усвоение духовных ценностей общества всеми социальными слоями и группами» [3, с. 395]. Культурная политика основывается на определённых принципах, как и любая иная политика.

Больше возможностей для самостоятельного и в некоторой степени независимого от государства развития имеет сфера культуры в условиях рыночной экономики, когда наряду с бюджетными учреждениями культуры появляются коммерческие, продвигающие собственные культурные направления и ориентированные на какие-то слои населения, интересы и потребности людей. В современной России как государстве с рыночной экономикой культура находится в «поиске “золотой середины” между значительным государственным вмешательством и полным переводом сферы культуры на рыночные механизмы» [8, с. 37]. Полагаем, что полная самостоятельность культурной отрасли всё равно является невозможной, неосуществимой, «идеальной» задачей, которую, возможно, и не следует осуществлять. Государственное регулирование обеспечивает соответствие культурной деятельности законам государства, выработанным на основе гуманистических принципов и, несомненно, в своей основе являющихся справедливыми.

Для развития культуры в настоящий момент особенно важны современные и новационные инструменты, имеющие в большинстве своём технологическую природу, обусловленные достижениями науки и техники. К ним относятся собственно наука, техника и технологии, информационное пространство, электронные коммуникационные ресурсы и сервисы, искусственный интеллект. Данные механизмы могут показаться имеющими лишь опосредованное отношение к культуре, однако они являются продуктом развития культуры и, соответствуя критериям культурной определённости, достаточно быстро входят в состав инструментов трансляции культуры следующим поколениям. Невозможно не признавать у них роли инструментов культурной трансляции, поскольку современные члены общества, особенно молодёжь, погружены в информационную и технологическую сферы и именно посредством взаимодействия с ними получают основную массу культурной информации.

Формируется даже новая отрасль культуры – инновационная культура, определяемая как «состояние восприимчивости новшеств личностью, группой, обществом в целом, их готовности и способности к реализации новшеств в качестве инноваций» [1, с. 576]. Инновационная культура, по нашему мнению, существовала в обществе всегда, поскольку во все моменты истории появлялись какие-то новшества, требующие от членов общества реакции. Однако в более ранние периоды истории новации, во-первых, возникали не так интенсивно и быстро, во-вторых, не были так значимы для всех членов коллектива, для каждого человека. При этом назвать инновационную культуру общества, существовавшую ранее, обладавшей высоким развитием нельзя, поскольку в ней всегда преобладали негативные реакции на инновации, их отторжение. Люди видели в новшествах опасности для сложившихся устоев и традиций, и должны были смениться поколения, чтобы новшества закрепились не только в жизни людей, но и в их культуре, стали привычными, были приняты.

В настоящий момент, в связи со стремительным потоком новаций, инновационная культура становится всё более актуальной и развивается очень быстро. Нам хотелось бы, чтобы в ней укреплялось представление о том, что постоянное освоение новшеств в различных отраслях человеческой деятельности невозможно без сохранения традиционных компонентов культуры. Общество развивается только на основе принципа культурной преемственности, который предполагает опору на традиции при внедрении и закреплении инноваций.

Государственное и муниципальное управление должно учитывать ту огромную роль, которую играют в культурном процессе новационные элементы передачи культурных смыслов. Для деятелей управленческой сферы разных уровней недопустим страх перед нововведениями в культурной сфере, который, с учётом наличия у них властных полномочий, неизбежно отразится на культурной политике. Консерватизм в культурной сфере должен уйти в прошлое и перестать быть качеством, характерным для управленческой сферы. Мир вокруг постоянно меняется, и обязанность государственных и муниципальных деятелей – объективно оценивать эти трансформации, не поддаваясь необоснованным страхам перед преобразовательными процессами. Сохранение традиций находится гораздо дальше от трансляции культуры, чем принятие инноваций, поскольку традиции не могут передаваться дальше вне условия постоянного обновления. Настаивать, что «человеческая культура должна осваивать ее [культуру] в присущих ей ментальных и визуальных формах» [11, с. 304], устарело и даже стало вредным. Успехи новаций в трансляции культуры должны правильно оцениваться и получать содействие в воплощении.

А успехи эти, несомненно, есть. У людей благодаря интернету появляется больше возможностей для обращения к достижениям российской и мировой культуры, организации коммуникативного процесса с ними и по их поводу с другими людьми. Людям легче, удобнее и проще читать книги в электронном формате. Они могут максимально быстро найти в интернете любую информацию, касающуюся культуры (от правильного ударения в проблемном слове до трансляции оперы из далеко расположенного театра). В социальных сетях есть сообщества любителей и знатоков разных культурных явлений,

вступив в которые человек, находясь в любой точке земного шара, может найти единомышленников и постоянно приобщаться не только к культуре, но и к различным форматам её рефлексии и саморефлексии.

Подход к культуре становится более индивидуальным, так как каждый имеет возможность не только следовать за массой (пусть и культурной массой), а найти в культуре то, что близко именно ему. Это не говорит об атомизации сознания, а означает, что восприятие культуры становится сознательным, не навязываемым извне, реальным. Человек сам выстраивает такое культурное пространство, в котором ему будет комфортно, а культурные структуры имеют возможность предоставлять ему выбор, предлагать максимальное количество различных вариантов бытия в культуре, из которых человек может сделать выбор, причём в любом возрасте. Он также может менять уже сложившее культурное пространство, подстраивать его под себя. К примеру, в настоящий момент растёт число людей, которые в зрелом, часто пожилом возрасте начинают учиться играть на различных музыкальных инструментах: фортепиано, гитаре, блокфлейте и др. Это во многом обусловлено тем, что в сети интернет, в видеохостингах, в социальных сетях появилось много сообществ, каналов, освещающих такую возможность, мотивирующих любителей музыки и оказывающих им помощь.

Развитию культуры общества служат сегодня разнообразные онлайн-трансляции, посредством которых передаётся людям культурная информация. Это могут быть трансляции спектаклей, концертов, лекций, экскурсий, интервью с деятелями культуры, народных праздников и т.п. С помощью нейросетей создаются изображения славянских, древнегреческих и других богов, а также людей разных эпох и культур, воссоздаются исторические интерьеры и экстерьеры.

Социальные сети укрепляют культурные связи между людьми, предоставляя механизмы (группы, сообщества и т.п.), с помощью которых могут объединиться как члены одной семьи, так и незнакомые люди для дальнейшего взаимодействия. Создаются мобильные приложения, с помощью которых люди могут на основе простейших мобильных устройств играть в шахматы, изучать иностранные языки, историю, географию, культуру, искусство и т.п. Технологические механизмы и искусственный интеллект встраиваются в систему культурных объектов и ценностей, не подменяя их, а только дополняя.

С помощью искусственного интеллекта сохраняются, реставрируются и оцифровываются многие произведения культуры и искусства, появившиеся в течение человеческой истории, а также создаются новые: изображения, музыка и др., которые имеют различную культурную ценность.

Культура признаётся исследователями реальностью, которая неконечна в пространстве и времени и необходима человеку для определения собственного статуса [9, с. 8]. Это обусловливает постоянный интерес человека к культуре, желание быть в ней, существовать в её пространстве. В этой связи непрерывный поиск человеком новых инструментов для трансляции культуры и пополнения собственного культурного багажа выглядит вполне закономерным.

Заключение. Развитие культуры в современном обществе происходит под наблюдением и при непосредственном участии государства. Государственное регулирование сферы культуры является константой управленческой деятельности, поскольку культура обеспечивает позитивное развитие и стабильность общества, помогает сохранять его устои. Полагаем, что наилучшей позицией для современного государства в сфере управления культурной жизнью будет позиция помощника, который внимательно следит за происходящими в культурной сфере естественными и саморегулирующимися процессами и готов в любой момент оказать свою посильную помощь с тем, чтобы развитие культуры происходило наилучшим образом, соответствовало принципам гуманизма, непрерывности истории, выработанным моральным императивам.

Информационное пространство, которое сформировано и функционирует в мире благодаря сети интернет, системы электронной коммуникации, искусственный интеллект и другие инновационные инструменты выступают пространством культуры, средой её обитания. Они одновременно слиты с культурой и являются ею. Те, кто отрицают значимость информационного пространства, науки, технологий, искусственного интеллекта, полагают возможным обходиться без них, отрицают значимые по объёму компоненты культуры, а значит, и её всю как единство. Включение современных технологий в состав механизмов трансляции культуры происходит естественным путём и не нуждается в разрешении со стороны органов государственного и муниципального управления, однако управленческая регуляция в данной сфере необходима.

Литература

1. Гарагуля Н.С. Инновационная культура как необходимая составляющая развития современного общества // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. – № 2 (71). – С. 575–580.
2. Конституция Российской Федерации; принята 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 30.01.2025).
3. Кривцун О.А. Политика культурная // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – С. 395.
4. Крылова М.Н. Вопрос о соотношении традиционных и новационных элементов в культуре и его решение в современном научном пространстве // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. – 2023. – № 3. – С. 17–23.
5. Кудашкин В.А. Культурно-массовая работа как способ сохранения элементов духовной культуры у коренных малочисленных народов во второй половине XX века // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2011. – № 4 (6). – С. 61–63.
6. Межуев В.М. Государство и культура // Государственная служба. – 2008. – № 6 (56). – С. 171–177.
7. Савинков В.И. Развитие российского цифрового телевещания как важнейшего инструмента в формировании культурно-информационного пространства // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 225–231.
8. Страдина Е.А. Государственное регулирование сферы культуры в России: противоречия и возможности // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2 (4). – С. 37–45.
9. Человек в социокультурном измерении: монография / И.В. Глушко, Т.М. Зуева, М.Н. Крылова, И.М. Лаврухина, А.В. Яровой. – Зерноград: АЧИИ, 2022. – 222 с.
10. Чикаева Т.А. Российское образование как фактор сохранения и развития русской культуры и государства: текущее состояние и актуальные задачи // Те-

ория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 28–30.
11. Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и культура в контексте пандемии // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 5. – С. 298–304.

MODERN MECHANISMS OF CULTURAL TRANSMISSION: THE ASPECT OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Romanovsky G.A.
Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration

The article examines the issue of modern mechanisms for transmitting culture from the standpoint of state and municipal administration. It notes the importance of preserving and transmitting the cultural foundations of society to the next generation from the standpoint of state administration. The problem of interaction between the sphere of culture and the state is analyzed, which involves a number of contradictions. In particular, the state, when financing cultural institutions, may begin to make unlawful demands on their activities, may interfere in the cultural sphere where it is inappropriate and even harmful. This problem has no solution and largely depends on the moral choice of employees in the sphere of state and municipal administration. The great importance of innovative cultural instruments is noted: science, technology, technology, information space, electronic communication resources, artificial intelligence. It is emphasized that state and municipal administration must take into account the capabilities of these instruments for organizing the activities of cultural institutions and transmitting cultural heritage to future generations.

Keywords: culture, cultural broadcasting, state and municipal administration, innovative tools, technologies, artificial intelligence.

References

1. Garagulya N.S. Innovative culture as a necessary component of the development of modern society // Bulletin of science. – 2024. – Vol. 1. – No. 2 (71). – P. 575–580.
2. Constitution of the Russian Federation; adopted on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. – URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (date of access: 01/30/2025).
3. Krivtsun O.A. Cultural policy // Russian sociological encyclopedia / Under the general editorship of G.V. Osipov. – M .: NORMA-INFRA-M, 1998 .-– P. 395.
4. Krylova M.N. The issue of the relationship between traditional and innovative elements in culture and its solution in the modern scientific space // Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University. – 2023. – No. 3. – P. 17–23.
5. Kudashkin V.A. Cultural and mass work as a way to preserve elements of spiritual culture among indigenous peoples in the second half of the twentieth century // Problems of socio-economic development of Siberia. – 2011. – No. 4 (6). – P. 61–63.
6. Mezhuev V.M. State and culture // Public service. – 2008. – No. 6 (56). – P. 171–177.
7. Savinkov V.I. Development of Russian digital television broadcasting as the most important tool in the formation of the cultural and information space // Knowledge. Understanding. Skill. – 2010. – No. 2. – P. 225–231.
8. Stradina E.A. State regulation of the cultural sphere in Russia: contradictions and opportunities // The world of Russian-speaking countries. – 2020. – No. 2 (4). – P. 37–45.
9. Man in the socio-cultural dimension: monograph / I.V. Glushko, T.M. Zueva, M.N. Krylova, I.M. Lavrukhina, A.V. Yarovoy. – Zernograd: AChII, 2022. – 222 p.
10. Chikaeva T.A. Russian education as a factor in the preservation and development of Russian culture and the state: current state and urgent tasks // Theory and practice of social development. – 2014. – No. 2. – P. 28–30.
11. Yanitsky O.N. The Fourth Scientific and Technological Revolution and Culture in the Context of the Pandemic // Power. – 2020. – Vol. 28. – No. 5. – P. 298–304.

Трансдисциплинарные проекты городского развития: сущность и основные проблемы

Ушаков Евгений Владимирович,
к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Трансдисциплинарные исследования и разработки все шире применяются в настоящее время для решения проблем городского управления и развития. В статье рассматривается сущность трансдисциплинарного подхода, приводятся его определения и основные характеристики. Обсуждаются типичные сложности данного подхода (трудоемкость, трудности преодоления дисциплинарных границ и интеграции знаний и т.п.). В связи с этим в статье предлагается более реалистичный подход, включающий умеренные начальные цели и установки исследования, не предполагающие обязательного преодоления дисциплинарных границ и получения радикально нового знания. При этом само планирование трансдисциплинарного исследования должно сопровождаться тщательным обоснованием выбора данной формы взаимодействия участников. Умеренная исходная установка проекта может далее трансформироваться в более сильный вариант в процессе развертывания самой логики разработки решаемой проблемы.

Ключевые слова: городские исследования, трансдисциплинарные исследования, стратегии развития городов, городское управление, трансдисциплинарность, междисциплинарность.

Трансдисциплинарные исследования и разработки рассматриваются сегодня как один из наиболее перспективных и потенциально эффективных подходов к решению сложных современных социальных проблем. В ряде стран сформировалось своего рода трансдисциплинарное движение, ставящее своей целью как развитие конкретных трансдисциплинарных методов, так и расширение использования этого подхода для многих конкретных проблемных областей [1, p. 28].

Для решения комплексных проблем городского управления и развития в настоящее время тоже всё шире привлекаются трансдисциплинарные подходы. Особенно это касается проблем устойчивости и устойчивого развития (сегодня уже говорят о становлении особой самостоятельной науки об устойчивости – sustainability science). Также довольно развиты трансдисциплинарные исследования в области экологии и охраны окружающей среды, а также общественного здоровья, в том числе здоровья городского населения (urban health). [1, p. viii], [2], [3].

Кроме того, трансдисциплинарные подходы могут применяться (и уже применяются в той или иной мере) к широкому спектру проблем городского управления и развития.

Например, эти подходы могут быть эффективны для выработки решений таких проблем, как: развитие зеленой экономики, формирование здорового города (healthy city), адаптация к изменениям климата, городское планирование, борьба с бедностью и социально-экономическим неравенством, повышение эпидемической устойчивости, развитие умных городов (и – шире, переход на цифровые технологии и платформы городского управления и самоуправления), повышение безопасности городских систем в отношении чрезвычайных ситуаций различного характера, выбор и реализация новых стратегий социально-экономического развития и т.п.

Между тем, само понимание трансдисциплинарного подхода пока является размытым, и в настоящее время отсутствует широкое согласие по поводу того, в чем состоит сущность данного подхода. [1, p.4], [4]

Имеется немалое количество определений трансдисциплинарных исследований. Одна из наиболее лаконичных дефиниций состоит в том, что трансдисциплинарные исследования характеризуются интеграцией знаний и взаимным обучением между академическими и неакадемическими заинтересованными сторонами. [5, p.1]

Т. Ян с соавторами определяют трансдисциплинарность как рефлексивный исследовательский подход, направленный на решение социальных проблем посредством междисциплинарного сотрудничества, а также сотрудничества между исследователями и вненаучными субъектами; цель данного подхода – обеспечить взаимные процессы обучения между наукой и обществом; при этом интеграция является основной когнитивной задачей исследовательского процесса. [4, p.4]

В известной статье Ф. Виксона и соавторов предложены три основные характеристики трансдисциплинарных исследований, а именно: исследования этого типа имеют проблемно-ориентированный характер; отлича-

ются развивающейся методологией; в значительной мере основаны на сотрудничестве и широком участии. [6]

Трансдисциплинарные исследования можно считать разновидностью кросс-дисциплинарного подхода, который возможно определить как научный (или научно-практический) подход, выходящий за рамки конкретной дисциплины и привлекающий потенциал двух или более научных областей для решения конкретных проблем; причем цели, формы и результаты такого совместного участия дисциплин могут значительно различаться.

В литературе сложилось устойчивое различение между мультидисциплинарными, междисциплинарными и трансдисциплинарными исследованиями.

Так, мультидисциплинарный подход обычно понимают как комбинацию методов, идей или концепций из нескольких дисциплин, в которой различные дисциплинарные ресурсы дополняют друг друга и помогают рассмотреть проблему с различных точек зрения. Междисциплинарный подход предполагает интеграцию методов, точек зрения, результатов и т.п. для решения проблемы. Трансдисциплинарный подход идёт дальше и нацелен не только на объединение подходов, но и на создание принципиально новых методов, идей, концептов, стратегий и т.п., которые преодолевают существующие дисциплинарные границы, а также могут привлекать «внешние», вненаучные ресурсы для этой цели. [7, p.23–27], [8, p.5]

В немецкоязычной литературе в области исследования устойчивости было введено представление о трёх типах знаний, используемых в трансдисциплинарных исследованиях.

К ним относятся: системные знания, отражающие понимание текущего состояния изучаемой системы (и связанных с ней проблем), целевые знания (target knowledge) как знания о том желаемом состоянии, которое мы хотим получить в результате решения проблемы, а также трансформационные знания (transformation knowledge) – знания о том, как осуществить переход от текущего состояния к целевому. Данная классификация оказалась полезной в качестве концептуальной схемы для дальнейшего планирования и осуществления трансдисциплинарных проектов. [9, p.14], [10, p. 30]

Участие заинтересованных сторон, не относящихся к сфере академических исследований, во многих работах рассматривается как основополагающая характеристика трансдисциплинарных проектов вообще. Однако формы участия внешних акторов а также способы отбора участников и привлечения в проект очень сильно различаются. [2, p.3], [11]

Так, в одной работе предлагается два условных полюса среди континуума возможных форм участия внешних авторов. Один полюс представляет собой участие представителей заинтересованных сторон в виде семинаров, в ходе которых обсуждаются цели и другие аспекты проводимых исследований. На другом полюсе – полноценные партиципаторные проекты, в которых внешние участники (например, представители общественности) глубоко вовлечены в сам исследовательский процесс. [2, p.3]

Участие внешних акторов (например, граждан, НКО и др.) может быть очень полезным или даже необходимым при разработке проектов городского управления и развития для решения многих конкретных задач. К ним относятся, например, следующие.

Это достижение лучшего понимания исходной проблемы за счет экспликации точек зрения и представлений самих граждан; лучшая фокусировка планируемой политики или программы в связи с прояснением собственных предпочтений, целей, ценностей и т.д. заинтересованных сторон (тех, кто окажется под воздействием, прямым или косвенным, данной политики или программы). Далее, это важно для того, чтобы оценить, в какой степени будет одобрена и принята населением результирующая программа, в какой мере будет выражено согласие граждан участвовать в данных мероприятиях.

Непосредственное привлечение общественности к исследованиям и разработкам политик может содействовать укреплению связей с местными сообществами, что, в свою очередь, будет способствовать получению лучших результатов при разработке политики, ее реализации, а также достижению более устойчивых и долгосрочных ее исходов.

Какие цели могут преследоваться, и какие полезные результаты могут быть получены в трансдисциплинарных исследованиях?

Как правило, трансдисциплинарный проект отличается более далеко идущим и амбициозным замыслом, чем «просто» междисциплинарное исследование. К целям такого проекта можно отнести разработку какого-то совершенно нового подхода к проблеме, получение нового типа знания или, как было отмечено в одной публикации, создание собственного интеллектуального пространства [12, p.2]. Часто такие исследования предпринимаются в отношении больших межнаучных тем – таких, как устойчивость социальных систем, борьба с глобальным изменением климата или адаптация к его последствиям и т.п. В проектах прикладной направленности, к которым относятся разработки в области решения проблем современного города, ожидаемые полезные результаты будут иметь более практический характер. Кроме того, эти результаты должны быть контекстуализированы, т.е. тесно связаны с местными особенностями и обстоятельствами, релевантными для той или иной проблемы.

Полезные итоги прикладных трансдисциплинарных обсуждений и разработок могут быть весьма разнообразны. Иногда уже само расширение точки зрения на решаемую проблему может расцениваться как значительный шаг вперед. Например, это может быть лучшее понимание сложности проблемы, совокупности причинно-следственных связей в изучаемой системе, роли окружающего контекста, значения собственных предпочтений и ценностей целевых групп и др.

Кроме того, это может быть улучшение действующих программ или стратегий за счёт сотрудничества различных дисциплин (например, коррекция социальных программ с экономической точки зрения или наоборот). Еще одним существенным результатом может быть выработанная скоординированная, многоаспектная политика – например, политика согласованного социально-экономического развития, социально-экономико-экологического развития и т.п. Полезным результатом (более радикального характера) может быть получение принципиально новых концепций и стратегий решения проблемы.

В конечном счете все определяется конкретным контекстом, и оценка прироста пользы (или общественной ценности) зависит от того, насколько существенно участники продвинулись от исходной проблемной ситуации в сторону её лучшего понимания, а также выработки видения путей или даже конкретных программ её решения.

Следует отметить, что методология трансдисциплинарных исследований пока недостаточно развита, хотя наращивание опыта в этой области происходит довольно интенсивно. [12, p.2], [13]

В литературе приводятся различные схемы проведения трансдисциплинарного исследования (состоящие из определённых этапов). В частности, в работе [8] на основе предыдущих разработок нескольких авторов

была предложена следующая схема, включающая четыре этапа, или фазы: разработка (development), концептуализация, выполнение (implementation) и применение, или трансляция (translation). Этап разработки включает в себя формирование команды участников проекта и прояснение исходного замысла (в том числе достижение единого понимания проблемы и задач группы). На стадии концептуализации проводится совместная работа команды по разработке исследовательских вопросов, гипотез и дизайна исследования, которые должны отражать общий интегративный характер проекта.

Этап выполнения предполагает осуществление запланированных исследований, а этап трансляции состоит в применении полученных результатов для разработки инновационного решения проблемы-мишени. При этом указанные этапы могут быть повторяющимися. Например, полученные в ходе исследований новые идеи или предварительные результаты могут привести к изменениям в составе рабочей команды, к постановке новых исследовательских вопросов и гипотез и т.д. [8, p. 7–12]

При рассмотрении вопроса о планировании трансдисциплинарного проекта лицам, принимающим решения, следует принять во внимание то, что реализация подобного замысла может столкнуться с различными трудностями, а его успешный результат не гарантирован. В литературе отмечаются различные проблемы, связанные с трансдисциплинарными проектами [13, p. 35–39]. К таким проблемам можно отнести: общую сложность и затратность проекта; трудности групповой работы специалистов из разных областей и задач нахождения общего языка; недостаточную определенность, связанную с целью «преодоления дисциплинарных границ»; проблемы взаимодействия профессионалов (исследователей, экспертов) и непрофессионалов (граждан, представителей общественности, НКО и т.п.) и другие.

В частности, в работе [12] отмечается ряд типичных сложностей, или вызовов для проведения трансдисциплинарных исследований. В том числе это значительная трудоемкость таких проектов при том, что их потенциальная научная и общественная польза может оставаться неясной в течение многих лет.

Достижение интеграции знаний, на которую ориентированы трансдисциплинарные проекты, остается одной из ключевых трудностей, что отмечается в ряде публикаций [2, p.4], [13], [14], [15, p.118]. Проблема интеграции относится как к объединению различных типов знаний, приобретаемых в различающихся академических дисциплинах и практиках, так и к объединению научных и вненаучных (практических, основанных на опыте) знаний.

Таким образом, на фоне имеющихся вызовов трансдисциплинарных проектов (как и других кросс-дисциплинарных разработок) выбор данной формы взаимодействия для решения тех или иных социальных проблем должен быть убедительно обоснован.

Поскольку процесс реализации трансдисциплинарного проекта может оказаться довольно трудным, дорогостоящим, длительным, а также связанным с определенным риском неудачи (например, с невозможностью найти общий язык или выработать какое-то приемлемое и внятное решение), то разумно было бы организовывать взаимодействия подобного рода лишь тогда, когда для этого имеются существенные основания.

К таким возможным основаниям (в различных конкретных ситуациях) можно отнести, например, неэффективность всех предыдущих попыток нахождения решения проблемы (в связи с чем необходимо вывести стратегию решения на более высокий уровень). Это может быть также наличие плохо понятной, слабо структурированной проблемы, необходимость интеграции в разрабатываемую политику или программу различных точек зрения, в том числе непрофессиональных (граждан, целевых групп и т.п.), столкновение с какой-то новой, аномальной проблемой (как, например, это характерно для вспышек новых эпидемий) и др.

С практической, организационной точки зрения перед планированием трансдисциплинарного проекта нужно решить следующие два вопроса.

1 Какой полезный результат (прирост общественной ценности) мы намереваемся получить?

2 Почему в данном проекте необходимо именно трансдисциплинарное взаимодействие? Иными словами, следовало бы дать обоснование данной исследовательской программы (в том числе, возможно, с объяснением того, почему нельзя обойтись более традиционными средствами).

Ответы на эти вопросы позволят уточнить исходный замысел исследования и основное направление исследовательского поиска.

Возможно, во многих случаях постановка более умеренных целей в начале исследования была бы вполне практичным и реалистичным шагом. При этом исходная установка могла бы состоять в том, чтобы планируемое исследование предполагало (или не исключало) возможность преодоления дисциплинарных рамок, но не выдвигало это в качестве прямой методологической задачи проекта. Последующий процесс разработки проблемы, его развивающаяся внутренняя логика могут способствовать трансформации исходного замысла в более сильную (трансдисциплинарную) версию (что может в том числе сопровождаться изменением в целях, организации проекта и составе рабочей группы).

Тем более, что, как отмечается в литературе, четкой границы между различными видами кросс-дисциплинарных исследований на практике нередко не наблюдается, и не всегда возможно определить, когда междисциплинарный проект, ориентированный на интеграцию знаний, переходит в более радикальную трансдисциплинарную форму [8, p.5].

Конечно, начальные предпосылки, исходные идеи, а также окружающий контекст (предшествующие планированию проекта) будут оказывать влияние на предпочтения организаторов в отношении состава рабочей команды, ожидаемого типа решения, практических требований к нему и т.п.

Однако следует понимать, что для разработки сложных, резистентных проблем необходимы критическое осознание возможных препятствий и открытость к изменениям в ходе самого рабочего процесса. С течением времени разработка проблемы, прояснение ее комплексного характера, определение важнейших параметров местного контекста и т.п. могут привести к более эффективному формату взаимодействия участников (и их концептуальных и методологических ресурсов), а также к формированию оригинального подхода к решаемой проблеме.

В случае более умеренных начальных целей и организационных основ проекта ему можно дать и более нейтральное название. Так, подобные разработки могут быть названы просто комплексными, межсекторальными или междисциплинарными. Например, это может быть (в зависимости от ситуации) междисциплинарный проект с расширенным участием (граждан, практических специалистов, представителей целевых групп и т.п.).

Таким образом, трансдисциплинарные исследования сегодня используются все шире в разработках, ориентированных на решение многих сложных теоретических и практических проблем – в том числе в области

городского управления. Методология подобных исследований пока что остается недостаточно сформировавшейся, но находится в процессе интенсивного развития. При этом трансдисциплинарные проекты сопровождаются множеством трудностей различной природы, которые должны быть учтены при планировании подобных разработок.

Литература

1. Transdisciplinary theory practice and education: the art of collaborative research and collective learning / Fam D., Neuhauser L., Gibbs P. (Eds.) Springer International Publishing, 2018
2. Landström C. Transdisciplinary Environmental Research: A Practical Approach. Palgrave Macmillan, 2017
3. Converging disciplines: A transdisciplinary research approach to urban health problems / Kirst M., Schaefer-McDaniel N., Hwang S., O'Campo P. (Eds.). Springer, 2011
4. Jahn T., Bergmann M., Keil F. Transdisciplinarity: Between mainstreaming and marginalization. Ecological Economics, 2012, 79, 1–10
5. Patorniti N.P., Stevens N.J., Salmon P.M. A sociotechnical systems approach to understand complex urban systems: A global transdisciplinary perspective. Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries. 2018; 1–16
6. Wickson F., Carew A.L., Russell A.W. Transdisciplinary research: Characteristics, quandaries and quality. Futures, 2006, 38, 1046–1059.
7. Interdisciplinary research: process and theory / Repko A.F., Szostak R. SAGE, 2017
8. Transdisciplinary Public Health: Research, Education, and Practice / Haire-Joshu D., McBride T.D. (Eds.). Jossey-Bass, 2013
9. Transdisciplinary Research and Sustainability: Collaboration, Innovation and Transformation / Padmanabhan M. (Ed.). Routledge, 2018
10. Handbook of Transdisciplinary Research / Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pohl, C., Wiesmann U., Zemp E. (Eds.). London: Springer, 2008
11. Schauppenlehner-Kloyber E., Penker M. Managing group processes in transdisciplinary future studies: How to facilitate social learning and capacity building for self-organised action towards sustainable urban development? Futures, 2015, 65, 57–71. https://doi.org/10.1016/j.futures.2014.08.012
12. Cannon C. E.B. Towards Convergence: How to Do Transdisciplinary Environmental Health Disparities Research. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020, Mar 29; 17(7): 2303. doi: 10.3390/ijerph17072303.
13. Lang D. J., Wiek A., Bergmann M., Stauffacher M., Martens P., Mol P., Swilling M., Thomas C.J. (2012). Transdisciplinary research in sustainability science: Practice, principles, and challenges. Sustainability Science, 7(SUPPL. 1), 25–43. https://doi.org/10.1007/s11625–011–0149-x
14. Klenk N., Meehan K. Climate change and transdisciplinary science: Problematizing the integration imperative. Environmental Science & Policy 54 (2015): 160–167
15. Polk M. Transdisciplinary co-production: Designing and testing a transdisciplinary research framework for societal problem solving. Futures, 2015, 65, 110–122

TRANSDISCIPLINARY URBAN DEVELOPMENT PROJECTS: THE ESSENCE AND MAIN PROBLEMS

Ushakov E.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Transdisciplinary research and development is increasingly being applied to address urban governance and development issues. The article examines the essence of the transdisciplinary approach, provides its definitions and main characteristics. The typical difficulties of this approach (labor intensity, difficulties in overcoming disciplinary boundaries and integrating knowledge, etc.) are discussed. In this regard, the article suggests a more realistic approach, including moderate initial goals and research objectives that do not necessarily involve overcoming disciplinary boundaries and obtaining radically new knowledge. At the same time, the planning of transdisciplinary research itself should be accompanied by a thorough justification of the choice of this form of interaction between the participants. The moderate initial setup of the project can further transform into a stronger version in the process of deploying the very logic of developing the problem being solved.

Keywords: urban research, transdisciplinary research, urban development strategies, urban governance, transdisciplinarity, interdisciplinarity.

References

1. Transdisciplinary theory practice and education: the art of collaborative research and collective learning / Fam D., Neuhauser L., Gibbs P. (Eds.) Springer International Publishing, 2018
2. Landström C. Transdisciplinary Environmental Research: A Practical Approach. Palgrave Macmillan, 2017
3. Converging disciplines: A transdisciplinary research approach to urban health problems / Kirst M., Schaefer-McDaniel N., Hwang S., O'Campo P. (Eds.). Springer, 2011
4. Jahn T., Bergmann M., Keil F. Transdisciplinarity: Between mainstreaming and marginalization. Ecological Economics, 2012, 79, 1–10
5. Patorniti N.P., Stevens N.J., Salmon P.M. A sociotechnical systems approach to understand complex urban systems: A global transdisciplinary perspective. Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries. 2018; 1–16
6. Wickson F., Carew A.L., Russell A.W. Transdisciplinary research: Characteristics, quandaries and quality. Futures, 2006, 38, 1046–1059.
7. Interdisciplinary research: process and theory / Repko A.F., Szostak R. SAGE, 2017
8. Transdisciplinary Public Health: Research, Education, and Practice / Haire-Joshu D., McBride T.D. (Eds.). Jossey-Bass, 2013
9. Transdisciplinary Research and Sustainability: Collaboration, Innovation and Transformation / Padmanabhan M. (Ed.). Routledge, 2018
10. Handbook of Transdisciplinary Research / Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pohl, C., Wiesmann U., Zemp E. (Eds.). London: Springer, 2008
11. Schauppenlehner-Kloyber E., Penker M. Managing group processes in transdisciplinary future studies: How to facilitate social learning and capacity building for self-organised action towards sustainable urban development? Futures, 2015, 65, 57–71. https://doi.org/10.1016/j.futures.2014.08.012
12. Cannon C. E.B. Towards Convergence: How to Do Transdisciplinary Environmental Health Disparities Research. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020, Mar 29; 17(7): 2303. doi: 10.3390/ijerph17072303.
13. Lang D. J., Wiek A., Bergmann M., Stauffacher M., Martens P., Mol P., Swilling M., Thomas C.J. (2012). Transdisciplinary research in sustainability science: Practice, principles, and challenges. Sustainability Science, 7(SUPPL. 1), 25–43. https://doi.org/10.1007/s11625–011–0149-x
14. Klenk N., Meehan K. Climate change and transdisciplinary science: Problematizing the integration imperative. Environmental Science & Policy 54 (2015): 160–167
15. Polk M. Transdisciplinary co-production: Designing and testing a transdisciplinary research framework for societal problem solving. Futures, 2015, 65, 110–122

Проектная деятельность в образовании: результаты внедрения, влияние. Количественный анализ восприятия проектной деятельности на примере студентов университетов Дальнего Востока

Фокин Сергей Александрович,
аспирант, лаборант департамента инновационной политики и разработок, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 2017103795@togudv.ru

Статья посвящена анализу внедрения проектной деятельности в российское образование, включая школы и вузы, с акцентом на её влияние на адаптацию студентов и формирование ключевых компетенций. Рассматриваются исторические предпосылки метода (теории Дьюи и Выготского), текущее состояние внедрения в России, а также проблемы. На основе анкетирования 360 студентов Дальнего Востока выявлено восприятие проектной деятельности в школе и университете, представлены обзорные отзывы и цитаты, а также выявлены противоречия в восприятии проектной деятельности, как инструмента влияющим на успешность процесса адаптации в университете. Выделяется навыки, как факторы, формируемые в процессе проектной деятельности, влияющие на успешность адаптации в университете. Авторы подчёркивают необходимость преемственности между уровнями образования и адаптации методов к потребностям учащихся.

Ключевые слова: адаптация, проектная деятельность, успешность студентов, переход школа–университет, социология управления, навыки самоорганизации, адаптация студентов, методическое обеспечение, мотивация учащихся.

Внедрение проектного подхода и проектной деятельности в образование

Современные образовательные системы ориентируются на активные формы обучения, среди которых особое место занимает проектная деятельность. Проектный подход позволяет учащимся не только овладеть теоретическими знаниями, но и применить их в реальных условиях, формируя тем самым компетенции, востребованные в XXI веке.

Исторически проектная деятельность в образовании восходит к концепциям Джона Дьюи и Льва Выготского, подчеркивавших значимость активного участия обучающихся в процессе познания. В России её активное внедрение началось в 2010-х годах в рамках ФГОС, однако, в отличие от западных стран (например, Финляндии, где проекты интегрированы в 70% школьных программ), российские учреждения столкнулись с необходимостью адаптации метода к традиционной классно-урочной системе. По данным исследования НИУ ВШЭ (2022), только 34% школ внедрили проектную деятельность системно, остальные ограничились факультативами. Ключевым барьером стала нехватка методических материалов: 68% учителей отметили, что используют самодельные кейсы, что повышает риски несогласованности результатов. [5]

Результаты внедрения проектной деятельности в школу и университет

На основе анализа отзывов учащихся и преподавателей можно выделить ряд ключевых результатов внедрения проектного обучения. В школах проектная деятельность способствует повышению мотивации учеников, так как задания приобретают практическую направленность и ориентированы на самостоятельную деятельность. Студенты вузов, участвовавшие в проектной работе, отмечают, что данный формат способствует лучшему усвоению материала, развитию навыков самоорганизации и ответственности. [3]

Кроме того, проектная деятельность положительно влияет на вовлеченность учащихся. Исследования показывают, что студенты, участвующие в проектах, чаще взаимодействуют друг с другом и с преподавателями, активнее проявляют инициативу и легче адаптируются к профессиональной среде. В то же время наблюдаются различия в восприятии проектного обучения на разных уровнях образования: если школьники воспринимают проекты скорее как творческую деятельность, то студенты рассматривают их как подготовку к будущей карьере. [4]

Влияние проектной деятельности на обучающихся

Одним из ключевых аспектов изучения проектной деятельности является её влияние на студентов и школьников. В ходе исследования были выделены следующие эффекты:

- **Академический эффект** – участие в проектах способствует более глубокому усвоению учебного материала, так как обучающиеся учатся применять знания на практике. [2]
- **Социальный эффект** – проектная работа развивает коммуникативные навыки, помогает научиться работать в команде, распределять обязанности и решать конфликты. [1]
- **Психологический эффект** – проектная деятельность может оказывать как положительное (повышение уверенности в себе, развитие самостоятельности), так и отрицательное влияние (стресс из-за дедлайнов, трудности в координации работы группы).
- **Профессиональный эффект** – проектная работа позволяет студентам приобрести навыки, востребованные работодателями, а также лучше ориентироваться в будущей профессии.

Проблемы внедрения проектной деятельности

Несмотря на очевидные преимущества, процесс внедрения проектной деятельности в образовательные учреждения сопровождается рядом сложностей. Среди ключевых проблем можно выделить:

- **Недостаток методического обеспечения** – преподаватели часто сталкиваются с нехваткой учебных материалов и рекомендаций по организации проектного обучения.
- **Различия в уровне подготовки студентов** – не все обучающиеся готовы к самостоятельной работе, что приводит к дисбалансу в командах.
- **Ограниченность ресурсов** – выполнение проектов требует времени, материальных затрат и доступа к необходимым инструментам, что не всегда возможно.
- **Сложность оценки результатов** – стандартные методы оценивания (тесты, экзамены) не всегда применимы к проектной деятельности, что вызывает трудности у педагогов.

Проблемы в восприятии проектной деятельности со стороны студентов

После пересмотра анкеты, использованной в процессе пилотного исследования, было проведено анкетирование студентов Дальнего Востока. В ходе пилотного исследования были уточнены формулировки вопросов и структура анкеты, что позволило сделать её более точной и содержательной. Основное внимание уделялось тому, как сформированный опыт со школы, влияет на период адаптации студента во время перехода из школы в университет. Помогает ли сформированный опыт, облегчает ли процесс успешность адаптации университете. В исследовании приняли участие 360 студентов из различных городов Дальнего Востока.

В исследовании приняли участие студенты разных курсов, особенно важно мнение 1–2 курса, так как первокурсники только закончили школу и уже полгода обучаются в университете, они только вступили в адаптационный период, что делает их воспоминания о процессе перехода особенно яркими и свежими. Студентов второго курса можно считать, как уже прошедших адаптацию, но школу они закончили не так давно их воспоминания остаются достаточно свежими для анализа в рамках анкеты. Не будем в рамках этой статьи останавливаться на разборе каждого вопроса, выделим ключевые выводы в рамках исследования и вопросы с ними связанные.

Проанализировав вопросы, связанные с оценкой восприятия увлекательности и полезности проектной деятельности в школе. Пришли к следующим вывода. Респонденты в среднем оценили «интересность» на 2,59 (при выборе от 1 до 5, где 1 максимально неинтересно, а 5 максимально интересно. Это говорит о том, что проектная деятельность в школе организована ниже среднего и не вовлекает обучающихся.

Анализируя ответы о полезности, то ситуация схожа, в среднем респонденты оценили «полезность» на 2,77. Это говорит о том, что проектная деятельность слабо организована, возможно даже больше формальный подход, а значит проектная деятельность не реализуется в полной мере от изначального замысла внедрения.

Вместе с этим проанализируем ответы в свободной форме с впечатлениями от проектной деятельности в школе. Весомую часть отзывов можно отнести к негативным, таких приблизительно 40% со следующими формулировками, которые сгруппированы и выделены в отдельные причины.

Формальный подход: «Просто защитили и забыли», «Делали ради галочки». Отсутствие поддержки: «Учителя не помогали, всё искали в интернете». Стресс и перегрузка: «Защита вызывала панические атаки», «Отнимала время, которое нужно для экзаменов». Бессмысленность: «Лишняя трата времени», «Никакого практического выхлопа».

Большинство респондентов, отвечая на вопрос о том, нужна ли проектная деятельность, сошлись на том, что она нужна, так ответили 246 против 108 человек, 6 ответов ответили, что не знают. Из тех ответов, что указали на её необходимости, мнения респондентов разделились следующим образом. Необходима на 1 курсе – 126 человек, на 2–3 курсе – 91, на 4 курсе – 17, 5 человек отвечают, что она должна быть по желанию и ещё 3, что она нужна постоянно в процессе обучения. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что не смотря на разногласия, проблемы с организацией проектной деятельности в университете и школе, **несмотря на достаточную низкую оценку увлекательности и полезности в школе, большинство респондентов считают, что проектная деятельность необходима в университете.**

В ответах на вопрос «Считаете ли вы, что проектная деятельность облегчает процесс адаптации в университете?», мнения респондентов разделились следующим образом. 168 человек, считают, что не влияет, 129 – существенно облегчает, 40 – мешает адаптации, 9 – не знают, 6- немного облегчает адаптацию и ещё 8 ответов нельзя интерпретировать однозначно («Кому как некоторым помогает, а некоторым нет зависит от человек… », «Сложно сказать, вроде и легче с парами, но из-за этого другие пары плотно и преподаватели возмущаются другие, но это интересно»). Можно сделать вывод о том, что для многих студентов (46%) проекты не являются значимым фактором в процессе адаптации. Примерно треть респондентов (37%) выделяют важность проектов в процессе адаптации в университете. Проектная деятельность не является универсальным инструментом адаптации. Ее роль зависит от индивидуальных особенностей студентов, качества организации проектов и их соответствия потребностям учащихся.

Вместе с этим, отвечая на вопросы о факторах, содействующих успешной адаптации в университете: повышение успеваемости, развитие коммуникативности, формирование активной жизненной позиции (участие в конкурсах, форумах, грантах и т.д.), развитие навыка публичных выступлений, а также уверенность в себе.

1. **Публичные выступления и коммуникация**: Абсолютное большинство студентов (83%) отметили, что работа над проектами помогает преодолеть страх перед аудиторией. Еще 77% участников связывают

такую деятельность с улучшением навыков командного взаимодействия.

2. **Активность и уверенность**: Каждый второй респондент (56%) видит связь между проектными заданиями и участием в университетских инициативах – конкурсах, грантах, форумах. Чуть меньше опрошенных (54%) признали, что эта практика добавляет уверенности в академической среде.
3. **Успеваемость**: Только 27% студентов считают, что проекты положительно влияют на оценки. При этом каждый второй (51%) открыто заявил об отсутствии такой корреляции.

Противоречивые выводы

Хотя 4 из 5 оцениваемых навыков (публичные выступления, коммуникация, активность, уверенность) напрямую связаны с адаптацией в вузе, 61% респондентов в отдельном вопросе отрицают влияние проектной деятельности на этот процесс. Это может указывать на две вещи:

- Студенты не осознают опосредованной роли развиваемых навыков в адаптации;
- Разрыв между формальными показателями (успеваемость) и soft skills создает противоречивое восприятие.

Заключение

Внедрение проектной деятельности в образовательный процесс открывает перед учащимися широкие возможности для развития, однако этот подход требует адаптации и доработки с учетом существующих проблем. На данный момент все ещё слабо отрефлексирован опыт внедрения проектного подхода в образовательную систему. У участников реализации проектной деятельности, а именно у студентов не возникает связи между школой и университетом через проектную деятельность, не смотря на явные признаки преемственности. Возможная причина отсутствие механизмов по выстраиванию преемственности между уровнями образования через проектную деятельность.

Литература

1. Barron, B., & Darling-Hammond, L. (2008). Teaching for Meaningful Learning: A Review of Research on Inquiry-Based and Cooperative Learning. The George Lucas Educational Foundation.
2. Prince, M. (2004). Does active learning work? A review of the research. Journal of Engineering Education, 93(3), 223–231.
3. Амирбеков У.С., Гаджиева П.Д. формирование ууд у учащихся средствами проектной деятельности // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» (дата обращения: 28.02.2025).
4. Игнатьева, Э.А. Технология проектного обучения в самореализации личности студента / Э.А. Игнатьева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 1(118). – С. 142–147.
5. Куклина М.В., Труфанов А.И., Уразова Н.Г., Бондарева А.В. Анализ внедрения проектного обучения в российских вузах // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6.;

PROJECT-BASED LEARNING IN EDUCATION: IMPLEMENTATION OUTCOMES AND IMPACT. A QUANTITATIVE ANALYSIS OF STUDENT PERCEPTIONS IN FAR EASTERN UNIVERSITIES

Fokin S.A.
Pacific National University

And universities, focusing on its impact on student adaptation and the formation of key competencies. It explores the historical foundations of the method (theories by Dewey and Vygotsky), the current state of implementation in Russia, and challenges such as the lack of methodological resources, formalism, and student stress. Based on a survey of 360 students from the Far East, the study reveals perceptions of project-based learning in schools and universities, provides overviews of feedback and quotes, and identifies contradictions in how project activities are viewed as a tool influencing successful university adaptation. The article highlights skills developed through project-based learning (e.g., public speaking, communication) that contribute to successful adaptation, though their impact on academic performance remains limited (27%). The authors emphasize the need for continuity between educational levels and the adaptation of methods to students' needs.

Keywords: adaptation, project-based learning, student success, school-to-university transition, sociology of management, self-organization skills, student adaptation, methodological support, student motivation, key competencies.

References

1. Barron, B., & Darling-Hammond, L. (2008). Teaching for Meaningful Learning: A Review of Research on Inquiry-Based and Cooperative Learning. The George Lucas Educational Foundation.
2. Prince, M. (2004). Does active learning work? A review of the research. Journal of Engineering Education, 93(3), 223–231.
3. Amirbekov, U. S., & Gadzhieva, P.D. Formation of universal learning activities (ULAs) in students through project-based activities. In Proceedings of the XI International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". Retrieved February 28, 2025.
4. Ignatieva, E. A. (2023). Technology of project-based learning in student self-realization. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, 118(1), 142–147.
5. Kuklina, M. V., Trufanov, A. I., Urazova, N. G., & Bondareva, A. V. (2021). Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities. Modern Problems of Science and Education, 6.

Влияние взаимодействия сотрудников в системе социальных сетей на структуру самоуправления организации

Хомяков Денис Витальевич,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: hdvmail@rambler.ru

Печерица Елена Васильевна,
кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: helene8@yandex.ru

Целью статьи является теоретическое обоснование роли социальных сетей и значимости их влияния на управление социальной самоорганизацией предприятия. В статье информатизация определена как одно из главных направлений трансформации системы управления предприятием в самоорганизующуюся, выявлена значимость социальных сетей в данном процессе. Показано, что социальные сети играют ключевую роль в управлении социальной самоорганизацией предприятия за счет укрепления внутренних коммуникаций, обмена знаниями и опытом, совместной работы и проектов, обратной связи и участия сотрудников, неформальных связей и командного духа, централизации и синхронизации процессов, эффективного использования времени, инноваций и креативности. Обосновано, что социальные сети, выполняя содержательную, защитную, мотивирующую, коммуникативную, адаптирующую, регулирующую, воспитательную, стабилизирующую и идентификационную функции, позволяют сформировать благоприятные условия для повышения эффективности, стабильности и сплоченности коллектива, что, в конечном итоге, влияет на результативность управления социальной самоорганизацией предприятия.

Ключевые слова: самоорганизующиеся организации, потребности сотрудников, технологические изменения, сетевое взаимодействие, функции социальных сетей.

Введение

Происходящие на рынке изменения, такие как стремление поколения миллениалов работать на значимых рабочих местах, потребность в автономии, быстрые технологические изменения и необходимость быстро реагировать на меняющиеся условия, подчеркивают важность трансформации процесса управления. Изменения окружающей среды и новые триггеры приводят к изменениям и дисбалансу в организациях, экономические и технологические изменения, а также потребности сотрудников заставляют организации становиться более гибкими и трансформироваться в соответствии с новыми моделями управления. Традиционные иерархические структуры и методы управления становятся недостаточно эффективными для организаций, стремящихся оставаться конкурентоспособными на рынке, поэтому управление на основе самоорганизации становится все более актуальным и важным аспектом [7].

По мнению А.Ю. Бударова, самоорганизующееся управление подразумевает динамичный, децентрализованный и демократический подход, который фокусируется на расширении прав и возможностей сотрудников и их вовлечении в процессы, автономии, ответственности, креативности и сотрудничестве [2]. Е.А. Чекалева считает, что самоорганизация позволяет организациям быстрее адаптироваться к изменениям, технологиям и другим вызовам, возникающим в быстро меняющейся среде [9]. Можно согласиться с точкой зрения Н.Н. Иноземцевой о том, что организационный менеджмент, основанный на принципах самоорганизации, способен воспринимать триггеры, негативный опыт и обратную связь как возможность учиться и использовать их для роста и процветания компании, реагируя на потребности и обратную связь внутренних и внешних заинтересованных сторон [5].

Независимо от размера организации или отраслевой принадлежности, для компаний чрезвычайно важно быстро реагировать на текущие изменения рынка, адаптироваться к новым ожиданиям сотрудников и потребителей, а также технологическим вызовам. Пандемия, потрясшая мир, заставила организации реструктурировать свои бизнес-модели, структуры управления и изменить цепочки управления. Одной из основных причин эволюции являются меняющиеся потребности сотрудников. Компании с иерархической организационной структурой, работающие на рынке, все чаще теряют молодых, современных сотрудников, поскольку они все больше ценят автономность, качество организационного микроклимата и баланс между работой и личной жизнью [10].

Современная рабочая сила, на которую все большее влияние оказывает растущее поколение миллениалов, демонстрирует усиливающуюся признательность за расширение прав и возможностей сотрудников, отдавая предпочтение гибким, автономным рабочим местам, которые предлагают возможности для личностного и профессионального роста, а также свободу принятия решений на различных уровнях компании [6]. Принимая во внимание меняющиеся потребности, организации

уделяют все больше внимания созданию благополучия сотрудников, повышению их вовлеченности, улучшению микроклимата, предоставлению полномочий и свободы, поощрению лидерских качеств сотрудников на разных уровнях компании и улучшению других важных факторов деятельности компании. Одним из инструментов для повышения эффективности данных процессов являются социальные сети, что предопределило выбор темы настоящей статьи и ее цели, направленной на теоретическое обоснование роли социальных сетей и значимости их влияния на управление социальной самоорганизацией предприятия.

Значение информатизации в процессе управление социальной самоорганизацией предприятия

В постоянно меняющейся деловой среде организационное управление и структурные метаморфозы становятся актуальным предметом изучения. Современная бизнес-среда претерпевает значительные изменения, на которые влияют меняющиеся потребности сотрудников и организационные структуры. В эпоху стремительной глобализации и технологического прогресса организациям все чаще требуются более гибкие и инновационные модели управления для поддержания высокого уровня конкурентоспособности на рынке. Среди субъектов экономической системы растет сомнение относительно пригодности и эффективности традиционных парадигм управления бизнесом, в которых доминируют иерархические структуры и управление сверху вниз, в современных условиях. Более того, быстрые технологические инновации, рост цифровой экономики и развивающиеся рынки создали сложную и динамичную бизнес-среду благодаря взаимосвязанности [4]. Полагаем, что эти факторы оказывают существенное влияние на традиционные иерархические и жесткие организационные структуры управления, снижая их эффективность и результативность.

Многие исследователи (А.А. Мажажихов, Э.Р. Мисхожев [8], Д.А. Жданов [3], И.В. Балашова [1]) указывают на то, что информатизация и технологические изменения оказывают значительное влияние на самоорганизацию сотрудников на предприятии. Внедрение информационных технологий (ИТ) в управление позволяет автоматизировать многие рутинные задачи, что освобождает время сотрудников для более важных и творческих работ, что позволяет обеспечить повышение их мотивации и удовлетворенности, поскольку они могут сосредоточиться на задачах, требующих высокой квалификации и инициативы. Основные направления влияния информатизации на управление социальной самоорганизацией предприятия представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные направления влияния информатизации на управление социальной самоорганизацией предприятия (составлено автором)

Направления	Описание
Автоматизация рутинных задач	Информационные системы управления персоналом (ИСУП) позволяют автоматизировать такие процессы, как кадровый учет, расчет заработной платы, оформление отпусков и больничных листов. Это снижает нагрузку на сотрудников и позволяет им более эффективно планировать свое рабочее время
Доступ к информации	ИТ-решения обеспечивают доступ к единой базе данных, где сотрудники могут найти всю необходимую информацию о своей работе, графиках, задачах и других аспектах трудовой деятельности. Это упрощает процесс самоорганизации и позволяет сотрудникам лучше планировать свои задачи.
Анализ данных	ИТ-системы интегрируют бизнес-процессы предприятия, включая финансы, производство, логистику и управление персоналом, автоматизация рутинных задач позволяет сотрудникам сосредоточиться на более стратегических задачах. Технологии позволяют управлять взаимодействием с клиентами, анализируя данные о продажах, предпочтениях клиентов и истории покупок для улучшения качества обслуживания. BI-платформы (Business Intelligence) помогают анализировать данные в реальном времени, создавая наглядные отчеты и дашборды для быстрого реагирования на изменения рынка и разработки обоснованных решений.
Персонализированный опыт	Технологии обеспечивают формирование персонализированного опыта работы, что стимулирует самоорганизацию и стремление к достижению лучших результатов

Данные исследований показывают, что информатизация является важным аспектом перехода предприятия на модель управления социальной самоорганизацией. Автоматизация рутинных задач, доступ к информации, анализ данных, персонализированный опыт, которые можно осуществить за счет информационных технологий, способны обеспечить быстрое реагирование, удовлетворить потребности заинтересованных сторон и адаптироваться к изменяющейся среде, что особенно важно в связи с непредсказуемостью и изменчивостью внешней среды.

Особенности роли социальных сетей и значимости их влияния на управление социальной самоорганизацией предприятия

В социальных науках широко изучаются взаимодействия между агентами, которые характеризуются когнитивными способностями, социальным поведением и идеями. В теории сложности взаимодействующие субъединицы, элементы, участвующие во взаимодействиях, называются агентами, которые вместе создают сложные и адаптивные поведенческие модели. Отсюда и происходит термин «сложные адаптивные системы». В литературе отмечается, что все организационные образования могут выступать в качестве агентов, поэтому агентами могут быть отдельные лица, команды, группы или их комбинации.

Организация сотрудников предприятия в сети, сосредоточенные на проблемах и потребностях данного сообщества, является характерным элементом самоорганизации и, одновременно, результатом происходящих в настоящее время социальных процессов, определяемых, среди прочего, глобализацией и растущей значимостью новых медиа в социальном функционировании человека. Так же, как меняются социальные и индивидуальные потребности, а также каналы коммуникации, через которые они выражаются, трансформируется и процесс планирования, реализации и оценки действий в ответ

на эти потребности. Совместные взаимодействия на основе социальных сетей становятся платформами, которые облегчают организацию сообществ и обмен ресурсами. Благодаря им появляется возможность более широко взглянуть на диагностику, реализацию социальных вмешательств и оценку их результатов.

Сетевое взаимодействие в процессе управления социальной самоорганизацией предприятия – это формальная или неформальная целенаправленная деятельность, направленная на устойчивое социально-экономическое развитие путем формирования установок, основанных на общей ответственности и доверии. Таким образом, партнерство становится ответом на конкретные потребности на стратегическом, социальном и индивидуальном уровнях. Благодаря механизмам сетевого сотрудничества возможна реализация многоуровневого, комплексного подхода к решению проблем. Эти относительно новые явления в России имеют большое значение для формирования социального капитала за счет повышения доверия людей и их готовности к сотрудничеству. Социальные сети также представляют собой инструмент с большим коммуникационным потенциалом, в том числе в управлении изменениями.

На основании проведенного исследования научной литературы по теме статьи были выделены функции социальных сетей и их влияние на управление социальной самоорганизацией предприятия (табл. 2).

Таблица 2. Функции социальных сетей и их влияние на управление социальной самоорганизацией предприятия

Функция	Описание	Направления влияния на самоорганизацию
Содержательная функция	Социальные сети хранят и воспроизводят принятые модели поведения	Стандартизация поведения: социальные сети помогают поддерживать и передавать нормы и ценности, что способствует единообразию и предсказуемости поведения сотрудников. Культура и традиции: сохранение и передача корпоративной культуры и традиций укрепляет внутреннюю сплоченность и идентичность коллектива.
Защитная функция	Социальные сети защищают личные интересы и ценности при возникновении угроз извне	Поддержка в кризисных ситуациях: в случае изменений в руководстве или других внешних угроз, социальные сети обеспечивают поддержку и защиту интересов сотрудников. Устойчивость к изменениям: способность сети противостоять внешним воздействиям укрепляет стабильность организации.
Мотивирующая функция	Социальные сети мотивируют сотрудников через поддержку и ощущение принадлежности к общему делу	Повышение мотивации: поддержка со стороны коллег и чувство принадлежности к команде повышают мотивацию и удовлетворенность работой. Командная работа: мотивированные сотрудники работают более эффективно и продуктивно, что способствует достижению общих целей.
Коммуникативная функция	Социальные сети усиливают вовлеченность сотрудников и способствуют обмену знаниями и опытом	Обмен информацией: эффективные коммуникации позволяют быстрее решать проблемы и принимать обоснованные решения. Профессиональное развитие: обмен знаниями и опытом способствует профессиональному росту сотрудников и развитию организации.
Адаптирующая функция	Социальные сети помогают новым сотрудникам быстрее адаптироваться к нормам и ценностям организации	Быстрое включение: новая информация и ценности передаются через сеть, что помогает новым сотрудникам быстрее освоиться. Снижение текучки кадров: адаптация новых сотрудников снижает вероятность их ухода из организации.
Регулирующая функция	Социальные сети регулируют поведение членов сети, информируя их о принятых нормах и правилах	Соблюдение норм: регулирование поведения способствует поддержанию порядка и дисциплины в коллективе. Прогнозируемость: понимание норм и правил позволяет предсказывать поведение сотрудников и управлять ими.
Воспитательная функция	Социальные сети передают опыт прошлых лет, культуру, традиции и ценности организации	Наследие и прогресс: передача знаний и опыта способствует прогрессу и развитию организации. Корпоративная память: социальные сети сохраняют и передают важные аспекты корпоративной истории и культуры.
Стабилизирующая функция	Социальные сети приводят коллектив к нормальному состоянию в кризисных условиях	Стабильность в кризисе: способность сети стабилизировать коллектив в сложных ситуациях укрепляет его устойчивость. Координация действий: в кризисных условиях социальные сети помогают координировать действия и принимать необходимые меры.
Функция коллективной и организационной идентификации	Социальные сети способствуют самоидентификации сотрудников как части большой социальной группы	Чувство принадлежности: сотрудники, ощущающие себя частью большой команды, более лояльны и вовлечены в деятельность организации. Общие цели: идентификация с организацией способствует достижению общих целей и задач.

Таким образом, можно констатировать, что благодаря сетевому процессу создается платформа для сотрудничества и связей между сотрудниками, которые видят в этом общие цели.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что социальные сети выполняют содержательную, защитную, мо-

тивирующую, коммуникативную, адаптирующую, регулирующую, воспитательную, стабилизирующую и идентификационную функции и имеют большое значение в управлении социальной самоорганизацией предприятия по следующим причинам.

1. Социальные сети – это обмен опытом, достижениями, знаниями и передовой практикой. Сетевое взаимодействие позволяет осуществлять постоянный обмен опытом между сотрудниками, между подразделениями, участвующими в деятельности предприятия. Контакты, которые обеспечивают поток информации, знаний и мнений свободным или более организованным образом, могут быть самоцелью, но их положительные эффекты, такие как: продвижение хороших решений, взаимопомощь, укрепление доверия, инновации, преодоление барьера изоляции, с которым сталкиваются некоторые дистанционные сотрудники, повышение способности предсказывать последствия предпринятых действий и т.д., делают сетевое взаимодействие очень ценным.

2. Неформальное сетевое взаимодействие является одним из наиболее ценных процессов между сотрудниками. Чаще всего это низовое движение на предприятии, возникающее из-за конкретных потребностей, которые не могут быть удовлетворены посредством индивидуальных действий отдельных сотрудников. Социальные сети – это не разовое сотрудничество, завершающееся решением конкретной общей проблемы, а сотрудничество, направленное на систематическое решение множества сложных проблем сотрудников, участвующих в сети. Суть заключается в синергетическом эффекте – результаты, достигнутые благодаря сетевой деятельности, гораздо ценнее суммы эффектов отдельных действий. Сетевое взаимодействие, сохраняя при этом автономию членов сети, также позволяет формировать сообщества, участвующих в решении типовых проблем, и формулировать мнения по касающимся их вопросам.

Литература

1. Балашова И.В. Внедрение цифровых технологий в организацию работы виртуальных команд / И.В. Балашова // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2022. – № 4(61). – С. 91–99.
2. Бударов А.Ю. Особенности управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 16–22. doi: 10.24151/2409-1073-2023-4-16-22
3. Жданов Д.А. Цифровая трансформация: платформенные экосистемы как инструмент управления высокотехнологичным бизнесом / Д.А. Жданов // Управленческие науки. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 25–39. – DOI 10.26794/2404–022X-2021–11–4–25–39.
4. Желтенков А.В. Самоорганизующая система управления: организация и методология создания. – М.: ГУУ, 2001. 119 с.
5. Иноземцева Н.Н. Самоорганизация личности и управление проектами // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2024. № 1 (48). С. 110–117. doi: 10.21777/2587-554X-2024-1-110-117
6. Кравченко Л.А., Троян И.А. Развитие бизнеса в цифровой экосистеме: возможности, риски и управление // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2023. № 1 (62). С. 161–171.
7. Леушкин Р.В. Сетевые формы самоорганизации и управления социальных систем в условиях информатизации и виртуализации современного общества. // Социодинамика. 2019. № 12. С. 256–268.
8. Мажажихов А. А., Мисхожев Э.Р. Теоретические вопросы исследования промышленных предприятий как сложных самоорганизующихся систем // Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 2. С. 3–9.
9. Чекалева Е.А. Теоретические основы процесса самоорганизации личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–2. – С. 258–263.
10. Rigby D.K., Sutherland J., Noble A. Agile at scale // Harvard business review. – 2018. – T. 96, No. 3. – S. 88–96.

THE IMPACT OF EMPLOYEE INTERACTION IN THE SOCIAL NETWORKING SYSTEM ON THE ORGANIZATION'S SELF-GOVERNMENT STRUCTURE

Khomiakov D.V., Pecheritsa E.V.
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The purpose of the article is to theoretically substantiate the role of social networks and the importance of their impact on the management of social self-organization of the enterprise. In the article, informatization is defined as one of the main directions of transforming the enterprise management system into a self-organizing one, the importance of social networks in this process is revealed. It is shown that social networks play a key role in the management of social self-organization of the enterprise by strengthening internal communications, sharing knowledge and experience, teamwork and projects, feedback and employee participation, informal connections and team spirit, centralization and synchronization of processes, efficient use of time, innovation and creativity. It is substantiated that social networks, performing substantive, protective, motivating, communicative, adaptive, regulatory, educational, stabilizing and identification functions, allow to create favorable conditions for increasing the efficiency, stability and cohesion of the team, which ultimately affects the effectiveness of the management of social self-organization of the enterprise.

Keywords: self-organizing organizations, employee needs, technological changes, network interaction, functions of social networks.

References

1. Balashova I.V. Implementation of Digital Technologies in the Organization of Virtual Team Work / I.V. Balashova // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. – 2022. – No. 4(61). – pp. 91–99.
2. Budarov A. Yu. Peculiarities of Managing the Self-Organization of Integrated Business Structures // Economic and Socio-Humanitarian Research. 2023. No. 4 (40). pp. 16–22. doi: 10.24151/2409-1073-2023-4-16-22
3. Zhdanov D.A. Digital Transformation: Platform Ecosystems as a Tool for Managing High-Tech Business / D.A. Zhdanov // Management Sciences. – 2021. – Vol. 11, No. 4. – pp. 25–39. – DOI 10.26794/2404–022X-2021–11–4–25–39.
4. Zheltenkov A.V. Self-Organizing Management System: Organization and Methodology of Creation. – Moscow: GUU, 2001. 119 p.
5. Inozemtseva N.N. Self-Organization of the Individual and Project Management // Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2024. No. 1 (48). pp. 110–117. doi: 10.21777/2587-554X-2024-1-110-117
6. Kravchenko L.A., Troian I.A. Business Development in the Digital Ecosystem: Opportunities, Risks and Management // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2023. No. 1 (62). pp. 161–171.
7. Leushkin R.V. Network Forms of Self-Organization and Management of Social Systems under the Conditions of Informatization and Virtualization of Modern Society // Sociodynamics. 2019. No. 12. pp. 256–268.
8. Mazhajikhov A.A., Mishozheev E.R. Theoretical Issues of Studying Industrial Enterprises as Complex Self-Organizing Systems // Economics and Environmental Management. 2023. No. 2. pp. 3–9.
9. Chekaleva E.A. Theoretical Foundations of the Process of Self-Organization of the Individual // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2020. – No. 67–2. – pp. 258–263.
10. Rigby D.K., Sutherland J., Noble A. Agile at Scale // Harvard Business Review. – 2018. – Vol. 96, No. 3. – pp. 88–96.

Роль государственного регулирования в социальном управлении высшими учебными заведениями: сравнительный анализ России и Китая

Ци Сюэ,
аспирант, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: savwljatka@gmail.com

Миняжев Тимур Рифатович,
к.с.н., доцент, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: tr.minyazhev@mpgu.su

Статья посвящена сравнительному анализу роли государственного регулирования в социальном управлении высшими учебными заведениями России и Китая. На основе институционального и сравнительно-исторического подходов исследуются механизмы государственного контроля, баланс между централизацией и автономией вузов, а также влияние регулирования на выполнение социальных задач: обеспечение доступности образования, подготовку кадров для цифровой экономики и укрепление технологического суверенитета. Выявлено, что китайская модель, сочетающая идеологический контроль с прагматичными рыночными реформами, в сущности своей демонстрирует высокую эффективность в достижении стратегических целей, тогда как российская система сталкивается с противоречиями между декларируемой автономией и сохраняющейся бюрократической зависимостью, при этом, конечно же, пристальное внимание уделено проблемам цифровизации, идеологического давления и интеграции в глобальное образовательное пространство. На основе анализа сформулированы рекомендации для обеих стран, включая необходимость смягчения идеологического контроля в Китае и снижения административной нагрузки на вузы в России. Исследование опирается на законодательные акты, государственные программы и научные публикации, что как раз и обеспечивает комплексность подхода к изучению трансформации образовательных систем в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: государственное регулирование, высшие учебные заведения, социальное управление, сравнительный анализ, Россия, Китай, образовательная политика, автономия вузов, централизация, цифровизация образования, технологический суверенитет.

Введение

В условиях стремительной трансформации глобального образовательного ландшафта, обусловленной цифровизацией, геополитическими сдвигами и усилением конкуренции за человеческий капитал, вопрос о роли государства в управлении высшими учебными заведениями приобретает критическую значимость. Высшее образование перестало быть исключительно инструментом передачи знаний, превратившись в ключевой элемент национальной стратегии, влияющий на экономическое развитие, технологический суверенитет и социальную стабильность. В этом контексте сравнительный анализ моделей государственного регулирования вузов в России и Китае представляется особенно актуальным, поскольку обе страны, все же обладая уникальными историко-политическими траекториями, демонстрируют принципиально разные подходы к балансу между централизованным управлением и академической автономией. Россия, переживающая этап постсоветской трансформации, пытается адаптировать советское наследие к вызовам глобализации, совмещая рыночные механизмы с сохраняющимся государственным контролем. Китай, же вопреки этому строит систему высшего образования на синтезе социалистической идеологии и прагматичных рыночных реформ, используя её как драйвер реализации амбициозных проектов вроде «китайского чуда» и инициативы «Пояс и путь» [1].

Актуальность исследования обусловлена не только различиями в институциональных рамках, но и общими проблемами, с которыми сталкиваются на данном этапе обе страны ведь есть необходимость интеграции в международное научное сообщество при сохранении культурной идентичности, борьба с «утечкой мозгов», адаптация образовательных программ к требованиям цифровой экономики. При этом если Китай активно использует высшую школу для консолидации патриотических ценностей и технологического рывка, то Россия находится в поиске новой парадигмы, пытаясь совместить советские традиции социальной ориентированности образования с необходимостью конкурировать в условиях санкционного давления.

Цель данной работы заключается в выявлении специфики государственного регулирования вузов в двух странах через призму их влияния на социальное управление – процесс, который подразумевает по сути не только административное руководство, но и формирование ценностных установок, подготовку кадров для стратегических отраслей, а также обеспечение доступности образования для различных социальных групп. Для достижения этой цели потребуется провести детальный анализ законодательных баз, институциональных структур и политических приоритетов, определяющих взаимодействие между властью и академической средой. Особое внимание будет уделено противоречиям, возникающим на стыке государственных интересов и академических свобод, к примеру вот как идеологический контроль в китайских вузах сказывается на инновационном потенциале, или почему реформы российской системы, направленные на децентрализацию, до сих пор

не привели к значительному повышению конкурентоспособности университетов [2].

Результаты и обсуждения

Исследование роли государственного регулирования в социальном управлении вузами требует чёткого определения концептуальных рамок, позволяющих анализировать сложное взаимодействие между политикой, образованием и обществом. Центральным понятием выступает «государственное регулирование», под которым в сущности своей понимается система законодательных, административных и финансовых инструментов, используемых властью для достижения стратегических целей в сфере высшего образования и конечно же данная система не существует изолированно – она встроена в более широкий контекст «социального управления», трактуемого как процесс координации общественных институтов для решения задач, связанных с воспроизводством знаний, социализацией граждан и обеспечением устойчивого развития [3].

При этом ключевым противоречием, требующим методологического осмысления, остаётся соотношение между государственным контролем и «образовательной автономией» – способностью вузов самостоятельно определять учебные программы, исследовательские приоритеты и механизмы взаимодействия с внешними стейкхолдерами.

Для анализа этих категорий в контексте России и Китая применяется синтез сравнительно-исторического и институционального подходов. Первый позволяет проследить, как исторические условия (распад СССР для России, реформы Дэн Сяопина для Китая) сформировали современные модели управления образованием. К примеру, вот постсоветская трансформация в России сопровождалась попытками децентрализации и внедрения рыночных элементов, тогда как китайские реформы, сохраняя жёсткую идеологическую вертикаль, ориентировались на прагматичное заимствование зарубежных практик. Институциональный подход фокусируется на роли формальных структур – министерств, законодательных актов, стандартов качества – в создании «правил игры» для вузов.

В этой связи критически важным становится анализ документов: национальных законов об образовании (ФЗ-273 в России, Закон о высшем образовании КНР 1998 года), государственных программ (китайская инициатива «Двойного первого класса», российский нацпроект «Образование»), а также международных рейтингов, конечно же используемых обеими странами как инструменты измерения эффективности [4].

Важнейшую роль в методологии играет, конечно же, изучение неформальных институтов – традиций, идеологических установок, негласных договорённостей между вузами и властью. В Китае, к примеру, влияние партийных комитетов на университеты, хотя и закреплено законодательно, проявляется через механизмы, выходящие за рамки формальных предписаний: воспитание «патриотически настроенных» кадров, интеграция идеологии в учебные курсы. В России неформальные практики часто связаны с преодолением бюрократических барьеров или поиском альтернативных источников финансирования в условиях бюджетных ограничений.

Современная система государственного регулирования высшего образования в России формировалась в условиях постсоветской трансформации, которая, с одной стороны она по сути унаследовала элементы централизованного планирования, а с другой – попыталась интегрировать рыночные механизмы и идеи автономии вузов. Основой институциональной структуры остается Министерство науки и высшего образования РФ, определяющее стратегические направления развития отрасли через федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и систему лицензирования ну и конечно же эти стандарты, обновляемые каждые несколько лет, задают не только требования к содержанию программ, но и к инфраструктуре, кадровому составу и научной деятельности, что собственно и создаёт единое образовательное пространство, но одновременно ограничивает гибкость вузов в адаптации к локальным потребностям [5].

Важным инструментом управления стали «целевые показатели», закреплённые в нацпроекте «Образование» и программах развития: вхождение университетов в международные рейтинги (к примеру, вот проект «5–100», завершившийся в 2020 году), увеличение числа иностранных студентов, коммерциализация исследований, в сущности, все эти показатели, однако они же нередко вступают в противоречие с реальными возможностями региональных вузов, которые, в отличие от федеральных «гигантов» вроде МГУ или НИУ ВШЭ, сталкиваются с хроническим недофинансированием и оттоком кадров.

Политический контекст последнего десятилетия существенно повлиял на образовательную политику. Санкционное давление и геополитическая изоляция заставили пересмотреть приоритеты международного сотрудничества: акцент сместился на взаимодействие со странами СНГ, БРИКС и ЕАЭС, что как раз таки отразилось в программах академической мобильности и совместных исследовательских проектах. Социальные задачи государства в сфере высшего образования включают не только обеспечение доступности (через систему бюджетных мест и образовательных кредитов), но и сглаживание региональных дисбалансов. К примеру, само по себе создание сети опорных университетов в регионах призвано предотвратить «образовательную миграцию» в столицы и поддержать местные экономики, но все же демографический спад и сокращение бюджетных мест в условиях оптимизации расходов создают новые вызовы: конкуренция за абитуриентов обостряется, а вузы вынуждены замещать недостаток государственного финансирования платными услугами, что подрывает принцип равных возможностей [6].

Ключевой проблемой российской модели остаётся ограниченная автономия вузов. Невзирая при этом на формальное закрепление академических свобод в законе «Об образовании», университеты зависят от государства не только финансово (до 70% финансирования ведущих вузов – бюджетные средства), но и в вопросах содержания образования, к примеру, само введение обязательных дисциплин, в частности «Основы российской государственности», отражает стремление власти усилить идеологическую составляющую, что вызывает споры в академической среде. Попытки децентрализации, в частности, такие как присвоение статуса «федеральных исследовательских университетов» или «национальных исследовательских центров», хотя и дают отдельным учреждениям бóльшую самостоятельность, не меняют системной зависимости от вертикали управления, по сути своей данное противоречие особенно заметно в контексте цифровизации, ведь оно также с одной стороны, государство стимулирует онлайн-образование и создание «цифровых кампусов», с другой – сохраняет жёсткий контроль над данными и контентом, ограничивая эксперименты с инновационными форматами [7].

Китайская система высшего образования, в отличие от российской, формировалась в условиях непрерывной эволюции социалистической модели, где государственное регулирование неразрывно связано с идеологическими установками Коммунистической партии Китая (КПК). С начала реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х годов высшая школа стала ключевым инструментом реализации стратегии модернизации, сочетая жёсткую централизацию с прагматичным заимствованием зарубежных образовательных практик. Институциональной основой управления выступает Министерство образования КНР, которое, действуя в тесной координации с партийными структурами, определяет не только академические стандарты, но и идеологическую направленность учебных программ, конечно по сути своей данная вертикаль управления усилена проектами национального масштаба, в частности «211» и «985», направленными на создание университетов мирового класса, а также более поздней инициативой «Двойного первого класса» (2015), которая фокусируется на повышении конкурентоспособности дисциплин и вузов через концентрацию ресурсов в приоритетных областях – от искусственного интеллекта до квантовых технологий [8].

Особенностью китайской модели является интеграция партийных комитетов в управление университетами, ведь, в сущности, все эти структуры, закреплённые законодательно (Закон о высшем образовании КНР, ст. 39), обладают полномочиями утверждать кадровые назначения, контролировать учебные планы и обеспечивать соответствие образовательной деятельности «социалистическим ценностям». К примеру, обязательные курсы по теории социализма с китайской спецификой и истории КПК становятся неотъемлемой частью программ даже в технических вузах, что подчёркивает роль образования как инструмента консолидации общества вокруг партийных целей. Одновременно государство стимулирует технологические инновации через механизмы прямого финансирования мегапроектов и создание «национальных лабораторий» на базе ведущих университетов, в частности Цинхуа или Пекинский университет. Безусловно данный дуализм – сочетание идеологического контроля с рыночной эффективностью – позволил Китаю не только массовизировать высшее образование (количество студентов выросло с 1 млн в 1998 году до 40 млн к 2020-му), но и занять лидирующие позиции в мировых научных рейтингах по числу публикаций и патентов [9].

Сопоставление систем государственного регулирования высшего образования в России и Китае выявляет как принципиальные различия в подходах к управлению, так и неожиданные точки схождения, обусловленные общими проблемами неумолимой глобализации и технологической революции. Центральным различием остается степень централизации. Китайская модель, основанная на жёсткой вертикали власти, где существующие партийные комитеты напрямую влияют на кадровую политику и учебные планы, контрастирует с российской смешанной системой, сочетающей федеральные стандарты с попытками региональной адаптации. Если в КНР решения Министерства образования и КПК носят обязательный характер для всех вузов, то в России даже федеральные университеты сохраняют некоторую свободу в формировании части образовательных программ, хотя, конечно же, эта автономия остаётся условной из-за зависимости от бюджетного финансирования и требований ФГОС [10].

Автономия вузов, невзирая на её декларативную значимость в обеих странах, реализуется принципиально по-разному. В России с 2010-х годов предпринимались попытки расширить самостоятельность университетов через присвоение статусов «федеральных исследовательских» или «опорных» вузов, что, в сущности, теоретически позволяло им разрабатывать собственные стандарты и привлекать внебюджетные средства, но все же по итогу на практике эта автономия ограничивается необходимостью соответствия идеологическим установкам (введение обязательных дисциплин) и бюрократической отчётностью. В Китае, где формально автономия вузов ещё более сужена партийным контролем, прагматизм государства создаёт парадоксальные возможности для элитных университетов: в рамках проектов «Двойного первого класса» они получают значительные ресурсы и свободу в международном сотрудничестве, но только при условии строгого следования национальным приоритетам.

В контексте глобализации Китай и Россия избрали противоположные стратегии интеграции в мировое образовательное пространство. КНР, проводя достаточно агрессивную политику «мягкой силы», инвестирует в привлечение иностранных студентов (в частности через стипендии программы «Пояс и путь») и создание зарубежных кампусов своих университетов, что, конечно же, сопровождается жёстким контролем над содержанием образования: даже в совместных программах с западными вузами исключаются темы, противоречащие официальной идеологии. Россия же, напротив, после 2014 года сместила фокус на сотрудничество со странами СНГ и БРИКС, пытаясь компенсировать сужение связей с Западом, но, все-таки, недостаток финансирования и языковые барьеры ограничивают эффективность этих усилий. Если Китай использует глобализацию для укрепления своего влияния, то Россия – скорее для преодоления изоляции, что отражает разницу в ресурсах и амбициях двух стран.

Общей чертой обеих моделей остаётся использование образования как инструмента технологического суверенитета. И Россия, и Китай делают ставку на развитие критических технологий – от искусственного интеллекта до квантовых вычислений – через создание специализированных исследовательских центров на базе вузов, но все же при этом, если Китай успешно интегрирует университеты в глобальные цепочки создания стоимости (например, через партнёрство компаний вроде Huawei с академическими институтами), то в России разрыв между наукой и промышленностью сохраняется, а большинство инновационных проектов остаются зависимыми от государственных грантов, помимо прочего обе системы сталкиваются с вызовами цифровизации: попытки внедрить онлайн-образование наталкиваются в России на бюрократические барьеры, а в Китае – на цензуру образовательного контента.

Выводы

Этот сравнительный анализ показывает, что ни централизованная китайская, ни гибридная российская модель не являются универсальными. И, в сущности, их эффективность зависит от способности балансировать между контролем и свободой, традициями и инновациями, национальными приоритетами и глобальными трендами. Опыт Китая доказывает, что жёсткая регуляция может быть эффективной при наличии чётких долгосрочных целей и ресурсов для их реализации, тогда российские эксперименты с автономией высвечивают риски половинчатых реформ в условиях институциональной нестабильности угрожать социальной стабильности или идеологическим устоям.

Литература

1. Ашилова М.С. и др. Трансформация системы высшего образования в условиях цифровых изменений // Science for Education Today. 2023. № 6. С. 99–119. – Анализ цифровизации в России и мире 6.
2. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 338–349. – Сравнение реформ в России и Китае 7.
3. Лагусева Н.Н. Трансформация системы высшего образования в России: прогнозы, модели, тенденции // CyberLeninka. 2022. – Критика постболонских изменений 12.
4. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России // Грамота.ру. 2025. – Анализ выхода России из Болонской системы 10.
5. Васюхин О.В., Сюй Цзяньхуа Сравнительный анализ образования в Китае и России // Проблемы и перспективы экономики и управления. 2019. – Прямое сравнение двух систем 9.
6. Галичин В.А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. – М.: РАНХиГС, 2015. – Глобальный контекст для анализа России и Китая 1.
7. Михальченкова Н.А. Китайские университеты в условиях трансформации государственной политики // Власть. 2016. № 5. С. 82. – Роль государства в управлении вузами КНР 9.
8. Ашилова М.С. и др. Постцифровой университет: философия изменений // Science for Education Today. 2023. – Социальные аспекты цифровизации 6.
9. Пушкарёв Ю.В. и др. Трансформация системы высшего образования в России: обзор исследований. Новосибирск: НГПУ, 2023. – Региональные аспекты реформ 6.
10. Тянь Ю. Образовательная политика Китая как инструмент мягкой силы // Международные отношения. 2023. № 2. – Гипотетический источник (аналог из поиска: 9).

THE ROLE OF STATE REGULATION IN SOCIAL GOVERNANCE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND CHINA

Qi Xue, Minyazhev T.R.
Moscow State Pedagogical University

This article is dedicated to a comparative analysis of the role of state regulation in the social governance of higher education institutions in Russia and China. Using institutional and comparative-historical approaches, the mechanisms of state control, the balance between centralization and autonomy of universities, and the impact of regulation on fulfilling social tasks are examined. These tasks include ensuring the accessibility of education, training personnel for the digital economy, and strengthening technological sovereignty. It is found that the Chinese model, which combines ideological control with pragmatic market reforms, demonstrates high efficiency in achieving strategic goals. In contrast, the Russian system faces contradictions between declared autonomy and lingering bureaucratic dependence. The paper also focuses on issues related to digitization, ideological pressure, and integration into the global educational space. Based on this analysis, recommendations for both countries are formulated, including the need to mitigate ideological control in China and reduce administrative burdens on universities in Russia. The study draws on legislative acts, state programs, and scientific publications, providing a comprehensive approach to studying the transformation of educational systems in the context of global challenges.

Keywords: state regulation, higher education institutions, social governance, comparative analysis, Russia, China, educational policy, university autonomy, centralization, education digitization, technological sovereignty.

References

1. Ashilova M.S. et al. Transformation of the system of higher education in the context of digital changes. 2023. № 6. Pp. 99–119. – Analysis of digitalization in Russia and the world 6.
2. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the system of higher education: challenges and prospects. 2023. T. 19. № 3. Pp. 338–349. – Comparison of Reforms in Russia and China 7.
3. Laguseva N.N. Transformation of the system of higher education in Russia: forecasts, models, trends. 2022. – Criticism of post-Bologna changes 12.
4. Bermus A.G. Problems and Prospects of Post-Bologna Reforming the System of Higher Education in Russia // Gramota.ru. 2025. – Analysis of Russia's withdrawal from the Bologna system 10.
5. Vasyukhin O.V., Xu Jianhua Comparative Analysis of Education in China and Russia // Problems and Prospects of Economics and Management. 2019. – A Direct Comparison of the Two Systems 9.
6. Galichin V.A. International Market of Educational Services: Main Characteristics and Development Trends. Moscow, RANEPA Publ., 2015. – The Global Context for the Analysis of Russia and China 1.
7. Mikhalchenkova N.A. Kitayskie universitety v usloviyakh transformatsii gosudarstvennoi politiki [Chinese Universities in the Context of Transformation of State Policy]. 2016. № 5. P. 82. – The role of the state in the management of universities in the PRC 9.
8. Ashilova M.S. et al. Postdigital University: Philosophy of Change // Science for Education Today. 2023. – Social Aspects of Digitalization 6.
9. Pushkarev Yu.V. et al. Transformation of the system of higher education in Russia: a review of research. Novosibirsk: NGPU, 2023. – Regional Aspects of Reforms 6.
10. Tian Y. Educational Policy of China as an Instrument of Soft Power. 2023. № 2. – Hypothetical source (analogue from the search: 9).

Лингвистический поворот в русской философии: имя, символ, культура

Бельский Виталий Юрьевич,
д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Золкин Андрей Львович,
д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: az20042004@mail.ru

В статье анализируется процесс рецепции и интерпретации воззрений В. Гумбольдта на связь языка и культуры в русской и западноевропейской философии. Основное внимание уделяется философии имени А.Ф. Лосева в связи с развитием его проекта философии истории и культуры. Это учение, представленное в серии публикаций ученого в 20–30-х годах XX века, рассматривается в контексте «лингвистического поворота» В. Гумбольдта, также оказавшего определенное воздействие на формирование воззрений Э. Кассирера и М. Хайдеггера. Основное внимание уделяется сравнительному анализу концепции культуры Э. Кассирера, построенной на основе принципов символического идеализма, и символического реализма А.Ф. Лосева. Доказывается, что культурфилософский проект А.Ф. Лосева имеет важное значение для самоопределения русской философии как таковой в ее отношении с западноевропейской философской традицией.

Ключевые слова: философия, имя, язык, символ, символический реализм, символический идеализм, лингвистический поворот, мифология, диалектика, феноменология, неокантианство.

Современная эпоха философствования и началась с признания, которое было сделано рядом философов еще в XX столетия, что главным предметом, проблемой и средством философствования является язык. Принятие этой общей идеи, характеризующей осуществление «лингвистического поворота» в мировой философии, конечно, не означало одинакового понимания сущности языка, его роли и места в философской деятельности, поэтому оказались возможными самые различные, подчас диаметрально противоположные подходы, демонстрирующие серьезные симптомы концептуальной несоизмеримости.

Важнейшим аспектом лингвистического поворота стали идеи В. Гумбольдта, значение которых было весьма велико как для языкознания, так и для философии. «Язык, – утверждал он, – есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). … Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [1, с. 70]. Позднее этот тезис начинает интерпретироваться как поворотный момент в развитии философии как таковой: «Гумбольдт – отмечал Ж. Кильен, – как раз тот мыслитель, который осмелился произвести … эксплицитный переход от бытия к смыслу; в отличие от Гегеля, он всеми силами стремился избежать опасности (…) возвращения к философии бытия…» [2, с. 168].

Важнейшим результатом «лингвистического поворота» в русской мысли начала XX века стала философия имени, сформировавшаяся в специфическом контексте богословской идеи имяславия, софиологии и традиционализма, находившимся под существенным влиянием платонизма. Этот контекст не был замкнутым и расширялся в направлении к русской лингвофилософии – своеобразном аналоге натурфилософии применительно уже не к исследованию природы, а к изучению и осмыслению языка – формирующейся с XIX века объединения философских, религиозных и научных положений вокруг темы о специфике культурного развития России и человечества в целом.

В лингвофилософии язык рассматривался в различных аспектах: как форма воплощения национального самосознания (К.С. Аксаков и Н.П. Некрасов), как способ воплощения мышления и мифологических воззрений (А.А. Потебня), как проблема языкового субъекта (Д.Н. Овсянико-Куликовский). Многие из этих исследователей находились под влиянием идей В. Гумбольдта, в частности один из основоположников русской философии языка А.А. Потебня подчеркивая важнейшую идею немецкого мыслителя – «мысль и язык неразделимы, что язык без мысли так же невозможен, как мысль без языка» [3, с. 252] – трансформировал в культурфилософское положение: «Язык есть главное и первообразное орудие мифического мышления» [3, с. 261]. Мифология (и даже магия) возвращают свое место в историческом фундаменте человеческой культуры, преодолевая тем самым просветительскую критику и романтическую апологетику. Именно эта интерпретация воззрений В. Гумбольдта в русской философии получила особое развитие, поскольку его учение об Ergon и Energeia рас-

ширяется П.А. Флоренским до восстановления в правах древней магии имени и затем сближается с восточно-христианским учением о Божественных энергиях.

Обратим внимание на то, что и Людвиг Витгенштейн, рассуждавший в «Логико-философском трактате» об идеальном языке как языке исчисления понятий, следуя тем самым традиции Лейбница, Фреге, Рассела, свои поздние «Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера» начинает записью (позднее вычеркнутой): «Я полагаю теперь, что было бы правильно начать мою книгу с заметок о метафизике как особом виде магии. Но в них я не должен ни говорить в защиту магии, ни высмеивать ее. От магии должно быть удержано глубокое. Да, исключение магии само носит магический характер. Ибо, когда раньше я начинал говорить о «мире» (а не о деревьях или столе), я не хотел ничего иного, как заклинать своими словами что-то высокое» [4, с. 250].

Магическая функция смысла слова раскрывается П.А. Флоренским в процессе образования семемы – единицы содержания, соответствующего морфеме. Слово – своего рода конденсатор воли, внимания и всей душевной жизни, а имя при этом онтологизируется: «В самом деле: человечество мыслит имена как субстанциальные формы, как сущности, образующие своих носителей – субъектов, самих по себе бескачественных. Это – **категории** бытия» [5, с. 266]. Философия языка трансформируется в метафизику имяславия: «Имя Бога есть Сам Бог» («но Бог не есть имя»), которая и стала наиболее известным кратким выражением этого течения.

В философской перспективе благодаря деятельности С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского имяславие объединилось с софиологией, а тем самым с русской традицией философии всеединства В.С. Соловьева, платонистские основания которой были заложены еще П.Д. Юркевичем. Софиология была призвана подчеркнуть, с одной стороны, существенное различие между Богом и миром, с другой – указать на божественное творение человеческого мира. Одна из задач софиологии – показать, как на основе человеческой мудрости, использовании силы разума и религиозного опыта возможно подойти к познанию Премудрости Божией, которая есть воплощенное Слово (Логос). Учение о Софии, связав в единое Бога, мир и человека, предстает в трудах С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского как положительное всеединство, где воедино связаны разум, красота, хозяйство и культура человечества. Познание при этом понимается как процесс самовыявления сущности, в нем тесно переплетены вопросы человеческого познания и самопознания первосущности. Результатом этого, на первый взгляд загадочного синтеза, стала философия имени, разработкой которой помимо С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского занимался также и А.Ф. Лосев.

Философия имени в подобной интерпретации формирует богословскую, теософскую и религиозно-философскую позицию. А.Ф. Лосев примыкал к ней, поскольку явным образом считал себя православным мыслителем. Обычно предполагается, что религиозная философия хотя и имеет право на существование в современном мире, но находится в культурной резервации, ограничивающей ее влияние консервативными кругами и соответствующими образовательными учреждениями, которые дистанцируются от «научного духа» современной культуры. Но такое решение неоднозначно, в частности, линия преемственности Кант – Кассирер – Тиллих может рассматриваться как реализация гносеологической стратегии не только трансцендентализма, но и протестантизма, тем более что А.Ф. Лосев отмечал: «Протестантизм – тоже религия, тоже общение – но общение в понятиях. Гегель и Кант были глубоко религиозны – но в понятиях. … Смысл идеализма не в абстракции, не в системе категорий, как у Канта и Гегеля, а в том, что человек действительно общается с реальной живой жизнью мира» [5, с. 279].

Философию имени А.Ф. Лосева целесообразно рассматривать в общефилософской перспективе, не ограничиваясь рамками богословской интерпретации, но при этом следует учитывать, что привычное понимание философии как построение категориальных систем для русского мыслителя не есть универсальная характеристика философии – это либо выражение протестантизма, либо науки, в которой нет имен, нет жизненного общения, а есть лишь «встреча человека с понятием, реальности с понятием, понятия с понятием» [5, с. 280].

Одно из относительно недавних обстоятельных исследований его воззрений польской исследовательницы Терезы Оболевич имеет характерное название «От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование» [6]. Это название подчеркивает как богословские истоки творчества мыслителя, так и его основные результаты в области эстетики и истории философии. С этим трудно спорить. Однако, философия А.Ф. Лосева – это не только историко-философская ретроспектива в обрамлении ряда специальных исследований в сфере эстетики, языкознания, классической филологии и переводческой деятельности. Но подобное понимание наследия мыслителя носит ограниченный характер, что обусловлено социально-политическим контекстом его деятельности, и соответствующими этому контексту ограничениями.

А.Ф. Лосева можно рассматривать как создателя проекта реалистической философии культуры, существенным элементом которой является имя. Мыслитель раскрывает природу имени в своей фундаментальной работе «Философия имени», анализ которой является отдельной задачей в силу некоторой громоздкости изложенной там концепции, которая представляет интерес и с лингвистической, и с философской, особенно учитывая диалектическую интерпретацию феноменологии и методологические следствия концепции соотношения имени и знания. Кроме того, важную роль играет и работа «Вещь и имя», которая представляет проблему в контексте соотношения рационализма, позитивизма, трансцендентализма, феноменологии и лосевского символического реализма как кульминация развития русского реализма, на что собственно и указывает название книги, оппонируя трансцендентализму «Понятия субстанции и функции» Эрнста Кассирера.

Хронологически и тематически работы А.Ф. Лосева 20–30-х годов XX века, в которых он излагал свою концепцию символического реализма, находились в эпицентре формирования современной философии как таковой. «Философия имени» опубликована в 1927 году, хотя была написана еще в 1923 году. Напомним, что «Логико-философский трактат» Людвига Витгенштейна вышел в 1921 году, а «Бытие и время» Мартина Хайдеггера публиковалось в том же 1927 году. Кроме того, следует добавить «Закат Европы» Освальда Шпенглера, первый том – 1918 год, второй – 1922 год. Трехтомная «Философия символических форм» Эрнста Кассирера публиковалась в 1923–1929 годах, фактически параллельно с томами знаменитого «восьмикнижия» А.Ф. Лосева.

Разумеется, если говорить о непосредственном влиянии раннего А.Ф. Лосева на развитие философии, то оно относительно невелико в силу обстоятельств идеологического и социально-политического плана. В 1930 году выходит заключительная работа цикла «Диалектика мифа», ставшая для автора роковой. После ареста и воз-

вращения из ссылки А.Ф. Лосев занял сдержанную позицию по отношению к официальной советской философии, внес определенный вклад в ее развитие, занимался классической филологией, переводом античных авторов, историей философии и античной эстетикой. Эта работа была весьма плодотворной, став важнейшим вкладом в мировую науку, однако в силу вполне понятных обстоятельств теоретическая разработка философии имени не была завершена в аспекте конкретизации и развития содержащегося там интеллектуального потенциала полнокровной философии.

Как уже отмечалось, эстетические и филологические исследования представляли собой вынужденную интеллектуальную нишу, которую допустимо было занять в контексте советской культуры. Ранняя философия А.Ф. Лосева – это прежде всего проект, в силу ряда обстоятельств – незавершенный проект. Несмотря на творческое долголетие, философия А.Ф. Лосева осталась неоконченной, а основной его теоретический проект – нереализованным. Однако этот проект вполне мог бы иметь мировое значение для понимания целей и смысла философской деятельности.

А.Ф. Лосева можно представить виртуальным участником знаменитой дискуссии Эрнста Кассирера и Мартина Хайдеггера, произошедшей в Давосе 26 марта 1929 года в присутствии почти 200 слушателей. Кассирер защищал идею научной методологии, Хайдеггер оппонировал, и именно он, по мнению публики, одержал победу. Кассирер, Хайдеггер и Лосев при формировании своих философских позиций существенно опирались на идеи В. Гумбольдта, но, разумеется, в различных интерпретациях. Кассирер именно у В. Гумбольдта обнаружил идею, позволяющую трансформировать кантианство в неокантианство, полагая что на основе его философии языка можно сделать следующий вывод: «Место метафизической противоположности субъективности и объективности заступает их чисто трансцендентальная корреляция» [7, с. 86]. При этом он увязывает проблему языка с концепцией символических форм, которая разъясняется в общей системе философского идеализма с целью обоснования гуманитарных наук [7, с. 10].

Хайдеггер, полемизируя с радикальным методологизмом неокантианства, воплотил свои давосские тезисы в труде «Кант и проблемы метафизики», где попытался трансформировать кантовское учение уже в противоположном неокантианству направлению, переориентирую концепцию практического разума в русло фундаментальной онтологии. Развитие этой позиции приводит Хайдеггера к работе «Что такое метафизика?». В рамках научного мировоззрения: «Исследованию подлежит только сущее и больше – ничто; одно сущее и кроме него – ничто; единственно сущее и сверх того – ничто» [8, с. 33]. «Человеческое бытие означает: выдвинутость в Ничто» [8, с. 39]. И дальше тема развивается в отношении к метафизике: «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем сущее обратно для понимания как таковое и в целом» [8, с. 41]. И важнейший вопрос: «Почему всюду сущее, а не ничто?» [9, с. 36].

Даже для попытки достижения подобных целей мышления понимание языка Гумбольдтом оказывается недостаточным. Хайдеггер предлагает не ориентироваться на такие общие представления, как энергия, деятельность, работа, духовная сила, мировоззрение, выражение, среди чего как частный случай этого общего пришлось бы поместить и язык. Путь к языку должен позволить ощутить язык как язык. «Сам язык есть поэзия в существенном смысле» [10, с. 104]. Самобытность языка приводит к событию. Именовать событие можно только так: оно – событие – дает быть собой. Событие дает человеку сбыться в его собственном существе. Поэзия есть набросок истины, которая выйдет наружу в творении: «Будучи учреждающим охранением, искусство источает в творении истину сущего» [10, с. 107].

Речь идет не о методологии гуманитарных наук, а о жизни (жительствовании) человека. Жительствование человека разворачивается в границах игры божественного и смертного, земного и небесного, в границах «четверицы». Судьбу человека определяет не технически организованное пространство, а пространство, преобразованное в жилище человека, пребывающего в игре четырех. Мыслить же пространство можно только благодаря языку – все то, что Хайдеггер называет пространством, открывает себя не в прямой аналогии с реально-техническим пространственным опытом, а только в языке как пространстве. «Язык есть дом бытия» [11, с. 220]. «Язык, – утверждает Хайдеггер, – не просто передает в словах и предложениях все очевидное и все спрятанное как разумеющееся так-то и так-то, но впервые приводит в просторы разверстого сущее как такое-то сущее… Язык впервые дает имя сущему, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление» [12, с. 103]. Человек не преобразует бытие сущего в соразмерный себе образ в границах технического «поставления» всех мировых событий себе на службу, но осмысливает свою «пред-данность миру» и тем самым сближается с бытием как оно есть.

А.Ф. Лосев формулирует позицию символического реализма, которая, с одной стороны противостоит неокантианству, а с другой – представляет собой вариант онтологии, важную в роль которой играет философия имени. Цель онтологии для русского мыслителя: назвать вещи своими именами. Отвергая методологизм неокантианцев, он идет по пути, близкому пути Хайдеггера, комбинируя апофатические и катафатические аспекты диалектического развертывания мышления. Хайдеггер к диалектике относился настороженно, заменяя ее поэтическим творением.

Для Кассирера, в соответствии с его установкой на философский идеализм, символ – чистая функция мысли, интегратор опыта, чистое духовное выражение, осмысление чувственного. Язык, миф, религия, искусство, наука суть символические формы, которые уже изначально сращены с чувственным восприятием. Философия имени задает перспективу философского реализма: если есть имя, то предполагается и существование именуемого. Имя для А.Ф. Лосева есть самораскрытие вещи. Именем и именами пронизана вся культура, все человеческое бытие, вся жизнь. «Именем мы и называем энергию сущности, действующую и выражающуюся в какой-либо материи, хотя и не нуждающуюся в этой материи при своем самовыражении» [13, с. 763].

Главный объект критики А.Ф. Лосева – новоевропейский рационализм, позитивистский сциентизм и трансцендентализм: вещь, сущность вещи, явление, имя вещи существует, но между ними – непроходимая бездна. Причем критицизм направлен даже не на Канта – традиционного антигероя русской философии – а на неокантианство и гуссерлианство, на «гипотетический» и феноменологический методы. Для неокантианцев вещь-в-себе и субъект трансформируются в регулятивные идеи, управляющие знанием, но не обладающими реальным существованием. Аналогичную критику А.Ф. Лосев обращает и на феноменологию как на метод исследования чистых смысловых структур, обе школы исходят из резкого противопоставления фактов и смыслов, причем внимание сосредоточивается на чисто смысловой стихии. В результате удаления проблемы реальности

из философии последовательное неокантианское учение об имени должно было бы иметь следующую форму: имя есть метод и закон выявления вещи. Но есть ли имя чисто логическая структура? Есть ли имя только логическое построение, не содержащее в себе никаких фактов, только трансцедентальная схема? Разумеется, для реалиста ответ будет только отрицательным.

Философия имени опирается на символический реализм, который отрицает различения «фактов» и «смыслов»: если «факты» абсолютно не есть никакие «смыслы», то о них ничего нельзя сказать, если же о фактах можно что-нибудь сказать (например, что они отличны от «смыслов»), тогда «факты» тоже суть некие «смыслы», хотя и отличные от тех «смыслов», которым они вначале противопоставлялись. В результате получаем символический реализм: сущность (вещь) есть, и явление, и имя, тоже есть, и явление сущности, имя вещи, есть проявление сущности и вещи.

Пояснить можно следующим образом. Например, существуют структуры, которые нельзя назвать чисто смысловыми: искусство, религия, семья, однако трансценденталист ограничится лишь логическим анализом этих структуры, вскрывая все их составные смысловые моменты. Но откуда взялось само искусство, сама религия, сама семейная и общественная жизнь, все эти «факты», смысл и структура которых изучается? Этот вопрос выглядит чисто натуралистическим, но тогда на него следует лишь причинное объяснение. Философский же вопрос носит категориальный характер: как произошла категория религии, искусства, общества, семьи, государства? Философское исследование объясняет сами категории, поскольку сущности, переходя в явления, остаются самими же собой, нетронутыми со стороны каких-нибудь явлений.

Так как сущность не проявляется ни в каком явлении и, следовательно, никак не может быть именуема, то предполагается абсолютный апофатизм сущности. Диалектика же требует проявления сущности через принцип иного, как чистая и только умная возможность чего бы то ни было иного, как простая потенция иного, как чистая инаковость или инобытие. Итак, апофатическая сущность имени может быть признаваема только наряду со своим инобытием – как одновременно и катафатическая сущность. Сущность и явление сливаются в неделимую единичность, в которой невозможно различить ни сущности, ни явления – «символ». Символ не указывает на какую-то действительность, он есть сама эта действительность. Символ есть сразу и сущность, и явление; и вещь, и имя.

Имя вещи есть самостоятельный, не сводимый ни на сущность-в-себе, ни на явление-в-себе, символ, который наполнен личностным содержанием. Миф неразрывно связан с личностным бытием. Миф есть бытие, субстанцией которого является личность, ее судьба и история. Таким образом, имя есть мифический символ. При этом имя не есть просто выражение, но оно есть особенным образом выраженное выражение, выражение выражения – магически-мифический символ. Имя есть символ личностный и энергийный, или – энергийно-личностный символ.

Физически имя есть движение в живом организме человека, вызванное к бытию его сознательной волей. Затем оно воплощается в окружающем «инобытии», в воздушной среде планомерно расходящимися волнами. Параллельно артикуляции возникает соответствующий ряд структурных образований в воздухе, которые невидимо разносятся по большому расстоянию и производят действие соответственно тому, какое «инобытие» их воспринимает. Этот процесс – своего рода образ и парадигма всех онтологических процессов: «Воздушный организмик имени и его умно-органическая природа представляют собою полную параллель» [14, с. 879].

Знать имя вещи – значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удалятся от нее, знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью. Ибо имя и есть сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим.

Параллель между физическим действием имени и его умно-органической природой позволяет перейти к выводам, которые А.Ф. Лосев осторожно называл «получением философско-диалектических результатов на эту тему из истории религиозного сознания». Именно эти «результаты» образуют общую концептуальную модель философии культуры, позволяющую вписать в нее многие темы и проблемы, актуальные как для русской философии XIX – начала XX веков, так и для философии культуры и философии истории в целом. Концепция стимулировалась из двух источников: Гегель и Шпенглер. «И эти две концепции…, – отмечал А.Ф. Лосев, – никогда не смогут заменить одна другую и сделать одна другую ненужной. Их надо соединить» [15, с. 64]. Имя вместо гегелевских понятий и шпенглеровских «переживаний», раскрытое в перспективе символического реализма – основы культур философского синтеза. Кроме того, важный аспект расхождения А.Ф. Лосева со Шпенглером заключался в том, что последний растворил христианство в арабской и новоевропейской культуре и не обращал внимание на «средние века» как на культурно-исторический тип, что придает всей концепции привкус мистификации. Но и гегелевская историософия с «хитростью разума», который становится «мировым духом», моментами и ступенями развития которого являются «духи отдельных народов» и индивиды, поскольку они включены в процесс всемирной истории.

Для В. Гумбольдта культура, с одной стороны, есть объективная совокупность всех человеческих творений, с другой – сам процесс созидания, этих творений как реализация смысла человеческой жизни. Культура – это процесс гуманизации человеческого, процесс создания пропорционального единства человеческих сил в противоположность фрагментарному характеру естественного бытия. Для А.Ф. Лосева социальное бытие предстает как символическое бытие, потому и история человечества есть следствие общехристианского принципа личности: там, где этого принципа нет в его полном виде, или там, где он искажен, нет никакого исторического становления, либо историзм принимает редуцированный вид, в котором субъектом исторического становления оказывается не личность в ее органичной целостности, но внешнее к ней материальное бытие. В историческом бытии символичности сливаются два плана самоутверждения личности: в вечности и во времени. Такое усилие личности предстает как символическое единство – миф. Научная картина мира для него лишь еще одна мифология, причем не самая вдохновляющая. «Мир без конца и предела, без формы и охвата; мир, нигде не кончающийся и пребывающий в абсолютной тьме межзвездных пространств» [13, с. 773]. В этом мире отсутствуют сознание и душа, в нем все смертно и ничтожно.

Способ данности реального символа определяет характер социальной жизни. Социальная жизнь, понимаемая как материальная стихия символа, есть Восток. В нем идея дана скрыто и отвлеченно, и ярче всего дано тело. Потому восточное искусство по преимуществу архитектурно, его идеи загадочны (Сфинкс, обелиск,

пирамида), его религия – нигилистична (Нирвана), его государство – монархическая деспотия, его экономика построена на рабовладении.

Социальная жизнь, понимаемая как символическая стихия символа, есть античная Греция. Тут идея выявлена до степени полного отождествления с телом. Потому греческое искусство по преимуществу скульптурно, греческие идеи суть живые человекообразные боги, религия – художественна, политико-экономическая жизнь – демократична на фоне рабовладельческой стихии.

Социальная жизнь, данная как идеальная стихия символа, есть средневековая культура. Она – духовно-личностная и потому музыкально-живописно-словесная. Абстрактных «идей» тут не существует; они живые личности святых. Искусство – церковно. Политико-экономическая жизнь основана на принципе личности, т.е. опирается на частноправовые отношения. Отсюда – такая система как феодализм. Католицизм же есть прежде всего христианский аристотелизм – своего рода скульптурный платонизм, формализирующий идею и доводящий материю до полного окаменения.

Богословские споры средневековья, особенно противостояние паламитов и варлаамитов, стали той развилкой исторического процесса формирования конфессиональных культурных моделей христианского мира. Не столько научная революция от Коперника до Ньютона, сколько противостояние, касающееся имяславия, становится одним из важнейших истоков феномена европейской культуры. Возрождение, а в дальнейшем и весь протестантизм, представляют собой реализацию проекта синтеза языческого платонизма и христианского персонализма, породившего при определенных условиях картезианство, окказионализм, кантианство, позитивизм и так далее. Для паламитов самостоятельным бытием является неизреченная божественная сущность, являющаяся и выражающая себя в световых энергиях, в слове, в благодати, в именах; для варлаамитов же Бог превращается в абстрактное понятие, поскольку остается неявленным, а фактически самостоятельным является тварный мир, а в перспективе – безбожный мир, объясняемый натуралистической наукой и чисто логическим оперированием, при вытеснении всего остального культурного наследия в сферу компетенции романтизма.

А.Ф. Лосев был мыслителем православным, христианство для него – теория духовно-личностной индивидуальности, тогда как католичество и протестантизм рассматривались им как попытки синтеза язычества и христианства, где язычество, представленное прежде всего платонизмом, мыслится как способ синтезирования идеи и вещи. Философия культуры – это проект понимания христианского мира в его конфессиональной дифференциации, с осознанием заложенного в православии понимания социального бытия в отличие от его католической и протестантской версий, которые в открытой или завуалированной форме привели к формированию господствовавших концепций истории и культуры.

Лингвистический поворот в русской философии прошел под существенным влиянием идей В. Гумбольдта как в области философии языка, так и в сфере философии культуры. Его отличительной особенностью стало возрождение реалистической программы посредством онтологической интерпретации языка как деятельности (Energeia) в контексте византийского богословского энергетизма. Философия имени стала частью проекта символического реализма и основанной на нем концепции культурно-исторического процесса. Общий контур этой концепции был представлен А.Ф. Лосевым, и его значение может рассматриваться в двух аспектах.

Во-первых, это жизнеспособная альтернатива и одновременно синтез, а значит и преодоление, гегелевского историософского панлогизма и шпенглеровского иррационализма. Во-вторых, это очевидный вклад в самоопределение русской философии. А эта проблема до сих пор сохраняет свою актуальность и злободневность. Русская философия уже с начала XIX века колеблется между западниками и славянофилами, между Кантом и Платоном, наукой и мифом, симпатиями В.С. Соловьева к католицизму, а Леонтьева к византинизму, между материализмом и идеализмом, между признанием своей вторичности и утверждением абсолютной самобытности. Время от времени каждый из этих полюсов концентрируется в идеологию, претендующую на мобилизацию масс в направлении реализации той или иной социальной программы.

Заслуга А.Ф. Лосева заключается не в том, что он какую-то из этих позиций сделал неприступной силой своего философского ума и гигантской, практически недостижимой для его современников, эрудицией. Дифференциация осуществляется в рамках некоторой более общей позиции, дающей возможность увидеть данные процессы в целостности. Для Витгенштейна и Карнапа обращение к проблеме языка стало средством отрицания философии в пользу позитивного знания. Хайдеггер, подчеркивая близость философии к поэзии, тем самым подрывал философию в ее классическом понимании. А.Ф. Лосев как историк философии создает не ретропроекцию от текущего понимания науки, а восстанавливает классическую традицию. Философия имени – это форма восстановления философии в ее диалоге с наукой. Философская традиция оказалась не однородной, в ней обнаружились развилки, разделяющие ее прежде единое русло на несколько рукавов. Эти развилки выявляют суть конфессиональных различий в христианстве. Западнохристианская философская мысль и культурные практики существенно определяются спецификой соответствующего символизма, нашедшего свое проявление в католицизме и протестантизме. Восточнохристианская мысль существенно зависит от византийского наследия и соответствующего символизма, открывающего перспективу самоопределения русской философии.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, – 1984. – 397 с.
2. Кильен Ж. Культура (Bildung) и разум у В. фон Гумбольдта // Разум и культура. – М.: Изд-во Моск. Ун-та. – 1983. – 168 с.
3. Потебня А.А. Характер мифического мышления // Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Издательство «Правда», – 1989. – 623 с.
4. Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера» // Историко-философский ежегодник *89. – М.: «Наука», – 1989. – С. 246–251.
5. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 2. У водоразделов мысли. – М.: «Правда». 1990. – 447 с.
6. Оболевич Тереза. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование / Пер. с польск. Е. Твердисловой. – М.: Издательство ББИ, – 2014. – 443 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Академический проект, 2011. – 271 с.

8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс. – 1986. – 451 с.
9. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Лекции о метафизике / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. – М.: Языки славянских культур. – 2010. – 160 с.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. – 464 с.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. – М.: Республика. – 1993. – 447 с.
12. Хайдеггер М. Истина и искусство // Работы и размышления разных лет. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. – 464 с.
13. Лосев А.Ф. Философия имени. // Бытие. Имя. Космос. – М.: «Мысль», –1993. – 958 с.
14. Лосев А.Ф. Вещь и имя. // Бытие. Имя. Космос. – М.: «Мысль», 1993. – 958 с.
15. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: «Мысль», – 1993. – 959 с.

A LINGUISTIC TURN IN RUSSIAN PHILOSOPHY: NAME, SYMBOL, CULTURE

Belsky V.Yu., Zolkin A.L.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article analyzes the process of reception and interpretation of W. Humboldt's views on the relationship between language and culture in Russian and Western European philosophy. The main focus is on philosophy named after A.F. Losev in connection with the development of his project philosophy of history and culture. This teaching, presented in a series of publications by the scientist in the 20s – 30s of the XX century, is considered in the context of the "linguistic turn" of W. Humboldt, which also had a definite impact on the formation of the views of E. Cassirer and M. Heidegger. The main attention is paid to the comparative analysis of E. Cassirer's concept of culture, based on the principles of symbolic idealism, and A.F. Losev's symbolic realism. It is proved that the cultural and philosophical project of A.F. Losev is important for the self-determination of Russian philosophy as such in its relation to the Western European philosophical tradition.

Keywords: philosophy, name, language, symbol, symbolic realism, symbolic idealism, linguistic turn, mythology, dialectic, phenomenology, neo-Kantianism.

References

1. Humboldt V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind // Humboldt V. Selected works on linguistics. – Moscow: Progress, 1984. – 397 p.
2. Kielen J. Culture (Bildung) and reason in V. von Humboldt // Reason and culture. – – Moscow: Publishing House of Moscow. Un-ta. – 1983. – 168 p.
3. Potebnya A.A. The nature of mythical thinking // Potebnya A.A. Slovo i myth. – Moscow: Pravda Publishing House, 1989. 623 p.
4. Sokuler Z.A. On the publication of the translation of Wittgenstein's notes on the Golden Bough by J. Fraser // Historical and Philosophical Yearbook *89. – Moscow: Nauka, 1989. – pp. 246–251.
5. Florensky P.A. Essays. Vol. 2. At the watersheds of Thought."-Really." 1990. – 447 p.
6. Tereza Obolevich. From name-worship to aesthetics. The concept of the symbol by Alexey Losev. Historical and philosophical research / Translated from Polish by E. Tverdislova. – Moscow: BBI Publishing House, 2014. – 443 p.
7. Kassirer E. Philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language / Translated from German by S.A. Romashko. – M.: Academic project, 2011. – 271 p.
8. Heidegger M. What is metaphysics? //The New technocratic wave in the West. – Moscow: Progress, 1986. – 451 p.
9. Heidegger M. What is metaphysics? // Heidegger M. Lectures on metaphysics / Translated from German. and a comment by S. Zhigalkin. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. – 160 p.
10. Heidegger M. The source of artistic creation // Works and reflections from different years. – Moscow: Gnosis Publishing House, 1993. – 464 p.
11. Heidegger M. A letter on humanism // Time and being. – M.: Republic. – 1993. – 447 p.
12. Heidegger M. Truth and art // Works and reflections of different years. – M.: Gnosis Publishing House, 1993. – 464 p.
13. Losev A.F. Philosophy of the name. // Genesis. Name. Kosmos. – Moscow: Mysl, 1993. – 958 p.
14. Losev A.F. Thing and name. // Genesis. Name. Kosmos. – Moscow: Mysl, 1993. – 958 p.
15. Losev A.F. Essays on ancient symbolism and mythology. – Moscow: Mysl, 1993. – 959 p.

Контуры бюрократического будущего: социально-философский анализ

Васюков Ростислав Викторович,
к.ф.н., доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли Российского государственного социального университета
E-mail: rostislawww@mail.ru

Статья представляет собой социально-философский анализ бюрократии как важнейшего института современности. На основе теоретического наследия М. Вебера, К. Маркса, А. Бергсона и современных концепций (Бен Чхоль Хан, Н. Срничек, М. Кастельс) автор исследует противоречие между институциональным гомеостазом и спонтанностью социальных практик. Бюрократия, с одной стороны, структурирует общество через рационализацию и стандартизацию, превращая живую энергию действий в «инертную материю» правил. С другой стороны, провоцирует сопротивление через неформальные практики.
Особое внимание уделено эволюции бюрократии в цифровую эпоху: алгоритмизации труда (гиг-экономика), «позитивному насилию» (системы социального кредита), а также её способности имитировать изменения.

Ключевые слова: бюрократия, институциональный гомеостаз, ризома, адаптивное управление, алгоритмизация, позитивное насилие, платформенный капитализм, текучая современность.

Введение

Современные общества существуют в условиях непрерывного конфликта между институциональной стабильностью, статикой и спонтанностью социальной жизни, ее интенсивной динамикой, внутренним движением. Социальная действительность, с одной стороны, объективирована системой институтов, норм и административных практик, с другой стороны, текуча, изменчива, соткана из множества свободных актов индивидуального выбора.

Социальным структурам, как кажется, вполне успешно удается использовать энергию социальной жизни для своего подкрепления и воспроизводства. «Железная клетка» рационализации (нем. stahlhartes gehäuse по Максу Веберу) [5, с. 206–207] уверенно справляется со всеми стихийными колебаниями, формирует устойчивый порядок, о который разбиваются самые сильные социальные бури и волны, посягающие на этот порядок. Уже у Вебера власть рационального порядка – бюрократия – выступает и как социальный скелет, придающий обществу устойчивость, и, вместе с этим некий трансформирующий элемент, преобразующий живую, творческую энергию индивидуального и коллективного действия в инертные формы институциональной материи.

Бюрократические структуры словно подпитываются энергией социальной жизни для самовоспроизводства. Система образования, например, стремится интегрировать молодежный сленг и модные веяния в педагогические методики, превращая культурный бунт в инструмент социализации. Корпорации мастерски превращают стихийные тренды – от челленджей в соцсетях до флешмобов – в маркетинговые стратегии, преобразуя культурную энтропию в символический капитал и порядок.

Общественные системы по своей природе стремятся к изменению [17, p. 32], но здесь возникает парадокс: динамичная суть всякой жизни (в том числе социальной) сталкивается с требованием институционального гомеостаза. Согласно Бергсону, жизнь есть непрерывное творчество, свободный порыв, который творит формы, чтобы тут же их превзойти [3, с. 145]. Классическая бюрократия, упорядочивая действия людей, институализируя их, стремится к стабильности и единообразию, игнорируя эту естественную изменчивость жизни.

В социально-антропологическом плане это выражено определенной амбивалентностью конформизма и нонконформизма. Люди, с одной стороны, склонны соблюдать бюрократические правила, с другой стороны, скрыто или явно оказываются готовы и к их нарушению. Психологические исследования показывают, что людям свойственно бунтовать против навязанных структур, ограничивающих их свободу, стремиться к определенной степени автономии, находить некоторые лазейки даже в самых жестких и детерминированных сценариях [16].

Так, в госучреждениях сотрудники часто придумывают обходные пути, чтобы решать задачи вопреки бюрократическим барьерам. Стивен Тиммонс в статье «Nurses resisting information technology» [23] описывает как в британских больницах медсёстры, сталкиваясь с многочасовыми процедурами согласования лекарств, создавали неформальные сети обмена лекарствами между отделениями. Подобная «теневая логистика» спасала

жизни, но существовала вопреки официальным протоколам.

Живая практика зачастую оказывается враждебной формальным ограничениям. Бюрократия, подгоняя реальность под «прокрустово ложе» своих стандартов, невольно провоцирует индивидуальные и коллективные бунты, возникновение новых форм и способов приспособления к ситуации. Эти восстания и приспособления, накапливаясь, способны глобально менять даже самые устойчивые институты, подтверждая тезис Бергсона о том, что жизнь всегда стремится выходить за рамки существующих форм.

Репрессивные свойства бюрократии

Социальные институты закрепляют «удачные» модели поведения в руководящие правила, устанавливают порядок, что делает жизнь предсказуемой и снижает издержки [11, с. 15–16]. Но у этого есть цена: порядок превращается в бездушный конвейер, где не оказывается места новому. Единые стандарты облегчают управление, но убивают творчество.

Когда успешные практики становятся шаблонами, бюрократизируются, происходит три сопутствующие этому вещи.

- ***Сокращается разнообразие подходов*** (не вписывающееся в шаблон отвергается).
- ***Творчество подменяется алгоритмами.***
- ***Алгоритм превращается в принудительную инструкцию*** [22].

Однако жизнь сопротивляется унификации и бюрократизации: люди непрерывно находят пути и способы обойти новые правила и требования. Преподаватели и работники системы образования находят фиктивные, малозатратные способы выполнения абсурдных требований и распоряжений, медицина изобилует множеством примеров преодоления формальных ограничений. Обходятся даже самые современные, гибкие системы контроля сотрудников различных сфер.

Бюрократия, подобно мифологическому Протею, меняет формы и облики. Она считывает скрытое несогласие, неподчинение, запрос на изменение и в ответ, создаёт иллюзию изменений – переименовывает отделы, запускает «ребрендинг», реорганизацию, косметические меры, которые не приводят к изменению прежней ее сути.

Эта игра в «кошки-мышки» как кажется непрерывна. Как заметил философ Мишель де Серто, власть производит не только дисциплину, но и способы её обхода. «… Давно изучена та двойственность, которая подтачивала изнутри «успех» испанских колонизаторов, завоевавших индейские народности: эти индейцы, подчиненные и даже изъявляющие согласие, делали из ритуальных действий, репрезентаций и законов, которые им навязывались, нечто иное, нежели то, что изначально рассчитывали получить завоеватели. Ничего не отвергая и не меняя, индейцы подрывали все это изнутри самим способом использования, связанным с целями и референциями, чуждыми той системе, от которой они не могли ускользнуть. Они были другими, даже находясь внутри колонизации, которая «ассимилировала» их внешним образом; использование ими господствующего порядка осуществлялось в обход власти, которую у них не было средств отвергнуть: они уклонялись от нее, оставаясь внутри сферы ее действия.» [6, с. 41–42].

«Мягкая сила» бюрократии

Современная бюрократия, адаптируясь к новым условиям, становится деликатнее и изощрённее. Она учится имитировать изменения, используя технологии и методы «мягкого контроля», пытается сделать своё влияние менее заметным, но более глубоким. Её требования уже не давят на индивидов грубо извне, вызывая возмущение, а стремятся плавно встроиться в их сознание, став частью их собственных убеждений. В Китае система социального кредита превращает соблюдение правил в аналог игры с элементами RPG – граждане добровольно корректируют поведение, чтобы повысить рейтинг, получая бонусы вроде приоритетной записи к врачу. Это уже не грубое давление, а то, что философ Бен Чхоль Хан назвал «позитивным насилием» – подчинение через соблазн удобства и социального одобрения [20]. Согласно ему, власть сегодня действует не через запреты и подавление, а через соблазнительные стратегии саморазвития. Она становится позитивным насилием, заставляющим человека подчиняться добровольно – через обещания успешности, признания и счастья.

Даже протесты против системы становятся её инструментом: когда те или иные активисты требуют реформ, их требования мгновенно канализируются в форматы петиций и онлайн-голосований, превращая бунт в сырьё для бюрократических процедур. Современные интернет-платформы позволяют конвертировать всякого рода активизм в клики – подписи, лайки, репосты. Это создаёт иллюзию участия, но выхолащивает политическую энергию, превращая её в данные для манипуляций [8].

Будет ли спасением избавление от бюрократии? Очевидно, отсутствие бюрократии теперь оказывается не менее опасным и губительным, чем ее избыточное наличие. Внезапное исчезновение бюрократической опеки может стать постпатерналистской ловушкой: люди, привыкшие к удобству бюрократии, могут оказаться беспомощными перед необходимостью самостоятельных решений.

Случаи исчезновения бюрократического каркаса обнажают то, что современный человек, подобно лабораторной мыши, разучился жить вне лабиринта. Внезапная отмена плана, расписания, порядка и контроля дезориентирует. Примечательно в этом смысле исследование Барри Шварца о непереносимости свободы. Свобода в условиях отсутствия интернального локуса контроля оказывается тяжелым бременем [14]. О чем задолго до Шварца писали еще экзистенциалисты.

Таким образом, бюрократия, выступает оплотом социальной стабильности. Ее дефицит может привести к непредсказуемым последствиям, а избыток – к институциональному окостенению и стагнации. Бюрократия, материализует структуру, костяк общественного организма, но как будто замедляет его жизненный метаболизм.

Современная бюрократия в свете теорий Маркса и Вебера

Макс Вебер, стоявший у истоков бюрократической теории, уже предупреждал о возможных рисках. Его концепция рациональности как stahlhartes gehäuse «железной клетки» описывает и возможность наступления определенных негативных последствий [5].

Переход от традиций (ремесло, обычаи) к стандартам (фабрики, законы) повышает эффективность, но чреват душевным опустошением для общества. Рационализация вытесняет ценностно-рациональное действие (ориентированное на идеалы) в пользу целерационального (расчёт эффективности). Результатом чего становится «Расколдовывание мира» (Entzauberung der Welt) – утрата магического, духовного измерения жизни.

Социолог Энтони Гидденс отмечал, что бюрократия, созданная как инструмент рационального управления, превращается в свою противоположность – структуру, где правила становятся самоцелью, а человеческая деятельность теряет связь с реальными потребностями. Возникает своего рода иррациональность рационального [18].

Пьер Бурдье отмечал, что бюрократии, свойственно культивировать «веру в институт», маскируя дисфункции и недостатки ритуалами легитимности, опорой на формальную отчетность и документацию и т.п. [4]. Бюрократия – это не просто конкретная структура, но и та незримая воля, которая оказывается за структурой.

Одним из самых ранних обличителей и критиков бюрократии выступал Карл Маркс. Он рассматривал бюрократию как форму скрытого подавления, которая отделяет людей от результатов их труда и ограничивает творческую свободу. По его мнению, это не нейтральный инструмент управления, а механизм власти, помогающий одним социальным группам доминировать над другими. Бюрократия, по Марксу, создаёт иллюзию важности правил, заставляя людей воспринимать бессмысленные процедуры как нечто естественное. «Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи – в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Её иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всём, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во всём, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» [10, с. 271].

Бюрократия не ограничивается, как часто представляется, государственным сектором. Ее ареал много шире.

Как отмечает Ник Срничек, относящиеся к рыночному сектору платформы становятся новыми институтами власти, в которых «свобода» маскирует эксплуатацию. Гиг-экономика, несмотря на декларируемую свободу фрилансеров, создаёт систему последовательного контроля, в которой платформы (типа Uber, Deliveroo, Upwork) диктуют условия труда через автоматизированные правила [13]. Что приводит к следующим последствиям.

- ***Иллюзия свободы:*** работники формально независимы, но вынуждены подчиняться рейтингам, срокам и алгоритмам, которые заменяют традиционного «начальника».
- ***Пополнение прекариата*** (класса неустроенных людей): отсутствие соцгарантий, нестабильный доход, давление конкуренции.
- ***Отчуждение:*** алгоритмы превращают человеческую деятельность в функцию.

В частности, в некоторых службах такси, если алгоритм приложения фиксирует три отказа от заказов подряд, водитель автоматически понижается в рейтинге, теряя доступ к выгодным поездкам. Это создаёт парадокс добровольного принуждения – свобода выбора существует лишь в рамках, предписанных кодом.

Курьеры Deliveroo в Великобритании тратят до трети рабочего времени на ожидание «подходящих» заказов, которые распределяет ИИ, оптимизирующий прибыль компании, а не доход работника [25]. Подобные практики повторяют принципы научного управления Тейлора, где каждый шаг работника регламентирован, но в данной ситуации надсмотрщиком выступает не человек, а искусственный интеллект. Глобальная алгоритмизация труда воспроизводит исторические формы эксплуатации, о которых писал еще Маркс.

В целом, несмотря на значительную разницу теоретических подходов, Маркс и Вебер сходятся в одном: бюрократия стремится бесконечно воспроизводить саму себя, даже если это противоречит интересам общества. Она становится системой ради системы, а не ради людей.

От классической бюрократии к новым формам

Жиль Делез и Феликс Гваттари выделили два наиболее общих типа организации.

«Древесная» – жёсткая иерархия с чёткими принципами, где всё подчинено централизованному контролю.

«Сетевая» (ризоматическая) – гибкая система без центра, где связи постоянно меняются, а власть распределена между участниками [7].

Классическая бюрократия в этой типологии соответствует «деревесному» типу, она обеспечивает порядок и при этом стремится «одеревенеть» в этом порядке. Её идеал – увековечить всё в неизменной форме, что противоречит самой сути жизни как потока творчества и вечного поиска. Даже самые прочные и устойчивые организации оказываются вынужденными отказаться от жёсткой иерархии. Например, японская корпорация Toyota до 2000-х годов славившаяся своей концепцией Just-in-Time «Точно в срок» – системой организации производства, при которой во время производственного процесса необходимые для сборки детали оказываются на производственной линии точно в тот момент, когда это нужно, и в строго необходимом количестве. Однако после цунами 2011 года, когда стихия разрушила цепочки поставок компании, и заводы встали из-за отсутствия инструкций на форс-мажор, Toyota начала более активно внедрять элементы децентрализованного управления [24].

Данный пример демонстрирует превосходство сетевой, ризоматической модели, которая допускает эксперименты, разнообразие подходов и стихийное развитие, как это часто происходит в сообществах волонтёров или различных стартапах [21]. Сетевая модель процветает там, где нужна приспосабливаемость.

Актуальность сетевой парадигмы отмечает социолог Мануэль Кастельс, «Похоже, что морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий. Эта топологическая конфигурация – сеть – может быть теперь благодаря новым информационным технологиям материально обеспечена во всех видах процессов и организаций… Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть» [9, с. 79].

Жёсткие системы не вечны, ни одна система не может оставаться неизменной. Например, кризис Евросоюза – миграционные волны, пандемия – показали, что жёсткие нормы не работают в чрезвычайных условиях. Это заставило ЕС несколько отойти от принципа единогласия, перейдя к гибким решениям. В период COVID-19 жёсткие инструкции не справлялись с быстро меняющейся ситуацией и нарушение бюрократических норм зачастую становилось способом спасения жизней.

Классическая бюрократия стремится предстать «идеальной моделью». Но опыт показывает, что закостеневшие правила провоцирует кризисы. Всякая «идеальная модель» игнорирует процессуальную природу социаль-

ных феноменов. Как отмечал Шумпетер, каждый институт, даже достигший пика эффективности, несёт в себе уже и элемент устаревания, требующий непрерывного пересмотра своих оснований [15, с. 132].

Современные бюрократические системы меняются, не теряя способности функционировать. Происходит переосмысление роли бюрократии – ее превращение из надзирателя в сервисный механизм, который служит поддержкой, а не средством подавления. Основой подобных изменений выступают следующие принципы.

- ***Принятие ограниченной рациональности.*** В 1947 году Герберт Саймон настаивал на том, что «полная рациональность» – миф. Решения всегда принимаются в условиях нехватки данных, времени и ресурсов [12]. Новые подходы принятия решений отвергают иллюзию тотального контроля, заменяя её принципом разумной достаточности.
- ***Институционализация самообновления.*** Социолог Ульрих Бек в 1986 году предлагал институционализацию механизмов рефлексивной модернизации, иными словами необходимость создавать системы, способные критиковать самих себя [2, с. 215]. Сегодня появляется возможность в полной мере обеспечить реализацию данного принципа.
- ***Переход от контроля к самоорганизации.*** Зачастую прежде выступая преградой для настоящих инноваций, сегодня бюрократия эволюционирует в основной их двигатель. Новые формы бюрократии стремятся сохранить собственную целостность, не подавляя при этом подконтрольную инициативу. Важнейшей задачей новой бюрократии становится обеспечение условий для самоорганизации, что требует мужества отпустить контроль над объектом управления.

Согласно Холланду, устойчивость управления достигается не тотальным контролем, а равновесием между стабильностью и гибкостью [19]. Бюрократия не авторитарный распорядитель, а посредник, который превращает хаотичную энергию социальных взаимодействий в порядок. Но этот порядок должен оставаться изменяемым, а не догматизироваться.

Бюрократия, исторически выполнявшая функцию отбора и закрепления устойчивых социальных практик, сегодня оказалась перед вызовом фундаментального преобразования. Её дальнейшее существование зависит от самой философии управления: система жестких правил должна смениться системой, ориентированной на диалог и кооперацию.

Бюрократия будущего не может оставаться механизмом с предзаданными алгоритмами. Её уместнее сравнить с живой, адаптивной сетью, которая динамично расширяется, реагируя на изменения среды. Как отмечал социолог Зигмунт Бауман, в условиях «текучей современности» выживают лишь тогда, когда учатся «течь» вместе с ней [1].

Такая трансформация предполагает пересмотр и символического статуса бюрократии. Перестав быть «скелетом» – жестким каркасом, подавляющим инициативу, – она превращается в аналог кровеносной системы: незаметную, но критически важную систему, обеспечивающую ресурсами все элементы общества.

Наконец, современные вызовы требует от бюрократии отказаться от страха «смерти» устаревших форм. Вместо сохранения нежизнеспособных структур ради иллюзии стабильности, оказывается важнее сохранить функциональность и нравственную легитимность. Как и любая живая система, бюрократия должна быть готова к отказу от моделей, потерявших связь с реальностью.

Заключение

Вопрос о судьбе бюрократии и возможности альтернативных социальных порядков затрагивает глубинные механизмы власти, свободы и человеческого сознания. Современная бюрократия может эволюционировать в систему, где алгоритмы, ИИ и автоматизированные процессы заменят человеческие решения. Например, кредитные рейтинги, цифровые идентификаторы или соцрейтинги уже сегодня становятся «черными ящиками», чья логика недоступна для понимания обывателя. Это создает риск формирования иллюзии объективности, которая маскирует скрытые властные отношения. Бюрократия под вывесками «эффективности» и «безопасности», предстает в качестве необходимой и нейтральной, хотя на самом деле это оказывается не так. Власть бюрократических институтов растворяется, становясь частью человеческой повседневности. Люди перестают видеть в ней принуждение, воспринимая установленные правила как норму.

Если бюрократия воспроизводится через обман (например, лоббирование интересов элит под видом законов), она превращается в самоподдерживающуюся систему. Люди, зависящие от нее (чиновники, корпорации), становятся ее защитниками, даже если она подавляет свободу.

В своих худших образцах бюрократия порождает абсурд, который становится привычным для людей. Например, бесконечные справки, очереди, ограничения – всё это становится частью установленного порядка, и попытки его преодоления кажутся бесперспективными. Бюрократия зачастую предлагает стабильность ценой свободы. В условиях кризисов (экологических, экономических) люди готовы мириться с её контролем, опасаясь анархии, что создает порочный круг: чем больше кризисов, тем сильнее бюрократия и чем сильнее бюрократия, тем сложнее найти новое решение, полноценный выход из ситуации.

Таким образом, как показано, судьба бюрократии зависит от трёх основных составляющих.

- Технологий, которые могут стать инструментом, как освобождения, так и контроля.
- Культуры, которая должна оставаться для общества живым источником рефлексии, но в условиях современности рискует перестать быть таковой.
- Политической воли, которая связана со стремлением создавать альтернативы текущим формам бюрократии.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. С.А. Комарова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой, Н. Булгаковой. – Москва: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. – 384 с.
4. Бурдье П. Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – Москва: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.И. Левиной. – Москва: Изд-во «Европа», 2010. – 656 с.
6. Де Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать / Пер. с франц. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

7. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я.И. Свирского. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
8. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – С. 271.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
12. Саймон Г., Марш Дж. Административное поведение. – М.: Мир, 1974.
13. Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
14. Шварц Б. Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше» / Пер. с англ. – М.: Добрая книга, 2005. – 288 с.
15. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
16. Ялом И. Дар психотерапии: открытое письмо новому поколению терапевтов и их пацитам / Пер. с англ. А. Богдановой. – Москва: Эксмо, 2021. – 352 с.
17. Byrne D. Complexity Theory and the Social Sciences: An Introduction. – London: Routledge, 1998. – 192 p.
18. Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 261 p.
19. Holland J.H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. – New York: Basic Books, 1995.
20. Jeffries S. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power by Byung-Chul Han – review [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2017. – 30 декабря. – URL: https://www.theguardian.com/books/2017/dec/30/psychopolitics-neoliberalism-new-technologies-byung-chul-han-review (дата обращения: 10.02.2025).
21. Levy S. Ilkka Paananen on His 'Anti-CEO' Style and Leading Through 'Radical Transparency' [Электронный ресурс] // Wired. – 2023. – 1 февр. – URL: https://www.wired.com/story/ilkka-paananen-interview/ (дата обращения: 27.10.2024).
22. Singh H., Meyer A.N.D., Thomas E.J. The Frequency of Diagnostic Errors in Outpatient Care: Estimations from Three Large Observational Studies Involving U.S. Adult Populations // JAMA. – 2022. – Vol. 328, № 7. – P. 585–595. – DOI: 10.1136/bmjqs-2013-002627.
23. Timmons S. Nurses resisting information technology // Nursing Inquiry. – 2003. – Vol. 10, № 4. – P. 257–269.
24. Toyota Recovery: Earthquake Fast [Электронный ресурс] // Tundra Headquarters. – 2023. – 27 окт. – URL: https://tundraheadquarters.com/toyota-recovery-earthquake-fast/ (дата обращения: 27.10.2024).
25. Woodcock J., Graham M. Platforms, Precarity, and Politics: A Dialogue on Regulation and Resistance in the Gig Economy [Электронный ресурс] // Work, Employment and Society. – 2020. – Vol. 34, № 3. – P. 500–510. – DOI: 10.1177/0950017020913409. – URL: https://oro.open.ac.uk/76153/7/20–3Woodcock.pdf.

CONTOURS OF THE BUREAUCRATIC FUTURE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Vasyukov R.V.
Russian State Social University

The article presents a socio-philosophical analysis of bureaucracy as a pivotal institution of modernity. Drawing on the theoretical legacy of Max Weber, Karl Marx, Henri Bergson, and contemporary concepts (Byung-Chul Han, Nick Srnicek, Manuel Castells), the author explores the contradiction between institutional homeostasis and the spontaneity of social practices. Bureaucracy, on one hand, structures society through rationalization and standardization, transforming the living energy of actions into the "inert matter" of rules. On the other hand, it provokes resistance through informal practices. Special attention is given to the evolution of bureaucracy in the digital age: the algorithmization of labor (gig economy), "positive violence" (social credit systems), and its capacity to mimic change.

Keywords: bureaucracy, institutional homeostasis, rhizome, adaptive management, algorithmization, positive violence, platform capitalism, liquid modernity.

References

1. Bauman, Z. (2008). Liquid Modernity (S.A. Komarov, Trans.). St. Petersburg: Piter. (Original work published 2000). 240 p.
2. Beck, U. (2000). Risk Society: Towards a New Modernity (V. Sedelnik & N. Fedorova, Trans.). Moscow: Progress-Tradition. 384 p.
3. Bergson, H. (1998). Creative Evolution (V. Flerova & N. Bulgakova, Trans.). Moscow: Kanon-Press; Kuchkovo Pole. (Original work published 1907). 384 p.
4. Bourdieu, P. (1994). In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology (N.A. Shmatko, Trans.). Moscow: Socio-Logos. 288 p.
5. Weber, M. (2010). The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism (M.I. Levina, Trans.). Moscow: Europe Publishing House. (Original work published 1905). 656 p.
6. de Certeau, M. (2013). The Practice of Everyday Life (D. Kalugin & N. Movnina, Trans.). St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (Original work published 1980). 330 p.
7. Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia (Ya.I. Svirsky, Trans.). Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel. 895 p.
8. Zuboff, S. (2022). The Age of Surveillance Capitalism (A.F. Vasiliev, Trans.; Ya. Okhonko & A. Smirnov, Eds.). Moscow: Gaidar Institute Press. 784 p.
9. Castells, M. (2000). The Information Age: Economy, Society, and Culture (O.I. Shkaratan, Ed.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 608 p.
10. Marx, K. (1955). A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right. In Marx & Engels Collected Works (2nd ed., Vol. 1, p. 271). Moscow: State Publishing House of Political Literature.
11. North, D. (1997). Institutions, Institutional Change, and Economic Performance (A.N. Nesterenko, Trans.). Moscow: Foundation for Economic Education "Nachala". 180 p.
12. Simon, H. A., & March, J. G. (1974). Administrative Behavior. Moscow: Mir.
13. Srnicek, N. (2019). Platform Capitalism. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
14. Schwartz, B. (2005). The Paradox of Choice: Why More Is Less (Trans. from English). Moscow: Dobraya Kniga. 288 p.
15. Schumpeter, J. (1995). Capitalism, Socialism, and Democracy (V.S. Avtonomov, Ed.). Moscow: Ekonomika. 540 p.
16. Yalom, I. (2021). The Gift of Therapy: An Open Letter to a New Generation of Therapists and Their Patients (A. Bogdanova, Trans.). Moscow: Eksmo. 352 p.
17. Byrne, D. (1998). Complexity Theory and the Social Sciences: An Introduction. London: Routledge. 192 p.
18. Giddens, A. (1971). Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber. Cambridge: Cambridge University Press. 261 p.

19. Holland, J. H. (1995). Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. New York: Basic Books.
20. Jeffries, S. (2017, December 30). Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power by Byung-Chul Han – review. The Guardian. Retrieved February 10, 2025, from https://www.theguardian.com/books/2017/dec/30/psychopolitics-neoliberalism-new-technologies-byung-chul-han-review
21. Levy, S. (2023, February 1). Ilkka Paananen on His 'Anti-CEO' Style and Leading Through 'Radical Transparency'. Wired. Retrieved October 27, 2024, from https://www.wired.com/story/ilkka-paananen-interview/
22. Singh, H., Meyer, A. N. D., & Thomas, E. J. (2022). The Frequency of Diagnostic Errors in Outpatient Care: Estimations from Three Large Observational Studies Involving U.S. Adult Populations. JAMA, 328(7), 585–595. https://doi.org/10.1136/bmjqs-2013–002627
23. Timmons, S. (2003). Nurses Resisting Information Technology. Nursing Inquiry, 10(4), 257–269.
24. Toyota Recovery: Earthquake Fast (2023, October 27). Tundra Headquarters. Retrieved October 27, 2024, from https://tundra-headquarters.com/toyota-recovery-earthquake-fast/
25. Woodcock, J., & Graham, M. (2020). Platforms, Precarity, and Politics: A Dialogue on Regulation and Resistance in the Gig Economy. Work, Employment and Society, 34(3), 500–510. https://doi.org/10.1177/0950017020913409

Сущностные характеристики института старчества: социально-философский анализ

Денисов Андрей Анатольевич,
аспирант, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: andrey-pustinnik@yandex.ru

В статье рассматривается феномен старчества, возникший в рамках православной традиции. Автор анализирует историографию старчества, сложившуюся в отечественных богословских и научных исследованиях, в которых старчество раскрывается, по преимуществу, как исключительно религиозный институт. Основной целью работы является исследование православного старчества как социально-антропологического феномена и определение на основе социально-философского анализа его сущностных характеристик, в том числе специфики присущих ему социальных связей и взаимодействий, которые могли бы раскрыть старчество как целостный феномен, имеющий не только религиозный смысл, но и важное социальное значение. В результате проведённого исследования предлагается определение старчества, в котором отмечаются такие сущностные его черты как неформальность, внеиерархичность, внесословность, диалогичность, харизматичность, персонализм и др.

Ключевые слова: старчество, православие, диалог, персонализм, социальное трансцендирование, социально-философский анализ, неформальный церковный институт.

Понятие старчества в отечественных богословских и научных исследованиях

Феномен православного старчества существует с периода возникновения монашества, но его осмысление в отечественной гуманитарной мысли стало формироваться только со второй половины XIX века, когда мир традиции уже начал разрушаться в результате общественной модернизации. В этот период в различных слоях российского общества проснулся интерес к старчеству, в котором, несмотря на его древнее происхождение, стали искать ответы на актуальные, индивидуальные и общественные проблемы, возникшие в мире, находившемся в процессе активной секуляризации. Одними из первых к изучению старчества обратились русские писатели (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков), которые предприняли попытку художественного его осмысления [18].

На теоретическом уровне старчество рассматривали известные дореволюционные богословы (проф. В.И. Экземплярский, проф. С.И. Смирнов, прот. А. Соловьёв, митр. Трифон (Туркестанов), которые предложили первые варианты его определения. В их работах отмечалось, что старчество представляет «особый вид монашеского устроения» [14, с. 28]. [Соловьёв] и «первобытную форму института духовного отца» [13, с. 23]. Большим достижением дореволюционных исследований было выявление внеиерархического и внесословного характера старчества. Но в целом в этот период изучение старчества носило по преимуществу описательный характер, так как акцент был сделан не на выявлении сущности феномена, а на его описании на эмпирическом уровне.

В богословии старчество до сих пор, как правило, определяется как специфическая монашеская практика. Например, современный известный богослов А.Л. Беглов считает, что «старчество – это православная аскетическая практика, заключающаяся в обращении новоначального инока к духовному руководству более опытного подвижника» [1]. В современной православной энциклопедии определение старчества несколько уточняется, но в целом остаётся в рамках тех подходов, которые сформировались ещё в дореволюционной методологии: «Старчество – вид духовного наставничества в монашестве, осуществляемого старцем или старицей по отношению к др. монахам (реже – к приходящим мирянам), которое предполагает послушание духовному наставнику, откровение ему помыслов, духовные беседы и советы, для старцев в священном сане – совершение таинства Исповеди. В широком смысле слова термин «старец» означает человека пожилого, умудрённого духовным и жизненным опытом» [15, с. 161].

В данных определениях старчество, по нашему убеждению, рассматривается, во-первых, достаточно узко, как религиозный феномен, во-вторых, исключительно функционально, то есть с точки зрения тех ролей и обязанностей, которые реализует старец и его ученики по отношению друг к другу.

Старчество в рамках богословия, как правило, изучается вне контекста общественных отношений, то есть не исследуется как социальный феномен. Почти во всех богословских работах по старчеству не ставится зада-

ча выявить социальные истоки старчества, особенности социального взаимодействия старца и ученика, влияние старчества на общество, его социальные функции.

В богословии, видимо, по умолчанию признаётся, что старчество – это исключительно мистический феномен, который не вполне доступен для рационализации в научных исследованиях. Как отмечает современный исследователь О.А. Корнецова, в богословских трудах «старчество рассматривается как «харизматическое» таинство Церкви; мистическое обоснование нравственного подвига человека…» [8, с. 6]. Но даже, если признать, что старчество имеет, прежде всего, мистическую природу, то это не означает, что невозможно изучать социальные проявления старческого служения. Ведь в рамках самого богословия признаётся, что земная Церковь является, в том числе и социальным институтом, поэтому старчество как церковный феномен, вполне может изучаться со своей социальной стороны. Но это задача уже не столько богословия, сколько социальных и философских наук.

В приведённых формулировках старчества также отсутствуют указания на специфику и характер старческого служения, исходя из этого непонятно, чем собственно этот тип духовного руководства отличается, например, от других видов духовничества, которые широко распространены в православной традиции как в среде монашества, так и в миру? В рамках компаративистского исследования также неизбежно возникает вопрос о специфике старчества по отношению к институтам духовного наставничества, которые существуют в других религиозных культурах.

Во всех этих богословских определениях также не вполне прояснена и фигура самого старца. Каковы собственно критерии, которые позволяют идентифицировать того или иного духовного руководителя как старца? В какой мере старца можно отождествить со стариком, учёным-богословом, святым, подвижником благочестия, блаженным?

В послереволюционный период в основном в эмиграции вышли несколько трудов по старчеству (монахиня Игнатия (Петровская), еп. Николай (Чуфаровский), И.М. Концевич, В.Н. Лосский), в которых предпринимались попытки выявить некоторые сущностные характеристики старческого служения, но они, по нашему мнению, не носили системного характера и не привели к формированию целостного понимания феномена старчества.

В современной России появилось множество научных работ, в том числе диссертационных исследований, в которых старчество рассматривалось как форма народного православия (Х.В. Поплавская, С.П. Коноваленко, И.В. Цуканова, А.В. Тарабукина,); как разновидность подвижничества (И.В. Рынковой, О.В. Кириченко, М.Ю. Неронова); как социокультурный феномен (Н.А. Митрохин, С.С. Хоружий, Е.В. Худякова, Н.С. Ротач, А.Н. Першикова). Например, в своей диссертации Е.В. Худякова утверждает, что старчество «является не только специфическим церковным институтом, но и культурологической практикой, объединяющей религиозную и светскую культурную традиции…» [2, с. 12]. Таким образом, в научной среде наметился постепенный отход от господствовавшего в богословии представления о старчестве как исключительно религиозном институте, который невозможно рассматривать в социальном аспекте.

В ходе проведённого исследования мы проанализировали понимание старчества, которое сложилось в дореволюционном богословии, современных работах церковных авторов и в научных диссертационных исследованиях, которые провели светские ученые. Исходя из полученных результатов, приходится констатировать, что единого понимания и общепризнанной формулировки понятия «старчество» в науке и богословии так и не сложилось.

Постановка проблемы и методология исследования

Изучение старчества традиционно строилось на эмпирических исследованиях жизни и деятельности отдельных старцев, а на теоретическом уровне, как правило, вычленялись одна или несколько черт, характерных для старческого служения в рамках православной культуры. Данный подход представляется нам недостаточным для раскрытия такого сложного и многоуровневого явления как старчество, поэтому для решения исследовательских задач требуется выход на уровень философского осмысления данного института духовного наставничества, который в предложенной работе предлагается рассматривать, в том числе и как социальный феномен.

Основной целью данного исследования является определение сущностных характеристик старчества, в том числе специфики присущих ему социальных связей и взаимодействий, которые могли бы раскрыть старчество как целостный феномен, имеющий не только религиозный смысл, но и социальное значение.

Модель социальной реальности, на которую в методологическом плане опирается наше исследование, по классификации К.С. Пигрова, называется реалистической. Согласно этой модели, «реальное общество, которое мы видим в нашем мире и которое можно изучать позитивно-социологическими методами, есть не что иное, как теофания, т.е. обнаружение высшего, трансцендентного, горнего, божественного начала в дольнем мире» [11, с. 103].

В качестве основного философского метода используется социально-философский анализ, который ориентирован на раскрытие сущности старчества, а не описание конкретно-исторических его особенностей его проявления. Социально-философский анализ, как отмечает В.П. Беркут, «предполагает выявление сложной взаимосвязи различных типов социальных коммуникаций, ценностей и жизненных смыслов» [3, с. 19], присущих изучаемому социальному объекту, в данном случае – старчеству.

В данном исследовании мы будем также опираться на герменевтический метод, предполагающий стремление понять феномен старчества как бы изнутри, из собственных оснований православного христианства. В этом отношении нашей задачей не является выяснение насколько соответствует реальности то, что постулируется в религии. Для нас важно каким видят старца в рамках самой православной традиции.

В работе используется методология феноменологии, предполагающая рассмотрение старчества как феномена, обладающего как внутренним интенциональным существованием, так и внешними социокультурными проявлениями, доступными для научного исследования.

Сущностные характеристики старчества как социально-антропологического феномена

В нашем исследовании мы предлагаем рассматривать старчество не только как религиозный феномен, но и как социальный институт. Старчество представляет собой механизм, на основе которого регулярно воспроизводятся определённые социальные отношения, которые опираются на нормы, ценности и идеалы, существующие в рам-

ках православной традиции. Старчество также является традиционной социально-антропологической практикой, направленной на духовное изменение как отдельного человека, так и общества в целом.

Характерной особенностью старчества является его слабая институализация. Несмотря на то, что православное старчество существует почти два тысячелетия, оно до сих пор строго не регламентировано и почти не имеет формальных установлений. Как отмечает А.В. Свистунов, «старчество – это неформальная церковная практика» [12, с. 136].

Вряд ли такое положение является случайным или какой-то недоработкой церковной организации. Подобная незавершенность институализации старчества отражает его сущностные характеристики, которые в полной мере не могут проявиться в рамках официального церковного института. В данном случае скорее всего мы сталкиваемся с конфликтом формы и содержания изучаемого феномена. Содержание православного старчества видимо таково, что оно может существовать только в рамках неформального церковного института. При этом, благодаря развитости своей неофициальной стороны, старчество способно выполнять в обществе специфические социальные функции, в части функцию медиации, которая реализуется как внутри Церкви, так и при разрешении общественных противоречий.

Православному старчеству присущ также определённый характер социального взаимодействия, отражающий фундаментальные социальные и антропологические ценности, на которые ориентируются старцы. Знаменитый русский богослов Владимир Лосский отмечал такую особенность старчества как ориентацию на личность человека в процессе социального взаимодействия: «Старец же всегда обращён к человеческой личности с её единственно-неповторимой судьбой, с её призванием и собственными трудностями» [10, с. 294].

Таким образом, в православном старчестве, несмотря на разный статус учителя и ученика, личность послушника не рассматривается как нечто, что должно преодолеть. Такой подход обусловлен самой доктриной православного христианства, в котором любая человеческая личность понимается как образ и подобие Божие, уникальное творение, которой придаётся высокая ценность в христианской антропологии. Исходя из этого, личность старчества в старческих практиках не должна заслонять ни личность Христа, ни личность самого ученика.

Назначение старца заключается в том, чтобы раскрыть личность ученика, а не подчинить его. Старческие практики исключают дискурс власти, монолог и различные формы программирования ученика, так как это противоречит христианскому представлению о свободе человека. Такой персонализм старчества мало коррелирует с отношениями, принятыми в современном обществе, где господствуют различные формы подчинения и манипуляции, а люди предельно отчуждены друг от друга. Как писал Ю. Хабермас, современный человек погружён в обезличенный и формальный «системный мир», а непосредственные человеческие отношения возможны лишь в мире повседневности, которые, отличаются гораздо большей эмоциональностью, но также лишены персонализма [16].

Православное старчество – это не просто сфера «жизненного мира», но и определённый тип коммуникации, который мы бы обозначили как диалог. Диалог возникает тогда, когда личности воспринимают друг друга именно в качестве личностей. Именно такая диалогическая модель коммуникации позволяет старцам устанавливать глубинные экзистенциональные отношения с учениками и осуществлять широкие социокультурные функции в обществе, в частности, функцию медиации. В старчестве, как отмечал отечественный философ С.С. Хоружий, появляется «антропологическая диада», в которой происходит не одностороннее, а взаимное влияние друг на друга: «Старцу надлежит прозревать внутренние движения послушника и воздействовать на них, управлять ими, тем самым как бы сделав внутренний мир послушника частью своего собственного» [17, с. 6]. Мартин Бубер, который наверняка даже не знал о существовании православного старчества, такого рода отношения выразил следующим образом: «Отношение есть взаимность. Моё Ты воздействует на меня, как и я воздействую на него. Наши ученики учат нас, наши создания создают нас» [4, с. 34]. Старчество, по убеждению Е.В. Зимаковой, предполагает «со-творчество» старца и учеников [6, с. 58].

В старчестве, по нашему убеждению, более всего из всех видов духовного наставничества выражено социальное трансцендирование. Данное понятие использовалось в работах Н.А. Бердяева, И.А. Семакиной и Ж.В. Латышевой. Русский философ Н.А. Бердяев впервые использовал этот термин в работе «О рабстве и свободе человека»: «Реальность общества не есть особое «я», а есть «мы». Общение «я» с другими происходит в «мы». Это «мы» есть качественное содержание «я», его социальное трансцендирование». [2, с. 62]. Социальное трасцендирование – это определённый способ преодоления эгоистической замкнутости человека и общественной аномии, «устремлённость людей к социальному единству через индивидуально-совместное преодоление рамок биологического существования…» [9, с. 101]. Старческие практики духовного руководства учениками предполагают социальное трансцендирование, чтобы преодолеть ту дистанцию и отчуждение, существующие между людьми и мешающие наладить глубинную экзистенциальную коммуникацию, которая является необходимым условием для реализации возможности духовного преображения человека, что и является главной задачей старчества.

В обществе через социальное трансцедирование старчество пытается решить задачи гармонизации общественной жизни через преодоление сословных, иерархических, имущественных и прочих различий, которые существуют как между отдельными людьми, так и между различными социальными группами и общественными классами, Церковью и обществом, обществом и государством. Как отмечает Е.В. Зимакова, влияние старчества способствует «снятию внутренних и внешних противоречий секуляризированного общества» [6, с. 58]. Старческие неформальные практики ориентированы на выявление тех онтологических духовных оснований, которые способны объединить людей.

Достаточно глубинное влияние на общественную жизнь старчество способно оказывать благодаря тому, что оно является институтом сохранения, воспроизводства и трансляции традиции. Традицию мы склонны понимать не столько как определённый исторический тип общества, сколько – как систему норм и идеалов, базирующихся на сакральных ценностях, которые способны определённым образом фундировать общество, в том числе и в современную эпоху. Через старческие практики общения как с непосредственными учениками, так и широким кругом мирян из различных социальных групп и сословий старчество транслирует определенную модель воспроизводства знаний, нормы, ценности, идеалы, духовный опыт, которые характерны для мира традиции.

Традиция отличается ориентацией на сохранение устойчивости и целостности общественного организ-

ма, и старчество как институт традиции стремится через трансляцию традиционных ценностей предложить обществу определённый способ смыслополагания и понимания социальной действительности, который способствует обретению органического социального единства, укреплению и оздоровлению общественного организма. Кроме того, старчество само является выражением традиционных представлений об идеале человека и человеческих взаимоотношений, и в этом отношении претендует на отражение всеобщего в общественных отношениях.

Таком образом, мы выделили основные сущностные характеристики старчества, которые раскрывают этот религиозный институт как социально-антропологический феномен. Но старчество также обладает рядом сущностных свойств, которые также необходимо рассмотреть для формирования целостного понимания этого сложного и многоуровневого феномена. Эти важнейшие признаки, позволяющие идентифицировать того или иного духовного наставника как старца, выделяются в рамках самой православной традиции и принципиально не доступны для научной верификации поскольку отражают представления и веру православных людей в особые качества и сверхъестественные способности, присущие старцу. Данное исследование становится возможным, если опираться на подходы, присущие герменевтике и феноменологии, которые допускают возможность изучения феноменов, которые невозможно познавать, используя исключительно рациональные методы.

Сущностной характеристикой православного старчества является его моральная ориентированность. Православный старец – это нравственный образец для подражания, который не на словах, а в своей реальной жизни придерживается самых высоких христианских идеалов. Он славится своей личной добродетельностью, бескорыстностью и неутилитарностью служения. В Новом Завете в качестве признаков, отличающих настоящего старца, отмечаются смирение, смиренномудрие и целомудрие: «Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении» (Тит. 2:6). И.М. Концевич выделил такую фундаментальную черту старчества как святость: «Старчество не есть иерархическая ступень в Церкви, это особый род святости…» [7, с. 280].

Опираясь на богословские исследования, следует также отметить харизматичность старчества, которое следует понимать не только в смысле наличия у старцев личной харизмы, но как обладание ими дарами Святого Духа: прозорливости, пророчества, различения духов, рассуждения, исцеления, утешения, любви и др. Любой настоящий старец не просто устремлён к трансцендентному (это доступно и для вполне рационального философа), но имеет устойчивую связь с Богом, который наделяет его особыми дарованиями. В этом отношении православное старчество можно ещё назвать пневматологичным, поскольку все харизматические дары, согласно православному богословию, происходят от излияния Святого Духа.

Требует прояснения также вопрос о том, насколько важен возраст для того, чтобы тот или иной духовный наставник считался старцем в православной традиции. На основе изучения многочисленных жизнеописаний старцев нетрудно сделать вывод, что, действительно, как правило, духоносным старцем признается отнюдь не юноша, а умудренный жизненным и духовным опытом пожилой человек. Однако, как утверждал в своих «Толкованиях на пророка Исаию» святитель Василий Великий: «Если же и в юном возрасте найдется старческий образ мыслей, не должно презирать дара, но верить тому, кто говорит: «седина есть мудрость человеком» (Прем. 4:9), потому что действительно «старцем» делает не столько белизна волос, сколько старческий образ мыслей…» [5]. Таким образом, согласно святоотеческому толкованию старцем человека делает не возраст, а мудрость, понимаемая как «мудрость во Христе», выражающаяся в стремлении к подлинному существованию и жизни на основе евангельских ценностей. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что старческий возраст и соответствующее почтение к нему общества только тогда имеют значение в православной традиции, когда сочетаются с «мудростью во Христе», которая и отличает настоящих православных старцев.

Все эти выделенные черты являются совершенно необходимыми для формирования образа истинного старца, который был бы узнаваем в православной традиции.

Результаты исследования

В результате проведённого исследования православного старчества мы выдели целый набор его сущностных характеристик:

- старческий возраст (в соединении с «мудростью во Христе»);
- харизматичность (обладание сверхъестественными дарами);
- святость;
- личная добродетельность;
- бескорыстность и неутилитарность служения;
- духовное наставничество;
- персонализм;
- диалогичность;
- внеиерархичность;
- внесословность;
- неформальный характер института;
- социальное трансцендирование;
- трансляция традиции.

Таким образом, опираясь на результаты проведённого социально-философского анализа, мы определяем старчество как вид духовного наставничества и неформальный церковный институт, с присущими ему внеиерархичностью и внесословностью, представленный добродетельным и харизматичным старцем (или старицей), который осуществляет духовное руководство монахами (или мирянами), характеризующееся диалогичностью и персонализмом, а также ориентацией на социальное трансцендирование и трансляцию православной традиции в обществе.

Литература

1. Беглов А.Л. Старчество в церковной традиции // Материалы Международной научно-богословской конференции МДА «Русская патрология».М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psmb.ru/a/aleksey-lvovich-beglov-starchestvo-v-cerkovnoy-tradicii.html (Дата обращения: 11.12.24).
2. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической философии / Н.А. Бердяев // Царство Духа и Царство Кесаря / сост. и послесл. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. С. 3–162. (Мыслители XX века)
3. Беркут В.П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник МГОУ. Серия. Философские науки. 2016. № 1. С. 14–23.
4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 24–121.

5. Святитель Василий Великий. Толкование на пророка Исаию. [Электронный ресурс]. https://bible.optina.ru/old: is:03:02 (дата обращения: 27.03.2024)
6. Зимакова Е.В. Старчество как феномен культуры: диссертация … кандидата культурол. наук: 24.00.01. Москва, 2000. 136 с.
7. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого. Отв. Ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 864 с.
8. Корнецова О.А. Феномен старчества в православной культуре: дис. канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 130 с.
9. Латышева Ж.В. Проблема социального трансцендирования в контексте теории трансцендентностей А. Шюца и Т. Лукмана // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. С. 100–110.
10. Лосский В.Н. Боговидение. Минск: Харвест, 2007. 496 с.
11. Пигров К.С. Социальная философия: Учебник. Изд-во СПбГУ, 2005. 296 с.
12. Свистунов А.В. Феномен младостарчества в современной России как пример реконструкции православной традиции // Гуманитарий Юга России.2019. Том 8. № 1.С. 133–141.
13. Смирнов С.И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви: история духовничества на Востоке. М., 2003. 528 с.
14. Александр Соловьёв, протоиерей. Старчество по учению Святых Отцов и аскетов. Свято-Троицкая Лавра, 2009. 168 с.
15. Ткачёв Е.В. Старчество //Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси.Т. LXVI.2022. С. 161–171.
16. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром // THESIS, 1993.вып. 2. С. 123–136.
17. Хоружий С.С. Духовные основы русского старчества // Феномен русского старчества: Примеры из духовной практики старцев / Сост. и вступ. Ст. С.С. Хоружего. М.: Издательский Совет Русской православной церкви, 2006. 272 с.
18. Худякова Е.В. Старчество в русской художественной литературе конца XIX-начала XX веков: диссертация кандидата культурологии. Ярославль, 2003. 171 с.

SENTIAL CHARACTERISTICS OF ELDERSHIP: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Denisov A.A.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines the phenomenon of eldership that arose within the Orthodox tradition. The author analyzes the historiography of eldership developed in Russian scientific and theological studies, which represent eldership exclusively as a religious institution. The main goal of the work is to study Orthodox eldership as a socio-anthropological phenomenon and to determine, on the basis of a socio-philosophical analysis, its essential characteristics, including the specifics of its inherent social connections and interactions, which could reveal eldership as a holistic phenomenon that has not only religious meaning, but also important social significance. As a result of the study, a definition of eldership is proposed that notes such essential features of eldership as informality, non-hierarchy, classlessness, dialogicity, charisma, personalism, etc

Keywords: eldership, Orthodoxy, dialogue, personalism, social transcendence, socio-philosophical analysis, informal church institution.

References

1. Beglov A.L. Eldership in the Church Tradition // Proceedings of the International Scientific and Theological Conference of the Moscow Theological Academy “Russian Patrology”. Moscow, 2008. [Electronic resource]. Access mode: https://psmb.ru/a/aleksey-lvovich-beglov-starchestvo-v-cerkovnoy-tradicii.html (Accessed: 11.12.24).
2. Berdyaev, N.A. On Slavery and Human Freedom: An Experience of Personalistic Philosophy / N.A. Berdyaev // The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar / compiled and afterword by P.V. Alekseeva; preparatory work on the text and notes by R.K. Medvedeva. Moscow: Respublika, 1995. pp. 3–162. (Thinkers of the 20th Century)
3. Berkut V.P. Social and philosophical analysis in the methodology of scientific knowledge // Bulletin of Moscow State University. Series. Philosophical sciences. 2016. No. 1. Pp. 14–23.
4. Buber M. I and You // Two images of faith. M: OOO “Firma “Publishing House AST”, 1999. Pp. 24–121.
5. Saint Basil the Great. Commentary on the Prophet Isaiah. [Electronic resource]. https://bible.optina.ru/old: is:03:02 (date accessed: 03/27/2024)
6. Zimakova E.V. Eldership as a cultural phenomenon: dissertation … candidate of cultural sciences: 24.00.01. Moscow, 2000. 136 p.
7. Kontsevich I.M. Acquisition of the Holy Spirit. Responsible. Ed.O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. 864 p.
8. Kornetsova O.A. Phenomenon of Eldership in Orthodox Culture: dis. candidate of philosophical sciences. Rostov n / D, 2003. 130 p.
9. Latysheva Zh.V. The Problem of Social Transcending in the Context of the Theory of Transcendences by A. Schütz and T. Luckmann // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2019. P. 100–110.
10. Lossky V.N. Theology. Minsk: Harvest, 2007. 496 p.
11. Pigrov K.S. Social Philosophy: Textbook. Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. 296 p.
12. Svistunov A.V. The Phenomenon of Youth Eldership in Modern Russia as an Example of Reconstruction of the Orthodox Tradition // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 133–141.
13. Smirnov S.I. Spiritual Father in the Ancient Eastern Church: History of Spiritual Leadership in the East. Moscow, 2003. 528 p.
14. Alexander Solovyov, Archpriest. Eldership According to the Teachings of the Holy Fathers and Ascetics. Holy Trinity Lavra, 2009. 168 p.
15. Tkachev E.V. Eldership // Orthodox Encyclopedia / Ed. by the Patriarch of Moscow and All Rus’. Vol. LXVI. 2022. Pp. 161–171.
16. Habermas J. The Relationship between the System and the Life-World // THESIS, 1993. Issue 2. Pp. 123–136.
17. Khoruzhy S.S. Spiritual Foundations of Russian Eldership // The Phenomenon of Russian Eldership: Examples from the Spiritual Practice of Elders / Comp. and Introduction by S.S. Khoruzhy. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2006. 272 p.
18. Khudyakova E.V. Elderhood in Russian fiction of the late 19th – early 20th centuries: dissertation of a candidate of cultural studies. Yaroslavl, 2003. 171 p.

Неоязычество: латентные угрозы религиозного экстремизма

Зверков Николай Викторович,
аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: zverkov.n@yandex.ru

С конца XX века в России наблюдается развитие нового религиозного движения. Значительное место в нем занимает неоязычество. Славянское неоязычество или родноверие относится к квазирелигиям, обладающим значительным дестабилизационным потенциалом в жизни социума. Рост популярности неоязычества в России, особенно в молодежной субкультуре и военной среде, вызывает опасения общественности и детерминирует интерес представителей междисциплинарного гуманитарного знания к этому явлению в духовной и политической жизни социума. Цель исследования заключается в выявлении латентного экстремистского потенциала в контенте неоязычества. Методы исследования определились парадигмой философско-антропологического и цивилизационного подходов. Рабочими методами стали системный, компаративистский методы, методы каузуального и структурно-функционального анализа. В статье делается вывод о росте популярности неоязычества и его опасности как потенциально деструктивной идеологии, в которой латентно присутствуют экстремистские элементы.

Ключевые слова: квазирелигия, неоязычество, новые религиозные движения, пантеизм, религиозный экстремизм, родноверы.

Введение

С 2010-х годов в России наблюдается рост количества адептов так называемого неоязычества. Это связывают как с тенденциями культурных процессов метамодерна, характеризуемых кризисом идеологии, так и с тревожными тенденциями религиозного разложения и размывания национальной идентичности [12].

Общественные лидеры и ученые называют неоязычество среди значимых внутренних угроз России. Экстремизм в неоязычестве опасен латентностью своего присутствия, и как следствие, скрытостью воздействия на граждан, ставших последователями такового религиозного течения [1, с. 82].

Литература

Философская оптика была применена к явлению неоязычества французскими авторами, анализирующими кризисные процессы в культуре Европы постмодерна и метамодерана. В трудах Ж. Лиотара, А. Де Бенуа, Ж. Бержье, Ж. Дюмезиля, Л. Повеля неоязычество изучается в парадигме кризиса европейской культуры [2; 3; 6; 13].

В центре социально-философского дискурса анализа неоязычества отечественными учеными находятся концепции «рекультивации архаики», «новой метафизики», «персонологии» [15; 16] Религиозный и мировоззренческий компоненты идеологии российского неоязычества стали объектом изучения в работах М.Н. Кузнецова, О.С. Осиповой, В.А. Шнирельмана, В.Б. Яшина и др. [12; 18; 28; 29]. Однако ученые единодушны в оценке недостаточной изученности философско-религиозного аспекта, мобильно развивающегося культурно и политического феномена неоязычества.

Материалами в работе над статьей стали книги идеологов неоязычества (волхва Богумила, С.А. Бородина, Д.А. Гасанова, С.С. Лифантьева (Скрытимир Волк) и др.), контент неоязыческих объединений Интернет-ресурсов.

Методы исследования определились парадигмой философско-антропологического и цивилизационного подходов, позволяющих проанализировать неоязычество как явление в духовной сфере современного российского общества. Рабочими методами стали системный, компаративистский, каузуального и структурно-функционального анализа. Это дало возможность изучить неоязычества в контексте современной социокультурной ситуации с целью определения возможного деструктивного компонента в его идеологии и практике.

Результаты исследования

Неоязычество (в самоназвании – «родноверие») как активное движение в культурное пространство России вошло в период поиска гражданами страны идеалов идентификации взамен разрушенных или дискредитировавших себя в XX веке мета-нарративов в форме традиционных религий или государственной доктрины, основанной на марксистко-ленинской идеологии.

Неоязычество 1980-х годов было одним из направлений так называемых «новых религиозных движений», объединявших людей разных культурных и политиче-

ских ориентаций в духовном поиске: от протестантских деноминаций до сторонников космизма Е.П. Блаватской и «Живой этики» Н.К. Рериха [23].

Во второй половине 1980-х годов появилось несколько организаций, позиционирующих себя как адептов традиционной религии древних славян.

Реконструкция языческих верований осложнялась и остается проблематичной из-за недостатка источников, скудности археологических свидетельств и естественной аккультурации, при которой произошло смешение верований славян и их соседей, в частности финно-угорских и тюркских племен.

Языческие культы были характерны для дописьменного периода культуры славянских племен. Письменные источники о языческих верованиях носят характер отрывочных и предвзятых свидетельств христианских миссионеров, восточных путешественников-негоциантов и писателей. Заполнением лакуны стало использование родноверами как сакрального источника «Велесовой Книги» («Дощечки Изенбека»).

«Велесова Книга» стала одной из самых успешных исторических фальсификаций XX века. Экспертиза авторитетных ученых определила её как «поддельную» (Л.П. Жуковская), «попытку фальсификации истории» (А.И. Буганов, Б.А. Рыбаков), пример псевдоистории (И.Н. Данилевский). Монографические исследования языческих верований древних славян в работах корифеев отечественной филологии и истории (Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, А.И. Никифорова и др.) не дают «систематизированного взгляда на древнеславянское язычество» [18, с. 93]. «Велесова книга» остается основой для формирования целой библиотеки альтернативных исторических книг неоязыческих авторов. Задача их трудов определяется стремлением «вернуть мудрость исконной традиции в ткань нашей культуры» после того «как религиозные проповедники веками целенаправленно истребляли древние обычаи, а политические движения искажали их суть» [19; 26].

Ж. Лиотар утверждал, что для современной культуры характерно «языческое» переосмысление ценностей в пространстве культурно-игровой деятельности индивида. В парадигме постмодерна происходит конструирование исторических знаний, их сакрализация через сегмент традиционных религиозных верованиях славян, формирование коллективной памяти и коллективного бессознательного, создание псевдоисторической мифологии или ««фолк-хистори» для легитимации того или иного неоязыческого объединения» [11, с. 22]. Представитель неоязыческого объединения «Асатру» (Исландия) Й. Инги утверждал, что «историческая корректность важна», как и соответствие «исторической правдивости», и «старинным традициям», но «важно делать то, что вы действительно чувствуете», а традиции «должны жить внутри вас» [14, с. 219–222].

В российском сегменте неоязычества конструирование новых религиозных идеологий на базе подобного представления о научной истине предлагали В. Емельянов, В. Чудинов, Л.Р. Прозоров, А. Барашков (Алов или Бусов) и др. Многотомные «Славянско-арийские веды» А. Ханевича, в которых изложены мифологемы неоязыческого направления инглиизма, было запрещено как экстремистское издание [23].

Именно труды подобного направления стали поводом для опасения патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, который, говоря о важности национальной памяти предупреждал, что «на пути сохранения этой памяти возникают достаточно болезненные и опасные явления. К таким относятся попытки конструировать псевдорусские неоязыческие верования» [21]. Наряду с попыткой доктринации новой религии в книгах проводится идея пагубности христианства и русского православия для развития культуры и враждебности Русской Православной Церкви к народу. Эти положения деструктивны и ведут к «возбуждению религиозной розни» [10].

За прошедшие полвека неоязычество не обрело стройной доктринальной основы, оставаясь гетерогенным. «Неоязычество – это чаще всего субкультурное явление религиозного и/или общественно-политического характера, практически не поддающееся контролю и изучению со стороны как органов государственной власти, так и общественности, ученых, прежде всего из-за своей разнородности» [1, с. 84]. Отсутствие источников для восстановления язычества, наличие множества «авторских» видений новой-старой религии привело к организационной аморфности неоязычества. Доктринально неоязычество как квазирелигия представляет пантеизм, объединяющий в синкретическом культе мифологию, мистицизм, оккультные практики и элементы индуизма.

Наиболее заметные организациями неоязычников в России и ближнем зарубежье стали «Союз славянских общин славянской родной веры», действующий с 1997 года, «Велесов круг», «Круг языческих традиций». Эти организации поддерживают контакты с неоязыческими зарубежными образованиями, такими как английский «Викка», неоиндуистское «Общество сознания Кришны», исландский Асатру, белорусский «Железный желудь». Исследователи отмечают высокую степень взаимной поддержки неоязычников разных стран вне зависимости от направления. Как показательный пример приводится участие российских родноверов в событиях на Майдане и в батальоне «Азов» в Украине [12].

В литературе дается классификация российского неоязычества, в основу которой положена степень радикализма его направлений.

Фольклорное, этнические, экологическое неоязычество, продвигающее идеи развития культур, восстановления «исконных» традиций, идею единения с природой и реконструкцию древних славянских верований как идеологию этого единения.

Националистическое неоязычество [7, с. 158].

Эту обобщенную классификацию принимают и неоязычники. Так Волхв Велимир (Н.Н. Сперанский) делил неоязычников на представителей разрушительного и созидательного направления [25].

Ученые отмечают мобильность неоязычества и подвижность границ между этими флангами, когда толерантность «меняется на радикальную политизированность, а восстановление политеистических культов приводит к решению актуальных целей в политике, культурном противостоянии или в экономических притязаниях» [28, с. 14]. Так Внеконфессиональный духовный союз «Тезаурус», начинавший как неоязыческое объединение нетрадиционных оздоровительных практик, создает политические структуры: Русское Освободительное Движение и Гуманистическая партия России [23].

Мобильность проявляется и в характере коммуникативных каналов, обеспечивающих взаимодействие неоязычников разных направлений и его популяризацию в социокультурном пространстве. Славянское язычество как популярное направление фэнтези представлено в литературе, художественном кинематографе, изобразительном искусстве, творчестве известных фолк-группах. Рок-группы часто сотрудничают с неоязыческими объединениями и участвуют в проведении их фестивалей и праздников. В социальных сетях существуют сообщества традиционной славянской культуры. Интернет-ресурсы эффективно популяризируют этот контент.

В оформлениях неоязыческих сайтов используются картины современных талантливых художников. К традициям славянской культуры обращаются в центрах традиционных ремесел и в исторической реконструкции.

Исследователи констатируют присутствие в культуре России феномена неоязыческой субкультуры [22, с. 24–25].

Любое из направлений неоязычества является проявлением контркультуры (Т. фон Роззак) в религиозной сфере. Как следствие, радикальные методы, экстремизм является естественной частью любой «вариации» неоязыческого мировоззрения, как «духовной оппозиционности, причем не столько в смысле оппозиции политическому режиму или исторически сложившемуся социальному устройству, сколько в значении более глубокого экзистенциального отказа от социокультурных и духовных реалий современного социума и его идеально-нормативной сферы» [27, с. 212].

Л.Н. Гумилев писал о язычестве как о племенном «комплексе суеверий» и атеистическом способе защиты или спасении. В.Б. Яшин писал о присутствии у неоязычников «оборонного сознания» [29, с. 45]. Закономерно, что в модусе мышления конструкторов неоязычества как квазирелигии доминирует стратегия агрессии. Именно агрессия становится способом эффективной обороны от мифических угроз, что приводит к «смешением религиозных постулатов с экстремистскими воззрениями» [10, с. 26].

В издательском предисловии к книге А. Де Бенуа «Как можно быть язычником» утверждается, что «язычество – это не только далекое прошлое человечества, но и, в новой форме, наше неотвратимое будущее, лишенное иудео-христианского мусора» [2, с. 5]. Экстремизм в неоязычестве легитимируется необходимостью эффективного противостояния с монотеистическими религиями, процессами глобализации как нивелирующими подлинную традиционную культуру и экологическими угрозами, порождёнными техногенной цивилизацией. Авраамические религии рассматриваются как насаждение культуры одного народа (еврейского) среди всего человечества. Глобализация угрожает технократической парадигмой цивилизации потребления и искаженными «псевдонаучными» знаниями. В оппозиционном сознании неоязычников, как представителей контркультуры формируется убеждение в необходимости селекции окружающих на основе бинарного противопоставления «свой» – «чужой», как в племенном архаическом обществе язычников. По мнению исследователей родноверия, сегрегация присутствует во всех направлениях неоязычества [9; 10; 17; 29].

Неоязычники закономерно ассоциируются с национализмом и ксенофобией. Подтверждением этого служат запрет межрасовых браков, антихристианская риторика, антисемитизм и ромофобия. Если в экзоэтнических объединениях родноверов обращаются к опыту архаических культур, например друиды, то в эндоэтническом направление утверждается превосходство славянской культуры и мессианская роли неоязычников. Но во всех объединениях «этническая чистота» рассматривается противодействием культурной ассимиляции и культурному релятивизму глобализации.

Сконструированные мифологические паттерны в сознании адептов неоязычества приобрели статус сакральных. Сакральные паттерны требуют переустройства миропорядка в соответствии с их архетипами и иерархическим рядом, то есть радикальной трансформации современного общества. «Вполне логичным выводом из такой мировоззренческой установки, – писал В Б. Яшин, – может стать стремление не только ускорить крушение цивилизации, уклонившейся от «естественных» законов языческой архаики, но и разрушить до основания миропорядок модерна, чтобы из наступившего Хаоса быстрее возродился священный социальный Космос» [29, с. 38].

Пафос разрушения без обязательств притягателен для определенных социальных страт в период религиозного разложения и социальных потрясений. Рекрутированние в неоязыческие объединения сегодня набирает силу в среде военных. Патриарх Кирилл с тревогой заметил, что «в армии возникли предпосылки для распространения неоязыческих воззрений, поскольку в них важное место занимают насилие и сила» [20, с. 23].

Пантеизм неоязычества основывается на признании сил природы, к которым не применим этический дискурс. Примат силы и стихийной свободы вне оценок «добро / зло» приводит к «смешением религиозных постулатов с экстремистскими воззрениями» [10, с. 26]

Обсуждение и результаты. Таким образом, притягательность контента неоязычества, транслируемого в современных коннотациях «игровых» (Ж.Ф. Лиотар), фентезийных, оппозиционных официальной науке и традиционным религиям идей обеспечила популярность родноверия и формирование его субкультуры. Ученые определяют неоязычество «искусственно созданным вероучением» (А.В. Гурко, А.В. Шнирельман), «главным и опаснейшим идеологическим врагом» современной России [7, с. 155], политизированной квазирелигией, которую можно определить как мифологизированную форму расовой, этнической и религиозной ксенофобии [16, с. 26.].

Прямое проявление экстремизма в неоязычестве получило правовую оценку. Ряд объединений их символика и издания были запрещены Однако такие универсальные для всех направлений неоязычества в России черты как вольная трактовка исторического прошлого, априорное принятие постулатов «враждебности православия», «ложности официальной истории» «гибельности цивилизации из-за разрыва с традициями предков и природой», господства силы, необходимости «чистоты крови» свидетельствуют о присутствии в квазирелигии деструктивного компонента, способного реализоваться в экстремистских проявлениях.

Опасность экстремизма неоязыческих объединений возрастает мобильностью сетевого взаимодействия адептов неорелигии, живущих по всей стране, а радикальные посылы усиливаются арсеналом массовой культуры.

Литература

1. Ахмадулина С.З., Федоров М.А. Неоязычество в современной России: историкофилософский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. Вып. 1. С. 81 87.
2. Бенуа А. Как можно быть язычником. М.: Русская правда, 2004. 240 с.
3. Бержье И., Повель Л. Утро магов / сокр. пер. с фр. Е. Патуева-Иванова. М.: Миф, 1991. 79 с.
4. Гумилев Л.Н. Выбор веры // Истоки.1989. Вып. 20. С. 373–376.
5. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2022. 960 с.
6. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
7. Евдокимов А.Ю. Язычество древних славян и неоязычество: проблемы изучения русской истории. М.: АСТ, 2015. 412 с.

8. Запрещенные на территории Российской Федерации экстремистские организации и их символика. Новый юридический вестник. 2019. № 4 (11). С. 28–32.
9. Кокарев В.Г. Понятие и признаки религиозного экстремизма // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 5. С. 89–97.
10. Колпаков П.А., Носов А.А. Экстремизм и неоязыческие вероучения: скрытая угроза (на примере Древнерусской инглиистической церкви православных староверов-инглингов // Новый юридический вестник. 2019. № 4 (11). С. 25–27.
11. Корнющенко-Ермолаева Н.С. Сакрализация коллективной памяти как способ идеологического освоения прошлого в эпоху мета модерна // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 3 (50). С 139–152.
12. Кузнецов М.Н. Российское неоязычество. История, идеи и мифы. Рязань: Зерна-Слово, 2018. 176 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с
14. Мифы и магия индоевропейцев. М.: София, Гелиос АРВ, 2002. Вып. 10. 221 с.
15. Михеева И.Б. Неоязычество как религиозно культурный феномен современности: проблема дефиниции // Ценности и смыслы. 2010. № 1. С. 81–90.
16. Неокульты: Идеология и практика. М.: «Четыре четверти», 2005. 195 с.
17. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Том 3. Неоязычество. Часть 1. М., 2000. 394 с.
18. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000. 59 с.
19. Павлов К.А. Проблема языческих верований древних славян в трудах современных отечественных ученых: Автореф. … дис. кан. ист. наук. М., 2012. 26 с.
20. Патриарх Кирилл предостерег от распространения неоязычества среди военных [Электронный ресурс]. Москва, 2024. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/24/09/2024/66f2f9589a79479b340aa0bb Загл. с экрана. (Дата обращения: 08.12.2024)
21. Патриарх Кирилл считает неоязычество опасным явлением. [Электронный ресурс]. Москва, [2024]. http://www.arh-eparhia.ru/news/643/45434/ Загл. с экрана. (Дата обращения: 01.02.2025)
22. Пигалкина С.Н. Современное русское неоязычество: философско-религиоведческий анализ: Автореф. … дис. кан. философ.н. М., 2017. 28 с.
23. Попов И.Н. Справочник всех религиозных течений и объединений в России. [Электронный ресурс]. Москва, [2018] https://russiafaiths.blogspot.com/p/new-domestic-religions.html Загл. с экрана. (Дата обращения: 09.02.2025)
24. Сперанский Н.Н. Русское язычество и шаманизм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 607 с.
25. Что думают ученые о Велесовой книге. СПб.: Наука, 2004. 238 с.
26. Чудинов С.И. Историософские аспекты радикального этоса неоязычества //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 11 (25). Ч. I. С. 212–215.
27. Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33.
28. Яшин В.Б. Русское неоязычество в контексте проблемы религиозно-политического экстремизма // Научный вестник академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 37–40.

RELIGIOUSNESS: LATENT THREATS OF RELIGIOUS EXTREMISM

Zverkov N.V.
N.P. Ogaryov National Research Mordovian State University

Since the end of the twentieth century, Russia has witnessed the development of a new religious movement. Neo-paganism occupies a significant place in it. Slavic neo-paganism or Rodnovery refers to quasi-religions that have a significant destabilising potential in the life of society. The growing popularity of neo-paganism in Russia, especially in the youth subculture and military environment, raises public fears and determines the interest of representatives of interdisciplinary humanitarian knowledge to this phenomenon in the spiritual and political life of the society. The aim of the study is to identify the latent extremist potential in the content of neo-paganism. The research methods were determined by the paradigm of philosophical-anthropological and civilisational approaches. Systemic, comparativist methods, methods of causal and structural-functional analysis became the working methods. The article concludes about the growing popularity of neo-paganism and its danger as a potentially destructive ideology with latent extremist elements.

Keywords: quasi-religion, neo-paganism, new religious movements, pantheism, religious extremism, Rodnovers.

References

1. Akhmadulina S.Z., Fedorov M.A. Neo-paganism in modern Russia: historical and philosophical analysis // Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2020. Vyp. 1. C. 81–87.
2. Benoit A. How it is possible to be a pagan. Moscow: Russkaya Pravda, 2004. 240 c.
3. Bergier I., Povel L. The Morning of the Magicians / excerpted from Fr.E. Patuev-Ivanov. M.: Myth, 1991. 79 c.
4. Gumilev L.N. Choice of Faith // Istoki.1989. Vyp. 20. C. 373–376.
5. Gumilev L.N. Ancient Russia and the Great Steppe. MOSCOW: AST, 2022. 960 c.
6. Dumézil J. Supreme gods of the Indo-Europeans. M.: Nauka, 1986. 234 c.
7. Evdokimov A. Yu. Paganism of the ancient Slavs and neo-paganism: problems of studying Russian history. MOSCOW: AST, 2015. 412 c.
8. Extremist organisations banned on the territory of the Russian Federation and their symbols. New legal bulletin. 2019. № 4 (11). C. 28–32.
9. Kokarev V.G. The concept and signs of religious extremism // Socio-economic phenomena and processes. 2014. № 5. C. 89–97.
10. Kolpakov P.A., Nosov A.A. Extremism and neo-pagan beliefs: a hidden threat (on the example of the Ancient Russian Inglish Church of the Orthodox Old Believers-Ingling // New Legal Bulletin. 2019. № 4 (11). C. 25–27.
11. Kornyushchenko-Ermolaeva N.S. Sacralisation of collective memory as a way of ideological mastering of the past in the epoch of meta-modernity // Vectors of well-being: economy and socium. 2023. № 3 (50). C 139–152.
12. Kuznetsov M.N. Russian neo-paganism. History, ideas and myths. Ryazan: Zerna-Slovo, 2018. 176 c.
13. Lyotard J.-F. The state of postmodernity. Moscow: Institute of Experimental Sociology. St. Petersburg: Aleteia, 1998. 160 c
14. Myths and Magic of the Indo-Europeans. M.: Sofia, Helios ARV, 2002. Vyp. 10. 221 c.
15. Mikheeva I.B. Neo-paganism as a religious and cultural phenomenon of modernity: the problem of definition // Values and meanings. 2010. № 1. C. 81–90.

16. Neocults: Ideology and Practice. Moscow: 'Four Quarters', 2005. 195 c.
17. New Religious Organisations of Russia of Destructive, Occult and Neo-Pagan Character: Handbook. Volume 3: Neo-Paganism. Part 1. M., 2000. 394 c.
18. Osipova O.S. Slavic pagan world-understanding (philosophical research). Moscow: Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (Techn. Un.), 2000. 59 c.
19. Pavlov K.A. The problem of pagan beliefs of the ancient Slavs in the works of modern Russian scientists: Author's abstract. … dis. kan. ist. nauk. M., 2012. 26 c.
20. Patriarch Kirill warned against the spread of neo-paganism among the military [Electronic resource]. Moscow, 2024. Mode of access: https://www.rbc.ru/politics/24/09/2024/66f2f9589a79479b340aa0bb Zagl. from the screen. (Date of address: 08.12.2024)
21. Patriarch Kirill considers neo-paganism a dangerous phenomenon. [Electronic resource]. Moscow, [2024]. http://www.arh-eparhia.ru/news/643/45434/ Zagl. from the screen. (Date of address: 01.02.2025)
22. Pigalkina S.N. Modern Russian neo-paganism: philosophical-religious analysis: Avtoref. … dis. can. philosoph.n. M., 2017. 28 c.
23. Popov I.N. Reference book of all religious currents and associations in Russia. [Electronic resource]. Moscow, [2018] https://russiafaiths.blogspot.com/p/new-domestic-religions.html Zagl. from the screen. (Date of address: 09.02.2025)
24. Speransky N.N. Russian paganism and shamanism. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies, 2006. 607 c.
25. What Scientists Think about the Book of Veles. SPb.: Nauka, 2004. 238 c.
26. Chudinov S.I. Historiosophical aspects of the radical ethos of neo-paganism //Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota. 2012. № 11 (25). CH. I. C. 212–215.
27. Shnirelman V. The Value of the Past: Ethnocentric Historical Myths, Identity and Ethnopolitics // Language and Ethnic Conflict. Moscow: Gandalf, 2001. C. 12–33.
28. Yashin V.B. Russian neo-paganism in the context of the problem of religious and political extremism // Scientific Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 1 (52). C. 37–40.

Интеллектуальные традиции Запада и России: сравнительный анализ

Зимовец Людмила Григорьевна,
д.ф.н., профессор, доцент, Сочинский государственный университет
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

Худайберганова Мухайё Давронбек кизи,
аспирант, Сочинский государственный университет
E-mail: khudayberganovamukhayyo4@gmail.com

В статье проводится анализ интеллектуального наследия западной и российской цивилизаций. Рассматриваются их философские основы, культурные влияния и исторические факторы, определившие ключевые особенности каждой традиции. Западная интеллектуальная модель строится на принципах рационализма, индивидуализма и научного прогресса, тогда как российская традиция базируется на коллективизме, духовности и государственно-ориентированном мировоззрении. Особое внимание уделяется точкам пересечения этих традиций и их взаимному влиянию.

Ключевые слова: философия, рациональность, государственность, западная традиция, российская мысль.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью выявления сходств и различий между этими интеллектуальными системами, поскольку они оказывают значительное влияние на развитие общества, политики и культуры в современном мире [2, с. 34].

Формирование интеллектуальных традиций различных цивилизаций происходит под влиянием множества факторов: исторических событий, религиозных убеждений, политической системы и культурных особенностей. Западная философская школа развивалась под влиянием античного рационализма, что привело к формированию научного метода и либеральных ценностей. Российская же традиция исторически тяготела к коллективизму, религиозному мировоззрению и сильной государственной власти [1, с. 25].

Формирование философских систем на Западе и в России происходило в разных исторических контекстах, что также наложило свой отпечаток на развитие соответствующих интеллектуальных традиций. Западная философия, начиная с античности, была ориентирована на рациональное познание, что привело к развитию научных методов и стремлению к универсализму. В свою очередь, российская философская традиция с её корнями в византийской и славянской культурной среде сохраняла более сакральный характер, акцентируя внимание на духовных и моральных аспектах жизни человека.

Целью статьи является анализ интеллектуальных традиций Запада и России, выявление их ключевых особенностей, а также определение точек соприкосновения.

Задача понимания особенностей интеллектуальных традиций Запада и России не ограничивается только историческим анализом, но и имеет практическое значение для дальнейшего развития межкультурных и межцивилизационных отношений. Сегодня, в условиях глобализации и информационного общества, важность таких сравнений возрастает, поскольку они помогают осмыслить современные вызовы и возможности для сотрудничества между различными культурами и философскими школами. Различия в подходах к истине, методам познания и социальным идеалам влияли на формирование политических и культурных институтов в каждой из цивилизаций. На Западе концепция индивидуализма и свободы личности стала основой для демократических институтов и правового государства, в то время как в России, с её исторической приверженностью к авторитаризму, акцент на коллективизм и сильную централизованную власть часто приводил к другой организации политической и социальной жизни.

Задачи исследования

- Определить основные характеристики западной философской традиции.
- Изучить особенности российской интеллектуальной мысли.
- Провести сравнительный анализ и выявить ключевые различия и параллели между западной и российской традициями.

Методы

В исследовании использован метод интерпретации философских текстов, который позволяет глубже понять не только внешние характеристики философских систем, но и их внутренние логические связи и смыслы. Этот подход помогает выявить ключевые концепты и идеи, лежащие в основе западной и российской интеллектуальной традиции, а также проследить их эволюцию в контексте изменения социально-политических условий.

Кроме того, работа основана на компаративном анализе, что позволяет объективно сопоставить западные и российские интеллектуальные традиции [3, с. 49]. Также применены историко-философский метод для изучения генезиса данных традиций и контент-анализ, направленный на изучение философских трудов, исторических документов и академических исследований [4, с. 67].

Результаты исследования

Западная философская традиция берет свое начало в античной Греции, где особое внимание уделялось развитию логики, аргументации и поиску объективного знания. Сократ, Платон и Аристотель заложили основу рационального мышления, которое впоследствии стало ключевым элементом западного интеллектуального наследия [5, с. 85]. В средние века философия развивалась в русле схоластики (Августин, Фома Аквинский), но начиная с эпохи Возрождения интеллектуальная мысль все больше акцентировала внимание на эмпиризме и критическом мышлении [6, с. 102].

Западная мысль также сыграла ключевую роль в формировании политической философии: идеи Руссо, Милля и Ролза способствовали утверждению либеральных ценностей, демократических институтов и концепции прав человека [8, с. 137].

Западная философия и наука, несмотря на различные исторические и культурные контексты, с развитием научной революции XVII–XVIII веков все больше ориентировались на объективные методы познания и поиски универсальных законов природы. Принципы эмпиризма, как в работах Локка и Бэкона, так и в более поздних трудах, таких как работы Дарвина и Ньютона, акцентировали внимание на применении научных методов к объяснению явлений и на опоре на опыт и эксперимент. Это способствовало не только развитию теории познания, но и практическим достижениям в различных областях, включая физику, медицину и технологию.

Философы Нового времени, такие как Декарт и Кант, заложили принципы автономного разума и аналитического метода познания, что способствовало становлению науки как независимой дисциплины [7, с. 123]. Российская философия XIX века (Чаадаев, Герцен, Достоевский) во многом рассматривала западные идеи, адаптируя их к отечественным условиям [1, с. 173]. В XX веке мыслители, такие как Бердяев, Соловьёв и Флоренский, уделяли особое внимание духовным аспектам философии, противопоставляя их рационализму Запада [1, с. 189].

Российская интеллектуальная традиция, напротив, развивалась в тесной связи с православием и идеями коллективизма. Основные ценности российской философии – соборность, нравственность и сильная государственная власть – сформировались под влиянием Византии и ее концепции симфонии власти [7, с. 154].

В России, несмотря на некоторое отставание в вопросах научной автономии и свободомыслия, также произошли значительные достижения в области науки и философии. В XIX веке философы, такие как Владимир Соловьёв и Алексей Хомяков, стремились синтезировать элементы западной рационалистической традиции с глубоким православным мировоззрением, создавая уникальную метафизическую систему, ориентированную на духовные и моральные идеалы. В это время особое внимание уделялось вопросам человеческой свободы и личной ответственности, что отразилось на российской литературе и философии, в частности, в работах Достоевского и Толстого.

Наука в России долгое время находилась под патронажем государства, что, с одной стороны, ограничивало свободу исследований, но, с другой, обеспечивало поддержку крупных проектов и фундаментальных научных открытий. Российские учёные (Ломоносов, Менделеев, Павлов) внесли значительный вклад в мировую науку, несмотря на идеологические ограничения [2, с. 210].

В XX веке российская философия продолжала развиваться, но её пути были затруднены политическими и идеологическими рамками, установленными советским режимом. Однако, несмотря на ограничения, такие мыслители, как Бердяев и Соловьёв, продолжали работать в рамках христианской философии, подчеркивая важность духовной свободы и внутреннего познания. Эти идеи оказывали влияние на общественные и культурные изменения, происходившие в Советском Союзе, и стали важной частью философских поисков после падения коммунистической идеологии в 1990-е годы.

Обсуждение

Сравнительный анализ показывает значительные различия между западной и российской интеллектуальными традициями. Западная философия ориентирована на науку, критическое мышление и индивидуализм, тогда как российская мысль базируется на соборности, духовности и идее сильного государства [3, с. 229].

Однако можно выделить и точки соприкосновения. Русские философы XIX–XX веков активно осмысляли западные идеи, адаптируя их к российским реалиям (Чаадаев, Достоевский, Бердяев). В то же время западные мыслители, такие как Хайдеггер и Камю, испытали влияние русской экзистенциальной традиции [4, с. 247].

Одним из ключевых различий между западной и российской философией является отношение к личности и государству. В западной традиции индивидуализм и свобода личности всегда стояли в центре философских размышлений, начиная с философии Просвещения и продолжая идеями либерализма и демократии. В России же исторически преобладала идея коллективизма, важности социальной гармонии и единства, что отразилось в концепциях соборности и сильной централизованной власти. Это различие связано с особенностями политической и социальной структуры каждой из стран, что, в свою очередь, оказывало влияние на развитие философских систем.

В современных условиях наблюдается интеграция интеллектуальных традиций Запада и России, что способствует взаимному обогащению философских идей и культурных ценностей [5, с. 265].

Несмотря на эти различия, важно отметить, что философия обеих традиций в конечном счете стремится к универсальному поиску смысла жизни и истины. Западная философия, особенно в контексте экзистенциализма и постмодернизма, также затрагивает вопросы абсурдности существования, одиночества личности и поиска истины, что имеет параллели с российской экзистенциальной мыслью, особенно в произведениях Достоевского и Бердяева. Таким образом, обе традиции,

несмотря на свою различность, обращаются к вопросам человеческой свободы, страха и ответственности.

В контексте глобализации и ускоренного обмена идеями, на сегодняшний день становится все более заметной тенденция к интеграции философских и культурных традиций. Современные философы и мыслители обеих стран всё чаще обращаются к диалогу между восточной и западной философией, что помогает не только обогатить каждую из традиций, но и выработать более комплексное понимание человеческого существования в современном мире. Это обогащение идет по линии экологии мышления, этики, а также анализа технологических и социальных изменений в глобальном контексте.

Заключение

Важным аспектом является то, что несмотря на значительные различия, обе традиции продолжают взаимодействовать и влиять друг на друга. Это взаимодействие проявляется как в философских поисках, так и в культурном обмене. Российские мыслители XIX–XX веков активно осмысливали западные идеи, адаптируя их к национальному контексту, в то время как западные философы в своих трудах также черпали вдохновение из российской экзистенциальной традиции [4, с. 247].

Западная интеллектуальная традиция опирается на рационализм, научный метод и ценности индивидуализма, что способствует развитию личной свободы и демократии. В то же время российская философия, с её глубокими корнями в православной традиции и идее коллективизма, акцентирует внимание на важности духовных ценностей, моральных норм и сильной государственной власти. Эти особенности делают каждую из традиций уникальной, но одновременно накладывают отпечаток на развитие общества и культуры в соответствующих цивилизациях [1, с. 25].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сравнительного анализа для более глубокого понимания различий и сходств между западной и российской цивилизациями. Это знание может способствовать улучшению межкультурных отношений, а также созданию условий для более конструктивного диалога в контексте современного мирового сообщества [8, с. 330].

Кроме того, понимание интеллектуальных традиций обеих цивилизаций помогает не только в культурном обмене, но и в разработке эффективных подходов к решению глобальных вызовов, таких как изменение климата, международные конфликты и технологическое развитие. Эти вопросы требуют совместных усилий и учета культурных особенностей разных народов [7, с. 295].

В современных условиях, с учетом процессов глобализации, наблюдается тенденция к интеграции западных и российских интеллектуальных традиций, что способствует более глубокому взаимопониманию и обогащению культурных и философских идей. Это открывает возможности для развития новых форм диалога между цивилизациями и решения актуальных глобальных проблем [5, с. 265].

И, наконец, дальнейшее развитие сравнительного анализа философских традиций может стать основой для формирования новой парадигмы в образовании, где будет учитываться разнообразие мировых философских школ и их вклад в развитие человечества. Это обеспечит более широкий взгляд на историю философии и позволит интегрировать различные традиции в учебный процесс [6, с. 280].

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – М.: Наука, 1992. – 400 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академия, 1999. – 512 с.
3. Бердяев Н. Философия свободы. – СПб.: Азбука, 2002. – 290 с.
4. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Прогресс, 1983. – 328 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: Владимир Даль, 1994. – 413 с.
6. Милль Дж.С. О свободе. – М.: Республика, 2001. – 256 с.
7. Чаадаев П.Я. Философические письма. – М.: Мысль, 1991. – 276 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: Азбука-классика, 2015. – 420 с.

INTELLECTUAL TRADITIONS OF THE WEST AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Zimovets L.G., Khudayberganova M.D.
Sochi State University

This article analyses the intellectual heritage of Western and Russian civilisations. Their philosophical foundations, cultural influences and historical factors that have determined the key features of each tradition are examined. The Western intellectual model is based on the principles of rationalism, individualism and scientific progress, while the Russian tradition is based on collectivism, spirituality and a state-centred worldview. Special attention is paid to the points of intersection of these traditions and their mutual influence.

Keywords: philosophy, rationality, statehood, Western tradition, Russian thought.

References

1. Aristotle. Metaphysics. – Moscow: Nauka, 1992. – 400 p.
2. Kant I. Critique of Pure Reason. – Moscow: Academy, 1999. – 512 p.
3. Berdyaev N. Philosophy of Freedom. – St. Petersburg: Azbuka, 2002. – 290 p.
4. Popper K. Logic of Scientific Research. – Moscow: Progress, 1983. – 328 p.
5. Foucault M. Words and Things. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 1994. – 413 p.
6. Mill J.S. On Freedom. – Moscow: Respublika, 2001. – 256 p.
7. Chaadaev P. Ya. Philosophical Letters. – M.: Mysl, 1991. – 276 p.
8. Dostoevsky F.M. Writer's Diary. – SPb.: Azbuka-classic, 2015. – 420 p.

Перспективы развития социокультурных матриц в контексте философии банковской деятельности

Зубов Вадим Владиславович,
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: zubov305@yandex.ru

Филиппов Антон Русланович,
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
E-mail: anfilippov98@mail.ru

Статья посвящена определению перспектив развития социокультурных матриц в контексте современных банковских практик. Формулируется авторское понятие социокультурных матриц с позиции философского знания, обосновывается отграничение социальных трендов от матричных фреймов. Доказывается, что социальные тренды – это закономерности функционирования социального пространства, предопределяющие конкретные фреймы, тогда как матричные фреймы – это нормативные рамки, поведенческие паттерны, стереотипы, архетипы и иные компоненты социализации, задающие тон банковской деятельности. Характеризуются такие фреймы социокультурных матриц банковской деятельности, как архетипизация справедливости (негативное восприятие извлечения банками необоснованной прибыли), инкорпорация постулатов и запретов традиционных религий в современную банковскую жизнь, навязывание банковскими экосистемами модели сетевой транспарентности для облегчения всеобъемлющего контроля за поведением и предпочтениями потребителей. В заключении сделан вывод о том, что перспективой развития выявленных матричных фреймов является их размежевание, связанное с качественной разнородностью и предметной несходимостью.

Ключевые слова: социокультурные матрицы, фреймы, социализация, архетипы, банковская деятельность, исламский банкинг, экосистемы, социальное государство.

Исследование банковской деятельности при помощи философской оптики, предписывающей вскрытие сущностных и глубинных аспектов онтологии явления или процесса, стимулирует задачу поиска теоретико-методологических конструкций абстрактного типа, пригодных для дискретного (непрерывного) помещения объекта изучения в социально-экономические контексты прошлого и настоящего. Одной из таких конструкций, на наш взгляд, являются социокультурные матрицы, которые представляют собой отражение локализации банковской деятельности в тот или иной период времени в функциональном и нормативном отношениях.

Понятие социокультурных матриц, в сущности, является продуктом реконцептуализации категории «матрица» из точных наук, где под последней понимается «прямоугольная таблица, состоящая из элементов, расставленных в *m* строк и *n* столбцов» [2, с. 62].

Рецепция идеи матричной организации данных из математического знания не влечет за собой непреложную необходимость разложения объекта философского исследования в табличном формате. Скорее, слово «матрица» употребляется в данном случае в метафорическом ключе и отсылает к способу исследования, состоящему в рассмотрении изучаемого объекта по направлениям заранее определенных параметров (наличествующих тенденций) в установленных этими параметрами рамках.

Вместе с тем, как следует из анализа сложившегося дискурса, философский концепт социокультурных матриц в настоящее время не является продуктом прямой реконцептуализации матричного принципа из математики: он выступает в качестве деривата психологической интерпретации социокультурных матриц.

Как замечает российский психолог И.М. Исангулова, под социокультурной матрицей понимается «обусловленный социальными и культурными причинами набор установок (шаблонов, стереотипов), определяющих, например, поведение или идентичность» [7, с. 101]. Также автор справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что «сама матрица – просто набор значений одновременно действующих значений» [7, с. 101], а «значения на пересечении строк и столбцов никак не связаны между собой» [7, с. 101]. По мнению Е.В. Рягузовой, социокультурная матрица представляет собой складывающийся результат функционирования культуры и социума, представляющийся в качестве условий для развития личности, но не являющийся жесткой детерминантой «выбора смысловых оснований и ценностных ориентиров собственной траектории духовно-нравственного развития» [10, с. 34].

Социокультурные матрицы, если интерпретировать их с позиции философии, являют собой идеализированные фреймы мировоззренческого, этического, архетипического, бихевиорального, стереотипического и регуляторно-нормативного плана, определяющие наличное человеческое поведение и институциональное функционирование в действительных социальных связях и отношениях. Иначе говоря, социокультурные матрицы – это внешний фон, рассматриваемый под теми или иными заранее введенными ограничениями.

Исследование социокультурных матриц банковской деятельности и определение перспектив их развертывания предусматривает, как представляется, не только определение понятия социокультурных матриц в качестве предваряющей задачи, но и смысловое разграничение социальных трендов, с одной стороны, и матричных фреймов, с другой стороны. На наш взгляд, социальные тренды – это объективно складывающиеся закономерности функционирования социального пространства, предопределяющие конкретные фреймы, ложащиеся в основу матриц, тогда как сами фреймы – это нормативные рамки, поведенческие паттерны, стереотипы, архетипы и иные компоненты социализации, задающие тон социальным практикам, в данном случае – банковской деятельности. Следовательно, тренды являются предпосылкой закладывания фреймов.

Основными трендами современности, диктующими нарождение матричных фреймов банковской деятельности, являются следующие.

1. Распространение в развитых странах доктрины социального государства в разрезе ответственности банков перед обществом.
2. Активное развертывание института религиозного банкинга, являющегося синтезом возмездной экономической деятельности с нормами традиционных религий.
3. Ориентация банков не только на экономико-финансовую, но и на социальную экспансию, направленность на регулирование поведения широких слоев населения в разных сферах общественной организации.

Доктрина социального государства, столь популярная в настоящее время в европейском политико-экономическом пространстве, оказывает сильное влияние на банковскую жизнь развитых государств. По сути, она представляет собой результат сглаживания развившегося в первой половине XIX столетия либерального концепта с поправкой на необходимость нивелирования асимметричной социальной дифференциации, становящейся следствием неравного присвоения материальных благ.

Лоренц фон Штейн, идейный зачинатель теории социального государства, предлагал внести существенную поправку в свободный рыночный механизм, ее суть сводится к следующему: государство может вмешиваться в экономические отношения при необходимости гармоничного разрешения социальных противоречий для превентивного гашения очагов напряженности, грозящих перерасти в гражданскую войну, которая «уничтожает вместе с благосостоянием всех и само государство, которое не могло понять и охранить этого благосостояния» [3, с. 525]. Более того, Л. фон Штейн называл такую гармонизацию социальных трений «высшей социальной функцией» государства [3, с. 525].

Развитие положений доктрины социального государства во второй половине XX столетия привело к концептуализации идеи социальной ответственности бизнеса благодаря усилиям американского экономиста А. Кэрролла, который понимал под ней обязанности бизнеса перед обществом, располагающиеся в плоскостях экономики, правовых установлений и ограничений, этики, а также собственного усмотрения бизнес-единиц о масштабах и объемах дополнительной ответственности перед обществом [12, p. 499]. Речь идет о добровольном принятии акторами деловой жизни обязательств перед обществом, государством, своими сотрудниками и клиентами по охране окружающей среды, филантропическому участию в социально значимых проектах, ведению предпринимательской деятельности сообразно со стандартами деловой этики и общепринятыми человеческими ценностями, поддержанию внутри организации «экологичных» принципов менеджмента, активному развитию корпоративной социальной политики.

Как было замечено Е.В. Пустынниковой и А.В. Тимохиной, «истинная роль бизнеса заключается в эффективном использовании своих ресурсов и энергии с целью увеличения прибыли, при условии, что он действует в соответствии с правилами и принимает участие в честной конкурентной борьбе, исключая использование мошенничества и обмана» [9, с. 12]. Очевидно, что данное правило не только применяется к банковской деятельности, но и в сочетании с постулатами социального государства и социальной ответственности бизнеса порождает регулярное внесение со стороны государства и бизнеса инкрементальных поправок социальной ориентации.

Политико-правовые порядки, банковские системы которых характеризуются развитостью, надежностью и устойчивостью, внедряют и постоянно совершенствуют инструментарий пруденциального регулирования, направленный на снижение рисков от банковской деятельности, защиту интересов вкладчиков и поддержку коммерческих банков со стороны публичного финансового регулятора в кризисных ситуациях. В.Ю. Миронов выделяет три функции пруденциального регулирования – «превентивную, защитную и обеспечительную» [8, с. 78], из которых лишь защитная («гарантированная защита интересов вкладчиков при банкротстве банка» [8, с. 78]), на первый взгляд, связывается с имплементацией идеи социального государства в банковские отношения. Тем не менее превенция пруденциального регулирования, состоящая в нормативно установленных ограничениях на совершение коммерческими банками высокорисковых операций, а также осуществление поддержки национальным центральным банком в случае банкротства поднадзорной кредитной организации имеют не меньшую социальную нагрузку. От поддержания стабильности банковской системы в целом зависит общее состояние финансового фона, а значит, и благополучие конкретных домохозяйств.

С другой стороны, сами банки, находясь в условиях жесткой конкуренции, активно внедряют программы льготного кредитования нуждающихся, которые могут субсидироваться государством.

Тренд на воплощение идей социального государства и социальной ответственности бизнеса, охвативший в том числе банковскую сферу, задает социокультурный фрейм архетипизации справедливости в преломлении на существо и содержание банковских отношений. Согласно данному фрейму, передающемуся в ходе социализации среди осознанных и стихийных адресатов идеи социального государства, справедливое поле для нормального ведения банковской деятельности связывается с этическими ограничениями на извлечение необоснованно высоких процентов и комиссионных вознаграждений со стороны кредитных учреждений. Причем данный фрейм во многом покоится на том допущении, что присвоение чрезмерных капиталов от коммерческой деятельности банков носит паразитический характер, так как оно не связано с трудовым и управленческим участием банковских служащих и бенефициаров банков в создании общественного продукта материализованного характера.

Тренд развития религиозного банкинга актуален, в первую очередь, для мусульманских государств и для тех стран, где проживает значительное число приверженцев ислама.

Основой современного мусульманского банкинга, как и прежде, является исламская коммерческая юри-

спруденция, которая носит название «фикхаль-му'амалат». Последняя зиждется на идее о необходимости распределения «богатства и ресурсов для обеспечения справедливости и равенства между людьми» [6, с. 44], что предписывает «запрет на рост ренты и процентов» [6, с. 44]. В то же время, поскольку банковская деятельность неизбежно сопряжена с наращиванием капиталовложений, субститутом спекулятивного дохода, согласно исламским стандартам ведения банковской деятельности, считается «часть создаваемой в реальном секторе экономики с их участием прибыли» [4, с. 58].

Впрочем, указанный ранее запрет на рост ренты и процентного дохода не означает полное табуирование извлечения прибыли из совершающихся финансовых операций. Так, в исламской банковской жизни имеют место такие коммерчески ориентированные инструменты, как:

– амана («соглашение о распоряжении денежными средствами клиента сообразно с его указаниями на основе уплаты комиссионного вознаграждения» [6, с. 48]);
– мудараба («предоставление денежных средств для их вложения доверительным управляющим в функционирование какой-либо организации или в определённый проект с последующим получением доли прибыли в бизнесе или в отдельном проекте» [6, с. 48]);
– мушарака («соглашение о совместной деятельности между финансовым институтом и клиентом с оговоркой о способе распределения прибыли и убытков» [6, с. 48]);
– мурабаха («приобретение финансовым посредником товара в интересах клиента за свой счёт с последующей передачей товара клиенту на условиях рассрочки с уплатой оговорённой надбавки» [6, с. 48]).

Таким образом, на основе изложенных особенностей тренда развития религиозного банкинга, рассмотренного сквозь призму исламских банковских практик, можем констатировать наличие фрейма конвергенции постулатов традиционного религиозного мировоззрения с реалиями складывающегося общемирового хозяйственного (и в том числе банковского) оборота. Последний, в свою очередь, предполагает неизбежность материальной заинтересованности сторон и коммерческой ориентации экономических акторов, и в том числе банковских учреждений, функционирующих сообразно с постулатами исламской религиозной философии.

Ориентация банков не только на экономико-финансовую, но и на социальную экспансию связывается с процессами цифровой трансформации и сетевизации, являющимися очередной ступенью продолжающегося информационного перехода. Ключевым фактором выделенной экспансионистской интенции банков является создание собственных экосистем, причем данное явление следует, на наш взгляд, рассматривать как минимум в двух аспектах.

С одной стороны, построение экосистемных моделей диктуется не столько желанием самих банков охватывать и контролировать новые рынки, сколько плотной конкуренцией среди кредитных организаций. Данную точку зрения поддерживает О.В. Береза: «В результате, чтобы конкурировать и выжить в жестких условиях современности, банковские учреждения расширяют практику использования экосистемных бизнес-моделей для обеспечения роста и генерирования стоимости… возникает разнообразная цифровая банковская система, состоящая из банковских и небанковских игроков» [5, с. 51].

С другой стороны, в рамках складывающихся банковских экосистем, охватывающих как финансовые услуги, так и транспорт, доставку продуктов питания, сферу развлечений, фармацию и пр., аккумулируются большие объемы информации о предпочтениях потребителей и их образе жизни в различных аспектах. Обработка и систематизация соответствующей информации позволяет маркетологам экосистем не только создавать наиболее продаваемый продукт, но и посредством манипулятивных технологий, связанных с оказанием «такого скрытого воздействия на объект влияния, в ходе которого последний совершает действия в интересах манипулятора, хотя полагает, что приносит благо самому себе» [11, с. 136].

Получается, что банки в условиях цифровизации и создания экосистем становятся агентами так называемого «надзорного капитализма», подробно описанного современным философом Ш. Зубофф. По мнению мыслителя, «продукты и услуги надзорного капитализма не являются объектами обмена… вместо этого они являются «крючками», которые заманивают пользователей в операции по изъятию данных, когда наш личный опыт отфильтровывается и упаковывается как средство для достижения целей других людей» [1, с. 20]. Как утверждает Ш. Зубофф, «надзорный капитализм работает благодаря беспрецедентной асимметрии знания и власти, которую дает знание» [1, с. 21], при этом «надзорные капиталисты знают все *о нас*, в то время как их работа построена так, чтобы оставаться неведомой *для нас*» [1, с. 21].

Таким образом, тренд социальной экспансии банков, внешним выражением которого является генерирование экосистемами больших массивов данных о профиле клиентов и потребителей, навязывает и активно стимулирует социокультурный фрейм сетевой транспарентности усредненного пользователя Интернета. Он заключается в как можно более широком оставлении «цифрового следа» клиентами банковских экосистем, притом что на основе этого «следа» можно сформировать социальный профиль потребителя и тем самым контролировать его поведение не только в рамках банковских операций, но и в масштабе досуга, передвижений, здоровья и пр.

В заключение статьи можем сделать следующий вывод. Перспективизация социокультурных матриц современной банковской деятельности, согласно выделенным в основной части публикации матричным фреймам, таким, как архетипизация справедливости в преломлении на существо и содержание банковских отношений, конвергенция постулатов традиционного религиозного мировоззрения с реалиями складывающегося общемирового хозяйственного (и в том числе банковского) оборота, сетевая транспарентность усредненного пользователя Интернета как объекта воздействия банковских экосистем, будет проходить по линии размежевания матриц ввиду их качественной разнородности и предметной несходимости. Распространение фрейма справедливости банковских операций в этом смысле носит всеобщий характер, тогда как эволюционирование религиозного банкинга касается преимущественно представителей исламского мира и охватывает духовную сферу, а привязка фрейма сетевой транспарентности к существу банковских отношений считается валидной лишь в случае рассмотрения банковских экосистем, которыми не исчерпывается мировая банковская система.

Литература

1. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.

2. Микиша А.М., Орлов В.Б. Толковый математический словарь. Основные термины. Около 2500 терминов. М.: Русский язык, 1989. 244 с.
3. Штейн Л. Учение об управлении и Право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: Типография В.В. Пратц, 1874. 594 с.
4. Асканова О.В., Севастьянова С.К. Деньги в духовно-нравственном контексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 52–59.
5. Береза О.В. Оценка эффективности банковской системы // Финансовые рынки и банки. 2022. № 3. С. 51–58.
6. Зубов В.В. Влияние философских начал ислама на формы и инструменты банковской деятельности в мусульманском мире // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 42–50.
7. Исангулова И.М. Влияние социокультурной матрицы на женское здоровье // Пространство психоанализа и психотерапии. 2023. № 3. С. 100–111.
8. Миронов В.Ю. Направления совершенствования риск-ориентированного пруденциального банковского регулирования в РФ // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 77–81.
9. Пустынникова Е.В., Тимохина А.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11–3 (105). С. 12–16.
10. Рягузова Е.В. Социокультурная матрица развития личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. Вып. 1 (17). С. 34–39.
11. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
12. Carroll Archie B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // Academy of Management Review. 1979. Vol. 4. № 4. Pp. 497–505.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIOCULTURAL MATRICES IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF BANKING

Zubov V.V., Filippov A.R.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Bauman Moscow State Technical University, Peoples' Friendship University of Russia

The article defines the prospects for the development of sociocultural matrices in the context of modern banking practices. The author's concept of sociocultural matrices is formulated from the perspective of philosophical knowledge, justifying the distinction between social trends and matrix frames. It is proven that social trends are patterns of social space functioning that predetermine specific frames, while matrix frames are normative frameworks, behavioral patterns, stereotypes, archetypes, and other components of socialization that set the tone for banking activities. The article characterizes such frames of sociocultural matrices in banking as the archetypalization of justice (negative perception of banks' unjustified profit-making), the incorporation of postulates and prohibitions of traditional religions into modern banking life, and the imposition of a network transparency model by banking ecosystems to facilitate comprehensive control over consumer behavior and preferences. The conclusion states that the identified matrix frames will likely diverge due to qualitative heterogeneity and substantive incompatibility.

Keywords: sociocultural matrices, frames, socialization, archetypes, banking, Islamic banking, ecosystems, welfare state.

References

1. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 784 p.
2. Mikisha A.M., Orlov V.B. Explanatory Mathematical Dictionary. Basic Terms. About 2500 Terms. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 244 p.
3. Shteyn L. The Doctrine of Governance and the Law of Governance with a Comparison of Literature and Legislation of France, England, and Germany. Saint Petersburg: V.V. Pratz Printing House, 1874. 594 p.
4. Askanova O.V., Sevastyanova S.K. Money in the spiritual and moral context // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2014. № 27. P. 52–59.
5. Bereza O.V. Assessment of the banking system efficiency // Financial Markets and Banks. 2022. № 3. P. 51–58.
6. Zubov V.V. The influence of Islamic philosophical principles on the forms and tools of banking in the Muslim world // Modern Philosophical Research. 2024. № 4. P. 42–50.
7. Isangulova I.M. The impact of sociocultural matrix on women's health // Space of Psychoanalysis and Psychotherapy. 2023. № 3. P. 100–111.
8. Mironov V. Yu. Directions for improving risk-oriented prudential banking regulation in the Russian Federation // Legal Science. 2023. № 3. P. 77–81.
9. Pustynnikova E.V., Timokhina A.V. Corporate social responsibility of business // Economics and Business: Theory and Practice. 2023. № 11–3 (105). P. 12–16.
10. Ryaguzova E.V. Sociocultural matrix of personality development // Izvestiya Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology. 2016. Vol. 5. Iss. 1 (17). P. 34–39.
11. Filippov A.R. Political ideology as a form of manipulation // Vlast. 2024. № 3. P. 133–139.
12. Carroll Archie B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // Academy of Management Review. 1979. Vol. 4. № 4. Pp. 497–505.

Экзогенные факторы религиозного экстремизма: социально-философский дискурс

Зверков Николай Викторович,
аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: zverkov.n@yandex.ru

Явление религиозного экстремизма является характерным для истории духовной и политической культуры. Традиционной детерминантами религиозного экстремизма традиционно были внутренний религиозный и внешний (политика, социальная дифференциация, миграционные процессы, этнокультурные противоречия, экономические проблемы и прочее). До постиндустриального периода эндогенные причины рассматривались как ведущие в возникновении и развитии явления религиозного экстремизма. В современных условиях внешние факторы обладают значительным потенциалом инициирования и поддержания идеологии и движения религиозного экстремизма. Цель нашего исследования заключается в рассмотрении влияния экзогенных факторов на возникновение и развитие религиозного экстремизма в условиях глобальных социокультурных, экономических и политических процессов. Исходя из цели работы и многогранного характера явления религиозного экстремизма, в статье использовались методы, отвечающие междисциплинарной ориентации современных социально-гуманитарных исследований при доминировании философского дискурса. В работе делается вывод о возросшей значимости внешних детерминантов на явление религиозного экстремизма в условиях глобальных социально-экономических, политических процессов и единой информационно-коммуникационной сети.

Ключевые слова: глобализация, общие и индивидуальные факторы, политико-религиозный экстремизм, неоколониализм, радикальная идеология, религия, религиозный экстремизм, фанатизм, экзогенные факторы, эндогенные факторы.

Введение

Понятие «религиозный экстремизм» вошло в правовой и междисциплинарный научный тезаурус из публицистической литературы в конце XX века, как следование в религии крайним радикальным взглядам и антиобщественным действиям с целью изменений социума в соответствии с вероучением, «нетерпимость к представителям той же (внутриконфессиональный экстремизм) или других религий (межконфессиональный экстремизм)» [1;8;15;17].

По мнению ученых, религиозный экстремизм исторически сопровождает развитие обществ авраамических религий. В качестве примеров можно привести движение павликиан, альбигойцев и катаров, террор североирландских католиков, организации Ку-клукс-клана, движения ваххабитов и салафитов, «теологию освобождения», хуситов «Ансар Аллах» [7;10].

Детерминанты религиозного экстремизма имели два источника: внутренний религиозный, связанный с конфессиональными разделениями и ассимиляционными процессами в идеологии, и многофакторный внешний (политика, социальная дифференциация, миграционные процессы, этнокультурные противоречия, экономические проблемы и прочее). Следует подчеркнуть, что деление детерминантов носит гносеологический характер. В реальности религиозный экстремизм формируется под комплексным влиянием взаимодополняющих факторов.

До недавнего времени эндогенные причины рассматривались как ведущие в возникновении и развитии явления религиозного экстремизма. «Всякая религия, достигшая зрелой формы (мировой религии), содержит в себе, благодаря сочетанию консерватизма и гибкости, потенциальную возможность экстремистской модификации», утверждал исламовед профессор М.Я. Яхьяев: «Экстремистские модификации», как правило, порождаются процессами схизмации внутри крупной конфессии или / и ассимиляции в изменившемся социокультурном окружении [10, с. 26].

В современных условиях эндогенные и экзогенные причины сохраняются. Однако ученые обращают внимание на рост влияния в условиях глобализации внешних причин на формирование и активность движения при появлении феномена псевдорелигиозности и разрыве между сакральным и профанным [7]. Анализ характера и действенности этой категории детерминант с учетом теологического контекста важен как с позиций академического знания, так и с точки зрения прогностической задачи науки, возможности предотвращения асоциального явления общественной жизни, через влияние на причины его возникновения [7].

Обзор литературы

В междисциплинарном поле за четверть века сложилось философское представление о религиозном экстремизме отраженные в трудах отечественных и зарубежных авторов. Сред и них М. Аль-Зеваири, Дж. Ганнинг, Р. Джексон, Ч. Неймат, В. Слигерс, М. Юргенсмейер, Дж. Беллер, С. Крогер, В.В. Гурский, А.В. Данилов, О.Н. Ефремова,

Т.В. Излученко, В.И. Красиков, М.Я. Яхьяев и других [2; 3;4;7;8;10;16;17;18;19;20;22;24;25]. Исходя из оптики исследования, именно философские труды составили базу статьи.

В качестве источника нарратива использовались публицистические и исторические издания [11;13].

Методы исследования

Интегративный характер общей проблемы религиозного экстремизма и частной проблемы его источников предполагает использование методов, отвечающих междисциплинарной ориентации современных социально-гуманитарных исследований при доминировании философского дискурса.

Значительный корпус философской монографической, правовой и публицистической литературы обуславливает применение герменевтических и феменологических принципов познания, обеспечивающих понимание семиотической и экзистенциальной сути явления религиозного экстремизма. Как аспект социальной реальности религиозный экстремизм рассматривается с использованием постструктуралистского подхода. Социокультурный характер явления объясняет применение культурно-антропологического, культурно-типологического методов. Автор в работе опирался на методы, примененные в теории социального напряжения Р. Мертона [9].

В статье используются общенаучные методы классификации, системного и структурно-функционального анализа и синтеза.

Результаты исследования

Универсальной характеристикой современных процессов социокультурного, политического и экономического развития является глобализация, обеспечивающая взаимную зависимость народов и государств, формирование общего мирового финансово-экомического и культурно-информационного пространства.

Издержки развития глобальных социально-экономических программ сопряжены с процессами «травматической трансформации» (П. Штомпка). Закономерно, что факторы глобализации выступают определяющими в общих экзогенных детерминантах религиозного экстремизма и ощутимо сказываются на всех сторонах явления: доктринальной, организационной и деятельностной. Рост религиозного экстремизма, проявление религиозного фанатизма, создание международных религиозно-экстремистских организаций стали маркирующей характеристикой глобализации [23].

Культурный и экономический разрыв «Севера и Юга», неоколониализм и связанные с ним западная политика мультикультурной идентичности и обоюдная – Запада и Востока – политика культурной агрессии, «вестернизация «Востока» и «исламизация» Запада, процессы миграции, информационные технологии кардинально отразились на религии. Философы говорят о ее «вне-мирности», эмансипации от трансцедентальных рамок, в кантианском значении, о развитии универсализации. При этом глобализация порождает несвойственную религии, как институту стабилизации общества, «критическую направленность», «выражения мнения несогласных» [5, с. 28], а ксенофобия приобретает функции «борьбы за выживаемость вида», то есть, того или иного этноса со свойственным ему культурным своеобразием [21].

Экономические факторы часто выступают катализатором в формировании религиозного экстремизма и всплеска активности его адептов. Модернизационные процессы в традиционных экономиках осуществляются за счет слаборазвитых стран, сопровождаются обнищанием их населения и сломом устоявшихся социальных механизмов.

Как протест против низкого уровня жизни, неэффективности и коррумпированности властей стало активное развитие в XXI веке экстремистских религиозных формирований в Тропической Африке, таких как «Боко харам» или официально «Джамаату ахлис Сунна ли-ддаавати ва-ль-Джихад» в Нигерии. Ученые замечают, что «в условиях крайней скудности и нехватки самого необходимого (медикаментов, продуктов) – экономический фактор не только не снижает своего значения, но, напротив, подчиняет себе, своей логике проявления конфессиональности, хотя и не может подавить их полностью» [11, с. 39].

Экономические проблемы провоцируют неконтролируемые миграционные процессы, которые, в свою очередь создают почву для радикальных идеологий, в том числе и религиозного экстремизма, среди автохтонного населения и в среде мигрантов.

Миграционные процессы опасны маргинализацией, потерей традиционных социальных механизмов контроля, ценностных ориентиров, социальной аномией.

Религиозный экстремизм обеспечивает ориентиры самоидентификации и обоснование нежелания сложной интеграции в инокультурное социальное пространство. Обоснование находится в традиционной дихотомии «свой – чужой».

Подобная демаркация свойственна не только маргинализованным мигрантам. «Назначение» врага, ксенофобия, обязательный элемент экстремисткой идеологии, националистических конфликтов и религиозных войн.

Религиозную нетерпимость, реализуемую и в религиозном экстремизме провоцируют сложности с интеграцией в профанную сферу культуры и социальной жизни, порождающие чувства ресентимента. Ф. Ницше ввел это понятие – «ressentiment» в 1887 году в первом трактате книги «К генеалогии морали», говоря о людях, лишенных влияния и жаждущих мести. Ресентимент, как обида за социальную несостоятельность, свойственен как отдельным индивидам, так социальным группам, и часто становится внешним фактором провокации религиозного экстремизма [6].

К общим причинам религиозного экстремизма экзогенного характера относятся политические факторы.

Острыми проблемами современного этапа глобализации является тенденция использования экстремистской идеологии религиозных движений в стремлении захватить и удержать светскую политическую власть. Это характерно для очагов социальной напряженности по всему миру.

Политологи считают, что сегодня идеология религиозного экстремизма формируется усилиями так называемых «антрепренеров», которые используют религиозные стереотипы только как «сырье» [1, с. 16]. Так политический фактор признан ведущим в создании и функционировании экстремистских религиозных формирований в странах Африки. В то время как религиозная идеология служит их легитимацией. Х.-А. Нухаев (Хожа) говорил в интервью американскому журналисту П. Хлебникову о ваххабитах: «Люди не защищены ни кровнородственной системой, ни государством. Все одинокие. И вот приходит ваххабит и объясняет самые простые вещи: здесь единобожие, здесь подчиняться надо, здесь враг, здесь убить надо… и все…» [13, с. 63]. Эти примеры делают оправданными появление в социально-философском тезаурусе термина «политико-религиозный экстремизм».

Информационные детерминанты развития религиозного экстремизма связаны с созданием и работой глобальной инфосети. Информационное общество, пришедшее на смену постиндустриальной цивилизации, одновременно с благами доступности сведений и свободой коммуникации получила проблемы лавинообразного неконтролируемого потока информации. В глобальной информационной «паутине» контент не подвергается цензуре, а характер общения принятым социальным нормам.

Интернет предоставляет информацию о религиозном экстремизме, его организациях, лидерах движения, часто безоценочно, лишь на информационном уровне или в героическом ореоле борцов с тоталитаризмом. неоколониализмом, искажением «истинной веры» и так далее. При скромности гуманитарной образовательной базы и слабом развитии критического мышления некоторой части активного населения, особенно молодежи это обеспечивает популяризацию явления общественной жизни, провоцирует интерес к радикальным идеям.

Индивидуальные факторы экзогенного характера, по мнению ученых, обладают интегративным потенциалом, способным улить другие факторы возникновения религиозного экстремизма [7;10;12].

Негативные социально-экономические факторы, проблемы внутригрупповой коммуникации, отсутствие перспектив и способности преодолеть кризис приводят к формированию у индивида поведенческих установок, побуждающих к насилию, оправданному высшими духовными целями. Духовный поиск приводит фанатично осознаваемой необходимости реализации социального проекта, о котором Л. Бофф, лидер «теологии освобождения», писал об упорном стремлении «к сохранению существующего, сохранению всеми средствами, вплоть до уничтожения других людей и самоуничтожения» [14, с. 5].

Сторонники религиозных экстремистских учений помимо прочной мотивации своих действий, оправданных высшим авторитетом, отличаются мифологическим апокалипсическим сознанием, мистическим мировоззрением. слабой базой теологических знаний, фанатизмом и агрессивным радикализмом оценок.

Таким образом, религиозный экстремизм исторически присущ монотеистическим религиям. В условиях глобализации экзогенные факторы общего (экономические, социокультурные, политические, информационные) и индивидуального характера оказывают существенное, часто определяющее влияние на состояние религиозной сферы обществ, характер религиозной идеологии и процессы схизмации. Анализ конкретных причин религиозного экстремизма является залогом предотвращения этого явления и борьбы с ним.

Универсальной характеристикой современных процессов развития человечества является глобализация, обеспечивающая взаимную зависимость народов и государств, формирование общего мирового финансово-экономического и культурно-информационного пространства. Факторы глобализации выступают определяющими в общих экзогенных детерминантах религиозного экстремизма и ощутимо сказываются на всех сторонах явления.

Рост религиозного экстремизма стал признаком глобализации. Неблагоприятные экономические факторы часто выступают катализатором в формировании религиозного экстремизма. Модернизация традиционных обществ по западным культурным образцам, неконтролируемые миграционные процессы провоцируют развитие асоциального поведения и радикального мировоззрения, легитимируемых религиозной идеей.

Литература

1. Барский Л.А. Оглядываясь в будущее: прогноз на XXI век. М.: Новый центр, 2006. 308 с.
2. Гурский В.В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений: на примере российского общества. Автореф. … канд. филос.н. Челябинск, 2012. 120 с.
3. Данилов А.В. Религия, экстремизм, насилие // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 67–73.
4. Ефремова О.Н., Ковалева Г.П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 2, т. 1. С. 37–40.
5. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Изд-во «Европа», 2009. 336 с.
6. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое Лит. Обозрение, 2010. 433.с.
7. Излученко Т.В. Религиозная экстремистская деятельность: социально-философский анализ: Автореф. … дисс.д. филос.н. Красноярск, 2022. 42 с.
8. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М.: Водолей Publishers, 2006. 496 с.
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
10. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / под ред. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296 с.
11. Религиозные факторы в Африке, южнее Сахары: угрозы нарастания и возможности предотвращения. Материалы конференции. М.: Институт Африки РАН. 2019. С. 38–40.
12. Римский А.В., Борисов С.Н. Культурно-исторические формы религиозного эксстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 114–122.
13. Хлебников П., Марягин Jl. Разговор с «варваром». М.: Детектив-Пресс, Эксмо, 2003. 288 с.
14. Эко У. Имя розы. СПб.: Symposium, 2009. 634 с.
15. Яворский М.А. Причины и условия религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал 2008. № 11 (143). М.:2019. С. 43–44.
16. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Penaceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355.
17. Boyer P. Religion Explained: the Evolutionary Origins of Religious Thought // South Texas Law Review. 2001. № 50. P. 292–312.
18. Gunning J., Jackson R. What's so 'religious' about 'religious terrorism'? // Critical Studies on Terrorism. 2011. Vol. 4, is. 3. P. 369–388.
19. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence. Berkeley, 2003. 319 p.
20. Ramakrishna K. The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // Journal of Asian Security and international Affairs. 2018. Vol. 5, is. 2. P. 111–128.
21. Ruse M. Sociobiology: Sound science of muddled metaphysics // Proceedings of the 1976 Biennial

Meeting of the Philosophy of Science Association / Ed. by F. Suppe. Vol. II. Michigan, 1977. P.190–218.
22. Sleegers W., Proulx T., Beest I. Extremism reduces conflict arousal and increases values affirmation in response to meaning violations // Biological Psychology. 2015. Vol. 108. P. 126–131.
23. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. 348 p.
24. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // L'Evolution Psychiatrique. 2019. Vol. 84, is. 3. P. 59–69.
25. Al-Zewairi M., Naymat G. Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 113. P. 162–169.

EXOGENOUS FACTORS RELIGIOUS EXTREMISM: A SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Zverkov N.V.
N.P. Ogaryov National Research Mordovian State University

The phenomenon of religious extremism is characteristic of the history of spiritual and political culture. The traditional determinants of religious extremism have traditionally been internal religious and external (politics, social differentiation, migration processes, ethno-cultural contradictions, economic problems, etc.). Before the post-industrial period, endogenous causes were seen as leading in the emergence and development of the phenomenon of religious extremism. In modern conditions, external factors have a significant potential to initiate and maintain the ideology and movement of religious extremism. The purpose of our research is to consider the influence of exogenous factors on the emergence and development of religious extremism in the context of global socio-cultural, economic and political processes. Based on the purpose of the work and the multifaceted nature of the phenomenon of religious extremism, the article used methods that meet the interdisciplinary orientation of modern socio-humanitarian research with the dominance of philosophical discourse. The paper concludes on the increased importance of external determinants on the phenomenon of religious extremism in the context of global socio-economic, political processes and a single information and communication network.

Keywords: globalisation, common and individual factors, political-religious extremism, neo-colonialism, radical ideology, religion, religious extremism, fanaticism, exogenous factors, endogenous factors.

References

1. Barsky L.A. Looking back into the future: Forecast for the XXI century. Moscow: New Centre, 2006. 308 c.
2. Gursky V.V. Religious extremism as a form of social relations: on the example of the Russian society. Autoref. … Cand. philos.n. Chelyabinsk, 2012. 120 c.
3. Danilov A.V. Religion, extremism, violence // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2018. № 3. C. 67–73.
4. Efremova O.N., Kovaleva G.P. Religious fanaticism as a prerequisite for extremism // Vestnik of social and humanitarian sciences. 2020. № 2, т. 1. C. 37–40.
5. Žižek S. The Doll and the Dwarf: Christianity between Heresy and Rebellion. Moscow: Izdvo 'Europe', 2009. 336 c.
6. Girard R. Violence and the Sacred. Moscow: Novoye Lit. Obozrenie, 2010. 433.c.
7. Izluchenko T.V. Religious extremist activity: socio-philosophical analysis: Author's abstract. … diss.d. philos.n.. Krasnoyarsk, 2022. 42 c.
8. Krasikov V.I. In Extreme. Interdisciplinary philosophical research of the causes, forms and patterns of radical consciousness. Moscow: Aquarius Publishers, 2006. 496 c.
9. Merton R. Social Theory and Social Structure M.: AST; CHRANITEL, 2006. 873 c.
10. Religious and political extremism: essence, causes, forms of manifestation, ways to overcome / edited by M.Y. Yakhyaev. Moscow: Parnas, 2011. 296 c.
11. Religious Factors in Sub-Saharan Africa: Rising Threats and Opportunities for Prevention. Materials of the conference. M.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2019. C. 38–40.
12. Rimsky A.V., Borisov S.N. Cultural and historical forms of religious extremism: from traditionalism to modernity // Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Sciences. 2012. № 5. C. 114–122.
13. Khlebnikov P., Maryagin JI. Conversation with 'barbarian'. Moscow: Detective-Press, Eksmo, 2003. 288 c.
14. Eco U. The Name of the Rose. SPb.: Symposium, 2009. 634 c.
15. Yavorsky M.A. Causes and conditions of religious extremism in modern Russia // Juridical World. All-Russian scientific and practical legal journal 2008. № 11 (143). M.:2019. C. 43–44.
16. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Penaceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist Violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355.
17. Boyer P. Religion Explained: the Evolutionary Origins of Religious Thought // South Texas Law Review. 2001. № 50. P. 292–312.
18. Gunning J., Jackson R. What's so 'religious' about 'religious terrorism'? // Critical Studies on Terrorism. 2011. Vol. 4, is. 3. P. 369–388.
19. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence. Berkeley, 2003. 319 p.
20. Рамакришна К. Радикализация Абу Хама: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // Journal of Asian Security and International Affairs. 2018. Vol. 5, is. 2. P. 111–128.
21. Руce M. Социобиология: Sound science of muddled metaphysics // Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / Ed. by F. Suppe. Vol. II. Michigan, 1977. P.190–218.
22. Sleegers W., Proulx T., Beest I. Экстремизм уменьшает конфликтное возбуждение и увеличивает утверждение ценностей в ответ на нарушение смысла // Биологическая психология. 2015. Vol. 108. P. 126–131.
23. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. 348 p.
24. Tischinin G., Lamote Th. Процесс радикализации в тюремной среде: From Criminogenesis to Radicalogenesis // L'Evolution Psychiatrique. 2019. Vol. 84, is. 3. P. 59–69.
25. Al-Zewairi M., Naymat G. Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 113. P. 162–169.

Интеграция искусственного интеллекта в образование и его влияние на потенциал будущего молодежи региона через социально-философскую призму

Коготыжева Алина Кушбиевна,
ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, аспирант направления «Социальная и политическая философия», Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: alino.kogo@mail.ru

Атабиева Зарема Алихановна,
к.с.н., доцент, завкафедрой теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: atab_zara@mail.ru

Азаматова Гюльджан Камилевна,
к.и.н., доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: azagulya2007@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению феномена молодежного активизма в авансцене цифровых инноваций на примере Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР), а также последствия внедрение искусственного интеллекта в учебный процесс студенческой молодежи. За последние десятилетия наблюдается активное участие молодежи различных возрастов в социальных, политических и различного рода движениях, что обусловлено доступностью цифровых платформ для организации и распространения информации. В данной статье реализована попытка проанализировать ключевые факторы, способствующие активизации искусственного интеллекта (далее ИИ) в образовательном процессе, а так же его влияние на данную социально-демографическую группу и на образовательный процесс. В заключении обсуждаются перспективы развития молодежного активизма в цифровую эпоху, последствия цифровых инноваций, а также автором подчеркнута важность молодежного голоса в процессе социальных изменений и стремительного развития гражданского общества.

Ключевые слова: молодежь, активизм, искусственный интеллект, Кабардино-Балкарская Республика, социальные сети, медиапространство, социальные инновации, вуз.

Такая отрасль философии, как социальная философия, отражала и отражает в становлении системы общественных отношений рождение новых закономерностей, определяющих мировые процессы общества на рубеже XX–XXI вв. Стремительно открываются новые дефиниции идеологические горизонтов и внешние трансценденты мировоззрений. Меняется парадигма политической и социальной деятельности, и становится очевидно движение к ноократии (от греч. разум и власть) [5, с. 3]. В современном мире это проявляется в стремлении самой многочисленной социально-демографической группы под названием молодежь к совместному созиданию, стремительному поиску самого себя, активному наращиванию потенциала, продвижению индивидуальности и самоидентичности, к первенству и лидерству во всех общественных сферах. В этом проявляется ее могущество и сила, в ее новаторствах и амбициях. И соответственно, могучим и сильным будет и само общество, взращивая и развивая потенциал молодежи, а регион будет конкурентоспособным и развитым.

Актуальность заявленной проблемы можно обосновать многими факторами.

Во-первых, стремительное развитие всех сфер общественной жизни, а если конкретнее, системы образования, требует всестороннего и глубокого изучения и переосмысления с позиции социально-философской призмы. Сегодня, мир далеко ушел вперед, поэтому современные практики и методологии должны быть внедрены в образовательный процесс для стабилизации учебной деятельности молодежи. Данный концепт еще в 2020 году был утвержден президентом России Владимиром Путиным в указе о поправках к Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Данный документ опубликован на официальном портале нормативно-правовых актов. «Искусственные технологии должны быть внедрены в цифровую трансформацию органов публичной власти», – постановил президент РФ [14].

Во-вторых, всё активнее используются цифровые технологии, такие как ИИ в учебном процессе и мы должны понимать, что это чревато не только прогрессивными результатами.

Наконец, в-третьих, как отразится на будущем нашей молодежи ИИ тоже вызывает вопрос. Ведь мы понимаем, что будущее нашего региона и страны в целом зависит от осознанной подрастающей молодежи, от образованного прогрессивного общества, которое может изменить этот мир к лучшему.

Целью данного исследования является анализ преимуществ и проблем интеграции ИИ в образование, а также определение путей их решения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– изучить теоретические аспекты интеграции ИИ в образование;
– проанализировать опыт внедрения ИИ в образовательные учреждения;
– выявить преимущества и проблемы интеграции ИИ;

– определить пути решения проблем.

Объектом исследования являются процессы интеграции ИИ в образовательную систему.

Для проведения исследования были использованы методы анализа научной литературы, обобщения опыта внедрения ИИ, сравнения и систематизации данных, онлайн-опрос среди молодежи России.

Многие авторы подходят по-своему к новой современной парадигме образования, так как происходит системная трансформация образования во всех ее аспектах [17, с. 188].

Искусственный интеллект был основан как академическая дисциплина в 1956 году теми, кого сейчас считают отцами-основателями искусственного интеллекта: Джоном Маккарти, Марвином Мински, Натаниэлем Рочестером и Клодом Шенноном [15].

Российский учёный Д.А. Поспелов рассматривает искусственный интеллект в области управления, технической кибернетики и информатики в аспекте свойства искусственных интеллектуальных систем, которые выполняют творческие функции и традиционно считаются прерогативой человека.

Российский учёный в области информатики, программирования и математической логики В.Н. Захаров понимает искусственный интеллект как научную область, которая занимается моделированием интеллектуальной деятельности человека с помощью вычислительных машин.

А.Д. Вислова отмечает ИИ как один из наиболее успешных междисциплинарных проектов.

По мнению российского учёного в сфере информационных технологий Д.О. Логофета, искусственный интеллект – это раздел информатики, изучающий возможность обеспечения разумного поведения компьютера посредством обучения или программирования.

ИИ может в режиме реального времени генерировать разнообразный контент, повышая вовлеченность учеников в учебных процесс, повышая их внимание, заинтересованность, усиливая конверсию от учебы [16].

В тенденциях новой реальности отмечается бурный рост знаний и объема информации, происходит раздвижение горизонтов познания. Цифровые технологии предоставляют молодежи уникальные возможности для объединения, обмена информацией и мобилизации ресурсов. Социальные сети становятся площадками для обсуждения актуальных проблем, а мультимедийные ресурсы – инструментами для привлечения внимания к важным вопросам. Однако наряду с возможностями, молодежные активисты сталкиваются с рядом вызовов, таких как недостаток финансирования, репрессии со стороны властей и отсутствие поддержки со стороны более старших поколений.

«Молодежный активизм – это не просто протест, это о создании лучшего мира для всех» – говорит Грета Тунберг. Безусловно, молодежный активизм как термин понимается во многих интерпретациях. Молодежный активизм охватывает широкий спектр тем и форм участия, способствуя изменению общества и повышению осведомленности о важных проблемах. Это и цифровой активизм, и политическое участие, и экологический активизм, и социальные движения.

На сегодняшний день существует много примеров успешного внедрения ИИ в образовательный процесс как за рубежом, так и в России.

В США компания Knewton разработала адаптивную систему обучения, которая использует искусственный интеллект для анализа данных об успеваемости учащихся и предлагает им персонализированные учебные материалы и задания. Это позволило повысить успеваемость учащихся на 9%.

В Великобритании компания Century Tech разработала платформу Century, которая использует искусственный интеллект для создания интерактивных обучающих программ по различным предметам. Платформа Century используется более чем в 500 школах Великобритании [10].

В Китае компания TAL Education Group разработала систему искусственного интеллекта, которая помогает учителям оценивать работы учащихся. Система анализирует работы и предоставляет учителям обратную связь о сильных и слабых сторонах каждого учащегося [12].

В Южной Корее компания Naver Corporation разработала образовательную платформу Naver Smart Study, которая использует искусственный интеллект для персонализации обучения и предоставления обратной связи учащимся. Платформа Naver Smart Study используется более чем 10 миллионами учащихся в Южной Корее.

В Австралии компания ALEKS разработала онлайн-платформу для обучения математике, которая использует искусственный интеллект для адаптации сложности заданий к уровню знаний учащихся. Платформа ALEKS используется более чем в 2000 учебных заведений в Австралии и других странах.

Опыт в России характеризуется множественными примерами. Постановление о субсидировании программ повышения квалификации специалистов, занимающихся развитием искусственного интеллекта (ИИ) было подписано председателем Правительства Михаилом Мишустиным в 2022 году [13]. Программы подразумевают работу по подготовке кадров для IT-отрасли.

Продолжая тематику нейросетей, первым случаем в России в 2023 году стал эксперимент, когда YandexGPT 2 сдала ЕГЭ по литературе и набрала балл, необходимый для поступления в вуз. При решении заданий госэкзамена генеративная нейросеть выполнила все его задания, включая творческое. Было набрано 55 баллов, что является средним результатом, а порог составлял на тот момент 40 баллов [8].

В Москве с 2024 года реализуется проект «Московская электронная школа», который использует И И для автоматизации рутинных задач учителей. Яркими примерами является проверка домашних заданий и выставление оценок. Проект охватил более 1000 школ Москвы.

В Санкт-Петербурге реализуется проект «Учи.ру», который использует искусственный интеллект для адаптации сложности заданий к уровню знаний учащихся. Проект предлагает онлайн-уроки по математике, русскому языку и другим предметам для учащихся начальной школы.

Компания Яндекс разработала сервис Яндекс Практикум, который предлагает онлайн-курсы по программированию, маркетингу, дизайну и другим направлениям. Сервис использует искусственный интеллект для персонализации обучения и предоставления обратной связи учащимся.

Небольшая по меркам республика Кабардино-Балкария располагает большим научным потенциалом молодежи. Включая всевозможные коннотации, мы можем с уверенностью говорить, о том что на сегодняшний день именно молодежь, как одна из самых динамичных и восприимчивых к инновациям групп населения, активно использует доступные цифровые платформы в образовательном процессе, а так же для выражения своего мнения и участия в социальных инициативах. КБР не является исключением в этом процессе. Так, наблюдает-

ся рост молодежного активизма, который проявляется в различных формах, от онлайн-кампаний до организации локальных мероприятий и активном участии в конструировании стабильной и комфортной модели общества.

Здесь, подключается миссия современного университета, где лишь вуз способен грамотно скооперировать и аккумулировать все получаемые знания студента будучи глобальным механизмом селективного развития. Учитывая специфику региона, окружающее социокультурное пространство, целевые ориентиры индивида и спектр образовательной деятельности университета формируется современная философия образования. Она рассматривает и исследует сферу образования во всех аспектах ее бытия [4].

В КБГУ «…сделан важный шаг навстречу создания в масштабах университетского комплекса единой образовательной среды, выходящей в глобальное информационное пространство на основе использования новых информационных технологий» – пишет Б.С. Карамурзов [11, с. 31].

В январе 2025 г. создан институт электроники, робототехники и искусственного интеллекта в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова путём объединения двух институтов: института информатики, электроники и робототехники и института искусственного интеллекта и цифровых технологий. На основе этого мы можем констатировать, что образовательная деятельность вуза направлена на подготовку высококвалифицированных специалистов, которые будут востребованы в своих профессиональных областях. Образовательная деятельность института направлена на подготовку специалистов в области машиностроения, электроники, информационной безопасности, робототехники и управления, широко использующих современные компьютерные технологии и программирование микропроцессорных, микроэлектронных, роботизированных технических систем.

Институт включает более 40 учебных и научных лабораторий и два инновационно-научных образовательных центра, оснащенных высокотехнологичным оборудованием мирового уровня по машиностроению и робототехнике [6]. С 2023 года, в институте планирует совместно с компанией «Медицинские скрининговые системы», являющейся резидентом «Сколково», внедрить нейронную сеть «Цельс» – систему поддержки принятия врачебных решений на базе технологий искусственного интеллекта. И.о. ректора КБГУ Юрий Альтудов отметил, что университет готовился к использованию искусственного интеллекта не только в медицине, но и в других направлениях: сельском хозяйстве, системе видеонаблюдения [7].

22 мая 2024 года в институте физики и математики КБГУ прошел межрегиональный научный семинар «Алгебра и динамичные системы», посвященный теме «Нейросети в работе педагогов». Победитель регионального этапа конкурса «Лучший учитель – 2024 года» и аспирантка кафедры теоретической и экспериментальной физики, поделилась опытом применения искусственного интеллекта в образовательном процессе. Используя нейронные сети, она смогла сделать уроки более увлекательными и персонализированными, пробудив интерес учеников к предмету. Одним из важных преимуществ использования ИИ, по словам Мариям Хаджиевой, стало сокращение времени на проверку тестов и домашних заданий, что позволяет более эффективно организовать учебный процесс.

В Кабардино-Балкарском научном центре Российской академии наук с 2021 года активно ведется деятельность по внедрению научно-инновационных центров (НИЦ), в которых будут проводиться исследования по применению искуственного интеллекта в археологии, филологии и сельском хозяйстве [1].

Кабардино-Балкарском научном центре Российской академии наук (КБНЦ РАН) летом 2024 года состоялся семинар, посвящённый вопросам разработки искусственного интеллекта, сообщили в медиацентре научного центра. Семинар был посвящен обсуждению нового функционала редактора мультиагентных нейрокогнитивных архитектур [2].

Таким образом, молодежная политика региона активно создает условия для развития молодежи, внедряет современные образовательные технологии и программы дополнительного образования, поддерживает молодежь в вопросах профессиональной ориентации, обеспечивает безпрепятственный доступ к психологической и иным видам помощи.

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс может столкнуться с рядом проблем, которые необходимо учитывать при разработке и внедрении соответствующих решений [3] (табл. 1).

Таблица 1. Возможности применения искусственного интеллекта в образовании и решение проблем имплементации

1.	Персонализация обучения	ИИ может анализировать данные об успеваемости и поведении учащихся, чтобы определить их индивидуальные потребности и предложить персонализированные учебные материалы и задания. Это поможет учащимся учиться в своём собственном темпе и получать обратную связь, которая соответствует их уровню знаний.
2.	Создание интерактивных учебных материалов	ИИ можно использовать для создания интерактивных обучающих программ, которые могут адаптироваться к уровню знаний учащегося и предоставлять ему необходимую информацию. Это сделает процесс обучения более увлекательным и эффективным.
3.	Оценка качества обучения	ИИ может использоваться для анализа данных о результатах обучения, таких как оценки за тесты и экзамены, чтобы выявить тенденции и проблемы в учебном процессе. Это поможет преподавателям улучшить качество обучения и повысить успеваемость учащихся.
4.	Прогнозирование успеваемости	ИИ может прогнозировать успеваемость учащихся на основе их предыдущих результатов и других факторов, таких как посещаемость и участие в занятиях. Это даст возможность преподавателям заранее выявлять учащихся, нуждающихся в дополнительной поддержке.
5.	Поддержка дистанционного обучения	В условиях дистанционного обучения ИИ может помочь учащимся взаимодействовать с учебным материалом и друг с другом. Например, он может предоставить виртуальные лаборатории, где учащиеся могут проводить эксперименты, или создать чат-боты, которые будут отвечать на вопросы учащихся.
6.	Обучение языкам	ИИ может быть использован для создания языковых тренажёров, которые помогут учащимся изучать новые языки. Эти тренажёры могут адаптировать сложность заданий в зависимости от уровня знаний учащегося.

7.	Помощь в обучении людей с ограниченными возможностями	ИИ может создавать специальные образовательные программы, адаптированные под потребности людей с ограниченными возможностями. Это может включать в себя использование технологий для чтения текста вслух или преобразования его в аудиоформат.
8.	Анализ данных об образовательных учреждениях	ИИ может собирать и анализировать данные о работе образовательных учреждений, включая результаты экзаменов, посещаемость, успеваемость и другие показатели. На основе этих данных можно разработать рекомендации по улучшению работы учреждений.
9.	Автоматизация рутинных задач	ИИ может автоматизировать рутинные задачи, такие как проверка домашних заданий, выставление оценок и составление расписания занятий. Это позволит педагогам сосредоточиться на более важных аспектах обучения.

По результату опроса «Исследование экспертного центра» Всероссийского студенческого проекта «Твой ход» «ПОТИШЕ, ЖЕЛЕЗНЫЙ МОЗГ!» среди респондентов в количестве 2079 участников можно сделать основные выводы: большинство опрошенных отмечают положительное влияние ИИ на образовательный процесс и считают, что нужно ввести в учебный процесс больше механизмов по имплементации ИИ (Таблицы 2, 3) [9].

Таблица 2. Статистические данные по использованию нейросетей молодежью

42%	Оценивают свой уровень знаний как начальный
43%	Используют нейросети для учебы иногда
43%	Используют нейросети для личных целей иногда
81%	Считают, что университеты должны вводить специальные курсы по работе с нейросетями и искусственным интеллектом
85%	Считают, что использование нейросетей в обучении делает процесс более интерактивным и интересным
53%	Отметили, что их беспокоит вопрос этических границ в использовании нейросетевых технологий

Таблица 3. Статистические данные в выделении топ-3 целей использования нейросетей

61%	Генерация текста
43%	Генерация картинок
43%	Помощь в написании письменных работ

На сегодняшний день «Интернет» колоссально облегчает жизнь современному человеку. Нам тяжело представить свой день без информационного интернет пространства, выполнение рутинных задач уже не достигнут того результата и произойдет реорганизация уклада жизни человека. Но с момента интеграции цифровых технологий в нашу жизнь уже происходит процесс трансформации всех общественных сфер, так как тенденции автоматизации и компьютеризации уже давно пронизывают каждую из них.

Проблемы, которые могут возникнуть в процессе внедрения ИИ:

1) Технические;
2) Проблема безопасности данных;
3) Психологические;
4) Правовые;
5) Этические;
6) Экономические;
7) Отсутствие единых стандартов.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что сегодня мы живем в мире, где ИИ не просто голосовой помощник или система антиплагиата, а что-то гораздо внушительное. С развитием технологий и исследований в этой области мы можем ожидать появления новых и более эффективных способов использования ИИ в повседневной жизни.

Литература

1. В Кабардино-Балкарии развивают технологии искусственного интеллекта для филологии, археологии и агросектора – Текст: электронный // Дата создания 16.02.2021 URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/29433/ (дата обращения 21.02.2025)
2. В КБР работают над искусственным интеллектом – Текст: электронный // Дата создания 07.08.24 URL: https://kbrria.ru/obrazovanie/VKBRrabotayutnadiskusstvennymintellektom (дата обращения 21.02.2025)
3. Влияние искусственного интеллекта на образование – Текст: электронный // URL: https://clck.ru/3DaTSk (дата обращения 21.02.2025)
4. Гершунский, Б.С. Философия образования. – Москва, 1998–432 с.
5. Жуков, В.И. Социальное образование в России – Москва. Издательство МГСУ «Союз», 1998. –55 с.
6. Институт электроники, робототехники и искусственного интеллекта URL: https://kbsu.ru/podrazdelenija/instituty/institut-informatiki-elektroniki-i-kompyuternyh-tehnologij/ (дата обращения 21.02.2025)
7. Искусственный интеллект планируют внедрить в образовательный процесс в вузе – Текст: электронный // Дата создания 06.02.2023 Кабардино-Балкарии URL: https://www.interfax-russia.ru/modernizaciya-obrazovaniya/iskusstvennyy-intellekt-planiruyut-vnedrit-v-obrazovatelnyy-process-v-vuze-kabardino-balkarii (дата обращения 21.02.2025)
8. Интернет-портал «Российской газеты» (16+) URL: https://clck.ru/3DaTJq (дата обращения 21.02.2025)
9. Исследование Экспертного центра Всероссийского студенческого проекта «Твой ход» («ПОТИШЕ, ЖЕЛЕЗНЫЙ МОЗГ!») 2023 г.
10. Как создавать персонализированные обучающие программы с помощью Century Tech – Текст: электронный // URL: https://clck.ru/3DaTaJ (дата обращения 21.02.2025)
11. Карамурзов, Б.И. Миссия университета и проблемы формирования российской социально-культурной идентичности Философские науки (спец выпуск) – Москва, 2011. – 160 с.
12. Медиагруппа «Российские корейцы» – Текст: электронный // Дата создания URL: https://clck.ru/3DaThE (дата обращения 21.02.2025)
13. Правительство просубсидирует подготовку специалистов в сфере искусственного интеллекта – Текст: электронный // Дата создания 27.07.2022 URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/news/pravitelstvo-prosubsidiruet-

podgotovku-spetsialistov-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta.html (дата обращения 21.02.2025)
14. «Правовые новости». 2008–2025. Номер свидетельства ЭЛ № ФС 77–79910. – Текст: электронный // URL: https://pravo.ru/news/251592/ (дата обращения 21.02.2025)
15. Рассел, Стюарт. Искусственный интеллект: современный подход / Стюарт Рассел, Питер Норвиг. – 4-е. – Хобокен: Пирсон, 2021. – ISBN 978-0134610993.
16. Сайт TADVISER (ИИ в образовании) – Текст: электронный // URL: https://clck.ru/3DaTJ6 (дата обращения 21.02.2025)
17. Шарданов, А. Н. К вопросу идентификации формирующейся парадигмы образования: философские аспекты/ Научная мысль Кавказа – Ростов-на-Дону, 2004. – 235 с.

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO EDUCATION AND ITS IMPACT ON THE FUTURE POTENTIAL OF THE REGION'S YOUTH THROUGH A SOCIO-PHILOSOPHICAL PRISM

Kogotyzheva A.K., Atabieva Z.A., Azamatova G.K.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of youth activism in the forefront of digital innovations using the example of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter referred to as the KBR), as well as the consequences of the introduction of artificial intelligence into the educational process of student youth. Over the past decades, there has been an active participation of young people of different ages in social, political and various kinds of movements, which is due to the availability of digital platforms for organizing and disseminating information. This article attempts to analyze the key factors contributing to the activation of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in the educational process, as well as its impact on this socio-demographic group and on the educational process. In conclusion, the prospects for the development of youth activism in the digital age, the consequences of digital innovations are discussed, and the author emphasizes the importance of the youth voice in the process of social change and the rapid development of civil society.

Keywords: youth, activism, artificial intelligence, Kabardino-Balkarian Republic, social networks, media space, social innovations, university.

References

1. Kabardino-Balkaria is developing artificial intelligence technologies for philology, archeology and the agricultural sector – Text: electronic // Date of creation 02/16/2021 URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/29433/ (date of access 02/21/2025)
2. KBR is working on artificial intelligence – Text: electronic // Date of creation 08/07/24 URL: https://kbrria.ru/obrazovanie/VKBRrabotayutnadiskusstvennymintellektom (date of access 02/21/2025)
3. The impact of artificial intelligence on education – Text: electronic // URL: https://clck.ru/3DaTSk (date of access 02/21/2025)
4. Gershunsky, B.S. Philosophy of education. – Moscow, 1998– 432 p.
5. Zhukov, V.I. Social education in Russia – Moscow. Publishing house MGSU "Soyuz", 1998. –55 p.
6. Institute of Electronics, Robotics and Artificial Intelligence URL: https://kbsu.ru/podrazdelenija/instituty/institut-informatiki-elektroniki-i-kompyuternyh-tehnologij/ (date of access 02/21/2025)
7. Artificial intelligence is planned to be introduced into the educational process at the university – Text: electronic // Date of creation 02/06/2023 Kabardino-Balkaria URL: https://www.interfax-russia.ru/modernizaciya-obrazovaniya/iskusstvennyy-intellekt-planiruyut-vnedrit-v-obrazovatelnyy-process-v-vuze-kabardino-balkarii (date of access 02/21/2025)
8. Internet portal of the "Rossiyskaya Gazeta" (16+) URL: https://clck.ru/3DaTJq (date of access 02/21/2025)
9. Research of the Expert Center of the All-Russian student project "Your move" ("QUIET UP, IRON BRAIN!") 2023
10. How to create personalized training programs using Century Tech – Text: electronic // URL: https://clck.ru/3DaTaJ (date of access 02/21/2025)
11. Karamurzov, B.I. The mission of the university and the problems of forming the Russian socio-cultural identity Philosophical sciences (special issue) – Moscow, 2011. – 160 p.
12. Media group "Russian Koreans" – Text: electronic // Date of creation URL: https://clck.ru/3DaThE (date of access 02/21/2025)
13. The government will subsidize the training of specialists in the field of artificial intelligence – Text: electronic // Date of creation 07/27/2022 URL: https://pravitelstvo.kbr.ru/news/pravitelstvo-prosubsidiruet-podgotovku-spetsialistov-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta.html (date of access 02/21/2025)
14. "Legal News". 2008–2025. Certificate number EL No. FS 77–79910. – Text: electronic // URL: https://pravo.ru/news/251592/ (date of access 02/21/2025)
15. Russell, Stuart. Artificial Intelligence: A Modern Approach / Stuart Russell, Peter Norvig. – 4th. – Hoboken: Pearson, 2021. – ISBN 978-0134610993.
16. TADVISER website (AI in education) – Text: electronic // URL: https://clck.ru/3DaTJ6 (date of access 02/21/2025)
17. Shardanov, A.N. On the issue of identification of the emerging paradigm of education: philosophical aspects / Scientific thought of the Caucasus – Rostov-on-Don, 2004. – 235 p.

Атмосфера и амбьянс: концептуальное различение понятий

Мазаева Майя Михайловна,
аспирант кафедры социальной философии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E– mail: mazayeva.mm@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу понятий «атмосфера» и «амбьянс», акцентирующих внимание на дорефлексивном, чувственном взаимодействии человека с окружающим миром. Рассматриваются основные характеристики понятий атмосферы и амбьянс, на основе которых выделяются их общие черты: эмоциональный тон (выразительность), преимущественно «внешний» характер по отношению к субъекту, способность вызывать у субъекта чувственно-телесный резонанс, интерсубъективность и динамичность. Основные различия между данными понятиями заключаются в специфике связи с физическим пространством и объектами в нем, а также возможности их создания и генерирования. Концептуальное различение понятий атмосферы и амбьянс позволит углубить анализ аспектов субъективного чувственного опыта и установить контекст их применения.

Ключевые слова: атмосфера, амбьянс, чувственное восприятие, пространство, эмоциональный тон.

Атмосфера и амбьянс представляют собой понятия, описывающие сферу нашего дорефлексивного восприятия окружающего мира с акцентом на пространство и чувства (эмоциональный тон). Фразы вроде «*какая здесь весёлая атмосфера!*» или «*погрузитесь в уникальный художественный амбьянс!*» отражают то, как мы интуитивно пользуемся этими понятиями, стремясь выразить чувства об окружающем пространстве. Мир не нейтрален, но полон атмосфер: «Атмосферное – объединяя и позволяя продуктивно настраиваться – одновременно разделяет, поскольку «во всем мире человеческой жизни под знаком атмосферного, так же как в животном царстве под знаком обонятельного, существует множество невидимых, но избирательных (selective) и эффективных (efficacious) границ» [1, с. 56]. Столь тонко уловимые, доступные для лингвистического выражения и вместе с тем трудно поддающиеся концептуализации атмосферы и амбьянс приоткрывают завесу нашего чувственного взаимодействия с миром: «речь здесь идет не о мире репрезентации, а о мире присутствия, не о «что» окружающего мира, а о «как» нашего бытия-в-мире» [2, с. 162].

Данные понятия имеют много сходств, часто употребляются как синонимы, но обладают и различиями, нюансы которых требуют разъяснения. В этой связи концептуальное различение понятий атмосферы и амбьянс позволит углубить анализ аспектов субъективного чувственного опыта и установить контекст их применения.

Начнем с ***атмосферы***. Термин происходит от греческого (ἀτμός, «пар», и σφαῖρα, «сфера») и изначально обозначал газовую оболочку Земли. В XVIII–XIX в. термин «атмосфера» использовался метафорически в контексте эстетики, затем в практических сферах, как, например, архитектуре, а в XX–XXI в. атмосфера становится объектом философского и научного исследования. Основные наиболее разработанные концепции атмосферы представлены в работах немецких философов Германа Шмитца [3] и Гернота Бёме [4, 5], итальянского философа Тонино Грифферо [6].

Основные признаки атмосферы – пространственность, невещественность, невидимость, тесная связь с чувственным опытом субъекта. Под пространственностью подразумевается два аспекта: а) ее присутствие в пространстве (по Шмитцу и Грифферо – в бесповерхностном); б) тесная связь с определенным местом или объектом в нем. Последнее предполагается не строго обязательно: в контексте идей Шмитца атмосферы есть чувства, существующие «вне субъекта», по образному выражению Бёме, «свободно парящие, словно боги, и не имеющие ничего общего с вещами, не говоря уже о том, чтобы быть их продуктом» [5, с. 120]. Невещественность атмосферы означает, что она представляет собой воплощена не в качестве оформленной вещи, имеющей явные количественные свойства (длина, ширина, высота, объем и т.п.), но в ином состоянии. Онтологически Шмитц и Грифферо определяют атмосферу как *полу-вещь* или *квази-вещь;* Бёме же не дает четких деталей, утверждая, что атмосфера квазиобъективна [4, с. 2]. Невидимость атмосферы подразумевает, что мы не можем непосредственно ее наблюдать. Связь с чувственным опытом субъекта проявляется в *чувственно-телесном резонансе* – состоянии со-настройки субъек-

та с атмосферой. Кроме того, нужно отметить, что атмосферы обладают выразительностью, содержат в себе определенное значение (meaning) [6, с. 6], что позволяет нам выразить чувство атмосферы (уютная, радостная, дружелюбная, грустная атмосфера и т.п.). Также атмосферы интерсубъективны, т.е. доступны для *совместного* восприятия другими людьми.

Понятие ***амбьянс*** является самым ближайшим по значению к атмосфере. Оно происходит от лат. *Ambire* – окружать. Понятие амбьянс развивалось в русле французской традиции, в то время как «атмосфера» используется в литературе на английском, немецком, итальянском, русском языках и др. Французский социолог Жан-Поль Тибо, директор исследовательского центра звукового пространства и городской среды (CRESSON), определяет амбьянс как нечто, что относится к вещам, которые окружают, окутывают и влияют на нас, и передает тот или иной эмоциональный тон, зачастую положительный [7, с. 158]. По Тибо, амбьянс существует «только в действии, когда он оказывает свое влияние, и мы ощущаем его власть» [8, с. 67]. Соответственно, вне подобного воздействия оказывается чрезвычайно трудно охарактеризовать и выявить амбьянс. Французский философ Жан-Франсуа Огояр рассматривает амбьянс в более практическом смысле как «материальную и моральную атмосферу, окружающую место или человека» и «физические элементы и устройства, составляющие амбьянс» [9]. Огояр ставит акцент на *материальной* основе амбьянс, без которой она теряет свою онтологическую сущность. При этом амбьянс и атмосфера определяются через друг друга, что, на наш взгляд, вносит некоторую путаницу.

Тибо намечает три перспективы рассмотрения амбьянс. Во-первых, амбьянс как промежуточное звено между ощущающим субъектом и ощущаемым объектом, не сводимый к компонентам среды и объектам, так и к индивидуальному опыту [10, с. 14]. Он функционирует как посредник, который *объединяет* различные условия (например, свет, звук, тепло, запах в физическом пространстве, окружающую погоду и т.д.) и повседневные практики индивидов, социальные связи [8, с. 69]. Именно амбьянс делает окружающий мир чувственным и позволяет нам почувствовать «конкретное пространство-время, в котором мы находимся» [8, с. 70]. Он определенно связан физическими пространствами и местами с учетом временной характеристики. Более того, как подчеркивает Тибо, амбьянс *не может* рассматриваться вне материального построенного или спланированного пространства [7, с. 171], что идентично с определением Огояра.

В этой связи следует отметить, что в силу укорененности амбьянс в физическом пространстве и связью с различными объектами исследователи стремятся выявить те или иные параметры и условия создания (появления) амбьянс. Основной фокус в исследованиях амбьянс ставится не столько на онтологической сущности данного феномена, сколько на том, *как* чувствуется амбьянс, и *как* он создается. Имеются в виду различные визуальные, звуковые, тактильные, световые, ольфакторные и прочие элементы, формирующие амбьянс, называемые *генераторами* амбьянс.

Например, в период с 2004 по 2006 г. команда ученых лаборатории CRESSON провела исследование *генераторов амбьянс* на примере площади Баб эль Бхар в Тунисе [10, с. 63]. Основная задача исследования состояла в изучении физических компонентов данного общественного пространства и связанных с ними повседневных практик, которые способствуют возникновению, развитию и исчезновению амбьянс, а также выявлении «чувства амбьянс» у посетителей данной площади. В качестве методов применялись прямое наблюдение, интервью, контент-анализ, фото- и видеодокументирование площади. Важное значение имела временная характеристика: динамика амбьянс фиксировалась в обычные непраздничные дни и в период Рамадана.

В ходе полевых исследований были выделены и описаны несколько видов генераторов амбьянс: *генераторы на уровне человека* (практики социального взаимодействия), *пространственные* (формальное и эстетическое измерение площади, например, планировка, стиль фасадов, пространственная конфигурация, исторические памятники, уличная мебель и т.п.) и *сенсорные* (чувства людей, запахи (еда, парфюмерия), звуки (крики торговцев, музыка и т.п.) [10, с. 83]. Авторы показывают, как сложное взаимодействие социальных, пространственных, временных и сенсорных факторов формирует целую «мозаику амбьянс» – от индивидуальных до коллективных, соприсутствия различных амбьянс на площади, фрагментирующих пространство, а так же структуру ощущаемых амбьянс, т.е. чувств людей относительно тех или иных генераторов амбьянс. В целом, публичная площадь здесь рассматривается как «продукт мгновения», «серия явлений, присутствующих в данный момент», обусловленный контекстом, культурой и личным восприятием.

Следующая перспектива рассмотрения амбьянс – с точки зрения его *тона* как Stimmung или настройки [8, с. 71]. Амбьянс придает определенный эмоциональный тон окружающей среде и, в целом, ситуации, способствуя ее индивидуализации. Мы постоянно перемещаемся из одного амбьянс в другой, где каждый из них, по образному выражению Тибо, представляет собой «миниатюрный мир», т.е. обладает собственной значимостью, тоном и индивидуальностью. Индивид, находясь в амбьянс, входит в со-настройку с окружающей средой, что возбуждает телесный резонанс; такой процесс описывается понятием *тонализации* [8, с. 72]. Этот резонанс проявляется в характерных движениях тела и элементарных моторных элементах, структурирующих повседневный опыт [8, с. 74].

В-третьих, Тибо рассматривает амбьянс как неизменно включенный во все повседневные практики, но неочевидный и незаметный, и потому представляющий собой фон или «задний план» социальной жизни. Только когда мы осознаем и рефлексируем амбьянс, он становится очевидным и выходит на «передний план» [8, с. 73]. Согласно Огояру, это проявляется, например, при неожиданном изменении тона и качества, при изменении объекта или ситуации, что вызывает удивление (что-то воспринимается как «я никогда не видел это *таким*») и в эффекте шараваджи [11, с. 579–580]. Шараваджи представляет собой «возвышенное из повседневного, невидимое, но присутствующее исключение из обыденности», как опыт ощущения возвышенного и красивого в обычном, повседневном [11, с. 583].

Кроме того, социальность амбьянс проявляется в его *интерсубъективности*: амбьянс предстает как опыт пребывания в среде *вместе,* т.е. *разделяемый* опыт. Так же важной характеристикой амбьянс, по Тибо, является ее динамичность, т.е. возникновение, изменение во времени.

Тем самым, определяя сходства понятий атмосферы и амбьянс, можно выделить следующее: а) оба понятия относятся к области непроизвольного жизненного опыта субъекта; б) в обоих понятиях подчеркивается эмоциональный тон, определенное выразительное качество, который они демонстрируют субъекту; в) и амбьянс, и атмосфера относятся к тому, что окружает и «окутывает» субъекта, т.е. подразумевается их преимущественно

«внешнее» положение по отношению к субъекту; г) в обоих понятиях подчеркивается тесная взаимосвязь с субъектом, что описывается понятием «со-настройки»; д) и амбьянс и атмосфера обладают властью: оказывают воздействие на субъекта, что проявляется в чувственно-телесном резонансе (тонализации); е) и амбьянс и атмосфера динамичны; ж) амбьянс и атмосфера доступны для интерсубъективного восприятия, что характеризует их социальное измерение.

В то же время амбьянс и атмосфера различаются друг от друга по нескольким основаниям. Во-первых, *по связи с локальным физическим пространством и объектами в нем.* Так, амбьянс четко связан с физическими пространствами и объектами в нем, иное состояние не подразумевается. Атмосфера, в русле идей Шмитца и Грифферо, *может* быть связана с физическими пространствами (например, атмосфера в парке или в театре) или конкретными объектами, но *не обязательно*. Атмосфера рассматривается в бесповерхностном пространстве и преимущественно характеризуется как чувства, которые квази-вещны и, соответственно, не всегда имеют локальную привязку. Атмосфера в понимании Бёме, напротив, близка к амбьянс по этому критерию, т.к. для него является важным присутствие индивида «здесь и сейчас» в том или ином пространстве, где он может телесно ощущать атмосферу (т.е. «пространство телесного присутствия»).

Во-вторых, *по возможности создания и изменения*. Амбьянс, рассматриваемый как динамичный, изначально предполагает возможность создания и изменения с течением времени. Большое значение имеют генераторы амбьянс, которые способствуют его созданию. Это, с одной стороны, роднит его с понятием атмосферы Гернота Бёме и частично Гриффero (производно-реляционные атмосферы), но совершенно отличает от концепции атмосферы Германа Шмитца, отстаивающего тезис о невозможности создания атмосфер.

Таким образом, понятия атмосфера и амбьянс являются тесно взаимосвязанными, играют важную роль в понимании дорефлексивного восприятия окружающего мира. Данные понятия имеют больше сходств, чем различий, которые, тем не менее, необходимо учитывать, опираясь на специфику конкретной концепции атмосферы. Различия между понятиями связаны с отношением амбьянс и атмосферы к физическому пространству и объектам, а также возможностью их создания и изменения. В целом, амбьянс представляется более практико-ориентированным понятием, позволяющим изучать комплексно широкий спектр объектов – генераторов амбьянс, и в то же время описать чувства индивидов относительно того или иного пространства и объектов. Понятие атмосферы, на наш взгляд, имеет больший акцент на тончайших нюансах восприятия окружающего пространства, не только физического, при этом не исключая и вопросы создания атмосферы.

Литература

1. Tellenbach H. Geschmack und Atmosphäre. – Salzburg: Müller, 1968. – 175 p.
2. Thibaud J. Petite archéologie de la notion d'ambiance // Communications. 2012. Vol. 90. No. 1. P. 155–174.
3. Schmitz H. System der Philosophie. Bd. III.2 Der Gefühlsraum. – Bonn: Bouvier, 1969. – 560 p.
4. Böhme G. The Aesthetics of Atmospheres / ed. by J.P. Thibaud. – Routledge, 2016. – 230 p.
5. Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics // Thesis Eleven. 1993. Vol. 36. P. 113–126.
6. Griffero T. Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces. Trans.from the Italian by S. De Sanctis. – Farnham: Ashgate, 2014. – 180 p.
7. Thibaud J. Petite archéologie de la notion d'ambiance // Communications. 2012. Vol. 90. No 1. P. 155–174.
8. Thibaud J. Les puissances d'imprégnation de l'ambiance // Communications. 2018. No. 1. P. 67–79.
9. Augoyard J. For an aesthetics of ambiance / Transl. from French by H. Foster // Ambiances: International Journal of Sensory Environment, Architecture and Urban Space. 2020. Vol. 6. – URL: https://journals.openedition.org/ambiances/3136 (дата обращения: 01.02.2025).
10. Thibaud J. Variations d'ambiances. Processus et modalités d'émergence des ambiances urbaines. – Grenoble: CRESSON, 2007. – 310 p.
11. Augoyard J. L'apparaître des ambiances // Ambiances, tomorrow. Proceedings of the 3rd International Congress on Ambiances / eds. by N. Rémy N., N. Tixier. Grenoble/Volos: Ambiances International Network & University of Tessaly. 2016. Vol. 2. P. 579–585.

ATMOSPHERE AND AMBIANCE: A CONCEPTUAL DISTINCTION

Mazayeva M.M.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to a comparative analysis of the concepts «atmosphere» and «ambiance», focusing on the pre-reflexive, sensual interaction of a person with the surrounding world. The main characteristics of the concepts of atmosphere and ambiance are considered, on the basis of which their common features are identified: emotional tone (expressiveness), predominantly «external» character in relation to the subject, the ability to evoke felt-bodily resonance in the subject, intersubjectivity and dynamism. The main differences between these concepts lie in the specificity of their connection with physical space and objects in it, as well as the possibility of their creation and generation. The conceptual distinction of atmosphere and ambiance will allow us to deepen the analysis of aspects of subjective sensory experience and establish the context of their application.

Keywords: atmosphere, ambiance, sensual perception, space, emotional tone.

References

1. Tellenbach H. Geschmack und Atmosphäre. – Salzburg: Müller, 1968. – 175 p.
2. Thibaud J. Petite archéologie de la notion d'ambiance // Communications. 2012. Vol. 90. No. 1. P. 155–174.
3. Schmitz H. System der Philosophie. Bd. III.2 Der Gefühlsraum. – Bonn: Bouvier, 1969. – 560 p.
4. Böhme G. The Aesthetics of Atmospheres / ed. by J.P. Thibaud. – Routledge, 2016. – 230 p.
5. Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics // Thesis Eleven. 1993. Vol. 36. P. 113–126.
6. Griffero T. Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces. Trans.from the Italian by S. De Sanctis. – Farnham: Ashgate, 2014. – 180 p.
7. Thibaud J. Petite archéologie de la notion d'ambiance // Communications. 2012. Vol. 90. No 1. P. 155–174.
8. Thibaud J. Les puissances d'imprégnation de l'ambiance // Communications. 2018. No. 1. P. 67–79.
9. Augoyard J. For an aesthetics of ambiance / Transl. from French by H. Foster // Ambiances: International Journal of Sensory Environment, Architecture and Urban Space. 2020. Vol. 6. – URL: https://journals.openedition.org/ambiances/3136 (дата обращения: 01.02.2025).
10. Thibaud J. Variations d'ambiances. Processus et modalités d'émergence des ambiances urbaines. – Grenoble: CRESSON, 2007. – 310 p.
11. Augoyard J. L'apparaître des ambiances // Ambiances, tomorrow. Proceedings of the 3rd International Congress on Ambiances / eds. by N. Rémy N., N. Tixier. Grenoble/Volos: Ambiances International Network & University of Tessaly. 2016. Vol. 2. P. 579–585.

Влияние цифровой среды на систему аксиологических оснований личности в условиях обучения в вузе: на примере преподавания курса «Основы российской государственности»

Ветошко Александр Николаевич,
к. ист.н., доцент, Брянский государственный университет
E-mail: vetoshko.l@yandex.ru

Емельяненко Владимир Дмитриевич,
к. филос.н., доцент, Брянский государственный университет
E-mail: emelyanenko_152@mail.ru

Малашенко Ирина Владимировна,
к. ист.н., Брянский государственный университет
E-mail: Malashenko1976@yandex.ru

Матаков Константин Анатольевич,
к. филос.н., доцент, Брянский государственный университет
E-mail: matakow@yandex.ru

Статья посвящена выявлению условий эффективного использования студентами ресурсов интернета в преподавании учебной дисциплины «Основы российской государственности» в контексте ценностно-мировоззренческой природы курса. Проблема актуальна в силу её недостаточной изученности и практической пользы в методике преподавания. В работе используется диалектический метод исследования, общенаучные приемы познания, адаптированные к социально-гуманитарным изысканиям. Обосновывается вывод о том, что применение интернета в курсе «Основы российской государственности» наиболее эффективно при условии одновременного развития ценностно-мировоззренческой сферы студентов. Этому могут способствовать усиление мировоззренческой составляющей в программе изучаемого курса, применение преподавателями интерактивных форм работы, активизирующих осмысление мировоззренческих проблем и развивающих навыки студентов к анализу и оценке информации из цифровых источников. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования методической концепции социально-гуманитарного воспитания и образования в цифровой реальности.

Ключевые слова: интернет, курс «Основы российской государственности», мировоззрение, традиционные ценности, ценностно-мировоззренческие основания.

Введение

Поиск мировоззренческих оснований применения данных из интернета при работе со студентами в курсе «Основы российской государственности» важен в силу включенности молодых людей в цифровую реальность. Актуальность данного научного направления определяется и недостаточной изученностью особенностей интернета, сложностью воздействия цифрового мира на человека. Сведения из Всемирной сети непросто верифицировать, информация обычно не подвергается рецензированию и проверке. Сведения в интернете не систематизированы (это гипертексты), имеют клиповую природу. Актуальность рассматриваемой проблематики вызвана также мировоззренческим характером учебного курса «Основы российской государственности». Этот курс был включен в учебные планы вузов два года назад, поэтому требуется совершенствование его содержания, нужна также разработка принципов и методик преподавания.

Исследование вопросов мировоззренческого характера, возникающих в ходе разработки и преподавания курса «Основы российской государственности» выявило теоретические и практические возможности его реализации. За время с момента введения учебной дисциплины появились работы, рассматривающие его мировоззренческую составляющую, изучающие ценности российского мировоззрения и аксиологические вопросы преподавания [4; 13; 15; 18]. В статье учитываются положения данных трудов. Реализуется на практике идея использования имеющихся в литературе подходов к проблемам применения цифровых ресурсов Всемирной сети в образовательном процессе и для формирования исторического сознания молодежи в цифровом мире. Делаются выводы в результате построения абстрактно-логической модели осмысления ценностно-мировоззренческих структур, которые человек применяет при использовании интернет-ресурсов в курсе «Основы российской государственности».

Статья базируется на диалектическом методе постижения роли мировоззрения человека, использующего Всемирную сеть как источник информации для курса «Основы российской государственности». Условия наиболее разумного использования цифровых ресурсов интернета для решения задач преподавания дисциплины изучаются на базе методологических принципов развития и связи мировоззрения студенческой молодежи, процесса учебной познавательной деятельности, имеющего место в ходе освоения курса, и существующих в объективированном виде ресурсов Всемирной сети. Применяются и традиционные для научного познания методы и приемы, адаптированные к условиям социально-гуманитарных наук, в частности, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и обобщение.

Выводы о факторах и особенностях развития гражданственности и ценностей патриотизма в условиях включенности студентов в цифровую среду с учетом важной роли мировоззрения могут стать основанием для формирования образовательно-воспитательной концепции применительно к социально-гуманитарным

наукам в условиях информационного общества. Настоящая работа послужит базой для улучшения содержания не только методики преподавания курса «Основы российской государственности», но и дальнейшего развития форм и методов преподавания социально-гуманитарных дисциплин в целом. Результаты, полученные в статье, можно применять не только при изучении вышеназванного курса, но и при преподавании других социально-гуманитарных наук, особенно истории России и философии.

Обсуждение и результаты

С 1 сентября 2023 года в высших учебных заведениях России стал изучаться курс «Основы российской государственности», который носит мировоззренческий характер и влияет на содержание и самые разные стороны сознания студентов (правовые и исторические, моральные и политические воззрения). Введение данного учебного предмета в систему высшего образования инициировано Президентом России и обусловлено комплексом геополитических обстоятельств. Цель воздействия «Основ российской государственности» – сохранение и укрепление традиционных российских ценностей. В связи с активной методической работой по наполнению курса существенную роль при подготовке к учебным занятиям в системе подготовки преподавателя и студентов играют ресурсы цифровой среды, особенно интернета.

Цифровые ресурсы активно применяются на занятиях в вузах, особенно при преподавании социально-гуманитарных дисциплин. Их применение учеными оценивается позитивно. Отмечается, что большая доля цифровых ресурсов на занятиях позволяет студентам учиться «мыслить самостоятельно, получить широкий спектр знаний», применять полученные знания в процессе решения практических проблем [19, с. 33]. В ряде случаев цифровым технологиям придается слишком большое значение. Так, есть мнение, что они обеспечивают «подлинную революцию» в учебном процессе, при которой «учение (запоминание, приобретение навыков, достижение автоматизма в поведении, условных рефлексов и т.д.)» заменяется «умственным развитием (стимуляцией конструктивно-диалектического и гипотетико-дедуктивного мышления и игровой деятельности)» [5, с. 337]. Сейчас распространен подход, при котором технологии цифрового обучения не рассматриваются как самоцель, а лишь как средство «обеспечения доступного и качественного образования» [2, с. 47]. Те или иные средства могут быть хорошими или же плохими в зависимости от того, для какой цели они применяются, ведь в случае использования средства выступают как «продолжение нас самих» [10, с. 217]. Е.М. Бурнаева заметила, что цифровые технологии представляют из себя всего лишь инструмент, который дает реальную возможность «облегчить решение некоторых конкретных задач» в ходе учебного процесса [3, с. 1245]. Интернет-технологии применяются и в виде одного из средств воспитательной работы, делая её более динамичной и разносторонней.

При работе над содержанием учебного курса нужно использовать знания о мировоззрении, которые студенты приобрели на занятиях в школьном курсе обществознания. При этом необходимо принимать во внимание тот факт, что до поступления на первый курс вуза у них уже сложилась определенная система мировоззренческих ценностей – достаточно устойчивых убеждений, принципов и идеалов. На первом курсе формирование студента в качестве личности продолжается не на пустом месте, и его убеждения и принципы, как правило, приобретают более устойчивый характер. Это увеличивает потенциал для адекватного применения цифровых технологий как средства поиска сведений. Если у первокурсника неустойчивое мировоззрение, увеличивается возможность того, что при знакомстве с содержанием материалов курса ОРГ он воспримет их искаженно, поэтому задача преподавателя – помочь студентам организовать правильный порядок работы с необходимыми сведениями из Всемирной сети.

Технологии цифровой среды весьма существенно влияют на направленность убеждений, становление идеалов и принципов молодежи. Сведения, полученные с цифровых ресурсов Всемирной сети, которые используются студентами при работе на семинарах и лекциях, могут оказывать противоречивое воздействие на становление самых разных сторон содержания их сознания (политического, нравственного, исторического и др.). Привлекает к использованию данных из интернета то, что информация в нем «обычно адаптирована для пользователей с разным интеллектуальным и культурным уровнем», а будучи выраженной в клиповом виде, легка для восприятия [6, с. 2103–2104]. Однако дело в том, что упрощенная форма представления данных в интернете «при определенных условиях может значительно облегчать распространение исторических мифов» [7, с. 101]. Главным из указанных условий является неразвитость ценностно-мировоззренческой сферы людей. В связи со сказанным важнейшей задачей курса выступает формирование отвечающего реалиям современности исторического сознания, поскольку адекватные представления о прошлом являются важнейшей побудительной причиной деятельности людей в настоящем, становления их социальных и личностных ценностей, которые определяют их устремления в будущее, особенно важных для общества гражданственности и патриотизма.

Информация по социально-гуманитарным вопросам из Всемирной сети в принципе дает возможности более полно и в более широком контексте осмыслить круг вопросов исторической проблематики [12, с. 231]. Вместе с тем, часть первокурсников обращают внимание на адекватную информацию о социальных процессах, в то время как другая часть знакомится с социально-историческими мифами, легко их принимают на веру. Дело в том, что характер влияния интернета на духовный мир любого субъекта зависит от его мировоззрения, представляющего собой относительно целостную систему знаний и принципов, идеалов и ценностей [9, с. 22]. Ценностно-мировоззренческие основания человека дают ему возможность объяснять и оценивать феномены окружающего мира, осознавать самого себя и свое бытие в окружающей реальности. Мировоззрение позволяет людям получить ответы на первостепенные вопросы своего существования в универсуме, дает возможность осознавать себя как личность в потоке времени, определяет принципы их оценки получаемой через цифровые источники информации.

Информация из области социально-гуманитарных наук во Всемирной сети нередко искажается и фальсифицируется, и в основе этого лежат ценностно-идеологические и даже политические обстоятельства. Глобальные «геополитические субъекты целенаправленно ведут информационную войну», в силу чего девальвируются ценности, происходит подрыв мировоззренческих установок человека, замена их симулякрами. В информационных войнах используется создание новых «матриц ценностей», образцов поведения, подрывается историческое сознание [11, с. 91]. Студенческой молодежи может угрожать процесс десоциализации и усвоение ценностей деструктивных идеологий. Ис-

следователи констатировали, что процессы глобализации ведут к тому, что история национальных государств и «государство-центрическое» историческое сознание часто рассматриваются в качестве помехи «для экономического и культурного взаимодействия» [1; 20, с. 228].

В интернете можно найти материалы по курсу ОРГ, и использование таких сведений для занятий вряд ли вызовет возражения. Но на интернет-ресурсы нежелательно опираться без критической оценки. В Сети, наряду с объективной информацией, есть непроверенные сведения, и даже явная ложь. Многие материалы в цифровой среде отличаются выраженной идеологической и политической направленностью, принципиально отличающейся от основных положений курса «Основы российской государственности». Так, студенты на первых семинарских занятиях в качестве источника информации называют «Википедию». Эта электронная энциклопедия, которая односторонне оценивает реалии российской жизни. Более того, тексты статей для «Википедии» создают обычные интернет-пользователи, которые не вправе высказывать свое мнение, а обязаны включать в статьи информацию только со ссылкой на т.н. «авторитетные источники». К числу подобных источников по правилам энциклопедии обычно не принадлежат источники из Российской Федерации, особенно по тематике социальных и гуманитарных наук [8, с. 157–158]. При этом темы, которые изучаются в учебном курсе «Основы российской государственности», имеют именно социально-гуманитарный характер. Следовательно, информацию из «Википедии» следует использовать с определенной осторожностью и после тщательной верификации. В качестве источников следует рекомендовать Рувики, Большую российскую энциклопедию и др.

В связи с изучаемой темой необходимо отметить специфику существования информации в цифровой реальности, которая приобретает такую форму, которая делает более трудным ее восприятие. Так, она приобретает упрощенный вид и гипертекстуальный характер. О.А. Останина отмечает, что в Сети преобразуется даже «вид представления» исторической информации – она существует в «клиповой» форме [17, с. 36]. Пользователь интернета часто путает художественный и научный тексты. Если молодой человек, при подготовке к занятию, использует цифровой ресурс в виде художественного текста, то будет нарушен принцип научности.

Имеющая социально-гуманитарный характер информация из интернета превращается в соответствующие по содержанию знания человека. Воспринятые данные с цифровых ресурсов подвергаются сравнению с представлениями о данной сфере социума. Полученные сведения оцениваются на основе своих принципов, убеждений, идеалов. Если информация противоречит содержанию мировоззрения и знаниям человека об обществе, то она отбрасывается как неверная. Если данные из цифровой среды лишь в основных чертах находятся в рамках мировоззрения и характеристик социально-гуманитарной культуры человека, то информация принимается как верная обычно после некоторой проверки. Если же социально-гуманитарная информация соответствует мировоззрению человека, характеру его знаний, то она способна наиболее существенно повлиять на его духовное бытие, сформировав у него некоторые новые воззрения в соответствующей области.

Чем устойчивее убеждения, идеалы и принципы субъекта и чем выше общий уровень его социально-гуманитарной культуры, тем сложнее убедить его принять какие-то принципиально новые идеи, касающиеся социальной реальности. Неустойчивые убеждения, принципы и идеалы индивида, наличие у него примитивных представлений о социальном бытии способствуют более быстрому изменению у него мировоззренческих оснований, ведь при таком варианте сведения из цифровой среды воспринимаются менее критически. Если информационное воздействие на человека идет при помощи сведений, слишком сильно отличающихся от его собственных представлений и идеалов, то результат воздействия на его духовный мир будет умеренным. При слабом развитии мировоззренческой сферы субъекта социально-гуманитарная информация из Сети часто принимается некритически, как данность.

При применении сведений из цифровой среды в процессе преподавания «Основ российской государственности» нужен комплексный подход. Сведения из интернета целесообразно использовать в качестве одного из элементов в системе применяемых методических ресурсов. Приемлем отбор рекомендованного для студентов списка верифицированных с точки зрения принципа научности цифровых ресурсов. Работа именно с такими источниками может быть приемлемой базой для становления их гражданского самосознания, формирования ценностей патриотизма. Студенты при этом будут работать и с другими, не включенными в список ресурсами. Бессмысленно препятствовать знакомству первокурсников с информацией, которая не соответствует содержанию программы «Основ российской государственности». Логичнее научить их адекватно оценивать информацию, которую они могут найти в цифровой среде. Основой стратегии преподавания курса ОРГ при решении проблемы отношения к информации из Сети является принцип формирования ценностно-мировоззренческих структур сознания студентов, развития их способности критически анализировать и оценивать сведения в контексте своих убеждений, принципов и идеалов. Для реализации данного подхода в процессе преподавания курса студентам предлагались различные формы обучения. Например, для выработки критического мышления на семинарских занятиях студенты поочередно играли роль журналиста, выступая с ивент-анализом «Позитивные новости». Главным условием данной формы являлось указание на ссылки процитированных источников из интернета. Важно, что и «молчаливые» студенты активно включались в обсуждение и дополняли новости. Таким образом, у первокурсников формировался критический взгляд на события и источники из Всемирной сети.

Одной из целей изучения ОРГ, вытекающей из мировоззренческой природы курса, является развитие информационной культуры студентов, понимания ими нужности критического отношения к информации в Сети, особенно по проблемам социально-гуманитарных наук. Ряд сетевых ресурсов дают информацию на научном уровне, другие приводят научно-популярные объяснения, некоторые излагают социально-исторические мифы. Иногда трактовка социальных вопросов определяется не только ходом споров специалистов, но и другими факторами (идеологическими, политическими). А.А. Линченко отметил, что исторические знания могут преобразовываться в неадекватное «отражение прошлого», становясь способом «легитимации настоящего» [14, с. 284]. Поэтому нужно знакомить студентов с навыками проверки, оценки и критического анализа социально-гуманитарных сведений из Сети на основе своих ценностно-мировоззренческих принципов.

В ходе преподавания «Основ российской государственности» следует уделять внимание и образованию, и воспитанию. Становление традиционных ценностей средствами цифровых технологий идет на базе уже сложившегося у студентов мировоззрения. При этом для

развития гражданского самосознания следует формировать потребность в получении знаний о России как государстве-цивилизации, желание знакомиться с её прошлым, испытаниями и победами, героями страны, развитием отечественной общественной мысли. Важной частью системы становления принципов гражданского самосознания у первокурсников с помощью цифровых ресурсов в образовательном и воспитательном процессе должно стать одновременное развитие у них ценностно-мировоззренческих структур личности. Нужно расширять непосредственный контакт преподавателя со студентами в учебном процессе, проводить большее количество мероприятий, основанных на принципах активности и межличностного взаимодействия, а не опираться на механическое извлечение с цифровых ресурсов тех или иных блоков информации. Дисциплина «Основы российской государственности» направлена на развитие мировоззрения, поэтому следует реализовывать его потенциал для осмысления студентами именно ценностно-мировоззренческих проблем. При таком подходе к изучению предмет положительно влияет на формирование патриотизма и гражданского самосознания.

Цифровые ресурсы, способствующие становлению гражданского самосознания и традиционных российских ценностей на занятиях в курсе «Основ российской государственности», полезны при условии, что параллельно у студентов формируются знания об обществе в ходе изучения других социально-гуманитарных дисциплин. Имеются межпредметные связи курса «Основы российской государственности» с историей России и философией, что способствует формированию востребованных мировоззренческих ценностей, значимых во всех трех учебных дисциплинах.

Условие формирования традиционных ценностей у студентов в курсе ОРГ средствами интернета – наличие у них знаний об обществе, полученных в средней школе. Именно на эти знания нужно опираться при изучении курса, работая с цифровыми ресурсами. Серьезное внимание нужно уделить развитию у студентов навыков критического анализа информации, ее оценки на истинность. Мировоззрение первокурсников еще неустойчиво, зачастую противоречиво. Большую роль в его формировании играет эмоционально-личностное общение с родными, друзьями, учителями и т.п. Этот факт следует использовать, опираясь на эмоционально окрашенную информацию, яркие примеры и образы, игровые формы обучения.

Тем не менее, важной задачей курса ОРГ является формирование рационального, логического аспекта мировоззрения студентов. Преподаватель должен это делать в ходе совместного со студентами анализа противоречивых данных из Сети, с целью получения рациональных выводов в рамках материала курса. Например, студент зачитывает информацию с цифрового ресурса о том, что в нашей стране сейчас «крайне нестабильная социально-экономическая и политическая ситуация». Обучающийся мог взять эту информацию со старого ресурса, пишущего о ситуации в РФ, скажем, в 1998 году, или использовать политически и идеологически пристрастный источник. В этом случае нужно познакомить студентов с пониманием и применением принципа конкретности, помочь им осознать, что при использовании информации всегда надо учитывать место и время ее размещения в интернете, ценностную позицию автора, контекст и т.п.

Усиление мировоззренческой направленности курса «Основы российской государственности» будет способствовать не только развитию мировоззрения студентов, но и формированию разных аспектов их сознания – политического, правового, нравственного в результате изучения соответствующих разделов предмета. Успешному усвоению материала способствует устойчивое мировоззрение в форме убеждений, идеалов, принципов. Вместе с тем, в ходе изучения этого предмета есть реальная возможность перевести наиболее важные знания курса «Основы российской государственности» на более высокий, ценностно-мировоззренческий уровень. Дело в том, что на первом курсе мировоззрение студентов еще достаточно гибкое, часто не сформировавшееся до конца. В это время возможно наиболее сильное информационное воздействие на их духовный мир, мировоззренческие ценности, однако не только со стороны мира интернета, но и со стороны преподавателя. Это позволяет преподавателю в определенной мере повлиять на мировоззрение первокурсников, при этом, не навязывая каких-то конкретных идей, но приобщая студентов к ценностям российского общества, двигаясь в меру возможного в сторону становления у первокурсников гражданских и патриотических ценностей.

Курс «Основы российской государственности» имеет большой потенциал в плане его использования для развития мировоззрения студентов, становления у них традиционных ценностей. Студент с устойчивым мировоззрением и позитивными социальными ценностями в незначительной степени подвержен негативному воздействию информации в цифровом мире. Использование первокурсниками в ходе подготовки к занятиям ресурсов интернета вызывает необходимость развивать у них навыки критического осмысления информации из цифровых источников. При этом необходимы разумные меры контроля за используемой информацией со стороны преподавателя, сводящиеся к предварительной оценке предлагаемых студенту ресурсов интернета в плане их полезности и обоснованности применения в курсе «Основы российской государственности».

Заключение

Курс «Основы российской государственности» имеет огромное значение для формирования мировоззрения российских студентов. 20 сентября 2023 года Всероссийский цент изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл социологический опрос среди россиян о вузовском курсе «Основы российской государственности». Выяснилось, что «россияне в большинстве своём одобряют запуск нового учебного курса в российских вузах – в ходе опроса две трети наших сограждан назвали его нужным (68%)» [16]. Таким образом, данный курс выполняет значимые ценностные и воспитательные функции по формированию мировоззрения студенческой молодёжи.

При изучении дисциплины используются и традиционные, и инновационные педагогические технологии. Преподавателю следует учитывать, что студенты по своей инициативе активно используют информацию из интернета, готовясь к занятиям. Поэтому преподаватель не только может, но и должен применять ресурсы интернета при преподавании курса ОРГ. Курс «Основы российской государственности» изучается в первом семестре первого курса, когда мировоззрение вчерашних школьников часто еще в недостаточной степени сформировано, динамично, и может легче подвергаться некоторым изменениям. Однако нельзя навязывать студентам какие-то конкретные идеи, иначе сработает эффект «запретного плода». Преподавателю следует развивать студентов в плане осмысления ими мировоззренческих вопросов. Важно то, что студенты, имеющие развитую мировоззренческую сферу, более критично относятся к информации из интернета.

Интернет – важное средство воздействия на мировоззрение. Преподавателю надо тщательно отбирать Ресурсы интернета, рекомендуя студентам те, которые прошли верификацию. Цифровые технологии при применении их в процессе преподавания «Основ российской государственности», не являются ни хорошими, ни плохими вне контекста тех социальных условий, в которых они применяются, а также особенностей и степени развития мировоззрения конкретного студента. Применение цифровых технологий в курсе «Основы российской государственности» наиболее эффективно при условии одновременного развития ценностно-мировоззренческой сферы студентов.

Литература

1. Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 91–108. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://publications.hse.ru/articles/74980383 (дата обращения 21.02.02025 г.).
2. Бояркина Л.А., Ледак Л.П. Технологии электронного обучения как средство обеспечения доступного качественного образования // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2014. № 26. С. 45–50. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-elektronnogo-obucheniya-kak-sredstvo-obespecheniya-dostupnogo-kachestvennogo-obrazovaniya (дата обращения 20.02.2025 г.).
3. Бурнаева Е.М. «Человек виртуальный» как проблема электронного образования // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2013. Т. 4. № 4. С. 1243–1246. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-chelovek-v-prostranstve-virtualnoy-realnosti (дата обращения 23.02.2025 г.).
4. Давыденкова А.Г., Василенкова А.А. Философско-мировоззренческие вопросы в вузовском курсе «Основы российской государственности» // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 139–148. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-mirovozzrencheskie-voprosy-v-vuzovskom-kurse-osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti (дата обращения 22.02.2025 г.).
5. Драиден Г., Вое Д. Революция в обучении. Научить мир учиться по-новому. М.: Парвинэ, 2003. 653с.
6. Емельяненко В.Д., Ветошко А.Н., Золотарев А.В., Матаков К.А. Проблема формирования исторического сознания школьников и студентов в интернете: ценностно-мировоззренческий подход // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 10. С. 2102–2107. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya-shkolnikov-i-studentov-v-internete-tsennostno-mirovozzrencheskiy-podhod (дата обращения 23.02.2025 г.).
7. Емельяненко В.Д., Ветошко А.Н., Малашенко И.В. Интернет и мифологизация исторического сознания (ценностно-мировоззренческий аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 100–104. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-i-mifologizatsiya-istoricheskogo-soznaniya-tsennostno-mirovozzrencheskiy-aspekt?ysclid=m7hxzz2r9p997135880 (дата обращения 22.02.2025 г.).
8. Емельяненко В.Д., Жукова С.Э. Википедия как источник научной информации. В сб.: Информация как двигатель научного прогресса. Сб. статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 154–161.
9. Емельяненко В.Д. Современные информационные технологии и ценностно-коммуникативный аспект мировоззрения // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. 2012. № 1. С. 20–25.
10. Кастельс М. Галактика Интернет. М., 2003. 328 с.
11. Кирвель Ч.С. Социогуманитарное образование как особый тип консциентально-информационного сверхоружия // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2019. Т. 11. № 2. С. 91. с. 87–96.
12. Коняев С.Н. Научные подходы к феномену сознания // Философия науки и техники. 2006. Т. 12. № 1. С. 215–233.
13. Лапина И.Ю., Гурьев Е.П. Мировоззренческая составляющая курса «Основы российской государственности». Клио,2023. № 9 (201). С. 178–192.
14. Линченко А.А. Институты исторического сознания в эпоху информационного общества // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5. С. 283–289.
15. Маханек А.Б. Ценности российского мировоззрения в содержании дисциплины «Основы российской государственности». Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2024. № 2 (68). С. 36–40.
16. Можно ли научить государственности? Режим доступа [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti (дата обращения 23.02.2025 г.).
17. Останина О.А. Конец исторического сознания? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 4. № 1. С. 35–36.
18. Петрикеева И.А. Творческая лаборатория становления мировоззрения: опыт преподавания курса «Основы российской государственности». В сб.: Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий. Материалы XV Международной научно-технической конференции. Екатеринбург, 2024. С. 675–678.
19. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М., 2010. 365 с.
20. Шумилина-Павлова М.О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 226–232.

THE INFLUENCE OF THE DIGITAL ENVIRONMENT ON THE SYSTEM OF AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF STUDYING AT A UNIVERSITY: USING THE EXAMPLE OF TEACHING THE COURSE “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD”

Vetoshko A.N., Emelyanenko V.D., Malashenko I.V., Matakov K.A.
Bryansk State University

The article is devoted to identifying the conditions for the effective use of Internet resources by students in teaching the academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood” in the context of the value and ideological nature of the course. The problem is relevant

due to its lack of study and practical use in teaching methods. The work uses a dialectical research method, general scientific methods of cognition adapted to socio-humanitarian research. The conclusion is substantiated that the use of the Internet in the course "Fundamentals of Russian Statehood" is most effective provided that students simultaneously develop their value and worldview. This can be facilitated by the strengthening of the ideological component in the program of the course being studied, the use by teachers of interactive forms of work that activate the understanding of philosophical problems and develop students' skills to analyze and evaluate information from digital sources. The results obtained can be used.

Keywords: Internet, course "Fundamentals of Russian Statehood", worldview, traditional values, value and ideological foundations.

References

1. Boytsov M.A. Will Clio Survive Globalization? // Social Sciences and Modernity. 2006. No. 1. Pp. 91–108. Access mode [Electronic resource] URL: https://publications.hse.ru/articles/74980383 (date of access 02/21/02025).
2. Boyarkina L.A., Ledak L.P. E-learning technologies as a means of ensuring accessible quality education // Problems and prospects for the development of education in Russia. 2014. No. 26. Pp. 45–50. Access mode [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-elektronnogo-obucheniya-kak-sredstvo-obespecheniya-dostupnogo-kachestvennogo-obrazovaniya (date of access 02/20/2025).
3. Burnaeva E.M. "Virtual Man" as a Problem of Electronic Education // Scientific Notes of the Pacific National University. 2013. Vol. 4. No. 4. Pp. 1243–1246. Access mode [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-chelovek-v-prostranstve-virtualnoy-realnosti (date of access 02/23/2025).
4. Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. Philosophical and ideological issues in the university course "Fundamentals of Russian statehood" // Science. Society. State. 2024. Vol. 12. No. 2 (46). P. 139–148. Access mode [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-mirovozzrencheskie-voprosy-v-vuzovskom-kurse-osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti (date of access 02/22/2025).
5. Draiden G., Voe D. Revolution in learning. Teach the world to learn in a new way. Moscow: Parvine, 2003. 653 p.
6. Emelyanenko V.D., Vetoshko A.N., Zolotarev A.V., Matakov K.A. The Problem of Formation of Historical Consciousness of Schoolchildren and Students on the Internet: Value-Worldview Approach // Manuscript. 2021. Vol. 14. No. 10. Pp. 2102–2107. Access mode [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya-shkolnikov-i-studentov-v-internete-tsennostno-mirovozzrencheskiy-podhod (date of access 02/23/2025).
7. Emelyanenko V.D., Vetoshko A.N., Malashenko I.V. The Internet and the Mythologization of Historical Consciousness (Value-Worldview Aspect) // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 2 (76). P. 100–104. Access mode [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-i-mifologizatsiya-istoricheskogo-soznaniya-tsennostno-mirovozzrencheskiy-aspekt?ysclid=m7hxzz2r9p997135880 (date of access 02/22/2025).
8. Emelyanenko VD, Zhukova S.E. Wikipedia as a source of scientific information. In the collection: Information as an engine of scientific progress. Collection of articles of the International scientific and practical conference. 2018. P. 154–161.
9. Emelyanenko VD Modern information technologies and the value-communicative aspect of worldview // Forum. Series: Current State and Development Trends of the Humanities and Economics. 2012. No. 1. P. 20–25.
10. Kastells M. Internet Galaxy. Moscow, 2003. 328 p.
11. Kirvel Ch.S. Socio-humanitarian education as a special type of conscious-information superweapon // Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 91. pp.87–96.
12. Konyaev S.N. Scientific approaches to the phenomenon of consciousness // Philosophy of Science and Technology. 2006. Vol. 12. No. 1. Pp. 215–233.
13. Lapina I.Yu., Guryev E.P. Ideological component of the course "Fundamentals of Russian statehood". Clio, 2023. No. 9 (201). Pp. 178–192.
14. Linchenko A.A. Institutions of historical consciousness in the era of information society // Scientific problems of humanitarian research. 2012. Issue. 5. Pp. 283–289.
15. Makhanek A.B. Values of the Russian worldview in the content of the discipline "Fundamentals of Russian statehood". News of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2024. No. 2 (68). Pp. 36–40.
16. Is it possible to teach statehood? Access mode [Electronic resource] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti (date of access 23.02.2025).
17. Ostanina O.A. The End of Historical Consciousness? // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2012. Vol. 4. No. 1. Pp. 35–36.
18. Petrikeeva I.A. Creative Laboratory for the Formation of Worldview: Experience of Teaching the Course "Fundamentals of Russian Statehood". In the collection: An Effective Response to Modern Challenges Taking into Account the Interaction of Man and Nature, Man and Technology. Proceedings of the XV International Scientific and Technical Conference. Ekaterinburg, 2024. Pp. 675–678.
19. Polat E. S., Bukharkina M. Yu. Modern pedagogical and information technologies in the education system. Moscow, 2010. 365 p.
20. Shumilina-Pavlova M.O. Sources of formation of historical consciousness of Russian youth // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. 2014. No. 4. P. 226–232.

Государство: становление, развитие, угасание

Матвеева Янина Владимировна,
старший преподаватель, кафедра «Социально-философские и политические науки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет
E-mail: matveyeva.yanina@mail.ru

В статье рассматривается государство как один из вариантов системы общественных координат, как институт регламента жизни общества и жизнедеятельности общественного человека. Автор придерживается эволюционной концепции развития, которая свидетельствует о том, что все явления «бытия в мире» имеют своё начало, устремлённое в свою противоположность – завершение и исчезновение. Феномен государства не исключение.
Автор статьи осуществляет попытку уяснить причину, которая вызвала к жизни феномен государства, проследить специфику его развития на каждой стадии, особенно на последней, завершающей, когда государство демонстрирует своё угасание, разменивая свою государственность на представительство в блоках, союзах, в центрах силы, оставляя открытым вопрос: «А кто придёт на его место, какой социальный институт способен обеспечить дееспособность системы общественных координат вертикали власти и горизонтали коммуникативных отношений?»

Ключевые слова: общество, общественный человек, бытие в мире, государство, бюрократия, власть авторитета, авторитет власти, система общественных координат.

Всякий век, а наш не исключение, как правило, о себе самого высокого мнения. Мы выше, лучше, умнее тех, кто остался в прошлом и уже не может что-либо возразить. И только в условиях очередного кризиса, когда человек демонстрирует неудовлетворённость собой и окружающей средой, а общество свидетельствует о неспособности верхов управлять, а низов исполнять команды, общественное мнение бросается в другую крайность, вопрошая кто виноват и что делать. И вот тогда приходит время «птице мудрости» совершить постфактум свой полёт, изучая, сравнивая, оценивая состояние системы «бытия в мире», где всё находится во взаимосвязи, взаимодействии и взаимообусловленности; где складывается очередной исторический вызов с ориентиром на получение достойного ответа.

Следуя заявленной методологии, исследователь той или иной актуальной проблемы обретает возможность вступить в диалог с объектом исследования, не довольствоваться только эмпирическим уровнем познания, избежать скоропалительных деклараций.

Общество, как структурно организованный вид бытия в мире, является одним из самых интересных объектов познания. Оно не стоит на месте, развивается, изменяется, проходит свои стадии роста. Поэтому любая информация о нём проходит по реестру постфактум. Так было, но это уже прошлое, подтверждающее гераклитовскую аксиому невозможности войти дважды в одну и ту же реку. Определённые трудности освоения связаны с тем, что общество – это единство объективных условий и субъективного фактора общественного развития. Каждый из отмеченных составляющих имеет свою историю, специфику становления и развития. Тем не менее, общество подлежит познанию, если принять во внимание, что общество – это структурно организованный уровень бытия, располагающий своим способом существования и своей формой проявления и осуществления. Таковыми являются движение, пространство и время. Эта своеобразная триада модусов выступает связующим звеном бытия мира и бытия в мире. В первом случае они носят абсолютный характер. Во втором – демонстрируют свою меру относительности изменения конкретного объекта в конкретном пространстве и времени. В проявлении и осуществлении изменений общества заложена взаимосвязь прошлого с будущим через настоящее. Эта взаимосвязь и является отправной точкой отсчёта познания общества или исследования его составляющих элементов.

Способом существования общества является деятельность людей с ориентиром на производство товаров потребления и воспроизводство самого производства. Формой проявления общества выступает социокультурное пространство, в котором осуществляется своеобразный диалог человека и Природы. Природа обретает статус объекта трудовой деятельности, а человек выступает в качестве производительной силы. В социальном пространстве формируется материальное «тело» общества, проходит своё становление «душа» общества в форме духовной жизни, основу которой составляют политика и право, мораль и искусство, наука, философия и религия. Их истоками и последующими скрепами выступает культура и язык.

Формой осуществления общества выступает его время, включающее и все стадии становления и развития общества от «детства к старости», от «рождения до летальности». Можно изменить способ существования общества, можно перекроить его социальное пространство, но нельзя остановить или изменить время. Оно не подвластно, но об этом, к сожалению, зачастую не ведают те, кто превращает общество в «театр абсурда», который завершается либо драмой, либо трагедией.

Сложившаяся триада способа существования общества, формы его проявления и осуществления обеспечивают самоорганизацию общества в статусе системы общественных координат: примитивной на уровне власти авторитета; проблемной на уровне авторитета власти и ожидаемой на уровне единства достоинств и первой, и второй.

Система общественных координат обеспечивает регламент жизни общества и жизнедеятельности людей в этом обществе. Она представлена вертикалью власти (управление) и горизонталью коммуникативных отношений (исполнение). И то, и другое обеспечивают люди соответствующей подготовки, но, как правило, преследующие свои личные интересы.

Исследование системы общественных координат уходит в то далёкое прошлое, которое было связано с процессом антропосоциогенеза, с основным противоречием между желаниями конкретного индивида и структурно организованным обществом ему подобных людей, где у каждого на первом плане свои потребности. Чтобы противостоять войне всех против всех, человек выстраивает себя в определённую упорядоченность – тотем; организует своё заселённое пространство – ойкумену; создаёт место для своих богов – Пантеон. В итоге складывается мифологическое мировоззрение проточеловека. По мнению А.Ф. Лосева, миф заявил о себе как духовная сила, фактор социализации протообщества и его людей. Миф обеспечивал функциональность группового сознания людей; формировал их общественную психологию; культивировал чувство страха, внедряя в сознание проточеловека систему запретов – табу. Позже миф будет восприниматься как сказание о жизни богов, героев, людей, а первоначально он заявляет о себе как сама жизнь в многоцветье своего проявления [9].

Автор статьи приносит извинения читателю за обширную преамбулу, но именно она обеспечивает возможность сохранить эволюцию системы общественных координат, её становления и развития. Только такой подход позволяет избежать существенных потерь, игры воображения, двусмысленного толкования заявленной проблемы и т.д.

Ограждая себя от тёмных сил природы, проточеловек организует свое поведение через табу, ритуалы, обряды протокультуры. В процессе своего становления проточеловек сталкивается с основным противоречием между желаниями индивида и интересами ему подобных в складывающемся сообществе людей. И человек через Пантеон призывает на помощь мёртвых, надеясь, что дух предков защитит его как от внешних тёмных сил Природы, так и от тёмных внутренних сил самого человека. Ориентир его поведения – исполнение воли предков с последующим жертвоприношением и укреплением веры в существование мира инобытия. Созданный Пантеон Богов, предков стал истоком определённого мировоззрения людей на мир и на отношение к этому миру. Как и любой посредник, вызываемый к жизни, Пантеон со временем трансформируется из системы оказания помощи в систему самообеспечения тех, кто непосредственно обслуживал Пантеон. Страх перед тёмными силами Природы и человека, как её существенной части, уступает страху посмертного воздаяния. Так в Пантеоне уже формируется инобытие мифа, рождается религия; складываются истоки будущей философии.

Сложившаяся культура мифа, выполнив свое назначение быть скрепами протообщества людей, вошла в историю, как своеобразный «инкубационный период» человечества [9]. Но миф не исчез. Он оставил за собой статус вечного спутника и человека, и общества, которые востребуют его по необходимости, придавая ему желаемую форму.

Первой формой организации общественной жизни был род. В своем становлении и развитии род прошел две стадии: материнства и отцовства. На первой стадии он демонстрировал единство стада, стаи. В силу целого ряда причин, о которых до сих пор спорят исследователи этого исторического периода, матриархат уступает место патриархату. Социальной ячейкой общества становится семья. Процессы этого переходного периода были длительными, сложными, противоречивыми. Вероятно, этим можно объяснить многообразие версий этого периода и многочисленные к нему вопросы. Вдумчивый читатель при желании может частично получить ответы на свои вопросы, обратившись к авторитетным источникам. Это работы: И.Л. Андреева «Происхождение человека и общества» [1], Л.Н. Гумилева «Этносфера: история людей и история природы» [5], Э. Тейлора «Первобытная культура» [14], Ф.Х. Кессиди «От мифа к логосу» [8], А.Ф. Лосева «Философия. Мифология. Культура» [9], Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [11].

Род в двух его стадиях матриархата и патриархата обеспечил переходный период от биологической популяции особей прачеловека к социальной общности людей в формате общины с её властью авторитета уважаемых старейшин. История помнит основные общины. Это азиатская, античная, германская и славянская. Каждая из них имеет свою историю становления и развития. О каждой можно многое сказать, но автор считает необходимым уделить больше внимания античной и славянской общинам, через специфику которых лучше просматривается история становления и развития государства как уже иной системы общественных координат, где бал правит не власть авторитета, а авторитет власти.

Азиатский тип трансформации рода в общину осуществлялся в условиях перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Основу азиатской общины составляла общая собственность на пастбища земли. Ей присущ и коллективный труд при строительстве ирригационных систем и дорог.

Античная община – это сообщество людей особого поселения – полиса, как основной формы социальной организации античного общества. Полис уже не деревня и ещё не город, но это уже отдельное суверенное образование, которое могло объявить войну или заключить мир; полис мог присоединиться к определённому союзу; мог чеканить свою монету, свидетельствующую, что бартерные сделки уступили место деньгам и т.д.

По Аристотелю полис – это сообщество свободных людей. К этому определению можно добавить: находящихся в условиях переходного периода и размышляющих о том, что придёт на смену уже недееспособной власти авторитета.

В античной общине интересы свободных людей обеспечивались усилиями их рабов. Но отношение к рабам было достаточно корректным. Собственник по своему усмотрению мог предоставить рабу свободу, а тот уже на правах свободного человека мог устраивать свою личную жизнь, как и любой коренной представитель греческой общины, житель полиса, города, государства.

Германская община – это социальное образование более позднего периода. В ней доминирует частная собственность на землю. Власть авторитета практически уступила место авторитету власти, но это ещё не вертикаль власти в формате государства. Административной единицей территориальной целостности общины выступают город-крепость и хутора.

Свою специфику имел и славянский тип общины. Её основу представляло местное самоуправление совладельцев земли. Регламент жизни общины обеспечивался нравственным законом сродности и соборности. Община придерживалась естественного права, проводниками которого была власть авторитетных людей общины, но в реальности получалось то, что получалось. Появление частной собственности и денег ставило под сомнение солидарность и справедливость общины. Административной единицей была деревня, но в более позднее время возникла тенденция своей урбанизации, градостроительство с перспективой выхода на государство как систему общественных координат.

Специфика всех заявленных общин так или иначе проявила себя в переходный период от власти авторитета к авторитету власти. Она вошла в культуру этих социальных образований и напоминает о себе традициями и обычаями. Сила их влияния столь значима, что А.С. Пушкин, увлекавшийся не только поэзией, но и историей, счёл необходимым в своём романе «Евгении Онегин» назвать традицию тиранией, а обычай – деспотом. Похоже, что обозначенная специфика продолжает влиять на нынешнее состояние стран, истоки которых уходят в далёкое прошлое общинной жизни.

Как уже было отмечено, проводником власти авторитета выступала первобытная нравственность равных людей в эпоху матриархата. Но это «равенство» исчезает в условиях патриархата с появлением частной собственности и семьи. Община проявляет неспособность обеспечить оптимальный регламент людей, неравных по природе, но обязанных свою свободу и интересы приносить в пользу благополучия общины. В наследии Гомера и Гесиода, переживающих исторический вызов античному миру, ещё имеет место ностальгия о «Золотом веке», но навалившийся хаос постоянно напоминал, что община исчерпала потенциал своих возможностей в качестве вертикали власти.

Исторический вызов ждал своего ответа, и он последовал, но уже не от мифологии или религии, а от философии. Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель через призму состояния парадигмы космоцентризма провели объективный анализ власти авторитета античной общины. Они оценили её состояние и пришли к заключению о её недееспособности как системы общественных координат. Эта власть не в состоянии противостоять хаосу. За этим приговором последовал вывод о том, что основа бытия в мире покоится на дилемме жизни и смерти, духовного и материального, добра и зла, прекрасного и безобразного, а в конечном итоге Мирового Духа, Бога и тёмных сил Сатаны, Дьявола. В размышлениях о судьбах общины и о том, что должно прийти ей на смену, сложился категориальный каркас античной философии. Он включил ключевые понятия космоса и хаоса, добра и зла, прекрасного и безобразного, души и ума, идеи и материи; общего, единичного и особенного и т.д.

Пифагор и его школа разводят фиксируемую материю конкретного бытия в мире и незримую идею одухотворённости бытия мира. Пифагор и его соратники полагали, что они Земли ученики, что они частицы Вселенной, что они далеки от адекватного познания мира, поэтому свою миссию усматривали в том, чтобы дойти до сути, познать, понять и принять истину, которая облегчит Судьбу ближнего. Через душу человека идея обретает статус духовной силы. Она способна повлиять на соотношение добра и зла, превратить хаос в строительные кирпичи нового бытия в мире. Но каков механизм связи бытия мира и бытия в мире, кто должен выступить в качестве посредника, кто должен обеспечить пролонгацию жизни общества и общественного человека? Эти вопросы станут предметом уже философии Сократа, Платона, Аристотеля.

Сократ «привязывает» идею к человеку, приглашая человека изначально решить проблему самопознания, которая откроет путь к познанию бытия мира.

Платон идёт дальше, размышляя о судьбе не абстрактного человека, а о состоянии общественного человека уже не общины, а города-полиса. Этот человек при определённых условиях среды обитания способен адаптировать идею одухотворённости мира и превратить её в действительность.

Аристотель идёт ещё дальше. Он обращает внимание на платоновское замечание о природном неравенстве людей, которое стало камнем преткновения на пути поиска новой системы общественных координат. В своём трактате «О душе» Аристотель полагает, что неравенство людей – это аксиома, исключающая необходимость доказательства, но есть в этом неравенстве и вина человека. Одни люди в своём становлении довольствуются только проявлением воли к жизни через обмен веществ их организма с окружающей средой. Другие в развитии своей души поднимаются до уровня проявления воли к власти над обстоятельствами или проявлением власти над другими людьми. Мыслитель называет это состояние проявлением души «животного» с ориентиром на осуществление своих желаний и удовлетворение своих потребностей. Первая категория людей живёт как представители растительного мира, не задумываясь о смысле жизни. Вторая категория людей носит проблемный характер и для общества, и для себя. Они задумываются о смысле жизни, подменяя его псевдосмыслом, замешанном на эгоцентризме. И только незначительное меньшинство людей способно заявить о воле к власти над собой, чтобы преодолеть свои недостатки, совершенствовать силу своего ума, приумножать свою человечность. Это категория людей проходит по реестру – «соль» земли своего Отечества. По мнению Аристотеля, они способны объединить достоинства власти авторитета и авторитета власти в одном лице. На практике эту попытку старался воплотить в жизнь ученик Аристотеля – Александр Македонский.

Платон в трактатах «Государство» и «Законы», а Аристотель в «Этике» и «Политике» заявили о том, что есть проблема и её нужно решать, но на их пути стояла парадигма космоцентризма, исчерпавшая свой потенциал. Парадигма теоцентризма, приняв наследие античности с её проблемами, внесла свой предпосылочный вклад в решение заявленных проблем. Она обеспечила духовные скрепы общества и прививку человечности значительной части населения. И только парадигма антропоцентризма отозвалась усилиями Н. Макиавелли – «Государь…» [10], Ж. Бодена – «Республика» [2], Т. Мора – «Утопия» [12], Т. Кампанеллы – «Город Солнца» [7], Т. Гоббса – «Левиафан» [4]. Эти и другие мыслители осуществили анализ традиционного общества и формы его проявления, оценили в формате его достоинств и недостатков, выявили его «ахиллесову пяту» и предложили свою модель системы общественных координат. Это был институт государства как авторитета власти в противовес власти авторитета в условиях рода, племени, общины. Модель государства в условиях переходного

периода от традиционного общества к индустриальному заявила о способности средствами бюрократии обеспечить функционирование вертикали власти. Регулируя экономику, внедряя право и осуществляя политику как «искусство управления», государство подготовило и организовало общество на решение задач, выходящих за пределы интересов индивида и его семьи.

Востребованность института государства была ответом на исторический вызов в условиях неспособности власти авторитета решать вопросы дальнейшего развития общества и общественного человека. Это был ответ на появление семьи, заявивший о себе социальной ячейкой общества, его строительным материалом. Это был и ответ на возникновение частной собственности, как следствие товарного производства с вектором – «товар, – деньги, – капитал». Это была и возможность включения конкретного государства в мировое сообщество [11, с. 23–178].

Индустриальное общество рождало коллективные потребности: решение проблемы защиты от внешней экспансии; формирование своего способа производства, своего базиса и надстройки; контроль и помощь развитию материальной и духовной культуры; контроль за состоянием демографического фактора; вопросы здравоохранения и образовательной системы; принятие единых правил общежития людей, их прав и обязанностей; выполнение общественных работ; поддержание внутреннего порядка и т.д. Эти вопросы были уже не по плечу даже самому мудрому представителю власти авторитета. Их могла решить только вертикаль власти с опорой на горизонталь коммуникаций. И то, и другое – стержень института государства.

Авторитет власти – это уже и особый слой профессионалов-чиновников, способных решать конкретные задачи социального управления. Как базовое основание авторитета власти, бюрократия заявила о себе как система обеспечения жизни общества и жизнедеятельности общественного человека. В этом её достоинство, но в этом и её потенциальный недостаток. Поскольку бюрократия вершит судьбу любого вопроса в формате: «разрешить или запретить», то у её отдельных представителей, а это люди с разным чувством меры ответственности за порученное дело, появляется желание трансформировать систему обеспечения жизни общества в систему собственного самообеспечения. Эта возможность существенно подрывает в глазах среднестатистического обывателя авторитет государства, что и работает на «мельницу» враждебно настроенного фактора внешней экспансии. И вот уже в стране появляются «спящие ячейки» потенциальных агентов протестного сознания, а после и протестного действия.

В условиях осуществления авторитета власти, общественный человек обретает статус подданного с определёнными правами и обязанностями. Территория общества объявляется неприкосновенной, о чём свидетельствует маркировка её границ. На содержание системы общественных координат развития и защиты общества в оговорённых размерах и в определённые сроки с населения взимается подоходный налог.

Отмеченные признаки позволяют определить государство как особый социальный институт, который сменил потерявшую дееспособность власть авторитета. По времени этот процесс затянулся, заявив о себе как первый исторический вызов [13].

Первые апробации модели авторитета власти проходили исключительно по инициативе тех пассионариев (Л.Н. Гумилёв), кто уяснил, что без организующего начала, без Центра силы, без единой идеологии общество разрушается, ибо каждый человек выстраивает свою жизнь с учётом своих потребностей.

Основное противоречие между желаниями индивида и сообществом ему подобных, без организующего Центра силы чревато войной всех против всех, ибо без «Левиафана» человек человеку волк (Т. Гоббс) [4].

Пройдёт определённый период развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Начнёт стихийно складываться базис и надстройка общества. Экономика формирует политику, а политика закрепляется в праве и морали. В этот процесс встраиваются культура и язык. Складывается структура общественного и индивидуального сознания. Появляются специфические виды деятельности. Складывается социальная структура общества.

Заявив о себе как о реальном факте, политическое сознание не сразу обретёт статус фактора (силы) авторитета власти. Вероятно, поэтому институт государства продолжал своё становление в цивилизационных условиях Античного мира и Средневековья. Если культура – это опыт проб и ошибок в результате освоения природы, познания и самопознания, то Цивилизация – это способ трансляции культуры потребителю с помощью техники и технологий. Только с оформлением капиталистического способа производства и воспроизводства, с оформлением буржуазных общественных отношений, государство, как авторитет власти, обретает своё место в социальной структуре общества. Экономическое господство закрепляется в политике и находит своё выражение в борьбе за власть. Борьба начинается с противостояния идей. Осознание текущего момента рождается в стихии повседневности с первоначальным его оформлением в политическом общественном и индивидуальном сознании, а позже с оформлением в общественную силу. Субъектом эмпирического сознания выступает обыватель повседневности, а субъектом теоретического сознания выступают профессионалы. Их усилиями созидается политическая культура и язык политики, оформляется особый вид политических отношений, осуществляется определённая политическая деятельность как составляющая общей культуры. С политической культурой формируется и правовая культура в статусе доброжелательного отношения людей к природе, к обществу и к другому человеку. Через политическое сознание люди осознают свою государственность и возможность своего участия в ней, через правовое сознание они осознают свои права и обязанности. Сопричастие людей с государством и понимание того, что свои интересы люди могут осуществить через государство, позволяет избежать войны всех против всех, приглушив остроту противоречия между желаниями индивида и обществом себе подобных, где у каждого есть свои желания и интересы.

Как показала практика, общество нуждается не только в вертикали власти, но и в горизонтали коммуникаций. Длительный период государство делало ставку на вертикаль власти, но стихия общественной жизни внесла свои коррективы. Появилась необходимость и возможность в негосударственной общественной деятельности. Пристальное внимание к ней побудило мыслителей уже Нового времени расшифровать этот феномен, что и нашло своё выражение в творческих усилиях Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др., где в благожелательном варианте засветилась идея гражданского общества.

При рассмотрении возможностей гражданского общества, исследователи столкнулись с проблемой взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества. Если государство – это система обществен-

ных координат, то и гражданское общество прямо или опосредованно претендует на этот статус. Но два центра силы в «одной банке» – это скорее торжество хаоса, а не порядка.

Гражданское общество – это ассоциация свободных и равноправных людей, преследующих свои интересы, но активно работающих на благо общества, ибо они осознают, что их личная жизнь протекает в лоне публичной жизни. И вот здесь возникает то противоречие, которое проходит через человека. Он выступает в двух ипостасях как подданный государства и как гражданин ассоциации свободного сообщества людей. Это противоречие ставит под сомнение целостность индивида. В конечном итоге, оно может обрести характер противостояния авторитета власти и власти авторитета в лице народного согласия, ибо гражданское общество – это не только союзник государства, но и, зачастую, его оппонент, особенно в вопросах бюрократических «измов». К этому следует добавить, что в ипостаси подданного индивид заявляет о себе как особая социальная функция, а в ипостаси представителя гражданского общества, он полноценный индивид с ориентиром на проектирование своего Смысла и Образа жизни, реализующего право на осуществление своих интересов, не нарушающих законы конкретного государства.

Индикатором состояния человеческого «Я» выступает свобода. В границах гражданского общества, индивид заявляет о себе как существо суверенное, наделённое правом выбора. Он равный среди равных, ибо гражданское общество – это ассоциация людей, которые объединяются по своей воле. Они сообща вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, неся ответственность перед ассоциацией таких же свободных людей. В границах государства статус индивида иной. Как подданный государства, он проходит по реестру личности конкретного общества, наделённый определённым набором прав и обязанностей.

Появление феномена гражданского общества – это не только компенсация того, что не успевает государство по горизонтали коммуникативных отношений системы общественных координат, но и индикатор, свидетельствующий, что государство как авторитет власти почти исчерпало свой потенциал. Возможно, это одна из причин современного исторического вызова с вопросом «кто придёт на место государства?». Вряд ли это будет гражданское общество. У него своё «слабое звено». В гражданском обществе бал правит простое большинство, но практика свидетельствует, что большинство – это сила, но далеко не всегда истина. Поэтому между большинством и меньшинством, как правило, возникают недоразумения, что существенно ослабляет эту ассоциацию свободных людей.

Скорее всего, гражданское общество – всего лишь одно из промежуточных звеньев ситуации «верхи не могут, а низы не хотят». Не исключено, что поиск оптимальной системы общественных координат будет продолжаться по схеме: тезис (власть авторитета) – антитезис (авторитет власти) = синтез – это новый второй тезис, единство достоинств первоначального тезиса и его антитезиса, того, что зарекомендовало себя на практике.

Основу современного исторического вызова составляет кризис государственности. Авторитет власти лишён способности решать противоречие части и целого, противоречие между желанием индивида и общества себе подобных. «Авторитет власти» не может обеспечить равенство людей неравных по природе. Власть может пойти только на компромиссы. Так, современная рыночная экономика, получив «добро» власти, обеспечивает равные стартовые возможности предпринимательской деятельности, не запрещённой законом и не ущемляющей интересы других людей. Регламентом выступает спрос и предложение. Звучит красиво, а на деле свидетельствует об иллюзорной свободе потребителя. Свобода и равенство обусловлены уровнем развития общественного производства, мерой персонификации общественных отношений и деперсонификации человека как личности конкретного общества. Тем не менее, рыночная экономика, похоже, на сегодня это единственная возможность обеспечить так называемую свободу и иллюзорное равенство людей в предыстории своего развития, где отчуждение индивида от продукта своей деятельности, от всех и от самого себя в формате функции является закономерностью общественного развития, проявляясь в самых одиозных формах особенно в условиях капиталистического способа производства и буржуазных общественных отношениях [6].

Уже в эпоху Модерна государственность перестала гарантировать необходимый минимум справедливости и солидарности для нормальной жизни общества и сносной жизнедеятельности общественного человека [3]. Формализация справедливости и ослабление солидарности существенно повысили «градус» хаоса и протестного сознания. Под сомнение попадают терпение и терпимость, вера и надежда. Общезначимые ценности подменяются квазиценностями. Девальвирует право человека на жизнь, свободу и справедливость. В своей политике государство опирается не на массы, его избравшие, а на структурно организованные силы правопорядка и осуществления соответствующей политики внутри государства. Для бюрократии наступает время «звёздного часа». Она легко и просто трансформируется из системы регламента жизни общества в систему самообеспечения.

В этих условиях гражданское общество может быть всего лишь мерой компенсации недостающих усилий государства. Оно может заявить о себе как союзник государства, если его система общественных координат сложилась по инициативе государства и с его участием. Но может быть и оппонентом государства, если оно сложилось стихийно на базе протестного сознания силами людей пассионарного характера. Другими словами, жизнь и судьба феномена гражданского общества определяется состоянием и направленностью человеческого фактора. Но в любом случае появление феномена гражданского общества свидетельствует о том, что авторитет власти (государство) исчерпал свой потенциал, его время на исходе. На повестке дня остаются только два вопроса: «Как долго будет продолжаться «агония» государства и кто придёт ему на смену?»

Не исключено, что это может быть объективированная имперская идея. Она имеет свою историю становления, развития и воплощения. Это то прошлое, которое таит знаки возможного будущего. Исторический вызов современности ждёт свой достойный ответ.

Литература

1. Андреев, И.Л. Происхождение человека и общества. – 2-е изд., перераб. и доп.. – Москва: Мысль, 1988. – 415 с.
2. Боден, Ж. Шесть книг о республике / Пер. с фр., примеч. и вступ. ст. Г.И. Баязитовой, Н.Н. Лыковой, Д.С. Митюревой // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – 697 с.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.

4. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – 478 с.
5. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – 642 с.
6. Кальной, И.И. Отчуждение: истоки и современность / И.И. Кальной // Симферополь: Таврия, 1990. – 192 с.
7. Кампанелла, Т. Город Солнца / Пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского; Пер. приложений М.Л. Абрамсон [и др.]; Вступ. статья В.П. Волгина [«Коммунистическая утопия Кампанеллы», с. 5–30]. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 228 с.
8. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 360 с.
9. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура. Москва: Политиздат, 1991. – 525 с.
10. Макиавелли, Н. Государь и рассуждения на первую декаду Т. Ливия. / Н. Макиавелли; [пер. с итал. Г. Муравьевой, Р. Хлодовского]. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. – 270 с.
11. Маркс, К., Энгельс, Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – Москва: Политиздат, 1986, – 639 с. Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21, с. 28–178.
12. Мор, Т. Утопия / Пер. с латин. Ю.М. Каган; Вступ. статья И.Н. Осиновского [с. 5–81]; Коммент. Ю.М. Каган и И.Н. Осиновского. – Москва: Наука, 1978. – 415 с.
13. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. – Москва: Прогресс, 1991. – 736 с.
14. Тэйлор, Э. Первобытная культура / Э. Тэйлор; переводчик Д.А. Коропчевский, А. Ивин; под редакцией В.К. Никольского. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 742 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-10093-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/565713 (дата обращения: 01.03.2025).

THE STATE: FORMATION, DEVELOPMENT, EXTINCTION

Matveeva Ya.V.
Sevastopol State University

The article considers the state as one of the variants of the system of social coordinates, as an institution of regulation of the life of society and life activity of a public person. The author adheres to the evolutionary concept of development, which shows that all phenomena of 'being in the world' have their beginning, directed to their opposite – completion and disappearance. The phenomenon of the state is not an exception.
The author of the article makes an attempt to understand the reason that brought to life the phenomenon of the state, to trace the specifics of its development at each stage, especially at the last, final stage, when the state demonstrates its extinction, exchanging its statehood for representation in blocs, unions, centers of power, leaving open the question: 'And who will come in its place, what social institution is able to ensure the capacity of the system of social coordinates of vertical power and horizontal communicative relations?

Keywords*:* society, public human, being in the world, state, bureaucracy, power of authority, authority of power, system of social coordinates.

References

1. Andreev, I.L. The Origin of Man and Society. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Mysl, 1988. – 415 p.
2. Bodin, J. Six Books on the Republic / Transl. from French, notes and in-troduction by G.I. Bayazitova, N.N. Lykova, D.S. Mityureva // Philoso-phy. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – 697 p.
3. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / M. Weber // Selected Works. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p.
4. Hobbes, T. Leviathan / T. Hobbes. – Moscow: Mysl, 2001. – 478 p.
5. Gumilev, L.N. Ethnogenesis and the Earth's Biosphere. St. Petersburg: Crystal, 2001. – 642 p.
6. Kalnoy, I.I. Alienation: Origins and Modernity / I.I. Kalnoy // Simfero-pol: Tavria, 1990. – 192 p.
7. Campanella, T. City of the Sun / Translated from Latin and commentary by F.A. Petrovsky; Translated from appendices by M.L. Abramson [and others]; Introductory article by V.P. Volgin ["Campanella's Communist Utopia", pp. 5–30]. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. – 228 p.
8. Cassidy, F. From Myth to Logos: Formation of Greek Philosophy. St. Petersburg: Aleteya, 2003. – 360 p.
9. Losev, A.F. Philosophy. Mythology. Culture. Moscow: Polit-izdat, 1991. – 525 p.
10. Machiavelli, N. The Sovereign and Reflections on the First Decade of T. Livy. / N. Machiavelli; [translated from Italian by G. Muravyova, R. Khlodovsky]. – St. Petersburg: Azbuka-classic, 2007. – 270 p.
11. Marx, K., Engels, F.; Selected Works. In 3 vols. Vol. 3. – Moscow: Politizdat, 1986, – 639 p. Published according to the text of the Works of K. Marx and F. Engels, ed. 2, v. 21, pp. 28–178.
12. More, T. Utopia / Trans. from Latin. Yu.M. Kagan; Introductory arti-cle by I.N. Osinovsky [pp. 5–81]; Commentary by Yu.M. Kagan and I.N. Osinovsky. – Moscow: Nauka, 1978. – 415 p.
13. Toynbee, A.J. Understanding History: Trans. from English. / Comp. Ogurtsov A.P.; Introductory article by Ukolova V.I.; Concluding article by Rashkovsky E.B. – Moscow: Progress, 1991. – 736 p.
14. Taylor, E. Primitive Culture / E. Taylor; translator D.A. Koropchev-sky, A. Ivin; edited by V.K. Nikolsky. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 742 p. – (Anthology of Thought). – ISBN 978-5-534-10093-8. – Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/565713 (date accessed: 01.03.2025).

«Конец Истории» и коммуникативные революции: влияние на историческое сознание общества

Пичугин Виталий Григорьевич,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы исторического сознания в контексте коммуникативных революций и концепции «конца Истории». Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью поиска факторов, влияющих на историческое сознание современного общества, что позволяет оказывать позитивное влияние на поддержание стабильности в обществе. Основная цель исследования – выявление роли коммуникативных революций и нового значения концепта «конец истории» в развитии исторического сознания. В результате проведённого исследования сформулированы определение механизма влияния информационно-коммуникативных технологий на историческое сознание современного общества и приведено новое значение и понимание термина «конец истории», как отсутствие её отражения в массовом сознании с опорой на реальные исторические события и замена их на частично или полностью вымышленную историческую реальность посредством постоянно развивающихся новых технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: коммуникация, сознание, история, социальный конструкт, массовое сознание, историческое сознание, влияние.

Введение

С древних времён конечность бытия воспринималась как неизбежность движения всего сущего от зарождения к умиранию, что следовало из наблюдения природы и общества, где нет ничего вечного. Поэтому от христианской эсхатологии до марксистской предыстории и постмодернистской постистории конечность целей и смысла Истории опосредовало представление о её неминуемом завершении в различном семантическом и содержательном понимании этой концепции. Соответственно, дискурс, определяемый крайними оппозициями, от антропно-виталистического возрождения в совершенство до физической гибели человечества, создавал в общественном сознании образ исторического прошлого, коррелирующий с размерностью, технологичностью, качеством, контекстом практик исторического описания и осмысления.

Например, трактовка «конца Истории» Ф. Фукуямы, также была, во многом, опосредована контекстом времени осмысления исторического процесса, поскольку эйфория от «окончательной и бесповоротной» победы либеральной демократии, позволила рассуждать о «конце», возможном при отсутствии в социуме иных идей, кроме либеральных, когда бороться не с кем и не за что. Контекстуальность ограничивает описание обобщённого социального опыта, и, часто, ведёт к ошибочным суждениям. Американский социолог Д. Белл по этому поводу отмечает: «В последние годы в значительной степени благодаря книге Ф. Фукуямы «Великий разрыв» распространилась вера в возможность «конца Истории». Я думаю, что тезис Ф. Фукуямы ошибочен. В словосочетании «конец Истории» беспорядочно перемешаны различные понятия, ему не хватает ясности. Хотя здесь и содержится реверанс в сторону Г. Гегеля, он не соответствует в точности специфической гегелевской формулировке, в соответствии с которой «конец Истории» означал, на политическом уровне, слияние Государства и Общества и преодоление разделения, привнесенного буржуазным образом жизни; на социально-экономическом уровне «конец необходимости» означал преодоление дефицита и мир, где изобилие делает человека «свободным»; на гносеологическом уровне он кладёт конец различию между «субъектом» и «объектом» и означал пришествие царства вневременной философии при растворении «Я». «Конец Истории» возвещал наступление царства универсализма»… «Но, с моей точки зрения, есть еще одно возражение против тезиса Ф. Фукуямы, а именно против того, что «конец Истории» означает конец гегельянско-марксистского представления о линейном развитии единого мирового Разума по направлению к телосу объединенной социальной формы. Я полагаю, что это неправильное толкование природы общества и истории» [1, с. 92].

Постоянная трансформация с глубокими качественными изменениями способов рефлексии, фиксации, передачи и восприятия событий прошлого (коммуникативные революции) оказывала системное влияние на общественное сознание, создавая определённые историко-политические конструкты, новые социальные структуры, модели взаимодействия. В этом контексте история

продолжалась, трансформируясь от концепции отражения прошлого до концепции создания любого прошлого заново. Коммуникативные революции до настоящего времени позволяли скорее совершенствовать передачу опыта отражения исторических событий, однако развитие искусственного интеллекта в новых информационных технологиях даёт возможность создавать какой угодно опыт, который может быстро распространяться, и в массовом восприятии быть не отличимым от реальности. Представляется важным и актуальным рассмотрение гипотезы качественного перехода, преобразующего природу коммуникации, где «конец истории» понимается как отсутствие её отражения в массовом сознании с опорой на реальные исторические события и замена их на частично или полностью вымышленную историческую реальность посредством новых информационно-коммуникативных технологий.

Историческое сознание в контексте коммуникативных революций

В рамках коммуникативного подхода к развитию истории М. Маклюэна [2] и М. Кастельса [3] технологии передачи и получения информации значимым образом преобразуют восприятие социальной реальности, а общественное устройство подвержено влиянию установленного типа коммуникации. Мышление человека в его социально-психологическом взаимодействии определяется развитием информационно-коммуникативных систем (устной, письменной, аудиовизуальной). М. Кастельс также развивал концепцию «глобального города» – образование сетей, основанных на информационных потоках, что является результатом процесса глобализации в экономико-социальной сфере. Такая «племенная вовлечённость», сжатие ранее обширного социального пространства человека в «глобальную деревню» привело к появлению «*homo communicates*», что по мнению Кастельса, закончится технологической симуляцией сознания. Соответственно, историческое сознание может являться частью локальной или глобальной симуляции, где возможен «человек без прошлого», поскольку его индивидуальное и коллективное прошлое придумывается в настоящем исходя из целесообразности создания картины мира в обществе тотальной глобализации.

Революционные изменения, связанные с развитием печатного дела, радио, телевидения, появлением интернета, увеличением объёма информации и облегчения доступа к ней, привели к постоянно возрастающей нагрузке на когнитивную сферу личности. Например, прочитать и критически осмыслить объём документов, обзоров, мнений, научных статей, монографий, книг о какой-либо исторической эпохе, или даже одном событии стало нетривиальной задачей. К тому же когнитивный диссонанс вызывает наличие прямо противоположных мнений, суждений, выводов по одному и тому историческому факту, событию, исторической личности, периоду, и т.п. С развитием новейших информационно-коммуникативных технологий и искусственного интеллекта процесс восприятия и осмысления истории пошёл по пути упрощения с ориентацией на массового потребителя, склонного не к научной рефлексии, но требующего готового простого решения, поданного в занимательной форме и ярко оформленного. Запросы в поисковых системах теперь сопровождаются обращением к искусственному интеллекту, который старается понять контекст и намерения пользователя, улавливая тенденции и обобщая все предыдущие запросы, поэтому, например, вполне распространёнными являются выдача ссылок на «новую хронологию» или «новые архивные данные», на «откровения» и «правду», скрываемую учёными историками. Массовое сознание по совей природе склонно к крайностям, выбору либо «чёрного», либо «белого», любые оттенки становятся лишними. Таким образом запускается механизм крайнего упрощения в описании и представлении прошлого. Искусственный интеллект подстраивается под ожидания массового сознания, и будучи его сетевым отражением, создаёт причудливые симулятивные конструкции прошлого в виде текстов и картинок, легко воспринимаемых, но уже не имеющих отношения к реальным историческим событиям. По мнению профессора Орхусского (Дания) университета В. Канштайнера: «Искусственный интеллект буквально творит историю. Инструменты машинного обучения играют ключевую роль в создании изображений и историй о прошлом в популярной культуре» [4, с. 56].

Коммуникативная революция визуальной памяти общества

Выражаясь метафорически, можно представить коллективную и индивидуальную память ядром (основой) исторического сознания общества. Образы прошлого сложным порядком переплетены и дополняют друг друга в памяти конкретного человека и общества в целом. По мнению М. Хальбвакса: «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [5, с. 29]. Другими словами память личности опосредована и существует в рамках социальной памяти. В современном обществе искусственный интеллект действительно делает информацию более доступной, чем когда-либо, одновременно с этим социум движется к формированию «внешней» памяти, принадлежащей не людям, поэтому теряется необходимость запоминать и помнить, если можно обратиться к памяти искусственного интеллекта, создающего по неизвестным алгоритмам свои «рамки социальной памяти» или совокупность «ориентиров» для памяти индивида. Историческая память в рамках искусственного интеллекта опосредуется волей и замыслом создателей высокотехнологического продукта, его собственниками с группой заинтересованных акторов влияния на историческое сознание общества, алгоритмами обучения самого искусственного интеллекта, которые «поглощают» и форматируют события прошлого, установлением значимости и важности эпизодов прошлого, присущими тому или иному социуму в силу политических и других акцентов в интерпретации истории. «Внешняя паять» активно и эффективно создаёт то, что всегда и ранее вызвало опасения у научного сообщества, государства, общества: «Проблема коллективной памяти является одной из вызывающих пристальное внимание как научного сообщества, так и политических сил различных стран современного мира. Формирование общей памяти рассматривается в ряду процессов национальной, гражданской идентификации, становления патриотического сознания и чувства социальной общности» [6, с. 93].

Искусственный интеллект эффективно генерирует «персонализированный контент» путём анализа пользовательских данных, запросов, что приводит к эффекту «эхо камеры». Пользователи получают информацию, подтверждающую их взгляды, предлагающую в подтверждение правоты видео, аудио, текстовый материал, а также мнения единомышленников. Если это касается восприятия событий прошлого, то происходит фрагментация исторического сознания [7] не в рамках общей

социальной памяти, а множества групп, объединённых посредством искусственного интеллекта на основе персонализированного контента.

Основным фактором влияния на сознание человека и общества является создание «достоверного присутствия», когда индивидуум может погрузиться в историческую эпоху и самостоятельно (своими глазами) удостовериться как оно всё было на самом деле. На языке искусственного интеллекта этот процесс называется генерация визуального контента (видео, картинок) на историческую тематику. Богатый инструментарий технологий виртуальной реальности реконструирует исторические события, при всём при этом оставаясь мощным инструментом в руках субъектов управления общественным сознанием.

Реалистично выполненные компьютерные игры с историческим содержанием являются, фактически инструментом создания «достоверного присутствия», где человек не просто активно воспринимает видео контент, но и участвует в процессе исторического действия, формируя оценку, пристрастия, установки, в итоге – своё историческое сознание. Стоит отметить, что подавляющее большинство компьютерных игр исторической тематики созданы не российскими авторами и компаниями [8], поэтому российская молодёжь (и не только) играет в «чужие» игры.

Если рассматривать визуальную память как способность нервной системы запечатлевать, сохранять, воспроизводить информацию, воспринятую посредством зрения, то видео и картинки исторического содержания, воспринимаемые в процессе игры действительно тренируют процесс визуального запоминания, при этом добавляя мотивации эмоциональным подкреплением, сопровождающим все игры.

Таким образом, историческая информация любой степени достоверности, вплоть до выдуманных и фантасмагоричных эпизодов будет легко усвоена в процессе визуального запоминания в ходе игры. Особенно эффективно перемешивание правдивой исторической информации с ложной, придуманной. В этом случае у человека ещё меньше возможности критически оценить увиденное, поскольку в сознании отражается часть информации, которую реципиент уже когда-то встречал (в школе, вузе, фильмах и т.п.), происходит согласование увиденного и ранее запомненного, в результате присоединённая ложная (выдуманная) информация вызывает доверие поскольку следует рядом с правдивой.

Сама игра или просто восприятие потока визуальной информации не располагает к критической оценке. В состоянии вовлечённости, эмоционального переживания, желания победы, сопереживания «своим» или ненависти к «чужим» как правило не возникает желания остановить процесс и подумать о достоверности происходящих событий, как, например, это происходит при чтении, когда остановиться легко, а вернуться назад и прочитать снова просто необходимо для лучшего понимания или оценки на достоверность изложенного материала.

Дробление визуальной информации на короткие отрезки приводит к отсутствию восприятия полной картины. Из множества разрозненных частей уже не получается сложить целое ввиду скорости визуально восприятия, отсутствия ясной связи прошлого фрагмента с просматриваемым или следующим. Такой способ восприятия часто называют «клиповое мышление» или «клиповое сознание». Ф.И. Гиренок обозначил данный феномен как «клиповое сознание», подразумевая под этим уход от концептуального мышления и замены линейного бинарного мышления нелинейным полагая, что концептуальное мышление перестало играть важную роль в современном мире, в результате чего линейное бинарное мышление заменяется нелинейным [9]. Дискуссионным является вопрос, насколько это явление можно назвать «мышлением» или «сознанием», поскольку в широком понимании мышление синоним к термину «познание» себя и окружающего мира, если рассматривать «мышление» как интеллектуальную фазу восприятия и обработки мозгом информации, то это давно известный закон экономии энергии мозгом при обработки информации: дробление на более мелкие элементы, обращение внимания и анализ скорее формы, чем содержания для формирования «быстрого» понимания в первом приближении. Новым, а может быть революционным, в данном социальном феномене является то, что он становится ведущим, для кого-то основным способом восприятия и анализа получаемой информации. Отсюда угроза полной незащищённости исторического (да и любой другой формы) общественного сознания, которое легко может быть подвержено деструктивному внешнему влиянию, когда, по Маклюэну, форма становится важнее содержания [2], а фрагментарное восприятие никогда не образует целостности.

Таким образов социальную память можно форматировать, замещая реальность прошлого вымыслом, симулякром в терминологии Ж. Бодрийяра, где под симулякром понимается не сокрытие истины, а то, что её вообще нет, симулякр становится истиной [10]. Одна из идеологов современного феминизма Д. Харауэй отмечает такие кардинальные трансформации современного информационного общества, которые имеют своим содержанием замещение реальности (в том числе исторической) виртуальным миром [11]. Представляется, что с развитием акцента на краткое визуальное восприятие информации в массовом сознании будет практически невозможно формировать целостную картину исторического прошлого, которое может быть любым, в зависимости от воли и усилий акторов исторической политики, таких как государство, корпорации, общественные организации, заинтересованные группы влияния.

Выводы

Общество с «чужой» памятью не наследует опыт предыдущих поколений, их свершения, победы ратные и трудовые, идентичность и гордость за своих предков, новые поколения уже не имеют доступа к важным историческим урокам и для них «конец истории» означает отсутствие корней, подлинности, действительности, своего. «Чужая история» формирует чуждую идентичность и ставит экзистенциальный вопрос «кто мы» без своей истории?

«Конец истории» как утраты подлинности, отсутствие её отражения в массовом сознании с опорой на реальные исторические события, замена их на частично или полностью вымышленную историческую реальность, явление, находящееся в динамике зарождения, скорее локальное, ограничивающееся определёнными социумами, но ведущее к новым конфликтам и повторению старых ошибок, поскольку без опоры на историческое прошлое трудно достичь стабильности и согласия в настоящем.

Новые информационно-коммуникативные технологии несут не только благо, удобство и комфорт, но и позволяют манипулировать массовым сознанием, замещая реальные исторические события на любые, выгодные и желаемые для субъектов исторической политики. Особое значение в этом процессе играет крайнее упрощение восприятия, сведение его к коротким визуальным фрагментам, в процессе чего становится просто создавать вымышленную историческую реальность переме-

шивая факты с домыслом и вымыслом. В массовое восприятие легко встраивается фантасмагория, конспирология, поляризация, эмоциональное заражение, поэтому отражение подлинной исторической реальности с необходимостью знания фактов, их анализа, логическим и научным рассуждением всегда будет уступать яркости, краткости, поверхностности, что и создаёт лёгкость восприятия и иллюзию понимания.

Искусственный интеллект постоянно развивается, подстраивается под ожидания и запросы массовой аудитории, формируя не только правильные, но и удобные ответы, содержание которых, с одной стороны, есть компиляция ранее размещённой информации в сети интернет, с другой, результат активности и запросов самого пользователя, а с третьей – алгоритмы создателя. Поэтому с учётом всё возрастающей роли искусственного интеллекта во влиянии на массовое сознание (в том числе историческое) важны дальнейшие исследования, которые должны ответить на вопросы – каково влияние искусственного интеллекта на историческое сознание общества, кому принадлежит искусственный интеллект? Как устроены и работают его алгоритмы, продвигающие определённые исторические нарративы?

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Даниел Белл; Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Academia, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 783, [3] с.
2. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – Москва: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. – 496 с
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
4. Канштайнер, В. Цифровой допинг для историков: можно ли сделать историю, память и историческую теорию искусственным интеллектом? / В. Канштайнер; перевод М.А. Григорьева // KANT: social sciences & humanities. – 2023. – № 1 (13). – С. 56–70.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007.
6. Ивашевский С.Л. Политика памяти в Российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.
7. Пичугин В.Г., Коробанова Ж.В. Социально-философский анализ феномена исторического сознания: аспекты локализации и дефрагментации // Социально-гуманитарные знания. 2024. – № 5. – С. 124–127.
8. Строганов, В.Б. Воздействие компьютерных игр на политическое сознание игроков: позитивные и негативные аспекты / В.Б. Строганов // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XX Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, 16–18 марта 2017 года / Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук, Департамент политологии и социологии; Редакционная коллегия: Грунт Е.В., Меренков А.В., Антонова Н.Л.. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. – С. 2137–2146.
9. Гиренок, Ф.И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое / Ф.И. Гиренок. – Москва: Проспект, – 2018. – 254 с.
10. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», – 2016. – 240 с.
11. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулоцене / Д. Харауэй. – Пермь: Гиле Пресс, – 2020. – 340 с.

"THE END OF HISTORY" AND COMMUNICATIVE REVOLUTIONS: THE IMPACT ON THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY

Pichugin V.G.
Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the theoretical issues of historical consciousness in the context of communicative revolutions and the concept of the "end of history". The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of searching for factors influencing the historical consciousness of modern society, which allows for a positive impact on maintaining stability in society. The main purpose of the research is to identify the role of communicative revolutions and the new meaning of the concept of "the end of history" in the development of historical consciousness. As a result of the research, the definition of the mechanism of influence of information and communication technologies on the historical consciousness of modern society is formulated and a new meaning and understanding of the term "end of history" is given, as the absence of its reflection in the mass consciousness based on real historical events and their replacement with partially or completely fictional historical reality through constantly developing new artificial intelligence technologies.

Keywords: communication, consciousness, history, social construct, mass consciousness, historical consciousness, influence.

References

1. Bell D. The coming post-industrial society: the experience of social forecasting / Daniel Bell; Translated from English. edited by V.L. Inozemtsev. – Moscow: Academia, 2004 (JSC Mozhaiskiy polygr. comb.). 783, [3] p.
2. McLuhan, M. The Gutenberg Galaxy. Becoming a printer / M. McLuhan. Moscow: Academic Project, Gaudeamus, 2013. 496 p.
3. Castells, M. Galaktika Internet: Reflections on the Internet, business and society / M. Castells. – Yekaterinburg: U-Faktoria, 2004. – 328 p.
4. Kansteiner, V. Digital doping for historians: is it possible to make history, memory and historical theory artificial intelligence? / V. Kansteiner; translated by M.A. Grigoriev // KANT: social sciences & humanities. – 2023. – № 1 (13). – Pp. 56–70.
5. Halbwachs M. The social framework of memory. Moscow: New Publishing House, 2007.
6. Ivashevsky S.L. The politics of memory in Russian education // Philosophy of education. 2016. No. 1 (64). pp. 92–101.
7. Pichugin V.G., Korobanova Zh.V. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of historical consciousness: aspects of localization and defragmentation // Socio-humanitarian knowledge. 2024. – No. 5. – pp. 124–127.
8. Stroganov, V.B. The impact of computer games on the political consciousness of players: positive and negative aspects / V.B. Stroganov // Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience: Proceedings of the XX International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan, Yekaterinburg, March 16–18, 2017 / Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences, Department of Political Science and Sociology; Editorial Board: Grunt E.V., Merenkov A.V., Antonova N.L.. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2017. pp. 2137–2146.
9. Girenok, F.I. Clip consciousness: clips in science, clips in philosophy, clips in politics, clips in art, clips in education, non–clip / F.I. Girenok. Moscow: Prospekt Publ., 2018, 254 p.
10. Baudrillard, J. Simulacra and simulation / J. Baudrillard. Moscow: POSTUM Publishing House, 2016. 240 p.
11. Haraway, D. Staying with the Troubles. Making relatives in the Cthulocene / D. Haraway. Perm: Gile Press, 2020. 340 p.

Концепт «священная война»: философский дискурс

Мочалов Евгений Владимирович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: depart-philos@isi.mrsu.ru

Зверков Николай Викторович,
аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: zverkov.n@yandex.ru

Селезнев Алексей Михайлович,
ответственный секретарь Саранского епархиального управления Саранской и Мордовской епархии
E-mail: psredaktor@mail.ru

Понятие «священная война» характеризуется продолжительной историей использования в теологической, социально-философской и политической сферах. Социокультурный контекст эпох влиял на потенциал обозначенного термином явления в степени и характере влияния на жизнь государств и обществ. Изменялось и его семантическое наполнение в философском дискурсе. Цель – выявление доктринальных изменений в понятии «священная война» в философской мысли Источниками работы стали Священные Писания авраамических религий и труды ученых в области философии войны. Инструментарием выступила комплексная методология, что обеспечивает рассмотрение концепта священной войны и его коннотаций в разные периоды социально-политической истории. Сакрализация военных действий известна со времен архаических обществ. Теологическое наполнение концепта «священная война» происходит в авраамических религиях. Теория священной войны как константы крестовых походов определяла бескомпромиссную вооруженную борьбу всех христиан с язычниками и мусульманами. С этой концепцией связана теория «справедливой войны». «Справедливая война» стала определяющей оптикой в философии войны Нового времени и популярной доктриной в философии новейшего времени. Возвращение к сакрализации войны в общественной мысли связано с событиями Первой мировой войны и Великой Отечественной войн, которые оцениваются в философии как явления духовной реальности. В условиях глобализации происходит расширением форм и методов вооруженные конфликтов, изменяется характер войн. При этом сохраняется потребность в концепте «священная война», что свидетельствует о его значимости в современном философском дискурсе.

Ключевые слова: джихад, «праведная» война, священная война, сакральность, справедливая война, теодицея, философия войны.

Введение

«Священная война» понимается в междисциплинарном дискурсе как война «во имя некой миссионерской цели под водительством того или иного божества» [10, с. 29]. Понятие имеет длительную традицию употребления в политической и социально-философской сферах. Закономерно, что «священная война» как метанарратив, в контексте конкретных социокультурных хронотопов обладал разной степенью влияния на легитимацию войны и ее апологетику в сфере политики и общественном сознании – от модуса до атрибута.

Литература

Феномен войны как важная антологическая категория занимает значительное место в философской традиции с момента формирования спекулятивного познания.

Изучению войны отдали дань мыслители разных философских школ и направлений, изучавшие различные стороны явления: Платон, Аристотель, М. Монтень, И. Кант, Ф. Гегель, Ф. Ницше, В.С. Соловьев, Н.С. Бердяев, А.Е. Снесарев и другие. В антологии философии войны присутствуют полярные оценки явления в дихотомии война–мир, от полной апологетики, до абсолютного неприятия. При этом, философов объединяет стремление отвести войне «надлежащее место в печалях и радостях нашей планеты» [17, с. 93].

В исследовании мы опираемся на позицию русского философа А.А. Керсновского, который считал войну патологическим явлением – «военным заболеванием», при этом писал, что «если войну саму по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны» [9, с. 15] Философия войны получила значительный импульс в связи с событиями двух мировых войн XX века, перманентными локальными конфликтами, гибридными и прокси-войнами начала XXI века, что нашло отражение в концепциях войны И.С. Андреевой, О.А. Белькова, А.С. Дугина, А.М. Дырина, А.А. Кокошина, А. Арона, Э. Брайтмана, М. Ван Кревельда, С. Хантингтона, У. Хоккинга, Ф. Фукуямы и многих других.

Несмотря на значительный корпус философских трудов, посвященных проблеме войны, категория «священная война» не стала предметом специального осмысления вне богословского контекста, что характерно «для общей не разработанности категориального аппарата философии войны» [2, с. 121; О том же: 5; 15].

Целью исследования стало выявление изменений в нарративе концепции «священная война» в продолжение ее присутствия в философском дискурсе.

Материалами для работы над исследованием выступили Священные Писания авраамических религий и труды философов, посвященные философии войны и такой ее теме как «священная война».

Методологическим инструментарием стали философско-антропологический, аксиологический, социокультурный и компаративный подходы. Комплексная методология обеспечивает рассмотрение концепта священной войны и его коннотаций в разные периоды социально-политической истории.

Результаты исследования

Сакрализация военных действий как способ их легитимации и мобилизации социума использовалась со времен архаических обществ. М. Элиаде отмечал, что в традиционном мировоззрении подобных социумов онтологическая реальность соотносится с деяниями мифологических персонажей, как следствие войны «всегда знаменуют собой какой-либо эпизод из космической или сакральной драмы» [22, с. 32].

Рефлексия данного явления приходится на период продолжительных эллинских священных войн по защите Дельф с их оракулом Аполлона. С этими событиями традиционно связывается введение в устойчивый военно-политический и философский оборот понятия «священная война» как защиты святынь или военных действий под покровительством высших сил [1].

Война прочно входила в этическое сознание греков, а «священная война» делала ее оправданной [15, с. 8–9]. В философском дискурсе война традиционно выступает механизмом уподобления человека богам-олимпийцам. Гераклит, Платон, Эмпедокл и другие древнегреческие мыслители провозглашали милитаризм «энергетическим стимулом космического движения в человеческой истории».

Теологическое наполнение концепта «священная война» происходит в авраамических религиях. В Ветхом Завете непосредственно термин «священная война» не встречается. При этом, по замечанию библеиста профессора А. Рафа, военные действия народом Израиля воспринимались как священные акты [23, p. 150]. А.С. Кашкин выделил характерологические признаки священной войны в Ветхом Завете: война в защиту земель Ханаана; присутствие священников и священных предметов в войсках; «ритуальная» чистота тел воинов; безусловная вера войска в Бога; очевидность вмешательства Господа в военные действия; заклятия на врагах [7, с. 172–174]. Именно два последних признака обеспечивают войне статус «священной». В христианских источниках священная война – война духовная за нравственное обновление индивида.

В Новом Завете подчеркивается необходимость и неизбежность духовного противостояния злу и его искушениям, борьба за чистоту души и помыслов [См. напр: 12, 2 Кор.10:3–4; Еф. 6:10–20; 2Тим. 2:3–4]. Пацифизм, непротивление, смирение – базовые основы христианства. У апостола Павла в послании к Ефесянам провозглашается священная война как брань «против духов злобы поднебесной»: «Для сего приимите всеоружие Божие… Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный который есть Слово Божие» [12, Еф. 6:11–16.]. У Кирилла Александрийского о главной брани христиан сказано, как о войне со страстями «плотоугодия», для чего «нужно облечься во всеоружие духовное, оградить себя небесною благодатию и, сколько возможно, держать свою душу вдали от всякой духовной стрелы. Таким образом, мы одержим победу над нашими противниками и, победивши всякую страсть, сохраним для Бога красоту души не обезображенною» [18, с. 417].

Военная лексика пронизывает христианство. Однако это словарь не батальной милитаристской, но нравственной коннотации. Воин Христов борется против вселенского зла, за соединение с Богом, за право войти в «Его чертоги».

Духовная брань как личностная интерпретация священной войны находила продолжение в политической повседневности и военных столкновениях, что доказывает многостороннее отношение к религиозной стороне войны в условиях доминирования христианского дискурса [15, с. 15–16]. Уже в IV веке император Константин Великий использовал христианскую символику в сражениях как теофанию. Его девиз «Император победит, как победит Христос и как победит крест» подчеркивал христомимезис всех военных компаний [6].

В исламе священная война – джихад («усилия на пути Аллаха»), подразумевал в первую очередь борьбу с внутренними слабостями каждого мусульманина: именно это называют «большим джихадом».

Собственно военные действия – «малый джихад» или «джихад меча» – в Коране точно регламентирован: «Сражайтесь на пути Господнем с теми, кто сражается против вас, но (дозволенного грань) не преступайте – поистине, Аллах не любит тех, кто преступает» [8, 2:190.]; «Мы сражались ради того, чтобы исчезло искушение, а религия всецело принадлежала Аллаху» [8, 2:193].

В религиозном сознании европейского средневековья идея войны как sanctum bellum получает развитие в сакрализации вооруженного продвижения на Восток под эгидой священных войн: Реконкиста, и крестовые походы. С конца раннего средневековья апология войны становится устойчивой частью средневекового мировоззрения.

Теория священной войны как константы крестовых походов была сформулирована аббатом Бернаром Клервоским. Его концепция определяла священную войну как бескомпромиссную вооруженную борьбу всех христиан с язычниками и мусульманами, где жестокость кровопролития объяснялась требованием «божественной справедливости» и оправдывалось Церковью [4].

Концепция священной войны у Бернара Клервоского опиралась на теологические посылы теории «справедливой войны», сформулированные его предшественниками (Августин Аврелий, Амвросий Медиоланский, Фома Аквинский), которая, в свою очередь использовала ветхозаветные представления о войне как проявлении воли Господа. В богоугодности теологи находили нравственное оправдание войны, что являлось к тому же и экспликацией теодеции.

Справедливая война (bellum justum) отвечала таким требованиям, как: объявлялась светским лицом, но именем Церкви; защита «достояния»; стремилась к миру; велась без злобы и ненависти (святой Раймунд, Августин Аврелий, Исидор Пелусиот).

В философии Нового времени именно справедливая война и ее антипод – «война несправедливая» находились в оптике общественной мысли. Сакральность ушла из философских размышлений: война «расколдовывается» (М. Вебер) вместе с заменой господства «духа религии» «духом философии» [16]. Концепция справедливой войны стала ведущей в философии войны у представителей разных течений.

Концепция остается востребованной в современной философской и политической мысли. Ее особенностью является способность к доктринальному обоснованию любых военных действий, через конъюнктурную «ревизию» признаков справедливой войны [24, p. XII].

Так в работах американского философа М. Уолцера с 1976 года до 2004 года «четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют…оценку ведению войны» [25, p. 44], расширялись вплоть до возможности «неэтичных» мер подавления [см.: 20; 24–26]. В 1970-е годы

он последовательно критиковал войну США во Вьетнаме, но М. Уолцер периода метамодерна оправдывал ее, например, агрессию против сербов и войну в Югославии. Теория справедливой войны «делает морально проблематичные действия и операции возможными, ограничивая случаи их совершения и регулируя их проведение. Когда эти ограничения принимаются, действия и операции оправданны, и теоретик справедливой войны должен сказать это, даже если это звучит как апологетика властей предержащих» [20, с. 135].

Возвращение к сакрализации войны в общественной мысли связано с событиями Великой войны (Первая Мировая война), которая стала оцениваться как «факт духовной реальности», явление, обладающее «антиматериалистический, духовным смыслом», «проявлением провиденциализма» [3; 21].

Испытанием народного духа и его силы (Н.А. Бердяев) стала Великая Отечественная война. Она обрела статус священной вне официальной пропаганды в профанном пространстве военной повседневности советского народа. Фашизм предстал реальным, неметафизическим злом. В сопротивлении ему произошло объединение разных слоев населения страны: «Все народы СССР, все слои населения страны воспринимали войну против третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином, а образ врага был проникнут ненавистью и «яростью благородной»…, народ сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды» [19, с. 11].

В Великой Отечественной войне как войне священной «святой землей» было Отечество («Отечество в опасности!»): «Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может» [13].

Военное сопротивление народа получила «благословение священства». Вопреки гонениям на Церковь и антирелигиозной идеологии советского государства лидеры православной и мусульманской конфессий призвали к сопротивлению фашистской агрессии [13; 14]. Фраза из обращения В.М. Молотова «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» семантически воспринималась как производная от праведной войны. Осознанная жертвенность народа в годы войны стала искуплением за братоубийственную Гражданскую войну [11].

Обсуждение и заключение

В период глобализации происходит расширение форм и методов вооруженных конфликтов, изменяется характер войн. Наряду с прямыми боевыми столкновениями часто используются терроризм, информационная война, «сетецентричная война». Культура метамодерна и новые формы войны детерминируют эволюцию категорий философии войны при активном их использовании. Потенциал «священной войны» в легитимации военных акций государств и организаций сохраняется. Все выше отмеченные примеры свидетельствуют об актуальности концепта «священная война» в современном философском поле и значительном потенциале его изучения.

Литература

1. Беляев Д.А. Легитимация и апология войны в истории культуры // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 3(19). 2018. С. 31–36.
2. Бельков О.А. Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 119–127.
3. Бердяев Н.А. Война и возрождение // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. М.: Канон+, 2004. С. 5–13.
4. Бернар Клервоский Похвала новому рыцарству https://www.newacropol.ru/Alexandria/history/knighthood/newknight/ (дата обращения: 19.02.2025)
5. Дугин А.Г. Философия Политики. М.: Арктогея, 2004. 614 с.
6. Евсевий Кесарийский (Памфил) Четыре книги Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/o-zhizni-blazhennogo-vasilevsa-konstantina (дата обращения6 19.02.2025).
7. Кашкин А.С. Концепция священной войны в книге Второзаконие // Христианские чтения. 2013. № 2. С. 170–189.
8. Коран. https://ru.quranacademy.org/quran/2 (дата обращения: 19.02.2025)
9. Кресновский А.А. Философия войны // Философия войны. История русской армии. М.: Эксмо, 2023. С. 9–62.
10. Кюнг Г. Религия, насилие и «священные войны» // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 858. С. 27–46.
11. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 79 с.
12. Новый Завет. https://azbyka.ru/biblia/ (дата обращения: 19.02.2025)
13. Обращение Митрополита Сергия (Страгородского) «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» 22 июня 1941 года https://www.pravmir.ru/obrashhenie-mitropolita-sergiya-stragorodskogo-22-iyunya-1941-goda/ (дата обращения: 19.02.2025)
14. Обращение муфтия Габдрахмана Расулева к советским мусульманам от 18 июля 1941 г. file:///C:/Users/1/Desktop/obraschenie-muftiya-gabdrahmana-rasuleva-k-sovetskim-musulmanam-ot-18-iyu/ (дата обращения: 19.02.2025)
15. Писаренко А.А. Апология войны в истории западноевропейской мысли (от античности до немецкой классической философии). Автореф. … канд. филос.н. Краснодар 2005. 29 с.
16. Рочняк Е.В. Философия победы: историко-философская основа Великой Отечественной войны https://docs.yandex.ru/docs/view?tm (дата обращения: 10.02.2025)
17. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль. 288 с.
18. Творения святителя Кирилла Александрийского. Кн.2. М.: «Паломник», 2011. 797 с.
19. Тишков В.А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19.
20. Уолцер М. Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) // Логос. 2019. Т. 29. № . 3. С. 117–138.
21. Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: Полюс, 2008. 168 с.
22. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
23. Rofe A. Deuteronomy: Issues and Interpretation London: Clark & Continuum, 2002. 258 p.
24. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press. 2004. 208 p.

25. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books: Perseus Books Group, 1977. 404 p.
26. Walzer M. Regime Change and Just War. https://www.ias.edu/sites/default/files/sss/pdfs/Walzer/RegimeChange.pdf (дата обращения: 10.01.2025.).

THE CONCEPT OF «HOLY WAR»: PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Mochalov E.V., Zverkov N.V., Seleznev A.M.
Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk Diocesan Administration of the Saransk and Mordovian Diocese

The concept of «holy war» is characterized by a long history of use in the theological, socio-philosophical and political spheres. The socio-cultural context of the epochs influenced the potential of the phenomenon indicated by the term in the degree and nature of its influence on the life of states and societies. Its semantic content in philosophical discourse has also changed. The aim is to identify doctrinal changes in the concept of «holy war» in philosophical thought. The sources of the work are the Sacred Writings of the Abrahamic religions and the works of scientists in the field of philosophy of war. The toolkit has become a comprehensive methodology that provides consideration of the concept of holy war and its connotations in different periods of socio-political history. The sacralization of military operations has been known since the time of archaic societies. The theological content of the concept of "holy war" occurs in the Abrahamic religions. The theory of holy war as a constant of the Crusades defined the uncompromising armed struggle of all Christians against pagans and Muslims. The theory of «just war» is connected with this concept. The «just war» has become a defining optics in the philosophy of war of Modern times and a popular doctrine in the philosophy of modern times. The return to the sacralization of war in public thought is associated with the events of the First World War and the Great Patriotic Wars, which are assessed in philosophy as phenomena of spiritual reality. In the context of globalization, the forms and methods of armed conflict are expanding, and the nature of wars is changing. At the same time, there is still a need for the concept of «holy war», which indicates its importance in modern philosophical discourse.

Keywords: jihad, «righteous» war, holy war, sacredness, just war, theodicy, philosophy of war.

References

1. Belyaev D.A. Legitimation and apology of war in the history of culture // Science. Art. Culture Issue 3(19). 2018. P. 31–36. (In Russ.)
2. Belkov O.A. Philosophy of War: Words and Meanings // Power. 2019. Vol. 27. № 2. P. 119–127. (In Russ.)
3. Berdyaev N.A. War and Revival // Berdyaev N.A. Futurism at War: Journalism during the First World War. Moscow: Canon+, 2004. P. 5–13. (In Russ.)
4. Bernard of Clairvaux Praise of the New Knighthood https://www.newacropol.ru/Alexandria/history/knighthood/newknight/ (date of access: 19.02.2025) (In Russ.)
5. Dugin A.G. Philosophy of Politics. Moscow: Arktogeya, 2004. 614 p. (In Russ.)
6. Eusebius of Caesarea (Pamphilus) Four books by Eusebius Pamphilus, Bishop of Caesarea in Palestine, about the life of the blessed basileus Constantine https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/o-zhizni-blazhennogo-vasilevsa-konstantina (date accessed 6 02/19/2025) (In Russ.)
7. Quran. https://ru.quranacademy.org/quran/2 (date of access: 19.02.2025) (In Russ.)
8. Kashkin A.S. The concept of holy war in the book of Deuteronomy // Christian readings. 2013. № 2. P. 170–189. (In Russ.)
9. Kresnovsky A.A. Philosophy of War // Philosophy of War. History of the Russian Army. Moscow: Eksmo, 2023. P. 9–62. (In Russ.)
10. Küng G. Religion, violence and «holy wars» // International Journal of the Red Cross. 2005. Vol. 87. № 858. P. 27–46. (In Russ.)
11. Narotchnitskaya N.A. For what and with whom we fought. Moscow: The Past, 2005. 79 p. (In Russ.)
12. New Testament https://azbyka.ru/biblia/ (date of access: 02/19/2025) (In Russ.)
13. Address of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) "To the Shepherds and Flock of Christ's Orthodox Church" June 22, 1941 https://www.pravmir.ru/obrashhenie-mitropolita-sergiya-stragorodskogo-22-iyunya-1941-goda/ (date accessed: 02/19/2025) (In Russ.)
14. Address of Mufti Gabdrakhman Rasulov to Soviet Muslims from July 18, 1941. file:///C:/Users/1/Desktop/obraschenie-muftiya-gabdrahmana-rasuleva-k-sovetskim-musulmanam-ot-18-iyu/ (accessed: 19.02.2025)
15. Pisarenko A.A. Apology of war in the history of Western European thought (from antiquity to German classical philosophy). Abstract of Cand. Sci. (Philos.). Krasnodar 2005. 29 p. (In Russ.)
16. Rochnyak E.V. Philosophy of Victory: Historical and Philosophical Basis of the Great Patriotic War https://docs.yandex.ru/docs/view?tm (date accessed: 10.02.2025) (In Russ.)
17. Snesarev A.E. Philosophy of War. Moscow: Financial Control. 288 p. (In Russ.)
18. Works of Saint Cyril of Alexandria. Book 2. Moscow: "Palomnik", 2011. 797 p. (In Russ.)
19. Tishkov V.A. The Great Victory and the Soviet People: An Anthropological Analysis // Questions of Philosophy. 2020. № 8. P. 5–19. (In Russ.)
20. Walzer M. The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success) // Logos. 2019. Vol. 29. № 3. P. 117–138. (In Russ.)
21. Evola, J. Metaphysics of War. Tambov: Polyus, 2008. 168 p. (In Russ.)
22. Eliade M. The Myth of Eternal Return. Moscow: Ladomir, 2000. 414 p. (In Russ.)
23. Rofe A. Deuteronomy: Issues and Interpretation London: Clark & Continuum, 2002. 258 p. (In English)
24. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press. 2004. 208 p. (In English)
25. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books: Perseus Books Group, 1977. 404 p. (In English)
26. Walzer M. Regime Change and Just War. https://www.ias.edu/sites/default/files/sss/pdfs/Walzer/RegimeChange.pdf (дата обращения: 10.01.2025.) (In English)

Общественное сознание: история и перспективы

Серегина Татьяна Николаевна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: seregina.tatiana@gmail.com

В статье рассматривается понятие общественного сознания, выделены основные содержательные характеристики и выявлены отличия в подходах к этой проблеме. Применение диалектического метода, позволило показать детерминированность общественного сознания материальным бытием и выявить его антиномичный характер. Историко-логический метод дает возможность проследить генезис основных теоретических взглядов к проблеме общественного сознания, его видов и форм. Традиционный подход к классификации общественного сознания как форм и уровней оставаясь актуальным должен быть дополнен понятием видов общественного сознания. Необходимость такого подхода обусловлена изменениями в социокультурной и технологической среде, которые изменили типы коммуникации и деятельности. Сделан вывод, что общественное сознание является актуальным понятием и феноменом в XXI веке, так как отражает на новом витке исторического развития новые ценности и смыслы, порождает новые варианты идентичности.

Ключевые слова: Общественное сознание, формы общественного сознания, ценности, деятельность.

Современный мир вступил в полосу трансформаций и кризисов. Изменяется политические, социальные и культурные основания цивилизации, а вместе с ними меняются типы и способы взаимоотношений людей. Наряду с продолжающейся глобализацией происходит усиление процессов регионализации, возрастает актуальность традиционных, консервативных ценностей. Все эти процессы находят отражение в сознании людей и формирует новое понимание идентичности. Возникает необходимость зафиксировать эти изменения в сознании как отдельной личности, так и в массовом, коллективном, общественном сознании. В современной ситуации требуется не просто осмысление духовных феноменов, взятых в отдельности, но и требуется формирование системного взгляда на идеи, смыслы и ценности, которые становятся базовыми для действий и определяют принятие решений. Э. Гидденс пишет, что глобализация породила проблему традиционных ценностей, изменение же отношения к традиционным ценностям ведет к изменению отношений и необходимо обсуждение, диалог о содержании ценностей и обретении новой идентичности личности. [5;30,62,63] Необходимость переосмысления проблемы общественного сознания связана с изменениями в социальном мире, поисками человеком экзистенциальных свойств бытия, обретением идентичности, попытками освоить социокультурный мир на новом техническом витке развития, внедрением интернет-технологий и появлением искусственного интеллекта.

Сознание выполняет важнейшую роль в освоении действительности и генезисе человека как личности. Оно носит социальный характер и раскрывает экзистенциальную сущность человека. В Новейшем философском словаре [16;632–633] термин сознание раскрывают через его познавательную функцию, акцентируют внимание на его когнитивных функциях, которые связаны с социальной деятельностью человека, с его способностью управлять, рационально моделировать социальные отношения. Важным аспектом понимания сознания авторы словаря отводят ценностно-творческому аспекту содержания сознания. В философском словаре А. Конт-Спонвиля сознание раскрывается исходя из его духовной природы и подчеркивает его способность к саморефлексии [13; 560]. Сознание, будучи субстанциональной категорией, описывающей бытие, выполняет определяющую роль в понимании мира. Таким образом, сознание является духовным явлением, проявлением духа и связано с бытийственной, онтологической стороной бытия, его функционирование связано с гносеологическим функциями формирования картины мира, рациональной деятельностью, постановкой задач и достижения истины, но сознание также выполняют антропологическую, социальную и аксиологическую функцию, которые являются в ситуации трансформации мира сущностными, экзистенциальными. Они решают задачу выживания человека как социального существа, определяя типы коммуникации, солидарности, идентичности и ценности, которые формируют личность. Именно поэтому следует говорить о содержании, функциях и роли не просто сознания человека, а об общественном сознании.

История человечества – это история развития его сознания в историческом, культурном процессе, которая формирует тип деятельности и модели коммуникации

и их особенности. И.Т. Фролов писал о необходимости применения принципов объективности, детерминизма, историзма, системности в научном анализе [24]. Эти принципы позволяют раскрыть социокультурные возможности общественного сознания на новом витке развития цивилизации, а также для понять причины и сущность новых видов и форм общественного сознания.

Общественное бытие становится предметом изучения в XIX веке. Сформировавшиеся в процессах индустриализации и урбанизации, в рамках национальных государств сообщества потребовали понимания их сущности, закономерностей и тенденций их развития. Общественное сознание стало квинтэссенцией ценностей, норм, знаний, эмоций и чувств этих сообществ.

У Г. Гегеля оно стадия объективации абсолютного духа, у К. Маркса и Ф. Энгельса, которые вводят его в научный оборот, общественное сознание отражение материального мира, [15;29] способное изменить материальный мир и общественное бытие. Для Ф. Энгельса сознание имеет социальную природу, оно продукт деятельности, общения, это «сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе». [27]

Проблема общественного сознания раскрывается в работах Э. Дюркгейма. Он пишет о коллективном сознании, содержание этого сознания, его характеристики соответствуют понятию общественное сознание. Оно включает убеждения, чувства, нормы и ценности. Важнейшей функцией коллективного сознания является интеграционная функция, что делает этот подход актуальным в современной ситуации.

А. Богданов пишет о необходимости понимания общественного сознания как производного от социальных структур: «Помогать выработке сознания в определенном классе значит – развивать самые основе его организации, участвовать в образовании того мозга, который должен управлять этим могучим телом». [3;6] Особое внимание в его работе уделяется идеологии, которую он называет «кровлей». Идеология не синоним общественного сознания, так как А. Богданов исходил из марксистской методологии поминания сущности идеологии как результата производственной деятельности, где рабочий класс выступает носителем идеологии, но понимая их субстанциональное единство, он пишет: «Идеология есть орудие организации общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил или элементов» [6;6]. Интересным в его теории является подход к описанию сущности идеологии как исторического явления через специфику развития технологий, науку, искусство, язык и письменность, политико-правовые системы, религию, обычаи и традиции, нравственность и право.

В российской науке по мнению, С.А. Храпова, выделяют 2 этапа изучения общественного сознания: [25] 60–70-е годы общественное сознание понимают как результат синтеза идеологии, научного знания с обыденным, а 80-х акцент делают на диалектической природе общественного сознания как результата духовных процессов, гуманистического содержания, осмысления человеческой природы. С.А. Храпов [26;14] пришел к выводу, что существует 4 подхода к пониманию содержания общественного сознания: концепции, раскрывающие массовое сознание и общественное мнение, общественное сознание в рамках марксистского учения, общественное сознание, понятое как менталитет или бессознательное, общественное сознание как кризисное явление. По его мнению, все эти подходы не изучают конкретные социокультурные основания общественного сознания и акцент делают только на практической стороне вопроса.

Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледов общественное сознание видели, как совокупность представлений об общественной жизни. [23;5] Б.А. Грушин подчеркивал стихийность формирования содержания общественного сознания, оно содержит в себе настроения, традиции, нравы, предрассудки. В. Келле и М. Ковальзон, [12;6] В.И. Толстых, [22;10] А.И. Ракитов [18;133] основой формирования общественного сознания считали трудовую деятельность. В. Келле и М. Ковальзон,[12;6] А.И. Ракитов,[12;133] Б.А. Грушин [6;24] указывали на историческую детерминированность процессов формирования общественного сознания.

В. Келле и М. Ковальзон считали необходимым установить уровни общественного сознания: обыденный и теоретический [12;11–12] и их классификация стала общепринятой и действующей в современности. Она действительно отражает специфику общественного сознания, но не учитывает реальное функционирование общественного сознания в социальном и духовном мире. Обыденное, эмоциональное, бессознательное взаимодействуют с теоретическим, а момент перехода от одного уровня к другому сложно установить. Можно говорить о принципиальной слитности уровней и постоянном их взаимодействии.

О.А. Ермолова выделила следующие функции общественного сознания: познавательная, производственная, культурно-мировоззренческая и прогностическая.[8;68] Общественное сознание также выполняет аксиологическую, социальную, солидаризирующую, коммуникативную, гуманистическую функции.

В.П. Майкова говорит не просто о его нематериальности, а о противоположности и противоречивости общественного сознания общественному бытию. Этого же мнения придерживается Л.Д. Рассказов, который считает, что общественное сознание в глобальном мире трансформировалось, оставаясь при этом целостным явлением. Будучи независимым явлением от материального, проявилось как идеальная форма общественного бытия.[19;40] Е.В. Бродовская отказывается от идеи независимости общественного сознания, считая классическую формулу зависимости и производности общественного сознания от материальной и производственной сфер, предлагает возможным изучение общественного сознания на современном этапе развития через межличностное взаимодействие.[4;129] В современной ситуации размывания границ между сферами деятельности, деятельностная методология, выполняющая коммуникативные функции является фундаментальной для понимания процессов, происходящих в современном мире. Коммуникативный аспект изучения общественного сознания раскрывает особенности идентичности как результата функционирования общественного сознания. Многообразие типов коммуникаций, как и типов деятельности в современном мире формирует многообразие форм и типов коммуникаций.

Типология форм и уровней общественного сознания, разработанная В. Келле и М. Ковальзоном до сих пор используется несмотря на то, что методология, которую они использовали, предполагала зависимость форм общественного сознания от типов деятельности и материального производства. Типы и виды деятельности в XXI веке изменились, выросло их количество и разнообразие, изменяется и тип производства, следовательно должны меняться и формы общественного сознания.

Главной проблемой, по мнению А.К. Уледова, является отсутствие критериев структурирования. Он видел причину в сложности самого феномена общественно-

го сознания, [23;413] но она дополняется проблемой освоения, понимания меняющегося материального мира. «Формы выделяют по нескольким критериям: объект отражения, предмет отражения, цель отражения, форма отражения, способ отражения, социальный носитель, структура, элементы, связи и функции общества, взаимосвязь с общественным бытием».[19;37–38] Эти критерии унифицированы и применимы для описания общественного сознания, его форм и в современности. Традиционно формы общественного сознания классифицируют по сферам бытия: «…многообразие форм общественного сознания определяется богатством и многообразием самого объективного мира – природы и общества. Различные формы сознания отражают различные области, различные стороны действительности». [12;27] Принимая во внимание процессы конвергенции и дивергенции в социальном бытии эпохи глобализма с одной стороны, и производность общественного сознания от материальной, производственной сфер бытия, с другой, можно предположить, что будут проявляться новые виды, формы общественного сознания, способные отразить иные ценности и смыслы, новое прочтение традиционных ценностей и норм. Разнообразие взаимоотношений, типов и способов коммуникаций и связанных с ними ценностей и смыслов будут находить отражение в сознании людей, на разных уровнях и в разных формах. В. Келле и М. Ковальзон выделяя формы уточняют, что они зависят от социального, но важным аспектом уникальности общественного сознания является исторический фактор. [12;28]

В попытке понять содержание общественного сознания и его связь с бытием были выделены уровни общественного сознания: обыденный (практически, эмоциональный) и теоретический (рациональный, научный). С одной стороны двухуровневая модель понимания общественного сознания позволяет нам увидеть закономерное, ценностно-смысловое в сознании людей, отделить его от случайного, эмоционального, а с другой, это разделение на уровни условно и существует в постоянном взаимодействии, интеграции, интерференции.

Д.И. Дубровский предполагает, что многомерность понятия общественного сознания не позволяет описать его через формы или уровни. Общественное сознание как явление не описывается через линейные схемы. [7;5]

Линейный подход таит в себе опасность «экстраполяции результатов исследования поверхностного уровня общественного сознания на объяснение состояния глубинного уровня ценностных ориентация.» [21;55] М.А. Орешкина видела в уровневом подходе другую опасность: так как уровень предполагает различную глубину отражения общественных явлений, то следовательно каждое явление социального мира и его отражение в общественном сознании будет необходимо распределять по принципу выше-ниже, а это не соответствует реальному положению этих феноменов в социальном мире и для человека. Исследователь делает вывод о необходимости создания многомерной модели общественного сознания.[17; 3] Этому требованию соответствует концепция выделения видов общественного сознания. И.А. Бурдина в своей работе «Общественное сознание как проблема диалектического и исторического материализма» выделяет 12 видов общественного сознания. [17] С.А. Храпов считает необходимым «выделение более дифференцированной классификационной модели, где наряду с формами общественного сознания следует выделять и такую характеристику как виды общественного сознания». [25;203] По мнению авторов «понятие формы общественного сознания означает относительно большую искусственность и тем самым автономность данных и объемов сознания. Понятие «вид сознания» предполагает относительно большую зависимость и включенность данных секторов общественного сознания в социальное бытие». [20; 351]

Но существует и противоположное мнение: постмодерн стал эпохой, в которой процесс появления новых форм завершен, [10;78] XX век – век антропоцентризма нивелировал проблему общественного сознания как связанного с проблемами социального. [10;78] Об угрозах торжества западной цивилизации как торжества ценностей индивидуализма, эгоизма писал в «Оправдании добра» В.С. Соловьев и называл это состояние общества «ложной цивилизацией». Франкфуртская школа (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин), экзистенциалисты (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю), М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари пишут о появлении антропоцентрического общества, отчуждении и самоотчуждении человека. Экзистенциальный, антропологический кризис, с одной стороны, показал значение проблемы идентичности человека, а с другой стороны, зависимость человека от социального, растущее отчуждение, детерминированность общественного сознания от социальный среды или их взаимозависимость. Эти тезисы с необходимостью приводят к мысли о необходимости изучения общественного сознания как антропологической проблемы.

Общественное сознание определяется не только социальной средой, но и детерминировано исторической эпохой, особенностями ее развития. В XXI веке появляются новые формы социальной организации, типы коммуникации на новом технологическом витке развитии.

А.В. Леопа пишет о новом виде общественного сознания – историческое сознание, которое призвано сохранить ценности и преемственность поколений как основной тип идентичности.[14;21] А.В. Серебрякова говорит о национальном самосознании как варианте массового сознания. Оно выполняет такую же функцию связи поколений как историческое сознание. Постиндустриальное, информационное общество, согласно теории К.С. Арутюнян, результатом отражения доминирующих типов деятельности – управление и менеджмент, становится управленческое сознание.[1;37] Л.Д. Рассказов считает, что информация является ведущим фактором развития общества и поэтому цивилизация порождает вариант общественного сознания – информационное сознание.[29;37] Б.Ц. Жамбалдоржиев пишет об экологическом сознании, которое призвано преодолеть экологический кризис в обществе.[9;3] П.Т. Караева выделяет глобальное общественное сознание [11;115] как результат развития общества в XXI веке.

Л.Д. Рассказов, говоря о важной роли мегаполисов в XXI веке, пишет о необходимости изучения мегаполисного общественного сознания.[19;41] Наряду с мегаполисным он выделяет потребительское, Интернет-сознание, массовое, террористическое, стандартизированное, унифицированное, англоязычное, массовое. [19;43] Исследователь отмечает, что такое деление на типы общественного сознания обусловлен сложными процессами в глобальном мире и условными границами между экономической, культурной, политической деятельностью.

Новые типы общественного сознания являются выражением современных типов взаимоотношений между людьми и отражают основные проблемы, которые призвано решить общество. Типы коммуникаций, сформированные типами деятельности отражают актуальные ценности и смыслы и порождают варианты идентификации. Факторами, порождающими и отражающимся в об-

щественном сознании являются его онтологичность, [2] укорененность в бытии, коммуникативность – детерминированность типами коммуникаций и аксиологичность – функционирование общественного сознания обусловлено ценностями цивилизации и исторической эпохой.

Носителем общественного сознания глобального, постиндустриального мира выступает как отдельная личность, так и коллективы, сообщества и в целом человечество. Общественное сознание исторично, оно отражает не только производственное бытие или культурный, социальный мир, но и историческую эпоху, формируется под ее влиянием. Историко-логический метод раскрывает специфику общественного сознания как исторического явления. Оно выражено в ценностях, нормах, смыслах, выполняет социальную, онтологическую, познавательную, коммуникативную и солидаризирующую функции. Общественное сознание выражено в оценочно-познавательной деятельности, необходимо для понимания и составления картины мира. Побуждает к единению, солидарности и выступает в качестве мотивационной стороны деятельности людей, побуждая их к действиям и поддерживая обратную связь с социальным миром, обеспечивая устойчивые коммуникации. Общественное сознание описывает как статическое состояние общества, так и динамическое, диалектический подход позволяет раскрыть эту дихотомию. Социальное бытие становится определяющим фактором формирования общественного сознания. Идентичность становится важным результатом освоения, понимания сущности общественного сознания.

Таким образом, общественное сознание является актуальным понятием и феноменом, который отражает специфику современного мира. Содержание и процесс формирования общественного сознания меняется в XXI веке, появляются новые виды общественного сознания, общество с необходимостью требует отражения своих ценностей, смыслов в новых формах взаимодействия, которые шире нежели только материальная, экономическая, производственная деятельность. Эти виды общественного сознания необходимо изучать, чтобы понять смыслы и ценности современных людей, общества и человечества в целом.

Литература

1. Арутюнян К.С. Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса: дис … канд. филос. наук. Саранск: изд-во «Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева», 2013. 163 с.
2. Барулин В.С. Социальная философия М., ФАИР-ПРЕСС, 2000. 560 с.
3. Богданов А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Москва. Петроград. Книгоиздательское товарищество «Книга». 1923. 326 с.
4. Бродовская Е.В., Добровская А.Ю., Огнев А.С. Общественное сознание как предмет современных научных исследований // Власть. № 3, 2024, С. 127–132 с.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., Издательство «Весь Мир», 2004, 120 с.
6. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., Политиздат. 1987. 368 с.
7. Дубровский Д.И. Проблема сознания в философии и наук. М., Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2009. 472 с.
8. Ермолаева О.А. Парадигмальный анализ науки как формы общественного сознания: диссертация… кандидата философских наук: 09.00.11. Саранск, 2011. 228с.
9. Жамбалдрожиев Б.Ц. Единство социальной онтологии и духовного сознания как предмет философского осмысления: диссертация… кандидата философских наук: 09.00.11. Саранск, 2011. 228 с.
10. Задворнов А.Н. Взаимодействие форм общественного сознания как фактор духовной целостности человека // Вестник бурятского государственного университета № 14, 2013. 77–81 с.
11. Караева П.Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа: дис. … канд. Филос. наук. Черкесск: изд-во Карачаево-черкесской государственной технологической академии. 2004. 127 с.
12. Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., Государственное издательство политической литературы. 1959. 266 с.
13. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М., Этерна, 2012. 752 с.
14. Леопа А.В. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса: автореф. д-ра филос. наук. Красноярск. СФУ, 201. 39 с.
15. Маркс К. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Государственное издательство политической литературы. М., 1955. Т. 3. 629 с.
16. Новейший философский словарь/ Сост. А.А. Грицанов, Мн., Изд. В.М. Скакун., 1998. 896с.
17. Орешкина М. А. В поисках смыслов (Общественное сознания в разработках Г.А. Котельникова)/ КубГА У. № 112 (08), 2015. С. 1–27.
18. Ракитов А.И. Марксистско-ленинская философия. М., Политиздат. 1986. 368 с.
19. Рассказов Л.Д. Российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Улан-Удэ. 2018. 312 с.
20. Савельева А. П., Снетков В.Н. К вопросу о структуре общественного сознания // Сборник статей конференции Неделя науки СПбПУ 2018 С. 349–351.
21. Суханова М.И. Концепция структуры общественного сознания как инструмент анализа массового политического сознания // Политическая наука 2017 № 1. С. 38–58.
22. Толстых В.И. Общественное сознание и его формы. М., Политиздат. 1986. 367 с.
23. Уледов А.К. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., Наука, 1981. 432 с.
24. Фролов И.Т. Философия и этика науки: итоги и перспективы // Вопросы философии. 1995, № 7, С. 32–37.
25. Храпов С.А. Индивидуальное и общественное сознание: гносеологические и онтологические аспекты взаимодействия // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2009, № 8 С. 200–206.
26. Храпов С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2011. 40 с.
27. Энгельс Ф. Диалектика природы. ОГИЗ. Госполитиздат 1941. 338 с.

PUBLIC CONSCIOUSNESS: HISTORY AND PROSPECTS

Seregina T.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the concept of public consciousness, highlights the main substantive characteristics and reveals differences in approaches to this problem. The use of the dialectical method made it possible to show the determinism of public consciousness by material being and to reveal its antinomic nature. The historical and logical method makes it possible to trace the genesis of the main theoretical views on the problem of public consciousness, its types and forms. The traditional approach to the classification of public consciousness as forms and levels, while remaining relevant, should be supplemented by the concept of types of public consciousness. The need for such an approach is due to changes in the socio-cultural and technological environment, which have changed the types of communication and activity. It is concluded that public consciousness is a relevant concept and phenomenon in the 21st century, as it reflects new values and meanings at a new stage of historical development and generates new variants of identity.

Keywords. Public consciousness, forms of public consciousness, values, activity.

References

1. Arutyunyan K.S. Transformation of public consciousness in the context of social crisis: diss … cand. philos. sciences. Saransk: Publishing house of the “Mordovian State University named after N.P. Ogarev”, 2013. 163 p.
2. Barulin V.S. Social Philosophy M., FAIR-PRESS, 2000. 560 p.
3. Bogdanov A. Science of public consciousness. A short course in ideological science in questions and answers. Moscow. Petrograd. Publishing partnership “Book”. 1923. 326 p.
4. Brodovskaya E. V., Dobrovskaya A. Yu., Ognev A.S. Public consciousness as a subject of modern scientific research // Power. № 3, 2024, pp. 127–132 p.
5. Giddens E. The Elusive World: How Globalization Is Changing Our Lives. Moscow, Ves Mir Publishing House, 2004, 120 p.
6. Grushin B.A. Mass Consciousness: An Experience of Definition and Research Problems. Moscow, Politizdat. 1987. 368 p.
7. Dubrovsky D.I. The Problem of Consciousness in Philosophy and Science. Moscow, Canon+ ROII Rehabilitation, 2009. 472 p.
8. Ermolaeva O.A. Paradigmatic Analysis of Science as a Form of Social Consciousness: Dissertation… of a Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11. Saransk, 2011. 228 p.
9. Zhambaldrozhiev B. Ts. The Unity of Social Ontology and Spiritual Consciousness as a Subject of Philosophical Understanding: Dissertation… of a Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11. Saransk, 2011. 228 p.
10. Zadvornov A.N. Interaction of Forms of Social Consciousness as a Factor of Human Spiritual Integrity // Bulletin of the Buryat State University № 14, 2013. 77–81 p.
11. Karaeva P.T. Social Consciousness as an Object of Social and Philosophical Analysis: Dis. … Cand. Philosophical Sciences. Cherkessk: Publishing House of the Karachay-Cherkess State Technological Academy. 2004. 127 p.
12. Kelle V., Kovalzon M., Forms of Social Consciousness. M., State Publishing House of Political Literature. 1959. 266 p.
13. Comte-Sponville A. Philosophical Dictionary / Translated from French by E.V. Golovina. Moscow, Eterna, 2012. 752 p.
14. Leopa A.V. Historical consciousness as a factor of social stability in the context of global crisis: author’s abstract. doctor of philosophical sciences. Krasnoyarsk. SFU, 201. 39 p.
15. Marx K. German ideology / Marx K., Engels F. Works. State Publishing House of Political Literature. Moscow, 1955. Vol. 3. 629 p.
16. The newest philosophical dictionary / Comp. A.A. Gritsanov, Minsk, Publishing House V.M. Skakun, 1998. 896 p.
17. Oreshkina M.A. In Search of Meanings (Public Consciousness in the Developments of G.A. Kotelnikov) / KubSA U. № 112 (08), 2015. 1–27 p.
18. Rakitov A.I. Marxist-Leninist Philosophy. Moscow, Politizdat. 1986. 368 p.
19. Rasskazov L.D. Russian Public Consciousness in the Context of Modern Globalization Crisis Processes. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Ulan-Ude. 2018. 312 p.
20. Savelyeva A. P., Snetkov V.N. On the Structure of Public Consciousness // Collection of articles from the conference Science Week SPbPU 2018 pp. 349–351
21. Sukhanova M.I. The Concept of the Structure of Public Consciousness as a Tool for Analyzing Mass Political Consciousness // Political Science 2017, № 1. pp. 38–58
22. Tolstykh V.I. Public Consciousness and Its Forms. Moscow, Politizdat. 1986. 367 p.
23. Uledov A.K. Marxist-Leninist Theory of the Historical Process. Historical Process: Reality, Material Basis, Primary and Secondary. Moscow, Nauka, 1981. 432 p.
24. Frolov I.T. Philosophy and Ethics of Science: Results and Prospects // Questions of Philosophy. 1995, No. 7, pp. 32–37.
25. Khrapov S.A. Individual and public consciousness: epistemological and ontological aspects of interaction // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2009, № 8, pp. 200–206.
26. Khrapov S.A. Transformation of public consciousness in the socio-cultural space of post-Soviet Russia. Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Moscow, 2011. 40 p.
27. Engels F. Dialectics of nature. OGIZ. Gospolitizdat 1941. 338 p.

Антропологические риски применения искусственного интеллекта в высшей школе

Тазов Петр Юрьевич,
старший преподаватель кафедры маркетинга ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: vetr@yandex.ru

В статье раскрываются особенности, риски, противоречия активного включения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную среду вуза. Выделяются такие антропологические риски для студентов как потеря субъектности, торможение развития мышления, интеллекта, депрофессионализация. Подчеркивается, что данные риски усиливаются за счет инструментализации ценности образования, связанной с прагматизацией и ритуализацией процесса обучения. Социально-философской рефлексии подвергается роль студентов в образовательной среде вуза, где она частично трансформируется из активного субъекта обучения в сторону пассивного оператора ИИ, задача которого правильно формулировать запросы (промты) к ИИ. На основе проведенного исследования студентов управленческого вуза автор делает выводы о характере использования студентами ИИ и их психологической зависимости от него.

Ключевые слова: инструментализация высшего образования, искусственный интеллект, искусственный интеллект вузе, ИИ, gpt-чат, ИИ в образовании.

Развитие ИИ и его применение в вузе поставило перед научным сообществом ряд вопросов. Прежде всего, это этические принципы, регулирующие использование сгенерированных ИИ текстов (академическое мошенничество). Не менее важным является и вопрос развития субъектности студентов в условиях активного использования ИИ.

Условиями развития рисков для высшей школы в контексте применения ИИ, с нашей точки зрения, выступают социокультурные процессы трансформации ценностей образования, профессии, институциональные трансформации высшего образования, формирование искусственной социальности в условиях цифровых коммуникаций, ритуализация и инструментализация процесса обучения в вузе и как следствие – формирование у выпускников стратегии социального серфинга [1]. Однако и для педагогов высшей школы ИИ – тоже вызов. Ведь как удобно попросить ИИ сгенерировать план лекций, семинара, тест для экзамена, вопросы к зачету… Постепенное привыкание к такому делегированию может привести к депрофессионализации.

Стремительные процессы цифровизации образования внесли в научное поле такие понятия как «цифровое поколение», «цифровая дидактика» «цифровое обучение». Развитие цифровизации в образовании показало, как возможности, так проблемные точки как со стороны цифровых инфраструктур вузов, так и со стороны современного поколения студентов (поколение Z). Инструментализация высшего образования в сознании студентов, которая обозначилась последние два десятилетия обусловлена с одной стороны отрывом получаемых знаний от требований рынка, с другой – низкой подготовкой студентов, пассивностью, недостаточным развитием критического и аналитического мышления. Формирование жизненных стратегий студенческой молодежи, связанных с поиском себя без серьезной идентификации со социальными структурами-стратегиями социального серфинга только иллюстрирует эту тенденцию.

В условиях частичного отсутствия «диалогичности» в рамках цифрового обучения снижается мотивация обучения и социальная активность [2]. На фоне перехода субъекта образования в пассивную позицию потребителя образовательных услуг это приводит в конечном итоге к ритуализации учебного процесса. Так, по мнению А.С. Запесоцкого: «Студент – не клиент, обучение по программам высшего образования – это не услуга, а совместная деятельность вуза и студентов» [3].

В рамках получения высшего образования для студента ИИ выступает удобным инструментом упростить весь образовательный процесс, сэкономив время и силы и одновременно сделав обучение … бесполезным. Студент в этой модели становится лишь опосредующем звеном между преподавателем и ИИ, превращаясь из активного субъекта образовательного процесса в пассивного оператора ИИ, трансформируя задания преподавателей в запросы к ИИ [4]. При наблюдаемой динамике развития ИИ можно предположить, что ответы ИИ на запросы в рамках выполнения практических задач будут все лучше и лучше, что почти полностью снимет со студента необходимость анализа и обработки информации.

Актуальность изучения искусственного интеллекта (ИИ) в вузах действительно есть. Если игнорировать ИИ, студенты будут самостоятельно изучать, использовать и активно применять ИИ где угодно – в работе, учебе. Однако есть и минусы. И прежде всего, это желание студентов делегировать ИИ всю работу, которая ранее выполнялась вручную. Что же тогда должен делать сам студент? Быть оператором ИИ, готовить правильные запросы, перерабатывать материал, отдавать на доработку ИИ уже полученные ответы. Какие компетенции формирует работа с ИИ? Умение четко и конкретно сформулировать запросы, дробить запросы, использовать так называемые промты (уточнения, конкретизации, например, «напиши поэтапно», «напиши от лица студента»). В результате есть риск упустить процесс самостоятельного креативного авторского подхода к написанию научных и учебных работ, лишить студента необходимости думать, анализировать, писать собственные мысли. Недаром, как сообщает газета China Daily, в Китае готовится законопроект, запрещающий учащимся китайских вузов ИИ для написания научных работ. Уже сейчас множество описаний, ценников товаров в интернет-магазинах, маркетплейсах генерируются ИИ. И развитие ИИ идет стремительно. В идеале, конечно, было бы обучать студентов работе с ИИ на последних курсах, чтобы не подавлять процесс генерирования собственных идей и мыслей. ЕГЭ научил некоторых студентов одному правилу – доверяться правильным ответам на вопросы в тестах ЕГЭ. Главное, чтобы на вопрос «а как правильно написать» студенты первым делом не бежали за помощью к ИИ. Иначе страх ошибиться в тесте дополнится страхом собственных мыслей от привычки получать «правильные» ответы у ИИ.

При этом на данный момент у преподавателя нет должных мобильных инструментов верификации всех заданий студентов, за исключением антиплагиата, которые бы позволяли оперативно выявлять продукты ИИ. Эксперимент, проведенный автором среди студентов 4 курса института маркетинга ФГБОУ ВО ГУУ показал, что студенты не достаточно критически воспринимают тексты, написанные ИИ. Так, в группах было предложено очистить тексты, сгенерированные ИИ от штампов, клише, воды. В результате, подавляющее большинство студентов не справились с задачей полностью или частично. Отчасти это результат ЕГЭ – когда нужно запомнить правильный ответ, скорее ответить на вопрос – как правильно, а не почему? Активное использование ИИ в образовании формирует алгоритмы действия по получению ответа, но не мышление. Формируя привычку не думать, а получать готовый ответ пагубно отражается на формирование специалиста. Что в конечном итоге, способствует пассивному потреблению информации, некритическому мышлению, примитивизации мышления, депроффесионализации. Также, наблюдения автора показывают – в группах на очно-заочном формате обучения зависимость от ИИ ниже. Возможно, это связано с привычкой думать самостоятельно, сформированной на работе.

ИИ находит достойное место в ряде инструментов повседневной реальности, помогающих сохранить комфорт. Среди которых: такси, доставка на дом продуктов и ИИ как на уровне анализа информации (не думать, значит не выходить из привычной позиции пассивного потребления, так и на уровне формирования знаний (снова комфорт и делегирование функций) оставляя за собой право наслаждаться потреблением [5].

До высшей школы перспектива очень опасная – превращение студента из активного субъекта учебной деятельности в пассивного оператора ИИ, сохраняя за собой только функцию присваивания и получения оценки за работу программы. Но тогда и называться такой специалист должен как оператор ПК (ИИ).

Насколько наш скепсис в отношении ИИ в вузе в данном вопросе оправдан покажут результаты опроса среди студентов 1, 2, 4 курсов Института маркетинга ФГБОУ ВО ГУУ в 2025 г. (выборка 163 респондента). Студенты-маркетологи в силу специфики своей будущей деятельности должны сохранять возможность мыслить критически и аналитически в силу особенностей маркетинговой деятельности, которая требует решений в области управления, креативной деятельности, аналитики и др. На данный момент существуют сайты, которые интегрированы с ИИ и позволяют решать огромное количество задач в области исследования целевой аудитории, сегментации, разработки постов для социальных сетей, разработки контент плана и др. Так, ИИ от Demis Group на основе одного предложения (например, «нагетсы для студентов») формирует презентацию, в которой сегментирована аудитория, под каждый сегмент сформированы ее потребности, тексты для постов и другие результаты маркетинговой деятельности. Презентация данного продукта среди студентов 4 курса института маркетинга вызвала смешанные чувства, поскольку данный сайт может полностью или частично заменить их работу.

Обратимся к результатам опроса, которые показывают, что применение ИИ входит в повседневность студентов. В формулировке вопросов мы использовали чат gpt (который более понятен для студентов), а не ИИ. И если студенты 1–2 курсов еще не совсем пока только начинают делегировать ИИ задачи на практических занятиях (как правило, используют редко – 62%), то студенты 4 курса уже вовсю доверяют ИИ в процессе выполнения задач от преподавателя. Так, только 7,5% студентов 4 курса не используют ИИ при решении заданий от преподавателя. А подавляющее большинство (65%) используют ИИ все время или часто в данных ситуациях (табл. 1).

Таблица 1

Как часто на практических занятиях в вузе Вы используете GPT чат для решения заданий от преподавателя?	1–2 курсы (%)	4 курс (%)
Все время	3,3	5
Очень часто	2,4	7,5
Часто	26,8	52,5
Редко	62,6	27,5
Не использую	4,9	7,5

Источник: разработано автором.

В целом, почти 90% студентов 1, 2, 4 курсов используют дома GPT чат для решения заданий от преподавателя (тех, кто либо время от времени, либо редко, но используют ИИ для таких целей) (табл. 2).

Таблица 2

Как часто дома Вы используете GPT чат для решения заданий от преподавателя?	1–2 курсы (%)	4 курс (%)
Время от времени	52	67,5
Редко	32,5	15
Всегда	4,9	10
Не использую	10,6	7,5

Источник: разработано автором.

Удобство, комфорт и конечно освобождение времени (которое, заметим, могло бы быть направлено на развитие) является важной мотивацией. Для 44% опрошенных студентов ИИ позволяет «экономить» 1–4 часа в неделю, до 6 часов – 26,3%, и 17,5% – более 6 часов (табл. 3).

Таблица 3

Сколько по Вашему позволяет сэкономить времени gpt-чат на выполнении домашних заданий (по сравнению с тем временем, когда Вы сами выполняли задания)	1-2 курсы (%)	4 курс (%)
1–4 часа в неделю	47,2	41
До 6 часов в неделю	24,4	28,2
более 6 часов в неделю	17,1	17,9
До часа в неделю	11,4	12,8

Источник: разработано автором.

Психологическую зависимость от ИИ позволяет оценить распределение ответов на следующий вопрос (табл. 4). Почти половина студентов 1–2, 4 курсов согласны с тем, что новость о том, что ИИ не работает в стенах вуза вызовет у них дискомфорт. Почему же отказ от его использования ИИ так болезнен?

Таблица 4

Вызовет ли у вас дискомфорт и беспокойство новость о том, что GPT чат больше не работает в стенах Вашего вуза?	1-2 курсы (%)	4 курс (%)
Скорее нет	31,7	35
Скорее да	30,1	27,5
Определенно да	17,1	25
Определенно нет	11,4	5
Затрудняюсь с ответом	9,8	7,5

Источник: разработано автором.

Возможно, ответ на это вопрос кроется в том, что у студентов уже сформировалась привычка обращаться к ИИ в любых ситуациях, как к порой к калькулятору при простых математических вычислениях? Эта связь наглядно проявляется в ответах на следующий вопрос (табл. 5). Если у студентов первого курса сильная психологическая зависимость от ИИ еще не сформировалась (18% ощущают ее), то у студентов 4 курса ее ощущает почти каждый третий.

Таблица 5

Ощущаете ли Вы зависимость от gpt-чата, когда даже на выполнение несложного задания Вы обращаетесь к gpt чату (как к калькулятору при легких вычислениях)	1-2 курсы	4 курс
Нет	52,8	45
Скорее нет	27,6	22,5
Скорее да	10,6	20
Определенно, да	7,3	7,5
Затрудняюсь ответить	1,6	5

Источник: разработано автором.

Выводы

Результаты исследования носят пока предварительный характер в силу сравнительно небольшой выборки. Для более глубоких выводов необходимо более масштабное исследование с более развернутым инструментарием. Однако, уже сейчас можно сформулировать некоторые выводы. Студенты достаточно активно используют ИИ как дома, так и вузе. Каждый пятый ощутит беспокойство при отключении ИИ в вузе. При этом зависимость от ИИ увеличивается с каждым курсом. Так, почти каждый 5 студент 1 курса и почти каждый третий студент 4 курса ощущает зависимость от ИИ. Все это чревато для студентов потерей внутренней субъектности, размыванием идентичности профессионала, неуверенности при формулировке мыслей.

Для преодоления зависимости от ИИ возможно введение временного подавления сети Интернет во время практических занятий, а также использование нестандартных задач, решение которых будет затруднено с использованием ИИ. Для этих целей нами разработана и успешно применяется в ФБГОУ ВО ГУУ имитационная игра «Я-маркетолог», цель которой – формирование креативности и маркетингового мышления студентов. Каждая группа получает несколько случайных карточек, на каждой из которых дается вводная информация (целевая аудитория; проблема целевой аудитории; технология решения проблемы(продукт). Задача групп в фиксированное время придумать название компании, УТП, логотип исходя из полученных вводных.

Вопрос применения ИИ в вузе требует осмысления как на уровне экспертного сообщества, так и н уровне Минобрнауки в силу существующих рисков использования ИИ для развития субъектности и развития потенциала студенческой молодежи, прежде всего, представителей гуманитарных специальностей. Выделенные антропологические риски могут существенно снизить качество подготовки специалистов в высшей школе.

Литература

1. Тазов П.Ю. Ценностные основания направленности социальной активности студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 4. – С. 123–128. – EDN HDRNLR.
2. Тазов П.Ю. Вопросы цифрового обучения и методы повышения эффективности обучения цифрового поколения в условиях цифровой среды // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 6–2. – С. 385–391. – DOI 10.17513/snt.38121.
3. Запесоцкий А.С. Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования. 14 декабря 2005 года. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – С. 16–17.
4. Халилов Д. ChatGPT на каждый день: 333 промта для бизнеса и маркетинга. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 306 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры [пер. с фр]. – М.: Республика, Культурная революция, 2006. – 268 с.

ANTHROPOSOCIAL RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION

Tazov P.Yu.
State University of Management

The article reveals the features, risks, and contradictions of the active inclusion of artificial intelligence (AI) in the educational environ-

ment of the university. Such anthropological risks for students as loss of subjectivity, inhibition of the development of thinking, intelligence, and deprofessionalization are highlighted. It is emphasized that these risks are increased due to the instrumentalization of the value of education associated with the pragmatization and ritualization of the learning process. The role of students in the educational environment of the university is subjected to socio-philosophical reflection, where it is transformed from an active subject of learning towards a passive AI operator, whose task is to correctly formulate requests (promts) to AI. Based on the conducted research of students of a management university, the author draws conclusions about the nature of students' use of AI and their psychological dependence on it.

Keywords: higher education instrumentalization, artificial intelligence, artificial intelligence in higher education, AI, gpt chat, AI in education.

References

1. Tazov P.Y. The value bases of the orientation of the social activity of student youth // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 4. – pp. 123–128. – EDN HDRNLR.
2. Tazov P.Y. Issues of digital learning and methods of improving the effectiveness of teaching the digital generation in a digital environment // Modern science-intensive technologies. 2020. No. 6–2. pp. 385–391. DOI 10.17513/snt.38121.
3. Zapesotsky A.S. Quality assurance of higher humanitarian education // Quality assurance of higher humanitarian education: visiting meeting of the Presidium of the Russian Academy of Education. December 14, 2005. – St. Petersburg: SPbGUP Publishing House, 2006. – pp. 16–17.
4. Khalilov D. ChatGPT for every day: 333 promta for business and marketing. – Moscow: Alpina Publisher, 2024. – 306 p.
5. Baudrillard J. Consumer society: its myths and structures [translated from French]. – Moscow: Republic, Cultural Revolution, 2006. – 268 p.

Класс, гендер и освобождение: социально-философская перспектива марксистского феминизма

Цао Юнь,
аспирант, Российский университет дружбы народов
E-mail: yun.cao@yandex.ru

Статья посвящена социально-философской перспективе марксистского феминизма. Раскрыто содержание феминизма как социально-философского, социально-политического и социокультурного явления. Показано, что в основе марксистского феминизма лежат представления о дискриминации женщины по причине наличия классов, частной собственности, разделения труда, доминирующей патриархальной системы семейного уклада. Отмечено, что вопросы гендерного неравенства в рамках идеологии марксистского феминизма является актуальными до настоящего времени. Показано, что причины дискриминации женщин обусловлены не только существованием классового неравенства, но и дискриминацией по другим основаниям, на что указывают разнообразные формы экономической и политической дискриминации женщин в современном мире. Отмечена ценность марксистского феминизма в признании гендера как социокультурного и социально-психологического явления. Сделан вывод о том, что для развития современных социально-философских взглядов значимым является признание марксистским феминизмом гендерного разделения труда, в основе которого лежит гендерное неравенство. Марксистский феминизм создал идеологический контекст проблемы гендерной эмансипации как центральной проблемы феминистской теории.

Ключевые слова: феминизм, марксистский феминизм, класс, дискриминация, гендер, гендерное неравенство, гендерная идентичность.

Проблемы механизмов и закономерностей общественного развития в контексте идей феминизма исследуется в тесной связи с процессом формирования гендерных стереотипов о роли и месте женщины в обществе. Феминизм как социально-культурный феномен исследуется с разных подходов, не является однородным движением и включает в себя множество различных течений. Одним из направлений феминизма является марксистский феминизм, в основе которого лежат теоретические положения исторического материализма К. Маркса, Ф. Энгельса, что позволило «унаследовать предпосылку просвещенческой эпистемологии, основанную на гендерном разделении труда в качестве отправной точки глубокого анализа проблемы эксплуатации, угнетения женщин в идеологии капиталистической системы» [8, с. 39]. С позиции марксистского феминизма причиной дискриминации женщины являются наличие классов, частной собственности, разделение труда. Доминирующей идеей марксистского феминизма является освобождение женщин от эксплуатации и неравенства, устранение гендерных различий, требование полной открытости общественной сферы для женщин и изменение ее социально-культурного статуса в обществе [1; 2; 7]. Класс, гендер и освобождение сформировали идеологический контекст социально-философской идеологии марксистского феминизма. Несмотря на то, что марксистский феминизм был подвергнут критике, необходимо отметить, что его идеи получили свое развитие и в настоящее время «на основании общей идеи о том, что гендерные отношения параллельны классовым, перекликаются с ними и в известном смысле являются неотъемлемой их частью» [2, с. 111]. Современное постиндустриальное общество имеет собственную специфику, отличается сложной структурой не только по экономическому основанию отношения к средствам производства, но и по критериям уровня образования, профессионального статуса, власти. В связи с этим вопросы гендерного неравенства в рамках идеологии марксистского феминизма является актуальными до настоящего времени, что вызывает необходимость анализа социально-философских перспектив марксистского феминизма.

Зарождение и развитие феминизма, «истоки которого восходят к эпохе Возрождения, происходило в неразрывной связи с развитием гуманистических идей и способствовало трансформации патриархально-ориентированного мировоззрения общественного сознания» [6]. Первоначально идеи феминизма возникли как движение против социально-экономической дискриминации женщин, в связи с чем выступали синонимом понятия эмансипация женщин, под которой в данном контексте понимается «стремление к уравнению прав обоих полов, в основе которого лежит мысль о том, что первоначально мужчины и женщины были равны между собой и что неравенство полов обусловлено насильственным подчинением женщин мужчинами» [6, с. 12]. Феминизм тесно связан как с общественно-политическим движением за равные права мужчин и женщин, так с научными представлениями о гендере, гендерных стереотипах, доминирующих в обществе. Историю развития феминизма условно делят на три волны, «отображающие соответ-

ствующие этапы развития феминизма как социально-культурного феномена:

– первая волна женского движения приходится на середину XIX – начало XX в. Феминизм первой волны был направлен на борьбу за эмансипацию и достижение избирательных и прочих прав женщин;
– вторая волна феминизма приходится на период начала 1960-х до конца 1980-х годов XX века и характеризуется переходом из исключительно политической сферы первой волны в сферу социальную. В данный период обсуждаются нормативные модели женственности и мужественности, сформировано понятие гендера, ролевого поведения мужчин и женщин;
– феминизм третьей волны возник в конце 1980-х гг. и связан с процессами глобализации как ответ на антифеминистскую реакцию и консервативный откат в обществе. Идеологически феминизм третьей волны отличается от второй отношением к области сексуальности, происходит отказ от понимания женской гетеросексуальности в качестве единственного стандарта, сексуальность рассматривается как инструмент раскрепощения женщин» [5].

Для понимания социально-философской перспективы марксистского феминизма необходимо раскрыть сущность понятия феминизм как философского, социально-политического и социокультурного явления. «В современной науке универсальное определение такого сложного феномена как феминизм отсутствует. Феминизм определяется на двух уровнях – как широкое общественное движение за права женщин, имеющее длительный исторический опыт, и как комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, анализирующих положение женщин в обществе. Такое определение является более широким, в отличие от распространенного толкования феминизма как женского движения за равноправие полов, поскольку позволяет учитывать все многообразие и специфику феминизма и определить его как многозначный социокультурный феномен» [6].

В научном познании феминизм представляет собой ряд научных концептов: «философскую теорию о феноменологии женщины, ее места и роли в обществе, о способах угнетения женщин; социально-политическую теорию, определяющую неравенство женщин и мужчин, а также пути преодоления дискриминации женщин; социально-политическое движение, направленное на достижение равенства между полами, прежде всего за счет расширения прав и возможностей женщин во всех сферах жизни; идеологию, выражающую интересы женщин и противостоящая различным антифеминистским теориям и практикам; методологию гендерных исследований, направленных на изучение женского восприятия мира и системы ценностей» [5].

Проведем анализ основных идей марксистского феминизма в контексте понимания классового и гендерного неравенства женщин в капиталистическом обществе. Марксистский феминизм, берущий начало в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, определяет причины различий в гендерном неравенстве женщин в капиталистической системе отношений, исключающей женщин из общественного производства. Женщины и мужчины, как пишут Е.А. Здравомыслова А.А. Тёмкина, «рассматриваются как половые или сексуальные классы. Мужчины составляют господствующий класс, осуществляющий эксплуатацию и угнетение женщин. Господство мужчин связано с развитием классового общества, основанного на частной собственности» [5, с. 41]. Классическая марксистская теория исходит из того, что «подчиненное положение женщины не является следствием ее неизменных биологических свойств, но основывается на социальных отношениях» [2, с. 117]. Марксизм раскрывает причины гендерного неравенства женщин в обществе, как с позиции классового неравенства, частной собственности на средства производства, так и с позиции доминирующей патриархальной системы семейного уклада. Марксизм, как утверждают П.Д. Герасимов, С.И. Платонова, связывает «гендерные отношения с классовыми отношениями, частной собственностью, следовательно, причины неравного положения женщины видит в существовании классов» [4, с. 18]. Анализируя разницу в положении женщин разных классов, А.М. Коллонтай рассматривала в качестве причины угнетенного положения женщины в обществе капиталистическую эксплуатацию, а экономические отношения – в качестве ведущей детерминанты гендерного неравенства [7].

В то же время А. Бебель говорит о том, что процессы закрепощения женщины, помимо классового неравенства, общественных отношений, созданных частной собственностью на средства производства, обусловлены патриархальной системой семьи, признанием главенствующей роли мужчины в обществе. Как отмечают Е.А. Здравомыслова А.А. Тёмкина, «исторически капиталистический патриархат привел к вытеснению женщин из сферы производства в приватную сферу, ограничивая их участие в профсоюзах и конкурентоспособность на рынке труда» [5, с. 43]. Характеризуя положение женщин, принадлежащих к угнетенному классу пролетариев, А. Бебель пишет о «тяжелом положении женщины-пролетария, которое характеризуется двойным рабством, двойной буржуазной моралью, видимостью буржуазного равенства» [2, с. 115]. Изучая вопросы гендерного неравенства женщин в обществе, А.М. Коллонтай отмечала «сложность получения женщинами образования, необходимость совмещать трудовые и семейные обязанности или делать выбор между семьей и самореализацией, двойную эксплуатацию женщины на работе и в семье, игнорирование обществом большинства женских проблем и при этом – расширение кругозора женщины, развитие ее способностей и осознание своих прав» [7, с. 113]. Данные вопросы актуальны и для современного постиндустриального общества.

А.М. Коллонтай говорила о необходимости создания социально-экономических условий, которые бы позволили успешно совмещать женский труд и материнство. К таким условиям относились государственное регулирование семейно-брачных отношений, государственное обеспечение материнства, государственное страхование, создание дошкольных учреждений [4]. А. Бебель говорил не только о правовом равенстве мужчины и женщины, но главным условием освобождения женщин считал «уничтожение двойного рабства женщины-работницы, ликвидацию экономической зависимости женщины от мужчины, государственную охрану материнства и детства, что означало полное решение женского вопроса» [2, с. 114]. Заслугой А.М. Коллонтай стало то, что она расширила женский дискурс в рамках марксистского феминизма, наполнив его содержанием, далеким от классового подхода. В содержание марксистского феминизма А.М. Коллонтай не только вводит в понятийный аппарат «такие термины, как пол, секс, любовь, но и впервые обращает внимание на личности женщины и мужчины, особенности их психологий, на ролевые социальные характеристики и взаимоотношения внутри семьи» [1, с. 48]. А.М. Коллонтай, выступая за институт семьи, говорит о необходимости его внутреннего преобразования на основе «сотоварищества,

взаимного уважения, обосновывая особую значимость для общественного развития умения мужчины быть внимательным к чувствам женщины, ценить её личностные качества» [1, с. 48], что не теряет своей актуальности и в настоящее время. Именно А.М. Коллонтай впервые поставила вопрос о гендере, наполнив его содержание социально-психологическими характеристиками мужчин и женщин.

Следует отметить, что гендер по своему содержанию является социокультурным феноменом. В обществе до настоящего времени укоренились патриархальные культуры, «представление о превосходстве мужчины над женщиной, что привело к неравному отношению к представителям обоих полов» [8, с. 49]. Для того чтобы добиться социальной эмансипации женщин, как пишет Цинь Шаоюнь, «необходимо отталкиваться от проблемы дискриминации по признаку пола, подвергнуть глубокой критике патриархальную культуру, полностью признать значимость существования женщин и тем самым способствовать возрождению цивилизации» [8, с. 49]. Далее автор отмечает, что «основной концепцией социальной эмансипации женщин является гендерная эмансипация женщин, и только когда мы распространим равенство с правового на социокультурный уровень, мы сможем действительно реализовать равенство между мужчинами и женщинами» [8, с. 49].

Рассматривая перспективы развития идей марксистского феминизма, отметим, что общественная стратификация в постиндустриальном обществе рассматривается не только с позиции классов, но и с позиции существования социальных страт и социальных слоев, которые образованы по критерию не только отношения к средствам производства, но и по уровню образования, престижа профессии, властных отношений. Причины дискриминации женщин обусловлены не только существованием классов, как писали основоположники марксизма, но и дискриминацией по другим основаниям, на что указывают разнообразные формы экономической и политической дискриминации женщин в современном мире. Описывая дискриминацию женщин в постиндустриальном обществе, С.А. Батуренко пишет о том, что «нарушается принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин, осуществляется предпочтение в некоторых сферах занятости мужского труда, труда незамужних женщин» [2, с. 116]. Причины дискриминации женщин лежат не только в экономической сфере, но и в сфере общественного сознания, то есть в гендерных стереотипах, доминирующих в обществе. Так, например, «отличительной особенностью гендерных отношений в профессиональной сфере является неравенство статусов и позиций мужчин и женщин: мужчины во всем мире чаще пользуются более высоким статусом по сравнению с женщинами, а это обеспечивает им доступ к ресурсам и принятию ответственных решений. Это приводит к тому, что женщины существенно чаще мужчин оказываются в роли подчиненных, зависимых, руководимых. Потребности женщины в профессиональном развитии, самореализации и продвижении по служебной лестнице удовлетворяются в меньшей степени, чем у мужчин» [3, с. 31].

В заключении сделаем вывод о том, что значимым для развития современных социально-философских взглядов на феминизм является признание марксистским феминизмом гендерного разделения труда, в основе которого лежит гендерное неравенство. Данные положения актуализировали проблему гендерной идентичности, гендерной эмансипации женщин в современном обществе.

Литература

1. Абрамова М.Г., Попова А.В., Горохова С.С. Проект женской эмансипации Александры Коллонтай как гендерное «расширение» марксизма // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 44–54.
2. Батуренко С.А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX веке // Вестник МГУ. 2019. Т. 25. № 1. С. 111–129.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2018. 432 с.
4. Герасимов П.Д., Платонова С.И. Феминизм в философиях марксизма и постмодернизма: основные характеристики и особенности //Вестник государственного университета «Дубна». 2021. № 4.` С. 15–23.
5. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24.
6. Крыкова И.В. Феминизм в пространстве современной гуманитарной культуры: автореферат дис. … кандидата философских наук: 24.00.01. Тамбов, 2009. 22 с.
7. Мартынова О.А. Новая женщина в новом обществе: марксистский феминизм А.М. Коллонтай // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 4. С. 110–120.
8. Цинь Шаоюнь. Гендерная философия Джудит Батлер и её интерпретация в современной китайской философии: диссертация … кандидата философских наук: 5.7.2. Москва, 2024. 171 с.

CLASS, GENDER AND LIBERATION: THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE OF MARXIST FEMINISM

Cao Yun
Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to the social and philosophical perspective of Marxist feminism. The content of feminism as a social and philosophical, socio-political and socio-cultural phenomenon is revealed. It is shown that Marxist feminism is based on the idea of discrimination against women due to the existence of classes, private property, division of labor, and the dominant patriarchal system of family life. It is noted that the issues of gender inequality within the framework of the ideology of Marxist feminism are still relevant today. It is shown that the causes of discrimination against women are due not only to the existence of class inequality, but also to discrimination on other grounds, as indicated by various forms of economic and political discrimination against women in the modern world. The value of Marxist feminism in recognizing gender as a socio-cultural and socio-psychological phenomenon is noted. It is concluded that for the development of modern socio-philosophical views it is significant that Marxist feminism recognizes the gender division of labor, which is based on gender inequality. Marxist feminism created the ideological context of the problem of gender emancipation as the central problem of feminist theory.

Keywords: feminism, Marxist feminism, class, discrimination, gender, gender inequality, gender identity.

References

1. Abramova M.G., Popova A.V., Gorokhova S.S. The project of female emancipation of Alexandra Kollontai as a gender "expansion" of Marxism // Bulletin of Moscow State Regional University. 2021. No. 2. P. 44–54.
2. Baturenko S.A. Marxist feminism: theoretical project, genesis and experience of practical implementation in the 20th centu-

ry // Bulletin of Moscow State University. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 111–129.
3. Bendas T.V. Gender Psychology: a tutorial. SPb.: Piter, 2018. 432 p.
4. Gerasimov P.D., Platonova S.I. Feminism in the philosophies of Marxism and postmodernism: main characteristics and features // Bulletin of the State University “Dubna”. 2021. No. 4.` P. 15–23.
5. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. Sociology of gender relations and gender approach in sociology // Sociological studies. 2000. No. 11. P. 15–24.
6. Krykova I.V. Feminism in the space of modern humanitarian culture: abstract of dis. … candidate of philosophical sciences: 24.00.01. Tambov, 2009. 22 p.
7. Martynova O.A. New woman in a new society: Marxist feminism of A.M. Kollontai // Electronic scientific journal “Science. Society. State”. 2023. Vol. 11, No. 4. P. 110–120.
8. Qin Shaoyun. Judith Butler’s Gender Philosophy and Its Interpretation in Contemporary Chinese Philosophy: Dissertation … Candidate of Philosophical Sciences: 5.7.2. Moscow, 2024. 171 p.

Сущность познания вакуума в научных картинах мира

Раджабов Осман Раджабович,
д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Гусейханов Магомедбаг Кагирович,
д.ф.-м.н., профессор кафедры общей физики ДГУ

Паштаев Булат Дагирович,
д.п.н., профессор, зав. кафедрой математики и физики
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова

В статье выясняется природа вакуума в научных картинах мира. Современная действительность показывает бесконечную познавательную ценность гениальных идей великих мировых ученых для развития науки, новых открытий, для выяснения происхождения Вселенной и неисчерпаемости микромира, а также для философского миропонимания. Проблема познания физического вакуума служит объектом изучения современной физики и философии, так как вакуум является как бы синтезом всевозможных миров и фундаментальной основой для эволюции и развития, в том числе нашей Вселенной.

Ключевые слова: физический вакуум, материя, квантовая теория, Вселенная, самоорганизация, пространство.

Представления о вакууме у философов сложились еще в древности. Античные философы Демокрит и Эпикур утверждали, что движение материальных частиц (атомов) происходит в абсолютной пустоте, что пустое пространство и материя – два начала мироздания, то есть материальный мир и пустота рассматривались в их «диалектической взаимосвязи». Где есть пустота, там должна быть и материальная среда, и наоборот, материальная среда должна быть заполнена пустотой. Философы античности всегда дискутировали по поводу понятия пустоты.

Позицию Парменида можно изложить так: если пустота существует, то значит она не есть ничто, и поэтому она же является не пустотой. Аристотель рассматривал, пустоту не как абсолютную пустоту, а как «ничто», следовательно, она есть пустота. Он полагал, если считать пустоту абсолютной, то движение будет бесконечным и нигде не прекратится. Поэтому он сформулировал принцип природной пустоты, который на латыни звучит так: «Nature abhorret vacuum» (Природа боится пустоты).

В XVI–XVIII вв. развитие науки изменило представления о проблеме пустоты. Появились идеи непрерывности в строении материи, которые пользовались большой популярностью у французского философа-математика Р. Декарта. Он полагал, что для всех материальных тел характерна протяженность, поскольку протяженные тела непрерывно заполняют пространство, и считал, что все мировое пространство заполнено особым состоянием – эфиром, которое находится в вихреобразном движении. Именно поэтому Декарт отрицал в отдельности пустого пространства. Гипотеза об эфире была основана на двух положениях. Первое положение было связано с остатками механического миропонимания, второе положение – с идеями пустоты. Эфир рассматривался как непрерывная среда, которая заполняет все пространство, а возмущение его вызывало электромагнитные волны. После получения экспериментальных данных на основе идей Майкельсона-Морли концепция эфира была отвергнута. Но с отказом от абсолютной среды (эфира) физика вернулась к понятию «абсолютной» пустоты.

Теории «абсолютной» пустоты и «чистого» времени, которые были характерны для классической науки, также были отвергнуты в теории относительности Эйнштейна (специальной и общей теории относительности). В теории относительности было научно доказано, что пространство и время находятся в диалектической взаимосвязи с движущими телами и материальными процессами, а около больших космических объектов происходит искривление пространства и замедление времени (мировая постоянная скорость света изменяется).

Ученые считают, что материальный мир делится на вещество и поле. Причем вещество считается источником поля, а поле – средством взаимодействия между структурами вещества. Они существуют в расслоенном пространстве-времени. Исследование вакуума дает возможность выделить свойства пространства и времени в полном объеме. Вакуум является новым фундаментальным видом материи, который обладает определенной потенцией. Но при этом в вакууме отсутствуют реальные частицы. Значит, физический вакуум обладает энергией. Это подтверждается в экспериментах. Такими, например, являются Лэмбовские сдвиги спектральных

линий атомов, эффекты Хокинга и Казимира [1]. Последние открытия природы микромира показали, что вакуум имеет очень сложное строение слоистой структуры. Вакуум не является абсолютной пустотой. Здесь имеются реальные возможности для рождения наименьших элементарных частиц в виде барионов и мезонов. Вакуум можно считать основой, порождающей материальный мир.

«Наблюдаемые сегодня свойства темной энергии позволяют предполагать, что эта субстанция относится к той же форме материи, что и физический вакуум. Допустимы и обобщающие предположения, что темная энергия является составной частью физического вакуума, и она неразрывно связана с присущего вакуума антигравитационными свойствами, иначе говоря, с силами гравитационного отталкивания» [7].

Потенция вакуума обнаруживается по изменениям состояния материи при взаимодействиях с вакуумом. Это происходит путем концентрации энергии вакуума в малых областях пространства. Это изменяет не только ситуации в системе частиц, но и саму структуру пространства. Отсюда следует, что вакуум является характеристикой пространства-времени. В нем происходит рождение и уничтожение порций энергии, которыми являются рождающиеся и уничтожающиеся виртуальные частицы. Таким образом, физический вакуум – это динамическая система, обладающая некоторой энергией, которая непрерывно перераспределяется между виртуальными (воображаемыми) частицами.

Виртуальное существование – это особый вид объективного существования. Реальное существование может быть действительным и возможным, завершенным и становящимся. Реальное существование может быть и в определенном отношении, и в определенном мгновении, а также существованием в сущности и в видимости (как известно, видимость объективна), существованием в общем и в единичном, в отдельном.

Все эти виды реального существования переплетаются друг с другом, взаимопроникают друг в друга. Существование в возможности есть в другом отношении существование в действительности и наоборот. Каждый человек обладает своим индивидуальным существованием, но он принадлежит к человеческому роду, т.е. обладает индивидуальным, единичным и общим родовым существованием. Электрон существует как электрон и как лептон и т.д.

Понятие «виртуальные» частицы отражает некоторые виды реального существования «элементарных» частиц. Этот вид существования характеризуется через понятия возможности, становления и вероятности. Виртуальное существование можно противопоставлять не реальному существованию, а существованию в действительности. Виртуальное существование – это существование возможное, мгновенное, только в определенных связях. Природа и конкретна, и абстрактна, и явление, и суть, и мгновение, и отношение. «Физический вакуум представляет собой среду с большим количеством рождающихся и тут же гаснущих порций энергии, которые названы виртуальными частицами. Они проявляют себя не индивидуально, а как системный ансамбль, заметно влияя на различные свойства материи. Эти свойства проявляются тогда, когда в пустое пространство помещается некоторая масса» [5]. Это показывает возможность реального существования различных видов. Определить, к какому виду реального существования принадлежит данный объект, можно лишь путем его глубокого изучения. Так как все виды реального существования связаны между собой и переходят друг в друга, то очевидно, что их нужно изучать не изолированно, а в глубоком единстве.

Виртуальное и действительное существование элементарных частиц неотделимо друг от друга. А это значит, что виртуальные частицы существуют только в связи с действительными частицами, будучи ступеньками в их превращениях и взаимосвязи. Возникает вопрос – не являются ли виртуальные частицы теми же действительными частицами, но только в определенных отношениях? Не говорит ли их существование о том, что в микромире исчезает резкая грань между возможностью и действительностью? «Согласно теории элементарных частиц, вакуум – это основное, то есть энергетически наинизшее квантовое состояние поля или системы полей. Следовательно, вакуум есть проявление физического (материального) поля, и в отсутствие последнего нет и первого. Если во время сингулярности вся материя Вселенной была сконцентрирована в одной точке, то и все поля, а с ними и вакуум должны были быть «сжаты» до точки» [8].

Известны вакуумные уравнения Эйнштейна, которые описывают гравитационные поля вне материи, т.е. упругие свойства пустого пространства-времени. Эти вакуумные уравнения являются чисто геометрическими и не содержат никаких физических констант. Так и должно быть, потому что вакуум не может характеризоваться какими-нибудь конкретными физическими константами. «Можно полагать, что новая картина мира, базирующаяся на вездесущности вакуума, свойства которого приводят к основным законам природы, действующим в нашем вещественном мире, станет доминирующей как в представлении физиков, так и в общественном сознании» [3].

Нобелевский лауреат Поль Дирак, рассматривая уравнение Шредингера, в 1928 г. установил, что оно имеет нерелятивистский характер [2]. Решая это уравнение в релятивистском случае, он теоретически обосновал наличие позитрона. Частицами вещества в микромире, рассматриваемыми в квантовой механике, были электрон и протон. Позитрон был обнаружен К. Андерсоном в 1932 году в космических лучах, он получил за это Нобелевскую премию, а Дирак подтвердил свою теорию о квантовом вакууме. Уравнение Дирака, описывающее движение электрона в релятивистском случае с учетом законов и квантовой механики, и теории относительности Эйнштейна, имеет два решения: одно решение дает известный электрон с положительной энергией, другое – неизвестный электрон-двойник, но с отрицательной энергией. Распространение выводов из уравнения Дирака на другие частицы привело к появлению понятий о частицах и соответствующих им античастицах, более того – о мирах и антимирах.

Значит, в природе существуют частицы с положительной энергией – электроны, и античастицы – позитроны, энергия которых отрицательна. При встрече они самоуничтожаются – аннигилируют. Они рождаются парами электрон=позитрон из физического вакуума или исчезают, скрываются в нем. Вакуум представляет собой некое скрытое состояние электронов и позитронов. Отсюда можно сделать вывод, что вакуум – это среда с бесконечно большим отрицательным зарядом и отрицательной энергией, где все уровни отрицательной энергией полностью заполнены электронами, а уровни с положительными энергиями остаются свободными. Накопление энергетического уровня с положительной энергией воспринимается как появление электрона, а освобождение уровня с отрицательной энергией – как появление античастицы, т.е. позитрона. «Когда «Большой взрыв» произвел огромное количество положи-

тельной энергии, он одновременно произвел такое же количество и отрицательной энергии… Отрицательная и положительная энергии в сумме дают ноль» [6]. Если допустить, что начала нашей Вселенной был характерен «Большой» взрыв в условиях сингулярности определенной среды вакуума, то также можно допустить, что таких взрывов должны были бы происходить бесконечное множество для возникновения и других вселенных. На основе этого можно сделать вывод, что не существует ни начала, ни конца окружающего мира, а начало и конец имеют только конкретные (отдельные) вселенные, как наша Вселенная (14–15 млрд лет тому назад).

Вакуум не является пустотой с неизменными свойствами. Он представляет собой сложную целостную иерархическую систему, способную к динамическому эволюционному развитию. «Вакуум-хаос – неупорядоченная первопотенция мира, безначальное, всеобъемлющее и порождающее начало. Это один из самых основных, самый сложный из всех объектов, с которыми до сих пор приходилось иметь дело науке, где он может выполнять роль исходной абстракции» [4]. Актуальная сегодня в науке проблема темной энергии, открытая в астрономии, позволяет считать, что она также связана с энергией вакуума.

Свойства материи определяются свойствами вакуумных структур. Небольшие изменения в структуре вакуума могут привести к радикальному изменению свойств мира. Параметры вакуумных структур жестко связаны и зафиксированы для видимой Вселенной. Эти вакуумные структуры самоорганизуются, что и позволяет существовать во Вселенной макроскопическим структурам. Изучение проблемы природы приводит нас к постановке проблемы о самоорганизации вакуума. Здесь важными являются следующие ключевые слова – вакуум и самоорганизация.

В космологических вопросах, описывающих эволюцию Вселенной, важное значение имеет проблема рождения пар частиц из вакуума. В таких состояниях вакуум способен порождать не только частицы, но и миры. При этом самопроизвольные флуктуации вакуума рождают вселенные с разным набором фундаментальных постоянных. Вакуум фермионов и вакуум бозонов имеют разные знаки энергии, и они в принципе могли бы полностью погасить друг друга. В природе существует строгая симметрия между бозонами и фермионами, она названа суперсимметрией. В итоге получилась нулевая суммарная плотность космического вакуума всех полей. Такая симметрия может быть и слабо нарушенной. При этом компенсация энергий не обязательно будет полной.

Внутренняя структура вакуумных подсистем обусловлена спонтанными деформациями геометрических характеристик искривленного и расслоенного пространства-времени. Стандартная модель, воплощающая новейшие представления о вакууме и элементарных частицах в строгой математической форме, является общепризнанным достижением естествознания XX века.

Мы имеем теорию, объясняющую большинство известных экспериментальных фактов в физике микромира. Логика стандартной модели сама указывает на собственную неполноту. Существует общая теория, основанная на еще более глубоких представлениях о физическом вакууме как о сложно структурированной динамической системе. Философский анализ законов динамической эволюции вакуума приводят к формированию и становлению теоретических парадигм, имеющих не только общенаучный характер. Научная философия необходима тогда, когда у науки возникает потребность в использовании философских идей для решения своих конкретных проблем и задач, для формирования целостного системного научно и философски обоснованного мировоззрения. Будучи метаязыком по отношению к науке, философия способствует обнаружению и последующему использованию фундаментальных принципов, универсальных для всех процессов мироздания.

Научная картина мира, оперирующая понятиями *вещество*, *поля* (электромагнитное, гравитационное и т.д.), сменяется вакуумной картиной, которая исходит из представлений, что вакуум универсален. Он является первоматерией. Вещество и поля связуются следствиями на его поверхности. Вакуум определяет фундаментальные свойства остальных объектов. Поля и константы фундаментальных взаимодействий обязаны своим происхождением одному фундаментальному взаимодействию – суперсиле, как проявлению единой созидающей среды, из которой возникают поля и частицы.

По некоторым современным научным данным физический вакуум имеет сложную структуру самоорганизации, обладающую уникальными свойствами. Сегодняшняя научная картина мира показывает, что физический вакуум способен так реагировать на изменяющиеся условия, чтобы путем локальных преобразований собственной структуры сохранять глобальную устойчивость в масштабах Вселенной. Он обеспечивает свою дальнейшую эволюцию путем образования новых структур как в себе самом, так и в веществе. Понятие самоорганизации как характеристики эволюционного процесса в действительности является недостаточным для описания сложнейших явлений, происходящих во Вселенной.

Существуют различия между основными объектами изучения в физике XX и XXI веков. В XX веке наука в основном занималась познанием структуры вещества, существующего и эволюционирующего в пространстве-времени с фиксированной геометрией на фоне вакуума с простыми заданными свойствами. Фундаментальная физика XXI века начала изучать сложные динамические законы структуры самого физического вакуума. Эта парадигма требует переосмысления в каждой конкретной науке всего накопленного веками запаса знаний с точки зрения свойств физического вакуума.

Как объект исследований физический вакуум по своей сложности и многообразию свойств не уступает субъекту исследований – человеку. «Физический вакуум как бы становится фундаментальной основой «Великого объединения» всех видов взаимодействий в единую теорию поля» [5]. Изучая природу пустоты, мы приходим к постановке проблемы о самоорганизации самого вакуума. Для фундаментальной физики па рубеже XX–XXI веков важным является рассмотрение проблем, связанных с вакуумом и самоорганизацией. Установление категории вакуума как объекта со сложной иерархической внутренней структурой произошло в результате синтеза геометрической и квантовой парадигм физики XX в., а самоорганизация проявляется как внутреннее свойство физического вакуума, которое физикам и предстоит исследовать в XXI веке. Структуры физического вакуума являются первоосновой, которая определяет фундаментальные свойства всего нашего мира в целом.

Литература

1. Верешков Г. М., Минасян Л.А., Саченко В.П. Физический вакуум как исходная абстракция // Философские науки. 1990. № 7. – С. 20–29.
2. Дирак П.А. Принципы квантовой механики. – М., 1979. – С. 275.

3. Ланцев И.В. Предпосылки создания ноосферно-ориентированной вакуумной научной картины мира // Философия и космология. – В. Новгород, 2012. – С. 107.
4. Ботвинник В. Проблема физического вакуума в современной физике и космологии. – URL: https://my.mail.ru/community/astronomium/1B2ABF12AEF9FB58.html
5. Раджабов О.Р. Философия физической картины мира. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. – С. 254.
6. Хокинг, Стивен. Краткие ответы на большие вопросы / пер. с анг. П.С. Бавина. – 2-е изд. – М., 2023. – С. 80.
7. Ровинский Р.Е. Мировоззренческие проблемы физической науки, исследуемые XXI веком // Вопросы философии. 2008. № 3. – С. 130.
8. Гивишвили Г.В. Темная энергия и «сверхсильный» антропный принцип // Вопросы философии. 2008. № 5. – С. 75.

THE ESSENCE OF COGNITION OF VACUUM IN SCIENTIFIC PICTURES OF THE WORLD

Radjabov O.R., Huseykhanov M.K., Pashtaev B.D.
DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, DSU

The article clarifies the nature of the vacuum in the scientific worldview. Modern reality shows the infinite cognitive value of the brilliant ideas of great world scientists for the development of science, new discoveries and for clarifying the origin of the Universe and the inexhaustibility of the microcosm, as well as philosophical worldview. The problem of understanding the physical vacuum is an object of study in modern physics and philosophy, since the vacuum is a kind of synthesis and fundamental basis for the evolution and development of many different worlds, including our Universe.

Keywords: physical vacuum, matter, quantum theory, Universe, self-organization, space.

References

1. Vereshkov G. M., Minasyan L.A., Savchenko V.P. Physical vacuum as an initial abstraction // Philosophical Sciences. 1990. No. 7. pp. 20–29.
2. Dirac P.A. Principles of quantum mechanics. Moscow, 1979. pp. 275.
3. Lantsev I.V. Prerequisites for creating a noospheric-oriented vacuum scientific picture of the world // Philosophy and Cosmology. – V. Novgorod, 2012. – p. 107.
4. Botvinnik V. The problem of the physical vacuum in modern physics and cosmology / https://my.mail.ru/community/astronomium/1B2ABF12AEF9FB58.html
5. Radjabov O.R. Philosophy of the physical picture of the world. – Moscow: Canon+ ROOI “Rehabilitation”, 2016. – p. 254.
6. Hawking, Stephen. Short answers to big questions / translated from English by P.S. Bavin. – 2nd ed. – Moscow, 2023. – p. 80.
7. Rovinsky R.E. Philosophical problems of physical science inherited by the XXI century // Voprosy filosofii. 2008. No. 3. – P. 130.
8. Givishvili G.V. Dark energy and the “super-strong” anthropic principle // Questions of Philosophy. 2008. No. 5. – P. 75.

Эволюция экологических политических движений в ЕС: аспекты радикализации идеологии энвайронментализма

Каратуева Елена Николаевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета; докторант кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: e_karatueva@mail.ru

В статье исследуются современные тенденции развития экологического радикализма в европейских странах, анализируются его идеологические основы, формы проявления и политическая инструментализация. Автор прослеживает эволюцию экологического движения с 1960-х годов, когда оно формировалось под влиянием двух ключевых факторов: глубинной экологии с ее акцентом на трансформации человеческого мировоззрения, а также левых идей и социального протеста. Современные проявления экологического радикализма включают как протестные акции климатических активистов, так и националистическую экоповестку правых партий. Особое внимание уделяется идеологическому разделению энвайронментализма на левый (антикапиталистический, ориентированный на социальную справедливость и системные изменения) и правый (консервативный, акцентирующий защиту биоразнообразия и национальных природных ресурсов). Исследование демонстрирует, что современный экологический радикализм в Европе отличается высокой степенью политизации, сочетая элементы различных идеологий и адаптируясь к локальным контекстам. Делается вывод о том, что экоповестка все чаще становится инструментом политической борьбы, теряя первоначальную философскую и природоохранную направленность.

Ключевые слова: экологический радикализм, энвайронментализм, зеленый национализм, климатический активизм, экоперформанс, левые и правые экодвижения, европейские страны.

Введение

Рост экологического сознания, произошедший в 1960-е годы, затронул как индивидуальное, так и социальное пространство. Экологическое сознание и сопровождающие его концептуальные инструменты нашли свое выражение в формирующейся системе знаний, взглядов, образов и представлений об окружающей среде и отношении к ней человека. Катализатором развития идеи энвайронментализма в 1970-е годы стало появление множества контркультурных организаций и общественных движений, которые в условиях радикальной критики индустриального общества, ответственного за нарастающий экологический кризис, с ощущением угрозы экологической катастрофы и страха за естественные основы общественной жизни, приняли и развили проэкологические идеи [7]. Первые радикальные экологические выступления были порождены именно социальными протестами в Западной Европе и США (события в Париже 1968 года, фестиваль Вудсток, борьба за права женщин, против войны во Вьетнаме и др.). Социальный радикализм неизбежно привел к радикализму экологическому, с сохранением всех основных постулатов левого экстремизма. Многочисленные яркие протестные акции способствовали формированию экологического сознания в обществе. Экологические движения противопоставляли себя властным структурам как «субъектам антиэкологической деятельности».

В 1980-е годы экологические проблемы стали предметом обсуждения не только научных, но и общественных дискуссий. В Западной Европе стали появляться политические партии «зеленых». Возникали многочисленные природоохранные организации, которые демонстрировали достаточно жесткую позицию по отношению к правительственным решениям в отношении охраны окружающей среды. В целом, 1980-е годы можно считать периодом стойкого противостояния «зеленых» активистов и государства. С середины 1980-х гг. можно было констатировать сближение энвайронментализма и национализма в СССР и странах Восточной Европы, что придало экозащитному движению новый вектор развития. На современном этапе общественного развития энвайронментализм демонстрирует различные проявления в зависимости от политических контекстов, что делает его изучение особенно актуальным.

Обзор исследований

Экологический радикализм в европейских странах

Современные исследования экологической мобилизации в основном сосредоточены на анализе возникновения партий «зеленых» и их влияния на трансформацию партийных систем [5]. С точки зрения изучения протестной активности интерес представляют как классические работы, посвященные антиядерным протестам [19], так и более современные исследования, анализирующие мобилизацию движений, связанных с изменением климата, таких как «Пятницы ради будущего» (Fridays for Future) или «Восстание против вымирания» (Extinction Rebellion) [2, 10]. В то же время литература, посвященная социальным движениям, фокусируется на отдельных проблемах

или ключевых акторах протестной активности в конкретные периоды времени. Таким образом, остается значительный пробел в сравнительных исследованиях, которые могли бы отразить и объяснить современную динамику экологических протестов в различных контекстах.

Экологическое движение часто рассматривается как типичный пример мобилизации новых социальных движений, возникших после 1968 года [14]. Партии «зеленых», как институционализированная форма этих движений, укоренились в партийных системах многих стран Северо-Западной Европы. Фактически, новые социальные движения стали основными организаторами протестов в Северо-Западной Европе, а экологические акции стали одной из наиболее распространенных форм протестной активности [12]. Большинством исследователей экологические конфликты понимаются, в основном, как социальные конфликты по поводу окружающей среды, которые проявляются в виде мобилизации отдельных лиц или групп в ответ на предполагаемые экологические угрозы с пагубными социальными последствиями.

Но на современном этапе развития общества, в связи с растущим количеством мигрантов в Западной Европе, усиливаются влияние правых политических сил, причем часто через национальные аспекты экологической политики. Напряженность между этими группами приводит к внутренним расколам в гражданском обществе [6]. Наряду с проблемами социальной справедливости возникают проблемы национальной идентичности, культурной самобытности и защиты национальных природных ресурсов.

Современные исследования пересечений между национализмом и экологической политикой в точности иллюстрируют, насколько разнообразны реальные примеры такого явления как зеленый национализм [3]. Например, на сегодняшний день большинство исследований зеленого национализма в странах Европы варьируются от рассмотрении субнациональных автономистских процессов [9] до изучения специфики этнонационалистических движений [17]. Тем не менее, ряд исследований сосредоточен на том, как зеленый национализм может быть использован для создания позитивного представления о национальном самосознании как о защите окружающей среды и объединении перед лицом глобальных климатических угроз [18].

Методы исследования

Методологическая основа исследования включает комплексный подход. Исторический анализ был использован для исследования эволюции экологического движения с 1960-х годов по настоящее время. Сравнительный анализ развития проявлений энвайронментализма в различных исторических и политических контекстах позволил выделить основные критерии его идеологических направлений, а также специфику проявления экозащитной деятельности в странах с активной иммиграционной и региональной политикой. С помощью дискурсивного анализа было проведено изучение риторики лидеров политических партий, экологических организаций и движений. Контент-анализ научной литературы и публикаций в СМИ способствовал выявлению основных тенденций развития экологического радикализма в европейских странах.

Результаты исследования

В ходе исследования были выявлены специфические особенности экозащитного движения в европейских странах, основанные на различных идеологических основах, заявляемых целях и способах проявления.

Правые энвайронменталисты противопоставляют локальную, то есть крайне ограниченную охрану природы глобальной защите климата. Исторически сложилось так, что охрана окружающей среды была идеологией правых, основанной на принципе «сохранять». Правый энвайронментализм основан на постулатах глубинной экологии, которая акцентирует внимание на сохранении природного разнообразия и дикой природы, но с позиций изменения мировоззрения человека по отношению к окружающей среде и минимального вмешательства в социально-политические структуры.

Критерии правого энвайронментализма:

1. *Фокус на изменении мировоззрения.* Главной целью экозащитников, придерживающихся правых идеологий, является преобразование человеческого мировоззрения, а не реформирование социальных или экономических систем.
2. *Экозащита и биоразнообразие.* Экозащитники настаивают на важности защиты дикой природы и биологического разнообразия.
3. *Сопротивление политизации.* Движение избегает увязывания экологической повестки с вопросами социальной справедливости, антиимпериализма или прав трудящихся.
4. *Радикальные методы.* Некоторые организации предлагают использование крайних мер, таких как контроль миграции.
5. *Скептицизм к индустриализации.* Представители движения критикуют индустриальную систему, но без радикального требования ее полного уничтожения, как у левых анархистов.
6. *Этнический и культурный аспект.* Организации подобного толка иногда используют элементы националистической риторики, такие как защита национальной идентичности и культурных ценностей, что вызывает опасения из-за возможной ксенофобии.

Левый энвайронментализм можно определить как социально-политическое движение, которое соединяет заботу об окружающей среде с критикой капитализма, глобализации, иерархических структур власти и социальной несправедливости. Он направлен на достижение социальной справедливости, защиты природы и ликвидации угнетения, связанного с современными экономическими системами.

Среди основных критериев левого энвайронментализма можно выделить следующие:

1. *Антикапиталистическая ориентация.* В рамках движения капитализм критикуется как основная причина экологического кризиса. Ключевыми виновниками экологических проблем считаются транснациональные корпорации, эксплуатирующие природные ресурсы ради прибыли и потребления. Главный тезис движения заключается в том, что экологические проблемы нельзя решить без коренной перестройки экономической и политической систем. Человек и природа связаны, а проблемы экологии вызваны социальными структурами, а не самим существованием человечества.
2. *Социальная справедливость*. Экозащитная деятельность сочетается с феминизмом, антирасизмом, борьбой за права меньшинств и трудящихся. Одно из главных утверждений движения заключается в том, что экологическая справедливость невозможна без социальной справедливости.
3. *Прямое действие*. В качестве одного из способов борьбы с разрушением природы используется тактика прямого действия, включающая саботаж, поджоги, блокировки дорог.

4. *Антиглобалистская риторика.* Движение противостоит неолиберальной глобализации, которая приводит к деградации окружающей среды.
5. *Децентрализация*. Для экорадикалов левой направленности характерна децентрализованная организация без лидера, свойственная анархистским структурам.

Следует отметить, что деление на правых и левых энвайронменталистов не является строго дифференцированным, поскольку в обоих направлениях можно выделить черты разных идеологических направленностей, но оно помогает различать основные подходы и идеологические направления в экологической повестке. Современное экологическое движение с 1960-х годов демонстрировало разный характер идеологической направленности: с одной стороны, ряд зеленых анархистских групп, выступающих за децентрализованную концепцию социализма; с другой стороны, экозащитники-консерваторы, отстаивающие идею изменения мировоззрения человек-природа, «сохранения земель» и биоцентризма [13].

Обсуждение результатов

Повышение внимания к глобальным экологическим проблемам приводит к созданию новых левых радикальных экологических движений, которые наравне с экозащитными требованиями продвигают идеи социальной справедливости и критикуют капиталистическую систему за создание экологических кризисов. Но проблемы сохранения и защиты окружающей все чаще используются ими в популистских программах, обесценивая принципы энвайронментализма. Так, по мнению экоактивистки Греты Тунберг мир спасут только радикальные изменения в экономической системе, и прекращение всех инвестиций в разведку и добычу ископаемого топлива. Но личный образ жизни и активистское поведение Греты Тунберг часто вызывают споры. Например, ее трансатлантическое путешествие под парусом на саммит ООН по борьбе с изменением климата 2019 года в Нью-Йорке было лишь частично воспринято СМИ как экологически выгодная замена авиаперелетам. Оно также вызвало негативную реакцию и критические комментарии, поскольку были оспорены выбросы углекислого газа во время ее путешествия под парусом. С теоретической точки зрения, этот несколько странный пример указывает на важное различие между реальной защитой окружающей среды и подобным экоактивизмом в их концептуализации обоснований и формировании соответствующих поведенческих привычек. Гретта Тунберг больше оказывала эмоциональное воздействие на общество, производя специфический «эффект Гретты», возводивший ее на уровень «экозащитной иконы» в гипертрофированной борьбе с мировым империализмом.

Наибольший интерес с точки зрения развития левого энвайронметализма в Западной Европе представляют экстравагантные действия в виде перфоманса, в основном, в отношении объектов искусства. Представители подобного экозащитного направления таким образом подчеркивают ничтожность высокого мира культуры по сравнению с вредом для человечества и окружающей среды, наносимым чрезмерным потреблением и истощением природных ресурсов. Чаще всего они представляют собой неиерархические коалиции организаторов, ученых, юристов и бывших работников нефтяной промышленности, которые действуют автономными блоками без официального руководства. Такие движения, как Just Stop Oil, Dernière Rénovation и Letzte Generation требуют не только отказаться от использования ископаемого топлива и переходить на возобновляемые источники энергии, но и выступают за социальную справедливость, демократию и глобальную ответственность за изменение климата. Но их финансирование вызывает критику, так как некоторые спонсоры связаны с крупным бизнесом, что противоречит антикапиталистической риторике движений. Так, с марта по август 2023 года группа Just Stop Oil получила 51% своего финансирования от благотворительных фондов, 21% – за счет частных пожертвований, 16% – от производителя экологически чистой энергии Дейла Винса, 10% – от голливудского режиссера Адама Маккея и 2% – от Чрезвычайного климатического фонда (Climate Emergency Fund**)**, созданного на средства Эйлин Гетти, внучки нефтяного магната Дж. Пола Гетти [16]. Такая структура финансирования отражает пересечение экологического активизма и глобальных экономических интересов, где даже экологические движения должны ориентироваться на сложные отношения с традиционными отраслями и состоятельными спонсорами. Подобное финансовое обеспечение может оказывать влияние на деятельность, приоритеты и стратегии группы, одновременно порождая обсуждения о возможном конфликте между антинефтяным активизмом и финансовой поддержкой от лиц или организаций, связанных с капиталистической системой потребления.

В последнее время в европейских странах проявления экозащитной повестки имеет свою специфику, связанную с антиглобализационными кампаниями, проявлениями национализма в отношении мигрантов и стремлением к автономизации в странах с развитой региональной политикой. Создание в 2014 году французским Национальным фронтом (ныне Национальное объединение) движения «Новая экология» было осуждено защитниками окружающей среды как оппортунистическое и непоследовательное. Движение продвигает «патриотическую» экологическую повестку, выступая против международных климатических переговоров и поддерживая ядерную энергетику Франции как символ национального суверенитета. Ранее Национальный фронт привлекал внимание к проблеме жестокого обращения с животными при производстве халяльного и кошерного мяса, что использовалось в риторике против мигрантов. Несмотря на это, партия демонстрировала противоречивую позицию: депутаты поддерживали ограничения на добычу сланцевого газа, хотя ранее голосовали против введения моратория на эту практику [11]. Проект «Новая экология» был презентован как попытка интегрировать экологическую риторику в правую политическую платформу. На практике же эта инициатива была воспринята многими экологами как попытка привлечь избирателей, обеспокоенных климатическими изменениями, но не готовых поддерживать традиционно «левые» зеленые партии. «Новая экология», инициированная Марин Ле Пен, представляет собой пример ультраправого подхода к экологической политике, сочетающего национализм с экологическими лозунгами. Однако ее позиции вызывают серьезные сомнения из-за противоречивости, оппортунистической природы и акцента на националистической риторике, что ставит под вопрос ее реальный вклад в решение экологических проблем.

Запуск проекта «Новая экология» в Швейцарии стал продолжением нашумевшей, хотя и неудачной кампании швейцарских «эко-националистов» по ограничению уровня иммиграции до 0,2% от постоянного населения страны. Эта инициатива стала вторым за девять месяцев антииммиграционным референдумом в Швейцарии. Первое голосование, проведенное в феврале 2014 года, было инициировано правой популистской Швейцарской народной партией (SVP) под руководством Кристофа Блохера и завершилось минимальной победой сторонников введения квот на граждан ЕС [8]. Это решение вызвало

шок в Европе, подорвав основы свободы передвижения в рамках двусторонних соглашений с ЕС. Основная идея зеленых националистов заключалась в защите природных ресурсов Швейцарии от угроз, которые, по их мнению, создает неконтролируемая иммиграция. Они утверждали, что приток мигрантов ведет к урбанизации, увеличению антропогенной нагрузки на природу и снижению качества жизни местного населения. Их риторика строилась на призывах к сохранению «национального экологического наследия», подчеркивая необходимость защиты лесов, горных ландшафтов и сельских территорий как культурных символов швейцарской идентичности.

Примеры Швейцарии и Франции демонстрируют, что такие движения используют экологические аргументы для оправдания изоляционизма и антииммиграционных инициатив. Использование экологической риторики в рамках националистической повестки характерно для многих правых партий в Европе [15]. Однако их позиция вызывает многочисленные вопросы: насколько искренними являются их экологические убеждения и не становятся ли они инструментом политических манипуляций? Эти дебаты продолжаются, отражая сложность современного экологического и политического дискурса.

В европейских странах с развитой региональной политикой экозащитная проблематика сочетается со стремлением к сепаратизму или автономизации. В Великобритании зеленая повестка приобретает особое значение в контексте стремлений к независимости национальных регионов, таких как Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия. Националисты сочетают экологические цели с идеями национального самоуправления, при котором сохранение окружающей среды становится частью культурной и политической программы регионов, стремящихся к большей независимости. Так, Шотландская национальная партия (SNP) активно поддерживает экологическую политику, включая сокращение выбросов углекислого газа, развитие возобновляемых источников энергии и защиту природных объектов, таких как Северное море [4]. Шотландия стремится к полной декарбонизации и созданию «зеленой» экономики, что рассматривается не только как шаг к устойчивости, но и как способ укрепления автономии и создания самодостаточной экономики. Для многих сторонников независимости экологические цели символизируют отход от политики Великобритании и приверженность более прогрессивному подходу [20]. Политические партии и движения Уэльса, такие как Партия Уэльса (Plaid Cymru), поддерживают экологические инициативы и связывают их с усилением местного самоуправления и культурной идентичностью [17]. Внимание уделяется восстановлению местных природных ресурсов, защите биологического разнообразия и возрождению валлийского языка и культуры. Партия зеленых Северной Ирландии (Green Party Northern Ireland) активно продвигает экологическую повестку, выступая за устойчивое развитие, защиту окружающей среды и социальную справедливость. Партия поддерживает сотрудничество с другими зелеными партиями Великобритании и Ирландии, подчеркивая свою приверженность к межрегиональному взаимодействию в экологических вопросах. В 2022 году партия «Шинн Фейн» (Sinn Fein), выступающая за объединение с Ирландией, впервые в истории победила на выборах в Северной Ирландии, что свидетельствует о росте националистических настроений, сочетающихся с экологическими инициативами [1]. Партия зеленых настаивает на необходимости создания зеленой экономики, которая учитывала бы специфику региона и позволяла бы Северной Ирландии развивать более независимую и устойчивую модель развития.

Заключение

Эволюция экологических организаций демонстрирует сложную траекторию изменений их идеологических основ. Изначально многие экологические движения возникали на основе консервативных и правых идей, сосредотачиваясь на сохранении природы как части культурного и национального наследия. Однако в ходе их развития и вливания в них радикальных активистов с левыми антикапиталистическими взглядами эти организации начали смещаться в сторону социальной справедливости и борьбы против капитализма и глобализации. На современном этапе развития экозащитного движения в европейских странах можно отметить, что произошла деградация энвайронментализма от организаций, следовавших философии глубинной и социальной экологии, к современному экоперфомансу, который зачастую фокусируется на краткосрочных, эмоциональных акциях, лишенных глубокого философского контекста и социального анализа. Кроме того, в Европе экологическая повестка часто используется правопопулистскими движениями для укрепления антиглобализационной и антииммигрантской риторики. В странах с развитой региональной политикой экологические вопросы связаны с движениями за автономию или независимость. Природа и ресурсы региона становятся важным элементом национальной идентичности, а борьба за экологическую устойчивость – частью движения за самоопределение.

Таким образом, на основании проведенного анализа направлений развития энвайронментализма в европейских странах, следует, что экологическая проблематика может стать значимым политическим инструментом, используемым как левыми, так и правыми политическими движениями. В реальности экологические позиции часто выходят за рамки традиционных политических категорий, сочетая элементы разных идеологий в зависимости от конкретных обстоятельств, целей и исторического контекста.

Литература

1. Ахтырко А. Националисты пришли к власти в Северной Ирландии. Распадется ли Великобритания. 2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/08/14830592.shtml (Дата обращения: 10.03.2025)
2. Ефимова А.А. Экоактивисты Just Stop Oil // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 2022. Том 2. С. 762–766.
3. Каратуева Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 4. С. 105–121.
4. Тюрин Е. А., Савинова Е.Н., Левочкина М.В. Этнополитический дизайн шотландского национализма в условиях трансформации традиционной государственности // PolitBook. 2024. № 4. С. 154–172.
5. Abou-Chadi T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // British Journal of Political Science. 2016. N 46(2). P. 417–436.
6. Borbáth E., Gessler T. Different worlds of contention? Protest in Northwestern, Southern and Eastern // ZBW – Leibniz Information Centre for Economics. 2020. Vol. 59(4). P. 910–935.

7. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: A context for exploring the series hazard model // Journal of Quantitative Criminology. 2013. P. 1–20.
8. Connolly K. From glum billionaires to eco-nationalists, anxious Swiss vote on tax and migration // The Guardian. 30 Nov. 2014. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/nov/30/switzerland-votes-on-tax-and-migration-billionaires-nationalists (дата обращения: 25.03.2025).
9. Conversi D., Hau M.F. Green nationalism. Climate action and environmentalism in left nationalist parties // Environmental Politics. 2021. N 30 (7). P. 1089–1110.
10. De Moor J., Marquardt J. Deciding whether it's too late: How climate activists coordinate alternative futures in a postapocalyptic present // Geoforum. 2023. Vol. 138. P. 103666.
11. Fu C. The populistisation of green politics and the greening of populism: an examination of environmental populism in Europe // International Journal of Anthropology and Ethnology. 2025. Vol 9, N1. URL: https://doi.org/10.1186/s41257–024–00124–4 (дата обращения: 23.03.2025).
12. Hutter S. Protesting economics and culture in Western Europe: new cleavages in left and right politics. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. URL: https://hdl.handle.net/1814/32311 (дата обращения: 20.03.2025).
13. Karatueva E. Right-wing and left-wing environmentalism: evolution and development trends // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2024. Vol. 3, No. 45. – P. 364–380.
14. Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J., Giugni M. New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis // Contemporary A Journal of Reviews. 1995. Vol. 26(3).
15. Lockwood M. Right-wing Populism and Environmental Policy in Europe // Environmental Politics. 2013. N 22(1). P. 37–55.
16. Moench M. Everything to Know About Climate Activist Group Just Stop Oil // Time. NOVEMBER 11, 2023. URL: https://time.com/6334072/just-stop-oil-climate-change-activist-group/ (дата обращения: 20.01.2025).
17. Nechaeva A.A. The National Party of Wales and the Transformation of Welshness: The Mechanism of Maintaining National Identity in the 20th Century // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. P. 109–116.
18. Posocco L., Watson I. Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? // Front Sociol. 2022. N7. P. 1–19. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9613958/ (дата обращения: 10.10.2024).
19. Rucht D. Campaigns, skirmishes and battles: anti-nuclear movements in the USA, France and West Germany // Industrial Crisis Quarterly. 1990. Vol 4, N 3. P. 193–222.
20. Smith A.D. Ethno-Symbolism and Nationalism: a Cultural Approach / A.D. Smith. NY: Routledge, 2009. 184 p.

EVOLUTION OF ENVIRONMENTAL POLITICAL MOVEMENTS IN THE EU: ASPECTS OF RADICALIZATION OF THE IDEOLOGY OF ENVIRONMENTALIS

Karatueva E.N.
St. Petersburg State Agrarian University, Financial University under the Government

The article examines current trends in the development of environmental radicalism in European countries, analyzes its ideological foundations, forms of manifestation, and political instrumentalization. The author traces the evolution of the environmental movement since the 1960s, when it was formed under the influence of two key factors: deep ecology with its emphasis on the transformation of human worldview, as well as leftist ideas and social protest. Current manifestations of environmental radicalism include both protest actions by climate activists and the nationalist environmental agenda of right-wing parties. Particular attention is paid to the ideological division of environmentalism into left (anti-capitalist, focused on social justice and systemic change) and right (conservative, emphasizing the protection of biodiversity and national natural resources). The study demonstrates that modern environmental radicalism in Europe is highly politicized, combining elements of various ideologies and adapting to local contexts. It is concluded that the environmental agenda is increasingly becoming an instrument of political struggle, losing its original philosophical and environmental focus.

Keywords: environmental radicalism, environmentalism, green nationalism, climate activism, eco-performance, left and right environmental movements, European countries.

References

1. Akhtyrko A. Nationalists came to power in Northern Ireland. Will Great Britain fall apart. 2022. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/08/14830592.shtml (Accessed: 10.03.2025)
2. Efimova A.A. Eco-activists Just Stop Oil // Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the V international scientific conference. St. Petersburg: St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 2022. Vol. 2. P. 762–766.
3. Karatueva E.N. Environmental protests and national identity in a multinational state: green nationalism in the USSR and modern Russia // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2024. Vol. 17, No. 4. P. 105–121.
4. Tyurin E. A., Savinova E.N., Levochkina M.V. Ethnopolitical design of Scottish nationalism in the context of the transformation of traditional statehood // PolitBook. 2024. No. 4. P. 154–172.
5. Abou-Chadi T. Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact // British Journal of Political Science. 2016. N 46(2). P. 417–436.
6. Borbáth E., Gessler T. Different worlds of contention? Protest in Northwestern, Southern and Eastern // ZBW – Leibniz Information Centre for Economics. 2020. Vol. 59(4). P. 910–935.
7. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: A context for exploring the series hazard model // Journal of Quantitative Criminology. 2013. P. 1–20.
8. Connolly K. From glum billionaires to eco-nationalists, anxious Swiss vote on tax and migration // The Guardian. 30 Nov. 2014. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/nov/30/switzerland-votes-on-tax-and-migration-billionaires-nationalists (accessed 25.03.2025).
9. Conversi D., Hau M.F. Green nationalism. Climate action and environmentalism in left nationalist parties // Environmental Politics. 2021. N 30 (7). R. 1089–1110.
10. De Moor J., Marquardt J. Deciding whether it's too late: How climate activists coordinate alternative futures in a postapocalyptic present // Geoforum. 2023. Vol. 138. P. 103666.
11. Fu C. The populistization of green politics and the greening of populism: an examination of environmental populism in Europe // International Journal of Anthropology and Ethnology. 2025. Vol 9, N1. URL: https://doi.org/10.1186/s41257–024–00124–4 (access date: 03/23/2025).
12. Hutter S. Protesting economics and culture in Western Europe: new cleavages in left and right politics. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. URL: https://hdl.handle.net/1814/32311 (access date: 03/20/2025).
13. Karatueva E. Right-wing and left-wing environmentalism: evolution and development trends // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2024. Vol. 3, No. 45. – P. 364–380.
14. Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J., Giugni M. New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis // Contemporary A Journal of Reviews. 1995. Vol. 26(3).
15. Lockwood M. Right-wing Populism and Environmental Policy in Europe // Environmental Politics. 2013. N 22(1). P. 37–55.
16. Moench M. Everything to Know About Climate Activist Group Just Stop Oil // Time. NOVEMBER 11, 2023. URL: https://time.

com/6334072/just-stop-oil-climate-change-activist-group/ (access date: 01/20/2025).
17. Nechaeva A.A. The National Party of Wales and the Transformation of Welshness: The Mechanism of Maintaining National Identity in the 20th Century // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. P. 109–116.
18. Posocco L., Watson I. Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? // Front Sociol. 2022. N7. P. 1–19. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9613958/ (accessed 10/10/2024).
19. Rucht D. Campaigns, skirmishes and battles: anti-nuclear movements in the USA, France and West Germany // Industrial Crisis Quarterly. 1990. Vol 4, N 3. P. 193–222.
20. Smith A.D. Ethno-Symbolism and Nationalism: a Cultural Approach / A.D. Smith. NY: Routledge, 2009. 184 p.

Обзор проектного управления в системе государственной (публичной) власти России: управление проектами, программами и портфелями проектов

Лонг Магнус Лео,
аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: magnus@oda-long.ru

Дорина Евгения Анатольевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: evgeniya.dorina@mail.ru

История внедрения и распространения практик проектного, программного и портфельного управления в системе государственной (публичной) власти Российской Федерации неразрывно связана с практиками декларации национальных целей развития и последующей их реализации в рамках национальных проектов (нацпроектов). Стандарты проектной деятельности, принятые в России на общегосударственном уровне, и проектные практики, перенесенные на уровень органов исполнительной власти, позволяют российской системе государственной (публичной) власти всесторонне внедрять изменения, нацеленные на достижение национальных целей развития и обеспечения технологического лидерства, ориентируя требуемые процессы государственного управления и аллоцируя необходимые ресурсы на получение ожидаемых результатов по государственным программам и подпрограммам, национальным, федеральным и ведомственным проектам и другим работам, с ними связанным. Расширение перечня применяемых проектных методик, инструментов и практик проектного, программного и портфельного управления, а также адаптация их к многоуровневости, сложности и многообразию элементов политической системы России позволят снижать риски и издержки портфелей и программ национального развития, реализуемых органами государственной власти и максимизировать их результативность. Развитие практик управления внедрением целевых для политической системы изменений открывает потенциал для распределения между акторами системы государственной (публичной) власти политического капитала, образуемого в ходе реализации национальных целей развития и элементов, необходимых для их достижения.

Ключевые слова: проекты, программы, портфели, стандарты управления проектами, программами и портфелями проектов в России, практики проектного управления, национальные цели развития, национальные проекты.

Введение

Вопросы проблем и перспектив внедрения проектного управления в органах государственной власти России активно исследуются с позиций экономических наук и общих теорий управления на протяжении 2010х – 2020х гг. Анализируются подходы к внедрению [1], в том числе исследуется опыт регионов во внедрении проектного управления [2, 3], систематизируется подход к оценке прогресса внедрения [4], изучаются проблемы внедрения [5], в том числе рассматривается кадровый аспект [6], анализируется экономический эффект и потенциал влияния на развитие регионов от проектного управления [7].

Внедрение и распространение проектного управления в органах власти Российской Федерации происходило в двух измерениях [3, 8, 9]:

– Де-факто в ходе инициации и реализации национальных проектов РФ, где можно выделить 3 ключевых периода, включающих в себя и период подготовки: 1. С начала 2000х гг. до 2016 г., четыре нацпроекта с 2006 г. с расширением перечня госпрограмм в 2010–2016 гг.; 2. С 2016 по 2024 гг., 13 нацпроектов с 2019 г. и 14 нацпроектов с 2021 г.; 3. С 2023 г. подготовка новых нацпроектов на период с 2025 до 2030 гг. и на перспективу до 2036 г. – 19 нацпроектов по состоянию на май 2024 г.(по данным сайта национальныепроекты.рф 20 нацпроектов по состоянию на начало 2025 г.).
– Де-юре в рамках утверждения и публикации нормативно-правовых актов, таких как, например, собранные на основе ГОСТ Р ИСО 9000 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» и по настоящее время действующие ГОСТы Р 54869–2011, ГОСТ Р 54871–2011 и ГОСТ Р 54870–2011, которые определяют стандарты проектного, программного и портфельного управления соответственно [10, 11, 12], а также официальные переводы международных стандартов ГОСТ Р ИСО 215002014 [13], заменённый на ГОСТ Р ИСО 21500–2023, вводящий общие нормы проектного управления [14], впервые введённый ГОСТ Р ИСО 21503–2023, являющийся переводом ISO 21503:2022 и устанавливающий стандарты управления программой [15], и устанавливающий стандарты управления портфелем проектов ГОСТ Р ИСО 215042016 [16].

Несложно заметить, что юридическое оформление нормы проектного управления в законодательстве Российской Федерации происходило в связке с международными нормами и стандартами проектного управления, интерпретация этой связи представлена на схеме 1, в особенности со стандартами Международной организации стандартизации (ISO, ИСО) и даже с привлечением некоммерческих организаций (например, АНО «Центр стандартизации управления проектами» и Ассоциация «Русский Регистр») и коммерческих организаций (например, ООО «Проектные практики») [14, 15] (рис. 1).

Рис. 1. Иерархия норм и стандартов проектного управления

В отношении фактического внедрения проектного управления в систему государственной власти важно заметить, что само внедрение на первом этапе осуществлялось скорее в рамках организации общего для системы государственного управления РФ целеполагания, которое трассировалось по иерархии целей от уровня концепций и стратегий развития, а также Указов Президента РФ через уровень министерств и ведомств с действующими там федеральными и ведомственными проектами и далее на места вплоть до региональных и муниципальных органов власти. То есть внедрялось не столько проектное управление как самостоятельная область знания или методология, а отдельные элементы (государственные и целевые федеральные программы, национальные, федеральные и ведомственные проекты). Все эти элементы оказывались перемешаны внутри сложно-иерархической системы государственного управления: программы оказывались под проектами, а портфели как термин на государственном уровне не вводились.

Знаменательным для второго периода стало издание Советом по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов Российской Федерации Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти Российской Федерации, утвержденных Распоряжением Министерства экономического развития РФ от 14 апреля 2014 года № 26Р-АУ. Методические рекомендации предложили глоссарий необходимых терминов проектного управления, в том числе определили понятия проектного и портфельного управления: под проектом предложено понимать «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального результата в условиях временных и ресурсных ограничений» а под «портфелем» – «совокупность проектов, объединенных в целях эффективного управления достижением целей органа исполнительной власти». Определение программы в Методических рекомендациях 2014 г. при этом не предлагается, хотя оно присутствовало, например, в ГОСТ Р 548712011 с двумя отличиями в определении программы от более нового ГОСТ Р ИСО 215032023: первое – не декларировалась прямо возможность вложенности одних программ внутри других программ на правах компонентов верхнеуровневых программ; второе – акцент был смещён с выгод на достижение общих целей и в условиях ограничений («факторов, влияющих на ход исполнения программ и/или возможность получения выгод»). В ГОСТ Р ИСО 215032023 программой считается «группа компонентов программы (проектов, программ или иных соответствующих работ), над которыми осуществляется скоординированное управление для получения выгод».

Методические рекомендации, с одной стороны, адаптировали понятия проектного управления к применению в органах государственной власти (образно выражаясь, «перевели их на государственный язык») предоставили органам государственной власти достаточную свободу действий и предусмотрели две модели внедрения изменений: преобладающе процессную с необходимыми точечными проектными активностями и преобладающе проектную с выстраиванием и поддержанием необходимого объёма операционных процессов [17]. Таким образом методически решалась дилемма операционного и проектного управления, неотъемлемо возникающая при столкновении деятельности, регулярно-повторяющейся и базирующейся на выстроенных процессах и существующих инструментах (практиках), и деятельности, стремящейся внедрять изменения. Наиболее наглядно интерпретирует содержание методических рекомендаций А.И. Васильев, демонстрируя полную цепочку иерархии целей, визуализируя систему управления внедрением изменений с предлагаемыми методическими рекомендациями уровнями управления и контроля и основными субъектами процессов управления проектами [1, с. 49–50].

Система проектного, программного и портфельного управления в системе государственной власти России

Во второй половине 2010х – начале 2020х гг. можно зафиксировать внедрение проектных практик в систему государственной власти РФ в силу регулярности и системности их применения и уже можно наблюдать складывание практик целеполагания в рамках процесса внедрения изменений, ставших типичными для политической системы РФ: Президент РФ утверждает своим указом цели развития, то есть в контексте проектного управления «заказывает внедрение (целевых) изменений», а затем уточняет их, формируя на «стратегическом», в терминах методических рекомендаций по внедрению проектного управления [1, 17], целевые показатели и задачи, характеризующие достижение национальных целей. Указ Президента РФ заранее подразумевает подготовку силами Правительства РФ блока национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, плана по достижению национальных целей развития и стратегии пространственного развития с последующим представлением на рассмотрение Совету при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам [18, с. 1–11]. Одновременно Президент РФ назначает органы, ответственные за разработку и обеспечение постоянного мониторинга показателей (эффективности) достижения национальных целей, целевых показателей и задач, – Администрацию Президента Российской Федерации совместно с Государственным Советом Российской Федерации [18, с. 12].

В терминах проектного, программного и портфельного управления Президент РФ становится в такой системе управления заказчиком и спонсором портфеля проектов и программ, делегировавшим функцию детализации целевых показателей, порядка оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ и мониторинга коллективным органам в своём подчинении (Администрации Президента и Государственному Совету) и назначившим ответственным за планирование

и последующую реализацию национальных проектов – Правительство Российской Федерации [18], которое становится в терминах портфельного управления коллективным органом руководства (управления) портфелем проектов (portfolio manager) [16], и высших должностных лиц и исполнительные органы субъектов РФ. Вероятнее всего, национальные проекты в такой конфигурации становятся программами проектов (группами взаимосвязанных проектов), причём по группам национальных проектов (программ) назначаются в терминах проектного управления кураторы из числа вице-премьеров, заместителей председателя Правительства Российской Федерации, а конкретные активности (проекты) внутри национальных проектов (программ) уже становятся объектами применения к ним непосредственно практик управления проектами.

Разумеется, в реальности модель может и скорее всего окажется значительно сложнее, чем предусматривается в базовых моделях большинства стандартов и методик проектного, программного и портфельного управления (например, ISO, PMI, AXELOS (PRINCE2, ITIL/ITSM, MSP, P3O), P2M). Наиболее вероятным сценарием усложнения модели является её многоуровневость, когда приземление конкретных ведомственных и федеральных проектов, входящих в национальные проекты (государственные программы и подпрограммы), потребует формирования на уровне министерств и ведомств отдельных портфелей проектов, далее декомпозируемых до программ и проектов уровня региональных или отраслевых отделений и представительств этих министерств и ведомств и далее по нисходящей.

Несколько вопреки сложившимся в историографии вопроса практикам определения рассматриваемой системы как системы проектного управления (СПУ) хочется отметить, что как сложность и многоуровневость самой системы управления органов государственной (публичной) власти РФ и системы их целеполагания, контроля и мониторинга достижения национальных целей развития, так и многообразие сущностей «объектов проектного управления» в терминах О.Н. Ильиной [19, с. 27–31], требуют классифицировать систему проектного управления скорее как систему проектного, программного и портфельного управления нежели как систему проектного управления, если только под ней (системой проектного управления) не подразумевается система проектного, программного и портфельного управления, название которой умышленно сокращается. Этой классификации способствует и введённый с 01.06.2024 в действие ГОСТ Р ИСО 21500–2023, демонстрирующий наглядно иерархичность, многоуровневость и многовариантность взаимосвязей между проектами, программами и портфелями внутри организации (см. Рисунок 2).

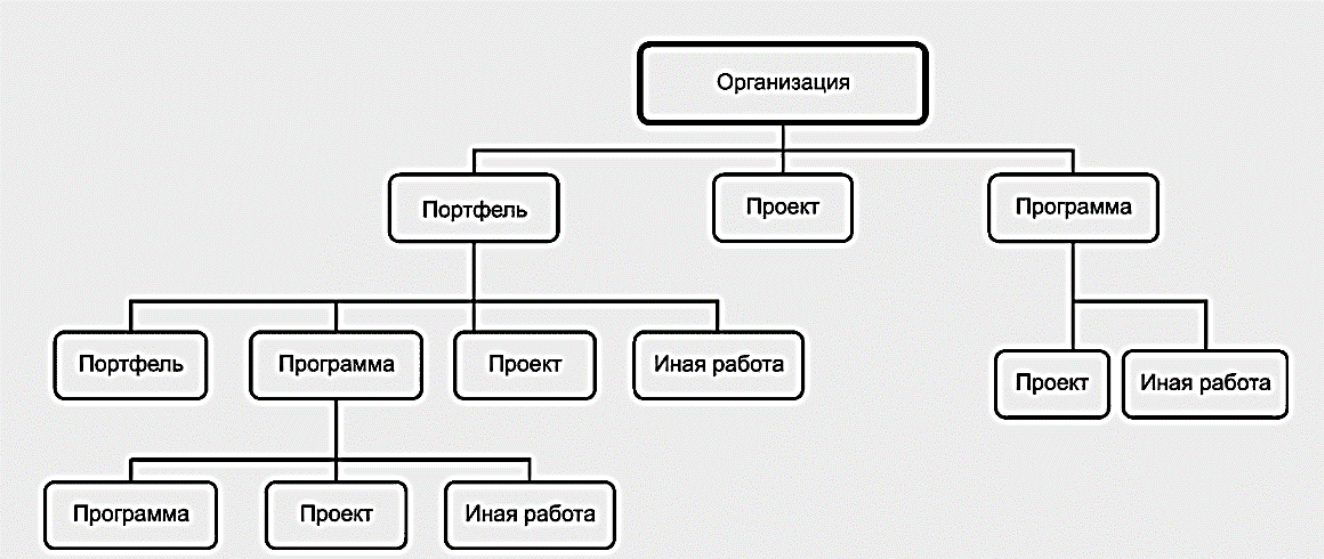

Рис. 2. Пример взаимосвязи между проектами, программами и портфелями проектов

Под иной работой (рис. 2), которую также называют в переводах «другими смежными мероприятиями», при этом может подразумеваться, но не называться как операционная (процессная) деятельность государственных органов, которая в контексте методических рекомендаций организуется в рамках «процессно-ориентированной системы управления» [17]. Сюда же может относится и продуктовое управление, предполагающее внедрение продуктовых циклов управления процессами и изменениями на основе продуктового бэклога и методов и практик работы с продуктами, а также использование достижений гибридных методик (agile), акцентирующих и ориентирующих процессы управления изменениями и процессами в продуктах на потенциальной или фактической целевой аудитории (пользователях) производимых или изменяемых продуктов, в случае с государством – гражданах и других категориях получателей (пользователей) государственных услуг. Может подразумеваться и совокупность активностей (работ), связанных с внедрением или совершенствованием системы проектного, программного и портфельного управления или отдельных методик и практик. В любом случае такая деятельность с позиций проектного, программного и портфельного управления будет рассматриваться либо как неотъемлемая часть процессов управления внедрением изменений для достижения целей (не включаемая при этом в состав или содержание никакого из элементов – портфеля, программы, проекта), либо как внешняя по отношению к портфелю, программе или проекту деятельность, кардинальным образом способная повлиять на результативность конкретных портфеля, программы или проекта (зависимость, потенциальный блокер).

На стыке между операционным, проектным и продуктовым управлением может находиться бережливое производство (lean production), в России представленное в соответствующих ГОСТ Р (ГОСТ Р 56020–2014 и связанных с ним), и менеджмент качества, представленный в России ГОСТ Р 52614.42016 и множеством связанных (смежных) ГОСТов. Аспекты этих отраслей управления также принимаются во внимание, влияют или включают-

ся в систему проектного, программного и портфельного управления наравне с другими стандартами и подходами.

Исследователи, уделяющие значительное внимание анализу преимуществ и проблем внедрения системы управления проектами [1, 2, 3, 5] и собственно достижений и проблем управления проектами [5, 6] в органах государственной власти России, несмотря на высокое качество и значительное число охватываемых аспектов управления, упускают из анализа системные аспекты, связанные с несовершенством применяемых в органах государственной власти России методик и практик. Но речь здесь идёт не об отдельных аспектах управления проектами, таких как унификация применяемой методологии [5], совершенствование кадрового обеспечения и проектных компетенций кадров [6] или обеспеченность информационными системами управления проектами и другими практиками, инструментами и методами проектного управления [4, 6], а скорее о выстраивании, формализации и универсализации общей системы управления проектами, программами и портфелями проектов в органах государственной власти РФ. То есть системного подхода к управлению программами и портфелями проектов на каждом из уровней публичной власти.

Одновременно роли, классические для внутриорганизационной структуры системы управления проектами, программами и портфелями проектов (такие как, например, заказчик, спонсор, руководитель проекта / программы / портфеля, заинтересованные стороны), распределяются между органами государственной (публичной) власти России и в отдельных случаях, особенно связанных с управлением ресурсами, бюджетами и эффективностью реализации (включая, но не ограничиваясь, мониторинг и контроль), делегируются одновременно более чем одному актору, то есть формируется распределённая или коллективная ответственность двух и более органов за одну зону ответственности (роль). Это повышает необходимость более явной, системной и всеобъемлющей проработки и декларации правил и принципов управления системой программ и проектов силами органов государственной (публичной) власти России, так как применение и попытки применить стандарты управления проектными, программами и портфелями проектов для организаций в масштабах политической системы неизбежно скажутся на эффективности реализации связанных с ними изменений и достижении целей и целевых показателей. Возможно, подошла бы модель управления глобальными проектами, программами и портфелями развития на базе целей устойчивого развития и применение практик Всемирного банка и организаций Системы ООН.

На текущий момент система общегосударственного целеполагания на примере указов Президента РФ уже отличается достаточно выраженным портфельным подходом [16], хотя и не удалось найти данных, подтверждающих, что сама система государственной власти рассматривает своё целеполагание как портфельное хоть на каком-то из уровней (хотя структура объектов управления это предполагает). Косвенно на «профильность» указывают в том числе, но не исключая других:

– наличие совокупности программ, под которыми понимаются национальные проекты, единые для них стратегические цели (национальные цели развития),
– объектная сложность, когда отдельные сущности внутри группируются дополнительно,
– взаимосвязанность или взаимозависимости элементов портфеля,
– единая логика (порядок) определения целевых показателей и задач, а также системы мониторинга и контроля их достижения,
– ожидание синергетического эффекта (обеспечение технологического лидерства, устойчивое экономическое и социальное развитие), достижение которого возможно только при условии реализации всей совокупности программ и проектов в составе портфеля.

Примечательна, хоть и неизвестно насколько осознанно применена, с точки зрения портфельного управления попытка митигирования рисков реализации портфеля – национальных целей развития – закладывание в сроках достижения целей оговорки «на перспективу 2036 г.», которая позволяет закрывать разные проекты и программы с разными сроками, включать в единую структуру управления проекты и программы с разной степенью зрелости на старте и которая в целом даёт большую гибкость при реализации и устойчивость к изменениям и влиянию возможных рисков. Возможно, этот шаг стал следствием опыта реализации национальных проектов второго периода.

Однако на текущий момент не столь очевидны и прозрачны следующие элементы системы управления проектами, программами и портфелями проектов в органах государственной (публичной) власти:

– методология реализации портфелей и программ проектов и собственно проектов на уровне политической системы;
– общегосударственные механизмы работы с возможностями и угрозами реализации национальных целей развития, определение уровней допустимых рисков портфелей, программ и проектов в составе национальных целей развития;
– принципы и порядок ресурсного обеспечения и ограничений, причём в контексте общего бюджетного управления вопросов значительно меньше, чем в вопросах работы с человеческим капиталом (кадровыми ресурсами) и проработки кадровых ограничений;
– распределение всех ролей, выполняемых (замещаемых) органами государственной (публичной) власти и проектных полномочий между ними распределённых;
– критерии выбора и определения приоритетов национальных целей развития и критериев их достижения (минимально необходимых и амбициозных) и механизмы балансировки проектов, программ и портфелей, призванных эти цели достигать (особенно актуально при численности национальных проектов (программ) свыше 15-ти);
– правила и механизмы обеспечения совместимости портфельных и программных преобразований, интеграции выгод, генерируемых портфелями и программами, с уже сложившейся и функционирующей системой государственной (публичной) власти России;
– методологии оценки, мониторинга и отчётности по эффективности достижения национальных целей развития и каждого отдельного элемента достижения этих целей, то есть элемента системы управления проектами, программами и портфелями проектов в органах государственной (публичной) власти.

Каждая из этих сфер управления портфелями и программами предусматривает работу с рисками, ведущими как к снижению общей эффективности достижения целей, так и к снижению эффективности каждого из элементов в составе. Обозначенные параметры не являются всеобъемлющими и базируются исключительно на стандартах, предъявляемых к портфельному управлению только ГОСТ Р ИСО 215042016.

Заключение

Контент-анализ, основанный на достижениях методологии проектного, программного и портфельного управле-

ния, позволяет явно выделить несколько отличительных критериев системы управления проектами, программами и портфелями проектов в органах государственной (публичной) власти России:

1. Относительно хаотичное использование в публичном пространстве и государственных нормативно-правовых актах терминов «программа» и «проект» при практически полном избегании термина «портфель проектов/программ» в условиях, когда сама структура элементов внедрения изменений, необходимых для достижения национальных целей развития, предполагает многоуровневую и сложносоставную систему управления проектами, программами и портфелями проектов.
2. Наличие определённых и принятых в нормативно-правовом обороте стандартов, методик и инструментов работы с портфелями, программами и проектами по отдельности и в рамках организаций или отдельных органов власти, но отсутствие системного и полноценного переложения «общей теории и методологии» проектного, программного и портфельного управления с учётом смежных сфер управления (продуктовое управление, бережливое производство, управление качеством и других) на политическую систему РФ во всём многообразии её элементов и множественности уровней, на которых могут реализовываться элементы внедрения изменений (проекты, программы, портфели).
3. Включение в систему управления проектами, программами и портфелями проектов неотъемлемых областей знания, доменов производительности или аспектов управления, предлагаемых множеством стандартом, методик и подходов (в том числе международных) и их покрытие конкретными документами, нормами, понятными и свойственными для политической системы РФ для минимизации рисков недостижения отдельных целевых показателей и максимизации эффективности реализации национальных целей развития. Также отсутствие на старте определённых и прозрачных механизмов и инструментов мониторинга, контроля и оперативной отчётности эффективности внедрения изменений, необходимых для достижения национальных целей развития и их целевых значений (в том числе инструментов автоматизированных систем управления проектами, программами и портфелями).
4. Ситуативное и точечное распределение проектных, программных и портфельных функций и ролей между органами государственной (публичной) власти, в том числе с кейсами задубливания функций и без очевидного и общего распределения типовых для проектов, программ и портфелей ролей и функций между существующими органами государственной власти, что может снижать прозрачность и прогнозируемость прогресса достижения целевых значений.
5. Совершенно очевидно, что национальные проекты в связке с системой национальных целей развития вне зависимости от того, как они воспринимаются политической системой (как программа или портфель проектов), выступают инструментами реализации воли ключевого актора политической системы РФ – Президента РФ. При этом имплементация, мониторинг и контроль реализации этой воли распределяются между органами государственной (публичной) власти России и опоясывают всю политическую систему России, что открывает вопрос и о распределении между ними политического капитала, образуемого в ходе реализации национальных целей развития и элементов, необходимых для их достижения, и об общей эффективности процессов управления проектами, программами и портфелями проектов/программ, инициированными для достижения национальных целей развития и обеспечения технологического лидерства, в системе государственной (публичной) власти Российской Федерации. Остаётся открытым и вопрос о влиянии недостижения или недостаточно эффективного достижения национальных целей развития на политический капитал и политическое влияние Президента и устойчивость политической системы в целом. Сам по себе этот дискурс открывает перспективы дополнительных более глубоких исследований политических аспектов системы управления проектами, программами и портфелями проектов в органах государственной (публичной) власти России.

Литература

1. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Государственное и муниципальное управление. 2016. № 4. С. 44–52.
2. Мещеряков И.С. Региональный проектный офис: подходы к организации, лучшие практики // Вестник СГСЭУ. 2019. № 3 (77). С. 135–138.
3. Мироненко Н.В., Холодов В.А., Балашов А.Н. Нормативно-методологические практики внедрения проектного управления в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Правовое государство. 2016. № 3 (22). С. 97–105.
4. Кулагина Н.А., Азаренко Н.Ю. Внедрение проектного управления и информационных технологий обеспечения проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти субъектов РФ // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 4 (43). С. 33–42.
5. Тагиров Э.Р. Проектное управление в органах государственной власти и бизнес-организациях: сравнительный анализ, основные проблемы и пути решения // Молодой учёный. 2023. № 5 (452). С. 200–202.
6. Тухватуллина М.А. Проблемы внедрения проектного управления в работу органов власти (кадровый аспект) // Проблемы управления. 2018. № 3. С. 69–72.
7. Семин А.Н. Территориальное развитие региона в условиях проектного управления и кластерной экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. С. 25–38.
8. История нацпроектов в России // Информационное агентство ТАСС. 11.02.20219. URL: https://tass.ru/info/6101471 (дата обращения: 01.03.2025).
9. Что известно о российских национальных проектах // Информационное агентство ТАСС. 29.02.2025. URL: https://tass.ru/info/20115357 (дата обращения: 01.03.2025).
10. ГОСТ Р 54869–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51696/ (дата обращения: 01.03.2025).
11. ГОСТ Р 54870–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51697/ (дата обращения: 01.03.2025).
12. ГОСТ Р 54871–2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению программой. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51698/ (дата обращения: 01.03.2025).

13. ГОСТ Р ИСО 215002014. Руководство по проектному менеджменту. URL: https://rags.ru/gosts/gost/59067/ (дата обращения: 01.03.2025).
14. ГОСТ Р ИСО 21500–2023. Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия. URL: https://rags.ru/gosts/gost/81582/ (дата обращения: 01.03.2025).
15. ГОСТ Р ИСО 21503–2023. Управление проектами, программами и портфелями проектов. Руководство по управлению программой. URL: https://rags.ru/gosts/gost/81614/ (дата обращения: 01.03.2025).
16. ГОСТ Р ИСО 215042016. Управление проектами, программами и портфелем проектов. Руководство по управлению портфелем проектов. URL: https://rags.ru/gosts/gost/63018/ (дата обращения: 01.03.2025).
17. Распоряжение Министерства экономического развития РФ от 14.04.2014 г. № 26Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minekonomrazvitija-rossii-ot-14042014-n-26r-au/ (дата обращения: 01.03.2025).
18. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 01.03.2025).
19. Ильина О.Н. Системный подход к управлению проектами в организации. Москва, 2012. URL: https://pm.hse.ru/ (дата обращения: 01.03.2025).

REVIEW OF PROJECT MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF STATE GOVERNANCE (PUBLIC ADMINISTRATION) OF RUSSIA: MANAGING PROJECTS, PROGRAMS, AND PROJECT PORTFOLIOS

Long M.L., Dorina E.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The history of the implementation and expansion of project, program, and portfolio management practices in the system of state (public) governance of the Russian Federation is inextricably linked with the practices of declaring national development goals and their subsequent implementation within the framework of national projects.
The project management activities adopted at the national level in Russia and the project practices implemented at the level of executive authorities enable the Russian system of state (public) governance to comprehensively implement changes aimed at achieving national development goals and ensuring technological leadership. These project management activities adopted and practices implemented would help to direct the necessary government management processes and allocate the required resources to achieve the expected results in state programs and subprograms, national, federal, and departmental projects, and other related activities.
The broadening of the scope of applied project methodologies, tools, and practices of project, program, and portfolio management, as well as their adaptation to the multilevel and multilayered structure, complexity, and diversity of the elements of Russia's political system, would support risk mitigation and cost optimization of national development portfolios and programs, which are implemented by government authorities, and maximize the overall efficiency and impact of those portfolios and programs implementation process.
The development of change management implementation practices and its orientation to the needed and expected changes in the political system would open up the potential for distributing or redistributing political capital and power among the actors of the state (public) governance system. This political capital and power are generated through the implementation of national development goals and the elements required for their achievement.

Keywords: projects, programs, portfolios, project, program, and portfolio management standards in Russia, application of project management practices in the state (public) governance system of the Russian Federation, national development goals, national projects.

References

1. Vasilyev A.I., Prokofiev S.E. Organization of Project Management in Public Administration // State and Municipal Administration. 2016. No. 4. P. 44–52.
2. Meshcheryakov I.S. Regional Project Office: Approaches to Organization, Best Practices // Bulletin of SGSEU. 2019. No. 3 (77). P. 135–138.
3. Mironenko N.V., Kholodov V.A., Balashov A.N. Normative-Methodological Practices for Implementing Project Management in Administrations of the Subjects of the Russian Federation // Legal State. 2016. No. 3 (22). P. 97–105.
4. Kulagina N.A., Azarenko N. Yu. Implementation of Project Management and Information Technologies for Project Activity Support in Administrations of the Subjects of the Russian Federation // Region: Systems, Economy, Management. 2018. No. 4 (43). P. 33–42.
5. Tagirov E.R. Project Management in Public Administration and Business Organizations: Comparative Analysis, Key Issues, and Solutions // Young Scientist. 2023. No. 5 (452). P. 200–202.
6. Tukhvatullina M.A. Problems of Implementing Project Management in Public Administration (Personnel Aspect) // Management Issues. 2018. No. 3. P. 69–72.
7. Semin A.N. Territorial Development of a Region under Project Management and Cluster Economy Conditions // ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice. 2019. P. 25–38.
8. History of National Projects in Russia // TASS Information Agency. 11.02.2021. URL: https://tass.ru/info/6101471 (accessed: 01.03.2025).
9. What is Known About Russian National Projects // TASS Information Agency. 29.02.2025. URL: https://tass.ru/info/20115357 (accessed: 01.03.2025).
10. GOST R 54869–2011. Project Management. Requirements for Project Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51696/ (accessed: 01.03.2025).
11. GOST R 54870–2011. Project Management. Requirements for Portfolio Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51697/ (accessed: 01.03.2025).
12. GOST R 54871–2011. Project Management. Requirements for Program Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/51698/ (accessed: 01.03.2025).
13. GOST R ISO 21500–2014. Guidance on Project Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/59067/ (accessed: 01.03.2025).
14. GOST R ISO 21500–2023. Project, Program, and Portfolio Management. Context and Key Concepts. URL: https://rags.ru/gosts/gost/81582/ (accessed: 01.03.2025).
15. GOST R ISO 21503–2023. Project, Program, and Portfolio Management. Guide to Program Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/81614/ (accessed: 01.03.2025).
16. GOST R ISO 21504–2016. Project, Program, and Portfolio Management. Guide to Portfolio Management. URL: https://rags.ru/gosts/gost/63018/ (accessed: 01.03.2025).
17. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 14.04.2014 No. 26R-AU "On the Approval of Methodological Recommendations for the Implementation of Project Management in Public Administration." URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minekonomrazvitija-rossii-ot-14042014-n-26r-au/ (accessed: 01.03.2025).
18. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and for the Future until 2036." URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (accessed: 01.03.2025).
19. Ilyina O.N. A Systematic Approach to Project Management in an Organization. Moscow, 2012. URL: https://pm.hse.ru/ (accessed: 01.03.2025).

Внешняя политика Турции на современном этапе

Медушевский Николай Андреевич,
доктор политических наук, проф. кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета; доцент Российского университета дружбы народов
E-mail: Lucky5659@yandex.ru

Бакович Васо Драгославович,
соискатель, кафедра современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: vasobakovi4@gmail.com

Статья посвящена внешней политики Турецкой республики на современном этапе, которая трактуется в как инструмент достижения внутриполитических целей национальной политики. Национальная внешняя политика рассматривается авторами в контексте внутриполитических вызовов и политической программы правящей партии и ее лидера Реджепа Эрдогана. Формированию векторов внешней политики Турции способствуют факторы напряжённости внутри страны, в числе которых волатильность национальной валюты, бюджетные дисбалансы, социальные вызовы и исторический этнический конфликт между турецким и курдским населением. Помимо этого, Турция зависит от поставок иностранных энергоносителей, необходимых для качественного развития экономики. Еще один важный комплекс вопросов связан с реализацией политики безопасности на национальном и региональном уровнях. Являясь членом НАТО, страна, тем не менее, реализует политику безопасности, которая не всегда согласуется с целями данной организации. Таковы, например, конфликтные отношения с Грецией и военные операции в Сирии. Отдельно, авторы статьи обращают внимание на глобальные цели турецкой политикой, реализуемые в русле идей пантюркизма и неоосманизма.

Ключевые слова: Турция, Эрдоган, внешняя политика, пантюркизм, НАТО, Турецкий поток.

Введение

Внешняя политика государства в значительной степени отражает внутриполитическую ситуацию, выраженную в потребностях общества в развитии и прогрессе. В тоже время, важным, а иногда и определяющим фактором внешней политики становятся амбиции политической элиты и конкретного лидера, которые через успехи в международных делах, стремятся повысить свой политический статус и привлечь симпатии населения. Турецкая республика не является исключением из данного порядка, и более того, в XXI веке стремится к расширению и укреплению своей политической роли в международных делах. В основе данной тенденции лежат многочисленные нерешенные вопросы внутригосударственной стабильности и развития, а также идеологическая платформа, включающая идеи «пантюркизма» и «неоосманизма» как основы расширения национального геополитического влияния.

В своем стремлении к расширению внешнеполитического влияния, Турция, на современном этапе, проводит комплексную политику, охватывая все геостратегические направления. В качестве доминирующих направлений, следует особо подчеркнуть фактор исторической связи Турции как Южной Европой, так и со странами Восточного средиземноморья, а также регионом Кавказа. В тоже время, трансформация мирового порядка побуждает Республику к углублению контактов и с более отдаленными партнерами, в т.ч. Россией и Китаем. Также, принципиальное значение в выстраивании национальной системы внешнего влияния играет и участие Турции в НАТО. Все эти направления в равной степени важны для современной турецкой политики, однако, подобное многовекторное сотрудничество часто ведет к пересечению и столкновению интересов крупных политических акторов, что побуждает Турцию выстраивать крайне гибкую, и во многом, противоречивую политику, по дистанцированию от прямого участия в крупных конфликтах, при активной защите расширяющихся национальных интересов.

Методология и историография

В основе методологии, применяемой в данной статье заложен структурно-функциональный подход, позволяющий рассмотреть взаимосвязь и зависимость различных направлений внешней политики Турецкой республики в комплексе, и в контексте влияния и детерминации со стороны внутренней государственной политики.

Историография проблемы представлена трудами как российских, так и зарубежных исследователей. В числе публикаций на русском языке следует отметить монографию И.И. Иванова «Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв.» [6], а также статьи Арляповой Е.С. и Пономаревой Е.Г.[1], Ходова Л.Г.[12], Фролова А.В. и Надеин-Раевского В.А.[11] и др. Зарубежная историография также многообразна, и представлена, в т.ч. статьями Каравели Х.[16], Кармон Э.[17], Кагаптай С.[15], Улгюл М.[21] и др. Характеризуя историографию по проблеме, следует отметить многообразие и несовпадение авторских точек зрения, что подтверждает актуальность и дискуссионность темы данной статьи.

Идеологическая платформа

В основе современной внешней политики Турции лежит идеологическая платформа «неоосманизма» и «пантюркизма», которая предполагает историческую предопределенность влияния Турции на бывшие территории Османской Империи, а также пространство, населенное тюркскими народами. В соответствии с данной парадигмой, Турция предпринимает комплексное влияние на данные территории и общества, включающее различные практики мягкой силы, направленные на укрепление сотрудничества и воссоздание исторических связей, в т.ч. на основе религиозной, культурной, языковой и иной общности. Результатом подобных действий становится доверие и готовность к сотрудничеству со стороны партнеров, позволяющее Турции участвовать в реализации крупных геоэкономических проектов. Так, например, Эрдоган стремится сделать свою страну газовым хабом для Европы и Ближнего Востока. Проекты вроде «Трансанатолийского газопровода», «Турецкого потока» и сложившаяся геополитическая ситуации вокруг России и санкций, наложенных на приобретение её газа, делают этот проект более чем реальным. Кроме того, Анкара вкладывается в развитие газовой инфраструктуры, газовые терминалы и хранилища. Также, турецкие компании ведут разведку газовых месторождений в Сомали, Ливии и у берегов Турецкой Республики Северный Кипр. Всё это, в совокупности с сохранением зависимости Европы от газа, создает потенциал для получения сверхприбыли и стабилизации национальной экономики. Сотрудничество Турции с Азербайджаном и странами Средней Азии еще больше расширяют транзитный потенциал, а основанием для сотрудничества, во многом выступает турецкая политика «пантюркизма» [1].

Также Турция, в контексте развития международного сотрудничества в 2010–2020-х гг. включилась в транспортные проекты «Один пояс – один путь» (проект Китая по транспортировки товаров из Азии в Европу), железнодорожный маршрут Баку-Тбилиси-Карс, а также Marmaray (подводный туннель под Босфором), и приняла участие в строительстве нового логистического маршрута Ирака. Это показывает, что у Турции есть амбиции стать логистическим хабом в регионе. Это подтверждает и создание в Стамбуле авиационного хаба. В августе 2024 года открылся аэропорт Чекурова, который находится близ одного из крупнейших портов Турции – порта города Мерсин. По данным за 9 месяцев 2024 года, транзитом через аэропорты Турции уже воспользовалось более 117 млн человек [4].

В рамках «неоосманизма» также можно отметить и экономическую экспансию Турции на Балканы. Эрдоган налаживает тесные связи с Сербией, Боснией и Герцеговиной, Албанией и Косово, инвестируя в строительство логистических маршрутов из ЕС в Турцию, банковский сектор этих стран и развитие рынка товаров турецкого производства (автомобили, текстиль, бытовая техника и т.д.) в регионе. В результате подобной «мягкой» внешней политики турецкое правительство с одной стороны демонстрирует населению страны свои успехи на мировой арене, апеллируя к исторической памяти и национальным амбициям населения, а с другой системно продвигает свои экономические интересы.

Ближневосточный вектор

Современные взаимоотношения с государствами Ближнего Востока, также имеют чёткие экономические и политические мотивы. Турция закупает нефть, помимо Азербайджана и России, также у Ирана и Ирака. Диверсификация закупок нефти у разных партнеров обусловлена потребностями перерабатывающей промышленности Турции. Большую часть нефтепродуктов, которую производит страна на своих НПЗ (за 2023 год производство оценивается в 36,5 миллионов тонн) она экспортирует. Так, за 2023 год страна заработала около 12,3 миллиардов долларов на продаже бензина, авиационного топлива, мазута и других нефтепродуктов. Основными покупателями стали США, страны ЕС и Африки.

Подобные достижения стали возможны благодаря серым схемам приобретения нефти в обход санкций США и ЕС [6]. Также турецкие нефтяные компании, не смотря на открытую неприязнь правительства Турции к «рабочей партии Курдистана» и большое количество военных операций в Сирии и Ираке против курдов, активно закупают нефть со скидкой у курдской автономии Ирака, в обход центрального правительства [18]. Российская нефть также поступает в Турцию с санкционной скидкой, составляющей от 12 до 25 долларов за баррель марки Urals [2].

На этом фоне, турецкая нефтяная промышленность увеличила производство нефтепродуктов и начала разработку проектов по строительству новых НПЗ и добывающих платформ, например, в Ливии.

Турция и исламский мир

Важным фактором внешней политики Турции происходящим из идеологии и программы партии Справедливости и развития является ислам. Так, на фоне палестино-израильского конфликта, начавшегося в октябре 2023 года, Реджеп Эрдоган, заняли резко антиизраильскую позицию поддерживая «братьев по вере». Риторика власти подкреплялась социальной агитацией и массовыми митингами. В тоже время, Турция продолжала торгово-экономические отношения с «сионистским режимом», продавая топливо из Азербайджана, овощи, текстиль и др. до начала 2024 г. Сразу после запрета экспорта, экспорт в такие страны, как Греция и ПНА (Палестинская национальная администрация) неожиданно вырос на 400% по сравнению с 2023 г.[17]. Из этого можно сделать вывод, что Турция четко разделяет идеологию и экономику, и фактически, транслирует систему двойных стандартов, извлекая прибыль под прикрытием формальных деклараций противоположного содержания.

Взаимоотношения Турции с Россией

Отношения Анкары с Москвой также выстраиваются под влиянием внутриполитических и экономических интересов. Так, к примеру, соглашение «Черноморская инициатива» было достигнуто в июле 2022 года на фоне блокировки Украинского морского транзита Россией. Предполагалось, что сделка позволяет экспортировать Украине зерно при посредничестве Турции и с одобрения Москвы, прежде в сего в развивающиеся страны, ждя недопущения голода и роста цен на зерно. Турция, как посредник в данной схеме получала заметную скидку [8], а само зерно осело преимущественно в 700 мукомольных заводах страны, на которые пришлось до 35% мирового экспорта муки.

В итоге, реализация зерновой сделки, в 2022 году принесла Турции 1 млрд долларов, а в 2023 – ещё 1.5 миллиарда [7].

Турция также сотрудничает с Москвой и в энергопроектах, например, по строительству АЭС «Аккую». Данный проект поможет снизить зависимость Турции от углеводородов, в том числе экспортируемых из стран региональных конкурентов (таких как Россия и Иран), тем самым убрав один из рычагов давления на Анкару. Проект АЭС реализуется по схеме *строительство-владение-эксплуатация,* это значит, что вся нагрузка по строительству и эксплуатации ложится на плечи России (22 млрд $), а Анкара по итогу подписанного договора сможет в те-

чение 15 лет закупать энергию по фиксированной цене ($0,12 за кВтч). Это даёт возможность Турции, при практически полном отсутствии вложений, обеспечить энергетическую безопасность и экономически стабильные тарифы по электроэнергии, хотя и ставит страну в зависимость от России в обслуживании станции.

После введения против России санкций в 2022 году, Турция стала ещё и важнейшим товарным хабом для санкционных товаров из Европы в Россию в рамках параллельного импорта. Связано это с тем, что Анкара не присоединилась к санкциям против Москвы, однако из-за опасений зеркальных санкций от Запада, Турция периодически демонстративно прерывает транзит [20].

В итоге можно констатировать, что Эрдоган манипулирует отношениями между Западом и Россией, демонстрируя полезность и поддержку обеим сторонам, отступая от договоренностей в случае угрозы коренным интересам Турции [13].

В русло данной изменчивой политики укладывается и желание Анкары вступить в партнерство БРИКС, обозначенное на саммите БРИКС в 2024 г. [5] что также нашло поддержку среди населения разочарованного в перспективах евроинтеграции [14].

Турция в НАТО

Отношения Турции и НАТО также носят спекулятивный характер. С точки зрения политических обязательств стран-членов (уважение прав и свобод человека, следование принципам демократии, верховенство закона)[16], Турция не соответствует статусу члена альянса так как демонстративно их нарушает. Процесс принятия в блок Финляндии и Швеции, выглядел, как явный торг между Эрдоганом и другими членами альянса. Кроме того, НАТО не поддерживало военную активность Турции в Сирии и Ираке, участие в Карабахском конфликте, и фактическую оккупацию Турцией Северного Кипра. Позиции Анкары и НАТО расходятся также в вопросе признания движений Хамас и Хезболла террористическими и в вопросе санкционной политики в отношении России.

В итоге, очевидно, что для Турции вопрос коллективной безопасности имеет второстепенное значение, однако, участие в блоке представляет для Анкары выраженный финансово-технологический интерес.

Технологии и участие в разработках вооружений совместно со странами НАТО являются одним из главных приоритетов национальной политики и за 23 года правления Реджеп Эрдоган сумел построить огромную и конкурентоспособную военную промышленность по стандартам НАТО. Заимствование технологий США и ЕС позволили, например, создать сверхзвуковую баллистическую ракету «TAYFUN», истребитель-бомбардировщика ANKA-3, обеспечить конкурентное развитие беспилотной авиации, военной техники и малых военных кораблей [9]. В ряде позиций, например беспилотной авиации, Анкара обошла даже мировых лидеров военной отрасли [3].

Также, участие в НАТО и развитая военная промышленность дают Турции право участвовать в тендерах на поставку вооружения в страны НАТО, что является еще одним источником пополнения бюджета. В 2023 году, экспорт оборонной и аэрокосмической промышленности принёс стране рекордный доход в 5,5 миллиардов долларов (что на 27% больше, чем годом ранее), а в 2024 году ожидаются поступления в размере 6 миллиардов долларов [19].

Заключение

Нынешний президентский срок Эрдогана сопровождается тяжелыми социальными и экономическими проблемами. Снижение электоральной поддержки может лишить ПСР власти и привести к изменению политического курса страны. На данный момент, относительная стабильность положения партии достигается путём опоры на религиозную часть населения Турции, которая следует за лозунгами «центра исламского мира», «неоосманизма» и «пантюркизма», однако данные лозунги требуют проведения реальной политики, которая неизбежно привела бы Турцию к конфликту как со странами Запада, так и с другими центрами силы, в числе которых Россия и Иран. Кроме того, в своей внешней политике, Эрдоган не может полностью игнорировать проевропейских настроений, распространенных на Севере и Западе страны. В итоге, национальная политика последних двух десятилетий сводится к постоянному лавированию между региональными центрами силы, меняя текущий образ врага в соответствии с политической повесткой. Несмотря на переменчивость политики, она тем не менее всегда сводится к идее национальной выгоды и принципу расширения влияния, хотя и в ней периодически случаются провалы, как, например, разрыв отношений с Россией в 2015 году, который обернулся прекращением российского туризма и резким понижением уровня сотрудничества [10].

Волатильная политика Турции и ориентация на получение ситуативной выгоды делает ее востребованным, но ненадежным партнером, который рассматривает контрагентов как «покупателей» и «продавцов». Такая политика, безусловно, в период стабильности давала политическому режиму Эрдогана большие преимущества, позволяя включатся в многочисленные выгодные проекты. В тоже время, в условиях текущей глобальной нестабильности, совпавшей с экономическим кризисом в Турции, надежность партнера становится все более важной характеристикой и заставляет колеблющиеся страны «выбирать сторону». В данном контексте, внешняя, и как следствие, внутренняя политика Эрдогана становится все менее эффективной, и в конечном итоге, может привести к краху созданной им системы через исчезновение электоральной поддержки.

Литература

1. Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки// Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 110–120.
2. Будрис А. Цены на российскую нефть падают: заработали ли санкции США. Forbes. 31.01.2024. URL: https://www.forbes.ru/biznes/505175-ceny-na-rossijskuu-neft-padaut-zarabotali-li-sankcii-ssa
3. Беспилотники: Турция впереди США и Китая. TRT на русском. 17.09.2024. URL: https://www.trtrussian.com/novosti/bespilotniki-turciya-vperedi-ssha-i-kitaya-18209100
4. Габриелян А. Генеральный план развития логистической инфраструктуры Турции. limes. 30.12.2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=65058
5. Гатинский А. Анисимова Н. Bloomberg сообщил о поданной заявке Турции на вступление в БРИКС. RBC. 02.09.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/09/2024/66d5995d9a7947db6bd7671d?ysclid=m70q65cwdb830389679
6. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. / Под ред. А.В. Штанова; МГИМО МИД России. – М.: Издатель Воробьёв А.В., 2019. – 380 с.
7. Путин и Эрдоган не договорились о возобновлении зерновой сделки. BBC News. 04.09.2023. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cpv2x96vrwgo

8. Турция будет закупать украинское зерно со скидкой более чем в 25%. ТАСС. 07.06.2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/14840373
9. Турция представила военный беспилотный корабль. ИА Красная Весна. 07.11.2020. URL: https://rossaprimavera.ru/news/df721203
10. Туроператорам запретили продажу путевок в Турцию. RBC. 24.11.2015. URL: https://www.rbc.ru/business/24/11/2015/565495219a794736af37db55
11. Фролов А.В., Надеин-Раевский В.А. Турция: в поиске точек опоры// Международная жизнь. 2017. № 3. С. 15–32.
12. Ходов Л.Г. Греко-турецкие отношения, история и современность// Горизонты экономики. 2021. № 6 (66). С. 101–105.
13. Эрдоган заявил, что покупка С-400 у РФ была вызвана отказом США продать ЗРК Patriot. ИНТЕРФАКС. 30.09.2021. URL: https://www.interfax.ru/world/794407
14. Эрдоган заверил премьера Ливана, что занимает его сторону в конфликте с Израилем. ТАСС. 26.06.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21212203
15. Cagaptay S. Making Turkey Great Again// The Fletcher Forum of World Affairs, Vol. 43, No. 1, Global Transformations: A Century Since The Great War. 2019. pp. 169–178
16. Karaveli H. Erdogan's Journey: Conservatism and Authoritarianism in Turkey// Foreign Affairs, Vol. 95, No. 6. 2016. pp. 121–130
17. Karmon E., Barak M. Erdogan's Turkey and the Palestinian Issue// Perspectives on Terrorism, Vol. 12, No. 2. 2018. pp. 74–85
18. Öğütçü Y.Y. Turkey's energy geopolitics and economics// Insight Turkey Vol.17, № 2. 2015. URL: https://www.insightturkey.com/articles/turkeys-energy-strategy-synchronizing-geopolitics-and-foreign-policy-with-energy-security
19. Özdemir L. 2023 yılı Türk savunma sanayii ihracatında büyük başarıların yılı olacak. Yeni safak. 04.01.2024. URL: https://www.yenisafak.com/foto-galeri/ekonomi/2023-savunma-sanayii-ihracat-sampiyonu-belli-oldu-aselsan-roketsan-bmc-degil-turkiyenin-gururu-baykar-zirveye-uctu-4592243/3
20. Samson A., Seddon M., Cook C. Turkey blocks exports of military-linked goods to Russia after US warning. Financial Times. 22.10.2024. URL: https://www.ft.com/content/be8f3264-ac16–4fd9-b1ba-4e5e6fba466b
21. Ülgül M. Erdoğan's Personal Diplomacy and Turkish Foreign Policy// Insight Turkey, Vol. 21, No. 4. 2019. pp. 161–182

TURKEY'S FOREIGN POLICY AT THE PRESENT STAGE

Medushevsky N.A., Bakovich V.D.
Russian State Humanitarian University, Peoples' Friendship University of Russia

This article is devoted to the foreign policy of the Turkish Republic at the present stage, which is interpreted as a tool for achieving the domestic political goals of national policy. The authors consider national foreign policy in the context of domestic political challenges and the political program of the ruling party and its leader Recep Erdogan. The formation of vectors of Turkey's foreign policy is facilitated by factors of tension within the country, including the volatility of the national currency, budget imbalances, social challenges and the historical ethnic conflict between the Turkish and Kurdish populations. In addition, Turkey depends on the supply of foreign energy resources necessary for the high-quality development of the economy. Another important set of issues is related to the implementation of security policy at the national and regional levels. Being a member of NATO, the country, however, implements a security policy that is not always consistent with the goals of this organization. Such are, for example, conflict relations with Greece and military operations in Syria. Separately, the authors of the article draw attention to the global goals of Turkish policy, implemented in line with the ideas of pan-Turkism and neo-Ottomanism.

Keywords: Türkiye, Erdogan, foreign policy, pan-Turkism, NATO, Turkish Stream.

References

1. Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. Turkey in the Western Balkans today: figures and estimates// World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 8. Pp. 110–120.
2. Budrys A. Russian oil prices are falling: have the US sanctions worked? Forbes. 31.01.2024. URL: https://www.forbes.ru/biznes/505175-ceny-na-rossijskuu-neft-padaut-zarabotali-li-sankcii-ssa
3. Drones: Turkey is ahead of the US and China. TRT in Russian. 17.09.2024. URL: https://www.trtrussian.com/novosti/bespilotniki-turciya-vperedi-ssha-i-kitaya-18209100
4. Gabrielyan A. Master plan for the development of logistics infrastructure in Turkey. Iimes. 12/30/2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=65058
5. Gatinsky A. Anisimova N. Bloomberg reported on Turkey's submitted application to join BRICS. RBC. 09/02/2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/09/2024/66d5995d9a7947db6bd7671d?ysclid=m70q65cwdb830389679
6. Ivanova I.I. Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic in the 20th-21st Centuries / Ed. by A.V. Shtanov; MGIMO MFA of Russia. – Moscow: Publisher Vorobyov A.V., 2019. – 380 p.
7. Putin and Erdogan fail to agree on resuming grain deal. BBC News. 09/04/2023. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cpv2x96vrwgo
8. Turkey to purchase Ukrainian grain at more than 25% discount. TASS. 06/07/2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/14840373
9. Turkey unveils military drone. IA Krasnaya Vesna. 11/07/2020. URL: https://rossaprimavera.ru/news/df721203
10. Tour operators banned from selling tours to Turkey. RBC. 24.11.2015. URL: https://www.rbc.ru/business/24/11/2015/565495219a794736af37db55
11. Frolov A.V., Nadein-Raevsky V.A. Turkey: in search of footholds// International Affairs. 2017. No. 3. P. 15–32.
12. Khodov L.G. Greek-Turkish relations, history and modernity// Horizons of Economics. 2021. No. 6 (66). P. 101–105.
13. Erdogan said that the purchase of S-400 from Russia was due to the US refusal to sell the Patriot air defense system. INTERFAX. 09/30/2021. URL: https://www.interfax.ru/world/794407
14. Erdogan assured the Lebanese Prime Minister that he is on his side in the conflict with Israel. TASS. 06/26/2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21212203
15. Cagaptay S. Making Turkey Great Again// The Fletcher Forum of World Affairs, Vol. 43, No. 1, Global Transformations: A Century Since The Great War. 2019. pp. 169–178
16. Karaveli H. Erdogan's Journey: Conservatism and Authoritarianism in Turkey// Foreign Affairs, Vol. 95, No. 6. 2016. pp. 121–130
17. Karmon E., Barak M. Erdogan's Turkey and the Palestinian Issue // Perspectives on Terrorism, Vol. 12, No. 2. 2018. pp. 74–85
18. Öğütçü Y.Y. Turkey's energy geopolitics and economics // Insight Turkey Vol.17, No. 2. 2015. URL: https://www.insightturkey.com/articles/turkeys-energy-strategy-synchronizing-geopolitics-and-foreign-policy-with-energy-security
19. Özdemir L. 2023 yılı Türk savunma sanayii ihracatında büyük başarıların yılı olacak. Yeni safak. 01/04/2024. URL: https://www.yenisafak.com/foto-galeri/ekonomi/2023-savunma-sanayii-ihracat-sampiyonu-belli-oldu-aselsan-roketsan-bmc-degil-turkiyenin-gururu-baykar-zirveye-uctu-4592243/3
20. Samson A., Seddon M., Cook C. Turkey blocks exports of military-linked goods to Russia after US warning. Financial Times. 10/22/2024. URL: https://www.ft.com/content/be8f3264-ac16–4fd9-b1ba-4e5e6fba466b
21. Ülgül M. Erdoğan's Personal Diplomacy and Turkish Foreign Policy // Insight Turkey, Vol. 21, No. 4. 2019. pp. 161–182

Европеизация польских парламентских партий по итогам электорального цикла 2019 и 2023–2024 гг.

Пашковский Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры политологии института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена
E-mail: eap988@gmail.com

В статье рассматриваются особенности европеизации польских парламентских политических партий. Задачей исследования является определение масштаба влияния Европейского Союза, а также неевропейских стран на изменения в партийной системе Польской Республики. Методами исследования стали сравнительный и системный анализ. В качестве результатов исследования можно отметить, что пять парламентских избирательных объединений можно подразделить на два евроскептических («Право и Справедливость», «Конфедерация») и три еврооптимистических («Гражданская Коалиция», «Третий путь» и «Объединенные Левые»). По итогам парламентских выборов 2023 года Правительство Польши стали формировать еврооптимисты, а евроскептики-консерваторы, перешли в оппозицию. Видна отчетливая поляризация политических партий по вопросу сотрудничества с ЕС и по вопросам блокирования с США и Великобританией против Европейских институтов власти.

Ключевые слова: Польша, политические партии, выборы, Европейский Союз, европеизация, Сейм Польши.

Европеизация – это политический феномен, связанный с влиянием европейских интеграционных процессов на национальные политические системы [7, с. 50–51]. Европеизация как политический феномен затрагивает проблему ограниченного суверенитета современного государства (субъектность государства ограничивается его участием в глобальных и региональных интеграционных объединениях), на что обращают внимание исследователи [14, с. 34]. Одно из наиболее важных определений было сформулировано в 1994 году британским исследователем из Университета Кила Робертом Ладрехом, который охарактеризовал европеизацию как «постепенный процесс, который имеет тенденцию к такому изменению направления и формы национальной политики, что политическая и экономическая динамика Европейского сообщества становится частью логики организации политического процесса внутри страны. Постепенный процесс переориентации направления и формы политики в такой степени, что политическая и экономическая динамика ЕС становится частью организационной логики национальной политики и принятия политических решений» [17, p. 72–73]. В рамках рассмотрения европеизации целесообразнее будет ограничиться европеизацией партийных систем государств ЕС, и Польши в частности. Европеизация партийной системы связана как с формированием наднациональной европейской партийной системы (Европейский парламент) [11, с. 33], так и в актуальности европейской политической повестки (отношение к ЕС, европейской интеграции) на национальном уровне [4, с. 34–36]. Национальные партийные системы представлены на общеевропейском уровне, формируя фракции по идеологической близости, причем польские партии представлены в двух крупнейших фракциях [6, с. 45]. Также можно отметить устойчивую взаимозависимость результатов выборов в национальные парламенты и Европейский Парламент [15, с. 101–102]. Исследователи отмечают, что европеизация государств Восточной Европы носила характер экспансионистский и поощрительный характер, выражавшийся в консенсусе политических элит по поводу вступления в ЕС и активной финансовой поддержке новых членов ЕС [8, с. 152]. Зои Лефкофриди из Зальцбургского университета в Австрии утверждает, что только когда цель партии будет связана с ЕС, будут инициированы изменения в деятельности, программах и организации партии. Таким образом, даже при высокой степени осознания происходящих интеграционных процессах, партия может сопротивляться изменениям. И руководство, и возможный партнер по коалиции играют важную роль в определении цели партии.

Принимая во внимание то, каким образом стимулы со стороны ЕС могут достигать национальных партий, можно различить прямой путь через присутствие партии на европейском уровне (наднациональные политические партии) и их участие в институтах ЕС, и/или косвенный путь, как следствие изменений, происходящих в среде национальных партий. Таким образом, партия испытывает влияние со стороны ЕС как эффект, исходящий от национальной системы и / или возникающий в других партиях этой системы. Используя модель, предложенную Зои Лефкофриди, мы можем выделить три типа ре-

акции национальной политической партии на стимулы, исходящие из ЕС:

1) включенная европеизация;
2) пассивная европеизация;
3) ингибированная или подавленная европеизация [18].

Первый тип характерен для активного участия на общеевропейском уровне и на национальном уровне. Политическая партия активно продвигает интересы страны внутри ЕС и европейские/антиевропейские взгляды на Европейском уровне. Второй тип характерен для политических партий, активно участвующих в политической борьбе на общенациональном уровне, но занимающей второстепенные позиции в европейском политическом процессе. Подавленная европеизация проявляется для крайне левых и крайне правых политических партий, которые стремятся показать непримиримость в отношении ЕС и требовать выхода страны из состава Союза.

В качестве примера рассмотрим результаты национальных и европейских выборов в Польше (Таблица 1, курсивом отмечены победившие партии).

Таблица 1. Результаты выборов национального и европейского уровня Республики Польша 2019 и 2024 г.

Выборы / Партии	Гражданская платформа (Гражданская коалиция или Европейская коалиция)	Право и Справедливость
Европейский парламент 2019 г. 52 места	22	*27*
Сейм 2019 г. 460 мест	134	*235*
Сейм 2023 г. 460 мест	*157*	194
Европейский парламент 2024 г. 53 места	*23*	20

Польша представляет собой полупрезидентскую республику с достаточно сильным президентом, который конкурирует с премьер-министром по вопросам внешней политики и обороны [13, с. 93]. При этом в 2015–2023 гг. президент и премьер-министр были однопартийцами, и между ними фактически не было конфликтов.

По состоянию на 2019 год у власти в Польше было однопартийное правительство, формируемое партией «Право и Справедливость». В ходе выборов, состоявшихся в октябре 2019 года, партии удалось сохранить большинство мест в Сейме и вновь сформировать правительство Польши самостоятельно [1, с. 34]. Результаты выборов в Европейский парламент, состоявшихся за 5 месяцев до парламентских выборов в Сейм и Сенат Польши, благоприятствовали правящей партии Польши [16, с. 52–53].

Пять лет правления правящей партии Польши обострили внутриполитический конфликт в обществе [10, с. 196–197], обозначив противостояние евроскептиков и еврооптимистов как внутри Польши, так и на общеевропейском уровне (Руководство Польши вступило в конфликт с Европейским Союзом).

Пять избирательных объединений, которые представлены в Польском Сейме можно условно разделить на два евроскептичных и три еврооптимистичных (см. таблицу 2, курсивом выделены результаты правящих партий). Также мы можем определить их отношение к Европейскому союзу на основе типологии З. Лефкофриди.

Таблица 2. Представительство польских партий в Сеймах 2019 и 2023 г.

Партия/избирательный блок	Позиционирование по отношению к ЕС	Сейм 2019	Сейм 2023
Право и Справедливость	Евроскептики (активная европеизация)	*235*	194
Гражданская коалиция	Еврооптимисты (активная европеизация)	134	*157*
Левые	Еврооптимисты (пассивная европеизация)	49	*26*
ПНП (Польская коалиция в 2019 и Польша – Третий путь в 2023)	Еврооптимисты (пассивная европеизация)	30	*65*
Конфедерация	Евроскептики (подавленная европеизация)	11	18

Очередные парламентские выборы, состоявшиеся в октябре 2023 года, сформировали новую конфигурацию партийной системы Республики Польша – вместо монопартийного правительства правых консерваторов из «Право и Справедливость» было сформирована минимально побеждающая коалиция из трех избирательных объединений – Гражданской Платформы, Левых и коалиции Польша-Третий Путь [3, с. 37–38]. Две правые партии – правые консерваторы из «Право и Справедливость» и правые популисты из «Конфедерации» [2, с. 286–287] ушли в оппозицию. Коалиция из трех избирательных объединений победила во многом из-за успеха проевропейской риторики «Гражданской коалиции», требования «левыми» социальных стандартов ЕС и успешной протестной кампании коалиции «Третий Путь» [9, с. 47–48], которая поддержала «Гражданскую коалицию» и «Левых». При этом, во время парламентских выборов между участниками нынешней правящей коалиции существовали достаточно серьезные расхождения и идеологические конфликты по вопросам социально-экономического и политического развития страны [5, с. 99].

В настоящий момент политическое противостояние в Польше продолжается. Во многом, это связано с тем, что проевропейское правительство Польши находится в конфликте с евроскептической оппозицией, которая ориентируется на сотрудничество с администрацией нового Президента США Д. Трампа. Серьезное значение приобретают выборы Президента Польши, которые либо позволят «Гражданской Коалиции» установить контроль над институтом президентства, либо будут способствовать сохранению позиций «Право и Справедливости» и сохранению конфликтной ситуации между Правительством и Президентом Польши. Польша сохраняет многопартийную систему с двумя доминирующими партиями [12, с. 28], в основании которой лежит устойчивое размежевание по отношению к Европейскому Союзу. Остальные политические силы формируют свое отношение к ЕС на основании идеологических приоритетов, но при этом между ними идет конкуренция за третье и последующие места, и их позиции в зависимости от электорального цикла подвержены изменениям.

Литература

1. Ведерников М. Парламентские выборы в Польше: национал-консерватизм vs. «брюсселецентризм» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5. С. 33–39.

2. Дец И. Я., Савенков Р.В. Два течения консервативного национализма в современной Польше: внешнеполитический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 279–290. https://doi.org/10.22363/2313–1438–2022–24–2–279–290
3. Дырина, А. Итоги и политические последствия парламентских выборов в Польше //. Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. № 71 (87). С. 37–44.
4. Громогласова Е.С. Концепция европеизации в зарубежной политологии. // Вестник московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 4. С. 27–43. EDN: NBKEFV
5. Гуселетов, Б.П. Политические трансформации в Польше: приведет ли смена правительства к смене курса? // Наука. Культура. Общество. – 2024. Т. 30, № 1. С. 94–108. – DOI 10.19181/nko.2024.30.1.7. – EDN DMDGUS.
6. Гуселетов Б.П. Партия европейских консерваторов и реформистов продолжает борьбу с Европейской народной партией. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 43–50.
7. Латкина, В.А. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях. // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–62. EDN: RVERLJ.
8. Малешевич, А.В. Методологические особенности изучения европеизации стран-кандидатов и новых членов Евросоюза // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 147–158. – DOI 10.17976/jpps/2023.01.11. – EDN ZSIUIR.
9. Михалев, О.Ю. Результаты парламентских выборов 2023 г. в Польше. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 6 (36). С. 42–53. doi:10.15211/vestnikieran620234253.
10. Носович А.А. Куда заведёт Польша? // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 1. С. 188–204.
11. Прохоренко И.Л. Проблема европеизации национальных политических партий в государствах-членах Европейского союза. // Южно-российский журнал социальных наук. 2014. № 3. С. 32–40.
12. Путинцев И. С. «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 18–33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.
13. Путинцев И.С. Варианты распределения полномочий в странах Центрально-Восточной Европы // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2(41). С. 81–95.
14. Русских М.С. Практические аспекты борьбы за признание в политической философии А. Кожева // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 6. – С. 33–35. – EDN WCNJHV.
15. Федорова С.С. Региональные выборы в Германии: европеизация политических партий и последствий миграционного кризиса в европейском союзе. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016 № 12 (3). С. 96–107.
16. Шишелина, Л.Н. Выборы в Европейский парламент 2019 года и новый этап консолидации Вишеградской четвёрки // Современная Европа. 2019. № 5(91). С. 45–58. DOI 10.15211/soveurope520194557. EDN FXRRQS.
17. Ladrech, R. Europeanization of Domestic Politics and Institutions.The Case of France Journal of Common Market Studies, 1994, vol. 32, issue 1, Pp. 69–88.
18. Lefkofridi, Z. An Integrated Model of National Party Response to European Integration, IHS Political Science Series, nr 115, Wien 2008. URL: http://aei.pitt.edU/8230/l/pw_115.pdf (Дата обращения: 01.12.2023).

EUROPEANIZATION OF POLISH PARLIAMENTARY PARTIES FOLLOWING THE 2019 AND 2023–2024 ELECTORAL CYCLES

Pashkovskiy E.A.
Alexander Herzen's Russian State Pedagogical University (Herzen University)

The article examines the specifics of Europeanization of Polish parliamentary political parties. The research methods were comparative and systemic analysis. There are following results of the study: Five parliamentary electoral associations are divided into two Eurosceptic ("Law and Justice", "Confederation") and three Euro-optimistic ("Civic Coalition", "Third Way" and "United Left"). Following the 2023 parliamentary elections, the Polish government was formed by Euro-optimists, while the Euro-sceptical conservatives, who won the 2019. There is a clear polarization of political parties on the issue of cooperation with the EU and on the issue of blocking with neighboring EU states against European institutions of power.

Keywords: Poland, political parties, elections, European Union, Europeanization, Polish Sejm.

References

1. Vedernikov M. Parliamentary elections in Poland: national conservatism vs. "Brussels-centrism" // Scientific and analytical bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 5. P. 33–39.
2. Dets I. Ya., Savenkov R.V. Two currents of conservative nationalism in modern Poland: foreign policy aspect // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24. No. 2. P. 279–290. https://doi.org/10.22363/2313–1438–2022–24–2–279–290
3. Dyrina, A. Results and political consequences of the parliamentary elections in Poland // European security: events, assessments, forecasts. 2023. No. 71 (87). P. 37–44.
4. Gromoglasova E.S. The concept of Europeanization in foreign political science. // Bulletin of Moscow University. Series 25: International relations and world politics. 2010. No. 4. P. 27–43. EDN: NBKEFV
5. Guseletov, B.P. Political transformations in Poland: will the change of government lead to a change of course? // Science. Culture. Society. – 2024. Vol. 30, No. 1. P. 94–108. – DOI 10.19181/nko.2024.30.1.7. – EDN DMDGUS.
6. Guseletov B.P. The Party of European Conservatives and Reformists continues its fight against the European People's Party. // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 4. P. 43–50.
7. Latkina, V.A. The Phenomenon of Europeanization in Western European Studies. // International Processes. 2013. Vol. 11. No. 1. P. 49–62. EDN: RVERLJ.
8. Maleshevich, A.V. Methodological Features of the Study of Europeanization of Candidate Countries and New Members of the European Union // Polis. Political Studies. 2023. No. 1. P. 147–158. – DOI 10.17976/jpps/2023.01.11. – EDN ZSIUIR.
9. Mikhalev, O. Yu. Results of the 2023 Parliamentary Elections in Poland. // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6 (36). P. 42–53. doi:10.15211/vestnikieran620234253.
10. Nosovich A.A. Where Will Poland Lead? // Russia in Global Politics. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 188–204.
11. Prokhorenko I.L. The Problem of Europeanization of National Political Parties in the Member States of the European Union. // South-Russian Journal of Social Sciences. 2014. No. 3. P. 32–40.
12. Putintsev I.S. "The Craving for a Bipartisan System" in the Political System of Poland: Manifestations, Causes, Prospects // Baltic Region. 2023. Vol. 15, No. 1. Pp. 18–33. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.
13. Putintsev I.S. Options for the Distribution of Powers in the Countries of Central and Eastern Europe // International Processes. 2015. Vol. 13, No. 2(41). Pp. 81–95.
14. Russkikh M.S. Practical Aspects of the Struggle for Recognition in the Political Philosophy of A. Kozhev // Society: Politics, Economics, Law. – 2016. – No. 6. – Pp. 33–35. – EDN WCNJHV.

15. Fedorova S.S. Regional Elections in Germany: Europeanization of Political Parties and the Consequences of the Migration Crisis in the European Union. Political Expertise: POLITEX. 2016, No. 12 (3). P. 96–107.
16. Shishelina, L.N. Elections to the European Parliament in 2019 and a new stage of consolidation of the Visegrad Four // Modern Europe. 2019. No. 5 (91). P. 45–58. DOI 10.15211/soveurope520194557. EDN FXRRQS.
17. Ladrech, R. Europeanization of Domestic Politics and Institutions. The Case of France Journal of Common Market Studies, 1994, vol. 32, issue 1, Pp. 69–88.
18. Lefkofridi, Z. An Integrated Model of National Party Response to European Integration, IHS Political Science Series, nr 115, Wien 2008. URL: http://aei.pitt.edU/8230/l/pw_115.pdf (Accessed: 12/01/2023).

Влияние социальных медиа на современные политические кампании: стратегии, эффективность и этические аспекты

Пикунова Кристина Александровна,
руководитель проектов по связям с общественностью,
«ООО «ИМА-консалтинг»
E-mail: kp115580@gmail.com

Проблематика воздействия социальных медиа на современные политические процессы носит достаточно актуальный характер, учитывая интенсивное внедрение цифровых технологий в практику распространения новостной информации. В условиях стремительного развития цифровых технологий влияние социальных медиа на политические процессы становится все более значительным. Актуальность статьи обусловлена необходимостью научного анализа того, как социальные медиа трансформируют современные политические кампании, изменяя стратегии взаимодействия политиков с избирателями. Цель исследования заключается в анализе стратегий использования социальных медиа в политических кампаниях, оценке их эффективности с позиции политической этики. Объектом исследования выступают политические кампании в США и других странах, в которых социальные медиа используются как средство политической коммуникации. В статье были проанализированы кейсы политических кампаний Б. Обамы и Д. Трампа, а также анализ сведений из социальных сетей. Были изучены научные исследования по теме статьи для выявления основных этических проблем, связанных с использованием социальных медиа в политике. Результаты исследования показывают, что социальные медиа предоставляют политикам уникальные возможности для прямого взаимодействия с избирателями. Это достигается за счет быстрого распространения информации, однако социальные медиа несут в себе риски манипуляции общественным мнением и распространения дезинформации. Эффективность использования социальных медиа в значительной степени зависит от стратегий микротаргетинга и интерактивных форматов. Политические кампании сталкиваются с необходимостью соблюдения этических норм в отношении избирателей. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию методик использования социальных медиа в политических кампаниях.

Ключевые слова: социальные медиа, политические кампании, стратегии, эффективность, этические аспекты, манипуляция, дезинформация.

В современном мире социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни, оказывая значительное влияние на различные аспекты общественной жизни. С развитием цифровых технологий методы политических кампаний претерпели кардинальные изменения, пройдя путь от традиционных методов к более инновационным стратегиям. Социальные платформы предоставляют политикам уникальные возможности для прямого взаимодействия с избирателями и мгновенного распространения информации.

Наряду с этими преимуществами, возникают и серьезные этические проблемы, которые проявляются в информационных манипуляциях и распространении дезинформации. В статье рассматривается влияние социальных медиа на современные политические кампании, анализируются стратегии их использования, оценивается эффективность. Автором поднимаются этические проблемы, возникающие в современной медийной сфере.

В России изучение влияния социальных медиа на политические процессы привлекает внимание многих исследователей. С.А. Велиев [4], Е.В. Ефанова [7] рассматривают вопросы о том, как социальные медиа стали важным инструментом в современной политической коммуникации. Они анализируют, как эти платформы позволяют политикам распространять информацию и формировать общественное мнение. Авторы отмечают, что использование социальных сетей в политических кампаниях позволяет политикам адаптировать свои сообщения под конкретные целевые аудитории.

О.Н. Басов [1], Ю.В. Богоявленская [2] делают акцент на том, что, несмотря на кажущуюся интерактивность социальных медиа, политики часто используют их не для ведения диалога, а для односторонней передачи информации. Авторы считают, что политические блоги часто управляются профессиональными спичрайтерами, а не самими политиками. Это снижает степень открытости в общении с избирателями. Основной целью политического блоггинга является не столько инициирование дискуссий, сколько поиск поддержки у аудитории.

Таким образом, исследователи сходятся в том, что социальные медиа оказывают значительное влияние на политические процессы, но их использование связано с рядом этических проблем.

Социальные медиа зародились в конце 20-го века и первоначально представляли собой простые платформы для обмена текстовыми сообщениями. Однако настоящий прорыв произошел в начале 2000-х годов с появлением MySpace и LinkedIn, которые предложили пользователям новые возможности для самовыражения. В последующие годы появились платформы Twitter и Snapchat, каждая из которых предложила уникальные способы взаимодействия. В Интернете как в реальном механизме неформальной социальной коммуникации общение в рамках сети осуществляется без условностей, принятых в «реальном» социуме.

Социальные медиа радикально изменили способы взаимодействия политиков с избирателями, превратив платформы в ключевые инструменты современных кампаний. Они позволяют мгновенно распространять

информацию, минуя традиционные СМИ. Политические блоги используют таргетированную рекламу, опираясь на алгоритмы, которые анализируют демографические данные пользователей. Глубокая медиатизация представляет собой «новую стадию медиатизации, в ходе которой цифровые медиа и лежащие в их основе инфраструктуры проникают во все элементы общественной жизни» [3, с. 87].

С развитием технологий и увеличением числа пользователей социальные медиа стали играть ключевую роль в политике. Они превратились в мощные инструменты для распространения информации и мобилизации общественности. В политической сфере социальные медиа изменили динамику взаимодействия между политиками и их избирателями. Однако это также привело к распространению фейковых новостей, кибербуллингу и иным информационным угрозам. Сегодня социальные медиа продолжают эволюционировать и оказывать все большее влияние на формирование общественного мнения. Можно говорить о сложности и противоречивости этого нарастающего социального тренда, превращающего различные цифровые технологии в основную форму реализации «социального» [5, с. 147].

Исследования, посвященные влиянию социальных медиа на политические процессы, выявили их значительную роль в трансформации современной политической коммуникации. Социальные платформы предоставляют политикам возможности для прямого взаимодействия с избирателями. Традиционные медиа-посредники оказываются в стороне. Это позволяет быстрее распространять информацию и формировать повестку дня. В ряде случаев социальные медиа используются для того, чтобы мобилизовать сторонников и даже организовывать массовые акции. Однако, социальные медиа также способствуют усилению поляризации общества.

В последние десятилетия политические кампании активно адаптировали свои стратегии для использования социальных медиа. Одной из ключевых стратегий является микротаргетинг, который позволяет политикам настраивать рекламные сообщения под конкретные группы избирателей на основе их демографических данных.

Это позволяет максимально точно воздействовать на целевую аудиторию, повышая вероятность того, что сообщение вызовет ответный отклик. Другой стратегией является использование инфлюенсеров, которые могут распространять политические идеи среди своих подписчиков.

Из этой особенности вытекает важное для социальной сети правило – «необходимость при помощи качественного, интересного контента выстраивать собственную, лояльную к блогеру аудиторию, чтобы личность блогера была настолько интересна читателям, что позволяла бы им не просто постоянно быть подписанным на данный телеграм-канал, но заходить в поисках контента конкретного блогера» [11, с. 86].

Политические кампании используют интерактивные форматы (прямые эфиры, вопросы и ответы в реальном времени и онлайн-конференции) для того, чтобы вовлечь избирателей в активное обсуждение. Эти форматы позволяют политикам демонстрировать свою открытость и готовность к диалогу. Важным элементом является создание вирусного контента, который может быстро распространяться в социальных сетях. Однако, как показывает практика, успешное применение этих стратегий требует тщательного планирования и адаптации к специфике каждой аудитории.

Использование социальных медиа в политике поднимает ряд этических вопросов. Одной из ключевых проблем является манипуляция общественным мнением через распространение дезинформации и фейковых новостей. Социальные медиа позволяют быстро распространять информацию, но также создают условия для применения манипулятивных стратегий. Негативным примером также служат ложные или вводящие в заблуждение сообщения, которые преподносятся как достоверные факты. Это может привести к искажению восприятия реальности у избирателей и повлиять на их политические решения. Алгоритмы социальных сетей, которые оптимизируют контент для удержания внимания пользователей, часто способствуют распространению провокационных и эмоционально заряженных материалов.

В течение последних нескольких лет ключевым инструментом формирования имиджа политических лидеров стали именно ресурсы сети Интернет. Одним из наиболее ярких примеров использования социальных медиа в США является кампания Б. Обамы в 2008 году. Обама и его команда активно использовали платформу Twitter для мобилизации сторонников и привлечения молодежной аудитории. Они создали онлайн-команду, которая занималась распространением информации и сбором средств через социальные сети. Одним из ключевых элементов кампании было использование микротаргетинга, который позволил настроить сообщения под конкретные группы избирателей. Б. Обама активно взаимодействовал с избирателями через прямые эфиры. Эта кампания стала примером того, как социальные медиа могут быть использованы для изменения политической динамики.

Кампания Дональда Трампа в 2016 году продемонстрировала более агрессивный подход к использованию социальных медиа. Трамп активно использовал Twitter для прямой коммуникации с избирателями. Это позволило ему постоянно создавать информ-поводы, однако его методы также вызвали множество споров, особенно в отношении распространения дезинформации.

Стратегия Трампа оказалась эффективной в деле мобилизации его сторонников. Это лишний раз продемонстрировало потенциал социальных медиа как мощного инструмента в политической борьбе. Такие примеры выгодно иллюстрируют различные стратегии использования социальных медиа, приводящие к впечатляющим результатам. Платформы создают экосистему создания ценности, цель которой – генерировать большие данные для достижения сетевых эффектов [8, с. 175].

Консервативные политики в целом видят в социальных медиа инструмент для продвижения своих идей. Социальные платформы позволяют им напрямую взаимодействовать с избирателями. Это актуально в условиях, когда традиционные СМИ могут в меньшей степени уделять внимание их политическим взглядам. Это особенно важно для консервативных лидеров, которые могут использовать социальные медиа для продвижения идеи сохранения традиционных ценностей [10].

Однако, консервативные политики также сталкиваются с проблемами поляризации общества. Эти платформы могут способствовать созданию эхо-камер, где консервативные взгляды усиливаются за счет изоляции пользователей от альтернативных точек зрения. Традиция, которая в консерватизме является метаценностью, одновременно «выступает в качестве встроенного регулятора, ответственного за функционирование всех этих систем» [6, с. 501].

Другой важной этической проблемой является защита персональных данных. Политические кампании часто используют большие объемы данных о пользователях для микротаргетинга и персонализации сообщений, что вызывает вопросы этической чистоплотности в от-

ношении возможности собирать и использовать такие данные без согласия пользователей. Существует также риск злоупотребления данными, когда они могут быть использованы для различных форм давления на избирателей. Это указывает на необходимость разработки более действенных мер воздействия в сфере использования алгоритмов социальных платформа в рамках политических кампаниях.

Короткие видеоролики и интерактивные форматы помогают упростить сложные идеи, делая их доступными для широкой аудитории. Хештеги и флешмобы мобилизуют политических активистов даже в удаленных регионах. Однако микротаргетинг может сегментировать общество, предлагая разным группам противоречивые посылы. Вирусный контент иногда смещает фокус с фактов на их субъективную оценку. Игнорировать потенциал платформ невозможно – их роль в активизации молодежного электората продолжает расти.

Социальные медиа оказывают значительное влияние на политические процессы, меняя их облик за счет способов взаимодействия граждан с политической информацией. Они предоставляют гражданам доступ к разнообразным источникам информации и позволяют им участвовать в дебатах. Это способствует повышению политической осведомленности, особенно среди молодежи. Социальные медиа также облегчают координацию массовых акций. Также они позволяют мобилизовать сторонников, что может способствовать укреплению демократических институтов. Если раньше СМИ несли функцию информирования, а аудитории отводилась роль только получателей информации, то «с выходом в интернет-пространство процесс массовых коммуникаций в значительной степени приобрёл двухсторонний характер» [9, с. 133].

С другой стороны, влияние социальных медиа на демократические процессы связано с рядом вызовов. Одной из основных проблем является распространение дезинформации и фейковых новостей. Алгоритмы социальных сетей часто способствуют распространению эмоционально заряженного контента. Это может усиливать политическую поляризацию и разжигать конфликты. Социальные медиа могут быть использованы для манипуляции общественным мнением и вмешательства в выборы.

Хотя социальные медиа открывают новые возможности для демократии, они также требуют от государства разработки механизмов защиты от злоупотреблений в цифровой среде.

Для повышения эффективности социальных медиа в политических кампаниях можно предложить ряд рекомендаций, которые помогут политикам более ответственно подходить к использованию этих платформ.

Во-первых, важно развивать навыки цифровой грамотности среди всех участников кампании. Она предполагает понимание того, как работают алгоритмы социальных сетей и какие типы контента наиболее эффективны. Обучение должно также охватывать вопросы этики в цифровой среде.

Во-вторых, политическим кампаниям следует активно использовать аналитические инструменты для оценки эффективности своих стратегий в социальных медиа. Это позволит реагировать на изменения в настроениях аудитории и редактировать контент на основе обратной связи с электоратом. Формирование имиджа в рамках интернет-сообществе для политика любого уровня является важным аспектом, поэтому политикам необходимо найти добросовестных специалистов, которые будут взаимодействовать с аудиторией.

В-третьих, необходимо уделять больше внимания созданию прозрачного контента для демонстрации реальных взглядов кандидата. Это поможет снизить риски для репутации в случае разоблачения недобросовестных практик. В-четвертых, политикам следует активно взаимодействовать с аудиторией для повышения своей открытости. Это поможет избежать обвинений в манипуляции и одностороннем распространении информации. Можно также говорить и о том, что интернет-сообщества являются по-настоящему максимально благоприятными условиями для проявления политической активности различных уровней.

Наконец, важно учитывать культурные особенности аудитории для избегания избежать конфликтов. Это включает в себя адаптацию сообщений к местным традициям. Успешное использование социальных медиа в политических кампаниях требует баланса между инновациями и ответственностью.

Этическое использование социальных медиа в политике требует соблюдения ряда ключевых принципов. Во-первых, политики должны стремиться к максимальной прозрачности, открыто раскрывая источники информации, используемые алгоритмами социальных сетей. Это поможет избежать обвинений в манипуляции и дезинформации. Во-вторых, необходимо уважать конфиденциальность пользователей во время сбора персональных данных. В-третьих, необходимо активно бороться с распространением фейковых новостей, проверяя факты и предоставляя достоверные источники для подтверждения своих утверждений. Наконец, политики должны стремиться к конструктивному диалогу, избегая агрессивной риторики. Соблюдение этих принципов поможет укрепить доверие к политическим деятелям.

Литература

1. Басов О.Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций (на примере современных США) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 280–293.
2. Богоявленская Ю.В. Стратегия дискредитации чужих во французском дискурсе социальных медиа // Вопросы управления. 2021. № 5 (72). С. 5–21.
3. Бронников И.А., Крымова К.М. Национальные особенности политического процесса в России в условиях глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1. № 6. С. 81–99.
4. Велиев С.А. Роль социальных медиа в развитии политических кризисов // Вестник СКУ им. М. Козыбаева. 2024. № 2 (62). С. 90–95.
5. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145–163.
6. Евсеев В.О. Искусственный интеллект и электоральный выбор идеологических направлений социально-экономического развития // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 494–506.
7. Ефанова Е.В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 172–179.
8. Контарева А.Ю. Платформы как рынки, архитектуры, экосистемы: обзор основных подходов к изуче-

нию интернет-компаний // Социология власти. 2021. Т. 33. № 1. С. 169–192.
9. Соколова Л.Ю. Политическая коммуникация в социальных сетях: стратегии получения информации пользователями социальных платформ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 132–143.
10. Тарасов О.И. Консерватизм: сохранение или реставрация? // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 19–23.
11. Чечулин А.В., Бабенко В.А., Степанова Е.А., Иванова В.М. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). С. 81–92.

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON MODERN POLITICAL CAMPAIGNS: STRATEGIES, EFFECTIVENESS AND ETHICAL ASPECTS

Pikunova K.A.
IMA-Consulting LLC

The issue of the impact of social media on modern political processes is quite relevant, given the intensive introduction of digital technologies into the practice of distributing news information. With the rapid development of digital technologies, the influence of social media on political processes is becoming increasingly significant. The relevance of the article is due to the need for a scientific analysis of how social media is transforming modern political campaigns by changing the strategies of interaction between politicians and voters. The purpose of the study is to analyze the strategies of using social media in political campaigns, to assess their effectiveness from the standpoint of political ethics. The object of the study is political campaigns in the United States and other countries where social media is used as a means of political communication. The article analyzed the cases of the political campaigns of B. Obama and D. Trump, as well as the analysis of information from social networks. Scientific research on the topic of the article was examined to identify the main ethical issues related to the use of social media in politics. The results of the study show that social media provides politicians with unique opportunities for direct interaction with voters. This is achieved through the rapid dissemination of information, but social media carries the risks of manipulating public opinion and spreading disinformation. The effectiveness of using social media largely depends on microtargeting strategies and interactive formats. Political campaigns face the need to adhere to ethical standards in relation to voters. The author offers recommendations for improving the methods of using social media in political campaigns.

Keywords: social media, political campaigns, strategies, effectiveness, ethical aspects, manipulation, disinformation.

References

1. Basov O.N. Tools of the intra-elite struggle for political power and influence with the participation of non-profit organizations (on the example of the modern USA) // Questions of Political Science. 2022. Vol. 12. No. 1 (77). P. 280–293.
2. Bogoyavlenskaya Y.V. The strategy of discrediting strangers in the French social media discourse // Management issues. 2021. No. 5 (72). P. 5–21.
3. Bronnikov I.A., Krymova K.M. National peculiarities of the political process in Russia in the context of deep mediatization // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2023. Vol. 1. No. 6. P. 81–99.
4. Veliev S.A. The role of social media in the development of political crises // Bulletin of the M. Kozybaev Moscow State University. 2024. No. 2 (62). P. 90–95.
5. Gavrilenko O.V. Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 145–163.
6. Evseev V.O. Artificial intelligence and the electoral choice of ideological directions of socio-economic development // CITISE. 2019. No. 5 (22). P. 494–506.
7. Efanova E.V. Social media in American public policy (on the example of the social network Twitter) // Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations. 2020. Vol. 25. No. 3. P. 172–179.
8. Kontareva A.Y. Platforms as markets, architectures, ecosystems: an overview of the main approaches to the study of Internet companies // Sociology of Power. 2021. Vol. 33. No. 1. P. 169–192.
9. Sokolova L.Y. Political communication in social networks: strategies for obtaining information by users of social platforms // Scientific result. Sociology and management. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 132–143.
10. Tarasov O.I. Conservatism: preservation or restoration? // Scientific information magazine Army and Society. 2012. No. 4 (32). P. 19–23.
11. Chechulin A.V., Babenko V.A., Stepanova E.A., Ivanova V.M. The blogosphere as a specific environment of digital communication // Management consulting. 2023. No. 4 (172). P. 81–92.

Формирование институциональных механизмов политического представительства бизнеса в государственных структурах региональной власти

Русанов Игорь Александрович,
аспирант, МОАУ ВО «Воронежский институт экономики и социального управления»
E-mail: Rusanovigor18@gmail.com

В статье рассматриваются формы и методы формирования взаимодействия бизнеса и власти в период конца 90-х – начала 2000 годов на примере конкретного региона – Воронежской области. Здесь начала выстраиваться новая модель управления экономикой, когда многие новые хозяйственные структуры и их представители начали искать реальные пути и возможности влияния на власть. Сближение структур региональной власти и бизнеса проходило по различным направлениям. Тем не менее, в данный отрезок времени модель взаимоотношений на уровне региона оставалась гибридной и очень противоречивой, а баланс между структурами власти и бизнеса – одновременно неустойчивым и подвижным.

Ключевые слова: государственное управление, средний и мелкий бизнес, конкуренция, партнерство, представительная власть.

Как показывает практика, бизнес по-разному пытается взаимодействовать с властью. Изучение различных моделей такого взаимодействия является очень актуальной проблемой и позволяет выявить положительные и отрицательные системные явления такого процесса.

Цель статьи – анализ основных моделей взаимодействия на уровне региональных государственных органов власти на примере Воронежской области. Причем, на уровне региона такие явления носят достаточно распространенный характер, они открыты, что, собственно, и позволяет провести научный анализ.

Серьезные изменения в данной сфере начались уже в 90-е годы прошлого века. Формирование новой политической системы привело к участию в ее создании различных структур, Представители легализованного бизнеса уже в середине 90-х годов начали активно участвовать во многих политических процессах, в том числе и в избирательных кампаниях. Это была не просто возможность стать депутатами, а во многом продвигать свои предложения, в том числе и по принятию регионального законодательства по отношению к бизнес-структурам. Еще практически не оформленные организационно предпринимательские круги начали реально приобщаться к политической деятельности.

Вначале данные процессы начались на федеральном уровне. Начало положило формирование Конгресса российских деловых кругов. В него вошли: Российская финансово-промышленная корпорация «ДЖЕНАЛ» (президент Г.Ю. Семигин), Российский акционерный концерн «Акрос» (генеральный директор А.И. Луньков); Российская государственная топливная ассоциация «Ростоппром» (председатель правления А.В. Лисуренко); Московский акционерный коммерческий банк «Возрождение» (председатель правления Д.Л. Орлов); Московская товарная биржа председатель биржевого комитета К.А. Милюков); Комитет РСФСР по управлению государственным имуществом (председатель М.Д. Малей); Всероссийское общественно-политическое движение «Гражданское согласие» (председатель правления А.В. Руцкой); Фонд социального развития России «Возрождение» (генеральный директор И.Э. Есиповский) [1].

В Воронеже начало формироваться региональное представительство данной организации. Практика формирования структур бизнеса стала активно использоваться Торгово-промышленной палатой Воронежской области, организацией «Опора», ассоциацией крестьянско-фермерских хозяйств, Воронежским форумом предпринимателей, Союзом автотранспортников Воронежской области, ассоциацией производителей овощей и другими.

Конечно, данный процесс проходил в непростых условиях. Формирование таких структур сдерживалось полным отсутствием и федерального, и регионального законодательства. Но для нас важно определить каковы мотивационные истоки, которые активизировали участие бизнес структур во взаимоотношениях с властью. И здесь, с нашей точки зрения, просматриваются сле-

дующие мотивы. Но, прежде всего, это определенный исторический опыт.

Многие руководители крупных предприятий, корпораций государственных раньше входили в число депутатов и областного Совета народных депутатов, и городских и районных.

В новых условиях, особенно при формировании уже частных структур, их руководители приняли участие в избирательных процессах и 3 представителя уже бизнес структур стали депутатами Воронежской областной Думы первого созыва в 1994 году.

Вторым мотивационным условием явилась неопределенность в экономическом, социальном и правовом функционировании новых хозяйственных структур, их желание как можно быстрее сформировать условия для стабильного существования.

Это было связано как с формированием новой системы управления, так и с активизацией перевода государственной собственности в частную.

Взаимодействие и переплетение интересов бизнеса с властью, его влияния на региональные управленческие элиты, региональные отделения политических партий «стали приобретать масштабы и ресурсы, позволяющие предпринимателям бороться за передел не только экономического, но и политического пространства [2].

Справедливости ради, необходимо отметить, что на территории Воронежской области уже в тот период начала вырисовываться модель партнерских взаимоотношений бизнеса и власти.

Позитивным фактором здесь, прежде всего, представляется то, что у власти в большинстве оказались в основном политические руководители, осознающие важную значимость диалога с бизнесом и склонные к определенным компромиссам. По крайней мере, модель приватизации власти (где бизнес так проник во власть, что установил определенный контроль) в Воронежской области не присутствовала. Хотя некоторые элементы такого явления проявились на примере Рамонского района и г. Нововоронеж, где бизнес структуры провели в территориальные структуры большинство своих депутатов.

Однако, на примере Воронежской области, бизнес-структуры в 90-е – начало 2000 годов свое влияние на власть не ограничивали только легитимными способами. Использовали и сложившиеся в обществе традиции, обычаи, привычки и, конечно же, нелегитимный лоббизм. Естественно, на ситуацию в регионе влияли общие федеральные системные явления.

«На уровне центра произошло распределение сфер влияния между ведущими предпринимательскими структурами: проходные партии и политические движения были распределены между ведущими корпорациями, банками, группами влияния» [3].

На уровне регионов данный процесс проявлялся по-разному. Однако, невзирая на всякие трудности, государственные органы власти и местного самоуправления Воронежской области уже в 90-е годы начали закладывать различные основания для поддержки развития структур малого и среднего бизнеса. Одним из первых координационных Советов по развитию малого и среднего предпринимательства был создан в г. Воронеже. И уже к 2000 годам в области действовали районные объединения предпринимателей, различные фонды и союзы, коммерческие и некоммерческие организации, система бизнес-инкубаторов и технопарков.

Таким образом, произошедшие события за данный период в основном способствовали структуризации субъектов предпринимательства.

Используя полученные влияние для продвижения своих интересов в органах власти регионального уровня, бизнес стал и продолжает трансформироваться в инструменты политического влияния.

Литература

1. Пепелов С.Т. Институализация бизнеса в условиях становления гражданского общества / С.Т. Пепелов // Становление и развитие гражданского общества в российских регионах. – Воронеж: Научная книга. – С. 143.
2. Кондрачук В.В. Власть и бизнес в Российской Федерации / В.В. Кондрачук. – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 34.
3. Чернов А.И. Взаимодействие власти и бизнеса в современной России / А.И. Чернов // Власть. – 2016. № 3. – С. 88.

FORMATION OF INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR THE POLITICAL REPRESENTATION OF BUSINESS IN STATE STRUCTURES OF REGIONAL GOVERNMENT

Rusanov I.A.
Voronezh Institute of Economics and social management

The article examines the forms and methods of forming interaction between business and government in the late 90s and early 2000s using the example of a specific region – the Voronezh Region. A new model of economic management began to be built here, when many new economic structures and their representatives began to look for real ways and opportunities to influence the government. The convergence of regional government and business structures took place in various directions. Nevertheless, during this period of time, the model of relations at the regional level remained hybrid and very contradictory, and the balance between government and business structures was both unstable and fluid.

Keywords: public administration, medium and small business, competition, partnership, representative government.

References

1. Pepelov S.T. Institutionalization of business in the context of the formation of civil society / S.T. Pepelov // Formation and development of civil society in the Russian regions. Voronezh: A Scientific book, p. 143.
2. Kondrachuk V.V. Power and business in the Russian Federation / V.V. Kondrachuk. Moscow: Modern Economics and Law, 2004, p. 34.
3. Chernov A.I. Interaction of power and business in modern Russia / A.I. Chernov // Power. – 2016. No. 3. – p. 88.

Особенности применения мягкой силы Турции в регионе Южного Кавказа

Казарян Сона Исааковна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: sonakazaran33@gmail.com

В статье рассматриваются механизмы применения политики «мягкой силы» Турции на Южном Кавказе. Актуальность исследования обусловлена тем, что Южный Кавказ является стратегически важным регионом для Турции, и интерес к нему вызван его неоднородностью в социально-экономическом и культурном контексте. Раскрыты конкретные элементы применения мягкой силы Турцией в отношении региона Южного Кавказа. Особое внимание уделено культурной дипломатии, образовательным программам и экономическим проектам, которые способствуют укреплению позиций Турции в регионе. Анализируются отношения Турции с Азербайджаном, Грузией и Арменией, с учетом исторических и культурных факторов, влияющих на ее стратегию. В заключение сделаны выводы о влиянии турецкой политики «мягкой силы» на стабильность.

Ключевые слова: мягкая сила, Турция, Южный Кавказ, культурная дипломатия, экономическое сотрудничество, внешняя политика.

Современные международные отношения характеризуются активным применением государствами инструментов «мягкой силы», которые позволяют влиять на политические и социальные процессы без применения военной силы. Термин «мягкая сила» подразумевает использование невоенных методов, таких как культура, образование, туризм и гуманитарные инициативы, с целью повышения влияния страны и укрепления ее позиций на международной арене. Особое значение этот подход приобрел для Турции, которая активно применяет его в своей внешней политике, включая Южный Кавказ.

Теоретическая база работы опирается на анализе турецкой внешней политики и концепции мягкой силы, представленные в трудах отечественных экспертов. Эти работы [10, 11, 12, 15] подчеркивают роль Турции как экономически сильного государства, стремящегося расширить свое влияние через культуру, образование и гуманитарную помощь.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки рекомендаций по дальнейшему развитию внешнеполитической стратегии Турции на Южном Кавказе, а также для оценки эффективности уже существующих культурных и гуманитарных программ.

Исследования о применении Турцией «мягкой силы» в регионе Южного Кавказа затрагивают различные аспекты ее культурной, политической и экономической направленности. Отобранные работы выделяются своим вкладом в исследование применения Турцией «мягкой силы», с акцентом на конкретные механизмы и стратегии Турции, применяемые к странам региона.

В.А. Аватков в своей статье «Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет» анализирует внешнеполитическую стратегию Турции за 30 лет, акцентируя внимание на её усилении влияния в постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется Южному Кавказу как ключевому региону для турецкой стратегии. Автор отмечает, что Турция активно использует культурную дипломатию и развивает экономическое сотрудничество в сфере энергетики с Азербайджаном.

Исследование «Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе» Н.В. Ибадова посвящено реализации политики «мягкой силы» Турции среди тюркских народов. Важным аспектом является роль Турции как экономического и культурного лидера для Азербайджана. Автор отмечает, что тесные культурные и этнические связи между двумя странами активно используются для укрепления дипломатических и экономических отношений.

К.П. Марабян в статье «Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе» анализирует современные особенности турецкой внешней политики на Южном Кавказе, с акцентом на политико-экономические связи с Азербайджаном и Грузией. Автор выделяет влияние Турции через экономические проекты и культурные инициативы и указывает на трудности в нормализации отношений с Арменией.

В автореферате «Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»» А.В. Енокян описы-

вает отношения Турции с Арменией. Автор отмечает, что Турция использует культурные и гуманитарные инициативы для улучшения имиджа и постепенного улучшения отношений, несмотря на сохраняющиеся политические разногласия.

Большинство авторов сходятся во мнении, что Турция успешно использует культурные и образовательные инструменты для укрепления своих позиций в регионе, особенно в отношениях с Азербайджаном и Грузией, но отмечают, что влияние Турции в Армении остается ограниченным из-за исторических и политических разногласий.

Важным направлением для дальнейшего изучения остаётся оценка долгосрочной эффективности применяемых Турцией инструментов «мягкой силы» и их влияния на политическую и экономическую стабильность региона. Настоящий обзор подчеркивает необходимость проведения более глубокого анализа влияния турецкой политики на Южный Кавказ с учетом культурных и экономических аспектов.

Южный Кавказ представляет для Турции регион стратегической важности в контексте его ключевого положения в энергетических и транспортных коридорах, соединяющих Европу и Азию. Осознавая, что распад СССР предоставил новые возможности для усиления влияния в данном регионе, Турция оперативно признала независимость всех государств Южного Кавказа, включая Армению, с которой исторически сложились напряженные отношения. В целях укрепления своих позиций в регионе Анкара активно задействует культурные, образовательные и гуманитарные инструменты, способствующие продвижению ее геополитических интересов и развитию устойчивых межгосударственных отношений.

Азербайджан

Отношения Турции с Азербайджаном являются примером стратегического партнерства, основанного на культурных, исторических и политических связях.

На протяжении многих лет между Турцией и Азербайджаном сохраняются прочные связи, основанные на культурной, языковой и религиозной близости. Оба народа, разделяющие тюркские корни и культурное наследие, связывает схожая лексика, фонетика, религия и традиции. Данные факторы послужили тому, что Турция является первым государством, признавшим независимость Азербайджана, и на сегодняшний день главным стратегическим партнером на мировой арене.

Концепция «одна нация – два государства», активно поддерживаемая Турцией и Азербайджаном, лежит в основе их братских и стратегических отношений, формируя так называемое «туркоцентричное пространство». Некоторые исследователи полагают, что Турция стремится укрепить «тюркский мир», видя Азербайджан как важного партнера в реализации этой идеи [2, с. 99].

Культура

Программа «Молодёжный обмен Турция–Азербайджан», прошедшая с 5 по 11 октября 2024 года, демонстрирует, как Турция использует культурную дипломатию для формирования положительного восприятия среди азербайджанской молодежим [30]. Включение экскурсий, дискуссий и тематических мероприятий способствует установлению глубокого культурного взаимопонимания. Турция стремится к обмену традициями и к укреплению лояльности к стране, что способствует долгосрочному влиянию на новое поколение Азербайджана. Данный проект демонстрирует использование мягкой силы Турции через стратегическое культурное влияние, создающее базу для политической и экономической интеграции в будущем.

Ярким примером усиливания символической связи между государствами является проведение Национального горного фестиваля в Гёйгёле в июле 2024 года, которое было организовано Турецким агентством по сотрудничеству и координации (TİKA)[26]. Путем объединения культурных ценностей и проведения подобных мероприятий Турция формирует общее культурное пространство, способствующее поддержанию положительного имиджа на международной арене и укреплению политических связей на основе культурного сходства.

Образование

Открытие Турецко-азербайджанского университета в 2024–2025 учебном году стало важной стратегической инициативой, направленной на углубление культурного и образовательного сотрудничества [17]. Университет, созданный при поддержке президентов Турции и Азербайджана, предоставляет возможность азербайджанским студентам получать дипломы, признанные в Турции, и формирует лояльное к Турции поколение. Университет служит образовательным центром и важным элементом культурной дипломатии, способствующим формированию положительного восприятия Турции среди азербайджанской молодежи. Через привлечение студентов Турция закладывает долгосрочные связи и укрепляет свои позиции как ведущий образовательный партнер в регионе, что в итоге усиливает ее мягкую силу.

Социальная сфера

Неделя братства и солидарности Турции и Азербайджана, проведённая 19 апреля 2023 года, продемонстрировала стратегическое использование мягкой силы для укрепления братских связей с Азербайджаном [33]. Данная инициатива, приуроченная к 100-летию Турецкой Республики и 100-летию со дня рождения Гейдара Алиева, подчеркнула историческую и культурную близость двух стран, объединяя символические события, значимые для обеих сторон. Выбор именно этих юбилеев способствовал усилению эмоциональной привязанности между народами и формированию более глубокого общественного доверия к Турции.

В рамках Недели прошли выставки, конференции и круглые столы, где обсуждались перспективы дальнейшего взаимодействия, что подчеркивает культурное и социальное значение этих событий. Конференции и круглые столы создают платформу для обсуждения стратегических и общественных вопросов, тем самым усиливая позиции Турции в качестве социального и политического партнёра. Турция через данные мероприятия формирует долгосрочные связи, выходящие за рамки культурного обмена, обеспечивая благоприятную основу для политического и экономического взаимодействия в будущем.

Экономика

Турецко-Азербайджанский бизнес-форум, состоявшийся 4 ноября 2022 года в Баку, продемонстрировал стратегическое применение Турцией мягкой силы через экономическое сотрудничество и укрепление взаимного доверия [32]. Обсуждение на форуме возможностей инвестирования в инфраструктурные и строительные проекты и перспектив создания новых рабочих мест позволило Турции укрепить образ надежного и выгодного партнера для Азербайджана. Поддерживая развитие подобных проектов, Турция показывает свою заинтересованность в экономическом росте соседнего государства, что усили-

вает восприятие Турции как ответственного и социально значимого партнера.

Таким образом, ключевыми элементами данного подхода являются культурные, образовательные и экономические связи, которые способствуют укреплению двусторонних отношений и формированию устойчивого и позитивного восприятия Турции среди азербайджанского общества. В отличие от других государств Южного Кавказа, Турция в Азербайджане делает акцент на тесных исторических и культурных связях, выраженных через концепцию «одна нация – два государства». Данная стратегия позволяет Турции успешно продвигать свои интересы в регионе, формируя лояльное отношение и социальное доверие среди населения Азербайджана.

Грузия

Отношения Турции и Грузии прошли значительный путь от напряженного исторического взаимодействия к прочному стратегическому партнерству. После распада СССР и обретения Грузией независимости в 1991 году Турция одной из первых признала ее суверенитет, что заложило основу для последующего сотрудничества. С начала 2000-х годов, когда экономическое партнёрство стало приоритетным, страны активно развивали совместные инфраструктурные проекты (нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и железная дорога Баку-Тбилиси-Карс). Данные проекты превратили Грузию в ключевой транспортный коридор, соединяющий Турцию с Каспийским регионом и Центральной Азией, и укрепили ее значение как стратегического партнера для Турции.

Турция заинтересована в Грузии как важном транспортном узле для энергетических и торговых коридоров, что усиливает ее экономическое и геополитическое влияние на Кавказе. Для Грузии же Турция – это экономически развитый сосед и член НАТО, поддерживающий её стремление к интеграции в евроатлантические структуры и обеспечивающий значительные экономические и культурные возможности для развития.

Культура

Институт Юнуса Эмре (YEE) активно использует культурную дипломатию как важный инструмент мягкой силы Турции в Грузии, организуя мероприятия, которые укрепляют культурные связи и формируют положительное восприятие страны. 25 октября 2024 года в Тбилиси состоялись мастер-классы по турецкому искусству эбру, которые объединили студентов, художников и местных жителей, интересующихся культурой Турции. Мероприятие, прошедшее на базе Тбилисского государственного университета и в центре Юнуса Эмре, включало участие экспертов из Университета Сельчук, которые делились своими знаниями и опытом, углубляя понимание турецких культурных традиций [38]. Координатор YEE в Тбилиси Зекерия Гюльтекин подчеркнул, что такие события помогают сохранить и передать культурное наследие Турции, делая его доступным для широкой аудитории.

Данная культурная инициатива демонстрирует стратегическое использование мягкой силы Турцией. Посредством знакомства с искусством и культурой Анкара стремится сформировать положительный имидж среди грузинской аудитории, способствуя культурному сближению. Подобное мероприятие создает условия для лояльного отношения к Турции, формируя благоприятное восприятие её культуры и ценностей, что усиливает культурное и дипломатическое влияние Турции в Грузии.

Конкурс рисунков «Дружба Турции и Грузии», проведенный YEE в мае 2024 года в рамках проекта «Tercihim Türkçe», был направлен на популяризацию турецкого языка среди грузинских школьников, стимулируя интерес к изучению языка и культурных традиций Турции [22]. На примере данного мероприятия вновь можно наблюдать тенденцию на ориентирование активной работы с молодежью, которая также, как и прочие мероприятия направлена на создание благоприятного имиджа Турции. Отметим, что подобные шаги выполняют и другую функцию – государства имеют общую границу протяженностью в 273 км., а это значит, что как и в случае с Азербайджаном Анкара в рамках концепции мягкой силы не только конструирует положительный образ как международный актор, но и устанавливает добрососедский климат в отношении Тбилиси.

Образование

Образовательные проекты, инициированные Турцией, демонстрируют стратегический подход Анкары, направленный на укрепление образовательных связей между двумя странами, способствующий формированию лояльного отношения грузинской молодежи к Турции и углублению межгосударственного сотрудничества.

Проект «Tercihim Türkçe» был запущен в 2012 году и направлен на популяризацию турецкого языка [22]. В рамках этой инициативы турецкий язык преподается как факультативный предмет в нескольких государственных школах Грузии. В Тбилиси были подписаны соглашения с семью учебными заведениями. Через данный проект Турция создает устойчивую образовательную платформу, которая способствует развитию культурного обмена.

Распространение языка является методом культурной дипломатии и способом постепенного расширения влияния через формирование общего культурного пространства. Данный проект создает позитивные ассоциации и усиливает готовность молодежи к дальнейшему взаимодействию с Турцией, формируя поколение, более восприимчивое к турецким культурным и образовательным ценностям.

Запуск керамической мастерской в сентябре 2023 года в общественном колледже «Спектр» в Тбилиси углубляет образовательное сотрудничество между Грузией и Турцией [27]. TİKA предоставила современное оборудование и материалы, что позволило грузинским студентам освоить турецкое ремесло и прикладные навыки. Открытие мастерской сопровождалось встречей представителей TİKA с грузинскими партнёрами, что подчеркнуло важность культурного обмена и образовательного взаимодействия. Подобные встречи показывают, что проект поддерживается на уровне официального сотрудничества и не является разовой инициативой.

Социальная сфера

Социальное соглашение между Турцией и Грузией, подписанное в 1998 году и вступившее в силу в 2003 году, играет важную роль в поддержке социальной защиты граждан обеих стран, работая как один из элементов мягкой силы Турции. Это соглашение было разработано для облегчения доступа к социальным льготам для граждан Турции и Грузии, временно находящихся на территории другой страны, тем самым поддерживая права и благосостояние мигрантов и работников. В 2020 году Турция выпустила директиву по социальному страхованию (2020/32), которая детализировала применение соглашения и способствовала повышению прозрачности и доступности социальной помощи [36]. Этот документ упрощает правила и процедуры, регулирующие социальную защиту, обеспечивая гражданам Турции и Грузии равные права на социальные льготы в странах временного пребывания.

Соглашение способствует укреплению межгосударственных связей, предоставляя гражданам дополнительные социальные гарантии, что способствует формированию позитивного восприятия Турции в Грузии. В контексте мягкой силы данная поддержка прав мигрантов и защита социального благополучия повышают доверие и лояльность к Турции среди граждан Грузии.

Экономика

Запуск прямых авиарейсов между Тбилиси и Трабзоном в октябре 2024 года рассматривается как часть мягкой силы Турции, направленной на углубление межгосударственных связей и развитие взаимовыгодных экономических отношений. Новое транспортное сообщение создает условия для увеличения турпотока, что способствует развитию туристической отрасли, особенно в сфере медицинского туризма, где Турция уже имеет конкурентные позиции. Благодаря этому прямому рейсу Грузия получает более доступный маршрут к передовым медицинским услугам Турции, что укрепляет имидж Турции как лидера в медицинском туризме.

Применение Турцией мягкой силы в Грузии характеризуется многосферным подходом, включающим культурные, образовательные, социальные и экономические инициативы, что отличает ее стратегию от подхода к другим странам Южного Кавказа. Инициативы Анкары в стране создают благоприятные и долгосрочные культурные и экономические связи, делая Грузию важным партнером и транспортным коридором для Турции в регионе.

Армения

На начальных этапах Турция проявляла готовность к интеграции Армении в региональные и международные структуры, в том числе пригласила ее стать учредительным членом Организации Черноморского экономического сотрудничества, но обострение конфликта вокруг Нагорного Карабаха значительно осложнило процесс установления дипломатических отношений. Это привело к полному прекращению официальных контактов между двумя государствами, что стало ключевым препятствием для развития двусторонних отношений на протяжении десятилетий [23].

Армянская диаспора в Турции играет значительную роль в укреплении отношений, несмотря на отсутствие дипломатических связей между двумя странами. Турция вовлекает диаспору в процессы культурного обмена и налаживания мостов между народами.

Культура

Восстановление армянской церкви «Сурб Хач» на острове Ахтамар в 2005–2007 годах позиционировалось как акт культурного сближения между двумя странами [8, с. 181–182]. На реставрационные работы было выделено 1,5 миллиона долларов, что подчеркивает готовность Турции идти на шаги, направленные на восстановление культурных связей. В проекте участвовало Министерство культуры и туризма Турции и администрация города Ван, которая учитывала важность данного памятника для привлечения туристов.

Фонд имени Гранта Динка, основанный в 2007 году, фокусируется на преодолении исторических барьеров и улучшении взаимопонимания. Одной из значимых инициатив фонда является создание интерактивной карты культурного наследия Турции, которая сохраняет знания об армянских исторических объектах и тем самым подчеркивает ценность культурного наследия для обоих народов. Данная карта и проведенные исследования в Адане и Девели способствуют признанию общего прошлого, что помогает формировать уважительное отношение к армянской культуре и истории.

Большую важность имеет программа Turkey-Armenia Travel Grant, которая предоставляет возможность гражданам обеих стран посещать соседнюю страну для участия в культурных, образовательных и гражданских инициативах. Этот грант способствует сближению людей на личном уровне, что способствует налаживанию связей между двумя обществами. В рамках данной программы грантов на поездки между Турцией и Арменией за период 2023–2024 годов было поддержано 28 человек – 13 из Армении и 15 из Турции, хотя программа изначально планировала поддержать как минимум 50 участников до конца декабря 2024 года [35]. Эти гранты были распределены в рамках заявочных периодов с марта по октябрь 2023 года. Финансирование осуществляется при поддержке Европейского Союза в рамках инициативы «Быстрая поддержка» в процессе нормализации отношений между Арменией и Турцией.

Программа Anadolu Kültür, активно работающая в рамках нормализации отношений между Турцией и Арменией, поддерживает культурные и художественные проекты, способствующие сближению народов через искусство. Одним из ярких примеров является проект «Meeting of Cities», который был запущен в 2016 году и объединяет культурных деятелей из городов Бурса и Гюмри. Проект включает в себя выставки, театральные постановки, концерты и публичные обсуждения, проходящие в обоих городах. Эти мероприятия позволяют жителям и культурным деятелям познакомиться с культурным наследием и современными практиками искусства своих соседей.

В 2008 году во время Международного кинофестиваля в Стамбуле программа Anadolu Kültür основала Армяно-Турецкую кино-платформу (ATCP). Официально же платформа была создана в 2009 году при поддержке кинофестиваля «Золотой абрикос» в Ереване. Она регулярно проводит мастер-классы и совместные проекты для армянских и турецких кинематографистов, чтобы стимулировать совместное производство фильмов. С тех пор было поддержано 16 фильмов. Более 400 кинематографистов приняли участие в различных мероприятиях платформы.

Процесс восстановления Анийского моста стал важным элементом для улучшения отношений с Арменией [4]. В 2020 году Турция выразила готовность начать работы по реконструкции, что стало инициативой, поддержанной на высшем уровне и рассматриваемой как часть усилий по восстановлению Шелкового пути и укреплению культурных связей между народами [21]. Турецкий и армянский представители договорились о совместной реставрации моста в феврале 2023 года, что было подтверждено встречей министра иностранных дел Армении Арарата Мирзояна и его турецкого коллеги Мевлюта Чавушоглу в Анкаре. Этот проект считается важным шагом к возобновлению сотрудничества между двумя странами.

Образование

Значимым событием стало подписание протоколов о сотрудничестве между университетами Турции и Армении, которые способствовали образовательным обменам между студентами [8, с. 182]. Армянские студенты получают возможность обучаться в турецких университетах, что дает возможность молодежи Турции и Армении налаживать коммуникацию.

Экономика

Несмотря на закрытую границу и политические разногласия, деловые круги с обеих сторон стремились к эко-

номическому сотрудничеству. В 1997 году был создан Турецко-Армянский комитет по развитию бизнеса (TAB-DC), который инициировал проекты по налаживанию торговых и культурных связей [6, с. 19].

В 2022 году был запущен новый процесс нормализации, без предварительных условий, с назначением специальных представителей: Сердара Кылыча от Турции и Рубена Рубиняна от Армении [20]. Этот процесс привел к возобновлению прямого авиасообщения и открытию границы для граждан третьих стран. Также с июля 2022 года были начаты грузовые авиаперевозки между Турцией и Арменией [19].

Резюмируя, можно отметить, что отношения между Турцией и Арменией остаются напряженными и неоднозначными из-за сложного исторического контекста и нерешенных политических вопросов, однако, несмотря на отсутствие дипломатических связей, наблюдаются подвижки в области культурного, образовательного и экономического сотрудничества. Сопоставляя соседские отношения Анкары с Баку, Тбилиси и Ереваном смело можно утверждать, что на данный момент отношения с Ереваном остаются наименее развитыми.Перспектива дальнейшего улучшения зависит от готовности государств идти на взаимные уступки. При условии компромиссов, направленных на урегулирование спорных вопросов, возможно расширение культурных, экономических и социальных проектов, что будет способствовать стабилизации и развитию отношений между Турцией и Арменией.

Проведенное исследование показало, что Турция использует инструменты «мягкой силы» для укрепления своего влияния на Южном Кавказе, адаптируя свои подходы в зависимости от особенностей каждой страны региона.

В отношениях с Азербайджаном Турция опирается на исторические и культурные связи и на стратегическое экономическое партнерство. В Грузии Турция активно развивает культурные и образовательные связи и реализует социальные и экономические инициативы, способствующие укреплению добрососедства и взаимного доверия.

В отношениях с Арменией Турция применяет более осторожный подход, используя культурные и гуманитарные инициативы для постепенного улучшения отношений. Несмотря на сохраняющиеся политические разногласия, восстановление армянских памятников, организация культурных программ и гуманитарные проекты свидетельствуют о стремлении Турции наладить долгосрочный диалог и смягчить исторические противоречия.

Выводы показывают, что политика мягкой силы Турции на Южном Кавказе является гибкой и многоуровневой. Она успешно сочетается с экономическими интересами в регионе и учитывает политическую специфику каждого государства, но дальнейшее развитие этих отношений потребует продолжения культурных и экономических инициатив и решения исторических и политических вопросов. В Азербайджане Турция опирается на историко-культурные связи. В Грузии Турция акцентирует внимание на экономических проектах и культурном обмене. В Армении же мягкая сила Турции ограничена из-за исторических и политических разногласий, что требует осторожного подхода и сфокусированности на культурных и гуманитарных инициативах для постепенного улучшения отношений. Эти особенности формируют уникальную стратегию в каждом направлении.

Литература

1. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 5. С. 162–176.
2. Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 90–100. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100. – EDN: AJIIXX.
3. Аватков В. А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. – 2020. – № 2 (1680). – С. 115–128.
4. Армения вскоре передаст Турции свои подходы по восстановлению Анийского моста – МИД. Sputnik Армения, 28 апреля 2024. URL: https://am.sputniknews.ru/20240428/armeniya-vskore-peredast-turtsii-svoi-podkhody-po-vosstanovleniyu-aniyskogo-mosta—-mid-75050930.html (дата обращения: 15.10.2024).
5. Енокян А. В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 8. С. 787–798.
6. Енокян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики // Политика Турции в Южном Кавказе: Коллективная монография. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 15–34.
7. Ибадов Н. В.О. Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 1. С. 32–39.
8. Кочарян Л.С. Некоторые провокативные практики нормализации армяно-турецких отношений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 1 (123). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-provokativnye-praktiki-normalizatsii-armyano-turetskih-otnosheniy (дата обращения: 15.10.2024).
9. Курылев К. П., Енокян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1. С. 1.
10. Мамедов Р. Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 734–747.
11. Марабян К.П. Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 130–138. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-130-138.
12. Мислишаев А. С. «Мягкая сила» Турции в регионе Южного Кавказа // Публичная дипломатия: формирование эффективных моделей системного сотрудничества в Кавказском регионе. 2020. С. 157–163.
13. Опирающиеся на глубокие исторические корни дружба и братство между Турцией и Азербайджаном вечны и непоколебимы. АзерТАдж, 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/opirayushchiesya_na_glubokie_istoricheskie_korni_druzhba_i_bratstvo_mezhdu_turciei_i_azerbaidzhanom_vechny_i_nepokolebimy-3048218 (дата обращения: 15.10.2024).
14. Россия и Турция подписали меморандум о сотрудничестве. РБК, 19 июня 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672096f9a79471c8ae6fc49 (дата обращения: 15.10.2024).
15. Цибенко В. В., Индюхова А.В. Турецкая модель «мягкой силы»: пример Хатая // Научная мысль Кавказа. 2024. № 2 (118). С. 58–64
16. 2024'е Güçlü Giren Kardeşlik: Türkiye-Azerbaycan. AIR Center. URL: https://aircenter.az/az/single/2024e-guclu-

giren-kardeslik-turkiye-azerbaycan-1332 (дата обращения: 15.10.2024).
17. Azerbaycan'dan Bu Yıl Faaliyete Geçecek Türkiye-Azerbaycan Üniversitesine İlişkin Açıklama. YirmiDört TV. URL: https://www.yirmidort.tv/egitim/azerbaycandan-bu-yil-faaliyete-gececek-turkiye-azerbaycan-universitesine-iliskin-aciklama-156947 (дата обращения: 15.10.2024).
18. Ermenistan ile Türkiye Normalleşme Süreci. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1200668 (дата обращения: 15.10.2024).
19. Ermenistan'la Normalleşme Süreci: Sınırda İlk Adımlar. Fikir Turu. URL: https://fikirturu.com/jeo-politika/ermenistanla-normallesme-sureci-sinirda/ (дата обращения: 15.10.2024).
20. Ermenistan-Türkiye İlişkileri ve Normalleşme. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1101438 (дата обращения: 15.10.2024).
21. Ermenistan-Türkiye Sınırında Normalleşme Adımları. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1137341 (дата обращения: 15.10.2024).
22. Gürcistan'da Türkiye-Gürcistan Dostluğu Temalı Resim Yarışması Yapıldı. Anadolu Ajansı. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/gurcistanda-turkiye-gurcistan-dostlugu-temali-resim-yarismasi-yapildi/3226306 (дата обращения: 15.10.2024).
23. No: 152, Türkiye-Ermenistan Normalleşme Süreci: Özel Temsilcilerinin Beşinci Toplantısı Hk. T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-152_-turkiye-ermenistan-normallesme-sureci-ozel-temsilcilerinin-besinci-toplantisi-hk.tr.mfa (дата обращения: 15.10.2024).
24. Ticaret Bakanı Bolat Bakü'de Azerbaycan-Türkiye Yatırım Forumunda Konuştu. T.C. Ticaret Bakanlığı. URL: https://ticaret.gov.tr/haberler/ticaret-bakani-bolat-bakude-azerbaycan-turkiye-yatirim-forumunda-konustu (дата обращения: 15.10.2024).
25. Trabzon-Gürcistan Uçak Seferleri İki Ülkeye Yeni Fırsatlar Doğuracak. Ekonomi M. URL: https://www.ekonomim.com/ekonomi/trabzon-gurcistan-ucak-seferleri-iki-ulkeye-yeni-firsatlar-doguracak-haberi-775515 (дата обращения: 15.10.2024).
26. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Azerbaijan-Baku Program Coordination Office. URL: https://tika.gov.tr/office/azerbaycan-baku-program-koordinasyon-ofisi/ (дата обращения: 15.10.2024).
27. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Georgia-Tbilisi Program Coordination Office. URL: https://tika.gov.tr/office/gurcistan-tiflis-program-koordinasyon-ofisi/ (дата обращения: 15.10.2024).
28. Türkiye ile Azerbaycan Arasında Tercihli Ticaret Anlaşma. AB Mevzuat. URL: https://abmevzuat.com/turkiye-ile-azerbaycan-arasinda-tercihli-ticaret-anlasma-8512/ (дата обращения: 15.10.2024).
29. Türkiye-Azerbaycan Dostluğu Tüm Dünya İçin Bir Modeldir. SDE Akademi. URL: https://sdeakademi.org/turkiye-azerbaycan-dostlugu-tum-dunya-icin-bir-modeldir_4–245 (дата обращения: 15.10.2024).
30. Türkiye-Azerbaycan Gençlik Değişimi Programı Başvuru Sonuçları Açıklandı. T.C. Gençlik ve Spor Bakanlığı. URL: https://genclikhizmetleri.gov.tr/turkiye-azerbaycan-genclik-degisimi-programi-basvuru-sonuclari-aciklandi/ (дата обращения: 15.10.2024).
31. Türkiye-Azerbaycan İş Forumu 8 Mayıs 2024. Gebze Ticaret Odası. URL: https://www.gebzeto.org.tr/turkiye-azerbaycan-is-forumu-8-mayis-2024/ (дата обращения: 15.10.2024).
32. Türkiye-Azerbaycan İş Konseyi. Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu (DEİK). URL: https://www.deik.org.tr/turkiye-avrasya-is-konseyleri-turkiye-azerbaycan-is-konseyi?pm=28&sm=etkinlikler (дата обращения: 15.10.2024).
33. Türkiye-Azerbaycan Kardeşlik ve Dayanışma Haftası başladı. TRT Avaz. URL: https://www.trtavaz.com.tr/haber/tur/avrasyadan/turkiye-azerbaycan-kardeslik-ve-dayanisma-haftasi-basladi/643f0f9601a30a22986d4bc3 (дата обращения: 15.10.2024).
34. Türkiye-Azerbaycan Üniversitesine Yoğun İlgi. T.C. Milli Eğitim Bakanlığı, Baku. URL: https://baku.meb.gov.tr/www/turkiye-azerbaycan-universitesine-yogun-ilgi/icerik/395 (дата обращения: 15.10.2024).
35. Türkiye-Ermenistan Seyahat Fonu 2023–2024. Hrant Dink Vakfı. URL: https://hrantdink.org/tr/faaliyetler/projeler/turkiye-ermenistan-programi/3930-turkiye-ermenistan-seyahat-fonu-2023–2024 (дата обращения: 15.10.2024).
36. Türkiye-Gürcistan Sosyal Güvenlik Anlaşmasının Uygulama Esasları Hk. PwC Turkey. URL: https://www.pwc.com.tr/tr/hizmetlerimiz/insan-yonetimi-ve-organizasyon-danismanligi/sosyal-guvenlik-hizmetleri/bultenler/2020/turkiye-gurcistan-sosyal-guvenlik-anlasmasinin-uygulama-esaslari-hk.html (дата обращения: 15.10.2024).
37. TÜRKSOY Daimi Konseyi 40. Dönem Toplantısı Sonuç Bildirisi. TÜRKSOY. URL: https://www.turksoy.org/haberler/turksoy-daimi-konseyi-40-donem-toplantisi-sonuc-bildirisi (дата обращения: 15.10.2024).
38. Yunus Emre Enstitüsü'nden Gürcistan'da Geleneksel Türk Ebru Sanatı Atölyesi. TRT Avaz. URL: https://www.trtavaz.com.tr/haber/tur/avrasyadan/yunus-emre-enstitusunden-gurcistanda-geleneksel-turk-ebru-sanati-atolyesi/671beae81756af221e482418 (дата обращения: 15.10.2024).

CHARACTERISTICS OF TURKEY'S USE OF SOFT POWER IN THE SOUTH CAUCASUS

Kazaryan S.I.
Saint Petersburg State University

The article examines the mechanisms of Turkey's soft power policy in the South Caucasus. The relevance of the study is due to the fact that the South Caucasus is a strategically important region for Turkey, and interest in it is caused by its heterogeneity in the socio-economic and cultural context. Specific elements of Turkey's soft power in relation to the South Caucasus region are revealed. Particular attention is paid to cultural diplomacy, educational programs and economic projects that contribute to strengthening Turkey's position in the region. Turkey's relations with Azerbaijan, Georgia and Armenia are analyzed, taking into account historical and cultural factors influencing its strategy. In conclusion, conclusions are made about the impact of Turkey's soft power policy on stability.

Keywords: soft power, Turkey, South Caucasus, cultural diplomacy, economic cooperation, foreign policy.

References

1. Avakov V.A. The Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 162–176.
2. Avakov V.A. Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State? // World Economy and International Relations. – 2022. – Vol. 66, No. 2. – Pp. 90–100. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100. – EDN: AJIIXX.
3. Avakov V. A., Sbitneva A.I. Political Course of Modern Turkey. Main Features of Domestic and Foreign Policy in 2019 // Free Thought. – 2020. – No. 2 (1680). – P. 115–128.
4. Armenia to soon convey its approaches to restoring Ani Bridge to Turkey – MFA. Sputnik Armenia, April 28, 2024. URL: https://am.sputniknews.ru/20240428/armeniya-vskore-peredast-turtsii-svoi-podkhody-po-vosstanovleniyu-aniyskogo-mosta—-mid-75050930.html (accessed: 15.10.2024).

5. Enokyan A. V., Stanis D.V. The factor of “soft power” policy in promoting Turkish interests in Georgia // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5, No. 8. P. 787–798.
6. Yenokyan A.V. Armenia as an object of influence of Turkish policy // Turkey’s policy in the South Caucasus: Collective monograph. Moscow: INION RAS, 2021. Pp. 15–34.
7. Ibadov N. V.O. Implementation of the concept of Turkey’s «soft power» in the Turkic region // Post-Soviet studies. 2024. Vol. 7, No. 1. Pp. 32–39.
8. Kocharyan L.S. Some provocative practices of normalization of Armenian-Turkish relations // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2014. No. 1 (123). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-provokativnye-praktiki-normalizatsii-armyano-turetskih-otnosheniy (date of access: 15.10.2024).
9. Kurylev K. P., Yenokyan A.V. Armenia as an object of influence of Turkish soft power policy: difficulties, successes and prospects // Middle and Post-Soviet East. 2023. No. 1. P. 1.
10. Mamedov R. T. “Soft power” as part of Turkish foreign policy in Georgia // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23, No. 4. P. 734–747.
11. Marabyan K.P. Features of Turkey’s Modern Policy in the South Caucasus // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 4. Pp. 130–138. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-130-138.
12. Mislishaev A.S. Turkey’s «Soft Power» in the South Caucasus Region // Public Diplomacy: Formation of Effective Models of Systemic Cooperation in the Caucasus Region. 2020. Pp. 157–163.
13. Friendship and brotherhood between Turkey and Azerbaijan, based on deep historical roots, are eternal and unshakable. AzerTAc, 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/opirayushchiesya_na_glubokie_istoricheskie_korni_druzhba_i_bratstvo_mezhdu_turciei_i_azerbaidzhanom_vechny_i_nepokolebimy-3048218 (date of access: 15.10.2024).
14. Russia and Turkey signed a memorandum of cooperation. RBC, June 19, 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672096f9a79471c8ae6fc49 (date of access: 15.10.2024).
15. Tsibenko V.V., Indyukhova A.V. Turkish model of “soft power”: the example of Hatay // Scientific Thought of the Caucasus. 2024. No. 2 (118). P. 58–64.
16. 2024’e Güçlü Giren Kardeşlik: Türkiye-Azerbaycan. AIR Center. URL: https://aircenter.az/az/single/2024e-guclu-giren-kardeslik-turkiye-azerbaycan-1332 (дата обращения: 15.10.2024).
17. Azerbaycan’dan Bu Yıl Faaliyete Geçecek Türkiye-Azerbaycan Üniversitesine İlişkin Açıklama. YirmiDört TV. URL: https://www.yirmidort.tv/egitim/azerbaycandan-bu-yil-faaliyete-gececek-turkiye-azerbaycan-universitesine-iliskin-aciklama-156947 (дата обращения: 15.10.2024).
18. Ermenistan ile Türkiye Normalleşme Süreci. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1200668 (дата обращения: 15.10.2024).
19. Ermenistan’la Normalleşme Süreci: Sınırda İlk Adımlar. Fikir Turu. URL: https://fikirturu.com/jeo-politika/ermenistanla-normallesme-sureci-sinirda/ (дата обращения: 15.10.2024).
20. Ermenistan-Türkiye İlişkileri ve Normalleşme. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1101438 (дата обращения: 15.10.2024).
21. Ermenistan-Türkiye Sınırında Normalleşme Adımları. Armenpress. URL: https://armenpress.am/tr/article/1137341 (дата обращения: 15.10.2024).
22. Gürcistan’da Türkiye-Gürcistan Dostluğu Temalı Resim Yarışması Yapıldı. Anadolu Ajansı. URL: https://www.aa.com.tr/tr/gundem/gurcistanda-turkiye-gurcistan-dostlugu-temali-resim-yarismasi-yapildi/3226306 (дата обращения: 15.10.2024).
23. No: 152, Türkiye-Ermenistan Normalleşme Süreci: Özel Temsilcilerinin Beşinci Toplantısı Hk. T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-152_-turkiye-ermenistan-normallesme-sureci-ozel-temsilcilerinin-besinci-toplantisi-hk.tr.mfa (дата обращения: 15.10.2024).
24. Ticaret Bakanı Bolat Bakü’de Azerbaycan-Türkiye Yatırım Forumunda Konuştu. T.C. Ticaret Bakanlığı. URL: https://ticaret.gov.tr/haberler/ticaret-bakani-bolat-bakude-azerbaycan-turkiye-yatirim-forumunda-konustu (дата обращения: 15.10.2024).
25. Trabzon-Gürcistan Uçak Seferleri İki Ülkeye Yeni Fırsatlar Doğuracak. Ekonomi M. URL: https://www.ekonomim.com/ekonomi/trabzon-gurcistan-ucak-seferleri-iki-ulkeye-yeni-firsatlar-doguracak-haberi-775515 (дата обращения: 15.10.2024).
26. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Azerbaijan-Baku Program Coordination Office. URL: https://tika.gov.tr/office/azerbaycan-baku-program-koordinasyon-ofisi/ (дата обращения: 15.10.2024).
27. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Georgia-Tbilisi Program Coordination Office. URL: https://tika.gov.tr/office/gurcistan-tiflis-program-koordinasyon-ofisi/ (дата обращения: 15.10.2024).
28. Türkiye ile Azerbaycan Arasında Tercihli Ticaret Anlaşma. AB Mevzuat. URL: https://abmevzuat.com/turkiye-ile-azerbaycan-arasinda-tercihli-ticaret-anlasma-8512/ (дата обращения: 15.10.2024).
29. Türkiye-Azerbaycan Dostluğu Tüm Dünya İçin Bir Modeldir. SDE Akademi. URL: https://sdeakademi.org/turkiye-azerbaycan-dostlugu-tum-dunya-icin-bir-modeldir_4–245 (дата обращения: 15.10.2024).
30. Türkiye-Azerbaycan Gençlik Değişimi Programı Başvuru Sonuçları Açıklandı. T.C. Gençlik ve Spor Bakanlığı. URL: https://genclikhizmetleri.gov.tr/turkiye-azerbaycan-genclik-degisimi-programi-basvuru-sonuclari-aciklandi/ (дата обращения: 15.10.2024).
31. Türkiye-Azerbaycan İş Forumu 8 Mayıs 2024. Gebze Ticaret Odası. URL: https://www.gebzeto.org.tr/turkiye-azerbaycan-is-forumu-8-mayis-2024/ (дата обращения: 15.10.2024).
32. Türkiye-Azerbaycan İş Konseyi. Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu (DEİK). URL: https://www.deik.org.tr/turkiye-avrasya-is-konseyleri-turkiye-azerbaycan-is-konseyi?pm=28&sm=etkinlikler (дата обращения: 15.10.2024).
33. Türkiye-Azerbaycan Kardeşlik ve Dayanışma Haftası başladı. TRT Avaz. URL: https://www.trtavaz.com.tr/haber/tur/avrasyadan/turkiye-azerbaycan-kardeslik-ve-dayanisma-haftasi-basladi/643f0f9601a30a22986d4bc3 (дата обращения: 15.10.2024).
34. Türkiye-Azerbaycan Üniversitesine Yoğun İlgi. T.C. Milli Eğitim Bakanlığı, Baku. URL: https://baku.meb.gov.tr/www/turkiye-azerbaycan-universitesine-yogun-ilgi/icerik/395 (дата обращения: 15.10.2024).
35. Türkiye-Ermenistan Seyahat Fonu 2023–2024. Hrant Dink Vakfı. URL: https://hrantdink.org/tr/faaliyetler/projeler/turkiye-ermenistan-programi/3930-turkiye-ermenistan-seyahat-fonu-2023–2024 (дата обращения: 15.10.2024).
36. Türkiye-Gürcistan Sosyal Güvenlik Anlaşmasının Uygulama Esasları Hk. PwC Turkey. URL: https://www.pwc.com.tr/tr/hizmetlerimiz/insan-yonetimi-ve-organizasyon-danismanligi/sosyal-guvenlik-hizmetleri/bultenler/2020/turkiye-gurcistan-sosyal-guvenlik-anlasmasinin-uygulama-esaslari-hk.html (дата обращения: 15.10.2024).
37. TÜRKSOY Daimi Konseyi 40. Dönem Toplantısı Sonuç Bildirisi. TÜRKSOY. URL: https://www.turksoy.org/haberler/turksoy-daimi-konseyi-40-donem-toplantisi-sonuc-bildirisi (дата обращения: 15.10.2024).
38. Yunus Emre Enstitüsü’nden Gürcistan’da Geleneksel Türk Ebru Sanatı Atölyesi. TRT Avaz. URL: https://www.trtavaz.com.tr/haber/tur/avrasyadan/yunus-emre-enstitusunden-gurcistanda-geleneksel-turk-ebru-sanati-atolyesi/671beae81756af221e482418

Геополитическая конкуренция России и Запада в евразийском регионе

Лю Идин,
магистр, МГУ
E-mail: 2300725748@qq.com

Будучи ключевым регионом мировой геополитики, Евразия уже давно является основной ареной соперничества между Россией и Западом. В статье рассматривается игра между двумя сторонами в области безопасности, политики, экономики и культуры со времен холодной войны, а также анализируется влияние расширения НАТО на восток, цветных революций и энергетической конкуренции на геостратегическую стратегию России. Исследования показывают, что напряженность в отношениях между Россией и Западом обусловлена различиями во взглядах на международный порядок, в то время как тенденция к глобальной многополярности и рост числа развивающихся держав усложнили конкуренцию. В статье восполняется пробел в исследованиях будущих тенденций игры Россия-Запад и предлагается возможность смягчения конфронтации посредством ограниченного сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Запад, Евразия, Геополитическая Конкуренция, Международные Отношения.

Введение

Будучи стратегическим узлом, соединяющим Европу и Азию, Евразийский регион всегда был основной ареной конкуренции между крупными державами. Его геополитическое значение отражается не только в его важном географическом положении, но и в его богатых запасах ресурсов, разнообразном культурном наследии и сложном историческом контексте. Конкуренция России с Западом в регионе восходит к периоду противостояния Российской империи и европейских держав и достигла своего пика во времена Холодной войны. После распада Советского Союза, хотя Россия когда-то и пыталась интегрироваться в международный порядок, где доминировал Запад, ряд событий, таких как расширение НАТО на восток, цветные революции и война на Украине, вновь обострили отношения между двумя сторонами.[1] В связи со стратегической интеграцией России в рамках Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности, а также с давлением Запада посредством экономических санкций и политического вмешательства, геополитическое соперничество между двумя сторонами в Евразии приобрело новую и сложную динамику.[2] Целью данной статьи является исследование текущего состояния и будущих тенденций геополитического соперничества между Россией и Западом в Евразии, а также анализ движущих факторов и потенциальных последствий, которые за ним стоят. Благодаря этому исследованию мы сможем не только глубже понять характер отношений между Россией и Западом, но и предоставить теоретическую основу для оценки эволюции ситуации в евразийском регионе и ее влияния на глобальный ландшафт.

Эволюция противостояния России и Запада в Евразийском регионе

В годы холодной войны противостояние Советского Союза и Запада в Евразии составляло ядро биполярной структуры мира. Через Варшавский договор и Совет СЭВ Советский Союз включил в сферу своего влияния Восточную Европу и некоторые страны Центральной Азии, сформировав геополитический лагерь, находившийся в оппозиции к НАТО и западной экономической системе. Конфронтация в этот период не только нашла свое отражение в военном противостоянии, но и проникла на многие уровни, такие как идеология, экономическая модель и культурное влияние. После распада Советского Союза Россия, как его главный преемник, попыталась изменить свой международный статус посредством стратегии «интеграции в Запад», однако эти усилия были сорваны расширением НАТО на восток и проникновением Запада в страны СНГ.[3] В ранний период после Холодной войны отношения между Россией и Западом пережили кратковременное смягчение. Однако с расширением НАТО в Восточную Европу и на Кавказ геополитическое пространство России постепенно сжималось, и отношения между двумя сторонами снова стали напряженными.

Геополитический ландшафт в Евразии претерпел глубокие изменения после окончания холодной войны. Распад Советского Союза привел к переосмыслению существующих геополитических границ, а новые неза-

висимые страны стали объектом соперничества между Россией и Западом. Запад пытался вовлечь страны Евразии в свою политическую и экономическую орбиту, поддерживая цветные революции, продвигая демократизацию и укрепляя экономическое сотрудничество. Россия укрепляет свое влияние на постсоветском пространстве путем укрепления Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности. В этом процессе расширение НАТО на восток стало ключевым фактором ухудшения отношений между Россией и Западом. Россия рассматривает расширение НАТО как прямую угрозу своей национальной безопасности и стратегическим интересам и отреагировала военной модернизацией, укреплением пограничной обороны и жесткой позицией в украинском кризисе.

Энергетическая игра – еще одно важное измерение конкуренции между Россией и Западом в Евразии. Опираясь на свои богатые энергетические ресурсы, Россия использует экспорт энергоносителей в качестве геополитического инструмента для влияния на политическую ориентацию стран Евразии путем контроля поставок энергоносителей и цен на них.[4] Запад пытается ослабить энергетическое доминирование России, продвигая диверсификацию энергоносителей, поддерживая проекты по транспортировке энергоносителей в обход России (например, Южно-Кавказский трубопровод) и вводя энергетические санкции. Кроме того, цветные революции, являясь важным инструментом Запада по продвижению демократизации, еще больше обострили конфронтацию между Россией и Западом в Евразии. Россия расценила эти революции как попытки Запада подорвать ее сферу влияния и противодействовала им, поддерживая пророссийские режимы и укрепляя региональную интеграцию.

Ключевые направления геополитического соперничества России и Запада

Геополитическое соперничество между Россией и Западом в Евразии охватывает множество областей, включая безопасность, политику, экономику и культуру. Игра в этих областях не только отражает конфликт стратегических интересов между двумя сторонами, но и глубоко формирует геополитический ландшафт Евразии. В сфере безопасности расширение НАТО на восток рассматривается как главная угроза национальной безопасности России. После окончания холодной войны НАТО постепенно сжимает стратегическое пространство России, поглощая страны Центральной и Восточной Европы и пытаясь включить в свои рамки Украину и Грузию.[5] Россия приняла ряд контрмер, включая укрепление механизма военного сотрудничества Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), содействие Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) для усиления региональной экономической интеграции и ответ на западное военное давление посредством военной модернизации и усиления возможностей стратегического сдерживания. Кроме того, Россия и Запад также столкнулись с прямой конфронтацией в ходе своих военных учений и размещений оружия в Евразии. Например, в результате украинской войны Россия вступила в конфронтацию с военным присутствием НАТО в Восточной Европе, и обе стороны борются за региональное господство, демонстрируя свою военную мощь.

В политической сфере конкуренция между Россией и Западом за политическую систему и пути развития стран Евразии особенно острая. Украина и Грузия оказались в центре внимания игры между двумя сторонами. Запад пытался вовлечь страны Евразии в свою политическую орбиту, поддерживая цветные революции и процессы демократизации, в то время как Россия сохраняла свое влияние, поддерживая пророссийские режимы, оказывая экономическую помощь и осуществляя военное вмешательство. Украинский кризис является концентрированным проявлением этой игры, которая напрямую бросает вызов геополитическим целям Запада в регионе. Игра между Россией и Западом в таких международных организациях, как ООН и ОБСЕ, также отражает конкуренцию между двумя сторонами за политическое влияние в евразийском регионе. Россия использует свое место в этих организациях, чтобы попытаться заблокировать региональную повестку дня, продвигаемую Западом, и одновременно добиваться решений, которые отвечают ее собственным интересам.

Не менее жесткая конкуренция наблюдается и в экономической сфере, особенно в таких областях, как энергетика, транспорт и торговля. Опираясь на свои богатые энергетические ресурсы, Россия использует экспорт энергоносителей в качестве геополитического инструмента для влияния на политическую ориентацию стран Евразии путем контроля поставок энергоносителей и цен на них.[6] Например, Россия укрепила свое энергетическое доминирование посредством проектов газопроводов, таких как «Северный поток» и «Турецкий поток», одновременно пытаясь подорвать поддерживаемые Западом проекты по транзиту энергоносителей в обход России, такие как Южно-Кавказский трубопровод. Запад ослабляет энергетическое влияние России, продвигая энергетическую диверсификацию, вводя энергетические санкции и поддерживая энергетическую независимость стран Евразии. В сфере транспорта и торговли Россия содействует региональной экономической интеграции через Евразийский экономический союз, в то время как Запад расширяет свое экономическое влияние посредством таких механизмов, как инициатива «Один пояс, один путь» и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП).

Конкуренция в сфере культуры находит свое отражение в языке, образовании, средствах массовой информации, а также в формировании исторических повествований и национальной идентичности. Россия пытается сохранить свое культурное влияние в Евразии, продвигая образование на русском языке, поддерживая пророссийские СМИ и укрепляя культурные обмены. Запад пытается подорвать культурное доминирование России посредством образования на английском языке, международных медиасетей и распространения демократических ценностей. Борьба за исторический нарратив и национальную идентичность особенно важна. Россия подчеркивает исторические и культурные связи между Россией и странами Евразии, в то время как Запад пытается ослабить культурную центростремительную силу России, переосмысливая историю и продвигая диверсификацию национальной идентичности.

Геополитическое соперничество между Россией и Западом в Евразии носит многомерный характер и охватывает безопасность, политику, экономику и культуру. Это соревнование представляет собой не только борьбу за геополитические интересы, но и столкновение двух взглядов на международный порядок. Игра между Россией и Западом в Евразии будет существовать еще долго и может усложниться по мере углубления тенденции к многополярности.

Векторы развития геополитического соперничества в Евразии

На будущую тенденцию развития геополитического соперничества между Россией и Западом в Евразии будут влиять многочисленные факторы, среди которых особое

значение имеют эволюция международной обстановки, корректировка отношений между ведущими державами и внутренние изменения в странах региона. В настоящее время международная система переживает трансформацию от однополярности к многополярности. Подъем развивающихся экономик и диверсификация мировых центров силы привели к относительному снижению влияния традиционных крупных держав. На этом фоне конкуренция между Россией и Западом в Евразии станет более сложной. Поскольку Соединенные Штаты являются ядром западного лагеря, корректировка их глобальной стратегии напрямую повлияет на геополитический ландшафт в Евразии.[7] Стратегический уход США с Ближнего Востока и их политика смещения фокуса на Индо-Тихоокеанский регион могут ослабить их инвестиции в Евразию, тем самым предоставив России больше стратегического пространства. В то же время углубленное продвижение китайской инициативы «Один пояс, один путь» в Евразии также добавило новые переменные в конкуренцию между Россией и Западом. Россия может уравновесить влияние Запада, укрепив сотрудничество с Китаем, но это также может спровоцировать тонкие изменения в китайско-российских отношениях.

Изменения в отношениях между крупными державами также окажут глубокое влияние на геополитическую конкуренцию в Евразии. В обозримом будущем трудно добиться кардинального улучшения отношений между Россией и Западом, а конфронтация между двумя сторонами в сфере безопасности, политики и экономики, скорее всего, еще больше обострится.[8] Продолжающееся расширение НАТО на восток и ответные меры России по-прежнему будут оставаться в центре конфликта между двумя сторонами.

Еще одним фактором, который нельзя игнорировать, являются изменения в странах региона. Политическая стабильность и политическая ориентация стран Евразийского региона будут напрямую влиять на конкурентную ситуацию между Россией и Западом. Украинский кризис и внутренняя политическая динамика таких стран, как Грузия, станут предметом игры между двумя сторонами. Колебания этих стран между Россией и Западом не только повлияют на их собственные пути развития, но и окажут важное воздействие на региональный геополитический ландшафт. Выбор, который сделают страны Центральной Азии в отношении сотрудничества в сфере энергетики, транспорта и экономики, также станет ключевыми сферами конкуренции между Россией и Западом.

Геополитическое соперничество между Россией и Западом в Евразии, скорее всего, будет сопровождаться обострением конфронтации и ограниченным сотрудничеством. С одной стороны, противостояние двух сторон в сфере безопасности может еще больше обостриться, а размещение оружия и стратегическое сдерживание станут нормой. С другой стороны, в экономической и культурной сферах обе стороны могут достичь баланса местных интересов посредством ограниченного сотрудничества. Такая ситуация сосуществования конкуренции и сотрудничества будет способствовать формированию нового геополитического ландшафта в Евразии, в котором роль международных организаций, региональных механизмов сотрудничества и новых держав станет более заметной.

Заключение

Геополитическое соперничество между Россией и Западом в Евразии многомерно и многослойно, его суть заключается в комплексной игре в сферах безопасности, политики, экономики и культуры. Это соревнование представляет собой не только борьбу за геополитические интересы, но и столкновение двух взглядов на международный порядок. Такие факторы, как расширение НАТО на восток, цветные революции и энергетические игры после холодной войны, глубоко сформировали конфронтационный характер двусторонних отношений, в то время как тенденция к многополяризации международного ландшафта и корректировка отношений между крупными державами еще больше усугубили эту сложность. В будущем конкуренция между Россией и Западом в Евразии будет демонстрировать сосуществование усиленной конфронтации и ограниченного сотрудничества. Конфронтация в сфере безопасности может продолжать обостряться, но существует вероятность частичного сотрудничества в экономической и культурной областях. Эта конкуренция не только влияет на стабильность евразийского региона, но и оказывает глубокое воздействие на глобальное управление и международные отношения.

В статье утверждается, что в будущих исследованиях следует уделить больше внимания роли развивающихся держав в Евразии, особенно влиянию инициативы Китая «Один пояс, один путь» на конкуренцию России с Западом. Кроме того, внутренняя политическая динамика стран региона и их влияние на формирование геополитического ландшафта также заслуживают глубокого обсуждения. На политическом уровне международному сообществу следует поощрять Россию и Запад укреплять диалог в областях, представляющих общий интерес, и избегать эскалации конфронтации, одновременно изучая механизмы многостороннего сотрудничества для смягчения региональной напряженности. Геополитическая конкуренция в Евразии – это не только региональная проблема, но и важная часть реконструкции мирового порядка. Ее будущее развитие окажет глубокое влияние на стабильность и мир международной системы.

Литература

1. Суслов Д. В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 16–53.
2. Харитонова Н. И., Александр В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 6. С. 597–609.
3. Мишальченко Ю. В., Изотов А.В. Основные факторы формирования отношения Европейского союза к процессам евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 16. С. 26–31.
4. Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. 12, № 2. С. 228–246.
5. Медовкина Л. Ю., Лавриненко Д.С. История развития геополитических интересов ЕС на евразийском пространстве в 2002–2014 гг. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 27–36.
6. Пантин В.И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции // История и современность. 2021. № 1 (39). С. 28–53.
7. Жильцов С.С. Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом // Проблемы постсоветского пространства. 2025. Т. 11, № 4. С. 270–283.

8. Гарбузарова Е.Г. Геополитический треугольник «Россия–Иран–Китай» в условиях глобальных трансформаций // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1 (68). С. 166–175.

GEOPOLITICAL COMPETITION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST IN THE EURASIAN REGION

Liu Yiding
Moscow State University

As a key region of world geopolitics, Eurasia has long been the main arena of rivalry between Russia and the West. This article examines the security, political, economic, and cultural game between the two sides since the Cold War, and analyzes the impact of NATO's eastward expansion, color revolutions, and energy competition on Russia's geostrategic strategy. The research shows that tensions between Russia and the West stem from differences in views of the international order, while the trend towards global multipolarity and the rise of emerging powers have made competition more complex. The article fills a gap in research on future trends in the Russia-West game and suggests the possibility of mitigating confrontation through limited cooperation.

Keywords: Russia, the West, Eurasia, Geopolitical Competition, International Relations.

References

1. Suslov D. V., Pyatachkova A.S. Greater Eurasia: Conceptualization of the Concept and Its Place in Russia's Foreign Policy // Voprosy Georgii. 2019. No. 148. Pp. 16–53.
2. Kharitonova N. I., Alexander V. Key Issues of Eurasian Integration in the Context of Modern International Transformations and Russia's Policy in the Eurasian Space // Post-Soviet Studies. 2023. Vol. 6, No. 6. Pp. 597–609.
3. Mishalchenko Yu. V., Izotov A.V. Key Factors in Forming the European Union's Attitude to the Processes of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2014. No. 16. Pp. 26–31.
4. Vinogradov A.V. Russia in Eurasia: Between China and the West. Identity, Ideology and Geopolitics // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. 12, No. 2. Pp. 228–246.
5. Medovkina L. Yu., Lavrinenko D.S. History of the Development of the EU Geopolitical Interests in the Eurasian Space in 2002–2014 // Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. 2020. No. 3. Pp. 27–36.
6. Pantin V.I. Russia and the West in the 2020s: Prospects for a Geopolitical Revolution // History and Modernity. 2021. No. 1 (39). Pp. 28–53.
7. Zhiltsov S.S. Russia's Policy in the Eurasian Space in the Context of Confrontation with the West // Problems of the Post-Soviet Space. 2025. Vol. 11, No. 4. P. 270–283.
8. Garbuzarova E.G. Geopolitical triangle "Russia–Iran–China" in the context of global transformations // Oikumena. Regional studies. 2024. No. 1 (68). P. 166–175.

Концепция энергетической валюты как перспективное решение международных расчетов в условиях геополитической напряженности

Серегина Антонина Александровна,
канд. полит. наук, доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

В статье исследуется концепция энергетической валюты как перспективного решения для международных расчетов в условиях геополитической напряженности. Автор анализирует теоретические основы энергетической валюты, базирующиеся на фундаментальном принципе энергетической природы стоимости товаров и услуг. Рассмотрено историческое развитие идеи от первых дискуссий в 1920-х годах до современных концепций. В статье рассматриваются характеристики энергетической валюты, подчеркиваются ее преимущества: стабильность, обеспеченность физическими ресурсами и устойчивость к внешним финансовым ограничениям. Особое внимание уделено перспективам введения энергетической валюты, учитывая ее значительный энергетический потенциал. Автор исследует возможность формирования двухконтурной финансовой системы, в которой цифровой рубль обслуживает внутренний контур, а энергетическая валюта – внешнеэкономические операции. Автор приходит к выводу, что развитие энергетической валюты способствует укреплению экономического суверенитета и созданию более справедливой системы международных расчетов.

Ключевые слова: энергетическая валюта, экономический суверенитет, двухконтурная финансовая система, цифровой рубль, международные расчеты, геополитическая напряженность, энергетический потенциал России, финансовая устойчивость, дедолларизация.

О концепции энергетической валюты

Концепция энергетической валюты – одно из возможных и наиболее перспективных решений проблемы расчетов в недружественных условиях международной среды, которое учитывает фундаментальные функции денег и их специфическое применение в энергетическом контексте. В основе этой системы лежат три ключевых аспекта: в качестве меры стоимости она опирается на фундаментальный принцип энергетической природы, когда любой товар или услуга могут быть оценены через затраченную или накопленную энергию (которая исчисляется в джоулях или киловаттах). Энергоемкость, хотя и не полностью эквивалентна стоимости, уже служит метрикой для широкого спектра товаров, включая продукты питания.

Привязка валюты к некоему эквиваленту, выражаемому в физических единицах потребления-выработки энергии начала дискутироваться в научно-публицистическом пространстве экономистами еще в 1920–1930 гг. в СССР, но свежий импульс эти обсуждения получили в конце XX в. Было заявлено, что поскольку стоимость может иметь любое товарное измерение, то киловатт-часы для этой цели подходят для номинирования валют не меньше, чем золотая унция. Некоторые авторы предлагали взгляд на энергетические единицы, которые в будущем вытеснят денежные знаки и драгоценные металлы, как на средство внешнеэкономических расчетов в глобальных масштабах [5]. В подобной широте охвата и нежелании редуцировать хождение энерговалюты только к внешнеторговым практикам стран-доноров энергоресурсов проявилась патетика русского космизма. Данное замечание не будет лишним, если вспомнить, что подобные предложение озвучивались космистом П.Г. Кузнецовым из Лаборатории систем управления развитием систем, которая в 1967–1970 гг. отвечала за разработку кибернетических алгоритмов, на которых строилась прогностика стратегий внешнеэкономического поведения СССР [9].

Экономисты, которые выразили сомнение в успешности идеи энерговалюты, утверждали, что переход на нее с доллара не поспособствует защите мировой экономики от системных кризисов и шоков [2]. Против их опасения выдвигался довод о том, что выпуск энерговалюты позволит обеспеченным энергетическими ресурсами государствам понизить для себя те системные угрозы, которые неотступно связаны с доминированием доллара США. Эмиссию энерговалют будут осуществлять национальные государства и их содружества, а не Федеральная резервная система, чья фискальная политика в ответе за ряд глобальных финансовых потрясений.

Критики энерговалюты также ссылались на слабую теоретическую проработку концепции энергетических денег и сопряженного с ней круга идей. И действительно, не считая интереса со стороны экономистов на заре СССР, к рубежу XX и XXI веков основные тематические публикации выходили в непрофильных изданиях, формально не связанных с экономической теорией. Здесь можно возразить, что в силу специфики самого обеспечения такой валюты энергией допустимо, чтобы концептуальная инициатива исходила от научных кругов,

связанных в первую очередь с ТЭК. В этом смысле концепции экономической теплофизики [11] и энергетической теории стоимости ученых Я.М. Щелокова, В.Г. Лисиенко, С.Е. Розина способны вызвать заинтересованность и среди экономистов. Настороженному отношению к идее энерговалюты способствовало и предположение о том, что введение энергетического рубля может спровоцировать непредвиденные последствия для устоявшейся монетарной политики России и подорвать положение ее национальной валюты [12].

Вопрос о техническом дизайне энерговалюты остается открытым, и экспертами выдвигаются различные концепты. В самом общем виде предлагается или создание энергетического рубля как единицы измерения стоимости того или иного типа энергии (как правило, электрической и / или вырабатываемой ВИЭ-генерацией, но звучат и экзотические варианты вроде физиологической энергии работника), или в виде «энергостандарта» (по аналогии с золотым стандартом), или их физическое обеспечение энергией [4].

Так, согласно одному из предложений рекомендуется рассматривать суммарное значение энергетических установок на территории или в управлении России как неизменную величину и меру потенциального обеспечения отечественной энерговалюты. В таком случае количество электроэнергии, затраченной на производство товаров и услуг, покажет реальное обеспечение энерговалюты. Эмиссия же денежной массы энергорублей будет поставлена в зависимость от электроэнергии, потребленной в некоторый период времени, и выраженной в чистой энергии эквивалента энергетического рубля [8].

Другая модель, которую предлагают сами флагманские энергокомпании России, отталкиваются от необходимости пошаговой защиты позиций отечественного ТЭК на мировых рынках. Здесь становление энергетического рубля идет попутно со снижением зависимости экономик России и стран-партнеров от доллара США; схема включает три этапа: прекращение использование доллара в пользу национальных валют или рубля в качестве средства платежа за энергоресурсы, исключение доллара США из номинирования контрактных цен для долгосрочных контрактов и прекращение использования доллара США для расчета формул цен, где применяются выраженные в долларах котировки нефтепродуктов. Мерой стоимости при отвязке от доллара США можно использовать золото, благо имеется пример расчетов официальных Анкары и Тегерана в золоте за поставляемый иранцами газ. С российским данный кейс роднит то, что стратегический партнер, Иран, также был отключен от системы SWIFT и находился под западными санкциями.

Сторонниками возвращения к золотому стандарту в качестве обеспечения энергетического рубля указывается на то, что золото – дефицитный минерал с меньшей волатильностью, чем «твердые валюты», хотя само по себе оно – менее ходовой товар в экономике, чем энергия [13]. К тому же, если выпуск денежной массы под золотой запас в полном объеме не представляется возможным – в отличие от выставления биржевых курсов национальной валюты относительно золота, когда во внешнеторговых сношениях оно обеспечено под залог энергоносителей [3]. В этом случае в контрактах стороны должны будут прописать цену тепловой единицы энергоносителя по весу унции золота. Донор энергоресурсов, он же поставщик, распоряжается своему банку выставить инвойс на поставку определенного количества золота в зачет ранее поставленного по контакту энергоносителя [1].

Авторы, которые разрабатывают энергетическую теорию стоимости в качестве дополнения к имеющимся денежной и трудовой, предлагают сравнение обычных валют и энерговалюты по ряду параметров. Во-первых, стоимость бумажных денег подвержена значительным колебаниям, так как она определяется через обязательства государств, стоимостью приобретаемых на них товаров и биржевыми курсами. В противоположность, энерговалюта имеет собственную внешнеторговую ценность, и ее стоимость детерминирована физическими константами и эффективностью использования, а это положительно сказывается на ее стабильности.

Во-вторых, в денежном обращении сильны позиции спекулятивных инструментов, которые производят рост денежной массы вне какой-либо связи с товарными рынками. Энергия, напротив, непосредственно задействована в производстве товаров и образует его реальную стоимость путем «ликвидации энергетической стоимости затраченных первичной, производной и скрытой энергии» [10]. При этом, каждая из форм энергии может являться средством обращения и счетной единицей в то время, как лишь скрытая энергия может справляться с функцией временного средством сохранения стоимости. Значит, энерговалюта не годится в качестве долгосрочного средства накопления: она быстро амортизируется, выходит из оборота, что сильно отличает ее от денежной валюты. Энерговалюта имеет гораздо более высокие показатели скорости обращения, что еще больше осложняет ее применение как форма сбережений и, следовательно, делает ее идеальной «валютой обмена».

Функционируя в качестве платежного средства, такая валюта следует зарекомендовавшим себя принципам стабильных криптовалют, где масштаб использования определяется консенсусом участников рынка и их готовностью принять это платежное средство. В роли средства накопления энергетическая валюта обладает уникальными преимуществами: конвертируемостью в реальную энергию, сохранением стоимости при колебаниях цен на энергоносители и надежной связью с физическим обеспечением энергии, что отличает ее от традиционных криптовалют и стейблкоинов, обеспеченных фиатными деньгами.

Концепция энергетической валюты становится особенно актуальной, если рассмотреть историческую взаимосвязь между развитием энергетики, технологическим прогрессом и эволюцией денежных систем. Исторический анализ промышленных революций демонстрирует неразрывную связь между энергетическими преобразованиями и трансформацией финансово-экономических отношений. Итак, первая промышленная революция (середина XVIII века) характеризовалась использованием паровой энергии для механизации производства, что сопровождалось строительством фабрик, становлением капитализма и доминированием металлических денег в обращении. Вторая промышленная революция (середина XIX века) ознаменовалась появлением электростанций и конвейерного производства, что совпало с началом эры бумажных денег при сохранении металлического обращения. Третья промышленная революция (1970-е годы) связана с развитием высокоскоростных коммуникаций, компьютеризацией и освоением атомной энергии. В денежной сфере произошел переход к повсеместному использованию банковских карт при сохранении бумажных денег. Четвертая промышленная революция характеризуется симбиозом технологических и промышленных инноваций, развитием возобновляемых источников энергии и термоядерных технологий. Де-

нежная система эволюционировала до преимущественно безналичных платежей и появления криптовалют.

Историческая перспектива показывает, что доступ к энергии всегда определял скорость и качество развития общества, а формы денег эволюционировали вместе с технологическим прогрессом, поэтому идея энергетической валюты является логическим продолжением этой тенденции. В контексте эволюции энергетической и денежной систем особый интерес представляет анализ энергетического баланса в современной экономике. Традиционное ранжирование стран по ВВП показывает доминирование США ($25,44 трлн) и Китая ($17,96 трлн), за которыми следуют развитые экономики Японии ($4,26 трлн) и Германии ($4,08 трлн). Однако если посмотреть на энергетический потенциал стран, выраженный в объемах производства электроэнергии, то картина существенно меняется. Лидерами здесь являются Китай (3112 мегатонн нефтяного эквивалента) и США (2322 мегатонны), а вот Российская Федерация (1455 мегатонн) занимает третье место, значительно опережая страны с более высоким ВВП. Особенно показательны позиции таких стран, как Саудовская Аравия (700 мегатонн) и Индонезия (504 мегатонны), которые не входят в первую десятку по ВВП, но демонстрируют значительный энергетический потенциал. Это говорит о том, что введение энергетических валют может существенно перераспределить глобальное экономическое влияние и создать новую систему оценки национального богатства, основанную не только на финансовых показателях, но и на реальном энергетическом потенциале государств.

Такой подход особенно актуален для стран с высоким уровнем добычи энергоресурсов, таких как Россия, Саудовская Аравия, Иран (370 мегатонн) и Бразилия (340 мегатонн), поскольку позволяет более адекватно оценить их экономический потенциал через призму энергетических возможностей. Это может стать основой для создания более справедливой системы международных экономических отношений, в которой энергетический потенциал будет играть ключевую роль в определении реального экономического веса страны.

Энергетическая валюта, подкрепленная поставками энергоносителей, является одним из перспективных вариантов для России, учитывая ее богатые природные ресурсы и позиции на мировом энергетическом рынке. Такая система может предусматривать создание национального оператора, который будет отвечать за аккредитацию поставщиков энергоресурсов и контроль за выполнением обязательств по поставкам. Важным аспектом является то, что объем эмиссии энерговалюты будет определяться не конкретным видом топлива, а комплексными показателями энергетического баланса страны, учитывающими производство и потребление различных видов энергоресурсов.

В рамках этой системы компании смогут покупать энерговалюту за национальную валюту и использовать ее для межгосударственных расчетов. При необходимости энерговалюта может быть обменена на энергоресурсы или национальную валюту. Такой подход обеспечивает максимальную гибкость с точки зрения охвата энергоресурсов и поставщиков энергетических компаний, а также позволяет учитывать технологический прогресс в части появления новых видов и способов добычи энергии. России введение такой системы может принести значительные выгоды. Во-первых, это укрепит экономическую независимость страны и снизит влияние внешних санкций на финансовую систему. Во-вторых, создаст новый инструмент для международных расчетов, что особенно важно в текущей геополитической обстановке. В-третьих, система позволит более эффективно управлять энергоресурсами страны и стимулировать развитие новых технологий в энергетическом секторе.

Список энергоресурсов и поставщиков может быть расширен со временем, при условии разработки коэффициентов пересчета, что обеспечит системе необходимую гибкость и адаптивность к меняющимся условиям рынка. В то же время необходимо учитывать необходимость взаимной координации деятельности национальных операторов, что может потребовать определенного времени и усилий для налаживания эффективного сотрудничества.

Введение энергетических валют также может способствовать развитию внутреннего энергетического рынка, повышению прозрачности цен и созданию более справедливых условий для всех участников рынка. Это может привести к оптимизации использования энергоресурсов и повышению энергоэффективности экономики в целом. Кроме того, такая система может стать основой для создания новых финансовых инструментов и разработки инновационных подходов к торговле энергоресурсами. Важно отметить, что для успешной реализации данной схемы потребуется тщательная проработка нормативно-правовой базы, создание надежной технической инфраструктуры и обеспечение безопасности системы. Однако потенциальные выгоды от введения энергетической валюты значительно превышают возможные трудности при ее реализации, что делает этот вариант особенно привлекательным для России как крупнейшего поставщика энергоресурсов на мировой рынок.

Клиринговые механизмы и концепция энергетических валют, таким образом, демонстрируют значительный синергетический потенциал в контексте международных расчетов и управления энергоресурсами. Фундаментальное сходство этих систем заключается в их способности обеспечивать эффективные взаиморасчеты между участниками при минимизации зависимости от традиционных валютных инструментов. Исторический опыт клиринговых механизмов в СССР показывает, как такие системы могут успешно функционировать в условиях ограниченного доступа к международным финансовым рынкам. Особую актуальность приобретает возможность избежать валютных рисков и санкционного давления за счет использования энергетических валют, которые, как и клиринговые механизмы, позволяют осуществлять международные расчеты в обход традиционных резервных валют. Это создает устойчивый механизм экономического взаимодействия, что особенно важно в текущей геополитической обстановке. Принцип неттинга, лежащий в основе клиринговых расчетов, отражается в системе энергетических валют через обеспечение определенными объемами энергоресурсов, что создает надежную основу для международных сделок.

Вместе с тем, стоит отметить, что клиринг хорошо работает в закрытых экономических системах, и позволяет торговать в условиях дефицита валют, тогда как энергетическая валюта привлекательна благодаря связи с реальными физическими активами и потенциально более широкому международному признанию. Существенным преимуществом обеих систем является их адаптивность к меняющимся рыночным условиям. Если клиринговые механизмы позволяют гибко реагировать на изменения объемов поставок, то энергетические валюты позволяют оперативно корректировать энергетический баланс страны и технологический прогресс в энергетическом секторе. Это обеспечивает устойчивость системы в долгосрочной перспективе и ее способность адаптироваться к новым вызовам.

Важным аспектом является сохранение экономической независимости государства. Подобно тому, как клиринговые механизмы в СССР способствовали сохранению валютных резервов, современная концепция энергетической валюты может обеспечить России значительную степень экономической автономии, опираясь на богатую ресурсную базу страны. Это особенно актуально в контексте современных геополитических вызовов и необходимости диверсификации инструментов международных расчетов.

К выводам

Теоретическую рамку для дальнейшего развития дискурса о преодолении классической моно-монетарной системы задает экономист, профессор университета Беркли – Б.А. Лиетар [7]. Он обнаруживает, что в Западном мире в XII–XIII вв. наблюдалась двоичная денежная система. В этот период центрального Средневековья в целях внешней торговли государствами использовались деньги с высокой коммерческой стоимостью. Они выпадали из налогообложения, но выступали удобным средством накопления. В то же время в разных частях Европы имели хождение локальные валюты, которые не годились для накопления, но удачно справлялись с функцией оперативных денег для обмена и в обеспечение демериджа. К эпохе Кватроченто (XIV в.) от этой двоичности не осталось и следа, потому что локальные валюты были вытеснены монополией централизованной чеканки, которая полностью оказывалась в ведение суверена. Если локальные валюты дали рост благосостояния сельскому и городскому населению, невиданное до и после XII–XIII вв., то после их упразднения население Европы к XIV–XV вв. столкнулось с дефицитом средств обмена. Данный процесс начался в высоком Средневековье, но длится до сих пор, прямо влияя на напряженность во взаимоотношениях развивающихся и развитых государств.

Лиетар дает отчасти экстравагантное обоснование этому процессу, когда сводит функционирование валют, пригодных для обмена, с рудиментарными проявлениями матрифокальных социальных институтов прошлого. При допущении одновременного сосуществования некоторых патриархальных установок с матрифокальными принципами в обществе возможен гармоничный оборот двух типов валюты. Тогда интегральная денежная политика государства уравновешивает деньги как средство накопления с деньгами как средством обмена. Он выделяет следующие различия между патриархальным и матрифокальным типами экономического мышления: для патриархальных обществ характерно построение монетарной системы, которая характеризуется дефицитом, концентрацией и накоплением денежной массы, конкуренцией между хозяйствующими субъектами и идее непрекращающегося развития. В патриархальных системах эмиссия валюты основывается на иерархических принципах, которые побуждают накапливать физический капитал в виде избыточной денежной массы, гарантирующей коммерческие сделки.

В матрифокальных обществах основой эмиссионной политики является скорее эгалитарное отношение к агентам денежных отношений, а вводимые ими дополнительные валюты вызывают к жизни такую модель коллективного поведения, где не поощряется накопление и не возникает негативных последствий инфляции. Для тех обществ, где проявлены соответствующие установки, характерны экономический достаток, денежный оборот, идея сотрудничества хозяйствующих субъектов и курс на устойчивое благоденствие. Здесь ценится натуральный капитал (в том числе, следует полагать, и природные минеральные и энергетические ресурсы) и связанные с ним общественные сделки. В этом, по мысли Б.А. Лиетара проявляются архетипические модели поведения, которые выражают заботливое, оберегающее отношение к человеку, обществу и глобальной среде – то есть те черты, которые больше свойственны женскому началу.

До недавнего времени в мировой экономике, ее теоретических подходах и практике, безраздельно господствовал патриархальный стиль с его попыткой нормализовать монополию какой-то одной денежной модели. Однако в последние десятилетия наметился другой тренд: тысячи сообществ в десятках государств осуществляют эмиссию своих денег как дополнительной валюты [6]. При этом динамика появления таких сообществ впечатляет: если в 1984 году был зарегистрирован единичный подобный случай, то уже к началу XXI в. – свыше 2500. Деньги, о которых мы говорим, не создаются для замены или вытеснения национальных валют, но лишь дополняют их, помогая выполнять функции, которые не исполняют традиционные валюты. С их помощью могут заключаться комбинированные внешнеторговые сделки, которые частично оплачены национальной валютой, а частично – дополнительной.

Возрастающая востребованность альтернативных денег связана с их природой. Весь XX век имеющие хождение национальные валюты были и остаются фиатными, то есть не обеспеченными драгоценными металлами и представляющими собой банковский долг, который санкционируют Центральные банки. Однако для многих государств – в особенности мусульманского Юга и Востока, – которые возникли на волне деколонизации в прошлом столетии и сегодня заявляют о собственном культурном коде, фиатные деньги нетипичны. К тому же пользователей и бизнес в таких обществах смущает фигура эмитента – главного регулятора кредитной политики, то есть деятельности, которая фундаментально противоречит экономическим ценностям исламской цивилизации.

Различные модели исламского банкинга и финансов предполагают бартеры, взаимное беспроцентное кредитование и возникновение целой финансовой экосферы, которая включает в себя сделки по типу *мурабаха*, бизнес-формы *мушарака* и т.д. Здесь проявляется особенность альтернативных денег, которые участвуют в схемах взаимного кредитования, – их беспроцентность. Эти валюты возникают по консенсусу участников сделки, а значит, обладают для них всеми атрибутами приемлемости и достаточности. Само их существование – это и результат, и стимул для сотрудничества. Такие валюты возникают в принципиально иной аксиосфере финансовых отношений, где деньги необязательно должны давать проценты, сохранять стоимостные характеристики исключительно ввиду искусственно поддерживаемого дефицита и побуждать пользователей конкурировать за обладание ими.

В роли дополнительных денег осваиваются все новые формы бартера или зачета обязательств между их эмитентом и пользователем. Так, частью культуры повседневности и новой нормальности стало использование полетных миль авиакомпаниями и иных корпоративных сертификатов. В целях упрощения денежного обмена с начала 1980-х внедряются локальные обменные торговые системы [15]. Что немаловажно, во время войн, милитаризации международной среды и социальных катаклизмов товарные деньги демонстрируют наибольшую жизнеспособность в силу своей предельной утилитарности и сводимости к простейшим бартерным операциям по поводу реально значимых вещей,

ресурсов и ценностей. Если принять во внимание концепцию структур сознания Ж. Гебсера, то современные экономические системы развиваются при ментально-рациональном сознании. Однако на смену ей идет то, что Ж. Гебсер и его последователи громоздко назвали интегрально-аперспективным сознанием; ему соответствуют экономики посткапитализма и интегративные денежные системы [14]. К такой структуре сознания оказываются расположена также часть традиционалистов, которые скептически смотрят на фиатные деньги и желают видеть валюты с реальной товарной стоимостью вернувшимися в глобальную экономику.

Таким образом, интегративные денежно-валютные системы вроде той, в которой предлагается одновременное функционирование бумажного, цифрового и энергетического рублей, как нельзя лучше отвечает потребностям Российской Федерации на текущем этапе. России на внешнеэкономическом контуре приходится оперировать вопреки недружественным условиям, которые создают экономико-политические машины устаревающей формации с их культом конкуренции и милитаризмом.

В противоположность этому, Россия старается выстраивать иную архитектуру экономических взаимосвязей на обширном пространстве Евразии, глобальных Юга и Востока – на принципах схожести традиционных ценностей и паттернов сознания, устремленности к технологически передовому развитию, взаимовыгодного сотрудничества с партнерами, разумного распоряжения сырьевыми преимуществами энергетической державы и устремленности к прогнозируемости и устойчивости развития.

Интеграция цифрового рубля во внутренние расчеты и введение энерговалюты для международных операций представляет собой новый подход к формированию двухконтурной финансовой системы в России. Эта система характеризуется четким разграничением функций каждого контура, что способствует повышению эффективности и устойчивости национальной экономики. Внутренний контур, основанный на цифровом рубле, обеспечивает прозрачность и контроль денежных потоков внутри страны, а внешний, основанный на энергетической валюте, создает надежный механизм международных расчетов, особенно в сфере энергоресурсов.

Ключевое преимущество такой системы – достижение финансовой независимости и стабильности. Цифровой рубль усиливает контроль над денежно-кредитной политикой внутри страны, а энергетическая валюта минимизирует зависимость от традиционных резервных валют в международной торговле. Особое значение имеет способность системы противостоять санкционному давлению, поскольку энергетическая валюта, обеспеченная реальными энергоресурсами, менее уязвима к внешним финансовым ограничениям. Важным аспектом является потенциал системы для укрепления международного сотрудничества, особенно в рамках альтернативных экономических объединений. В долгосрочной перспективе это может способствовать укреплению позиций развивающихся стран в мировой экономике и формированию более справедливой и устойчивой системы международных расчетов.

Литература

1. Аксенов А.А. Перспективы национальных валют при расчетах за энергетические ресурсы в экономическом пространстве «Нового Шелкового пути» // Круглый стол для молодых ученых «Молодежное измерение евразийской интеграции: экономика, право, образование»
2. Балацкий Е.В. Можно ли создать новую денежную систему на основе энергии? // Капитал страны, 11 января 2010 г.
3. Викулин М. Концепция энерговалюты // Lenin crew, 26 ноября 2015 г.
4. Винокуров Е.Ю., Гричик М.В. Новая концепция международных резервов: безопасность, диверсификация, неортодоксальные подходы // Вопросы экономики. № 12, 2022.
5. Кузнецов П.Г. Киловатт-час может использоваться как универсальная мера стоимости в мировой экономике третьего тысячелетия// Экономическая газета, 18 февраля 1997 г.
6. Лиетар Б.А. Будущее денег. – М.: АСТ «Астрель», 2007.
7. Лиетар Б.А. Душа денег. – М., АСТ, 2007.
8. Мочулаев В.Е. Энергорубль как энергетический эквивалент мировых валют // Проблемы современной экономики. № 4 (88), 2023.
9. Никаноров С.П. История возникновения, развития и ликвидация ЛаСУРс (1967–1970) // Академия тринитаризма. № 77–6567, 2007.
10. Розин С.Е., Щелоков Я.М., Лисиенко В.Г. Введение в энергетическую теорию стоимости. – Екатеринбург: РУО АИН им. А.М. Прохорова, 2019. – 67 с.
11. Розин С.Е., Щелоков Я.М., Лисиенко В.Г. Экономическая теплофизика (энергетическая теория стоимости) // Энергия: экономика, техника, экология. № 9, 2021.
12. Сайфуллаев Ш.Р. Критика критики энергорубля и энерговалюты // Newsland, 24 ноября 2012 г.
13. Юркова Т.С. Перспективы становления российского рубля в качестве мировой энерговалюты // Проблемы современной экономики. № 4 (36), 2010.
14. Feuerstein G. Structures of Consciousness: The Genius of Jean Gebser: An Introduction and Critique. – Integral Publishing, 1987.
15. North P. Explorations in heterotopia: Local Exchange Trading Schemes (LETS) and the micropolitics of money and livelihood" // Environment and Planning D: Society and Space. № 17 (1), 1999.

THE CONCEPT OF ENERGY CURRENCY AS A PROMISING SOLUTION FOR INTERNATIONAL SETTLEMENTS IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL TENSION

Seregina A.A.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article explores the concept of energy currency as a promising solution for international settlements under conditions of geopolitical tension. The author analyses the theoretical foundations of the energy currency based on the fundamental principle of the energy nature of the value of goods and services. The historical development of the idea from the first discussions in the 1920s to modern concepts is considered. The article discusses the characteristics of energy currency, emphasising its advantages: stability, security of physical resources and resistance to external financial constraints. Special attention is paid to the prospects of introducing an energy currency, given its significant energy potential. The author explores the possibility of forming a two-circuit financial system in which the digital ruble serves the domestic circuit and the energy currency serves foreign economic transactions. The author concludes that the development of an energy currency contributes to strengthening economic sovereignty and creating a fairer system of international settlements.

Keywords: energy currency, economic sovereignty, two-loop financial system, digital ruble, international settlements, geopolitical tension, energy potential of Russia, financial stability, dedollarisation.

References

1. Aksenov A.A. Perspectives of national currencies in the settlements for energy resources in the economic space of the 'New Silk Road' // Round table for young scientists 'Youth Dimension of Eurasian Integration: Economics, Law, and Education'
2. Balatsky E.V. Is it possible to create a new monetary system based on energy? // Capital of the country, 11 January 2010.
3. Vikulin M. The concept of energy currency // Lenin crew, 26 November 2015.
4. Vinokurov E.Yu., Grichik M.V. New concept of international reserves: security, diversification, unorthodox approaches // Voprosy ekonomiki. № 12, 2022.
5. Kuznetsov, P.G. Kilowatt-hour can be used as a universal measure of value in the world economy of the third millennium// Economic Newspaper, 18 February 1997.
6. Lietar B.A. The Future of Money. – M.: AST 'Astrel', 2007.
7. Lietar B.A. The Soul of Money. – M., AST, 2007.
8. Mochulaev V.E. Energoruble as an energy equivalent of world currencies // Problems of modern economy. № 4 (88), 2023.
9. Nikanorov, S.P. History of the emergence, development and liquidation of LaSURS (1967–1970) // Academia Trinitarizma. № 77–6567, 2007.
10. Rozin S.E., Shchelokov Y.M., Lisienko V.G. Introduction to the energy theory of value. – Ekaterinburg: RUO AIN named after A.M. Prokhorov, 2019. – 67 c.
11. Rozin S.E., Shchelokov Ya.M., Lisienko V.G. Economic thermophysics (energy theory of value) // Energy: Economics, Technology, Ecology. No. 9, 2021.
12. Sayfullaev Sh.R. Criticism of the criticism of the energy ruble and energy currency // Newsland, 24 November 2012.
13. Yurkova T.S. Prospects of the Russian ruble becoming the world energy currency // Problems of modern economics. № 4 (36), 2010.
14. Feuerstein G. Structures of Consciousness: The Genius of Jean Gebser: An Introduction and Critique. – Integral Publishing, 1987.
15. North P. Explorations in heterotopia: Local Exchange Trading Schemes (LETS) and the micropolitics of money and livelihood' // Environment and Planning D: Society and Space. № 17 (1), 1999.

Информационно-коммуникативная модель разрешения политических конфликтов в современном мире

Урсул Виталий Игнатович,
к.п.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Урсул Кристина Витальевна,
к.ф.н., доцент кафедры теории и практики перевода ИФИ РГГУ
E-mail: ursul-16@mail.ru

В статье авторы анализируют распространенные политические разногласия на мировой арене. На этом политическом материале предпринимается попытка выявить и детально рассмотреть истоки большей части существующих на сегодняшний день политических разногласий. Небезызвестно, что в политической риторике многое зависит от слова и интонации слова. Словом можно приободрить, вдохновить, воззвать к совести, настроить на мирное урегулирование конфликтной ситуации, равно как и наоборот. В этой связи учеными приводится информационно-коммуникативная модель урегулирования политических разногласий. Во многом предлагаемая модель вполне способна создать атмосферу доброжелательности и, если не полностью разрешить конфликтную ситуацию, то во всяком случае снизить риски ее перерастания в глобальное мировое столкновение.

Ключевые слова: конфликт, языковые средства, политическая риторика, политический спектакль, общенациональная консолидация.

Общеизвестно, что язык как средство взаимодействия различных культур представляет собой своего рода орудие. А вот станет ли он «орудием пыток» или умелым инструментом в руках даже неопытных руководителей всецело зависит психологического настроя личности, в руках которого этот инструмент оказался. В зависимости от того, как именно им воспользуются, будет обусловлено направление вектора в отношении выборах средств языкового воздействия, будь то оппонент или общество в целом.

Не секрет, что сегодня люди всех возрастов склонны верить в чудо и сказочное стечение обстоятельств. Такова природа человеческого бытия. Но не стоит забывать, что сказки красочны концовкой, а до нее всем действующим лицам приходится усердно потрудиться, чтобы к этой самой «сказке» прийти. Так, например, в сказке про царевну-Лягушку, Иван, попадая к Бабе Яге, просит ее сначала его накормить и напоить, а потом расспрашивать. И делает он это неспроста, таким образом он выкраивает для себя лишнее время на обдумывание ситуации (как ему быть с Бабой Ягой). Сказка «О рыбаке и рыбке» нас учит тому, что «утро вечера мудренее». Опять же для чего? А для того, чтобы мы обдумывали сложившуюся ситуацию, «отмерив ее семь раз», и в конце концов подобрали верные инструменты для воздействия на партнеров или оппонентов.

В этой связи важно отметить, что в современном политическом мире переговоры занимают одну из главных ролей в устроении взаимоотношений. Характер взаимодействия между партнерами, коллегами и оппонентами во многом зависит от верно подобранных стратегий, путей урегулирования кризисных ситуаций. Объектом любых переговоров выступает диалог как мера, устанавливающая рамки поведения сторон.

Примечателен факт, отмеченный Л.П. Якубинским о том, что именно в языке как средстве речевого общения проявляются разновидности человеческого поведения в обществе. Поведение отдельно взятого человека представляет собой проявление психологической стороны личности. В то же время поведение демонстрирует и социологический аспект, раскрывая все грани общественной жизни индивида в процессе его взаимодействия с другими представителями социума [6].

Теория Л.П. Якубинского во многом основывается на теории бихевиоризма Джона Б. Уотсона, по мнению которого поведение в рамках бихевиоризма – это речь человека и его поступки, то есть по сути то, что дано от рождения и то, что приобретено в процессе жизни. Ученый полагает, что все, что так или иначе может заинтересовать науку в отношении человеческой природы может быть объяснено в виде схемы «стимул – реакция». «Под стимулом понимается не только отдельный раздражитель, но стимулом может быть и ситуация в целом» [4, с. 4].

Таким образом, любая конфликтная, кризисная ситуация предстает в данной ситуации великолепной платформой для анализа поведенческих характеристик личности как представителя той или иной культуры. Потому зачастую выступает как стимул к переговорам, в процессе которых и проявляются психолого-поведенческие реакции взаимодействующих сторон.

Вместе с тем сам конфликт, стоит сказать, не должен восприниматься ни наукой, ни обществом в целом как некий деструктивный компонент в этой цепочке. Конфликт врагов может превратить в союзников, в то же время союзники в процессе развития конфликтной ситуации могут стать впоследствии непримиримыми врагами.

Саморегулирующая роль конфликта в рамках выстраивания международных отношений задает темпоритм сценического действия политических спектаклей.

На поведение людей в конфликтах во многом влияет языковой портрет личностей политиков, динамика которого «проявляется в противоречивом дихотомическом сочетании относительно устойчивых составляющих» [5], а также аналитическое мышление участников конфликта, которое вырабатывается в ходе преимущественно затяжного конфликта, когда у оппонентов есть возможность вдоволь узнать друг друга и методом проб и ошибок подобрать верные стратегии достижения своих целей, ориентируясь на психоэмоциональное состояние и реакции противоборствующей стороны.

Как показывает политическая практика, большинство кризисных ситуаций/столкновений/разногласий в идеологических принципах и т.д. разрешается посредством «слова», то есть определенного рода дипломатии, проявляющейся в корректных формулировках, настраивающих сторону на возможное благостное разрешение ситуации. Сила слова испокон веков являлась объектом наблюдения многих, смежных с языкознанием, наук. Словом можно ранить, словом можно излечить, словом можно воодушевить. Известно, что общим вектором риторики конфликтных ситуаций на мировой арене, например, заведует третья сторона, как например, такая организация, как ООН. Именно по ее инициативе стороны садятся за стол переговоров, где предпринимают попытки конструктивного диалога.

Для того, чтобы диалог сторон не превратился в монолог одного из участников, фразы должны быть сформулированы таким образом, чтобы противоположная сторона не смогла ответить на него кратко «да/нет», а дать развернутое опосредованное описание своей позиции. Таким образом, поэтапное диалогическое взаимодействие сторон, нацеленное на построение динамики развития ситуации в положительном ключе, выведет устье «реки диалога» в «океан» безграничных возможностей к берегам «неоткрытых земель». Однако, отмечая поэтапность взаимодействия сторон, нельзя не упомянуть и тот факт, что время – это ресурс, который помогает досконально проработать стратегии взаимодействия, но в то же время – это и ресурс, порой затягивающий конфликтные ситуации до крайней «точки кипения». Для того, чтобы в мире как можно меньше кризисных ситуаций доводилось до этой самой «крайней точки» мы предпринимаем попытку проанализировать конфликтогенные основания кризисных ситуаций в политике.

В качестве материала для анализа возьмем конфликты в Нагорном Карабахе. Воинствующие народы Кавказа поражают активностью разворачиваемых воин и распрей. Кавказские жители как никакой иной народ более всего заинтересованы в устроении методов по мирному урегулированию конфликтных ситуаций, которые в исторической ретроспективе всегда оборачивались вооруженными столкновениями.

Во многом такое стечение обстоятельств, как отмечает И.В. Бочарников, являлось следствием «развития государственности, обусловленной отсутствием общенациональной консолидации, склонностью значительной части населения к протестным акциям, раздробленностью политических элит и их борьбой за различного рода преференции, чрезмерной зависимостью от внешних акторов» [1].

Но вместе с тем стоит сказать, что политическая практика многих лет показала, что культурная идентичность вышеупомянутых народов всегда располагала и к тому, чтобы путем распространения высокой, одухотворенной, идеологии среди масс вывести вооруженный конфликт из затяжной фазы.

Так, Нагорно-Карабахский конфликт произошел на почве территориальных претензий. Территория Карабаха всегда была достаточно спорной между Арменией и Азербайджаном. Народы, с древних времен населявшие Карабах, очень часто переходили от спокойного мира к жестокой войне, так как каждый из этносов, населявших эту территорию, считал этот край своим. Только в течение XX века на территории Карабаха прошло три межэтнических конфликта и две большие войны. Историки Армении и Азербайджана часто спорят о принадлежности Карабаха к своему этносу. Каждая из сторон пытается подсказать свою точку зрения. По версии армянских историков, Карабах был частью армянского царства, а по версии азербайджанцев, он был частью Кавказской Албании. После исламизации равнинного Карабаха в его нагорной части обосновалось преимущественно население армян. Впоследствии в первой половине XVIII века возник протекторат Персии под названием Карабахское ханство. Под давлением тюркских элит армянское население вынуждено было покинуть эту территорию, и уже в начале XIX века территорию ханства населяли тюркские народы. В 1926 году ханство переходит под юрисдикцию России и автоматически включается в ее состав. В результате массовой миграции армяне из Османской империи и Ирана населили Карабах. В итоге их численность в регионе в конце XIX начале XX века превышала 40%. Клубок противоречий, накопившийся к началу XX века, вылился в кровавый конфликт, который удалось успокоить только после подавления революции 1905 года. После чего в 1918 году, когда национальные окраины стали отходить от России, Армения и Азербайджан вновь вступили в кровавую схватку, которая закончилась победой Азербайджана. К 1920 году при непосредственном участии большевиков и Армения, и Азербайджан были советизированы, и с течением времени Карабах перешел под юрисдикцию Азербайджанской ССР с преимущественно армянским населением, которое к моменту распада СССР уменьшилось с 90 до 76%. Вследствие очередного конфликта, возникшего после распада СССР, между Карабахом, поддерживаемым Арменией и Азербайджаном, Карабах де-факто оставался независимым. В 1994 году при непосредственном участии России конфликт был заморожен, но противоречия не разрешены. Начиная с 2016 года, ситуация в Карабахе усугубилась и превратилась в вечный конфликт. Период очередной фазы противостояния в сентябре 2020 года привел к новому витку противоречий, из которого удалось выйти благодаря России.

В различных новостных источниках мы можем найти архивные документы в разрезе политики, посвященные анализу деятельности России в разрешении данной ситуации на Кавказе. Все эти документы объединяет общность взглядов российского и кавказского народов в том, что касается вектора, «удерживающего на плаву» культурные ценности народов и обеспечивающего преемственность поколений.

*Во время встречи с Алиевым Путин **заявил коллеге**, что у Азербайджана **серьезные и глубокие отношения с ЕАЭС и их потенциал очень высок**. В частности, Москва и Баку **сотрудничают на принципах равноправия и с учетом интересов друг друга**. В ответ Алиев побла-*

годарил Путина за те усилия, которые он прикладывает к урегулированию армяно-азербайджанского конфликта.

«Думаю, что ***после недавних заявлений армянского руководства*** *о признании Карабаха как части Азербайджана, а также признания территориальный целостности Азербайджана с указанием конкретных цифр площади Азербайджанской Республики* ***вопрос согласования других пунктов мирного договора будет идти намного легче****. Потому что* ***это был главный фактор, по которому мы не могли прийти к соглашению****», – заявил Алиев* [5].

Конечно в данной ситуации не стоит исключать и близости культурных кодов кавказского и российского народов. Возможно, именно данный фактор и послужил толчком к тому, чтобы стороны услышали друг друга, хотя их и направила третья сторона вопроса.

Вместе с тем необходимо отдать должное и искусству российской дипломатии, где именно словом, словом воодушевляющим и настраивающим на благо, стороны поверили в себя и увидели этот свет в конце тоннеля. Вполне вероятно, что России удалось это сделать еще во многом еще и потому, что в история кавказских народов знает немало примеров, когда женщины выполняли миротворческие миссии. «Например, в начале правления знаменитой грузинской царицы Тамар (середина 80-х гг. XII в.) между царской властью и группой феодалов вспыхнуло острое противостояние. Мятежники, контролировавшие значительную часть столицы, готовили нападение на царский дворец. Тогда на переговоры с восставшими Тамар послала двух знатных дам, которые сумели найти компромиссное решение и отвели угрозу вооруженного столкновения» [2, с. 4].

Вполне вероятно, что подобная историческая практика уже в те времена заложила прочный фундамент, на котором и ныне зиждется кавказская государственность. Россия в этом конфликте выступила в роли «женщины-матери», которой небезразлично положение дел в регионе и которая самоотверженно, вопреки всем рискам и возможным потерям, взяла огонь столкновений на себя, в последствии получив нечто большее, чем просто мирное небо над головой – гармонию, стабильность и безграничные перспективы развития совместного сотрудничества с регионом, расположенным по соседству, единение с которым будет всячески способствовать всеобщей сплоченности перед возможными глобальными угрозами и катаклизмами современности.

Исходя из риторики российской дипломатии, можно в качестве примера вывести эталонную модель урегулирования внутри- и внешнеполитических конфликтов (рис. 1).

Давайте по пунктам разберем представленную нами схему.

Итак, первым в цепочке дается непосредственно само государство и его роль в спектакле актуальных политических событий. Далее по естественному стечению обстоятельств, свойственных любому живому организму (а государство в определенной степени это живое существо, и ничто природное ему не чуждо), всплывает ряд деструктивных факторов, как внешних, так и внутренних (в зависимости от ситуации, например, различия в идеологических взглядах). В результате государство попадает в так называемую «зону турбулентности», где его лихорадит ввиду амплитудных колебаний, полноценно выйти из которых ему удается только после перехода в комфортные «атмосферные условия», зачастую наблюдающиеся за пределами его территории, в «воздушных пространствах» других государств, где царящая там атмосфера и благоприятный дипломатический дух успокаивает враждующие стороны, воодушевляя стороны на спокойные тональности в разговоре. Хорошо, если переход от 3 к 5 пункту проходит относительно безболезненно для региона, когда руководителями предпринимаются верные стратегические решения. В противном случае разрешение конфликта «провисает» в воздухе и постепенно рискует затянуться. Здесь крайне важно вовремя направить регион в «безопасное воздушное пространство».

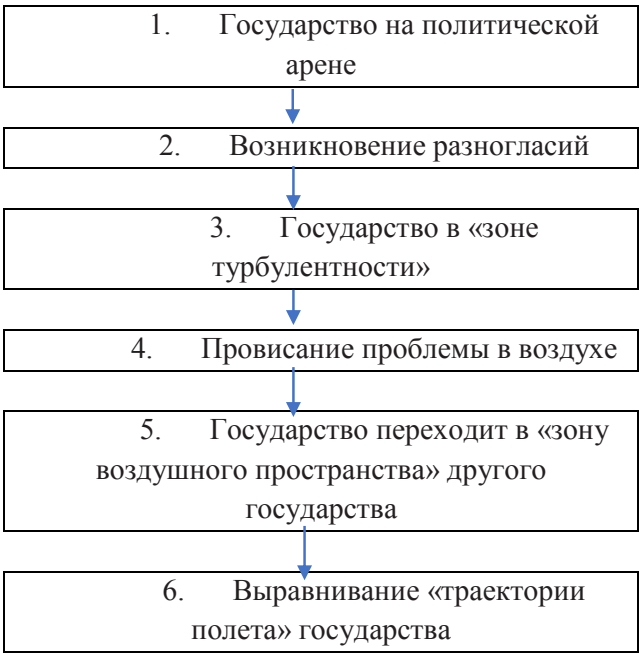

Рис. 1. Модель урегулирования внутри- и внешнеполитических конфликтов

Однако все бы было бы так легко, если бы не было бы так сложно. Как это часто бывает во многих ситуациях даже за пределами политики, самое сложное – это подобрать правильные слова, слова, нацеленные на достижение искомого порядка в делах. Чтобы иметь успех в предпринимаемом деле мало быть великолепным оратором и владеть виртуозной техникой диалога, необходимо суметь попасть в психоэмоциональное настроение народа, внутри которого наблюдается разлад. Точность попадания, следует сказать, во многом все же зависит собственно от «близости» структуры ментальности народов, столкнувшихся с вызовами современности. Примечательно, что зачастую конфликт, в котором задействованы родственные по языку и культуре регионы, разрешается третьей стороной именно ввиду того, что эта третья сторона приходится сторонам конфликта более близкой по духу, хотя и не одной «крови» с ними. Достигается это, как показывает мировая практика, именно за счет того, что третья сторона при затяжном развитии событий подключает свою наблюдательность и, как заботливая мать, концентрирует внимание оппонентов на тех их преимуществах, на тех их лучших культурно-специфических характеристиках, которые одухотворяют, настраивая на благополучный исход. Конечно же мы рассматриваем в данном контексте пример весьма положительный, где третья сторона выступает в роли «заботливой матери» со всеми вытекающими результатами. Но ведь не всегда эта третья сторона будет проявлять себя заботливо, нередки случаи, когда сторонний наблюдатель-помощник в урегулировании конфликта ситуацию только усугубляет намеренно ли, непреднамеренно ли. Стоит сказать, что в ситуации усугубления конфликта его разрешение будет заморо-

жено, поскольку не перейдет в другую фазу, не выйдет из «зоны турбулентности». И в этом случае для мировой общественности это должно стать ключевым фактором для привлечения дополнительной помощи и пересмотра стратегических подходов.

В результате проведенного анализа мы можем заключить, что истоки политических кризисов как внутри страны, так и за ее пределами всегда имеют разную природу. Но объединяет большинство политических конфликтов вполне природный, эволюционный процесс, ведь только в спорах рождается истина и только кризис, словно лакмусовая бумажка, позволяет нам конструктивно оценить правильность предпринимаемых нами решений на каждом из жизненных этапов.

Разрешение конфликтных ситуаций на политической арене с помощью правильно подобранных языковых средств на сегодняшний день котируется. Однако не стоит забывать тот факт, что данный способ урегулирования претензионных споров будет иметь силу только при прочном фундаменте, выстраиваемом в верном русле с четкой концентрацией на психолого-поведенческих особенностях народа в целом как представителей отдельно взятой культуры. Выведение уникального «рецепта» культурно-специфических черт народа в конкретных ситуациях вполне реально может помочь мировой общественности умело управлять стадиями конфликтов, не доводя их до предельной точки кипения, а если они вдруг и будут выходить из-под контроля, то осознание этих глубинных оснований позволит сторонам своевременно опомниться, предприняв необходимые меры. И привлечение верной третьей стороны в этом случае, причем стороны, близкой по духу, но не всегда по «крови», вполне способно вывести сложившуюся на политической арене ситуацию на существенно новый, обновленный уровень взаимодействия сторон, где даже непримиримые враги совершенно неожиданно станут верными союзниками.

Литература

1. Бочарников И.В. Грузия после парламентских выборов 2020 года: основные тренды политического и социально-экономического развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1. Полный текст [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gruziya-posle-parlamentskih-vyborov-2020-goda-osnovnye-trendy-politicheskogo-i-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/viewer (дата обращения: 10.12.2023).
2. Вершинина Т.С. Язык и конфликт: хрестоматия / Т.С. Вершинина – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т., 2007. – 284 с.
3. Препятствий не осталось. О чем Пашинян и Алиев договорились в Москве Полный текст [Электронный ресурс]. Москва, 2023. – URL: https://ria.ru/20230526/peregovory-1874229455.html?ysclid=lpztlfkx17186742832 (дата обращения: 10.12.2023).
4. Торндайк Э., Уотсон Д.Б. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм / Э. Торндайк, Д.Б. Уотсон. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 704 с.
5. Урсул К.В., Урсул В.И. Моделирование динамики речевого портрета личности современного политика // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. No 2 (22). – М.: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2023 (дата обращения: 13.02.2024).
6. Якубинский Л.П. О диалогической речи. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58.

AN INFORMATIONAL-COMMUNICATIVE MODEL FOR RESOLVING POLITICAL CONFLICTS ON THE WORLD STAGE

Ursul V.I., Ursul K.V.
Bauman Moscow State Technical University, Russian State University for the Humanities

In the article the authors analyze common political disagreements on the world stage. This political material attempts to identify and examine the origins of most crucial political disagreements that do exist today. It is well known that in political rhetoric much depends on the word and an intonation of the word. A word can encourage, a word can inspire, a word can appeal to our conscience, and set one up for a peaceful resolution of a conflict situation, as well as vice versa. In this regard, the scientists present an informational-communicative model for resolving political disagreements using linguistic means. In many ways, the proposed model is quite capable to create an atmosphere of goodwill and, if not resolve a conflict situation completely, then at least reduce the risks of escalating into a global conflict.

Keywords: conflict, linguistic means, political rhetoric, political spectacle, national consolidation.

References

1. Bocharnikov I.V. Georgia after the 2020 parliamentary elections: the main trends of political and socio-economic development // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2022. No. 5–1. Full text [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gruziya-posle-parlamentskih-vyborov-2020-goda-osnovnye-trendy-politicheskogo-i-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/viewer (date of access: 12/10/2023).
2. Vershinina T.S. Language and conflict: anthology / T.S. Vershinina. – Ekaterinburg: Ural. state University, 2007. – 284 p.
3. There are no obstacles left. What Pashinyan and Aliyev agreed on in Moscow Full text [Electronic resource]. Moscow, 2023. – URL: https://ria.ru/20230526/peregovory-1874229455.html?ysclid=lpztlfkx17186742832 (accessed: 12/10/2023).
4. Thorndike E., Watson D.B. Main directions of psychology in classical works. Behaviorism / E. Thorndike, D.B. Watson. – M.: AST-LTD, 1998. – 704 p.
5. Ursul K.V., Ursul V.I. Modeling the dynamics of the speech portrait of the personality of a modern politician // Organizational psycholinguistics [Electronic resource]: electronic. scientific journal / ed.-in-chief S.V. Myskin. – Issue No. 2 (22). – M.: Agency of social and humanitarian technologies, 2023 (date of access: 13.02.2024).
6. Yakubinsky L.P. On dialogical speech. Selected works: Language and its functioning. – M., 1986. – P. 17–58.

Трансформация архитектуры финансовых инструментов: от наличных денег к энерговалюте

Серегина Антонина Александровна,
канд. полит. наук, доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

В статье рассматривается эволюция денежного обращения в СССР с акцентом на формирование уникальной двухконтурной финансовой системы, в которой наличное денежное обращение было отделено от безналичного клирингового оборота. Автор анализирует опыт СССР по организации международных расчетов через клиринговые механизмы в рамках СЭВ, что позволяло эффективно осуществлять внешнеторговые операции в условиях ограниченной конвертируемости рубля. Особое внимание уделяется параллелям между советской системой и современными инновациями в финансовой сфере России. Проводится аналогия между историческим опытом двухконтурной системы и текущими проектами по введению цифрового рубля (для внутреннего расчетного контура) и энергетической валюты (для международного контура). В исследовании показано, как исторический опыт СССР по разделению внутреннего и внешнего денежного обращения может быть адаптирован к современным условиям цифровой экономики, предлагая эффективные решения для преодоления санкционных ограничений и развития международной торговли.
Советский и мировой опыт централизованного управления денежным обращением и его связь с реальной экономикой отчасти отражен в современных попытках создания валют, обеспеченных энергоресурсами. Освещены основные теоретические проблемы, касающиеся технического дизайна российской энерговалюты.

Ключевые слова: денежное обращение, цифровой рубль, энергетическая валюта.

Особенности наличного обращения в советский период (1922–1991 гг.)

В начале 1920-х годов экономика СССР столкнулась с серьезным кризисом: рубль обесценился в 50 миллиардов раз (с 1914 по 1924 гг.), а денежная масса за время мировой войны выросла в 14 раз [3]. Для стабилизации ситуации была проведена масштабная денежная реформа, включавшая несколько ключевых нововведений. Первым шагом стало создание двухэлементной денежной системы: «совзнаков» для текущих расчетов и «червонцев» (банкнот Государственного банка) как стабильной валюты для крупных сделок. Червонцы, равные царской десятке, были частично обеспечены золотом (25% в золоте и валюте, 75% в векселях и товарах), что делало их более надежным платежным средством. Важно отметить, что объем эмиссии червонцев определялся не бюджетными потребностями государства, а реальными потребностями хозяйственного оборота, что заложило основы современного подхода к денежной эмиссии [6]. 5 февраля 1924 года денежная реформа была завершена введением единой устойчивой валюты, что создало предпосылки для развития безналичных расчетов и формирования современной банковской системы.

После успешной денежной реформы 1924 года развитие денежной системы СССР вступило в новый этап, характеризующийся постепенным переходом от рыночных механизмов к плановой экономике. Курс на форсированную индустриализацию, взятый руководством страны, привел к существенным изменениям в денежно-кредитной политике. Уже к апрелю 1925 года стали заметны первые признаки дестабилизации: исчезло положительное сальдо внешней торговли, что создало угрозу устойчивости червонца. Переломным моментом стал XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 года, на котором была официально поставлена задача подчинения денежной системы плановому ведению хозяйства, что означало принципиальный отказ от классических рыночных методов регулирования денежного обращения. Во второй половине 1920-х годов промышленность стала оказывать все большее давление на кредитный план, игнорируя реальные возможности экономики и отсутствие в стране свободного капитала.

В результате «власть плана» окончательно возобладала над «властью денег» и началось формирование системы централизованного распределения денег в соответствии с народнохозяйственными планами. С октября 1928 года контроль над денежной системой был полностью централизован: Комитет по банковским делам определял размер эмиссии и направление кредитных вложений всех банков, а Госплан уточнял эти показатели в контрольных цифрах. Параметры денежного обращения стали прогнозироваться на основе планового расчета баланса денежных доходов и расходов населения.

Вместе с тем, следует констатировать, что зачастую политические приоритеты превалировали над экономической целесообразностью, это и приводило к сверхплановой эмиссии денег. К 1930 году ситуация ухудшилась: денежная масса выросла более чем на 45%, что вдвое превышало темпы роста производства потребительских

товаров [1]. Данный период заложил основы советской модели денежного обращения, в которой деньги стали инструментом планового распределения ресурсов, что существенно отличалось от их роли в рыночной экономике в том числе как универсального средства обмена.

Изменения произошли и в кредитно-расчетном механизме: ключевым моментом стала отмена с 1 апреля 1930 года коммерческого кредита и векселей, после чего предприятия могли получать средства исключительно через Государственный банк. Упразднение Комитета по делам банков в июне 1930 года и введение автоматических расчетов привели к значительному перевыполнению кредитного плана. Кредитная реформа уже на первых этапах реализации столкнулась с серьезными проблемами, связанными с несовершенством планирования. В условиях «коренного перелома» и нехватки квалифицированных экономистов планы оказались неэффективными. Банк, не имея точного представления о реальных потребностях предприятий, удовлетворял все заявки на кредит, что привело к автоматизму кредитования и ухудшению ситуации в денежно-кредитной сфере к концу 1930-х годов [4].

Следующий этап кредитной реформы (1931 год) ознаменовался введением акцептной формы расчетов, при которой покупатель получал право проверять качество товара перед оплатой. Государственный банк был преобразован в единый расчетный центр обобществленной экономики [12]. Были провозглашены принципы целевого, планового, возвратного и обеспеченного кредитования, но созданный механизм не имел эффективных внутренних регуляторов денежной эмиссии. К 1933 году возникла необходимость в дефляционных мерах («финансовый маневр 1933 года»). Несмотря на это, денежная масса продолжала расти: на 88% в 1933–1937 годах и на 64% в 1937–1940 годах [8]. В начале 1941 года Госбанк попытался реформировать систему, предложив проект изменения кредитно-расчетной работы, но был отклонен правительством из-за нависшей угрозы войны.

Развитие денежно-кредитной системы СССР в военный и послевоенный период логично продолжало тенденции 1930-х годов, но с существенными особенностями. В 1938 году была оформлена система расчетов, включавшая три основные формы: акцепт и инкассо, платежные поручения через военных представителей. Парадоксально, но недостатки планового денежного механизма 1930-х годов обернулись преимуществами в военное время: оборонные предприятия продолжали работать независимо от размера их долгов. План заказов на 1942–1943 годы был скорректирован с учетом военных потребностей, что отражало общий подход к управлению народным хозяйством. Существенной проблемой оставалось отсутствие анализа влияния безусловного кредитования и неплатежей на денежную массу со стороны Госбанка и Министерства финансов, что не позволяло эффективно контролировать денежное обращение и определять оптимальный размер денежной массы после проведения предложенной реформы. В 1944 году наметились положительные тенденции: доходы государственного бюджета превысили расходы на 5,1 миллиарда рублей, была введена коммерческая торговля, что укрепило бюджет за счет традиционных источников (налог с оборота, с продажи спиртных напитков) [9]. Однако профицит не означал отмены эмиссии – денежная масса увеличилась на 6 миллиардов рублей.

Одной из официальных причин денежной реформы 1947 года стало наличие в обращении большого количества фальшивых денег, выпущенных оккупантами на захваченных территориях. Советское руководство не могло игнорировать инфляционные тенденции, заложенные в денежном механизме. Финансовые маневры давали лишь временный эффект, поэтому в качестве надежного способа изъятия наличных денег у населения активно использовались государственные займы. С 1927 года займы стали размещаться по подписке под залог заработной платы с возможной отсрочкой платежа, что привело к резкому росту государственного долга с 591 млн рублей в 1926 году до 1915 млн рублей в 1929 году [2]. Первоначальные планы по отмене карточной системы в 1946 году были отложены из-за невозможности введения новых цен при скудных товарных запасах без сокращения избыточной денежной массы.

Попытки использовать опыт середины 1930-х годов по расширению товарооборота и развитию коммерческой торговли оказались недостаточными, так как руководство страны не было готово к полноценному развитию товарно-денежных отношений. В результате 14 декабря 1947 года был принят декрет «О денежной реформе и отмене карточек», который предусматривал выпуск новых банкнот, их обмен на старые в соотношении 10:1, переоценку вкладов и конверсию займов, а также переход к открытой торговле на основе единых государственных цен [12]. 3 января 1948 года министр финансов А.Г. Зверев направил Сталину подробный доклад о том, что поставленные задачи успешно решены. К обмену было предъявлено 63,4 миллиарда рублей, и после реформы денежная масса должна была сократиться до 5,3 миллиарда рублей, что соответствовало главной цели реформы [7]. Однако эффект оказался временным – уже с начала 1950-х годов денежная масса вновь начала расти, что свидетельствовало об ограниченной эффективности принятых мер. Другим ключевым этапом в регулировании денежного обращения стала деноминация рубля, инициированная Н.С. Хрущевым. Соответствующее постановление было принято 30 октября 1958 года, а сам обмен проводился с 1 января 1961 года в течение трех месяцев. В обращение были введены новые денежные знаки номиналом 100, 50, 25 и 10 рублей, обеспеченные золотом, драгоценными металлами и другими активами Госбанка СССР.

Проблемы слабой аналитики того, как безусловное кредитование и невозврат платежей воздействует на обращение денег, которая была характерна для военных лет, отступили на задний план после принятия постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 года «О роли и задачах Государственного банка СССР». Оно трансформировало саму систему предоставления кредитов, расчетных процедур и банковского контроля над обращением рублевой массы во внутригосударственном контуре. Постановление вводило дифференцированный режим кредитования, который допускал, что кредитные связи Госбанка СССР с предприятиями социалистического хозяйства будут строиться на конкретных качественно-количественных показателях их производственной и финансовой деятельности. Постановление также расширяло перечень объектов для кредитного содействия, пролонгировало для заемщиков сроки распоряжения ссудными средствами и предоставляло Госбанку возможность гибко выставлять кредитные лимиты сообразно увеличению числа кредитуемых хозорганов и объема кредитных вложений.

Было проанализировано, в какой степени заданный новым курсом рост важности кредитования в экономике СССР повлиял на то, как он стал функционировать в декады 1950–1970-х [19]. Когда Госбанк расширил границы кредитных отношений относительно тех принципов, которые были заложены еще кредитной реформой 1930-х годов, то важным пунктом стало ориентирование кре-

дита в качестве обеспечительной меры на формирование оборотных средств с «сезонных» на «несезонные» отрасли промышленности, включая энергетику и энергетическое машиностроение. Советская модель кредитования народного хозяйства отвечала задачам наращивания производства и товарооборота, подчиняясь планами отраслевого развития, а уже они требовали большей добычи энергоресурсов и увеличения энергопоставок на внешние рынки. Как следствие, деньги перетекали в топливно-энергетический комплекс, надолго обеспечивая СССР статус энергетической сверхдержавы.

Но системные проблемы в регулировании денежной массы и оптовых цен сохранялись вплоть до распада СССР. После коллапса социалистического проекта, уже в новейшей истории России, денежные реформы представляли собой последовательный процесс трансформации финансовой системы. Начало было положено реформой Павлова 1991 года, в ходе которой были обменяны крупные купюры в 50 и 100 рублей образца 1961 года, заморожены вклады в Сбербанке и введены ограничения на снятие наличных [13]. Следующим этапом стала реформа 1992 года, характеризующаяся либерализацией цен, введением новых банкнот и началом свободного обращения иностранной валюты. В 1993 году была проведена реформа, в результате которой советские рубли, обращающиеся в странах СНГ, были отменены, а в России введена собственная валюта. Важным этапом стала деноминация 1998 года, которая предполагала изменение масштаба цен в 1000 раз и введение новых денежных знаков. Завершающим этапом преобразований можно считать монетную реформу 2009 года, которая включала в себя изменение дизайна монет и модификацию состава металла для их чеканки.

Каждая из этих реформ была обусловлена конкретными экономическими условиями и преследовала определенные цели: стабилизацию денежного обращения, борьбу с инфляцией, модернизацию финансовой системы страны. Все рассмотренные реформы отражали сложный процесс трансформации российской экономики и были направлены на создание современной финансовой системы, способной эффективно функционировать в новых экономических условиях.

Безналичные расчеты и клиринг в международных расчетах СССР

Стоит отметить, что денежный оборот в СССР осуществлялся в двух основных формах: наличных платежей и безналичных расчетов. Наличные расчеты в основном использовались в отношениях между государством, предприятиями и населением (выплата зарплат, пенсий, покупка товаров, оплата услуг), а также между физическими лицами. Наличные расчеты между предприятиями допускались только на небольшие суммы [14]. Безналичные расчеты, составлявшие основную часть денежного оборота, осуществлялись путем перечисления средств через банковскую систему. Их преимущества заключались в следующем: сокращалась потребность в наличных деньгах, вводилась экономия издержек обращения, ускорялась оборачиваемость денежных средств, появлялась возможность концентрации временно свободных средств в банковской системе, смягчалась сезонность денежного обращения, усиление контроля за хозяйственной деятельностью [15].

Принятие двухконтурной модели было обязано спорам об устройстве денежной политики СССР на самой заре существования государства. Еще во время Новой экономической политики высшее партийное руководство СССР было вовлечено в обсуждение того, с какой скоростью и посредством каких источников должна вестись индустриализация. Предложенная Н.И. Бухариным модель допускала, что по мере роста покупательской способности населения у граждан появится желание сберегать все увеличивающуюся часть своих доходов. Накапливаемые сбережения посредством кредитной системы будут преобразованы в планы с долгосрочным кредитованием строящихся и модернизируемых промышленных производств, что есть путь к построению развитой индустриальной экономики. Победивший в тогдашней дискуссии сталинский подход, по сути, исходил из того, что у СССР нет возможности высасывания ресурсов из колоний, как это имело место в капиталистических и империалистических государствах Запада. Значит, индустриализация не могла быть поставлена в зависимость от оборота сбережений граждан и прибыли тех промышленных отраслей, которые создавали товары народного потребления.

Решением стала привязка индустриализации к феномену безналичных денег, которые не зависят от экономики потребительского сектора. Советские безналичные деньги предназначались для создания и развития индустрий, в которых производятся средства производства, или так называемой продукции «группы А», включающей добычу сырья и энергетику. Во избежание трансформации в капитал топливно-энергетических и иных добывающих индустрий, архитекторы сталинской экономики на концептуальном уровне исключали возможность присвоения продукции «группы А» товарного статуса. Вместо законов рынка здесь действовал распределительный тип отношений, принципы которого сформулировал И.В. Сталин в работе 1952 года «Экономические проблемы социализма в СССР» [21]. Как справедливо отмечает В.Ю. Катасонов, в модели не было свободно обращающегося на рынке товара, а значит, и безналичные деньги не могли считаться деньгами в привычном понимании, поскольку они лишались функции меры стоимости и средства обмена [10]. Исключение из схемы делалось лишь для внешнеторговых операций, когда энергетический и прочий продукт «группы А» шел на экспорт и вовлекался, таким образом, в товарно-рыночный оборот.

Центральную роль в организации безналичных расчетов играл Государственный банк СССР. Объем безналичных расчетов через Госбанк неуклонно рос: с 260 млрд рублей в 1950 году до 2350 млрд. рублей в 1980 году. Дополнительные функции в сфере безналичных расчетов выполняли Стройбанк СССР (капитальное строительство), Внешторгбанк СССР (внешняя торговля) и система Гострудсберкасс (обслуживание населения) [15]. Система безналичных расчетов, введенная в ходе кредитной реформы 1930–1932 годов, включала несколько основных форм: акцепт, аккредитив, расчеты через специальные счета, платежные поручения и чеки. Важно отметить разницу в функционировании денег: если наличные деньги выполняли функции средства обращения и платежа, то безналичные деньги служили прежде всего средством накопления и платежа [15].

Форма клиринга также пользовалась популярностью, но в сфере международных расчетов во время и после Второй мировой войны – как средство взаимозачета обязательств между странами, что снижало потребность в иностранной валюте и минимизировало влияние колебаний курсов валют на торговлю. До этого времени СССР был ориентирован на внутреннюю перестройку финансовой системы и централизацию финансового контроля, поэтому клиринг не играл заметной роли в безналичных расчетах внутри страны. Основное внимание уделялось созданию единой системы банковских

расчетов и управлению денежными потоками, в то время как механизмы клиринга для внешнеэкономической деятельности стали актуальны в последующие десятилетия, когда СССР начал более активно развивать международную торговлю с союзными и дружественными государствами.

СССР осуществлял клиринговые расчеты как с государствами социалистического лагеря (например, странами Совета экономической взаимопомощи, СЭВ), так и за его пределами. Среди стран, с которыми СССР вел расчеты на клиринговой основе, были Индия и Пакистан, где использовались соответственно индийская и пакистанская рупии. Такие расчеты велись и с Югославией, которая не была членом СЭВ и использовала доллар США. Китай также был клиринговым партнером СССР в 1950-х годах, расчеты велись в швейцарских франках [5]. Одним из примеров успешной клиринговой сделки СССР была сделка по поставке газа по трубам с Западной Германией в 1970-х годах. В рамках этой сделки, известной как «газ в трубу», СССР поставлял природный газ, а взамен получал трубы и оборудование, необходимое для строительства трубопроводов. Такой обмен был выгоден обеим сторонам: СССР получал необходимую инфраструктуру, а Германия – доступ к дешевому энергоресурсу. Клиринговая система позволяла избежать использования западной валюты, что было важно для СССР, учитывая его ограниченный доступ к валютным резервам в то время.

Подобные сделки не только укрепляли экономические связи между странами, но и создавали долгосрочные контракты, которые позволили СССР расширить экспорт газа на европейский рынок и заложили основы энергетического сотрудничества, важного для будущего экспорта газа. Клиринговые механизмы были особенно востребованы во время «долларового голода» после Второй мировой войны, когда многие страны, в том числе социалистические и развивающиеся, стремились сохранить свои валютные резервы. Клиринг позволял проводить расчеты на взаимозачетной основе, без использования валюты, что способствовало сохранению валютных резервов и развитию взаимовыгодной торговли [11]. Это также помогало СССР поддерживать торговые связи со своими партнерами, несмотря на экономические и политические трудности в условиях международной конкуренции с Западом.

Таким образом, двухконтурная система расчетов в СССР представляла собой сложный механизм, в котором первый контур обеспечивал внутренние расчеты через централизованную банковскую систему, а второй был ориентирован на международные клиринговые операции. Внутри страны система была направлена на создание единой системы банковских расчетов и жесткого финансового контроля, а внешний контур использовал клиринговые механизмы для международной торговли, что позволяло минимизировать использование иностранной валюты и обойти валютные ограничения. Создание такого двойного контура в советской денежной системе было абсолютной экономической новацией; благодаря ее оригинальности и успеху промышленность СССР совершила резкий скачок уже в самом начале индустриализации, аккумулировав почти 50% всего прибавочного продукта, который производил отсталый аграрный сектор. Без разделения денежной массы на наличные и безналичные активы создание развитого индустриально-технологического базиса могло бы длиться сопоставимо с западноевропейскими государствами Нового времени – несколько веков. Исследователями отмечается, что для столь смелого эксперимента потребовалось задействовать не экономическую теорию, но определенные идеологемы, которыми руководствовалась советская власть [3]. Иными словами, институциональный дизайн политической системы и ее идеологический каркас в практически тотально детерминировали специфику использования денег и предопределили их силу для упрочения экономического могущества государства [11].

Впрочем, использование наличных денег тесно связано с рядом недостатков, включая сложности с отслеживанием движения наличных денег и борьбой с отмыванием денег, необходимость поддерживать большую инфраструктуру для работы с наличными, включая инкассацию и банкоматы, а также ограниченная скорость транзакций и международных переводов и др. Выявлено, что прогрессия в обращении наличной денежной массы опосредованно коррелирует с ростом теневых и коррупционных транзакций, притворными и непрозрачными для органов налогового контроля операциями юридических лиц [15]. Эти проблемы в сочетании с развитием безналичных платежей, которые также имеют свои ограничения в виде высоких банковских комиссий, зависимости от посредников и уязвимости традиционных платежных систем, привели к поиску более эффективных решений в виде цифровых валют. Цифровые валюты, созданные на основе современных технологий, предлагают альтернативу как наличным, так и традиционным безналичным платежам, обеспечивая мгновенные транзакции с минимальными комиссиями, высокую безопасность, прозрачность и прямые переводы без посредников, что делает их следующим логическим шагом в эволюции денег.

Соотношение наличной денежной массы и безналичных денег в гражданском потребительском секторе до COVID-19 продемонстрировало одну характерную особенность. Шло неуклонное снижение объема наличных денег к номинальному ВВП при том, что в абсолютных значениях рост наличной денежной массы на руках и в обороте россиян не замедлялся. Пандемия создала стрессовую ситуацию для привыкших к расчетам наличностью хозяйственных субъектов и склонила их к более интенсивному использованию безналичных расчетов. В пост-пандемический период в банки стала возвращаться избыточная часть наличной денежной массы, которая поступала к россиянам в виде зарплат, социальных и прочих нормированных выплат, но не могла быть физически израсходована в условиях тотального карантина. Ключевой регулятор, Центральный банк России, в связи с изменением привычек граждан и нормализацией нейтральной кредитно-денежной политике строит прогностику в горизонте вплоть до 2026 года, исходя из ожиданий, что объем наличной денежной массы к ВВП вновь начнет понижаться [17]. Подобные трансформации удерживают Россию в фарватере общемировых процессов: регистрируется увеличение темпов роста наличной денежной массы, но они имеют затухающую динамику в сравнении с пред-ковидной порой; в то же самое время доля наличных денег уменьшается. В случае с Россией данный показатель составлял 60,7% в 2017 году, но уже 29,7% к 2022-му.

Данная тенденция ожидаемо явит еще больший динамизм при цифровизации рубля. Такая валюта может стать подходящей альтернативой наличным деньгам на фоне понижающегося спроса на них и все больше заинтересованности частных домохозяйств и бизнеса в цифровых сделках и транзакциях. Тут можно учесть, что, если в 2022 году более половины россиян (53%) не представляли возможным отказаться от наличных денег, то к 2024 году их число упало до 40% – тренд налицо и он весьма убедителен [18]. Поэтому целесообразно более подробно рассмотреть, что из себя представляет

концепция цифрового рубля и ее инварианты для внешнеторговых отношений.

Цифровизация расчетов на современном этапе

Современный этап мир-системы в целом ознаменован появлением цифровых валют, отличающихся децентрализованным обменом и анонимными транзакциями. Вместе с тем возникают новые вызовы: высокая волатильность курсов, проблемы возврата ошибочных платежей, более высокие временные и финансовые затраты на проведение операций по сравнению с традиционными безналичными расчетами и проч. [14]. Авторы, критически оценивающие перспективы повсеместного внедрения криптографии на рынке валют, ссылаются среди прочего на то, что из-за сверхвысокой волатильности соответствующие рынки могут испытать молниеносный обвал [16]. На это можно возразить тем, что фидуциарная, то есть такая, под которую подведены государственные гарантии национальная цифровая валюта, несводима к криптовалюте в ее привычном понимании. Прежде всего, она централизована и контролируется Центральным банком как государственной инстанцией, которая отталкивается от учета интересов всех субъектов национально экономики [20].

Поэтому, взвесив все *pro et contra* 2021 году Центральный банк России перешел к активной фазе работы над проектом цифрового рубля – третьей формы национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами, которая выключена из процессов накопления и кредитования денег. Пилотный проект по внедрению цифрового рубля с участием 13 банков и реальных клиентов стартовал в 2023 году. С 1 августа 2023 года началось тестирование операций с цифровым рублем для ограниченного числа клиентов в 11 городах России.

Ключевые особенности цифрового рубля заключаются в том, что он, как гештальт, аккумулирует в себе и сплавляет свойства наличных и безналичных денег, позволяет осуществлять платежи в режиме офлайн, обеспечивает повышенную надежность и безопасность транзакций, снижает стоимость платежей и способствует развитию цифровой экономики. Цифровой рубль в сегодняшнем виде представляет собой цифровую валюту Центрального банка, а значит, подобно двум перечисленным выше денежным формам, рассматривается как безусловные и гарантированные всеми активами Центрального банка обязательства. Следовательно, как и другие активы Центрального банка, в текущий момент данная валюта не обеспечена исключительно драгоценными металлами. Ее обеспечением являются зарубежные активы и – лишь отчасти – золотовалютные запасы нашей страны. В условиях турбулентности мир-системы такая зависимость и имманентная слабость эмитируемых Центральным банком валют не может обеспечить устойчивость национальной валюте России и ее конвертируемость во внешнеторговых операциях.

Как бы то ни было, ведение цифрового рубля нужно считать качественно новым этапом в эволюции денежной системы России, адекватным глобальному запросу на цифровизацию и токенизацию финансовой сферы и формирующим внутренний контур национальных расчетов. Концепция же энергетической валюты, являющаяся инновационным решением для международных расчетов и учитывающая фундаментальные функции денег в энергетическом контексте, способна сформировать внешний контур расчетов, аналогичный историческому опыту клиринга платежей в СССР, применения переводного рубля в торговых операциях между участниками СЭВ. Такая многоконтурная система позволит эффективно разграничить внутренние и внешние расчеты, обеспечив при этом их взаимную интеграцию и взаимодополняемость.

Следует не забывать, что цифровой рубль как мало что-либо иное пригоден в качестве платежного средства внешней торговли; посредством него будет облегчен переход ряда заинтересованных государств от доллара США к независимым и политически нейтральным способам расчета. Но не следует забывать, что могущество доллара США не может быть поставлено под сомнение, пока своп-соглашения между странами-партнерами России по, например, интеграционным содружествам БРИКС и ЕврАзЭС продолжат определяться их котировками к доллару.

Тот факт, что цифровой рубль все еще не обеспечен редким материальным эквивалентом – к примеру, золотом – может быть не только его недостатком, но и, при определенной смене угла зрения, преимуществом, ибо предохраняет его от колебаний стоимости на рынке ценных металлов. С другой стороны, встает вопрос о том, каким независимым эквивалентом обеспечить цифровой рубль, чтобы у России была возможность в любое время выполнить свои обеспечительные обязательства в любом объеме, а у ее партнеров крепла уверенность в таком расчетном средстве. Здесь возникает задел для так называемой «энерговалюты», который увязан с заранее установленным количеством энергии. Энергетическая валюта – как общее благо (направленное на достижение целей развития сторон, участвующих в его создании, и способствующее не только достижению индивидуальных целей участников, но и создает дополнительную ценность, превышающую сумму индивидуальных вкладов), способствует международному развитию и предлагает универсальный и справедливый механизм обмена, не подверженный политическому давлению.

Литература

1. Аксенов А.А. Перспективы национальных валют при расчетах за энергетические ресурсы в экономическом пространстве «Нового Шелкового пути» // Круглый стол для молодых ученых «Молодежное измерение евразийской интеграции: экономика, право, образование»
2. Атлас З.В. Социалистическая денежная система: проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР / Проф. З.В. Атлас. – Москва: Финансы, 1969. – 384 с.
3. Ахметов К. Асимметричная экономика. Почему провалились рыночные реформы в странах СНГ? – Алматы: Мир Великой степи, 2012.
4. Балацкий Е.В. Можно ли создать новую денежную систему на основе энергии? // Капитал страны, 11 января 2010 г.
5. Викулин М. Концепция энерговалюты // Lenin crew, 26 ноября 2015 г.
6. Винокуров Е.Ю., Гричик М.В. Новая концепция международных резервов: безопасность, диверсификация, неортодоксальные подходы // Вопросы экономики. № 12, 2022.
7. Вып. 11 – «Кредитование и расчеты в 1952–1991 годах». – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2011. – 185 с.
8. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950) / В.П. Дьяченко. – Москва: Наука, 1978. – 493 с.
9. История социалистической экономики СССР Т. 5. Советская экономика накануне в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. / АН СССР,

Ин-т экономики; редкол.: д-р экон. наук И.А. Гладков (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1978. – 562 с.
10. Катасонов В.Ю. Рубль: наличный и безналичный // Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы, 5 февраля 2014 г.
11. Коктыш К.Е. Институциональный рационализм в политике Запада / Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М.: МГИМО(У), 2022.
12. Кредитование и расчеты в СССР: ведомственные материалы / Центральный банк Российской Федерации; Ю.И. Кашин, Т.В. Козлова. – Москва: Интер-Крим-пресс, 2013. – 463 с.
13. Кузнецов П.Г. Киловатт-час может использоваться как универсальная мера стоимости в мировой экономике третьего тысячелетия// Экономическая газета, 18 февраля 1997 г.
14. Ларина О.И., Акимов О.М. Цифровые деньги на современном этапе: ключевые риски и направления развития // Финансы: теория и практика. № 24 (4), 2020.
15. Ларченко О.В., Дорофеева Т.В. Проблемы наличного денежного обращения в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 39, 2017.
16. Манушин Д.В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Российский журнал экономики и права. № 2, 2022.
17. Основные направления развития наличного денежного обращения на 2021–2025 годы. – М.: Банк России, 2021.
18. Отношение населения Российской Федерации к различным средствам платежа. – М.: Банк России, 2023.
19. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 11 – «Кредитование и расчеты в 1952–1991 годах». – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2011. – 185 с.
20. Родина И.Б. Парадигма цифровой национальной валюты: риски и преимущества // Вестник Государственного университета управления. № 4, 2022.
21. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1952.

TRANSFORMING THE ARCHITECTURE OF FINANCIAL INSTRUMENTS: FROM CASH TO ENERGY CURRENCIES

Seregina A.A.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the evolution of monetary circulation in the USSR with a focus on the formation of a unique two-circuit financial system in which cash circulation was separated from non-cash clearing turnover. The author analyses the experience of the USSR in organising international settlements through clearing mechanisms within the CMEA, which allowed for efficient foreign trade operations under conditions of limited convertibility of the ruble. Special attention is paid to the parallels between the Soviet system and modern innovations in Russia's financial sphere. An analogy is drawn between the historical experience of the two-circuit system and the current projects to introduce a digital ruble (for the domestic settlement circuit) and an energy currency (for the international circuit). The study shows how the historical experience of the USSR in separating domestic and foreign monetary circulation can be adapted to the current conditions of the digital economy, offering effective solutions for overcoming sanctions restrictions and developing international trade.
The Soviet and world experience of centralised money circulation management and its connection with the real economy is partly reflected in modern attempts to create currencies backed by energy resources. The main theoretical problems concerning the technical design of the Russian energy currency are highlighted.

Keywords: monetary circulation, digital ruble, energy currency.

References

1. Aksenov A.A. Perspectives of national currencies in the settlements for energy resources in the economic space of the 'New Silk Road' // Round table for young scientists 'Youth Dimension of Eurasian Integration: Economics, Law, and Education'
2. Atlas Z.V. Socialist monetary system: problems of socialist transformation and development of the monetary system of the USSR / Prof. Z.V. Atlas. З.V. Atlas. – Moscow: Finance, 1969. – 384 p.
3. Akhmetov K. Asymmetric economy. Why market reforms in the CIS countries failed? – Almaty: Mir Velikoy Steppe, 2012.
4. Balatsky E.V. Is it possible to create a new monetary system based on energy? // Capital of the country, 11 January 2010.
5. Vikulin M. The concept of energy currency // Lenin crew, 26 November 2015.
6. Vinokurov E.Yu., Grichik M.V. New concept of international reserves: security, diversification, unorthodox approaches // Voprosy ekonomiki. № 12, 2022.
7. Vol. 11 – 'Lending and Settlements in 1952–1991'. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2011. – 185 p.
8. Dyachenko V.P. History of Finance of the USSR (1917–1950) / V.P. Dyachenko. – Moscow: Nauka, 1978. – 493 p.
9. History of Socialist Economy of the USSR Vol. 5: Soviet Economy on the Eve of the Great Patriotic War 1938–1945 / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. by Dr. I.A. Gladkov (ed.) [and others]. – Moscow: Nauka, 1978. – 562 p.
10. Katasonov V.Y. Ruble: cash and non-cash // Information and analytical edition of the Foundation for Historical Perspective, 5 February 2014.
11. Koktysh K.E. Institutional rationalism in the politics of the West / Dissertation for the degree of Doctor of Political Science. – M.: MGIMO(U), 2022.
12. Crediting and Settlements in the USSR: departmental materials / Central Bank of the Russian Federation; Y.I. Kashin, T.V. Kozlova. – Moscow: InterKrim-press, 2013. – 463 p.
13. Kuznetsov P.G. Kilowatt-hour can be used as a universal measure of value in the world economy of the third millennium// Economic Newspaper, 18 February 1997.
14. Larina O.I., Akimov O.M. Digital money at the present stage: key risks and directions of development// Finance: Theory and Practice, No. 24 (4), 2020.
15. Larchenko O.V., Dorofeeva T.V. Problems of cash money circulation in the Russian Federation // Scientific and methodological electronic journal 'Concept'. V. 39, 2017.
16. Manushin D.V. World sanctions economy, sanctions, countersanctions and new world currency // Russian Journal of Economics and Law. № 2, 2022.
17. Main directions of development of cash money circulation for 2021–2025 years. – Moscow: Bank of Russia, 2021.
18. The attitude of the population of the Russian Federation to various means of payment. – Moscow: Bank of Russia, 2023.
19. On the pages of archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. Vol. 11 – 'Lending and Settlements in 1952–1991'. – Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2011. – 185 p.
20. Rodina I.B. Paradigm of digital national currency: risks and benefits // Bulletin of the State University of Management. № 4, 2022.
21. Stalin I.V. Economic problems of socialism in the USSR. – Leningrad: State Publishing House of Political Literature, 1952.

Динамика политизации ислама в контексте кризиса глобального управления

Белевич Павел Михайлович,
аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
E-mail: p.m.belevich@mail.ru

Политизация ислама возникает как структурный ответ на фрагментацию глобального управления: институциональная устойчивость ослабевает, религиозно-политическая мобилизация усиливается, а рамки управления остаются нетронутыми, политическое агентство ислама перекалибруется в государственных границах. В данном исследовании изучается динамика политизации ислама в контексте кризисов управления, экономического расслоения и геополитических интервенций – устанавливается взаимосвязь между системной нестабильностью и моделями религиозной мобилизации. Анализ, объединяющий политологию, социологию и исторический контекстуализм – теорию сетевого общества, религиозный неофундаментализм и теорию международных отношений – создает теоретическую основу; эмпирические данные исламских движений на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Центральной Азии (2001–2023 гг.) обеспечивают доказательную базу. Политическая инклюзивность умеряет религиозную радикализацию – когда исламские движения получают доступ к институциональным рамкам, идеологический экстремизм снижается; экономическое неравенство действует как катализатор – когда неравенство обостряется, религиозная мобилизация усиливается; геополитические интервенции дают переменный эффект – когда внешние акторы стабилизируют управление, политизация снижается – когда интервенции усугубляют вакуум, ислам становится основным способом власти. Государственное регулирование религиозных структур приводит к парадоксальным результатам: ислам включен в систему управления, политизация скорее смещается, чем уменьшается, а преобладает отчуждение, растет радикализация. *Последствия*: Полученные результаты пересматривают парадигмы вмешательства: противодействие радикализации требует институциональной легитимности, а не принуждения; стабильность управления смягчает политизацию, за которой следует идеологическая деэскалация. Цифровые инфраструктуры изменяют траектории мобилизации: онлайн-сети вытесняют традиционные политические иерархии – государственный контроль над религиозным дискурсом ужесточается, виртуальные платформы поддерживают идеологическую пролиферацию, порождая децентрализованные модели религиозного политического агентства. Будущие исследования требуют перестройки аналитических рамок: традиционные индексы религиозной политизации – участие в выборах, институциональное признание – не способны отразить транснациональную идеологическую диффузию, что требует разработки алгоритмических метрик, оценивающих религиозную мобилизацию на основе сети. Эти изменения меняют понимание политической роли ислама: управление остается хрупким, религиозные структуры действуют как альтернативные нормативные рамки; цифровые экосистемы меняют форму мобилизации, политический ислам выходит за рамки территориальных ограничений.

Ключевые слова: политизация ислама, глобальный кризис управления, религиозная мобилизация, политическая нестабильность и ислам, государственное регулирование религии, цифровые сети и политический ислам, геополитические интервенции и радикализация.

Вступление

Эволюция политизации ислама разворачивается в рамках трансформаций глобального управления – процесса, связанного со структурными сдвигами в международном политическом порядке, экономическими диспропорциями и идеологической борьбой (исторические траектории колониального господства, формирующие политические конфигурации после обретения независимости; геополитическое соперничество, обостряющее сектантские противоречия; социально-экономическая асимметрия, порождающая недовольство, которое находит выражение в религиозно-политической мобилизации). Усиление этой динамики приводит к тому, что инструментализированный ислам, присвоенный государственными и негосударственными акторами, изменяет структуры власти в обществах с мусульманским большинством и перестраивает их взаимодействие с глобальной системой (Галлямов, 2024). Кризис управления на многих уровнях усиливает этот процесс: эрозия государственной легитимности в нестабильных регионах способствует формированию альтернативных способов власти, основанных на религиозной легитимности, а ослабление международных институтов позволяет расширять транснациональные исламистские сети, действующие вне рамок традиционных государств (Осмонов и др., 2023).

Религиозный радикализм, как усугубленный результат политизации, проявляется в двух основных формах – организованные исламистские движения, стремящиеся к политической власти с помощью официальных механизмов, и децентрализованные экстремистские группы, использующие повстанческие стратегии – и в обоих случаях его поддерживают социально-политические разломы и внешние интервенции (Рашид, 2023). Распад государства в некоторых регионах (Ирак, Сирия, Ливия) – пример взаимосвязи между разрушением системы управления и появлением исламистских структур власти, в виде боевых формирований, заполняющих вакуум безопасности, политических партий, использующих религиозный дискурс для укрепления влияния (Матушанская и др., 2024). Девальвация международных механизмов регулирования, усугубляемая глобальными реконфигурациями власти, снижает возможности посредничества в конфликтах – религия становится ключевым мобилизационным фактором (Гумилев, 2023). Технологическая революция усиливает эти процессы: позволяет распространять идеологию с помощью цифровых платформ, создает параллельные эпистемические пространства – вызов государственным нарративам, укрепляет транснациональную солидарность политизированных исламских акторов (Асвар и др., 2023).

Последствия политизации ислама распространяются на множество измерений: геополитические перестановки, когда региональные державы (Турция, Иран, Саудовская Аравия) используют исламские идеологические течения для утверждения своего влияния; усиление моделей дестабилизации в условиях слабого государства, когда политический ислам становится организующим принципом в борьбе за управление; правовые

преобразования, корректирующие статус религиозной свободы в режимах, преодолевающих противоречия между светским конституционализмом и исламскими юридическими требованиями (Нисневич, 2023). Количественные данные подтверждают эти тенденции: доля политических партий с явной исламской повесткой дня в государствах с мусульманским большинством выросла на 27% с 2001 года; в государствах, переживающих острый кризис управления, увеличилось число погибших в результате терроризма, связанного с исламистскими повстанцами (Панда, 2023). Институциональные структуры в странах с мусульманским большинством демонстрируют меняющуюся ориентацию: одни укрепляют светские структуры за счет нормативных ограничений деятельности религиозных организаций, другие смиряются с восхождением ислама в качестве центрального политического референта (Камил и др., 2024).

Обзор литературы

Политизация ислама функционирует как реактивный механизм в рамках системных сбоев государственной легитимности – структуры управления дают сбой, ислам берет на себя компенсаторную роль, становясь инструментом мобилизации и альтернативной основой легитимности (Вейн А., 2021). Динамика повторяется в геополитических контекстах: в нестабильных государствах процесс проявляется через повстанческие движения, замещающие ослабленные государственные институты; в полуавторитарных режимах он действует как инструментальная риторика, укрепляющая политическую власть; при демократических переходах он материализуется как идеологическое поле битвы, определяющее сферу религиозного влияния (Fithriyyah et al., 2021). Основополагающая логика остается неизменной – государство слабеет, ислам политизируется, заполняя структурные пустоты и перекраивая конфигурации власти.

Теоретические рамки разделяют эти трансформации на взаимосвязанные модели: «политический ислам как государственное строительство» концептуализирует исламистские движения как параллельные институты; «теория гибридного режима» предполагает, что режимы колеблются между демократическим и авторитарным контролем, используя ислам как переменную политической стабильности; «теория вакуума власти» рассматривает политизацию ислама как прямое следствие институционального распада – когда управление ухудшается, религия появляется в качестве организующего принципа (Уильямсон и др., 2022).

Противоречия пронизывают научные интерпретации: роль ислама в публичной сфере остается спорным вопросом: одни утверждают, что исламские политические акторы укрепляют демократическую активность, другие – что религиозная мобилизация по своей сути подрывает плюралистические институты (Грин, 2021). Споры вызывает влияние западного вмешательства: одна позиция гласит, что внешнее влияние радикализирует политический ислам, дестабилизируя региональные балансы, другая утверждает, что вмешательство лишь ускоряет существующие идеологические течения, а не порождает их (Янг, 2022). Противопоставления отражают эпистемологические разногласия: функционирует ли ислам как статичная идеологическая сущность или как адаптивная политическая сила, формируемая структурными обстоятельствами.

Теоретические пробелы остаются очевидными – эмпирическая проверка гипотез политизации не отличается межрегиональной последовательностью, что приводит к появлению фрагментарных наборов данных, а не унифицированных аналитических моделей (Топал, 2022). Индексы измерения религиозной политизации остаются концептуально неустойчивыми – колеблются между институциональным присутствием, идеологическим дискурсом и электоральным влиянием без стандартизированной метрики (Мавляутдинов, Глушкова, 2021). Междисциплинарная интеграция остается ограниченной – политология выделяет институциональные механизмы, социология изучает модели мобилизации, а теология занимается доктринальными сдвигами, их сближение остается неразвитым, оставляя прерывистую исследовательскую траекторию, а не последовательный теоретический континуум.

Динамика политизации ислама разворачивается в условиях структурной дезинтеграции глобального управления: по мере ослабления институциональных рамок усиливается политическая нестабильность, а ислам используется и как противодействующая сила, и как механизм легитимации. Экономические кризисы усиливают эту траекторию – финансовый крах нарушает управление, возникают религиозные движения в качестве альтернативных механизмов регулирования; государственная власть разрушается, политизированный ислам реструктурирует распределение власти, функционируя в качестве стабилизирующей и дестабилизирующей силы. Роль внешних акторов усложняет это уравнение: происходят геополитические интервенции, религиозная радикализация ускоряется; глобальные державы манипулируют идеологическими ландшафтами, политическое агентство ислама расширяется, формируя стратегии сопротивления и приспособления. Трансформация исламских политических движений следует этой логике: по мере ухудшения глобального управления их стратегическая ориентация меняется – они приспосабливаются к государственным неудачам, извлекают выгоду из вакуума управления, перестраивают доктринальные нарративы в соответствии с меняющейся политической экологией. Для смягчения этих последствий требуются структурные вмешательства – институциональная устойчивость укрепляется, политизированный ислам сокращается; структуры управления восстанавливают легитимность, религиозная радикализация отступает, стабилизируя идеологическое равновесие.

Методологическая основа данного исследования построена на трех взаимосвязанных теоретических конструкциях: «религиозный неофундаментализм» как аналитическая линза для расшифровки возрождения политизированного ислама – теологическая жесткость встречается с социально-политическим активизмом, укрепляя идеологические границы и адаптируясь к неудачам управления; «теория сетевого общества» как основа для понимания децентрализованного расширения исламских политических движений – цифровая инфраструктура способствует распространению идеологии, обходя государственные механизмы и изменяя конфигурацию динамики власти; «теория международных отношений» как критика глобального управления – гегемонистские структуры распадаются, создавая вакуумы, в которых политический ислам перестраивает свои стратегии, колеблясь между сопротивлением и кооптацией.

Дизайн исследования следует диалектической траектории: «сравнительный анализ» структурирует исследование – региональные различия в политизации ислама выявляют глубинные системные закономерности; «продольное прослеживание» помещает трансформации во временные рамки – сдвиги в политическом агентстве соответствуют кризисам управления; «дискурс-анализ» препарирует идеологическую артикуляцию – текстовые паттерны в заявлениях исламских лидеров выявляют

стратегическую перекалибровку. Эмпирическая база состоит из многомасштабного набора данных – «регионального картирования» исламских политических движений на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Центральной Азии (2001–2023); «количественных показателей», полученных от международных организаций, подробно описывающих политическую мобилизацию, участие в выборах и активность боевиков; «данных опроса общественного мнения», проясняющих сдвиги в настроениях населения относительно политической роли ислама.

Методологические ограничения создают эпистемическую напряженность: «непрозрачность данных» ограничивает доступ к финансовым структурам исламских движений – неформальные сети действуют вне традиционных механизмов прозрачности; «субъективность повествования» усложняет интерпретацию политических заявлений – идеологический дискурс пересекается со стратегическими сообщениями, порождая многослойные смыслы, не поддающиеся однозначной категоризации; «региональная вариативность» ограничивает возможность перекрестного сравнения – модели управления формируют различные траектории религиозной политизации, требуя контекстуализации, а не универсалистских выводов. Эти ограничения требуют «триангулированной проверки» – когда сходящиеся источники данных смягчают интерпретационные предубеждения; «рефлексивной методологической корректировки» – когда аналитические рамки адаптируются к возникающим сложностям; «итеративной проверки гипотез» – когда теоретические предпосылки перекалибруются с учетом эмпирических неровностей.

Результаты

Политическая активность исламских движений демонстрирует градиент трансформации: в странах консолидированной демократии участие смещается в сторону электоральных механизмов – идеологическая умеренность совпадает с институциональной интеграцией; в гибридных режимах движения колеблются между участием и оппозицией – ограничения режима определяют их стратегическую эластичность; в авторитарных контекстах политический ислам либо радикализируется, либо отступает – государственные репрессии диктуют идеологическую перекалибровку. Эти вариации сходятся в структурном законе: степень политической инклюзивности напрямую определяет траекторию исламской мобилизации – существуют пути участия, радикализация снижается; преобладает исключение, усиливаются подрывные тенденции.

Экономическое неравенство выступает в качестве каталитической переменной: социально-экономическая асимметрия углубляется, политизированный ислам берет на себя перераспределительную функцию – неравенство уменьшается, его идеологическая привлекательность снижается; экономическое расслоение усиливается, религиозная мобилизация набирает обороты, встраивая недовольство в доктринальные рамки. Структурное напряжение возникает в экономически поляризованных обществах – элитные патронажные сети дробят исламистские движения на конкурирующие фракции, порождая идеологическую неоднородность, а не равномерную радикализацию. Статистические данные подтверждают эту взаимосвязь: неравенство в доходах превышает порог, религиозные политические движения демонстрируют высокий уровень мобилизации масс.

Эволюция доктрины в исламских организациях проходит по траектории идеологической рекалибровки: в конце XX века движения делали акцент на теологическом абсолютизме – жесткость доктрины служила маркером идентичности; в XXI веке возникает идеологический синтез – прагматизм интегрирует светские принципы управления, примиряя религиозные догмы с политической конъюнктурой. Этот переход проявляется в программных сдвигах: ранние политические исламисты строили управление на парадигмах «исламского государства» – суверенитет был санкционирован Богом; современные движения используют дискурсы «исламского управления» – суверенитет переосмысливается как гибридная конструкция, посредничающая между принципами шариата и демократическим процедуризмом.

Политизированный ислам выступает в качестве функционального инструмента в международных конфликтах: государственные акторы участвуют в марионеточной борьбе, исламские движения становятся геополитическим рычагом – поступает внешнее финансирование, идеологические ориентации адаптируются к императивам патрона и клиента; в зонах конфликтов возникают вакуумы управления, исламистские образования создают альтернативные административные структуры – местная легитимность укрепляется, религиозные модели управления вытесняют государственную власть. Такая инструментализация порождает петли обратной связи: если внешняя поддержка укрепляет исламистские фракции, внутридвиженческая фрагментация ускоряется; если идеологическая согласованность ослабевает, следует фракционная перестройка, порождающая меняющиеся коалиции и доктринальную текучесть.

Результаты сходятся к системному выводу: политическая интеграция смягчает радикализацию – если исламские движения вовлекаются институционально, идеологический экстремизм отступает; экономическая стабилизация ограничивает религиозную мобилизацию – если социально-экономическое недовольство уменьшается, политический ислам сжимается; доктринальная адаптация поддерживает политическое долголетие – если идеологическая жесткость сохраняется, движения маргинализируются; внешние манипуляции усиливают нестабильность – если ислам вооружается геополитически, конфликты обостряются, порождая циклы религиозно-политической турбулентности.

Обсуждение

Структурная дезинтеграция глобального управления не просто коррелирует с политизацией ислама – она активно перекалибрует стратегические траектории исламских движений: распространяется системная нестабильность, политический ислам адаптируется, переходя от доктринальной жесткости к идеологическому прагматизму; усиливаются провалы в управлении, религиозная мобилизация мутирует, встраиваясь в альтернативные структуры власти. Полученные эмпирические данные подтверждают установленные гипотезы – при сохранении глобальных кризисов исламские движения расширяют свое политическое влияние; при эрозии государственных механизмов религиозные структуры возникают в качестве функциональной замены – и в то же время вносят нюансы, расходящиеся с общепринятыми представлениями. Ранние исследования предполагают прямую связь между хрупкостью государства и исламской мобилизацией [Галлямов, 2024], данное исследование определяет промежуточную переменную – экономическую стратификацию – в качестве ключевого фактора, определяющего градиент политизации ислама: неравенство растет, политический ислам укрепляется; происходит экономическая стабилизация, религиозная активность сокращается.

Сравнительный анализ с новейшей литературой выявляет совпадения и расхождения: экономические кризисы признаются в качестве ускорителей религиозной мобилизации, в предыдущих исследованиях макроэкономическая дестабилизация рассматривается как статический фактор, тогда как данное исследование устанавливает цикл обратной связи – экономическое неравенство увеличивается, религиозная мобилизация расширяется; функционируют перераспределительные механизмы, привлекательность политического ислама снижается [Осмонов и др., 2023]. Политизация ислама следует предсказуемому циклу: если ислам получает возможность участвовать в выборах, исламистские движения становятся умеренными; если государственные репрессии усиливаются, радикализация нарастает – региональные различия приводят к изменению сроков: в Казахстане политическая роль ислама регулируется государством, что приводит к контролируемой политизации [Гумилев, 2023]; в Пакистане поддерживаемая государством религиозная инструментализация способствует гиперполитизации [Рашид, 2023]. Расхождения указывают на структурный парадокс: при расширении государственного контроля над исламом его политизация не обязательно снижается, а скорее превращается в санкционированный государством механизм легитимности.

Эмпирические несоответствия ставят под сомнение прежние предположения относительно международных интервенций: существующие модели приписывают религиозную радикализацию внешнему вмешательству, данное исследование выявляет раздвоенную траекторию: когда интервенции соответствуют стабилизации управления, политизация ислама снижается; когда интервенции усугубляют вакуум в управлении, религиозная мобилизация ускоряется [Sembiring et al., 2023] Эта закономерность очевидна в Ливии после вмешательства – распад государства привел к росту исламистских фракций; напротив, структурированный политический переход в Тунисе после «арабской весны» демонстрирует умеренную траекторию – исламская политическая активность сохраняется в конституционных рамках, но без радикализации [Нисневич, 2023].

Смягчение чрезмерной политизации ислама требует структурно направленного вмешательства: религиозные институты функционируют независимо от государственного контроля, тенденции к политизации снижаются; государственные акторы манипулируют религиозными структурами в целях политической консолидации, мобилизация усиливается. Жизнеспособность механизмов дерадикализации зависит от устойчивости управления: если институциональная легитимность остается нетронутой, идеологический экстремизм ослабевает; если легитимность ослабевает, усилия по борьбе с радикализацией ослабевают. Эмпирические данные подтверждают это утверждение: в Индонезии религиозные инициативы под руководством общин снижают уровень идеологического экстремизма эффективно, чем навязанные государством программы дерадикализации [Машема, Харуна, 2023].

Выводы

Политический ислам не является статичным явлением: он расширяется и сжимается в прямой реакции на провалы в управлении, экономическую асимметрию и геополитические интервенции – институты разрушаются, их заменяют религиозные структуры; экономическое неравенство растет, усиливается идеологическая мобилизация. Исследование подтверждает структурную взаимозависимость: демократизация умеряет исламскую политическую активность – существуют механизмы участия, радикализация снижается; и наоборот, авторитарное подавление фрагментирует религиозную мобилизацию – преобладают репрессии, экстремизм разрастается. Полученные результаты раскрывают парадокс: государственный контроль над исламом не деполитизирует его, а реструктурирует его функции, создавая новые способы легитимности, которые колеблются между кооптацией и сопротивлением.

Практическая значимость – в том, что она влияет на стабильность управления: если религиозная мобилизация согласуется с институциональными рамками, то риск системных сбоев снижается; если же ислам используется для политического контроля, то происходит непреднамеренная радикализация. Выводы меняют стратегии вмешательства: дерадикализация требует институциональной легитимности, а не принуждения; регулирование религиозных институтов успешно существует политическая инклюзивность, а не в условиях авторитарного контроля. Эмпирические данные подтверждают это: общинные инициативы в Индонезии демонстрируют высокий уровень успеха в идеологической деэскалации, чем государственные программы, а политический ислам в Турции – пример перехода от радикальной оппозиции к системной интеграции.

Традиционные индексы политизации – участие в выборах, идеологическая жесткость – не отражают структурную сложность религиозной мобилизации. Цифровые инфраструктуры усиливают эти искажения: онлайн-платформы служат ускорителем распространения идеологии – раньше политический ислам опирался на местные структуры, цифровые сети обходят государственный контроль, порождая транснациональную мобилизацию, которая не поддается традиционным механизмам управления. Цифровые метрики должны заменить статичные институциональные показатели – если раньше «политизация» ограничивалась электоральными пространствами, то теперь она действует в алгоритмически управляемых идеологических экосистемах. Эти изменения требуют новых теоретических конструкций: взаимодействие между цифровой фрагментацией и исламской мобилизацией должно быть переосмыслено – не как параллельное развитие, а как взаимосвязанная система – сетевая религия заменяет традиционные организационные иерархии, создавая децентрализованную модель религиозного политического агентства, которая остается вне досягаемости обычных государственных механизмов.

Литература

1. Асвар, Х., Фебриан, С., Альфайед, Н., и Сафитри, А., 2023. Выдающиеся мусульманские деятели да›ва и их глобальная роль в изменении восприятия ислама. Коммуникации в гуманитарных и социальных науках. https://doi.org/10.21924/chss.3.2.2023.62.
2. Вейн, А., 2021. Политизация ислама в Малайзии и ее противники. Журнал ICR. https://doi.org/10.52282/ICR.V12I1.829.
3. Галлямов Р., 2024. Политизация российской исламской уммы: анализ некоторых зарубежных и отечественных теоретических подходов. Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий). https://doi.org/10.47598/2078–9025–2024–3–64–11–16.
4. Грин, Н., 2021. Глобальный ислам: A Very Short Introduction. https://doi.org/10.1093/actrade/9780190917234.001.0001.
5. Гумилев Л.Н., 2023. Политизация ислама в Казахстане в контексте формирования модели светско-

сти. БЮЛЛЕТЕНЬ Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Политология. Регионоведение. Востоковедение. Turkology Series.. https://doi.org/10.32523/2616–6887/2023–142–1–243–250.
6. Камил, М., Истикомах, Р., и Будиянти, Н., 2024. Исламский религиозный обзор поведения религиозной политизации. Al imarah: jurnal pemerintahan dan politik islam. https://doi.org/10.29300/imr.v9i1.4936.
7. Матушанская, Ю., Хайруллин, А., и Тулянская, Ю., 2024. Политизация ислама в современном Иране: Автопоэзис шиитской традиции? Концепция: философия, религия, культура. https://doi.org/10.24833/2541–8831–2024–1–29–55–70.
8. Машема, Б., и Харуна, А., 2023. Ислам: Религия глобального мира. Международный журнал религиозной и культурной практики. https://doi.org/10.56201/ijrcp.v8.no2.2023.pg1.9.
9. Нисневич Ю., 2023. Влияние фактора политического ислама в современном мире. Журнал политической теории, политической философии и социологии политики «Политея». https://doi.org/10.30570/2078–5089–2023–110–3–172–192.
10. Осмонов, С., Бекмурзаева, Г., Абдыразакова, З., & Асильбек, У., 2023. Развитие демократии в исламском мире. Бюллетень науки и практики. https://doi.org/10.33619/2414–2948/92/60.
11. Панда, А., 2023. Перед лицом глобального кризиса исламского лидерства: Исламский процесс и методы на пути к единому управлению мусульманской уммой. KnE Social Sciences. https://doi.org/10.18502/kss.v8i16.14050.
12. Рашид, К., 2023. Политизация ислама и культура жестокости в отношении религиозных меньшинств в современном Пакистане. Global Responsibility to Protect. https://doi.org/10.1163/1875984x-20230006.
13. Топал, С., 2022. Переосмысление благочестия и вуали в условиях политического ислама: Unveiling Among Turkish Women After 2016. Американский журнал качественных исследований. https://doi.org/10.29333/ajqr/12527.
14. Уильямсон, С., Йилдирим, А., Грюал, С., и Куенклер, М., 2022. Проповедь политики: How Politicization Undermines Religious Authority in the Middle East. British Journal of Political Science, 53, pp. 555–574. https://doi.org/10.1017/S000712342200028X.
15. Янг, Х., 2022. Политизация институтов глобального управления в период кризиса. Глобальное управление: A Review of Multilateralism and International Organizations. https://doi.org/10.1163/19426720–02803004.
16. Fithriyyah, M., Astuti, A., Umam, M., & Ningsih, R., 2021. Demokrasi Semu: Politik Pencitraan dalam Bingkai Islam dan Implikasi Terhadap Good Governance. Politea. https://doi.org/10.21043/politea.v4i1.9713.
17. Sembiring, W.S., Kusmanto, H., & Ridho, H., 2023. Политизация религии и поляризация ненависти на выборах главы региона Северная Суматра в Индонезии в 2018 году. Pharos Journal of Theology. https://doi.org/10.46222/pharosjot.104.328.

DYNAMICS OF THE POLITICIZATION OF ISLAM IN THE CONTEXT OF GLOBAL GOVERNANCE CRISIS

Belevich P.M.
Plekhanov Russian University of Economics

The politicization of Islam emerges as a structural response to the fragmentation of global governance: institutional resilience weakens, religious-political mobilization strengthens, and governance frameworks remain intact, recalibrating the political agency of Islam within state borders. This study examines the dynamics of the politicization of Islam in the context of governance crises, economic stratification, and geopolitical interventions by establishing the relationship between systemic instability and patterns of religious mobilization. An analysis integrating political science, sociology, and historical contextualism – network society theory, religious neo-fundamentalism, and international relations theory – provides the theoretical framework; empirical evidence from Islamic movements in the Middle East, North Africa, and Central Asia (2001–2023) provides the evidence base. Political inclusiveness moderates religious radicalization – when Islamic movements gain access to institutional frameworks, ideological extremism declines; Economic inequality acts as a catalyst – when inequality increases, religious mobilization intensifies; Geopolitical interventions have a variable effect – when external actors stabilize governance, politicization declines – when interventions deepen the vacuum, Islam becomes the primary mode of power. State regulation of religious structures leads to paradoxical results: Islam is incorporated into the governance system, politicization shifts rather than decreases, alienation prevails, and radicalization increases. Implications: The findings rethink intervention paradigms: countering radicalization requires institutional legitimacy rather than coercion; governance stability mitigates politicization, followed by ideological de-escalation. Digital infrastructures change mobilization trajectories: online networks displace traditional political hierarchies – state control over religious discourse tightens, virtual platforms support ideological proliferation, generating decentralized models of religious political agency. Future research requires a restructuring of analytical frameworks: traditional indices of religious politicization – electoral participation, institutional recognition – are unable to capture transnational ideological diffusion, which requires the development of algorithmic metrics that assess network-based religious mobilization. These changes change the understanding of the political role of Islam: governance remains fragile, religious structures act as alternative normative frameworks; digital ecosystems change the form of mobilization, political Islam transcends territorial boundaries.

Keywords: politicization of Islam, global governance crisis, religious mobilization, political instability and Islam, state regulation of religion, digital networks and political Islam, geopolitical interventions and radicalization.

References

1. Aswar, H., Febrián, S., Alfayed, N., & Safitri, A., 2023. Prominent Muslim da'wa figures and their global role in changing the perception of Islam. Communications in the Humanities and Social Sciences. https://doi.org/10.21924/chss.3.2.2023.62.
2. Wayne, A., 2021. Politicization of Islam in Malaysia and Its Opponents. ICR Magazine. https://doi.org/10.52282/ICR.V12I1.829.
3. Gallyamov R., 2024. Politicization of the Russian Islamic Ummah: Analysis of Some Foreign and Domestic Theoretical Approaches. Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). https://doi.org/10.47598/2078–9025–2024–3–64–11–16.
4. Green, N., 2021. Global Islam: A Very Short Introduction. https://doi.org/10.1093/actrade/9780190917234.001.0001.
5. Gumilev L.N., 2023. Politicization of Islam in Kazakhstan in the Context of the Formation of the Model of Secularism. BULLETIN of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political science. Regional Studies. Oriental studies. Turkology Series. https://doi.org/10.32523/2616–6887/2023–142–1–243–250.
6. Camil, M., Istikomach, R., & Budianti, N., 2024. An Islamic Religious Review of the Behavior of Religious Politicization. AL IMARAH: JURNAL PEMERINTAHAN DAN POLITIK ISLAM. https://doi.org/10.29300/imr.v9i1.4936.
7. Matushanskaya, Y., Khairullin, A., & Tulyanskaya, Yu., 2024. The Politicization of Islam in Contemporary Iran: The Autopoiesis of the Shiite Tradition? Concept: philosophy, religion, culture. https://doi.org/10.24833/2541–8831–2024–1–29–55–70.
8. Mashema, B., & Haruna, A., 2023. Islam: The Religion of Global Peace. INTERNATIONAL JOURNAL OF RELIGIOUS AND CULTURAL PRACTICE. https://doi.org/10.56201/ijrcp.v8.no2.2023.pg1.9.
9. Nisnevich Y., 2023. The influence of the factor of political Islam in the modern world. Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Polythea". https://doi.org/10.30570/2078–5089–2023–110–3–172–192.

10. Osmonov, S., Bekmurzaeva, G., Abdyrazakova, Z., & Asilbek, U., 2023. Development of democracy in the Islamic world. Bulletin of Science and Practice. https://doi.org/10.33619/2414–2948/92/60.
11. Panda, A., 2023. In the Face of the Global Crisis of Islamic Leadership: The Islamic Process and Methods on the Way to a Unified Governance of the Muslim Ummah. KnE Social Sciences. https://doi.org/10.18502/kss.v8i16.14050.
12. Rashid, K., 2023. Politicization of Islam and the Culture of Cruelty against Religious Minorities in Contemporary Pakistan. Global Responsibility to Protect. https://doi.org/10.1163/1875984x-20230006.
13. Topal, S., 2022. Rethinking Piety and the Veil in the Context of Political Islam: Unveiling Among Turkish Women After 2016. American Journal of Qualitative Research. https://doi.org/10.29333/ajqr/12527.
14. Williamson, S., Yildirim, A., Grual, S., & Kuenkler, M., 2022. Проповедь политики: How Politicization Undermines Religious Authority in the Middle East. British Journal of Political Science, 53, pp. 555–574. https://doi.org/10.1017/S000712342200028X.
15. Young, H., 2022. Politicization of global governance institutions in times of crisis. Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. https://doi.org/10.1163/19426720–02803004.
16. Fithriyyah, M., Astuti, A., Umam, M., & Ningsih, R., 2021. Demokrasi Semu: Politik Pencitraan dalam Bingkai Islam dan Implikasi Terhadap Good Governance. Politea. https://doi.org/10.21043/politea.v4i1.9713.
17. Sembiring, W.S., Kusmanto, H., & Ridho, H., 2023. Политизация религии и поляризация ненависти на выборах главы региона Северная Суматра в Индонезии в 2018 году. Pharos Journal of Theology. https://doi.org/10.46222/pharosjot.104.328.

Роль стран – членов совета безопасности ООН в политике урегулирования конголезско-руандийского конфликта

Де Сейта Лима Далмейда Арагау Ожвалду,
аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: osvaldo_aragau@mail.ru

Конголезско-руандийский конфликт представляет собой один из наиболее сложных и продолжительных кризисов региона Великих Африканских озер. В статье рассматриваются его ключевые этапы с 2018 по 2025 год, включая эскалацию насилия, вовлечение внешних акторов и дипломатические усилия по урегулированию. Основное внимание уделено вооруженному противостоянию между правительством Демократической Республики Конго (ДРК) и повстанческой группировкой М23, которая, по утверждениям ДРК, получает поддержку от Руанды. Анализируются предпосылки конфликта, начиная с нарушения Найробийского соглашения 2013 года, а также события 2022–2025 годов, включая захват повстанцами стратегически важных городов, массовые перемещения беженцев и международную реакцию. Особое внимание уделено позиции мировых держав, таких как США, Франция, Россия и Китай, а также их влиянию на развитие кризиса. В статье рассматриваются дипломатические и военные аспекты противостояния, роль международных организаций и экономические интересы вовлеченных сторон. Делается вывод о возможных последствиях конфликта для региона и вероятных сценариях его дальнейшего развития, включая риск дестабилизации и необходимость поиска эффективных механизмов мирного урегулирования.

Ключевые слова: конголезско-руандийский конфликт, Великие Африканские озера, ООН, М23, ДРК, Руанда, международные отношения, региональная безопасность.

Введение

Конголезско-руандийский конфликт, о котором пойдет речь в данной статье, является одним из самых продолжительных и сложных в регионе Великих Африканских озер. Причины данного противостояния коренятся в сочетании исторических, политических, экономических и этнических факторов, усугубленных тотальной слабостью государственных институтов, конкуренцией за природные ресурсы между соседствующими государствами и активным вмешательством извне.

Демократическая Республика Конго (далее – ДРК) послужила местом развития нового витка конфликта, который начался в марте 2022 году. ДРК на протяжении десятилетий страдает от политической нестабильности и засилия различных вооруженных группировок. В результате, это привело к прямой угрозе территориальной целостности страны. Более того, на нестабильность в стране влияет желание соседних государств, в лице Руанды и Уганды получить доступ к богатым залежам ресурсов – колтана, золота и алмазов.

Организация Объединенных Наций принимает активное участие в стабилизации ситуации в ДРК и смежных государствах. Однако, результаты, на данный момент, выглядят довольно сомнительными. В первую очередь, это обусловлено отсутствием какой-либо стратегии в урегулировании первопричин конфликта, а именно – противоречий между этносами в государстве и интересами более развитых государств.

Методология и историография

В процессе написания статьи был использован неоинституциональный и структурно-функциональный методы. Неоинституциональный метод был применен для изучения влияния международных институтов на ход конфликта. Особое внимание было уделено анализу формальных и неформальных норм, регулирующих деятельность Совета Безопасности ООН, а также механизму принятия решений его постоянными и непостоянными членами. Структурно-функциональный метод использовался для анализа функций, выполняемых различными странами-членами Совета Безопасности ООН в контексте урегулирования конфликта. Применение этого метода позволило рассмотреть взаимодействие государств в рамках СБ ООН, их стратегические интересы и способы реализации политики в отношении конфликтующих сторон.

Конголезско-руандийский конфликт на современном этапе его развития (т.е. с 2022 года) не является популярной темой изучения. Возможно, обусловлено это тем, что информации о конфликте на данный момент, относительно немного. Однако, утверждать то, что тема этого конфликта не интересна исследователям – было бы неправильным. В России и за рубежом есть масса исследователей африканистов и востоковедов, которые посвящали свои работы взаимоотношениям народов в ДРК и Руанде. Среди таких можно отметить Г.М. Сидорову

[8], Ю.Н. Винокурова [2], М.Ю. Точигина[9], Э.Ф. Кисангани [11], Д.Мураи, Д.Ахери [12] и др.

История конголезско-руандийского конфликта

Проведем краткий экскурс в современную историю конголезско-руандийского конфликта. В 2018 году, в ДРК к власти пришел Феликс Чисекеди, который взял за одну из основных целей стабилизировать восточные регионы страны. Именно они граничат с Руандой. На востоке страны также проявляют свою активность незаконные вооруженные формирования (далее – НВФ). В частности, одной из ключевых сторон конфликта стала группировка М23. Данная группировка, по утверждениям руководства ДРК, спонсируется правительством Руанды. Состоит данная группировка из этнического меньшинства тутси.

Отношения между официальным руководством ДРК и М23 начали накаляться с осени 2021 года, когда представители последних требовали выполнения правительством Ф. Чисекеди Найробийского соглашения 2013 г., в соответствии с которым участники движения должны были получить амнистию. Более того, согласно данным соглашениям, правительство ДРК должно было обеспечить возможность возвращения домой для тех представителей тутси, которые ранее бежали из страны [3, с. 44].

Продуктивного диалога между правительством и повстанцами не получилось. Конфликт между ДРК и Руандой обострился в 2022 году, когда конголезские власти обвинили Руанду в поддержке повстанческой группировки М23. Это обвинение было решительно отвергнуто Руандой. Однако, аналитики небезосновательно полагали, что вмешательство связано с геополитическими и экономическими интересами Руанды. В течение года противостояние усиливалось: происходили вооруженные столкновения, воздушные атаки, дипломатические разрывы и обвинения в военной агрессии [10].

К середине 2022 года конфликт приобрел большие масштабы – повстанцами был захвачен стратегически важный город Бунагана. Из города, в итоге, бежали десятки тысяч людей. ООН и Африканский союз, в свою очередь, неоднократно призывали к мирному урегулированию. Однако боевые действия продолжались, а сообщения о присутствии руандийских войск на территории ДРК усилили международное давление на Кигали. В августе 2022 года независимый доклад ООН подтвердил поддержку Руандой М23, что вызвало призывы к санкциям.

Несмотря на принятые соглашения о прекращении огня в конце 2022 года, боевые действия не прекратились. Повстанцы М23 отвергли условия перемирия, поскольку их не пригласили на переговоры. В декабре правительство ДРК обвинило М23 в массовых убийствах в Кишише, что лишь усугубило напряженность. В 2023 году вооруженные столкновения продолжились, а стороны обменивались обвинениями во вторжении на территорию друг друга. США и другие международные игроки призывали к деэскалации, но к концу года напряженность достигла нового пика, когда президент ДРК Феликс Чисекеди выступил с резкими заявлениями в адрес Руанды, сравнив ее политику с нацистской Германией.

В 2024 году ситуация не улучшилась: боевые столкновения продолжились, миротворческие силы ООН оказались под обстрелом, а Южная Африка направила войска в ДРК для стабилизации региона. США осудили поддержку Руандой М23 и потребовали вывода ее войск, однако Кигали отвергла эти обвинения, утверждая, что ее действия были оборонительными. Война остается нерешенным кризисом, угрожающим безопасности всего региона Великих Африканских озер, несмотря на усилия международных организаций по мирному урегулированию.

В 2025 году боевые действия продолжились с еще большей силой и ознаменовались успехами повстанцев. 21 января повстанческая группировка М23 захватила город Минова – важный центр сельскохозяйственного и рыбного производства. 26 января власти Демократической Республики Конго приостановили дипломатическое сотрудничество с Руандой, обвинив ее армию в подготовке вторжения в город Гома.

В конце января 2025 года разразилась Битва за Гому. 25 января армия Руанды совместно с М23 пересекла границу и вошла в город, что привело к гибели трех миротворцев ООН. В течение последующих дней ожесточенные бои привели к гибели еще 13 миротворцев. 27 января группировка М23 заявила о полном захвате Гомы, а 30 января город окончательно пал [5].

После взятия Гомы конфликт продолжил распространяться на другие территории. 5 февраля пал шахтерский городок Ньябибве, 6 февраля – Нямукуби, 7 февраля – Ихуси. С 5 февраля повстанцы начали продвигаться к Букаву, а 14 февраля окружили аэропорт Кавуму. 16 февраля город пал.

Реакция на конголезско-руандийский конфликт в ООН

Один из главных совещательных органов ООН – Совет Безопасности, единогласно выразил серьезную озабоченность эскалацией конфликта. Однако, какого-либо единого вектора разрешения ситуации в СБ не сложилось. США и Франция настаивают на усилении санкционного давления на Руанду, так как считают, что обвинения ДРК в поддержке повстанцев со стороны руандийского правительства являются обоснованными. В это же время Китай и Россия выражают осторожность в отношении односторонних мер, призывая к переговорам и дипломатическому решению кризиса.

Российская Федерация, несмотря на общую нестабильность внутри ДРК, активно налаживает экономические связи с государством. К примеру, Президент РФ В.В. Путин во время встречи с президентом ДРК Феликсом Чисекеди 23 октября 2019 года отмечал, что за 2018 год товарооборот между РФ и ДРК увеличился на 45%. Более того Президент выразил уверенность в возможности сотрудничества во многих других сферах – машиностроении, инфраструктуры, сотрудничества в военной сфере и пр. Феликс Чисекеди выразил надежду на дальнейшие инвестиции в экономику ДРК со стороны РФ и продолжение теплых дипломатических традиций взаимодействия между государствами [4, с. 142].

МИД РФ выразил обеспокоенность эскалацией ситуации на востоке ДРК, призвал к незамедлительному прекращению боевых действий, возобновлению переговорного процесса. Российская сторона осудила совершаемые «М23» нападения на миссию МООНСДРК и выразила соболезнования семьям погибших миротворцев из ЮАР и Уругвая. По информации посольства России в Киншасе, «российские соотечественники во время указанных событий не пострадали» [6].

Учитывая вышесказанное, мы можем предположить, что Российская Федерация стремится не делать опрометчивых решений при выборе стороны конфликта и оставаться нейтральной и к ДРК, и к Руанде (несмотря на налаживающиеся связи с первой). Очевидно, что конфликт в ДРК имеет не только экономическую подо-

плеку, но и этническую. Этносы ДРК и Руанды довольно разнообразны, что порождает противоречия в обществе. При неправильном разрешении конфликта есть риск допустить дестабилизацию среди населения.

США предприняли попытки выступить посредниками в диалоге президентов ДРК и Руанды. Так, еще в декабре 2024 года бывший президент США Джозеф Байден организовал переговорный процесс, но он был сорван отказом Руанды. Позже, в январе 2025 года, несмотря на призыв Госдепартамента США к прекращению огня, Руанда и поддерживаемая ею группировка М23 продолжили активное наступление, что привело к падению Гомы и дальнейшему продвижению повстанцев.

Одним из ключевых препятствий для эффективного американского посредничества является неоднозначность позиции Вашингтона по отношению к Руанде. Несмотря на официальную поддержку территориальной целостности ДРК, США традиционно рассматривают Руанду как стратегического партнера в регионе. Руандийское руководство поддерживает тесные связи с американскими политическими элитами, а сам президент Кагаме рассчитывает на сохранение конструктивного диалога с администрацией США, вне зависимости от смены власти в Белом доме. Эта двойственность в подходах ослабляет влияние США на Руанду, снижая вероятность реального давления, которое могло бы заставить Кагаме отступить.

Не менее весомым фактором является ограниченность инструментов воздействия, которыми располагает Вашингтон. Экономические санкции или сокращение военной помощи могли бы стать действенными мерами, но не в данном случае. Применение данных инструментов воздействия представляется маловероятным ввиду геополитических интересов США в регионе. В результате, на данном этапе роль США в урегулировании конголезско-руандийского конфликта остается скорее декларативной, чем результативной. Формальные призывы к миру не подкрепляются реальными механизмами воздействия, а дипломатические инициативы пока не дали ощутимых результатов [1].

Неопределенность позиции стран-членов СБ ООН привела к тому, что к разрешению конфликта подключились другие африканские страны. В частности, переговорную площадку для представителей конфликтующих государств предоставила Ангола. Результаты данных переговоров прокомментировал сотрудник ИМЭМО РАН Сергей Карамаев [7]. Он обратил внимание на то, что Президент ДРК Феликс Чисекеди пришел к власти в 2018 году, обещая добиться мира на востоке страны, но за время своего правления не смог достичь значительных успехов в этом вопросе. В 2024 году президент Анголы Жуан Лоренсу предложил организовать прямые переговоры между руководителями Руанды и ДРК, что привело к подписанию соглашения о перемирии в конце июня того же года.

Однако процесс мирного урегулирования столкнулся с трудностями. Чисекеди категорически отказался включать в переговорный процесс группировку М23, называя ее террористической организацией, с которой нельзя вести диалог. Несмотря на это, после ряда встреч глав внешнеполитических ведомств Анголы, ДРК и Руанды стороны пришли к соглашению о привлечении представителей М23 к переговорам.

Тем не менее, намеченный на 15 декабря 2024 года трехсторонний саммит в Луанде был отменен всего за несколько дней до его проведения, а каждая из сторон обвинила в этом другую. По всей видимости, именно срыв этого саммита стал точкой отсчета для нового наступления боевиков М23 в Северном Киву в январе.

Проблемы участия стран членов СБ ООН в разрешении конфликта

Учитывая все вышесказанное, мы можем сказать о следующих проблемах участия стран-членов СБ ООН в разрешении конголезско-руандийского конфликта:

1. **Отсутствие единой стратегии в СБ ООН**. Одной из ключевых трудностей является отсутствие согласованной стратегии среди стран-членов Совета Безопасности. США и Франция поддерживают санкционное давление на Руанду, утверждая, что именно она играет дестабилизирующую роль, финансируя группировку М23. В то же время Россия и Китай занимают более нейтральную позицию, призывая к дипломатическому решению и опасаясь усиления западного влияния в регионе. Такая разноголосица внутри Совбеза делает невозможным принятие действенных решений и приводит к формальным резолюциям, которые не оказывают значительного влияния на ситуацию.
2. **Двойственность политики США**. Соединенные Штаты формально поддерживают ДРК, осуждая Руанду, но на практике сохраняют тесные связи с Кигали, рассматривая ее как важного союзника в регионе. Это ослабляет эффективность американского давления и снижает шансы на то, что Руанда прекратит поддержку М23. Вашингтон мог бы применить экономические санкции или сократить военную помощь Руанде, но не делает этого из-за своих стратегических интересов. В результате попытки США выступить посредником между конфликтующими сторонами оказываются малоэффективными, а дипломатические инициативы не приносят результата.
3. **Роль России и Китая**. Россия, в свою очередь, демонстрирует осторожную позицию, поддерживая дипломатические контакты как с ДРК, так и с Руандой. Москва стремится избежать открытого участия в конфликте, одновременно развивая экономическое сотрудничество с Киншасой. Китай, обладая значительными инвестициями в регионе, также выступает за переговорный процесс, но не готов занимать жесткую антируандийскую позицию. В результате эти две страны блокируют односторонние санкционные меры против Руанды, что дополнительно осложняет единый подход ООН к урегулированию кризиса.
4. **Недостаточная эффективность миротворческой миссии ООН**. Присутствие миротворцев ООН в регионе не привело к значительному снижению насилия. Миротворческие силы оказываются неготовыми к интенсивным боевым столкновениям, их мандат ограничен, а участники конфликта все чаще игнорируют призывы к миру. Более того, гибель миротворцев в ходе битвы за Гому продемонстрировала их уязвимость и неспособность предотвратить наступление повстанцев. Это подрывает доверие к деятельности ООН и дает повод критикам утверждать, что ее роль в урегулировании конфликта носит символический характер.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы можем сказать о том, что СБ ООН довольно малоэффективен ввиду нескольких причин. Первая причина – это общая отстраненность государств от политики африканских государств. Более развитые государства, как правило, больше заинтересованы в экономической стороне сотрудничества. В связи с этим и появляется того, что европейские или американские политики попросту не осознают политического и этнического ландшафта

в регионе в целом. Однако, решение у сложившейся ситуации есть – наладить более тесное сотрудничество с другими африканскими государствами. Например, с Анголой, которая пользуется у представителей ДРК и Руанды большим авторитетом ввиду своей территориальной и расовой общности. Посредничество Анголы и других африканских государств может быть более результативным, чем действия крупных держав, так как африканские лидеры лучше понимают локальные реалии.

Помимо привлечения Анголы и других африканских государств, важно наладить диалог правительства с М23. Отказ ДРК вести диалог с М23 делает мирное урегулирование невозможным. Международное сообщество должно работать над поиском компромисса, который позволил бы снизить уровень насилия.

Заключение

Конголезско-руандийский конфликт остается одним из наиболее сложных и затяжных кризисов на африканском континенте. Как показало исследование, его корни уходят в глубокие исторические противоречия, этнические конфликты, борьбу за природные ресурсы и геополитическое соперничество. Международное сообщество, в том числе Совет Безопасности ООН, предпринимает попытки стабилизации региона, однако отсутствие единого подхода, противоречивые интересы ключевых игроков и недостаточная эффективность миротворческих операций сводят на нет усилия по мирному урегулированию.

На протяжении последних лет конфликт демонстрирует тенденцию к эскалации, что связано как с действиями вооруженных группировок, так и с поддержкой повстанцев со стороны Руанды. Политика ведущих мировых держав, таких как США, Россия, Китай и Франция, также влияет на динамику кризиса, но пока не приводит к его разрешению. Американская двойственная позиция, осторожность России и Китая в отношении санкций, а также слабая координация усилий стран-членов ООН свидетельствуют о сложности выработки единой стратегии по стабилизации ситуации в регионе.

Анализ текущей обстановки позволяет сделать вывод о том, что без всестороннего и последовательного подхода урегулировать конфликт не удастся. Для достижения устойчивого мира необходимо активное привлечение африканских организаций, таких как Африканский Союз, а также разработка комплексной программы по разоружению повстанческих группировок, восстановлению территориальной целостности ДРК и обеспечению инклюзивного политического диалога. Только комплексный подход, включающий дипломатические, экономические и гуманитарные меры, позволит снизить уровень насилия и создать условия для долгосрочной стабилизации региона Великих Африканских озер.

Литература

1. Вашингтон пробует предотвратить новую Великую африканскую войну// «Независимая газета» от 29.01.2025. – URL: https://www.ng.ru/world/2025–01–29/6_9181_conflict.html (дата обращения: 18.02.2025).
2. Винокуров Ю.Н. Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция. Москва: Восточная литература, 2003.
3. Денисова Т. С., Костелянец С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № . 1. – С. 37–47.
4. Добрякова Н. А. и др. Конфликт в демократической Республике Конго и Россия: перспективы урегулирования //Современная научная мысль. – 2020. – № . 1. – С. 142–148.
5. Конголезский восток – дело громкое// «Коммерсантъ» от 27.01.2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7460046 (дата обращения: 18.02.2025).
6. Конфликт на востоке Демократической Республики Конго: новая реальность// ИМЭМО РАН от 29.01.2025. – URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/konflikt-na-vostoke-demokraticheskoy-respubliki-kongo-novaya-realynosty (дата обращения: 18.02.2025).
7. Об эскалации ситуации на востоке Демократической Республики Конго// Министерство иностранных дел Российской Федерации от 27.01.2025. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1993190/ (дата обращения: 18.02.2025).
8. Сидорова Г.М. Проблема безопасности и реформы армии Демократической Республики Конго //Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № . 3–2. – С. 171–182.
9. Точигин М. Ю. О внутриполитической ситуации в Демократической Республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНСДРК) // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. Т. 54, № 1. С. 46–51.
10. Congo accuses Rwanda of sending disguised troops across border// «Reuters». – 09.06.2022. – URL: https://www.reuters.com/world/africa/congo-accuses-rwanda-sending-disguised-troops-across-border-2022–06–09/ (date of access: 18.02.2025).
11. Kisangani E.F. Civil Wars in the Democratic Republic of Congo, 1960–2010. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2012.
12. Muraya J., Ahere J. Perpetuation of Instability in the Democratic Republic of Congo: When the Kivus Sneeze, Kinshasa Catches a Cold // Occasional Paper Series. 2014. No. 1. P. 1–46.

THE ROLE OF THE MEMBER STATES OF THE UN SECURITY COUNCIL IN THE POLICY OF SETTLEMENT OF THE CONGOLESE-RWANDAN CONFLICT

De Ceita Lima D´Almeida Aragao Osvaldo
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The Congolese-Rwandan conflict is one of the most complex and prolonged crises in the Great African Lakes region. This article examines its key stages from 2018 to 2025, including the escalation of violence, the involvement of external actors, and diplomatic efforts for resolution. The primary focus is on the armed confrontation between the government of the Democratic Republic of the Congo (DRC) and the M23 rebel group, which, according to the DRC, receives support from Rwanda. The article analyzes the conflict's background, starting with the violation of the 2013 Nairobi Agreement, as well as the events of 2022–2025, including the rebels' capture of strategically important cities, mass displacement of refugees, and the international response. Particular attention is given to the positions of global powers such as the United States, France, Russia, and China, as well as their influence on the crisis. The article explores the diplomatic and military aspects of the confrontation, the role of international organizations, and the economic interests of the involved parties. It concludes with an assessment of the potential consequences of the conflict for the region and possible future scenarios, including the risk of destabilization and the necessity of finding effective mechanisms for peaceful resolution.

Keywords: Congolese-Rwandan conflict, Great Lakes of Africa, UN, M23, DRC, Rwanda, international relations, regional security.

References

1. Washington is trying to prevent a new Great African War// Nezavisimaya Gazeta dated 29.01.2025. – URL: https://www.ng.ru/world/2025–01–29/6_9181_conflict.html (date of access: 18.02.2025)
2. Vinokurov Yu.N. Democratic Republic of Congo. The government and the opposition. Moscow: Oriental Literature, 2003.
3. Denisova T. S., Kostelianets S.V. The Democratic Republic of the Congo: political instability and the factor of Rwanda //Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2023. – Vol. 23. – No. 1. – pp. 37–47.
4. Dobryakova N. A. and others. The conflict in the Democratic Republic of Congo and Russia: settlement prospects //Modern scientific thought. – 2020. – No. 1. – pp. 142–148.
5. The Congolese East is a loud case// Kommersant dated 01/27/2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7460046 (date of access: 02/18/2025).
6. The conflict in the east of the Democratic Republic of Congo: a new reality// IMEMO RAS dated 01/29/2025. – URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/konflikt-na-vostoke-demokraticheskoy-respubliki-kongo-novaya-realynosty (date of access: 02/18/2025).
7. On the escalation of the situation in the east of the Democratic Republic of the Congo// Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation dated 01/27/2025. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1993190 (date of access: 02/18/2025).
8. Sidorova G.M. The problem of security and reform of the army of the Democratic Republic of Congo// Scientific notes of Kazan University. The Humanities series. – 2013. – Vol. 155. – No. 3–2. – pp. 171–182.
9. Tochigin M.Y. On the internal political situation in the Democratic Republic of the Congo and the prospects of the UN mission (MONUSCO) // Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 54, No. 1. pp. 46–51.
10. Congo accuses Rwanda of sending disguised troops across border// «Reuters». – 09.06.2022. – URL: https://www.reuters.com/world/africa/congo-accuses-rwanda-sending-disguised-troops-across-border-2022–06–09/ (date of access: 18.02.2025).
11. Kisangani E.F. Civil Wars in the Democratic Republic of Congo, 1960–2010. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2012.
12. Muraya J., Ahere J. Perpetuation of Instability in the Democratic Republic of Congo: When the Kivus Sneeze, Kinshasa Catches a Cold // Occasional Paper Series. 2014. No. 1. P. 1–46.

Возможности и ограничения культурной дипломатии России на примере ее взаимодействия с ФРГ

Маслова Ксения Валерьевна,
преподаватель, кафедра мировых политических процессов,
МГИМО МИД России
E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

В данной статье анализируется российский опыт реализации культурной дипломатии в отношении Германии. Автор исследует, какие внешнеполитические цели ставила перед собой Россия, используя культурные инструменты во взаимодействии с ФРГ, и как трансформировались эти цели в зависимости от политической обстановки.
На основе проведенного анализа выявляется, что потенциал культурной дипломатии проявляется в двух ключевых аспектах: в благоприятные периоды она способствует укреплению позитивных тенденций в межгосударственных отношениях, а в условиях кризиса служит механизмом сохранения каналов связи с конструктивно настроенными сообществами, а также предлагает платформу для будущего восстановления диалога на официальном политическом уровне. Однако реализация этого потенциала возможна лишь при наличии устойчивых доверительных связей между гражданскими участниками культурного обмена, формирование которых требует длительного времени и относительно мирных условий.
Основным ограничением культурной дипломатии является ее зависимость от состояния официальных межгосударственных отношений. В условиях глубокого политического кризиса ее возможности оказываются значительно сужены, а влияние – ограничено.

Ключевые слова: культурная дипломатия, внешняя политика России, ФРГ, культурный диалог, культурные обмены, «перекрестные года», выстраивание доверия.

Введение

Выступая перед Государственной Думой 19 февраля 2025 года, министр иностранных дел России Сергей Лавров подчеркнул, что культура обладает уникальной объединяющей силой, способной укреплять внешнеполитические связи. По словам министра, сегодня российская дипломатия делает ставку на развитие культурных контактов с государствами Азии, Африки и Латинской Америки, а также на сохранение позиций русского языка и культурного влияния в СНГ. В то же время глубокие и многолетние культурные связи с Европой не смогли воспрепятствовать геополитическому разлому, обострившемуся на фоне украинского кризиса, что, в частности, имело выражение в феномене «культуры отмены».

Этот контраст делает особенно важным изучение возможностей и пределов культурной дипломатии как инструмента внешней политики России. Для ответа на эти вопросы обратимся к опыту реализации Россией культурной дипломатии в отношении ФРГ. Анализ взаимодействия двух стран посредством культуры на разных этапах двусторонних отношений поможет определить, какие цели ставила перед собой Россия, реализуя культурные проекты в ФРГ, а также как можно оценить их эффективность. На основе данного исследования будут определены возможности и ограничения культурной дипломатии как инструмента внешней политики России.

Цели культурной дипломатии в российской внешнеполитической стратегии

Культурную дипломатию можно определить, как область дипломатического взаимодействия, направленную на достижение национальных интересов посредством использования ресурсов национальной культуры, под которыми понимается все многообразие направлений творческой и интеллектуальной деятельности человека.

Одно из наиболее ранних определений было предложено еще в конце 1950-х годах Робертом Тайером, который описывал явление как «акт успешного взаимодействия с другими, в результате которого распространяется знание о жизни и культуре народа» [11]. Другое популярное сегодня определение, предложенное Милтоном Каммингсом, обозначает данную практику как «обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры», направленную на то, чтобы «укрепить взаимопонимание с народами других стран» [8, с. 1]. Отсюда следует, что важнейшей задачей культурной дипломатией становится распространение информации о культуре страны, создание условий и непосредственная организация культурных обменов с зарубежными обществами, что должно способствовать формированию благоприятного международного климата для реализации государством своей внешней политики.

Данные цели отражены в российском подходе к реализации культурной дипломатии. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, культура рассматривается как инструмент формирования позитивного восприятия России на международной арене, укрепления её позиций в мировом гума-

нитарном пространстве, а также противодействия антироссийским настроениям [3]. Россия стремится представить себя на мировой арене как государство с богатым культурным наследием и самобытной цивилизационной идентичностью. Распространение русской культуры и языка, проведение международных фестивалей, выставок, образовательных программ рассматривается в качестве важнейших мер для укрепления её позиций на международной арене.

Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 года определяет значимость развития трансграничных контактов в сфере культуры для России тем, что они способствуют укреплению доверия и установлению долгосрочных связей с зарубежными партнёрами. Особое внимание при этом уделяется культурным связям с русскоязычным населением, проживающим за рубежом. Через организацию программ по изучению русского языка, культурных событий и образовательных инициатив Россия стремится сохранить культурную идентичность своих соотечественников [4].

Эволюция культурной дипломатии России в отношении ФРГ

В начале 1990-х годов происходило наращивание культурных связей между двумя странами. Российская культурная дипломатия в отношении ФРГ была направлена на поддержку реализуемого курса Москвы на историческое примирение с германским соседом, акцентирование общих ценностей двух народов. Масштабным событием культурной дипломатии являлась художественная выставка «Берлин-Москва. Москва-Берлин. 1900–1950», представленная в 1995 году в Берлине и в 1996 году в Москве. Ее подготовкой на протяжении трех лет занимались совместно ГМИИ им. Пушкина и Берлинская галерея. Концепция экспозиции заключалась в попытке сопоставить взгляд обеих стран на политическую историю через язык искусства и попытаться выявить общее в мировоззрениях и путях двух стран [7].

Бурное развитие связей в сфере культуры продолжилось и в начале нового тысячелетия. Особое внимание уделяется формату «перекрестных годов» культуры России и Германии. Подобные крупномасштабные марафоны культуры Россия проводила в ФРГ в 2003/2004 (Год русской культуры в Германии), 2012/2013 (Год России в Германии), 2014/2015 (Год русского языка и литературы в Германии), 2016/2017 (Российско-германский Год молодежных обменов). Данные мероприятия представляют собой насыщенную программу различных кинопремьер, выставок, музыкальных концертов, балетных и театральных постановок, а также пространство для профессиональных обменов между представителями творческих отраслей.

Проведение данных проектов происходило в абсолютно разных политических контекстах. В начале века, когда отношения между Москвой и Берлином поступательно развивались в духе партнерства, целью культурной дипломатии России в отношении ФРГ было укрепление **позитивной динамики** политического и экономического сотрудничества сторон, стимулирование общения между народами, их углублённое знакомство с культурой, языком, духовными ценностями друг друга [5]. Язык искусства использовался для демонстрации идейной общности народов двух стран.

По мере роста напряженности и недоверия в официальных отношениях, связанных с политическими разногласиями, энергетическим спором, в условиях усилившейся антироссийской риторики в немецких медиа данные проекты культурной дипломатии использовались российской стороной для формирования источников благоприятной информации о стране среди широкой германской общественности. Рассчитывалось, что создание поводов для позитивного взаимодействия с Россией посредством презентации культурных достижений будет способствовать распространению более взвешенного образа, который может подпитать еще существовавшую положительную динамику в российско-германских отношениях.

В условиях агрессивного политического давления и существенных ограничений экономического взаимодействия сторон вследствие спора о статусе Крыма в 2014 году, Берлином был обозначен «двойной» подход к Москве, что предполагало сдерживание последней, посредством санкционного давления при избирательном сохранении отдельных треков сотрудничества. Таковым оставшимся каналом коммуникации стали связи в сфере культуры. За счет интенсификации культурных связей в формате «перекрестных годов» российская дипломатия стремилась сохранить платформу для диалога в противовес раздувавшимся в немецких СМИ антироссийским настроениям [1, с. 370]. На заключительном мероприятии Года регионально-муниципальных партнерств 2017–2018 годах министры иностранных России и Германии отметили, что общим стремлением двух стран является повышение «количества и интенсивности прямых контактов между россиянами и немцами, укрепление диалога и взаимопонимания между обществами двух стран», поскольку «именно в трудные с политической точки зрения времена особенно важны зримые сигналы сотрудничества». Таким образом, значимость совместных культурных проектов определялась самим фактом их проведения в столь напряженных политических условиях, служившее цели поддержания каналов связи между странами.

Постепенное оттаивание замороженных политических контактов сделало возможным проведение и других крупномасштабных акций в рамках культурной дипломатии. Так, в течение 2019 года в Германии под брендом «Русские сезоны» прошла серия гастролей выдающихся российских коллективов, выставок известнейших музеев и других событий. Программой мероприятий было охвачено 77 городов Германии во всех федеральных землях. Реализация проекта была призвана создать позитивную альтернативу демонизировавшемуся образу России в немецком публичном пространстве за счет привлечения внимания немецких граждан к российской культуре.

Однако культурный диалог оказался под негативным влиянием трех событий: «дела Скрипалей» (март 2018 г.), убийство З. Хангошвили (август 2019 г.), попытка отравления А. Навального (август 2020 г.). Берлин озвучил подозрения в причастности российских властей к данным инцидентам, за которыми последовали новые антироссийские санкции [2, с. 52]. Череда масштабных проектов культурной дипломатии была прервана. Культурное сотрудничество ограниченно поддерживалось на муниципальном уровне, на «втором треке», а также за счет инициатив со стороны непосредственно вовлеченных в культурный обмен участников (культурные учреждения, университеты).

Таким образом, к середине 2021 г. в условиях глубоко кризисного состояния российско-германских отношений поступательно происходившее возобновление взаимодействий в сфере культуры было остановлено, однако окончательно иссякло оно после начала российской специальной военной операции на Украине 22 февраля 2022 года. Берлин воспринял действия России как подрыв европейской безопасности и призвал организации,

имевшие совместные проекты с российской стороной, к их приостановке. Представители немецких институтов культуры заявляли, что «каким бы хорошим ни было наше сотрудничество… [с Россией] мы не можем сейчас просто перейти к повестке» [9].

Дополнительные ограничения на российскую культурную дипломатию вступили в силу после введения ЕС седьмого пакета санкций 21 июля 2022 года, которые впервые напрямую затронули сферу культуры. Под рестрикции попали Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова, а также отдельные деятели культуры. Президент России В.В. Путин заявлял о попытках «отмены» русской культуры и ее достижений в ФРГ и других европейских странах [6].

Таким образом, накопленный в течение многих лет потенциал партнерства оказался в глубоком кризисе, на официальном политическом уровне германской стороной был запущен процесс демонтажа имеющихся наработок в российско-германском сотрудничестве в сфере культуры.

В то же время отдельные представители немецких организаций культуры, имевшие длительные и плодотворные контакты с партнерами из России, проявили взвешенность в высказываниях относительно дальнейшего взаимодействия с российской стороной. Поддерживая внешнеполитический курс своей страны, они подчеркивали, что связи с Россией не разорваны, а приостановлены и выражали надежду на их восстановление. Кроме того, представители культурных институций в своих публичных выступлениях особо подчеркивали потенциал культурных обменов в пост-кризисном восстановлении отношений, предлагая для этого платформу своих учреждений [10].

В данных условиях российские власти, не имея возможности для продолжения официальной культурной дипломатии, с помощью культурных событий стремятся поддержать неофициальные контакты с представителями немецкого бизнеса и около элитными сообществами, общественными и политическими деятелями. Организация мероприятий в сфере культуры в нейтральных странах помогает создать платформу для подобных контактов.

Таковым, в частности, является организованный в 2023 и 2024 годах Фондом «Мост искусства» при поддержке «Росконгресса» Оперный бал в Дубае. В 2022 году он проходил под названием «Дрезденский оперный бал в ОАЭ», что отсылало к престижному немецкому мероприятию и было направлено на привлечение аудитории из ФРГ и других стран Европы.

Возможности и ограничения культурной дипломатии

Исследование опыта реализации культурной дипломатии России в отношении ФРГ позволяет вывести несколько наблюдений. Возможности культурной дипломатии определяются ее способностью закрепить позитивные тенденции, наметившиеся в политической среде, увеличить их насыщенность и поддержать дальнейшее развитие в конструктивном ключе. При позитивной динамике развития двустороннего сотрудничества с ФРГ культурная дипломатия выполняет роль катализатора политического и экономического сотрудничества, а при их ухудшении – становится пространством для сохранения диалога между конструктивно настроенными кругами, несмотря на общий тренд на разрыв связей.

Культурная дипломатия наиболее эффективна при отсутствии непримиримого конфликта между сторонами, когда барьеры для свободного культурного обмена минимальны. В условиях относительного политического равновесия культурная дипломатия помогает сформировать прочные отношения между участниками коммуникации, что имеет долгосрочное воздействие: доверие, сформированное в ходе многолетнего взаимодействия между российскими и германскими культурными институтами, продолжает функционировать даже в периоды глубокого кризиса между Москвой и Берлином. Такие связи становятся своеобразными «мостами», которые не сжигаются сиюминутными политическими решениями и могут послужить основой для поддержания неформального диалога в условиях конфронтации, а также для начала посткризисного процесса нормализации отношений в будущем.

В этом заключается двойственная природа культурной дипломатии: с одной стороны, государства используют её для продвижения своих внешнеполитических интересов, но с другой – её участники выстраивают отношения, которые способны удерживать от их чрезмерной инструментализации. Это доверие формируется только в долгосрочной перспективе и требует устойчивого мирного взаимодействия. Именно поэтому оценка эффективности культурной дипломатии представляет собой сложную задачу: её результаты не поддаются мгновенному измерению, поскольку выражаются не в конкретных политических решениях, а в постепенных изменениях в восприятии, взаимопонимании и укреплении доверия между народами.

Заключение

На протяжении десятилетий культурное сотрудничество между Россией и Германией охватывало широкий спектр инициатив – от совместных выставок и фестивалей до академических обменов и спортивных мероприятий. Казалось, что сфера культуры, находясь вне рамок политической конъюнктуры, способна служить прочной основой для диалога между народами, даже в периоды политической нестабильности. Однако события последних лет показали, что культурная дипломатия не существует в вакууме: она существенно зависит от общего состояния официальных межгосударственных отношений и подвержена их кризисам.

Культурные инициативы сами по себе мало способны существенным образом изменить общественное мнение в условиях информационного давления. Они также не способны изменить внешнеполитических курс государств. Однако они изначально и не преследуют такой цели. Их ключевой потенциал для внешней политики определяется способностью формировать доверительные отношения между участниками, обеспечивая сохранение каналов связи во времена кризисов и предлагаю платформу для последующей нормализации отношений.

Литература

1. Багай, А.В. Российско-германские отношения после Крыма: от партнерства для модернизации до деградации диалоговых форматов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 367–370.
2. Белов, В.Б. Внешняя политика Германии в условиях актуальных вызовов / В.Б. Белов. – Текст: непосредственный // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 38–58.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом России 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]: Офиц. сайт МИД Рос-

сии. 2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 14.03.2025).
4. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: утверждена Президентом России 5 сент. 2022 г. № 611. [Электронный ресурс]: Офиц. сайт Президента России. 2022. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (дата обращения: 14.03.2025).
5. Павлов, Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель / Н.В. Павлов. – Москва: Международные отношения, 2012. – 800 с.
6. Путин сравнил «отмену» русской культуры на Западе с действиями нацистов. [Электронный ресурс]: РБК. 25 марта 2022. – URL: https://www.rbc.ru/politics/25/03/2022/623db42e9a79476904ac6999 (дата обращения: 14.03.2025).
7. Туровская, М., Меркерт, Й.О выставке и каталоге// МоскваБерлин. 1900–1950/ BerlinMoskau: 1900–1950: каталог выставки / Под общей редакцией Й. Меркерт, И. Антоновой. М.: Галарт, 1995.
8. Cummings, M.C. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey / M.C. Cummings. – Washington, D.C.: Center for Arts and Culture, 2003.
9. Der kulturelle Scherbenhaufen. [Электронный ресурс]: Stiftung Preussischer Kulturbesitz. 25 февр. 2022. – URL: https://www.preussischer-kulturbesitz.de/news-detail/artikel/2022/02/25/der-kulturelle-scherbenhaufen.html (дата обращения: 14.03.2025).
10. Parzinger H., Jessen H. „Die Zerstörung von Kulturdenkmälern trifft uns alle ins Herz“. [Электронный ресурс]: Politik & Kultur. 1 июня. 2022. – URL: https://politikkultur.de/themen/krieginderukraine/die-zerstoerung-von-kulturdenkmaelern-trifft-uns-alle-ins-herz/ (дата обращения: 14.03.2025).
11. Thayer, R.H. Cultural Diplomacy: Seeing is Believing / R.H. Thayer. – Текст: непосредственный // Vital Speeches of the Day. – 1959. – Vol. 25, No. 24. – P. 740–744.

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF RUSSIA'S CULTURAL DIPLOMACY: A CASE STUDY OF ITS INTERACTION WITH GERMANY

Maslova K.V.
MGIMO University

This article examines Russia's experience with cultural diplomacy in relation to Germany. The author explores the foreign policy goals Russia aimed to achieve through cultural initiatives in its interactions with the Federal Republic of Germany, and how these goals evolved in response to the shifting political landscape.
The analysis reveals that the potential of cultural diplomacy is expressed in two key ways: during stable periods, it helps strengthen positive trends in bilateral relations, while in times of crisis, it serves as a tool for maintaining communication with communities that are open to constructive dialogue and provides a platform for eventually restoring official political dialogue. However, the effectiveness of this potential relies on the existence of strong, trust-based relationships between the individuals involved in cultural exchange, which take time to develop and require relatively peaceful conditions.
A key limitation of cultural diplomacy is its dependence on the state of official interstate relations. In times of deep political crisis, its potential is significantly reduced, and its influence is limited.

Keywords: cultural diplomacy, Russian foreign policy, Germany, cultural dialogue, cultural exchange, cross years, trust building.

References

1. Bagaj, A.V. Russian-German relations after Crimea: from partnership for modernization to degradation of dialogue formats // Bulletin of St. Petersburg University. Series 25: International relations and world politics. – 2019. – V.12, № 3. – P. 367–370.
2. Belov, V.B. Germany's foreign policy in the context of current challenges// International analytics. – 2021. – V. 12, № 3. – P. 38–58.
3. The Concept of the Foreign policy of the Russian Federation: approved by the President of Russia on March 31, 2023. [Electronic resource]: Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (accessed: 14.03.2025).
4. The Concept of Humanitarian policy of the Russian Federation abroad: approved by the President of Russia on September 5, 2022, No. 611. [Electronic resource]: Website of the President of Russia. 2022. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (accessed: 14.03.2025).
5. Pavlov, N.V. The history of German foreign policy from Bismarck to Merkel / N.V. Pavlov. – Moscow: International relations, 2012. – 800 p.
6. Putin compared the "cancellation" of Russian culture in the West to the actions of the Nazis. [Electronic resource]: RBK. 25 march 2022. – URL: https://www.rbc.ru/politics/25/03/2022/623db42e9a79476904ac6999 (accessed: 14.03.2025).
7. Turovskaya, M., Merkert, J. About the exhibition and the catalog // Moscow Berlin. 1900–1950/ Berlin Moskau: 1900–1950: catalog of the exhibition; eds. J. Merkert, I. Antonovoj. M.: Galart, 1995.
8. Cummings, M.C. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey / M.C. Cummings. – Washington, D.C.: Center for Arts and Culture, 2003.
9. Der kulturelle Scherbenhaufen. [Electronic resource]: Stiftung Preussischer Kulturbesitz. 25 feb. 2022. – URL: https://www.preussischer-kulturbesitz.de/news-detail/artikel/2022/02/25/der-kulturelle-scherbenhaufen.html (accessed: 14.03.2025).
10. Parzinger H., Jessen H. „Die Zerstörung von Kulturdenkmälern trifft uns alle ins Herz“. [Electronic resource]: Politik & Kultur. 1 June. 2022. – URL: https://politikkultur.de/themen/krieginderukraine/die-zerstoerung-von-kulturdenkmaelern-trifft-uns-alle-ins-herz/ (accessed: 14.03.2025).
11. Thayer, R.H. Cultural Diplomacy: Seeing is Believing / R.H. Thayer. – Tekst: neposredstvennyj // Vital Speeches of the Day. – 1959. – Vol. 25, No. 24. – P. 740–744.

Интеграция культурной дипломатии Китая и России в стратегии развития внешнеполитических процессов: институциональные аспекты

Цао Юаньюань,
аспирант, Российский университет дружбы народов
E-mail: 1042245058@pfur.ru

Статья посвящена исследованию стратегической сопряжённости и институциональных инноваций в культурной дипломатии Китая и России как ключевого элемента их мягкой силы в условиях современных геополитических вызовов. Введение обосновывает актуальность темы, подчеркивая переход от эпизодических культурных обменов к системному взаимодействию, интегрированному в экономические и политические стратегии. Методология исследования включает анализ документов двусторонних соглашений, кейс-стади совместных проектов (образовательные программы, цифровые платформы, медиаколлаборации), а также экспертные интервью с участниками культурных инициатив. Результаты демонстрируют, что создание межгосударственных институтов (совместные фонды, научные центры, грантовые программы) обеспечивает устойчивость сотрудничества, несмотря на внешнеполитическую конъюнктуру. Особое внимание уделено цифровой трансформации культурной дипломатии: внедрению VR-технологий, онлайн-фестивалей и социальных медиа, которые расширяют аудиторию и адаптируются к вызовам пандемии. Обсуждение раскрывает противоречия между необходимостью сохранения аутентичности культур и требованиями глобального рынка, а также роль бизнес-структур в финансировании гибридных проектов. Подчеркивается значимость образовательных программ и молодёжных обменов как инструментов формирования долгосрочных профессиональных связей. Выводы указывают на формирование уникальной модели мягкой силы, сочетающей историческое наследие с технологическими инновациями, что позволяет Китаю и России укреплять взаимное доверие и координировать действия на международной арене. Институциональная сопряжённость культурной дипломатии рассматривается как фактор снижения геополитических рисков и создания альтернативных центров влияния в противовес западным моделям. Статья вносит вклад в теорию мягкой силы, предлагая концепцию «стратегической сопряжённости» как синтеза институциональных и содержательных аспектов культурного взаимодействия.

Ключевые слова: культурная дипломатия, мягкая сила, российско-китайские отношения, институциональные инновации, цифровая трансформация.

Введение

Взаимодействие Китая и России на ниве культурной дипломатии стало одной из наиболее примечательных черт современного этапа двусторонних отношений. Сложная глобальная обстановка, наличие стратегических вызовов, связанных в том числе с перераспределением сил в мировой политике, стимулирует руководство двух государств к поиску новых, более гибких форм влияния за пределами собственных границ. Уже длительное время культурная дипломатия рассматривается как инструмент влияния, позволяющий транслировать позитивный образ страны через призму культурных и гуманитарных проектов. При этом, наряду с классическими инициативами в области обмена выставками, фестивалями, творческими коллективами, в самом механизме взаимодействия возникли и продолжают формироваться институционные инновации, позволяющие расширить рамки культурной дипломатии и придать ей более современный облик. Китайская концепция мягкой силы, во многом вдохновлённая западными теоретическими моделями, приобрела уникальные черты, во многом соприкасающиеся с российским подходом к публичной дипломатии [7] и выстраиванием позитивного образа страны на международной арене. Однако нельзя сводить всё к теоретической концептуализации: на практике обе страны внедряют стратегические инициативы, ориентированные на долгосрочное сотрудничество в гуманитарной сфере, не ограничиваясь лишь эпизодическими акциями. Именно эти новые рамки сотрудничества позволяют говорить о стратегической сопряжённости культурной дипломатии России и Китая, выходящей за пределы традиционных форм. Сегодня уже недостаточно просто показать современное искусство или провести национальные дни культуры; необходимы многоуровневые форматы, позволяющие затронуть научные сообщества, молодёжь, представителей различных профессий, обеспечивая включение культурной дипломатии в структуру более масштабных экономических и политических отношений между государствами. Подобная эволюция неразрывно связана с процессом институционализации соответствующих механизмов, обеспечивающих непрерывность, системность и эффективность внедрения мягкой силы.

Развитие мягкой силы уже достаточно давно стало одной из важнейших составляющих внешнеполитических стратегий многих стран, и в этом контексте Россия и Китай выделяются своей готовностью к комплексному и многоэтапному подходу. Во многом это происходит благодаря общему пониманию необходимости институционального оформления культурной дипломатии: создание совместных культурных фондов, исследовательских площадок и образовательных проектов позволяет интегрировать культурный аспект в более широкий стратегический дискурс. Именно здесь можно наблюдать процесс не просто двустороннего обмена культурными образцами, а именно сопряжённости, когда обе стороны осознают важность согласованных действий в области продвижения друг друга на международной арене. Такой подход помогает создать устойчивую инфраструктуру, которая не зависит от временных колебаний и внешне-

политических настроений. В результате культурные центры, программы поддержки языка, совместные кинофестивали и издательские проекты становятся точками пересечения интересов, формируя культурный ландшафт, важный как для самих государств, так и для глобальной аудитории. Подобный уровень интеграции становится возможным благодаря трековой дипломатии, в которой параллельно работают правительства, институты гражданского общества, бизнес и академические структуры [2]. Каждый уровень решает свои задачи, но в совокупности они способствуют формированию более целостного, положительного и многогранного образа партнёра, что даёт долгосрочные преимущества при выстраивании глобальных альянсов и проведении внешнеполитических линий.

Материалы и методы исследования

Культурная дипломатия в контексте российско-китайских отношений всё чаще рассматривается как отдельный элемент «мягкого» влияния, способствующий повышению привлекательности национальных брендов. Однако здесь не просто идёт речь о продвижении традиционной культуры, а акцент всё больше смещается на инновационное содержание, соответствующее духу времени и техническому прогрессу. Интересным примером становятся межуниверситетские платформы для творческих коллабораций, в рамках которых студенты из Китая и России совместно создают проекты в сфере изобразительного искусства, музыки, дизайна, IT-разработок. Эта форма сотрудничества позволяет не только познакомиться с разными культурными кодами, но и создать единое интернациональное пространство идей. Подобные площадки, будучи институционализированными, дают возможность влияния на гораздо более широкую аудиторию, чем традиционные культурные инициативы, ориентированные лишь на узкий круг знатоков. Важно и то, что государственные и окологосударственные структуры активно поддерживают эти форматы, видя в них потенциал расширения присутствия собственной культуры и, одновременно, развития экономики знаний. В перспективе именно такие гибридные проекты могут стать двигателем дальнейшей сопряжённости в рамках стратегических планов Китая и России по укреплению позиций на мировом рынке инноваций. В условиях информационного века культурная дипломатия, окрашенная в инновационные краски, способна не только представлять национальные достижения, но и стимулировать совместную генерацию идей, которая в свою очередь влияет на формирование благоприятного имиджа двух стран.

Эта сопряжённость получает дополнительный импульс благодаря растущей институциональной поддержке на уровне профильных министерств и ведомств. Министерства культуры, ведомства по делам молодёжи, министерства высшего образования и науки – все они включаются в процесс создания программ, способствующих как двустороннему культурному обмену, так и продвижению социокультурных ценностей за рубежом. При этом значимым инструментом становятся государственные гранты, которые направлены не только на проведение разовых мероприятий, но и на укрепление исследовательских коллективов, способных разрабатывать теоретическую основу для вычисления эффективности и потенциальной отдачи от культурной дипломатии. Например, формирование научно-исследовательских центров по изучению современной российской культуры в Китае и, наоборот, китайской культуры в России, способствует развитию межкультурного диалога, построенного на анализе и критическом осмыслении. Благодаря этим центрам появляется критическая масса экспертов, разбирающихся в сложностях восприятия культурных кодов, что служит фундаментом для реализации более тонких дипломАТІСеских шагов [5]. Культурные проекты становятся не просто витриной, а платформой для осмысленного сотрудничества, которое способно приносить системные результаты.

Результаты и обсуждение

Нельзя не отметить, что подобная институционализация культурной дипломатии имеет глубокие исторические корни. И Китай, и Россия в разные периоды своей истории обращались к культуре как к элементу внешнеполитического влияния: от царских миссий и синологической школы в дореволюционной России до советской культурной экспансии и, соответственно, от классической и революционной китайской культуры до современной стратегии «культурного подъёма». Однако лишь в последние десятилетия возникла ситуация, когда обе державы обладают достаточно развитыми экономическими и научно-техническими ресурсами, чтобы согласованно продвигать свою мягкую силу на мировой арене. В этом смысле ключевыми становятся вопросы совместного финансирования, согласования политических приоритетов и выстраивания долгосрочных планов, ориентированных на международный эффект. При этом государствам важен и внутренний эффект, поскольку культурная дипломатия может выполнять функцию увеличения престижа у собственных граждан: показывая достижения страны за границей, усиливать чувство гордости и внешнеполитического оптимизма. Но, чтобы это не оставалось лишь символическим жестом, необходима целая сеть институций, работающих над укреплением сопряжённости, начиная от дипломатических ведомств и заканчивая крупными культурными фондами, которые имеют ресурсы и компетенции для расширения влияния [1] и взаимодействия с зарубежными культурными институциями.

Одной из наиболее заметных тенденций последних лет стало стремление Китая и России продвигать совместные проекты в сфере медиа и онлайн-платформ. Это связано не только с возрастанием роли цифровых технологий, но и с тем, что молодое поколение потребляет культурный контент в основном через социальные сети и специализированные сервисы. Традиционные телевизионные каналы постепенно переходят в новые цифровые форматы, и здесь встаёт вопрос о том, каким образом выстраивать масштабные проекты, которые способны привлеч аудиторию сразу в нескольких странах. Создание совместных телепередач, фестивалей онлайн-кино, виртуальных галерей может стать примером институционной инновации, когда договорённости о сотрудничестве между медиахолдингами двух стран сопровождаются соответствующим государственным протоколом, включающим финансовую поддержку, льготные условия и политическую волю для продвижения такого контента и на зарубежных рынках. Подобная активность уже начинает приносить плоды, так как проекты, посвящённые истории и культурному наследию, могут оказывать длительное воздействие на восприятие китайско-российских отношений как дружеского и взаимовыгодного партнёрства [13]. Здесь важно не только произвести контент, но и продумать механизмы его распространения, при этом стремясь сохранить аутентичность каждой культуры, избегая излишней политизации и учитывая интересы широкой международной аудитории.

Культурная дипломатия в современном понимании тесно связана с образовательными инициативами, и в случае России и Китая складывается своеобразная

экосистема, объединяющая университеты, научные институты и общественные организации. В этой экосистеме формируются совместные образовательные программы, позволяющие студентам погружаться в культурную среду партнёрской страны. Развитие двусторонних магистратур, аспирантур и программ академического обмена укрепляет позиции стран на международном образовательном рынке, параллельно служа целям мягкой силы. При этом наблюдается процесс расширения языковых центров: курсы русского языка в Китае, а китайского – в России становятся не просто инструментом лингвистического обучения, но и каналом для осознанного ознакомления с культурными кодами. Институционализация этих образовательных проектов происходит через соглашения на высшем межгосударственном уровне, что обеспечивает им устойчивое финансирование и административную поддержку. Подобный подход уже даёт положительные результаты: всё больше молодых специалистов из Китая получают возможность учиться в российских вузах, а российская молодёжь – проходить стажировки в ведущих китайских университетах [9], благодаря чему формируется слой профессионалов, ориентированных на понимание и продвижение совместных культурных инициатив. Это своего рода генераторы двусторонних контактов, которые по окончании обучения становятся участниками или инициаторами проектов в сфере науки, искусства, бизнеса.

Когда речь заходит о стратегической сопряжённости, важно учитывать и то, как обе страны видят свои роли в глобальной повестке. Культурная дипломатия становится своеобразным «расширителем» национальных интересов, позволяя объединять экономические и политические цели с гуманитарными. Если Китай продвигает инициативу «Один пояс – один путь», то Россия предлагает концепции евразийского пространства, призванного соединить Европу и Азию в унифицированную экономико-культурную зону [4]. В результате эти логики начинают дополнять друг друга: например, культурно-образовательные проекты легко «вписываются» в логистические и инфраструктурные коридоры, предлагая сопровождать экономическое сотрудничество мероприятиями, подчеркивающими богатство истории и современность культурного наследия. Кроме того, сотрудничество в области культуры также может быть нацелено на смягчение существующих на Западе стереотипов и предвзятостей по отношению к России и Китаю. Согласованная работа информационных агентств, культурных центров и структур бизнес-дипломатии укрепляет доверие и формирует более положительный имидж двух стран в зарубежном общественном мнении. Однако для этого недостаточно отдельных благотворительных или имиджевых акций; требуется планомерная работа, подтверждаемая документами и финансированием, которое позволяют расширять институциональные рамки и закреплять достигнутые договорённости.

Важнейшим направлением культурной дипломатии является проведение Годов культуры, которые регулярно организуются тарафами и служат символом особых отношений между Китаем и Россией. Но, помимо ярких церемониальных открытий и закрытий, такое сотрудничество постепенно переходит в плоскость постоянного обмена, трансформируясь в более структурированные форматы. Выставки крупного современного искусства, привлечённые российские и китайские кураторы, экскурсии для студентов художественных вузов, тематические методические семинары для преподавателей – всё это создаёт прочную базу для дальнейшего институционального сотрудничества. Если раньше такие мероприятия скорее носили характер отдельных массивных событий, то теперь они становятся частью общей программы, согласованной между ведомствами и поддерживаемой культурными фондами. При этом многие проекты имеют долгосрочную направленность, позволяя не просто показать культурные артефакты, но и включить их в процесс углублённого изучения, сравнения, анализа аудитории в других странах. Подобный системный подход помогает интегрировать культурную дипломатию в общий контур международных отношений, делая её неотъемлемой частью разговора о мировой политике и экономике.

Расширение форматов культурной дипломатии приводит к тому, что обе страны начинают всё активнее вовлекать бизнес-структуры. Крупные российские компании, ориентированные на внешние рынки, видят в сотрудничестве с китайскими партнёрами новые возможности, а культурная среда становится своеобразным «мостом» для переговоров. Это может выражаться в организации совместных форумов, в рамках которых бизнесмены одновременно знакомятся с новыми возможностями для инвестиций и приобщаются к культурным особенностям партнёрской стороны [8]. Такая многоуровневая интеграция снимает многие барьеры, связанные с недоверием или культурными различиями, и позволяет компаниям вырабатывать более гибкие модели сотрудничества. Кроме того, бизнес-сектор сам начинает финансировать культурные проекты, осознавая их привлекательность с точки зрения репутации и расширения сетей контактов. Возникают частно-государственные партнерства, в рамках которых коммерческие структуры, госучреждения России и Китая, а также некоммерческие организации совместно продвигают культурные инициативы за рубежом. Результатом становится формирование разветвлённой инфраструктуры международного присутствия, поддерживаемой не только волей руководителей, но и заинтересованностью бизнеса в открытых и стабильных отношениях.

На фоне технологических прорывов значительную роль в культурной дипломатии приобретает внедрение новых медиа и цифровых решений. Если в начале 2000-х годов взаимодействие ограничивалось в основном организацией сайтов и презентаций в интернете, то сегодня речь идёт о полноценных VR- и AR-проектах, которые дают возможность жителям других регионов мира совершать виртуальные путешествия по китайским пещерным храмам или российским историческим музеям [10]. Подобные инициативы получают государственное поощрение и часто реализуются в формате консорциумов, объединяющих университеты, IT-компании, музеи и культурные фонды. Важным аспектом является локализация контента под разные языки, что открывает ещё более широкие перспективы воздействия на мировую аудиторию. Здесь начинает складываться интересная модель: Китай и Россия совместно финансируют высокотехнологичные проекты в области культуры, предполагающий комплексный перевод, цифровую обработку и распространение уникальных материалов. Это даёт новую почву для развития не только культурных связей, но и технологического партнёрства, поскольку создаётся спрос на специалистов в области кибербезопасности, лингвистического программирования, 3D-моделирования и других передовых отраслей. Инновационность такого подхода заключается и в том, что цифровая культурная дипломатия быстро приспосабливается к глобальным вызовам, оставаясь эффективной даже в условиях геополитических ограничений и пандемических угроз.

Неотъемлемым элементом институционного оформления культурной дипломатии становится чёткая система мониторинга и оценки эффективности. В современном мире инвестирование в культуру должно иметь свои

индикаторы и метрики, позволяющие государственным органам и частным инвесторам понимать, насколько успешно достигаются поставленные цели. Разработка таких методологий возможна только при участии профессионального сообщества, которое включает экспертов в области международных отношений, культурологии, социологии и даже маркетинга [6]. В рамках российско-китайского сотрудничества уже предпринимаются шаги к созданию единой платформы аналитических центров, специализирующихся на оценке влияния культурных проектов. Это помогает выработать оптимальные стратегии продвижения, выявить целевые аудитории и определить, какие форматы наиболее востребованы у различных социальных групп. Более того, прозрачность подобных механизмов создаёт доверие у зарубежных партнёров и потенциальных союзников, которые видят, что реализация проектов ведётся с учётом профессиональной экспертизы, а не случайных импульсов. Постепенно обе страны накапливают опыт и делают культуру одним из ключевых пунктов глобальной повестки, опираясь на системные данные и научный подход.

При этом культурная дипломатия всё чаще выходит за пределы узкого понимания «искусства»: в неё вовлекаются сферы спорта, гастрономии, народных ремёсел, туризма и моды. Масштабирование культурной дипломатии объясняется тем, что для формирования привлекательного образа страны необходимо воздействовать на самые разные пласты общественной жизни. К примеру, спортивные обмены между Россией и Китаем, включая дружеские матчи школьных команд, любительские соревнования по народным видам спорта или совместные тренировки олимпийских сборных, создают уникальную атмосферу доверия и взаимного интереса. Такая форма взаимодействия глубоко понятна и молодёжи, и людям более зрелого возраста, поскольку спортивные успехи часто ассоциируются с силой нации. Властные структуры и профильные федерации нередко мобилизуются для реализации таких проектов, предоставляя спортивные объекты, транспортные и организационные ресурсы. Интерес к народным ремёслам и традиционной кухне также открывает путь к более тесным контактам, позволяя участникам не только попробовать блюда вкусных соседей, но и понять особенности культуры, стоящей за тем или иным рецептом [3]. Подобная «мягкая сила» просачивается в бытовое измерение и тем самым укрепляет прочность двусторонних связей, помогая создать дружеский и знакомый образ другой страны.

Одним из важных достижений последнего времени можно считать координацию действий культурных институций на уровне регионов. Если раньше основное внимание уделялось столичным городам, то теперь всё больше уделяется роли провинций и субъектов РФ, ведь именно там часто сохраняются аутентичные традиции и появляется пространство для творческого эксперимента. В результате создаются программы регионального обмена, в рамках которых делегации из китайских провинций посещают российские области, знакомясь с локальными культурными достопримечательностями, а представители российских регионов, в свою очередь, побывают в городах и деревнях Китая, откуда привозят идеи для совместных проектов и вдохновения для развития собственного края. Это создает дополнительные возможности для малого и среднего бизнеса, стимулирует туризм и ремесленничество, а также способствует формированию добрососедских отношений не только на уровне политических центров, но и на уровне местных сообществ. Многие из таких инициатив становятся элементами официальных соглашений о побратимстве городов, что закрепляет их в рамках правовых актов и обеспечивает более устойчивую базу для развития в будущем.

Научно-технологический прогресс не только формирует новые направления культурной дипломатии, но и говорит о необходимости актуализации теоретических подходов. Если концепция мягкой силы в её классическом понимании делала упор на привлекательности культурных образцов и идеологии, то сегодня возникает более сложная модель, учитывающая радикально поменявшийся медиаландшафт. Глобальные социальные сети, стриминговые сервисы, цифровые платформы для обучения и развлечений сильно изменили способы формирования общественного мнения. И Китай, и Россия вынуждены искать инновационные формы стратегического взаимодействия, которые позволят работать с новой аудиторией максимально эффективно и при этом оставаться в русле своих национальных интересов. Сотрудничество в области киберпространства, включая кибербезопасность, обмен контентом и создание совместных онлайн-сообществ, всё больше приобретает черты институциональной основы будущего. В отличие от традиционных методов, цифровая культурная дипломатия требует специфических навыков и компетенций, что порождает спрос на специалистов смешанного профиля. Подготовка таких кадров уже становится одной из задач межгосударственных программ в сфере образования и науки, что подчеркивает важность долгосрочного планирования. Подобная стратегия имеет многоуровневые последствия: она влияет не только на образ, который Китай и Россия транслируют вовне, но и на формирование нового поколения внутриполитической элиты, разбирающейся в механизмах глобального культурного обмена.

Историческая перспектива отношений России и Китая помогает лучше понять, насколько нынешний этап отличается сложностью и объёмом взаимодействия. Если в прошлом веке СССР и КНР в состоянии стратегического союза ориентировались на идеологическую близость, то сегодня на первый план выходит прагматический интерес, подкреплённый осознанием общих вызовов со стороны других мировых центров силы. При этом, несмотря на внешнеполитические перемены, культура осталась одним из самых устойчивых и гибких каналов влияния. Институционализация этого канала позволяет государствам не полагаться только на пропаганду, но и выводить взаимодействие в позитивное русло, опираясь на интересы профессиональных сообществ, бизнеса, молодёжи, а также на общественные инициативы. Долгосрочный характер таких проектов обеспечивает накопительный эффект: каждая новая программа в области искусства или образования наращивает влияние и способствует улучшению понимания между народами. Именно в этом контексте сопряжённость культурных дипломатий России и Китая приобретает характер не просто альянса, а глубокой взаимопомощи, основанной на совокупности ценностей и интересов. Благодаря системному подходу и вовлечению различных акторов, эта взаимопомощь становится фактором глобальной политики, способным влиять на расстановку сил и экономические процессы.

Особое внимание в современном дискурсе уделяется вопросам восприятия России и Китая третьими странами, включая те регионы, которые находятся за пределами Евразийского пространства. Для закрепления мягкой силы в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке культурная дипломатия может служить «окном» в мир двух держав, открывая возможности для расширенного сотрудничества. В связи с этим Китай и Россия нередко координируют действия на крупных международных фестивалях, книжных ярмарках и образовательных форумах, чтобы демонстрировать универсальность

и разнообразие своей культуры. Эту стратегию поддерживают и высшие чиновники, выстраивая двусторонние и многосторонние форматы, в которых гуманитарные аспекты занимают весомую позицию. Хотя нельзя сказать, что такая стратегия быстро меняет укоренившиеся стереотипы, она всё же постепенно увеличивает долю позитивного информационного пространства об этих странах. Тесное взаимодействие институтов позволяет формировать единые месседжи, выгодно подчёркивая традиции, современность, а также ценность дальнейшего экономического сотрудничества, тесно увязанного с культурным обменом. В долгосрочной перспективе это может привести к созданию своеобразной «культурной инфраструктуры» в мире, где китайские и российские центры станут общепринятыми площадками для межкультурного диалога.

В целом можно говорить, что Китай и Россия прошли значительный путь от характера культурного обмена, основанного на отдельных эпизодах, к системной сопряжённости, включающей различные уровни институциональной поддержки. Проекты, которые реализуются в образовательной, медийной, научно-исследовательской и креативной сферах, подтверждают высокую степень вовлечённости всех заинтересованных сторон. Это позволяет не только укреплять имидж двух стран, но и формировать благоприятную почву для экономических соглашений, политических альянсов и межрегиональных инициатив. С другой стороны, подобная тесная интеграция предъявляет повышенные требования к качеству менеджмента, взаимному доверию и прозрачности процессов. Именно поэтому культурная дипломатия в контексте мягкой силы всё больше выступает не в роли побочного инструмента внешней политики, а в качестве её неотъемлемого компонента, создающего долгосрочные предпосылки для развития сотрудничества. Китайская и российская стороны демонстрируют, что продуманные и институционализированные механизмы могут сочетать традиции и инновации, встраивая культуру в глобальную систему отношений, где образ страны становится важным фактором международного влияния.

Выводы

С учётом всего вышесказанного стратегическая сопряжённость и институционные инновации становятся одним из центральных двигателей в развитии культурной дипломатии Китая и России. Их взаимодействие основывается на признании многомерности современной мягкой силы и на понимании, что культура более не может оставаться периферийной темой в международной политике. Напротив, она выстраивает смыслы, задаёт эмоциональный фон и формирует долгосрочные отношения доверия между государствами и обществами. Отечественные и китайские исследователи отмечают, что благодаря развитию соответствующих институтов и программ создаётся уникальная модель сотрудничества, способная конкурировать с западными аналогами по глубине взаимодействия и разнообразию форм. Эта модель продолжает эволюционировать, реагируя на новые вызовы и открывая перед обеими странами перспективы более прочного и многослойного присутствия на мировой арене.

Наконец, важно подчеркнуть, что стратегическая сопряжённость в культурной сфере – это не статичное состояние, а процесс непрерывного поиска, экспериментов и корректировок. Впереди стоит много задач: от совершенствования механизмов финансирования до реформы образовательных форматов, которая позволила бы готовить кадры, способные компетентно работать на стыке культур, технологий и бизнеса [12]. При этом сама структура мировой политики также находится в движении, и от способности России и Китая адаптироваться к ней во многом зависит успех их совместной культурной дипломатии. Но уже сейчас можно констатировать, что накопленный опыт и устойчивое институциональное поле делают это взаимодействие одним из наиболее интересных явлений на глобальной сцене, привлекающим к себе пристальное внимание как сторонников, так и критиков. В обозримом будущем именно развитие сопряжённости и новых форм мягкой силы поможет двум странам укреплять позиции, не прибегая к военным или навязывающимся методам, а используя тот самый «мягкий» подход, который создаёт привлекательный образ и прочные связи в международной среде.

Расширение таких связей даёт шанс для формирования альтернативной концепции глобализации, в которой культура занимает не менее важное место, чем торговля и финансы. Если Китай и Россия продолжат совершенствовать совместную институциональную базу и не ограничиваться стихийными акциями, то их культурная дипломатия будет способна конкурировать с западными моделями и привлекать к себе третьи страны, ищущие альтернативы. Таким образом, в течение ближайших десятилетий мы можем стать свидетелями дальнейшего роста значимости культурного фактора в международных делах, где стратегическая сопряжённость России и Китая выступит одной из ключевых осей глобальных гуманитарных процессов.

Литература

1. Романова Е.А. Исследование культурной дипломатии КНР в работах китайских и западных исследователей // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. № 2. С. 77–88.
2. Ян Ц. Инструменты и механизмы реализации китайской культурной дипломатии в отношении Российской Федерации // Международные отношения. 2023. № 1. С. 56–62.
3. Кожухова К.Е. Российско-китайские отношения по вопросам стратегической стабильности // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14. С. 459–463.
4. Ян Юе. Образовательная деятельность и гуманитарное сотрудничество между Россией и Китаем на протяжении 70 лет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88). С. 2650–2659.
5. Романова Е.А. Задачи культурной дипломатии как части стратегической культуры КНР // Международные отношения. 2023. № 3. С. 70–80.
6. Тарасова Е.И. Ключевые культурные концепции внешней культурной политики КНР при Си Цзиньпине // Современные востоковедческие исследования. 2023. Т. 5. № 4. С. 133–146.
7. Мехрангези Ю. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // Вестник Государственного университета г. Куляб имени Абу Абдуллои Рудаки. 2023. № 1 (30). С. 286–292.
8. Курумчина А.Э. Международный потенциал российских НКО в сфере культурной дипломатии альянса БРИКС // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2024. № 2 (99). С. 146–166.
9. Ван То. Китайский язык как инструмент культурной дипломатии КНР // Международные отношения. 2024. № 1. С. 1–10.

10. Даньдань Ши. Культурная дипломатия КНР в рамках ШОС (2001–2020 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21–3. С. 94–103.

INTEGRATION OF CULTURAL DIPLOMACY OF CHINA AND RUSSIA INTO THE DEVELOPMENT STRATEGIES OF FOREIGN POLICY PROCESSES: INSTITUTIONAL ASPECTS

Cao Yuanyuan
Peoples' Friendship University of Russia

The article explores the strategic alignment and institutional innovations in the cultural diplomacy of China and Russia as a key element of their soft power amid contemporary geopolitical challenges. The introduction substantiates the relevance of the topic, highlighting the shift from sporadic cultural exchanges to systemic interaction integrated into economic and political strategies. The research methodology includes analysis of bilateral agreements, case studies of joint projects (educational programs, digital platforms, media collaborations), and expert interviews with participants in cultural initiatives. The results demonstrate that the establishment of interstate institutions (joint funds, research centers, grant programs) ensures the stability of cooperation despite foreign policy fluctuations. Particular attention is paid to the digital transformation of cultural diplomacy: the implementation of VR technologies, online festivals, and social media, which expand audiences and adapt to pandemic-related challenges. The discussion reveals contradictions between the need to preserve cultural authenticity and the demands of the global market, as well as the role of business structures in financing hybrid projects. The significance of educational programs and youth exchanges as tools for building long-term professional ties is emphasized. The conclusions indicate the formation of a unique soft power model combining historical heritage with technological innovations, enabling China and Russia to strengthen mutual trust and coordinate actions on the international stage. The institutional alignment of cultural diplomacy is considered a factor in mitigating geopolitical risks and creating alternative centers of influence countering Western models. The article contributes to soft power theory by proposing the concept of "strategic alignment" as a synthesis of institutional and substantive aspects of cultural interaction.

Keywords: cultural diplomacy, soft power, Russia-China relations, institutional innovations, digital transformation.

References

1. Romanova E. A. A Study of the PRC's Cultural Diplomacy in the Works of Chinese and Western Researchers // Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics. 2024. No. 2. pp. 77–88.
2. Yan Ts. Tools and Mechanisms for Implementing Chinese Cultural Diplomacy Towards the Russian Federation // International Relations. 2023. No. 1. pp. 56–62.
3. Kozukhova K.E. Russian–Chinese Relations on Issues of Strategic Stability // Russia and China: History and Prospects of Cooperation. 2024. No. 14. pp. 459–463.
4. Yan Yue. Educational Activities and Humanitarian Cooperation Between Russia and China Over 70 Years // Issues of National and Federal Relations. 2022. Vol. 12. No. 7 (88). pp. 2650–2659.
5. Romanova E.A. Objectives of Cultural Diplomacy as Part of the PRC's Strategic Culture // International Relations. 2023. No. 3. pp. 70–80.
6. Tarasova E.I. Key Cultural Concepts of the External Cultural Policy of the PRC Under Xi Jinping // Contemporary Oriental Studies. 2023. Vol. 5. No. 4. pp. 133–146.
7. Mehrangizai Yu. Cultural Diplomacy in Contemporary International Relations (the Example of Russia and China) // Messenger of the State University of Kulyab Named After Abu Abdulloh Rudakii. 2023. No. 1 (30). pp. 286–292.
8. Kurumchina A.E. The International Potential of Russian NGOs in the Field of Cultural Diplomacy within the BRICS Alliance // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Sciences Series. 2024. No. 2 (99). pp. 146–166.
9. Van To. The Chinese Language as a Tool of the PRC's Cultural Diplomacy // International Relations. 2024. No. 1. pp. 1–10.
10. Dandan Shi. Cultural Diplomacy of the PRC within the SCO (2001–2020) // Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psycho-Pedagogical Sciences. 2021. No. 21–3. pp. 94–103.

Анализ начального этапа становления Альянса государств Сахеля

Медушевский Николай Андреевич,
доктор политических наук, проф. кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета; доцент Российского университета дружбы народов
E-mail: Lucky5659@yandex.ru

Абрамова Алина Алиевна,
магистр, соискатель, кафедра современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: no.abramova@yandex.ru

В данной статье рассмотрены причины образования Альянса государств Сахеля, нормативная основа существования Альянса, а также проанализирована совместная работа по различным направлениям стран-участниц Альянса (Мали, Буркина-Фасо, Нигер). Совершена попытка выявить особенности, которые заложены в основном документе, регулирующий существование Альянса, а также попытка оценки как позитивных, так и негативных событий за время существования Альянса и перерастание его в Конфедерацию. Исследование опирается на широкую платформу современной научной литературы по теме исследования.
В качестве методолгического подхода применяется кросс-дисциплинарный подход, влючающий элементы нормативно-правового анализа и структурно-функционального подхода, а также неоинституционального подхода. Процесс формирования Альянса и связанных с ним политических событий реализуется в рамках хронологического подхода. Исследование представляется важным с точки зрения развития современной политической науки, т.к. поднятая в нем тема напрямую связана с интеграционными процессами, происходящими в Западной Африке, и обусловлена трансформацией мирового порядка, в рамках которой, влияние бывших метрополий, и, в частности, Франции, на страны Африки снижается, что открывает доступ к политическому и экономическому участию в регионе новых игроков. В исследуемом регионе таковым актором выступает Российская Федерация, активно способствующая установлению нового и эффективного режима безопасности.

Ключевые слова: Альянс государств Сахеля, терроризм, исламизм, ЭКОВАС, Западная Африка.

Ведение

В 2025 году исполнится два года с основания Альянса стран Сахеля. Выйдя из региональной интеграционной организации ЭКОВАС и заявив о разрыве отношений с Францией три страны – Буркина-Фасо, Мали и Нигер объявили о создании Альянса, который призван защищать их общие интересы[12].

Предвестником создания Альянса можно считать случившийся накануне военный переворот в Нигере и реакцию на события со стороны западных стран и непосредственно ЭКОВАС. Альянс стал своеобразной реакций на серьезные последствия возможной интервенции сил ЭКОВАС, введение экономических санкций, обострение социально-экономической обстановки, а также рост активности террористических групп[17]. Ранее перевороты произошли также в Буркина-Фасо и Мали, что настроило эти страны против французского, и в целом, западного влияния. Так, в августе 2020 года произошел военный переворот в Мали, а Буркина-Фасо военные пришли к власти в результате двух переворотов. Это сделало страны неудобными для различных форм объединений, в частности, ЭКОВАС и государств стран Запада [11].

Помимо этого, ранее, в 2022 году Мали вышла из «Сахельской группы пяти» («Сахельской пятерки», G5), а в 2023 году, после создания Альянса стран Сахеля, Нигерия и Буркина-Фасо, последовав примеру, также прекратили свое участие в организации. Это несомненно, ослабило не только ЭКОВАС, но и деятельность Сахельской пятерки, фактически разрушив ее. Поэтому вскоре Лидеры Мавритании и Чада Мохамед ульд Газвани и Махамат Идрисс Деби Итно объявили о запуске процедуры по роспуску регионального Альянса в сфере безопасности – Сахельской группы пяти (G5).

Важно отметить также, что в странах Сахельской пятерки существует сложная ситуация в области обеспечения безопасности. Во многом, это связано с существующими террористическими группировками на территории стран. Для разрешения данного вопроса Франция начала операцию «Бархан» в странах Сахельской пятерки. Операция «Бархан» получила свое название в 2014 году и является продолжением операции «Сервал», которая была начата в 2013 году и проводилась на территории Мали. В 2022 году первая страна из большой пятерки, Мали, потребовала вывод войск со своей территории. В 2021 году в Мали случился военный переворот и все громче стали звучать антифранцузские лозунги[10]. Менее через месяц Франция заявила о том, что прекращает военное сотрудничество с Мали, а чуть позже президент страны Эмануэль Макрон заявил о том, что Франция будет кардинально пересматривать свое военное присутствие в регионе и прекращает операцию «Бархан». И с 17 февраля 2022 года по 15 августа 2022 года Франция выводила свои войска, а также военный контингент численностью 400 человек из Буркина-Фасо, а в январе 2023 году правительство Буркина-Фасо заявило о разрыве военного соглашения с Францией. Это, несомненно, повлияло на сплоченность стран и образование нового объединения[22].

Помимо этого, все перечисленные события привели к глубоким структурным политическим изменениям в регионе, которые продолжают развиваться по настоящее

Научная статья подготовлена в рамках гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2024 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества».

время, однако актуальность сохраняет вопрос о качестве данных изменений и об эффективности формируемой институциональной модели.

Методология и историография

Представленное исследование опирается на кроссдисциплинарный подход, включающий элементы нормативно-правового анализа и структурно-функционального подхода, а также неоинституционального подхода.

В рамках проведения исследования, авторами был привлечен широкий круг научных публикаций. В числе работ на русском языке следует выделить статьи В.Р. Филиппова [10], [11], [12], Ю. Бачили [1], исследовательской группы А.В. Коротаева[3].

Иностранные публикации представлены работами Ч. Перейры[21], Дж. Рукемы[22], А. Басиру и О. Осункойя[14], И. Нийитунги и А. Адунимая[20], а также Л. Ладо и Б. Глоде[18].

Отдельно следует обозначить и работы самих авторов исследования по рассматриваемой проблеме. В частности, авторы обращались к близкой проблематике в работах «Роль военной силы стран-членов ЭКОВАС в контексте противодействия последствиям военного переворота в Нигере (2023)» [5], «Развитие современных российско-африканских отношений» [6] и «Modern French policy on the African continent: transformations of a Françafrique model» [19].

Основание Альянса государств Сахеля (АГС)

16 сентября 2023 можно считать датой основания Альянса государств Сахеля. В этот день Нигер, Буркина-Фасо и Мали подписали «Хартию Липтако-Гурма», в соответствии с которой учредили Альянс государств Сахеля, АГС (Alliance des États du Sahel, AEC) «для создания архитектуры коллективной обороны и взаимопомощи на благо населения». По мнению лидеров стран, подписавших Хартию, «Альянс государств Сахеля будет представлять собой сочетание военных и экономических усилий трех стран, стремиться к созданию единой валюты Сахель, а также формированию единого экономического и валютного союза».

Хартия Липтако-Гурма является рамочным документом, обозначает возможный, но далеко не исчерпывающий перечень направлений совместной работы. Первая статья Хартии гласит о создании Альянса стран Сахеля. Статья 2 отмечает цель Альянса, которая заключается в создании коллективной обороны и взаимопомощи. Статья 3 гласит, что для полноценной работы Альянса необходимо в дальнейшем создание органов. Статья 4, на мой взгляд, дополняет основную цель и отмечает готовность борьбы с терроризмом и другими формами организованной преступности. Также как и статья четыре, статья 5 дополняет и поясняет главную цель Альянса. При этом, на мой взгляд данная статья является одной из самых значимых. Фактически статья гласит, что Альянс будет совместно работать по разрешению различных конфликтов и стараться делать это путем мирных средств и дипломатии, но при этом при необходимости допускается применение силы для урегулирования ситуации. Статья 6 содержит определение агрессии в сторону одной или нескольких сторон, при этом агрессия рассматривается в Альянсе как коллективная, даже, если нарушается целостность только одной из сторон. Статья 7 раскрывает определение агрессии. Статья 8 раскрывает обязанности сторон-участниц Альянса государств Сахеля.

Стороны обязуются:

- не осуществлять какую-либо угрозу, применение силы или агрессию друг против друга или против территориальной целостности или политической независимости любой Стороны;
- не блокировать порты, дороги, побережья или стратегические инфраструктуры Стороны вооруженными силами;
- не осуществлять нападения или агрессию с территории, предоставленной одной Стороной, против другой Стороны или третьих государств;
- не позволять вооруженным группам, нерегулярным вооруженным силам или наемникам с территории Стороны совершать нападения на страну, охватываемую настоящей Хартией.

Дальнейшие статьи Хартии (Статьи 9–17) несут общий характер и закрепляют статус данного документа[16].

Стоит отметить, что большая часть Хартии содержит вопросы обеспечения коллективной безопасности, при этом, нормативно-организационные вопросы, которые необходимы для нормального функционирования объединения, опускаются. Так, например, полностью отсутствуют формализированные механизмы урегулирования тех или иных споров внутри Хартии, отстранение или выход из Альянса и, конечно же, органы, которые обеспечивают работу и институализация (за исключением статья 3).

На январь 2025 года Альянс существует чуть меньше 1,5 лет. На мой взгляд, подводить какие-либо значимые итоги еще достаточно рано, но анализ промежуточных итогов поможет лучше понять направления работы объединения и предположить дальнейший вектор развития.

При анализе Хартии можно сделать вывод о характере союза. Говоря про цели и задачи трех стран-участниц, можно сделать вывод, что первоочередной задачей является объединение политическое, которое будет отвечать вопросам военным. По своим базовым характеристикам Альянса государств Сахеля – это военно-политический союз, его функции связаны с устранением угроз безопасности, стоящих перед тремя государствами-учредителями. В действительности же, само объединение стремиться выйти намного выше-сформировать уникальную региональную систему – Конфедерацию. В феврале 2024 года встреча министров в Уагадугу уже позволила пересмотреть Устав Альянса и разработать договор о создании Конфедерации, объединяющей эти три страны. Эксперты обсудили вопросы, представляющие общий интерес для народов трех государств, и выдвинули предложения по созданию эффективной институциональной архитектуры для ЕКА. Также было принято решение о подготовке дополнительного протокола о свободном передвижении товаров и граждан. Заметны определенные расхождения в трактовке содержания работы и результатов конференции. В частности, официальные источники Мали обтекаемо подчеркивали, что среди обсуждаемых вопросов были направления институционализации деятельности Альянса государств Сахеля. Стержневыми элементами дискуссии были предложения закрепить на постоянной основе проведение саммитов лидеров, встречи на уровне правительств и межпарламентские конференции, а также ротируемое между странами президентство в Альянсе, Буркинийские официальные источники описывали масштаб дискуссии иначе: стороны затрагивали вопросы изменения учредительной Хартии и проект Договора о конфедерации трёх государств. Текст этого договора действительно был разработан экспертами из трёх стран и поддержан переходным президентом Буркина-Фасо И. Траоре. Близкое к официальным властям издание Niger Express

отмечало, что каждая из стран выдвинула свои предложения – то есть единого подхода к формированию институтов Альянса до конференции выработано не было. Одобренная всеми сторонами институциональная архитектура была охарактеризована как «облегченная» [4].

Итогом в подготовке перехода к форме объединения в Конфедерацию стало 6 июля 2024 года, когда состоялся первый саммит Альянса сахельских государств в столице Нигера Ниамее. Этот исторический саммит, в котором приняли участие лидеры переходных периодов Мали, Буркина-Фасо и Нигера, призван воплотить в жизнь Конфедерацию сахельских государств (КСГ) – проект регионального сотрудничества, который укрепит автономию и жизнеспособность этих стран. Главная цель этого саммита – определить юридическую форму и порядок функционирования Конфедерации государств Сахеля[9]. В итоге, 6 июля военные лидеры Мали, Нигера и Буркина-Фасо подписали договор о создании Конфедерации государств Сахеля, или, точнее, «Конфедерации Альянс государств Сахеля» (АГС) – с сохранением аббревиатуры AES. Помимо этого, во время саммита Три лидера – полковник Ассими Гойта из Мали, капитан Ибрагим Траоре из Буркина-Фасо и генерал Абдурахамане Тиани из Нигера – также создали инвестиционный банк и стабилизационный фонд для конфедерации. В действительности, данные новые структуры смогут функционировать только при наполнении денежными средствами в существенном объеме. Но данный шаг показывает готовность к укреплению взаимоотношений и в финансовой сфере.

Также важно, что произошел фактически переход от Альянса к Конфедерации. Это позволит открыть более широкие возможности для сотрудничества. В ходе учредительного Саммита, кроме проблем безопасности и военного сотрудничества, обсуждалось также дальнейшее трехстороннее взаимодействие в социально-экономической сфере. То есть деятельность АГС предположительно будет включать создание новых объектов промышленности и расширение связей в таких сферах, как энергетика, финансы, здравоохранение, образование, сельское хозяйство, природопользование, добыча полезных ископаемых, транспорт, борьба с киберпреступностью и развитие ИКТ, спорт и обеспечение занятости[2]. Во многом, уже в первые месяцы 2025 года в рамках укрепления организационной структуры виднеются значимые подвижки. Так, например, 24 января 2025 года в Уагадугу председатель Национальной комиссии Конфедерации государств Сахелля Бассольма Базье официально назначил и ввел в должность вице-председателей этой важной институции.

Помимо этого, важно отметить тот факт, что трехсторонняя интеграция Буркина-Фасо, Мали и Нигера берет свое начало намного раньше. Движение в данном направлении началось почти сразу после обретения ими независимости, еще в 1970 г., когда по инициативе ООН был создан Орган по интегрированному развитию государств Липтако-Гурма. Орган по интегрированному развитию государств Липтако-Гурма изначально предназначался для коллективного освоения природных ресурсов и социально-экономического развития (в том числе с привлечением международных финансовых источников) только общего приграничного района Буркина-Фасо, Мали и Нигера – района Липтако-Гурма (отсюда название), но в XXI в. его деятельность была распространена на всю их территорию. При этом, после объединения в Альянс данный орган потерял свою явную значимость, поскольку функции и вопросы, который решал Орган, фактически перешли под Альянс[13].

Совместная работа Альянса в разных областях

Одним из главных вопросов для стран-членов является безопасность, что подчеркивается и в самой Хартии. Важнейшей является борьба с джихадистскими группировками, действующими в регионе. Для борьбы с этими угрозами 7 марта 2024 года были сформированы совместные силы. Объединение военных ресурсов и ресурсов безопасности имеет решающее значение для стабилизации этого региона, страдающего от насилия. Так, например, в конце июля силы Буркина-Фасо поддержали Мали в операции в районе Тинзауатина. Помимо этого по сообщения информационного портала Индепендент за первую половину 2024 г. число жертв радикальных исламистов в трех странах превысило три сотни, что намного больше, чем аналогичный период 2023 г. Помимо этого АГС также очень гордится вытеснением повстанцев из малийского города Кидаль в ноябре 2023 г.

Также, например, в январе 2025 года совместные силы Альянса государств Сахеля нанесли авиаудары по террористическим объектам и нейтрализовали около 30 боевиков. Была ликвидирована крупная логистическая база террористической организации в районе Газарагане, Нигер[15].

В действительности сама работа по борьбе с терроризмом, несомненно, ведется. Но про какие-то значимые результаты говорить сложно. Помимо этого, на мой взгляд, выход из Сахельской пятерки одновременно означает уменьшение финансирования, которое было направленно на борьбу с террористической угрозой и потерю сразу двух стран, с которыми проводились совместные операции по ликвидации угроз. Также данный фактор может означать потери для общей архитектуры безопасности в регионе.

При этом, принимая в учет, что сотрудничество с Чадом и Мавританией может вестись условно при использовании рамочных соглашений, то можно говорить о переформатировании формата Сахельской пятерки и смещение акцента на сотрудничество в странах с общим политическим направлением. Все это, несомненно, нацелено на преодоление собственных проблем без помощи западных и прозападных стран и западного финансирования.

Но также стоит отметить, что в самих странах Альянса государств Сахеля источники проблем в области безопасности в различны и надеяться на скорое преодоление угроз не стоит. При этом, на мой взгляд, становится очевидным, что борьба будет продолжаться вести с применением как единичных, так и совместных сил, также при участии сил стран-союзников, в том числе, при непосредственном обучении национальных армий Африки Российской Федерацией. Также важно отметить, что попытки совместных сил и операций чаще всего не выходят за приграничные зоны, то есть сами страны-участницы на своих территориях применяют исключительно свои собственные силы. Некоторым исключением стала совместная малийско-буркинийская операция (10 апреля 2024 г.) в департаменте Дуна (юго-западная часть Буркина-Фасо), в ходе которой дронами была уничтожена сравнительно крупная логистическая база террористов.

Также важно, что полный разрыв отношений в этой области со странами Западной Африки и странами-членами ЭКОВАС не произошел. Так, например, 30 августа 2024 г. Нигер и Нигерия подписали соглашение об укреплении сотрудничества в области безопасности[7]. По условиям соглашения Нигер, в частности, останется в составе возглавляемой Нигерией многонациональной объединенной оперативной группы по борьбе с «Боко Харам» в районе озера Чад. При этом, стоит

напомнить, что ранее, в декабре 2023 года Нигер расторгнул соглашения о безопасности с ЕС. Важно, что создание «Альянса государств Сахеля» привело фактически к разделению региона на два блока государств и существенно изменило баланс сил, поскольку между ЭКОВАС и Альянсом сохраняется военная напряженность и противостояние в экономической сфере. Стоит отметить, что уже после создания Альянса, президент комиссии ЭКОВАС Омар Алиу Турей во время отчета перед парламентом объединения заявил, что ЭКОВАС выделит Нигеру, Буркина-Фасо и Мали по 1,9 млн долларов на борьбу с терроризмом. Что показывает желание сохранить взаимовыгодные отношения регионального сообщества и стран-участниц Альянса.

Одним из самых главных решений начала 2025 года является запуск паспортов Конфедерации государств Сахеля. С 29 января на территории трех стран начали действовать новые паспорта. Этот шаг направлен на улучшение сотрудничества между Мали, Нигером и Буркина-Фасо, а также упрощение передвижения граждан на территории Конфедерации. При этом важно, что старые паспорта останутся действительными до окончания их срока, что обеспечит плавный переход[8]. Так, президент переходного периода Буркина-Фасо Ибрагим Траоре уже получил из рук министра безопасности новый биометрический паспорт.

Помимо этого, виднеется сотрудничество и по другим сферам. Например, активно проходит работа в цифровом пространстве. Так, например, были сделаны совместные шаги и в других областях. Так, например в сентябре 2024 г. Альянс заявил о запуске собственного веб-телеканала, где размещены видеоматериал АГС (репортажи, интервью, пресс-конференции. Также был создан отдельный сайт Альянса, на котором можно найти ключевые данные о АГС.

В частности, в ноябре 2023 г. министры финансов трех стран согласовали предложения по расширению экономического сотрудничества и по созданию комитета по подготовке предложений об общем валютном союзе. Лидер Нигера генерал А. Тчиани в интервью заявил, что «наш союз должен развиваться в политической и валютной сфере».

Также важно отметить, что совещание между странами проходит и по другим направлениям. Так, например, 18 октября 2024 года Ассими Гойта встретился с министрами торговли и промышленности Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Также важно, что идет активная работа по привлечению инвестиций. Так, с октября по декабрь планировалось привлечь на региональном рынке Западноафриканского экономического и валютного союза в общей сложности около 756 млн долларов за счет выпуска облигаций. Это в свою очередь, составляет 32% от общей суммы, которую планирует собрать страны сообщества к концу 2024 года.

Помимо этого, во время саммита в Нимее в июле 2024 года три лидера – полковник Ассими Гойта из Мали, капитан Ибрагим Траоре из Буркина-Фасо и генерал Абдурахамане Тиани из Нигера – также создали инвестиционный банк и стабилизационный фонд для конфедерации. В действительности, данные новые структуры смогут функционировать только при наполнении денежными средствами в существенном объеме. Но данный шаг показывает готовность к укреплению взаимоотношений и в финансовой сфере.

Вывод

Подводя итог 1 части статьи важно отметить, что промежуточный анализ образования и оценка совместной работы выявил как позитивные, так и неоднозначные характеристики Альянса. В первую очередь, важность представляет сам факт создания Альянса в крайне сложных политических и социально-экономических условиях. Его создание и существование на протяжении полутра лет демонстрирует общность интересов стран-участниц и единство вызовов экономики, политики и безопасности, которые перед ними стоят. В тоже время интенсивность развития института представляется достаточно низкой, что ставит под вопрос качественную характеристику процесса интеграции трех стран.

При этом, важно отметить, что вопрос недавно зародившегося объединения не может быть до конца изучен, а также является лишь оценкой первых полутора лет существования АГС, т.е. стартового этапа процесса интеграции, информация по которому крайне ограниченно раскрывается в пресс-релизах и выступлениях лидеров стран. Несмотря на это, одним из самых важных результатом, на наш взгляд, является образование во многом уникального как для Африки, так и для всего мира объединения в форме Конфедерации. Помимо этого, особая значимость находится в плоскости безопасности, что, несомненно, способствует нормализации ситуации как на территории трех стран-участниц, так и для всего Сахеля.

Дальнейшее развитие АГС является важнейшей для всего африканского континента и стран-бывших французских колоний. Важно, что образование объединения является значимым событием и ответом на действия сторонних стран, как Африки, так и стран-мировых держав.

Литература

1. Бачили Ю. Исторические перспективы взаимоотношений стран Сахеля с Францией и Россией// Журнал исторических исследований. Т. 9. № 3. 2024. С. 66–82.
2. Денисова Т., Костелянец С. Конфедерация государств Сахеля и дезинтеграция ЭКОВАС URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konfederatsiya-gosudarstv-sakhelya-i-dezintegratsiya-ekovas/ (дата обращения: 09.02.2025).
3. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Зинькина Ю.В. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе// История и современность. № 4 (50). 2023. С. 79–118.
4. Лошкарёв И.Д. Альянс государств Сахеля как «лаборатория» минилатерализма // Восток. № 5. 2024. С. 108–119.
5. Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Роль военной силы стран-членов ЭКОВАС в контексте противодействия последствиям военного переворота в Нигере (2023)//Теории и проблемы политических исследований. Т. 13. № 1–1. 2024. С. 71–79.
6. Медушевский Н.А., Ермакова А.Н. Развитие современных российско-африканских отношений// Теории и проблемы политических исследований. Т. 12. № 12А. 2023. С. 42–50.
7. Нигерия и Нигер подписали соглашение о сотрудничестве в области безопасности URL: https://afrinz.ru/2024/08/nigeriya-i-niger-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-oblasti-bezopasnosti/?ysclid=m6kobnp0iu787460986 (дата обращения: 11.02.2025).
8. Новые паспорта Конфедерации государств Сахеля скоро введут в обращение URL: https://rossaprimavera.ru/news/fff11edd (дата обращения: 07.02.2025).
9. Три африканские страны создали новый военный альянс URL: https://www.rbc.ru/politics/06/07/2024/

668980f29a794765daba4f98 (дата обращения: 11.02.2025).
10. Филиппов В.Р. Африканская политика Эммануэля Макрона//Ученые записки Института Африки РАН. № 1 (58). 2022. С. 31–48.
11. Филиппов В.Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года//Локус: люди, общество, культуры, смыслы. Т. 15. № 2. 2024. С. 147–170.
12. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? Азия и Африка сегодня. № 1. 2022. С. 40–47.
13. Четвериков А.О. Конфедерация государств Сахеля – новый интеграционный альянс стран «глобального Юга» (юридические аспекты) // Международное право. № 2. 2024.С. 16–39.
14. Basiru A.S., Osunkoya O.A., Adebayo T.I. ECOWAS and the 2016 Post-Election Crisis in the Gambia: Pax Africana or What?//The African Review: A Journal of African Politics, Development and International Affairs, Vol. 48, № 1. 2021. pp. 1–21.
15. Canta Mali victoria en operación conjunta de alianza militar URL: https://www.prensa-latina.cu/2025/01/29/canta-mali-victoria-en-operacion-conjunta-de-alianza-militar/ (дата обращения: 07.02.2025).
16. «Charter of Liptako-Gourma establishing the Alliance of Sahel states» URL https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl___-2.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
17. Communique conjoint du Burkina Faso, de la République du Mali et de la République du Niger: Les trois pays décident de leur retrait sans délai de la CEDEAO URL: https://www.lesahel.org/communique-conjoint-du-burkina-faso-de-la-republique-du-mali-et-de-la-republique-du-niger-les-trois-pays-decident-de-leur-retrait-sans-delai-de-la-cedeao/ (дата обращения: 17.02.2025).
18. Lado L., Glode B.O. Grassroots Perceptions of Islamic Extremism and Muslim-Christian Relations in Mali// Journal of Religion in Africa, Vol. 51, Fasc. ½. 2021. pp. 184–213.
19. Medushevsky A.N., Shishkina A. Modern French policy on the African continent: transformations of a Françafrique model//Journal of Asian and African Studies. T. 57. № 6. 2022. C. 1141.
20. Niyitunga E.B., Adunimay A.W. A Convoluted Post-Cold War World: Effects of Russo-Ukrainian War on Africa's International Relation// Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, № 2. 2023. pp. 61–83.
21. Pereira Ch. Africa's Natural Resources amid Old and New Imperial Relations: What Implications for Gender Justice?// Feminist Africa, Vol. 5, № 2, Rethinking African Feminisms in the "New" Normal. 2024. pp. 14–41.
22. Rukema J.R. Last Kicks of a Dying Horse: The Waning Influence of France in Africa// Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, № 2. 2023. pp. 7–26.

ANALYSIS OF THE INITIAL STAGE OF THE FORMATION OF THE ALLIANCE OF SAHEL STATES

Medushevsky N.A., Abramova A.A.
Russian State Humanitarian University, Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the reasons for the formation of the Alliance of Sahel States, the regulatory basis for the existence of the Alliance, and analyzes the joint work in various areas of the Alliance member countries (Mali, Burkina Faso, Niger). An attempt was made to identify the features that are laid down in the main document regulating the existence of the Alliance, as well as an attempt to assess both positive and negative events during the existence of the Alliance and its development into a Confederation. The study is based on a broad platform of modern scientific literature on the topic of research. As a methodological approach, a cross-disciplinary approach is used, including elements of normative-legal analysis and a structural-functional approach, as well as a neo-institutional approach. The process of formation of the Alliance and related political events is implemented within the framework of a chronological approach. The study seems important from the point of view of the development of modern political science, because the topic raised in it is directly related to the integration processes taking place in West Africa and is conditioned by the transformation of the world order, within the framework of which the influence of former metropolises, and in particular France, on African countries is decreasing, which opens up access to political and economic participation in the region for new players. In the region under study, such an actor is the Russian Federation, which is actively promoting the establishment of a new and effective security regime.

Keywords: Sahel States Alliance, terrorism, Islamism, ECOWAS, West Africa.

References

1. Bachili Yu. Historical Prospects of Relations between the Sahel Countries with France and Russia// Journal of Historical Research. Vol. 9. No. 3. 2024. Pp. 66–82.
2. Denisova T., Kostelyanets S. Confederation of Sahel States and the Disintegration of ECOWAS URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konfederatsiya-gosudarstv-sakhelya-i-dezintegratsiya-ekovas/ (date of access: 09.02.2025).
3. Korotaev A.V., Isaev L.M., Zinkina Yu.V. New Wave of Revolutions in the Middle East and North Africa in a Global Perspective// History and Modernity. No. 4 (50). 2023. P. 79–118.
4. Loshkarev I.D. The Sahel Alliance as a "laboratory" of minilateralism // Vostok. No. 5. 2024. P. 108–119.
5. Medushevsky N.A., Abramova A.A. The role of military force of ECOWAS member countries in the context of counteracting the consequences of the military coup in Niger (2023) // Theories and Problems of Political Research. Vol. 13. No. 1–1. 2024. P. 71–79.
6. Medushevsky N.A., Ermakova A.N. Development of modern Russian-African relations // Theories and Problems of Political Research. Vol. 12. No. 12A. 2023. P. 42–50.
7. Nigeria and Niger signed an agreement on cooperation in the field of security URL: https://afrinz.ru/2024/08/nigeriya-i-niger-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-oblasti-bezopasnosti/?ysclid=m6kobnp0iu787460986 (date of access: 11.02.2025).
8. New passports of the Confederation of Sahel States will soon be put into circulation URL: https://rossaprimavera.ru/news/fff11edd (date of access: 07.02.2025).
9. Three African countries have created a new military alliance URL: https://www.rbc.ru/politics/06/07/2024/668980f29a794765daba4f98 (date of access: 11.02.2025).
10. Filippov VR African policy of Emmanuel Macron// Scientific notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. No. 1 (58). 2022. Pp. 31–48.
11. Filippov VR Crisis in Niger: Causes and consequences of the military coup of 2023// Locus: people, society, cultures, meanings. Vol. 15. No. 2. 2024. Pp. 147–170.
12. Filippov VR Operation "Dune": an inglorious end? Asia and Africa today. No. 1. 2022. P. 40–47.
13. Chetverikov A.O. The Confederation of Sahel States – a new integration alliance of the countries of the "global South" (legal aspects) // International Law. No. 2. 2024. P. 16–39.
14. Basiru A.S., Osunkoya O.A., Adebayo T.I. ECOWAS and the 2016 Post-Election Crisis in the Gambia: Pax Africana or What?//The African Review: A Journal of African Politics, Development and International Affairs, Vol. 48, No. 1. 2021. pp. 1–21.
15. Canta Mali Victoria en operación conjunta de alianza militar URL: https://www.prensa-latina.cu/2025/01/29/canta-mali-victoria-en-operacion-conjunta-de-alianza-militar/ (access date: 02/07/2025).
16. "Charter of Liptako-Gourma establishing the Alliance of Sahel states" URL https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl___-2.pdf (access date: 02/15/2025).

17. Communique conjoint du Burkina Faso, de la République du Mali et de la République du Niger: Les trois pays décident de leur retrait sans délai de la CEDEAO URL: https://www.lesahel.org/communique-conjoint-du-burkina-faso-de-la-republique-du-mali-et-de-la-republique-du-niger-les-trois-pays-decident-de-leur-retrait-sans-delai-de-la-cedeao/ (accessed 17.02.2025).
18. Lado L., Glode B.O. Grassroots Perceptions of Islamic Extremism and Muslim-Christian Relations in Mali//Journal of Religion in Africa, Vol. 51, Fasc. ½. 2021. pp. 184–213.
19. Medushevsky A.N., Shishkina A. Modern French policy on the African continent: transformations of a Françafrique model//Journal of Asian and African Studies. T. 57. No. 6. 2022. P. 1141.
20. Niyitunga E.B., Adunimay A.W. A Convoluted Post-Cold War World: Effects of Russo-Ukrainian War on Africa's International Relation // Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 61–83.
21. Pereira Ch. Africa's Natural Resources amid Old and New Imperial Relations: What Implications for Gender Justice? // Feminist Africa, Vol. 5, No. 2, Rethinking African Feminisms in the "New" Normal. 2024. pp. 14–41.
22. Rukema J.R. Last Kicks of a Dying Horse: The Waning Influence of France in Africa // Journal of African Foreign Affairs, Vol. 10, No. 2. 2023. pp. 7–26.

Использование искусственного интеллекта в международных отношениях – будущее или реальность?

Мокрова Екатерина Марковна,
к.п.н., доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России
E-mail: ek.m.mokrova@my.mgimo.ru

История развития искусственного интеллекта прослеживается с древних времен, когда изучалась психология человеческого мышления, до создания первых вычислительных приборов в XIX в. и появления самого термина «искусственный интеллект» в середине XX в. В первой четверти XXI в. развитие компьютерных технологий достигло небывалых высот, а применение искусственного интеллекта стало возможным не только в стратегических и оборонных отраслях государств, что являлось особенностью первоначального использования искусственного интеллекта, но и в образовательной, коммерческой, социальной, культурной, медицинской и других сферах жизнедеятельности общества. Тема исследования влияния искусственного интеллекта на международные отношения является актуальной для современного дискурса международных отношений. Объектом исследования автора является искусственный интеллект и использование инструментов искусственного интеллекта в международных отношениях. В статье автор использует историко-ретроспективный анализ мирового развития и разработки технологий искусственного интеллекта, системный метод обзора периодических изданий и научной литературы. Рассмотрев ретроспективно историю создания технологии искусственного интеллекта, автор изучает применение методов искусственного интеллекта в современных международных отношениях, выделяет ключевые приоритетные направления в этой области, а также рассматривает потенциальные угрозы использования искусственного интеллекта на международной арене в рамках сотрудничества или противостояния государств. Развитие технологий искусственного интеллекта является приоритетным для большинства развитых государств мира – инвестиции в технологические отрасли осуществляются на государственном уровне и являются стратегическими для большинства ведущих мировых держав. Автор приходит к выводу о том, что разработка технологий искусственного интеллекта станет определяющим фактором лидерства на международной арене в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международные отношения, нейросети, информационно-компьютерные технологии, наука о данных, большие данные, программы искусственного интеллекта, обучение, национальная безопасность, международная безопасность, угрозы международной безопасности, технологический прогресс, развитие технологий.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) – относительно новая отрасль науки, включающая в себя такие сферы как математика, логика, статистика, нейро- и информационно-компьютерные технологии. Интеллект, которым обладает человек, определяется как способность к рациональному мышлению, целеполаганию и достижению поставленных задач, а также успешному преодолению трудностей.

В ходе эволюции человеческие существа научились решать проблемы, принимать решения, а также адаптироваться к различным жизненным ситуациям. Цель ИИ – наделить всеми этими способностями компьютер. ИИ анализирует большие базы данных, коррелирует связи на основе начальной информации и изображений, формирует модели развития, прогнозирует результаты и т.д. – все эти процессы осуществляются с фантастической скоростью, свойственной компьютеру.

Историю развития ИИ можно разделить на два этапа: первый – теоретические попытки изучения психологии человеческого мышления, начавшиеся еще во времена древнегреческих философов, второй – попытки создания цифровых вычислительных машин (устройства В. Шикарда, Б. Паскаля, Г. Лейбница, придумавшего двоичные коды, XVI в.; внедрение перфокарт в XIX веке, первые программируемые вычислительные аппарата Ч. Бэббиджа и А. Лавлейса). В XX в. многие теоретические работы исследователей в области психологии и интеллекта были посвящены логическим исчислениям и нейронным сетям (У. МакКаллок, У. Питтс, Д. Хебб и Ф. Розенблатт, Д.А. Поспелов).

Впервые термин ИИ использовал на конференции в Стэндфордском Университете США в 1956 г. Д. Маккарти, предложивший провести эксперимент, вошедший в историю как Дартмундский семинар, в Дартмундском колледже Университета, «целью которого стало научить машины формировать концепты, абстрактно мыслить и решать задачи, подвластные людям» [3, с. 20]. В ходе двухмесячного эксперимента, спонсором которого стал фонд Д. Рокфеллера, одиннадцать молодых ученых-математиков начали первые разработки ИИ [21]. В дальнейшем Д. Маккарти создал первый язык программирования для ИИ (LISP), первую систему анализа данных (Advice Taker), позже создал первую компьютерную сеть на базе Массачусетского Технологического Института. Вершиной деятельности и исследований Д. Маккарти стало открытие лаборатории ИИ в Стэндфордском университете в 1965 г. [3, с. 21]. До сих пор эта лаборатория является одним из ведущих центров разработки ИИ в мире, а достижения ученого заложили основы современных языков программирования и вычислений.

Разрабатывались технологии ИИ и в СССР, также в шестидесятые годы прошлого века. На базе академии наук СССР в Зеленограде начинается строительство наукограда, где планировалось создание базы для новейших многофункциональных вычислительных комплексов для разработки военных и гражданских технологий. В 1962 г. в Зеленограде открылся Научно-исследовательский институт физических проблем (НИИФП), в котором ученые-физики, программисты, биоло-

ги, нейрохирурги занимались проблемой создания нейронных сетей для ПРО и глубинного обучения нейронных сетей [22].

В конце 90-х гг. XX в. программисты-разработчики пришли к выводу, что для более успешной работы ИИ необходимо отказаться от программирования действий, а позволить системе самостоятельно ИЗУЧАТЬ, РАЗВИВАТЬ и АНАЛИЗИРОВАТЬ полученные данные. В дальнейшем к вышеперечисленным возможностям ИИ добавилась способность ОБУЧАТЬ.

Считается, что в конечном итоге технологии ИИ превзойдут человека по способностям и возможностям [19].

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования является ИИ и применение технологий ИИ в международных отношениях на современном этапе развития человечества. Автором проводится историко-ретроспективный анализ мирового развития и разработки технологий ИИ, благодаря методу системного обзора периодических изданий и научной литературы, автор оценивает использование ИИ в современной системе международных отношений, выявляет угрозы, связанные с применением технологий ИИ в международной сфере, формулирует выводы и прогнозы развития ИИ в данной области.

Результаты и их обсуждение

Исследования в области ИИ получили второе рождение с развитием компьютерных технологий – ИИ стал применяться в огромном количестве областей – от стратегических игр, например шахмат, до проектов первых беспилотных автомобилей. Благодаря способности ИИ генерировать огромное количество информации создаются новые методы воздействия и влияния на сознание человека. По некоторым прогнозам, к середине XXI в., ИИ будет лучше человека выполнять такие задачи как перевод, в том числе и художественной литературы, сможет заменить человека при дальних грузоперевозках и даже проводить медицинское хирургическое вмешательство [20].

К 30-м годам XXI в. по прогнозу компании МкКинзи [19] около 800 млн человек потеряют рабочие места из-за того, что их функции начнут выполнять роботы. Рекордное развитие технологий с одной стороны способствовало колоссальному прорыву человечества во многих областях, а с другой – принесло новые трудности людям. Например, бурное развитие социальных медиа и криптовалютных технологий привело к фактическому отсутствию контроля за ними. Область ИИ давно превзошла шаблонные картинки роботов, выполняющих домашнюю работу и помогающих в быту. Распространение этой сферы подобно электрическим сетям и применимо практически в любой области человеческой деятельности [18].

Хотя технологии ИИ стали развиваться со второй половины XX в., 2023 г. стал рубежным в частотности применений ИИ технологий в сфере международных отношений, управления и деятельности регулирующих органов и организаций. Использование ИИ повлекло необходимость модификации правовой, технической базы, а также вызвало ряд вопросов этического характера [15].

Ключевыми направлениями развития ИИ стали – обработка больших данных (Big data analysis) в рамках развития науки о данных (Data Science) и обработка естественного языка (Natural language processing) в рамках математической лингвистики. Сбор больших данных происходит в социальных сетях, онлайн платформах и прочих компьютерных сетях.

Также в рамках программ ИИ происходит обучение (осуществляемое благодаря специальному программному обеспечению и языкам программирования), которое разделяют на ряд этапов – контролируемое обучение (supervised learning), неконтролируемое обучение – без учителя (unsupervised learning), обучение с частичным привлечением учителя (semi-supervised learning), обучение с поддержкой (reinforcement learning), и глубинное изучение (deep learning), осуществляемое при помощи математических алгоритмов (нейронные сети, дерево принятия решений, линейные регрессии и др.) [2, с. 46]. Таким образом, для функционирования современной системы ИИ необходим первоначальный набор данных (dataset), сети для их передачи и программное обеспечение для обработки информации. ИИ также используется для моделирования анализа, помощи в принятии решений, выполнения других прикладных задач при использовании алгоритмов функционирования человека – ощущения, восприятия, внимания, памяти, речи [2, с. 47].

Д. Эйзенхауэр однажды сказал, что, если международное сообщество не научится взаимодействовать друг с другом, оно перестанет существовать [16]. Сложно не согласиться с этим утверждением, особенно если учесть исторический опыт противостояния времен Холодной войны и современное антироссийское агрессивное поведение западных государств, наличие различных очагов напряженности на Ближнем Востоке, Африке и других регионах мира. Разрушение, уязвимость, преддверие катастрофы – подобные настроения царят в мире. Некоторые исследователи, как например Т.А. Гришанина [4, с. 12], рассматривают ИИ как важнейшую технологию, применяемую в XXI в. и влияющую на все сферы жизни, в том числе и международные отношения.

Какова же роль ИИ в международных отношениях? В рамках неореалистической парадигмы ИИ рассматривается как потенциальная угроза и фактор изменения баланса сил (использование ИИ в цифровых войнах и т.д.). С точки зрения неолиберального подхода, использование ИИ будет иметь положительный эффект в международных отношениях, особенно за счет действий большого количества негосударственных акторов, несмотря на различные частные негативные факторы.

Например, наиболее резонансным случаем использования полученной информации стала работа центра Кэмбридж Аналитика (Camridge Analytika) при проведении предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г. и компании по выходу Великобритании из ЕС (Брексит), данные об избирателях использовались без их ведома и письменного согласия на персональную обработку информации [14, с. 126]. Системы обработки естественного языка в основном связаны с поиском информации в сети, переводами и генерированием информации на заданную тему, это боты, которые используются во многих сферах человеческой деятельности.

На национальном уровне многие государства, такие как США, КНР, РФ принимают стратегии развития ИИ. Большинству руководителей мира очевидно, что будущее лидерство будет зависеть от использования передовых технологий ИИ.

В 2017 г. в одном из вступлений Президент России В.В. Путин заявил, что мир будет контролировать та держава, которой будет подвластен контроль ИИ [7]. Поскольку данный тезис разделяет большинство руководителей государств, такая сфера как использование ИИ в международных отношениях становится критически важной.

В 2012 г. В.В. Путин отметил [9] необходимость развития цифровой дипломатии и приоритезации данного направления в качестве инструмента мягкой силы рос-

сийской дипломатии. Именно в этот период дипломаты посольств РФ в зарубежных странах, представители центрального аппарата МИД РФ стали использовать социальные сети для освещения своей деятельности и обратной связи с соотечественниками, нуждающимися в консультации и предоставлении помощи.

Указом Президента [1] от 10.10.2019 была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., в соответствии с которой происходит государственное финансирование отрасли и развитие рынка ИИ.

Цифровая дипломатия также является важнейшей отраслью использования ИИ, появилось даже понятие дипломатия данных. В дипломатии ИИ используется для анализа текущей ситуации, прогноза развития, моделирования переговорного процесса. Но следует отметить, что в рамках текущей международной обстановки ИИ используется как оружие, а не инструмент сотрудничества государств.

Применение технологий ИИ и внедрение их в государственные и международные процессы на ежедневной основе являются приоритетным направлением, принятым ООН в рамках целей устойчивого развития тысячелетия и приоритета 2030.

Одним из ключевых направлений внедрения ИИ в международные отношения является обеспечение транспарентности процессов, связанных с использованием этих технологий. Это непростая задача прежде всего потому, что среди технологий использования ИИ в международных отношениях можно выделить несколько типов программ: прогнозирование (как правило историко-ретроспективное), аналитика и генерирование вариантов решения каких-либо вопросов, действий или даже новых данных (контента). Для контроля над данными системами ИИ необходимо соблюдение прозрачности этих систем [12, с. 45]. Кроме того, немаловажным фактором развития ИИ технологий является открытый и равноправный обмен данными между государствами в той или иной области исследования – экономической, финансовой, культурной, гуманитарной сферах, медицине и т.д.

Вопросы использования и применения ИИ в международных отношениях становятся предметом изучения все большего количества специалистов. Среди сфер использования ИИ в международных отношениях выделяют – вопросы баланса сил/сдерживания; дезинформацию и пропаганду; управление и принятие решений и, наконец, этические рамки использования ИИ [10, с. 70].

Использование ИИ в качестве инструмента поддержания баланса сил подразумевает влияние ИИ на применение военных технологий и использования военной мощи как на региональном уровне, так и в мировом масштабе. ИИ выполняет функцию агрегатора влияния в военной области для государства, обладающего достаточным потенциалом. Данный фактор влияния в свою очередь расширяет горизонты воздействия государства уже на международном, экономическом уровнях, не считая военного.

Создание генеративных моделей ИИ (например, чата GPT) усилило дискуссии о применении ИИ в международных отношениях, в частности в проблематике стратегической безопасности, рисков, связанных с применением ИИ и этических норм. Таким образом произошло расширение использования ИИ в международных отношениях – от узко военных сфер до более всеобъемлющих и широких, что расширило и проблематику применения ИИ в международных отношениях, вызвав широкие дискуссии по этому вопросу среди научного и международного сообществ.

В военной области ИИ не только используется в сфере новых форм вооружения, но и для анализа данных, проектирования различных сценариев, логистике, управлении и командовании, обучению и т.д. В этом ключе, будущее развитие ИИ в области поддержания баланса сил имеет тенденцию к дестабилизации международной обстановки и усилению расслоения мирового сообщества как в экономической, так и в политических серах, а также усилению гонки вооружений и влияния технического лобби на формирование мировой повестки дня. Борьба за влияние на международной арене станет более агрессивной и потенциально взрывоопасной.

Если рассматривать применение ИИ в области управления, то прежде всего, специалистов, занимающихся данной проблематикой, волнует кодификации применения технологий ИИ и контроль за ними на международном уровне. В настоящий момент большинство нормативных документов носят рекомендательных характер, приняты на уровне той или иной международной организации или структуры ООН.

Наиболее дискуссионной сферой применения ИИ является область пропаганды или дезинформации, использование ложной информации (deepfake), регионального и международного характера. Данная отрасль неизменно связана с технологиями когнитивных и гибридных войн.

Важнейшей сферой, связанной с применением ИИ является, безусловно, морально-этические аспекты. Особенно актуальными вопрос этики и морали становятся в ходе военных конфликтов и соблюдение норм международного права и ответственности в случае применения ИИ [8, с. 390]. Рассмотрим сферу дипломатии, являющуюся неотъемлемой частью международного взаимодействия государств. Применение технологий ИИ не только автоматизирует такие процессы как сбор и анализ информации, но и улучшает стратегические разработки в рамках функционирования МИД государств. Применение технологий перевода (программы “Start-up Nation», например) [10, с. 72] позволяет автоматически переводить выступления политических лидеров на несколько языков одновременно без использования человеческого фактора.

В российской дипломатии также применяются системы автоматического анализа и поиска подтверждений относительно «громких» видео, аудио и текстовых материалов в рамках программ «Антифейк», для быстрого дипломатического реагирования на провокации в социальных сетях, интернете и т.п.

Среди негативного аспекта использования ИИ в дипломатии следует отметить использование этих технологий для сбора разведданных спецслужбами (запуск спутников и дронов-шпионов, взлом баз данных, утечки цифровой информации и многие другие методы).

Важно также анализировать и угрозы, связанные с применением ИИ в международных отношениях. Например, может возникнуть структурный дисбаланс системы международных отношений и снижение ее устойчивости из-за попытки взять под контроль процессы цифровизации и роста инвестиций в сферу технологий, то вызовет конкурентную борьбу на международном рынке технологий и услуг [6]. Следует также отметить, что ИИ способствует экономическому росту государств, стимулирует развитие наукоемких отраслей экономики и проведение цифровизации общества. Но при развитии ИИ усиливается дисбаланс в технологиях и инфраструктуре цифровых объектов между развитыми и развивающимися государствами, сокращается число рабочих мест и т.д.

Среди угроз, которые вызывает применение ИИ в международных отношениях, можно выделить и угрозы международной безопасности, связанные с применением ИИ в так называемой области глубокой фальсификации данных – (deepfake), т.е. создание новостей, вирусных видео, аудио и др. форматов провокационного содержания с целью распространения ложной информации или компрометирования того или иного политического деятеля, компании, и даже всего государства.

Данные технологии не только затрагивают этические нормы поведения, но и могут нанести фактический урон образу того или иного государства, компании, что может привести к различным негативным сценариям – от аргументации начала военных действий, необходимости смены власти и режима, до менее существенных, но не менее экономически затратных репутационных издержек.

С использованием технологий дипфейков тесно связаны юридические нюансы нарушения персональных данных, клевета и т.д. таким образом, одной из важнейших задач для международного сообщества в ближайшем будущем станет решение правового регулирования использования ИИ технологий на международном уровне и ответственность за применение данных методов.

Опасность распространения ИИ технологий заключается в том, что из-за утечки данных мошенники, злоумышленники, террористы могут использовать технологии ИИ в противоправных целях. Существует такое понятие как «ценностное перепрограммирование ИИ», которое может носить и отрицательный, антиправительственный характер с целью манипуляций массами.

Немаловажной угрозой международной безопасности станет использование ИИ в военных конфликтах, что влечет за собой целый ряд мер в области обеспечения стратегической безопасности государств. Например, использование беспилотных средств в военных конфликтах, контроль за действиями которых осуществляется ИИ поднимает такие вопросы как вопросы человечности и морали в ходе ведения военных действий, соблюдения норм международного права и, в конечном итоге, ОТВЕТСТВЕННОСТИ за принимаемые решения, а также противоправные действия и несоблюдение прав человека, правомочности нанесения ударов и т.д.

Заключение (выводы)

Таким образом, применение ИИ в международных отношениях неизбежно, но влечет за собой решение целого ряда вопросов и проработки юридическо-правовой базы использования и применения ИИ технологий. В сфере международных отношений ИИ может применятся для анализа, прогнозирования сценариев развития событий, таким образом выполнять функции консультанта для принимающих решения политических лидеров или дипломатических ведомств. Считается, что ИИ в рамках международных отношений будет все более востребован в сфере дипломатических отношений и институтов.

Применение ИИ в военной сфере позволили некоторым ученым говорить о новом этапе гибридных и когнитивных войн, возвестив начало так называемой эры нового поколения дронов, начала войны интеллектов и т.д. Речь идет о применении нейротехнологий, воздействующих на сознание человека, замедляющих процессы когнитивного восприятия реальности и делая мозг человека фактически подконтрольным и управляемым. На настоящий момент не существует сбалансированных и четких прогнозов влияния ИИ на международные отношения и человечество в целом.

Интересный прогноз развития применения ИИ в международных отношениях сделали латиноамериканские политологи О. Грандос и Н. Лапенья: [10, с. 73] по их мнению, благодаря технологиям ИИ могут нарушиться традиционные взаимоотношения стран центра (экономической и политической силы) и периферии, т.к., вне зависимости от экономических факторов развития, применение ИИ технологий уравняет их с лидерами.

По мнению авторов, систему международных отношений ждут тектонические изменения, т.к. для достижения влияния на международном уровне государствам более не потребуется приоритет экономического роста и развития, что будет способствовать инвестициям в военную отрасль, а следовательно, и росту влияния в международных отношениях в рамках парадигмы жесткой силы, при этом, развитие технологий станет ключом и залогом успеха на международной арене [13].

Таким образом, технологии становятся ключевым инструментом достижения целей на международной арене. Поскольку система ИИ непосредственно связана с технологиями общих целей (General Purpose Technologies), то можно рассматривать ИИ как концепт, находящийся над понятиями власти, экономического влияния, военной мощи, бизнеса, управления т.е. традиционных инструментов влияния.

Однако, несмотря на отрицание авторами данной концепции экономических факторов влияния, и утверждений о том, что ИИ носит преобладающий характер над традиционными методами воздействия, сами же авторы замечают, что для государств, неспособных инвестировать в развитие технологий и ИИ, отставание от лидирующих государств в этой области будет определяющим.

Применение ИИ прежде всего может быть выгодно для государств благодаря «массовости использования», например применение дронов на территории соседнего государства не требует введения войск, делая возможным точечные удары по вражеским объектам; а использование видеоконтроля граждан помогает бороться с мелкими правонарушениями.

Конкуренция в сфере ИИ крайне высока и технологии, разрабатываемые различными компаниями и государствами, относятся к категории национальной безопасности [5, с. 172]. Для активного внедрения ИИ требуется высокий уровень цифровой инфраструктуры, а, следовательно, в гонке за технологии ИИ соревнуются развитые государства, оставляя далеко позади своих развивающихся соперников.

Основная борьба, несомненно, разворачивается между технологиями США и КНР. У обеих стран существует достаточно развитая инфраструктура для использования технологий ИИ, а также огромный бюджет для развития новых. С точки зрения международных отношений данная расстановка сил на технологическом уровне может привести к формированию цифровой биполярной системы противостояния Восточных и Западных ценностей и технологий ИИ, что невольно напоминает времена Холодной войны.

Военная и экономическая мощь США, растущее экономическое влияние КНР, являющейся центром мирового промышленного производства большинства товаров, уже вынуждает большинство развивающихся государств считаться с мнением двух стран на мировой арене. Если же два государства достигнут технологического отрыва в ИИ, то мировое неравенство и разделение по принципу Запад-Восток усилится, что вернет мировое сообщество в середину XX в. Впрочем, лидерство КНР в области ИИ может усилить напряженность и в рамках Восточного мира – например обострить конфликт с Индией, которой до настоящего момента удавалось сдерживать соседа за счет паритета военной мощи.

С развитием ИИ многие фундаментальные процессы международных отношений видоизменились: технологии ИИ используются в военной сфере в качестве инструмента противостояния агрессивным действиям со стороны соседних государств (подобные системы реагирования, например установлены Южной Кореей на границе с Северной Кореей). Изменение военной парадигмы исторически всегда оказывало влияние на систему международных отношений, некоторые исследователи даже сопоставляют мощь владения передовыми технологиями ИИ с обладанием ядерным оружием – наличие данных технологий в арсенале государства делает его автоматически ценным игроком в мире.

Использование ИИ в системах спецслужб и разведки выводит данные технологии на абсолютно новый уровень влияния: распространение пропаганды, ложных новостей, и агитационных кампаний, направленных на очернение недружественных государств, взлом и контроль систем наблюдения в масштабах целого государства с целью дестабилизации остановки – все это неполный перечень влияния использования ИИ.

Модели ИИ могут использоваться в качестве симуляторов процесса принятия решений, прогнозирования той или иной политической ситуации и сценариев как на уровне спецслужб, так и в дипломатической сфере, для анализа возможных вариантов развития событий и составления прогнозов, влияющих, в конечном итоге, на стратегию внешней политики.

Вопрос применения ИИ становится дискуссионным, даже спорным, в области международных отношений и данная тема является приоритетной на форумах ООН. Большое количество академических исследований посвящается этому вопросу. Ряд ученых [11, с. 254] придерживается точки зрения, что ИИ – лишь новая ступень в развитии человечества, наряду с ростом использования персональных компьютеров, интернета, электронных устройств и т.д. Следовательно, вопросы, связанные с соблюдением неприкосновенности частной жизни при применении этих технологий, а также использование персональных данных и их утечка, злоупотребление и кража персональной информации и юридическая ответственность – дублируются при применении ИИ. Тем не менее, при использовании технологий глубинного обмана (deepfake), человеку могут приписать действия, которые он не совершал, что способно стать инструментом воздействия как на общественное мнение, так и шантажа известных политических фигур.

Других исследователей беспокоит проблема ИИ, связанная с экономической плоскостью [17, с. 63]: внедрение современных технологий в промышленное производство механизирует производственные процессы и неизбежно приведет к сокращению рабочих мест как в области высоких технологий, так и в сфере услуг. Кроме того, если учесть, что первенство по развитию ИИ сейчас у развитых экономических держав, в скором будущем с учетом новых технологий и неизбежных выгод применения ИИ в промышленности, экономический разрыв между развитыми и развивающимися державами усилится, что, безусловно, не сможет не отразиться на международной ситуации в целом.

Таким образом, риторика научного дискурса в области применения технологий ИИ в международных отношениях носит рациональный, даже структурно-реалистский характер, что еще раз подтверждает нестабильность и уязвимость текущей ситуации и расстановки сил в мире.

Большинство дебатов вокруг применения ИИ в МО сводится к международно-правовому регулированию, вызывают обеспокоенность вопросы, связанные с этическими нормами, контролем и ответственностью, а также стратегическим влиянием ИИ на международную стабильность в целом. Рост использования технологий ИИ на международном уровне и усиление глобальной взаимозависимости государств от применения этих технологий, неизбежно приведет к далеко идущим последствиям применения ИИ, будут определяющими в экономике, технологической конкуренции и лидерстве, геополитическом и военном влиянии. Безусловно такие сферы как военно-промышленный комплекс и дипломатия, управление и экономика претерпят существенные изменения в ближайшем будущем.

Определенно, что развитие ИИ технологий (в том числе технологий анализа и сбора данных) будет оказывать определяющий фактор воздействия на систему международных отношений в ближайшем будущем. Безусловным будет и рост влияния технологических корпораций. Таким образом, развитие технологий ИИ будет иметь комплексное воздействие на все сферы жизни – экономику, управление, но определяющим будет влияние ИИ на систему международных отношений.

Говоря о будущем ИИ не стоит забывать, что значительный прогресс в этих технологиях был совершен за два первых десятилетия XXI в., когда от управления стратегическими играми (шахматами) технологии ИИ перешли к вождению беспилотными автомобилями, самолетами и проч. Если развитие технологий сохранит современные темпы, то вопрос применения ИИ будут актуальны в международной повестке дня как минимум ближайшие 50 лет.

Развитие ИИ – неизбежный технологический процесс, развитие ИИ сложно прогнозировать, но безусловно, что влияние ИИ на международные отношения будет приравнено к развитию ядерных технологий, разработке космических исследований. Страны-лидеры технологий ИИ будут диктовать международную повестку дня.

Литература

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000 (дата обращения: 23.01.2025).
2. Бурынин С.С., Понятие и структура искусственного интеллекта. Lus publicum ed privatum – сетевой научно -практический журнал частного и публичного права. 2021. № 2(12), С. 45–50. DOI 10.46741/2713–2811–2021–45–50. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravojournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/212_Бурынин-С.С..pdf (дата обращения: 23.01.2025).
3. Дубовская Н.П., Зарождение и золотой век искусственного интеллекта – Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 20–22.
4. Гришанина Т.А., Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, “Political Science. History. International Relations» Series, 2021, no. 4, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18 ISSN 2073-6339 С. 11–18.
5. Клюева Н.Ю., Этическая экспертиза технологий искусственного интеллекта и робототехники. Философская аналитика цифровой эпохи: Сбор. науч. статей / Отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 164–174.
6. Коробков А.Д., Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения. Вестник МГИМО-Университета. [Электронный ресурс]. –

URL: https://doi.org/10.24833/2071–8160–2021-olf1 (дата обращения: 08.01.2025).
7. Метцель М., Путин: лидер по созданию искусственного интеллекта станет властелином мира. ИА ТАСС. 01.09.2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4524746 (дата обращения: 28.01.2025).
8. Сёрл Дж.Р., Сознание, мозг и программы. Аналитическая философия: становление и развитие / отв. ред. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 377–400.
9. Черненко Е. Россия направляет посольства в Twitter. Коммерсант 16.07.2012 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1981536 (дата обращения: 28.01.2025).
10. Bode, I., AI Technologies and International Relations: Do We Need New Analytical Frameworks? The RUSI Journal, 169(5), 66–74. 29.08.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.1080/03071847.2024.2392394 (дата обращения: 23.01.2025).
11. Bostrom N., Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies, Oxford University Press, Oxford, UK., 2014, 328 P.
12. Collins R. The End of Middle-Class Work: No More Escapes. In Does capitalism have a future? (pp. 39–51). – New York, NY: Oxford University Press, 2014.
13. Granados O., la Peña N., Artificial Intelligence and International System Structure. Revista Brasileira de Política Internacional, vol. 64, no. 1, e003, 2021, Centro de Estudos Globais da Universidade de Brasília. [Электронный ресурс]. – URL: DOI: 10.1590/0034-7329202100103 (дата обращения: 28.01.2025).
14. Katz Ya., Artificial Whiteness: Politics and Ideology in Artificial Intelligence. Columbia University Press, 2020, 352 P.
15. Krisnata R. Artificial Intelligence and International Affairs, Australian Institute of International Affairs 27.07.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/artificial-intelligence-and-international-affairs/ (дата обращения: 08.01.2025).
16. Marwala T. AI and International Relations – a Whole New Minefield to Navigate 23.11.2023. UNU INSIGHTS Newsletter. [Электронный ресурс]. – URL: https://unu.edu/article/ai-and-international-relations-whole-new-minefield-navigate (дата обращения: 28.01.2025).
17. Nye J., Deterrence and Dissuasion in Cyberspace. International Security. 41(3), 2017. P. 44–71.
18. Artificial intelligence and the future of international relations. Institute for Political and International Studies, 19.07. 2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ipis.ir/en/newsview/722508/artificial-intelligence-and-the-future-of-international-relations (дата обращения: 18.01.2025).
19. Artificial Intelligence And International Relations Center for Human Security Studies 20.01.2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://chss.org.in/artificial-intelligence-and-international-relations/ (дата обращения: 28.01.2025).
20. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Роль и значение искусственного интеллекта в международных отношениях. 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.unesco.rea.ru/?news=роль-и-значение-искусственного-интел (дата обращения: 26.01.2025).
21. ГК ITGLOBAL.COM. Джон Маккарти: открытия и наследие создателя термина «Искусственный интеллект». 13.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/741006/ (дата обращения: 26.01.2025).
22. Российская Академия Наук. Искусственный интеллект, СССР, 1960-е. 09.08.2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=7ae0a379-d552–44b5–892c-d5633f255b-f6&print=1 (дата обращения: 29.01.2025).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL RELATIONS – FUTURE OR REALITY?

Mokrova E.M.
MGIMO University

The 21st century witnesses unprecedented growth and development of information-communication and computer technologies with Artificial Intelligence implementation being possible not only in traditional military and defense spheres of the state, but also in educational, commercial, social, cultural, medical and many others. The author makes a retrospective historical analysis of Artificial Intelligence development and studies Artificial Intelligence methods applications in the sphere of modern international relations, identifying key priorities of Artificial Intelligence in the realm of international relations development. Potential threats of Artificial Intelligence use in the system of international relations are being considered in the article from the perspective of cooperation and competition among the states. Artificial Intelligence technological development is pivotal and of a great strategical importance for major developed countries with investments in the sphere being funded on a governmental level. The author concludes that Artificial Intelligence technological development will determine international leadership in coming decades.

Keywords: artificial intelligence, international relations, neural network, information and communication technologies, computer technologies, data science, deep learning, deep fake, big data, AI programs, national security, education, learning, international security threats, technological progress, technological development.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” [Electronic resource]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000 (date of access: 23.01.2025).
2. Burynin S.S., Concept and structure of artificial intelligence. Lus publicum ed privatum – online scientific and practical journal of private and public law. 2021. No. 2 (12), pp. 45–50. DOI 10.46741 / 2713–2811–2021–45–50. [Electronic resource]. – URL: http://pravojournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/212_Буринин-С.С..pdf (date of access: 23.01.2025).
3. Dubovskaya N.P., The Birth and Golden Age of Artificial Intelligence – Young Scientist. 2017. No. 49 (183). P. 20–22.
4. Grishanina T.A., Artificial Intelligence in International Relations: Role and Directions of Research Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, “Political Science. History. International Relations” Series, 2021, no. 4, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18 ISSN 2073-6339 P. 11–18.
5. Klyueva N.Yu., Ethical Expertise of Artificial Intelligence and Robotics Technologies. Philosophical Analytics of the Digital Age: Collection of Scientific Articles / Ed. L.V. Shipovalova, S.I. Dudnik. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2020. P. 164–174.
6. Korobkov A.D., The Impact of Artificial Intelligence Technologies on International Relations. Bulletin of MGIMO University. [Electronic resource]. – URL: https://doi.org/10.24833/2071–8160–2021-olf1 (date of access: 08.01.2025).
7. Metzel M., Putin: the leader in the creation of artificial intelligence will become the ruler of the world. IA TASS. 01.09.2017. [Electronic resource]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4524746 (date of access: 28.01.2025).
8. Searle J.R., Consciousness, brain and programs. Analytical philosophy: formation and development / ed. A.F. Gryaznov. Moscow: House of Intellectual Books: Progress-Tradition, 1998. Pp. 377–400.
9. Chernenko E. Russia sends embassies to Twitter. Kommersant 16.07.2012 [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1981536 (date of access: 28.01.2025).

10. Bode, I., AI Technologies and International Relations: Do We Need New Analytical Frameworks? The RUSI Journal, 169(5), 66–74. 29.08.2024. [Electronic resource]. – URL: https://doi.org/10.1080/03071847.2024.2392394 (date of access: 23.01.2025).
11. Bostrom N., Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies, Oxford University Press, Oxford, UK., 2014, 328 P.
12. Collins R. The End of Middle-Class Work: No More Escapes. In Does capitalism have a future? (pp. 39–51). – New York, NY: Oxford University Press, 2014.
13. Granados O., la Peña N., Artificial Intelligence and International System Structure. Revista Brasileira de Política Internacional, vol. 64, no. 1, e003, 2021, Centro de Estudos Globais da Universidade de Brasília. [Electronic resource]. – URL: DOI: 10.1590/0034-7329202100103 (accessed: 28.01.2025).
14. Katz Ya., Artificial Whiteness: Politics and Ideology in Artificial Intelligence. Columbia University Press, 2020, 352 P.
15. Krisnata R. Artificial Intelligence and International Affairs, Australian Institute of International Affairs 27.07.2023. [Electronic resource]. – URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/artificial-intelligence-and-international-affairs/ (accessed: 08.01.2025).
16. Marwala T. AI and International Relations – a Whole New Minefield to Navigate 23.11.2023. UNU INSIGHTS Newsletter. [Electronic resource]. – URL: https://unu.edu/article/ai-and-international-relations-whole-new-minefield-navigate (date of access: 28.01.2025).
17. Nye J., Deterrence and Dissuasion in Cyberspace. International Security. 41(3), 2017. P. 44–71.
18. Artificial intelligence and the future of international relations. Institute for Political and International Studies, 19.07. 2023 [Electronic resource]. – URL: https://www.ipis.ir/en/newsview/722508/artificial-intelligence-and-the-future-of-international-relations (date of access: 18.01.2025).
19. Artificial Intelligence And International Relations Center for Human Security Studies 20.01.2025 [Electronic resource]. – URL: https://chss.org.in/artificial-intelligence-and-international-relations/ (date of access: 28.01.2025).
20. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics”. The Role and Significance of Artificial Intelligence in International Relations. 2023. [Electronic resource]. – URL: https://ru.unesco.rea.ru/?news=роль-и-знание-искусственный-интел (date of access: 26.01.2025).
21. ITGLOBAL.COM Group. John McCarthy: discoveries and legacy of the creator of the term “Artificial Intelligence”. 13.06.2023. [Electronic resource]. – URL: https://habr.com/ru/companies/itglobalcom/articles/741006/ (date of access: 26.01.2025).
22. Russian Academy of Sciences. Artificial Intelligence, USSR, 1960s. 09.08.2018. [Electronic resource]. – URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=7ae0a379-d552–44b5–892c-d5633f255bf6&print=1 (date of access: 29.01.2025).

Культурная дипломатия Китая в России: символическое конструирование через традиционные праздники и нематериальное наследие

Цао Юаньюань,
аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, РУДН (Российский университет дружбы народов)
E-mail: 1042245058@pfur.ru

Китай активно продвигает свои культурные символы в российском обществе. Китайская культура является привлекательной, а ее символика – узнаваемой. Интеграция китайской культуры в российское общество началась еще в петровские времена. Одним из символов китайской культуры стала чайная церемония, воспринятая и преобразованная в России в соответствии с русскими национальными традициями. В настоящее время узнаваемыми символами Китая в России являются китайские праздники, китайская кухня, а также китайская философия, прежде всего – конфуцианство.

Ключевые слова: Россия, Китай, культура, традиции, символика, праздники, философия.

Символика активно используется для международного представления государств и наций. Каждая культура имеет свои символы, обладающие глубоким смыслом, которые могут быть понятны только в контексте этой культуры. Об этом говорит теория культурных символов – концепция в культурологии, рассматривающая культуру как многоаспектную и многоуровневую систему, развитие которой осуществляется семиотическими механизмами. Эти механизмы, в свою очередь, включают в себя знаки, символы и тексты, порождаемые культурой, сохраняемые и передаваемые будущим поколениям [15]. Культурные символы представляют собой определенные знаки, понятные сообществу определенной культуры. Они могут быть самыми разнообразными – от слов, текстов и мелодий и до природных явлений, от философских концепций и до архитектурных шедевров. Главное, чтобы для людей определенной культуры они несли четкую смысловую нагрузку. Например, для Франции символами являются Марсельеза, фригийский колпак, собор Парижской Богоматери, Триумфальная арка и т.д. Культурный символ – это индикатор, определяющий принадлежность использующего его индивида к определенной культуре.

В символе по мере исторического процесса происходит аккумуляция значений. Если в одной исторической эпохе символ означал какие-то определенные вещи, то по мере смены исторических декораций в нем может возникнуть новое смысловое наполнение, сплетающееся с прежними значениями, поддерживающее и развивающее национальную культуру [15].

С помощью символов передаются глубокие смыслы, идеи и послания. Символами могут быть предметы, действия, характеристики, идеи, концепции, которые имеют значение в рамках определенной культуры или религии. Используя и продвигая свои символы за рубежом, государства способны передавать сложные идеи и эмоции простым и наглядным способом [3].

Символизм играет важную роль в продвижении национальных культур и традиций по всему миру. В качестве символов используются самые разнообразные материальные и нематериальные объекты – от предметов религиозного культа до философских систем, от художественных произведений до подарков и праздников [5].

Китай в современной внешней политике Российской Федерации занимает весьма важное место. Связи с Китаем для России стали особенно важными в 2022 году, когда Россия потеряла партнерские отношения с развитыми странами Запада и утратила возможность продавать нефть и газ на европейском рынке. С тех пор двустороннее сотрудничество становится все более тесным, каждый год увеличивается товарооборот между странами. Приобретая российские природные ресурсы, Китай поставляет в Россию автомобили, электронику и предметы широкого спроса. Сейчас отношения между странами представляют собой «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие». В этой связи между КНР и РФ происходит интенсивный культурный обмен [4].

Китай поставил стратегическую задачу активного продвижения своей культуры и ценностей по всему ми-

ру для создания в глазах мировой общественности позитивного образа страны. Слишком долго международный образ Китая был скорее угрожающим, чем привлекательным. По мере модернизации и гуманизации страны, после наступления XXI века, китайское руководство задумалось о том, что необходимо продвигать на международной арене свою культуру в положительном ключе. Китайский руководитель Ху Цзиньтао в 2007 году поставил задачу: развитие и популяризация национальной культуры внутри страны и ее международное продвижение. Это произошло на Семнадцатом съезде Компартии. Лидер Китая определил национальную культуру как главный источник, из которого проистекает социальная сплоченность и творческая активность китайского народа. Именно тогда впервые прозвучал лозунг «Китайская культура – часть «мягкой силы» Поднебесной». Данная концепция стала частью национальной стратегии Китая как внутри страны, так и в международных делах [4].

«Экспорт» китайской культуры способствовал существенному росту интереса к Китаю, прежде всего, на Западе. Снижение конфронтации, взаимный культурный обмен – все это помогло созданию позитивных условий для продвижения Китая на международной арене. «Мягкая сила» олицетворяет культурную мощь страны [4].

Культура рассматривается Китаем как важный инструмент создания позитивного образа своего государства. Китайцы посредством культурных обменов надеются убедить мир в том, что являются цивилизованной, ответственной и надежной нацией [1].

Лидеры современного Китая прекрасно осознают, что политическая практика внутри страны может напугать и оттолкнуть, а не привлечь иностранные государства. Нынешняя политическая система Китая может быть проблемой с точки зрения восприятия иностранцами, но существует мнение, что историю и культуру страны можно показать с привлекательной стороны. История Китая во второй половине XX века была весьма непростой – ужасы «культурной революции» с ее хунвейбинами, кровавое подавление протестов демократической молодежи на площади Тяньаньмэнь – все эти трагические эпизоды существенно повредили международному имиджу страны. Современный Китай стремится показать свои интересные и привлекательные стороны, которые могут стать ключом к развитию «культурной мягкой силы» [4].

Действующий руководитель Китая Си Цзиньпин часто использует термин «культурная мягкая сила». В частности, он говорит о том, что для создания прочной основы для культурной мягкой силы страны Китаю необходимо углубить реформу своей культурной системы, продвигать основные социалистические ценности и развивать культурную индустрию [4].

Преодоление разрыва между самооценкой Китая и тем, как его воспринимают за рубежом, стало важнейшим смыслом существования китайской публичной дипломатии. Данная тенденция особенно усилилась в 2008 году после успешного проведения Китаем Олимпийских игр в Пекине. В 2009 году китайское правительство решило ускорить реализацию инициативы по интернационализации средств массовой информации, объявив о выделении сектору финансирования в размере около 6 миллиардов долларов США [4].

В России происходит все более интенсивное внедрение китайских культурных символов в праздничную и повседневную жизнь населения. Китайская культура богата традициями, основана на глубокой философии и развивается много веков, трансформируясь под действием разнообразных влияний. Мировоззрение китайцев как нации основано на конфуцианстве, даосизме и буддизме, взаимосвязи всего сущего [16].

Китайская культура с давних пор символически присутствует в российской обществе. Живой интерес к Китаю и его культуре возник в России еще в эпоху Петра I, когда между двумя странами были установлены дипломатические и экономические отношения. Символом китайской культуры в России стал китайский чай – необыкновенный, новый для русских напиток, привезенный из далекой страны. По мере роста популярности чая в России начала складываться культура его употребления – «чайная культура». Исторически родиной мировой чайной культуры является Китай, поэтому чайная культура России и китайская чайная культура имеют много общего [19].

Китайская чайная церемония – это не просто ритуал распития напитков; это преобразующий опыт, который соединяет участников с сутью самой жизни. Занимаясь питьем чая как торжественной церемонией, люди могут развить осознанность, спокойствие и более глубокое понимание красоты природы и искусства заваривания чая. Это напоминание о том, что нужно не торопиться, присутствовать в настоящем моменте и находить умиротворение в простом процессе чаепития [9].

Китайское чаепитие несет в себе целую систему символов и наполнено значимыми ритуалами. Одной из ключевых концепций, рассматриваемых в этой церемонии, является баланс Инь-Ян. Инь и Ян олицетворяют противоположные силы во Вселенной, причем Инь символизирует женственность, тьму и луну, а Ян – мужественность, свет и солнце. Эта концепция очевидна в чайной церемонии, где баланс между двумя силами (чайными листьями и кипящей водой) стремится создать гармонию и единство [2].

Чайная церемония Гунфу, традиционный китайский способ заваривания чая, также имеет символическое значение. Точные и продуманные движения, используемые во время церемонии, отражают изящество, гармонию и взаимосвязь всего сущего. Каждый жест и действие во время церемонии выполняются с намерением и осознанностью, подчеркивая важность полного присутствия в данный момент. Каждый элемент чайной церемонии несет в себе свое символическое значение, отражая культурные ценности и верования. В чайной церемонии концепция Инь-Ян воплощается через баланс между вкусами, ароматами и температурой чая. Считается, что этот баланс создает гармоничный опыт, который питает как тело, так и дух [9].

Понимая символическое значение китайской чайной церемонии, можно глубже понять культурное богатство и философию, стоящие за этой древней практикой. Церемония позволяет соприкоснуться с мудростью предков и обрести моменты тишины и умиротворения. Символизм чайной церемонии служит напоминанием о том, что нужно не торопиться и наслаждаться простыми радостями, которые может предложить жизнь.

Одним из ключевых аспектов китайской чайной церемонии является ее ориентация на общение. Участвуя в ритуале, участники получают напоминание о важности общения с самим собой, другими людьми и миром природы. Это служит напоминанием о том, что нужно не торопиться и ценить красоту природы, искусство заваривания чая и важность межличностных отношений [18].

В русской традиции употребления чая было воспроизведено многое от китайской чайной церемонии. Традиционно в России чаепитие представляло собой неспешное, спокойное, созерцательное времяпрепровождение. Отличием от китайской чайной церемонии было обилие разнообразных сопутствующих угощений – от десертов до острых закусок. Коммуникационное значение чаепития в России, воспринятое от китайской чайной церемо-

нии, было весьма значимым. Чайные разговоры, чайная беседа – все это стало неотъемлемой частью чайной культуры в Российской империи [18].

Культура чаепития в дореволюционной России была настолько развита, что имел место целый ряд «чайных субкультур»: дворянской, купеческой, мещанской, простонародной. Для купцов было характерно во время чаепития предлагать разнообразные угощения в большом объеме, а мещанские чаепития отличались «культурной программой». Мещанские чайные вечера способствовали зарождению специфического музыкального жанра – русского городского романса. В XIX веке в городском обществе широкое распространение получили такие символы Китая, как «китайские фонарики», «китайские веера», «китайские ширмы» [18].

Однако в настоящее время, когда чай производится уже не только в Китае, русская чайная культура в значительной степени утратила свои «китайские» корни.

После революции 1917 года и китайских внутриполитических трансформаций 20-х годов XX века установились отношения между Коммунистической партией СССР и Компартией Китая. Помощь СССР, в том числе – военная поддержка во время сражений Народно-освободительной армии Китая с Квантунской армией, помогла китайским коммунистам победить Гоминьдан и вытеснить его с материка.

В довоенном СССР возник интерес к Китаю как возможному «соратнику» в строительстве социализма и коммунизма. Это отразилось на культурном взаимодействии между двумя странами: начали формироваться китайские коллекции Эрмитажа, Кунсткамеры и прочих петербургских музеев. Были организованы гастроли китайских артистов, так, в 1935 году состоялись гастроли китайского деятеля традиционного театра Мэй Ланьфана в Советский Союз. Проходили выставки китайского искусства. Перед самой войной, в январе 1940 года в Государственном музее восточных культур в Москве открылась большая выставка «Искусство Китая» [10].

Активно переводились произведения китайских литераторов. В этот период в Советском Союзе издавались переводы произведений китайских литераторов Тянь Цзюня, Сяо Саня (Эми Сяо), Мао Дуня и других [5].

После того, как в 1949 году Мао Цзэдун провозгласил создание Китайской Народной Республики, в отношениях между СССР и Китаем начался короткий период полного взаимопонимания, во время которого советская пропаганда взяла на вооружение лозунг «Русский с китайцем – братья навек». В 1950-е годы китайская культура активно пропагандировалась в СССР. Советские зрители получали представление о Китае не только через средства массовой информации и научные публикации, но и благодаря гастролям китайских оперных театров в Советский Союз. Например, на московской сцене были поставлены два исторических спектакля – «Пролитая чаша» и «Цюй Юань». Также в этот период в Советском Союзе знакомились с творчеством китайских писателей и поэтов: Лу Синя, Чжао Шули, Цао Мин, Хуан Ай, Ай Цин, Тянь Цзянь, Эми Сяо и других. За период 1946–1960 годов в Советском Союзе в переводе на русский язык и 50 других языков народов СССР было выпущено в свет 976 книг китайских авторов общим тиражом около 43 млн экземпляров [10].

Однако на рубеже 50-х – 60-х годов XX века, во время «оттепели» в СССР, отношения с Китаем резко обострились. Охлаждение продолжалось до самой смерти Мао в 1976 году и прихода к власти Хуа Гофэна, который начал рыночные реформы в стране.

В 80-е годы XX века в СССР начали появляться китайские товары, возобновился интерес к китайской культуре. Именно тогда население стало массово интересоваться такими темами, как «китайский зодиак», «китайские гороскопы», даосизм, конфуцианство. В 90-е годы интерес к Китаю увеличивался пропорционально объему разнообразных китайских товаров, которые буквально хлынули из Поднебесной на нищий рынок постсоветской России. Именно тогда сформировался устойчивый интерес к таким китайским символам, как праздники [2].

История Китая насчитывает тысячи лет, и национальные праздники символизируют культурное богатство Китая, где многовековые традиции воплощаются в самобытных торжествах. Ключевым элементом продвижения китайской культуры по всему миру является, безусловно, китайский Новый год, или Праздник весны. Этот праздник знаменует начало лунного календаря и считается самым отмечаемым праздником. Этот праздник принято отмечать фейерверками. Семьи собираются вместе на праздничные застолья, а улицы украшают красные фонарики, символизирующие удачу [1].

В России прекрасно знакомы с символикой этого праздника. Россияне знают, что даты празднования меняются, поскольку китайский календарь является лунным. Также нашим соотечественникам хорошо известен так называемый «китайский зодиак». Это традиционная китайская схема летосчисления, в которой каждый год имеет знак с определёнными животным и присущими им стихиями в 12-летнем цикле [17]. Россиян не смущает даже то, что новогодние праздники в Китае не совпадают с российским календарем, и Новый год наступает на месяц или два позже.

Эта китайская символика настолько прочно интегрирована в массовое сознание граждан России, что, например, в декабре 2024 – январе 2025 гг. многие дарили друг другу сувениры и открытки с изображением «Зеленой деревянной змеи» (таков символ 2025 года в китайском календаре). Символика этого знака года заключается в мудрости, здоровье и гармонии. Змея, прокладывающая свои норы под землей, символизирует собой тайное познание, мудрость, связь с миром мертвых. Зеленый – цвет здоровья и силы, молодости и энергии. Дерево означает плодородие, баланс, органичное развитие.

Новогодние китайские фонарики символизируют освещение будущего и изгнание тьмы и злых духов, свет, радость и процветание. Фонари развешивают в домах, на улицах и в общественных местах, чтобы создать праздничную атмосферу. На фестивалях фонарей проводятся сложные демонстрации фонарей и световые мероприятия, во время которых люди наслаждаются красотой подсвеченных фонарей и участвуют в общественных торжествах. Китайские фонарики – один из любимых и узнаваемых праздничных символов в современной России [1]. Фонарики являются символами торжества добра над злом, сил света над силами тьмы, они выступают в качестве благословения супружеских союзов. Важную роль играет цвет фонариков: красный цвет означает богатство, желтый – удачу, зеленый цвет символизирует здоровье.

Важным инструментом продвижения китайской культуры в России стала китайская кухня. Эта кухня достаточно специфична и своеобразна, и многие ее элементы для человека русской культуры являются чрезмерно экзотическими. Однако есть целый ряд блюд китайской кухни, которые стали весьма популярными у россиян и прочно ассоциируются с Китаем. Обладая долгой историей, уникальными особенностями, многочисленными стилями и изысканной кухней, китайская кухня является одной из важных составляющих китайской культуры. Китайские традиционные блюда славятся своим

цветом, ароматом, вкусом, значением и внешним видом. Так, настоящими амбассадорами китайской кухни в России стали китайская лапша фунчоза, утка по-пекински, соевый творог тофу [7]. Начало продвижению китайской кухни в России положили китайские предприниматели, которые в девяностых и нулевых годах активно открывали заведения общественного питания на российской Дальнем Востоке. Кафе и рестораны китайской кухни оказались настолько успешными, что идею начали развивать и отечественные бизнесмены, и сейчас заведения с китайскими блюдами есть в каждом регионе России. Свою роль сыграли и фестивали китайской еды, которые Китай проводит в нашей стране регулярно. Так, в начале февраля 2025 года в Санкт-Петербурге прошёл фестиваль «Нихао, Шифу!», посвящённый китайскому Новому году. Местом проведения стало пространство «Цех» в «Севкабель Порту» на Васильевском острове. В сентябре 2024 года также в Санкт-Петербурге состоялся фестиваль китайской национальной еды и культуры в честь традиционного праздника середины осени Чжунцюцзе [13].

Если говорить о нематериальном наследии, обладающем существенным культурным потенциалом в России, то это, безусловно, философия конфуцианства, которая на сегодняшний день является наиболее влиятельным из трех основных направлений китайской философии и столпов китайской культуры (наряду с буддизмом и даосизмом).

Конфуцианство состоит из 5 основных идей, которые определяют и направляют человеческие взаимоотношения, и названа в честь Конгфудзи (произносится «конг-фу-дзи», латинизировано как Конфуций), ученого и чиновника 5 века до нашей эры. Учения Конфуция были записаны много лет спустя после его смерти и собраны в книге под названием «Аналекты» [8].

Конфуций учит, что вся человеческая жизнь протекает в рамках системы взаимоотношений. В рамках каждого из этих отношений у человека есть обязанности. Например, подданные обязаны преданно подчиняться своему лидеру, в то время как лидеры обязаны защищать своих подданных и не злоупотреблять их доверием. Каждая из связей предполагает свой собственный набор обязанностей. Подобно многим философам и религиозным мыслителям, Конфуций верит, что этику можно свести к правилу «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» Это правило следует понимать в терминах конфуцианской иерархии: если ты царь, ты должен быть таким, каким хотел бы быть, если бы ты был простолюдином; если ты муж, ты должен быть таким мужем, какого хотел бы иметь, если бы был на месте своей жены.

Конфуцианство и даосизм в разные периоды истории вступали в противоречие. Как правило, конфуцианские реформаторы стремились обновить и секуляризовать традиционные даосские практики, которые включают поклонение сверхъестественным богам. По сравнению с даосизмом, который включает в себя всевозможные ритуалы и традиционных богов, конфуцианство придерживается более рационального, но более узкого подхода; в то время как конфуцианство подчеркивает долг, послушание и иерархию, даосизм высоко ценит свободу, равенство, естественную жизнь и мистицизм. Кроме того, конфуцианство и даосизм фокусируются на разных вопросах: конфуцианство фокусируется на этике и политике, в то время как даосская философия задает много метафизических вопросов (вопросов о природе реальности). Книга «Лунь юй» – это один из важнейших классических конфуцианских трудов – представляет символ китайской культуры и китайский способ позиционирования личности [8]. Переводы и исследования русских китаеведов оказали положительное влияние на распространение конфуцианства, а также китайской традиционной мысли и культуры в России [8].

Далее в таблице 1 представлена краткая хронология трансформации символов китайской культуры в России начиная с XVII века и до наших дней.

Таблица 1. Изменения символов китайской культуры в России

Период	Главные символы китайской культуры в России
XVII–XVIII века	Китайский чай, некоторые элементы китайской чайной церемонии
XIX век	Чайная культура, сформированная на основе китайской, материальные артефакты – зонтики, фонарики, ширмы и т.д.
20-е – 40-е годы XX века	Активный культурный обмен, китайское искусство, литература, драматургия
80-е годы XX века	Возникновение интереса населения к китайским праздникам и традициям, философии и культуре
90-е годы XX века	Массовый интерес к китайским праздникам, китайской кухне, конфуцианству и даосизму
XXI век	Китайские праздники и материальные артефакты стали частью городской культуры в России, стабильно высокий интерес к китайской философии

Таким образом, в России наблюдается активная деятельность Китая по продвижению китайской национальной культуры. Самобытная и оригинальная китайская культура является привлекательной для россиян, и многие китайские культурные символы положительно восприняты в российском обществе.

Литература

1. Ван Шо. Трансляция традиционной китайской культуры в философию новой эпохи. Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 3. С. 40–54
2. Го Ю. Праздничная культура Китая: символические составляющие //Культура и цивилизация. 2020. № . 1–2. С. 30–46.
3. Гуревич Л.С. Семиотические проблемы интерпретации культурного кода: трансляция и инференция ценностно-мотивационных смыслов //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № . 12 (893). – С. 148–153.
4. Дорожкова С. А., Кучинская Т.Н. Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая //Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации. Материалы конференции. М., 2016. С. 72–80.
5. Крылова М.Н. Символика Китая в современной русской литературе //Критика и семиотика. 2016. № . 1. С. 227–235.
6. Кушнаренко М.А. Роль Китая в процессах культурной глобализации // Россия и регионы мира: реглобализация. Материалы конференции. М., 2023. С. 38–39.
7. Ли Сяотао. Национальная кухня Китая как культурный код. Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (9). С. 228–237

8. Ли Юйхань Межкультурная интерпретация классики: перевод и распространение «Лунь Юй» в России. Мир науки, культуры, образования. 2022.
9. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 482 с.
10. Маркина К.Л. Контрастивный подход к описанию национально-культурной символики России и Китая в контексте межкультурной коммуникации. Дисс. … канд. культурологии. М., 2008. 240 с.
11. Махортова О. В., Мордовина Л.В. Особенности символики и знаковости Китая //Аналитика культурологии. 2021. № . 19. С. 137–139.
12. Нестерова О.А. Стереотипы взаимного восприятия в современной межкультурной коммуникации России и Китая. Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № . 551. С. 134–153.
13. Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI веке. Власть. 2023. № 9. С. 79–88.
14. Старых Т.П. Взаимодействие культур и проблема идентичности (на примере России и Китая) //30 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации. Материалы конференции. М.: 2021. С. 279–282.
15. Флиер А.Я. О природе культурного символа. Вестник МГУКИ, 2020. «11. С. 88–96
16. Цзин В. Растения как национально-культурные символы Китая. Библиотека БГЭУ. 2024. С. 17–21
17. Цзинцзин Цзинь. Историко-символическое представление Китая в русской культуре: на материале печатных СМИ. Известия РГПУ. 2020. № 11. С. 29–36
18. Ци Ч. Культурный смысл традиционных китайских праздников //Современная Азия: политика, экономика, общество № 3, 2024. – 2024. – Т. 3. – № . 4. – С. 56–60.
19. Чэнь Синь/ Сравнительное исследование чайной культуры России и Китая. Universum: филология и искусствоведение. 2024. № 6 (120). С. 13–22

CHINA'S CULTURAL DIPLOMACY IN RUSSIA: SYMBOLIC CONSTRUCTION THROUGH TRADITIONAL FESTIVALS AND INTANGIBLE HERITAGE

Cao Yuanyuan
RUDN (Peoples' Friendship University of Russia)

China actively promotes its cultural symbols in Russian society. Chinese culture is attractive, and its symbols are recognizable. The integration of Chinese culture into Russian society began in the times of Peter the Great. One of the symbols of Chinese culture was the tea ceremony, adopted and transformed in Russia in accordance with Russian national traditions. Currently, recognizable symbols of China in Russia are Chinese holidays, Chinese cuisine, and Chinese philosophy, primarily Confucianism.

Keywords: Russia, China, culture, traditions, symbols, holidays, philosophy.

References

1. Van sho. Broadcast of traditional Chinese culture in the philosophy of the new era. Ideas and ideals. 2022. T.14. No. 3. S. 40–54
2. Ga Yu. Festive culture of China: symbolic components // Culture and civilization. 2020. No. 1–2. S. 30–46.
3. Gurevich L.S. Semiotic problems of the interpretation of cultural code: broadcasting and incorporation of value-motivational meanings // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2024. – No.. 12 (893). -S. 148–153.
4. Dorozhkova S.A., Kuchinskaya T.N. Cultural brands as an instrument of "soft power" of China // Actual problems of the development of China in the process of its regionalization and globalization. Conference materials. M., 2016. S. 72–80.
5. Krylova M.N. The symbolism of China in modern Russian literature // Criticism and Semiotics. 2016. No. 1. S. 227–235.
6. Kushnarenko M.A. The role of China in the processes of cultural globalization // Russia and the regions of the world: Relobalization. Conference materials. M., 2023. S. 38–39.
7. Lee Xiaotao. Chinese national cuisine as a cultural code. Verkhnevolzhsky philological messenger. 2022. No. 2 (9). S. 228–237
8. Lee Yuikhan intercultural interpretation of the classics: translation and distribution "Lun Yu" in Russia. The world of science, culture, education. 2022.
9. Malyavin V.V. Chinese civilization. M.: Astrel, 2000. 482 p.
10. Markina K.L. A contrasting approach to the description of the national-cultural symbols of Russia and China in the context of intercultural communication. Diss. … Cand. cultural studies. M., 2008. 240 p.
11. Makhortova O.V., Mordovina L.V. Features of the symbols and symbols of China // Analytics of cultural studies. 2021. No. 19. S. 137–139.
12. Nesterova O.A. Stereotypes of mutual perception in modern intercultural communication of Russia and China. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2020. No. 551. S. 134–153.
13. Ryasnov I.A. Cultural cooperation of Russia and China in the XXI century. Power. 2023. No. 9. S. 79–88.
14. Old T.P. The interaction of cultures and the problem of identity (for the example of Russia and China) // 30 years of post -Soviet Russia: crisis phenomena and modernization mechanisms. Conference materials. M.: 2021. S. 279–282.
15. Flier A. Ya. About the nature of the cultural symbol. Bulletin of Moscow State University, 2020. "11. S. 88–96
16. Jing V. Plants as the national-cultural symbols of China. BGEU library. 2024. P. 17–21
17. Jingzin Jin. The historical and symbolic representation of China in Russian culture: on the material of the print media. Izvestia of the RSPU. 2020. No. 11. S. 29–36
18. C. Cultural meaning of traditional Chinese holidays // Modern Asia: politics, economics, society No. 3, 2024. – 2024. – T. 3. – No.. 4.-S. 56–60.
19. Chen Xin/ Comparative study of the tea culture of Russia and China. Universum: Philology and art history. 2024. No. 6 (120). S. 13–22

Второе пришествие Дональда Трампа и его влияние на американо-германские отношения

Юдин Никита Олегович,
к.п.н., старший преподаватель кафедры немецкого языка,
МГИМО МИД России
E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

Анн-Кристин Иверсен,
кандидат культурологии, независимый исследователь,
журналист Russia Today
E-mail: ak.iwersen@yahoo.de

Целью данной статьи является прогнозирование перспектив американо-германских отношений в контексте изменения приоритетов внешней политики, связанных с избранием Дональда Трампа президентом США в 2024 году. За четыре года, пока Трамп не был у власти, геополитическая тектоника мира кардинально изменилась и в новой политической реальности отношения между США и Германией неизбежно претерпят трансформацию.
Методологической основой данной статьи является прогностический анализ внешнеполитической ситуации, которая формируется в пространстве глобальной мировой политики, и которая будет определять характер взаимоотношений Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германии в краткосрочной перспективе. В качестве методологической основы написания статьи были использованы методы анализа экспертных мнений, политической ситуации, метод обобщения полученной информации и формулирования выводов. Результатом исследования стало утверждение о том, что внешнеполитический курс США в отношениях с Германией связан с обращением Дональда Трампа к внешнеполитической концепции “Realpolitik”, которая направлена на обеспечение геополитических и национальных интересов США, при частичном игнорировании аналогичных интересов Германии.
Сделан вывод о том, что германо-американские отношения в ближайшие четыре года будут сложными из-за диаметрально противоположных политических интересов администрации Трампа II и вероятного нового правительства Германии после федеральных выборов 23 февраля. В этой связи второй президентский срок Трампа, безусловно, может спровоцировать цепную реакцию, способную привести к политическим изменениям в Германии и Европе.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Германия, Дональд Трамп, американо-германские отношения, концепция “Realpolitik”, геополитические и национальные интересы, международные конфликты.

Relevance of the study. With the beginning of Donald Trump’s second presidency, US-German relations have found themselves in a state of uncertainty. A crisis in these relations had already taken place during Trump’s first legislative period (2017–2021).

The crisis has now spread to the transatlantic relations that Trump had previously criticized. These relations are now being tested again: after all, the establishment that Trump is confronting is not just a national one – he is confronting a global establishment that is firmly rooted in the economic, political, media and cultural life of the entire ideological core of the West, reflecting the content of the 2030 Agenda and the ideas of the World Economic Forum (WEF). However, Trump’s second term will in no way be a repeat of his first term, since the geopolitical tectonics of the world have fundamentally changed over the past four years and the relationship between the US and Germany will inevitably undergo a transformation in the new political reality.

Thus, **the purpose** of this article is to forecast the prospects of American-German relations in the context of changing foreign policy priorities associated with the election of Donald Trump as US President in 2024.

In this article, we aim to discuss the prospects for US-German relations over the next four years against the backdrop of these geopolitical shifts. To do so, we first analyze Trump’s foreign policy agenda. We then proceed to analyze the political landscape in Germany, focusing on the domestic political crisis and divisions in the country, to determine Germany’s prospects after the new elections at the end of February. In the final step, we examine what these alignments might mean for the development of US-German relations over the next four years. We also consider the potential that a change in power in the US might have for ending the radical progressive political agenda in Germany and Europe.

Review of literature on the topic under consideration. Only a very limited number of researchers have addressed the issues of the US administration’s foreign policy priorities after D. Trump came to the White House, likely due to the fact that the new President’s short term in the White House did not provide grounds for the assumption that a month in power could, in fact, form a new political reality, breaking previous political stereotypes, changing the entire configuration of world politics, breaking the traditional idea of the US allies and opponents, and finally destroying the globalization project.

However, the reality turned out to be different and the current world political situation can aptly be characterized by the term “turbulence”. It is difficult to predict political processes that can form within a few hours and become the basis for fundamentally new foreign policy alignments. Russia, for quite understandable reasons, is in the center of a “turbulent political flow” and is closely watching the relationship of the United States with its allies, who in the current political situation are turning into “political partners”.

At the same time, turning to the issues of foreign policy priorities of the new administration, which were reflected in the works of such authors as D.A. Konkova [2], D. Novikov [3], S.K. Oznobishchev, V.A. Klimov [4], A.A. Romanov [5], it should be said that at the end of 2024, many works of a prognostic nature appeared, which aimed to outline the contours

of US foreign policy priorities in relation to the countries of Europe and Ukraine.

Researchers predicted that with the arrival of D. Trump, US foreign policy would certainly change, it would become more pragmatic and more rational. These conclusions were obvious and, in general, the experts'forecasts came true. However, the speed with which new facets of US foreign policy are being formed is astonishing and, of course, requires its own understanding.

Among the most relevant works concerning US foreign policy in recent times, only a few studies can be singled out. The work of E.S. Shevchenko [6], who examines the current US foreign policy in the context of the violation of the traditional Euro-Atlantic dialogue, as well as the study of K.V. Bogdanov [1], which examined the influence of the military situation on the political processes determining the relationship between the US and European countries, deserves attention.

In foreign literature, the problem of American-German relations is presented in the works of such authors as Bergmann M. [7], D. von Lieres [8], Kleine-Brockhoff T. [9], Noll G., Janes J. [10], Tausendfreund R. [11], etc.

Researchers note that a second term for Trump is viewed in a negative light in Berlin. The Institute of German Business (IW) has calculated that a Trump victory would cost Germany up to 150 billion euros in economic costs, based on the tariffs Trump promised and the general slowdown in the expected escalation of the trade war between the US and China[1]. There are also significant risks in the sphere of domestic German politics and security policy. Under Trump, US support for Ukraine is likely to decline quickly and sharply. Germany and Europe are not ready to fill this gap. In general, it can be said that these forecasts are beginning to come true, but the final outcome of the impact of Trump's foreign policy on relations with Germany is difficult to predict.

Experts point out that the United States and Europe are on a path of acute confrontation that will fundamentally change and transform transatlantic relations. This is not just a single unresolved issue that is difficult to resolve, but a whole complex of contradictions that have developed in the transatlantic alliance since the end of World War II. From the fate of NATO to Ukraine, from climate to trade, from countering China to a new policy toward Russia, the United States and Europe are likely to clash, and in these conflicts, Germany will play a leading role due to its leading role in European politics.

At the same time, we see that there is currently a shortage of research related to the issues stated in this article. The rapidly changing political landscape, the aggravation of US relations with traditional allies (Europe and Ukraine), the unpredictability of the future political situation in the world under the influence of D. Trump's policy make us turn to the issues of the future of US-German relations, traditionally considered as the basis of the Euro-Atlantic union and an expression of Euro-Atlantic solidarity.

Methodology and research methods. The methodological basis of this article is a prognostic analysis of the foreign policy situation that is being formed in the space of global world politics, and which will determine the nature of relations between the United States and Germany in the short term, taking into account the term of D. Trump's presidential powers. As a methodological basis for writing the article, methods of analyzing expert opinions, the political situation, the method of generalizing the information received and formulating conclusions were used.

The scientific novelty of the article lies in the fact that this work defines the grounds for change US foreign policy in relations with Germany, associated with D. Trump's appeal to the foreign policy concept of realpolitik, which is aimed at ensuring the geopolitical and national interests of the United States, while partially ignoring the similar interests of Germany.

Main results of the scientific research

Trump's Foreign Policy Agenda

When it comes to foreign policy, Donald Trump follows the guiding principle of "America First" – a principle that the US grows economically stronger from within, becomes less dependent on imports, and, if possible, refrains from intervening abroad. This is a clear ideological departure from Joe Biden's policies.

Trump is also skeptical of many international organizations, institutions, and agreements, including NATO, the WHO, and the Paris Climate Agreement. In his first week in office, he announced he would withdraw from the Paris Agreement and the WHO. As for NATO, he has repeatedly threatened to pull out, but recently called on the Europeans to provide more funding for their own defense, since the U.S. is no longer willing to pay for it.

Another important point is Trump's energy policy. His support for fossil fuels and his rejection of climate agreements such as the Paris Agreement are in direct conflict with the climate goals of Germany and the EU, which is already causing tensions. Trump has radically deregulated the US energy industry in order to lower energy prices for Americans.

A central aspect of his foreign policy agenda is combating "woke ideology", which he views as a threat to Western culture and values. This position may also impact international alliances, as Trump will seek to cooperate with countries that share his values – Hungary is an example. The term "woke" refers to progressive positions on social issues such as racism, gender equality, and environmental concerns. In what follows, we will refer to this ideology as "establishment ideology", as we view it as a set of beliefs that are essentially designed to advance the specific interests of certain corporations or individual actors in the Western Hemisphere. We view the Agenda 2030 and the ideas discussed at the World Economic Forum (WEF) in Davos as part of this network of actors and their aspirations.

Trump's foreign policy concept is essentially characterized by pragmatism, but also by prioritization of national interests. His "sledgehammer approach" to diplomacy has the advantage that Trump is willing to make a "deal" with everyone without exception. In doing so, he ignores the classic, culturally ingrained enemy lines, such as those against North Korea, Russia or China, which in principle could probably help resolve entrenched international conflicts. At the same time, his style of diplomacy also creates ripples, which may well be a tactical calculation to make it harder for others to see his hand. This in turn means that it is difficult to assess what the concrete consequences will be for a world that is already de facto a multipolar one.

Domestic political crisis in Germany

At home, Germany, like almost every Western country, is deeply divided. In the media, this division is seen as a divide between the proponents of freedom, democracy and "value-based order" on the one side and the "right-wing populists" and "conspiracy theorists" on the other. From the perspective of the "other side", i.e. the so-called right-wing populists and conspiracy theorists, it is above all a conflict between the proponents of common sense and the proponents of a diffuse ideology, which is represented in thematic clusters such as

[1] https://ausnews.de/second-trump-presidency/?ysclid=m7g595kh8d334361608

gender, (anti)racism and climate protection and is supported by a powerful economic elite pursuing its own goals. Politically, the split is essentially between the established old parties CDU/CSU, SPD, FDP, The Left (Die Linke) and The Greens (Die Grünen) on the one hand, and the BSW and AfD on the other.

The divisions in German society are reflected along various lines of conflict: the urban-rural divide, the divide between eastern and western Germany, generational conflicts, migration and cultural values. The migration issue in particular has led to polarization: conservative and progressive camps are irreconcilably opposed to each other. The protest movements against coronavirus measures and climate policy have deepened these divisions even further. Research shows that trust in political institutions is at an all-time low (Bertelsmann Stiftung, 2023).

But it is not only trust in politics that is falling, the media is also increasingly having trust issues. According to a recent survey, citizens' trust in the media is still at 44%, and state media still enjoy a particularly high level of trust[1]. But there is a particular lack of trust among the "opposition" group of citizens who oppose the current party establishment (we will henceforth call them the "anti-establishment opposition"). They believe that the mainstream media is dominated by the establishment, so that alternative opinions are hardly heard. In any case, it is true that the Greens and the SPD are significantly overrepresented[2] in the mainstream media. Furthermore, the anti-establishment opposition complains that the education sector is also dominated by representatives of the establishment ideology. The fact that topics such as climate change, gender, anti-racism and others, along with the promotion of relevant activism, are increasingly penetrating schools and universities, as well as the fact that people who contradict the currently dominant narratives (see, for example, Ulrike Guérot [12], Daniele Ganser [13] and others) are widely excluded ("cancelled") from university positions as well as from social discourse, suggests that these assessments are not entirely made up of thin air.

In domestic politics, not only is there a split between two camps that are largely irreconcilable with each other, but one can also see the dominance of the establishment ideology in the spheres of culture, media and education, so that there is a cultural hegemony, as Antonio Gramsci [14] defined it.

The Trump administration has now entered this cultural hegemonic space, which also dominates the entire Western world beyond Germany's national borders – through the business and philanthropic representatives who support it. And against this backdrop, the federal elections will take place on February 23.

Prospects for the February 2025 federal election

The collapse of the traffic light coalition of the SPD, the Greens and the FDP in 2024 further aggravated the already fragile political situation, but at the same time, it is an expression of this very fragility. Ultimately, if we abstract from the concrete political content and look only at the groups of actors, the traffic light failed above all because in addition to the core of the anti-establishment opposition, which makes up around 30% of the electorate, there are also significant sections of political citizens who were otherwise not very "politically active", but did not want to support the political course of the traffic light government. The reason for this is essentially purely economic: Citizens with middle and low incomes feel the consequences of the current course of economic policy in their wallets. While the anti-establishment opposition actively criticizes the ideology of the establishment and its consequences, this section of citizens is not really politically interested and not particularly deeply informed. They may not see the need for "gender stars" to foster "inclusion" and they may not like it when activists glue themselves to the streets, but they are willing to support ideological axioms about climate, "the danger from the right," and tolerance because they do not see them as parts of one ideology, but rather as real threats or values.

This leads to the situation we can currently see at the last polls before the new elections to the German Bundestag: The anti-establishment opposition, which is most clearly evident in the BSW and AfD voter groups, is relatively strong (as of 20 February 2025: AfD 20,3%, BSW: 4,5%[3]), but they have no chance of forming a government, and the established parties have ruled out AfD participation in a government (the so-called "firewall against the right"). The rather apolitical group of voters dissatisfied with the traffic light coalition is either moving towards the CDU (as of 20 February 2025: CDU 30,1%[4]), from which they hope for a more economically sensible course, or has not yet decided. Mere days before the federal elections, about a fifth of the population said they did not know who to vote for[5].

Current polls suggest that the most likely composition of the next government is likely to be a black-green coalition or a grand coalition of the CDU and SPD. The black-green coalition is particularly sensitive, as it has not explicitly been ruled out by CDU chancellor candidate Friedrich Merz. This coalition would be diametrically opposed to voters' concerns, as mistrust of a traffic light coalition is motivated in particular by mistrust of the competence of the green ministers, especially the economy minister Robert Habeck[6]. A grand coalition probably represents the most stable prospect for a government, but it does not mean change: The establishment ideology embodied in the Agenda 2030 will still be pursued, though perhaps at a somewhat slower pace than under the Greens, because after all, both the CDU and the SPD played a long-term role in shaping the Agenda 2030 and, overall, have moved forward with it significantly during the 16 years under Angela Merkel as Chancellor. A rough third of the voters, the anti-establishment opposition, will not be represented in any way in such a government, and one can assume that the repression against them will in principle continue and perhaps even intensify.

Prospects for German-American relations and Germany during the Trump administration

Especially against this background, the re-election of Donald Trump will probably be interesting for the developments in Germany, as well as for German-American relations. Because with Trump, the declared opponent of the political and part of the economic establishment in the USA – which is, so to speak, an "accomplice in crime" of the German political establishment in the implementation of the Agenda 2030 and the corresponding ideology, and in many ways its origin – has now won. Depending on the success of Trump in his political course, the consequences for German-American relations could take on very different forms.

However, it is first necessary to distinguish between two fundamentally different questions: (1) What exactly does

[1] https://de.statista.com/statistics/daten/studie/1285575/umfrage/vertraut-in-die-medien-in-deutschland/ (last access: 26.01.2025)

[2] https://www.welt.de/kultur/medien/article254239436/Studie-Unter-Journalisten-kommen-die-Gruenen-auf-41-Percent-AfD-Taucht-gar-nicht-auf.html (last access: 26.01.25)

[3] https://dawum.de/Bundestag/ (last access: 20.02.2025)

[4] https://dawum.de/Bundestag/ (last access: 20.02.2025)

[5] https://dawum.de/Bundestag/ (last access: 20.02.2025)

[6] https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/maischberger-merz-schliesst-einen-wirtschaftsminister-habeck-nicht-aus/100092917.html (last access: 26.01.2025)

Trump mean for the German economy? (2) Could Trump lead to a departure from the ideology of the WEF and the Agenda 2030 in Europe – or should the opposite be expected?

So, let's first examine specifically the impact of the Trump administration on German-American relations. Among other things, Trump wants Germany to buy even more energy from the US, and he wants German companies to establish themselves in the US. If Germany does not accept him, he threatens – as elsewhere – to impose extremely high tariffs on German goods. It is clear that this approach is not an outstretched hand, but an aggressive course to defend American interests, which will most likely displease Germany. On the one hand, this creates the risk that Germany will curry favor with US interests, with the new chancellor positioning himself too weakly. Obviously, the migration of German car manufacturers to the US, as Trump would like, would not be in Germany's interests – the level of companies leaving Germany is already high due to taxes and high energy costs. Buying even more expensive energy from the US is certainly in the interests of the US, and for two reasons: They sell their expensive energy, but at the same time this creates an additional incentive for German companies moving to the US. Of course, this is not in the interests of Germany. In this regard, one can assume that German-American relations in the coming years will not be characterized by love, but rather by gnashing of teeth and constant struggle.

At the same time, this situation also offers a certain prospect that Germany might remember its sovereignty and pursue its own policy. In theory, this could lead to a return to purchasing Russian raw materials in order to reduce energy prices and strengthen Germany's domestic economy. Given that we should expect a black-red or black-green coalition, such a consistent focus on German interests, however, is unlikely in the next legislative period. In this regard, the Trump administration probably does not bode well for the German economy.

The second question of interest is, whether a second Trump term might also mean the end of the WEF Agenda and the Agenda 2030 for Germany and Europe. Trump has already made it clear that he means business: he has already withdrawn from the Paris Climate Agreement and the WHO. As for NATO, he has repeatedly, already in his first term, threatened to leave the alliance[1], but for now seems to be contenting himself with demanding higher financial contributions from the European partners and threatening to stop or drastically reduce US support within NATO. He has also frozen all foreign aid and ordered a review of it. Currently, it seems that all the regime change activities financed by USAID under the guise of, among others, "supporting democracy"[2] are coming to a halt – a drastic step for a US administration, and one hardy anyone could have imagined just a couple of months ago.

Given the strong position of the US in the Western world, this is of course a serious blow to the proponents of the Agenda 2030 and the WEF ideas about a future they had already considered secured. For now, it looks as if Germany and Europe want to stay the course – as if they are preparing to sit out four years of Trump's rule and not only continue to pursue a hard ideological line, but also to maintain a confrontation with Russia. This is supported not only by the countless assurances of rearmament from Federal Minister of Defense Boris Pistorius, who recently called for upping the defense budget to 3% of GDP (currently it is at about 2%)[3], but also by the considerations in Europe about how the EU and NATO are preparing for a Trump presidency. Almost all the central positions were filled by establishment hardliners: Mark Rutte as NATO Secretary General, Ursula von der Leyen as President of the EU Commission and former Estonian Prime Minister Kaja Kallas as EU Foreign Affairs Representative.

Recent Attempts to Restrict Freedom of Expression

The question is whether this attempt will be successful. In the US, even before Trump came to power, we saw how countless companies abandoned their DEI policies and how tech giants like Mark Zuckerberg turned to Trump and now, instead of censoring any further, vowed to eliminate "content moderators" (i.e. censors) on their platforms. In the US, unlike during Trump's first term, a dynamic has started that could mark a real turning point. With Trump's retreat from interventionism, which claims to bring democracy and "Western values" to the world, non-political actors like philanthropists are also losing their influence. So, the Agenda 2030 and the future prospects of the WEF are definitely starting to deteriorate. It is likely that Trump's second term will begin a longer process of disempowering the previous establishment, including its ideology, which could then also impact Germany and Europe, somewhat belatedly.

Conclusions

Thus, the reasons for changing the US foreign policy course in relations with Germany are connected with D. Trump's appeal to the foreign policy concept of realpolitik, which is aimed at ensuring the geopolitical and national interests of the US, while partially ignoring the similar interests of Germany.

At the same time, Donald Trump's second term in office poses both challenges and opportunities for German-American relations and for the political, economic and social situation in Germany. It is clear that German-American relations will be difficult in the next four years due to the diametrically opposed political interests of the Trump II administration and what will most likely be new German government. Germany is faced with the task of fighting for its sovereign political position – but given the developments of the last few decades, this attempt cannot be expected to be successful. This does not bode well, especially for the German economy.

At the same time, the Trump administration could mark the beginning of the end of Agenda 2030, the WEF goals and the so-called "woke agenda". However, it may take some time before this is realized and ultimately implemented in Germany. Nonetheless, it is possible that Germany's failure to assert its autonomy against Trump and the resulting economic consequences could fuel this process of moving away from the current establishment, as discontent in the more apolitical part of society is likely to grow. In this regard, the second Trump term could certainly trigger a chain reaction that could lead to political changes in Germany and Europe.

Литература

1. Богданов К.В. Не здороваться через порог // Россия в глобальной политике. 2025. – Т. 23. № 1. – С. 24–29.
2. Конькова Д.А. Изоляционизм как большая стратегия США: от отцов-основателей до Дональда Трампа // Вестник Санкт-Петербургского университета.

[1] https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/trump-confirms-he-threatened-to-withdraw-from-nato/ (last access: 20.02.2025)

[2] This is evidenced by numerous findings of the DOGE, and well summarized by independent author and journalist Michael Shellenberger e.g. in a video posted on X (https://x.com/shellenberger/status/1890375279714906169, last access: 20.02.2025)

[3] https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025–01/boris-pistorius-verteidigungsausgaben-30-milliarden-bis-2028 (last access: 20.02.2025)

Международные отношения. 2024. – Т. 17. Вып. 1 – С. 43–59.
3. Новиков Д. Хаос в деталях. Перестройка и новое мышление для США и всего мира? // Россия в глобальной политике. 2023. – Т. 21. № 4. – С. 100–117.
4. Ознобищев С.К., Климов В.А. Пора заканчивать игру в бирюльки // Россия в глобальной политике. 2024. – Т. 22. № 4. – С. 88–97.
5. Романов А.А. Трамп 2.0: о некоторых итогах президентских выборов в США в 2024 г. // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024. – Т. 15. № 4. – С. 47–53.
6. Шевченко Е.С. Внешняя политика США в отношении стран Европейского Союза на современном этапе: политический диалог или системный кризис? // PolitBook. 2025. – № 1. – С. 22–41.
7. Bergmann M. The Transatlantic Alliance in the Age of Trump: The Coming Collisions. Center for Strategic and International Studies. – February 2025. – P. 1–13.
8. D. von Lieres. A Strategy Roadmap for German-US Relations After 2024. –Mode of access: https://www.freiheit.org/north-america/strategy-roadmap-german-us-relations-after-2024 (Date of access: 16.01.2025).
9. Kleine-Brockhoff T. Foreign Policy Implications of Trump's Return and Germany's Coalition Collapse. German Council on Foreign Relations. Nov. 08, 2024.
10. Noll G., Janes J. Redefining Relevance: New Coordinates for US-German Relations. November 15, 2024. – Mode of access: https://www.gmfus.org/news/redefining-relevance-new-coordinates-us-german-relations (Date of access: 16.01.2025).
11. Tausendfreund R. US-German Relations After the US Election. America Votes 2024: The Transatlantic Impact May 23, 2024. Paper No. 8. P. 1–4.
12. Guérot U., Ritz H. Endspiel Europa. Germany: Westend Verlag, 2022. 208 S.
13. Ganser D. NATO's secret armies: operation Gladio and terrorism in Western Europe. London; New York: Frank Cass, 2005. 315 p.
14. Antonio Gramsci: Pre-Prison Writings, Richard Bellamy (ed.), Virginia Cox (trans.), (Cambridge Texts in the History of Political Thought), Cambridge/New York: Cambridge University Press, 1994. 352 p.

THE SECOND COMING OF DONALD TRUMP AND ITS IMPACT ON US-GERMAN RELATIONS

Yudin N.O., Ann-Kristin Iwersen
MGIMO University, Russia Today

The purpose of this article is to forecast the prospects for US-German relations in the context of changing foreign policy priorities associated with the election of Donald Trump as US President in 2024. Over the past four years, while Trump was not in power, the geopolitical tectonics of the world have fundamentally changed and in the new political reality, relations between the US and Germany will inevitably undergo a transformation.
The methodological basis of this article is a prognostic analysis of the foreign policy situation that is being formed in the space of global world politics, and which will determine the nature of the relationship between the United States of America and the Federal Republic of Germany in the short term. As a methodological basis for writing the article, the methods of analyzing expert opinions, the political situation, the method of generalizing the information received and formulating conclusions were used. The result of the study was the statement that the US foreign policy course in relations with Germany is associated with Donald Trump's appeal to the foreign policy concept of realpolitik, which is aimed at ensuring the geopolitical and national interests of the United States, while partially ignoring similar interests of Germany.
It was concluded that German-American relations in the next four years will be difficult due to the diametrically opposed political interests of the Trump II administration and the probably new German government after the federal elections on February 23rd. In this regard, Trump's second presidential term can certainly provoke a chain reaction that can lead to political changes in Germany and Europe.

Keywords: United States of America, Federal Republic of Germany, Donald Trump, US-German relationships, concept of realpolitik, geopolitical and national interests, international conflicts.

References

1. Bogdanov K. V. (2025). Do not greet across the threshold // Russia in Global Affairs. – Vol. 23. No. 1. – P. 24–29.
2. Konkova D.A. (2024). Isolationism as a Grand Strategy of the United States: from the Founding Fathers to Donald Trump // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. – Vol. 17. Issue 1 – P. 43–59.
3. Novikov D. (2023). Chaos in the Details. Perestroika and New Thinking for the United States and the World? // Russia in Global Affairs. – Vol. 21. No. 4. – P. 100–117.
4. Oznobishchev S.K., Klimov V.A. (2024). It's Time to Stop Playing with Trifles // Russia in Global Affairs. – Vol. 22. No. 4. – P. 88–97.
5. Romanov A.A. (2024). Trump 2.0: On Some Results of the 2024 US Presidential Elections // Bulletin of the University of World Civilizations. – Vol. 15. No. 4. – P. 47–53.
6. Shevchenko E.S. (2025). US Foreign Policy Towards the European Union Countries at the Present Stage: Political Dialogue or Systemic Crisis? // PolitBook. – No. 1. – P. 22–41.
7. Bergmann M. (2025). The Transatlantic Alliance in the Age of Trump: The Coming Collisions. Center for Strategic and International Studies. – P. 1–13.
8. D. von Lieres (2025). A Strategy Roadmap for German-US Relations After 2024. Mode of access: https://www.freiheit.org/north-america/strategy-roadmap-german-us-relations-after-2024 (Date of access: 16.01.2025).
9. Kleine-Brockhoff T. (2024). Foreign Policy Implications of Trump's Return and Germany's Coalition Collapse. German Council on Foreign Relations. Nov 08, 2024.
10. Noll G., Janes J. (2024). Redefining Relevance: New Coordinates for US-German Relations. Mode of access: https://www.gmfus.org/news/ redefining-relevance-new-coordinates-us-german-relations (Date of access: 16.01.2025).
11. Tausendfreund R. US-German Relations After the US Election. America Votes 2024: The Transatlantic Impact May 23, 2024. – Paper No. 8. – P. 1–4.
12. Guérot U., Ritz H. Endspiel Europa. Germany: Westend Verlag, 2022. 208 S.
13. Ganser D. NATO's secret armies: operation Gladio and terrorism in Western Europe. London; New York: Frank Cass, 2005. 315 p.
14. Antonio Gramsci: Pre-Prison Writings, Richard Bellamy (ed.), Virginia Cox (trans.), (Cambridge Texts in the History of Political Thought), Cambridge/New York: Cambridge University Press, 1994. 352 p.

Проблемы и перспективы китайско-российского сотрудничества в сфере СПГ в Арктике

Ян Тянь,
аспирант, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли
E-mail: yangtian3968@163.com

Ван Шучунь,
профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли
E-mail: 200210610@oamail.gdufs.edu.cn

Статья посвящена анализу проблем и перспектив китайско-российского сотрудничества в области сжиженного природного газа (СПГ) в Арктическом регионе. В условиях глобальных энергетических изменений и ужесточения требований к снижению выбросов углерода Арктика приобретает стратегическое значение для обеих стран. Китай и Россия уже реализовали ряд успешных энергетических проектов, включая «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2», что свидетельствует о долгосрочной направленности двух стран на развитие сотрудничества в данной сфере. В статье рассматриваются ключевые вызовы, такие как геополитическое давление, экологические ограничения, технологические барьеры и логистические сложности, влияющие на развитие арктических энергетических проектов. Анализируются механизмы углубления партнерства, включая совместные инвестиции, развитие инфраструктуры, транспортные маршруты и модернизацию технологий добычи и переработки газа. Особое внимание уделяется значению китайских компаний в реализации данных проектов, а также потенциалу дальнейшего сотрудничества с учетом мировых тенденций в энергетике.

Ключевые слова: энергетический переход, энергетическая политика, Арктика, сотрудничества в сфере СПГ, санкционное давление, китайско-российского сотрудничество, Ямал СПГ, Арктик СПГ 2.

Это исследование получило финансирование от Международной программы по подготовке молодых выдающихся ученых в университетах провинции Гуандун, с поддержкой Департамента образования" "本研究得到广东省教育厅高校青年优秀科研人才国际培养计划资助

Введение

С исторической точки зрения, три ключевых этапа предыдущих энергопереходов были следующими: переход от биомассы (дров) к углю в XVIII–XIX веках, который стал основой для индустриализации на базе паровых двигателей; замена угля нефтью в конце XIX – первой половине XX века, сопровождавшаяся внедрением двигателей внутреннего сгорания и нефтепродуктов; наконец переход от нефти к природному газу во второй половине XX века способствовал расширению применения газотурбинных технологий. Таким образом энергетический переход – это процесс изменения структуры первичного энергопотребления и постепенного перехода от существующей системы энергообеспечения к новому уровню развития энергетической системы. В этом процессе старые, менее эффективные источники энергии либо уступают место, либо дополняются новыми, более эффективными.[1]

В свете глобального энергетического баланса и мир все больше усиливает требования к снижению выбросов углерода и других экологических стандартов. В этом контексте чистая энергия и новые источники энергии постепенно становятся более значимыми. В таких условиях среднесрочные и долгосрочные перспективы для торговли сжиженным углеводородным газом (СПГ) продолжают оставаться оптимистичными.

По данным отчета о развитии внутренней и международной нефтегазовой промышленности Китая, в 2023 г. мировая энергетика продолжала тенденцию к снижению потребления ископаемого топлива и росту использования возобновляемых источников энергии. Потребление возобновляемой энергии увеличилось на 4,1%, что значительно превышает темп роста общемирового энергопотребления, которой составил 1,7%. Глобальные инвестиции в экологически чистую энергетику увеличились на 20% и достигли 1,74 трлн долл., продолжая превышать инвестиции в ископаемую энергетику уже восьмой год подряд, особенно в области возобновляемой энергии, ядерной энергетики, электросетей, систем накопления энергии, низкоэмиссионных топлив и в других сферах. Более того, прогнозы предсказывают, что к 2040 г. глобальное энергопотребление вырастет на 56% и особенно заметно это будет в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).[2]

На фоне изменяющегося климата и геополитических преобразований страны все больше придают значение энергетической безопасности, уделяя внимание диверсификации и обеспечению независимости своих энергетических систем. В этом контексте активное развитие возобновляемых источников энергии становится ключевым направлением. Природный газ, будучи экологически чистым источником энергии, представляет собой превосходный выбор для текущего этапа перехода к более устойчивым и экологичным моделям производства энергии.

Предпосылки китайско-российского энергетического сотрудничества

Энергетическая политика будущей администрации Трампа

В начале сентября 2024 г. США ввели дополнительные санкции, чтобы подорвать возможности России по реали-

зации проекта «Арктик СПГ-2» и создать дополнительные трудности для компаний, которые стремятся расширить экспорт российских энергоресурсов. При этом ожидается, что возвращение Трампа в Белый дом, может не только изменить ландшафт нефтегазовой отрасли США, но и вызовет цепную реакцию на мировом рынке. Так Goldman Sachs прогнозирует, что утверждение финансирования проектов СПГ в США до 2027 г. не окажет значительного влияния на мировые поставки газа, так как для реализации этих проектов также потребуются государственные разрешения и долгосрочные контракты. Прогнозируется, что к 2030 г. экспорт СПГ из США увеличится более чем в два раза – до 189 млн т в год, а доля США в мировых поставках газа возрастет до 31% по сравнению с 22% в настоящее время. Таким образом, конкуренция на мировом газовом рынке между Россией и США неизбежна.

Для КНР, по мнению китайских экспертов, возвращение Трампа к власти может снизить риск геополитического конфликта между США и Китаем в краткосрочной перспективе, однако это также может значительно увеличить вероятность нового витка экономического и торгового конфликта. Ожидается, что во второй половине 2025 г. американская администрация введет тарифы на китайский экспорт в США.

В этой связи Китаю и России необходимо продолжать углублять сотрудничество в целях обеспечения своей энергетической безопасности и экономической стабильности.

Стратегическое значение Арктики

Арктический регион считается «новым Ближним Востоком» в части наличия энергоресурсов, и его повышающийся статус в этой области имеет стратегическое значение для как Китая, так и России. С одной стороны, Китаю необходимо создать современную энергетическую систему, которая будет экологически чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной, в то время как Россия стремится укрепить свои позиции на мировом рынке энергоресурсов. С другой стороны, интерес Пекина к Северу нарастал постепенно. Первая научная экспедиция состоялась в 1984 г., проход ледокола «Сюэлун» по Севморпути произошел в 2012 г., в следующем году Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете. Наконец в 2018 г. КНР провозгласила себя «приарктическим государством».[3]

Более того, развитие китайско-российского сотрудничества в построении «Ледового шелкового пути» обеспечивает Китаю самый быстрый и дешевый способ для развития связей с Европой в сферах «зеленая и голубая (синяя) экономика». При этом развитию для России предоставляются новые возможности для развития Северного морского пути. В настоящее время растущая напряженность в отношениях между Россией и Западом привела к сближению интересов РФ и КНР в Арктике, особенно на трассе СМП.

Спрос в Китае на природный газ и предложение России

Экономика Китая, являясь крупным потребителем энергоресурсов, и экономика России, являясь их крупным поставщиком, тем самым естественным образом дополняют друг друга. Что касается энергетической политики КНР, то стране необходимо международное сотрудничество, основанное на обеспечении собственной энергетической безопасности.

В 13 июня 2014 года Генеральный секретарь ЦК Компартии Китая Си Цзиньпин провел шестое заседание Центральной руководящей группы по финансам и экономике и выдвинул новую стратегию энергетической безопасности «Четыре революции и Одно сотрудничество», четыре революции – это революция в энергопотреблении, революция в энергоснабжении, революция в энергетических технологиях и революция в энергетической системе, а «одно сотрудничество» – это укрепление всестороннего международного сотрудничества.[4] Китай придает большое значение энергетической безопасности и нуждается в международном сотрудничестве в области энергетики.

Более того, в КНР создана компания «Китайская корпорация нефтегазовой трубопроводной сети» для формирования единой системы эксплуатации национальной сети магистральных трубопроводов, с целью создать «единую общенациональную сеть» для природного газа. В 2023 г. страна импортировала 165,6 млрд куб. м природного газа, что на 9,9% больше, чем в предыдущем году. При этом основными поставщиками были Туркменистан, Австралия, Россия и Катар. В указанном объеме импорта трубопроводный газ составил 67,1 млрд куб. м, увеличившись на 6,2% по сравнению с 2022 г., а СПГ – 98,4 млрд куб. м, увеличившись за год на 12,6% (в 2022 г. в этой категории отмечалось снижение на 19,5%). Объем новых долгосрочных договоров на поставку СПГ остается относительно высоким уже третий год подряд: составил 9,14 млн т. Объем новых газовых хранилищ достигнет на 7,6 млрд куб. м к 2023 году и общая мощность по приему СПГ в Китае составляет около 120 млн т/год.[5] Китай продолжит расширять газовое сотрудничество с Россией, ускоряя строительство своей инфраструктуры и увеличивая мощности газовых хранилищ.

У России, конечно, есть желание и возможности, чтобы обеспечить это. В планах российских властей довести поставки СПГ в Китай до уровня 100 млн т к 2030 г.[6]

История и текущее состояние китайско-российского сотрудничества в области СПГ в Арктике

Сотрудничество данных стран в области арктических энергоресурсов значительно, хотя оно начало развиваться относительно недавно. Начало ему положило «Соглашение о совместной работе в энергетической сфере» подписанное в 1994 г. правительствами Китая и России. Соглашение не только открыло страницу сотрудничества в области энергоресурсов, но и послужило основой для дальнейшего развития отношений в этой области.

Что касается советско-китайских связей в этой сфере, то были периоды когда они были значительны. В частности, в 1949 г. КНР импортировала из СССР объемы нефти, превышающие внутренние производственные возможности, а в период 1950–1954 гг. Советский Союз был единственным экспортером нефти в Китай. До 1962 г. доля советской нефти в китайском импорте оставалась высокой, составляя в большинстве лет более 75%.

В области арктических энергоресурсов начало китайско-российского сотрудничества можно отнести к 2005 г., когда во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Москву, между «Роснефтью» и «Китайской нефтяная и химической корпорацией» (Sinopec) было заключено соглашение о совместной разведке нефти на Венинском месторождении входящем в проект Сахалин-3. Это соглашение стало первым китайским венчурным проектом в области энергоресурсов в России. С 2007 г. Sinopec обладает 25,1% долей в проекте, в то время как оставшаяся доля принадлежит «Роснефти». В 2009 г. Sinopec увеличила свою долю владения в Венинском месторождении до 49%, остальная доля во владении «Роснефти». В тот период это был крупнейший зарубежный нефтедобывающий актив Sinopec.

в Арктике функционируют два ключевых газовых проекта, в реализации которых Россия и Китай активно

сотрудничали. В Руководстве по инвестициям в энергетическое китайско-русское сотрудничество на 2022 г. подчеркивается: «В сфере геологоразведки и добычи Китая и России должны продолжать осуществлять разработку газовых месторождений на Востоке Сибири и завершить работу над старыми нефтяными месторождениями в Западной Сибири. В отношении природного газа, в первую очередь, необходимо продолжать укреплять сотрудничество в рамках проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», во вторую очередь, расширять кооперацию по Восточному газопроводу и Нефтепроводу между Китаем и Россией, содействовать реализации проекта «Китай-Россия-Дальний Восток», а также исследовать возможности сотрудничества в новых проектах».

Проект «Ямал СПГ»

Данный проект расположен в северо-восточной части российского полуострова Ямал, в непосредственной близости от города Сабетта. В этой области открыты крупные запасы углеводородов. Так на Южно-Тамбейском месторождении, которое входит в проект, запасы природного газа оцениваются в 1,3 трлн куб. м, а конденсата – около 60,18 млн.т. Географическое положение проекта обеспечивает определенное преимущество: он расположен на побережье Северного Ледовитого океана, рядом с рекой Обь, что позволяет объединить речной и морской транспорт в многомодальной транспортной системе, создавая выгодные условия для эксплуатации.

В декабре 2013 г. крупнейшим российским частным производителем природного газа «Новатэк», французской компанией Total и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (PetroChina) было принято инвестиционное решение о реализации проекта «Ямал СПГ». Доля этих компаний в проекте составила 60%, 20% и 20% соответственно. Тем самым была официально запущена реализация этого гигантского заполярного проекта. В то время это был самый масштабный и крупнейший в мире проект по производству СПГ, а также первый зарубежный мегапроект после объявления в Китае инициативы «Пояс и путь».

В мае 2014 г. «Новатэк» заключил 20-летний контракт с компанией PetroChina на поставку 3 млн т СПГ в год.

Первая производственная линия проекта «Ямал СПГ» была официально введена в эксплуатацию 8 декабря 2017 г. Вторая и третья производственные линии успешно запущены в августе и ноябре 2018 г. соответственно. Таким образом, проект «Ямал» был полностью завершен и введен в эксплуатацию досрочно.

Роль китайских компаний в проекте «Ямал СПГ»

Китайские компании играют значительную роль в реализации проекта «Ямал СПГ», оказывая поддержку как в финансировании, так и в строительстве и эксплуатации ключевых объектов. Благодаря стратегическому партнерству с Россией, Китай не только обеспечил значительную часть инвестиций, но и активно участвовал в техническом и логистическом обеспечении проекта.

Проект «Ямал СПГ» является масштабным инвестиционным предприятием общей стоимостью 27 млрд долларов, в котором Китай выступил ключевым источником финансирования. Помимо долевого участия PetroChina и Фонда Шелкового пути, финансовую поддержку оказали Промышленно-коммерческий банк Китая и Банк развития Китая, предоставившие 12 млрд долларов, что составило 63% от оставшихся 19 млрд долларов финансирования. По словам председателя правления «Новатэка» Леонида Михельсона, российский консорциум вложил 10 млрд долларов в разработку проекта и привлек дополнительные 20 млрд долларов инвестиций, большая часть которых поступила от китайских банков. Такое финансовое участие подтверждает заинтересованность Китая в укреплении энергетического партнерства с Россией и в развитии арктической газовой инфраструктуры.

Китай также активно участвовал в строительстве и техническом обеспечении производственных мощностей «Ямал СПГ». Хотя генеральными подрядчиками проекта выступили французские и японские компании, значительная часть субподрядных и инженерных работ была передана китайским корпорациям, таким как PetroChina, CNOOC и Baosteel. Важной частью проекта стало строительство 142 модулей, необходимых для функционирования завода по производству СПГ. Китайские компании выиграли 85% тендеров на их изготовление, после чего модули были построены в Китае и доставлены в Россию для последующей установки [7].

Кроме того, поставки природного газа на производственный объект осуществляются с месторождения, где работают четыре буровые установки, одна из которых также произведена в Китае. Это демонстрирует высокую степень вовлеченности китайских компаний в техническую реализацию проекта и укрепляет их позиции в международном секторе энергетического машиностроения.

Китайские компании также внесли значительный вклад в транспортную составляющую проекта «Ямал СПГ». В рамках сотрудничества было построено 7 крупнотоннажных судов, а также организована эксплуатация 14 из 15 судов, предназначенных для транспортировки СПГ. Китайские инженеры участвовали в проектировании полярных транспортных судов, а также в строительстве кораблей для перевозки модулей [8].

Помимо этого, десятки китайских компаний оказали помощь в реализации проекта, предоставляя услуги в таких сферах, как геологические исследования, морской транспорт, поставка оборудования и материалов. Общая сумма контрактов, заключенных китайскими предприятиями в рамках «Ямал СПГ», оценивается в 14 млрд долларов [9].

На основе успешного сотрудничества в рамках «Ямал СПГ», Китай активно участвует и в новом масштабном проекте «Арктик СПГ 2», расположенном на Гыданском полуострове в России. Основной ресурсной базой является Утреннее месторождение, а проект предусматривает строительство завода мощностью 19,8 млн тонн СПГ в год. Завод будет возведен на гравитационных основаниях, что позволит эффективно организовать его работу в суровых климатических условиях Арктики. Для строительства производственных линий была построена специальная верфь в Белокаменке, недалеко от Мурманска.

Китайские инвестиции, технологическая поддержка и участие в строительстве инфраструктуры делают его одним из ключевых партнеров России в реализации арктических энергетических проектов. Это подтверждает стратегическую направленность обеих стран на долгосрочное сотрудничество в сфере СПГ и развитие «Ледового шелкового пути» как важного транспортного коридора для поставок газа в страны Европы и Азии.

Китайское участие в проекте «Арктик СПГ 2»

Проект «Арктик СПГ 2» представляет собой один из крупнейших российских проектов в сфере сжиженного природного газа (СПГ), расположенный на Гыданском полуострове. Его основой является Утреннее месторождение, а предусмотренная мощность производства составляет 19,8 млн тонн СПГ в год. Завод строится на гравитационных основаниях, что делает его устойчивым к суровым

климатическим условиям региона. Для реализации проекта была создана специальная верфь в Белокаменке, близ Мурманска, где ведётся изготовление ключевых конструкционных элементов.

Китайские компании активно вовлечены в финансирование, производство модулей, судостроение и логистику проекта, несмотря на сложности, вызванные геополитическими факторами и изменением состава участников.

Оператором «Арктик СПГ 2» является российская частная компания «Новатэк», которой принадлежит 60% акций. Среди других акционеров – французская Total Energy (10%), китайские PetroChina (10%) и CNOOC (10%), а также японская Arctic LNG (10%). Общая сумма инвестиций в проект составляет 21 млрд долларов, что делает его третьим по величине СПГ-проектом в России после «Сахалина-2» и «Ямал СПГ».

Несмотря на значительные перспективы, реализация проекта столкнулась с серьезными вызовами. После начала специальной военной операции России против Украины в 2022 году «Новатэк» оказался в сложном положении, поскольку ряд западных технологических партнёров покинули проект. В этих условиях роль Китая в финансировании и технической поддержке значительно возросла.

Одной из ключевых особенностей «Арктик СПГ 2» является его революционный подход к строительству. Это первый в мире проект, в рамках которого производственные линии строятся серийно, затем транспортируются по морю и устанавливаются на морские стационарные платформы гравитационного типа (GBS). Такой метод позволяет снизить экологическое воздействие, а также уменьшить затраты на инфраструктуру и повысить конкурентоспособность российского СПГ на мировом рынке.

Китайские судоверфи приняли активное участие в производстве модулей для «Арктик СПГ 2». Так, Bohai Equipment Manufacturing Co., Ltd. (Бомайко) получила контракт на 4,72 млрд юаней для сборки модулей весом 80 000 тонн стали. В 2021 году компания получила дополнительный заказ на два модуля для третьей производственной линии стоимостью 1,732 млрд юаней.

Однако не все китайские компании смогли продолжить участие в проекте. Например, Wison Clean Energy Technology Group Corporation, изначально планировавшая строительство крупной наземной электростанции, в 2024 году под давлением американских санкций отозвала судно с оборудованием, направлявшееся в Россию, а затем официально заявила о прекращении сотрудничества с «Арктик СПГ 2».

Помимо участия в строительстве завода, Китай играет важную роль в развитии транспортной инфраструктуры проекта. Компания Shanghai COSCO Shipping LNG Investment Co., Ltd. (Шанхай COSCO Shipping LNG), являющаяся дочерним предприятием China COSCO Shipping Corporation Limited (COSCO), финансировала строительство трёх судов ледового класса для транспортировки СПГ на сумму 923,3 млн долларов. Эти суда предназначены для перевозки газа в условиях сурового климата и обеспечения бесперебойного экспорта российского СПГ в международные рынки.

Китайские компании сыграли ключевую роль в финансировании, строительстве и транспортной логистике проекта «Арктик СПГ 2». Их вклад охватывает все аспекты реализации – от инвестиций в акционерный капитал и разработки производственных модулей до участия в судостроении и обеспечении логистики поставок. Несмотря на геополитические сложности, Китай продолжает оставаться стратегическим партнером России в развитии арктической энергетической инфраструктуры, что подчеркивает его долгосрочную заинтересованность в укреплении сотрудничества в сфере СПГ.

Вызовы китайско-российскому энергетическому сотрудничеству в Арктике

Одним из ключевых вызовов китайско-российского сотрудничества в Арктике является суровая окружающая среда. Географическое расположение арктических проектов делает их крайне труднодоступными. Материалы и оборудование, необходимые для строительства, невозможно доставлять по суше, поэтому основным транспортным маршрутом остается морской путь. Однако период открытой навигации без льда в регионе ограничен всего двумя-тремя месяцами в году, что значительно осложняет логистические операции. Кроме того, строительство инфраструктуры сталкивается с серьезными проблемами, связанными с вечной мерзлотой, что требует специальных технологий и дополнительных затрат.

Еще одним серьезным препятствием является разрыв в технологическом уровне и слабая инфраструктура. Китайские технологии добычи и транспортировки СПГ пока уступают мировым стандартам, особенно в сегменте разработки арктических месторождений и эксплуатации ледового транспортного флота. В то же время, российская инфраструктура в Арктике остается недостаточно развитой, что снижает инвестиционную привлекательность региона и усложняет реализацию крупномасштабных энергетических проектов.

Кроме того, китайско-российское энергетическое сотрудничество подвергается международному политическому и экономическому давлению. США, Япония и другие западные страны стремятся ограничить взаимодействие двух стран в энергетическом секторе, используя санкции, торговые барьеры и дипломатическое влияние. Такая политика значительно затрудняет доступ к передовым технологиям и финансированию, что особенно важно для успешного освоения арктических месторождений.

Не менее значимым фактором является уровень взаимного доверия между партнерами. В России существует осторожное отношение к энергетическому сотрудничеству с Китаем, связанное с опасениями относительно избыточной зависимости от одного покупателя при экспорте ресурсов. Также сохраняются разногласия по вопросам ценообразования, что может осложнять переговоры и замедлять реализацию совместных проектов. Для успешного углубления сотрудничества странам необходимо выстраивать прозрачную и взаимовыгодную модель взаимодействия, направленную на устойчивое развитие энергетического партнерства в Арктике.

Перспективы взаимодействия: путь углубления китайско-российского арктического энергетического сотрудничества

Одним из ключевых направлений для будущего развития отношений между Китаем и Россией является сотрудничество в сфере нефти и газа. Хотя КНР обладает огромными запасами некоторых энергетических ресурсов, но по-прежнему зависит от импорта нефти, газа и в некоторой степени угля. В связи с этим, сотрудничество с Россией в этой области является приоритетным направлением для Китая в долгосрочной перспективе.

Сжиженный природный газ является важным мостом в энергетическом переходе Китая, спрос на который, а также его стоимость в будущем значительно возрастут.

В условиях сложной и нестабильной международной обстановки Китай должен, гарантируя надежность энергоснабжения, повышать свою энергетическую самодостаточность путем расширения исследований и развития технологий чистой энергии, чтобы снизить зависимость от внешних рынков. Поэтому для активного расширения каналов энергетического сотрудничества Китаю необходимо продолжать поддерживать хорошие отношения с Россией и другими энергетическими державами.

1. Развитие судоходных маршрутов «Шелкового пути» и Северный морской путь. Для снижения затрат на транспортировку СПГ и укрепления взаимного доверия с арктическими странами в рамках международного права, Китай должен уделять больше внимания развитию и использованию арктических судоходных маршрутов.

2. Развитие инфраструктуры. Через такие инструменты, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Китай может участвовать в создании инфраструктуры в Арктике и на Дальнем Востоке России, что будет способствовать созданию благоприятных условий для сотрудничества в области нефтегазовых проектов.

3. Совершенствование политики и регулирования. Китай должен разработать стратегию и план развития арктической энергетики, улучшить внутреннюю систему правового регулирования и стимулировать зарубежные инвестиции в эту сферу.

4. Укрепление взаимного доверия в сотрудничестве. Китайско-российское энергетическое сотрудничество не ограничивается только экономическими аспектами; оно также включает политические связи. Основой для успешного развития сотрудничества в энергетике является укрепление взаимного доверия между правительствами обеих стран. Это включает в себя также и культурное взаимопонимание и расширение взаимодействия между двумя народами.

Заключение

Китайско-российское сотрудничество в области сжиженного природного газа (СПГ) в Арктике является стратегически важным направлением для обеих стран, учитывая глобальные изменения в энергетической политике, рост потребления природного газа и стремление к снижению углеродного следа. Реализация таких проектов, как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2», демонстрирует высокий уровень взаимной заинтересованности и готовности к долгосрочному партнерству. Однако, несмотря на позитивные перспективы, развитие совместных инициатив сталкивается с рядом геополитических, экономических и технологических вызовов.

Суровые климатические условия Арктики, ограниченный период навигации, технические барьеры и необходимость масштабных инвестиций требуют координированных действий и инновационных решений. Кроме того, давление со стороны санкционной политики Запада, уход западных технологических партнеров и конкуренция на глобальном рынке СПГ создают дополнительные сложности для устойчивого развития проектов.

Несмотря на эти вызовы, роль Китая в реализации арктических газовых проектов продолжает расширяться, охватывая инвестиции, строительство, логистику и судостроение. Вклад китайских компаний становится критически важным для обеспечения технической и финансовой устойчивости совместных инициатив. При этом для успешного развития сотрудничества необходимо укрепление доверия между партнерами, разработка прозрачных механизмов ценообразования и повышение взаимной интеграции в сфере энергетики.

В перспективе Китай и Россия могут усилить партнерство за счет расширения инфраструктуры Северного морского пути, внедрения передовых технологий добычи и транспортировки газа, а также углубления кооперации в рамках инициативы «Ледовый шелковый путь». С учетом глобального энергоперехода и повышенного спроса на природный газ, сотрудничество в арктическом регионе остается одним из ключевых векторов стратегического взаимодействия между двумя странами, открывая новые возможности для долгосрочного развития и экономического роста.

Литература

1. Ершов Д. Н., Сигова М.В., Никитина И.А. Отражение концепции энергоперехода в стратегиях развития отраслей и регионов России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39, № 1. – С. 73–101. DOI: 10.21638/spbu05.2023.104.
2. Негреева В. В., Абаркина Д.В. Ямал СПГ: новые риски и возможности российского ТЭК в Арктике // Экономика и экологический менеджмент. – 2016. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yamal-spg-novye-riski-i-vozmozhnosti-rossiyskogo-tek-v-arktike (дата обращения: 15.12.2024).
3. Жилин Р. Китай и особенности российского суверенитета в Арктике // Глобальные дела. – 09.09.2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/kitaj-i-arktika-zhilin/#_ftn7 (дата обращения: 15.12.2024).
4. Чэнь Ююн (ред.). Реализация новой стратегии энергетической безопасности и содействие высококачественному развитию энергетики // QSTheory.cn. – 13.06.2024. URL: http://www.qstheory.cn/wp/2024–06/13/c_1130162784.htm (дата обращения: 15.12.2024).(На китайском языке)
5. Национальное энергетическое управление Китая. Отчет о развитии газовой промышленности Китая. – 2024.
6. Акулов А. (ред.). Китай начал активно покупать нефть и газ у России. Что будет дальше? // Lenta.ru. – 08.02.2024. URL: https://lenta.ru/articles/2024/02/08/china/ (дата обращения: 15.12.2024).
7. 85% строительства модулей для проекта «Ямал СПГ» поручено китайским компаниям // Baidu Baijiahao. – 19.10.2018. URL: https://baijiahao.baidu.com/s ? id=1614728302537963968&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 15.12.2024).(На китайском языке)
8. Лю Сюй. Китайско-российское энергетическое сотрудничество имеет большой потенциал в будущем // nads.ruc.edu.cn. – 08.01.2017. URL: http://nads.ruc.edu.cn/xzgd/92de364f460e4239a97dc1709f000fa1.htm (дата обращения: 15.12.2024).(На китайском языке)
9. Луань Хай. Проект «Ямал СПГ»: ведущий проект сотрудничества в разработке полярных энергетических ресурсов // Xinhua Finance. – 16.06.2017. URL: http://sc.xfafinance.com/html/BR/Business_Activities/2017/243200.shtml (дата обращения: 15.12.2024). (На китайском языке)

CHALLENGES AND PROSPECTS OF CHINA-RUSSIA LNG COOPERATION IN THE ARCTIC

Yan Tian, Wang Shuchun
Guangdong University of Foreign Studies

The article analyzes the challenges and prospects of China-Russia cooperation in the field of liquefied natural gas (LNG) in the Arctic region. Amid global energy transformations and increasingly stringent carbon emission reduction requirements, the Arctic is acquir-

ing strategic significance for both countries. China and Russia have already implemented a number of successful energy projects, including Yamal LNG and Arctic LNG 2, demonstrating their long-term commitment to advancing collaboration in this sector. The article examines key challenges such as geopolitical pressure, environmental restrictions, technological barriers, and logistical difficulties affecting the development of Arctic energy projects. It also analyzes mechanisms for deepening cooperation, including joint investments, infrastructure development, transport routes, and the modernization of gas extraction and processing technologies. Special attention is given to the role of Chinese companies in the implementation of these projects, as well as the potential for further cooperation in light of global energy trends.

Keywords: energy transition, energy policy, Arctic, LNG cooperation, sanctions pressure, China-Russia cooperation, Yamal LNG, Arctic LNG 2.

References

1. Ershov D. N., Sigova M.V., Nikitina I.A. Reflection of the energy transition concept in the development strategies of industries and regions of Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. – 2023. – Vol. 39, No. 1. – P. 73–101. DOI: 10.21638/spbu05.2023.104.
2. Negreeva V. V., Abarkina D.V. Yamal LNG: new risks and opportunities for the Russian fuel and energy complex in the Arctic // Economics and environmental management. – 2016. – No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yamal-spg-novye-riski-i-vozmozhnosti-rossiyskogo-tek-v-arktike (date of access: 15.12.2024).
3. Zhilin R. China and the Peculiarities of Russian Sovereignty in the Arctic // Global Affairs. – 09.09.2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/kitaj-i-arktika-zhilin/#_ftn7 (date of access: 15.12.2024).
4. Chen Yuyun (ed.). Implementation of the New Energy Security Strategy and Promotion of High-Quality Energy Development // QSTheory.cn. – 13.06.2024. URL: http://www.qstheory.cn/wp/2024–06/13/c_1130162784.htm (accessed: 15.12.2024). (In Chinese)
5. China National Energy Administration. China's Natural Gas Industry Development Report. – 2024.
6. Akulov A. (ed.). China has started actively buying oil and gas from Russia. What will happen next? // Lenta.ru. – 08.02.2024. URL: https://lenta.ru/articles/2024/02/08/china/ (accessed: 15.12.2024).
7. 85% of module construction for the Yamal LNG project has been entrusted to Chinese companies // Baidu Baijiahao. – 19.10.2018. URL: https://baijiahao.baidu.com/s ? id=1614728302537963968&wfr=spider&for=pc (Accessed on 15.12.2024). (In Chinese)
8. Liu Xu. China-Russia Energy Cooperation Has Great Potential in the Future // nads.ruc.edu.cn. – 08.01.2017. URL: http://nads.ruc.edu.cn/xzgd/92de364f460e4239a97dc1709f000fa1.htm (Accessed on 15.12.2024). (In Chinese)
9. Luan Hai. Yamal LNG Project: A Leading Project for Cooperation in Developing Polar Energy Resources // Xinhua Finance. – 16.06.2017. URL: http://sc.xfafinance.com/html/BR/Business_Activities/2017/243200.shtml (accessed: 15.12.2024). (In Chinese)

Фундаментальные основы формирования научного наследия: эволюция научного знания и возможности применения наукометрических инструментов

Благинин Виктор Андреевич,
начальник управления наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, Уральский государственный экономический университет
E-mail: v.a.blaginin@usue.ru

Соколова Елизавета Витальевна,
специалист отдела наукометрии, Уральский государственный экономический университет
E-mail: sokolova_ev@usue.ru

В исследовании рассматриваются механизмы формирования, эволюции и консолидации научных теорий, особое внимание уделяется определению теории как научного наследия посредством структурированного методологического анализа. Опираясь на фальсификационизм К. Поппера, смену парадигм Т. Куна, исследовательские программы И. Лакатоса, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда и исследовательские традиции Л. Лаудана, авторы исследования разрабатывают теоретическую модель, описывающую последовательные этапы развития научной теории. Особое внимание уделяется внутренней динамике развития теории, формированию подтеорий и их структурным взаимосвязям. Используя наукометрические методы для анализа сетей, предлагается подход к оценке структурной динамики и устойчивости научных теорий, обеспечивающий основу для прогнозирования их долгосрочного академического влияния и становления научным наследием.

Ключевые слова: научное наследие, формирование научного наследия, научное знание, эволюция научной теории, наукометрический анализ.

Введение

В условиях ускоренного научно-технического прогресса наблюдается рост как глобальных, так и специализированных научных теорий, их стремительное распространение и развитие. Динамика развития научных теорий, понимаемых в рамках текущего исследования как потенциальное научное наследие, характеризуется вариативностью: некоторые теории остаются нераспространенными, другие эволюционируют постепенно, а третьи становятся фундаментальными концепциями и частью научного наследия [7].

Понимание закономерностей формирования и закрепления научных теорий имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку научное наследие определяет основу дальнейших исследований и оказывает влияние на стратегическое развитие науки [10]. Особенно актуальна данная проблематика в контексте национальных научных приоритетов, в частности для Российской Федерации в период внешних ограничений, когда формирование и поддержка собственных научных традиций становятся критически важными для устойчивого развития научного и технологического суверенитета [9].

Авторский коллектив выдвигает гипотезу о существовании паттерна эволюции научных теорий, который связан с динамикой их распространения и поддержания исследовательского интереса к ним во временной перспективе. Предполагается, что в случае успешной идентификации общих закономерностей развития теорий, появится возможность не только определить текущую стадию эволюции теории, но и прогнозировать вероятность ее дальнейшего развития и потенциального перехода в категорию научного наследия (при исключении влияния внешних факторов).

Для проверки данной гипотезы необходимо разработать методологическую схему и алгоритм, позволяющие идентифицировать момент перехода теории в статус научного наследия. Первоочередной задачей является систематизация, синтез и разработка модели на основе существующих подходов к изучению эволюции научных теорий, которая впоследствии может быть протестирована с использованием количественных методов анализа.

Теоретико-методологические подходы и модели эволюции научного знания

Вопрос познания и эволюции научного знания является одной из центральных тем в философии науки, исследуемой на протяжении столетий. Однако в контексте настоящего исследования особый интерес представляет анализ тенденций развития научных теорий и факторов, определяющих их динамику. Одной из наиболее известных моделей, описывающих процесс развития научного знания, является *фальсификационизм Карла Поппера*, изложенный в его фундаментальном труде «Логика на-

учного открытия» (1934) [6]. В рамках данной модели Поппер К. предложил гипотетико-дедуктивный метод, который стал методологической основой для понимания прогресса науки.

В данной модели познание начинается с выдвижения гипотез, из которых дедуктивным путем формулируются эмпирически верифицируемые предсказания. Последующие эксперименты либо подтверждают предсказания, временно закрепляя гипотезу в научном дискурсе, либо опровергают ее, приводя к фальсификации. Научный прогресс, согласно Попперу, не заключается в кумулятивном накоплении истин, а представляет собой процесс элиминирования несостоятельных теоретических конструкций и их замены более адекватными объяснительными моделями.

Модель развития научной теории, предложенная Поппером, может быть визуализирована как непрерывная восходящая траектория, которая периодически прерывается «бороздами» или «отметинами», символизирующими моменты фальсификации или корректировки теории. Каждая такая отметина указывает на критическую точку, в которой теория была подвергнута проверке, уточнена или полностью отринута. Несмотря на прерывания, общая траектория научного прогресса сохраняет восходящий характер, отражая кумулятивное улучшение и уточнение научного знания.

Другая из наиболее влиятельных концептуальных моделей научной динамики была предложена *Томасом Куном* в его фундаментальном труде *«Структура научных революций»* (1962) [2]. В рамках данной модели Кун вводит концептуальную модель научной динамики, основанную на понятии парадигмы – совокупности фундаментальных теоретических допущений, исследовательских методик и норм, определяющих структуру научного познания в конкретный исторический период.

На стадии «нормальной науки» деятельность ученых осуществляется в рамках доминирующей парадигмы, предполагая решение частных задач, уточнение теоретических моделей и эмпирическую верификацию без пересмотра фундаментальных оснований. Однако накопление эмпирических аномалий – данных, несовместимых с основополагающими принципами парадигмы, – ведет к кризису, при котором стандартные корректировки перестают быть эффективными.

В условиях кризиса возникают конкурирующие теории, претендующие на формирование новой парадигмы. Когда старая парадигма утрачивает объяснительную состоятельность, наука вступает в фазу научной революции, сопровождающуюся радикальным пересмотром теоретических основ и институциональными изменениями. Этот процесс представляет собой не только логическую смену концептуальных моделей, но и социокультурное преобразование, требующее переосмысления научным сообществом фундаментальных оснований дисциплины.

Визуально смена парадигм в модели Куна представляется как стремительный скачкообразный переход, за которым следует фаза относительной стабильности. С точки зрения динамики научного познания, интенсивное развитие теории коррелирует с ускоренным накоплением аномалий, что, в свою очередь, вызывает более резкий и радикальный обвал её объяснительного потенциала. Таким образом, согласно Куну, научное развитие представляет собой не плавный эволюционный процесс, а последовательность революционных скачков, определяющих смену парадигм и радикальную реорганизацию структуры научного знания.

Альтернативную концептуализацию динамики научного знания предложил *Имре Лакатос*, разработавший *модель исследовательских программ (1970)*, по которой наука развивается в рамках долговременных исследовательских программ, каждая из которых обладает внутренней структурой и механизмами устойчивости [3].

Основой исследовательской программы является её «жёсткое ядро» – фундаментальные теоретические постулаты, которые не подлежат фальсификации. Вокруг ядра же формируется «защитный пояс» – совокупность модифицируемых гипотез и методологических правил, которые адаптируются к новым эмпирическим данным, что позволяет теории защищать свои центральные положения, не прибегая к радикальным пересмотрам.

В отличие от концепции Поппера, согласно которой наука развивается через фальсификацию гипотез, Лакатос подчёркивает, что теории обычно не отвергаются сразу, а подвергаются постепенным изменениям через уточнение защитного пояса. Кроме того, Лакатос опровергает куновскую концепцию несоизмеримости парадигм, утверждая, что исследовательские программы могут быть оценены рационально и кумулятивно, а переход от одной программы к другой может быть обоснован на основе логических и эмпирических критериев, поскольку сохраняется преемственность объяснительных механизмов.

Графически модель Лакатоса может быть представлена в виде структуры, где центральное жёсткое ядро остаётся неизменным, тогда как окружающий его защитный пояс динамически трансформируется в ответ на новые эмпирические вызовы. Эволюция исследовательской программы представляет собой процесс концентрического расширения, при котором новые знания и методологические адаптации «обвивают» центральное ядро, обеспечивая устойчивость и прогрессивное развитие научного знания без необходимости революционного разрыва с предшествующими теоретическими системами.

Радикально иной взгляд на природу научного знания предложил *Пол Фейерабенд*, разработавший концепцию эпистемологического анархизма, наиболее полно изложенную в его работе *«Против метода» (1975),* в которой он отверг унифицированные методологические стандарты, характерные для моделей научного прогресса [1]. Он утверждает, что прогресс науки детерминируется не строгими рациональными критериями, а плюрализмом методов и подходов.

Основной тезис Фейерабенда – «всё позволено» – предполагает, что эффективное развитие науки возможно только при отказе от жестких методологических регламентов и признании разнообразия исследовательских стратегий. Исторический анализ научных достижений демонстрирует, что ключевые открытия зачастую противоречат установленным нормам, а догматизация метода ограничивает интеллектуальный поиск. Научный прогресс, по его мнению, не является кумулятивным процессом приближения к объективной истине, а представляет собой контингентную эволюцию, обусловленную историческими и социокультурными факторами.

В отличие от линейных моделей Куна и Лакатоса, Фейерабенд предлагает нелинейную, децентрализованную модель научного познания, представляющую собой сеть или древовидную структуру, в которой каждая ветвь отражает отдельную исследовательскую традицию, а научное познание не следует жёсткой траектории.

Идеи Фейерабенда подверглись критике за угрозу рациональному статусу науки, однако они акцентируют внимание на социальном и антропологическом аспектах научной деятельности, подчеркивая роль человеческого фактора и исторической контингентности в формировании научного знания.

В дальнейшем Ларри Лаудан предложил альтернативную концепцию динамики научного знания, интегри-

рующую элементы рационального анализа и историко-социологического подхода. В отличие от моделей Томаса Куна, основанных на смене парадигм, и концепции Имре Лакатоса, описывающей развитие науки через исследовательские программы с жёстким ядром, *Лаудан разработал теорию исследовательских традиций* (1977), представляющих собой устойчивые, но адаптивные структуры, внутри которых формируются, развиваются и оцениваются научные теории [4].

Исследовательская традиция по Лаудану состоит из трёх уровней: концептуального, методологического и эмпирического. Концептуальный уровень включает онтологические и эпистемологические предпосылки, методологический – критерии методов и стандартов проверки гипотез, эмпирический – конкретные гипотезы и теории, подвергающиеся эмпирической проверке. В отличие от Лакатоса, Лаудан не вводит жёсткое ядро; теоретические предпосылки могут эволюционировать в ответ на новые эмпирические данные.

Основой научного прогресса в модели Лаудана является эффективность решения эмпирических и концептуальных проблем. Продуктивная исследовательская традиция – та, что успешно решает аномалии, расширяет объяснительный потенциал и повышает предсказательную мощность. Переход между традициями происходит постепенно, в отличие от резкой смены парадигм у Куна, и конкуренция традиций может длиться длительное время. Таким образом, эволюция науки представляет собой процесс непрерывной адаптации научных концепций в ответ на новые вызовы.

Графически этот процесс может быть представлен в виде волнообразной линии, символизирующей динамическое развитие научного знания, где теория не заменяется скачкообразно, а претерпевает плавную трансформацию, постепенно повышая свою объяснительную и предсказательную эффективность.

В своих поздних работах *Карл Поппер развил концепцию эволюционной эпистемологии*, в рамках которой процесс научного познания рассматривается через призму эволюционной теории [5]. Поппер не отверг фальсификационизм, а дополнительно предложил эволюционное объяснение научного развития: теории аналогичны биологическим организмам, конкурируют в интеллектуальной среде, а фальсификация служит механизмом отбора, исключая теории, не прошедшие эмпирическое тестирование. Процесс теоретической адаптации включает модификацию гипотез, что позволяет повышать их объяснительную мощность и устойчивость к проверкам. Кумулятивное развитие знания происходит через циклы вариации и селекции, в которых выживают наиболее продуктивные теории.

Графическое представление данной модели может быть выражено в виде древа, где: каждая ветвь символизирует отдельное направление научной теории; узлы разветвления обозначают моменты, когда из одной исходной теории формируются новые концептуальные вариации; теории, не выдержавшие эмпирической проверки, исчезают; выжившие теоретические структуры продолжают развиваться, интегрируя новые данные и расширяя свой предсказательный потенциал.

Синтез концепций эволюции научного знания

Таким образом, в рамках концепций существует консенсус относительно того, что развитие научной теории представляет собой динамический процесс, характеризующийся непрерывными изменениями, где конкуренция между теориями играет ключевую роль в их эволюции. При этом научное знание рассматривается не только как рациональный, но и как социальный феномен, где кризисы и аномалии воспринимаются как естественные этапы развития научных парадигм. Общим так же является принятие того факта, что прогресс науки не является линейным: он может включать в себя скачки, адаптации, конкуренцию и даже временные регрессии, что делает его траекторию сложной и многогранной.

При рассмотрении ключевых концепций динамики научного прогресса можно выделить общие закономерности, но также отчетливо прослеживаются принципиальные различия в понимании механики этих процессов. Одним из ключевых дискуссионных вопросов является характер развития научных теорий: проходит ли теория через постепенную эволюцию, подвергается ли радикальным трансформациям, или же оба этих процесса могут сосуществовать на разных этапах ее развития. Кроме того, остается открытым вопрос о наличии универсальных этапов развития теории, поскольку сама концепция этапов предполагает линейность, которая может не соответствовать реальной динамике научного прогресса. Например, в рамках поздней концепции эволюционной эпистемологии Карла Поппера предполагается, что теория может разделяться на подтеории, каждая из которых развивается по собственному паттерну, порождая новые направления исследования.

Представим гипотетическую научную теорию «N», разработанную отдельным исследователем. Хотя она опирается на имеющиеся научные достижения, поскольку современная наука эволюционирует на основе накопленного знания, данная теория не имеет явных прямых предшественников. В таком случае её появление в научном дискурсе, даже если первоначально она формировалась постепенно в трудах одного автора, вероятнее всего, происходит стремительно, в момент достижения критической массы признания, что в модели Томаса Куна соответствует фазе научной революции.

После этого теория вступает в фазу развития, следуя восходящей траектории, как это описано в концепции Карла Поппера: её эволюция сопровождается процессом последовательных фальсификаций и модификаций, которые становятся точками изменения на общей линии научного прогресса. Однако в дальнейшем теория может столкнуться с критическими аномалиями, которые, согласно Куну, инициируют кризис парадигмы. Альтернативный сценарий, описанный Имре Лакатосом, предполагает, что на первом этапе теория обрастает «защитным поясом» вспомогательных гипотез, обеспечивающих временную устойчивость её центрального ядра до момента, когда накопление аномалий вновь ставит под вопрос её фундаментальные основания. Общая условная схема развития первоначальной научной теории представлена на рисунке 1.

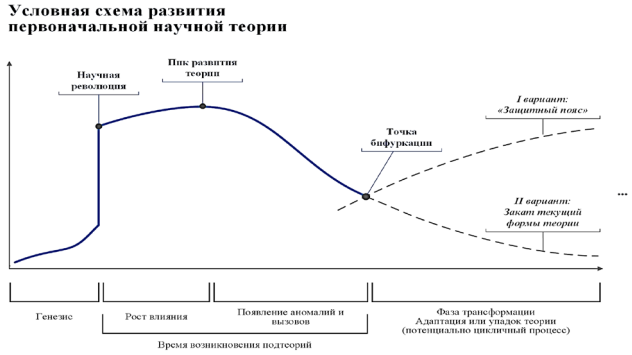

Рис. 1. Условная схема развития первоначальной научной теории

В момент, когда теория не только приобретает известность среди определённого круга учёных, но и сталкивается либо с рядом критических нерешённых вопросов, либо с признаками стагнации, вступает в силу человеческий фактор, рассмотренный Полом Фейерабендом в рамках концепции эпистемологического анархизма. Учёные, заинтересованные в развитии теории «N», начинают предлагать собственные интерпретации и модификации, что приводит к её дифференциации, формированию подтеорий и, как следствие, к возникновению сети или «древа» связанных теорий. Пример возможного сетевого пути эволюции отдельной научной теории с исходящими подтеориями представлен на рисунке 2.

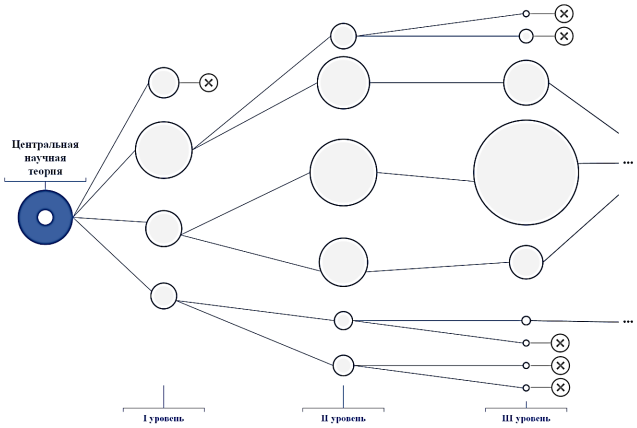

Рис. 2. Схема примера сетевого пути эволюции научной теории

При этом, в соответствии с моделью Имре Лакатоса, все возникающие ответвления сохраняют «жёсткое ядро» исходной теории, включающее её фундаментальные постулаты, поскольку отклонение от этих принципов не является продолжением эволюции теории «N», а знаменует формирование новой концептуальной основы, выходящей за пределы её исходной парадигмы.

В дальнейшем начинает действовать эволюционная модель Карла Поппера, согласно которой подтеории, не выдержавшие эмпирической проверки, утрачивают научную значимость и исчезают, тогда как устойчивые концепции продолжают своё развитие либо посредством научных революций, приводящих к радикальному пересмотру их оснований, либо через постепенную эволюцию, включающую модификации и адаптации.

При этом остаётся нерешённым вопрос о судьбе исходной теории «N»: прекращает ли она своё существование, уступая место более успешным ответвлениям, или, напротив, продолжает развиваться независимо, сохраняя свою идентичность в рамках научного дискурса.

Если теория «N» разрослась, породив множество ответвлений, это может свидетельствовать о ее укоренении в академическом сообществе и переходе в категорию научного наследия. Открытым остаётся вопрос: можно ли считать теорию научным наследием уже на этапе её дифференциации на несколько подтеорий, или же для этого необходимо многократное усложнение её структуры через последовательные уровни эволюции? Существенным фактором также является временной интервал, за который теория достигла данной степени развития, а также её устойчивость к внешним вызовам и способность адаптироваться к изменениям научного ландшафта. Помимо этого, значительную роль играет не только число последователей, но и их вклад в дальнейшую трансформацию теории и её интеграцию в широкий научный дискурс.

Наконец, следует учитывать, что представленная модель не охватывает влияние сверхзначимых внешних факторов, таких как технологические прорывы, социальные трансформации или политические изменения, способные радикально переопределить научные парадигмы и направленность теоретических исследований. Анализ эволюции научных теорий требует комплексного подхода, учитывающего как внутренние механизмы их развития, так и широкий спектр внешних контекстуальных воздействий.

Методология оценки научных теорий через наукометрический инструментарий

В контексте выявления паттернов, необходимых для подтверждения предложенной теоретической схемы развития научной теории и определения ее статуса как научного наследия, возникает ряд методологических вопросов, требующих детального рассмотрения. Ключевым из них является вопрос оценки: каким образом можно определить, достигла ли научная теория уровня научного наследия? Авторский коллектив предлагает подход, основанный на анализе структуры и масштаба сети развития теории, используя в качестве основного инструмента данные о цитировании как самой теории, так и работ, которые на нее ссылаются.

Предполагается, что в идеальной модели цитирование публикации, представляющей собой существующий узел в сети развития теории, указывает на ее продолжение, то есть на появление новых интерпретаций, дополнений или модификаций, которые формируют новые узлы в «древе» развития теории. Однако в реальности цитирование не всегда является фактическим подтверждением содержательного развития теории. Например, зачастую вопреки нормам научной этики, упоминание работы может быть излишним или лишь поверхностным, не несущим значимой научной ценности для дальнейшего развития теории, что создает необходимость более глубокого анализа цитирований, выходящего за рамки простого учета ссылок на базовую публикацию, описывающую ядро теории [8].

Авторский коллектив предлагает учитывать не только цитирование центрального узла (первой публикации, формулирующей теорию), но и цитирование других узлов сети, представляющих собой публикации, находящиеся на одном уровне развития теории или на предыдущих уровнях. Это связано с тем, что исследователь, предлагающий изменения или дополнения к теории, должен быть знаком не только с ее базовыми принципами (ядром), но и с широким спектром ее ветвей и уровней развития. Такой подход позволяет исследователю сформировать целостное понимание текущего состояния теории, ее эволюции и роли различных ученых в ее развитии, что зачастую описывается в рамках части научной статьи, содержащей литературный обзор. Таким образом, сеть развития теории должна включать не только нисходящие связи от ядра к последующим узлам, но и горизонтальные связи между узлами разных уровней.

Для дальнейшего анализа, исходя из обратного подхода, после установления статуса научной теории как научного наследия, можно перейти к изучению количественных показателей, позволяющих выявить общие закономерности и определить текущий этап развития как всей сети, так и центральной теории или ее отдельных подтеорий. Так как ранее было выдвинуто предположение о том, что каждая подтеория проходит уникальный путь развития, что требует отдельного рассмотрения.

Однако не каждая публикация в рамках научной теории формирует самостоятельную подтеорию; многие из них остаются частью эволюции основной теории, внося вклад в ее развитие без образования новых независимых направлений.

В результате можно предположить, что, если научная теория и ее структурные компоненты проходят схожие, схематически универсальные пути развития и при наличии достаточных ресурсов для их изучения, становится возможным не только выявить критерии, определяющие переход научной теории в статус научного наследия, но и прогнозировать критические моменты в ее развитии.

Кроме того, на основе анализа текущей динамики развития теории, включая показатели цитирования, активность исследователей, темпы появления новых подтеорий и степень их интеграции в научный дискурс, видится возможным оценить вероятность ее дальнейшего успешного развития и потенциального перехода в категорию научного наследия.

Заключение

Таким образом, была разработана теоретическая модель эволюции научной теории и формирования сети её подтеорий, а также предложены критерии для оценки теории как научного наследия, основанные на анализе её структуры и устойчивости в научном дискурсе.

Авторский коллектив намерен провести апробацию разработанной теоретической модели с использованием наукометрических инструментов, направленных на верификацию предложенной схемы и оценку ее применимости, что является обоснованным в контексте существующего опыта наукометрического анализа сетевых структур. Также предусмотрена разработка критериев для оценки текущего этапа эволюции научной теории, основанных на выявлении общих закономерностей и структурных паттернов, присущих изучаемым теориям.

Литература

1. Feyerabend P.K. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge. – London: New Left Books, 1975. – P. 339.
2. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions. – Vol. 962. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – P. 212.
3. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. Can Theories Be Refuted? – Vol. 81. – Springer, Dordrecht: Synthese Library, 1976. https://doi.org/10.1007/978–94–010–1863–0_14
4. Laudan L. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. – California: University of California Press, 1978. – P. 257.
5. Popper K.R. Objective knowledge: An evolutionary approach. – Vol. 49. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – P. 395.
6. Popper K.R., Keuth H. Logik der Forschung // The Journal of Philosophy. – 1935. – № 32(4). – P. 107.
7. Schuster J.A. The scientific revolution // Companion to the history of modern science. – Routledge, 2006. – P. 217–242.
8. Абрамов Е.Г. Публикационная этика в научно-исследовательском процессе / Е.Г. Абрамов, О.В. Кириллова // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – № 5(11). – С. 4–8. – EDN PFFPFJ.
9. Белозеров В.К. Россия в борьбе за место в мировом научном пространстве / В.К. Белозеров // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14, № 11(133). – DOI 10.18254/S207987840028996–4. – EDN RDFTFG.
10. Благинин В.А. «Вырваться с национального уровня»: наукометрический вектор развития российских журналов в МНБД / В.А. Благинин, М.Н. Гончарова, Е.В. Соколова // Управленец. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 33–57. – DOI 10.29141/2218–5003–2023–14–4–3. – EDN JTINUG.

FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC HERITAGE FORMATION: EVOLUTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND THE USE OF SCIENTOMETRIC TOOLS

Blaginin V.A., Sokolova E.V.,
Ural State University of Economics

The study examines the mechanisms of formation, evolution, and consolidation of scientific theories, with a focus on defining theory as scientific heritage through structured methodological analysis. Drawing on K. Popper's falsificationism, T. Kuhn's paradigm shifts, I. Lakatos' research programs, P. Feyerabend's epistemological anarchism, and L. Laudan's research traditions, the authors develop a theoretical model describing the sequential stages of scientific theory development. Special attention is paid to the internal dynamics of theory evolution, the formation of subtheories, and their structural interconnections. Using scientometric network analysis methods, the study proposes an approach to assess the structural dynamics and stability of scientific theories, providing a basis for predicting their long-term academic impact and transformation into scientific heritage.

Keywords: scientific heritage, heritage formation, scientific knowledge, evolution of scientific theory, scientometric analysis.

References

1. Feyerabend P.K. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge. – London: New Left Books, 1975. – P. 339.
2. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions. – Vol. 962. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – P. 212.
3. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. Can Theories Be Refuted? – Vol. 81. – Springer, Dordrecht: Synthese Library, 1976. https://doi.org/10.1007/978–94–010–1863–0_14
4. Laudan L. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. – California: University of California Press, 1978. – P. 257.
5. Popper K.R. Objective knowledge: An evolutionary approach. – Vol. 49. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – P. 395.
6. Popper K.R., Keuth H. Logik der Forschung // The Journal of Philosophy. – 1935. – № 32(4). – P. 107.
7. Schuster J.A. The scientific revolution // Companion to the history of modern science. – Routledge, 2006. – P. 217–242.
8. Abramov E.G. Publication ethics in the research process / E.G. Abramov, O.V. Kirillova // Nauchnaya periodika: problemy i resheniya. – 2012. – № 5(11). – P. 4–8. – EDN PFFPFJ.
9. Belozerov V.K. Russia in the struggle for a place in the global scientific space / V.K. Belozerov // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya". – 2023. – Vol. 14, № 11(133). – DOI 10.18254/S207987840028996–4. – EDN RDFTFG.
10. Blaginin V.A. "Breaking through the national level": Scientometric vector of development of Russian journals in international databases / V.A. Blaginin, M.N. Goncharova, E.V. Sokolova // Upravlenets. – 2023. – Vol. 14, № 4. – P. 33–57. – DOI 10.29141/2218–5003–2023–14–4–3. – EDN JTINUG.

Рекламно-агитационные практики по тематике специальной военной операции на Украине: технологии, риски, медиагигиена

Козлов Андрей Валерьевич,
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования МПГУ; профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kozlov0170@mail.ru

В статье исследуется вопрос применения рекламно-агитационных материалов по тематике специальной военной операции на Украине. Автор публикации анализирует рекламно-агитационные практики, выявляет связанные с этим риски и предлагает рекомендации по оздоровлению массово-информационного пространства в этом направлении.

Ключевые слова: рекламно-агитационные материалы, медиагигиена массово-информационного пространства, специальная военная операция на Украине.

В ходе информационного обеспечения проведения специальной военной операции на Украине (далее – СВО) государственные и ведомственные органы информационного обеспечения решают целый ряд задач, которые включают:

«стимулирование роста патриотических настроений в обществе за счет мобилизационной агитационно-пропагандистской работы;

– привлечение широких общественных сил к содействию СВО, формирование у граждан ощущения сопричастности и общего дела;
  […]
– создание культового ряда запоминающихся героических образов и персон» [1].

Достижение этих задач обеспечивается посредством использования технологий и инструментов агитационно-пропагандистской работы, контрпропаганды, связей с общественностью, рекламно-агитационной деятельности, медиагигиены массово-информационного пространства (далее – МИП).

В данной статье основное внимание мы уделим рекламно-агитационной деятельности по тематике СВО.

Под *рекламно-агитационной деятельностью* автор понимает *комплекс коммуникативных мероприятий, осуществляемых с целью побудить человека (группу лиц) совершить те или иные действия, соответствующие задачам субъекта массово-информационной деятельности, генерирующего идеи, создающего и распространяющего массовую информацию.*

Отметим, реклама по тематике специальной военной операции привлекла внимание исследователей фактически с самого начала боевых действий на Украине. Уже весной 2023 г. тема конструирования образов героев в социальной рекламе обсуждалась в г. Луганске в ходе проведения Международной научно-практической конференции [2].

Позже по теме опубликован ряд научных статей. В публикации Н.В. Данилевской изучается языковое своеобразие текстов социальной рекламы, посвященной СВО [3].

В статье Е.А. Лобовиковой социальная реклама СВО рассматривается как «инструмент для передачи социально значимой информации, направленной на формирование общественного мнения о СВО и патриотического воспитания молодежи в современных условиях» [4, с. 250].

Профессор А.Б. Шатилов, отмечая «несомненные боевые успехи российской армии («базис»), тем не менее, полагает, что в плане «надстройки» наше военное и политическое руководство недорабатывает, проигрывая как западным, так и украинским оппонентам. Особое беспокойство вызывают проблемы позиционирования СВО в российском обществе, имиджевая работа по формированию пула героев и культовых персон, контрпропаганда и взаимодействие с «информационными волонтерами»» [1, с. 71–76].

Рекламно-агитационная продукция[1] включает весь набор рекламных средств и информационного контен-

[1] Термины «рекламно-агитационная продукция», «рекламно-агитационные материалы» автор рассматривает как тожде-

та [5]. Для размещения материалов по тематике СВО использовался самый широкий спектр рекламных и информационных носителей и конструкций: рекламные и информационные щиты, информационные плакаты, баннеры и рекламно-агитационные ролики в Интернете т.д.

Заказчики и создатели рекламно-агитационной продукции использовали как прямую, так и косвенную рекламу. Они применяли наружную рекламу, полиграфическую рекламную продукцию, аудиовизуальную рекламу, информационные материалы.

Социальная реклама по тематике специальной военной операции на Украине начала появляться на носителях наружной рекламы и в сети Интернет в 2022 г. Она показывала героев СВО, призывающих стать добровольцем, подписать контракт и т.д. Для этого использовались такие типы носителей как рекламные щиты, в том числе на общественных объектах, ролики в YouTube, рекламные листовки и др.

Реклама размещалась на коммерческой основе и на правах социальной. Бюджеты не раскрывались.

Рекламодателями и рекламопроизводителями выступали как государственные структуры, так и общественные организации. Известны случаи создания рекламных роликов по тематике СВО частными лицами и размещения их, как вирусной рекламы, в социальных сетях. О непосредственных авторах контента известно мало. В начале и в конце роликов отсутствует информация о создателях и конкретных студиях.

Наружная реклама.

Летом 2022 г. на билбордах в российских городах начали появляться фотографии участников СВО [7]. Заявленная в СМИ цель визуального проекта – показать современных героев России, тех, кто отличился в боях и удостоен за подвиги высоких государственных наград. Организаторы проекта «Слава героям России!» – Минобороны и группа компаний Russ Outdoor, крупнейший национальный оператор наружной рекламы [8].

Поставленную цель проект «Слава героям России!» достиг лишь частично, т.к. на плакатах отсутствует описание конкретного подвига, за который военнослужащий поощрен. Вызывает обеспокоенность и использование персональных данных участников СВО.

Вторая, не декларируемая в средствах массовой информации, цель визуального проекта «Слава героям России!» – реклама военной службы по контракту в зоне СВО. Но и она достигнута не была, т.к. рекламные щиты не содержат информацию о том, куда обращаться добровольцам, сведения о льготах и денежных выплатах участникам СВО.

Имеются и положительные примеры наружной рекламы по тематике специальной военной операции на Украине.

В Москве в пешеходных зонах размещены вертикальные рекламные плакаты в сити-формате «Будь Сильным, Верным, Отважным». На одном из них размещен портрет командира танка Эмиля Волгина с боевыми наградами на форме, контактная информация: адрес сайта – Службапоконтракту.рф, телефон – 117; призыв – «Подпиши контракт».

Социальный проект Департамента культуры города Москвы о тех, кто любит, верит и ждет – «Семьи Героев». На рекламных щитах, посвященных женам участников СВО, персональные данные отсутствуют. На билборде, посвященном Ольге, супруге гвардии майора, размещено описание конкретного подвига офицера, стихи поэта В.А. Силкина, адресованные герою специальной военной операции.

На территории Луганской Народной и Донецкой Народной республик установлены «билборды, призывающие стать на защиту Родины: «Все на защиту Родины!», «Остановим нацистов вместе, защитим русскую землю!»» [4, с. 255]. Социальная реклама «представлена наружной рекламой с символикой «Z» и «V». На плакатах были изображены молодые военные в красивом обмундировании со слоганами, аппелирующими к маскулинности: «Есть дело», «Работа для настоящих мужчин», «Присоединяйся к СВОим»» [4, с. 253]. На рекламных носителях персональные данные героев СВО не указываются.

Печатная рекламная продукция

В Курской области распространялись рекламные листовки «Наши. Работайте братья…» и «Для нас нет неприступных крепостей». Они содержат всю необходимую информацию для лиц, желающих поступить на военную службу по контракту: размеры единовременной выплаты и дополнительных выплат в зоне СВО, контактную информацию – телефоны местных военкоматов.

Аналогичным образом построен макет печатной рекламы военной службы по контракту в Москве: «Время решать. От 5,2 млн рублей в расчете на первый год с учетом выплат Правительства Москвы и Минобороны». На листовке размещен телефон Единого пункта отбора на контрактную службу в Вооруженные Силы России. Информация дополнена QR-кодом.

Рекламно-агитационные ролики в Интернете

Маркетологами метко подмечено, что «здравый смысл – мерило адекватности рекламной продукции». Безусловно, это касается и рекламно-агитационного контента по тематике СВО.

Изученные рекламные ролики в YouTube и «Вконтакте» больше походят на антирекламу, дискредитирующую мужское население России. Чаще всего они предлагали поменять «нищенское существование на миллионы и славу героя».

Например, один из увещевательных роликов призывает пойти добровольцем на СВО, чтобы «решить вопрос с тем, как прокормить родных, как подарить сыну велосипед и оплатить долги по ЖКХ» [9].

Главный герой сюжета – Саша. Он думает «как прокормить свою семью и оплатить долги, еще и не забыть про подарки» [9]. У него есть друг Петя, который «смог … изменить свою жизнь. Как ему это удалось? Петя взял судьбу в свои руки и записался добровольцем» [9].

Аналогичную жизненную траекторию предлагают авторы рекламного ролика в стилистике сайта «Госуслуги». В нем так же «главный герой думает о том, как прокормить семью и расплатиться по долгам. Выходом из ситуации авторы ролика называют запись в добровольцы. В соцсетях пользователи называют это социальной рекламой» [10].

Сюжет следующего ролика «построен на истории бедствующей семьи, в которой престарелый дедушка вынужден за бесценок продавать свой старый автомобиль ради выживания. Однако его взрослый внук находит другой выход. Он заключает армейский контракт и спасает деда от продажи машины» [11].

На наш взгляд, в рекламно-агитационные материалы должны закладываться несколько иные мотивы поступления на военную службу по контракту и принятие

ственные.

решения об участии в СВО: защита Родины, дома, семьи и детей… Высокое денежное довольствие, льготы – лишь дополнительные аргументы «за» для потенциального добровольца СВО.

Информационные конструкции

Приведем пример некорректного использования информационных конструкций с фотографиями участников СВО. В городе Феодосия в сквере Имени 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне размещены стенды с фотографиями погибших феодосийцев-участников СВО и военнослужащих дислоцированного здесь же 56-го десантно-штурмового полка.

На четырех баннерах размещены 104 портрета павших воинов. Для небольшого провинциального городка цифра большая. Но внимательное изучение информации на стендах показывает, что реальная цифра значительно ниже, т.к. большинство фотографий погибших по непонятной причине размещены на баннерах по несколько раз: кто-то дважды, а кто-то и трижды.

Подобная ошибка авторов визуального городского проекта явно играет на руку украинской военной пропаганде, позволяя распространять недостоверную информацию о высоком уровне потерь личного состава Вооруженных Сил РФ. Непредумышленно искаженный контент является поводом для очередной информационно-психологической атаки на военнослужащих, членов их семей, потенциальных мобилизованных.

Ошибочным, на наш взгляд, стало неконтролируемое центральными властями размещение в ряде регионов баннеров с фотографиями погибших в ходе СВО местных жителей. Например, в Белгородской области «каждый муниципалитет вправе самостоятельно определять размещение материалов по данной тематике на собственных конструкциях» [12].

Технологии медиагигиены МИП

Решение задач информационного обеспечения СВО невозможно без медиагигиены массово-информационного пространства.

Под ней автор понимает комплекс мер органов государственной власти Российской Федерации и их информационных структур, направленных на блокировку и нейтрализацию влияния массовой информации, оказывающей негативное идеологическое воздействие на оценки, мнения и поведение людей, на их психическое, физическое и социальное состояние, на способность граждан разделять и поддерживать государственные интересы Российской Федерации, эффективно выполнять возложенные на них государством задачи [6].

Применительно к условиям специальной военной операции на Украине медиагигиена должна содержать комплекс мероприятий по государственно-правовому, организационно-техническому, профессионально-технологическому обеспечению оздоровления МИП [13].

В свою очередь профессионально-технологическое обеспечение оздоровления МИП должно включать: создание единого медиацентра для распространения официальной информации по тематике СВО; запрет на проведение журналистских расследований по тематике СВО и военного положения; ограничение ведения военными корреспондентами публичных телеграм-каналов в районах боевых действий; ограничение деятельности блогеров в районах проведения СВО и на территориях, где введено военное положение; запрет на ведение служащими органов государственной власти, военнослужащими и сотрудниками силовых структур публичных телеграм-каналов; ограничение распространения в наружной рекламе и на информационных конструкциях персональных данных участников СВО и др. [6].

Изучение рекламно-агитационных материалов по тематике СВО в контексте основных направлений профессионально-технологического обеспечения оздоровления МИП позволяет отнести к рискам:

во-первых, размещение персональных данных участников СВО, членов их семей на рекламных и информационных носителях. Это позволяют украинским силам информационно-психологических операций оказывать психологическое воздействие на самих военнослужащих, членов их семей путем распространения в их адрес угроз или шантажа. Персональные данные участников СВО также могут быть использованы местными криминальными структурами с целью вымогательства у военнослужащих, ветеранов СВО и членов их семей денежных средств. О подобных случаях отечественные СМИ писали неоднократно [14];

во-вторых, размещение на рекламных баннерах фотографий и других персональных данных ушедших на СВО осужденных за тяжкие преступления против личности. Известны случаи, когда бывшие криминальные авторитеты становились лицами агитационных плакатов по тематике СВО [15].

Анализ рекламно-агитационных практик позволяет предложить ряд рекомендаций по медиагигиене МИП:

– создание концепции рекламно-агитационного сопровождения проведения СВО;
– ограничение распространения в наружной рекламе и на информационных конструкциях персональных данных участников СВО;
– создание правового механизма контроля за размещением в регионах баннеров о погибших в ходе СВО местных жителях;
– предварительный анализ подготовленных рекламно-агитационных материалов с учетом социально-психологических особенностей целевой аудитории, в основе которого лежало бы фокус-групповое исследование, с целью выявления их мнений, отзывов, предпочтений.

Таким образом, активная рекламно-агитационная деятельность по тематике специальной военной операции на Украине способствует росту патриотических настроений в российском обществе, служит привлечению добровольцев в ряды участников СВО, позволяет привлечь население к содействию проведению СВО, служит формированию образов героев СВО. В то же время имеются риски, связанные с распространением рекламно-агитационных материалов. Их учет позволяет снизить негативное идеологическое воздействие на способность граждан разделять и поддерживать государственные интересы Российской Федерации.

Литература

1. Шатилов А.Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022, 12(4). С. 71–76. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-i-pr-soprovozhdenie-spetsialnoy-voennoy-operatsii-rossii-na-ukraine-osnovnye-trendy-i-uroki-pervogo-etapa (дата обращения: 01.03.2025).
2. Лобовикова Е.А. Конструирование образов героев в социальной рекламе. Военная журналистика в современном мире / Е.А. Лобовикова // Материалы Международной научно-практической конфе-

ренции (г. Луганск, 12 апреля 2023 года) / под ред. Ж.В. Марфиной, А.В. Дроздовой [и др.]. СПб: Медиапапир, 2023. С. 84–88.
3. Данилевская Н.В. Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО). Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. № 15(4). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-smysly-sotsialnoy-reklamy-novogo-vremeni-na-materiale-tekstov-posvyaschennyh-svo/viewer (дата обращения: 01.03.2025).
4. Лобовикова Е.А. Социальная реклама СВО / Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Луганск, 7 ноября 2024 года) / Отв. ред. Е.А. Куянцева; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». Луганск: Изд-во ЛГПУ; ИП Орехов Д.А., 2024. 436 с. С. 249–259. – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/129685330/sbornik_konferentsii_2024_.pdf (дата обращения: 1.03.2025).
5. Чуев С. Рекламно-агитационная продукция и информационные материалы в политических кампаниях. – URL: https://studme.org/117123/politologiya/reklamno_agitatsionnaya_produktsiya_informatsionnye_materialy_politicheskih_kampaniyah (дата обращения: 01.03.2025).
6. Козлов А.В. Медиагигиена массово-информационного пространства в условиях специальной военной операции на Украине и военного положения / Монография. – М.: Изд-во «Проспект», 2024. – 88 с.
7. Сахно Е. На билбордах по всей России показали фотографии участников СВО. ТВ Центр, 30 июня 2022. – URL: https://www.tvc.ru/news/show/id/243805 (дата обращения: 1.03.2025).
8. В обществе с восторгом оценили акцию Минобороны и Russ Outdoor. – URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/slava-geroyam-rossii-na-ulitsah-gorodov-obnovili-portrety-uchastnikov-spetsoperatsii/ (дата обращения: 01.03.2025).
9. «Не знаете, как прокормить семью?»: в сети появилась «мотивирующая» реклама призыва добровольцем на СВО. – URL: https://utyug.info/new/23841/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.03.2025).
10. Социальная реклама про добровольцев в СВО оказалась фейком. – URL: https://lenta.ru/news/2022/12/02/rol_fake/?ysclid=m7pzqo9tdw142828771 (дата обращения: 01.03.2025).
11. Информационная диверсия: по Сети гуляют провокационные ролики о русских и СВО. – URL: https://tsargrad.tv/news/informacionnaja-diversija-po-seti-guljajut-provokacionnye-roliki-o-russkih-i-svo_690498 (дата обращения: 01.03.2025).
12. Баннеры с участниками СВО установили за федеральный счет в Белгородской области. – URL: https://bel.ru/news/2023–01–30/bannery-s-uchastnikami-svo-ustanovili-za-federalnyy-schyot-v-belgorodskoy-oblasti-2649737 (дата обращения: 01.03.2025).
13. Козлов А.В. Медиагигиена массово-информационного пространства в условиях специальной военной операции на Украине и военного положения // Военный академический журнал. 2023, № 3. С. 115–120. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54765672/ (дата обращения: 01.03.2025).
14. В Приморье начали проверку по делу о вымогательстве у ветерана СВО. – URL: https://news.mail.ru/incident/62611411/?frommail=1 (дата обращения: 01.03.2025).
15. Криминальный авторитет стал лицом с агитационного плаката СВО. – URL: https://ok.ru/ru7ooo/topic/157153123820919 (дата обращения: 01.03.2025).

ADVERTISING AND PROMOTIONAL PRACTICES ON THE SUBJECT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE: TECHNOLOGIES, RISKS, MEDIA HYGIENE

Kozlov A.V.
Moscow Pedagogical State University, Financial University under the Government of Russian Federation

The article studies the issue of using advertising and promotional materials on the subject of the special military operation in Ukraine. The author of the publication analyzes advertising and propaganda practices, identifies the related risks and offers recommendations for the improvement of the mass information space in this direction.

Keywords: advertising and promotional materials, media hygiene of mass information space, special military operation in Ukraine.

References

1. Shatilov A.B. Information and PR-support of Russia's special military operation in Ukraine: main trends and lessons of the first stage. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022, 12(4). С. 71–76. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-i-pr-soprovozhdenie-spetsialnoy-voennoy-operatsii-rossii-na-ukraine-osnovnye-trendy-i-uroki-pervogo-etapa (date of reference: 1.03.2025).
2. Lobovikova E.A. Constructing the images of heroes in social advertising. Military journalism in the modern world / E.A. Lobovikova // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Lugansk, April 12, 2023) / edited by J.V. Marfina, A.V. Drozdova [and others]. SPb: Mediapapir, 2023. С. 84–88.
3. Danilevskaya N.V. Ideological senses of social advertising of the new time (on the material of texts devoted to SMO). Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2023. № 15(4). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-smysly-sotsialnoy-reklamy-novogo-vremeni-na-materiale-tekstov-posvyaschennyh-svo/viewer (date of address: 01.03.2025).
4. Lobovikova E.A. Social advertising SMO / Information processes of the Russian media space in the context of civilizational confrontation with the West: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Lugansk, November 7, 2024) / ed. by E.A. Kuyantseva; FGBOU VO "LSPU". Lugansk: Izd-vo LSPU; IP Orekhov D.A., 2024. 436 с. С. 249–259. – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/129685330/sbornik_konferentsii_2024_.pdf (date of reference: 01.03.2025).
5. Chuev S. Advertising and promotional products and information materials in political campaigns. – URL: https://studme.org/117123/politologiya/reklamno_agitatsionnaya_produktsiya_informatsionnye_materialy_politicheskih_kampaniyah (date of reference: 01.03.2025).
6. Kozlov A.V. Mediagiogiena mass-information space in the conditions of the special military operation in Ukraine and martial law / Monograph. Moscow: Izd-vo "Prospect", 2024. 88 с.
7. Sakhno E. On billboards across Russia showed photos of participants of the Special Military Operation. TV Center, June 30, 2022. – URL: https://www.tvc.ru/news/show/id/243805 (date of address: 01.03.2025).
8. The public enthusiastically appreciated the action of the Ministry of Defense and Russ Outdoor. – URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/slava-geroyam-rossii-na-ulitsah-gorodov-obnovili-portrety-uchastnikov-spetsoperatsii/ (access date: 01.03.2025).
9. "Don't know how to feed your family?": a 'motivating' advertisement for the call to volunteer for the SVO appeared in the network. – URL: https://utyug.info/new/23841/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (date of access: 01.03.2025).

10. Social advertisement about volunteers in the SVO turned out to be a fake. – URL: https://lenta.ru/news/2022/12/02/rol_fake/?ysclid=m7pzqo9tdw142828771 (access date: 01.03.2025).
11. Information sabotage: provocative videos about Russians and the NWO are circulating on the Web. – URL: https://tsargrad.tv/news/informacionnaja-diversija-po-seti-guljajut-provokacionnye-roliki-o-russkih-i-svo_690498 (access date: 01.03.2025).
12. Banners with participants of the SWO were installed at federal expense in the Belgorod region. – URL: https://bel.ru/news/2023–01–30/bannery-s-uchastnikami-svo-ustanovili-za-federalnyy-schyot-v-belgorodskoy-oblasti-2649737 (date of access: 01.03.2025).
13. Kozlov A.V. Mediagigiena mass-information space in conditions of special military operation in Ukraine and martial law // Military Academic Journal. 2023, № 3. С. 115–120. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54765672/ (date of access: 01.03.2025).
14. In Primorye they started an inspection on the case of extortion from a veteran of the SVO. – URL: https://news.mail.ru/incident/62611411/?frommail=1 (date of address: 01.03.2025).
15. Criminal authority became the face from the propaganda poster of the SVO. – URL: https://ok.ru/ru7ooo/topic/157153123820919 (date of access: 01.03.2025).

Здравый смысл и социология

Кравченко Альберт Иванович,
доктор социологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Огюст Конт, буквально требовавший, а не советовавший или убеждавший, социологию перенять методы и модели физики, перевел эту науку на язык здравого смысла, т.е. представил или изобразил ее довольно популяризаторски и схематично. В такой форме его мысли казались сторонникам гуманитарной мысли более привлекательными. Все подробности, трудности и хитрости академической физики были опущены или проигнорированы. И вот в таком карикатурном образе Конт выставил физику – свою физику, а не физику Ньютона или Максвелла – иконой для рождающейся социологии. И она, как это свойственно всем детям, с увлечением принялась снимать кружева с того, что она толком не понимала и по своей природе серьезно и в полном объеме воспроизвести не могла.
Да и сегодня не умеет, хотя постоянно завидует, вздыхает и оправдывает свою беспомощность особой сложностью объекта исследования, которого нет даже у физики. Так это или нет, сказать никто не может, ибо не выдвинуто принятых всеми критериев сложности или сравнения объектов разной природы – общества и вселенной в данном случае. А раз нет таковых, то спорить можно до бесконечности. И прикрывать свое неумение, свою неэффективность в деле познания реальности – своей реальности – можно так долго, как долго финансируют социологию и прочие подобные науки.

Ключевые слова: социология, здравый смысл (ЗС), теория, чувства, познание, сознание, структура, формы, общественное мнение.

Наука здравого смысла

Социология в XIX веке рождалась из обывательского интереса – ЗС – к изучению того окружения, в котором находятся люди. Подходящее слово уже существовало – общество, а подходящего метода не было. Конт предложил строить социологию по образу и подобию естествознания – более продвинутой и успешной сферы знания. Это методологический ход здравого смысла: когда у тебя под руками нет ничего подходящего и ты не знаешь, что и как делать, посмотри на других, особенно на тех, кто, по твоему мнению, делает это наилучшим образом. Там дилетанты строят свою дачу, подглядывая, обучаясь и перенимая опыт других. Так что ничего парадоксального и удивительного в старте западной социологии не было – она рождалась по рецептам человеческого здравомыслия (рис. 1).

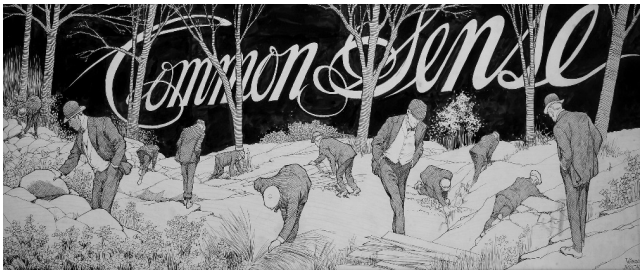

Рис. 1. Не ищи того, что не терял

Социология – это попытка понять социальный мир, помещая отдельные события, выявленные с помощью опроса кучки респондентов или кэйс-стади одного случая в контекст глобальной реальности – социальной структуры общества, его мировой эволюции. Того же требует социологическое воображение Миллса. Вывод: социология рождена воображением. Но чтобы не потерять научный статус, проводит эмпирические исследования. Их результаты носят вероятностный характер, а социальная структура и социальные институты – характер необходимости или закона. Таким образом, социологи пытаются всунуть в вероятность в закономерность и не боятся при этом утверждать о высокой достоверности или даже истинности своих теорий.

Долгое время она не приносила поражающих наше воображение результатов, ничего такого, что противоречило бы уже известному интеллигентным людям и тем, кто интересуется социальными проблемами, например, социальным работникам или филантропам. Вот и родился миф о том, что между социологией и ЗС нет никаких различий, что это одно и то же, но в разной форме.

Социология, как никакая другая наука, близко расположилась от зоны обыденного сознания и повседневной жизни. Почему же она не скатилась к повторению тривиальностей тривиальных людей? Да потому что ей помогли критический взгляд на вещи, независимость от мнения начальства и здравый смысл ее авторов. Здравый смысл – это подлинное мышление. Оно подчиняется формуле: кто ясно мыслит, тот ясно излагает. У здравого смысла ясные и точные формулировки, четкая цель, ясные намерения. Наука логики сплошь построена на здравом смысле.

Социология неотделима от здравого смысла, который встроен в ее научный организм, как биота в тело человека, помогая переваривать поступающую извне пищу, бороться с опасными заболеваниями, защищая от микробов. На нем строится процесс социализации и в нем же он отражается. Без здравого смысла невозможно понять культуру и социальное взаимодействие. Социальные и культурные нормы, социальный контроль и коммуникация невозможны без здравого смысла, ибо на нем строятся все инструкции, нормы, законы, приказы, традиции, обычаи.

Онтология общества – кристаллизация здравого смысла. Социализация начинается с освоения здравого смысла. К сожалению, часто на нем и останавливается. Социология, ее гносеология и методология – кристаллизация здравого смысла. Здравый смысл – предпосылка вашей успеваемости по социологии.

Здравый смысл – сквозная для всей социологии тема. Общественное мнение она затрагивает одним образом, историю и методологию – другим, социализацию и стратификацию – третьим, социальные нормы и контроль – четвертым и т.д. И когда заявляют, что социология – не что иное, как применение здравого смысла к повседневной жизни, то говорят правду, но не всю правду, а только часть правды, ибо научные приемы не совсем то же самое, что породивший их здравый смысл. Они продвинулись гораздо дальше, взяв у него все самое лучше и сделав лучше еще лучше. Социологии необходим здравый смысл, чтобы, во-первых, говорить на одном со своими респондентами языке, во-вторых, понимать логику и особенности их мышления, в-третьих, давать понятные научные результаты своим заказчикам

Общественное мнение людей и здравый смысл – главный предмет и объект социологии. Другое дело, что она открывает в очевидном совершенно не очевидные свойства, скрытые от глаз тенденции и закономерности, за явными функциями обнаруживает латентные. В конечном счете, здравый смысл – это очевидное, а социология изучает неочевидное. По словам Питера Бергера, очарование социологии заключается в том, что она позволяет нам по-новому взглянуть на тот мир, в котором мы прожили свою жизнь.

Здравый смысл становится ложным утверждением, предрассудком или стереотипом, когда, родившись в недрах одной выборки, применяется к другой популяции. Социолог изучил мнения молодых людей, а распространил их на пожилых. Это такая же ошибка, как пожилому человеку соваться в жизнь молодежи и учить ее уму-разуму. По существу, он учит будущее с позиции прошлого, помогает избегать ошибок, которые совершал он сам, но не они и не в тех же самых обстоятельствах. Наш жизненный опыт и произведенный им здравый смысл – глубоко личное дело, не всем оно подходит. Только наука, обобщив все личные мнения, отфильтровав, проанализировав, критически на все посмотрев, способна делать правильные выводы. Да и то не всегда они у нее получаются. Так что здравый смысл – чрезвычайно сложная и темная материя.

Социология существует в двух статусах: 1) подтверждение научными методами давно и всем известного (ЗС), 2) опровержение известного всем (ЗС) и открытие не очевидных вещей. В первом статусе – анкетномании и опросной социологии – она развивается в «любительской» социологии: простенькие анкетки, очевидные и понятные респондентам вопросики без мудрствований в области математической статистики. Во втором модусе она существует в академической науке, где применение изысканных приемов математической статистики и только оно помогает выйти за горизонт очевидного и раскрыть тайные механизмы причинных связей.

Научный метод в социологии первым делом требует правильного построения выборки для извлечения правдивой информации, вторым делом – правильного применения результатов к своей генеральной совокупности, а не к чужой. Эти правила адекватны и для суждений здравого смысла.

Если социолог для подтверждения своих гипотез затрачивает от нескольких дней до нескольких месяцев (продолжительность полевого исследования), то для проверки, фильтрации, отбраковки лишнего, проверки и перепроверки суждений здравого смысла могут уходить года и столетия. А самое главное, что этот процесс невидим и неконтролируем, он стихийный, заранее не планируемый, проходит в разных местах, для разных выборок, в разное время, строится разными исследователями.

Социологическая теория (СТ) собирает информацию от четырех *инструментов сбора данных*: опрос, наблюдение, анализ документов, эксперимент. Они, как и органы чувств, разные: наблюдение даст то, чего не даст опрос. Зрение даст то, что не даст того, что даст слух (рис. 2).

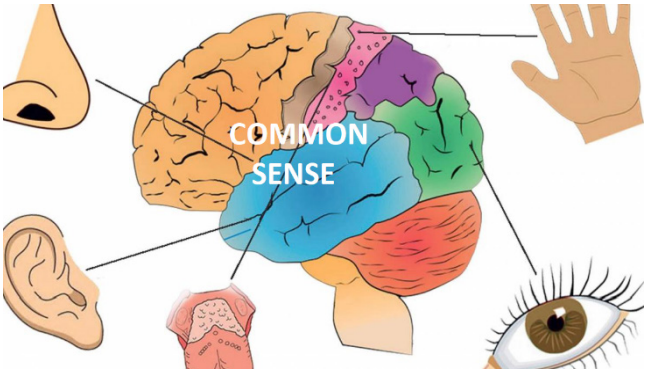

Рис. 2. Общее чувство обобщает информацию от пяти органов чувств. Это его инструменты сбора данных: зрение, слух, вкус, осязание (касание), нюх.

Как только здравый смысл умудряется объединить столь разные виды информации и дать на их основе нечто совершенно новое, не дублируя их? Такое возможно только в одном случае – если он имеет иную природу. Так оно и есть. Его природа – мозг, а не ухо или глаз. Природа СТ – разум исследователя, а не ответы респондента. То и другое – ЗС и СТ – действуют как бы поверх барьеров. Эмпирических и сенсорных барьеров.

Несоциологи и социологи живут в одном мире, являются членами одного общества, постоянно изучают и узнают о нем много общего, осознают они это или нет. Первые отличаются от вторых немногим – специализированным образованием, которое почти целиком строится на математической статистике, чтении академических статей и общении на языке ЗС. Выходит, что они – уже наполовину социологи. Общее им – ЗС. Это означает, что несоциологи без использования определенного языка и аналитических инструментов способны произвести что-то предположительно социологическое, без привлечения каких-либо фактических знаний. Перевод проблемы на социологический язык кладет границу между ними. Но и все. Разве несоциолог хуже понимает проблемы, чем социолог? Может быть, но далеко не всегда. Для социологов вполне естественно предположить, что их знания каким-то образом превосходят знания несоциологов по причинам, связанным с тем фактом, что знания социологов являются продуктом систематических, профессиональных и научных исследований.

Социологи получают знания от обычных людей (респондентов), об обычных людях, но возражают, когда обычные люди вмешиваются в их работу или предлагают свою трактовку получаемых ими знаний. Вот насколько парадоксален ЗС. Социологи считают чуть ли не главной своей миссией поправлять и корректировать знания ЗС, считая себя его лучшими знатоками, исследователями и критиками.

Феноменологию Альфреда Шюца, посвященную анализу жизненного мира, на западе называют протосоциологией либо теоретически ориентированной эмпирической социологией знаний [1]. В таком случае ЗС также можно назвать протосоциологией, из которой, как из своей почвы, выросла научная социология. Если к философским предшественникам научной социологии относить Платона, Локка и мыслителей эпохи просвещения, которые теоретизировали без подтверждения своих теорией строго выверенной эмпирией, а лишь ссылками на ЗС и исторические примеры, то подобный вывод примет вполне обоснованный вид (рис. 3).

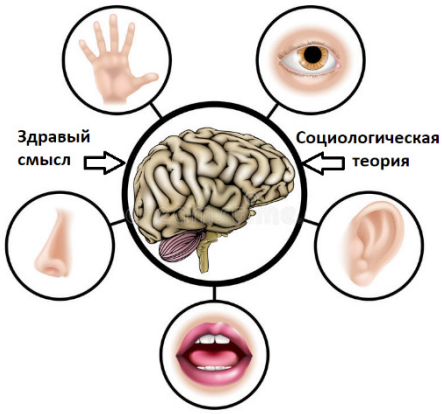

Рис. 3. ЗС и СТ имеют общую сущность – субстанцию мысли

Продолжая концепцию социального действия М. Вебера дальше, А. Шюц писал, что мой жизненный мир создан предшественниками и передается мне через социализацию как бы из вторых рук. Действительно, социальный мир подносят ребенку как на блюдце и кормят понемногу из ложечки. А сам-то он что сделал? Он может что-то сделать для себя в сотрудничестве с другими не как свой отдельный мирок, непохожий на других, а как наше общее дело. Общий мир, в котором всем удобно жить, людям строят потому, что они похожи друг на друга. Они так же понимают других и так же воспринимают мир, как я. Вот почему я могу смело полагаться на свой ЗС, который является не отдельным островком, а частью общего континента. Сходство наших жизненных миров и жизненного опыта позволяет Шюцу говорить о «взаимности перспектив» и «взаимозаменяемости точек зрения».

Социологам пора спросить своих респондентов, а правда ли, что по поводу одного человека или события у них заготовлены разные или даже противоположные интерпретации, которые они используют в зависимости от обстоятельств, в том числе, если их опрашивают? Это иная версия известной максимы: человек думает одно, говорит другое, делает третье. Такое можно выяснить только в рамках простого, даже непрофессионального, опроса. Если пытаться разложить вопрос на переменные и подходить к делу академически, то кроме принципа неопределенностей Гейзенберга социолог ничего не получит.

Внутренние чувства и внешние эмпирические данные имеют совсем другую основу. Гегель предупреждал, что человек слышит и видит только то, к чему готов его разум, фильтруя ненужное или непонятное, незнакомое или второстепенное. Получается, что разум и Common Sense идут впереди чувств, прокладывая им дорогу. А какую дорогу – ту или не ту – они проложат, станет известно позже – после события.

Мы склонны думать о себе как о ясных мыслителях и считать тех, кто с нами не согласен, заблуждающимися. Мы представляем себе, что наши впечатления о мире приходят к нам незапятнанными. Мы думаем, что у нас есть способность видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, но что другие люди запутались в восприятии. Поэтому свою миссию видим в том, чтобы сообщить свои мысли как безусловно истинные и исправить мысли других как заблуждения. Так мы оказываем им благодеяние. Себя мы не видим со стороны, а другие не видят нас изнутри. И мы не понимаем, что все мы трепыхаемся в единой паутине когнитивных предубеждений и предрасположенностей. Мы молимся идолам заблуждения, капищам язычества, верим в мифы и чудеса.

Повседневное познание принципиально отличается от научного. Обыденное – вовсе не познание, а осознание, осмысление, ознакомление или как-то еще. Вспомним мысль Декарта: cogito ergo sum: я мыслю, значит существую. Она обращена к индивиду, а не к человечеству (хотя наука – общечеловеческое достояние). Местоимение «Я» предполагает донаучную стадию ознакомления с миром – очень субъективную, неточную, претенциозную. О нем и сказано у Декарта. Отсюда происходит термин когнитивизм, когнитивные и т.д. Когнитивная психология – изучение восприятия, памяти, мышления, искусственного интеллекта. В современных учебниках по социальной психологии говорится о социальном познании и его ловушках в смысле ловушек cognition, а не research. Обыденное познание – это приобретение знаний из любых источников, кроме науки.

Источники информации для обыденного знания – интернет, лженаука, сплетни, слухи, газеты и ТВ, реклама, общение со сверстниками. Информация от других людей – это слухи и сплетни, из интернета – сплетни в квадрате. Если обыденное познание – это паутина заблуждений, то научное – это попытка избавиться от них. Рассудительность, проницательность и сметливость – инструмент здравого смысла науки. В обыденной жизни мы на самом деле не осуществляем процесс познания, хотя его так и называем. Познание – это не просто сбор новых сведений и информации. Это огромный труд по их переработке, критическому осмыслению, перепроверке другими учеными, признании права на открытие.

В символическом интеракционизме социальная реальность – это продолжение нас самих, поскольку наше познание – ее конструирование. Реальность такова, какой мы ее создадим. Социальная реальность – это то, во что мы верим, как в реально существующее. Проводился такой эксперимент: фотограф на улице просил прохожих дать возможность сфотографировать их. Когда он показывал им фотографию, на ней вдруг оказывался он вместе с ними. Люди были в шоке, как такое возможно – он здесь, и он там в одно время. Но они верили в новую реальность. Ларчик открывался просто: его ассистент незаметно над головами людей ставил портрет фотографа. Испытуемые были в шоке потому, что не заметили, как у них за спиной произошла подстава.

Питер Бергер говорит, что задача социологии – выйти за рамки здравого смысла. Концепция скрытой функции Р. Мертона – тому подтверждение. Например: здравый смысл может свидетельствовать о том, что причиной бедности является то, что люди не хотят работать, или это грехи прошлой жизни, которые привели к бед-

ности в этой жизни. Но социологические исследования говорят, что бедность больше связана со структурным неравенством, неравенством возможностей, отсутствием навыков и т.д.

Но веберианские социологи, феноменологи, такие как Альфред Шюц, этнометодологи, такие как Гарольд Гарфинкель и символические интеракционисты, используют знания здравого смысла для интерпретации значений, которые человек вкладывает в свое построение социальной реальности. Таким образом, социология как субъект должна проводить тонкую грань между здравым смыслом и чисто технической болтовней.

Социологизация здравого смысла

Для западной мысли характерен феномен, который я назвал бы ***социологизацией здравого смысла***, т.е. приписывания его определенной социальной группе, прежде всего социальных низов, рабочего класса, крестьянства, городских обывателей и мещан. На самом деле ЗС – универсальное и всеобщее свойство человеческого мышления, в равной мере присущее всем слоям. Попытка принизить ЗС, связать его только с низами общества, является вульгаризацией, которая присуща высоколобым интеллектуалам, мнящим себя философской или околофилософской элитой общества. Это они прикрепили негативный ярлык к термину «популяризация науки», трактуя его как вульгаризацию академической мысли. На самом деле популяризация всегда была присуща человечеству. Ее надо понимать скорее как просвещение народа, хождение в народ. Для самой академической науки популяризация не менее важна, чем для дилетантов, ибо представляет собой отчет о проделанной работе и заявку на будущие гранты, которые население оплачивает своими налогами.

В эпоху Просвещения наука сама мыслилась как проект просвещения и освобождения обыденного сознания от религиозных пут и мифологии. Но ее дальнейшее развитие, расширение числа отраслей, углубление познания и коммерциализация ее изобретений превратили науку в царицу социального прогресса, в экспертное знание и деятельность, которая уже больше недоступна простому человеческому пониманию. Потребовался новый шаг – новое просвещение людей, новая популяризация знаний. Но теперь это происходит в весьма щепетильной ситуации: ученых из одного сегмента физики, биологии или химии не понимают представители других сегментов, поскольку общий язык они получили только из школьных знаний, а какой он примитивный мы все знаем. Дальнейшая специализация научного труда разбросала ученых по коммунальным квартирам, представляющим чуть ли не башни из слоновой кости. И со временем специализация труда, разбегание научной вселенной растет. В таких условиях объединительным началом для всего человечества может быть только образованный ЗС. А как его получить, если не через популяризацию науки? Причем, популяризацию каждодневную и ежечасную, учитывая скорость прироста научных знаний в мире.

Предрассудков и ложных знаний в научном сообществе ничуть не меньше, чем в обывательском сообществе, ибо там и здесь люди, воспитанные в своем обществе и состоявшиеся затем в своем сообществе. Американские ученые относятся к русским как представителям низшей расы, негров и китайцев не считают серьезными учеными и т.п.

Социальные навыки ЗС (common sense social skills) – что это такое? Проявление силы воли, умение вежливо общаться, настаивать на своем, хитро завлекать в ловушку, привлекать к себе людей, манипулировать другими, внушать уверенность в себя другим, обучать и тренировать? А еще? Преодолевать стресс, выходить из трудных ситуаций, логическое мышление, умение принимать верные решения, управление негативными эмоциями и преодоление невзгод, доводить начатое до конца, эмоциональное мастерство, не поддаваться на обман, критическое мышление, скептицизм, самодисциплина, сопротивляться искушению, самоконтроль, контролировать свои порывы и продолжать идти, когда хотите сдаться, правильное планирование своих действий, ведение здорового образа жизни, умение избавляться от вредных привычек, умение слушать, следовать своим принципам и правилам, быть гибким, уметь признавать свои ошибки, сохранять спокойствие с другими, быть ответственным за свое поведение, не лгать, экономить свои усилия, не быть алчным и чрезмерным, готовность делиться с другими и приходить им на помощь, создание хорошего первого впечатления, чтение языка тела, приносить сердечные извинения, делать искренние комплименты свободно, ориентироваться в незнакомой ситуации, не высказывать непродуманных или резких суждений, не спешить с окончательными оценками и выводами, дать возможность выговориться другим, не прерывать старших, правильно выбирать друзей, не доверять случайным или подозрительным лицам, сдержанное доверие к чужому мнению, доверяй, но проверяй, не позволять себя запутывать и сбивать с толку, не отдавать инициативы в важном для себя деле, не бросаться и не соблазняться большими деньгами, бояться случайных связей, не говорить лишнего, сотрудничайте с другими для достижения общей цели.

Смысл научного познания – открыть территории, на которые не ступала нога человека. Смысл ЗС – использовать завоеванные наукой территории во благо всего человечества. Они не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, являя собой неразрывное единство движения человечества вперед. Нельзя прогрессировать, не открывая новое и не практически не осваивая это новое, не утверждаясь на нем. Без открытия нового человечество уподобляется слепцу, без освоения добытого – в скупого рыцаря, который копит деньги ради накопления. Это напоминает два типа контекста: контекст открытия и контекст обоснования.

Социология – это самопознание общества, т.е. единственная наука, которая позволяет обществу – в лице специально подготовленных им людей – познать самого себя. Ну и каким же предстало общество в зеркале саморефлексии? Узнало оно само себя или социология представило совсем другой, чем ожидалось, портрет общества? Если так, то кем ожидалось? Наверное, обычными людьми, пусть и образованными, т.е. не социологами. А если обычными, то речь должна идти о ЗС. Может так получиться, что на уровне общего смысла (ЗС) мы представляем себе общество одним, а на уровне специального смысла (социологии) – совсем другим. Что думают физики, сантехники или инженеры о том обществе, в котором они живут, до того, как они прочитают (если они вообще читают специальные работы по социологии) социологов? Об этом можно судить по интернет-форумам и блогам.

Социология открывает новое знание. Цель каждого социологического исследования – во всяком случае за рубежом – открыть такое о людях и обществе, чего прежде они сами не знали. Открытие совершается индивидуально, оно авторское и в нем исключается плагиат. Затем оно проверяется и перепроверяется коллективно. То есть сообщество проверяет качество работы прежде, чем принять в свое хранилище знаний и сделать

его common knowledge. Проверенное и признанное всеми знание только и может – или только и должно – стать базой ЗС. А в действительности открытиями на коленке кто только ни занимается. Такая самодеятельность, поставляющая суррогатное знание, в большинстве своем и составляет базу обывательского ЗС. Обывателя, охочего до всяких слухов, сенсаций, мифов и непроверенных сведений. Вот почему в прессе распространена критика ЗС и негативное к нему отношение.

Социология рвется в массы – там ее объект исследования. Но ЗС там делать нечего. Он только что оттуда. Впрочем, как и психологии Ключевое открытие социологии и социальной психологии состоит в том, что сам факт пребывания в группе меняет ваше поведение. Группа – это явление, которое больше, чем сумма его частей. Эти науки недавно открыли себе то, что давно известно ЗС: сообщество действительно больше суммы частей, ибо порождает то, что не могут родить индивиды, а именно консенсус относительно социальных норм, санкций за отклонение от них, социальные организации и институты, общие ценности, традиции и обычаи, согласованные практики и коллективную ответственность. Это то, из чего родился ЗС и что он охраняет (рис. 4).

Рис. 4. Вот оно торжество глобального ЗС!

И хотя ЗС – коллективное порождение, его применение строго индивидуально: каждый человек должен для себя выбрать, каким путем ему идти, какой метод применять, какие правила употреблять в том или ином случае. Вот и получается, что ЗС – это единство в многообразии.

Существуют макро- и микросоциология. А могут быть микро- и макроЗС? Введенное Миллсом понятие социологического воображения было его способом соединить микро- и макроуровни социологии

Социальная категоризация здравого смысла

В категориальную систему социологии, описывающую познаваемую реальность, наряду со здравым смыслом, также входят: здравомыслие, коллективное сознание, общественное сознание, общественное мнение, повседневная деятельность, социальное настроение, массовое сознание, обыденные предрассудки и некоторые другие.

Общественное мнение – реакция населения на текущие события, измеряемая кратковременными опросами. Таково его понимание в эмпирической социологии. Социологи-теоретики дают более сложную картину, включающую многослойную внутреннюю структуру. Если не ограничиваться конъюнктурными опросами на злобу дня и не сводить к ним все общественное мнение, то окажется, что оно – оболочка здравого смысла. Людей можно опрашивать – и необязательно кратковременно и реактивно – на любой вопрос, скажем о смысле жизни. И на каждый из них точки зрения будут разные. Впрочем, если мы суммируем все социологические опросы в разных странах за разные периоды, то окажется, что они как раз и дают такую многообразную картину здравого смысла через призму общественного сознания – от воспитания детей и чтения газет до поколения отцов и детей. Все это информационный капитал общественного мнения и здравого смысла.

Здравомыслие – процесс благоразумного мышления, результатом которого становится здравый смысл, запечатленный в поговорках, афоризма и пословицах. Другое наименование – народные знания, фольклор, народная мудрость, традиционная культура. Здравый смысл – цемент социальной организации общества. Здравомыслящие люди – это его кирпичи. Люди не здравомыслящие – брак при изготовлении кирпичей, при их укладке или эксплуатации, результат неправильной нагрузки, неподобающих условий, в которых они находились после укладки. Социализация – процесс строительства здания общества, соединений цемента и кирпичей. Здравый смысл – это итог и результат действия здравой мысли, т.е. здравомыслия.

ЗС – единство разума и ценностей, ибо здравое уже содержит в себе ценностный элемент. Римская и греческая республика строились на демократических началах, подразумевающих ЗС с большой буквы, ибо получить всеобщую поддержку могут только те фигуры, которые ведут себя честно в личных поступках и заботливо по отношению к другим. ***Здравомыслие*** – поддержка народных идеалов – справедливости, прозрачности, доброты, патриотизма, народного блага – своими делами и речами. Призывать богатых отдать часть своих денег на вооружение народа для защиты города от нападения врагов – здравомыслие, а сокрытие своих денег в этот момент – позор и не здравомыслие. Первое народ поддержит, ибо это всеобщее благо, а второе осудит как антиблаго.

Общественное сознание – социолого-философское понятие потому, что эмпирически напрямую его не измерить, а потому можно только рассуждать о нем с общих позиций. Но поскольку оно касается людей и общества, то проходит по ведомству социологии (а еще социальной философии). Его виды и разновидности: обыденное сознание, повседневное сознание, массовое сознание, массовая (общественная) психология, коллективный разум, этос, коллективный дух, духовная жизнь общества, групповой менталитет, общественная мысль

Социальное настроение – поверхностный слой общественного сознания, ситуативная реакция на события с привнесением эмоционального элемента.

Здравый смысл часто путают с другими, родственными ему, понятиями, в частности с обыденным сознанием, трезвым рассудком, общественным мнением. Почему? Потому что, с одной стороны, наделяют его стереотипами, пережиткам и, заблуждениями, свойственными обыденному и приниженному сознанию. С другой стороны, сводят его к общему, присущему каждому человеку чувству истины и справедливости, приобретаемому с жизненным опытом [2], т.е. нравственному фильтру, моральному судье.

Структуру бытования здравого смысла (ЗС) в обществе можно представить наподобие города, как ряд концентрических кругов. В середине окажется «центральное ядро», куда следует включать только и только суждения ЗС, которые выдержат все критические оценки, анализ и корректировку. За ним, более широким кругом, расположится «пограничная зона», куда можно расположить смешанные или расплывчатые формы ЗС, которые затруднительно однозначно включать в «ядро», но они по первому взгляду принадлежат ЗС. В третий расходящийся круг «окрестности» целесообразно относить все смутное, полупохожее, похожее отдаленно, но все еще, по здравому разумению, относимое к ЗС. Наконец, «пе-

риферия» включает самое обширное пространство квазиформ, превращенных форм ЗС, предрассудков, ошибочных суждений ЗС и прочее. Чем дальше от центра, тем разреженнее качество ЗС, т.е. тем менее похожи на него входящие элементы.

Сферы здравого смысла. Возможно, их не меньше, чем сфер общества. И в каждой действует свой, ни на кого не похожий, либо мало похожий тип здравого смысла. Например, в социальной сфере его выражения: а что люди скажут; не заставляй меня за тебя краснеть; наплевать, что люди подумают обо мне; на каждый роток не накинешь платок и т.д. В экономической сфере выражения другие: работа не волк, в лес не убежит; мы работаем столько, сколько нам платят; идешь в магазин, не бери много денег – не удержишься и все растратишь; мы люди бедные и др. В теории познания здравый смысл формирует картину окружающего мира, устройство вселенной, законы физики на обыденном уровне. Здесь он чаще ошибается и плетет в сознании невесть какие закона, включая передачу мыслей на расстоянии, оживление духов и многое другое, чего на самом деле не существует. Почему здесь он такой фантазер? Да потому что это не его сфера. Это сфера науки. И она сюда раньше всех других сфер проникла – начиная с античности, развеивая один дилетантский миф за другим.

ЗС можно представить в виде шкалы или **континуума**, на котором здравомыслие займет середину, а глубокомыслие и легкомыслие – края (рис. 5).

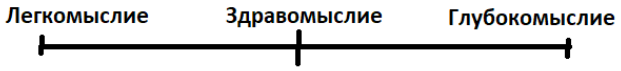

Рис. 5. Континуум разномыслия

Как можно проиллюстрировать эту мысль? С помощь всадника, изображающего разум, и лошади, олицетворяющий чувства.

Легкомыслие – ребенок или неопытный наездник на коне, он еще не умеет подчинять себя чувства, и они влекут его туда, куда им вздумается. Вместо ребенка может быть дама в старомодном одеянии с ножками, свешанными на одну сторону. Просто ребенку садиться на лошадь уже легкомыслие.

Глубокомыслие – мудрость, старец на ослике, чувства уменьшились в размере, одряхлели и полностью подчинены ЗС

Здравомыслие – кавалерист или ковбой на коне – полная гармония чувств и разума; боевой конь всегда выручит человека, а тот его любит как родную жену.

Здравомыслящий человек аналитически просчитывает все альтернативы принимаемого решения и выбирает самый оптимальный вариант.

Мудрый человек просчитывает на несколько ходов вперед, взвешивая все альтернативы и их последствия на каждом из ходов, а затем принимает такое решение, о котором слышавшие его говорят: О, мудрейший!

Мудрость – необычайный синтез здравой логики мышления, глубочайшей интуиции, явных и неявных знаний человеческого мира, а также творческой неожиданности и парадоксальности интеллекта. ЗС – заботиться о своих детях или внуках. Мудрость – соединить две установки в оригинальную связь, не всегда понятную просто ЗС, а именно: мы холим и лелеем своих внуков, чтобы было на кого оставить своих детей.

Чем крупнее и масштабнее мы берем уровень общества, тем заметнее и необходимее в нем роль здравого смысла (ЗС) как способа принятия коллективных решений при создании новых институций, учреждений и комиссий (институциональный уровень), как механизма согласования множества разных интересов (консенсусный аспект), при разработке устава, правил поведения, выработки целей и миссии. Здравый смысл (ЗС) – понятный всем и принимаемый всеми (либо большинством) уровень коллективной приемлемости – строитель и созидатель крупномасштабных систем, структур, мероприятий. Политическая партия вынуждена строить свою программу, писать политические лозунги на языке здравого смысла. Популизм заигрывает с ЗС – будь то президент, правительство, политические и общественные деятели. А кто его игнорирует? Художники, писатели, ученые, поэты, шизофреники, экстремалы, первопроходцы, герои.

Роль – ожидаемое сообществом поведение от индивида, занимающего созданное этим сообществом статус или должность. Ролевые ожидания продиктованы правами и обязанностями данного статуса. Руководством к правильному выполнению предписаний занимаемого статуса служит ЗС. Он диктует не только служебные обязанности, но также служебные ритуалы, приветствия, форму и содержание разговоров, общения, коммуникации, взаимодействия и образа жизни в целом. Ролевое общение делится на формальную (служебную) и неформальную (внеслужебную) части. Так, на службе между полицейскими, солдатами или врачами протекают разговоры на профессиональные темы в связи с выполнением служебных задач, так и внеслужебные, семейно-бытовые, разговоры. В кадре и на сцене они враги, а в жизни друзья. Есть люди, которые придерживаются формальности и на работе, и в жизни.

На здравом смысле построены не только общественные институты, но и общества в целом. Так, в основание США положен в том числе манифест «Здравый смысл» Пейна. ЗС лежит в основании системы общечеловеческих ценностей и множества государственных конституций. На нем строится политика популизма и прагматизма капиталистических демократий и коммунистических стран. Такой институционально-конституционный ЗС освобожден от всяких субъективных пристрастий и личных амбиций, односторонних взглядов и партийной приверженности. Субъективным и амбициозным становится практика применения этих документов теми или иными политиками

Наука изучает то, что присуще в среднем всей популяции, для чего использует статистику. Она не говорит, сработает обнаруженная закономерность на индивидуальном уровне или нет. ЗС интересуется тем, что справедливо на индивидуальном уровне, конкретно для меня, и не интересуется популяцией в целом. Хотя происхождение утверждений ЗС, например, то, что у богатых больше шансов получить хорошее образование, чем у бедных, ведется из наблюдений, в том числе моих, за популяцией в целом. Много раз убеждаясь на бытовом уровне в справедливости данного высказывания, я не стану ждать, пока наука своими безупречными исследованиями подтвердит тоже самое. Я верю своим наблюдениям, как ученый верит своим эмпирическим исследованиям, пусть я не применяю научного метода, а он применяет. При этом ученый заинтересован в истине – справедливой для всей популяции, а я заинтересован в пользе, которую получу лично для себя. Я беру присущие всем закономерности, примеряю к себе, и смотрю, подходят они для меня или нет. Если подходят, я кладу их в копилку своего ЗС.

Поскольку научные исследования описывают ситуацию в целом по популяции, характеризующую всех или большинство с мерой статистической вероятности, они не могут предложить практические рекомендации для

каждого индивида в этой популяции, в том числе для меня. Статистические предикторы хороши для исследовательских целей, но не очень полезны на индивидуальном уровне. Статистическая правда говорит нам, что большинство людей почувствовали бы себя лучше, приложив к больной голове капустный лист. Но это не значит, что он поможет и вам. ЗС требует проверки на себе того, что полезно другим. В этом случае он ведет себя как всякий ученый, а не как всякий лох. Когда вы не знаете, как поступить в данной ситуации, вы можете поэкспериментировать самостоятельно или попросить совета у эксперта – опытного человека, практикующего мастера. Обращаться к учебнику или инструкции, означает обращаться к не практикующему мастеру, теоретику своего дела. Большинство сфер жизни требуют, чтобы мы работали на основе доказательств, которые далеко не всегда соответствуют предписаниям науки.

Литература

1. Eberle T.S. (2012). Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies. Vol. 35. № 2. P. 279–304.
2. Здравый Смысл // Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.

COMMON SENSE AND SOCIOLOGY

Kravchenko A.I.

Auguste Comte, who literally demanded, rather than advised or persuaded, sociology to adopt the methods and models of physics, translated this science into the language of common sense, i.e. presented or depicted it in a rather popularizing and schematic way. In this form his thoughts seemed more attractive to the proponents of humanitarian thought. All details, difficulties and intricacies of academic physics were omitted or ignored. And in this caricatured form, Comte made physics – his physics, not the physics of Newton or Maxwell – an icon for the nascent sociology. And she, as is typical of all children, enthusiastically began to remove the lace from what she did not understand and, by nature, could not reproduce seriously and fully.

And even today she can't do it, though she constantly envies, sighs and justifies her helplessness by the special complexity of the object of study, which even physics doesn't have. No one can say whether it is so or not, because there are no accepted by all criteria of complexity or comparison of objects of different nature – society and the universe in this case. And since there are no such criteria, we can argue endlessly. And one can cover up one's inability, one's inefficiency in cognizing reality – one's reality – for as long as sociology and other similar sciences are financed.

Keywords: sociology, common sense (CS), theory, feelings, cognition, consciousness, structure, forms, public opinion.

References

1. Eberle T.S. (2012). Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies. Vol. 35. No. 2. P. 279–304.
2. Common Sense // Philosophy: Encyclopedic Dictionary. – M.: Gardariki. Edited by A.A. Ivin. 2004.

Развитие творческого потенциала учащихся старшей школы в процессе формирования речевых навыков

Марченко Елена Витальевна,
к.п.н., преподаватель, Предуниверсарий ГУУ

В статье рассмотрены различные методики развития творческого потенциала школьников в процессе изучения иностранного языка. Развитие творческого потенциала учащихся мы рассматриваем на основе соотношения понятий «творческий потенциал», «интеллектуальный потенциал», «творческое мышление» в их взаимодействии и интеграции. Развитие творческого потенциала учащихся на уроках иностранного языка позволяет сделать занятия более яркими, интересными, запоминающимися, повышают мотивацию и качество обучения иностранному языку в целом.

Ключевые слова: творческий потенциал, научное творчество, профильно-ориентированное обучение, творческий подход к обучению иностранным языкам.

Введение

В последнее десятилетие все более важной в отечественной педагогике становится подготовка специалистов в формате профильно-ориентированного обучения, с интегрированной в него программой изучения иностранного языка. В соответствии с Концепцией профильного обучения на старшей ступени общего образования, принятой в 2002 г., под профильно-ориентированным обучением понимается средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования [5].

Согласно данной концепции, профильное обучение нацелено на формирование у школьников их профессиональных устремлений, а именно, носить продуктивный характер и обеспечивать интеграцию образовательного процесса с реальной деятельностью, делать упор на индивидуализацию и дифференциацию обучения, а также быть ориентировано на потребности как самой личности, так и на рынок труда – учитывать потребности регионов в специалистах определенных профессий [5]. Принимая во внимание перечисленные концепции, ожидается, что профильное обучение послужит формированию навыков творческого и критического мышления, самостоятельности школьников, научит их свободно ориентироваться в современной окружающей действительности и принимать самостоятельные решения, которые связаны с будущей профессиональной деятельностью [7].

Цель статьи: раскрыть сущность понятий «творческий потенциал», «интеллектуальный потенциал», «творческое мышление» в рамках обучения иностранному языку. Проанализировать и предложить наиболее эффективные способы развития творческого потенциала учащихся на старшей ступени обучения предуниверсария.

Изложение основного материала исследования

В данной статье мы рассмотрим развитие творческого потенциала учащихся на основе соотношения понятий «творческий потенциал» и «интеллектуальный потенциал», а также понятия «творческое мышление» в их взаимодействии и интеграции. Формирование творческих навыков обучающегося предполагает его познавательное развитие, а также формирование у него социальной чувствительности и нестандартного мышления. Творческий потенциал в контексте развития личности и обучения иностранному языку – это способность к мышлению не только на родном языке учащегося, но и на иностранном.

В отличие от традиционных программ обучения, дающих готовое знание по отдельным дисциплинам, система профильно-ориентированного обучения старшеклассников стремится к изучению мира как единого целого путем интегрированного обучения. Речевая, социокультурная, языковая и компенсаторная компетенции развива-

ются на старшей ступени обучения, поэтому обучение иностранному языку играет ключевую роль в профильном обучении. И.Л. Бим в своей монографии отмечает, что профильное обучение иностранному языку, предполагает более углубленное его изучение. Определение специализации и нацеленность содержания обучения на выбранный профиль, как правило, осуществляется с учетом планов старшеклассников на будущее, характера дальнейшего их обучения в среднем специальном или высшем учебном заведении [1]. Иностранный язык, в особенности английский, дает доступ к информации всего мира и возможность обучиться чему-то новому. Процесс изучения языка способствует усвоению новых технологий и механизмов, развивает иной тип мышления, позволяя обучаемому быть более конкурентоспособным на рынке труда.

Исходя из вышесказанного, нужно отметить, что перед педагогами стоит довольно масштабная проблема в обучении иностранному языку. С одной стороны, научить ребенка мыслить самостоятельно при этом творчески сначала на родном языке, с другой, формировать умения определять и развивать тему, сопоставлять, анализировать и получать свой продукт мышления. При этом, данный мыслительный «продукт» на иностранном языке должен быть правильно оформлен грамматически, фонетически и интонационно. На старшей ступени обучения английскому языку учителя сталкиваются с тем, что учащимся сложно выразить свои мысли даже на русском языке. Список глобальных проблем для обсуждения на занятиях идентичен во всех иностранных языках. Согласно ФГОС, каждый учащийся должен владеть знаниями по представленным темам и должен уметь поддержать разговор по представленным топикам. На деле, не каждый педагог может уверенно сказать, что его учащиеся бойко отвечают на темы социальных, экономических и экологических проблем в мире или у себя в стране даже на родном языке [9]. Каковы знания и интерес по данным темам старшеклассника, который посещает профильную школу? Хватает ли у него мотивации, чтобы интерес к иностранному языку не терялся? В начальных классах ученики изучают иностранный язык с большим удовольствием. Их привлекает новый материал, игровые и ролевые технологии, общение на уроке на другом языке. Если программа профессионального педагога составлена с учетом возраста и психологии учащихся, не перегружена теоретическим материалом, содержит игровые технологии и приемы, дети с большим удовольствием изучают иностранный язык. В дальнейшем, материал по предмету усложняется, становится более объемным и сложным для усвоения, появляются другие предметы, и из-за большого объема информации по предмету и усложнения общей программы мотивация к изучению языка снижается. Средний и старший этап обучения английскому требует от учащегося большей сосредоточенности на предмете, концентрации и внимания. В процессе обучения в мозге происходят сложные логические процессы, такие как: обработка и запоминание большого объема изучаемой лексики по различным тематикам, запоминание страноведческой информации, сопоставление двух языковых культур, и, наконец, использование этой информации в формировании продуктивных умений [8]. Работа на занятии по иностранному языку сопряжена с напряженной умственной активностью. Нужно научить подростков рассматривать и понимать абстрактные понятия на языке путем обобщения от частного к общему, глобальному и наоборот, а также обучить не только системе языка, его особенностям, а также технологиям использования его в различных сферах жизни. Так как обучение происходит во время занятия на уроке, в процесс активно подключается работа с воображением. Вопрос, который стоит перед многими педагогами старшей школы: Как справиться с задачей развития творческого потенциала учащихся в контексте обучения иностранному языку?

Мы считаем, что работа с творческим воображением учащегося является одним из самых действенных приемов, который приводит к творческой коммуникативной активности. Л.С. Выготский указывает, что «речевая функция напрямую связана с деятельностью воображения» [2]. Сам процесс творческого воображения предусматривает выделение специальных, определенных черт в человеке или предмете, эти черты можно выявить как во внешности так и в явлении или событии. Выявляя элементы этих черт, где-то даже специально преувеличивая их, механизм воображения объединяет эти элементы в новые обстоятельства и ситуации, то есть в аналогии, которые являются его составляющими. Л.С. Выготский отмечает, что механизм ассоциации и диссоциации (т.е. отвлечение от своей персоны к другим образам) очень важны во всем умственном развитии человека, потому что именно они лежат в основе абстрактного мышления. Воображение опирается на память и интегрирует ее данные в различные, новые сочетания и контексты. Мозг создает сочетания, которых до этого момента не существовало в опыте человека, то есть какие-то нестандартные ситуации могут активно способствовать процессу познания окружающего мира и своего внутреннего. Получается, что воображение даже за короткий срок может перевести учащегося из повседневной действительности в другую плоскость, тематику этой плоскости задает педагог. Приведем примеры таких упражнений. На занятиях в предуниверсарии ГУУ мы используем различные пособия и материалы для развития речи, а также авторское пособие «English Phonetics in use», в которое включены те материалы, которых нам не доставало в рабочих УМК. В него включены различные эффективные фонетические упражнения на формирование произносительных навыков а также развитие ритмико-интонационных навыков, включающие поговорки, скороговорки и диалоги на английском языке. Несмотря на то, что пособие рассчитано на учащихся старшей школы, его можно рекомендовать детям с разной языковой подготовкой.

Для того чтобы активизировать воображение очень эффективна модель Р.Б. Дилца и Т.А. Эпстайна «Поменяться местами», целью такого приема является возбуждение активной работы воображения с помощью интенсивности обратной связи. Например, работая над темой «Celebrities and fame» учащийся меняется местами с носителем языка. Личность героя обговаривается заранее, и лучше, если учащиеся знают данную персону, увлекаются деятельностью, которую она или он занимается. Это может быть знаменитая актриса, писатель, ведущий, футболист, блогер. Сначала учащиеся слушают монолог или диалог с участием данного героя или героини, подмечая детали в акценте, жестикуляции, настроении. Дальше обучающиеся копируют эту личность, повторяя произнесенную фразу или вопрос, но моделируют свой ответ с учетом мимики, жестов и интонации, используемой героем, как бы зеркально воспроизводя его [3].

При выполнении такого задания подключаются различные стратегии и технологии. Даже если обучающийся поймет произнесенную фразу на иностранном языке, это не означает, что он с легкостью сможет его воспроизвести. Устное высказывание требует значительную вовлеченность центральной нервной системы. В процессе использования этого тренировочного упражнения, на занятии создается некая плоскость, в которой используется вся центральная нервная система. Ученый Т. Эпстайн

утверждал, что учебную задачу легче осуществлять, если к ней подключены как можно больше зон нервной системы. Также, большую роль играет используемый педагогом контекст, чем больше он нравится ученикам, чем больше он вносит новизны и практичности в обучение, тем с большим удовольствием учащийся будет решать поставленную перед ним задачу. Основной компонент использования данного приема – это ощущение любопытства, желание импровизации, поиск свободы и сотворчества с партнером или с группой [1]. Процесс такой постановки должен быть беспрерывным, поэтому во время исполнения роли участниками их речевые ошибки не озвучиваются, а отмечаются учителем, чтобы в конце «постановки» их можно было скорректировать. Так как воображение тесно связано с нашими чувствами, в момент их изменения будет меняться и окраска речи, а именно ее мелодика, скорость и тембр. Получается, что создавая такой игровую модель, мы порождаем языковую активность, в которой прорабатываем основные фонетические аспекты обучения монологической и диалогической речи. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что работа с воображением активизирует основные ресурсы в процессе обучения иностранным языкам.

Выводы

В процессе работы в Предуниверсарии ГУУ мы заметили, что просмотр лекций, интервью, рилсов например, на каналах известных ученых, блогеров, актеров, имеет сильное эмоциональное воздействие на учащихся, особенно если подбор материала осуществляют сами учащиеся. Мы полагаем, что просмотр аутентичного, современного материала, а затем отработка его с помощью приема драматизации должен быть обязательным компонентом в преподавании иностранных языков. В дальнейшем, учащиеся смогут использовать ассоциации вызванные учебными контекстами и перенесут их в арсенал своих речевых умений, при этом сохранив лексико-интонационное оформление речи, которое было отработано на занятии в процессе ролевой игры.

Заключение

Использование творческого потенциала помогает развивать социальное сознание, формирует лингвистические навыки, диагностирует будущие профессиональные интересы и потребности обучающихся, мотивирует учащихся с разным уровнем иностранного языка к его изучению. Принцип сотрудничества и сотворчества стимулирует учащихся пропускать ситуацию общения через себя, придавая ей личностные характерные черты, что делает коммуникационную ситуацию более запоминающейся. В процессе активизации воображения желательно использовать такие программные материалы, сценарии которых легко бы переносились в ситуацию реальной жизни, это может быть важное политическое, экономическое или историческое событие, или наоборот, в ситуацию привычную, бытовую, всем знакомую, поэтому легко воплощаемую и усваиваемую [6]. Таким образом, развивая творческий потенциал учащихся на уроках иностранного языка педагог делает свои занятия более яркими, интересными, информативными, практичными, повышая при этом мотивацию учащихся.

Литература

1. Бим И.Л. Профильное обучение иностранным языкам на старшей ступени общеобразовательной школы: проблемы и перспективы. – М., 2007. – 230 с.
2. Выготский Л.С. Избр. психологические исследования. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 506 с.
3. Дилц Р., Эпстайн Т. Динамическое обучение. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 416 с.
4. Лотман Ю.М. О трех функциях текста / под ред. Кантора В.К. – М.: РОССПЭН, 2009. – 309 с.
5. Приказ Минобразования РФ от 18.07.2002 № 2783 «Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования». – М., 2002. – 15 с.
6. Савкина Н.Б. Метод активизации возможностей личности и коллектива: Сб. ст. – М.: Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2000. – 61 с.
7. Сметанина О.М. Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и образовательная политика // Иностранные языки в школе. 2016. № 5. 21–26 с.
8. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. – М.: Просвещение, 2017. – 170 с.
9. Эксузян Г.Г. Современный урок иностранного языка / Образование в современной школе, 2018. № 3.
10. Каштанова И.И. Обучение устной речи на основе модели коммуникативной ситуации в средней общеобразовательной школе / И.И. Каштанова, И.И. Некрасова // Теория и практика современной науки. – 2016. № 6–2(12). – С. 733–738.
11. Копытько С.В. Метод интервью в практике преподавания русского языка как иностранного в неязыковом вузе / С.В. Копытько // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. № 10(52), ч. 2. С. 109–114.
12. Хильченко Т.В. Использование интерактивных методов и приемов на современном уроке английского языка / Т.В. Хильченко, Ю.В. Оларь // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2014. № 1(21). С. 90–96.

THE DEVELOPMENT OF HIGH SCHOOL STUDENTS' CREATIVE POTENTIAL IN THE PROCESS OF FORMING SPEAKING SKILLS

Marchenko E.V.
The State University of Management

The article highlights different approaches in the development of creative potential of students within a process of learning foreign languages. The forming of creative potential we consider as the relation of the concepts, such as:»creative potential», «intellectual potential» and «creative thinking». The development of creative potential at foreign lessons makes the classes brighter, memorable and productive. It maximizes students' performance, enhances their motivation and increases the quality of education in general.

Keywords: creative potential, scientific creativity, professionally-oriented education, creative approach in teaching foreign languages.

References

1. Bim I.L Profile education of foreign languages at higher stage of secondary schools: problems and perspectives. M., 2007. – 230 p.
2. Vygotsky L.S. Selected psychological researches. – M.: APN RSFSR, 1956. – 506 p.
3. Dilts R., Epstein T. Dynamic education. – Voronezh: NPO «Modek», 2001. – 416 p.
4. Lotman Y.M. About three functions of the text. Edited by Kantor V.K. – M.: ROSSPAN, 2009. – 309 p.
5. The order of the Ministry of Education Russian Federation 18.07.2002 N 2783 «About the approving of the conception of profile teaching at higher stage of secondary education». – M., 2002. – 15 p.
6. Savkina N.B. The method of activating possibilities of the single personality and a team: The collection of articles. – M.: Scien-

tific and educational center «Kitaygorodskaya school», 2000. – 61 p.
7. Smetanina O.M. The Study of Foreign Languages in the Era of Globalization and Educational Policy // Foreign Languages at School. 2016. No. 5. pp. 21–26.
8. Stronin M.F. Teaching Games in English Language Lessons. – M.: Prosveshcheniye, 2017. –p. 170.
9. Eksuzyan G.G. Modern Foreign Language Lesson / Education in a Modern School, 2018. No. 3.
10. Kashtanova I.I. Teaching Oral Speech Based on the Model of Communicative Situation in Secondary School / I.I. Kashtanova, I.I. Nekrasova // Theory and Practice of Modern Science. 2016. No. 6–2(12). – pp. 733–738.
11. Kopytko S.V. Interview Method in Teaching Russian as a Foreign Language in Non-Linguistic Universities / S.V. Kopytko // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. – Tambov, 2015. No. 10 (52), part 2. – pp. 109–114.
12. Khilchenko T.V. Use of Interactive Methods and Techniques in Modern English Language Lessons / T.V. Khilchenko, Yu.V. Olar // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2014. No. 1 (21). pp. 90–96.

Исследование эффективности контент-маркетинга в B2B-сегменте

Микрюков Владимир Олегович,
к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Гук Мария Олеговна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: saoket4@gmail.com

Чемулова Елизавета Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: etchemulova@yandex.ru

Богомолова Виктория Руслановна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vika.bogomolova_05@bk.ru

Яхонтова Софья Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sofiayakhontova@gmail.com

Статья посвящена исследованию эффективности контент-маркетинга в B2B-секторе на примере компании Bergauf, одного из ведущих производителей строительных смесей в России. В условиях цифровизации и изменения моделей принятия решений, компании сталкиваются с необходимостью разработки комплексной контент-стратегии, которая должна учитывать потребности целевой аудитории и обеспечивать высокую степень вовлеченности. Авторское исследование основано на экспертных интервью и анализе текущих практик, что позволяет выявить ключевые факторы успешного контент-маркетинга, такие как создание образовательного контента, использование различных каналов коммуникации и внедрение системы показателей эффективности. В статье рассматриваются различные аспекты важности применения контент-маркетинга и традиционных каналов распространения информации о деятельности B2B-компании в формировании первичного интереса и поддержании постоянной коммуникации с клиентами. Результаты работы направлены на разработку рекомендаций по оптимизации контент-стратегии, что может способствовать улучшению взаимодействия с клиентами и повышению коммерческих показателей компании Bergauf. Практическое применение предложенных рекомендаций позволит компании укрепить свои позиции на рынке и повысить лояльность клиентов.

Ключевые слова: B2B-сектор, Bergauf, контент-маркетинг, контент-стратегия, коммуникация, маркетинговые исследования, образовательный контент, эффективность, целевая аудитория, цифровизация.

В современных рыночных условиях цифровизация бизнес-процессов привела к кардинальным изменениям в системе коммуникаций между производителями и потребителями. Особенно значимыми эти трансформации становятся для сектора B2B, где принятие решений о покупке требует всестороннего информационного обеспечения.

Актуальность исследования эффективности контент-маркетинга в B2B-сегменте обусловлена несколькими ключевыми факторами.

1. Трансформацией информационных потребностей бизнес-клиентов в цифровую эпоху, поскольку, по опыту авторов данной статьи, многие B2B-компании значительно увеличили свои инвестиции в контент-маркетинг за последние три года. Это подтверждает тенденцию к росту значимости качественного контента в деловой коммуникации.

2. Происходит изменение моделей принятия решений в B2B-секторе. Путь принятия решений становится сложнее, дольше, а контент-маркетинг позволяет убыстрить процесс сделки, поскольку на большинство вопросов об опыте и основных потребностях потенциальный клиент получит информацию из социальных сетей, рассылок и др. каналов. Но всё это требует от компаний разработки комплексных контент-стратегий на всех этапах воронки продаж.

3. Рост конкуренции и усложнение рыночной среды B2B-сектора nj; t требуют от компаний более гибкого и стратегического подхода. В условиях, когда клиенты становятся более требовательными, а предложения на рынке разнообразными, важно не только предлагать качественные продукты и услуги, но и выстраивать долгосрочные отношения с партнёрами. Контент-маркетинг в этом помогает.

Эти и другие факторы определяют необходимость глубокого изучения механизмов контент-маркетинга в B2B-сегменте и разработки научно обоснованных рекомендаций по их оптимизации для компаний, стремящихся сохранить конкурентные позиции на рынке.

Объектом исследования выступает контент-маркетинг компании Bergauf – признанного лидера в производстве строительных смесей на российском рынке. Цель работы заключается в определении ключевых факторов успешного контент-маркетинга и разработке рекомендаций по его оптимизации для компании Bergauf.

Обзор литературы

Российские исследователи уделяют значительное внимание вопросам контент-маркетинга в деловой сфере. Согласно работе Котельниковой А.С. и Кузнецовой Е.В. (2023), эффективная контент-стратегия должна базироваться на концепции RACE, адаптированной для специфики российского рынка [1]. Авторы подчеркивают важность последовательного достижения этапов: достижение (Reach), взаимодействие (Act), конверсия (Convert) и вовлечение (Engage).

Бахшиев Р.Т. в своем исследовании акцентирует внимание на необходимости создания персонализированного контента, учитывающего особенности целевой аудитории [2]. По мнению автора, именно такая направ-

ленность позволяет значительно повысить ROI маркетинговых кампаний. Восканян М.М. с соавторами рассматривают специфику продвижения в социальных сетях через призму фреймворка SOSTAC, что особенно актуально для B2B-компаний [3].

Отечественные исследования демонстрируют, что наиболее эффективными форматами контента в деловом сегменте являются образовательные материалы и экспертный контент. Как отмечает Кутаева У., современные B2B-клиенты предпочитают получать информацию через достоверные источники, что требует от компаний создания качественного профессионального контента [4].

Таким образом, исследователи подчеркивают важность контент-маркетинга в деловой сфере, акцентируя внимание на необходимости разработки эффективных контент-стратегий, адаптированных к специфике рынка. Также отметим, опираясь на проанализированные работы, что образовательные и экспертные материалы являются наиболее эффективными форматами контента, что требует от компаний создания качественного и интересного контента для удовлетворения потребностей современных B2B-клиентов.

Методология исследования

Целью проведенного исследования являлось определение оптимальных подходов к организации контент-маркетинга для компании Bergauf на основе экспертной оценки текущих практик и анализа предпочтений целевой аудитории. Для достижения поставленной цели в период с 12 ноября 2024 года по 12 марта 2025 года авторами был проведен экспертный опрос 11 специалистов различных уровней, включая руководителей подразделений маркетинга и продаж, менеджеров по работе с клиентами и SMM-специалистов [5].

Для сбора первичных данных использовались полуструктурированные интервью, продолжительностью от 45 до 60 минут каждое. Взаимодействие с экспертами строилось вокруг ключевых блоков вопросов: анализ текущего состояния контент-маркетинга, оценка эффективности используемых форматов, определение проблемных зон и потенциала развития.

Практическая значимость исследования для компании Bergauf заключается в следующем.

1. Опираясь на выводы из экспертного пороса, стало возможным разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию контент-стратегии компании.

2. Эксперты указали на актуальные на 2025 год приоритетные каналы коммуникации с целевой аудиторией компании Bergauf.

3. Авторы совместно с экспертами сформулировали систему показателей эффективности контент-маркетинга компании Bergauf.

Авторский анализ полученных данных

Анализ экспертных интервью позволил выявить несколько значимых тенденций в организации контент-маркетинга компании Bergauf. Все опрошенные эксперты отметили высокую значимость образовательного контента, который составляет около 70% общего объема публикаций. При этом наибольшую эффективность демонстрируют практические руководства и мастер-классы по применению продукции.

Интересные данные были получены относительно предпочтительных каналов коммуникации. Несмотря на активное развитие digital-платформ, традиционные каналы (личные встречи, телефонные консультации) сохраняют свою актуальность, особенно на этапе принятия решения о крупных закупках. Однако для формирования первичного интереса и поддержания постоянной коммуникации с клиентами социальные сети и корпоративный блог играют ключевую роль.

Эксперты отметили, что контент должен быть дифференцирован в зависимости от истинных потребностей целевой аудитории. Для профессионалов строительной отрасли наиболее ценными являются технические детали и спецификации, тогда как начинающие специалисты (особенно женщины) нуждаются в базовых знаниях и простых инструкциях. Это подтверждает необходимость создания многоуровневой системы контента.

По результатам опроса были выявлены основные метрики эффективности контент-маркетинга: показатель вовлеченности (engagement rate), конверсия из просмотров в заявки на сайте, время удержания внимания пользователей на видеоконтенте, доля повторных обращений через контент-каналы.

Заключение, общие выводы по исследованию и рекомендации

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Контент-маркетинг является неотъемлемым элементом успешной коммуникации в B2B-сегменте.

2. Эффективность контент-стратегии напрямую зависит от степени соответствия контента потребностям целевой аудитории.

3. Комплексный подход, сочетающий различные форматы и каналы распространения контента, даст наилучшие результаты для компании Bergauf.

Таким образом, опираясь на выводы из исследования, авторы считают необходимым сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию контент-маркетинга для компании Bergauf.

1. Создание четко структурированной системы контента, включающей сегментацию целевой аудитории по потребностям и особенностям потребления контента.

2. Уделить особое внимание на обратную связь с подписчиками после того, как единицы контента будут распространены. Это могут быть вебинары, консультации и другие формы взаимодействия.

3. Авторы совместно с опрошенными ими экспертами считают, что необходимо оптимизировать бюджет и время на создание контента в следующих пропорциях: 50% – образовательный контент; 30% – практические руководства по строительным смесям и другим продуктам компании; 20% – развлекательный контент.

4. Рекомендуем установить для контент-менеджеров и SMM-специалистов (в том числе внешних подрядчиков) четкую систему KPI, где должны быть зафиксированы такие показатели, как месячный рост подписчиков, улучшение вовлеченности, конверсия в лиды, ROI контент-маркетинга и др.

5. Следует развивать персонализацию в контенте через создание сегментированных рассылок в социальных сетях, мессенджерах и email.

Литература

1. Котельникова А.С., Кузнецова Е.В. Использование концепции RACE для разработки PR-кампании организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12–2 (87). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kontseptsii-race-

dlya-razrabotki-pr-kampanii-organizatsii (дата обращения: 08.01.2025).
2. Бахшиев Р.Т. Креативы как ключевой инструмент повышения ROI: эффективные подходы к разработке и тестированию / Р.Т. Бахшиев // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 12(81). – С. 125–144.
3. Восканян М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.
4. Кутаева У. Будущее B2B-продаж: большое переосмысление. // КОРУС Консалтинг. – URL: https://omni.korusconsulting.ru/blog/budushchee-v2v-prodazh-bolshoe-pereosmyslenie/ (дата обращения: 08.01.2025).
5. Микрюков В.О. Стратегии контент-маркетинга для B2B-компаний (на основе авторского анализа контент-стратегии компании Bergauf). // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 2. – С. 350–352.

RESEARCH ON THE EFFECTIVENESS OF CONTENT MARKETING IN THE B2B SEGMENT

Mikryukov V.O., Guk M.O., Chemulova E.A., Bogomolova V.R., Yakhontova S.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article is dedicated to the study of the effectiveness of content marketing in the B2B sector, using the example of Bergauf, one of the leading manufacturers of construction mixtures in Russia. In the context of digitalization and changing decision-making models, companies face the necessity of developing a comprehensive content strategy that takes into account the needs of the target audience and ensures a high level of engagement. The author's research is based on expert interviews and an analysis of current practices, which allows for the identification of key factors for successful content marketing, such as the creation of educational content, the use of various communication channels, and the implementation of performance metrics. The article discusses various aspects of the importance of applying content marketing and traditional channels for disseminating information about B2B companies in generating initial interest and maintaining ongoing communication with clients. The results of the study aim to develop recommendations for optimizing the content strategy, which can enhance client interaction and improve the commercial performance of Bergauf. The practical application of the proposed recommendations will enable the company to strengthen its market position and increase customer loyalty.

Keywords: B2B sector, Bergauf, content marketing, content strategy, communication, marketing research, educational content, effectiveness, target audience, digitalization.

References

1. Kotelnikova A.S., Kuznetsova E.V. Using the RACE concept to develop an organization's PR campaign // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 12–2 (87). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kontseptsii-race-dlya-razrabotki-pr-kampanii-organizatsii (accessed: 08.01.2025).
2. Bakhshiev R.T. Creatives as a key tool for increasing ROI: effective approaches to development and testing / R.T. Bakhshiev // Bulletin of Science. – 2024. – Vol. 2, No. 12 (81). – P. 125–144.
3. Voskanyan M.M. Developing a Social Media Promotion Strategy for Business Using the SOSTAC Framework / M.M. Voskanyan, S.E. Galavanova, V.O. Mikryukov // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – Vol. 12, No. 10–1. – Pp. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.
4. Kutaeva U. The Future of B2B Sales: A Big Rethinking. // KORUS Consulting. – URL: https://omni.korusconsulting.ru/blog/budushchee-v2v-prodazh-bolshoe-pereosmyslenie/ (accessed: 08.01.2025).
5. Mikryukov V.O. Content Marketing Strategies for B2B Companies (Based on the Author's Analysis of the Content Strategy of Bergauf). // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 2. – P. 350–352.

Моделирование маркетинговых коммуникаций в школьной и студенческой среде

Тихонова Полина Сергеевна,
студент кафедры стратегического и инновационного развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: tikhonova-ps@mail.ru

Скороходов Сергей Николаевич,
к.ф.н., доцент кафедры маркетинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: snskorokhodov@fa.ru

В научной статье авторами представлен анализ ключевых маркетинговых коммуникаций, системно обеспечивающих эффективное распространение пользовательского контента в школьной и студенческой среде. В ходе исследования особое внимание уделяется аспектам цифрового маркетинга, а также сегментации целевой аудитории с целью идентификации оптимальных и конкурентных маркетинговых коммуникаций. Для достижения поставленной цели используются следующие научные методы: анализ данных, измерение, абстрагирование, сравнительная характеристика, систематизация. Результатом проведённого исследования становится научно-обоснованный вывод о том, что комплексное моделирование маркетинговых коммуникаций в образовательной сфере неразрывно связано с процессами глубокой сегментации целевой аудитории и, следовательно, формированием пользовательского опыта, релевантного запросам субъектов студенческой и школьной среды. В данном контексте интеграция технологий цифрового маркетинга в процессы продвижения и позиционирования качественного и конкурентного контента в сфере образования средствами актуальных и востребованных маркетинговых коммуникаций приобретает важное экономическое и социальное значение.

Ключевые слова: сегментация, маркетинговые коммуникации, пользовательский контент, персонализация, образовательная сфера.

Введение

Маркетинговые коммуникации занимают важное место в PR-деятельности организаций различных отраслей экономики, а также в социальных сферах жизнедеятельности общества, в том числе они находят комплексное применение в образовательной сфере. Важное значение при моделировании данных коммуникаций приобретает идентификация ключевой потребности целевой аудитории образовательной сферы, к которой относятся дети, подростки и молодежь [8].

Целевое использование прикладного инструментария многообразных маркетинговых коммуникаций играет важную роль во взаимодействии образовательных организаций со школьниками и студентами, имея сильное влияние на выбор молодежи своего личностного и профессионального развития. Современные университеты и школы стараются следить за тенденциями, активно вести социальные сети и использовать онлайн-платформы, чтобы донести нужную информацию и зарекомендовать себя на рынке образовательных услуг. Построение сильной стратегии маркетинговых коммуникаций, которая будет учитывать взгляды, предпочтения и потребности студентов, помогает создать сильную эмоциональную связь с потенциальными клиентами.

Обсуждение

Маркетинговые коммуникации – это совокупность методов и принципов, которые используются для формирования стратегии общения и взаимодействия с аудиторией для достижения определенных целей [1]. Маркетинговые коммуникации (рис. 1) имеют ряд целей, которые зависят от размера организации, продукта и общей стратегии развития. К наиболее популярным целям относятся:

– донесение необходимой информации до аудитории;
– повышение узнаваемости;
– увеличение лояльности аудитории;
– укрепление позиции компании на рынке среди конкурентов.

Маркетинговые коммуникации позволяют построить близкие и доверительные отношения с клиентом, создав при этом положительный образ компании. Образовательные организации могут использовать определенный вид маркетинговых коммуникаций, но эффективнее будет использовать совокупность нескольких видов. Так можно будет максимально охватить целевую аудиторию и донести свой посыл через различные каналы и инструменты взаимодействия, что увеличит вероятность успеха осуществления маркетинговой стратегии [4].

В основном образовательные организации стараются использовать несколько видов маркетинговых коммуникаций одновременно. Самые распространенные из них следующие.

Прямой маркетинг: школы и университеты стараются поддерживать взаимодействие с будущими обучающимися на высоком уровне персонализации.

Брендинг: с помощью брендинга учебные заведения могут выделиться и занять свою позицию на рынке образовательных услуг, показывая свои самые сильные стороны [1].

Наиболее часто при взаимодействии со школьниками и студентами используются два вида каналов коммуникации: традиционный и цифровой.

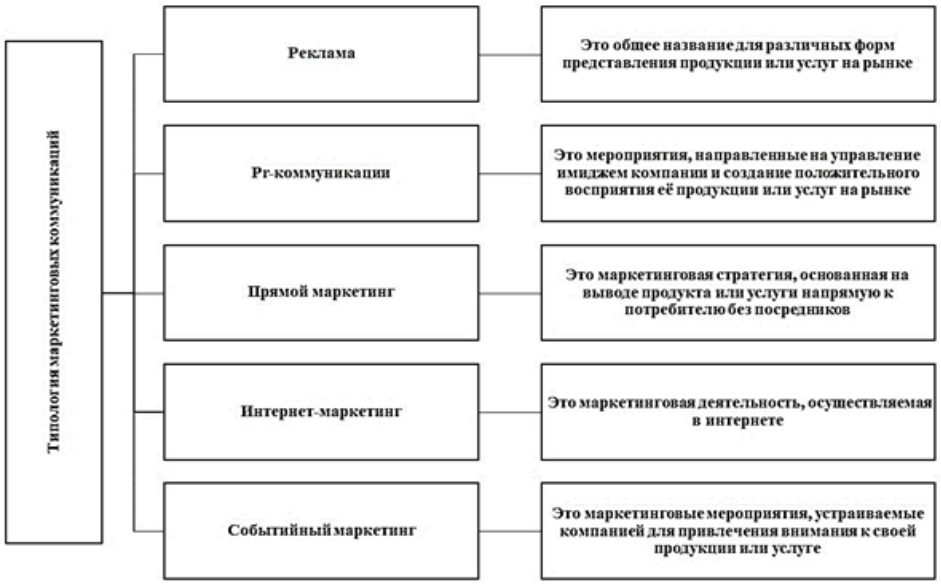

Рис. 1. Технологии маркетинговых коммуникаций

Источник: составлено автором.

К традиционным каналам коммуникации относятся печатные материалы, email-рассылка и оффлайн-мероприятия. Хоть эти инструменты для взаимодействия со школьниками и студентами кажутся немного устаревшими, без них невозможно представить деятельность ни одного образовательного учреждения [3]. Традиционные каналы коммуникации являются более эффективными для распространения достоверной информации, так как плакаты и email-рассылки ассоциируются с официальными источниками информации и воспринимаются с большим доверием.

Однако, с развитием технологий и цифрового пространства в целом, наиболее привлекательными для школьников и студентов стали цифровые каналы коммуникации. Подростки и молодежь ежедневно пользуются социальными сетями и уже не могут представить свою жизнь без них. С помощью социальных сетей они общаются, узнают новую информацию, становятся частью сообществ [5]. Из этого можно сделать вывод о том, что социальные сети и мессенджеры являются основным инструментом для эффективного общения со школьниками и студентами. Цифровые каналы коммуникации позволяют быстро передавать информацию, выстраивать персонализированное взаимодействие и получать обратную связь.

Результаты

Рассмотрев традиционные и цифровые каналы коммуникации, можно сказать о том, что каждый вид имеет свои преимущества и недостатки. Традиционные каналы коммуникации просто необходимы для объявления официальной информации, а цифровые каналы коммуникации предназначены для ежедневного взаимодействия со школьниками и студентами с целью поддержания доверительных отношений и построения эмоциональной связи [10]. Построение стратегии коммуникации на основе объединения традиционного и цифрового вида каналов позволит максимизировать качество отношений со школьниками и студентами.

Так как целевая аудитория образовательной сферы максимально вовлечена в цифровое пространство, то важно обратить внимание на наиболее распространенные инструменты восприятия информации школьниками и студентами. Они лучше всего воспринимают информацию через короткие видеоролики, онлайн-мероприятия, а также склонны к быстрой обработке информации в виде кратких и емких текстовых сообщений [6].

Относительно проведения рекламных кампаний для целевой аудитории образовательной сферы можно сказать, что доминирующим фактором является эмоциональная составляющая [2, 9]. Рекламная кампания должна отражать все ценности, которыми руководствуется образовательное учреждение и которые будут близки подросткам. Чем больше ценности учебной организации совпадают с ценностями ее будущих учеников, тем больше будет эмоциональный отклик, что, соответственно, благоприятно повлияет на результаты рекламной кампании.

Сильное влияние на формирование образа учебного заведения среди молодежи оказывает не только их прямое взаимодействие, но и онлайн-отзывы, рекомендации в социальных сетях. Современные подростки привыкли просматривать различные платформы с отзывами, чтобы сформировать отрицательный или положительный образ об образовательном учреждении. В то время как рекомендации в социальных сетях работают как современное «сарафанное радио» [7]. Именно поэтому реализуя стратегию маркетинговых коммуникаций, образовательным учреждениям необходимо мониторить платформы, на которых чаще всего проводит время молодежь, и влиять на формирование благоприятного мнения об их деятельности.

Заключение

Таким образом, маркетинговые коммуникации – эффективный инструмент для повышения узнаваемости учеб-

ного заведения, увеличения лояльности аудитории и привлечения новых клиентов.

Однако, для того чтобы привлечь новых клиентов нужно не только сформировать сильную стратегию маркетинговой коммуникации со школьниками и студентами, использовать необходимые каналы коммуникации и инструменты наилучшего восприятия информации, но и следить за перечнем услуг и комфортными условиями обучения, которые будут привлекательными для подростков.

Социальные и экономические факторы такие как уровень трудоустройства после прохождения обучения, стоимость обучения, репутация учреждения, педагогический состав, разнообразие программ обучения оказывают значительное влияние на выбор учебного заведения. Эти факторы обуславливают необходимость не только выстраивать грамотную стратегию маркетинговых коммуникаций, но и следить за качеством предоставляемых услуг.

Эффективное развитие маркетинговых коммуникаций в школьной и студенческой среде требует комплексного подхода, учитывающего особенности потребления контента в различных социальных медиа. Систематическое применение визуальных и текстовых стратегий, наряду с соблюдением общих принципов вовлечения аудитории, способствует формированию устойчивой лояльности и увеличению эффективности маркетинговых кампаний.

Литература

1. Азарова С.П. Маркетинг взаимоотношений: теория и методология / С.П. Азарова, С.Л. Балова, Н.Ю. Вяткина [и др.]. – Москва: Издательство Прометей, 2023. – 366 с.
2. Бекетов А.Н. Цифровая трансформация маркетинговых коммуникаций в отраслевой экономике / А.Н. Бекетов, С.Н. Скороходов // Тренды управления экономическими системами. Монография. Москва. 2024. С. 21–30.
3. Карпова С.В. Особенности влияния рекламных стимулов на поведение потребителей / С.В. Карпова, И.В. Рожков, В.С. Воронина// Экономика и управление в машиностроении. 2019. № 5. – С. 43–46.
4. Развитие российского рынка социальных медиа: тенденции настоящего и сценарии будущего. Информационно-аналитический материал, подготовленный по результатам исследования и прогнозирования развития рынка социальных медиа в России в 2023 г. – Москва, 2024. – 104 с.
5. Рожков И.В. Модель интеграции маркетинговых коммуникаций при продвижении бренда российских сырьевых компаний / И.В. Рожков // Практический маркетинг. 2025. № 1(331). С. 4–7.
6. Скороходов С.Н. Реализация принципов ценностно-ориентированного подхода в стратегическом маркетинге: аспекты формирования уникального торгового предложения // Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 4. – С. 101–106.
7. Социальные сети в России: цифры и тренды. Brandanalytics.ru, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (дата обращения: 01.03.2025).
8. Digital 2025 Global Overview. [Электронный ресурс]. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения: 10.01.2025).
9. Kannan P.K., Hongshuang L. Digital marketing: A Framework, review and research agenda // International Journal of Research in Marketing. 2016. Vol. 34. I. I. P. 22–45.
10. Ponomareva M. Media culture in promoting photo servicescompanies in social media | M. Ponomareva, Y. Andreeva// Media Education. 2024. № 1. P. 144–150.

MODELING OF MARKETING COMMUNICATIONS IN THE SCHOOL AND STUDENT ENVIRONMENT

Tikhonova P.S., Skorokhodov S.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In this scientific article, the authors present an analysis of key marketing communications that systematically ensure the effective distribution of user-generated content in the school and student environment. The study pays special attention to aspects of digital marketing, as well as segmentation of the target audience in order to identify optimal and competitive marketing communications. To achieve this goal, the following scientific methods are used: data analysis, measurement, abstraction, comparative characteristics, systematization. The result of the study is a scientifically substantiated conclusion that complex modeling of marketing communications in the educational sphere is inextricably linked with the processes of deep segmentation of the target audience and, consequently, the formation of user experience relevant to the needs of subjects of the student and school environment. In this context, the integration of digital marketing technologies into the processes of promotion and positioning of high-quality and competitive content in the field of education by means of relevant and in-demand marketing communications is of great economic and social importance.

Keywords: segmentation, marketing communications, user-generated content, personalization, educational sphere.

References

1. Azarova S.P. Relationship Marketing: Theory and Methodology / S.P. Azarova, S.L. Balova, N. Yu. Vyatkina [et al.]. – Moscow: Prometey Publishing House, 2023. – 366 p.
2. Beketov A.N. Digital Transformation of Marketing Communications in the Industrial Economy / A.N. Beketov, S.N. Skorokhodov // Trends in Economic Systems Management. Monograph. Moscow. 2024. Pp. 21–30.
3. Karpova S.V. Features of the Influence of Advertising Incentives on Consumer Behavior / S.V. Karpova, I.V. Rozhkov, V.S. Voronina // Economics and Management in Mechanical Engineering. 2019. No. 5. – Pp. 43–46.
4. Development of the Russian Social Media Market: Present Trends and Future Scenarios. Information and analytical material prepared based on the results of the study and forecasting of the development of the social media market in Russia in 2023 – Moscow. 2024. – 104 p.
5. Rozhkov I.V. Model of integration of marketing communications in promoting the brand of Russian raw materials companies / I.V. Rozhkov // Practical Marketing. 2025. No. 1 (331). Pp. 4–7.
6. Skorokhodov S.N. Implementation of the principles of a value-oriented approach in strategic marketing: aspects of forming a unique selling proposition // Financial markets and banks. – 2024. – No. 4. – Pp. 101–106.
7. Social networks in Russia: figures and trends. Brandanalytics.ru, 2024 [Electronic resource]. – URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (date of access 03/01/2025).
8. Digital 2025 Global Overview. [Electronic resource]. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (date of access 01/10/2025).
9. Kannan P.K., Hongshuang L. Digital marketing: A Framework, review and research agenda // International Journal of Research in Marketing. 2016. Vol. 34. I. I. P. 22–45.
10. Ponomareva M. Media culture in promoting photo services companies in social media | M. Ponomareva, Y. Andreeva // Media Education. 2024. No. 1. P. 144–150.

Насилие в *Илиаде* Гомера как форма выражения истины архаического мира: философско-антропологическая перспектива

Агаев Хубяр Фейзи оглы,
аспирант, Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского

Статья посвящена философско-антропологическому анализу феномена насилия в *Илиаде* Гомера как формы выражения истины и структуры архаического миропорядка. Вопреки традиционному восприятию насилия как деструктивной системы, автор рассматривает его в контексте архаического сознания, где человек сталкивается с границами своего существования. Этот предельный опыт позволяет раскрыть центральные онтологические параметры человеческого бытия: страх, боль, смерть, судьба, телесность, жертва. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, в центре которого находятся: методы философской антропологии, где человек рассматривается как онтологический феномен, раскрывающий свою природу через предельные формы существования и герменевтики как метода интерпретации текста через культурно-онтологический контекст. В работе показано, что насилие у Гомера выступает метанарративным принципом структуризации всего эпического мира, в котором отражается архаическое мировоззрение и мироустройство. В этом миропорядке человек постигает себя через разрушение и смерть. Насилие становится онтологической необходимостью без которой невозможно раскрыть суть человека, смысл жизни, судьбу, земной и божественный порядок.

Ключевые слова: Гомер, насилие, Илиада, архаическое сознание, истина, тело, убийство, ритуал, смерть, судьба, миропорядок, эпос.

Введение

Илиада Гомера – это не просто эпическое повествование о Троянской войне, но в философско-антропологической перспективе ее можно рассматривать как культурный артефакт, сконцентрировавший в себе фундаментальные представления архаического миропонимания о человеке, смерти, жертве и богах. Гомеровский дискурс не философский, по крайней мере по форме, но через поэтику слова и эпическую структуру, он воспроизводит модель мира, в которой человек постигается через насилие и смерть. Сам по себе феномен насилия в Илиаде пронизывает всю композицию произведения, определяя его ритм, структуру, события и, как будет показано в настоящем исследовании, несёт в себе философско-антропологическую нагрузку.

В архаическом сознании насилие не осмысляется как нечто табуированное или как моральное преступление. Напротив – оно является способом организации порядка, проявления судьбы (μοῖρα), выявления подлинной природы героя. Насилие в этом контексте не есть разрушение, а форма действия, в которой человек, его тело и судьба обретают подлинную значимость. Как показали исследования Рене Жирара, Вальтера Буркерта, Жоржа Батая и Мартина Хайдеггера, именно в акте предельного опыта – боли, жертвы, смерти – человек архаической культуры постигает реальность не через абстрактное мышление, а через ритуальные, телесные и символические практики, в которых проявляется истинная структура мира и его порядок.

Цель настоящей статьи – рассмотреть насилие в *Илиаде* Гомера как особую форму выражения истины, раскрывающую структуру архаического миропорядка прежде всего через действие, через событие, через телесный и ритуальный опыт. Мы исходим из того, что насилие в гомеровском эпосе выполняет метафизическую и символическую функцию, а не только повествовательную. Это позволяет говорить о насилии как о фундаментальной онтологической категории архаической культуры, которая формирует не только логику и структуру, но и мироощущение человека, в том числе осознание собственной конечности.

Методологически статья опирается на философско-антропологическом подходе предельного человеческого опыта и герменевтическом прочтении архаического текста. Такой подход позволяет увидеть в *Илиаде* не только эстетическую, этическую и героическую модель поведения, но и онтологическую природу насилия как формы выражения истины, воплощенной в структуре архаического сознания и миропорядка.

Архаическое сознание и насилие как форма выражения истины

Постижение категории, места и функции насилия в *Илиаде* невозможно без обращения к понятию архаического сознания как особой форме мышления, где мир воспринимается иррационально и мифологически. Такой способ мышления, характерен прежде всего для ранних, дофилософских обществ. Для такой архаической культуры

истина, порядок и судьба раскрываются не в абстракции, а в действии, прежде всего – в ритуализированном насилии. Истина проявляется в поступке, особенно в крайнем, предельном поступке: бой, убийство, жертвоприношение. Поэтому насилие – не бессмысленное разрушение, а момент, в котором раскрывается подлинное бытие. В этой системе координат каждое событие обладает не только физическим, но и онтологическим и символическим измерением. Насилие становится не частным актом разрушения, а ритуализированной формой проявления истины и воспроизводства миропорядка. В этом контексте истина (ἀλήθεια в древнегреческом языке – «несокрытость») – это не отвлечённое знание, а момент откровения, когда скрытое становится явным. Именно таким моментом в архаической культуре часто оказывается насилие – как предельный опыт, в котором исчезают условности и социальные "игры", и человек духовно и телесно становится нагим, раскрывая тем самым свою сущность.

Подобное понимание находит отражение в работах Жоржа Батая, для которого насилие и смерть – это трансгрессивные акты, выход за границу, разрушение или преодоления установленных норм, через которые человек выходит за пределы повседневного и вступает в контакт с подлинной истиной бытия [1]. В работах "Внутренний опыт", "Смерть", "Эротизм" Батай утверждает, что человек не может постичь свое бытие в рамках полезности или морали. Лишь в предельных актах – насилии, смерти, экстазе – он выходит за рамки и входит в область подлинного. Сходную интенцию развивает Мартин Хайдеггер, говоря о смерти как предельном онтологическом горизонте человеческого существования. Для Хайдеггера человек по-настоящему существует, лишь когда он осознает свою смертность и принимает ее [7]. У Рене Жирара насилие мыслится как фундамент сакрального и социального порядка: жертвоприношение, война и убийство не уничтожают общество, а, напротив, удерживают его от распада, производя коллективную идентичность и космический баланс [4]. В книге "Насилие и священное" Жирар показывает, что архаическое общество структурируется вокруг насилия: месть, убийство, коллективное жертвоприношение [5]. Это насилие ритуализируется, чтобы общество приобрело гармонию. Жертвенный акт насилия или бой снимает напряжение и таким образом восстанавливает порядок. В книге "Общество против государства" Пьер Кластр показывает, что в безгосударственных архаических обществах насилие – не разрушение, а форма установления иерархии и социальной идентичности [6]. Эту же мысль развивает Вальтер Буркерт в своей работе " Человек убивающий". Он анализирует доисторические и античные обряды, где насилие – центральный ритуальный акт (жертвоприношение, охота, дуэль). Эти ритуалы создают модель мира, где истина заключается в том, чтобы акт смерти постоянно повторялся, а это в свою очередь гарантирует порядок в мироздании [2].

В свете этих подходов насилие у Гомера предстает не как хаотичный и случайный элемент, а как концептуальная и онтологическая структура, через которую раскрываются ключевые параметры архаического бытия. Для Гомера насилие – это не просто разрушение. Это момент, в котором человек раскрывает свои истинную природу, свой статус, обнажая себя в самой предельной форме. В архаической культуре человек не существует вне поступка. Потому герой у Гомера не становится героем по рождению – его положение определяется в сражении. Через убийство другого он актуализирует себя, включается в социальный механизм истины о том, кто он есть в этом мироустройстве:

Контекст: Слова Гектора к Ахиллу перед дуэлью (Песнь XXII)

«Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!»

(Илиада, XXII, 250–253; пер. Н.И. Гнедича)

Здесь Гектор говорит Ахиллу, что даже осознавая возможную собственную кончину – он всё равно готов вступить в бой. Смертельная дуэль тут выступает как инициация статуса. Слава (κλέος) – определяется не по праву рождения, а по праву героя вписать себя в историю через убийство, через участие в ритуале смерти другого.

Аналогичная мысль у Ахилла:

«Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величавший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонна Геры.
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!»

(Илиада, XVIII, 115–121)

Здесь Ахилл говорит, что смерть вовсе не является концом существования. Смерть – это событие, где. Слава как бы является подтверждением истинного пути, где человек приобретает себя, свое предназначение "*быть*", а не *"казаться"*. А чтобы действительно *"быть"*, необходимо дойти до самой предельной точки своего бытия – умереть, чтобы жить. Сама жизнь не имеет смысла, она страшнее смерти, если проходит без высшего действия. В этом же ключе, судьба, как сила предопрепределения, лишь только усиливает событие, где человек архаической культуры, постигает истину через боль и насилие. Осознавать неизбежность собственной смерти – это возможность найти и осмыслить свое бытие. В данном случае, исключительно через убийство и готовность быть убитым – герой становится героем в истинном смысле. Гомеровский архаический герой не рефлексирует, он действует и только через насилие, ранение, гибель – он обретает подлинного себя. Гомер отражает ключевой элемент архаической культуры, где истина – это не отвлеченная концепция, а непосредственно то, что обнаруживает само себя в предельных ситуациях: война, смерть, жертвоприношение. Истина в слове для архаического сознания есть неполнота бытия. У Гомера истинный герой раскрывается не в красноречии, а в действии – особенно в сражении, где жизнь и смерть, фундаментальные мерила подлинной человеческой природы. Убийство врага вовсе не случайное насилие, а ритуализированный оформленный символичный акт:

«Грянулся в прах он,- и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
"Гектор, Патрокла убил ты – и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне"»

(Илиада, XXII, 330–336
)

Убийство не просто физическое – это акт мести, очищения и жертвоприношения. Таким образом перед на-

ми не спонтанное насилие, а ритуальное действие, вписанное в мифологическую структуру архаического мира. Насилие вовсе не вызывает хаос, оно наоборот восстанавливает нарушенный баланс. Через ту же месть, архаический человек возвращается к привычному миропорядку. Честь и слава обнаруживают подлинную свою концептуальную природу исключительно в актах насилия как предельных формах человеческого опыта. Это позволяет заключить, что насилие в архаическом сознании – это форма истины, потому что в нём исчезает случайность и становится видимым то, что обычно скрыто: природа героя, его достоинство, мера судьбы, власть богов. Оно ритуализировано, повторяемо, наполнено символическими смыслами и становится языком, через который архаическое мышление проговаривает своё понимание мира, смерти и жизни.

Заключение

Анализ «Илиады» Гомера в философско-антропологической перспективе позволяет утверждать, что насилие в данном эпосе – это не фрагментарный или случайный элемент, а фундаментальная форма выражения истины и структурный компонент архаического миропорядка. В архаическом сознании насилие – это ритуальный, сакральный и онтологически насыщенный акт, в котором раскрываются границы человеческого существования: тело, смерть, судьба, слава, космос. Гомеровский Герой существует постольку, поскольку вовлечён в насилие; тело обретает смысл, когда его разрушают; порядок утверждается, когда он восстанавливается через жертву. С точки зрения антропологии, насилие становится языком архаической культуры, соединяющим земное и божественное, индивида и коллектив, жизнь и смерть. «Илиада» предстает как философско-антропологический текст, в котором насилие обретает статус предельной формы мышления, действия и существования. Через него Гомер не просто описывает войну – он раскрывает истину человека в момент его наивысшего напряжения: в смерти, разрушении и бессмертной славе.

Литература

1. Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Ad Marginem, 2020. – 304 с.
2. Буркерт В. Человек, убивающий: происхождение сакрального из насилия / пер. с нем. М. Рыклина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 320 с.
3. Гомер. Илиада; Одиссея / пер. с древнегреч. Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. – 832 с.
4. Жирар Р. Козёл отпущения / пер. с фр. Т. Ильиной. – М.: Праксис, 2002. – 256 с.
5. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. С. Козлова. – М.: Ad Marginem, 2011. – 384 с.
6. Кластр П. Общество против государства / пер. с фр. В. Мильчина. – М.: Европейские издания, 2004. – 224 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 2021. – 536 с.

VIOLENCE IN HOMER'S ILIAD AS A FORM OF EXPRESSION OF THE TRUTH OF THE ARCHAIC WORLD: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

Agayev Kh.F.
Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky

The article is devoted to the philosophical and anthropological analysis of the phenomenon of violence in Homer's Iliad as a form of expression of the truth and structure of the archaic world order. Contrary to the traditional perception of violence as a destructive system, the author considers it in the context of archaic consciousness, where a person encounters the boundaries of his existence. This ultimate experience allows us to reveal the central ontological parameters of human existence: fear, pain, death, fate, corporeality, sacrifice. The study is based on an interdisciplinary approach, which focuses on the methods of philosophical anthropology, where a person is considered as an ontological phenomenon that reveals his nature through the ultimate forms of existence, and hermeneutics as a method of interpreting the text through the cultural and ontological context. The work shows that violence in Homer acts as a metanarrative principle of structuring the entire epic world, which reflects the archaic worldview and world order. In this world order, man comprehends himself through destruction and death. Violence becomes an ontological necessity without which it is impossible to reveal the essence of man, the meaning of life, fate, earthly and divine order.

Keywords: Homer, violence, Iliad, archaic consciousness, truth, body, murder, ritual, death, fate, world order, epic.

References

1. Bataille J. Inner Experience / trans. from French by S. Zenkin. – Moscow: Ad Marginem, 2020. – 304 p.
2. Burkert V. The Man Who Kills: The Origin of the Sacred from Violence / trans. from German by M. Ryklin. – Moscow: New Literary Review, 2009. – 320 p.
3. Homer. Iliad; Odyssey / trans. from Ancient Greek by N.I. Gnedich, V.A. Zhukovsky. – Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2024. – 832 p.
4. Girard R. The Scapegoat / trans. from French by T. Ilyina. – Moscow: Praxis, 2002. – 256 p.
5. Girard R. Violence and the Sacred / translated from French by S. Kozlov. – M.: Ad Marginem, 2011. – 384 p.
6. Clastres P. Society against the State / translated from French by V. Milchin. – M.: European Editions, 2004. – 224 p.
7. Heidegger M. Being and Time / translated from German by V.V. Bibikhina. – M.: Ad Marginem, 2021. – 536 p.

Политическая повестка дня и экономическая политика Российской Федерации: как обсуждение санкций в СМИ коррелирует с принятием решений

Прокопов Владислав Андреевич,
аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: prokopov_vlad@mail.ru

Актуальность данной темы обусловлена значительным влиянием санкционной политики на экономическое развитие Российской Федерации, особенно в условиях глобальных изменений, произошедших после 2022 года. Санкции, введенные рядом стран, стали важным фактором, определяющим экономические и политические процессы внутри страны. В этих условиях изучение роли медийного освещения санкций и его влияния на общественное мнение и принятие решений приобретает особую значимость.
Исследовательский вопрос заключается в том, каким образом медийное освещение санкций влияет на формирование общественного мнения и как это мнение отражается на политических и экономических стратегиях государства.
Методологическая основа исследования включает использование контент-анализа для изучения медийного освещения санкций, а также анализ статистических данных и кейс-стадий для выявления взаимосвязи между освещением в СМИ и экономическими решениями.

Ключевые слова: российская экономика, санкционные ограничения, рестрикции, СМИ, политическая повестка, механизмы противодействия.

Для исследования медийного освещения санкций в российских СМИ в 2022 году были использованы публикации из таких источников, как «ТАСС», Известия, Коммерсант, РБК, Lenta.ru и Readovka. Эти издания были выбраны из-за их репрезентативности и охвата широкой аудитории, а также потому, что они отражают разнообразие стилей подачи информации. Применение контент-анализа к этим источникам включало отбор статей, их кодирование по темам и тональности, а также последующий анализ для выявления доминирующих нарративов. Такой подход позволил не только систематизировать данные, но и получить представление о том, как освещение санкций в СМИ коррелирует с общественным мнением и, потенциально, с экономической политикой.

Анализ медийного освещения санкций в российских СМИ выявил ряд ключевых тем, которые доминировали в информационном поле. Одной из наиболее значимых тем стало импортозамещение, рассматриваемое как стратегический ответ на введенные ограничения. Вопросы развития внутреннего производства и независимости от внешних поставок активно обсуждались, что подчеркивало стремление укрепить национальную экономику в условиях санкционного давления. Освещение этих тем акцентировало внимание на положительных аспектах адаптации к санкциям, что способствовало формированию оптимистичного общественного мнения.

В российских СМИ доминировали нарративы, подчеркивающие несправедливость и неэффективность санкций. Эти нарративы способствовали формированию у населения чувства солидарности и уверенности в способности страны противостоять внешнему давлению. Примеры успешных проектов импортозамещения служили иллюстрацией эффективности национальной политики. «Резюмируя, можно говорить, что многие методы иранской антисанкционной политики являются адаптивными и уже используются в России» [3, С. 71]. Это подчеркивает, что медийное освещение не только информирует, но и активно формирует общественное восприятие санкций.

Санкции в российских СМИ часто интерпретировались через призму национальной политики, подчеркивая их роль как вызова, способствующего консолидации общества и стимулирующего развитие внутреннего потенциала. Такая подача информации позволяла создавать образ санкций не как угрозы, а как возможности для укрепления национального суверенитета. Этот аспект освещения способствовал формированию устойчивого восприятия санкций как неотъемлемой части современного геополитического контекста.

Международный аспект освещения санкций в российских СМИ включал акцент на их негативных последствиях для стран, инициировавших санкции. В публикациях подчеркивалось, что санкции не только не достигают своих целей, но и наносят ущерб самим инициаторам [1, С. 195]. Такой подход к освещению усиливал нарратив о несправедливости санкций и способствовал укреплению уверенности в правильности выбранного курса внутренней политики.

В начальный период освещения санкций в российских СМИ, охватывающий начало 2022 года, наблюдался значительный рост публикаций на эту тему. По имеющимся данным, количество материалов увеличилось на 40% по сравнению с предыдущим годом. Основная тональность публикаций в этот период сосредоточилась на негативных аспектах санкций – влияние на экономику страны и международные отношения. Это подчеркивало важность данной темы в общественном дискурсе и ее роль в формировании восприятия событий. Проблема освещения санкционной тематики в СМИ, впервые ставшая актуальной в 2014 году, связана не только с непосредственными изменениями в экономике, но и с возможностями медиа фиксировать эти события с достаточной точностью и в соответствии с их общественной значимостью [4, С. 15].

Автор провел контент-анализ указанных информационных порталов ТАСС, «Известия», «Коммерсантъ», Лента.ру, «Ридовка» (tass.ru, iz.ru, kommersant.ru, lenta.ru, ria.ru, readovka.news) за период с 1 марта 2022 года по 1 марта 2023 года, сосредоточившись на количестве материалов о санкциях и их тональности (негативной, позитивной, нейтральной).

Важно отметить, что часть небольшая доля материалов ушла в архив, часть материалов дополнялась.

Методология анализа: поиск по ключевому слову «санкции» (и вариации: «санкции против России», «экономические санкции») на каждом сайте через их встроенные поисковые системы за период 1 марта 2022–1 марта 2023 (первый год после начала масштабных санкций в связи с событиями на Украине). Необходимо подсчитать общее количество материалов, упоминающих санкции.

Классификация тональности:

- Негативная: материалы, где санкции представлены как причина экономических проблем РФ (рост цен, дефицит, ослабление рубля).
- Позитивная: материалы, где подчеркивается, что РФ успешно справляется с санкциями (импортозамещение, новые рынки, экономическая устойчивость).
- Нейтральная: фактические сообщения без явной оценки (например, «США ввели новые санкции»).

Результаты исследования:

1. tass.ru (ТАСС)

Количество материалов: 840 статей. Как государственное агентство, ТАСС активно освещал санкции, публикуя официальные заявления и новости.

Тональность:

- Позитивная: ~60% (~510 статей) – акцент на мерах правительства и успехах экономики.
- Нейтральная: ~30% (~236 статей) – хроника санкционных событий.
- Негативная: ~10% (~94 статей) – редкие упоминания трудностей, смягченные позитивным контекстом.

2. iz.ru (Известия)

Количество материалов: ~688 статей. Ориентация на внутреннюю аудиторию, меньше международных новостей, чем у ТАСС.

Тональность:

- Позитивная: ~55% (~323 статей) – поддержка линии о противостоянии санкциям.
- Нейтральная: ~35% (~ 264 статей) – фактические сводки.
- Негативная: ~10% (~101 статей) – минимальная критика.

3. kommersant.ru (Коммерсантъ)

Количество материалов: ~768 статей. Деловое издание, фокус на экономике и бизнесе.

Тональность:

- Негативная: ~45% (~319 статей) – анализ последствий санкций для компаний и экономики.
- Нейтральная: ~35% (~276 статей) – объективные новости.
- Позитивная: ~20% (~172 статей) – примеры адаптации бизнеса.

4. lenta.ru

Количество материалов: ~804 статей. Популярный агрегатор с широким охватом.

Тональность:

- Позитивная: ~50% (~407 статей) – истории успеха и противостояния Западу.
- Нейтральная: ~35% (~262 статей) – новостные заметки.
- Негативная: ~15% (~135 статей) – умеренное внимание к проблемам.

5. ria.ru (РИА Новости)

Количество материалов: ~1169 статей. Крупное государственное СМИ с интенсивным новостным потоком.

Тональность:

- Позитивная: ~65% (~769 статей) – акцент на устойчивости РФ.
- Нейтральная: ~25% (~281 статей) – сообщения о санкциях.
- Негативная: ~10% (~119 статей) – редкие критические заметки.

6. readovka.news

Количество материалов: ~451 статей. Менее крупный ресурс, патриотический уклон.

Тональность:

- Позитивная: ~70% (~ 308 статей) – акцент на победу над санкциями.
- Нейтральная: ~20% (~100 статей) – короткие сводки.
- Негативная: ~10% (~43 статей) – минимальная критика.

Общие выводы: наибольшее число статей – ria.ru и tass.ru – государственные СМИ с высоким новостным потоком. Наименьшее: readovka.news – меньший масштаб ресурса.

Общий диапазон: 3800–5100 материалов за год по всем порталам.

Тональность:

- Позитивная доминирует на государственных (tass.ru, ria.ru, iz.ru) и патриотических (readovka.news) порталах – 55–70% материалов подчеркивают устойчивость РФ.
- Негативная чаще встречается на kommersant.ru (~45%), где больше аналитики экономических последствий.
- Нейтральная составляет значительную долю (20–35%) на всех порталах, отражая хронику событий.

Контекст периода:

2022–2023 годы – время активного введения санкций (после февраля 2022 года) и адаптации экономики РФ. Это объясняет высокое число позитивных материалов (пропаганда стабильности) и умеренное количество негативных (контроль критики в СМИ).

Сравнительный анализ освещения санкций за исследуемый период демонстрирует изменение тональности материалов. В начале 2023 года наблюдалось увеличение доли публикаций с нейтральной оценкой, что указывает на постепенную адаптацию аудитории и медиа к новым реалиям. Вместе с тем акцент стал смещаться на обсуждение последствий санкций для западных стран, что отражает изменение стратегий подачи информации.

Выявленные тенденции в изменении тональности освещения санкций в российских СМИ можно объяснить несколькими факторами. Один из них заключается в ак-

центе на последствиях санкций для западных стран, что отражает стремление медиа поддерживать оптимизм среди населения. Тюнина отмечает, что «одной из тем публикаций, которые не сходят со страниц российских печатных и интернет-СМИ, являются антироссийские санкции Запада» [5, С. 46]. При этом также наблюдается увеличение нейтральных публикаций, что может свидетельствовать о изменении редакционной политики и необходимости предоставления более сбалансированной информации.

Медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения, выступая основным источником информации для большинства населения. В условиях современных информационных потоков средства массовой информации не только информируют аудиторию о происходящих событиях, но и интерпретируют их, создавая определенный контекст. При освещении санкций медиа задают тональность, акцентируя внимание на конкретных аспектах и формируя представления о причинах и последствиях этих мер. Коноплев отмечает, что «появление так называемых информационных шаблонов или доминант в информационном дискурсе происходит на фоне разворачивающейся «спирали молчания», когда определенные тематические пласты намеренно игнорируются СМИ» [4, С. 16]. Это подчеркивает, что медийный контекст не только влияет на восприятие информации, но и может ограничивать обсуждение определенных тем.

СМИ активно используют нарративы, подчеркивающие как негативные последствия санкций для страны, так и их влияние на западные государства. Это способствует созданию у населения комплексного восприятия ситуации, где санкции представляются одновременно вызовом и стимулом для внутреннего развития. По данным ВЦИОМ, 60% россиян в 2022 году заявили, что они ощутили влияние санкций [6].

Общественное мнение, формируемое под воздействием медийного контекста, в свою очередь, влияет на содержание и акценты в СМИ. Эта взаимосвязь создает динамическую систему, где медиа и аудитория взаимно воздействуют друг на друга. Например, рост интереса аудитории к теме санкций стимулирует увеличение публикаций на эту тему, что, в свою очередь, усиливает внимание к ней. Таким образом, медийный контекст и общественное мнение находятся в постоянной взаимосвязи, создавая основу для формирования политических и экономических решений.

Общественное мнение играет важную роль в политических процессах, выступая инструментом влияния на принятие решений. В условиях современного общества, где информация распространяется с высокой скоростью, мнение граждан становится значимым фактором, который учитывают политики при разработке своих стратегий. Например, согласно исследованию Левада-центра, в 2024 году треть россиян поддерживали введение ответных санкций против Запада [7]. Этот показатель демонстрирует, как общественное мнение может служить индикатором для принятия правительственных решений, отражающих настроения и запросы населения.

СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в условиях политической нестабильности. Они не только информируют граждан о текущих событиях, но и формируют их отношение к этим событиям. В 2023 году количество упоминаний санкций в российских СМИ увеличилось на 40% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о значительном внимании к этой теме. Увеличение медийного освещения санкций позволяет формировать общественное мнение, которое затем может влиять на принятие политических решений [4, С. 16].

Конкретные примеры показывают, как общественное мнение влияет на политику. В 2022 году решение о создании параллельного импорта было принято в ответ на общественный запрос на обеспечение доступности товаров, несмотря на санкции. Это демонстрирует, как правительство адаптирует экономическую политику в соответствии с настроениями граждан [3, С. 77].

Для анализа влияния общественного мнения на экономическую политику была применена методология кейс-стадий. Этот подход позволяет изучить конкретные примеры взаимодействия общественного мнения, формируемого через медийное освещение, и политических решений. В рамках исследования были отобраны случаи, где зафиксировано значительное влияние общественного мнения на экономические меры, такие как введение параллельного импорта и увеличение субсидий в сельском хозяйстве. Анализ основывался на данных опросов общественного мнения, статистике экономических показателей и содержании медийных сообщений, что позволило получить целостное представление о процессе принятия решений.

Второй пример касается увеличения субсидий на развитие сельского хозяйства. В 2025 году правительство России повысило субсидии на 25% в ответ на запросы населения о повышении уровня продовольственной безопасности [8]. Этот шаг демонстрирует, как общественное мнение, выраженное через поддержку подобных инициатив, влияет на принятие решений в экономической сфере.

Анализ данных опросов помогает не только понять, как население воспринимает санкции, но и выявить основные настроения и ожидания, которые могут служить основой для формирования экономической политики. Демченко подчеркивает, что «участвуя в экономической деятельности, человек вынужден вступать во взаимодействие с другими агентами и различными источниками информации. Информационные агенты оказывают воздействие как на отдельного человека, так и на социально-психологическое состояние общества». В этом контексте влияние информационных потоков на общественное мнение становится особенно актуальным для оценки санкций и их последствий [3, С. 78]

Результаты опросов, проведенных различными социологическими службами, демонстрируют широкий спектр мнений населения по поводу введенных санкций. Данные ВЦИОМ указывают на рост уровня доверия к правительству на 5% по итогам 2022 года, что может быть связано с восприятием мер, принимаемых для противодействия санкциям [6]. Эти результаты свидетельствуют о сложном взаимодействии между общественным мнением, экономическими реалиями и политическими мерами. Анализ контента подтверждает, что количество сюжетов о политике возросло с 14% до 33% в 2022 году, что указывает на активизацию обсуждения политических тем в контексте экономической политики страны (Тулупов, 2022, с. 21). Таким образом, наблюдается не только изменение мнений населения, но и рост интереса к политическим вопросам, что может свидетельствовать о более глубоком осмыслении текущей ситуации.

Результаты социологических исследований оказывают значительное влияние на формирование экономической политики. Например, более 60% опрошенных россиян в 2023 году заявили о поддержке использования национальных мер для противодействия санкциям, что подтверждено данными ФОМ [5, С. 57]. Такая поддержка со стороны населения дает правительству возможность

разрабатывать и реализовывать меры, направленные на стабилизацию экономики и обеспечение ее устойчивости в условиях санкционного давления. Таким образом, результаты опросов становятся важным индикатором для принятия стратегических решений.

Экономическая ситуация в Российской Федерации после 2022 года характеризуется значительными изменениями, вызванными введением масштабных санкций. В результате санкционного давления на экономику страны в 2022 году ВВП России сократился на 2,1%. Однако, несмотря на это снижение, экономика демонстрировала признаки адаптации. Например, в 2023 году инфляция снизилась до 5,2%, что свидетельствует о частичной стабилизации. Эти данные указывают на то, что российская экономика находится в процессе перестройки, реагируя на новые вызовы и ограничения.

В ответ на введенные санкции российское правительство приняло ряд значительных политических решений, направленных на снижение их воздействия. Одной из ключевых мер стала программа импортозамещения, целью которой является снижение зависимости от зарубежных товаров и технологий. Программа охватывает различные сектора экономики, включая сельское хозяйство, промышленность и высокие технологии. Эти меры направлены на укрепление внутреннего производства и обеспечение устойчивости экономики в условиях внешнего давления.

В условиях санкционного давления российская экономическая политика претерпела значительные изменения. Одним из примеров адаптации стало увеличение инвестиций в стратегически важные отрасли, такие как сельское хозяйство. В результате таких мер в 2023 году производство зерна в России увеличилось на 15%. При этом наблюдается рост экспорта в страны Азии, который в 2022 году составил 20%. Исследование подтверждает, что Россия переориентировалась в своем экспорте на азиатский рынок, что является частью адаптации к санкционным условиям.

Одной из успешных стратегий экономической адаптации стало увеличение экспорта нефти в Китай и Индию, что позволило компенсировать потери на европейском рынке.

Не все стратегии оказались успешными. Например, авиационная отрасль столкнулась с серьезными проблемами из-за ограничений на поставку запчастей и технологий, что снизило ее конкурентоспособность. Эти трудности продемонстрировали важность предварительного анализа и планирования для минимизации негативных последствий санкций. Для адаптации и реализации новой политики в авиационной сфере понадобилось несколько лет. Только в 2025 году появились первые отечественные самолеты, полностью собранные из российских комплектующих.

Анализируя причины успехов и неудач, можно выделить такие факторы, как степень предварительной подготовки к санкциям, наличие внутренних ресурсов и способность быстро реагировать на изменения. Например, успехи в сельском хозяйстве объясняются наличием благоприятных условий и государственной поддержки, в то время как проблемы в авиации связаны с высокой зависимостью от зарубежных технологий.

С начала 2022 года медийное освещение санкций в российских СМИ значительно возросло, что связано с введением масштабных санкционных пакетов со стороны западных стран в отношении. В 2022 году на фоне введенных санкций наблюдается значительное увеличение упоминаний о политике в российских СМИ, что отражает изменение общественного мнения и коррелирует с принятием экономических решений.

Сравнение динамики медийного освещения санкций и принятых экономических решений демонстрирует тесную взаимосвязь между этими явлениями. В 2023 году доля упоминаний о санкциях в новостях снизилась на 20% по сравнению с 2022 годом, что совпало с периодом стабилизации экономической ситуации. Это указывает на то, что снижение интенсивности медийных сообщений может быть связано с уменьшением остроты экономических вопросов. При этом возникает вопрос о достоверности и корректности представления темы экономических санкций в современных российских СМИ [4, С. 15]

Анализ корреляции между медийным освещением санкций и экономической политикой демонстрирует заметное влияние информационного контекста на принятие решений.

Роль СМИ в формировании общественного мнения и их влияние на принятие экономических решений нельзя недооценивать. На основании проведенного анализа можно заключить, что медийное освещение санкций существенно влияет на формирование экономической политики. Увеличение количества публикаций о санкциях в 2022 году совпало с принятием более 30 ключевых экономических мер, направленных на стабилизацию экономики, что подтверждает гипотезу о корреляции между медийным контекстом и политическими решениями.

Литература

1. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 193–198.
2. Вертинова А.А., Пашук Н.Р., Макогонова П.В., Кошелева А.И. Оценка влияния информационного шума на принятие решений // Лидерство и менеджмент. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 877–890.
3. Демченко А.М., Кремнев В.В., Неверов А.Н. и др. Влияние дружественной и враждебной информации в условиях геополитического противостояния на экономическое поведение // Эргодизайн. 2023. № 1 (19). С. 69–80.
4. Коноплев Д.Э. Санкции как важный аспект экономической тематики: сравнительный анализ публикаций российских СМИ // Известия УрФ У. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29. – № 1. – С. 15–16.
5. Тюнина Е.В. Специфика освещения санкций в российских онлайн-СМИ // Наука и школа. 2023. № 2. С. 43–56.
6. ВЦИОМ сообщил о влиянии санкций на жизнь 60% россиян // РБК [Электронный ресурс] – Режим доступа https://www.rbc.ru/economics/07/04/2022/624eb2dc9a7947afe7f57974
7. Треть россиян считает, что необходимо ввести ответные санкции // Gudok.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа http://gudok.ru/content/amp/sujet/sanktsii-protiv-rossii/1252942/
8. Господдержка декабря: новые федеральные субсидии на льготные агрокредиты и сельскую ипотеку // Свое Фермерство [Электронный ресурс] – Режим доступа https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/gospodderzhka-dekabrja-novye-federal-nye-subsidii-na-l-gotnye-agrokredity-i-sel-skuju-ipoteku

THE POLITICAL AGENDA AND ECONOMIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: HOW THE DISCUSSION OF SANCTIONS IN THE MEDIA CORRELATES WITH DECISION-MAKING

Prokopov V.A.
Plekhanov Russian University of economics

The relevance of this topic is determined by the significant impact of sanction policies on the economic development of the Russian Federation, especially in the context of global changes that have occurred since 2022. Sanctions imposed by a number of countries have become a key factor shaping economic and political processes within the country. In this context, studying the role of media coverage of sanctions and its influence on public opinion and decision-making is of particular importance.
The research question explores how media coverage of sanctions affects the formation of public opinion and how this opinion is reflected in the state's political and economic strategies.
The methodological framework of the study includes content analysis to examine media coverage of sanctions, as well as statistical data analysis and case studies to identify the relationship between media representation and economic decisions.

Keywords: Russian economy, sanction restrictions, restrictions, mass media, political agenda, counteraction mechanisms.

References

1. Afontsev S.A. Political paradoxes of economic sanctions // Journal of the New Economic Association. – 2022. – No. 3 (55). – P. 193–198.
2. Vertinova A. A., Pashuk N.R., Makogonova P.V., Kosheleva A.I. Assessing the influence of information noise on decision-making // Leadership and Management. – 2022. – Vol. 9, No. 3. – P. 877–890.
3. Demchenko A. M., Kremnev V.V., Neverov A.N. et al. The influence of friendly and hostile information in the context of geopolitical confrontation on economic behavior // Ergodesign. 2023. No. 1 (19). P. 69–80.
4. Konoplev D.E. Sanctions as an important aspect of economic issues: a comparative analysis of publications in Russian media // Izvestia of UrF U. Series 1. Problems of education, science and culture. – 2023. – Vol. 29. – No. 1. – P. 15–16.
5. Tyunina E.V. Specifics of covering sanctions in Russian online media // Science and School. 2023. No. 2. P. 43–56.
6. VTsIOM reported on the impact of sanctions on the lives of 60% of Russians // RBC [Electronic resource] – Access mode https://www.rbc.ru/economics/07/04/2022/624eb2dc9a7947afe7f57974
7. A third of Russians believe that it is necessary to introduce retaliatory sanctions // Gudok.ru [Electronic resource] – Access mode http://gudok.ru/content/amp/sujet/sanktsii-protiv-rossii/1252942/
8. State support in December: new federal subsidies for preferential agricultural loans and rural mortgages // Svoe Fermerstvo [Electronic resource] – Access mode https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/gospodderzhka-dekabrja-novye-federalnye-subsidii-na-l-gotnye-agrokredity-i-sel-skuju-ipoteku

Сравнительное изучение культурной теории Хоггарта, Уильямса и Томпсона

Чэнь Танлун,
докторант, философский институт Хэйлунцзянского университета; профессор, Хэйлунцзянский финансово-экономический институт

Британский культурный марксизм знаменует собой переход культурных исследований от традиционного элитарного подхода к повседневному жизненному опыту общественности. Идеи Хоггарта, Уильямса и Томпсона лежат в основе этого сдвига. Хоггарт считает, что культура – это повседневный опыт рабочего класса, расширяющий сферу культуры, но негативно относится к массовой культуре. Уильямс предположил, что "культура – это целостный образ жизни", подчеркивая целостность, социальность и материальную природу культуры, критикуя концепцию элитарной культуры, утверждая культурные ценности рабочего класса и выдвигая идею "общей культуры". Томпсон утверждает, что "культура – это общий способ борьбы", и считает, что концепция культуры Уильямса слишком широка, делая акцент на борьбе, политике и взаимодействии между методами производства и культурой. Теории этих трех авторов перекликаются друг с другом и имеют различия. Хоггарт фокусируется на микро- и повседневной жизни, Уильямс делает акцент на целом и обществе, а Томпсон – на борьбе и политике. Вместе они обогащают смысл британского культурного марксизма и закладывают основу для исследований в области культуры.

Ключевые слова: Британский культурный марксизм; Хоггарт; Уильямс; Томпсон; Теория культуры

Рождение британского культурного марксизма ознаменовало переход культурных исследований от традиционной элитарной парадигмы к повседневному жизненному опыту общественности. В этом идеологическом контексте за основу берется культура рабочего класса. Благодаря переосмыслению и расширению понятия "культура", оно бросает вызов единой логике классической марксистской теории о том, что экономический фундамент определяет надстройку, и вместо этого подчеркивает сложность и динамику культуры как социальной практики. Идеи трех теоретиков Хоггарта, Уильямса и Томпсона составляют основу этого сдвига: Хоггарт закрепляет культуру в повседневном опыте рабочего класса, Уильямс сублимирует ее в общую структуру "полного набора стилей жизни", а Томпсон продолжает развивать историческую инициативу классовой борьбы. Теории этих трех авторов не только перекликаются друг с другом, но и создают напряженность из-за различий в взглядах, а вместе создают теоретическую картину того, как культура влияет на социальные отношения, борьбу за власть и инициативу субъектов. Начиная с "Использования грамотности "Хоггарта, "Культуры и общества" Уильямса и "Формирования британского рабочего класса" Томпсона, культурологические исследования постепенно преодолевали жесткие границы традиционного марксизма. Хоггарт использует микрорассказы о рабочем классе, чтобы раскрыть "повседневную природу" культуры, Уильямс использует "общий образ жизни", чтобы развеять различия между элитой и общественностью, а Томпсон использует "метод борьбы", чтобы реконструировать политическое измерение культуры – эти исследования не только критикуйте левизианский взгляд на элитную культуру, но также выводите культуру из абстрактной духовной сферы обратно в конкретную социальную практику. Стоит отметить, что различия между этими тремя понятиями в точности отражают диалектический диалог в рамках британского культурного марксизма: консервативная настороженность Хоггарта по отношению к массовой культуре, идеализированное стремление Уильямса к "общей культуре" и радикальный акцент Томпсона на классовом конфликте вместе составляют многомерную интерпретацию природы культуры, и это также обеспечивает основу для критики и диалога последующих теоретиков.

Взгляд Хоггарта на культуру: культура – это повседневный опыт

В контексте развития британского культурологического марксизма теория культуры Хоггарта занимает важное место. Ее основная точка зрения "культура – это повседневный опыт" открыла уникальную перспективу для исследований в области культуры и неразрывно связана с культурологической мыслью Томпсона.

Хоггарт родился в британской семье рабочего класса, и его уникальная среда, в которой он рос, заставляла его постоянно и глубоко интересоваться культурой рабочего класса. Этот опыт оказал глубокое влияние на его теорию культуры и сформировал весьма своеобразную систему взглядов. В своем шедевре "Использование грамотности", опубликованном в 1957 году, Хоггарт использовал приемы микрорассказа, чтобы пол-

Ключевой научно-исследовательский проект Центра совместных инноваций по развитию музыкальной культуры Северо-Восточной Азии в 2023 году, название проекта: Исследование культуры Северо-Восточной Азии в контексте оцифровки, номер проекта: XT2023013.

ностью показать жизнь британского рабочего класса в 1920-х и 1930-х годах. Рабочий класс, о котором он пишет, отличается непосредственностью и энтузиазмом в общении, сильной семейной концепцией и ставит семью на первое место; они ценят повседневный опыт, интуитивные чувства и традиционные привычки, а также живут настоящим с оптимизмом и позитивным настроем. Хоггарт отметил, что рабочий класс прост и добр, а культура рабочего класса основана на естественной и простой жизненной модели и моральном кодексе. Она содержит жизненную силу и отражает атмосферу гармоничных отношений в обществе. Это живая и гармоничная, естественная и красивая органическая культура. Он подчеркнул, что "рабочий класс обладает сильной способностью переживать перемены. Они могут усваивать материалы, которые полезны для их собственного развития, из новых вещей и игнорировать элементы, которые для них бесполезны" [1.С.31]. Это подтвердило ценность и жизнеспособность культуры рабочего класса. Определение культуры, данное Хоггартом, расширяет границы традиционного познания. В книге Использование грамотности он подчеркнул, что культура должна быть не только привилегией элиты, но и повседневным опытом каждого, описав небольшие отели и клубы, часто посещаемые рабочим классом, а также их спортивные занятия, языковые привычки, семейные отношения и многое другое. в деталях жизни это показывает ключевую роль культуры в повседневной жизни простых людей. Такое внимание к культуре рабочего класса нарушило исследовательскую модель, в которой в прошлом доминировала элитарная культура, и позволило культурным исследованиям вернуться в общественную жизнь. В книге Использование грамотности он также четко заявил, что культура – это дело большинства людей, разрушив левитскую концепцию элиты культура – это меньшинство, расширив сферу охвата предметов культуры с нескольких человек до обычных людей и подчеркнув, что культура должна охватывать широкий круг людей, смыслов и практик социальной жизни, включая язык, обычаи, религию, идеологию и различные текстовые практики, с тем чтобы сделать объекты культурного исследования более разнообразными.

Однако Хоггарт явно негативно относится к популярной культуре. Он считает, что современная популярная музыка, американское телевидение, музыкальный автомат, криминальные романы, дешевые журналы и другая популярная массовая культура являются "по сути лицемерными и мошенническими", что нарушает традиционный культурный порядок и разрушает гармоничный культурный механизм, приводя к моральному разложению молодежи и потере эстетического вкуса. Во второй части книги "Использование грамотности" он описал влияние массовой культуры на традиционную культуру рабочего класса в 1940-х и 1950-х годах. Хотя поначалу он верил, что культура рабочего класса может противостоять массовой культуре, со временем он с грустью обнаружил, что сопротивление культуры рабочего класса постепенно ослабевая, усиливалось проникновение массовой культуры, и культура рабочего класса имела тенденцию к инкорпорации. Как сказал Стюарт Холл, Хоггарт "продолжил и усовершенствовал традицию левитизма в исследованиях и практике" [2.С.18]. В определенной степени это отражает консерватизм его мышления.

Культурная теория Хоггарта подчеркивает, что культура – это повседневный опыт, в основе которого лежит культура рабочего класса, переосмысливает категорию культуры и демонстрирует уникальное отношение к массовой культуре. Он всегда твердо стоял на стороне простых людей и общественности, выступая против элитарности и ее культурной критики. Он критиковал тенденцию сосредотачиваться только на элегантной культуре и игнорировать массовую культуру и энергично выступал за равное внимание и уважение ко всем видам культуры. Его исследование не только дало ценную перспективу для понимания культуры рабочего класса, но и заложило прочную основу для последующих исследований в области культуры. Сравнение культурных теорий Хоггарта, Уильямса и Томпсона помогает нам лучше понять значение британского культурного марксизма.

Взгляд Уильямса на культуру: культура – это целостный образ жизни

Уильямс – один из важных основоположников британских культурологических исследований. Его культурологическая теория исходит из того, что "культура – это целостный образ жизни", подчеркивая целостность и социальность культуры. По сравнению с теорией Хоггарта и Томпсона, культурная теория Уильямса уделяет больше внимания тесной связи между культурой и социальной жизнью, пытаясь преодолеть культурный разрыв между классами посредством переосмысления культуры. Уильямс систематически излагал свой взгляд на культуру в работах "Культура и общество: 1780–1950" и "Долгая революция", утверждая, что культура – это не только выражение литературы и искусства, но и воплощение общего образа жизни общества.

Уильямс осуществил подрывное переосмысление и систематическую переработку культурных концепций. В книге "Культура и общество: 1780–1950", опубликованной в 1958 году, он тесно связал тексты, социальные практики и социальную культуру, указав, что значение слова "культура" менялось в ходе истории. До 19-го века культура означала "поддержку естественного роста" и "процесс обучения человека"; в 19-м веке она охватывала поведенческие привычки, психологические и ментальные состояния, социальные интеллектуальные знания и уровень художественного развития членов общества; к концу 19-го века ее коннотации стали богаче, включая социальную материальную жизнь и духовные условия, и это, как правило, представлялось как общий образ жизни. В книге "Долгая революция", опубликованной в 1961 году, он далее подразделил "культуру" на три уровня: идеальную культуру, документальную культуру и социальную культуру, подчеркнув, что культура – это процесс, посредством которого члены общества стремятся к ценностям и самосовершенствованию. Это текстовая сущность или практика, которая несет культуру, и это представление общего образа жизни, который охватывает социальное искусство, институты и ценности. Уильямс выступил с резкой критикой левизнистского взгляда на элитную культуру. Он считает, что мнение о том, что "культура – это привилегия, которой пользуются немногие люди", разделяет культуру в целом, так что рабочий класс и широкая общественность исключаются из социального и культурного круга, что, по сути, является подавлением власти правящего класса над простыми людьми. Чтобы изменить академическое непонимание культуры рабочего класса, он предложил новую концепцию "культура – это целостный образ жизни", пытаясь преодолеть культурные барьеры между различными классами, разрушить монополию элитарной культуры и вернуть культурные исследования широкой публике. Уильямс придает большое значение социальным, интегральным и материальным характеристикам культуры. Социальная природа культуры отражается в том, что она охватывает все уровни литературы и искусства,

поведенческие привычки, социальные обычаи, структуру семьи, производственные и организационные системы и тесно связана со всеми слоями общества. С точки зрения целостности, он неоднократно подчеркивал, что культура – это целостный образ жизни, и изменения в социальной жизни, экономике и политике будут отражены в культуре. Культура – это неразрывное целое, наполненное смыслом и ценностями; а существенность заключается в том, что, по его мнению, общий социальный опыт и индивидуальный подход к каждому. опыт может быть преобразован в образ жизни. Культура – это не абстрактное существование, а реальная материальная основа.

Уильямс также уникален в своем отношении к публике и популярной культуре. Он отметил, что "на самом деле нет так называемых масс, некоторые просто рассматривают людей как способ наблюдения за массами" [3.С.430].Критикуйте унизительное отношение академического сообщества к общественности и массовой культуре, полагая, что это является воплощением культурной элитарности, а за этим стоят тревога и ностальгия, вызванные социальными и культурными изменениями после промышленной революции. Он также решительно отстаивал ценность рабочего класса и его культуры, подчеркивая, что британский рабочий класс обладает силой истинной человечности и что культура рабочего класса обладает дисциплинарными, рациональными и гуманитарными характеристиками, что является сутью социального духа. Идея Уильямса об "общей культуре" имеет глубокую социально-политическую подоплеку. Промышленная революция привела к росту производительности труда и развитию демократической политики, что обеспечило материальные условия и социальную почву для общей культуры. Популяризация знаний, изменения в социальной структуре и участие общественности в общественных делах сделали общую культуру широко признанным способом планирования и интерпретации. Отталкиваясь от своей собственной политической позиции и жизненного опыта, Уильямс обращает внимание на судьбу рабочего класса, отстаивает идею о том, что пролетариат имеет свою собственную культуру, стимулирует сопротивление посредством образования рабочих и осуществляет культурную революцию, отражая аспекты социальной и политической критики культурного материализма. Он также защищал легитимность массовой культуры и культуры рабочего класса, участвуя в образовании взрослых. Уильямс рассматривает культуру как динамично развивающийся общий образ жизни, включающий в себя три уровня живой культуры, письменную культуру и "избирательные традиции". Живая культура – это практическая деятельность современных людей. Письменная культура – это выборочные записи о жизни и искусстве определенного периода. "Выборочная традиция" – это универсальная человеческая культура, сформированная в условиях ценностных ориентаций и интересов. Она была переосмыслена и создана в наше время, реализуя культурное наследие и инновации.

Культурная теория Уильямса преодолевает традиционный элитарный взгляд на культуру и традицию литературной критики, определяет культуру как постоянно обновляющийся общий образ жизни, подчеркивает разнообразные характеристики и социальные ценности культуры и открывает новую область исследований для изучения культуры с целью внедрения марксистской мысли. Его теория имеет как сходства, так и различия с теориями Хоггарта и Томпсона. Это сравнение сходств и различий помогает глубже понять богатые коннотации британского культурного марксизма.

Взгляд Томпсона на культуру: культура – это общий способ борьбы

Взгляд Томпсона на культуру сформировался в результате критики и размышлений над культурной теорией Уильямса, а также был основан на его глубоком исследовании истории британского рабочего класса. Хотя Томпсон признает некоторое прогрессивное значение взгляда Уильямса на культуру, например, преодоление ложного противопоставления между элитой и общественностью, литературой и повседневной жизнью в буржуазной идеологии и утверждение демократической культуры, созданной общественностью в повседневной жизни, он считает, что концепция Уильямса о "культуре – это целостный образ жизни" слишком широк и игнорирует присущую культуре борьбу и политику. Томпсон отметил, что взгляд Уильямса на культуру включает в себя все стили жизни, поэтому нет различия между культурными исследованиями и социологическими исследованиями, и материальному производству, которое является основой образа жизни, здесь не уделяется достаточного внимания.

В 1961 году Томпсон опубликовал большую статью "Долгая революция" в "Новый оставленный отзыв", в которой критиковал взгляды Уильямса на культуру. Он считает, что "общий образ жизни" Уильямса носит слишком общий характер, размывая классовые границы и важность классовой борьбы. Томпсон выступал за замену "образа жизни" на "образ борьбы", подчеркивая, что культура – это не только воплощение образа жизни, но и выражение классовой борьбы. Он отметил: Если мы заменим "образ жизни" в определении Уильямса на "способ развития", то мы перейдем от определения, которое вызывает негативные и сдержанные ассоциации, к определению, которое может вызвать вопросы о деятельности и предмете исследования. Если, мы еще раз переставим слова и удалим ассоциацию "прогресс", подразумеваемую в слове "развитие", то получим "изучение взаимосвязи между элементами общего конфликтологического метода". Путь конфликта – это путь борьбы" [4.С.33]. Далее Томпсон систематически излагал свои культурные взгляды в книге "Формирование британского рабочего класса", опубликованной в 1963 году. Он считает, что культура рабочего класса является не только результатом соответствия капиталистическим методам производства, но и содержит в себе "революционное сознание, демократические концепции, коллективные механизмы и интернационалистский дух" и другие культурные ценности, которые противоречат буржуазному классовому сознанию. Томпсон подчеркнул, что культурологические исследования должны уделять внимание взаимодействию между методами производства и культурой, поскольку методы производства являются не только основой образа жизни, но и фундаментом культуры.

По сравнению с Хоггартом, взгляд Томпсона на культуру подчеркивает борьбу и историчность культуры. Хоггарт рассматривает культуру как повседневный опыт рабочего класса, уделяя особое внимание местным знаниям и уникальности культуры рабочего класса, но его отношение к массовой культуре более консервативно, поскольку он считает, что ее суть – лицемерие. Томпсон, с другой стороны, уделяет больше внимания инициативе и опыту борьбы рабочего класса в ходе истории и считает, что культура является воплощением конфликта и борьбы между рабочим классом и буржуазией. По сравнению с Уильямсом, взгляд Томпсона на культуру более критичен и политичен. Уильямс определяет культуру как "полный набор стилей жизни", подчеркивая целостность и социальность культуры, но он уделяет недостаточное внимание конфликтам и борьбе в культуре.

Томпсон четко указал на то, что культура – это не только воплощение образа жизни, но и "общий способ борьбы". Он считает, что, хотя концепция Уильямса о "сенсорной структуре" описывает социальный опыт, "конфликтные точки в культуре размыты, доминирующее общественное сознание приукрашено, а обвинения в лицемерии среднего класса и поддержании личных интересов не были проверены" [5.С.76]. Столкнувшись с критикой Томпсона, Уильямс признал, что его культурный кругозор был недостаточным, и ответил на это в "Политике и литературе": Термин "классовая борьба" точно относится к такому критическому моменту: структурный конфликт становится сознательной конкуренцией друг за друга, явным применением силы. Конфликт является структурной предпосылкой культуры как общего образа жизни. Любая социалистическая интерпретация культуры также должна содержать конфликт. Определение, которое не содержит конфликта, неверно" [6.С.122]. Уильямс далее пересмотрел "общий образ жизни" на "как метод материального производства" и включил политическое содержание в культурные исследования, выдвинув более полную теорию культурного материализма.

Подводя итог, можно сказать, что взгляд Томпсона на культуру основан на принципе "культура – это общий способ борьбы", подчеркивающий борьбу и политику культуры. Изучая историю британского рабочего класса, он показал, что культура рабочего класса – это не только воплощение образа жизни, но и выражение классовой борьбы. По сравнению с Хоггартом и Уильямсом, взгляд Томпсона на культуру более критичен и историчен, он подчеркивает взаимодействие между методами производства и культурой, а также инициативу и опыт борьбы рабочего класса в историческом процессе, что более глубоко раскрывает сложность и противоречивость культуры в капиталистическом обществе.

В целом, в процессе развития британского культурного марксизма культурное мировоззрение Томпсона, несомненно, сыграло ключевую роль в наследовании прошлого, его углублении и расширении. Критически восприняв и развив идеи Хоггарта "культура – это повседневный опыт" и Уильямса "культура – это целостный образ жизни", он выдвинул новаторскую точку зрения о том, что "культура – это общий способ борьбы", которая значительно обогатила теоретический подтекст и практическую ценность британского культурного марксизма. Взгляд Томпсона на культуру не только выходит за рамки микрорассказа Хоггарта о культуре рабочего класса, но и исправляет недостаток внимания к борьбе и политике в культурной теории Уильямса. Он глубоко подметил, что культура – это не только простое отражение образа жизни, но и яркое проявление классовой борьбы. Благодаря углубленному изучению истории британского рабочего класса, Томпсон раскрыл сложность и борьбу культуры рабочего класса при капиталистических методах производства и подчеркнул инициативу и революционную роль рабочего класса в историческом процессе. Эта новая интерпретация культуры не только открывает более глубокую перспективу для понимания культуры рабочего класса, но и придает культурным исследованиям более критический и политический характер.

Литература

1. Ричард Хоггарт. Использование грамотности. // Лондон: "Чатто и Виндус Лтд", 1957.
2. Стюарт Холл, Дороти Хобсон, Эндрю Лоу и Пол Уиллис (ред.), "Культура, МЕДИА, язык". // Лондон: Хатчинсон, 1980.
3. Реймонд Уильямс: Культура и общество: 1780–1950. // Перевод Гао Сяолин, Пекин: Коммерческая пресса, 2018.
4. Эдвард Томпсон. "Долгая революция" (I). // "Новое левое обозрение", № 9. 1961.
5. Ян Дунли. Исследование культурных концепций и популярных культурных теорий Бирмингемской школы. // Цзинань: Издательство Шаньдунского университета, 2011.
6. Реймонд Уильямс. Политика и литература. // Перевод Чи Кэ и Ван Вэйфэнь.Чжэнчжоу: Издательство университета Хэнань, 2010.

A COMPARATIVE STUDY OF THE CULTURAL THEORY OF HOGGART, WILLIAMS, AND THOMPSON

Chen Tanglong

Heilongjiang University; Heilongjiang Institute of Finance and Economics

British cultural Marxism marks the transition of cultural research from a traditional elitist approach to the everyday life experience of the public. The ideas of Hoggart, Williams, and Thompson underlie this shift. Hoggart believes that culture is the everyday experience of the working class, expanding the sphere of culture, but has a negative attitude towards popular culture. Williams suggested that "culture is a holistic way of life," emphasizing the integrity, sociality, and material nature of culture, criticizing the concept of elite culture, asserting the cultural values of the working class, and advancing the idea of a "common culture." Thompson argues that "culture – this is a common way of fighting," and believes that Williams' concept of culture is too broad, emphasizing struggle, politics, and the interaction between production methods and culture. The theories of these three authors echo each other and have differences. Hoggart focuses on micro- and everyday life, Williams focuses on the whole and society, and Thompson focuses on struggle and politics. Together, they enrich the meaning of British cultural Marxism and lay the foundation for cultural research.

Keywords: British cultural Marxism; Hoggart; Williams; Thompson; Theory of culture

References

1. Richard Hoggart. The Uses of Literacy. London: Chatto & Windus Ltd, 1957.
2. Stewart Hall, Dorothy Hobson, Andrew Lowe, and Paul Willis (eds.), Culture, MEDIA, Language. London: Hutchinson, 1980.
3. Raymond Williams. Culture and Society: 1780–1950. Translated by Gao Xiaoling, Beijing: Commercial Press, 2018.
4. Edward Thompson. The Long Revolution (I). New Left Review, No. 9, 1961.
5. Yang Dongli. A Study of Cultural Concepts and Popular Cultural Theories of the Birmingham School. // Jinan: Shandong University Press, 2011.
6. Raymond Williams. Politics and literature. // Translated by Chi Ke and Wang Weifen. Zhengzhou: Henan University Press, 2010.

Специфика построения учебно-тренировочного процесса по оздоровительному бегу с людьми зрелого возраста на основе коррекции скоростно-силовой нагрузки

Шестакова Татьяна Алексеевна,
кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Уварова Светлана Владимировна,
аспирант, Российский государственный университет физической культуры, спорта молодежи и туризма
E-mail: Svetasvetlyak@bk.ru

Статья посвящена вопросам оздоровительного бега с людьми зрелого возраста и необходимости корректировки скоростно-силовой нагрузки. Актуальность темы связана с возрастанием интереса к доступным формам физической активности, повышающим здоровье и функциональные резервы организма. Новизна исследования состоит в совмещении нетяжелых силовых упражнений и варьирования темпа бега, что дает возможность поддерживать достаточный уровень адаптации и одновременно улучшать динамику силовых и скоростных показателей. В рамках работы описаны особенности построения учебно-тренировочного процесса, изучены результаты, подтверждающие положительное влияние интервальных методик на снижение риска сердечно-сосудистых осложнений, улучшение координации и повышение мотивации у занимающихся. Особое внимание уделено плавному увеличению дозировок упражнений, обеспечивающему безопасность при наличии у занимающихся ограничений по здоровью. Работа ставит перед собой задачу разработать модель занятий с постепенной реализацией скоростных и силовых компонентов. Для ее решения применялись сравнительный анализ, обобщение литературных источников и наблюдение за динамикой показателей. В заключении приведены выводы о пользе систематических занятий, где оздоровительный бег подкреплен умеренной силовой подготовкой. Статья будет полезна специалистам фитнес- и реабилитационных центров, а также всем, кто интересуется укреплением здоровья посредством безопасных физических нагрузок.

Ключевые слова: оздоровительный бег, зрелый возраст, скоростно-силовая нагрузка, интервальный метод, выносливость, координация, безопасность, адаптация, тренировочный процесс, двигательная активность.

Введение

Современное общество характеризуется возрастающей потребностью в доступных и безопасных методах поддержания здоровья у людей зрелого возраста. Актуальность изучения специфики построения учебно-тренировочного процесса по оздоровительному бегу обусловлена необходимостью гармоничного сочетания кардионагрузок и умеренных скоростно-силовых упражнений.

Цель настоящей работы – разработать и обосновать модель, позволяющую эффективно корректировать уровень силовой и скоростной нагрузки у занимающихся, учитывая их функциональные и возрастные особенности.

В соответствии с данной целью определены следующие задачи:

1) Определить оптимальные способы сочетания бега в равномерном и интервальном режимах с укрепляющими упражнениями.
2) Проанализировать влияние скоростно-силовой нагрузки на показатели выносливости и общее самочувствие лиц зрелого возраста.
3) Разработать рекомендации по поэтапному увеличению интенсивности бега и разнообразию силовых заданий с учетом индивидуального здоровья.

Новизна исследования состоит в том, что в рамках занятий учитывается не только базовая выносливость, но и плавное внедрение коротких ускорений и легких силовых серий, позволяющих расширить диапазон двигательных возможностей без риска перегрузок.

Материалы и методы

В ходе исследования учитывались работы, посвященные скоростно-силовой подготовке и оздоровительной направленности тренировок. Так, Р.О. Бештоев [1] рассматривал вопросы совершенствования скоростно-силовых качеств у слушателей специальных образовательных организаций, а Е.В. Захарченко [2] изучал развитие скоростно-силовых способностей на примере футболистов 10–12 лет. Методика спринтерского бега описывалась А.С. Красновым [3], который подчеркивал значение многолетней подготовки и силы мышц нижних конечностей. Важные аспекты психологической подготовки отмечены В.И. Никифоровым [4], а влияние оздоровительного бега на разные системы организма анализировалось в работах Д.М. Петрова [5] и С.В. Савина [6]. Вопросы здоровьесбережения в тренировочном процессе рассматривались в трудах Г.В. Скуратовой [7], в том числе в части профилактики травм и повышения двигательной грамотности. Я.С. Соловьян [8] уделил внимание программам силового тренинга с женщинами, что оказалось полезным при формировании занятий для людей зрелого возраста. Методические рекомендации по самостоятельным тренировкам приведены у Е.П. Степановского [9], а теоретическое обоснование ориентированных на оздоровление тренировок отражено у О.А. Юсуповой [10].

Для написания статьи был применен сравнительный метод, анализ научных источников и наблюдение за ди-

намикой физического состояния занимающихся. На основе этих методов были сопоставлены данные по различным схемам интервального и равномерного бега, выбран набор силовых упражнений и оценены эффекты адаптации у лиц зрелого возраста.

Результаты

Выполненные анализы позволили выявить преобладание у лиц зрелого возраста интереса к оздоровительному бегу, ориентированному на укрепление выносливости и самочувствия. В ходе исследования сформирован тренировочный процесс, предусматривающий умеренное увеличение скоростно-силовой нагрузки с учетом возрастных особенностей и вариативных функциональных показателей. При такой методике использовались упражнения с собственным весом и отягощениями небольшого размера, а также велась работа в формате систематического чередования бега в устойчивом ритме и коротких ускорений.

Установлено, что бег, ориентированный на укрепление организма, нуждается в грамотной коррекции скоростно-силовых параметров. С учетом сведений [5], бег способен повысить умственную и творческую активность, что создает дополнительный положительный эффект, ценный для поддержания стабильного эмоционального фона у людей зрелого возраста. Именно поэтому особое внимание уделено дополнительным заданиям для поддержания нервно-мышечного тонуса и укрепления сердечно-сосудистой системы.

Планомерное введение скоростно-силовой работы базировалось на чередовании кратковременных отрезков бега с небыстрым темпом и ускорений, где закладывается возможность вовлечения крупных мышечных групп. Одновременно прорабатывались поддерживающие упражнения (приседания, медленные выпрыгивания, подъемы на носки, короткие отрезки ускоренного бега с акцентом на работу рук и корпуса). С учетом научных данных [6], в практике занятий с данной возрастной группой значимым становится средний и средневысокий уровень интенсивности, позволяющий осуществлять приемлемое для организма соотношение нагрузки и восстановления.

Исследование показало, что использование умеренных силовых подходов в сочетании с регулированием темпа бега позитивно сказывается на показателях выносливости и стабилизации артериального давления. По данным [4], высокие результаты в современном спорте требуют многолетнего, напряженного тренировочного процесса, однако на этапе оздоровительного бега достаточно формировать базовую адаптацию к планируемому уровню усилий без чрезмерного форсирования. Наблюдения подтвердили, что в зрелом возрасте у некоторых занимающихся возникают затруднения при быстром наборе скорости, поэтому повторные короткие ускорения сопровождаются понижением длительности работы в скоростном режиме. Такой подход позволил стабилизировать сердечный ритм, сократить риск перенапряжения и приблизиться к рациональному развитию быстроты мышечного сокращения.

Важным направлением оказалась плавная дозировка силового компонента. В ходе тренировок вводился бег трусцой с последующим выполнением статодинамических упражнений. По сведениям [7], правильно организованная деятельность на занятиях, где акцент ставится на здоровьесбережение, охватывает формирование двигательных навыков и сокращает риск травматизма. Именно поэтому предлагались свободные движения для плечевого пояса, отжимания с опорой на колени, сидения из разных исходных положений и упор на упражнения, не вызывающие дискомфорт в позвоночнике. Подобные элементы повысили заинтересованность и дали возможность адаптировать план к разным показателям подготовленности.

В результате наблюдалось положительное изменение в динамике силы и скорости у большинства участников. Проверка показателей беговой выносливости на отрезках 200–300 м в медленном темпе с последующим коротким ускорением зафиксировала снижение времени на заключительных участках бега. Это происходило за счет оптимизации работы мышц нижних конечностей и укрепления сердечно-сосудистой системы. Согласно информации [10], регулярная физическая активность, в том числе оздоровительный бег, укрепляет здоровье, повышает функциональные резервы и поднимает общий уровень физической готовности. У лиц зрелого возраста такие эффекты связаны с умеренным ростом скоростно-силовых показателей при сохранении безопасного уровня нагрузки.

Отдельные участники имели ограничения по состоянию суставов и лишний вес, поэтому тренировочные схемы для них включали больше ходьбы, облегченных ускорений и упражнений на растягивание мышц спины и ног. С учетом информации [2], где упоминается о грамотной профилактике опорно-двигательных отклонений через адаптированные комплексы, подобранные задания помогали развивать двигательную активность, не создавая избыточной перегрузки на коленные и тазобедренные суставы.

Обработка собранных показателей перед началом цикла и через три месяца показала усиление силовой выносливости более чем у половины участников, повышение ритмической координации бега и незначительное увеличение длины шага при коротких ускорениях. Кроме этого, у лиц с начальными признаками гиподинамии улучшилось функциональное состояние: нормализовалось артериальное давление и повысился общий мышечный тонус. Использование интервальных повторений способствовало снижению массы тела в пределах 2–3 кг при сочетании бега с рациональной диетой.

Достигнутые результаты подтверждают, что корректировка скоростно-силовых подходов в рамках оздоровительных занятий бегом с людьми зрелого возраста возможна с учетом постепенного увеличения нагрузки и внедрения упражнений на укрепление мышц ног и поясницы. Отмечена положительная динамика координационных способностей, а также мотивационный рост у участников, которые начали лучше контролировать свое состояние, что согласуется с положениями, изложенными в публикациях [1] и [3].

Обсуждение

Обсуждение выявленных закономерностей отражает значимые стороны корректировки скоростно-силовой нагрузки в оздоровительном беге у лиц зрелого возраста. Наблюдения за процессом обучения и самостоятельными занятиями показали, что сочетание равномерного и интервального бега с умеренной силовой подготовкой усиливает функциональные резервы и стабилизирует ключевые показатели здоровья. Увеличение общего объема двигательной активности, сопровождаемое правильно подобранными упражнениями (приседания, легкие прыжки, подъемы ног, подтягивания в упрощенном виде), привело к повышению силы мышц нижних конечностей и пресса, а в некоторых случаях улучшило координационное взаимодействие в беге на коротких отрезках.

Положительная динамика силы и устойчивости к усталости сопровождалась нарастанием экономичности движений. В ходе упражнений на среднюю выносливость пожилые люди включались в ускорения длительностью 15–20 секунд, тем самым осваивали более высокую скорость при сохранении безопасного уровня сердечного ритма. Данная схема тренировок позволяла планомерно варьировать темп, избегая перегрузки суставов и чрезмерного риска сердечно-сосудистых осложнений. Результаты опроса участников показали, что они чувствовали прилив бодрости, улучшение настроения и рост мотивации к регулярным тренировкам.

В процессе наблюдения было отмечено, что участники, имеющие избыточную массу тела или слабую подготовленность, в состоянии удерживать ритм медленного бега без дискомфорта. При этом постепенное добавление силовых заданий (например, неглубокие приседания, отжимания с коленей, сокращенные варианты планки) способствовало укреплению мышечного каркаса и давало возможность безопасно формировать навыки правильной техники бега. Отсутствие резких ускорений и взрывных прыжков в начале цикла снижало нагрузку на опорно-двигательный аппарат, а плавное увеличение интенсивности подготовки помогало достигать адаптации в стабильно контролируемых условиях.

Систематический повтор коротких отрезков с акцентом на технику и амплитуду движений, чередуемый с ходьбой либо бегом трусцой, оказался эффективным для коррекции скоростно-силовой выносливости. Добровольцы постепенно увеличивали диапазон скоростей, развивая способность быстро реагировать на смену темпа. В совокупности с умеренным применением аэробных нагрузок эта тактика давала выраженный тренировочный эффект без чрезмерных перегрузок. Упражнения, направленные на стабилизацию спины и укрепление брюшного пресса, закрепляли безопасное положение позвоночника и помогали поддерживать правильную осанку при беге.

Одним из показателей результативности данного подхода стало снижение уровня артериального давления и появление у ряда занимающихся готовности включаться в более длительные пробежки. Плавное усложнение комплекса способствовало вовлечению все большего числа мышечных групп при сохранении технико-координационной согласованности движений. Мониторинг частоты сердечных сокращений на финише тренировочных отрезков позволял вносить корректировки в величину и характер нагрузки, соблюдая принципы безопасности. Существенное значение имело введение восстановительных процедур и упражнений на растягивание, что создавало комфортные условия для мышечной регенерации после занятий.

Усредненные показатели скорости на коротких дистанциях (30–60 м) показали, что даже в зрелом возрасте реалистично добиваться небольшой прибавки в быстроте, если комбинировать нетяжелые силовые задания и постепенные ускорения. Кроме того, укреплялось чувство ритма, улучшалась техника, исчезали скованность и ошибочные движения в коленных суставах. Участники, обладавшие начальными жалобами на болевые ощущения в поясничном отделе, отмечали, что при корректировке техники бега и регулярном выполнении упражнений на укрепление мышц спины дискомфорт снижался. Одновременно уменьшался риск травм в голеностопном и коленном суставах, поскольку нагрузка распределялась рациональнее.

В целях наглядного упорядочения разных типов упражнений и определения объема беговой нагрузки целесообразно привести структурированную таблицу. Ниже (Таблица 1) приводится пример распределения занятий на неделю с учетом рекомендованных режимов бега и вариантов силовых заданий.

Таблица 1. Примерная организация недельного цикла занятий оздоровительным бегом и легкими силовыми сериями для людей зрелого возраста

День	Беговой режим	Силовые упражнения	Рекомендации по отдыху
Понедельник	Бег трусцой 15–20 минут	Приседания с упором на стул (2–3 подхода), выпады статичные	Паузы для восстановления 1–2 минуты
Среда	Интервальный бег (3 отрезка по 2 минуты)	Отжимания с коленей (2–3 подхода), подъемы таза из положения лежа	Неспешная ходьба между интервалами
Пятница	Равномерный бег 20–25 минут	Медленные выпрыгивания (1–2 подхода), легкие подъемы на носки	Разминка суставов ног и поясницы
Суббота	Короткие ускорения (4 отрезка по 50 метров)	Планка с опорой на предплечья (2 подхода по 15–20 секунд), вращения рук	Чередование ускорений с медленным бегом или ходьбой
Воскресенье	Медленный бег 10–15 минут, ходьба в горку	Растягивание мышц спины и ног, плавные махи руками	Дыхательные упражнения после основной части

Данные показатели позволяют утверждать, что скоростно-силовая коррекция, добавленная в регулярный оздоровительный бег, оказывает стимулирующее воздействие на организм пожилых людей, при этом не провоцирует резких перегрузок. Предварительное медицинское тестирование, контроль интенсивности занятий и адекватная периодизация нагрузок представляются наиболее значимыми условиями, обеспечивающими безопасность и эффективность данного направления тренировочного процесса.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что поставленные в начале работы задачи получили решение. Во-первых, определены способы сочетания бега в равномерном и интервальном режимах с выполнением систематических скоростно-силовых упражнений, показавшие эффективность при постепенном увеличении нагрузки. Во-вторых, установлено, что корректировка интенсивности бега и разумное внедрение легких силовых серий повышают показатели выносливости, улучшая общее самочувствие и сердечно-сосудистую устойчивость людей зрелого возраста. Наконец, сформулированы рекомендации по поэтапному наращиванию нагрузок и плавному усложнению упражнений: при наличии ограничений по здоровью основной упор делается на безопасную технику бега и стабильную динамику силовых заданий.

Таким образом, предложенная система учебно-тренировочных занятий оздоровительным бегом с кор-

рекцией скоростно-силовой компоненты позволяет укреплять сердечно-сосудистую систему, мышечный тонус и моторную координацию, что обеспечивает благоприятный вклад в общее качество жизни лиц зрелого возраста.

Литература

1. Бештоев, Р.О. Совершенствование скоростно-силовых качеств в физической подготовке слушателей образовательных организаций МВД России / Р.О. Бештоев // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 150–153. – EDN XUZJCQ.
2. Захарченко, Е.В. Специфика развития скоростно-силовых способностей у футболистов на этапе начальной подготовки / Е.В. Захарченко // Физическая культура и спорт в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 23–24 марта 2018 года / под ред. С.С. Добровольского. – Хабаровск: Дальневосточная государственная академия физической культуры, 2018. – С. 111–115. – EDN UVXKDM.
3. Краснов, А.С. Методика скоростно-силовой подготовки спортсменов, занимающихся спринтерским бегом / А.С. Краснов // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 14. – С. 655–662. – EDN HVVCVB.
4. Никифоров, В.И. Психологический аспект подготовки команды легкоатлетов к тренировочному процессу / В.И. Никифоров // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 4–6 (62). – С. 385–387. – EDN VADTEX.
5. Петров, Д.М. Бег как основа здоровья / Д.М. Петров // Профессионал года 2020: сборник статей XVI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 августа 2020 года. – Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 28–30. – EDN GHQQON.
6. Савин, С.В. Особенности реализации методов выполнения силовых упражнений при оздоровительно-кондиционной (фитнес-) тренировке лиц зрелого возраста / С.В. Савин // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: итоги 10-летия международной деятельности ШГПУ – Шуйского филиала ИвГУ: материалы XII Международной научной конференции, Москва – Шуя, 04–05 июля 2019 года. – Москва – Шуя: Ивановский государственный университет, Шуйский филиал, 2019. – С. 109–111. – EDN FLBRGY.
7. Скуратова, Г.В. Здоровьесберегающая деятельность на учебно-тренировочных занятиях / Г.В. Скуратова // Вестник науки. – 2022. – Т. 5, № 10 (55). – С. 64–82. – EDN GJPTVR.
8. Соловьян, Я.С. Характеристика программ силового тренинга с женщинами первого периода зрелого возраста / Я.С. Соловьян // Инновации и традиции в современном физкультурном образовании: материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21 марта 2018 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 336–341. – EDN AHTULU.
9. Степановский, Е.П. Оздоровительный бег, принципы самостоятельной тренировки / Е.П. Степановский // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2014. – № 4. – С. 80–83. – EDN TOECTL.
10. Юсупова, О.А. Теоретическое обоснование содержания тренировок оздоровительной направленности для сотрудников органов внутренних дел 3, 4, 5, 6 возрастных групп / О.А. Юсупова, В.А. Глубокий // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 8 (198). – С. 404–410. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2021.8.p404–409. – EDN SPTAKR.

SPECIFICITY OF CONSTRUCTING THE TRAINING PROCESS FOR HEALTHY RUNNING WITH MATURE PEOPLE BASED ON CORRECTION OF SPEED-STRENGTH LOAD

Shestakova T.A., Uvarova S.V.
TSPU named after. L.N. Tolstoy

The article is devoted to the issues of health running with mature people and the need to adjust the speed-strength load. The relevance of the topic is associated with the growing interest in accessible forms of physical activity that improve health and functional reserves of the body. The novelty of the study lies in the combination of light strength exercises and varying the running pace, which makes it possible to maintain a sufficient level of adaptation and simultaneously improve the dynamics of strength and speed indicators. The work describes the features of constructing the training process, studies the results confirming the positive effect of interval techniques on reducing the risk of cardiovascular complications, improving coordination and increasing motivation in those involved. Particular attention is paid to a smooth increase in exercise dosages, ensuring safety in the presence of health restrictions in those involved. The work sets the task of developing a model of classes with a gradual implementation of speed and strength components. To solve this task, a comparative analysis, generalization of literary sources and monitoring of the dynamics of indicators were used. The conclusion provides findings on the benefits of systematic classes, where health running is supported by moderate strength training. The article will be useful for specialists in fitness and rehabilitation centers, as well as for everyone interested in improving health through safe physical activity.

Keywords: health running, mature age, speed-strength load, interval method, endurance, coordination, safety, adaptation, training process, motor activity.

References

1. Beshtoev, R.O. Improving speed-strength qualities in physical training of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / R.O. Beshtoev // Gaps in Russian legislation. – 2020. – Vol. 13, No. 4. – Pp. 150–153. – EDN XUZJCQ.
2. Zakharchenko, E.V. Specifics of the development of speed-strength abilities in football players at the stage of initial training / E.V. Zakharchenko // Physical education and sports in modern society: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Khabarovsk, March 23–24, 2018 / edited by S.S. Dobrovolsky. – Khabarovsk: Far Eastern State Academy of Physical Culture, 2018. – Pp. 111–115. – EDN UVXKDM.
3. Krasnov, A.S. Methodology of speed-strength training of athletes involved in sprint running / A.S. Krasnov // Innovations. Science. Education. – 2020. – No. 14. – P. 655–662. – EDN HVVCVB.
4. Nikiforov, V.I. Psychological aspect of preparing a team of track and field athletes for the training process / V.I. Nikiforov // Eurasian Scientific Association. – 2020. – No. 4–6 (62). – P. 385–387. – EDN VADTEX.
5. Petrov, D.M. Running as a basis for health / D.M. Petrov // Professional of the Year 2020: collection of articles from the XVI International Research Competition, Penza, August 15, 2020. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2020. – P. 28–30. – EDN GHQQON.
6. Savin, S.V. Features of the implementation of methods for performing strength exercises during health-improving and conditioning (fitness) training of mature individuals / S.V. Savin // Shuya session of students, graduate students, teachers, young scientists: results of the 10th anniversary of the international activities of ShSPU – Shuya branch of Ivanovo State University: materials of the XII International scientific conference, Moscow – Shuya, July 04–05, 2019. – Moscow – Shuya: Ivanovo State University, Shuya branch, 2019. – P. 109–111. – EDN FLBRGY.

7. Skuratova, G.V. Health-saving activities in educational and training sessions / G.V. Skuratova // Science Bulletin. – 2022. – V. 5, No. 10 (55). – P. 64–82. – EDN GJPTVR.
8. Solov'yan, Ya.S. Characteristics of strength training programs for women in the first period of mature age / Ya.S. Solov'yan // Innovations and traditions in modern physical education education: materials of the interuniversity scientific and practical conference, Moscow, March 21, 2018. – Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2019. – P. 336–341. – EDN AHTULU.
9. Stepanovsky, E.P. Health running, principles of independent training / E.P. Stepanovsky // Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. – 2014. – No. 4. – P. 80–83. – EDN TOECTL.
10. Yusupova, O.A. Theoretical justification of the content of health-oriented training for employees of internal affairs bodies of age groups 3, 4, 5, 6 / O.A. Yusupova, V.A. Gluboky // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. – 2021. – No. 8 (198). – P. 404–410. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2021.8.p404–409. – EDN SPTAKR.

Технология постановки социальных проблем: управленческий контекст

Глазкова Любовь Алексеевна,
канд. соц. наук, доцент кафедры социологии и управления, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова»
E-mail: 79205555062@yandex.ru

Кудашкин Андрей Иванович,
соискатель кафедры социологии и управления, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова»
E-mail: synergy7@mail.ru

Социальная проблема, в отличие от социальной задачи, представляет собой определенные затруднения, требующие нестандартного (непривычного) инновационного подхода. Технология представляет собой поэтапную разработку социальной проблемы, и каждый из этих этапов является необходимым, а в совокупности с другими этапами достаточным для решения социальной проблемы. Технологической предпосылкой к постановке социальной проблемы выступает целевой блок, включающий: определение собственных целей применительно к проблемной ситуации, определение целей других лиц, организаций, связанных с проблемной ситуацией, определение соотношения и взаимосвязи целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией. Не менее важное значение имеет следующий технологический блок, включающий такие операции, как определение вероятных последствий достижения ближайших целей, определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленных целей. Принципиально важное значение имеет определение управляемых и неуправляемых переменных, возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые. Важно также определение внешних и внутренних ограничений, накладываемых на разрешение проблемной ситуации, а также определение причинных связей между тем, что мы собираемся делать, и тем, что хотим получить. Соблюдение этих условий может стать гарантией успешного решения социальных проблем.

Ключевые слова: социальная проблема, решение социальной проблемы, условия разрешения проблемы, социальные последствия, управляемые переменные, неуправляемые переменные, причинная связь, внешние ограничения, внутренние ограничения, управленческая цель.

Введение

В процессе развития общества возникает множество проблем, которые пересекаются, взаимопроникают, вызывая к жизни другие, подчас более сложные, проблемы, что чаще всего нарушает привычные жизненные устои, сложившиеся жизненные стандарты и правила поведения, приводит к новым формам социального взаимодействия и порождает потребность в их целенаправленном разрешении. В настоящее время для целенаправленного разрешения социальных проблем создаются специальные организационные структуры как государственного, так и негосударственного подчинения, в деятельности которых применяется широкий спектр методов.

Вместе с тем, существующая неопределенность в решении вопросов о том, что же действительно является социальной проблемой и какие действия, направленные на ее устранение, следует предпринимать, вызывает потребность в разработке методологических и технологических оснований проблемного анализа в структуре социального управления организациями.

Известно, что правильная постановка научной социальной проблемы – как научной, так и практической – это уже половина ее решения. При этом, важное значение имеет правильная постановка проблемы, обусловленной соблюдением определенных правил. Цель данной статьи – оценка управленческой практики постановки социальных проблем, определение условий их успешного разрешения.

Материалы и методы

Статья подготовлена по материалам авторского социологического опроса «Практика постановки и разрешения социальных проблем», проведенного в органах государственного и муниципального управления, социальной защиты, в высших и общеобразовательных учебных заведениях. Опрошено 505 респондентов. Исследование проводилось в трех регионах: г. Москва, Белгородская и Тульская области.

Литературный обзор

Статья подготовлена также по материалам теоретических исследований, представленных ведущими специалистами. Статья подготовлена с учетом классического исследования Р. Акоффа, в котором рассмотрены управляемые и неуправляемые переменные проблемной ситуации, условия и методы перевода неуправляемых переменных в управляемые. В монографии Н.С. Данакина и Н.И. Гайворонской дана развернутая характеристика теоретического, эмпирического, а также проектно-технологического аспектов изучения проблемных ситуаций, опыта их разрешения в управленческой практике. Социально-психологический аспект проблемного анализа представлен в работе А.П. Андруника, поведенческий аспект в проблемной ситуации – в работе Н.С. Данакина и Н.В. Шатохиной, диагностический потенциал проблемного анализа – в статье В.Г. Ильницкого. Системное решение проблем предлагается в монографии Ю.Н. Лапыгина. Различные аспекты методологии и практики разрешения проблемных ситуаций представлены в работах Н.Я. Маслумяновой, Е.А. Мироновой, Н.В. Соловой.

Результаты

Респондентам было предложено оценить практику поэтапной постановки социальных проблем. В таблице 1 перечислены основные этапы с оценкой их значимости по пятибалльной шкале. (от 5 – имеет большое значение до 1 – никакого значения не имеет). Представлены сводные данные ответов респондентов и их распределение по категориям «мужчины» и «женщины».

Таблица 1. Ученые предлагают поэтапную постановку социальных проблем. Ниже перечислены эти этапы. Просим оценить их значение для управленческой практики по 5-балльной шкале (от 5 – имеет большое значение до 1 – никакого значения не имеет). (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Определить собственные цели применительно к проблемной ситуации	3,47	3,61	3,58
2. Определить цели других лиц, организаций, связанных с проблемной ситуацией	2,88	3,04	3,00
3. Определить соотношение и взаимосвязь целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией	2,75	2,95	2,90
4. Определить вероятные долгосрочные последствия достижения ближайших целей	2,88	3,09	3,04
5. Определить обстоятельства, препятствующие достижению поставленных целей	3,41	3,48	3,47
6. Определить управляемые переменные проблемной ситуации (того, чем можно управлять)	3,76	3,20	3,33
7. Определить внешние и внутренние ограничения, накладываемые на разрешение проблемной ситуации	2,94	3,41	3,30
8. Определить неуправляемые переменные проблемной ситуации (то, чем нельзя управлять)	2,76	3,34	3,21
9. Определить возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые	2,71	2,88	2,84
10. Определить причинные связи между тем, что мы собираемся делать, и тем, что хотим получить	3,06	3,39	3,32

С учетом распределения полученных данных целесообразно будет выделение и рассмотрение двух оценочных категорий: удовлетворительно (значения от 3 и выше), неудовлетворительно (значения ниже 3). Если принять во внимание сводные оценки, то большая часть технологических операций получила оценку «удовлетворительно». Неудовлетворительную оценку получили такие технологические операции, как «определить соотношение и взаимосвязь целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией» и «определить возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые». Такое же распределение оценок получилось в ответах женщин. Мужчины оказались более критичными в своих оценках. Шесть технологических операций из десяти получили неудовлетворительную оценку.

Небезынтересно распределение рейтингов технологических операций. В таблице 2 представлены их рейтинги в оценочной шкале от 1 до 10 включительно.

Таблица 2. Рейтинги технологических операций

Сводные рейтинги в оценке мужчин и женщин	Рейтинги в оценке мужчин	Рейтинги в оценке женщин
1	1	1
5	5	5
6	10	7
10	7	10
8	2	8
4	4	6
7	5	4
2	6	2
3	3	3
9	9	9

Обратим внимание, прежде всего, на то, что две технологические операции имеют самые большие рейтинги в оценке как мужчин, так и женщин. Это – «определение собственных целей применительно к проблемной ситуации» и «определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленных целей». Оценки мужчин и женщин оказались одинаковыми по технологическим операциям «определение соотношения и взаимосвязи целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией» и «определение возможностей перевода неуправляемых переменных в управляемые». Причем, обе эти операции оказались на последних рейтинговых местах. Заметим также то, что мужчины придают сравнительно большее значение таким технологическим операциям, как «определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленных целей», «определение управляемых переменных проблемной ситуации (то, чем можно управлять)». Женщины, со своей стороны, сравнительно больше ценят такие операции, как «определение внешних и внутренних ограничений, накладываемых на разрешение проблемной ситуации», «определение неуправляемых переменных проблемной ситуации».

Теперь обратимся к данным того же опроса в зависимости от рода занятий респондентов. Вузовские преподаватели и федеральные служащие положительно оценили (свыше 3 баллов) только две операции из десяти предложенных к оценке: «определить обстоятельства, препятствующие достижению поставленных целей», «определить управляемые переменные проблемной ситуации (то, чем можно управлять)»; муниципальные служащие – семь операций, кроме операций «определить соотношение и взаимосвязь целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией», «определить управляемые переменные проблемной ситуации (то, чем можно управлять)», «определить возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые»; сотрудники социальных служб все предложенные к оценке операции оценили положительно, кроме операции «определить возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые». Наиболее оптимистичными ока-

зались оценки педагогов. Все предложенные к оценке операции оценили выше 3,5 баллов.

Далее, судя по полученным данным, сравнительно более оптимистичными оказались оценки сотрудников старшего возраста (свыше 60 лет). Вместе с тем, одна из технологических операций – «определение возможностей перевода неуправляемых переменных в управляемые» – получила довольно низкую оценку (1,35). Заметим также, что одни только положительные оценки представлены сотрудниками возрастных групп до 29 лет, 30–40 лет. Довольно критичными оказались оценки, данные сотрудниками в возрасте от 40 до 50 лет; семь технологических операций из десяти получили оценку «неудовлетворительно».

В ходе проведенного социологического опроса выяснялось также то, что мешает респондентам правильно поставить социальную проблему. В таблице 3 приведены данные опроса с учетом пола опрошенных респондентов.

Таблица 3. Что мешает правильно поставить социальную проблему? (распределение ответов по полу)

Варианты ответа	Категории опрошенных		Сводные данные
	мужчины	женщины	
1. Нечеткая формулировка собственных целей	23,5	25,0	24,7
2. Непонимание целей других лиц (организаций)	23,5	14,3	16,4
3. Непонимание взаимосвязи целей	17,6	8,9	11,0
4. Упрощенное, неадекватное представление о проблемной ситуации	0,0	23,2	17,8
5. Неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели	29,4	26,8	27,4
6. Неадекватная оценка собственных ресурсов, средств	11,8	12,5	12,3
7. Всё мешает	0,0	5,4	4,1
8. Что еще (укажите сами)	0,0	0,0	0,0
9. Ничего не мешает	11,8	0,0	2,7
10. Затрудняюсь ответить	11,8	16,1	15,1

Судя по представленным данным, наибольшими помехами при постановке управленческих целей являются «нечеткая формулировка собственных целей» (отметили 24,7%) и «неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели» (27,4%). Очевидно несущественное расхождение в ответах мужчин и женщин. Их оценки практически совпадают также в отношении такой помехи, как неадекватная оценка собственных ресурсов. Обращает на себя внимание и то, что мужчины придают большее значение такой помехе, как непонимание взаимосвязи целей (17,6%), а женщины – упрощенному, неадекватному представлению о проблемной ситуации (23,2%). Стоит обратить внимание и на такие позиции, как «ничего не мешает» (отметили 11,8% мужчин) и «всё мешает» (5,4% женщин). Заметим также, что часть респондентов (15,1%) затруднилась ответить на поставленный вопрос, в том числе 16,1% опрошенных женщин и 11,8% мужчин.

Теперь обратимся к распределению ответов респондентов в зависимости от рода их деятельности. Отметим, прежде всего, то, что каждый шестой-седьмой из опрошенных затруднился с ответом на поставленный вопрос. Некоторая часть (4,1%), представленная, прежде всего, государственными служащими и социальными работниками, категорично заявила, что «всё мешает». Отдельные группы респондентов (муниципальные служащие, социальные работники и педагоги) акцентируют внимание на такой помехе, как «нечеткая формулировка собственных целей». Вузовские преподаватели придают сравнительно большее значение такой помехе, как «неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели»; федеральные служащие – упрощенному, неадекватному представлению о проблемной ситуации, а также неадекватной оценке собственных ресурсов, средств; муниципальные служащие – нечеткой формулировке собственных целей и упрощенному, неадекватному представлению о проблемной ситуации; социальные служащие – нечеткой формулировке собственных целей и неправильному определению обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели; педагоги – нечеткой формулировке собственных целей и неправильному определению обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели. Обратим внимание также, что существенная часть опрошенных затруднилась ответить на поставленный вопрос, причем, 30% муниципальных служащих и 25% федеральных служащих.

Теперь о «возрастных» помехах при постановке социальной проблемы. Сотрудники в возрасте до 29 лет указывают, прежде всего, на такие помехи, как «нечеткая формулировка собственных целей» (55,6%) и «упрощенное, неадекватное представление о проблемной ситуации» (33,3%); сотрудники в возрасте от 30 до 40 лет – на «неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели» (28,6%); сотрудники в возрасте от 40 до 50 лет и от 50 до 60 лет – на нечеткую формулировку собственных целей и неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели; сотрудники в возрасте свыше 60 лет – на нечеткую формулировку собственных целей (40,0%).

Обсуждение

1. Судя по полученным данным, сравнительно больше затруднений вызывает исполнение таких технологических операций, как определение соотношения и взаимосвязи целей других лиц, связанных с проблемной ситуацией, и определение возможности перевода неуправляемых переменных в управляемые.
2. Различается рейтинг представленных к оценке технологических операций. Мужчины придают сравнительно большее значение определению обстоятельств, препятствующих достижению поставленных целей, определению управляемых переменных проблемной ситуации; женщины – определению внешних и внутренних ограничений, накладываемых на разрешение проблемной ситуации, и определению неуправляемых переменных проблемной ситуации.
3. Сравнительно большие затруднения с определением целесообразности использования предлагаемых технологических операций испытывают вузовские преподаватели и федеральные служащие. Относительно большей оптимистичностью выделяются оценки педагогов.

4. Сравнительно более оптимистичны также оценки, данные сотрудниками старшего возраста (свыше 60 лет). Критичны оценки, данные сотрудниками в возрасте от 40 до 50 лет.
5. Наибольшими помехами при постановке социальных проблем являются «нечеткая формулировка собственных целей» респондентами и «неправильное определение обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели».
6. На помехах, возникающих при исполнении служебных обязанностей, акцентируют внимание государственные служащие и социальные работники.

Заключение

Таким образом, каждая категория опрошенных решает как общие, так и частные (специальные) социальные проблемы, что важно знать и учитывать при их профессиональной подготовке и повышении квалификации.

Литература

1. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: «Мир», 1982. 224 с.
2. Андруник А.П. Современные проблемы управления персоналом: социально-психологический аспект // Перспективы науки. 2020. № 12 (135). С. 219–221.
3. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Аналитические модели социальной проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5. С. 15–21.
4. Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2011. 182 с.
5. Данакин Н.С., Шатохина Н.В. Типы поведения в проблемной ситуации // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: Всероссийская науч.-практ. (заочная) конф., октябрь 2010 / Белгород. гос. технол. ун-т. редкол.: Н.С. Данакин, В.Ш. Гузаиров, И.В. Конев. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2010. С. 48–55.
6. Ильницкий В.Г. Проблемный анализ как метод социальной диагностики // Социальные структуры и процессы: всероссийская науч.-практич. (заочная) конф., декабрь 2007 / Белгор. гос. технол. ун-т; редкол.: Н.С. Данакин, В.Ш. Гузаиров, И.В. Конев. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2007. С. 41–46.
7. Лапыгин Ю.Н. Системное решение проблем. М.: Эксмо, 2008. 336 с.
8. Мазлумянова Н.Я. К методологии исследования проблемных ситуаций // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 79–88.
9. Миронова Е.А., Соловова Н.В. Анализ проблемного поля исследований управления социальным развитием организации // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2017. Т. 8. № 4. С. 56–62.

TECHNOLOGY OF STATING SOCIAL PROBLEMS: MANAGERIAL CONTEXT

Glazkova L.A., Kudashkin A.I.
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

A social problem, unlike a social task, represents certain difficulties that require a non-standard (unusual) innovative approach. Technology is a step-by-step development of a social problem, and each of these stages is necessary, and in combination with other stages, sufficient for solving a social problem. The technological prerequisite for setting a social problem is the target block, which includes: defining one's own goals in relation to the problem situation, defining the goals of other persons, organizations associated with the problem situation, defining the relationship and interrelation of the goals of other persons associated with the problem situation. Of no less importance is the following technological block, which includes such operations as determining the probable consequences of achieving immediate goals, determining the circumstances that prevent the achievement of the set goals. Of fundamental importance is the definition of controlled and uncontrolled variables, the possibility of converting uncontrolled variables into controlled ones. It is also important to determine the external and internal restrictions imposed on resolving the problem situation, as well as to determine the causal relationships between what we are going to do and what we want to get. Compliance with these conditions can become a guarantee of a successful solution to social problems.

Keywords: social problem, solution of social problem, conditions of problem resolution, social consequences, controlled variables, uncontrolled variables, causal relationship, external constraints, internal constraints, management goal.

Referents

1. Ackoff R. The Art of Problem Solving. Moscow: "Mir", 1982. 224 p.
2. Andrunik A.P. Modern Problems of Personnel Management: Social and Psychological Aspect // Prospects of Science. 2020. No. 12 (135). P. 219–221.
3. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Analytical Models of a Social Problem // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2020. No. 5. P. 15–21.
4. Danakin N.S., Gaivoronskaya N.I. Problem Analysis in the System of Social Management. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2011. 182 p.
5. Danakin N.S., Shatokhina N.V. Types of behavior in a problem situation // Diagnostics and forecasting of social processes: All-Russian scientific-practical (correspondence) conf., October 2010 / Belgorod. state techn. univ. editorial board: N.S. Danakin, V. Sh. Guzairov, I.V. Konev. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2010. P. 48–55.
6. Il'nitskiy V.G. Problem analysis as a method of social diagnostics // Social structures and processes: All-Russian scientific-practical. (correspondence) conf., December 2007 / Belgorod state technological university; editorial board: N.S. Danakin, V. Sh. Guzairov, I.V. Konev. – Belgorod: Publishing house of BSTU named after V.G. Shukhov, 2007. P. 41–46.
7. Lapygin Yu.N. Systemic solution of problems. Moscow: Eksmo, 2008. 336 p.
8. Mazlumyanova N. Ya. On the methodology of studying problem situations // Sociological journal. 2000. No. 1–2. P. 79–88.
9. Mironova E.A., Solovyova N.V. Analysis of the problem field of research on the management of social development of an organization // Bulletin of Samara University. Economics and Management. 2017. Vol. 8. No. 4. P. 56–62.

Технология политического позиционирования: зарубежный опыт и возможности для России

Карелин Вадим Олегович,
соискатель, Финансовый университет при Правительстве РФ

В статье автор определяет место позиционирования в системе политических коммуникаций, рассматривает особенности применения передовых технологий позиционирования в контексте реализации внутренней и внешней политики; дает оценку реализации механизмов позиционирования в российской политической системе и рассматривает перспективные направления применения возможностей позиционирования в условиях современных политических трендов.

Ключевые слова: политическое позиционирование, политический маркетинг, политические технологии, политический актор, позиция политического субъекта

Современная политическая теория относит технологии политического позиционирования к одной из форм политических коммуникаций, наравне со связями с общественностью и политической рекламой.

Следует отметить, что политическая реклама и технологии по связям с общественностью, прежде всего, направлены на формирование позитивного политического имиджа среди определенной группы людей (избирателей), социальных институтов, политических элит и лидеров путем прямого доведения положительных черт избранного политического курса или представления политической персоны путем отражения его важных политических черт и политической значимости.

В свою очередь, политическое позиционирование имеет немного иную технологию обеспечения коммуникаций политических акторов с политическими субъектами.

Во многом это обусловлено следующими важными условиями:

во-первых, статусом коммуникатора, осуществляющего коммуникацию посредством политического позиционирования – такое позиционирование зачастую имеет внешний, международный характер;

во-вторых, статусом потребителя этой технологии – расчет в позиционировании ведется не на определенные группы избирателей, а на других политических субъектов, имеющих свою точку зрения или позицию по тем или иным политическим вопросам;

в-третьих, посредством технологий коммуникаций, форме и способу их передачи – позиционирование рассчитано не на целенаправленное доведение политических интенций актора, а на понимание его курса и построение модели поведения и характеристик позиционирующегося в сознании политических субъектов, на которых направлено это позиционирование.

В политические науки понятие «политического позиционирования» пришло из маркетинга. Авторами концепции позиционирования значатся Эл Райс и Джек Траут[1], разработавшие в 60–80-х гг. XX в. концепцию позиционирования в бизнесе, которая в последствии и была адаптирована для политики.

Как отмечает М.Л. Гунаре, «из признания родовой зависимости политического маркетинга от коммерческого маркетинга следует рациональность перевода ряда понятий коммерческого рынка в понятия рынка политического. Соответственно исследование политического рынка, изучение всех процессов и операций на нем является исходным моментом в теории и практике политического маркетинга»[2].

По мнению, Э. Райса и Дж. Траута основная идея позиционирования заключается в возможности «занять уникальное место в сознании целевой аудитории, успешно выделившись среди своих конкурентов»[3].

[1] Ries A., Trout J. Positioning: The Battle for Your Mind, McGraw Hill Professional, 2001

[2] Гунаре М.Л. Политический маркетинг в избирательной кампании: дисс. …канд. полит. наук: 23.00.02 / М.Л. Гунаре. – М., 2001. С. 3

[3] Ries A., Trout J. Positioning: The Battle for Your Mind, McGraw Hill Professional, 2001

Э. Райс и Дж. Траут фактически доказали, что имплементация методик маркетинга в политические технологии успешна, а позиционирование, выступающее в качестве одного из инструментов этой модели, – представляет собой гибкую систему деятельности, позволяющую охватывать широкие сферы политических интересов.

Как верно замечает Ф. Котлер[1], «позиционирование» – это комплекс действий по разработке предложений имиджа, направленных на то, чтобы занять обособленное место, благоприятное положение в сознании целевой аудитории. Окончательный результат такого позиционирования, по мнению Ф. Котлера, видится в успешном создании предложений «ценности» на основе «простого и четкого утверждения», понятного для этой аудитории.

Успех в таком позиционировании может быть обеспечен посредством реализации ряда действий (рис. 1):

во-первых, борьбы за восприятие, то есть в умении занять определенное место в сознании потребителя услуг или избирателя;

во-вторых, в умении сторониться избыточности информации – чтобы достигнуть успеха необходимо быть простым, ясным и запоминающимся (например, предвыборный лозунг Дональда Трампа на выборах 2024 года – «Make America Great Again» (MAGA), в пер. с англ. «Сделаем Америку снова великой» – доступный и понятный для электората; или предвыборный лозунг «Yes We Can» в пер. с англ. «Да, мы можем», который использовался Бараком Обамой для создания образа лидера, позиционировал его как субъекта, верящего в перемены);

в-третьих, в расчете на «важность первого места» – быть первым в какой-либо категории – это важное преимущество, реализация которого необходима для политического субъекта;

в-четвертых, «чтобы выделится необходимо найти уникальную черту или нишу», которая бы отличила актора от его конкурентов (например, SpaceX Илона Маска позиционируется как лидер среди космических компаний в области космического туризма, а сеть его спутниковой связи Star Link – как законодатель трендов в области цифровой связи);

в-пятых, позиционирование должно быть ориентировано на определенную аудиторию – иными словами «необходимо говорить с этой аудиторией на ее языке, доступном и понятном каждому из ее представителей, использовать уже существующие в сознании этой аудитории ассоциации (например, лидер французских националистов Марин Ле Пен позиционирует себя как защитник национальной идентичности и суверенитета, выступая против иммиграции и текущей политики ЕС, что дало ей возможности «оттянуть» часть электората у действующего президента Франции Эммануэля Макрона); позиционирование не должно быть статичным – оно всегда должно адаптироваться к изменениям в геополитической расстановке сил и следовать текущим политическим трендам (ярким примером такого политического позиционирования выступают лидеры Турции Реджеп Тайип Эрдоган и Индии Нарендра Моди, продвигающие идеи политической мобильности, приоритета экономического развития и национальные идеи, укрепляя тем самым позиции своих стран на международной арене).

Политическое позиционирование сравнительно недавно является объектом пристального изучения политологов по всему миру как эффективный инструмент в политике.

Как отмечает Ж.П. Бландиньер, «конкурентная борьба в политическом пространстве требует обращения к понятию «позиционирование» и рассмотрения его с точки зрения теории и методологии, т.к. «позиционирование» на сегодняшний день наименее изучено и нуждается в обстоятельном исследовании»[2].

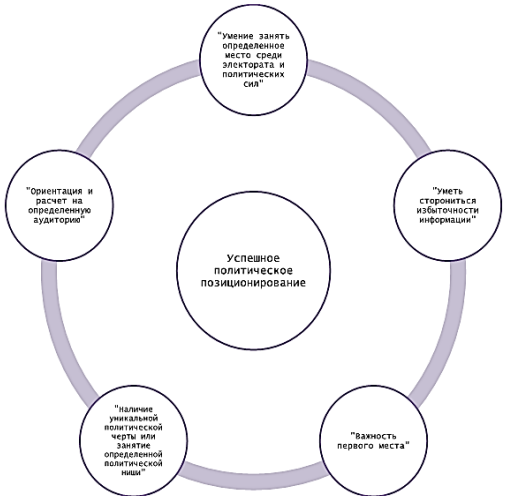

Рис. 1. Критерии (элементы) успешного политического позиционирования

Источник: составлено автором.

Так, в своей работе «Экономическая теория демократии»[3], посвященной пространству электорального выбора на основе различных моделей коммуникаций Энтони Даунс не только разработал пространственную теорию голосования, которая легла в основу политического позиционирования, но и заложил основы для анализа стратегического позиционирования в демократических системах.

Джон Петрочик в своей работе «Вопрос о праве собственности на президентских выборах»[4] ввел концепцию «владения проблемой» (англ. Issue ownership»), в соответствии с которой политические субъекты могут ассоциироваться с определенными темами или социально-важными вопросами (например, демократическая партия США – с социальной справедливостью, а республиканцы – с консервативными взглядами и безопасностью), что по его мнению, помогает привлекать новый электорат, исходя из важности затронутой проблематики. По нашему мнению, данная модель «прижилась» в современной политике. Применение современных информационных технологий существенно упрощает позиционирование на основе «владения проблемой» – например, использование хэштегов, визуальных, словесно-символьных форм при осуществлении политической рекламы или при выдвижении встречных тезисов, представляющих ту или иную политическую силу (так, применение конструкта «я/мы» активно используется оппозиционными власти силами в качестве провокации или вовлечения в деятельность движения нового электората, а форма #оккупай с обозначением локации – подразумевает под собой политические акции последователей на определенной территории).

Известный политолог Питер Мэйр в рамках исследований деятельности политических партий и их электо-

[1] Котлер Ф. Маркетинг-менеджмент. СПб.: Питер, 2004. 266 с.

[2] Бландиньер Ж.П. Изменение основополагающих производственных и общественных парадигм // Трансформация общественного сектора в Европе (опыт стран ЕС). Российско-Европейский центр (РЕЦЭП). М., 2004. № 1. С. 62.

[3] Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957.

[4] Petrocik J.R. Issue Ownership in Presidential Elections, with a 1980 Case Study. American Journal of Political Science, 40(3), 825, 1996.

ральной политики[1] обратил внимание на необходимости динамики политического позиционирования в условиях нестабильных социальных и политических контекстов.

Идеи адаптации в рамках политического позиционирования применительно к условиям глобализации и изменениям в структуре электората также были рассмотрены английским политологом Гербертом Китчельтом[2], который отмечал важность баланса в процессе политического позиционирования между традиционными ценностями и новыми вызовами, с которыми сталкивается политический субъект.

На учет «антагонизмов» в обществе в процессе реализации политического позиционирования указывала в своей работе Шанталь Муфф[3], которая отмечала необходимость учета роли конфликта и противоречий в политике, а также адаптивности к этим противоречиям субъектов. Отметим, что именно «конфликтная модель» позволяет политтехнологам и электорату рассматривать политическую мобильность субъекта в динамике – фактически, возможности по разрешению наиболее насущных социально-политических проблем «здесь и сейчас», что бесспорно придает этому субъекту определенный «политический вес».

Позиционирование также тесно связано с политической психологией. В своих трудах известный российский специалист в данной области Е.Б. Шестопал[4] неоднократно касалась вопросов влияния восприятия политиков и партий на их позиционирование. В своих работах она делала акцент на роли имиджа, эмоций и психологических факторов в политике.

Политическое позиционирование, по мнению Е.Б. Шестопал, представляет собой не только рациональный процесс, но и процесс эмоциональный. Успех напрямую зависит от того, насколько политик может вызвать доверие и симпатию.

Е.Б. Шестопал полагает, что в России личный имидж политика зачастую важнее, чем его партийная принадлежность или политическая программа. В свою очередь, исторический и культурный контексты играют ключевую роль в формировании и реализации политического позиционирования, подчеркивая, что для России политическое позиционирование имеет свои особенности, связанные с приверженностью таким ценностям, как стабильность, «сильная рука» и патриотизм.

Согласимся с позицией Е.Б. Шестопал – во многом, именно приверженность этим ценностям, наравне с обоснованным политическим курсом и гибкой политикой, адаптирующейся к изменениям в глобальных трендах, успешно позиционируют Российскую Федерацию и ее лидера на мировой политической арене.

Отметим, что обозначенные ученой средства массовой информации и политическая пропаганда выступают мощными инструментами для создания или изменения имиджа политического субъекта.

Таким образом, политическое позиционирование – это стратегия, которая используется политическими акторами для формирования своего имиджа, определения места на политической арене и для привлечения как уже имеющейся, так и новой целевой аудитории.

По мнению Ю.В. Кудашовой[5], «политическое позиционирование – способ производства особого вида информации и обеспечение ее трансляции в соответствующие контекстные группы», где отдельное внимание уделяется политическим коммуникациям, которые, по ее мнению, «являются важнейшим механизмом формирования той части информационного пространства, которое продуцирует политические суждения, мнения и оценки».

Нельзя не согласиться с мнением Ю.В. Кондрашовой[6], которая также определяет позиционирование, как интегративную информационно-коммуникативную деятельность, сущность которой составляет создание устойчивых позиций и стереотипов в политическом пространстве для политических акторов. Базовая характеристика позиционирования дает основание определять этот феномен как политическую технологию продвижения политических интересов на политическом рынке, и, прежде всего, видеть в ней деятельность, направленную на преобразование политической реальности, формирование новых и изменение существующих стереотипов, моделирование ценностного отношения к субъекту целевых групп.

Можно констатировать, что основной целью такого позиционирования является возможность выделиться среди конкурентов для достижения определенных политических результатов.

Механизм технологии позиционирования ассоциируется со следующими решениями (рис. 2):

1) идентификацией – смысл которой заключается в определении уникальных черт политического субъекта, определении лаконичности и доступности его политических взглядов для целевой аудитории;

2) дифференциацией – выделении политического курса среди конкурентов по политической арене;

3) коммуникациями – способности довести свои политические взгляды и идеи до целевой аудитории;

4) адаптацией – в проявлении гибкости в изменении политической позиции в зависимости от текущего политического контекста, настроений общества и сложившейся геополитической ситуации;

5) эмоциональным откликом и связью с субъектами, на которые ориентировано позиционирование – обращение к ценностям и страхам этой целевой аудитории;

6) использованием медиа технологий – активная позиция актора в социальных сетях и СМИ для усиления эффекта позиционирования (например, используются принципы «он – свой» или «у него есть своя позиция на актуальные вопросы, интересующие многих» и пр.).

Можно выделить одни из ведущих трендов реализации политического позиционирования Российской Федерацией в условиях современных политических реалий:

во-первых, направленность на формирование новых политических брендов, из которых можно рассмотреть акценты на важных для России геополитических вопросах и проблемах, социальной и молодежной политики – в данном аспекте можно выделить проекты «Лидеры России», «МыВместе», «Время героев», «Дом с маяком» и пр.;

[1] Mair P. Party system change: approaches and interpretations Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1997

[2] Kitschelt H. The Transformation of European Social Democracy, Cambridge University Press, 1994

[3] Mouffe C. On the Political, 2 Park Square. Millon Park. Abingdon. OX14 4RN, 2005

[4] Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. 228 с.; Политическая психология: Учебник для вузов / Е.Б. Шестопал. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 368 с.

[5] Кудашова Ю.В. Роль и значение массовой коммуникации в политическом позиционировании региона // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 01–03 февраля 2012 года / ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет». Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс «Университет», 2012. С. 2803–2807

[6] Кудашова Ю.В. Понятие «позиционирование» в теории политического маркетинг-менеджмента // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 141–142

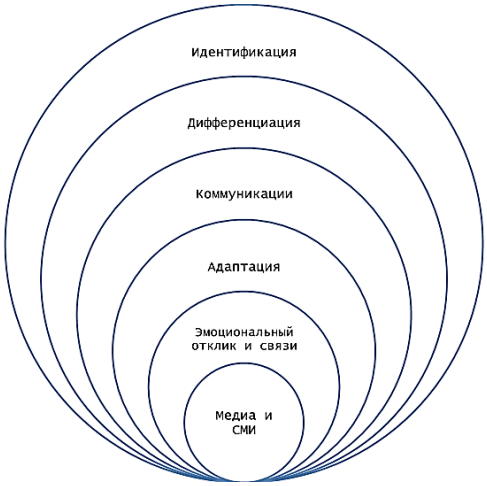

Рис. 2. Механизм технологии позиционирования

Источник: составлено автором.

во-вторых, региональная политика, при которой большое внимание уделяется политическому, экономическому и социально-культурному развитию регионов – например, Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока, или Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»;

в-третьих, цифровое позиционирование, включающее развитие внутреннего цифрового пространства и использование цифровых технологий и диджитал-платформ в политическом сегменте – например, Национальная программа «Цифровая экономика», проект «суверенного Интернета» и пр.;

в-четвертых, патриотическое позиционирование – патриотизм остается важным элементом политического дискурса в России; позиционирование с позиции защиты государственных интересов также является эффективным механизмом в условиях внешнеполитических вызовов;

в-пятых, позиционирование в контексте обеспечения национальной безопасности – важнейший элемент внешнего проявления политического актора в условиях глобальных экономических преобразований – одним из показательных эффектов применения такого позиционирования выступает признание ОДКБ, созданного в том числе по инициативе Российской Федерации, как действенного инструмента по реализации региональной безопасности, мировым сообществом во главе с ООН[1].

В качестве перспективных направлений политического позиционирования для Российской Федерации в ближайшей перспективе могут рассматриваться:

1) молодежное позиционирование – с ростом политической активности молодежи создаются возможности для создания и развития новых политических брендов, прежде всего ориентированных на современное цифровое поколение;

2) социальные сети как платформы – практика применения мировым политическим истеблишментом показала действенность внедрения цифровых платформ и социальных сетей в сегмент политического маркетинга и позиционирования;

3) локальные инициативы – усиление роли регионов и региональных лидеров во внутренней политике;

4) тренды устойчивого развития как инструменты политического позиционирования на международной политической арене;

5) целенаправленное использование технологий позиционирования во внешней политике.

Исследование показало важность политического позиционирования в современной политической науке.

В целом, можно отметить, что технологии политического позиционирования прижились в России и имеют значительный потенциал в условиях глобальных политических преобразований и возросшем медиапотреблении.

Успех в применении политического позиционирования для достижения политических целей во многом зависит от политической гибкости, креативности, субъекта его реализующего, умения следовать трендам, от понимания специфики российской и международной политической конъюнктуры.

Литература

1. Политология: лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 800 с.
2. Гринберг Т.Э. Политические технологии: PR и реклама: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 2006. С. 175–190
3. Кушнарев Ф.Ю. Информационная политика государственных органов управления как объект политического анализа // Власть, 2004, № 8, С. 50–56
4. Чумиков А.Н. Политическая коммуникативистика: актуальные задачи и проблемы прикладного применения // Полис, 2009, № 5, С. 56
5. Шинкевич В.Е. Политический маркетинг как разновидность политических технологий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 147–154

TECHNOLOGY OF POLITICAL POSITIONING: FOREIGN EXPERIENCE AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

Karelin V.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article, the author defines the place of positioning in the system of political communications, considers the features of the application of advanced positioning technologies in the context of the implementation of domestic and foreign policy; gives an assessment of the implementation of positioning mechanisms in the Russian political system and considers promising areas for the application of positioning opportunities in the context of modern political trends.

Keywords: political positioning, political marketing, political technologies, political actor, position of a political subject

References

1. Political Science: Lexicon / Ed. by A.I. Solovyov. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 800 p.
2. Grinberg T.E. Political Technologies: PR and Advertising: A Textbook for University Students. Moscow: Aspect Press, 2006. Pp. 175–190
3. Kushnarev F. Yu. Information Policy of Government Agencies as an Object of Political Analysis // Vlast, 2004, No. 8, Pp. 50–56
4. Chumikov A.N. Political Communication Studies: Current Tasks and Problems of Applied Application // Polis, 2009, No. 5, P. 56
5. Shinkevich V.E. Political Marketing as a Type of Political Technologies // Social and Humanitarian Knowledge. 2004. No. 3. P. 147–154

[1] См. Резолюция Генассамблеи ООН 64/256 от 2 мата 2010 года «О сотрудничестве между Организацией Объединенных Наций и Организацией Договора о коллективной безопасности». Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/international_org/un/o_sotrudnichestve_odkb_s_oon_/#loaded (дата обращения: 01.02.2025)

Сравнение русских переводов «Мыслей тихой ночью» с точки зрения эстетики перевода

Лю Цзясюань,
Магистр. Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2427352324@qq.com

В статье на основе теории эстетики перевода Лю Мицина проводится сравнительный анализ русских переводов стихотворения «Мыслей тихой ночью» («Цзин е сы»), выполненных Александром Ильичём Гитовичем, Михайловичем Алексеевым и Юлианом Константиновичем Шуцким. Через воспроизведение эстетики на уровне формальной системы (фонетика, лексика, синтаксис) и неформальной системы (намерение, эмоции, идея, образ) исследуются эстетические особенности перевода танской поэзии и их проявление в разных языках. Результаты исследования показывают, что все три переводчика имеют свои преимущества и недостатки в воспроизведении эстетики на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, при этом перевод Шуцкого особенно выделяется в воспроизведении эстетики неформальной системы, связанной с передачей концепция. Цель данной статьи – способствовать развитию перевода танской поэзии и распространению китайской культуры в русскоязычном мире.

Ключевые слова: «Мысли тихой ночью», Эстетика Перевода, Перевод Танской Поэзии, Русский Перевод

Введение

«Мысли тихой ночью» («Цзин е сы») – это пятистишие, созданное известным поэтом эпохи Тан Ли Бай, представителем романтического направления. Оно было написано 15 сентября 734 года, в 14-й год правления под девизом Кайюань. В то время 26-летний Ли Бай, находясь в тиши осенней ночи, взглянул на яркую луну за окном, и это зрелище пробудило в нём чувство тоски по родной земле, что вдохновило его на создание этого стихотворения, выражающего тоску странника по дому. Как классическое произведение китайской поэзии, «Мысли тихой ночью» славится своей изысканной художественной атмосферой и глубокими эмоциями, за что получило название «величайшего стихотворения о тоске по родине». Оно привлекло внимание многих переводчиков как в Китае, так и за рубежом. В данной статье на основе теории эстетики перевода Лю Мицина проводится сравнительный анализ трёх русских переводов стихотворения, выполненных Александром Ильичём Гитовичем, Михайловичем Алексеевым и Юлианом Константиновичем Шуцким.[1] Исследование охватывает как формальную систему (фонетика, лексика, синтаксис), так и неформальную систему (намерение, эмоции, идея, образ). Через изучение того, как красота, заключённая в поэзии, проявляется в разных языках, статья стремится раскрыть роль эстетики перевода в руководстве переводческой деятельностью, исследовать эстетические особенности танской поэзии и способствовать развитию её перевода, а также распространению китайской культуры в русскоязычном мире.

Обзор эстетики перевода

Перевод представляет собой художественную деятельность по воссозданию текста на другом языке, являясь не только практическим процессом преобразования текста, но и несущим ответственность за передачу «красоты». Эстетика перевода объединяет переводоведение и эстетику, предоставляя теоретическую основу для исследований в области перевода. В истории перевода в Китае эстетика перевода имеет давние традиции, начиная с принципов Янь Фу «верность, ясность, изящество», концепции Цянь Чжуншу «превращение в совершенство» и теории Сюй Юаньчуна «три красоты».[2] Современные китайские работы по эстетике перевода включают, например, «Практическую эстетику перевода» Фу Чжунсюаня и «Введение в эстетику перевода» Лю Мицина. В данной статье используется работа Лю Мицина «Введение в эстетику перевода», которая систематически и всесторонне отражает его исследования и развитие в области эстетики перевода. Эта книга формирует теоретическую основу эстетики перевода, подробно объясняя эстетический объект перевода, то есть исходный текст, который переводится. Эстетический объект перевода обладает двумя системами или уровнями атрибутов: онтологическими и реляционными. Реляционные атрибуты эстетического объекта перевода включают отношения между красотой исходного текста и перевода, а также отношения между оригиналом и переводчиком.[3] Онтологические атрибуты эстетического объекта перевода включают формальную систему (фонетика, графика, лексика, синтаксис) и не-

формальную систему, которая охватывает такие аспекты, как намерение, эмоции, идея и образ. Переводчик должен повышать свою эстетическую компетенцию, тщательно учитывать эстетический объект и рассматривать его в целом, гармонично сочетая эстетический объект с эстетическим субъектом.

Текстологический анализ «Мыслей о тихой ночи» и трех изданий русского перевода

Александр Илич Джитович

Думы тихой ночью.У самой моей постели Легла от луны дорожка. А может быть это иней? Я сам хорошо не знаю. Я голову поднимаю–Гляжу на луну в окошко.Я голову опускаю–И родину вспоминаю.

Михайлович Алексеев

Думы в тихую ночь.У постели вижу лунный свет.Мнится – это иней на полу.Голову поднял – взираю на горный месяц.Голову вниз – в думе о крае родном.

Юлиан Константинович Шуцкий

Думы в тихую ночь.В изголовии ложа, Сияет, светлеет луна.Показалась похожей, На иней упавший она.Посмотрел на луну я, Лицо к небесам обратив.И припомнил родную, Страну я лицо опустив.

«Мысли тихой ночью» («Цзин е сы») – это пятистишие, созданное известным поэтом эпохи Тан Ли Бай, представителем романтического направления. Оно было написано 15 сентября 734 года, в 14-й год правления под девизом Кайюань. В тиши осенней ночи поэт, взглянув на яркую луну за окном, испытал глубокие эмоции и написал это стихотворение, выражающее тоску странника по родной земле. Первые две строки описывают, как лунный свет озаряет пространство перед окном, а слово «иней» подчёркивает холод и одиночество осенней ночи, усиливая чувство внутренней изоляции и печали поэта. В последующих строках поэт поднимает голову, чтобы взглянуть на луну, а затем опускает её, погружаясь в мысли о родном крае. Эмоции, выраженные в стихотворении, искренни и глубоки. Несмотря на простоту языка и отсутствие изысканных выражений, стихотворение с помощью прямого и ясного изложения ярко передаёт глубокую тоску поэта по родине, демонстрируя уникальное очарование поэзии Ли Бай.

Различий между китайским и русским языками при переводе древней поэзии возникает множество сложностей. Китайские древние стихи отличаются строгой структурой, лаконичностью и изяществом языка. Они содержат множество образов, характерных для китайской культуры, и переводчику необходимо найти соответствующие эквиваленты в русском языке.[4] Кроме того, китайская поэзия уделяет большое внимание музыкальности, и передача этой музыкальности в переводе представляет собой значительную трудность. В данной статье используется теория эстетики перевода Лю Мицина для сравнительного анализа трёх русских переводов стихотворения «Мысли тихой ночью», выполненных Александром Ильичём Гитовичем, Михайловичем Алексеевым и Юлианом Константиновичем Шуцким. Цель анализа – выяснить, как эти переводы передают красоту оригинала, и оценить их эстетическую ценность с точки зрения теории перевода.

Эстетическое воспроизведение формальной системы

Фонетический уровень является одной из основных форм передачи эстетической информации. Фонетические системы китайской и русской поэзии различаются: китайская поэзия акцентирует внимание на тонах (пин-цзэ), рифме, интонации и ритме, тогда как русская поэзия уделяет особое внимание рифме, слогам, ударению и ритму. Тоны (пин-цзэ) являются уникальной особенностью китайской поэзии, что затрудняет передачу их ритмики в переводе.[5] Однако данное стихотворение не относится к строго регламентированным формам, поэтому аспект тонов (пин-цзэ) не учитывается. В оригинальном тексте последние иероглифы строк «свет» ( ), «иней» ( ) и «родина» ( ) образуют рифму на «ang». Поскольку древние стихи создавались для декламации, использование открытой рифмы «ang» позволяет более ярко выразить эмоции. Для воспроизведения фонетической эстетики оригинала переводчики должны учитывать ритмику. Гитович использует схему рифмовки «аааа», что создаёт ритмичность и сохраняет фонетическую красоту благодаря завершению строк гласными звуками. Алексеев применяет схему «baba», которая, хотя и отличается от оригинала, соответствует эстетике русской поэзии, обладает сильной ритмичностью и структурной строгостью, демонстрируя эстетику фонетического уровня. Шуцкий использует схему «aabb», которая отличается ясным ритмом и мелодичностью, эффективно передавая фонетическую эстетику стихотворения. Все три перевода сохраняют эстетику фонетического уровня, соответствуя как ритмике китайской древней поэзии, так и особенностям русской поэзии, связывая оригинал и перевод на фонетическом уровне и сохраняя ритмическую и фонетическую красоту текста.

Слова являются важным средством передачи эстетической информации, непосредственно выражая смысл, заложенный в языке. Эстетические критерии выбора слов включают точность, красоту и лаконичность. Точность означает, что слова должны точно передавать значение оригинала и соответствовать контексту и логике. Красота подразумевает, что слова не должны быть излишне украшены, а должны быть лаконичными и соответствовать эстетическим стандартам. Лаконичность означает, что слова должны быть ёмкими, без лишних элементов. При переводе древней поэзии необходимо учитывать социальный контекст и личный опыт поэта, выбирая слова, которые наилучшим образом соответствуют стихотворению и максимально воспроизводят эстетику на лексическом уровне.

Гитович переводит первую строку как «луна проложила дорожку перед кроватью», заменяя «яркий лунный свет» просто на «луна». Глагол «легла» (лежать, помещаться, покрывать) живо передаёт обилие лунного света, ассоциируясь с ночью, полной луны, что точно отражает эстетику оригинала. Алексеев переводит эту строку как «перед кроватью вижу лунный свет», что точно передаёт смысл оригинала, но в меньшей степени воспроизводит лексическую эстетику. Шуцкий использует слова «сияет» (светиться) и «светлеет» (становиться ярче), создавая образ яркой лунной ночи. В китайской культуре луна часто символизирует тоску и меланхолию, что передаёт атмосферу печали. Хотя перевод Шуцкого несколько отличается от оригинала, он также воспроизводит лексическую эстетику. Во второй строке Гитович использует вопрос и ответ: «Это иней? Я сам не знаю», что создаёт интригу. Алексеев переводит эту строку как «Думаю, на полу иней», что напрямую передаёт смысл, но в меньшей степени воспроизводит эстетику. Шуцкий переводит строку как «Кажется, будто лунный свет падает на иней», связывая лунный свет и иней, что более точно передаёт текст и демонстрирует эстетику на лексическом уровне. Анализ показывает, что в первой строке каждый переводчик имеет свои достоинства, а во вто-

рой строке Шуцкий наиболее точно воспроизводит лексическую эстетику.

Эстетическое воспроизведение неформальной системы

Неформальная система, также известная как внутренняя система, включает в себя такие аспекты, как намерение ( ), эмоции ( ), идея ( ) и образ ( ). Эти четыре элемента пронизывают формальные и символические эмоции. Переводчик должен глубоко понимать скрытые в оригинале эмоции и намерения, чтобы стиль и эмоциональная окраска перевода соответствовали оригиналу. Особое внимание следует уделять важности идеи и образа. В древней поэзии образы часто используются для выражения эмоций, а художественное настроение создаёт атмосферу, передавая глубокие чувства, заложенные в стихотворении, и достигая эмоционального резонанса. Переводчик должен полностью понять чувства автора, осознать глубокий смысл, скрытый за образами, и максимально воспроизвести эстетику неформальной системы в переводе.[6] Стихотворение «Мысли тихой ночью» использует простые и понятные слова и лаконичное описание настроения, передавая тоску поэта по родине в одинокой лунной ночи.

Анализируя художественное настроение, можно сказать, что стихотворение описывает меланхоличную сцену, где поэт тоскует по родине под луной. Образ «яркой луны» ( ) символизирует тоску поэта, а слово «иней» ( ) усиливает атмосферу печали. Последние две строки – «Поднимаю голову, смотрю на луну; опускаю голову, вспоминаю родину» – прямо описывают состояние и психологию поэта. При переводе необходимо передать меланхоличное настроение, заложенное в стихотворении. В первых двух строках сочетание луны и инея создаёт атмосферу печали. Шуцкий переводит это как «Кажется, будто лунный свет падает на иней», связывая лунный свет и иней, что в значительной степени отражает атмосферу, описанную в оригинале. Гитович переводит это как «Это иней? Я сам не знаю», а Алексеев – как «Думаю, на полу иней». Оба переводчика не связывают луну и иней, что свидетельствует о недостаточном понимании меланхоличного настроения, описанного в оригинале, и снижает степень воспроизведения эстетики настроения. Анализ показывает, что Шуцкий в большей степени воспроизводит эстетику неформальной системы по сравнению с другими переводчиками.

Заключение

Настоящая статья основана на теории эстетики перевода Лю Мицина и представляет собой сравнительный анализ русских переводов стихотворения «Мысли тихой ночью» («Цзин е сы»), выполненных Александром Ильичём Гитовичем, Михайловичем Алексеевым и Юлианом Константиновичем Шуцким. Через воспроизведение эстетики на уровне формальной системы (фонетика, лексика, синтаксис) и неформальной системы (намерение, эмоции, идея, образ) в статье исследуются эстетические особенности перевода танской поэзии и их проявление в разных языках. Результаты исследования показывают, что все три переводчика имеют свои преимущества и недостатки в воспроизведении эстетики на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, при этом перевод Шуцкого особенно выделяется в воспроизведении эстетики неформальной системы, связанной с передачей художественного настроения. Гитович и Алексеев демонстрируют высокий уровень мастерства в обработке фонетики и синтаксиса, однако в передаче настроения и эмоций их переводы несколько уступают. В целом, все три переводчика в разной степени воспроизводят эстетические особенности оригинала, но перевод Шуцкого наиболее близок к художественного настроения и эмоциям, заложенным в оригинальном стихотворении. Данное исследование не только углубляет понимание русских переводов «Мысли тихой ночью», но и предлагает новые перспективы для перевода танской поэзии, способствуя распространению и принятию китайской культуры в русскоязычном мире. В будущих исследованиях можно более подробно изучить вопросы эстетического воспроизведения поэзии в различных культурных контекстах, что будет способствовать межкультурному диалогу и взаимопониманию.

Литература

1. Лю Мицин. Введение в эстетику перевода: пересмотренное издание. – Пекин: Китайский отдел переводов и публикаций, 2005. – С. 89–141.
2. Лу Юнчжан. Введение в русско-китайский литературный перевод. – Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. – 200 с.
3. Chen X., Sun B.W. Сравнение английских переводов Цинмина с точки зрения эстетики перевода // Imago Literary Creation. – 2024. – № 27. – С. 100–102.
4. Zheng Fuhe. Идеологическая роль звука в русской поэзии // Shandong Foreign Language Teaching. – 1988. – № 1. – С. 42–46. – DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.1988.01.009.
5. Чжэн Мао. Три английских перевода «Мыслей тихой ночью» с точки зрения теории «трех красавиц» // Форум промышленности и технологий. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 201–202.
6. Лю Яньпин. Эстетическое воспроизведение двух английских переводов «Весны» с точки зрения эстетики перевода // Masterpiece Appreciation. – 2024. – № 21. – С. 178–180.
7. Zhao Xiangyu. A Comparative Study on the Translation Strategies and Methods of Li Bai's Poetry under the Perspective of Purpose Theory – Taking Silent Night Thoughts as an Example // Modern English. – 2023. – № 22. – С. 95–98.
8. Лишевич И.С. Как российские китаеведы изучают и переводят поэзию Ли Бая // Китайские исследования Ли Бая (сборник 1998–1999 гг.): материалы международной конференции по Ли Баю и Тяньму / Китайская ассоциация изучения Ли Бая, Народное правительство уезда Синьчан провинции Чжэцзян. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – С. 7.

COMPARISON OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF "THOUGHTS OF A QUIET NIGHT" FROM THE VIEWPOINT OF TRANSLATION AESTHETICS

Liu Jiaxuan
Xinjiang Normal University

In this paper, based on Liu Miqing's theory of translation aesthetics, a comparative analysis of Russian translations of the poem "Thoughts of a Quiet Night" ("Jing Ye Xi") by Alexander Ilyich Gitovich, Mikhailovich Alexeev and Julian Konstantinovich Shutsky is carried out. Through the reproduction of aesthetics at the level of formal system (phonetics, lexicon, syntax) and informal system (intention, emotion, idea, image) the aesthetic features of the translation of Tang poetry and their manifestation in different languages are investigated. The results of the study show that all three translators have their own advantages and disadvantages in reproducing aesthetics at the phonetic, lexical and syntactic levels, with Shuqi's translation particularly distinguished in reproducing the aesthetics of the informal system related to the transmission of concept. This paper aims to contribute to the development of Tang poetry translation

and the dissemination of Chinese culture in the Russian-speaking world.

Keywords: “Thoughts on a Quiet Night”, Aesthetics of Translation, Translation of Tang Poetry, Russian Translation

References

1. Liu Miqing. Introduction to the Aesthetics of Translation: Revised Edition. – Beijing: China Translation and Publication Department, 2005. – P. 89–141.
2. Lu Yongzhang. Introduction to Russian-Chinese Literary Translation. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. – 200 p.
3. Chen X., Sun B.W. Comparison of English Translations of Qingming from the Perspective of Translation Aesthetics // Imago Literary Creation. – 2024. – No. 27. – P. 100–102.
4. Zheng Fuhe. The Ideological Role of Sound in Russian Poetry // Shandong Foreign Language Teaching. – 1988. – No. 1. – P. 42–46. – DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.1988.01.009.
5. Zheng Mao. Three English Translations of “Silent Night Thoughts” from the Perspective of “Three Beauties” Theory // Forum of Industry and Technology. – 2022. – Vol. 21, No. 4. – P. 201–202.
6. Liu Yanping. Aesthetic Reproduction of Two English Translations of “Spring” from the Perspective of Translation Aesthetics // Masterpiece Appreciation. – 2024. – No. 21. – P. 178–180.
7. Zhao Xiangyu. A Comparative Study on the Translation Strategies and Methods of Li Bai’s Poetry under the Perspective of Purpose Theory – Taking Silent Night Thoughts as an Example // Modern English. – 2023. – No. 22. – P. 95–98.
8. Lishevich I.S. How Russian Sinologists Study and Translate Li Bai’s Poetry // Chinese Studies of Li Bai (collection of 1998–1999): Proceedings of the International Conference on Li Bai and Tianmu / Chinese Association for the Study of Li Bai, People’s Government of Xinchang County, Zhejiang Province. – Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1999. – P. 7.

Противодействие терроризму: опыт России и Китая

Никитин Кирилл Алексеевич,
аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 45009913@mail.ru

В статье рассматриваются особенности противодействия международному терроризму на примере опыта России и Китая. Анализируются современные угрозы глобальной безопасности, включая финансирование террористической деятельности, поддержку экстремистских организаций и предоставление им ресурсов. Исследуются основные механизмы, применяемые государственными структурами двух стран, включая правовое регулирование, международное сотрудничество и практическое взаимодействие правоохранительных органов. Рассматривается роль Китая в борьбе с терроризмом, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где применяются стратегии дерадикализации и контроля информационного пространства. Подчеркивается значимость совместных антитеррористических операций и учений в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Подчеркивается необходимость разработки новых стратегий противодействия терроризму, включая меры по предотвращению цифрового терроризма, усиление кибербезопасности и контроль за информационным пространством. Определяются перспективные направления совершенствования международного сотрудничества в обеспечении глобальной безопасности. Отмечается необходимость дальнейшего совершенствования стратегии противодействия терроризму с учетом технологического развития и новых угроз, включая кибертерроризм. Делается вывод о важности укрепления международного взаимодействия в целях обеспечения глобальной безопасности.

Ключевые слова: международный терроризм, антитеррористическая безопасность, противодействие терроризму, Россия, Китай, финансирование терроризма, государственная безопасность.

Введение

Терроризм в современных условиях представляет собой одну из наиболее острых угроз международной и национальной безопасности. Его транснациональный характер, опора на современные технологии, наличие устойчивых финансовых потоков и поддержка экстремистских структур в различных регионах мира требуют от государств разработки комплексных подходов к его нейтрализации. Россия и Китай, обладающие значительным опытом в области противодействия терроризму, разрабатывают и реализуют собственные модели обеспечения безопасности, учитывая как внутренние факторы, так и динамику глобальных процессов.

В Российской Федерации борьба с терроризмом формируется на основе федерального законодательства, включая Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также комплекса президентских указов, направленных на совершенствование системы управления в данной сфере. Особое внимание уделяется мониторингу финансовой активности, контролю миграционных потоков и взаимодействию между правоохранительными органами. Отдельное значение имеет участие России в международных инициативах и договоренностях, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества, где на регулярной основе проводятся совместные учения и разрабатываются сценарии реагирования на угрозы.

Китайская Народная Республика демонстрирует иную модель противодействия терроризму, в основе которой лежит сочетание превентивных мер, строгого правового регулирования и активного информационного контроля. Законодательные поправки, внесенные в уголовное законодательство с конца 1990-х годов, направлены на ужесточение ответственности за преступления террористического характера. Наиболее активная работа ведется в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где реализуются стратегии дерадикализации, а также формируются механизмы раннего выявления и пресечения экстремистских проявлений. Китай также активно использует цифровые технологии, включая системы наблюдения и анализа данных, что позволяет эффективно контролировать информационное пространство и препятствовать распространению экстремистской идеологии.

Опыт двух государств позволяет не только выявить различия в институциональных подходах к обеспечению безопасности, но и обозначить перспективные направления для международного сотрудничества. С учетом трансформации природы терроризма, включая его киберформаты, требуется постоянная адаптация стратегии на национальном и межгосударственном уровне. Сравнительный анализ подходов России и Китая позволяет сформулировать предложения по повышению эффективности противодействия террористическим угрозам в глобальном масштабе.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись комплексные методы анализа нормативно-правовых документов, а также статистических данных, относящихся к проблематике про-

тиводействия терроризму. В целях анализа эффективности антитеррористических мероприятий рассмотрены механизмы деятельности государственных служб и правоохранительных структур России, Китая. Применялся сравнительно-правовой метод для выявления различий и сходств в подходах к противодействию террористическим угрозам в разных странах, с учетом международных соглашений и практики взаимодействия в рамках международных организаций. Кроме того, использовался метод ретроспективного анализа, позволяющий оценить эволюцию международного терроризма и динамику правового регулирования в данной сфере. Примененный методологический подход позволил комплексно рассмотреть институциональные, правовые и технологические аспекты противодействия терроризму, выявить ключевые тенденции его эволюции, а также определить перспективные направления совершенствования стратегии антитеррористической безопасности.

Литературный обзор.

Терроризм не может быть привязан к определенной нации или же религии – это всего лишь общая категория. Все террористы являются преступниками вне зависимости от того, в какой стране они находятся. Наиболее успешное противодействие терроризму происходит там, где террористы не имеют поддержки среди населения, это достигается путем формирования нетерпимого отношения как со стороны государства, так и со стороны общества к этому злу. Современное и эффективное обеспечение антитеррористической безопасности граждан нашей страны невозможно без правовых основ и практических результатов других, особенно дружественных соседних стран. Неосведомленность такого опыта негативно сказывается на результатах взаимодействия на международном уровне. Актуальность данной темы основана на существующем положении РФ на мировой арене, а именно проведением Специальной военной операции на территории Украины. По нашему мнению, наличие определенных законов и непридуманной практики китайских властей поможет сделать выводы о пробелах в обеспечении безопасности на российских территориях [11]. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин обозначил, что «Россия на себе испытала и знает, что такое международный терроризм. Мы знаем, что это такое» [21]. К тому же, примером международного терроризма может послужить палестино-израильский, где во время атаки ХАМАС 7 октября погибло множество невинных людей. Так, по сообщению израильского МИДа, при конфликте Израиля и палестинской группировке ХАМАС погибли 23 гражданина России [18].

Ключевые характеристики, выделяющие международный терроризм, включают в себя такие аспекты, как финансирование, поступающее из иностранных источников, а также транснациональные цели, которые террористы стремятся продвигать, зачастую влияя на множество государств. Вредоносные действия таких группировок поражают как отдельные страны, так и международные организации. Подрывая безопасность на глобальном уровне, международный терроризм становится угрозой для множества государств.

В российском государстве вопрос противодействия международному терроризму приобрёл особую значимость, требуя разработки свежих подходов к решению проблемы. При обобщении стратегии противодействия терроризму международного масштаба можно выделить некоторые основные концепции [13]:

1. Применение силы, которое подразумевает эволюционную динамику, где менее адаптированные социальные группы и системы уступают путь более устойчивым. Это подход можно считать своего рода естественным отбором в сложившихся условиях.

2. Ликвидация террористических угроз через осуществление военных и антитеррористических операций, которые зачастую выходят на международный уровень. Такие операции представляют собой активные действия против непосредственных угроз.

3. Меры, направленные на создание условий, исключающих полноценное функционирование террористических структур. Это стратегия фокусируется на предотвращении, представляя собой некоторый вид информационной или «несиловой» конфронтации. В текущих реалиях подобный подход приобретает всё большее значение, делая акцент на информационно-предупредительной деятельности.

В китайском регионе Синьцзян осуществляется интенсивное противоборство с террористической угрозой, что является составной частью глобальных усилий по противодействию терроризму и соответствует принципам и задачам Организации Объединенных Наций в этом направлении, включая вопросы защиты прав человека [12]. Китай, стремясь к нейтрализации всех форм террористической деятельности, активно работает над устранением её причин, уделяя особое внимание усилению международного взаимодействия.

Результаты

Приведем некоторые примеры актов международного терроризма по всему миру:

1. Теракт в Ницце произошел 14 июля 2016 года во время празднования дня взятия Бастилии. Водитель грузовика, Мохамед Лахуаэж- Булейль, врезался в толпу людей на набережной Променад де Англетт, в результате атаки погибли 86 люде, в том числе и две гражданки РФ) [19].

2. 4 марта 2022 года во время пятничной молитвы в шиитской мечети Пешавара в Пакистане был совершен террористический акт, в результате которого погибли 63 человека, 1 из них являлся гражданином России [15].

3. 5 сентября 2022 года у российского посольства в Кабуле произошел взрыв, в результате которого погибло 10 человек, из них двое – граждане РФ. Уголовное дело было возбуждено в отношении иностранного гражданина Хусанжона Осмия по факту совершения им преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.5 и ч. 3 ст. 361 УК РФ [17].

4. 26 сентября 2022 года в районе острова Бронхольм произошли взрывы, в результате которых были повреждены газопроводы «Северный поток-1» и «Северный поток-2» [16]. Следователями ФСБ по материалам Генеральной прокуратуры РФ было возбуждено дело об акте международного терроризма.

Отметим некоторые направления по предупреждению международного терроризма:

Во-первых, необходимо прекратить любые формы финансирования терроризма, которое может включать в себя как спонсирование террористических атак, так и предоставление финансовых ресурсов отдельным террористам либо террористическим группировкам [10]. В данном направлении следует обеспечить взаимодействие государств в данной сфере, то есть проведение общих конференций по реализации стратегии по общей безопасности государств по противодействию международному терроризму.

Во-вторых, необходимо создание универсальной международноправовой и национальной базы по борь-

бе с международным терроризмом. На данный момент такими нормативно-правовыми актами являются: Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенная в Монреале 23 сентября 1971 года [1]; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая в Нью-Йорке 17 декабря 1979 года [3]; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая в Нью-Йорке 15 декабря 1997 года [2]; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [4], принятая в Нью-Йорке 9 декабря 1999 года и др.

В-третьих, формирование мощных террористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с международным терроризмом. В данной связи необходимо обеспечить должное взаимодействие на международном уровне по созданию единого международного органа по борьбу с данным явлением.

В-четвертых, оздоровление социально-экономической остановки в странах и регионах, являющихся источником вооруженных конфликтах.

Стоит сказать, что Российская Федерация принимает множество мер по борьбе с международным терроризмом, принимая разнообразные меры. Так стоит отметить, что в данной связи Российской Федерации приняты следующие основные нормативно-правовые акты: Федеральный закон «О противодействии терроризму» [5]; Указ Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» [6]; Указ Президента РФ «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [7] и другие.

По актуальным сведениям [9], Китай занимает первые места в антитеррористической борьбе, а Россия имеет усредненные показатели по вспышкам терроризма в стране. По мнению руководства Китая, опасный рост международных и межэтнических конфликтов послужил главным фактором, оказавшим прямое влияние на ухудшение безопасности в современном мире. Так, в официальном сообщении «Борьба с терроризмом и дерадикализацией и защита прав человека в Синьцзяне» [14] ясно утверждается, что регион Синьцзян испытывает проблемы с терроризмом и сепаратизмом, что привело к серии террористических акций в Китае, внося серьезные угрозы для жизни населения.

Рассмотрим некоторые формы противодействия проявлениям международного терроризма в Китайской Народной Республике.

1. Участие Китая в крупных операциях против террористических сил. Внутренняя контртеррористическая стратегия.

В 1997 году Китайская Народная Республика предприняла важный шаг, интегрировав понятие террористических преступлений в свой уголовный кодекс. Это действие ознаменовало собой значительный прогресс в усилиях страны по борьбе с терроризмом. Еще одним ключевым событием в усилении противодействия террористическим актам стало добавление Поправок (№ 3) 29 декабря 2001 года к уголовному законодательству, которые оказались чрезвычайно эффективным инструментом в этой борьбе [8].

Изменения в законодательстве имели свою цель: Китай стремился ужесточить наказания за террористические преступления, чтобы обезопасить жизнь своего населения. Введение новых положений в законодательство означало, что акты терроризма стали считаться особо опасными преступлениями, и лица, совершающие такие акты, подлежали суровому наказанию.

Данные изменения законодательства оказало положительное воздействие на борьбу с терроризмом в КНР. Они создали юридические механизмы, которые позволили более эффективно пресекать и преследовать террористические группировки. Кроме того, введение новых положений в уголовный закон помогло сформировать понимание о том, что террористические преступления считаются серьезными угрозами для безопасности государства и общества, а совершившие такие деяния, несут ответственность перед законом. Китай предпринял значительные шаги в разработке механизмов раннего оповещения и противодействия терроризму. Власти страны акцентируют внимание на углублении работы по сбору разведывательных данных, что позволяет более тщательно отслеживать действия террористических группировок и активно препятствовать их деятельности [9]. Еще одной важной мерой является прекращение финансовых связей террористов. Для этого Китай разработал специальные механизмы контроля и установил строгие правила контроля за финансами.

В Китае также проводится работа по улучшению реагирования на чрезвычайные ситуации, разработке механизмов управления и контроля последствий террористических актов. Основной целью выступает координация действий органов общественной безопасности, пожарноспасательных служб, медицинских систем для максимально быстрого и минимизации потерь среди населения, а также имущества.

Одним из важнейших аспектов данной работы является повышение осведомленности граждан страны о террористической угрозе и улучшение эффективности реагирования на чрезвычайные ситуации. Для этого проводится систематическая антитеррористическая просветительская работа среди населения, а также мобилизация общественности для вовлечения всех граждан в усилия по противодействию террористическим актам. Китай стремится создать сильный национальный потенциал реагирования на различные чрезвычайные ситуации и обеспечить прочную безопасность своих граждан. В рамках достижения данной цели осуществляются масштабные мероприятия по проведению тренировок, обучению персонала и совершенствованию систем реагирования. Терроризм – глобальная проблема всего человечества и никогда общество не сможет смириться с его существованием. Поэтому политика Китая всецело направлена на защиту населения от террористических угроз и одни из методов является введение понятия как «социальный рейтинг гражданина».

Социальный рейтинг – это уровень благонадежности каждого китайца, который зависит от накопленных или потерянных баллов за совершенные поступки. Граждане, у которых низкий рейтинг имеют некоторые ограничения общественной жизни: запрет на пользование общественным транспортом, не могут покупать билеты и летать на самолетах, не могут заниматься военной службой. Те, кто имеют непосредственный контакт с такими людьми, рискуют испортить свой рейтинг, что ведет к остракизму.

Для того, чтобы иметь достойный рейтинг необходимо держать марку законопослушного и исполнительного гражданина. Для этого достаточно вовремя платить налоги, не нарушать закон, не нарушать общественный порядок, остро не выражаться в социальных сетях, заботиться об окружающей среде и себе. Высокий социальный рейтинг дает массу преимуществ, например, беспроцентные кредиты, легкое трудоустройство и прочее. Социальный рейтинг позволяет властям КНР разграничивать нормальных личностей, от асоциальных,

ограничивая последних во многих аспектах общественной жизни и снижая уровень их востребованности.

Помимо этого, современные технологии Китай позволяют на основе искусственного интеллекта контролировать пересечение государственной границы, а также на распознавать лица и устанавливать личность граждан по всей стране. Помимо деятельности в реальном времени, искусственный интеллект способен вести масштабные работы на просторах интернета по поиску любой информации, в которой есть открытое или открытое содержание терроризма, например, экстремистские высказывания, призыв к сепарации от государства, сведения об изготовлении и транспортировке оружия и так далее. Сила искусственного интеллекта способна самостоятельно блокировать запрещенные источники и передавать всю собранную информацию в Главное управление по контролю за киберпиратством Китая.

2. Международные аспекты деятельности КНР по борьбе с терроризмом. Правительство Китая осуществляет обширную работу по противодействию террористической угрозе на глобальном уровне. Для этого страна сотрудничает с различными организациями, включая ООН и Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС).

Обсуждение

Стоит сказать, что сейчас, по нашему мнению, необходимо уделять все большее внимание международному терроризму, так как в условиях цифровизации общества, появляются все новые методы вербовки террористическими группами, также появляется новый вид терроризма – цифровой терроризм, который также можно отнести к международному терроризму, подрывающему основы государственного строя российского общества. Китай также развивает двусторонние отношения с многими странами, нацеленными на борьбу с международным терроризмом. Такая кооперация является важным элементом стратегии Китая в области борьбы с угрозой терроризма. Таким образом, Китай заинтересован в укреплении международной безопасности и прилагает всевозможные усилия для защиты от транснациональной угрозы, которая и предстает как терроризм. Китай рассматривает соседние страны-участница ШОС, а особенно Российскую Федерацию, в качестве своих главных союзников и партнеров в противодействии международному терроризму. Для борьбы с данной угрозой Пекин активно работает над формами и методами сотрудничества с другими странами. Совместные антитеррористические командно-штабные и оперативно-тактические учения с участием стран ШОС являются одним из способов, которые Китай использует для отработки своих методов борьбы с террористическими проявлениями [20]. Это позволяет странам обмениваться опытом и информацией, разрабатывать совместные стратегии и тактику, а также координировать свои действия в случае террористических угроз. Такое взаимодействие с партнерами по ШОС дает Китаю возможность не только эффективно справляться с существующими угрозами, но и улучшать свои навыки и ресурсы для будущей борьбы с терроризмом. Вместе с партнерами страна работает над тем, чтобы создать безопасное и стабильное региональное окружение, свободное от террористической активности.

Заключение

Комплексный анализ антикризисных механизмов, применяемых Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в сфере противодействия международному терроризму, позволил выявить как общие черты, так и существенные различия в подходах к обеспечению национальной и международной безопасности. Установлено, что в условиях глобализации и цифровизации общественных процессов трансформация террористических угроз требует постоянного обновления национальных стратегий и выработки скоординированных международных решений.

В научном плане представленные в статье выводы отражают значимость межгосударственного обмена правовыми, институциональными и технологическими инструментами борьбы с терроризмом, что формирует основу для формирования более устойчивой системы глобальной безопасности. На примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР продемонстрированы современные модели превентивной политики, основанные на информационном контроле, дерадикализации и правовом принуждении. Российская практика показала эффективность многоуровневого подхода, ориентированного на законодательную модернизацию, межведомственное взаимодействие и участие в международных антикризисных коалициях. Проведенное исследование подтверждает необходимость усиления координации между государствами в борьбе с транснациональными угрозами, создания универсальной правовой базы, совершенствования механизмов контроля за финансовыми потоками и разработки механизмов предотвращения кибертеррористической активности. Представленные в статье предложения могут быть использованы при формировании государственной политики в сфере антитеррористической безопасности, а также в рамках международного правотворчества и кооперации в условиях современных вызовов.

Литература

1. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г. Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1972 года N 3719-VIII // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения: 05.03.2025).
2. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г: Ратифицирована Федеральным законом РФ от 13 февраля 2001 года N 19-ФЗ. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 17.02.2025).
3. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.: Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР т 7 мая 1987 года N 6941-XI // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 25.02.2025).
4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.: Ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 июня 2002 года N 19-ФЗ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 23.02.2025).
5. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 10.03.2006. – № 48.
6. Указ Президента РФ от 26.12.2015 N 664 (ред. от 06.09.2024) «О мерах по совершенствованию го-

сударственного управления в области противодействия терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.12.2015. – № 52 (часть I). – ст. 7591.
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.12.2016. – № 50. – ст. 7074.
8. Вэньвэнь М. Борьба Китая с международным терроризмом в Восточном Туркестане // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № . 1. – С. 56–63.
9. Галицкая Н.В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая // Административное и муниципальное право. – 2022. – № . 3. – С. 34–46.
10. Лафирук А.А. Борьба с инструментами для финансирования терроризма // Ceteris Paribus. – 2024. – № . 7. – С. 53–58.
11. Ли В.Н. Сотрудничество России и Китая в сфере противодействия международному терроризму как фактор обеспечения международной стабильности // Международные отношения. – 2024. – № . 2. – С. 11–23.
12. Нахимова Д. Д., Вавилова В.А. Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая? //Россия в глобальном мире. – 2023. – Т. 26. – № . 4. – С. 44–63.
13. Родачин В.М. Международный терроризм: проблемы определения, актуализации правовых основ противодействия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14. – № . 3. – С. 76–84.
14. Белая книга: Китай в соответствии с законом наносит удары по терроризму и экстремизму в Синьцзяне // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0319/c31521–9557462.html (дата обращения: 23.02.2025).
15. В мечети Пакистана во время пятничной молитвы взорвал бомбу террорист-смертник, погибли 63 человека и почти 200 получили ранения // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2009/06/10/russian/ (дата обращения: 04.03.2025).
16. В России возбудили дело об акте международного терроризма по взрывам на «Северном потоке» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/proisshestviya/15900877 (дата обращения: 12.03.2025).
17. Направлено в суд дело о теракте у здания посольства РФ в Афганистане // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/914108 (дата обращения: 12.03.2025).
18. Расправа в упор. Очевидцы – об атаке ХАМАС на фестиваль в Израиле // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/10/25/1002389- izrail-o-gibeli-23-rossiyan (дата обращения: 12.03.2025).
19. Случаи гибели россиян в терактах за рубежом в 2015–2016 гг. Досье // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/info/3920815 (дата обращения: 02.03.2025).
20. Учения стран ШОС «Мирная миссия-2023» пройдут на территории России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/857991 (дата обращения: 23.02.2025).
21. Этим займется НАТО. В США сделали шокирующее заявление о России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20231213/nato-1915590904.html (дата обращения: 12.03.2025).

COUNTERING TERRORISM: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Nikitin K.A.
North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the specifics of countering international terrorism using the experience of Russia and China as an example. The article analyzes current threats to global security, including the financing of terrorist activities, support for extremist organizations and the provision of resources to them. The main mechanisms used by the state structures of the two countries, including legal regulation, international cooperation and practical interaction of law enforcement agencies, are investigated. The article examines China's role in the fight against terrorism, including in the Xinjiang Uygur Autonomous Region, where strategies for deradicalization and control of the information space are applied. The importance of joint anti-terrorist operations and exercises within the framework of the Shanghai Cooperation Organization is emphasized. The need to develop new counterterrorism strategies is emphasized, including measures to prevent digital terrorism, strengthen cybersecurity, and control the information space. Promising areas for improving international cooperation in ensuring global security are being identified. It is noted that there is a need to further improve the strategy of countering terrorism, taking into account technological development and new threats, including cyberterrorism. It is concluded that it is important to strengthen international cooperation in order to ensure global security.

Keywords: international terrorism, anti-terrorist security, counterterrorism, Russia, China, terrorist financing, state security.

References

1. Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation of September 23, 1971. Ratified by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 27, 1972 N 3719-VIII // [Electronic resource]. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (accessed: 03/05/2025).
2. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings of December 15, 1997: Ratified by the Federal Law of the Russian Federation of February 13, 2001 N 19-FZ. // [Electronic resource]. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (accessed: 02/17/2025). 3. International Convention against the Taking of Hostages of 17 December 1979: Ratified by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 7 May 1987 N 6941-XI // [Electronic resource]. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (accessed: 25.02.2025).
4. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism of 9 December 1999: Ratified by the Federal Law of the Russian Federation of 26 June 2002 N 19-FZ // [Electronic resource]. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (accessed: 23.02.2025).
5. Federal Law of 06.03.2006 N 35-FZ (as amended on 28.02.2025) "On Counteracting Terrorism" // Rossiyskaya Gazeta. – 10.03.2006. – No. 48.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2015 N 664 (as amended on 06.09.2024) "On measures to improve public administration in the field of counteracting terrorism" (together with the "Regulations on the National Anti-Terrorism Committee") // Collected Legislation of the Russian Federation. – 28.12.2015. – No. 52 (Part I). – Art. 7591.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 N 646 "On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 12.12.2016. – No. 50. – p. 7074.
8. Wenwen M. China's Fight Against International Terrorism in East Turkestan // Post-Soviet Studies. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – P. 56–63.

9. Galitskaya N.V. Legal Aspects of Anti-Terrorist Security: The Experience of Modern China // Administrative and Municipal Law. – 2022. – No. 3. – P. 34–46.
10. Lafiruk A.A. Combating Terrorism Financing Tools // Ceteris Paribus. – 2024. – No. 7. – P. 53–58.
11. Li V.N. Cooperation between Russia and China in the Sphere of Counteracting International Terrorism as a Factor in Ensuring International Stability // International Relations. – 2024. – No. 2. – P. 11–23.
12. Nakhimova D.D., Vavilova V.A. China's Anti-Terrorist Policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region – a Pretext for International Intervention in China's Domestic Politics? // Russia in the Global World. – 2023. – Vol. 26. – No. 4. – P. 44–63.
13. Rodachin V.M. International Terrorism: Problems of Definition, Updating the Legal Foundations of Counteraction // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2024. – Vol. 14. – No. 3. – P. 76–84.
14. White Paper: China Cracks Down on Terrorism, Extremism in Xinjiang in Accordance with Law // [Electronic resource]. Access mode: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0319/c31521–9557462.html (date accessed: 02/23/2025).
15. A suicide bomber detonated a bomb in a Pakistani mosque during Friday prayers, killing 63 people and injuring nearly 200 // [Electronic resource]. Access mode: https://lenta.ru/news/2009/06/10/russian/ (date accessed: 03/04/2025).
16. Russia opens case on international terrorism over Nord Stream explosions // [Electronic resource]. Access mode: https://tass.ru/proisshestviya/15900877 (date of access: 12.03.2025).
17. The case of the terrorist attack near the building of the Russian embassy in Afghanistan has been sent to court // [Electronic resource]. Access mode: https://www.interfax.ru/russia/914108 (date of access: 12.03.2025).
18. Point-blank reprisal. Eyewitnesses on the Hamas attack on a festival in Israel // [Electronic resource]. Access mode: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/10/25/1002389-izrail-o-gibeli-23-rossiyan (date of access: 12.03.2025).
19. Cases of death of Russians in terrorist attacks abroad in 2015–2016. Dossier // [Electronic resource]. Access mode: https://tass.ru/info/3920815 (date of access: 03/02/2025).
20. The SCO exercises "Peace Mission-2023" will be held on the territory of Russia // [Electronic resource]. Access mode: https://www.interfax.ru/russia/857991 (date of access: 02/23/2025).
21. NATO will deal with this. The US made a shocking statement about Russia // [Electronic resource]. Access mode: https://ria.ru/20231213/nato-1915590904.html (date of access: 03/12/2025).

Организационно-технологические принципы управления Министерством социального обеспечения и здравоохранения Финляндии

Потапов Владислав Олегович,
аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики;
E-mail: vlad@potapov10.ru

Статья посвящена исследованию организационно-технологических принципов управления Министерством социального обеспечения и здравоохранения Финляндии. Приводится ретроспектива развития системы социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, рассматривается сложившаяся нормативно-правовая база, которая регулирует не только систему социального обеспечения и здравоохранения в целом, но и деятельность и структуру управления министерством в частности. Особое внимание уделено анализу эффективности финской модели управления в контексте обеспечения высокого уровня социальной защиты и доступности медицинских услуг для населения. На основе изучения опыта Финляндии предложены рекомендации по возможному применению отдельных элементов данной системы в России, а именно опыта по созданию государственной монополии по продаже крепкого алкоголя и ее административному подчинению Министерству социального обеспечения и здравоохранения. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области социологии управления, социальной защиты и организации здравоохранения.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, организация здравоохранения, Финляндия, технологии управления, государственная политика.

До обретения Финляндией независимости, в стране не существовало централизованной системы социальной защиты. Все социальное обеспечение сводилось к страхованию рабочих от несчастных случаев и защите их прав профсоюзами [1, с. 195–199].

Министерство социального обеспечения Финляндии было создано в 1917 году, оно занималось вопросами охраны труда, здравоохранения, проблемами беспризорников, развитием социального страхования и борьбой с бедностью и пьянством. В 1922 году здравоохранение было выделено в отдельное Министерство здравоохранения (Terveysministeriö).

Перед началом Зимней войны (Talvisota) Министерство социального обеспечения и Министерство здравоохранения вновь были объединены в Министерство социального обеспечения и здравоохранения (Sosiaali- ja terveysministeriö) (далее – Министерство). Это было связано с необходимостью координации усилий в условиях экономического кризиса и подготовки к военным конфликтам.

Формирование Министерства в современном виде началось в восстановительный период развития финского государства после Второй Мировой войны. Министерство оказывало помощь пострадавшим в период Зимней войны (Talvisota), Войны-продолжения (Jatkasota) (национальные названия эпизодов Второй Мировой войны), а также пострадавшим от действий немецко-фашистских войск после начала боевых действий финской армии против Германии, которой Финляндия объявила войну после поражения в войне против СССР [1, с. 227].

В начале 1940-х годов были проведены важные реформы в сфере семейной политики, введено пособие по беременности – одна из первых мер социальной поддержки для беременных женщин и молодых матерей. В конце 1940-х годов пособие стало включать не только денежные выплаты, но и предоставление «Комплекта для беременных» (дословно – «материнский пакет», фин. äitiyspakkaus)[1, с. 258], который содержал необходимые вещи для ухода за новорождённым. С тех пор система неоднократно реформировалась, становясь более гибкой и доступной [1, с. 252–254].

В 1950-х годах в Финляндии фактически началось строительство государства всеобщего благосостояния. В 1960-х годах была проведена реформа здравоохранения, которая заложила основы современной системы общественного здравоохранения. В 1972 году был принят Закон о здравоохранении (Terveydenhuoltolaki) [3], который закрепил право всех граждан на медицинскую помощь. В 1978 году был введен декретный отпуск. Первоначально отпуск предоставлялся только матерям и длился около 10 месяцев[1, с. 255].

В 1980-х годах министерство сосредоточилось на децентрализации управления, передав часть полномочий коммунам. В 1980-е годы были расширены декретные права отцов, которым разрешили брать часть отпуска, что стало важным шагом к гендерному равенству. В 1991 году был введен «отцовский месяц». Часть отпуска была закреплена исключительно за отцами, чтобы стимулировать их участие в уходе за ребёнком[1, с. 256–257].

В 1990-х годах, в условиях экономического кризиса, были проведены реформы, направленные на повышение эффективности системы здравоохранения и социального обеспечения. В 1991 году был принят Закон о социальном обеспечении (Sosiaalihuoltolaki)[3], который регулирует предоставление социальных услуг.

1 марта 2000 года вступила в силу новая Конституция Финляндской республики. Теперь право на получение медицинской помощи и социальное обеспечение было закреплено в основном законе государства, во второй главе 19-параграфа Конституции Финляндии, согласно которому конституция гарантирует право на базовое социальное обеспечение, медицинскую помощь и поддержку в случае необходимости [2].

Министерство является одним из двенадцати министерств Финляндии, в юрисдикции которого находятся социальное обеспечение, здравоохранение, охрана труда, социальное страхование, вопросы равенства и материального благосостояния граждан Финляндии.

Министерство в своей деятельности руководствуется семью основными законами Финляндской республики, регулирующими социальные права граждан Финляндии: Законом о социальном обеспечении (Sosiaalihuoltolaki) [3], регулирует предоставление социальных услуг, включая поддержку пожилых людей, инвалидов и семей; Законом о здравоохранении (Terveydenhuoltolaki)[4], определяет организацию медицинских услуг и обязанности коммун и государства; Законом о государственных пособиях (Kansaneläkelaki)[5], Устанавливает правила предоставления пенсий и других социальных выплат; Законом о пациенте (Potilaslaki)[6], гарантирует права пациентов, включая доступ к медицинской помощи и врачебную тайну; Законом о государственном управлении (Valtionhallintolaki)[7], регулирует деятельность государственных органов; Законом о муниципальных образованиях (коммунах) (Kuntalaki)[8], определяет роль коммун в предоставлении социальных и медицинских услуг; Законом о цифровых услугах (Laki digitaalisista palveluista)[9], регулирует использование цифровых технологий в государственном управлении. Помимо указанных законов существует два постановления, которые регулируют работу ведомства: Постановление правительства о Министерстве социального обеспечения и здравоохранения [10] и постановление Министерства социального обеспечения и здравоохранения о платных услугах [11].

Министерство является государственным органом исполнительной власти Финляндской республики. С 1 марта 2000 года Финляндия является парламентской республикой[2]. В Финляндии министров назначает Президент Республики, этот процесс происходит по предложению Премьер-министра и с учётом политической ситуации в парламенте (Eduskunta). После парламентских выборов или смены правительства партии, получившие большинство в парламенте, формируют коалицию и договариваются о кандидатурах министров. Премьер-министр, который обычно является лидером крупнейшей партии в коалиции, предлагает список министров Президенту, после чего происходит утверждение кандидатур.

В случае министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии происходит утверждение кандидатуры ни одного министра, а трех – министра социального обеспечения и здравоохранения, министра социального обеспечения и министра труда. В руководство министерства помимо входит шеф-секретарь (главный секретарь). В состав Министерства входят шесть департаментов, отвечающих за подготовку и разработку ключевых задач в области социальной защиты и здравоохранения, социального обеспечения, равенства и охраны труда. Министерство обладает 18 подведомственными учреждениями, в том числе «Alko Oy» [10].

Будучи государственным органом исполнительной власти, чья политика формируется под влиянием парламентского большинства (коалиции), Министерство занимается реализацией Правительственной программы. В настоящий момент Министерство реализует Правительственную программу премьер-министра Пэттэри Орпо «Сильная и заботливая Финляндия», опубликованной 20 июня 2023 года[12].

Правительственная программа содержит следующие пункты по реформированию системы социального обеспечения и здравоохранения:

Укрепление системы здравоохранения.

Увеличение финансирования здравоохранения.

Развитие цифровых решений, таких как электронные медицинские карты и телемедицина.

Поддержка медицинского персонала, включая улучшение условий труда и повышение зарплат.

Реформа социального обеспечения.

Упрощение системы социальных пособий для повышения прозрачности и доступности.

Поддержка семей с детьми, включая расширение услуг по уходу за детьми.

Усиление мер по борьбе с бедностью и социальной изоляцией.

Поддержка пожилых людей.

Развитие услуг по уходу за пожилыми людьми, включая домашний уход.

Увеличение количества мест в домах престарелых.

Поддержка активного старения через программы социальной интеграции.

Улучшение психического здоровья.

Увеличение доступности психиатрической помощи.

Развитие профилактических программ, направленных на улучшение психического здоровья.

Поддержка молодёжи через школьные программы и консультации.

Обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости системы здравоохранения и социального обеспечения.

Оптимизация расходов и повышение эффективности использования ресурсов.

Внедрение инновационных решений для снижения затрат.

С учетом исторического опыта Финляндии, действующих нормативно-правовых актов и задач, которые ставит перед собой Правительство премьер-министра Пэттэри Орпо, организационно-технологические принципы управления Министерством социального обеспечения и здравоохранения Финляндии основаны на эффективном сочетании государственного регулирования, технологических инноваций и социальной ориентированности.

Финляндия активно использует децентрализованную модель управления, где значительная часть полномочий передана на уровень коммун[8]. Это позволяет учитывать местные особенности и потребности населения.

Министерство активно внедряет цифровые технологии для улучшения управления и предоставления услуг. Например, электронные медицинские карты позволяют врачам и пациентам получать доступ к медицинским данным в режиме реального времени[9].

В Финляндии организаторы здравоохранения и социального обеспечения учитывают исторический опыт, согласно которому разделение сфер здравоохранения, социального обеспечения и труда малопродуктивен. Социальное обеспечение и здравоохранение воспринимаются единым целым, в связи с чем для сферы разра-

батываются единые стандарты, в том числе в области этики и деонтологии[13].

Система здравоохранения и социального обеспечения Финляндии финансируется за счет налогов, что обеспечивает равный доступ к услугам для всех граждан[6]. Министерство активно работает над оптимизацией расходов, внедряя модели, основанные на результатах и эффективности, что подтверждается действующей Программой правительства[12].

В Финляндии сделан акцент на профилактике заболеваний и пропаганде здорового образа жизни. Еще в 19 веке в Европе главенствовал тезис «Пьяный, как финн», но благодаря мерам по борьбе с алкоголизмом, Финляндии удалось победить эту напасть. Во много благодаря созданию в 1932 году «Alko Oy», государственной алкогольной монополии Финляндии, которая занимается розничной продажей алкогольных напитков крепостью выше 5,5%. В целом, меры по борьбе с пьянством, применяемые в Финляндии признаны эффективными и активно используются в ряде других скандинавских стран[14]. Эффективность проводимой Финляндией политики по борьбе с пьянством подтверждает отсутствие данной проблемы в действующей Правительственной программе.

Министерство активно участвует в международных инициативах, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Европейский союз, для обмена опытом и лучшими практиками.

В России, как на федеральном уровне, так и на уровне ряда субъектов Российской Федерации, полномочия по организации здравоохранения, охране труда и социальной защите разделены между двумя министерствами (в случае отдельных регионов – департаментами), что объясняется несопоставимыми территориальными и популяционными различиями России и Финляндии, а также исторически сложившейся разницей подхода в предоставлении медицинских и социальных услуг. Оказание медицинской помощи в Российской Федерации жестко регламентировано. Требования, предъявляемые к медицинским работникам не сопоставимы с требованиями к социальным работникам. С учетом изложенного, опыт объединения социальной и медицинской сфер, с целью более эффективного управления в стране не рассматривается.

Меж тем, интерес представляет опыт Финляндии по созданию и административному подчинению Министерству социального обеспечения и здравоохранения Финляндии государственной монополии по продаже алкоголя «Alko Oy» [10]. Опыт Финляндии в этой части не требует значительных изменений в законодательстве и укладывается в Концепцию сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу[15].

Алкоголизм относится к социально-значимым заболеваниям. Последствия данной болезни отражаются, как на здоровье граждан, так и на общественной безопасности. Борьба с алкоголизмом находится на стыке здравоохранения, социальной защиты и охраны труда. Опыт других стран, в том числе скандинавских, доказывает нам, что победить эту проблему можно только при помощи комплексного подхода[14].

Компания «Alko Oy» является компанией, подведомственной министерству социального обеспечения и здравоохранения Финляндии. Компания была основана в 1932 году после отмены полного запрета на продажу алкоголя в Финляндии и с тех пор играет ключевую роль в регулировании оборота алкоголя в стране [16]. Основные направления деятельности «Alko Oy» включают:

1. Розничная торговля алкогольными напитками. Alko управляет сетью специализированных магазинов по всей Финляндии, где проводится реализация спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 4,7 процентов объема готовой продукции (далее – крепкого алкоголя). Alko действует в рамках строгих государственных правил, направленных на контроль за потреблением крепкого алкоголя. Компания способствует реализации политики сокращения употребления крепкого алкоголя. Учитывая действия монополии[17], то Alko имеет право самостоятельно устанавливать временные и возрастные ограничения на продажу алкоголя.

2. Импорт и дистрибуция алкогольной продукции. Alko занимается импортом алкогольных напитков из других стран и их распределением по своим магазинам. Компания также сотрудничает с местными производителями алкоголя, поддерживая финскую алкогольную промышленность[18].

3. Информирование и образование. Alko активно участвует в образовательных кампаниях, направленных на повышение осведомленности о вреде употребления алкоголя.

В рамках министерства за деятельность «Alko Oy» отвечает Департамент социального обеспечения и здравоохранения [10], который регулирует вопросы, связанные с алкогольной политикой, включая:

1. Контроль за продажей алкоголя. Установление правил продажи, включая ограничения по времени работы магазинов и возрастные ограничения. Мониторинг соблюдения законодательства.

2. Повышение социальной ответственности. Продвижение программ по снижению потребления алкоголя. Поддержка инициатив, направленных на профилактику алкоголизма.

3. Экономические аспекты. Управление доходами от продажи алкоголя, которые направляются в государственный бюджет.

Учитывая особенности действующего российского законодательства, а также принципов разумности при использовании практик государств, в том числе недружественных, к которым относится Финляндия, можно рассмотреть следующее использование наработок по борьбе с алкоголизмом, а именно рассмотреть возможность ограничения реализации спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции (далее – крепкой алкогольной продукции) на территории муниципальных образований, численность населения которых ниже 10 000 человек, а также разрешить продажи крепкой алкогольной продукции на торговых площадках указанных округов площадью не менее 4000 кв.м.

Указанные предложения основываются на позитивном опыте Финляндской республике, описанном в настоящей публикации, а также опытом других стран[14].

Литература

1. Тайпале, И. 100 социальных инноваций Финляндии / И. Тайпале и авторы. – Хельсинки: Самостоятельное издание, 2018. – 360 с.
2. Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731 (дата обращения: 09.02.2025);
3. Laki sosiaalihuollosta. 1301/2014 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2014/20141301 (дата обращения: 09.02.2025);

4. Laki terveydenhuollosta. 1326/2010 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2010/20101326 (дата обращения: 09.02.2025);
5. Laki kansaneläkkeestä. 395/2006 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2006/20060395 (дата обращения: 09.02.2025);
6. Laki potilaan asemasta ja oikeuksista. 785/1992 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1992/1992078 (дата обращения: 09.02.2025);
7. Laki valtion hallinnosta. 434/2003 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20030434 (дата обращения: 09.02.2025);
8. Laki kunnista. 410/2015 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20030434 (дата обращения: 09.02.2025);
9. Laki digitaalisista palveluista. 306/2019 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190306 (дата обращения: 09.02.2025);
10. Valtioneuvoston asetus sosiaali- ja terveysministeriöstä. 491/2017/ Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/smur/2017/20170491 (дата обращения: 13.02.2025);
11. Sosiaali- ja terveysministeriön asetussosiaali- ja terveysministeriön maksullisista suoritteista. 843/2012 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2012/20120843 (дата обращения: 13.02.2025);
12. Vahva ja välittävä Suomi. Pääministeri Petteri Orpon hallituksen ohjelma //VALTIONEUVOSTON JULKAISUJA 2023:58 / Edita Publishing Oy. – URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/165042 (дата обращения: 13.02.2025);
13. Потапов В.О. Анализ норм деонтологии социальных работников в Финляндской Республике // Научный аспект. 2023. № 1. URL: https://na-journal.ru/1–2023-pravo-obshchestvo/4136-analiz-norm-deontologii-socialnyh-rabotnikov-v-finlyandskoi-respublike (дата обращения: 13.02.2025);
14. Церкасевич Л.В. Европейский союз: 40 градусов по Бахусу // Современная Европа. 2011. № 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-soyuz-40-gradusov-po-bahusu (дата обращения: 13.02.2025).
15. О Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 3547-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1 (часть II). – Ст. 123. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301100001 (дата обращения: 13.02.2025).
16. Alko Oy: официальный сайт. – URL: https://www.alko.fi (дата обращения: 13.02.2025).
17. Government of Finland: History of Alcohol Policy// Valtioneuvosto: официальный сайт. – URL: https://www.valtioneuvosto.fi/en/government/history (дата обращения: 13.02.2025).
18. Alko and Alcohol Policy in Finland // University of Helsinki: официальный сайт. – URL: https://www.helsinki.fi/en/news/health-news/alko-and-alcohol-policy-in-finland (дата обращения: 13.02.2025).

ORGANIZATIONAL AND TECHNOLOGICAL PRINCIPLES OF MANAGEMENT IN THE MINISTRY OF SOCIAL AFFAIRS AND HEALTH OF FINLAND

Potapov V.O.
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to the study of organizational and technological principles of management within the Ministry of Social Affairs and Health of Finland. It provides a retrospective analysis of the development of Finland's social welfare and healthcare system, examining the established regulatory framework that governs not only the social welfare and healthcare system as a whole but also the activities and management structure of the ministry in particular. Special attention is paid to the analysis of the effectiveness of the Finnish management model in the context of ensuring a high level of social protection and accessibility of healthcare services for the population. Based on the study of Finland's experience, recommendations are proposed for the potential application of certain elements of this system in Russia, particularly the experience of creating a state monopoly on the sale of strong alcohol and its administrative subordination to the Ministry of Social Affairs and Health. The results of the study may be useful for specialists in the fields of management sociology, social protection, and healthcare organization.

Keywords: social welfare, social affairs, healthcare organization, Finland, management technologies, state policy.

References

1. Taipale, I. 100 Social Innovations of Finland / I. Taipale and authors. – Helsinki: Independent Edition, 2018. – 360 p.
2. Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731 (date of access: 09.02.2025);
3. Laki sosiaalihuollosta. 1301/2014 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2014/20141301 (date of access: 09.02.2025);
4. Laki terveydenhuollosta. 1326/2010 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2010/20101326 (date of access: 09.02.2025);
5. Laki kansaneläkkeestä. 395/2006 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2006/20060395 (access date: 02/09/2025);
6. Laki potilaan asemasta ja oikeuksista. 785/1992 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1992/1992078 (access date: 02/09/2025);
7. Lucky Valtion Hallinnosta. 434/2003 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20030434 (accessed: 09.02.2025);
8. Laki kunnista. 410/2015 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2003/20030434 (accessed: 09.02.2025);
9. Laki digitaalisista palveluista. 306/2019 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190306 (accessed: 09.02.2025);
10. Valtioneuvoston asetus sosiaali- ja terveysministeriöstä. 491/2017/ Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/smur/2017/20170491 (access date: 02/13/2025);
11. Sosiaali- ja terveysministeriön asetussosiaali- ja terveysministeriön maksullisista suoritteista. 843/2012 // Finlex, Oikeusministeriö / Edita Publishing Oy. – URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2012/20120843 (date of access: 13.02.2025);
12. Vahva ja välittävä Suomi. Pääministeri Petteri Orpon hallituksen ohjelma //VALTIONEUVOSTON JULKAISUJA 2023:58 / Edit Publishing Oy. – URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/165042 (date of access: 13.02.2025);
13. Potapov V.O. Analysis of the norms of deontology of social workers in the Republic of Finland // Scientific aspect. 2023. No. 1. URL: https://na-journal.ru/1–2023-pravo-obshchestvo/4136-analiz-norm-deontologii-socialnyh-rabotnikov-v-finlyandskoi-respublike (date of access: 13.02.2025);
14. Tserkasevich L.V. European Union: 40 degrees according to Bacchus // Modern Europe. 2011. No. 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-soyuz-40-gradusov-po-bahusu (date of access: 13.02.2025).

15. On the Concept of reducing alcohol consumption in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2022 No. 3547-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 1 (Part II). – Art. 123. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301100001 (date of access: 13.02.2025).
16. Alko Oy: official website. – URL: https://www.alko.fi (date of access: 13.02.2025).
17. Government of Finland: History of Alcohol Policy// Valtioneuvosto: official website. – URL: https://www.valtioneuvosto.fi/en/government/history (date of access: 13.02.2025).
18. Alko and Alcohol Policy in Finland // University of Helsinki: official website. – URL: https://www.helsinki.fi/en/news/health-news/alko-and-alcohol-policy-in-finland (accessed: 13.02.2025).

Достижения сотрудничества в области информационной безопасности в рамках ШОС

Цяо Цинли,
Санкт-Петербурский государственный университет
E-mail: qingli822@mail.ru

Целью работы является анализ достижений в области сотрудничества стран-участниц ШОС по вопросам обеспечения информационной безопасности, такие как подписание документов, заложивших договорно-правовую базу сотрудничества, создание специализированных структур и проведение совместных учений по противодействию кибертерроризму.

Ключевые слова: ШОС, КНР, информационная безопасность, кибертерроризм

С бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, особенно прорывных достижений в области искусственного интеллекта и мобильного интернета, образ жизни людей полностью изменился. Хотя ИКТ открыли перед человечеством огромные возможности, они также породили новые вызовы международной и национальной безопасности. Например, некоторые страны злоупотребляют информационными технологиями для вмешательства во внутренние дела других стран, террористы используют информационные сети для осуществления террористической деятельности, а некоторые организации незаконно используют сетевые ресурсы для совершения преступлений. Все это представляет серьезную угрозу международной безопасности и социальной стабильности.

Начиная с XXI века, обеспечение МИБ становится определенным направлением в деятельности региональных и глобальных организаций, в частности, в ШОС.

Разные страны и организации по-разному понимают значение международной информационной безопасности как термина. ШОС рассматривает «информационную безопасность» как состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве. В рамках сотрудничества ШОС в области информационной безопасности особое значение придается противодействию информационному терроризму и киберпреступности. Данный приоритет реализуется посредством подписания официальных соглашений, совершенствования институциональных механизмов и проведения совместных учений, направленных на укрепление потенциала государств-членов в сфере борьбы с кибертерроризмом.

Саммит глав государств-членов ШОС, состоявшийся 4 июля 2005 года в Астане (Казахстан), стал историческим событием, поскольку в Декларации впервые были упомянуты термины информационная безопасность и предотвращение информационного терроризма. Китайские исследователи считают, что с этого момента началось официальное взаимодействие государств-членов ШОС в данной области.

На Шанхайском саммите 2006 года было подписано первое соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности – «Заявление глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о международной информационной безопасности». Ключевое значение данного документа заключается в консолидации регионального консенсуса, укреплении многосторонних механизмов координации, а также создании институциональной основы для противодействия транснациональным угрозам информационной безопасности и продвижения глобального управления интернет-пространством.

В 2009 году на саммите в Екатеринбурге было подписано «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности». Уникальность документа заключается в том, что он впервые на международно-правовом уровне зафиксировал наличие конкретных угроз в области информационной без-

опасности, а также определил основные направления, принципы, формы и механизмы сотрудничества в этой сфере [1].

В 2020 году на саммите в Москве было принято Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространения террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет [2]. Заявление подчеркивает важность предотвращения использования цифрового пространства тремя деструктивными силами путем совместного надзора, технического сотрудничества и правовой гармонизации. Кроме того, оно призывает международное сообщество совместно исследовать новые подходы к управлению киберпространством, сочетающие обеспечение суверенной безопасности и возможности для открытого сотрудничества. На этом саммите также было подписано Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [3]. Документ акцентирует необходимость содействия разработке имеющих юридическую силу международных конвенций, применимых в глобальном масштабе в рамках Организации Объединенных Наций, а также продвижения норм управления информационным пространством на основе принципов многостороннего сотрудничества. Это предложение, по сути, отражает стратегический призыв ШОС к восстановлению глобальной системы сетевого управления и надежду на то, что Организация Объединенных Наций сможет способствовать установлению нового типа цифрового порядка, который учитывает безопасность, эффективность, честность и правосудие.

17 сентября 2021 года, в год 20-летия создания Шанхайской организации сотрудничества государства-члены разработали План сотрудничества членов ШОС в области международной информационной безопасности на 2022–2023 годы и подписали Душанбинскую декларацию двадцатилетия ШОС [4], в которой снова была отмечена важность совместного формирования системы правил профилактики и контроля преступности в информационном пространстве, повышения эффективности управления трансграничными угрозами. Неоднократное обращение ШОС к данному вопросу в течение двух лет свидетельствует о стратегическом видении организации, направленном на реформирование системы глобального сетевого управления. ШОС возлагает надежды на Организацию Объединенных Наций в деле формирования нового цифрового порядка, обеспечивающего безопасность, эффективность, честность и справедливость в киберпространстве.

4 ноября 2023 года на саммите ШОС в Нью-Дели главы государств-членов отметили, что эпидемия COVID-19 ускорила процесс оцифровки социальных сетей. При этом было отмечено, что террористы воспользовались возросшей зависимостью людей от Интернета и активно использовали цифровые технологии для распространения экстремистской идеологии. В документе, принятом по итогам саммита Декларации Совета глав государств-членов ШОС о противодействии экстремизму [5], особое внимание уделяется формированию комплексной системы социальной защиты, и содержится призыв ко всем слоям общества объединить усилия для создания безопасного информационного пространства, с целью предотвращения распространения экстремизма.

Таким образом, с момента основания ШОС в 2001 году, государства-члены совместно подписали ряд документов, касающихся информационного сотрудничества, что свидетельствует о достижении консенсуса в отношении сотрудничества в сфере информационной безопасности. Данный консенсус является основой для поступательного развития практического сотрудничества в этой области.

Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС) является одним из ключевых механизмов сотрудничества в области безопасности в рамках ШОС. Данный орган является одним из двух постоянно действующих органов ШОС и состоит из совета и исполнительного комитета. РАТС играет ключевую роль в борьбе с кибертерроризмом, координируя усилия государств-членов по закрытию террористических веб-сайтов и пресечению его распространения.

15 июня 2006 года была создана Группа экспертов ШОС по международной информационной безопасности (ГЭ ШОС по МИБ) по инициативе президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева. В состав группы входят представители Секретариата ШОС и Исполнительного комитета региональных контртеррористических ведомств. Ее основными обязанностями являются: проведение регулярных совещаний экспертов для совместного рассмотрения и разработки планов по обеспечению МИБ; содействие заключению и реализации межгосударственных соглашений в данной сфере; оценка потенциальных угроз информационной безопасности, а также разработка практических рекомендаций по предотвращению и реагированию на них с учетом национальных особенностей; совершенствование политики и нормативно-правовой базы ШОС в области информационной безопасности [6]. Можно сказать, что «создание этой структуры стало принципиальным шагом от совещательных форм сотрудничества стран ШОС к практическим действиям в сфере обеспечения региональной безопасности» [7].

В дополнение к РАТС и ГЭ ШОС по МИБ в 2019 году Президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым была выдвинута инициатива создания Центра информационной безопасности (ЦИБ). 3 сентября 2023 году в городе Алматы состоялись межведомственные консультации государств-членов ШОС, на котором казахстанская сторона представила конкретную концепцию создания ЦИБ.

Формирование институциональной структуры и совершенствование механизмов могут способствовать систематизации сотрудничества между государствами-членами организации. В настоящее время, хотя число институтов ШОС в области информационной безопасности все еще невелико, по мере углубления сотрудничества ШОС в этой области создание соответствующих институтов и механизмов будет становиться все более совершенным.

Государства – члены ШОС провели учения по борьбе с кибертерроризмом в городе Сямэне в 2015, 2017 и 2019 годах. Эти учения призваны укрепить систему сотрудничества в области кибербезопасности, осуществляя периодическую проверку и повышение эффективности регионального взаимодействия в сфере противодействия терроризму.

14 октября 2015 года Исполнительным комитетом РАТС ШОС в городе Сямэне (Китай) были проведены первые учения, моделирующие противодействие кибертерроризму, получившие название «Сямэнь – 2015». Результатом данных учений стало формирование основы для регламентации юридических процедур, организации обмена разведывательными данными и практической проверки возможностей трансграничного сотрудничества. Их особая значимость заключается в том, что они ознаменовали переход от теоретических дискуссий по вопросам информационной безопасности в рамках

ШОС к практической реализации взаимодействия. Основной целью учения было определено взаимодействие компетентных органов государств-членов ШОС с точки зрения теоретических и практических мер по контролю использования Интернета международными террористическими организациями (МТО) [8].

6 декабря 2017 года Советом РАТС ШОС в Сямэне были организованы вторые совместные учения. Присоединение Индии и Пакистана к ШОС в 2017 году позволило впервые провести учения по борьбе с кибертерроризмом с участием всех восьми государств-членов. Сценарий учений включал моделирование действий террористов, использующих даркнет и зашифрованную связь для планирования атак, а основной задачей стала проверка возможностей государств-членов по координации действий в отслеживании анонимных серверов и дешифровании закодированных сообщений.

12 декабря 2019 года в Сямэне состоялись третьи совместные учения. В рамках учений моделировалась ситуация, когда террористические организации используют платформы обмена мгновенными сообщениями для вербовки новых членов, приобретения оружия и планирования скоординированных трансграничных террористических атак. Отличительной особенностью этих учений стало первое применение разработанного в Китае оборудования для связи с использованием квантового шифрования и системы распознавания лиц на основе искусственного интеллекта, что позволило обеспечить безопасную передачу данных и эффективную идентификацию в широком масштабе.

Сямэньские учения ШОС по борьбе с кибертерроризмом нацелены на проверку взаимодействия законодательства и технических средств государств-членов в сфере противодействия терроризму на основе практического сотрудничества. Кроме того, они направлены на создание совместного механизма реагирования, совершенствование технологий борьбы с кибертерроризмом и формирование международной нормативно-правовой базы в сфере борьбы с терроризмом, где ведущую роль станут играть развивающиеся страны. Учения демонстрируют общую решимость государств-членов в поддержании региональной безопасности посредством совершенствования оперативных процедур и сдерживания террористических сил, а также предоставляют ценный практический опыт для международного контртеррористического сообщества.

В заключение можно сделать вывод, что правительства государств-членов ШОС реализуют многосторонние меры и инструменты для обеспечения информационной безопасности. В частности, был разработан и подписан ряд нормативно-правовых актов, созданы специализированные государственные структуры для координации и реализации мер информационной безопасности, а также проведены совместные мероприятия.

Несмотря на достигнутые ШОС успехи в сфере информационной безопасности, сохраняется ряд вызовов, препятствующих эффективному практическому сотрудничеству. К числу таковых относятся: несовершенство механизмов взаимодействия между государствами-членами, различия в уровне развития нормативно-правовой базы и технических возможностей, недостаточная способность оперативно реагировать на новые угрозы, ослабление международного сотрудничества и ограниченные возможности в формулировании позиции по вопросам международной правовой регламентации. Тем не менее, сотрудничество в данной области сохраняет приоритетное значение для развития ШОС и будет способствовать укреплению региональной безопасности.

Литература

1. Гайнетдинова А. К., Сизых Е.Ю. Перспективы развития сотрудничества в сфере противодействия кибертерроризму в рамках ШОС // Global and Regional Research. 2019. Т. 1. No 1. С. 171–175.
2. https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084438.pdf ЗАЯВЛЕНИЕ Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстрем.
3. https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202011/t20201110_858237.html Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.
4. http://www.kremlin.ru/supplement/5699 Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС.
5. https://rus.sectsco.org/documents/ ЗАЯВЛЕНИЕ Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму.
6. Чжан Инсю. Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности [J]. Информационная безопасность и конфиденциальность коммуникаций, 2022, (08): 136–144.
7. Тараканова Т.С. Обеспечение региональной безопасности в рамках шанхайской организации сотрудничества // НК. 2016. № 6 (39).
8. Тараканова Т.С. Обеспечение региональной безопасности в рамках шанхайской организации сотрудничества // НК. 2016. № 6 (39).

ACHIEVEMENTS OF COOPERATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY WITHIN THE SCO

Qiao Qingli
Saint Petersburg State University

The purpose of this work is to analyze the achievements in the field of cooperation of the SCO member states on issues of ensuring information security, such as signing documents that laid the legal framework for cooperation, creating specialized structures and conducting joint exercises to counter cyberterrorism.

Keywords: SCO, PRC, information security, cyberterrorism

References

1. Gainetdinova A.K., Sizykh E. Yu. Prospects for the Development of Cooperation in the Sphere of Countering Cyberterrorism within the Framework of the SCO // Global and Regional Research. 2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 171–175.
2. https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084438.pdf STATEMENT of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on countering the spread of terrorist, separatist and extremist.
3. https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202011/t20201110_858237.html Statement of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of ensuring international information security.
4. http://www.kremlin.ru/supplement/5699 Dushanbe Declaration of the Twentieth Anniversary of the SCO.
5. https://rus.sectsco.org/documents/ STATEMENT of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on countering radicalization leading to terrorism, separatism and extremism.
6. Zhang Yingxiu. SCO cooperation in the field of information security [J]. Information security and confidentiality of communications, 2022, (08): 136–144.
7. Tarakanova T.S. Ensuring regional security within the framework of the shanghai cooperation organization // NK. 2016. No. 6 (39).
8. Tarakanova T.S. Ensuring regional security within the framework of the shanghai cooperation organization // NK. 2016. No. 6 (39).

Противодействие терроризму как приоритетная задача государственной политики

Никитин Кирилл Алексеевич,
аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 45009913@mail.ru

Исследование посвящено анализу системы противодействия терроризму, рассмотрению нормативно-правовой базы, институциональных механизмов и современных методов обеспечения национальной безопасности. В работе проведен исторический обзор борьбы с террористическими угрозами, выявлены ключевые тенденции их эволюции, а также рассмотрены меры, принимаемые государственными структурами. Рассматриваются правовые аспекты противодействия террористической деятельности, эффективность законодательных инициатив и их влияние на снижение уровня угроз. Проведен анализ деятельности спецподразделений, направленной на предупреждение и пресечение преступлений террористической направленности. Освещены вопросы международного сотрудничества в данной сфере, рассмотрены примеры взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб различных стран.
Выявлена необходимость комплексного подхода к противодействию терроризму, включающего правовые, организационные и оперативные меры. Рассмотрены перспективы внедрения современных цифровых технологий в систему безопасности, включая автоматизированные системы мониторинга и аналитики. Отмечена значимость профилактических мер, направленных на минимизацию социальных и экономических факторов, способствующих распространению идеологии терроризма. Выделены направления совершенствования международного сотрудничества в рамках обеспечения глобальной безопасности.

Ключевые слова: Терроризм, национальная безопасность, противодействие терроризму, правовое регулирование, спецподразделения, международное сотрудничество, антитеррористические меры.

Введение

История борьбы с терроризмом в России исчисляется как минимум с середины XIX века. Тогда многочисленные террористические акты против самодержавной власти, совершаемые народовольцами и другими революционно настроенными группами, привели к гибели императора Александра II в 1881 г. Для государства стало понятно, что терроризм – это реальная и очень опасная угроза, для борьбы с которой нужно создавать новые условия и применять особые меры. С приходом к власти большевиков и возникновением контрреволюционного терроризма со стороны противников советской власти и участившихся убийств и покушений на политических деятелей привело к тому, что органы государственной безопасности в лице Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем вынуждены разрабатывать принципиально новые методы по противодействию терроризму. Но в конечном итоге, после прихода к власти в Советском Союзе Хрущева Н.С. данные методы советской власти были признаны нецелесообразными и негуманными, так как в период активной борьбы с контрреволюционным терроризмом с начала 1920-х годов и вплоть до начала 1940-х было осуждено и приговорено к высшей мере наказания множество невиновных граждан [11].

В середине XX века, с развитием технологий и технического прогресса, развивались и методы террористов, они изобретали новые методы и устраивали теракты, которым было уже значительно сложнее противостоять со стороны государства. Появление в мире новых военных конфликтов и горячих точек, способствовало появлению террористических организаций – Ирландской республиканской армии в Северной Ирландии и Ирландии, движение Талибан и Аль-Каида (запрещенные на территории Российской Федерации организации) в Афганистане, движение «Черный сентябрь» в Палестине и многих других. Одним из методов по борьбе с террористскими преступлениями, является так же создание специальных военизированных подразделений. После террористического нападения на олимпиаде в Мюнхене, осознав проблему и угрозу террористической опасности, руководство Советского Союза в преддверии подготовки к олимпиаде в Москве в 1980 году, за шесть лет до проведения мирового спортивного мероприятия приняло решение об образовании в составе Комитета государственной безопасности нового специального военизированного подразделения группы «А», которое в составе Центра специального назначения Федеральной службы безопасности Российской Федерации существует и по сей день. Данное спецподразделение своей слаженной и грамотной работой по противодействию и ликвидации угроз террористического характера со времен Советского Союза и вплоть до наших дней внесло существенный вклад в безопасность нашего государства и защиты наших граждан [8].

Со временем само данное явление меняется и совершенствуется. Особенно это заметно в наше время, в дни развития современных технологий и методов коммуникации. Становится предельно ясно, что для эффек-

тивной борьбы с терроризмом необходимо иметь четкое представление о целях, методах и способах, к которым прибегают террористы для своих противоправных целей.

Материалы и методы

В основе исследования лежит детальный разбор правовых документов Российской Федерации, касающихся мер по борьбе с терроризмом, также рассматриваются международные правовые акты Применяются формально-юридический, сравнительно-правовой и системный подходы анализа, которые предоставляют возможность проанализировать и оценить механизмы регуляции антиророристической деятельности как на федеральном, так и на глобальном уровнях. Эмпирическую базу составляют законодательные акты, постановления органов государственной власти, а также статистические данные, отражающие динамику преступлений террористической направленности. Для анализа тенденций развития антитеррористической политики проведено изучение специализированной литературы и экспертных заключений. Применение структурно-функционального анализа позволило выявить ключевые аспекты государственного контроля за преступлениями террористического характера, а метод контент-анализа способствовал выявлению закономерностей в законодательном регулировании и правоприменительной практике.

Литературный обзор

Принято считать, что для эффективного противостояния террористической угрозе требуется координация действий множественных стран, включая их спецслужбы и полицию. Тем не менее, существенным условием подобного взаимодействия является наличие у стран совпадающих стратегических целей в вопросах антитеррористической деятельности.

Террористические преступления внутри страны охватывают широкий спектр противоправных действий: убийства, нацеленные на политиков и общественных лидеров, удары по основам конституционного устройства государства, организация, участие в деятельности и руководство запрещенными преступными группами, а также захваты заложников, не преследующие цели похищения и вывоза за границу России [1]. Вершицкая Г.В. указывает на то, что в настоящее время, ставится максимально понятно, что без правильного и эффективного противодействия преступлениям террористической направленности, масштабы таких террористических преступлений будут максимально расти и превращаться в проблему уже более глобального характера [3].

Румянцев Н.В., несмотря на вышесказанное, пишет о том, что противодействие преступлениям террористической направленности является прежде всего внутренней государственной задачей, из-за того, что ключевые причины, которые создают терроризм, наиболее часто имеют внутригосударственные причины. Ключевую и центральную роль в противодействии преступлениям террористического характера должно занимать именно государство в лице законодательной, исполнительной и судебной власти [7].

Ключевым фактором системного подхода к борьбе с общегосударственной проблемой противодействия преступлениям террористической направленности является объединение всех средств и усилий на общегосударственном и общественном уровне с целью успешной борьбы и искоренении терроризмом. Жилина В.А. и Васильев А.М. указывают, что необходимость объедения усилий правоохранительных органов спецслужб, законодательной и судебной власти, средств массовой информации, общественных объединений, партий и религиозных организаций обуславливается целью слаженного и успешного противодействия преступлениям террористической направленности [4]. Чернышева Ю.А. и Мирончуковская В.В. в своем исследовании акцентируют важность взаимосвязанности и взаимодополняемости мер контроля, противодействия и предупреждения в целях оперативной борьбы с терроризмом. В контексте правоприменения существуют разнообразные формы предупреждения, включая внутригосударственный политический, правовой, институциональный и международный надзор. Особое внимание уделим именно внутригосударственному контролю [10].

Внутригосударственные меры по пресечению действий террористического характера охватывают следующие направления:

1. стратегия государства в области уголовного права;
2. мероприятия по предотвращению актов терроризма.

А.И. Молдажиев подчеркивает, что государственная политика по уголовному праву представляет независимое направление деятельности государства в области законодательства. Эта деятельность включает в себя определение главных направлений, управление усилиями по борьбе с преступностью, а также разработку структуры и порядка уголовного судопроизводства и его различных форм. Для эффективного контроля над терроризмом на уровне государственных структур требуется наличие программы, направленной на противодействие правонарушениям террористического характера, которая должна содержать ключевые компоненты [6]:

1) органы государственной безопасности, правоохранительные и следственные органы, надзорные и судебные органы должны сотрудничать друг с другом и совместно реализовывать государственную политику по противодействию преступлениям террористической направленности.

2) предупреждение преступлений коррупционной направленности в правоохранительных органах, занимающихся лицензионно-разрешительной работой, охраной общественного порядка, дознанием и следствием.

3) контроль за оборотом всех видов вооружений, более тщательная проверка соискателей на получение лицензии на оружие среди лиц, которые недавно получили гражданство Российской Федерации;

4) контроль за незаконной миграцией, в частности из стран средней Азии и Украины;

5) разработка просветительских программ для населения, с целью помощи выявления преступлений террористической направленности и разработка основ безопасного поведения граждан в случае террористического акта, а также в случаях, если они оказались свидетелями террористического преступления.

6) полная защита всех свидетелей, потерпевших сотрудников правоохранительных органов и органов безопасности, судей при расследовании преступлений террористической направленности, а равно создание полноценной программы защиты свидетелей;

7) создание руководящих принципов для СМИ в целях избежания создания неоправданных сенсаций и пресечения оправдания террористов и их противоправных действий;

8) Взаимодействие с другими государствами, с целью пресечения и профилактики преступлений террористической направленности [9].

Результаты

Органам государственной безопасности Российской Федерации необходимо также обратить внимание на противодействие террористической угрозе на международном уровне и пресекать въезд террористов и радикально настроенных элементов на территорию Российской Федерации. После начала военного конфликта в чеченской республике, на территорию Российской Федерации въехало большое количество боевиков преимущественно из исламских стран: Саудовской Аравии, Иордании, Азербайджана, Ирака, Таджикистана и многих других в качестве военных советников и для участия в боевых действиях против российской армии, подготовки и осуществления террористических актов в российских городах. Ярким примером может послужить Амир ибн аль Хаттаб-арабских террорист и наемник, который прибыл на территорию Российской Федерации из Саудовской Аравии для участия в боевых действиях против российской армии в качестве полевого командира. В 2002 году, совместными усилиями Федеральной службы безопасности Российской Федерации и разведывательных подразделений специального назначения Министерства обороны Российской Федерации, удалось выйти на след арабского террориста Амира ибн аль Хаттаба и в дальнейшем провести успешную операцию по его ликвидации. На стороне боевиков также воевали наемники выходцы из стран Украины, Молдавии, Латвии, Эстонии, Литвы и многих других стран бывшего Советского союза [5].

Органам государственной безопасности Российской Федерации удалось своевременно ликвидировать или задержать некоторых иностранных боевиков, принимавших участие в боевых действиях на территории Российской Федерации и совершавших теракты в российских городах, но большое количество террористов как иностранных, так и граждан Российской Федерации до сих укрываются в других странах преимущественно в Европейском Союзе, власти которых считают террористов так называемыми «борцами за независимость» и предоставляют им политическое убежище на своей территории. Для того, чтобы террористы и радикальные элементы из стран ближнего и дальнего зарубежья не попадали на территорию Российской Федерации, а также не могли уйти от ответственности за совершенные террористические преступления прошлых лет, органам государственной безопасности, правоохранительным и следственным органам необходимо осуществлять тщательный контроль всех лиц из развивающихся стран, въезжающих на территорию Российской Федерации, а также расследовать и привлекать к ответственности всех лиц, которые когда либо были причастны к террористическим преступлениям, а также к финансированию террористической деятельности.

Обсуждение

Методами принятия НПА в сфере противодействия терроризму осуществляется непосредственно правовой надзор за преступлениями террористической направленности. Основу системы обеспечения национальной безопасности России составляют органы, силы и средства, осуществляющие политические, экономические, военные и другие меры, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства. Полномочия органов и сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также их состав и структура определяются соответствующими законодательными актами. Противодействие террористической угрозе, обязует государство использовать весь комплекс политических и экономических мероприятий. Специальная целенаправленная программа необходима для противодействия террористической угрозам. Она должна включать в себя [2]:

1. Полный контроль и разработку новых методов для контроля за миграцией;
2. создание новой программы противодействия террористической угрозе в условиях глобализационных изменений;
3. разработка программ по созданию принципиально новой системы информации для противодействия террористическим преступлениям на национальном и международном уровне;
4. полное взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступлениями коррупционной направленности и преступлениями террористической характера;
5. ужесточение санкций и привлечение к ответственности любого лица, включая официальных представителей, участвующих в финансировании, поддержке или содействии террористической активности, а также в процессе легализации пребывания террористов на территории России.

При обсуждении противодействия коррупционным элементам в контексте борьбы с террористической опасностью, необходимо акцентировать внимание на активность «национальных общин» в России. Нередко представители этих групп вовлечены в процессы нелегального нахождения иностранных граждан на территории России, используя свою коррупционную сеть в местных властных структурах. Это способствует укреплению и распространению коррупционных механизмов, ослабляющих основы национальной безопасности [12].

Во время проведения специальной военной операции и попытками западных стран изолировать и расшатать безопасность нашей страны, придерживаясь принципа равенства всех перед законом, необходимо контролировать деятельность таких организаций, органам государственной безопасности прекращать деятельность экстремистских и террористических организаций, а ведомственным органам собственной безопасности, а так же надзорным органам в лице прокуратуры, осуществлять особый контроль за деятельностью сотрудников и предотвращать любые попытки виновных и подозреваемых лиц скрыться от правосудия.

Заключение

В заключении следует отметить, что политика Российской Федерации в сфере противодействия терроризму должна регулярно обновляться и развиваться с каждым годом, так как в условиях глобализации современного мира, террористы изобретают новые методы для своей противоправной деятельности и бросают новые вызовы всему цивилизационному обществу. Важнейшими направлениями противодействия террористической угрозе являются усиление контроля за миграционными процессами, предотвращение финансирования террористических группировок, модернизация антитеррористических подразделений, а также совершенствование нормативной базы. Особое внимание уделяется разработке новых стратегий профилактики, информационному противодействию террористической идеологии и международному сотрудничеству в данной сфере. Эффективная борьба с терроризмом возможна лишь при комплексном применении политических, правовых, экономических и силовых мер. Государственная стратегия в данной области должна учитывать современные вызовы и тенденции развития преступных организаций, обеспечивая высокий уровень защиты граждан и национальной безопасности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 10.03.2006. – № 48.
3. Вершицкая Г.В. Особенности противодействия терроризму в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – № . 2. – С. 34–40.
4. Жилина В. А., Васильев А.М. Терроризм как угроза национальной безопасности // Вестник науки и творчества. – 2024. – № . 5. – С. 30–33.
5. Карпусь Д. В., Николенко И.С. Опыт вооружённых сил Российской Федерации в борьбе с террористами и экстремистами // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе. – 2022. – С. 78–87.
6. Молдажиев А.И. Законодательные меры и политика борьбы с терроризмом // Архонт. – 2024. – Т. 42. – № . 3. – С. 36–40.
7. Румянцев Н.В. Противодействие правоохранительными органами экстремистской и террористической угрозам, как фактор обеспечения безопасности государства: организационно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № . 3. – С. 185–189.
8. Тестова С.М. История терроризма в России // Наука и молодежь. – 2023. – С. 71–74.
9. Тиунов О. И., Манов Б.Г. Правовая матрица противодействия терроризму // Журнал российского права. – 2008. – № . 8. – С. 164–167.
10. Чернышева Ю. А., Мирончуковская В.В. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № . 3. – С. 113–117.
11. Шушунов А.С. Возникновение и развитие терроризма в истории России на разных этапах ее становления. отличие терроризма и террористического акта // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. – № . 1 (82). – С. 402–412.
12. В Сыктывкаре задержали членов азербайджанской диаспоры // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bnkomi.ru/data/news/162990/ (дата обращения: 01.03.2025).

COUNTERING TERRORISM AS A PRIORITY TASK OF STATE POLICY

Nikitin K.A.

North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The research is devoted to the analysis of the counter-terrorism system, consideration of the regulatory framework, institutional mechanisms and modern methods of ensuring national security. The paper provides a historical overview of the fight against terrorist threats, identifies key trends in their evolution, and examines measures taken by government agencies. The article examines the legal aspects of countering terrorist activities, the effectiveness of legislative initiatives and their impact on reducing threats. The analysis of the activities of special forces aimed at preventing and suppressing terrorist crimes is carried out. The issues of international cooperation in this field are highlighted, examples of interaction between law enforcement agencies and special services of various countries are considered.

The need for a comprehensive approach to countering terrorism, including legal, organizational and operational measures, has been identified. The prospects of introducing modern digital technologies into the security system, including automated monitoring and analytics systems, are considered. The importance of preventive measures aimed at minimizing social and economic factors contributing to the spread of the ideology of terrorism was noted. The directions of improving international cooperation in the framework of ensuring global security are highlighted.

Keywords: Terrorism, national security, counter-terrorism, legal regulation, special forces, international cooperation, anti-terrorist measures.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Federal Law of 06.03.2006 N 35-FZ (as amended on 28.02.2025) “On Counteracting Terrorism” // Rossiyskaya Gazeta. – 10.03.2006. – No. 48.
3. Vershitskaya G.V. Features of Counteracting Terrorism in the Russian Federation // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2024. – Vol. 24. – No. 2. – P. 34–40.
4. Zhilina V. A., Vasiliev A.M. Terrorism as a threat to national security // Bulletin of science and creativity. – 2024. – No. 5. – P. 30–33.
5. Karpus D. V., Nikolenko I.S. Experience of the Armed Forces of the Russian Federation in the fight against terrorists and extremists // Actual problems of countering extremism and terrorism at the present stage. – 2022. – P. 78–87.
6. Moldaziyev A.I. Legislative measures and policy to combat terrorism // Arkhont. – 2024. – V. 42. – No. 3. – P. 36–40.
7. Rumyantsev N.V. Counteraction of extremist and terrorist threats by law enforcement agencies as a factor in ensuring state security: organizational and legal aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3. – P. 185–189.
8. Testova S.M. History of terrorism in Russia // Science and Youth. – 2023. – P. 71–74.
9. Tiunov O. I., Manov B.G. Legal matrix of counteraction to terrorism // Journal of Russian law. – 2008. – No. 8. – P. 164–167.
10. Chernysheva Yu. A., Mironchukovskaya V.V. Terrorism as a threat to national security of the Russian Federation // Education. Science. Scientific personnel. – 2024. – No. 3. – P. 113–117.
11. Shushunov A.S. The emergence and development of terrorism in the history of Russia at different stages of its formation. difference between terrorism and terrorist act // Bulletin of science. – 2025. – Vol. 4. – No.. 1 (82). – P. 402–412.
12. Members of the Azerbaijani diaspora were detained in Syktyvkar // [Electronic resource]. Access mode: https://www.bnkomi.ru/data/news/162990/ (date of access: 01.03.2025).